

STUDIA
ROSSICA
GEDANENSIA

2/2015

Studia Rossica Gedanensia

2

Redakcja / Редакция / Edited by
Ewa Konefał, Wanda Stec & Katarzyna Wojan

REDAKTOR NACZELNA / EDITOR-IN-CHIEF

Dr hab. Katarzyna Wojan (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY / EDITORIAL BOARD

Prof. UG dr hab. Żanna Śladkiewicz (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — zastępca redaktora naczelnego / deputy editor-in-chief

Dr Wanda Stec (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — zastępca redaktora naczelnego / deputy editor-in-chief

Dr Ewa Konefał (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — sekretarz / secretary

Dr Radosław Kaleta (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland) — asystent redakcji / editorial assistant

Mgr Marta Noińska (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — asystent redakcji / editorial assistant

Dr Michał Golubiewski (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — redaktor językowy, język angielski / language editor, English

Dr Tatiana Kopac (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — redaktor językowy, język rosyjski / language editor, Russian

Dr Sylwia Karpowicz-Słowikowska (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — redaktor językowy, język polski / language editor, Polish

Bogna Wojan (Politechnika Gdańska, Polska / Gdańsk University of Technology, Poland) — redaktor techniczny / technical editor

KRONIKA / CHRONICLE

Edited by Katarzyna Wojan & Grzegorz Ojcewicz

Fotografie pochodzą ze zbiorów prywatnych / The pictures come from the private collections of Franciszek Apanowicz, Marcelina Grabska, Danuta Stanulewicz, Lucyna Szczukowska, Bogusław Żyłko

PROJEKT GRAFICZNY OKŁADKI / COVER DESIGN

Ekaterina Kaleta

Na okładce: fragment obrazu Wiktora M. Wasniecowa *Rycerz na rozdrożu* (*Витязь на распутье*) (1882), olej, płótno, 167 x 308 cm, Państwowe Muzeum Rosyjskie w Petersburgu / On the cover: a detail of the painting *The knight at the crossroads* by Viktor M. Vasnetsov (1882), oil on canvas, 167 x 308 cm, The State Russian Museum, St. Petersburg.

SKŁAD I ŁAMANIE / COMPUTER-AIDED COMPOSITION

Dorota Biniakiewicz

Skład w systemie / Typesetting in the system: InDesign

© Copyright by the Authors and Editorial Board

Printed in Poland

ISSN 2392-3644 (online)

ISSN 2449-6715 (print)

Publikacja finansowana ze środków na utrzymanie potencjału badawczego Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego.

This journal is sponsored by the Faculty of Languages, University of Gdańsk.

ADRES REDAKCJI / EDITORIAL BOARD OFFICE

Redakcja „Studia Rossica Gedanensia”

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej / Institute of East Slavic Philology

Wydział Filologiczny / Faculty of Languages

Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland

e-mail: finkw@univ.gda.pl; filzs@ug.edu.pl

WYDAWCA / PUBLISHER

Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk

Wydział Filologiczny / Faculty of Languages

ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland

Tel. / Phone +48 58 523 30 01

DRUK I OPRAWA / PRINTING AND BINDING

Zakład Poligrafii / Printing Plant

Wydział Ekonomiczny / Faculty of Economics

Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk

ul. Armii Krajowej 119/121, PL 81-824 Sopot, Poland

Tel. / Phone +48 58 523 14 49, +48 58 523 13 50

Fax: +48 58 551 05 32

Interdyscyplinarne czasopismo naukowe gdańskich rusycystów. Podejmuje zagadnienia związane z językiem, literaturą, kulturą i historią Rosji, a także komparatystyką. Ukazuje się raz w roku w wersji elektronicznej i drukowanej. Wersją referencyjną jest wersja elektroniczna.

Do druku przyjmowane są teksty w języku polskim, rosyjskim i angielskim. Redakcja zastrzega sobie prawo redagowania tekstów. Wszystkie prace nadesłane do redakcji są poddawane anonimowej procedurze recenzyjnej. Prace należy przesłać zgodnie z Wytocznymi dla autorów umieszczonymi na stronie internetowej naszego rocznika.

An interdisciplinary periodical published by scholars in Russian studies in Gdańsk. Devoted to issues connected with Russian language, literature, culture and history, as well as with comparative studies. Published once a year. *Studia Rossica Gedanensia* is published in print and online. The online version is the primary one.

Articles in Polish, Russian and English are accepted. The Editorial Board reserves the right to have the texts edited. Each paper submitted to the Editorial Board is subject to an anonymous review process. Papers are to be submitted in accordance with the Guidelines for Authors listed on the periodical's website.

STRONA INTERNETOWA / HOMEPAGE

<<http://cwf.ug.edu.pl/ojs/index.php/SRG>>

PISMO REFEROWANE I INDEKSOWANE W BAZACH / ABSTRACTED AND INDEXED BY THE INTERNATIONAL DATABASES

ARIANTA (Naukowe i Branżowe Polskie Czasopisma Elektroniczne)

<www.ariantapl.pl>

BazHum (Baza Bibliograficzna Czasopism Humanistycznych i Społecznych)

<www.bazhum.pl>

CEJSH (The Central European Journal of Social Sciences and Humanities)

<<http://cejsh.icm.edu.pl>>

Expertus Bibliografia Publikacji Pracowników, Doktorantów i Studentów UG

<<http://expertus.bg.univ.gda.pl>>

PBN (Polska Bibliografia Naukowa / Polish Scholarly Bibliography)

<<https://pbn.nauka.gov.pl>>

Google Scholar <<https://scholar.google.pl/>>

Institut Filologii Wschodniosłowiańskiej, Wydział Filologiczny
Uniwersytet Gdański, Polska

Институт восточнославянской филологии, Филологический факультет
Гданьский университет, Польша

Institute of East Slavic Philology, Faculty of Languages
University of Gdańsk, Poland

Studia Rossica Gedanensia

2

Redakcja / Редакция / Edited by
Ewa Konefał, Wanda Stec & Katarzyna Wojan

Gdańsk 2015

RADA NAUKOWA / ADVISORY EDITORIAL BOARD

Prof. UG, dr hab. Marcelina Grabska (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — przewodnicząca / chair

Prof. dr hab. Franciszek Apanowicz (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Prof. dr hab. Valentina N. Avramova / Валентина Н. Аврамова (Uniwersytet Konstantyna Presławskiego w Szumen, Bułgaria, Prezydium MAPRYAL / University of Shumen Episkop Konstantin Preslavski, Bulgaria, Presidium of MAPRYAL)

Prof. dr hab., dr h.c. UMK Andrzej Bogusławski (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska Akademia Umiejętności, Polska) / University of Warsaw, Polish Academy of Arts and Sciences, Poland)

Doc. dr Ludmila Chernyshova / Людмила В. Чернышова (Miński Państwowy Uniwersytet Lingwistyczny, Białoruś / Minsk State Linguistic University, Belarus)

Prof. dr hab. Leonarda Dacewicz (Uniwersytet w Białymstoku, Polska / University of Białystok, Poland)

Prof. dr hab. Volodymyr V. Dubichynskij / Владимир В. Дубичинский (Narodowy Uniwersytet Techniczny, Charkowski Instytut Politechniczny, Ukraina / National Technical University, Kharkiv Polytechnic Institute, Ukraine)

Prof. dr hab. Ivan A. Esaulov / Иван А. Есаулов (Instytut Literacki im A.M. Gorkiego w Moskwie, Rosja / Maxim Gorky Literature Institute, Russia)

Prof. dr hab. Tatyana M. Grigoryeva / Татьяна М. Григорьева (Sybirski Uniwersytet Federalny w Krasnojarsku, Rosja / Siberian Federal University, Russia)

Prof. dr hab. Jerzy Kaliszczan (prof. em., Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland)

Dr Ihar L. Kapylau / Игорь Л. Копылов (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Prof. KUL, dr hab. Hubert Łaskiewicz (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland)

Prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Valentina A. Maslova / Валентина А. Маслова (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś / Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus)

Prof. UG, dr hab. Elżbieta Mikiciuk (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Prof. dr hab. Valery M. Mokiенko / Валерий М. Мокиенко (Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja / Saint Petersburg State University, Russia)

Prof. dr hab. Aleksandr V. Motorin / Александр В. Моторин (Państwowy Uniwersytet Nowogrodzki im. Jarosława Mądrogo, Rosja / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Prof. dr hab. Zbigniew Opacki (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Doc. dr Ludmila V. Rychkova / Людмила В. Рычкова (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupały, Białoruś / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

Prof. dr hab. Tatyana E. Shapovalova / Татьяна Е. Шаповалова (Państwowy Regionalny Uniwersytet Moskiewski, Rosja) / Moscow State Regional University, Russia)

Prof. UW, dr hab. Dorota Urbanek (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Jan Wawrzyńczyk (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Georgi Viktorovich Vekshin / Георгий В. Векшин (Moskiewski Państwowy Uniwersytet Wydawniczo-Poligraficzny im. Iwana Fiodorowa, Rosja / Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov, Russia)

Prof. dr hab. Bogusław Żyłko (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

RECENZENCI / REVIEWERS

Prof. dr hab. Anna Bednarczyk (Uniwersytet Łódzki, Polska / University of Lodz, Poland)

Doc. dr Irina V. Budko / Ирина В. Будько (Białoruski Narodowy Uniwersytet Techniczny, Mińsk, Białoruś / Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus)

Prof. UP, dr hab. Halina Chodurska (Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie, Polska / Pedagogical University in Cracow, Poland)

Prof. dr José Luis Gómez Urdáñez (Uniwersytet La Rioja, Logroño, Hiszpania / University of La Rioja, Logroño, Spain)

Dr Serhei L. Haranin / Сергей Л. Гаранин (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Dr Serhei V. Hruntov / Сергей В. Грунтов (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Doc. dr Elena A. Kazantseva / Елена А. Казанцева (Białoruski Uniwersytet Państwowy w Mińsku, Białoruś / Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Dr Veranika N. Kurtsova / Вераника Н. Курцова (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Dr Elena N. Laptенок / Елена Н. Лаптенок (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Prof. dr hab. Jolanta Mędelaska (Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska / Kazimierz Wielki University, Poland)

Prof. KUL, dr hab. Maria Mocarz-Kleindienst (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland)

Dr hab. Andrzej Narloch (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland)

Dr Piotr Koprowski (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Prof. UWM, dr hab. Iwona Anna NDiaye (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

Dr hab. Grzegorz Ojcewicz (b. prof. UWM, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, Olsztyn, Polska / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

SPIS TREŚCI

STUDIA I ARTYKUŁY JĘZYKOZNAWSTWO

Tatyana M. Grigoryeva NOTATKI Z CHWILI. ROSYJSKA KULTURA EPISTOLARNA W CZERAZ I DZIŚ.....	23
Svetlana V. Korostova KONCEPTY EMOCJI W KULTURZE JĘZYKA ROSYJSKIEGO.....	34
Iya V. Nechaeva WSPÓŁCZESNA ORTOGRAFIA ROSYJSKA. DOGMAT I INNOWACJE	47
Vladimir N. Shaposhnikov PREDYKATYW „BYŁO” WE WSPÓŁCZESNYM JĘZYKU ROSYJSKIM. NORMA WYRAŻENIA I GRANICE NORMY.....	60
Yulia V. Tufanova TYPOLOGIA ŚRODKÓW NIEWERBALNYCH W ZACHOWANIACH PARTNERÓW W SYTUACJI KOMUNIKACYJNEJ PRZEPROSIN	73
Katarzyna Wojan POCZĄTKI PIŚMIENNICTWA STAROPERMSKIEGO. STEFANOWSKI ANBUR (ABUR) JAKO JEDEN Z NAJSTARSZYCH ZABYTEKÓW URALSKICH.....	89

KOMPARATYSTYKA JĘZYKOZNAWCZA

Inna Yu. Samoylova PORTRET CZASOWNIKA IGRAT” W ZWIERCIADLE JĘZYKÓW (NA MATERIALE JĘZYKA ROSYJSKIEGO, BIAŁORUSKIEGO I ANGIELSKIEGO)	111

JĘZYKOZNAWSTWO KORPUSOWE

Vitaly A. Nuriev, Olga A. Petrushkina, Evgenia A. Roganova, Elizaveta S. Spiridonova TAKSONOMIA I OPIS WYKŁADNIKÓW NIEOKREŚLONOŚCI W JĘZYKU ROSYJSKIM NA MATERIALE KORPUSU RÓWNOLEGŁEGO	125

GLOTTODYDAKTYKA

Irina G. Kraskovskaya „KARAOKE PO ROSYJSKU” JAKO JEDNA Z METOD W ĆWICZENIACH WYMOWY WŚRÓD OBCOKRAJOWCÓW	137

Natalia G. Muzychenko, Tatyana V. Cherkes	
MODELE CZASOWNIKÓW W NAUCZANIU JĘZYKA ROSYJSKIEGO JAKO OBCEGO.....	147

LITERATUROZNAWSTWO

Daniel Banasiak	
RYTMY WIELKIEGO MIASTA (<i>SYMFONIA DNIA MIEJSKIEGO</i> DANIŁA ANDRIEJEWĄ)	167
Piotr Koprowski	
RECEPCJA HEGLIZMU W ROSJI NA PRZEŁOMIE LAT TRZYDZIESTYCH I CZTERDZIESTYCH	
XIX WIEKU (WISSARION BIELIŃSKI, ALEKSANDER HERCEN, IWAN TURGIENIEW)	180
Ludmiła Łucewicz	
LITERACKA SPOWIEDŹ MIKOŁAJA GOGOLA JAKO PRÓBA „BUDOWANIA DUSZY”	
(W ŚWIETLE BIOGRAFICZNEJ KONCEPCJI JU. M. ŁOTMANA)	196
Inessa Morozova	
TRANSFORMACJA ŚWIADOMOŚCI MORALNEJ W LITERATURZE	
PRZEŁOMU XX I XXI WIEKU	206
Siarhei A. Padsasonny	
DOSTOJEWSKI — HUXLEY — WSPÓŁCZESNOŚĆ. ANTYUTOPIA W DZIAŁANIU.....	221
Rusłan Szoszyn	
„TRAGICZNY ALGORYTM” KRYZYSU UKRAIŃSKIEGO W PUBLICYSTYCE	
ALEKSANDRA PROCHANOWA.....	237

KOMPARATYSTYKA LITERACKA

Denys Chyk	
STEREOTYP ŻYDA W UKRAIŃSKIEJ I ANGIELSKIEJ POWIEŚCI HISTORYCZNEJ	
PIERWSZEJ POŁOWY XIX WIEKU	267
Olga Chyk	
CECHY TYPOLOGICZNE FUNKCJONOWANIA MOTYWU INICJACJI W UKRAIŃSKIEJ	
I NIEMIECKOJĘZYCZNEJ POWIEŚCI EDUKACYJNEJ DRUGIEJ POŁOWY XIX WIEKU.....	279

PRZEKŁADOZNAWSTWO

Ludmila V. Kushnina	
O KOGNITYWNYCH MECHANIZMACH PRZEKŁADU.....	291

FILOLOGIA ŚLEDcza

Grzegorz Ojcewicz	
Z FILOLOGII ŚLEDczej. DIALOG FILMOWY JAKO ŹRÓDŁO WIEDZY O PRZESTĘPSTWIE.....	303

KULTUROZNAWSTWO

Elena V. Burovskaya, Aleksandra Wierucka	
WSPÓŁCZESNE PRZEMIANY W KULTURZE BURIATÓW NA WYSPIE OLCHON.....	333

HISTORIA

Yury A. Borisyonok	
CARAT BIAŁY = CARAT CZERWONY. JAN KUCHARZEWSKI I JEGO INTERPRETACJA	
HISTORII ROSJI.....	347

Cezary Taracha

SEKRETY AMBASADY HISZPAŃSKIEJ W ROSJI. MATRYCA SZYFROWA KSIĘCIA DE LIRIA Z 1727 ROKU	358

BIBLIOGRAFIE

Katarzyna Wojan

POLSKA LEKSYKOGRAFIA TERMINOLOGICZNA Z KOMPONENTEM ROSYJSKIM Z DZIEDZINY NAUK PRAWNYCH. BIBLIOGRAFIA SŁOWNIKÓW WYDANYCH W LATACH 1803–2014	371

Katarzyna Wojan

Z INFORMACJI NAUKOWEJ — <i>ROSSICA I SOVIETICA</i> W BIBLIOGRAFII PIŚMIENICTWA POLSKIEGO. BIBLIOGRAFICZNA BAZA DANYCH ZA LATA 1862–2015	397

RECENZJE

Л.П. Иванова. <i>Микросоциум в дискурсивном аспекте</i> (<i>воспитательный потенциал семьи</i>). Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015, ss. 84 (<i>Natalya N. Syromlya</i>).....	433

Imiona komunikacji językowej czyli demakijażowanie sensów.

Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Marcelinie Grabskiej.

Red. Katarzyna Wojan, Żanna Śladkiewicz, Anna Hau, Katarzyna Wądołowska-Lesner. Gdańsk:

Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, ss. 360 (<i>Grzegorz Ojcewicz</i>)	437

Ксения Кривошеина. *Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней.* Москва:

Издательство «Эксмо», 2015, ss. 696 (<i>Grzegorz Ojcewicz</i>)	441

Г.А. Малютин. *Польский вопрос в русской общественно-политической**мысли в 1830-е – начале 1860-х гг.* Москва — Санкт-Петербург: Нестор-История,

2013, ss. 206 (<i>Zbigniew Opacki</i>)	446

KRYTYKA FILMOWA

Liliana Kalita

TEST NA CZŁOWIECZEŃSTWO. <i>DUREŃ</i> JURIIJA BYKOWA.....	455

KRONIKA

JUBILEUSZ DOKTORA STANISŁAWA ULASZKA

Katarzyna Wojan

DOKTOR STANISŁAW ULASZEK. ARTYSTA — NAUCZYCIEL — TŁUMACZ.

LAUDACJA Z OKAZJI JUBILEUSZU 45-LECIA PRACY AKADEMICKIEJ	463

Marcelina Grabska

STANISŁAW ULASZEK, CZYLI ETOS NAUCZYCIELA	478

Andrzej Pisowicz

PONAD MURAMI DZIELĄCYMI DWA KRAJE POŁUDNIOWEGO KAUKAZU.....	485

Krystyna Szcześniak

SŁÓW KILKA O STANISŁAWIE, NIEKONIECZNIE O ULASZKU	487

Katarzyna Wojan

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRZEKŁADÓW STANISŁAWA ULASZKA	492

Aleksandr Romanowski

BOŻA PRZESTROGA (INSKRYPCJA NA KRZYŻU).

Z ROSYJSKIEGO PRZEŁOŻYŁ STANISŁAW ULASZEK..... 495

Św. Matka Maria (Jelizawieta Skobcowa, 1891–1945).

NIE ODPUSZCZAJ MI MOICH GRZECHÓW.

Z ROSYJSKIEGO PRZEŁOŻYŁ GRZEGORZ OJCEWICZ 497

JUBILEUSZ MAGISTER LUCYNY SZCZUKOWSKIEJ

Katarzyna Wądołowska-Lesner

JUBILEUSZ 50-LECIA PRACY DYDAKTYCZNEJ MAGISTER LUCYNY SZCZUKOWSKIEJ 503

Katarzyna Wądołowska-Lesner i Katarzyna Wojan

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRAC MAGISTER LUCYNY SZCZUKOWSKIEJ 508

PIĄTA ROCZNICA ŚMIERCI DOKTORA ZBIGNIEWA ŻAKIEWICZA

Franciszek Apanowicz

ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ — RUSYCYSTA. UWAGI I WSPOMNIENIA

W PIĄTĄ ROCZNICĘ ŚMIERCI 513

Bogusław Żyłko

PODRÓŻ(E) NA KRESY ZE ZBIGNIEWEM ŻAKIEWICZEM 524

Małgorzata Czermińska

ŻAKIEWICZ JEDEN A DWOISTY (WSPOMNIENIE)..... 537

Grzegorz Ojcewicz

KWADRAT ZBIGNIEWA ŻAKIEWICZA 540

Katarzyna Wojan

BIBLIOGRAFIA DOROBKU LITERACKIEGO I NAUKOWEGO ZBIGNIEWA ŻAKIEWICZA 553

SPRAWOZDANIA

Żanna Sładkiewicz

PODWÓJNY JUBILEUSZ PROFESOR MARCELINY GRABSKIEJ..... 603

Katarzyna Wojan

PIĘTNAŚCIE LAT ISTNIENIA STUDENCKIEGO KOŁA NAUKOWEGO RUSYCYSTÓW

TRANSLATORYKÓW I LEKSYKOGRAFÓW „TRANSLATIONIS” 608

Katarzyna Wądołowska-Lesner

KILKA SŁÓW O MIĘDZYKRAJOWEJ OLIMPIADZIE JĘZYKA ROSYJSKIEGO,

LITERATURY I KULTURY 612

O AUTORACH (*OPRAC. KATARZYNA WOJAN, WANDA STEC, EWA KONEFAŁ*) 615

WYTYCZNE DLA AUTORÓW 636

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Татьяна М. Григорьева «ЗАПИСКИ О КОРОТКОМ ВРЕМЕНИ». РУССКАЯ ЭПИСТОЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	23
Светлана В. Коростова КОНЦЕПТЫ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	34
Ия В. Нечаева СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ. ДОГМА И ИННОВАЦИИ	47
Владимир Н. Шапошников ПРЕДИКАТИВНОЕ СЛОВО «БЫЛО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. НОРМА ВЫРАЖЕНИЯ И ГРАНИЦЫ НОРМЫ	60
Юлия В. Туфанова СИСТЕМАТИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПАРТНЕРОВ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ИЗВИНЕНИЯ	73
Катажина Воян НАЧАЛО ДРЕВНЕПЕРМСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. СТЕФАНОВСКИЙ АНБУР (АБУР) КАК ОДИН ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ	89

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Инна Ю. Самойлова ПОРТРЕТ ГЛАГОЛА <i>ИГРАТЬ</i> В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	111

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Виталий А. Нуриев, Ольга А. Петрушкина, Евгения А. Роганова, Елизавета С. Спиридонова ТАКСОНОМИЯ И ОПИСАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА	125

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Ирина Г. Красковская «КАРАОКЕ ПО-РУССКИ» КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ РАБОТЫ НАД ФОНЕТИКОЙ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ	137

Наталья Г. Музыченко, Татьяна В. Черкес ГЛАГОЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	147

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Даниэль Банасяк РИТМЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА (СИМФОНИЯ ГОРОДСКОГО ДНЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА) ...	167
Петр Копровский ВОСПРИЯТИЕ ГЕГЕЛЬЯНСТВА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ ТРИДЦАТЫХ И Сороковых ГОДОВ XIX ВЕКА (ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ, АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН, ИВАН ТУРГЕНЕВ) ...	180
Людмила Луцевич ПИСАТЕЛЬСКАЯ ИСПОВЕДЬ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ КАК ОПЫТ «ВНУТРЕННЕГО СТРОЕНИЯ» (В СВЕТЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю.М. ЛОТМАНА)	196
Инесса Морозова ТРАНСФОРМАЦИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.	206
Сергей А. Подсосонный ДОСТОЕВСКИЙ — ХАКСЛИ — СОВРЕМЕННОСТЬ. АНТИУТОПИЯ В ДЕЙСТВИИ	221
Руслан Шошин «ТРАГИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ» УКРАИНСКОГО КРИЗИСА В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА	237

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Денис Чик СТЕРЕОТИП ЕВРЕЯ В УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	267
Ольга Чик ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОТИВА ИНИЦИАЦИИ В УКРАИНСКОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ ВОСПИТАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	279

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Людмила В. Кушнина О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ПЕРЕВОДА	291

СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Гжегож Ойцевич ИЗ СЛЕДСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ. ФИЛЬМОВЫЕ ДИАЛОГИ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ	303

КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ

Елена В. Буровская, Александра Веруцка СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОЛЬХОНЕ	333

ИСТОРИЯ

Юрий А. Борисёнок ЦАРИЗМ БЕЛЫЙ = ЦАРИЗМ КРАСНЫЙ. ЯН КУХАЖЕВСКИЙ И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ	347

Цезары Тараха

- СЕКРЕТЫ ПОСОЛЬСТВА ИСПАНИИ В РОССИИ.
ШИФРОВАЛЬНАЯ МАТРИЦА ГЕРЦОГА ДЕ ЛИРИА ОТ 1727 ГОДА 358

БИБЛИОГРАФИИ

Катажина Воян

- ПОЛЬСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКSIKОГРАФИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВОВЕДЕНИЯ
И ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН С РУССКИМ ЯЗЫКОВЫМ КОМПОНЕНТОМ.
БИБЛИОГРАФИЯ СЛОВАРЕЙ, ИЗДАННЫХ В 1803–2014 ГОДАХ 371

Катажина Воян

- ИЗ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ — *ROSSICA* И *SOVIETICA* В БИБЛИОГРАФИИ
ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ ЗА 1862–2015 ГОДЫ ... 397

РЕЦЕНЗИИ

- Л.П. Иванова. *Микросоциум в дискурсивном аспекте (воспитательный потенциал семьи)*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015, 84 с. (Наталья Н. Сыромля)..... 433
- Itiona komunikacji językowej czyli demakijażowanie sensów.*
Юбилейный том, посвященный Профессору Марцелине
Грабской. Ред. Katarzyna Wojan, Żanna Śladkiewicz, Anna Hau, Katarzyna Wądołowska-Lesner.
Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, 360 с. (Гжегож Ойцевич) 437
- Ксения Кривошеина. *Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней*. Москва:
Издательство «Эксмо», 2015, 696 с. (Гжегож Ойцевич)..... 441
- Г.А. Малютин. *Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг.* Москва — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013, 206 с. (Збигнев Опацки)..... 446

КИНОКРИТИКА

Лириана Калита

- ТЕСТ НА ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. ДУРАК ЮРИЯ БЫКОВА..... 455

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЙ КАНДИДАТА НАУК СТАНИСЛАВА УЛЯШЕКА

Катажина Воян

- ДОКТОР СТАНИСЛАВ УЛЯШЕК. АРТИСТ — УЧИТЕЛЬ — ПЕРЕВОДЧИК.
ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ К 45-ЛЕТИЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 463

Марцелина Грабска

- СТАНИСЛАВ УЛЯШЕК, ИЛИ УЧИТЕЛЬСКИЙ ЭТОС 478

Анджей Писович

- НАД СТЕНАМИ, РАЗДЕЛЯЮЩИМИ ДВЕ СТРАНЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА 485

Кристина Щесняк

- НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТАНИСЛАВЕ, НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОБ УЛЯШЕКЕ..... 487

Катажина Воян

- БИБЛИОГРАФИЯ ИЗБРАННЫХ ПЕРЕВОДОВ СТАНИСЛАВА УЛЯШЕКА 492

Александр Романовский БОЖЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ (НАДПИСЬ НА КРЕСТЕ). (ПЕРЕВОД С РУССКОГО ЯЗЫКА СТАНИСЛАВ УЛАЯШЕК)	495
Св. Мать Мария (Елизавета Скобцова, 1891–1945) МОИХ ГРЕХОВ НЕ ОТПУСКАЙ... (ПЕРЕВОД С РУССКОГО ЯЗЫКА ГЖЕГОЖ ОЙЦЕВИЧ)	497
ЮБИЛЕЙ МАГИСТРА ЛЮЦИНЫ ЩУКОВСКОЙ	
Катажина Вондоловска-Леснер ЮБИЛЕЙ 50-ЛЕТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАГИСТРА ЛЮЦИНЫ ЩУКОВСКОЙ	503
Катажина Вондоловска-Леснер, Катажина Воян ВИБЛИОГРАФИЯ ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ МАГИСТРА ЛЮЦИНЫ ЩУКОВСКОЙ	508
ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ КАНДИДАТА НАУК ЗБИГНЕВА ЖАКЕВИЧА	
Францишек Апанович ЗБИГНЕВ ЖАКЕВИЧ — РУСИСТ. ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ В ПЯТУЮ ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ	513
Богуслав Жилко ПУТЕШЕСТВИЕ(Я) НА ВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ ПОЛЬШИ СО ЗБИГНЕВОМ ЖАКЕВИЧЕМ	524
Малгожата Черминьска ЖАКЕВИЧ ОДИН, НО ДВОЙСТВЕННЫЙ (ВОСПОМИНАНИЕ)	537
Гжегож Ойцевич КВАДРАТ ЗБИГНЕВА ЖАКЕВИЧА	540
Катажина Воян БИБЛИОГРАФИЯ ИЗБРАННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И НАУЧНЫХ ТРУДОВ ЗБИГНЕВА ЖАКЕВИЧА	553
ОТЧЁТЫ	
Жанна Сладкевич ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА МАРЦЕЛИНЫ ГРАБСКОЙ	603
Катажина Воян 15 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО КРУЖКА РУСИСТОВ — ПЕРЕВОДЧИКОВ И ЛЕКСИКОГРАФОВ «TRANSLATIONIS»	608
Катажина Вондоловска-Леснер НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ОЛИМПИАДЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ	612
ОБ АВТОРАХ (СОСТ. КАТАЖИНА ВОЯН, ВАНДА СТЕЦ, ЭВА КОНЕФАЛ)	615
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	636

CONTENTS

STUDIES AND ARTICLES LINGUISTICS

- Tatyana M. Grigoryeva
'NOTES ON A SHORT MOMENT'. RUSSIAN EPISTOLARY CULTURE YESTERDAY AND TODAY..... 23
- Svetlana V. Korostova
CONCEPTS OF EMOTIONS IN RUSSIAN LANGUAGE CULTURE 34
- Iya V. Nechaeva
MODERN RUSSIAN ORTHOGRAPHY. DOGMA AND INNOVATIONS..... 47
- Vladimir N. Shaposhnikov
THE PREDICATIVE WORD 'BYLO' IN CONTEMPORARY RUSSIAN.
THE NORM OF EXPRESSION AND THE BOUNDARIES OF THE NORM 60
- Yulia V. Tufanova
A TYPOLOGY OF NON-VERBAL DEVICES IN THE BEHAVIOR OF PARTNERS
IN THE COMMUNICATIVE SITUATION OF APOLOGY 73
- Katarzyna Wojan
THE BEGINNINGS OF OLD PERMIAN WRITINGS. *ANBUR (ABUR)*
AS ONE OF THE OLDEST URALIAN SCRIPTS..... 89

COMPARATIVE LINGUISTICS

- Inna Yu. Samoylova
A PORTRAIT OF THE VERB *TO PLAY* IN THE MIRROR OF LANGUAGES (BASED
ON THE DATA FROM RUSSIAN, BELORUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES) 111

CORPUS LINGUISTICS

- Vitaly A. Nuriev, Olga A. Petrushkina, Evgenia A. Roganova, Elizaveta S. Spiridonova
PARALLEL CORPUS-BASED CLASSIFICATION AND DESCRIPTION
OF UNCERTAINTY MARKERS IN THE RUSSIAN LANGUAGE 125

LANGUAGE EDUCATION

- Irina G. Kraskovskaya
'KARAOKE IN RUSSIAN' AS A MEANS FOR FOREIGN STUDENTS TO IMPROVE
THEIR PRONUNCIATION SKILLS..... 137

Natalia G. Muzychenko, Tatyana V. Cherkes	
VERBAL MODELING IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEACHING EXERCISE	147

LITERARY STUDIES

Daniel Banasiak	
THE RHYTHMS OF THE BIG CITY (<i>SYMPHONY OF THE CITY'S DAY</i> BY DANIIL ANDREEV) ...	167
Piotr Koprowski	
RECEPTION OF THE CONCEPT OF HEGEL IN RUSSIA ON THE TURN OF THE THIRTIES AND FORTIES OF THE NINETEENTH CENTURY (VISSARION BELINSKY, ALEXANDER HERZEN, IVAN TURGENEV)	180
Ludmiła Łucewicz	
THE WRITER'S CONFESSION OF NIKOLAY GOGOL AS AN EXPERIMENT IN 'INNER COMPOSITION' (IN THE LIGHT OF J.M. LOTMAN'S CONCEPT OF BIOGRAPHY) ...	196
Inessa Morozova	
TRANSFORMATION OF THE MORAL CONSCIOUSNESS IN THE LITERATURE OF THE TRANSITION PERIOD	206
Siarhei A. Padsasonny	
DOSTOYEVSKY — HUXLEY — PRESENT TIME. DYSTOPIA IN ACTION	221
Ruslan Shoshyn	
'THE TRAGIC ALGORITHM' OF THE UKRAINIAN CRISIS IN ALEXANDER PROKHANOV SOCIOPOLITICAL JOURNALISM	237

COMPARATIVE LITERARY STUDIES

Denys Chyk	
THE STEREOTYPE OF THE JEW IN THE UKRAINIAN AND ENGLISH HISTORICAL NOVEL OF THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY	267
Olga Chyk	
THE TYPOLOGICAL FEATURES OF THE INITIATION MOTIF FUNCTIONING IN THE UKRAINIAN AND GERMAN BILDUNGSROMAN OF THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY	279

TRANSLATION STUDIES

Ludmila V. Kushnina	
ON THE COGNITIVE MECHANISMS OF TRANSLATION.....	291

INVESTIGATIVE PHILOLOGY

Grzegorz Ojcewicz	
FROM INVESTIGATIVE PHILOLOGY. FILM SCRIPT AS A SOURCE OF INFORMATION ON A CRIME	303

CULTURAL STUDIES

Elena V. Burovskaya, Aleksandra Wierucka	
MODERN TRANSFORMATIONS OF BURYAT CULTURE ON THE ISLAND OF OLKHON	333

HISTORY

- Yury A. Borisyonok
TSARISM WHITE = TSARISM RED. JAN KUCHARZEWSKI AND INTERPRETATION
OF RUSSIAN HISTORY 347
- Cezary Taracha
SECRETS OF THE SPANISH EMBASSY IN RUSSIA. THE CIPHER OF THE PRINCE
OF LIRIA FROM 1727 358

BIBLIOGRAPHIES

- Katarzyna Wojan
POLISH TERMINOLOGICAL LEXICOGRAPHY IN THE FIELD OF LEGAL SCIENCE
INCLUDING A RUSSIAN COMPONENT. A BIBLIOGRAPHY OF DICTIONARIES
PUBLISHED BETWEEN 1803–2014 371
- Katarzyna Wojan
ON SCHOLARLY INFORMATION — *ROSSICA* AND *SOVIETICA* IN THE BIBLIOGRAPHY
OF POLISH WRITINGS. BIBLIOGRAPHICAL DATABASE FOR THE YEARS 1862–2015 397

REVIEWS

- Л.П. Иванова. *Микросоциум в дискурсивном аспекте (воспитательный потенциал семьи)*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015, pp. 84 (*Natalya N. Syromlya*) 433
- Imiona komunikacji językowej czyli demakijażowanie sensów.*
Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Marcelinie Grabskiej.
Red. Katarzyna Wojan, Żanna Śładkiewicz, Anna Hau, Katarzyna Wądołowska-Lesner.
Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, pp. 360 (*Grzegorz Ojcewicz*) 437
- Ксения Кривошеина. *Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней.* Москва: Издательство «Эксмо», 2015, pp. 696 (*Grzegorz Ojcewicz*) 441
- Г.А. Малютин. *Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг.* Москва — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013, pp. 206 (*Zbigniew Opacki*) 446

FILM CRITICISM

- Liliana Kalita
A TEST IN HUMANITY. *THE FOOL* BY YURY BYKOV 455

CHRONICLE

ANNIVERSARY CELEBRATION FOR DR. STANISŁAW ULASZEK

- Katarzyna Wojan
DR. STANISŁAW ULASZEK. ARTIST — TEACHER — TRANSLATOR.
EULOGY FOR THE FORTY-FIFTH ANNIVERSARY OF HIS WORK AS A SCHOLAR 463
- Marcelina Grabska
STANISŁAW ULASZEK, OR THE ETHOS OF THE TEACHING PROFESSION 478

Andrzej Pisowicz

ABOVE THE WALLS SEPARATING TWO COUNTRIES OF THE SOUTHERN CAUCASUS	485
Krystyna Szcześniak	
A FEW WORDS ABOUT STANISŁAW, NOT NECESSARILY ABOUT ULASZEK	487
Katarzyna Wojan	
A SELECT BIBLIOGRAPHY OF TRANSLATIONS BY STANISŁAW ULASZEK	492
Aleksandr Romanovsky	
<i>GOD'S WARNING (THE INSCRIPTION ON THE CROSS).</i>	
TRANSLATED FROM RUSSIAN BY STANISŁAW ULASZEK	495
Mother Maria (Elizaveta Skobtsova, 1891–1945)	
<i>FORGIVE ME NOT MY TRESPASSES...</i>	
TRANSLATED FROM RUSSIAN BY GRZEGORZ OJCEWICZ	497
ANNIVERSARY CELEBRATION FOR LUCYNA SZCZUKOWSKA, MA	
Katarzyna Wądołowska-Lesner	
CELEBRATION OF 50 YEARS OF TEACHING BY LUCYNA SZCZUKOWSKA, MA	503
Katarzyna Wądołowska-Lesner, Katarzyna Wojan	
A BIBLIOGRAPHY OF SELECTED WORKS BY LUCYNA SZCZUKOWSKA	508
THE FIFTH ANNIVERSARY OF THE DEATH OF DR. ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ	
Franciszek Apanowicz	
ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ — SPECIALIST IN RUSSIAN STUDIES.	
REMARKS AND RECOLLECTIONS ON THE FIFTH ANNIVERSARY OF HIS DEATH	513
Bogusław Żyłko	
JOURNEY(S) TO THE EASTERN BORDERLANDS WITH ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ	524
Małgorzata Czermińska	
ŻAKIEWICZ — UNIQUE AND YET TWO-SIDED (A REMINISCENCE)	537
Grzegorz Ojcewicz	
THE SQUARE OF ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ	540
Katarzyna Wojan	
A BIBLIOGRAPHY OF LITERARY WORKS AND RESEARCH PAPERS BY ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ ...	553
REPORTS	
Żanna Śładkiewicz	
PROFESSOR MARCELINA GRABSKA. DOUBLE ANNIVERSARY CELEBRATION	603
Katarzyna Wojan	
FIFTEEN YEARS OF 'TRANSLATIONIS', THE SOCIETY OF RUSSIAN STUDENT TRANSLATORS AND LEXICOGRAPHERS	608
Katarzyna Wądołowska-Lesner	
A FEW WORDS ABOUT THE INTERNATIONAL CONTEST OF THE RUSSIAN LANGUAGE, LITERATURE AND CULTURE	612
ABOUT THE AUTHORS (<i>COMP. BY KATARZYNA WOJAN, WANDA STEC, EWA KONEFAŁ</i>)	615
GUIDELINES FOR AUTHORS	636

STUDIA I ARTYKUŁY
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ
STUDIES AND ARTICLES

JEZYKOZNAWSTWO
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

«ЗАПИСКИ О КОРОТКОМ ВРЕМЕНИ».
РУССКАЯ ЭПИСТОЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ТАТЬЯНА М. ГРИГОРЬЕВА

Сибирский федеральный университет
Факультет филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
пр. Свободный 82А, 660041 Красноярск, Россия
e-mail: annysten@yandex.ru
(получено 8.06.2015, принято 28.09.2015)

Abstract

«Notes on a short moment».

Russian epistolary culture yesterday and today

The article presents the main periods of development of Russian epistolary culture from Old Russia to modern times. The Author describes some selected aspects of birch bark manuscripts from the time of Kievan Russia, epistolary etiquette in the epoch of Peter I, letters to friends and women epistolary culture at the turn of the 19th century. There is also a brief description of writings of the Founding Fathers of the Orthodox Church and letters from the front. Selected negative aspects of contemporary electronic communication have been analysed. Letters are treated as a kind of testimony of their times, and the personal letter as a literary genre. The Author also pays attention to the role of the French language in correspondence.

Key words

Epistolary style, birch bark manuscripts, epistolography, personal correspondence, women correspondence, French language in correspondence, spiritual writings, letters from the front, electronic communication, letter as a literary genre.

Резюме

В работе представлены основные вехи истории русской эпистолярной культуры от периода Древней Руси до современности. Выявлены некоторые особенности берестяных грамот эпохи Киевской Руси, рассматриваются проявления эпистолярного политеса Петровской эпохи, дружеские письма и женская эпистолярная культура на рубеже XVIII–XIX веков. Письмо представляется как своеобразное свидетельство времени, освещается роль французского языка в переписке, а частное письмо представляется как факт литературы.

Духовные письма отцов церкви, фронтовые письма как особая страница русского эпистолярия получают краткое освещение. Подвергаются анализу отдельные негативные проявления современной электронной коммуникации. Дана информация об образовательном проекте «Живое письмо», который воскрешает память о состоянии русского языка и русской культуры прошлых лет.

Ключевые слова

Эпистолярный жанр, берестяные грамоты, письмовники, дружеские письма, особенности женского эпистолярия, французский язык в переписке, духовные письма, письма как факт литературы, фронтовые письма, общение в глобальной сети.

*Письма — больше, чем воспоминанья: в них
запеклась кровь событий, это — само
прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное.*

А.И. Герцен

Эпистолярный жанр как особая форма словесности восходит к слову эпистола (от греч. *epistole* — послание, письмо), а искусство создания письма со времен античности подчинялось четким требованиям стиля, соответствовало требованиям краткости и точности изложения. В работе *Античные теории эпистолярного стиля* Татьяна Адольфовна Миллер приводит фрагмент рассуждения римского ритора IV в. Юлия Виктора о первостепенном значении фактора адресата при создании письма:

Пусть письмо не будет шутливым, если оно пишется лицу вышестоящему, грубым — если равному, надменным — если подчиненному, неряшливо написанным — если ученому, невнимательно составленным — если неученому, пусть оно не будет состоять из избитых выражений, если пишется самому близкому человеку, если же менее близкому, то пусть не будет недружелюбным... У древних было заведено писать собственноручно тем, кто нам особенно дорог, или делать пространную подпись... Приятно добавить к письму что-либо по-гречески, если это к месту и не очень часто. Весьма удобно вставить небезызвестную поговорку или часть стиха¹.

¹ Т.А. Миллер. *Античные теории эпистолярного стиля*. [В:] *Античная эпистолография. Очерки*. Ред. М.Е. Грабарь-Пассек. Москва: Наука, 1967, с. 20–21.

В Древней Руси, которая унаследовала христианскую духовную эпистолярную традицию, письма являлись своеобразными посланиями с их главным назначением — *увещание, поучение и проповедь*.

Своеобразным жанром эпистолярной культуры были берестяные грамоты — письма из прошлого, представляющие быт жителя Древней Руси, написанные на внутренней стороне отделенного слоя березовой коры — бересте. В них изложены события, которые не были предметом внимания летописцев, не изложены в официальных документах и церковных книгах. Это частные письма делового характера. В них рассказывали о событиях повседневной жизни, делились радостями и бедами, обращались за помощью и угрожали судебной расправой... В числе первых работ, посвященных берестяным грамотам, следует назвать книгу Валентина Лаврентьевича Янина *Я послал тебе бересту*².

Письмо от Жилы к Чудину, как отмечает Андрей Анатольевич Зализняк, один из главных исследователей и интерпретаторов берестяных грамот, относится к числу «лучших образцов древнерусского эпистолярного искусства». В нем «заурядное по сути денежное требование выражено столь ярко — при предельном лаконизме и точности, что превращается в миниатюрное литературное произведение»: *От Жилы к Чудину. Дай Ондрею рубль. Если не дашь, то сколько сраму ни заставит [Ондрей] меня принять из-за этого рубля — он твой*³. (т.е. весь этот срам будет твой)³.

В грамотах соблюдались такие формы делового письма, как указание адресанта и адресата, соблюдались особенные формы приветствия: *Поклон от Грикиши к Есифу; От Гостиаты к Васильви; Фешко Юргию челом бьет; От Тереньтея к Михалю; Поклон от Кирика к Онцифору* и др.

В допетровский период создавались письмовники — собрания образцовых официальных и неофициальных, светских и духовных посланий с характерными для них экстралингвистическими характеристиками адресата или предмета речи (к князю, к властелину, ко игумену, к брату; послание за вину, избрано от святых книг; к другу в полк, к старцу в обитель, непостоянну другу с посмехом и др.)⁴.

Наряду с многочисленными богословско-публицистическими посланиями, византийскими по форме и церковнославянскими по языку, мы имеем и в старой Руси обычные письма, написанные вне установленных форм, то широко публицистические (как переписка Иоанна Грозного с князем Курбским и Василием Грязным, его *Послание в Кирилло-Белозерский монастырь*), то интимные сообщения, превосходные образцы которых дошли до нас в письмах членов

² В.Л. Янин. *Я послал тебе бересту*. Москва: Издательство Московского университета, 1965.

³ А.А. Зализняк. *Древненовгородский диалект*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995, с. 483.

⁴ См. об этом: А. Демин. *Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре)*. Ленинград: Институт русской литературы АН СССР — Пушкинский дом, 1964, а также: О. Зуева. *Язык письмовников XV–XVI веков в системе старорусского письменного языка*. [В:] *Русский язык. Система и функционирование. К 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы*. Ред. И.С. Ровдо. Минск: Издательский центр БГУ, 2011, с. 80–83.

царской семьи, особенно женщин. Ясны, просты и задушевные письма Петра Великого, его сына и окружающих.

В 1708 году Московский печатный двор издал переведенную с немецкого книгу «*Приклады како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от патентатов к патентатам поздравительные и сожалительные, также между сродников и приятелей*». Это первый русский печатный письмовник, содержащий образцы разнообразных писем, в том числе звательных, пригласительных, благодарственных, заступительных, утешительных и др. Печаталась книга по прямому повелению «благочестивейшего великого Государя Царя и великого князя Петра Алексеевича, всея великия, и малые, и белыя России самодержца». *Приклады* впервые вводили европейский эпистолярный этикет (обращение к адресату на «Вы», как в немецком) и содержали образцы писем, специально адресованных «женскому полу». В библиотеке Петра были книги, которые вводили светский политес на европейский манер: *Формуляры, как пишут челобитные конклюзии и грамотки в Голландии, Форма немецкая, как писать грамотки* и др.

Непринужденная или, напротив, высокопарно-торжественная манера обращения (*милостивый государь; Господин мой дражайший приятель!* и др.) и соответствующие им формы прощания (*Ваши покорный слуга; Остаюсь ко услужению готовый* и др.) закрепились в общепринятых эпистолярных текстах. Они начали вытеснять старинные русские образцы писем с характерным для них самоуничижением адресанта и обращением на «ты»:

Гсдрю моему Степану Корнилевичю женишко твоя Улка челомъ бьеть да пиш гсдрь про свое здоровье а я с робятишками по...⁵; Гсдрю моему млстивому благодетелю батюшку преподобному отцу Архимандриту Аврамию послдний въ челоувѣхъ первый во грѣшницехъ искател твоего благословения і млсти чернецъ Антоней благословения просить і челомъ бьеть подай тебѣ гсдрю отцу⁶.

Такой же этикет отражают и письма социальной элиты, о чем свидетельствует фрагмент письма царевича Петра к царице Наталии Кирилловне:

Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушьке, гасударыне царице и великой княгине Наталии Кириловне, сынишка твой, в работе пребывающей Петрушка благословения прошу, а о твоём здравии слышать желаю. А у нас молитвами твоими здорово все...⁷.

Именно эту особенность эпистолярного этикета эпохи отмечает Алексей Николаевич Толстой в романе *Петр I* и приводит письмо царевича Алексея Петру, отражающее доевропейский эпистолярный политес:

Здравствуй, радость моя, батюшка, царь Петр Алексеевич, на множество лет... Сынишка твой, Алешка, благословения от тебя, света моего радости, прошу. Пожалуй, радость наша, к нам, государь, не замешкав... Ради того у тебя милости прошу, что вижу госуда-

⁵ *Грамотки XVII — начала XVIII в.* Под общей ред. С.И. Коткова. Москва: Наука, 1969, с. 111.

⁶ Там же, с. 306.

⁷ *История русского литературного языка. Хрестоматия. Учебное пособие.* Сост. Составитель А. Кожин. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 1989, с. 163.

рыню свою бабушку в великой печали... Не покручинься, радость мой государь, что худо письмишко: еще, государь, не выучился...

А.Н. Толстой. *Петр I*.

В более позднее время и приветствия, и прощания в письмах Алексея на европейский манер: *Милостивый государь мой батюшка! Всепокорнейший сын и слуга твой Алексей*.

В эпистолярной культуре XVII–XIX вв. занимали определенное место утешительные письма, которые, наряду с письмами известительными, любовными, наставительными, повелительными, были неотъемлемой частью общепринятого этикета и сохранились в архивах русских царей и дворянства⁸.

Во второй половине XVIII века в русской эпистолярной культуре получил распространение жанр «дружеского письма» (Денис Иванович Фонвизин, Василий Васильевич Капнист, Михаил Никитич Муравьев), а в начале XIX века авторы таких писем достигли высочайшего мастерства. Это и Александр Сергеевич Пушкин, и Петр Андреевич Вяземский, и Михаил Юрьевич Лермонтов, и Николай Васильевич Гоголь, и Виссарион Григорьевич Белинский и многие другие, которые оставили потомкам богатое эпистолярное наследие — свидетельство эпохи. Авторы этих писем сознавали значение своей переписки для потомства и сохраняли их. Как отмечает Павел Васильевич Анненков, в архиве А.С. Пушкина хранились письма «почти всех знаменитостей русского общества так же тщательно, как записочки от старой няни Арины Родионовны»⁹. Об этом свидетельствуют и огромные семейные архивы Румянцевых, братьев Тургеневых, Аксаковых, Бакуниных, братьев Языковых, П.А. Вяземского и др.¹⁰.

Письма как «записки о коротком времени»¹¹ представляли для Александра Ивановича Герцена особенный круг чтения: они —

движущая, раскрытая исповедь», где «все закреплено, все помечено в письмах (...) без румян и прикрас, и все остается, оседает и сохраняется»; их «случайное содержание, их лёгкая непринуждённость, их будничные заботы сближают нас с писавшим»¹².

Они более сердечны и проникновенны в сравнении с книгой:

Как сухие листья, перезимовавшие под снегом, письма напоминают *другое* лето, его зной, его теплые ночи и то, что оно ушло на веки веков, по ним догадываешься о ветвистом

⁸ См. об этом: Д. Евсиков. *Утешительные письма в России*. «Похоронный дом». Новосибирск. 04 мая 2007 года.

⁹ П.В. Анненков. *Материалы для биографии А.С. Пушкина*. Факсимильное воспроизведение. [В:] *Собрание сочинений А.С. Пушкина*. Издательство П.В. Анненкова. Москва: Книга, 1855, с. 123.

¹⁰ См. об этом: Н. Белунова. *Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – нач. XX вв.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000.

¹¹ А. Герцен. *Былое и думы*. [В:] *Его же. Собрание сочинений*. В 8-ми тт. Т. 6. Москва: Правда, 1975, (Глава XXXIV), с. 15.

¹² А. Герцен. *Старые письма (Дополнение к «Былому и думам»)*. [В:] *Его же. Собрание сочинений...*, с. 488.

дубе, с которого их сорвал ветер, но он не шумит над головой и не давит всей своей силой, как давит *в книге*¹³.

В XIX веке умение писать грамотные и изящные письма требовало особенных знаний. Чтобы написать письмо, было недостаточно простой грамотности: «письмо имело свой стиль, свои формы, вне которых пишущий производил впечатление невежды»¹⁴.

Особое место в русском эпистолярной занимала женская эпистолярная культура, которой было свойственно своеобразное двуязычие. Известно, что на рубеже XVIII–XIX вв. женская переписка велась, в основном, на французском языке. Особенно это касалось тех, кто получил домашнее образование и слабо владел русским языком в его письменной форме, в отличие от институток, образовательная программа которых включала в себя обязательное изучение родного языка. Известно, что Татьяна Ларина, русская душой, «по-русски плохо знала, романов наших не читала», и письмо Онегину, написанное по-французски («доныне гордый наш язык к почтовой прозе не привык»), Пушкин переводит на русский язык, «земли родной спасая честь». При этом следует заметить, что, начиная с 20-х годов XIX века, языковые приоритеты женского письма изменились: женское письмо все больше отдает предпочтение русскому языку, который в то время обретал законные права в культуре под влиянием литературного творчества А.С. Пушкина и его литературного окружения.

Однако нельзя не отметить, что французский язык был приметой не только женской эпистолярной культуры. Об этом свидетельствуют, например, письма декабриста Михаила Сергеевича Лунина из Сибири, большая часть которых написана по-французски и лишь некоторые — на английском и латыни. Как свидетельствует его племянник Сергей Федорович Уваров, Лунин «хорошо знал разные языки, но не русский»¹⁵. Значительная часть писем Пушкина написана на французском языке. Письмо Петра Яковлевича Чаадаева на французском языке, адресованное Николаю I, потребовало оправдания, которое автор изложил в записке к Бенкендорфу (15 июля 1833 г.):

...прошу Вас сказать Государю, что писавши к Царю Русскому не по-русски, сам тому стыдился. Но я желал выразить Государю чувство, полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал¹⁶.

Со временем частное письмо становится явлением литературным, если оно посвящено не сиюминутным бытовым вопросам. Процесс перехода бытового письма в область литературы был отмечен Юрием Николаевичем Тыняновым, который писал, что «из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы» и «письма Карамзина к Петрову обгоняют его же опыты в старой

¹³ Там же, с. 487.

¹⁴ А. Горнфельд. *Эпистолярная литература*. [В:] *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. Т. 80. Ред. проф. И.Е. Андреевский, К.К. Арсеньев и Ф.Ф. Петрушевский. Санкт-Петербург: Издательское общество Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1904, с. 924.

¹⁵ М.С. Лунин. *Письма из Сибири*. Москва: Наука, 1988, с. 293.

¹⁶ П. Чаадаев. *Письма и комментарии к ним*. [В:] *Его же. Полное собрание сочинений и избранные письма*. В 2-х тт. Т. 2. Москва: Наука, 1991, с. 84–85.

ораторской канонической прозе и приводят к *Письмам русского путешественника*, где путевое письмо становится жанром»¹⁷. *Письма из Франции одному вельможе в Москву* Д.И. Фонвизина (1806); *Письма из Франции и Италии* А.И. Герцена (1855) и др.

Многообразны адресаты писем Пушкина, написанные в зависимости от адресата на русском и французском языках, но необычайный интерес представляет короткая переписка поэта с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Начало этой переписке положено известным стихотворением:

Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной / Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью, / Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною: / Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою / Однозвучный жизни шум.

Митрополит, в настоящее время причисленный к лику святых, а при жизни названный мудрым, по-отечески наставительно возразил поэту:

Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной / И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью / Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью, / Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною! / Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою / Сердце чисто, светел ум!

Пушкин с чувством благодарности отвечает духовному наставнику:

В часы забав иль праздной скуки, / Бывало, лире я моей
Вверял измененные звуки / Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой / Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый / Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных, / И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной / Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной / Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима / Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе поэт.

Эпистолярные тексты позволяют оценить эпоху непосредственно, взглянуть на нее глазами её современника; узнать, какие события казались наиболее значительными.

Особенную страницу в русской эпистолярной культуре занимает духовная переписка, переписка духовных наставников со своими учениками, которая воспринималась как часть пасторской службы. Содержание переписки — указание пути к смирению, христианскому спасению и совершенствованию¹⁸.

¹⁷ Ю. Тынянов. *Поэтика. История литературы. Кино*. Подготовка издания и комментарии Е.А. Тоддеса, А.П. Чудаковой, М.О. Чудаковой. Москва: Наука, 1977, с. 239.

¹⁸ См. об этом: Д. Евсиков. *Утешительные письма в России*. «Похоронный дом». Новоси-

Как отмечают исследователи, уже в начале XX века жанр письма претерпевает серьезные изменения: именно в этот период «эпоха эпистолярной литературы (...) прошла для цивилизованного мира безвозвратно»¹⁹. Все это (ускорение темпа жизни, возрастание возможности телефонного общения) приводят к «падению переписки, которая увеличивается количественно в гигантских размерах, но перестает быть предметом особого внимания и искусства», и вследствие этого — письмо как особая литературная форма уходит в прошлое²⁰. Однако и в XX веке все-таки строго соблюдаются некоторые этикетные формы делового эпистолярного общения: обращение *уважаемый (-ая)* ... остается непременной частью письма при симметричных деловых отношениях; *многоуважаемый (-ая)*, *глубокоуважаемый (-ая)* — при асимметричных.

Письма военных лет. Письма, опаленные войной. Это особенная страница русского эпистолярного жанра. Короткие рассказы и сообщения о войне, стихи, фотографии, вырезки из фронтовых газет — они хранят память о тех страшных днях, когда миллионы пали на полях сражений. Фронтовые треугольники надежды — так называли эти письма, возникшие в условиях войны из-за недостатка обычных почтовых конвертов.

Заслуживает особенного внимания эпистолярная культура и эпистолярный этикет в современной электронной коммуникации, где формируется новый эпистолярный стандарт и новые выразительные средства (смайлики, разные комбинации скобок). Новые информационные технологии дают мощный импульс к возрождению частной переписки, однако в другом её проявлении: в виртуальном пространстве, не имеющем материального воплощения. Эти письма не станут «записками о коротком времени» и не будут перечитываться потомками, за исключением тех, которые распечатаны на принтере как дорогая память о человеке или событии, как текст культурной, экономической, политической значимости.

В виртуальных письмах размываются границы системы этикетных формул. Интернет — это самое дешевое и быстрое средство пообщаться со знакомыми, не покидая своего дома. Он дает возможность общения одновременно с несколькими лицами, возможность знакомства с новыми людьми и переписки на иностранных языках; это способ проведения досуга, быстрый обмен информацией и решение служебных дел. Разрушению эпистолярной культуры безусловно способствует SMS, где совсем все запредельно кратко.

О языке «глобальной сети» в её жанровом многообразии (гостевые книги, форумы, чаты, персональные интернет-дневники и пр.) существует множество исследований, где интернет-коммуникация рассматривается как новая речевая формация с её коммуникативной стратегией и тактикой, жанровой спецификой и лингвоперсонологической составляющей²¹. Но как эпистолярный феномен

бирск. 04 мая 2007 года.

¹⁹ А. Горнфельд. *Эпистолярная литература...*, 1904, с. 924.

²⁰ Там же.

²¹ Г. Трофимова. *Напиши мне письмецо*. [Online] <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_66> (12.09.2015); Е. Кокорина. *Язык интернет-коммуникации*. [В:] *Современ-*

наибольшее распространение представляет электронное письмо, дружеское и официальное.

Дружеские письма могут быть вне этикета: в них часто нет обращения, традиционного приветствия, подписи (имя адресанта указывает э-адрес и практически всегда фотография), могут отсутствовать этикетные формулы вежливости, и можно сказать, что электронная почта вытеснила многовековую эпистолярную культуру. Хотя по сравнению с диалогами в чатах и SMS, эти письма все-таки сохраняют некоторую структурную определенность.

Другое дело официальные электронные письма, которые, как кажется, не претерпели серьезных изменений. Однако есть необходимость обратиться к двум их проявлениям, имеющим широкое распространение.

Здравствуйте! Именно так начинаются довольно часто многие вполне официальные электронные письма, и таким образом приветствие и обращение заключаются в одном слове. Это ведет к обезличиванию адресата, если это частное лицо, и вполне может восприниматься как своего рода оскорбление.

«Доброго времени суток» или «Доброе время суток» — выражения, возникшие в интернет-переписке. Национальный корпус русского языка дает более 20 примеров их употребления. Эту совершенно очевидно тяжеловесную конструкцию, включающую в себя делопроизводственный оборот «время суток», нельзя расценить иначе, как проявление дурного вкуса. Нельзя не знать, что слово *день* обозначает не только время *от зари до заката*, но и сутки целиком. Употребление этих слов стилистически обусловлено: «*Прошло пять дней*» — скажем мы в обычном разговоре, но «*миновало, прошло 5 суток*» — в деловом тексте, устном или письменном. Поэтому *добрый день* можно адресовать жителям любого временного пояса, и оно должно быть принято с должным пониманием. А вообще-то, есть веками проверенное слово «*здравствуйте*». Им совсем не стоит пренебрегать, и именно с него, с этого слова *здравствуйте*, можно начинать свое сообщение и не забывать при этом имя адресата.

В проективном лексиконе русского языка *Дар слова* от 8 ноября 2010 года, известный российский философ, культуролог, филолог и эссеист Михаил Наумович Эпштейн, назвал это выражение мещанским. В частности, он пишет:

Меня трудно назвать консерватором в языке. Я за словотворчество и мыслетворчество. Но когда я вижу приветствие «Доброе время суток!» или даже «Доброго времени суток!», меня передергивает от этого мещанского оборота. Нечто зощенковское. Дескать, не «ванна», а «обмывочный пункт» (*История болезни*), не «день», а «время суток». (...) Ужимка образованщины, задравшей штаны в погоне за научно-техническим прогрессом... А ведь кому-то это кажется остроумным и деликатным. (...) И невдомек, что канцелярский оборот «время суток» с первого взгляда убивает в адресате лучшие чувства и с добротой никак не совмещается просто по стилю²².

ный русский язык. Система — норма — узус. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010, с. 273–340 и др.

²² См. об этом: *Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна*. [Online] <<http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201011/08070514.html>> (10.09.2015).

Разрушение эпистолярного этикета ставит перед обществом задачу его сохранения как факта истории. Именно этому служит образовательный проект «Живое письмо», который включает в себя разработку системы занятий, способствующих сохранению эпистолярной культуры. В состав Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Антона Павловича Чехова (ГЛММЗ) входит экспозиция «Почтовое отделение», открытая в 1987 году и включающая в себя подлинный почтово-телеграфный канон конца XIX века. Она знакомит посетителей с историей почты в Лопасне, популяризирует эпистолярное наследие Чехова. В одном из залов планируется создание интерактивной экспозиции, ориентированной на школьников и семейную аудиторию, которую можно использовать в образовательных целях. Музей располагает копиями и подлинниками писем разных жанров и стилей, открыток, открытых писем разных эпох²³.

И это чрезвычайно важно, поскольку воскрешает и хранит память о состоянии русского языка и русской культуры в определенную эпоху, хотя очевидно, что вряд ли вернет эпистолярное прошлое.

Литература

- Анненков В. *Материалы для биографии А.С. Пушкина*: факсимиле, воспроизв. [В:] *Собрание сочинений А.С. Пушкина*. Издательство П.В. Анненкова. Москва: Книга, 1855.
- Белунова Н. *Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX — начала XX вв.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000.
- «Благотворительный фонд В. Потанина». [Online] <<http://museum.fondpotanin.ru/projects/65633>>
- Герцен А. *Былое и думы*. [В:] Его же. *Собрание сочинений*. В 8-ми тт. Т. 6. Москва: Правда, 1975. Глава XXXIV, с. 9–15.
- Герцен А. *Старые письма (Дополнение к «Былому и думам»)*. [В:] Его же. *Собрание сочинений*. В 8-ми тт. Т. 7. Москва: Правда, 1975, с. 487–509.
- Горнфельд А. *Эпистолярная литература*. [В:] *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. Т. 80. Под ред. проф. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. Санкт-Петербург: Издательское общество Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон, 1904.
- Грамотки XVII — начала XVIII в.* Под общей ред. С.И. Коткова. Москва: Наука, 1969.
- Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна*. [Online] <<http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201011/08070514.html>> (10.09.2015).
- Демин А. *Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре)*. Ленинград: Институт русской литературы АН СССР — Пушкинский дом, 1964.
- Евсиков Д. *Утешительные письма в России*. «Похоронный дом». Новосибирск. 04 мая 2007 года.
- Зализняк А. *Древненовгородский диалект*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Зуева О. *Язык письмовников XV–XVI веков в системе старорусского письменного языка*. [В:] *Русский язык. Система и функционирование. К 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы*. Минск: Издательский центр БГУ, 2011, с. 80–83.

²³ См. об этом: «Благотворительный фонд В. Потанина». [Online] <<http://museum.fondpotanin.ru/projects/65633>>

- История русского литературного языка. Хрестоматия. Учебное пособие.* Сост. А. Кожин. 2-е изд., испр. и доп.. Москва: Высшая школа, 1989.
- Каширина В. *Литературное наследие Оптиной пустыни.* Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького, 2007.
- Кокорина Е. *Язык интернет-коммуникации.* [В:] *Современный русский язык. Система-норма-узус.* Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010, с. 273–340.
- Лунин М. *Письма из Сибири.* Москва: Наука, 1988.
- Миллер Т.А. *Античные теории эпистолярного стиля.* [В:] *Античная эпистолография. Очерки.* Москва: Наука, 1967.
- Трофимова Г. *Напиши мне письмецо.* [Online] <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_66> (06.06.2015).
- Тынянов Ю. *Поэтика. История литературы. Кино.* Подготовка издания и комментарии Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. Москва: Наука, 1977.
- Чаадаев П. *Письма и комментарии к ним.* [В:] Его же. *Полное собрание сочинений и избранные письма.* В 2-х тт. Т. 2. Москва: Наука, 1991, с. 84–85.

КОНЦЕПТЫ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

СВЕТЛАНА В. КОРОСТОВА

Южный федеральный университет
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Кафедра русского языка
ул. Большая Садовая, 105/42, 344006, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: svetolen@yandex.ru
(получено 27.07.2015, принято 27.09.2015)

Abstract

Concepts of emotion in Russian language culture

The article gives a linguo-cultural analysis of such concepts as fear, suffering and joy, which are the most prominent in the Russian linguistic picture of the world. Special attention is given to language means on different levels used to represent emotional conditions. Research of the dynamics of notional constituents of such emotional concepts as fear, suffering and joy in Russian linguistic consciousness is followed in the article by identifying obligatory features of the examined concepts and establishing the specifics of their language projections. The analysis of socio-cultural components of the concepts is connected to the cognitive interpretation of events in the human consciousness, which can be influenced by the change of the “emotional mode”.

Key words

Concepts of emotions, linguistic picture of the world, Russian linguistic consciousness, emotive, linguistic representations of a concept.

Резюме

В статье представлен лингвокультурный анализ концептов эмоций *страх*, *страдание*, *радость* как одних из наиболее значимых в русской языковой кар-

тине мира. Особое внимание уделено разноуровневым языковым средствам репрезентации эмоциональных состояний. Исследование динамики понятийных составляющих концептов эмоций *страх*, *страдание*, *радость* в русском языковом сознании сопровождается в статье выявлением облигаторных признаков рассматриваемых концептов и установлением специфики их языковых проекций. Анализ социокультурной составляющей концептов связан с когнитивной интерпретацией событий в сознании человека, которая может быть изменена под влиянием «эмоционального режима».

Ключевые слова

Концепты эмоций, языковая картина мира, русское языковое сознание, эмотив, языковые репрезентации концепта.

Сфера эмоционального входит в ценностную картину ментального мира говорящего на русском языке, чем объясняется многообразие языкового выражения эмоционально-оценочных смыслов в процессе общения. В русском языковом сознании эмоции отражают многовековой опыт народа посредством универсальных и культурно специфических представлений об эмоциональных переживаниях. Концепты эмоций *радость*, *страдание*, *страх*, как представляется, занимают особое место в составе исходных эмотивно-оценочных смыслов, формируя основу психического склада личности. Кроме того, рассматриваемые эмоции входят в состав базовых, или фундаментальных, выделенных известным американским психологом Кэрролом Э. Изардом: 1) интерес — волнение; 2) радость; 3) удивление; 4) горе — страдание; 5) гнев; 6) отвращение; 7) презрение; 8) страх; 9) стыд; 10) вина¹.

Широко представленные в русской литературе средства выражения и описания эмоциональных состояний персонажей позволяют говорить о том, что концепты страха, страдания и радости приобретают особую значимость в русской лингвокультуре. Используя русские художественные тексты XIX–XXI вв., представленные в национальном корпусе русского языка, тексты русских народных сказок из сборника Александра Николаевича Афанасьева, а также материалы лингвистических словарей, в частности *Толкового словаря живого великорусского языка* Владимира Ивановича Даля, *Большого толкового словаря синонимов русской речи* под общей редакцией Людмилы Григорьевны Бабенко, *Словаря русской культуры* Юрия Сергеевича Степанова и других, мы предприняли попытку лингвокультурного анализа названных концептов эмоций. Представляется важным определить специфику их актуализации в русской наивной языковой картине мира и в концептосфере художественной литературы. Исследуемые художественные тексты и словарные материалы подтверждают неоднократно высказываемую учеными мысль о том, что, занимая в ситуации центральную

¹ К.Э. Изард. *Психология эмоций*. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 64.

позицию, русский человек вместе с тем не властен над ней, подчинен некоторой стихийной силе, осознаваемой как нечто противостоящее субъекту, например:

Она перестала пряться и сидела, низко опустив голову, тихо положив руки вдоль колен. В ее неподвижно остановившихся глазах с расширившимися зрачками отразился какой-то **темный ужас**, какая-то **невольная покорность таинственным силам** и сверхъестественным знаниям, осенявшим ее душу.

(А.И. Куприн. *Олеся*)

Страх и страдание как нежелательные, но необходимые эмоции противопоставлены эмоциональному состоянию радости, которое опознается лишь потому, что в сознании испытывающего радость есть представление о страхе или страдании. Само отсутствие негативных состояний страха и страдания, в которых пребывает человек, может спровоцировать состояние радости, поскольку для нас характерно стремление к состоянию эмоционального комфорта и желание избежать ситуаций эмоционального дискомфорта. Однако потребность в радости предполагает и потребность в страданиях.

Страх относится к тем универсальным концептам эмоций, языковые проекции которых включают эмоциональную оценку ситуации и ее компонентов, включая самого субъекта речи и чувства. Страх может переживаться человеком в самых разных ситуациях, однако все эти ситуации ощущаются субъектом как такие, в которых его спокойствие и безопасность оказываются под угрозой. Иными словами, страх представляет собой результат когнитивной оценки ситуации как потенциально опасной для человека. Общеизвестным считается факт, что именно эмоции являются мотивационной основой сознания говорящего и его речевого поведения. В этом смысле следует особо отметить известный психологический феномен: переживания, связанные со страхом, навсегда сохраняются в сознании.

В исследовании концепта представляется значимым утверждение Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что материальным воплощением концепта следует признать слово в одном из его основных значений, а не во всей их совокупности². Эмоции универсальны, однако семантическое наполнение рассматриваемых понятий, языковое выражение данных концептов национально специфично. Ядерными компонентами эмотивно-оценочных концептов мы считаем языковые единицы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют языковую картину мира носителей языка. Концепты эмоций выступают как этнокультурно обусловленные структурно-смысловые ментальные образования, формирующие языковую картину мира говорящих на русском языке. Нельзя не согласиться с Анной Андреевной Зализняк в том, что

одной из ключевых для русской языковой картины мира идеей является представление о **непредсказуемости мира**: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на

---

² Д.С. Лихачев. *Концептосфера русского языка*. «Известия РАН. Серия литературы и языка» 1993. Т. 52, №1, с. 3–10.

него. ...Русский язык обладает удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нем возможность снять с себя ответственность за собственные действия³.

Об этом пишет в одной из своих работ Анна Вежбицкая⁴:

...русский язык располагает также богатым арсеналом средств, дающих людям возможность говорить о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими неконтролируемых.

Во многом положение о неконтролируемости эмоций может быть отнесено и к концептуализации эмоционального состояния страха. Русский язык, замечает Вежбицкая, описывая эмоциональное состояние индивида, поддерживает те конструкции, в которых представлена чисто субъективная внутренняя точка зрения на эмоциональную ситуацию, а сам говорящий изображен как пассивный экспериенсер (ср. *Мне страшно* вместо *Я испытываю страх*). Возможно, такая позиция субъекта речи связана с метафорическим механизмом концептуализации эмоций, а также с одним из основных категориальных признаков эмоционального состояния — его неконтролируемости, например:

У страха глаза велики;
 Страх — худший враг;
 У страха глаза что плошки, а не видят ни крошки; ...
 У меня даже в груди и во рту похолодело от страха
 (А. Куприн. *Олеся*)

Страх туманит очи....
 (В. Жуковский. *Светлана*)

Эмоциональные процессы получают положительную или отрицательную оценку в зависимости от того, как соотносится действие, которое человек производит, или воздействие, которому он подвергается, с его потребностями, ценностями, установками. Соответственно положительное эмоциональное воздействие и эмотивная реакция на него получает положительный знак, а отрицательное — отрицательный. Концепты эмоций, таким образом, формируются в сознании индивидуума параллельно с ценностными ориентирами. Оценка в сознании субъекта связана с осознанием, интерпретацией информации о ситуации, когнитивное всегда предшествует эмоциональному. Таким образом, в основе формирования концепта эмоционального состояния страха лежит негативное оценочное представление о ситуации, в которой человек может его испытывать.

В русском языковом сознании рассматриваемый концепт представлен несколькими смысловыми линиями: страх, соединенный с ненавистью, страх пе-

³ А.А. Зализняк. *Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира*. [В:] А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005, с. 154.

⁴ А. Вежбицкая. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур, 2011, с. 342.

ред насилием и террором, «страх перед самим бытием», «страх перед существованием вообще», «тоска, страх, тревога», боязнь греха, страх перед смертью⁵.

Лексикографическое описание концепта *страх* строится на синонимических отношениях ядерного компонента: страх — <очень сильный испуг, сильная боязнь>. Отсутствие антонимических отношений компенсируется в толковом словаре объемным списком синонимов: *ужас, трепет, жуть (разг.), страсть (прост.), испуг, паника; перепуг (разг.) / перед чем-либо, что угрожает в будущем: боязнь, опасение, опаска (разг.)*⁶. Синонимические отношения между лексемами определяются интегральной семой <бояться>, дифференциальные семы отражают степень проявления интенсивности эмоционального состояния, лексикографические пометы устанавливают прагматические характеристики членов синонимического ряда.

Известно, что интенсивность эмоции может быть качественной и количественной. Качественная интенсивность, по утверждению Владимира Григорьевича Гака, актуализируется выбором более сильного слова в ряду синонимов (ср. *ужас* вместо *страх*), количественная — в повторении слова, имеющего эмоциональную окраску⁷. Интенсивный страх ограничивает свободу поведения человека, «в страхе, замечает Изард, — человек перестает принадлежать себе, он движим одним-единственным стремлением — устранить угрозу, избежать опасности»⁸. Следовательно, страх, как и другие базовые эмоции, выполняет важные адаптивные функции: «не существует более сильной мотивации для поиска безопасной среды существования, чем страх»⁹.

В отличие от близких по физиологической природе негативных эмоциональных состояний горя и печали, которые *тяготят, подавляют*, т.е. характеризуются известной степенью длительности переживания, деструктивная эмоция страха *поражает, берет*, а высшая степень проявления этого чувства — *ужас* — *сковывает, охватывает, приковывает к земле*. Отчасти в сознании субъекта страх ассоциируется с болезнью, которая обладает способностью мгновенно воздействовать на тело и мозг человека. Метафорически осмысленные лексемы и фразеологические единицы со значением страха, составляющие ядро концепта, основываются преимущественно на номинациях частей тела человека, подвергающихся мгновенному воздействию чувства страха: *мороз по коже пробегает, кровь леденеет, стынет в жилах, со страху поджилки дрожат, под страхом ноги хрупки, волосы встают дыбом* и т.п.

Таким образом, основной донорской зоной метафоризации для концепта *страх* становятся названия частей тела человека (ср. *радость* преимущественно

⁵ Я. Плампер. *Эмоции в русской истории*. [В:] *Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций*. Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат и М. Эли. Москва: Новое литературное обозрение, 2010, с. 892 – 898.

⁶ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. *Толковый словарь русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994, с. 761.

⁷ В.Г. Гак. *Синтаксис эмоций и оценок*. [В:] *Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность*. Москва: Институт языкознания, 1996, с. 22.

⁸ К.Э. Изард. *Психология эмоций...*, с. 311.

⁹ Там же, с. 316.

но «внутри» человека, это «внутреннее ощущение, параллельное чему-то во внешнем мире»¹⁰: *радость рождается, растет, живет, просыпается, рвется наружу*). Если сравнивать эмоциональное состояние страха и радости, то первое оказывается менее статичным, т.е. временной отрезок, в течение которого эмоция не изменяется, «длится», для состояния радости более стабилен, чем для эмоционального состояния страха. В большинстве русских поговорок страх субъективируется, ассоциируясь в сознании с одушевленным негативным «нечто во мне», от которого необходимо освободиться. Концепт эмоциональной оценки, актуализирующийся в речи, непосредственно связан с интерпретацией негативной ситуации, нежелательной для говорящего, не соответствующей его ожиданиям. Языковой проекцией концепта *страх* являются также эмотивные предложения-высказывания, включающие лексему *страх* и синонимичные ей: *Страх как испугался! Страх какой сердитый!*

В коллективном сознании говорящих на русском языке концепт *страх* вызывает ассоциации с темнотой, ночью, черным цветом, неопределенностью. Например:

Вот солнце село, кругом темнеть стало — боится Маруся одна оставаться.

(*Упырь*. Русская народная сказка)

Перед образом горела лампада, и в комнате не видно было ничего необыкновенного, но сердце в ней трепетало от страха: она внятно слышала, что кто-то ходит по комнате и тяжело вздыхает.

(А. Погорельский. *Лафертовская маковница*)

Страх представлен как нечто враждебное человеку, не зависящее от его воли и желания. Страх опредмечивается, субъективируется, «очеловечивается» и «действует» самостоятельно, хотя и целенаправленно: единственным «объектом», то вмещающим, то отторгающим чувство страха, является человек:

... когда поутру взошло красно солнышко и яркими лучами украсило комнату, то и страх исчез, как будто его никогда не бывало.

(А. Погорельский. *Лафертовская маковница*)

Такое национально-культурное представление о концепте отражается в синтагматических связях ядерной лексики: *страх обуяет, и растеряешься; нагнать страху; держать в страхе кого-либо; навести страх на кого-либо; обмереть от страху; онеметь от страха; привести в страх; застыть от страха; у страха глаза велики; от страха душа в пятки уходит*. Эмотивно-оценочные фразеологизмы подчеркивают специфику восприятия русского человека в эмоциональном состоянии страха: оно гиперболизируется, искажается, часто не соответствует объективному положению дел. В то же время языковые проекции концепта имплицитно в сознании представляют о том, что человек должен преодолеть свой страх, что на самом деле это чувство не обладает приписываемой ему интенсивностью и силой воздействия.

¹⁰ Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004, с. 451.

Концепт эмоциональной оценки, соотносимый с понятием «страх», не дублирует семантические отношения ядерной лексемы, актуализируя дополнительные эмотивно-оценочные компоненты значения. В некоторых случаях (например, когда оценка имеет ситуативный характер) может происходить десемантизация лексемы *страх* и синонимичных ей лексических единиц: *Страх как пить хочется! Жуть как устал! Ужас как спать хочу!* Вероятно, появление в речи ненормативных (с точки зрения синтагматических связей) сочетаний типа *страшно красиво, жутко вкусно* есть результат трансформации эмотивного высказывания, построенного по схеме: *Страх (страшно, ужас, ужасно, жуть, жутко) как хочется (хочу) + Inf.* Причем ядерная лексема или ее ближайшие понятийные синонимы выполняют роль интенсификатора действия, соотносимого с наречием меры и степени *очень*.

Концепт *страх* в русском языковом сознании близок концепту *смерть*: издавна черный цвет на Руси символизирует печаль и траур, сопровождающие уход человека из жизни. Ассоциативные связи отразились в устойчивом сочетании *страх смерти* (при невозможности трансформации в сочетание с согласованием компонентов — *смертельный страх*, выражающее отношение уподобления и интенсифицирующее семантику ядерной лексемы), *под страхом смерти*. Негативная оценка концепта *смерть* вызвана прежде всего неопределенностью понятийной составляющей, о чем писал Жак Деррида, заключая выражение *моя смерть* в кавычки из-за полной иллюзорности его значения. Интерпретируя это понимание концепта, известный лингвист, философ Елена Николаевна Гурко пишет:

Смерть как феномен не имеет в качестве прототипа то, что она предположительно должна обозначать, — никто не видел смерть (если припомнить древнее изречение, приписываемое Эпикуру, но, видимо, намного более давнее, о бессмысленности страха смерти, ибо, пока есть человек, смерти нет, а когда есть смерть, человек больше не существует)...¹¹.

Концептуальное представление о страхе смерти воплощается и в русском паремиологическом фонде, хранящем этнический менталитет народа: *Смерти бояться — на свете не жить; смелый умирает один раз, а трус — каждый день; страх хуже смерти*. Представление о страхе смерти в русском языковом сознании определяется философским пониманием неизбежности этого события, его интерпретацией в языковой картине мира как события будущего, о котором незачем думать в настоящем (см. *Не умри раньше смерти; Умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего*).

Репрезентация концепта *страх* в речи связана прежде всего с уровнем эмотивного синтаксиса: междометные предложения, обращения, фразеосхемы, коммуникемы реализуют функцию выражения чувства и не предназначены для воздействия на собеседника. Появление коммуниканта и восприятие его в качестве объекта целенаправленного речевого действия нейтрализует эмоции го-

¹¹ Е.Н. Гурко, Ж. Деррида. *Деконструкция. Тексты и интерпретация*. Минск: Экономпресс, 1994, с. 166.

ворящего и переводит эмотив в разряд перформатива. При этом высказывание может передавать и императивное значение, например:

Но девушка сказала следующее: — Жутко хочу что-нибудь съесть. Я сегодня еще не завтракала.

(А. Битов. *Пенелопа*)

Преднамеренное обращение к эмотивам в речи, по данным психологов, может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. К таким эмотивам, входящим в семантическое поле концепта *страх*, можно отнести следующие фразеосхемы и коммуникемы, т.е. нечленимые предложения, экспрессивность которых, по утверждению Вадима Юрьевича Меликяна, «заложена не только в их коннотативном аспекте, но и в ядре значения»¹²: «Страх! <Просто> страх <какой (-то) [да и только, какой-то да и только]>! Выражение страха, ужаса, негат. оц. отнош.»¹³. Эмоциональное состояние страха может быть вербализовано в высказываниях, представляющих декларативные речевые акты, когда речевое действие совпадает с физическим и эмоциональным, например:

— Мамочка сказала, что человек умирает...и все. Ничего не остается. Совсем ничего. Только дети и профессиональные достижения. Вот вам хорошо, а от меня, от меня ничего не останется. **Мне же страшно!**...

(У. Тулина. *Дура*)

Эмотивно-оценочные концепты *страдание* и *радость* представляют собой два полюса оценки — негативный и позитивный. По мнению Ю.С. Степанова, «внутренняя форма концепта «Радость», по данным этимологии, в русском языке такова (описание применительно к субъекту «Я»):

Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой, «заботы» кого-то обо мне, ... и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому...¹⁴.

Уникальность данного концепта эмоций в русской лингвокультуре заключена в его собственной семантической сфере, которая соотносится со смысловыми доминантами русской языковой личности — приоритет внутреннего чувства над внешним (к внешнему относится концепт *удовольствие*). Как замечает Анна А. Зализняк, выделяя в одной из своих работ оппозицию *радость* — *удовольствие*,

удовольствие, будучи само по себе аксиологически по меньшей мере нейтральным, в русской языковой картине мира сдвигается в область отрицательной оценки: человек,

¹² В.Ю. Меликян. *Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва: Флинта: Наука, 2001, с. 22.

¹³ Там же, с. 180.

¹⁴ Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры...*, с. 453.

одолеваемый *жаждой удовольствий* и проводящий свою жизнь *в погоне за удовольствиями*, представляется жалким, бездуховным существом¹⁵.

Обращая внимание на двойственность концепта *радость*, Юрий Сергеевич Степанов отмечает, что само явление радости как бы распределено между материальным объектом, средой, и внутренним состоянием человека, причем среда есть причина, а внутреннее состояние — следствие¹⁶. Нельзя не увидеть тот же двойственный характер представлений о страдании, где окружающий мир становится причиной негативного состояния субъекта, а само внутреннее состояние превращается в следствие.

Традиционное противопоставление лексических манифестантов концептов эмоций *радость – горе*, как представляется, связано с парадигматическими отношениями их ядерных компонентов. Однако эта оппозиция основывается скорее на общей семе — <причина внутреннего состояния> и не затрагивает сему <следствие> (ср. *доставить радость — причинить горе*). Семантическая оппозиция *радость — страдание* акцентирует внимание на самом внутреннем состоянии, что отражается и в лексикографических дефинициях:

Страдание. 1. Физическая или **нравственная** боль, мучение. *Испытывать страдания. Умереть в страданиях*¹⁷.

Радость. 1. Веселое чувство, ощущение большого **душевного** удовлетворения. Испытывать р. Доставить р. Вне себя от р. (очень рад). С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью). 2. То, что (тот, кто) вызывает чувство: *Радости жизни. Дети — р. Матери. Р. ты моя!* (часто в обращении). 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство. *В семье р.: приехал сын...*¹⁸.

Лексема *радость* полисемична, однако два последних значения не имеют отношения к выражению эмоций, скорее — к причинам, которые их вызывают.

Как правило, в русской повседневной речи имя эмотивно-оценочного концепта не может занимать позицию подлежащего. Если это происходит, то перед нами возвышенный стиль речи, художественные тексты, в которых отражен процесс метафоризации, например:

И **радость** в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как Бога животворный глас!

(Ф. Тютчев. *Весна*)

Его курносое лицо исказилось; шея вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоюет. Везде и во всем было **страдание**.

(Борис Пастернак. *Доктор Живаго*)

В сознании говорящих на русском языке концепты эмоций *страдание* и *радость* взаимообуславливают друг друга: в пресуппозиции представления о страдании существует знание о том, что оно не бесконечно и всегда сменя-

¹⁵ А.А. Зализняк. *Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира...*, с. 156–157.

¹⁶ Ю.С. Степанов..., с. 448.

¹⁷ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. *Толковый словарь русского языка...*, с. 760.

¹⁸ Там же, с. 629.

ется радостью, и наоборот, например: *Кто с вечера плачет, поутру засмеется; Сей слезами, радостью пожнешь*. Русское наивно-языковое сознание отражает древнейшие представления о чередовании явлений и событий, желательных и нежелательных для человека.

В русской языковой картине мира концепты *страдание* и *радость* тесно связаны с такой категорией национальной культуры, как *доля*. Ядерный компонент концепта входит в синонимический ряд *судьба, участь, жребий, удел*, доминантой которого является лексема *судьба*. Определяя значения лексемы, Алексей Дмитриевич Шмелев утверждает, что в русском языке под судьбой понимаются <события чьей-либо жизни> и <таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни>. Соответственно этим двум значениям лексема *судьба* является доминантой двух различных синонимических рядов: (1) *рок, фатум, фортуна* и (2) *доля, участь, удел, жребий*. В результате исследования данных синонимических рядов ученый приходит к выводу:

за употреблением этого слова стоит представление о том, что из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (*решается судьба*) — важная роль, которую данное представление играет в русской картине мира, обуславливает высокую частоту употребления слова *судьба* в русской речи и в русских текстах, значительно превышающую частоту употребления аналогов этого слова в западноевропейских языках¹⁹.

Представляется релевантным эмотивно-оценочный компонент смысла ядерной лексемы концепта, входящей в синонимический ряд *доля, участь, удел, жребий* — <таинственная сила, определяющая негативные события чьей-либо жизни, изменить которые человек не в состоянии>.

Говоря о негативно-оценочном эмоциональном фоне при употреблении синонимического ряда (2), обратимся к наивной картине мира, отраженной в фольклорных источниках. Например, в русской поговорке *Доля есть да воли нет* явно отрицательную оценку получает именно невозможность контролировать судьбу, изменить ее, хотя в славянской мифологии воплощением счастья выступала именно *Доля*. Для отношения русского человека к *доле* характерна некоторая интимизация, введение данного концепта в структуру внутреннего мира говорящего: это единственное из синонимического ряда существительное, имеющее закрепленную лексикографическую форму субъективной оценки — *долюшка*. Современное употребление свидетельствует о том, что языковые репрезентации концепта *доля* синтагматически близки ядерному компоненту концепта эмоций *страдание* (ср. *На его долю выпало много страданий / горя, мучений* при невозможности сочетаний с лексемами *радость, удовольствие*), причем временные рамки этого действия охватывают и прошлое, и настоящее. Сочетание *счастливая доля* в современной речи обозначает позитивный случай, событие, желательное для говорящего, но оставшееся в прошлом или отнесенное к будущему. Во многом такая синтагматика определена социокультур-

¹⁹ А.Д. Шмелев. *Лексический состав русского языка как отражение «русской души»*. [В:] А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. *Ключевые идеи русской языковой картины мира...*, с. 30.

ными условиями функционирования концепта: представление о судьбе часто менялось в сознании говорящих на русском языке.

Нельзя не заметить, что в концептах эмоций *страдание* и *радость* содержится информация об их тесной связи с универсальной категорией времени. *Страдание* осознается как более длительный процесс, нежели *радость*. Однако для последнего характерно представление о подготовительном периоде, предчувствии радости, его меньшей непредсказуемости для человека, чем эмоциональное состояние страдания. Эмоциональный опыт страдания оказывается значительнее, чем скоротечные минуты радости:

В большом горе и маленькая радость велика;
В страданиях время тянется долго;
Нагерпишься горя – научишься жить;
Ни радости вечной, ни печали бесконечной;

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

(Ф. Тютчев. *Когда на то нет божьего согласия...*)

Отношение человека к окружающему миру, его эмоциональное состояние и поведение может измениться под воздействием значения употребленного в речи слова. Еще в 1933 году историк-социолог Норберг Элиас издал в Швейцарии труд *О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования*, в котором охарактеризовал современного человека как личность, сдерживающую свои эмоции: слезы, безграничную радость или открытую ненависть. Эмоции предстают как продукт человеческой природы и истории, зависящий от «отношений с другими людьми»²⁰.

Концепция Элиаса трактует чувства личности как результат взаимного и культурно варьирующегося влияния эмоционального выражения индивидов. Кроме того, эмоциональное поле целого коллектива (нации, этноса) расценивается ученым как результат взаимодействия членов этого коллектива друг на друга. Это положение подтверждается экспериментальными данными естественных наук, например, высказывание вслух эмоционально-описательного слова или выражения типа «Я боюсь» «не просто описывает реальное эмоциональное состояние, но и усиливает или даже вызывает его вплоть до физиологических последствий (при чувстве страха это — потливость, дрожь и т.д.)»²¹. Преднамеренное обращение к эмоциям (языковым единицам, предназначенным для выражения эмоций) в речи может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. К эмотивам, входящим в семантическое поле концепта *радость*, можно отнести следующие фразеологические единицы и междометные предложения: *Быть на седьмом небе, на верху блаженства; Слава Богу (Слава те (тебе) господи! Будет*

²⁰ Я. Плампер. *Эмоции в русской истории...*, с. 14–15.

²¹ Там же, с. 21.

и на нашей улице праздник! Любо-дорого! Как (будто, словно, точно) маслом по сердцу; На радостях и т.п. Эмотивы, определяющие языковые репрезентации концепта *страдание*, не отличаются разнообразием, что, вероятно, связано с нежелательностью самого чувства для человека и невозможностью выразить его публично. К подобным эмотивам можно отнести паремиологические единицы с ключевыми словами *сердце и душа*, которые в русском языковом сознании предстают как вместилища страданий: *нож в сердце, сердце кровью обливается, сердце екает, замирает, падает, отрывается; до глубины души, душа болит, перевернуть всю душу* и т.п. Языковая репрезентация концепта связана с необходимостью реализации стратегии утешения, сочувствия, сострадания к субъекту эмоций. Однако названная стратегия, обусловленная культурно-историческими факторами, может подвергаться изменениям под воздействием «эмоционального режима».

Использование понятия «эмоциональный режим», введенного этнографом-историком Уильямом Редди, дает представление о том, что когнитивная интерпретация событий в сознании человека меняется под влиянием целенаправленного контроля за эмоциями. Под термином «эмоциональный режим» Редди понимает «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют, необходимый фундамент любого стабильного политического режима»²². Представление о нормативных эмоциях создается прежде всего за счет масс-медийного пространства русской культуры, в котором доминируют концепты *страха* и *страдания*. В современных условиях люди становятся в некотором смысле зависимыми от средств массовой коммуникации, прежде всего речь идет о знаниях и оценках того, что происходит в обществе. Тип и уровень этой зависимости, как справедливо замечает Вера Васильевна Богуславская, определяется рядом структурных условий:

Средства массовой коммуникации трактуются как определенные информационные системы, глубоко включенные в процессы формирования стабильности, изменений и конфликтов на уровне социума в целом, на межгрупповом и индивидуальном уровнях²³.

Среди совокупности эффектов, которые, по мнению исследователя современных журналистских текстов, определяют деятельность СМИ, выделяются аффективные, связанные с формированием чувств обеспокоенности, тревоги, страха.

Таким образом, концепты эмоций *страх* — *страдание* — *радость* характеризуются как культурно и исторически обусловленные величины. В русском языковом сознании концепты эмоций обладают свойствами «очеловечивания», непредсказуемости и неконтролируемости, что определяет их тесную связь с ключевыми концептами русской культуры — *судьба, доля, душа, смерть*. Кроме того, интерпретация действительности в сознании русского человека динамична, следовательно, и рамки языковых репрезентаций концептов оказыва-

²² Там же, с. 22.

²³ В.В. Богуславская. *Моделирование текста. Лингвосоциокультурная концепция*. Ростов-на-Дону: ЮО РАО, 2003, с. 109–110.

ются зависимыми от социокультурных условий, опосредованно формирующих языковую картину мира.

Литература

- Богуславская В.В. *Моделирование текста. Лингвосоциокультурная концепция*. Ростов-на-Дону: ЮО РАО, 2003.
- Вежбицкая А. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур, 2011.
- Гак В.Г. *Синтаксис эмоций и оценок*. [В:] *Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность*. In *тетогіат Е.М. Вольф*. Ред. О.Н. Селиверстова, В.З. Демьянков. Москва: Институт языкознания, 1996, с. 20–31.
- Гурко Е., Деррида Ж. *Деконструкция. Тексты и интерпретация*. Минск: Экономпресс, 1994.
- Зализняк Анна А. *Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира*. [В:] Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005.
- Изард К.Э. *Психология эмоций*. Санкт-Петербург: Питер, 2006.
- Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка*. «Известия РАН. Серия литературы и языка», 1993, Т. 52, №1, с. 3–9.
- Меликян В.Ю. *Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва: Флинта: Наука, 2001.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994.
- Плампер Я. *Эмоции в русской истории*. [В:] *Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций*. Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат и М. Эли. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.
- Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004.
- Шмелев А.Д. *Лексический состав русского языка как отражение «русской души»*. [В:] Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005, с. 25–39.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ. ДОГМА И ИННОВАЦИИ

ИЯ В. НЕЧАЕВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
ул. Волхонка, 18/2, 119019 Москва, Россия
e-mail: inechaeva@mail.ru
(получено 11.06.2015, принято 25.09.2015)

Abstract

Modern Russian orthography. Dogma and innovations

This paper analyzes the problem of updating the normative Russian orthographic base. In contrast to a dogmatic approach, which involves attempts (most often unsuccessful) to change concrete orthographic norms, the necessity of abandoning orthographic dictatorship and solving the general norm-setting problems is set forth. We are dealing with orthographic analogies, the opposition of intrasystem and etymological spelling factors for loanwords, etc. An investigation is made of the notions of spelling norm, orthographic error, and orthographic variability. The plurality of linguistic reasoning in the area of neology and the ambiguity of spelling tendencies are illustrated by modern examples.

Key words

Orthography, norm, variability, language changes, tolerance, codification principles.

Резюме

В статье анализируется проблема обновления нормативной базы русского правописания. В противоположность догматическому подходу, выражающемуся в попытках изменения конкретных орфографических норм (чаще неудачных),

утверждается необходимость отказа от орфографического диктаторства и решения общих проблем нормирования. Это вопрос об орфографических аналогиях, вопрос оппозиции внутрисистемных и этимологических факторов письма для заимствований и др. Исследуются понятие нормы в правописании, понятие орфографической ошибки и орфографическая вариативность. На современных примерах показана множественность лингвистических мотивировок в области неологии и неоднозначность тенденций письма.

Ключевые слова

Орфография, норма, вариативность, языковые изменения, толерантность, принципы кодификации.

Законодательная база русской орфографии состоит из правил правописания и академического орфографического словаря. На сегодняшний день действующим регулятором правописания де-юре являются *Правила русской орфографии и пунктуации* 1956 года, утвержденные Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Поскольку составленное полвека назад пособие, при всех его достоинствах, не может удовлетворять современным требованиям правописания, была предпринята попытка его обновления. В 2000-е годы была создана новая редакция *Правил...* с подзаголовком *Полный академический справочник*, впервые опубликованная в 2006 году, которая де-факто и является действующим кодифицирующим источником, не прошедшим, правда, официального утверждения (но одобренным в целом Орфографической комиссией РАН). Поскольку «Правила», естественно, не могут охватить и исчерпать все изолированные, единичные случаи спорного или двойственного написания»¹, за отдельными справками следует обращаться к орфографическому словарю. Обновленный *Русский орфографический словарь* последним своим (4-м) изданием вышел в 2012 году. Объем его составил 200 000 единиц, данных «в нормативном написании».

Для чего необходимо обновлять кодифицирующую базу правописания с течением времени? В чем суть такого обновления? Помимо причин, связанных с естественным развитием языка (и прежде всего — пополнением его лексического состава, появлением неологизмов, нуждающихся в прохождении этапа орфографического нормирования), это может быть вызванное жизнью требование осовременить способы описания орфографических норм, приведя их в соответствие с сегодняшним состоянием науки о языке. Однако существуют и более радикальные пути обновления, выражающиеся в стремлении к усовершенствованию самих правописных норм. Как известно, на протяжении XX столетия было осуществлено несколько попыток реформирования русской орфографии.

---

¹ *Правила русской орфографии и пунктуации*. Москва: Учпедгиз, 1956, с. 4.

В 1917–1918 гг. первая реформа правительственными декретами была проведена в жизнь. Содержание ее касалось в основном графических замен (*ѣ*, *ѐ*, *і* на *е*, *ѣ*, *и* и др.), а также правописания окончаний прилагательных (*-ого* вместо *-аго*, *-его* вместо *-яго* и др.), некоторых местоимений и др. Остальные радикальные попытки внести изменения в письмо успеха не имели. Слишком быстро последовавший за первой реформой *Проект Главнауки о новом правописании* 1930 года поддержан не был. Затем был издан свод правил 1956 года, в котором было проведено упорядочение существующих норм и введение нескольких частных написаний. Новая попытка реформирования письма состоялась в 1960-е гг. Тогда под руководством Виктора Владимировича Виноградова и Михаила Викторовича Панова был создан проект усовершенствования русского письма, направленный на более последовательное проведение основного принципа орфографии (фонематического) и более четкого разграничения графики и орфографии. Изменения были продуманными и логичными, но требовали ощутимой коррекции привычных норм (напр.: *мышь*, *чорный*, плюс отмена твердого знака, замена буквосочетания *цы* на *ци* и др.); они не были приняты большей частью общества и не получили соответствующего правительственного утверждения. В последний раз возврат к пересмотру отдельных написаний² произошел в 1990-е гг. под влиянием общественных перемен. Под руководством Владимира Владимировича Лопатина был разработан проект *Правил...*, предложены некоторые частные изменения (*брошура*, *конвеер*, *ветренно*, *дурак-дураком*). Проект вызвал возражения в прессе и в лингвистическом сообществе, нормы письма остались прежними, от предложенных изменений пришлось отказаться³. *Полный академический справочник* и последние издания *Русского орфографического словаря* вышли обогащенными новым лексическим материалом и без нормативных изменений. Обсуждение показало, что общественный запрос на пересмотр укоренившихся и закрепленных традицией написаний отсутствует.

Таким образом, обновление кодифицирующей базы в настоящее время, по сути, сводится к: 1) фиксации языковых новаций и, 2) совершенствованию метаязыка при описании нормативных установлений.

Существует, однако, еще одна сторона проблемы, которая только начинает предметно разрабатываться в лингвистической литературе⁴: это вопрос о том, как формируется новая письменная норма? Каковы принципы ее установления?

² Данный случай не вполне соответствует понятию реформы, поскольку затрагивает лишь отдельные, частные элементы русской письменной системы, но не систему письма в целом.

³ Подробнее о попытках воздействия на русское письмо см. С.М. Кузьмина. *История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке*. «Русский язык в научном освещении» 2003, № 2 (6), с. 173–191; Б.И. Осипов. *Уроки русских орфографических реформ*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 261–264.

⁴ С.М. Кузьмина. *Нормы орфографии и современная письменная практика*. [В:] *Современный русский язык: Система — норма — узус*. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 47–67; И.В. Нечаева. *Языковые изменения и принципы орфографического нормирования (на материале иноязычных неологизмов)*. «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН». Санкт-Петербург: Наука, 2012. Т. VIII. Ч. 3, с. 325–336.

Каковы доли стихийного и сознательного в этом процессе? Помимо пополнения арсенала правописных норм новым материалом и изменения содержания орфографических предписаний, относящихся к части освоенных слов, перемены в орфографии как регламентирующей письмо системе в принципе могут касаться и 3) **способа определения нормы**, понимания того пути, который приводит к обретению норм правописания, с выявлением активных лингвистических факторов и с применением современных критериев нормативности. В этом, последнем, отношении идеология нормирования русской орфографии не меняется уже на протяжении столетия. Все — удачные и неудачные — попытки обновления были связаны с конкретным языковым материалом, но не с сутью нормирования.

Между тем в настоящее время в письменном языке появились новые реалии, к которым неприменимы существующие правила и для которых отсутствует подходящий языковой прецедент. При этом нередки случаи просчетов в кодификации, когда принятое нормативное решение не поддерживается узусом⁵. Естественно предположить, что в данной ситуации действующая система кодификации письма не вполне отвечает потребностям времени.

В чем же состоят основополагающие **особенности традиционного подхода**? Главные его принципы таковы:

- (1) единство орфографического облика слова, достигнутое любой ценой (иногда ценой компромисса или кодификаторского диктата, выражающегося в принятии волевого условного решения);
- (2) императивность орфографической кодификации;
- (3) универсальность орфографического правила как его идеал; максимальная широта охвата им лексического материала и отсутствие (или минимум) исключений;
- (4) построение орфографической нормы на жесткой дихотомии правильного–неправильного, не допускающей никаких градаций и «полутонов».

На первый взгляд может показаться, что убедительность данных принципов не подлежит сомнению. Соблюдение этих кодификаторских постулатов предполагает написание всех последующих слов по более раннему образцу, унификацию внешне подобных случаев и полный запрет на орфографические варианты.

Но что считать образцом при определении правильной орфограммы? Ответ на этот вопрос нередко обусловлен субъективным подходом кодификатора и произвольностью совершённого выбора. Например, для слова *плеер/плейер* [англ. *player*] при его появлении в языке орфографическим образцом следовало считать слово *леер* или слово *конвейер* (речь идет о передаче сочетания дифтонга [ei] и последующего редуцированного нейтрального гласного)? Для слова *мини(-)вэн* — орфограмму *мини-юбка* или *миниметр*? Для слов *блиц(-)интервью*, *блиц(-)опрос*, *блиц(-)турнир* при решении вопроса об использовании дефиса следует ли считать образцом ранее заимствованное *блицкриг*? Является ли образцом графический облик корневой части слова *метрдотель* для одноко-

⁵ Таковы, например, написания *риелтор* (с «е»), *блицинтервью* (слитно), *хетчбэк* (с данным распределением букв э/е), *экономкласс* (слитно) и др.

ренного с ним слова *мэтр* в значении 'учитель, наставник'? Применять ли при выборе гласной первого слога у слова *римейк/ремейк* [англ. remake] аналогию со словами типа *реорганизация, реинкарнация* и т.п. (которые имеют иной источник заимствования)? И так далее, список примеров легко может быть продолжен.

Понятно, что основной массив орфографических норм в языке постоянен. Вопрос о принципах нормирования актуален для **нового** материала, связан с письменной адаптацией неологизмов, необходимостью их словарной фиксации и включения в систему русского письма. Для современного этапа большинство проблем правописания связано с заимствованной лексикой. Неологизмы исконного происхождения также активно образуются в языке, однако процесс их орфографирования не осложнен влиянием иного языка и порожденными этим влиянием противоречиями.

Для русской орфографии характерно активное применение принципа унификации: подобное должно быть оформлено подобным образом. Но, как видно на примерах, нередки случаи, когда к рассматриваемому слову могут быть применены одновременно разные аналогии. Так, неологизм *фото(-)арт* орфографически может быть соотнесен с тематическим рядом на *фото...* (*фотовыставка, фотогалерея, фотохудожник*), для которого характерно слитное написание, и одновременно — с рядом на *...-арт* (*тату-арт, копи-арт*), в котором слова пишутся через дефис; аналогично *электро(-)поп* 'музыкальное течение' по начальной части соотносимо со словами *электротехника, электростанция*, а по конечной — с *техно-поп, этно-поп* и подобными. В соответствии с существующим подходом, несмотря на возможные сомнения, кодификатор обязан прийти к однозначному решению и выдать вполне определенный результат, поскольку в русской орфографической традиции кодификация всегда императивна. По мнению Льва Владимировича Щербы, «применение транслитерационного принципа неминуемо ведет к разным непоследовательностям и является источником произвола в правописании»⁶. Это происходит из-за запрета на орфографические варианты.

Специфика **орфографических вариантов** по сравнению с другими вариантами языка состоит в том, что эти формальные разновидности слов существуют лишь на письме, но не в устной речи, они не обусловлены различиями в звуковом составе лексических единиц (что могло бы служить оправданием их существования). Это единицы, различающиеся только написанием и ничем более. Примеры⁷: *казак-козак** [л], *розыскной*-разыскной* [ъ], *фортепиано-фортепьяно* [п'ја], *галеон-галион** [и³], *беби-бэби* [бэ], *Мери-Мэри* [мэ], *капучино-капучино** [ч], *офшор-оффшор** [ф], *экономкласс-эконом-класс, в придачу-впридачу**, *Интернет-интернет* и др. Русское письмо в ряде случаев допускает возможность передачи одного и того же звукового состава двумя или несколькими возможными способами. Естественно, что при контактно-дефисных на-

⁶ Л.В. Щерба. *Теория русского письма*. Ленинград: Наука, 1983, с. 100.

⁷ Некоторые из приведенных вариантов (обозначенные «звездочкой») считаются ненормативными, но существуют (или еще недавно существовали) на письме.

писаниях или в отношении оппозиции прописной / строчной буквы звуковой состав также неизменен, а орфограммы могут варьироваться. Более частотным случаем, однако, является наличие смешанных вариантов, орфографо-языковых, поскольку явления письменной передачи слова (преимущественно заимствованного) зачастую связаны с языковыми явлениями и в той или иной степени отражают произносительные различия. Например: *тоннель* [л] — *туннель* [у], *фиорд* [фио] — *фьорд* [ф'jo], *йод* [jo] — *иод* [ио], *бивак* [а] — *бивуак* [уа], *матрац* [ц] — *матрас* [с], *кентавр* [к] — *центавр* [ц], *халиф* [х] — *калиф* [к], *бриллиант* [лиа] — *брильянт* [л'ja], *андеграунд* [гр] — *андерграунд* [грр], *килт* [л] — *кильт* [л'] и др.

Исходя из принципа единства написаний, орфографическая (а иногда и фонетико-орфографическая) вариативность считается избыточным явлением. Варианты последовательно изгоняются из обихода авторами некоторых словарей, претендующих на нормативность. Этому способствует распространенное (хотя и спорное) мнение о том, что орфография является не уровнем языка, а лишь его костюмом, «оболочкой», подверженной сознательному регулирующему воздействию человека. При таком подходе кодификатор обречен, подавив в себе сомнение, выбирать. Однако, как видим, многообразие графических реализаций часто **оправдано лингвистически**, поскольку на выбор написания каждого отдельного слова одновременно может воздействовать несколько языковых факторов. Это явления, имеющие двойной статус, или случаи так называемой **двойной орфографической мотивации**⁸, касающиеся как исконных слов, так и перешедших из других языков.

Существование вариантных пар основано на плюрализме языковых средств для передачи одного и того же содержания, на избыточности письменной формы. Сама система письма нередко мотивирует двоякие (а иногда и множественные) написания. Приведем несколько примеров.

- (1) Слово *разыскной* в соответствии с правилами должно писаться с буквой *а*, поскольку по правилу в приставках *раз.../роз* без ударения всегда пишется именно эта буква, а под ударением – буква *о*; однако если рассматривать это слово как прямое производное от существительного *розыск* (каковым оно и является), то (опять же, в соответствии с системой языка) нет оснований менять графический состав производящей основы и следует сохранить букву *о*. Данное противоречие и лежит в основе спора о написании этого слова, не утихающего по сей день.
- (2) В одной из наиболее проблемных областей — правописании сложных прилагательных — действуют одновременно два критерия, один из которых — характер отношений между основами сложного слова, а второй — их морфемный состав; в соответствии с первым (семантико-синтаксическим) слитно пишутся прилагательные при подчинительном соотношении основ и дефисно — при сочинительном, равноправном. Однако при этом возможно и применение формально-грамматического критерия, учитывающего

⁸ И.В. Нечаева. *О явлениях и случаях двойной орфографической мотивации*. «Вопросы культуры речи». Вып. XI. Москва: Языки славянской культуры, 2012, с. 148–154.

- влияние тенденции к употреблению дефиса при членимости первой основы (наличии в ней суффикса). В зависимости от того, какой критерий используется, должны варьировать свое написание такие, например, прилагательные, как *народно(-)поэтический* (от *народная поэзия*), *конно(-)спортивный* (от *конный спорт*), с одной стороны, и *нефте(-)газовый*, *мясо(-)молочный*, *тазо(-)бедренный* — с другой.
- (3) Конфликт между передачей при заимствовании иноязычного произношения или иноязычного написания неологизма хотя и решается обычно в пользу произношения, но бывают случаи, когда это не так, и пример тому — слово *имейл / е-мейл* [англ. e-mail], весьма часто встречающееся именно во втором варианте (который является характерным примером смешанного применения транслитерационного и транскрипционного способов передачи).
- (4) Англицизмы на ... *tion* при русской фонетической адаптации передаются либо комбинацией одних согласных (...*ин/...жн*), либо с производимым редуцированным гласным (...*шен/...жен*), что связано с различиями между английским и русским произношением (и даже с вариантностью в самом английском произношении⁹), напр. *эки(е)н* [англ. action], *нон-фикшн(е)н* [англ. non-fiction], *ресепшн(е)н* [англ. reception], *фьюжн(е)н* [англ. fusion] и др.
- (5) При передаче заимствования, имеющего в языке-источнике грамматический статус деривата, следовать ли правилам транскрибирования или применить морфологический принцип русской орфографии, по которому слово рассматривается сугубо синхронно-парадигматически? Этот вопрос возникает применительно к словам типа *блог(е)р*, этимологически производимого от *блог*, но воспринятого русским языком как готовое заимствование от англ. *blogger*. На сегодняшний день этот вопрос не имеет теоретического решения, а между тем от ответа на него зависит сохранение или упрощение двойных согласных на письме.
- (6) В слове *пентхаус* [англ. penthous] глухой согласный на конце при образовании плюральной формы [penthouses] меняет свое звучание — становится звонким. Вопрос, учитывается ли этимологическое позиционное изменение согласного при заимствовании или имеет место ориентация лишь на исходную форму, также не решен теорией орфографического нормирования.
- (7) При образовании усеченного *телик / телек* ('телевизор') с разговорной стилистической окраской (по аналогии с *велик* — 'велосипед') происходит наложение гласных корня *теле-* и суффикса *-ик*; какой гласный в результате наложения должен быть отражен орфографически – вопрос дискуссионный.

Этот ряд двояко мотивированных написаний можно продолжить.

Как следует из сказанного, налицо **ортологическая проблема**. При существовании множественных лингвистических мотивировок как определить, какое написание будет **правильным**? Всегда ли правильно только что-то одно или возможен плюрализм мнений? Русская система письма нуждается в непродвину-

⁹ Так, английский словарь *Oxford* дает к слову *ресепшн(е)н* транскрипцию с немым гласным [risɛpʃn], а словарь *Collins* – с производимым редуцированным [risɛpʃən].

том взгляде на проблемы нормирования. Правильным принято считать то, что соответствует норме. И здесь встает вопрос о понимании нормы в орфографии.

Надо сказать, что вопрос **об орфографической норме** до сих пор является дискуссионным. Традиционный взгляд основан на убеждении, что орфография — система условная и при этом авторитарная. От пишущего требуется не размышление по поводу обоснованности норм, а их неукоснительное соблюдение. Норма в орфографии отличается от прочих языковых норм большей долей сознательного, в определенной степени навязанного извне, а не сформированного стихийно, под влиянием внутриязыковых процессов, но при этом имеет безусловный императивный статус. Появляющиеся варианты должны быть волевым образом сведены к минимуму, а лучше уничтожены. Существует жесткая антинормия нормы — ошибки (кодификатор не ставит задачу описывать все возможности письменной передачи, ему достаточно указать на одну и подобрать к ней подходящий критерий).

Другая точка зрения заключается в том, что норма в орфографии принципиально ничем не отличается от прочих языковых норм, которые формируются естественным образом в языке через вариативность¹⁰. Кодификация, опережающая формирование нормы в узусе, недостаточно убедительна; вынужденное условное решение может оказаться на поверку ошибочным (что нередко и случается). В таких случаях по прошествии времени кодификацию приходится менять, что также негативно сказывается на стабильности письма. Орфографические колебания необходимо не уничтожать, а изучать, поскольку они выявляют тенденции, действующие в письменном языке. Задача лингвиста — фиксировать **сложившиеся** нормы, а не навязывать свой субъективный взгляд на то, как следует писать.

Первый (традиционный) взгляд нам представляется устаревшим, но он оправдан с исторической точки зрения. В эпоху, когда в общественной жизни господствует безальтернативность и приветствуется единомыслие во всём, было бы наивно ожидать принципиально иных взглядов по отношению к языку. Хотелось бы думать, что подобные методы регулирования в области использования языка вместе с 20-м столетием ушли в прошлое. «Новая орфографическая ситуация, связанная с процессами десоветизации, вновь ставит задачу определения границ орфографической свободы русского письма в разных его сферах», — пишет Татьяна Михайловна Григорьева¹¹.

Однако отголоски общественно-политических реалий тоталитарного периода достаточно живучи и выражаются они в преувеличении сознательного фактора в правописании. У лингвистов «возникает представление, согласно которому любые недостатки орфографии могут быть устранены волевым ре-

¹⁰ А.Д. Шмелев. *Орфографические нормы и орфографические правила*. «Русский язык в школе» 2009, № 9, с. 70–75; И.В. Нечаева. *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*. Москва: Азбуковник, 2011, с. 139–147.

¹¹ Т.М. Григорьева. *Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 261.

шением <...>. Между тем в свободном обществе такой подход не может быть реализован», — пишет А.Д. Шмелев¹², и это представляется справедливым. Дело не только в том, что живой и изменчивой природе языка более соответствует новый взгляд на упорядоченность в орфографии, при котором спорные явления честно признаются спорными, а императивная кодификация только тогда оправданной, когда она идентична уже сформировавшейся норме; необходимо осознавать, что весьма вероятно общественное отторжение искусственного и навязанного языку извне (что мы и наблюдали в процессе обсуждения проекта 1990-х годов).

При этом, разумеется, важно не впасть в другую крайность: современный взгляд на орфографическую норму заменить отрицанием нормы вообще. Просто следует понимать, что есть случаи, когда нормальным является не единичное написание, а двоякое, или даже ряд написаний. В область письменной нестабильности попадают прежде всего заимствования (поскольку для установления их графического облика приходится выходить за пределы русской языковой системы), а также единицы, на орфографию которых влияют экстралингвистические факторы (это касается, например, сферы употребления прописной буквы¹³). К болевым точкам русского правописания относятся также композиты (как иноязычные, так и исконного происхождения или смешанные, типа *блиц-опрос*, *мультимедиа-открытие*), например, сложные прилагательные. Последние представляют проблему с выявлением лингвистических тенденций, релевантных для орфографии.

Как уже говорилось, применяемые в настоящее время критерии их правописания (семантико-синтаксический и формально-графический) иногда входят в противоречие друг с другом. По мнению некоторых исследователей, существует тенденция к дефисному разделению основ при членимости первой части (обычно при наличии суффикса *-н-*) и контактному их присоединению при отсутствии такой членимости. Однако данный критерий не безусловен: по нашим наблюдениям, дефисные написания в этой группе слов и при сочинительном, и при подчинительном соотношении основ и независимо от наличия суффикса часто выглядят более естественно, нежели слитные (ср. *вино(-)водочный*, *мясо(-)молочный* и т.п.). Скорее, на наш взгляд, речь может идти вообще о постепенном вытеснении слитных написаний дефисными в области композитов различной этиологии в русском языке, но это требует исторической проверки. Изменение написания у группы прилагательных с равноправным отношением частей и отсутствием суффикса прилагательного с дефисного на слитное — пример кодификаторского насилия над языком. Ясно, что диагностирование тенденций в правописании — дело совсем неочевидное.

Другие спорные тенденции русского письма касаются, в частности, заимствованных слов: это, например, 1) упрощение двойных согласных (ср. *кил(л)*

¹² А.Д. Шмелев. *Орфографические нормы и орфографические правила...*, с. 74.

¹³ К примеру, нестабильны номинации *П/перестройка*, *Х/холодная война*, *Б/ближнее и Д/дальнее зарубежье*, а также названия должностей и званий, организаций и их подразделений, торговых брендов, праздников, мероприятий, религиозных установлений и др.

ер, бан(н)ер, оф(ф)лайн, лег(г)инсы) и 2) употребление буквы «е» после твердого согласного (*бейдж/бэйдж, хеллоуин/хэллоуин, хайвей/хайвэй*). Речь идет о том, что в некоторых фонетических позициях удвоение сохраняется независимо от степени освоения слова, а также о том, что замена «э» на «е» (что означает отсутствие показа твердости предшествующего звука) осуществляется не во всех случаях: выбор между этими гласными также предположительно зависит от фонетической позиции и других факторов¹⁴. В связи с этим прогнозирующие возможности соответствующих правил, в которых традиционно не прописаны все нюансы из-за стремления к универсальности, крайне низки, если не вовсе отсутствуют.

Таким образом, в той части системы, члены которой подвержены письменным колебаниям, эксплицируется шкала вариантов, существующих на письме. Между одним написанием, лингвистически обоснованным, — и другим, такого обоснования лишенным, может находиться диапазон допустимого, включающий письменные реализации, не противоречащие традициям и принципам письма. За пределами этого диапазона находятся написания, не имеющие реальной лингвистической опоры или не вполне соответствующие этимологии слова. (Например, для слова *фото(-)арт* допустимыми можно считать дефисное и слитное написание с рекомендацией дефисного, а однозначно неправильным — вариант с отдельным написанием; для слова *кал(л)анетика* [англ. callanetics от соб. Callan Pinckney] допустимы варианты с одиночным и удвоенным «л», а неправильным следует считать вариант *колонетика*, несмотря на то что он нередко встречается в узусе; для слова *хэтчбек / хетчбэк / хэтчбэк / хетчбек*, имеющего четыре графических реализации, следует предпочесть вариант с «э» после задненебного (для предотвращения его смягчения) — *хэтчбек*, наиболее нежелателен вариант с двумя «э», а остальные допустимы; и т.д.).

В ситуации, когда норма неоднозначна, естественным был бы выход из бинарной парадигмы «правильно–неправильно» и переход в триаду «рекомендуемо–допустимо–ошибочно» с указанием на предпочтительный вариант (исходя из его лингвистического обоснования) и с запретом на написания, оформленные при нарушении принципа графической правильности¹⁵. Допустимыми в данной парадигме должны признаваться варианты, находящиеся в центре нормативной шкалы. Тем самым будет соблюден принцип обоснованности написаний и селективная функция нормы сохранится. Вместо того чтобы объявлять ошибочными все члены вариантного ряда, кроме одного, выбранного произвольно, имело бы смысл разумное и умеренное **ограничение вариативности**. Однако принять такое решение мешают догматические представления об орфографии.

¹⁴ И.В. Нечаева. *О шоп(п)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации*. «Русский язык в научном освещении» 2012, № 1 (23), с. 72–89.

¹⁵ Графически правильной признается такая запись слова, которая, будучи прочитанной по основным правилам языка, дает именно то фонетическое слово, которое записывалось. См. А.А. Зализняк. *Древнерусская графика со смещением ъ – о и ѵ – е*. [В:] *Отцы и дети Московской лингвистической школы*. Москва: Институт русского языка, 2004, с. 172.

На чем могут быть основаны правописные рекомендации и предпочтения? На понимании того, к чему тяготеет стихийный выбор грамотных носителей языка, что поддерживается практикой употребления, т.е. на тенденциях письма. Этого понимания может быть недостаточно для того, чтобы однозначно предписывать, но достаточно, чтобы дать рекомендации с учетом активных лингвистических процессов. При этом узус как опытная языковая среда может продемонстрировать количественные соотношения в употребительности членов вариантного ряда.

Вопрос о лингвистической статистике как кодификаторском инструменте также относится к разряду обсуждаемых и неоднозначных. Некоторые лингвисты подвергают сомнению репрезентативность интернет-статистики, но при этом не перестают ею пользоваться. На наш взгляд, количественные данные употреблений существенны не столько для определения конкретного написания по принципу наибольшей встречаемости — такой подход был бы слишком примитивным, — сколько для понимания существа проблемы. Так, статистика важна не для того, чтобы выбрать между написаниями, напр., *ремейк* или *римейк*, *офшор* или *оффшор*, *шоувумен* или *шоу-вумен*, *соц-арт* или *соцарт*, а чтобы на материале подобных случаев установить, какой фактор — этимологический или синхронно-парадигматический¹⁶ — является в данном случае определяющим. Количественные данные об употребительности того или иного варианта следует соотносить с происхождением, фонетическими и иными структурными свойствами слова. При правильной постановке проблемы возможно постепенное прояснение действующих тенденций правописания — при условии отказа от поспешного и неоправданного императива в кодификации.

Понятие орфографической ошибки также требует корректировки. В процессе обучения в нас закладывается представление, что ошибка — это любое написание слова, которое отличается от словарного или упомянутого в правилах. Современное состояние языка способно поколебать это положение. Непонятно, какое решение следует принять, если слова еще нет в словарях или если в разных словарях фиксируются различные орфограммы (в отношении неологической лексики случается и такое). Какие из них ошибочны? А может быть, они все правильные? Но если мы хотим сделать выбор единой нормативной орфограммы, то это предполагает наличие ответов на многие вопросы, на сегодняшний день теоретически и практически нерешенные, например: что является орфографической аналогией? Как быть при отсутствии устойчивой традиции написания, если аналогий две (или больше) и они требуют для слова различных

---

¹⁶ Синхронно-парадигматический принцип написания основан на синхронной орфографической проверке с использованием парадигматических связей слова и без учета его происхождения; см. И.В. Нечаева. *Синхронно-парадигматический принцип в орфографии заимствований. Границы его применения*. [В:] *Русский язык. Исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет. 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы*. [Электронное издание]. Москва: Издательство Московского университета, 2014, с. 543.

графических реализаций? Какие факторы — внутрисистемные или этимологические — являются определяющими, и в каких случаях? и т.д.

Уместно вспомнить, что даже основоположник нормативной орфографии академик Яков Карлович Грот, будучи большим ученым, не отрицал наличие случаев, когда возможен «неодинакий взгляд на предмет»: в языке существует «множество таких причин разнообразия, которые вполне устранить едва ли возможно. Когда в правописании господствуют рядом одно с другим два начала, то возникает вопрос: где и как провести резкую черту законности между тем и другим? (...). Поэтому, как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловно. Надобно уметь отличать важные разногласия от неважных»¹⁷. Алексей Александрович Шахматов и Дмитрий Николаевич Ушаков также не исключали возможности двояких написаний.

Итак, столкновение орфографической догмы и реальности побуждает к поиску инновационных путей совершенствования русского письма. Все предшествующие попытки воздействия на письмо были постулируемы представлением об орфографической норме как сознательном человеческом установлении. Инновации в орфографии понимались как императивные изменения частных письменных установлений, иногда с более последовательным проведением основного принципа правописания. Очевидно, что время требует изменения преобладавшего до сих пор взгляда на само понятие нормы в орфографии и на пути ее обретения применительно к неустойчивой части языковой системы. Инновационность современного подхода не в реформах, а в толерантности, в отказе от «орфографического диктаторства», «режимного» управления письмом¹⁸, а также в решении **общих проблем нормирования**, в требовании адекватности письма развивающемуся языку — но, разумеется, при соблюдении критериев нормативности. Уважительное отношение к основам русского правописания не исключает осторожного пересмотра принципов кодификации, а последний не лишает письмо упорядоченности, забота о которой остается одной из главных задач орфографа.

Литература

- Григорьева Т.М. *Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 259–261.
- Грот Я.К. *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1876.
- Зализняк А.А. *Древнерусская графика со смещением ъ – о и ь – е*. «Отцы и дети Московской лингвистической школы». Москва: Институт русского языка, 2004, с. 165–192.

¹⁷ Я.К. Грот. *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне*. Санкт-Петербург, 1876, с. 177–178.

¹⁸ Т.М. Григорьева. *Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 259–261.

- Кузьмина С.М. *История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке*. «Русский язык в научном освещении» 2003, № 2 (6), с. 173–191.
- Кузьмина С.М. *Нормы орфографии и современная письменная практика*. [В:] *Современный русский язык: Система — норма — узус*. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 47–67.
- Нечаева И.В. *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*. Москва: Азбуковник, 2011.
- Нечаева И.В. *О шоп(п)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации*. «Русский язык в научном освещении» 2012, № 1 (23), с. 72–89.
- Нечаева И.В. *О явлениях и случаях двойной орфографической мотивации*. «Вопросы культуры речи». Москва: Языки славянской культуры, 2012. Вып. XI, с. 148–154.
- Нечаева И.В. *Синхронно-парадигматический принцип в орфографии заимствований. Границы его применения*. [В:] *Русский язык. Исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет. 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы*. [Электронное издание]. Москва: Издательство Московского университета, 2014, с. 543.
- Нечаева И.В. *Языковые изменения и принципы орфографического нормирования (на материале иноязычных неологизмов)*. «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН». Санкт-Петербург: Наука, 2012. Т. VIII, часть 3, с. 325–336.
- Осипов Б.И. *Уроки русских орфографических реформ*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 261–264.
- Правила русской орфографии и пунктуации*. Москва: Учпедгиз, 1956.
- Шмелев А.Д. *Орфографические нормы и орфографические правила*. «Русский язык в школе» 2009, № 9, с. 70–75.
- Щерба Л.В. *Теория русского письма*. Ленинград: Наука, 1983.

ПРЕДИКАТИВНОЕ СЛОВО *БЫЛО* В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
НОРМА ВЫРАЖЕНИЯ И ГРАНИЦЫ НОРМЫ

ВЛАДИМИР Н. ШАПОШНИКОВ

Московский городской психолого-педагогический университет
Факультет иностранных языков
Кафедра лингводидактики и межкультурной коммуникации
e-mail: vladimirshaposhnikoff@yandex.ru
(получено 13.04.2015; принято 1.09.2015)

Abstract

**The predicative word *bylo* in contemporary Russian.
The norm of expression and the boundaries of the norm**

The norm constitutes a real indication of the language system and of the place and function of a unit in the structure of the language, which manifests itself in each unit in its immanent essence as fundamental feature of the sign. To a typological series of signs the question where and how the differences between a norm and its absence manifest themselves remains open. The boundaries of the norm are defined as the scope limit of a language unit and a sign. Attention has been paid at the aspects of the norm. Predicates with the complicating word *bylo* demand special consideration as an important object in respect of the expansion of thought and development of coherent speech. Lexical, morphological and syntactic features specific of predicative expressions are analyzed in their different connections. The linguistic changes of *bylo* and their systemic-structural foundations are accounted for. The norm of the language system, innovations and the boundaries of norm are defined.

Key words

System of language, language use, language norm, speech structure, word *bylo*.

Резюме

Норма есть действительный показатель системы языка и место и роль единицы в языковой организации, воплощающейся каждой единицей в ее имманентной сущности и данности как фундаментальных качеств знака. Для типологического ряда знаков актуален вопрос о том, где и в чем именно отличие нормы языкового явления от не-нормы. Границы нормы определяются как сфера действия языковой единицы и пределы знака. Отмечаются аспекты нормы. В языковой структуре предикаты с осложняющим словом «было» и парадигматически соотношенные средства выражения выдвигаются как объект специального рассмотрения, важный в плане развертывания мысли и развития связной речи. Анализируется лексическая, морфологическая и синтаксическая специфика предикативного выражения в их взаимосвязи. Фиксируются речевые изменения и их системно-структурные основания. Определяется норма языковой системы, новообразования и границы нормы.

Ключевые слова

Языковая система, употребление языка, языковая норма, языковая структура, предикативное слово *было*.

Система языка с ее конструктивными сущностными свойствами воплощается каждой единицей языка в ее неперменном существе и имманентной данности; она состоит в фундаментальных качествах языковой единицы (неизменности и изменчивости, произвольности и мотивированности, взаимной независимости означающего и означаемого, протяженности и линейности). При этой конститутивности существуют разноуровневые конструктивные явления языка и их возможный таксономический статус в языковой системе. Норма есть действительный показатель системы языка, места и роли единицы в системе языка. Она обусловлена связанными с сущностными качествами единицы прагматическими основаниями: всеобщностью, общей лингвистической потребностью, целесообразностью, выразительностью и экономичностью выражения. Где и в чем отличие нормы языкового явления от не-нормы? Границы нормы можно видеть как сферу действия языковой единицы и пределы знака.

В сфере действия языковой единицы сходятся аспекты нормы. Первый из них образует лексическая сочетаемость единицы. Она зависит от принадлежности к определенному семантическому кругу слов. Имеются пределы лексической сочетаемости¹. Ее обуславливает валентность языковой единицы. Соотносительно с ней выделяются пределы грамматической связи. Конкретизируются

---

¹ Н.Н. Прокопович. *Словосочетание в современном русском литературном языке*. Москва: Просвещение, 1966; С.Г. Тер-Минасова. *Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах*. Москва: Издательство ЛКИ, 2007; К.Я. Сигал. *Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица*. Москва: Ключ-С, 2010.

ее разновидности. Системообразующей является специфика и пределы связи управления². Отмечаются морфологические показатели взаимодействующего слова и семантические классы глаголов в этих связях, однако обуславливающие классы глаголов прослеживаются и в направлениях примыкания (пойти, прочитать быстро <--> стоять, стоить, покупать). Складываются пределы примыкания: отношение единицы обусловлено семантическими классами грамматического хозяина, выражаясь позиционно, через порядок слов и интонационно рисунком мелодического тона либо посредством паузирования. Структурный аспект нормы составляют пределы грамматической семантики единицы: общее значение части речи и семантика категориальных сторон действительности, выражаемая словом. Вместе с ними существуют пределы синтаксической структуры, в которую может включаться единица, и границы ее синтаксических связей. Интегрирующим аспектом нормы являются пределы лексического значения единицы — отображения предмета как совокупности различительных признаков.

При изучении языковой структуры предикаты с осложняющим их словом *было* по ряду причин требуют специального рассмотрения. Выражение *было* несомненно важно в плане развертывания мысли и развития связной речи. В школьных и вузовских учебниках по современному русскому языку и даже в монографиях этому лексико-семантическому явлению не всегда уделялось внимание³.

Было характеризуется тем, что происходит его современная активизация⁴.

Сочетаемость *было* в русском языке определена. Частица сочеталась с глаголами; это глаголы определенных семантических типов: модального значения желания, намерения, попытки; глаголы движения, фазисные глаголы — со значением начального предела и результата, глаголы действия, которые называют ситуацию, укладываемую в один акт наблюдения.

Это его главная валентность. Она является или пассивной, или активной. Она такова предметно, что сочетавшийся с «было» глагол имел значение непротяженного, скоротечного действия. Он находится в основании определенной логической конструкции и задает ее характер.

Слово *было* имело четкие двусторонние синтаксические связи. В структуре целого высказывания вслед за осложненным *было* сказуемым идет содержательный фрагмент с противительным союзом или союзным сочетанием *как вдруг/но вдруг*. Этим организуется противопоставление притягиваемых «было» суждений. Противопоставление выражается либо однородными членами в простом предложении, либо частями сложносочиненного предложения. В следующем

² Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. Ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 289–294.

³ См. П.А. Лекант. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. Москва: Высшая школа, 1976; Теоретические проблемы русского синтаксиса...

⁴ См.: Частотный словарь русского языка. Ред. Л.Н. Засорина. Москва: Русский язык, 1977 — слово не фиксируется; Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка. Москва: Азбуковник, 2009 — частота употребления 21,6.

затем фрагменте обозначается то, что прервало действие или помешало осуществлению намерения, обозначенного предшествующим суждением. В одном типе употребления противопоставление создается не в рамках одного сложного предложения, но в более широком контексте, и отрицающее суждение предшествует предикату с *было*.

Данная грамматическая связь имеет характер разрывной валентности, которой соответствует связь глаголов-предикатов сочинительной либо сложносочиненной конструкции. В противопоставляющем *было* суждении находится сказуемое — глагол с результативным значением. Создается значение предшествования первого неразвившегося действия перед вторым опровергающим действием. При таком соотношении этих специфических предикатов логико-синтаксическая конструкция обозначала предполагаемую быструю смену действий и ее мобильную фиксацию.

Употребление слова в современном литературном языке по типам включающих его сказуемых и предложений, в которых они функционируют, были таковы:

Я было обрадовался, но/ да/ как вдруг...

Он затянул было песню, но...

Я хотел было пойти, но...

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло.

(П.П. Бажов. *Медной горы хозяйка*)

Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

(А. Пушкин. *Капитанская дочка*)

Он начал было развязывать башлык, но вдруг засуетился, достал кيسет, искал в карманах бумагу.

(М. Шолохов. *Тихий Дон*)

А я было и не узнал тебя по первоначалу-то.

(Д.Н. Мамин-Сибиряк. *С голоду*)

— Ну, мне пора! — сказал Волков. <...> — Погодите. — удерживал его Обломов, — я было хотел поговорить с вами о делах. — Pardon, некогда, — торопился Волков, — в другой раз!

(И.А. Гончаров. *Обломов*)

Может, целесообразно было бы перебраться на манеж? — предупредительно напомнил было о себе цирковой директор. <...> Однако было бы желательно хоть маленькую киносьемку, — снова заикнулся было председатель.

(Л.М. Леонов. *Пирамида*)

Я было за ним, уговариваю... А он ни в какую.

(А. Арбузов)

Они было бежать, да не тут-то было.

(Н.С. Лесков)

Сфера бытования единицы в языковой системе относилась к устной реализации речи, и ее место характеризовалось произношением: во фразовой структуре слово выступает с частичной⁵ или полной потерей ударения. Она примыкает к глаголу-сказуемому. Это клитика — единица структурного класса, промежуточного между словом и морфемой. Следовательно, *было* промежуточно по знаковой самостоятельности — несамостоятельности и предметности — грамматичности значения.

Возможна смена позиции слова в структуре предложения: *было* может стоять после глагола или перед ним. Это характеристика синтаксической связи знака.

Грамматически в системе языка это частица, служебное слово. Она общеязыковая, что отмечал *Толковый словарь* Ушакова⁶: без стилевых помет; то же *Словарь русского языка*⁷. При этом *было* относилось к некнижной речи; в современном русском языке оно несло налет устарелости.

Определенна морфологическая характеристика единицы: она сочетается органично с глаголом совершенного вида, прошедшего времени. Этот массив сочетаемости составляет основную часть зоны действия слова как нормы. Он прямо соотносится со значением лексемы *было*, выделяя в его составе центральную сему.

Есть некоторые другие случаи сочетаемости, относящиеся к периферийной зоне и соотносящиеся с периферийными семами в составе значения. Так изредка появлялись сочетания с глаголом несовершенного вида: *Табардин в отчаянии, схватывает было воду, но бросает стакан* (Алексей Толстой). Подобные случаи представляют особое явление в грамматической системе — конкуренцию видов, когда глаголы разных видов могут употребляться в одном и том же контексте. Хотя видовые различия глаголов совершенного и несовершенного вида полностью не стираются, но замена одного вида другим не влияет существенно на содержание высказывания. В таком высказывании речь идет не столько о самом действии, сколько о его участнике и обстоятельствах, при которых оно происходит, и значение вида нейтрализуется.

Наблюдаются менее приемлемые употребления, где разметка правильности несколько трансформируется:

Артемьев *было* отказывался, но его урезонил Удальцов.

(Л. Никулин)

Не знаю, — *уклоняется было* Сидоркин, но потом роняет безжалостно...

(А. Борщаговский)

Это вызвано отличиями содержания глаголов — семантикой категориальных сторон действительности. Такие выражения принадлежат не самым выда-

⁵ *Словарь русского языка*. Ред. А.П. Евгеньева. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Издательство «Русский язык», 1981–1984.

⁶ *Толковый словарь русского языка*. В 4 тт. Ред. Д.Н. Ушаков. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.

⁷ *Словарь русского языка...*

ющимся мастерам русской литературы. Но пребывание в пределах нормы обеспечивается соотносительностью с возможным параллельным выражением при помощи вспомогательного глагола, придающего фазисное значение: *стал было отказываться, начал было уклоняться*.

С другой стороны, в рамках данной пропозиции *было* сопрягается с дискурсивными словами, обозначающими следование событий. В его сочетании с модальным глаголом почти обязательно наречие *уж/уже*.

В целом место данного явления в системе языка характеризовалось ограниченностью парадигмы: выражение с *было* не имело лексических синонимов. Другие слова ограничительного значения *только, уж и уже* имеют большие содержательные отличия. Отыскивается синтаксическая синонимия: составное глагольное сказуемое со вспомогательным полузнаменательным глаголом одного типа

Андрей *стал* ее *поднимать*, но она попросила подождать.

(И. Кочергин. *Сказать до свидания*. «Новый Мир» 2006, № 07)

Однако взаимная содержательная замена конструкций с сохранением характера модальности не всегда возможна, что свидетельствует о различиях их значения, равно как и о содержательном отличии основного смыслового глагола в сказуемом, ср.:

При этом Шариков *сделал попытку брыкаться*, но ноги его не слушались.

(М. Булгаков. *Собачье сердце*)

Через полчаса я очнулся и *хотел подняться* на ноги, но не мог, *хотел шевельнуться* — не мог, *хотел крикнуть* — тоже не мог.

(В.К. Арсеньев. *По Уссурийскому краю*)

Экспериментальное включение слова *было* не только вносит семантико-стилистические различия, но и противоречит семантико-синтаксической структуре предложения. Другое синтаксическое соответствие — выражение сослагательного наклонения также семантически не слишком близкое, например:

Дело и *сорвалось бы*: Пантелей Прокофьевич пыхтел и наливался бураковым соком, невестина мать кудахтала, как наседка на тень коршуна, но в нужный момент ввязалась Василиса. Посыпала мелкой тишайшей скороговоркой, будто солью на обожженное место, и связала разрыв.

(М. Шолохов. *Тихий Дон*)

Современная активизация лексемы происходит при изменении стилевой сферы, перейдя в письменную речь, в публицистических и художественных текстах. Так пришли употребления:

Владимир Путин поднял голову от бумаг, в которые он *было* углубился.

(«Ведомости» 21.7.2013)

Поклонники певицы К. Миноуг начали *было* собирать подписи за участие артистки в конкурсе «Евровидение» от Австралии, но сама певица лишь посмеялась над этой идеей.

(«Ведомости» 17.2.2015)

Артем открыл глаза, посмотрел на него, хотел было просительно улыбнуться, но не хватило сил; Василий Петрович с видимым сожалением откусил баранку, оставив совсем немного, и хотел *было* положить в подставленную ладонь, но вдруг раздумал.

(З. Прилепин. *Обитель*)

Мои истошные вопли заставили ее взяться наконец за ухват, которым она начала *было* меня доставать. Короткий комментарий был уже вечером.

(«Литературная газета» 2015, № 9)

Шофер двинулся *было* туда, куда ему указали, как вдруг услышал, будто вдогонку: «Всё можно увидеть с другой стороны».

(О.А. Шишкин. *Ведьменьи*)

В том числе стоит употребление в сказовом повествовании:

Злая Фея на радостях хотела *было* снова окружить крестницу заботой, но случайно взглянула на заезжего гипнотизера, а он взглянул на нее.

(О. Лукас. *Принцесса, свинопас и трудности с учебой*. «Октябрь» 2014, № 11)

Так ведь русальницы загрызут доможириху и косточки выплунут — такое злое до утех чаровное племя. Царь *было* стакнул с русальницей, так едва ноги унёс.

(В. Личутин. *Наваждение*. «Литературная газета» 2015, № 10)

Эти употребления *было* в общем вписываются в границы языковой нормы, однако имеют свои особенности синтаксических связей, синтаксической структуры или грамматического значения и морфологических связей.

Отличия сферы действия возрастают, и употребление оказывается на границе нормы. Как это:

Неслышной поступью к нему подошла девушка, в которой Авдеев совсем *было* признал Дашу, если бы в ее лице не показалось ему совсем ей не свойственное холодное, даже жестокое выражение.

(А. Нежный. *Вожделение*. «Октябрь» 2014, № 11)

Здесь иное логическое соотношение между частями сложного предложения, в первом из которых находится сказуемое с *было*; это соответствует перемене структурно-семантических параметров *было*. То же отличие:

Авдеев хотел *было* сказать, что он как он есть <...> Однако прозвучали у него, и то хрипло, только последние слова: «...на всю оставшуюся жизнь»;

(А. Нежный. *Вожделение*. «Октябрь» 2014, № 11)

Мирзоев попросил *было* Курочкина написать на основе пьесы либретто, но драматург передоверил эту честь режиссеру.

(«Ведомости» 7.4.2015)

В современной речи далее возникают такие употребления *было*:

Здесь и возрожденный в своих правах реализм, и *потесненный* *было* постмодернизм, и сложный синтез реализма и модернизма.

(«Литературная газета» 2015, № 6).

Здесь нарушены пределы лексического значения слова, грамматической связи, грамматической семантики, синтаксической структуры; содержится ма-

мый компонент действия — акциональности во фрагменте включающего *было* сказуемого, нет последующей синтаксической структуры противопоставления действий; *было* имеет другое предметно-понятийное значение ‘ранее, в некоторое время’. Отсюда в результате высказывания возникает неясность.

Аналогичны выражения:

Театр ан дер Вин основал в 1801 году либреттист *Волшебной флейты* Моцарта — драматург, певец и импресарио Э. Шиканедер. Ныне театр сохраняет разносторонность, *присущую было* его учредителю
(«Ведомости» 10.2.2015)

, — где не содержится действие во фрагменте предикации *было*, руководящим причастием обозначено длительное состояние, а не короткое результативное действие, отличается грамматическая семантика, отсутствует последующая синтаксическая структура, противопоставленная предикату с *было*, в силу чего слово *было* обозначает ‘ранее’. При этом данное предложение выражает сложное грамматическое значение времени. То же выражение выступает в звучащей книжной (подготовленной) речи:

И *пришедшие было* к власти мусульманские радикалы открыто поддерживали Исламское государство.
(ТВ 24, 16.2.2015)

, — где *было* обозначает ‘ранее’, а вместе с отличием лексического значения имеет семантико-синтаксические отличия и отличие грамматической связи.

Данное употребление *было* системно характеризуется тем, что вообще причастия в современном русском языке по своему категориальному содержанию сдвинулись в сторону «окачествления»⁸ и продолжают это системное движение. В силу этого *было* сочетается в новом контексте со словом категориального значения преобладающей предметности.

С другой стороны, такие управляющие «было» причастия относятся к глагольной парадигме, имеющей отличия семантики способа действия, что определяет его свойства.

Рассмотрим механизм и причины явления современной речи. Следует поискать аналогии нереальной/ потенциальной модальности. В русском языке были еще некоторые формы выражения отношения действия к реальности, хотя и просторечно-областные. Форма нереального наклонения и многократного способа действия, соотносительная по грамматическому виду с *было*: Заходи *быва(е)т* (нижегородское). Сходное выражение (Московская область. Ногинск): *бывают*. Соотносительна по значению времени форма потенциальной модальности при сказуемом: *буде* (нижегородское; вятское).

Выступало просторечно-областное сочетание с частицей формы повелительного наклонения и вместе с тем наречия со значением высокой степени, а

⁸ В.В. Виноградов. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва — Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1947.

также относительного наречия качества или образа действия. Оно выступало в диалогах рассуждения:

Аль управу не сыщем? Мой Алексашка, как отделял его, *было-к* в драку кинулся, за груди хватался. Я его доразу секанул. «Зараз же заявляю атаману и старикам, выпорем». Посмирнел, слег; Подковал он нас, стервец... как ладно зажили *было-к*.
(М. Шолохов. *Тихий Дон*)

Здесь сообщается оттенок увещевания.

Отыскивается еще форма предикативного выражения, например: Зачем *было выходить* из дома так рано?

Было имеет значение категории состояния. Противопоставлена с ней по признаку времени старая предикативная форма:

Ну, добро много плакать, да *перестать же будет*
(Аввакум, 2 пол. XVII в.)

На платформе имевшейся системной семантики и формы слова может быть архаизация: сопоставление древней предикативной формы? Ср. составную временную форму древнего прошедшего, содержащую причастие, — перфект: *несль есмь, пришль еси*: плюсквамперфект: *пришьль былъ есмь*. Ср. древнее условное наклонение — неосуществившееся условие: *бисте вѣдѣли*, 2 л. мн., *биша сътвориши*, 1 л. мн., *да би пришль*, 3 л. ед.ч.; неосуществившееся желание: *да бихъ не вѣдѣлъ, еша моглъ быхъ* азъ васъ оувѣщать (Супрасльс.).

Но при создаваемой структурной сложности в современной речи *было* обладает иным, превосходящим это временное значение содержанием.

К исследованию функционирования *было* имеет отношение то, что, возможно также, имевшаяся в старославянском основа *bi-* являлась старым оптативом⁹. Формально есть современное соответствие категории наклонения. Однако со значением наклонения не совсем совпадает содержание языковой единицы.

Первоначально же аналогичные употребления модального *было* таковы:

Крайчего коронного казаки на подолии *поимали было*, и он едва в исподнем кавтане ушел.
(Ведомости I. 12, начало XVIII в.)

Грамматическое значение представленной предикативной формы: прошедшее время; способ глагольного действия: неполнота осуществления. За вычетом собственно глагольного содержания компонента сказуемого, структура лексического значения «было» такова: 'имевшее место' + 'в прошедшем' + 'почти'. Аналогично содержание выражения:

Намнясь Наметку укусила *было* бешеная собака, да скоро захватили, ворожея заговорила.
(Д.И. Фонвизин. *Письма родных к Фалалею*. «Живописец» 1772)

Временной компонент действия мог существенно преобладать в употреблении:

⁹ А. Мейе. *Общеславянский язык*. Перевод со 2-го франц. издания, пересмотр. и доп. в сотрудничестве с А. Вайаном. Перевод и примечания проф. П.С. Кузнецова. Москва: Издательство иностранной литературы, 1951, с. 213.

Императрица по прочтении письма чрезвычайно разгневалась, так что вышла из себя, и ей *было* сделано очень дурно. Поскакали в Петербург за каплями, за лучшими докторами.

(Г.Р. Державин. *Записки*)

В содержании таких употреблений *было* находится значение времени — предыдущего и значение способа глагольного действия — малая степень и неполнота, а на его основе формируется значение неосуществившегося действия:

С горести она *было* занемогла, но крепкая ее природа, утешения родственников, время и надежда излечили ее от болезни

(А. Измайлов. *Бедная Маша*)

Хвостов спорил, и слово за слово *дошло-было* до драки: обнажили шпаги и стали в позытуру, но тут приехал <...> Гасвицкий и бросившись между рыцарей, отважно пресек битву.

(Г.Р. Державин. *Записки* [орфография Грота]).

Общее значение *было*: время и осуществимость явления — отношение к реальности.

Каков системный ранг *было* и уровневая отнесенность нового смыслового явления?

С данным словом сопоставимо по форме древнее краткое причастие. Однако в новом выражении *было* относится именно к причастию, что ограничивает пределы идентификации. Может быть отождествлено наречие по своей семантике, ибо выражает признак процесса. Оно имеет значение времени. Но содержание слова этим не исчерпывается. Предстает грамматическое синкретическое явление, имеющее смешанный характер.

Употребление *было* формально расширяется. В современной речи появилось размытое употребление слова с личной глагольной формой — обозначением длящегося действия:

Я <...> примеривался *было* к кожаной авиационной куртке фасона «бомбер».

(Е.Б. Рейн. *Который час?*. «Новый мир» 2004, № 10)

Возникло отличие грамматического значения, морфологической связи, синтаксической связи и синтаксической структуры. То же отклонение:

Вот Эфрос попробовал *было* написать заявление об уходе <...> а это заявление раз-раз — и подписали.

(М. Розовский. *Дело о конокрадстве*)

, — где имеется отличие синтаксической связи единицы и включающей ее синтаксической структуры. То же употребление встречается в сказовом повествовании.

Явился еще один способ употребления слова *было* на современном этапе. Он обнаруживается в письменной сфере, в газетно-публицистических текстах. Происходит пунктуационное выделение слова. Употребление расценивается как грамматическая и пунктуационная ошибка. Неумение опознать осложненное сказуемое может повести к восприятию *было* в качестве вводного слова и к

пунктуационной ошибке, что и видим, например, в некоторых газетных предложениях: Электрики приехали и приготовились, *было*, восстанавливать линию, но получили новый приказ; Он попытался, *было*, оттащить хоть кого-нибудь из нападавших от друга¹⁰.

Было воспринимается в качестве вводного слова, на основании формального признака пунктуации, свидетельствующем о его отделении от глагола и выделении в структуре высказывания. При этом следует отметить, здесь соблюдены параметры грамматической семантики и синтаксических связей.

Выполнение в предложении несвойственной роли приводит к появлению у слов новых синтаксически обусловленных значений. Эти употребления в отличие от правильных имеют позиционную синтаксическую закреплённость. *Было* стоит внутри составного сказуемого между его частями.

Такие употребления *было* по своей семантике близки части речи модальных слов, то есть обозначению отношения говорящего к содержанию, оценки его реальности и точности выражения. Но есть и отличия от этого: наличие в выражении семантики признака, процесса и значения времени.

Данное употребление характеризуется ограниченностью, но не всеобщностью. Оно возникает только в письменной сфере и не присуще устной разговорной речи. Образуется отрыв от общезыковых процессов. Такое употребление не может стать и не стало достоянием разговорного общения и не становится нормой всего языкового общества. В письменной речи это употребление не общежанрово, но анклавно.

В других встречающихся пунктуационно выделяемых употреблениях «было» преобладает процессуальный признак — временное значение:

Доярку, *было*, наняли, так она вскоре ушла, хоть и платили неплохо; Попыталась, *было*, узнать, какое отношение к нашему городу.

(газеты 2008–2010)

У каждого ветерана есть свои заветные «вещдоки» Победы. Фотографии, письма, осколок, который чуть не унес, *было*, жизнь.

(«Маяк» 13.3.2015)

В структуре предложения это обособленный член — обстоятельство, имеющее значение дополнительного сообщения времени. *Было* несет структурные, грамматические связи, присущие второстепенному члену, тогда как смысловые связи расширяются.

В структурном целом, здесь возникает некоторое отличие от синтаксической границы нормы: последующее за *было* противопоставление информации ослабляется и становится необязательным. Семантически противопоставление не вполне согласовано со сказуемым *было*: участвующие в высказывании суждения находятся на разных предметно-логических осях и содержат разные субъекты действия.

¹⁰ В.Д. Пятницкий. *Осложненные сказуемые с частицей «было» в курсе синтаксиса*. [В:] *На добрую память. Светлой памяти профессора Владимира Дмитриевича Пятницкого*. Шуя: Шуйский государственный педагогический университет, 2011, с. 141.

В конструкции с *было* выражается грамматическое значение времени, плюсквамперфектное — давно прошедшего времени, соотносительного с другим обозначенным временем. Значение времени совмещается со значением модальности.

Ранее в современном русском языке бывало возможным употребление *было* с причастием — второстепенным членом предложения. Например:

Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами.

(В. Арсеньев. *Дерсу Узала*)

Смолкшие было немецкие автоматы ударили с трех сторон.

(Г.Я. Бакланов. *Южнее главного удара*)

Это руководящее *было* причастие — совершенного вида, действительное — называющее признак предмета по действию, которое производит сам предмет. Здесь соблюдено логико-грамматическое соответствие компонентов высказывания, за исключением морфологического значения управляющего слова — меньшей акциональности содержания. В результате большая акциональность содержится в слове *было*. Такие случаи употребления были редки. Они предопределяются индивидуально-авторской манерой повествования. Еще реже отмечалось употребление *было* с деепричастием:

Ухватившись было за протянутую ему руку, он тут же отстранил ее.

(А.Б. Чаковский. *Блокада*)

В отличие от такого употребления, какова часть речи этого нового *было*? Это не частица: слово не только сообщает лексической и синтаксическим единицам добавочное значение, но и имеет иное собственное значение. Оно выполняет функцию добавочного сообщения в предложении.

Всё это существенное отличие содержания и формы слова. В таком новом употреблении, при отрыве от общезыковой потребности, происходит наибольшее смещение за пределы нормы, касающееся всех ее аспектов.

Итак, существовала лексико-синтаксическая единица устной речи. Она использовалась и художественной литературой. Данная единица становилась устаревшей, стилистически маркируя дискурс. После этого изменения языковая единица активизировалась в иной, письменной сфере, в публицистических текстах, не только в имевшемся, но и другом структурно-семантическом качестве. Изменилось и стилевое содержание: она стала принадлежностью разговорной речи — разговорного стиля литературного языка.

Конструктивен вопрос о месте всех образований «было» в системе языка. Они представляют полисемию слова, однако это разносистемные явления.

Прослеживаемое функционирование и изменение предикативного слова подобно картине развития дискурсивных слов, например, организующих типы высказывания модальных единиц *де*, *дескать*, *мол*¹¹ в их изменениях современ-

¹¹ В.Н. Шапошников. *Прагматика и синтаксис дискурса: обозначение принадлежности речи и манеры выражения в современной коммуникации*. «Современная коммуникативистика» 2015, № 1, с. 14–22.

ной речи, слова *уже*¹² и некоторых других языковых единиц, демонстрирующих норму языковой системы, новообразования и границы нормы.

Литература

- Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва — Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1947.
- Лекант П.А. *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*. Москва: Высшая школа, 1976.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. *Частотный словарь современного русского языка*. Москва: Азбуковник, 2009.
- Мейе А. *Общеславянский язык*; перевод со 2-го франц. изд., пересмотр. и доп. в сотрудничестве с А. Вайаном; перевод и примечания проф. П.С. Кузнецова. Москва: Издательство иностранной литературы, 1951.
- Милютина М.Г. *Семантика конативности и потенциальная модальность. Комплекс «попытка — результат» и его выражение в современном русском языке*. Москва — Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.
- Новгородова Р.Т. *Значение и употребление частицы «было» в современном русском языке*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1971.
- Прокопович Н.Н. *Словосочетание в современном русском литературном языке*. Москва: Просвещение, 1966.
- Пятницкий В.Д. *Осложненные сказуемые с частицей «было» в курсе синтаксиса*. [В:] *На добрую память. Светлой памяти профессора Владимира Дмитриевича Пятницкого*. Шуя: Шуйский государственный педагогический университет, 2011, с. 141–144.
- Саенкова Н.А. *Модально-приглагольные частицы было и бывало и конструкции, образуемые при их участии в современном русском языке*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Московский гуманитарный педагогический институт. Москва, 1968.
- Сигал К.Я. *Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица*. Москва: Ключ-С, 2010.
- Словарь русского языка*. Ред. А.П. Евгеньева. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Издательство «Русский язык», 1981–1984.
- Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря*. Ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2010.
- Тер-Минасова С.Г. *Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах*. Москва: Издательство ЛКИ, 2007.
- Толковый словарь русского языка*. В 4 т. Ред. Д.Н. Ушаков. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.
- Частотный словарь русского языка*. Ред. Л.Н. Засорина. Москва: Русский язык, 1977.
- Шапошников В.Н. *Слово «уже» и соотносительные с ним единицы в современном русском языке*. «Slavia Orientalis» 2012, № 2 (LXI), с. 257–267.
- Шапошников В.Н. *Прагматика и синтаксис дискурса. Обозначение принадлежности речи и манеры выражения в современной коммуникации*. «Современная коммуникативистика» 2015, № 1, с. 14–22.

¹² В.Н. Шапошников. Слово «уже» и соотносительные с ним единицы в современном русском языке. «Slavia Orientalis» 2012, № 2 (LXI), с. 257–267.

СИСТЕМАТИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПАРТНЕРОВ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ИЗВИНЕНИЯ

ЮЛИЯ В. ТУФАНОВА

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Факультет прикладной лингвистики
Кафедра иностранных языков для гуманитарных специальностей
ул. Лермонтова 83, 664074, г. Иркутск, Иркутская область, Российская Федерация
e-mail: ttufanova@mail.ru
(получено 14.06.2015; принято 03.10.2015)

Abstract

A typology of non-verbal devices in the behavior of partners in the communicative situation of apology

The article deals with the analysis of the non-verbal devices system that represents the partners' speech behavior in the communicative situation of Apology. It examines the peculiarities of the non-verbal behavior of participants in the situation from the communicative and pragmatic point of view. Based on the analysis carried out it was found that the non-verbal speech behavior of both partners in the situation of Apology is the unity and interaction of phonic, mimetic, gesture and other non-verbal communicative components reflecting psychological and emotional state, as well as level of culture and personal characteristics of the participants.

Key words

Apology, communicative situation, non-verbal, speech behavior.

Резюме

Данная работа посвящена анализу систематики невербальных средств репрезентации речевого поведения партнеров в ситуации извинения. Автор рассматривает особенности невербального поведения партнеров в данной ситуации в рамках коммуникативно-прагматического подхода. На основании проведенного анализа выявлено, что невербальное речевое поведение партнеров в ситуации извинения представляет собой единство и взаимодействие фонационных, мимических, жестовых и других несловесных компонентов общения, отражающих психо-эмоциональное состояние, уровень культуры, личностные характеристики собеседников.

Ключевые слова

Извинение, коммуникативная ситуация, невербальный, речевое поведение.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется повышенным интересом к процессу коммуникации. Коммуникация является неотъемлемой частью жизнедеятельности человека и составляет основу существования любого общества. Именно поэтому внимание представителей самых разных научных направлений сфокусировано на проблемах человеческого общения. В настоящее время исследования как вербальной, так и невербальной сторон коммуникации являются одними из приоритетных в языкознании, при этом проблема взаимодействия вербальных и невербальных составляющих человеческой коммуникации представляется наиболее актуальной. В данной статье осуществляется системный подход к проблеме невербального речевого поведения партнеров в коммуникативной ситуации извинения.

Процесс вербального общения всегда сопровождается некоторым набором невербальных компонентов, необходимость изучения которых отмечается многими учеными. Ламара Андреевна Капанадзе и Елена Васильевна Красильникова отмечают, что в структуре высказывания невербальные компоненты образуют:

«второй ряд общения», который выполняет главным образом модусные функции (отражает интенциональные, эмоциональные, социальные и др. пласты смыслов), высвобождая вербальный канал для основной (пропозициональной, логико-содержательной) информации¹, что подтверждает положение о том, что «всякое высказывание в принципе может быть как бы двухслойным, состоящим из основного, предметно-логического содержания и оценочно-эмоционального².

Жесты и мимика в ситуациях непосредственного общения выполняют функцию ориентирования адресата однозначно воспринимать высказывание.

¹ Л.А. Капанадзе. *Жест в разговорной речи*. [В:] *Русская разговорная речь*. Ред. Е.А. Земская. Москва: Русский язык, 1973, с. 468–471.

² Г.В. Колшанский. *Паралингвистика*. Москва: КомКнига, 2005, с. 18–48.

Традиционно к жестам относят различного рода телодвижения, к мимике — выражение лица говорящего³.

Ситуация извинения, характеризуемая параметрами «здесь и сейчас», невозможна без невербальных компонентов общения. Партнеры видят и слышат друг друга, поэтому одни невербальные компоненты ориентированы на зрительное восприятие (взгляд, мимика, жесты и др.), а другие рассчитаны на слуховое (интонация, темп, тембр и др.)⁴. Несмотря на то, что перечисленные невербальные компоненты речевого поведения человека не оказывают прямого влияния на логическое содержание высказывания, их возможно рассматривать «как стимулирующий фактор психологического воздействия при восприятии речи, накладывающийся на смысл самой фразы»⁵.

Рассмотрим подробнее невербальное поведение участников ситуации извинения.

Фонация как физическое явление отражает индивидуальные признаки голосового аппарата человека. Такие фонационные признаки, как интонация, темп, тембр, сила голоса и др. несут в себе «коммуникативно значимые смыслы»⁶. Интонация играет очень важную роль в человеческой речи. Исследователями отмечается сложность различения ее функций. Тем не менее, одну из функций интонации — эмоциональную (экспрессивную) — единодушно выделяет большинство ученых⁷.

Интонация адресанта в ситуации извинения, как правило, виноватая, взволнованная. Например:

— *O' Donnel said apologetically, — I'll have to leave you, Lucy. It's another full day*
(A. Hailey. *The Final Diagnosis*)

В приведенном примере говорящий извиняется при помощи свободных высказываний (*I'll have to leave you* и *It's another full day*), выполняющих функцию извинения и подчеркивающих ненамеренность поведения говорящего. Следовательно, извинение выражается имплицитным способом. Направленность извинения в рассматриваемой ситуации — проспективная. Цель говорящего состоит в устранении потенциального негативного эффекта от своего поведения. При этом извинение произносится с особой «извиняющейся» интонацией. Интонация как невербальный компонент общения в данном случае сопровождает речь и выполняет эмотивную и репрезентативную функции⁸.

Обратимся к другому примеру:

³ Там же, с. 18–48.

⁴ Н.И. Формановская. *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*. Москва: Русский язык, 2002, с. 200–214.

⁵ Г.В. Колшанский. *Паралингвистика...*, с. 18–48.

⁶ Н.И. Формановская. *Речевое общение...*, с. 200–214.

⁷ Г.В. Колшанский. *Паралингвистика...*, с. 18–48.

⁸ Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения: когнитивно-прагматический подход*. Диссертация кандидата филологических наук. Иркутский государственный лингвистический университет. Иркутск 2010, с. 149–171.

Г1 — *Чего ты так долго не заходил, Витя?* — *укоризненно спросила она. — Я по тебе так соскучилась...*

Г2 — *Закрутился, — виновато пояснил Служкин. — И школа эта еще...*
(А. Иванов. *Географ глобус пропил*)

В данной ситуации вопрос первого говорящего (Г1) (*Чего ты так долго не заходил?*) содержит в себе оттенок значения упрека, поэтому второй говорящий пытается извиниться. Извинение также выражается имплицитным способом — при помощи свободного высказывания, выполняющего роль извинения в данном контексте. В частности, первый говорящий использует объяснительные доводы (*Закрутился* и *И школа эта еще*), которые произносит с виноватой интонацией. Как видим, интонация собеседников призвана выполнять эмотивную и репрезентативную функции⁹.

Таким образом, в случаях, когда извинение выражено имплицитным способом — при помощи свободного высказывания, интонация говорящего выполняет эмотивную и репрезентативную функции и помогает адресату верно распознать его (говорящего) коммуникативную интенцию. Что касается интонации адресата, то она нередко недовольная, мрачная и т.п. Например:

Г1 — *Won't you forgive me, papa?*

Г2 — *I do, — he returned grimly*
(Т. Driser. *Jennie Gerhardt*)

В приведенном примере первый говорящий просит прощения (*Won't you forgive me, papa?*) за причинение морального ущерба, то есть извинение носит ретроспективный характер и служит цели устранения возникшего конфликта между коммуникантами. Адресат вербально принимает извинение провинившегося (*I do*), но делает это с недовольной интонацией (*he returned grimly*), что позволяет сделать предположение о том, что на самом деле адресат испытывает неполное желание (или нежелание) простить адресанта. В данном случае мы наблюдаем несовпадение информации, посылаемой вербальным и невербальным способом. Таким образом, интонация адресата здесь выполняет эмотивную и репрезентативную функции¹⁰.

В следующем примере интонация адресата также заставляет усомниться в истинности принятия извинения:

Г1 — *Простите меня ради Бога!* — *виновато воскликнула Татьяна и едва не расплакалась, часто-часто заморгав. — Я не хотела вас обидеть. Совсем не хотела!*

Г2 — *Ладно, проехали, — буркнул он, не желая видеть ее слез настолько же сильно, насколько не желал видеть и ее саму*
(Г.В. Романова. *Осколки ледяной души*)

В данном случае первый говорящий извиняется за причинение серьезного морального ущерба, поэтому употребляется именно формула извинения (*простите*), усиленная выражением *Ради Бога!* Он (Г1) уверяет в ненамеренности своего поступка, дублируя эту фразу (*Я не хотела вас обидеть. Совсем не хо-*

⁹ Там же, с. 149–171.

¹⁰ Там же, с. 149–171.

тела!), что увеличивает воздействующий потенциал приносимого извинения. Адресату (Г2) неприятна эта ситуация, и он неохотно принимает извинение, что демонстрирует его ответная реплика (*Ладно, проехали*), произнесенная с недовольной интонацией (*буркнул он, не желая видеть ее слез настолько же сильно, насколько не желал видеть и ее саму*). Как видим, в рассматриваемой ситуации информация, посылаемая вербальным способом, вступает в противоречие с несловесными сигналами. Интонация, с которой произносятся реплики собеседников, выполняет эмотивную и репрезентативную функции¹¹.

Эмоционально-психический настрой человека отражается не только на интонации, но и на темпе речи говорящего. В коммуникативной ситуации извинения темп речи говорящего зависит от того, какие эмоции он испытывает в данный момент. Так, в следующем примере первый говорящий напуган, поэтому он бормочет (*Простите меня, — пробормотал Володя*):

Г1 — *Простите меня, — пробормотал Володя.*

Г2 — *Бог простит, — ответила я, напугав его еще больше*
(И. Грекова. *Кафедра*)

Интонация первого говорящего в данной ситуации выполняет эмотивную и репрезентативную функции¹².

Такие проявления эмоционально-психического состояния человека, как смех, шепот, плач и другие характеризуют то, что ощущает человек в данный момент.

Рассмотрим пример:

Г1 — *No kidding. I'm sorry, — I kept telling her.*

Г2 — *You're sorry. You're sorry. That's very funny, — she said. She was still sort of crying, and all of a sudden I did feel sort of sorry I'd said it.*
(J. Salinger. *The Catcher in the Rye*)

В приведенном примере первый говорящий приносит извинение при помощи этикетной формулы (*I'm sorry*), неоднократно повторяемой (*I kept telling her*). Однако, несмотря на это, адресат извинение не принимает, о чем говорит его ответная реплика (*You're sorry. You're sorry. That's very funny*), сопровождаемая слезами (*She was still sort of crying*). Таким образом, в данной ситуации невербальное речевое поведение адресата (плач) сопровождает речь, выполняет эмотивную функцию и отражает психо-эмоциональное состояние человека¹³.

Особенность подобных невербальных компонентов речевого поведения состоит в том, что они детерминируют процесс общения каждый раз в каждой конкретной коммуникативной ситуации, то есть имеют «значение в чисто синхронном срезе»¹⁴.

Таким образом, фонационные признаки являются отражением психо-эмоционального состояния человека в конкретной ситуации извинения. Они вы-

¹¹ Там же, с. 149–171.

¹² Там же, с. 149–171.

¹³ Там же, с. 149–171.

¹⁴ Г.В. Колшанский. *Паралингвистика...*, с. 18–48.

полняют эмотивную и репрезентативную функции. При этом информация, заложенная в интонации, темпе, громкости и др., накладываются на смысл самого высказывания. Смех или плач могут сопровождать речь участников рассматриваемой ситуации или же представлять собой невербальную реакцию одного из коммуникантов на речевое поведение говорящего, обладающую собственным смыслом.

Взгляд занимает особое место среди невербальных компонентов коммуникации, поскольку глаза собеседника сильнее всего отражают его психо-эмоциональное состояние, по ним также можно судить и о степени искренности партнера по общению¹⁵. Глаза отображают внутренний, духовный мир человека. Время контакта глаз считается ключевым моментом в установлении симпатии или близости коммуникантов, по крайней мере, в европейской культуре. Наши чувства и эмоции очень легко считать с глаз, поэтому, испытывая чувства стыда или вины, человек прячет глаза. Подобное поведение, полагает Григорий Ефимович Крейдлин, отражает подсознательное стремление человека спрятаться, раствориться, исчезнуть¹⁶.

Мимика — это выражение лица говорящего¹⁷. Вербальное извинение, как правило, сопровождается «виноватым» выражением лица, при этом взгляд говорящего нередко направлен вниз, так как провинившийся человек испытывает чувства стыда и сожаления, что мешает ему прямо смотреть в глаза адресату.

Обратимся к примеру:

— Простил? — оглянулась Зина.

У нее было такое виноватое выражение лица, что Петров невольно рассмеялся
(Н. Нестерова. *Позвони в мою дверь*)

В рассматриваемой ситуации говорящий (Зина) уточняет, простил ли ее адресат извинения (*Простил?*). «Виноватое» выражения лица говорящего показывает, что она признает свою вину и сожалеет о случившемся. Невербальная реакция адресата (*Петров невольно рассмеялся*) косвенно свидетельствует о том, что извинение принято. Таким образом, извинение адресанта сопровождается невербальным компонентом (виноватое выражение лица), а реакция адресата выражается исключительно невербальным способом (смех). Невербальные компоненты речевого поведения участников данной ситуации выполняют эмотивную и репрезентативную функции¹⁸.

Детям в ситуации извинения, независимо от испытываемых ими чувств, характерен так называемый «взгляд в пол». Например:

Под конвоем мамы близнецы пришли просить прощения. Взгляд в пол, руки за спину, будто заключенные.

Г1 — Папа, прости нас, пожалуйста!

¹⁵ Н.И. Формановская. *Речевое общение...*, с. 200–214.

¹⁶ Г.Е. Крейдлин. *Русские жесты и жестовые фразеологизмы III. Отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах.* [В:] *Логический анализ языка. Языки этики.* Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 341–352.

¹⁷ Г.В. Колшанский. *Паралингвистика...*, с. 18–48.

¹⁸ Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения...*, с. 149–171.

G2 — Папа, мы не думали!
 G1 — Папа, мы больше не будем!
 G2 — Папа, не обижайся!
 G1 — Папа, я очень тебя люблю!
 G2 — Я тоже очень!
 (Н. Нестерова. Позвони в мою дверь)

В приведенном примере мальчики (G1) и (G2) извиняются перед отцом за побег из дома, используя этикетную формулу извинения (*прости*), свободное высказывание (*не обижайся*), дополняя их уверением в ненамеренности своего поступка (*мы не думали*), обещанием не повторять его в дальнейшем (*мы больше не будем*). При этом взгляд мальчиков направлен вниз (*взгляд в пол*). Невербальные компоненты речевого поведения говорящих выполняют эмотивную и репрезентативную функции¹⁹.

Отметим, что в тех случаях, когда адресат не желает принимать извинение, его взгляд также может быть направлен вниз.

Обратимся к примеру:

— *I am sorry. I hope you will see fit to say nothing to your husband of my visit — it will be advisable that you should keep your own counsel in the matter. I value his friendship very highly, and I am sincerely sorry.*

Jennie only stared at the floor. Mr. O'Brien went out into the hall to get his coat.

(Т. Дрисер. *Jennie Gerhardt*)

В данной ситуации реакция адресата извинения не выражена вербально. Она заключается в коммуникативно значимом молчании, которое сопровождается взглядом вниз (*Jennie only stared at the floor*). Невербальные средства коммуникации в данном случае замещают речь. Таким образом, комбинация двух невербальных компонентов речевого поведения в рассматриваемой ситуации выполняет эмотивную (отражает психо-эмоциональное состояние адресата), репрезентативную (показывает отношение к предмету речи) и коммуникативную (выражает реакцию на речевое поведение собеседника) функции²⁰.

В ситуации извинения мимика говорящего чаще всего выражает печаль, раскаяние, сожаление. Однако в немецкоязычной культуре существует особая «извиняющаяся» улыбка, которая является конвенциональным средством извинения в этикетных ситуациях, когда ущерб незначителен (случайно толкнули кого-либо или не пропустили вперед и т.п.). В русской же культуре, вероятнее всего, в ситуации извинения будет улыбаться «жертва», предоставляя говорящему прощение/извинение, полагает Ренате Ратмайр²¹.

Последнее утверждение представляется спорным, поскольку наше исследование отмечает такие ситуации, в которых, напротив, улыбается адресант извинения или же такие, в которых улыбаются оба собеседника²². Необходимо

¹⁹ Там же, с. 149–171.

²⁰ Там же, с. 149–171.

²¹ Р. Ратмайр. *Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, 2003, с.113–115.

²² Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения...*, с. 149–171.

отметить, что улыбка адресата в ситуации извинения может выражать не только прощение провинившегося, но и обладать прямо противоположным значением. Дело в том, что улыбка в русском общении (в отличие от английского, немецкого и др.) не является сигналом вежливости. Для русского речевого поведения вежливая улыбка не является характерным признаком. К улыбке «из вежливости» в России относятся настороженно или даже враждебно («он из вежливости улыбнулся»). Постоянная «дежурная улыбка» считается проявлением неискренности, скрытности человека. В русской культуре улыбка является показателем личного расположения к человеку²³.

Рассмотрим пример:

— Ну, прощайте, господа! (...). Вы не обижайтесь на меня!.. — быстро прибавил он, добродушно улыбаясь и крепко пожимая обеими руками руку Даева. (...).

Даев рассмеялся и горячо пожал в ответ руку Киселева.

(В.В. Вересаев. *Повесть*)

В приведенном примере первый говорящий извиняется за произнесенные резкие слова. Извинение выражается при помощи высказывания *Вы не обижайтесь на меня!*, сопровождаясь невербальными компонентами общения, накладывающимися на смысл самого высказывания и усиливающими воздействующий потенциал извинения, такими, как улыбка (*добродушно улыбаясь*) и рукопожатие (*крепко пожимая обеими руками руку Даева*). Адресат извинения в качестве реакции использует только невербальные средства, в частности смех и рукопожатие (*Даев рассмеялся и горячо пожал в ответ руку Киселева*), которые косвенно свидетельствуют о принятии извинения. При этом улыбка адресанта отражает его психо-эмоциональное состояние. Как видим, невербальные компоненты речевого поведения адресата выполняют, помимо эмотивной, еще и коммуникативную функцию, замещая собой речь²⁴.

В английской культуре человек, принимающий извинение, также нередко улыбается. Например:

G1 — Well, you know what my instructions are. I am sorry to intrude, but you heard how earnestly Holmes insisted that I should not leave you, and especially that you should not go alone upon the moor.

Sir Henry put his hand upon my shoulder with a pleasant smile.

G2 — My dear fellow, — said he, — Holmes, with all his wisdom, did not foresee some things which have happened since I have been on the moor. You understand me? I am sure that you are the last man in the world who would wish to be a spoil-sport. I must go out alone.

(A. Doyle. *The Hound of the Baskervilles*)

В приведенном примере диалог происходит между двумя мужчинами. Первый говорящий (G1) извиняется при помощи стилистически нейтральной этикетной формулы *I am sorry*. Извинение является проспективным, поскольку

²³ И.А. Стернин. *Улыбка в русском коммуникативном поведении*. [В:] *Русское и финское коммуникативное поведение*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000, с. 53–61. [Online] <<http://combehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2000/Sternin4.htm>> (22.03.2010).

²⁴ Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения...*, с. 149–171.

цель говорящего состоит в сглаживании потенциального негативного эффекта от своего поведения. Ответная реплика адресата (Г2) сопровождается невербальными компонентами речевого поведения, в частности, улыбкой и объятием (*Sir Henry put his hand upon my shoulder with a pleasant smile*), которые косвенно говорят о принятии извинения. Однако второй говорящий остается при своем мнении (*I must go out alone*). Используемые им несловесные средства общения выполняют эмотивную и репрезентативную функции²⁵.

Необходимо отметить, что улыбка адресата в ситуации извинения может выражать не только прощение провинившегося, но и обладать прямо противоположным значением, как показывает следующий пример:

— *Sorry, — he said to the old man.*

The old man smiled sadly and skeptically, accustomed to ingratitude, and hunched off into the rain.

(I. Shaw. *The Troubled Air*)

В данном случае адресат реагирует на извинение говорящего (*Sorry*) печальной и скептической улыбкой (*The old man smiled sadly and skeptically*), что является косвенным свидетельством непринятия извинения. Таким образом, невербальное поведение адресата в рассматриваемой ситуации выполняет кроме эмотивной и репрезентативной, еще и коммуникативную функцию, так как служит средством реакции на извинение адресанта²⁶.

Следовательно, такие невербальные компоненты речевого поведения партнеров в ситуации извинения, как взгляд и мимика, могут сопровождать или же замещать речь собеседников и выполнять эмотивную, репрезентативную и коммуникативную функции в зависимости от обстоятельств общения.

Помимо взгляда, мимики, фонации невербальными компонентами речевой ситуации являются и жесты, под которыми обычно понимают различного рода телодвижения человека. Составитель *Русско-английского словаря межнациональных жестов* Эдвиг Арзуян приходит к выводу о том, что не все жесты обладают национальной спецификой. Материал, собранный автором, позволяет утверждать, что существуют жесты, имеющие одинаковый смысл и в русской, и в английской лингвокультурах²⁷.

В ходе нашего исследования мы установили, что в коммуникативной ситуации извинения в русской и английской культуре встречаются следующие межнациональные жесты: прижать руку (руки) к сердцу, протянуть вперед руку (руки), бить себя в грудь, развести руки в стороны, опустить голову, приподнять плечи, втянуть голову в плечи и другие. Например:

— *Родной мой Юрочка!.. Простите, что я вас так назвал.*

Назанский, точно извиняясь, протянул к нему издали дрожащую руку.

(А.И. Куприн. *Поединок*)

²⁵ Там же, с. 149–171.

²⁶ Там же, с. 149–171.

²⁷ Э. Арзуян. *Русско-английский словарь межнациональных жестов*. Электронный ресурс. 2007. [Online] <<http://edvig.synnegoria.com/a-r-slovar-gestov.htm>> (20.03.2010).

В рассматриваемой ситуации извинение говорящего выражается формулой *Простите*. Оно сопровождается невербальным компонентом общения — жестом — адресант протягивает к адресату руку (*Назанский, точно извиняясь, протянул к нему издали дрожащую руку*), что усиливает воздействие вербального извинения. Несловесный компонент речевого поведения адресанта выполняет в данном случае эмотивную, отражающую его психо-эмоциональное состояние, и репрезентативную, показывающую его отношение к предмету речи, функции²⁸.

В ситуации извинения, когда адресант испытывает острые чувства вины и сожаления о совершенном проступке или же просто хочет оказать сильное воздействие на адресата, он может использовать такой жест, как падение на колени, что демонстрирует следующий пример:

Розан, спохватившись, закрыл рот рукой и виновато посмотрел на нее:

Г1 — *Коваль, гадом буду — не хотел!*

Г2 — *Да ладно! — бросила она, отворачиваясь. — Поехали домой, я устала.*

Г1 — *Маринка, ну, прости, — стукнул себя в грудь кулаком Серега. — Ну, не подумал!*

В другой раз отфильтрую! Хочешь, на колени встану? — И он бухнулся на колени прямо в мокрый снег.

Г2 — *Прекрати цирк! — приказала Коваль, поморщившись.*

(М. Крамер. *Первая леди города или между двух берегов*)

В данном примере первый говорящий извиняется (*ну, прости*) за причинение морального ущерба: он случайно назвал вслух при всех физический недостаток (она хромает) второго говорящего. Для того, чтобы уладить конфликт, первый говорящий говорит о ненамеренности своего поступка (*не хотел*), приводит объяснение (*Ну, не подумал!*), бьет себя в грудь (*стукнул себя в грудь кулаком*), обещает не повторять такой ошибки в будущем (*В другой раз отфильтрую!*), предлагает компенсировать нанесенный ущерб (*Хочешь, на колени встану?*), встает на колени (*И он бухнулся на колени*). При этом взгляд первого говорящего отражает его психо-эмоциональное состояние (*виновато посмотрел*). Таким образом, невербальные компоненты речевого поведения первого говорящего (виноватый взгляд, удар в грудь и падение на колени) сопровождают его речь, усиливая воздействующий потенциал вербального извинения, выполняют эмотивную и репрезентативную функции. Однако, несмотря на все попытки сгладить неприятную ситуацию, адресант извинения терпит коммуникативную неудачу: второй говорящий фактически не принимает его извинений, что ярко показывает ее ответная реплика (*Прекрати цирк! — приказала Коваль*), а также невербальное сопровождение ответа (*поморщившись*)²⁹.

В некоторых коммуникативных ситуациях жест *падение на колени* не дополняет речь адресанта, а сам выражает интенциональное значение извинения. Например:

Признал и себя: сидел в золотой короне на высоком троне. Вскричал грозно:

Г1 — *Я?! в короне?!*

²⁸ Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения...*, с. 149–171.

²⁹ Там же, с. 149–171.

Затрепетал Илья и пал на колени, прося прощения. Но не рассердился барин, дал поцеловать руку и сказал милостиво:

G1 — *Перст божий меня привел. Значит, должен я тебя повезти в науку.*

(И.С. Шмелев. *Неупиваемая чаша*)

В приведенном примере адресант невербально приносит извинение, упав на колени (*Затрепетал Илья и пал на колени, прося прощения.*). Таким образом, жест *падение на колени* замещает речь и выполняет не только эмотивную, но и коммуникативную функции. Адресат извинение принимает (*не рассердился барин, дал поцеловать руку*), что доказывает его ответная реплика (*Перст божий меня привел. Значит, должен я тебя повезти в науку*), произнесенная милостивым тоном (*сказал милостиво*). Как видим, невербальные компоненты речевого поведения адресата (жест, интонация) сопровождают его высказывание, накладываясь на его смысл³⁰.

Что касается такого невербального компонента ситуации общения, как молчание, то оно так же естественно, как и речь. Оно сопровождает человека на протяжении всей его жизни и является необходимым условием коммуникации: когда мы молчим, мы предоставляем другим возможность высказаться. Интересно, что молчание, противопоставляемое говорению, рассматривается как достижение цивилизации. По мнению Эрнеста Хэмингуэя, человеку требуется всего два года, чтобы научиться говорить и целых пятьдесят лет, чтобы научиться молчать. В этой связи даже разрабатываются правила молчания (по аналогии с максимумами вербального кооперативного поведения). Человеку советуют предпочесть молчание:

1) когда сомневаешься, сказать ли «это» или же не говорить об «этом»; 2) если приходишь к выводу, что в каком-то коллективе именно ты говоришь наиболее часто, долго и громко; 3) если ты не уверен, что можешь сказать что-нибудь действительно важное и интересное для слушателей и читателей; 4) если находишься в окружении людей, среди которых нет никого, кто бы мог или хотел признать твою правоту; 5) если ты на кого-то так сердит, что не сможешь заметить ни одного из его достоинств или заслуг; 6) если ты не в состоянии справиться с последствиями того, что ты хочешь сказать, для тебя и других людей³¹.

В современной лингвистике молчание изучается в рамках коммуникативно-го подхода к языку. При этом учитывается факт постоянного взаимодействия участников интеракции и «взаимной детерминированности их коммуникативного поведения». В этой связи молчание рассматривается как часть диалогического взаимодействия коммуникантов. Являясь не только неотъемлемой частью, но и «необходимым условием» процесса общения, молчание относится к невербальным его компонентам³².

³⁰ Там же, с. 149–171.

³¹ М. Кита. *Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка*. [В:] *Прямая и непрямая коммуникация. Сборник научных статей*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003, с. 159–177.

³² Там же, с. 159–177.

Отталкиваясь от понимания молчания как «нулевого знака» процесса коммуникации, традиционно выделяют коммуникативное и некомуникативное молчание. По мнению Нины Давидовны Арутюновой, в первом случае оно семиотично, во втором — симптоматично. Молчание как симптом может быть вызвано нерешительностью, растерянностью и др. В этом случае «оно значимо как симптом, но не как знак»³³.

Коммуникативное молчание является значимым прерыванием речевой цепи в процессе общения и выполняет две основные функции: 1) молчание как средство межличностного общения; 2) молчание, обусловленное социально-культурными факторами³⁴. Коммуникативно значимое молчание несет определенную информацию и является, по сути, актом общения. «Коммуникативное молчание» приобретает смысл под влиянием определенной прагматической ситуации, речевого фона, мимического аккомпанемента, жестов. При этом граница между молчанием и говорением теряет отчетливость, поскольку молчанию приписывают признаки говорения (громкое, красноречивое, многозначительное, бессмысленное и т. п.)³⁵.

Нас, прежде всего, интересует коммуникативно значимое молчание. Как уже отмечалось, в ситуации извинения говорящий и адресат исполняют свои коммуникативные роли. Для адресата извинения, как слушающего, молчание — это, во-первых, его коммуникативная роль, во-вторых, молчанием может выражаться реакция адресата на предыдущую реплику говорящего. В такой ситуации молчание приобретает «интенциональное, эмоциональное, оценочное и т.п. содержание»³⁶ и может выражать как принятие, так и непринятие извинения в зависимости от ситуации.

Для человека, который приносит извинение, молчание в комплексе с другими невербальными средствами коммуникации может непосредственно выполнять роль извинения. Например:

Она замкнулась в себе и старалась отдалиться от Токарева. Токарев мучился, несколько раз пытался заговорить. В ее глазах появлялась тогда растерянность. И, прося у Токарева взглядом прощения, она переводила разговор на другое. Ему все больше начинало казаться, что Варвара Васильевна, такая на вид спокойная и ровная, давно уже переживает в душе что-то очень тяжелое. Иногда, случайно увидев ее одну, он поражался, какое у нее было глубоко грустное лицо.

(В.В. Вересаев. *На повороте*)

В приведенном примере адресант (Варвара Васильевна) просит прощения невербальным способом при помощи взгляда (*И, прося у Токарева взглядом прощения, она переводила разговор на другое*), который выражает растерянность

³³ Н.Д. Арутюнова. *Феномен молчания*. [В:] *Язык о языке*. Под общим руководством и ред. Н.Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 417–436.

³⁴ И. Йоко. *Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Московский государственный лингвистический университет. Москва 2003, с. 5–23.

³⁵ Н.Д. Арутюнова. *Феномен молчания...*, с. 417–436.

³⁶ Н.И. Формановская. *Речевое общение...*, с. 200–214.

(*В ее глазах появлялась тогда растерянность*). Адресат верно распознает интенцию адресанта, поэтому мы считаем, что в рассматриваемой ситуации невербальный компонент речевого поведения (взгляд) замещает речь и выполняет коммуникативную функцию. Помимо этого, он отражает психо-эмоциональное состояние человека, то есть служит выражению эмотивной функции³⁷.

В ситуации извинения более частотным является использование коммуникативно значимого молчания адресатом, нежели провинившимся человеком (адресантом). Рассмотрим пример:

— *Нет, да я не хотел вас обидеть.*

Но Никодимов повернулся и отошел в дальний угол.

(Б.К. Зайцев. *Голубая звезда*)

В данной ситуации говорящий терпит коммуникативную неудачу, поскольку в ответ на его извинение, выраженное высказыванием со значением ненамеренности совершенного поступка (*я не хотел вас обидеть*), адресат молча отворачивается и уходит (*Но Никодимов повернулся и отошел в дальний угол*). Отсутствие вербальной реакции адресата говорит, скорее всего, о том, что он не удовлетворен извинением и, следовательно, конфликт не улажен. Таким образом, невербальное речевое поведение адресата выполняет, помимо эмотивной, коммуникативную функцию, поскольку является ответом на извинение адресанта³⁸.

Поскольку молчание, полагает Арутюнова, выражает тот или иной вид оппозиции, оно не всегда способствует гармонизации отношений между собеседниками. Как правило, оно вносит дисгармонию, а иногда и враждебность в межличностные отношения³⁹. Например:

— *I'm really sorry, Father. I should have been more thoughtful, really.*

Mr. Kronskey kept silent. Without a word, without a look at Nick, he was sitting in front of the fireplace. Suddenly Nick felt cold and irritation.

— *Are you mad at me, Father? Do forgive me.*

No answer. Nick waited a minute...

— *I repeat, Father. It was a mistake. Anyway, I'm not a schoolboy I used to be ten years ago, no. He left the room, banging the door.*

(М. Lerner. *The Doubts of His Heart*)

В приведенном примере говорящий извиняется при помощи комбинированного использования этикетной формулы извинения (*I'm really sorry*) и высказывания, подтверждающего его вину (*I should have been more thoughtful, really*). Адресат реагирует молчанием (*Mr. Kronskey kept silent*), не обращает внимания на собеседника (*Without a word, without a look at Nick, he was sitting in front of the fireplace*). Далее говорящий предпринимает вторую попытку получить прощение, произнесенную более эмоционально (*Do forgive me*). Однако и на этот раз он не получает ответа (*No answer*), что свидетельствует о нежелании адресата про-

³⁷ Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения...*, с. 149–171.

³⁸ Там же, с. 149–171.

³⁹ Н.Д. Арутюнова. *Феномен молчания...*, с. 417–436.

стить говорящего. Подобный настрой адресата оказывает определенное воздействие на говорящего: он выходит из себя (*Suddenly Nick felt cold and irritation*). Пытаясь все же восстановить добрые отношения, говорящий объясняет, что совершил ошибку (*It was a mistake*). Но эмоции берут верх, и вместо извинения говорящий упрекает адресата (*Anyway, I'm not a schoolboy I used to be ten years ago, no*). Адресант терпит в данном случае коммуникативную неудачу. Реакция адресата (молчание) говорит о том, что он не принимает извинение. Таким образом, молчание выполняет коммуникативную функцию, так как выражает реакцию адресата на извинение говорящего⁴⁰.

В диалоге молчание может выражать: неприятие чего-либо, неодобрение, самоустранение, невмешательство, равнодушие, смущение, страх и т.д. Очень редко молчание является показателем солидарности с собеседником⁴¹. Наше исследование отмечает, что солидарность с собеседником (принятие извинения) молчание выражает только вместе с жестовыми, мимическими и другими невербальными средствами репрезентации речевого поведения, как показано в следующем примере:

— ... Ты меня извини, но тебя они абсолютно не слушаются.

Я кивнула.

(И. Грекова. *Кафедра*)

В данной ситуации говорящий использует проспективное извинение, выраженное этикетной формулой (*извини*), для смягчения негативного впечатления от произнесенных слов (*тебя они абсолютно не слушаются*). Реакция адресата вербально не выражена: в ответ адресат молча кивает (*Я кивнула*). Здесь мы наблюдаем комбинированное использование двух невербальных компонентов коммуникации — молчания и жеста (кивок), показывающих, что адресат принимает извинение. Таким образом, рассматриваемые невербальные компоненты поведения адресата выполняют коммуникативную функцию, так как являются выражением его реакции, осуществляя тем самым процесс общения⁴².

Таким образом, молчание в ситуации извинения выполняет, помимо эмоциональной, коммуникативную функцию, так как служит средством выражения реакции адресата — принятия извинения (только в комбинации с другими невербальными средствами общения) или неприятия извинения. Комбинация молчания и других невербальных средств общения иногда непосредственно выражает коммуникативную интенцию извинения⁴³.

Итак, на основании проведенного анализа мы делаем вывод о том, что в коммуникативной ситуации извинения, как и в любой другой, вербальное и невербальное речевое поведение партнеров тесно связано между собой. Вербальные и невербальные средства общения оказывают определенное воздействие друг на друга и служат одной общей цели — реализации коммуникативных интенций партнеров по коммуникации.

⁴⁰ Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения...*, с. 149–171.

⁴¹ Н.Д. Арутюнова. *Феномен молчания...*, с. 417–436.

⁴² Ю.В. Туфанова. *Коммуникативная ситуация извинения...*, с. 149–171.

⁴³ Там же, с. 149–171.

Невербальное речевое поведение партнеров в ситуации извинения представляет собой единство и взаимодействие фонационных, мимических, жестовых и других несловесных компонентов общения, отражающих психо-эмоциональное состояние, уровень культуры, личностные характеристики собеседников⁴⁴.

В коммуникативной ситуации извинения невербальные компоненты общения могут выступать как в сочетании с вербальным извинением, усиливая/ослабляя его воздействующий потенциал, так и отдельно, самостоятельно выражая интенциональное значение извинения или являясь реакцией адресата. Жесты, мимика, взгляд, интонация, темп речи и др. накладываются на смысл самого высказывания и ориентируют адресата однозначно его воспринимать.

Молчание адресата в ситуации извинения — это его коммуникативная роль (слушающего); молчание может являться реакцией адресата на предыдущую реплику говорящего и выражать как принятие, так и непринятие извинения в зависимости от ситуации. Для человека, совершившего проступок (адресанта), молчание в комплексе с другими невербальными средствами коммуникации может непосредственно выполнять роль извинения.

Различные комбинации невербальных компонентов речевого поведения в рассматриваемой ситуации выполняют эмотивную, репрезентативную и коммуникативную функции, поскольку, во-первых, эти компоненты отражают психо-эмоциональное состояние каждого из общающихся, во-вторых, показывают их (коммуникантов) отношение к предмету речи, в-третьих, являются средством выражения реакции в целом на речевое поведение собеседника, то есть непосредственно принимают участие в осуществлении процесса общения между коммуникантами.

Литература

- Арутюнова Н.Д. *Феномен молчания*. [В:] *Язык о языке*. Под общим руководством и ред. Н.Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 417–436.
- Йоко И. *Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Московский государственный лингвистический университет. Москва: 2003.
- Капанадзе Л.А. *Жест в разговорной речи*. [В:] *Русская разговорная речь*. Ред. Е.А. Земская. Москва: Русский язык, 1973, с. 468–471.
- Кита М. *Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка*. [В:] *Прямая и не-прямая коммуникация. Сборник научных статей*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003, с. 159–177.
- Колшанский Г.В. *Паралингвистика*. Москва: КомКнига, 2005.
- Крейдлин Г.Е. *Русские жесты и жестовые фразеологизмы III. Отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах*. [В:] *Логический анализ языка. Языки этики*. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 341–352.
- Ратмайр Р. *Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, 2003.

⁴⁴ Там же, с. 149–171.

- Стернин И.А. *Улыбка в русском коммуникативном поведении*. [В:] *Русское и финское коммуникативное поведение*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000, с. 53–61. [Online] <<http://combehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2000/Sternin4.htm>> (22.03.2010).
- Туфанова Ю.В. *Коммуникативная ситуация извинения: когнитивно-прагматический подход*. Диссертация кандидата филологических наук. Иркутский государственный лингвистический университет. Иркутск: 2010.
- Формановская Н.И. *Речевое общение. Коммуникативно-прагматический подход*. Москва: Русский язык, 2002.

Используемые источники

- Арзунян Э. *Русско-английский словарь межнациональных жестов*. Электронный ресурс. 2007. [Online] <<http://edvig.synnegoria.com/a-r-slovar-gestov.htm>> (20.03.2010).
- Вересаев В.В. *На повороте*. Москва: Советская Россия, 1987, с. 118–230.
- Вересаев В.В. *Поветрие*. Повести. Рассказы. Москва: Издательство «Правда», 1980, с. 91–110.
- Грекова И. *Кафедра*. Москва: Издательство «Советский писатель», 1983, с. 3–236.
- Зайцев Б.К. *Голубая звезда*. Москва: Современник, 1990, с. 551–654.
- Иванов А. *Географ глобус пропил*. Москва: АСТ — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008.
- Крамер М. *Первая леди города или между двух берегов*. Москва: Эксмо, 2009.
- Куприн А.И. *Поединок*. Москва: Детская литература, 1984.
- Нестерова Н. *Позвони в мою дверь*. Москва: Астрель: АСТ, 2008.
- Романова Г.В. *Осколки ледяной души*. Москва: Эксмо, 2007.
- Шмелев И.С. *Неупиваемая чаша*. Москва: Издательство «Правда», 1989, с. 184–239.
- Doyle A. *The Hound of the Baskervilles*. Электронный ресурс. Digitale Bibliothek Band 59. English and American Literature. Москва: «ДиректМедиа Паблишинг», 2006 (CD-ROM).
- Driser T. *Jennie Gerhardt*. Moscow: Progress Publishers, 1972.
- Hailey A. *The Final Diagnosis*. London: Bantam Books, 1968.
- Lerner M. *The Doubts of His Heart*. Liverpool: Clouder, 1995.
- Salinger J. *The Catcher in the Rye*. Moscow: Progress Publishers, 1968.
- Shaw I. *The Troubled Air*. New York: Dell Book, 1987.
- Shulman M. *Love Is a Fallacy*. American Short Stories. New York: Penguin, 1974, с. 135–143.

POCZĄTKI PIŚMIENICTWA STAROPERMSKIEGO.
STEFANOWSKI *ANBUR* (*ABUR*) JAKO JEDEN
Z NAJSTARSZYCH ZABYTKÓW URALSKICH

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej

Katedra Skandynawistyki, Pracownia Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

e-mail: finkw@univ.gda.pl

(nadesłano 11.06.2015; zaakceptowano 11.08.2015)

Abstract

The beginnings of Old Permian writings.

***Anbur* (*abur*) as one of the oldest Uralian scripts**

The purpose of the article is a synthetic description of the genesis and peculiarity of the oldest Permian writing — the *anbur* (*abur*) from 1372, created by St. Stephen of Perm (Hrap). Old Permian linguistic scripts belong to the oldest, after Hungarian, in the history of Ugro-Finnish (Uralian) literature. The *anbur* was developed on the basis of Cyrillic graphics, the Greek alphabet and Old-Permian runic tradition, the so-called *pas*. However, the origin of the writing has not been explained yet. Scholars point at similarities of the signs of the *anbur* to the alphabets of Caucasian languages (especially the phonemic Old Georgian writing) and Old Armenian, and even Aramaic; they also argue for its connections with Iranian linguistic systems (there is a possibility of existence in old Perm of a literature of Persian provenience) and similarities to an Old Indian consonantal system of writing of a liturgical nature — the *brahmi* from XIII century BC. Recently it was discovered that the graphonimics (names of the letters) of the *anbur* constitutes a semantic coherence. St. Stephen had given his alphabet a numerical form.

The Author presents the few surviving Old Permian scripts of writing (recordings of uninterrupted texts), which include lists of alphabets, inscriptions above icons, insertions in Russian manuscripts from the XV–XVI centuries.

Key words

Abur/Anbur alphabet, graphemics, steganography, Medieval Komi (Permic), Old Permic script, oldest relics of the Uralic languages, paleography, Saint Stephen of Perm, theoretical linguistics.

Резюме

Начало древнепермской письменности.

Стефановский *анбур* (*абур*) как один из древнейших памятников уральских языков

Предметом настоящей работы является синтетическое описание генезиса и характера *анбура* (*абура*) — первой древнепермской (древнекоми) письменности, созданной в 1372 году св. Стефаном Пермским (Храпом). Анбур относится к старейшим, уступая лишь венгерским, памятникам финно-угорской (уральской) письменности. Он создан на основе графики кириллицы, греческого алфавита и древнепермской рунической символики, т.е. *пасов*. Происхождение этой азбуки пока в полной мере не выяснено. Ученые прослеживают сходство знаков анбура с алфавитами кавказских (точнее с древнегрузинским звуковым алфавитом), древнеармянского, и даже арамейского языков; некоторые доказывают также связи с иранскими языковыми системами (вероятно в древней Перми существовала письменность персидского происхождения) и сходство с древнеиндийской письменностью литургического характера — брахми с XIII в. д.н.э. В последние годы в палеографии было обнаружено, что графонирика анбура представляет собой семантически значимую целостность. Св. Стефан придал своей азбуке вид числовой системы, подобно тому, как это имело место в византийской и кириллической (славянской) системах письма.

Автор статьи представляет древнепермские памятники письменности, к которым восходят алфавитные списки, иконографические надписи, приписки в рукописях с XV–XVI вв.

Ключевые слова

Теоретическая лингвистика, палеография, графемика, стеганография, Пермь Великая, Св. Стефан Пермский, древнепермская письменность, абур/анбур, пермская/зырянская азбука, древнейшие памятники уральских языков.

Wprowadzenie

Języki uralskie nie mogą poszczycić się zabytkami językowymi z okresu starożytności; znane są jedynie zabytki literackie z czasów znacznie późniejszych¹. Na obszarach ugrofińskojęzycznych ujawniono jedynie nieliczne inskrypcje, pochodzące z początków I tysiąclecia sprzed okresu chrystianizacji, wyryte praktycznym, a zarazem magicznym pismem runicznym (runopodobnym) o odmiennej formie i proveniencji, m.in. madziarsko-szeklerski rowasz, runy karelskie, staropermski pas, udmurcki pus, maryjski tiste, mordwiński teszks. Spuścizną starożytnych cywilizacji są tamgi, które z czasem utworzyły rozwinięty system znakowy². Tamgi — znaki hieroglificzne różniące się od „liter” run — wykorzystywano powszechnie w Eurazji. Podobne znaki były w użyciu ludów samojedzkich i paleoazjatyckich, w tym Jukagirów; uznaje się je za zapowiedź pisma. Na kulturę posługiwania się tym rodzajem piśmiennictwa bezpośredni wpływ miały niewątpliwie złożone kontakty językowo-kulturowe poszczególnych etnosów ugrofińskich z innymi ludami euroazjatyckimi, ewokujące sytuację bilingwizmu mowy oraz asymilowanie obcych tradycji, a przede wszystkim osiągnięć cywilizacyjnych, skutkujących rozwojem wiedzy i kultury (w sferze wierzeń, obrzędowości, symboliki itd.). Nie wszystkie jednak społeczności ugrofińskie we wczesnych okresach swego rozwoju cywilizacyjnego dysponowały wykształconym na własny użytek pismem; wykorzystywały one wówczas alfabety innych, kulturowo dominujących, narodów, m.in. cyrylicę lub łacinkę. Mordwini na przykład do XV wieku nie posiadali własnego pisma fonetycznego, sporadycznie posługiwali się natomiast pismem o charakterze piktograficznym. Jukagirzy zaś — głównie kobiety — do pisania listów miłych wykorzystywali pismo rysunkowe — ideograficzne³.

¹ O tym K. Wojan. *Pierwsze historyczne pomniki piśmiennictwa ugrofińskiego*. „Speculum Linguistici” 2015, vol. 3, Warszawa: Bel Studio, s. 59–141.

² W Azji Środkowej i Przedniej tamgi jako rozwinięty system znaków wykorzystywano do cechowania cegieł już w epoce helleńskiej. Część z nich posiada związek z późniejszymi „klasycznymi” tamgami ludów koczowniczych Azji Środkowej i Kazachstanu, datowanych na około IV w. p.n.e. Wcześniejsze tamgi — znaki mistrzów — ujawniono w Persepolis (VI–V w. p.n.e.) (zob. B.O. Ольховский. *Тамга (к функции знака)*. „Историко-археологический альманах” 2001, nr 7, Армавир, s. 75–86). Tamgę, będącą pierwotnie znakiem plemiennym, rodowym bądź własnościowym u dawnych ludów Wielkiego Stepu, tj. scytyjskich, sarmackich, a następnie mongolskich, tureckich, irańskich i ugrofińskich, stosowano do oznaczania koni, bydła, sprzętów i uzbrojenia. Tamgi proste bądź złożone uważane są za najstarsze spośród znaków. Ich ewolucyjny rozwój wykazuje ścisły związek z ewolucją etnonimów. W pierwszym stadium ewolucji znaki symbolizowały zwierzę totemowe plemienia, które nosiło imię swojego totemu. Implikowało to bezpośredni związek między plemieniem (klanem), jego nazwą (etnonimem), znakiem-tamgą i, w dalszej kolejności, nazwą tamgi (zob. И. Баски. *Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар)*. „Татарская археология” 1997, nr 1, s. 135–162; B.O. Ольховский. *Тамга (к функции знака)*...; Ш.Д. Инал-ипа: *Антропонимия абхазов*. Майкоп: ГУРИПП „Адыгея” 2002, s. 344–352; А. Инал-ипа. *Абхазские тамги*. 2004. [Online] <http://apsnyteka.org/420-inal-ipa_asida_abhazskie_tamgi.html> (1.12.2013). Prototypem tamg były proste figury geometryczne (koło, kwadrat, trójkąt i in.), piktogramy sakralne, ptaki i zwierzęta, przedmioty użytku codziennego, narzędzia pracy, broń, uprząż jeździecka, a niekiedy również litery różnych alfabetów.

³ Zob. *Языки народов Российской Федерации и соседних государств*. Т. 3. Москва: Наука, 2005,

Najstarsze teksty ciągle w języku staropermskim (starokomiackim) powstały w XIV wieku⁴. Posłużono się w nich anbarem (aburem) autorstwa św. Stefana Permskiego zwanego Hrapem. Zabytki staropermskie należą do najstarszych tekstów (po węgierskich) w historii literatury ugrofińskiej (uralskiej)⁵.

Celem niniejszego artykułu jest ogólny zarys specyfiki staropiśmiennictwa permskiego, wykreowanego przez św. Stefana, na tle historyczno-kulturowym.

Języki i ludy permskie

Językami permskimi posługują się ludy zamieszkujące północno-wschodnie rubieże Europy, a ściślej — pas wzdłuż zachodnich podnóży Uralu, od wybrzeży Morza Barentsa po środkowy odcinek Kamy (dawniej znany jako Perm⁶). Permiacy wywodzą

s. 606; P.O. Данилова. *Пиктографическое любовное письмо юкагиров*. «Молодой ученый» 2012, nr 3, s. 237–238.

⁴ P. Hajdú. *Narody i języki uralskie*. Przeł. J. Jastrzębska-Helder. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971, s. 196.

⁵ J. Anhava. *Maailman kielet ja kielikunnat*. Wyd. 2. Tampere: Gaudeamus, 2005.

⁶ Nazwa *Permia* / *Perm* (komi-permski *Перем*, komi-jaźwiński *Пэрөм*), powiązana z dawnym toponimem skandynawskim *Biarmia* (*Bjarmaland*), wywodzonym od *Beorma*, pojawiła się w staronorweskich sagach (zob. J. Staszewski. *Słownik geograficzny*. Wyd. 2 uzup. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1959, s. 229). W piśmiennictwie długo utrzymywał się pogląd o biarmiańskich korzeniach etnonimu i etnikonu *Perm* / *Permia* (zob. Olaus Magnus. *Historia de gentibus septentrionalibus*. Roma 1555, s. 19; M. Haavio. *Bjarmien vallan kukoistus ja tuho*. *Historia ja runoutta*. Wiersze przeł. A. Tynni. Porvoo–Helsinki: WSOY, 1965, s. 22–24; В. Булатов. *Русский Север. Книга первая. Заволачье (IX–XVI вв.)*. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1997, s. 18; Т.Н. Джаксон. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.)*. Тексты, перевод, комментарии. Серия Древнейшие источники по истории народов восточной Европы. Москва: Наука, 1993, s. 249; T. Riese. *Mari*. [W:] *The Uralic Languages*. Ed. by D. Abondolo. Seria Routledge Language Family Descriptions. London: Routledge, 1998, s. 249–250). Permiacy natomiast posługiwali się endoetnonimem *Komimort* ‘ludzie znad Kamy’ (J. Staszewski. *Słownik geograficzny...*, s. 238). Nazwa *Perm* / *Permia* jest wywodzona od 1) komi-permiackiego słowa *нарма* ‘góra, wzniesienie, porosłe lasem’, co może mieć związek ze szczytem Poliud (*Полюд*), znajdującym się w pobliżu Czerdynia; 2) od hipotetycznego fińskiego toponimu kompozytu **perä + ma* ‘skraj; tył kraju, głąb’ (Д.В. Бубрих. *Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге Русского народа на севере*. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской СР, 1947, s. 30), 3) postrzegany jest jako zniekształcenie etnonimu *Biarmia*, posiadającego germański odpowiednik **berm, *barm* (por. ang. *brim* ‘brzeg, wierzch; skrzydło’) w znaczeniu ‘skraj, rubież’ (T. Riese. *Mari...*, s. 249–250). Ta ostatnia hipoteza okazała się jednak niezadowolająca (por. est. *põrand*, dial. *põrmand* ‘grunt, ziemia’; zob. P. Alvre. *Kas põranda ja põrmu kaudu Permi?*. „Keel ja Kirjandus” 1981, nr 7, s. 407–413). Pojawiały się też sugestie, jakoby nazwa *bjarmar* została wzięta ze staronorweskiego, gdzie ponoć oznaczała ‘ludzie znad brzegu (z wybrzeża), skraju’, a następnie miała być zmieniona na *permi* (A.S.C. Ross. *OWN Bjarmar. Russian Perm*. „Leeds Studies in English and Kindred Languages” 1937, nr 6, s. 5–13). Mimo ugrofińskiego rodowodu nie można jednak arbitralnie stwierdzić, że Biarmowie należeli do Permiaków. Wprawdzie toponim *Biarmia* zarówno pod względem fonetycznym, jak i etymologicznym zbliżony jest do toponimu *Perm* (łac. *Permia*), można bowiem utworzyć spekulatywny ciąg wyrazowy: *Бьярма* →

się ze średniowiecznych szczepów fińskich⁷ z obszaru między Ładogą a Uralem. Finowie Permscy⁸ działali w strefie wpływów Bułgarii Wołżańsko-Kamskiej⁹, posiadali bezpośrednie kontakty z cywilizacją arabską, a także stałe związki z ludami uralskimi

---

Парма → *Пермь*, jednak na obecnym etapie badań wyklucza się raczej wspólnotę rdzenia obu etnonimów. O ile skandynawski toponim *Beorma* wykazuje ściśle powiązanie z etnonimem (toponim jest niewątpliwie wtórny wobec etnonimu), to w przypadku terminu rosyjskiego takiej zależności nie ujawniono (etnonim dał nazwę konkretnemu obszarowi). Rusini toponimem *Пермь* określali znaczny obszar – od współczesnej Udmurcji po Ural Polarny, zamieszkały przez ludy kulturowo do siebie zbliżone (Udmurci i Komiacy, będący nosicielami języków ugrofińskich z grupy permskiej), bądź zamieszkujące część centralną (dzisiejszy obszar bytowania Komi-Permiaków); w tym ostatnim przypadku można mówić o etnotoponimie, czyli toponimowi towarzyszy formalnie zbieżny etnonim. Inna, dość przestarzała i w istocie bardzo uproszczona, hipoteza zakłada związek etymologiczny etnonimu z brzmieniowo podobnym, skandynawskim słowem oznaczającym niedźwiedzia (por. duń. *Bjørne*, współcz. norw. *Bjørn*). Takie tłumaczenie semantyki terminu wypływa z tzw. etymologizowania ludowego nasyconego psychologizmem.

W staroruskich latopisach, edyktach i umowach handlowych występowały nazwy: *Пермь*, *Перемь*, *Пермия*. Po raz pierwszy w ruskich tekstach o charakterze dokumentacyjnym *Перемь* wymieniona została w *Powieści lat minionych* jako lud niesłowiański, płacący Rusi daninę, oraz w gramotach Nowogrodzian z 1263 roku adresowanych do kniazia Jarosława Jarosławicza (*Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел*. Т. I. № 1. Москва: Типография Н.С. Всеволожского, 1813–1826.). Ówczesny region permski pozostawał już w pewnej zależności od Nowogrodu. W umowie z 1264 roku, zawartej pomiędzy Nowogrodem Wielkim a kniazem twerskim, wymienia się włości nowogrodzkie: „А се волости новгородские: Бежиче, Городецъ, Мелечя, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера...”. W spisie figuruje *Пермь* Kolska i *Пермь* Wyczegodzka (za E. Вершинин. *Пермь Великая*. „Родина” 2011, nr 11. Российский исторический иллюстрированный журнал. [Online] <https://archive.today/20121209191750/www.istrodina.com/rodina_articul.php3> (2.09.2013)).

Kraj Permski wzmiankowany jest w 1332 roku w związku z zakamskim srebrem. W XVI- i XVII-wiecznych księgach podatkowych, w gramotach państwowych, ukazach itd. funkcjonowały dwie nazwy: *Пермь Великая* (*Permia Wielka*), odnosząca się do całego państwa, oraz *Пермь Великая-Чердынь* (*Permia Wielka-Czerdyń*), oznaczająca stolicę Czerdyń. W zabytku historycznym *Книга Большого Чертежа* z 1627 roku spotyka się nazwę *Пермь Старая* (*Permia Stara*), odnoszącą się do miasta Ust'-Wym nad Wyczegdą oraz nazwę *Пермь Малая* (*Permia Mała*) bądź *Пермца* (*Permca*), występującą w charakterze nazwy jednej z zyriańskich włości w Kraju Solwyczegodzkiem. Nazwa *Пермь Великая* (*Permia Wielka*) po raz pierwszy pojawia się u mnicha hagiografa św. Epifaniasza Mądrzego (zm. ok. 1420) w *Żywocie Stefana Permskiego*, napisanym w latach 1396–1397, jednak odnosi się ona jedynie do guberni permskiej — części rejonu permskiego.

W XVI wieku w kartografii zachodnioeuropejskiej nazwa *Permia* występuje w formie zlatynizowanej (mapy Europy Gerarda Mercatora z 1595 roku).

⁷ Ludy fińskie podzieliły się na trzy zasadnicze grupy: Finów Zachodnich (Nadbałtyckich), Wołżańskich i Permskich (zob. Ł. Okulicz-Kozaryn. *Finowie Zachodni*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 1993, s. 7).

⁸ O epoce bułgarskiej w dziejach ludów ugrofińskich zob. В.В. Напольских. *Булгарская эпоха в истории народов Поволжья и Предуралья*. [W:] *История татар с древнейших времён в семи томах*. Т. 2: *Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань: Издательство РухИЛ, 2006, s. 100–115.

⁹ Państwo Protobułgarów w dorzeczu środkowej Wołgi i dolnej Kamy istniejące X–XV wieku.

i Dalekim Wschodem¹⁰. Na przestrzeni wieków XIII i XIV ziemie Permiaków zostały włączone do Rzeczypospolitej Nowogrodzkiej.

Jako zbiorowość etniczna Finowie Permscy przetrwali w Kraju Permskim i Republice Komi oraz Udmurcji (Republice Udmurckiej); jednostki te administracyjnie wchodziły obecnie w skład Federacji Rosyjskiej. Ponadto część Komi-Zyrian osiedliła się na Półwyspie Kolskim, w Chanty-Mansyjskim Okręgu Autonomicznym — Jugrze i Jamalsko-Nienieckim Okręgu Autonomicznym (obwodu tiumeńskiego), część Komi-Permiaków zamieszkuje także północno-wschodnią strefę regionu wołżańsko-wiackiego, a część Udmurtów — poszczególne rejony Baszkirii, Tatarstanu i Mari El oraz inne obwody Federacji.

Języki permskie genealogicznie należą do grupy języków podgałęzi permskiej gałęzi fińsko-permskiej podrodziny ugrofińskiej rodziny uralskiej¹¹. Do tej grupy wchodziły ponadto: język udmurcki oraz makrojęzyk komi (komiacki) z trzema wariantami (standardami) literackimi, a mianowicie: komi-zyriańskim, komi-permiackim i komi-jaźwińskim¹². Języki permskie najwcześniej wyodrębniły się ze wspólnoty języków fińskich w wyniku rozpadu prajęzyka ugrofińskiego na dwie gałęzie: praugryjską i fińskopermską, co miało miejsce w końcu III tysiąclecia p.n.e.¹³. Prajęzyk permski wyizolował się z gałęzi fińskopermskiej w połowie II tysiąclecia p.n.e, a używany był w basenie Wiatki, średnim i górnym biegu Kamy. W XI wieku nastąpił rozpad prapermskiego na ogólnokomiacki i staroudmurcki.

Piśmiennictwo w językach permskich uformowało się na bazie cyrylicy z diakrytyką.

Pasy — kije karbowane jako początek piśmiennictwa

Zaranie piśmiennictwa u wszystkich zorganizowanych społeczności wyglądało bardzo podobnie i — choć rozwijało się paralelnie — pozostało w pełni niezależne. Jednym z najprostszych, a zarazem najwcześniejszych środków gromadzenia informacji był tzw. karbowany kij¹⁴, czyli patyk, kość bądź też inny materiał, na którym przy

¹⁰ Prawdopodobnie dawny Perm wraz z krainą Zyrian graniczył od północy z Samojedami, od wschodu — z Wogulami, od południa — z Baszkirami i Wotiakami, od zachodu — z Wielkim Ustiu-giem, Wołogdą i Morzem Białym. W późniejszym czasie granice Permu przesunęły się stopniowo, szczególnie w wiekach XVI i XVII (zob. Л. Вейнберг. *Пермская губерния*. [W:] *Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. С-Петербург: Брокгауз и Ефрон, 1890–1916. [Online] <<http://www.brockhaus.ru/text/076/863.htm>> (6.08.2013).

¹¹ П.М. Баталова. *Пермские языки*. [W:] *Языки мира. Уральские языки*. Москва: Наука, 1993, s. 209.

¹² O tym zob. K. Wojan. *Zrozumieć język fiński*. „Speculum Linguisticum” 2014, vol. 2, Warszawa: Bel Studio, s. 153.

¹³ Zagadnienia rozpadu prapermskiej wspólnoty etnojęzykowej szeroko opisuje S.K. Belykh (zob. С.К. Бельх. *Проблема распада прAPERМСКОЙ языковой общности*. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2009).

¹⁴ Zwyczaj używania karbowanych kijów jest bardzo stary, o czym świadczy fakt, iż w Chinach znak pisma oznaczający umowę składa się nadal ze znaku „karbowany patyk”, znaku oznaczającego słowo ‘nóż’ oraz symbolu o znaczeniu ‘wielki’. Umowa w chińszczyźnie jest równoznaczna z dużym

pomocy nacięć lub wrytych kresek utrwalano zbiory liczbowe oraz inne dane w myśl zasady „jedna jednostka — jeden znak”¹⁵. Kije karbowane umożliwiały zarówno liczenie, jak i odnotowanie wyniku bez znajomości skomplikowanego systemu liczbowego, pojęcia samej liczby, a przede wszystkim nie wymagały rozwiniętego abstrakcyjnego myślenia w sferze rachowania. Przez tysiąclecia na wszystkich kontynentach, w różnych kulturach archaicznych, dzięki niezwykle prostemu sposobowi zapisywania danych na patykach i kościach — na długo przed wynalezieniem pisma — odnotowywano rozmaite sprawy dnia codziennego. Na karbowanych kijach prowadzono swobodną księgowość, arcyważną z punktu widzenia interesu własnego gospodarstwa. Tworzono na nich rejestr przodków, dłużników, zaznaczano ilość zdobyczy czy uzbieranego chrustu. W wielu kulturach karbowane kije funkcjonowały jako rodzaj pokwitowania lub skryptu dłużnego za dostarczone produkty lub pożyczone środki płatnicze. Na nich spisywano także dzieje rodu czy całego narodu, zaznaczano ważne wydarzenia. Kije pełniły również rolę specyficznych kalendarzy, niezbędnych m.in. w łowiectwie. U Permiaków nazywane były *pasami* (ros. *пасы*, коми *рӧдвужпас*). Owe nieskomplikowane **runiczne kalendarze łowieckie** na pałkach stosowane przez nowożytnych Finów i Saamów zaznaczali na mapach średniowieczni kartografowie europejscy, m.in. Olaus Magnus Gothus w *Carta Marina*¹⁶, nad którą rozpoczął prace przebywając na wygnaniu w Gdańsku¹⁷. System notacji na karbowanym kiju przetrwał niemal we wszystkich społecznościach ugrofińskich; w mordwińskich i maryjskich wioskach funkcjonował aż do lat trzydziestych XX wieku.

Staropermski pas

Dokładne ustalenie daty powstania piśmiennictwa permskiego wydaje się niemożliwe; zapewne istniało ono już przed X wiekiem, co potwierdzają księgi **ibn Fadlana**. Arabski pisarz i podróżnik — Ahmed ibn Fadlan ibn al-Abbas ibn Raszyd ibn Hamad, który zasłynął *Kitāb ilā Malik al-Saqāliba* — sprawozdaniem z poselstwa odbytego w latach 921–922 w imieniu abbasydzkiego (bagdadzkiego) kalifa al-Muktadira do Sakaliby (tj. krainy Słowian), a ściślej: do cara Bułgarów Kamsko-Wołżańskich, oznajmia, że bułgarski władca Ałmusz komunikował się z ludem *Vīsū*¹⁸ (arab. وسويو ‘kraj

---

karbowanym kijem, który przed wykształceniem się pisma pełnił właśnie taką funkcję. Należy zauważyć, iż ten sposób dokumentacji i gromadzenia informacji (kijki do liczenia, znaki myśliwskie, kalendarze księżycowe) sięga głębokich prehistorycznych czasów — liczne znaleziska z kości, poroża etc. z nacięciami pochodzą przecież już z epoki kamienia. Naukowcy ujawnili liczne przedmioty z nacięciami linii, których wiek ocenia się na czasy neandertalczyka i wczesnych form *Homo sapiens* (zob. M. Kuckenburger. *Pierwsze słowo*. Przeł. B. Nowacki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2006, s. 108–114).

¹⁵ Zob. M. Kuckenburger. *Pierwsze słowo...*, s. 106–108; И.Л. Кызласов. *Рунические письменности евразийских степей*. Москва: Восточная литература, 1994.

¹⁶ Olaus Magnus Gothus. *Carta Marina et descriptio septentrionalium errorum ac mirabilium rerum in eis cantentarum diligentissime elaborata anno domini*. Wenecja 1539.

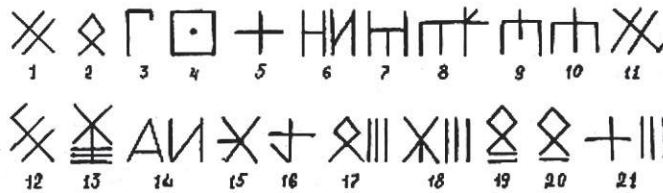
¹⁷ Zob. E. Christiansen. *Krucjaty północne*. Przeł. J. Szczepański. Poznań: Rebis, 2009.

¹⁸ Egzonim ten przewijał się w traktatach: *Kosmografia* Abu Hayyana al-Gharnatiego (1256–1344) i *Geografia* Abu Zakariya al-Qazwiniego (1203–1283) oraz encyklopedycznym *Słowniku krajów*

ciemności’) — jak zwał komiackich przodków — z obszaru górnej Kamy. Przypuszczalnie owa korespondencja prowadzona była w języku protobułgarskim z wykorzystaniem **tureckiego pisma runicznego**.

Przodkowie Komiaków najprawdopodobniej znali dwa rodzaje piśmiennictwa: 1) praktyczne pismo „nieliterowe”, tzw. **pas** (*pas* ‘znak’, por. udmurcki *pus*; tur. *tamga*, *damga* ‘znak, piętno; stempel’), przy pomocy którego znakowali swoje przedmioty, przybory myśliwskie, sporządzali kalendarze¹⁹, oraz 2) pismo literowe²⁰. Przypomnijmy, iż podobne znaki rodowe istniały u wszystkich ludów uralskich (ugrofińskich i samojezdzkich). Pasy permskie to kalendarze łowieckie w postaci drewnianych pałek o czterech krawędziach. Co ciekawe, *pas* dotrwał do dzisiejszych czasów w prawie niezmięnionej postaci na kołowrotkach i we wzornictwie ludów północnej Syberii. Ów system pisma miał uniwersalny charakter. Jeszcze w XIX wieku niepiśmienni Zyrianie posługiwali się pasem przy prowadzeniu domowej rachunkowości, wycinając na cienkich czworokątnych listewkach znaki w formie linii prostej i kanciaste, znane jedynie temu etnosowi; przy pomocy pasów zapisywano także imiona i nazwiska dłużników, notowano ważniejsze wydarzenia i miejsca (np. łowów), ceny towarów itp.

Ryc. 1. Pasy rodowe mieszkańców wioski Nowik.

Źródło: *Языки народов России в Интернете*²¹.

Równocześnie u Permiaków funkcjonował jeszcze inny rodzaj piśmiennictwa — dobrze rozwinięte pismo literowe, zapożyczone od południowych sąsiadów. Przodkowie Komiaków mogli swobodnie porozumiewać się z bułgarskim carem jedynie przy pomocy wspólnego środka komunikacji, czyli konkretnego systemu pisma.

(*Muḏzam al-Buldan*) Jakuta ibn Abdallaha al-Hamawiego (1179–1229). Ów termin mógł być derywowany od nazwy *Weś* (rus. *вещь*) i użyty w charakterze etnikonu ludności osiedlonej nad Ładogą oraz w górnym biegu rzeki Suchomy. O tym zob. В.В. Напольских. *Булгарская эпоха...*, s. 100.

¹⁹ П.И. Савваитов. *О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном*. Москва: Синодальная типография, 1873.

²⁰ Г.С. Лыткин. *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1889; В.И. Лыткин. *Происхождение пермской азбуки*. «Советское финно-угроведение» 1948. Т. 1. Ленинград; В.И. Лыткин. *Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь*. Москва: Издательство АН СССР, 1952; А.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков*. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012.

²¹ *Языки народов России в Интернете*. [Online] <<http://peoples.org.ru/abur.html>> (29.07.2011).

Pismo anbur (abur)

Staropermskie piśmiennictwo²², tzw. *abur* bądź *anbur*, zostało zainicjowane przez świętego mnicha — Stefana Permskiego Hrapa (Stefana z Permu, ros. *Стефан Пермский*, komi *Перымса Степан*, 1340–1396)²³ w 1372 roku, działającego w rejonie

²² Zob. np. J. Martin. *Medieval Russia 980–1584*. Seria Cambridge Medieval Textbooks. Wyd. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

²³ Św. Stefan urodził się około roku 1340 w Ustiuğu, w rejonie ujścia Suchomy do Siewiernej Dźwiny, w rodzinie duchownego, cerkiewnego psalmisty. W dzieciństwie nauczył się czytać i pisać, pełnił w miejscowej cerkwi funkcję kanonarchy. Nauki pobierał w Rostowie. W 1365 roku wstąpił do monasteru Św. Grzegorza Teologa, w wieku 25 lat złożył wieczyste śluby mnisze. Spędził tam 13 lat na przygotowaniach do posługi misyjnej. Studiował *Biblię* i grekę, zajmował się przepisywaniem ksiąg i prawdopodobnie ikonopisaniem. Poznał wówczas Epifaniasza Mądrego, jednego z największych umysłów na Rusi, a także św. Sergiusza z Radoneża, którego został uczniem. Po otrzymaniu święceń kapłańskich wyprawił się na zachód od Uralu, by głosić wśród Zyrian *Ewangelię*. W 1379 roku przyszedł święty rozpoczął działalność duszpasterską wśród pogańskich Zyrian. Swoją misję rozpoczął w Kotłasie, później zaś wędrował po całej ziemi permskiej. W Ust'-Wym ściał czczoną przez miejscową ludność brzozę, a z jej pnia wykonał ołtarz cerkwi Świętych Archaniołów. Według żywotu publicznie udowodnił fałszywość nauk miejscowego maga Pamy, który po starciu ze Stefanem musiał opuścić Perm. W 1383 roku misjonarz wyświęcony został na biskupa przez metropolitę włodzimierskiego i suzdalskiego Pimena, a na ziemi permskiej erygowana została eparchia. Biskup Stefan przygotowywał młodzież do stanu kapłańskiego, tworzył dla niej sieć szkół. Kontynuował prace nad przekładami prawosławnych tekstów liturgicznych na język zyriański, otwierał domy dla starców i pielgrzymów, założył trzy monasterie (Świętych Archaniołów w Ust'-Wym, Świętych Archaniołów w Jariensku, Przemienienia Pańskiego oraz św. Stefana w okolicach Ust'-Sysolska). Goriwie bronił rdzennego ludu permskiego przed rabunkowymi napadami Nowogrodzian i Wiatczan, przeciwstawiał się niekorzystnym posunięciom administracji moskiewskiej oraz miejscowym rozbojnikom. W 1386 Stefan udał się do Nowogrodu z prośbą o powstrzymanie najazdów na ziemie zamieszkiwane przez Zyrian. Wspierał mieszkańców, wspomagał ich w czasie klęsk głodowych, rozdając własne zapasy głodującym i organizując dla nich dostawy żywności. W 1391 roku wziął udział w soborze biskupów ruskich pod przewodnictwem metropolity Cypriana. W 1396 ponownie udał się do Moskwy, jednak po przybyciu do miasta zachorował i zmarł. Został pochowany w soborze Przemienienia Pańskiego (Zbawiciela w Borze) w obrębie moskiewskiego Kremla. W 1549 roku został kanonizowany. Zob. o tym: *Стефан Пермский*. [W:] *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXXI: *Ста–Сте*, Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ, 1890–1907, s. 637–638. [Online] <<http://www.vehi.net/brokgauz/>> (11.05.2015); *Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись о Стефане Пермском*. [W:] *Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР*. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958, s. 257–271; Г.П. Федотов. *Святитель Стефан Пермский*. [W:] *Тегоз: Святые Древней Руси*. Москва: Московский рабочий, 1991. [Online] <<http://www.vehi.net/fedotov/svyatyte/07.html>> (11.05.2015); J. Korpela. *Stefan von Perm'. Heiliger Täufer im politischen Kontext*. "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas" 2001. T. 49, s. 481–499.

Kult Stefana rozpowszechnił się w rosyjskim Kościele Prawosławnym w XVII wieku. Pierwsze nabożeństwo do Świętego jest jednak znacznie starsze, zostało przygotowane przez Pachomiusza Serba już w 1472. Według tradycji relikwie Stefana z Permu były wystawione na widok publiczny aż do czasu zajęcia przez Polaków Moskwy, i dopiero wówczas zostały zakryte. Obok raki z relikwiami eksponowany był żezł biskupi duchownego. Po zajęciu Kremla polski hetman Jan Karol Chodkiewicz wysłał żezł (pastorał, „kij pastorski”) do monasteru w Supraślu, gdzie ten pozostawał do 1849 roku,

ujścia rzeki Wym, dopływu Wyczegdy, na bazie grafiki cyrylicy, alfabetu greckiego i staropermskiej symboliki runicznej²⁴, czyli pasów. Nazwa (umowna) staropermskiego alfabetu pochodzi od pierwszych liter *an* i *bur* — analogicznie jak w greckim $\alpha\lambda\phi\alpha - \beta\eta\tau\alpha$ oraz w łacińskim *a - b*²⁵. Alfabet permski stworzony przez misjonarza dla potrzeb liturgicznych (duchowych) wyszedł całkowicie z użycia w XVII wieku²⁶ (wyparty został przez bardziej prestiżową cyrylicę). W XV–XVI wieku anbur zaczął pełnić także funkcję **pisma kryptograficznego**²⁷. Anburu w charakterze tajnopisu (steganografii) używali zarówno skrybowie moskiewscy, jak i nowogrodzcy; w rękopisach z tamtego okresu spotyka się zapisy (dopiski) w języku staroruskim z zastosowaniem liter staropermskich. Niektórzy znani poeci, m.in. „ojciec” zyriańskiej literatury pięknej, tłumacz i językoznawca Iwan Aleksejewicz Kuratow (1839–1875) wykorzystywali w swojej twórczości alfabet Stefanowski, maskując w ten sposób emocje²⁸. Obecnie liternictwo w anburze znalazło szerokie zastosowanie w dekoratorstwie (oprawa książek, heraldyka, skórzane wyroby pamiątkarskie). Na podkreślenie zasługuje fakt całkiem niedawnego opracowania w oparciu o anbur czcionki komputerowej²⁹.

Czym wyróżniał się anbur? Alfabet Stefanowski zawierał 38 liter³⁰, znaki diakrytyczne oraz tytło dla oznaczenia skrótu. Cechował go również brak podziału na ma-

---

później Świętobliwy Synod Rządzący nakazał przesłanie go do Permu. Zob. *Stefan Permski*. [Online] <http://www.drift.promotusz.pl/Stefan_Permski.html> (12.05.2015).

Św. Stefan Permski Hrap jest czczony w całej Słowiańszczyźnie, także wśród społeczności katolickiej. Wspomina go nowe *Martyrologium Rzymskie*. Wierni modlą się św. Stefana w intencji wybawienia od cierpień i agresji zewnętrznej. Zob. *Stefan z Permu*. [Online] <<http://www.deon.pl/imieniny/imie,2905,stefan.html>> (12.05.2015).

²⁴ G.S. Łytkin wykluczał zbieżności między pasem a anburzem (Г.С. Лыткин. *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык...*); dziś natomiast uwypukla się tę zależność (por. П.И. Савваитов. *О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке...*). O tym, że przodkowie Komiaków w odległej przeszłości znali pas, świadczy niezbitcie m.in. słowo *небӧг* ‘księga, pismo, ukaz’, będące pożyczką z języków irańskich (por. pahlawi *nipek* ‘pismo, znaki pisarskie’). Warto też zauważyć, iż w języku komi słowo *litera* to *шынac* (tj. pas, oznaczający literę *шы*). Stefan Permski — jak wiadomo z jego biografii — z racji swojego pochodzenia był dwujęzyczny: w Ustiugu we wczesnej młodości dzięki zyriańskim krewnym miał styczność z permskim pasem. W młodości odbywał wraz z najbliższymi kupieckie wyprawy, podczas których musiał zetknąć się ze znakami zyriańskimi używanymi w handlu.

²⁵ O tym zob. В.И. Лыткин. *Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь...*, s. 123, 125, 129; Л.В. Черепнин. *Русская палеография*. Москва: Политиздат, 1956; А.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси...*, s. 63–66.

²⁶ Piśmiennictwo staroperskie miało też niestety wielu przeciwników. Jednym z nich był Epifaniusz Mądry, który znał osobiście Stefana Permskiego.

²⁷ М.Н. Сперанский. *Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма*. Серия Энциклопедия славянской филологии. Ленинград: Издательство АН СССР, 1929; А.В. Бабаш, Г.П. Шанкин. *История криптографии*. Ч. 1. Москва: Гелиос, 2002.

²⁸ O Kuratowie zob. tom prac: *Komin kansan ensimmäinen runoilija. 150 vuotta I.A. Kuratovin syntymästä*. Toim. J. Laakso. Castrenianumin toimitteita, 36, Helsinki: Helsingin yliopisto, 1990.

²⁹ Нр. Е. Антикоски. *Древнепермское письмо для Windows*. 2004. Portal “Языки народов России в Интернете”. [Online] <<http://www.peoples.org.ru/abur.html>> (2.01.2015).

³⁰ Początkowo alfabet Stefana Permskiego składał się jedynie z 24 liter, przy czym dźwięków było

juskuły i minuskuły, co z kolei przywodzi na myśl zbieżności w zakresie kroju znaków alfabetów niektórych języków kaukaskich (w szczególności zaś gruzińskiego). Istotna wydaje się uwaga Güntera Stipy³¹, który zaobserwował pewne zbieżności znaków alfabetu zastosowanego przez św. Stefana ze znakami głoskowego pisma starogruzińskiego (stworzonego w IV wieku n.e., którego podstawę mógł stanowić alfabet syryjski — pismo abdzabowe) i staroormiańskiego (wzorowanego m.in. na pahlawi, utworzonego w 405 roku), a nawet aramejskiego (również abdzabowego, będącego odmianą pisma fenickiego). Stipa postawił jednocześnie tezę o wpływie irańskich systemów językowych. Oznacza to, iż w dawnym Permie mogło istnieć piśmiennictwo pochodzenia perskiego³², czemu sprzyjał fakt, iż Perm leżał na styku ważnych kontaktów handlowych między Wschodem i Zachodem. Zdaniem Stipy, Zyrianie zapożyczyli z któregoś z alfabetów północnoirańskich nie tylko sam kształt liter, ale także nazwy starokomiackich dźwięków; ów domniemany alfabet miał stać się podstawą alfabetów stworzonych przez liczne narody kaukaskie. Uczeni dopatrzyli się również wyraźnych zbieżności anburu ze staroindyjskim spółgłoskowym pismem o charakterze liturgicznym — brahmi, utworzonym w III wieku p.n.e. Formę tego pisma w VII wieku n.e. zapożyczył (dziś wymarły) język chotański z grupy sakijskiej (wschodnio-scytyjskiej) podrodziny irańskiej, wchodzący w skład praindoeuropejskiej rodziny językowej. Konsekwencją takiego transferu było zaimportowanie brahmi od kupców perskich. Przodkowie Zyriani i Protobułgarzy zaczęli z powodzeniem wykorzystywać je zarówno w celach korespondencyjnych, jak i przy pisaniu własnych ksiąg. Najwcześniej na trop hinduski wpadł zyriański etnograf, filozof i pisarz — Kallistrat Żakow³³ (1866–1926).

35, co z kolei powodowało homografię.

³¹ G.J. Stipa. *Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus*. Redaktionelle Bearbeitung und Zusammenstellung der Bibliographie K.Ph. Ruppel. Suomalais-Ugrilainen Seura, 206. Helsinki: SUST, 1990, s. 58; por. też G.J. Stipa. *Der Ursprung der permischen Schrift* "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft" 1961, nr 110. Wiesbaden, s. 342–364; G.J. Stipa. *Der Ursprung der permischen Schrift*. [W:] *Congressus internationalis Fenno-ugristarum Budapestini habitus 20–24*. Red. G. Ortutay. Budapest: Akade'miai Kiado', 1963, s. 281–287.

³² W dokumentach ekspediowanych na Północ, były litery, które stały się osnową pisma komiaciego. Często docierały tam również perskie sasanidzkie monety oraz srebrna zastawa pokryta nieznanym starożytnym pismem środkowoazjatyckim; niewątpliwie wszystko to stanowiło dodatkowe źródło nowego literactwa.

³³ К. Жаков. *На Север в поисках за Памом Бур-Мортом*. Санкт-Петербург: Издательство Осипова, 1905.

1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Т	З	С	а	аН	челюсть	У	У	У	С	сий	волос
Ф	Ф	Ф	б	бур	плесень, хороший	У	У	Т	Т	тай	оказыва- ется
Т	Т	У	г	гай		И	У	Ч	У(В)	у	
Л	Л	Л	д	дой	рана	И	У	У	Ч	чэры	рыба
У	У	У	е	э		Р	У	У	У	шдй	труп, ешь, глина
М	М	Т	ж	жой		З	Л	З	Ы	ыры	
Ш		Ш	дж	джой		Л	Л	Л	Ь		
Ш	Ч	Д	з	зата		Л	Л	Л	О	о	
И		И	дз	дзита		К		Ф			
Г	Т	Г	ц	ц	мотыжит	Л		Ц	Ц	цю	
З	У	У	к	кокэ		И		Ц			
У	У	У	л	лэй	меня	У	У	У	У(У)	вэр	раб, всегда
Н	У	У	м	мэнö		З		У	У	у	
П	У	У	н	нэнö		Т	У	У	Э(Т)	ять	
Т	У	У	о	вдй	пазуха	У	У	У	Ю	ю	
У	У	У	п	пэй		У	У	У	Я	я	
У	У	У	р	рэй		У	У	У	Э		

Legenda:

1. początkowa forma liter staropermskich
2. półustaw staropermski
3. skoropis staropermski
4. transkrypcja
5. grafonimy (nazwy liter)
6. przypuszczalna wartość grafonimów.

Рис. 2. Alfabet anbur.

Źródło: *Древнепермское письмо*³⁴.

Dotychczasowe, dość przecież liczne, próby wyjaśnienia genezy anburu (ustalenia jego prototypu) niestety nie zakończyły się powodzeniem. Specjaliści zakładali związek poszczególnych znaków z omawianego systemu z cyrylicą, alfabetem greckim, skandynawskimi runami, pismem starotureckim i szeregiem innych systemów piśmienniczych³⁵. Za najbardziej oryginalną uznana została tu hipoteza pasów. Nie udało się jednak ani dostatecznie uzasadnić tej teorii, ani też jej całkowicie wykluczyć. Badania wykazały, że co najmniej jedna trzecia znaków anburu została bezpośred-

³⁴ *Древнепермское письмо*. [Online] <<http://www.rbardalzo.narod.ru/4/komi.html>> (2.02.2015).

³⁵ К.С. Королев, Э.А. Савельева. *Откуда пошла коми письменность*. «Родники Пармы» 1996. Вып. 4. Сыктывкар, s. 7–11; А.И. Туркин. *Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности*. [W:] Э.А. Савельева. *Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры*. Т. 2. Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения РАН, 1996.

nio przejęta ze staroturkijskiego systemu piśmienniczego³⁶. Potwierdza to tezę o euzjatyckiej ewolucji kulturowej, której efektem było konkretne piśmiennictwo. Jak wiadomo, pismem turkijskim, przez wiele stuleci posługiwały się różne ludy³⁷, a w XIII wieku jego warianty były stosowane w Azji Środkowej przez niektóre wspólnoty chrześcijańskie³⁸. Odkrycie to prowadzi do konstatacji, iż przy konstruowaniu własnego systemu piśmienniczego Stefan Permski wykorzystywał całe litery, a nie odrębne, nieskorelowane znaki³⁹.

Anbur to system, którego grafonimika (nazwy liter) miała tworzyć — w świetle pewnych hipotez — **semantyczną spójność**. W latach pięćdziesiątych ubiegłego stulecia Wasilij I. Łytkin usiłował ustalić wartość (znaczenie) nazw liter Stefanowskiego alfabetu. Dociekania te tylko połowicznie zwieńczone były sukcesem — system semantyczny we wspomnianych nazwach okazał się bowiem nieidentyfikowalny. Znamienne, nie udało się go dotychczas w pełni zrekonstruować⁴⁰. Dopiero niedawno paleografowie dokonali niezwykłego odkrycia: na podstawie zachowanych zabytków kultury diecezji permskiej udało się dowiedzieć, iż św. Stefan nadał swemu abecedłu postać systemu liczbowego (podobnie jak miało to miejsce w przypadku innych znanych systemów pisma — bizantyjskiego i cyrylicznego (słowiańskiego))⁴¹. Można zatem wyrazić przypuszczenie, że system Stefanowski został ukonstytuowany również przez inne struktury semantyczne. Koncepcja anburu jako systemu liczbowego nie powinna dziwić. Wystarczy sięgnąć do początków dziejów języków skonstruowanych⁴² zwią-

³⁶ В.В. Понарядов. *О возможной связи Стефановской письменности с древнетюркской руникой*. [W:] *Христианизация Коми края*. Т. 2: *Филология, этнология*. Отв. ред. Е.А. Савельева. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра. Уральское отделение РАН, Сыктывкарский государственный университет, 1996, s. 240; В. Понарядов. *Загадки древнепермской письменности*. «Арт» 2003, nr 2, s. 126–127.

³⁷ N. Golb, O. Pritsak. *Khazarian Hebrew Documents of Tenth Century*. London: Ithaca, 1982, s. 3–71.

³⁸ С.Е. Малов. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 1951, s. 131.

³⁹ А.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси...*, s. 64.

⁴⁰ Тамże, s. 63.

⁴¹ Zob. Б.Н. Морозов, Р.А. Симонов. *Об открытии цифровой системы Стефана Пермского*. «Вопросы истории естествознания и техники» 2008, nr 1, s. 6–19; А.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси...*, s. 63.

⁴² Początkowo idea języka konstruowanego powiązana była z wiedzą filozoficzną, a szczególnie mistyczną. Język tworzony dla celów specjalnych i projektowany w sytuacjach nietypowych postrzegany był jako coś niezwykłego, magicznego, mającego odwzorowywać tzw. prawdę wyższą. Podobnie jak w profetycznej kabale żydowskiej, począwszy od starożytności, w różnych tradycjach religijnych poszczególnym słowom bądź literom atrybuowano określone wartości, opracowywano kompleksowe „gramatyki” znaczeń słów języka naturalnego. Często systemy wykoncypowane były pomyślane jako specjalne narzędzie do komunikacji z istotami nadprzyrodzonymi, w kręgach okultystycznych pełniły funkcję magiczną, bądź miały rangę języków tajemnych (kryptograficznych), uniemożliwiających odczytanie komunikatu bądź nawet jego obecność (sam fakt komunikacji) przed osobami niepowołanymi. Języki sztuczne, przybierające częstokroć charakter gier językowych, wyposażone w niekonwencjonalną leksykę, do której dostosowywano „normalną” gramatykę, poświadczane są przez wiele kultur świata (o tym K. Wojan. *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek?*

zanych z poszukiwaniem języka uniwersalnego ludzkości, tworzeniem języków mistycznych czy pasygrafii⁴³, opartych na kombinatoryce, by uzmysłowić sobie celowość podobnego zamysłu.

Interesujące rozważania o anburze zawarł w swej monografii *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков* Aleksandr Kotylev. Lingwista próbuje udowodnić tezę o syntetycznym pochodzeniu alfabetu. Twierdzenie Kotylewa wypływa z teocentrycznego przesłania biblijnego — sytuacji *confusio linguarum*, w jakiej znalazła się ludzkość po upadku Wieży Babel. Autor zakłada, że święty mnich — Stefan Permski w przededniu Sądu Ostatecznego postanowił dokonać symbolicznego przedstawienia konkretnej perspektywy wyjścia z impasu, jakim było etniczne (językowe i terytorialne) rozproszenie. Uświadamia to tekst Epifaniasza *Слово о житии и учении святого отца нашего* z 1396 roku, zawierający motywy eschatologiczne i wyraźnie demonstrujący babelską wersję pochodzenia różnych kultur⁴⁴. W jego świetle piętnem Wieży Babel naznaczony został lud zyriański, przebywający w Permie od czasu rozproszenia. Nowoapostolską misję Stefana można byłoby zatem rozpatrywać jako jeden z racjonalnych sposobów przezwyciężenia upadku człowieczeństwa, czego symbolem miało stać się właśnie nowe piśmiennictwo stworzone na bazie wielu alfabetów, które dla ówczesnego myśliciela stanowiły jednak istotną wartość.

Nie ma niestety pewności, czy kiedykolwiek będziemy w stanie pojąć logikę, jaką kierował się święty mnich przy doborze znaków piśmienniczych eksцерpowanych z różnych systemów alfabetycznych. Pewien klucz do tej tajemnicy stanowią warianty piśmiennictwa staropermskiego, tj. zachowane napisy i tekst Epifaniasza⁴⁵. W *Słowie* Epifaniasza Mądrego w rozdziale *O abecadle permskim (O азбуке пермской)*⁴⁶ wymienione zostały główne zasady, jakie zastosował Stefan przy tworzeniu swego anburu. Szczególne znaczenie hagiograf przydaje zasadzie dziedzictwa kulturowego, wywo-

---

Zarys dziejów interlingwistyki. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, s. 37).

⁴³ Warto przypomnieć choćby parę znaczących faktów — projekt Rajmunda Lulla (Raymundus Lullus vel Lullius, 1232–1315), katalońskiego tercjarza franciszkańskiego, misjonarza, filozofa, teologa, dziś uznanego za ojca informatyki, usiłującego stworzyć abstrakcyjną lingwę na podobieństwo zastosowanej przez niego uniwersalnej kombinatoryki; niespełna cztery wieki później idee Lulla zainspirowały Gottfrieda Wilhelma Leibniza (1646–1716), niemieckiego matematyka, filozofa, prawnika, inżyniera i teologa, do stworzenia projektu uniwersalnego i ścisłego języka graficznego (*characteristica universalis*) oraz uniwersalnego rachunku. Specyficzna mowa palczana (tj. daktyloglogia), autorstwa anglosaskiego mnicha i uczonego, Doktora Kościoła — Bedy Czcigodnego (łac. Bēda Venerābilis, 672/673–735), opierała się na notacji palczanej, czyli sposobu pokazywania palcami liczb oraz liter, korespondującego ze znanymi z rozproszonych w piśmiennictwie wiadomościami o metodach rzymskich i greckich. Kompleksowy opis metody palczanej sporządził grecki arytmetyk i geometra Mikołaj Rhabda ze Smyrny (Nicolas Smyrnaeus, Rhabda, Artabasda, Atrabasdes, 12...?–1350?) (o tym zob. K. Wojan. *Języki sztuczne...*).

⁴⁴ А.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси...*, s. 64. Zob. też ?С. Ананичев. *Богом избранная Русь*. Москва: ЛитРес, 2014, s. 44.

⁴⁵ Тамże, s. 64.

⁴⁶ Епифаний Премудрый. *Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана*. 1396, s. 132–133. [Online] <http://krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html> (2.01.2015).

dząc abecadło permskie od piśmiennictwa pierwotnego przez system pisma greckiego i słowiańskiego, a także wskazując na jego związek z wieloma jeszcze alfabetami. Znajomość tych alfabetów (hebrajskiego, syryjskiego, węgierskiego⁴⁷) podkreśla semiotyczną kompetencję samego Epifaniasza. Hagiograf wyraźnie podkreśla dwuskładnikowość alfabetu permskiego, żywiąc przekonanie o jego potencjalnym dostosowaniu do języka zyriańskiego.

Тако же и сесь сложил числом четыре межу десятма слов, по-добяся греческиа азбуки числу слов; оба убо слова по чину греческих письмен, оба же по речи пермьского языка.

(Епифаний Премудрый)⁴⁸

Wytyczając drogę rozwoju piśmiennictwa (na postawie dzieła *O письменах* Czeronizca Chrabra z presławskiej szkoły piśmienniczej, które — ze względu na związek z tradycją cyrylometodejską — potraktować można jako ogniwo łączące Stefana i jego hagiografa), Epifaniasz wyznacza kierunek: od jedności naruszonej przez Wieżę Babel poprzez wielokulturową różnorodność do nowej jedności, której symbolem jest piśmiennictwo Stefanowskie⁴⁹.

Najstarsze staropermskie zapisy tekstów ciągłych

Doniosłość działalności misjonarskiej św. Stefana Permskiego polegała przede wszystkim na wykreowaniu od podstaw oryginalnego alfabetu, co umożliwiło przygotowanie właściwego gruntu do wprowadzenia języka ojczystego Zyrian (Komiaków) do liturgii oraz do rozwoju permskiego języka literackiego, a tym samym zapoczątkowanie twórczości narodowej. Należy tu zwrócić uwagę na istotny z punktu widzenia lingwistyki fakt: wraz z rozwojem języka staropermskiego nastąpił rozwój słownictwa w dziedzinie nauki, religii, onomastyki itp. Ponadto w żywocie biskupa Stefana po raz pierwszy pojawiła się nazwa *Permianie*⁵⁰. Niestety, w momencie przejścia na piśmiennictwo ruskie dorobek pisarski Stefana Permskiego został w dużej mierze zaprzepaszczony; częściowo księgi jego uległy spaleni w wyniku częstych pożarów, a częściowo zaś były świadomie niszczone przez nowych działaczy cerkiewnych, którzy przekład ksiąg cerkiewnych na język komi traktowali jako bluźnierstwo. Krótki, trwający zaledwie niecałe 100 lat (1379–1505), okres rozwoju staropermskiej literatury chrześcijańskiej Iwan Kuratow określił obrazowo jako „oazę na pustyni zyriańskiej historii”⁵¹.

⁴⁷ Wzmianka o alfabecie węgierskim i zaszerogowanie go do znaczących ówczesnie języków pozwala sądzić, że Epifaniasz zdawał sobie sprawę z pokrewieństwa języka permskiego i węgierskiego. Później na genetyczną bliskość tych języków wskazywał Sigismund Herberstein (1486–1566), austriacki historyk i poseł, autor dzieła *Rerum moscoviticarum commentarii* (Bazylea, 1549) (zob. A.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси...*, s. 66).

⁴⁸ Епифаний Премудрый. *Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана*, 1396, op. cit., s. 180.

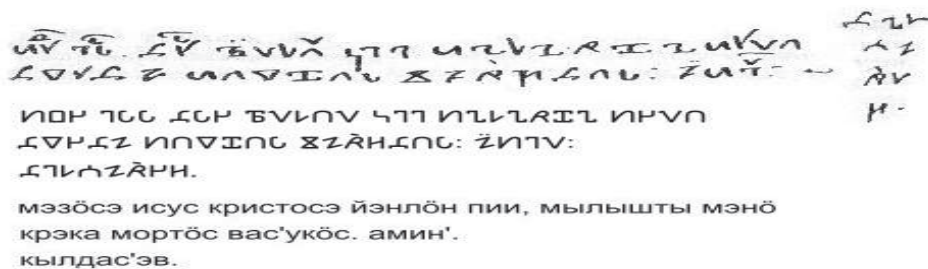
⁴⁹ Zob. A.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси...*, s. 64.

⁵⁰ G.J. Stipa. *Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus...*, s. 59.

⁵¹ *За Сыктывкарец возрождает stefanovskuju azbuku*. Portal: «Коминформ. Информаци-

Mimo niesprzyjających okoliczności zachowały się jednak pojedyncze staropermskie zabytki piśmienne. Znalazły się wśród nich niespełna 10 spisów alfabetów, napisy nad ikonami (m.in. *Trójca Zyriańska* [ros. *Зырянская Троица*] autorstwa Św. Stefana, 1379–1400), dopiski w ruskich rękopiśmiennych księgach z XV–XVI wieku (ogółem 225 słów). Największą wartość przedstawiają: podpis szóstego biskupa permskiego – Filoteja (ros. *Филофей*, zm. 1501) pod gramotą z 1474 roku, dopisek Wasiuka Gawriłowa (zwanego Kyłdaszewem, Diakowem)⁵² w *Nomokanonie* z roku 1510 (ryc. 3) oraz zapisek na marginesie rękopisu księgi Grzegorza Synaity (Grzegorza z Synaju, 1260–1340) z połowy XVII wieku (ryc. 4).

Ryc. 3. U góry: dopisek⁵³ Wasiuka Gawriłowa (Kyłdaszewa, Diakowa) w *Nomokanonie* z 1510 roku (oryginał)⁵⁴, poniżej: dzisiejszy zapis transkrypcyjny tekstu oraz jego dekodowanie przez V.I. Łytkina⁵⁵.

Źródło: E. Anttikoski⁵⁶.

Przetrwiał również tekst nabożeństwa odprowadzanego za dusze zmarłych zawierający 600 słów, przełożony w drugiej połowie XVII wieku z alfabetu staropermskiego na ruski⁵⁷. Z dzieł Stefana Permskiego zachowało jedynie *Pouczenie* (*Поучение*), skierowane do strigolników — grupy heretyków działającej w Pskowie, Nowogrodzie

онное агентство”. 15.02.2010, godz. 15.45. [Online] <<http://www.komiinform.ru/news/62864/>> (2.03.2013).

⁵² Wasiuk Gawriłow, syn Popowy, zwany po zyriańsku Kyłdaszewem (ros. Васюк Гаврилов, Кылдашев, Кылдасёв, Дьяков, XV–XVI w.) — uczony w piśmie Monasteru Nikolskiego w pogoście wyczegodskiej Lena (informacja biograficzna na podstawie: А.Ю. Котылев. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси...*, s. 214).

⁵³ Сут. ros.: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня грешного человека Васюка. Аминь. Кылдашев» — za E. Anttikoski. *Древнепермское письмо для Windows*. 2004. Portal: ”Языки народов России в Интернете”. [Online] <<http://www.peoples.org.ru/abur.html>> (2.01.2015).

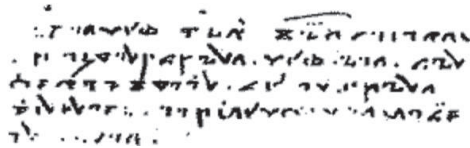
⁵⁴ Źródło: E. Anttikoski. *Древнепермское письмо для Windows...*

⁵⁵ В.И. Лыткин: *Происхождение пермской азбуки...*; tenże: *Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь...*

⁵⁶ E. Anttikoski. *Древнепермское письмо для Windows...*

⁵⁷ Zob. Г.С. Лыткин. *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык...*; В.И. Лыткин. *Происхождение пермской азбуки...*; tenże: *Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь...*; А.С. Сидоров. *Коми письменность эпохи раннего феодализма*. ”Советское финно-угроведение” 1948. Т. 1. Ленинград; tenże: *Новые памятники древнекоми письменности*. [W:] «Вопросы финно-угорского языкознания» 1962, s. 178–211; G.J. Stipa. *Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus...*, s. 60.

Wielkim i Twerze. Istnienie innych rękopisów i zapisków poświadcza jednak ciągłość rozwoju Stefanowskiej tradycji kulturowej na przestrzeni wieków XV–XVI oraz funkcjonowanie na ziemi permskiej szkoły piśmienniczej.

Ryc. 4. Tekst na marginesie księgi Grzegorza Synaity⁵⁸.

Źródło: «Вера» – «Эском»⁵⁹.

Древнепермская надпись на иконе "Троица" (текст начинается историей об Аврааме и Саре; Быт. 18:1-8)

Скворцовская надпись на иконе "Троица"

Ryc. 5. Napisy na *Trójcy*: staropermski (od lewej) i skworcowski (od prawej).

Źródło: *Древнепермское письмо*⁶⁰.

Należy wyraźnie podkreślić, iż napisy w anburze należą do najstarszych poświadczeń języków ugrofińskich. Wcześniejszą chronologią poszczycić się mogą jedynie teksty spisane po węgiersku i karelsku⁶¹.

Bibliografia

- Alvre P. *Kas pöranda ja pörmu kaudu Permi?*. „Keel ja Kirjandus” 1981, nr 7, s. 407–413.
 Anhava J. *Maaïman kielet ja kielikunnat*. Wyd. 2. Tampere: Gaudeamus, 2005.

⁵⁸ Treść tekstu w przekładzie na rosyjski: „?той книги почитатель ушел на прилук в затворники, дьяк Гавриил, на спасение своей души, при игумене при Михаиле.” Сут. ros. za «Вера» — «Эском». Христианская газета Севера России. [Online] <<http://www.rusvera.mrezha.ru/stefan/frame/top.htm>> (3.01.2015).

⁵⁹ «Вера» — «Эском»...

⁶⁰ *Древнепермское письмо*. [Online] <<http://www.rbardalzo.narod.ru/4/komi.html>> (2.02.2015).

⁶¹ O tym zob. K. Wojan. *Nowogrodzkie gramoty brzożowe jako najstarsze baltickofinńskie zabytki językowe*. „Przegląd Rusycystyczny” 2013, nr 3 (143), s. 99–117.

- Anttikoski E. *Древнепермское письмо для Windows*. 2004. [W:] „Языки народов России в Интернете”. [Online] <<http://www.peoples.org.ru/abur.html>> (2.01.2015).
- Christiansen E. *Krucjaty północne*. Przeł. J. Szczepański. Poznań: Rebis, 2009.
- Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of Tenth Century*. London: Ithaca, 1982.
- Haavio M. *Bjarmien vallan kukoistus ja tuho. Historia ja runoutta*. Runot suom. Aale Tynni. Porvoo–Helsinki: WSOY, 1965.
- Hajdú P. *Narody i języki uralskie*. Przeł. J. Jastrzębska-Helder. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971.
- Komin kansan ensimmäinen runoilija. 150 vuotta I.A. Kuratovin syntymästä*. Red. J. Laakso. Castreñanumin toimitteita, 36, Helsinki: Helsingin yliopisto, 1990.
- Korpela J. *Stefan von Perm'. Heiliger Täufer im politischen Kontext*. „Jahrbücher für Geschichte Osteuropas” 2001. T. 49, s. 481–499.
- Kuckenburg M. *Pierwsze słowo*. Przeł. B. Nowacki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2006.
- Martin J. *Medieval Russia 980–1584*. Seria Cambridge Medieval Textbooks. Wyd. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Okulicz-Kozaryn Ł. *Finowie Zachodni*. Seria Kultura Europy Wczesnośredniowiecznej. Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 1993.
- Olaus Magnus Gothus. *Carta Marina et descriptio septentrionalivm errarvm ac mirabilivm rervm in eis cantentarvm diligentissime elaborata anno domini*. Wenecja 1539.
- Olaus Magnus. *Historia de gentibus septentrionalibus*, Roma 1555.
- Olaus Magnus. *Pohjoisten kansojen historia. Suomea koskevat kuvaukset*. Przeł. K. Hirvonen. Wstęp i objaśnienia sporządził K. Vilkkuna. Helsinki: Otava, 1973.
- Riese T. Mari. [W:] *The Uralic Languages*. Red. D. Abondolo. Seria Routledge Language Family Descriptions. London: Routledge, 1998, s. 249–275.
- Ross A.S.C. OWN *Bjarmar. Russian Perm*. „Leeds Studies in English and Kindred Languages” 1937, nr 6, s. 5–13.
- Staszewski J. *Słownik geograficzny*. Wyd. 2 uzup. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1959.
- Stefan Permski*. [Online] <http://www.drift.promotusz.pl/Stefan_Permski.html> (12.05.2015).
- Stefan z Permu*. [Online] <<http://www.deon.pl/imieniny/imie,2905,stefan.html>> (12.05.2015).
- Stipa G.J. *Der Ursprung der permischen Schrift* „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft” 1961, nr 110. Wiesbaden, s. 342–364.
- Stipa G.J. *Der Ursprung der permischen Schrift*. [W:] *Congressus internationalis Fenno-ugristarum Budapestini habitus 20–24*. Red. G. Ortutay. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963, s. 281–287.
- Stipa G.J. *Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus*. Redaktionelle Bearbeitung und Zusammenstellung der Bibliographie K.Ph. Ruppel. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 206. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990.
- Wojan K. *Nowogrodzkie gramoty brzozowe jako najstarsze bałtyckofińskie zabytki językowe*. „Przegląd Ruscystyczny” 2013, nr 3 (143), s. 99–117.
- Wojan K. *Zrozumieć język fiński*. „Speculum Linguisticum” 2014, vol. 2. Warszawa: Bel Studio, s. 148–244.
- Wojan K. *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek? Zarys dziejów interlingwistyki*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015.
- Wojan K. *Pierwsze historyczne pomniki piśmiennictwa ugrofińskiego*. „Speculum Linguisticum” 2015, vol. 3. Warszawa: Bel Studio, s. 59–141.

- Бабаш А.В., Шанкин Г.П. *История криптографии*. Ч. 1. Москва: Гелиос, 2002.
- Баски И. *Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар)*. „Татарская археология” 1997, nr 1, s. 135–162.
- Баталова П.М. *Пермские языки*. [W:] *Языки мира. Уральские языки*. Москва: Наука, 1993, s. 209.
- Белых С.К. *Проблема распада прапермской языковой общности*. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2009.
- Бубрих Д.В. *Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге Русского народа на севере*. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской СР, 1947.
- Булатов В. *Русский Север. Книга первая. Заволочье (IX–XVI вв.)*. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1997.
- Вейнберг Л. *Пермская губерния*. [W:] *Энциклопедия Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А.* С-Петербург: Брокгауз и Ефрон, 1890–1916. [Online] <<http://www.brocgaus.ru/text/076/863.htm>> (6.08.2013).
- «Вера» — «Эском». Христианская газета Севера России. [Online] <<http://www.rusvera.mrezha.ru/stefan/frame/top.htm>> (3.01.2015).
- Вершинин Е. *Пермь Великая*. „Родина” 2011, nr 11. Российский исторический иллюстрированный журнал. [Online] <https://archive.today/20121209191750/www.istrodina.com/rodina_articul.php3> (2.09.2013).
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихивевская) летопись о Стефане Пермском*. [W:] *Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР*. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958, s. 257–271.
- Данилова Р.О. *Пиктографическое любовное письмо юкагиров*. „Молодой ученый” 2012, nr 3, s. 237–238.
- Джаксон Т.Н. *Исландские королевские саги о Восточной Европы (с древнейших времен до 1000 г.)*. Тексты, перевод, комментарии. Серия Древнейшие источники по истории народов восточной Европы. Москва: Наука, 1993.
- Древнепермское письмо*. [Online] <<http://www.rbardalzo.narod.ru/4/komi.html>> (2.02.2015).
- Епифаний Премудрый. *Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана*. 1396. [Online] <http://krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html> (2.01.2015).
- Жаков К. *На Север в поисках за Памом Бур-Мортом*. Санкт-Петербург: Издательство Осипова, 1905.
- Инал-ипа А. *Абхазские тамги*. 2004. [Online] <http://apsnyteka.org/420-inal-ipa_asida_abhazskie_tamgi.html> (1.12.2013).
- Инал-ипа Ш.Д. *Антропонимия абхазов*. Майкоп: ГУРИПП „Адыгея”, 2002.
- Книга Большому Чертежу*. Третья редакция, 1627.
- Книга Большому Чертежу*. Под ред. К.Н. Сербиной. Москва — Ленинград: Издательство АН СССР, 1950.
- Королев К.С., Савельева Э.А. *Откуда пошла коми письменность*. „Родники Пармы”. Вып. 4. Сыктывкар 1996, s. 7–11.
- Котылев А.Ю. *Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков*. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012.
- Кызласов И.Л. *Рунические письменности евразийских степей*. Москва: Восточная литература, 1994.
- Лыткин Г.С. *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1889.
- Лыткин В.И. *Происхождение пермской азбуки*. „Советское финно-угроведение” 1948. Т. 1. Ленинград.

- Лыткин В.И. *Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь*. Москва: Издательство АН СССР, 1952.
- Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. Москва — Ленинград: Издательство АН СССР, 1951.
- Морозов Б.Н., Симонов Р.А. *Об открытии цифровой системы Стефана Пермского*. „Вопросы истории естествознания и техники” 2008, nr 1, s. 6–19.
- Напольских В.В. *Булгарская эпоха в истории народов Поволжья и Предуралья*. [W:] *История татар с древнейших времён в семи томах*. Т. 2: *Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань: Издательство РухИЛ, 2006, s. 100–115.
- Ольховский В.О. *Тамга (к функции знака)*. „Историко-археологический альманах” 2001, nr 7, Армавир, s. 75–86.
- Понарядов В.В. *О возможной связи Стефановской письменности с древнетюркской руникой*. [W:] *Христианизация Коми края*. Т. 2: *Филология, этнология*. Отв. ред. Е.А. Савельева. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра. Уральское отделение РАН, Сыктывкарский государственный университет, 1996.
- Понарядов В.В. *Загадки древнепермской письменности*. „Арт” 2003, nr 2, s. 126–127.
- Савваитов П.И. *О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном*. Москва: Синодальная типография, 1873.
- Сидоров А.С. *Коми письменность эпохи раннего феодализма*. „Советское финно-угроведение” 1948. Т. 1. Ленинград.
- Сидоров А.С. *Новые памятники древнекоми письменности*. [W:] „Вопросы финно-угорского языкознания” 1962, s. 178–211.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел*. Т. I, № 1. Москва: Типография Н.С. Всеволожского, 1813–1826.
- Сперанский М.Н. *Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма*. Серия Энциклопедия славянской филологии. Ленинград: Издательство АН СССР, 1929.
- Стефан Пермский*. [W:] *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXXI: *Ста–Сте*, Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ, 1890–1907, s. 637–638. [Online] <<http://www.vehi.net/brokgauz/>> (11.05.2015).
- Туркин А.И. *Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности*. [W:] Э.А. Савельева. *Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры*. Т. 2. Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения РАН, 1996.
- Федотов Г.П. *Святитель Стефан Пермский*. [W:] *Tęgoż: Святыя Древней Руси*. Москва: Московский рабочий, 1991. [Online] <<http://www.vehi.net/fedotov/svyaty/07.html>> (11.05.2015).
- Черепнин Л.В. *Русская палеография*. Москва: Политиздат, 1956.
- Языки народов России в Интернете*. [Online] <<http://peoples.org.ru/abur.html>> (29.07.2011).
- Языки народов Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия*. Т. 3. Москва: Наука, 2005.

КОМПАРАТИСТЫКА
JĘZYKOZNAWCZA

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА

COMPARATIVE LINGUISTICS

ПОРТРЕТ ГЛАГОЛА *ИГРАТЬ* В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

ИННА Ю. САМОЙЛОВА

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Факультет довузовской подготовки

Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин

ул. Октябрьская, 5, 230000 Гродно, Республика Беларусь

e-mail: samina2004@mail.ru

(получено 18.07.2015; принято 05.10.2015)

Abstract

**A portrait of the verb *to play* in the mirror of languages
(based on data from Russian, Belorussian and English languages)**

The article touches upon one of the ways of semantic verb field modeling — S.M. Prokhorova's vertical syntactic field theory, by means of which conceptual verbs *играть, гулять, гуляць, граць, to play* are described in Russian, Belarussian and English.

Key words

Linguistic world-image, semantic field, verb, actantial frame, standard frame, vertical syntactic field.

Резюме

В статье рассматривается один из способов моделирования семантического глагольного поля — теория вертикального синтаксического поля С.М. Прохо-

ровой, посредством которого описаны концептуальные глаголы *играть/гулять* в русском, *гуляць, граць* в белорусском и *to play* в английском языках.

Ключевые слова

Картина мира, семантическое поле, глагол, актантная рамка, стандартный фрейм, вертикальное синтаксическое поле.

Отношение к глаголу как к особой лексеме имеет давнюю традицию.

Исследователи, определяя глагол, выделяют процесс, состояние и отношение как основной семантический признак данной части речи, ибо он позволяет предметную действительность, понятийную реальность представить в полной динамике. «Глагол, как лексико-грамматический класс слов, является одним из важнейших элементов грамматики организованного высказывания, а этим и языка, и его коммуникативной функции»¹. Таким образом, при помощи глагола выражается динамика и статика. Динамика проявляется как изменение, развитие, процесс, действие, деятельность, «происшествие»² и так далее (подробнее в³). Можно утверждать, что глагол выражает широкий круг значений, поэтому однозначно не определяется.

В работе мы принимаем трактовку Бранко Тошовича, который считает, что «глагол (...) характеризует (не)одушевленный предмет через действие, которое он совершает, через состояние, в котором он находится, или через отношение, в которое он вступает с другим предметом»⁴.

Уже Вильгельм фон Гумбольдт отмечал, что глагол — «нерв самого языка», это «не что иное, как сама сущность связей»⁵.

Важнейшей семантической характеристикой глагола, считают многие современные исследователи, является то, что он выступает в функции предиката, ядром предикации в предложении. Поэтому его определяют как предикат: «Глагол мы определяем как сложную (комплексную) единицу Словаря, обозначающую, во-первых, некоторый предикат, во-вторых, некоторый семантический признак имени (терма-субъекта или объекта), входящего в этот предикат в цельном предложении»⁶.

¹ А.В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Ч. 1. Братислава: Словацкая академия наук, 1960, с. 7–8.

² А. Вежбицкая. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1996.

³ Е.В. Падучева. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. с. 31.

⁴ Б. Тошович. *Глагольный категориал. Das verbale Kategorial*. Opole: Uniwersytet Opolski — Graz: Universität Graz, 1998.

⁵ В. фон Гумбольдт. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984. с. 199–200.

⁶ Ю.С. Степанов. *Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика*. Москва: Наука, 1981. с. 115.

Анна Анфилофьевна Уфимцева видит особенность номинативной функции глагола в том, что:

значение глагола раскрывается (...) через установление связей с предметными словами⁷, а это при анализе семантики глагола заставляет исследователей выходить за пределы самого глагола и анализировать отношения между действием и его субъектом или объектом. «В глагольных лексемах, выражающих по существу понятие отношения, соотношение денотата и сигнификата, как правило, не укладывается в рамки только глагольной лексемы. Понятие отношения, характерное для семантики глагольных лексем, конкретизируется (...) субъектно-объектной локализацией глагольного действия, т.е. раскрывается в терминах синтагматических взаимосвязей агенса, производимого им действия и объекта, на который оно распространяется, направлено и т.п.⁸.

Отсюда следует, что значение глагольных лексем состоит из двух частей — семантики собственно глагола и значений предметных имен, вследствие чего суть значения глагольных лексем раскрывается прежде всего в минимальных лексических синтагмах. Эту особенность семантики глагола лингвисты определяют как «семантическую ненасыщенность». Именно это имеет в виду Юрий Сергеевич Степанов, говоря, что «предикаты — самая несемантическая из категорий», что «предикаты — это особые семантические сущности языка, и они типизируются языком не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме пропозициональных функций и соответствующих им структурных схем предложения»⁹.

Глаголы могут отобразить широкий спектр значений, характеризующий компоненты определенных положений дел и событий ситуации. Своими признаками они «ориентируются на отражение процедурального значения и способа бытия объектов во времени и пространстве». О том, что глаголы «кодируют те ситуации, которые относятся к способам бытия, задействованных в них объектов», говорят Джордж Миллер и Филип Джонсон-Лэрд, подчеркивая при этом важность признака $\pm$ изменения во времени¹⁰. Иными словами, глагол фиксирует либо статичную ситуацию, в которой отношения объектов друг к другу не изменяются, либо динамическую, где описываются изменения одного объекта или объектов по отношению ко времени, другим объектам и пространству.

Юрий Дереникович Апресян отмечал: «Подобно тому, как внутреннее (психическое) состояние человека проявляется физиологически, «внутренние состояния» (значения) элементов текста проявляются в их синтаксическом поведении»¹¹.

⁷ А.А. Уфимцева. *Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики)*. Москва: Наука, 1986. с. 117.

⁸ Там же, с. 59.

⁹ Ю.С. Степанов. *В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. Москва: Наука, 1985. с. 133.

¹⁰ G.A. Miller, Ph. N. Johnson-Laird. *Language and perception*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press 1976. с. 60–82.

¹¹ Ю.Д. Апресян. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. Москва: Наука, 1967. с. 24–25.

По мнению Светланы Михайловны Прохоровой, глагол, являясь свернутой пропозицией, содержит в себе макет предложения, а денотатом глагола является определенная ситуация¹².

Соломон Давидович Кацнельсон подчеркивал, что в «содержательном плане глагольный предикат — это нечто большее, чем простое лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения»¹³. Вспомним, что еще в 1887 году Алексей Афанасьевич Дмитриевский писал: «Сказуемое (прежде всего глагол — И.С.) есть неограниченный властелин, царь предложения: если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него получают свой смысл и значение»¹⁴. Следовательно, глагол оказывается точкой пересечения синтаксиса и семантики, фиксируя их слияние.

Ганс Герингер, говоря о новых подходах к исследованию глагола, подчеркивал переосмысление центрального статуса глагола — от его синтаксического обоснования к семантическому: «Центральный статус глагола заключается в его организующей силе... Глагол определяет число актеров (актантов) и их роли... Конкретные глаголы по-разному вводят участников в игру в зависимости от значения глагола»¹⁵.

Каждый глагол при этом предполагает знание всей ситуации и активизирует при употреблении соответствующий когнитивный фрейм. Следовательно, значение глагола распространяется на слова, «находящиеся в сфере его интересов». Люсьен Теньер назвал его глагольным узлом, который, по его мнению, является центром предложения¹⁶, и определял узел как совокупность, состоящую из управляющего слова (глагола) и всех тех слов, которые — прямо или косвенно — ему подчинены и которые он в некотором роде связывает в один пучок¹⁷. В состав глагольного узла входят актанты («живые существа или предметы, которые участвуют в процессе в любом качестве, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного») и сирконстанты (обстоятельства, в которых разворачивается процесс). Вслед за Теньером Тошович говорит о внешней и внутренней семантике глагола. «Внутреннюю семантику образует значение глагола, внешнюю — значение неглагольных лексических единиц». Эти два компонента составляют, по Тошовичу, глагольный семантический комплекс¹⁸.

Для описания взаимодействия глагола и имен, окружающих его, были введены понятия категориальной ситуации, сцены, падежной рамки (фрейма), ко-

¹² С.М. Прохорова. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции*. [В:] *Die grammatischen Korrelationen*. Hrsg. B. Tošović. Graz: GraLiS, 1999. s. 291–298.

¹³ С.Д. Кацнельсон. *Типология языка и мышление*. Ленинград: Наука, 1972, с. 85.

¹⁴ А.А. Дмитриевский. *Практические заметки о русском синтаксисе*. «Филологические записки» 1887. Вып. IV, с. 22–23.

¹⁵ H.J. Heringer. *Neues von der Verbzene*. [В:] *Pragmatic in der Grammatic*. Hrsg. G. Stickel. Düsseldorf: Schwann-Bagel, 1984, с. 48–49.

¹⁶ Л. Теньер. *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс, 1988. с. 117.

¹⁷ Там же, с. 23.

¹⁸ Б. Тошович. *Глагольный категориал...*, с. 35.

торая понималась как унифицированная конструкция знания или связанная схема опыта. Фрейм (падежная рамка) характеризует некую сцену или ситуацию так, что определение семантики глагола и всего высказывания связывается с восстановлением самой описываемой ситуации. При этом «падежная рамка не обязана охватывать описание всех релевантных аспектов ситуации, она включает только конкретный «кусочек» или «участок» ситуации. Изучение семантики есть изучение когнитивных сцен, которые создаются или активизируются высказываниями. Всякий раз, когда говорящий употребляет какой-либо один из глаголов, относящихся к событию, вводится в игру («активизируется») вся сцена события, но при этом конкретно выбранное слово налагает на данную сцену конкретную перспективу»¹⁹. Марвин Минский указывал, что «фрейм можно представить себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними», которые «могут быть дополнены различными отношениями»²⁰.

На сегодняшний день именно в лексической грамматике синтаксическому окружению глагола при описании его семантики отводится первостепенная роль.

Бет Левин и Малька Раппопорт Ховав определяют синтаксические конструкции, в которых встречаются глаголы, как проекции (рефлексии) их лексических свойств²¹.

Следовательно, в рамках современных семантических теорий представление о значении слова рассматривается на фоне более широкой структуры, исследуются сочетаемостные возможности слова, выявляются компоненты значения в свете его парадигматических связей, рассматривается в целом ситуация, для названия которой необходимо данное слово. Такие приемы при толковании предлагал использовать Апресян в *Лексической семантике*²², предполагая, что они помогут выявить выходящие за рамки денотата компоненты значения. Анна Вежибцкая полагает, что описание концептуальной, а не денотативной структуры значения — основа современной лексикографии²³. Более того, исследователь предлагает в словарях описывать не только денотат и концепт лексемы, но и стереотипы, прототипы, то есть рассматривать каждое слово как входящее в определенный фрагмент языковой картины мира.

Для многих исследователей большой интерес представляют глаголы, характеризующие различные ипостаси человека.

Понятие *человек* является одним из наиболее сложных понятий. В последнее время когнитивная лингвистика делает попытки наиболее адекватно описать это сложнейшее понятие, входящие в него концепты, концептуальные (базовые) метафоры и т.п. Тема эта неисчерпаема. Для иллюстрации достаточно

¹⁹ Ч. Филлмор. *Дело о надежде открывается вновь*. «Новое в зарубежной лингвистике» 1960. Вып. X, с. 518–519.

²⁰ М. Минский. *Фреймы для представления знаний*. Москва: Энергия, 1979.

²¹ B. Levin, M. Rapoport Hovav. *Wiping the slate clean. A lexical semantic exploration*. [B:] *Lexical and Conceptual Semantics*. Cambridge MA — Oxford UK, 1995, с. 123–152.

²² Ю.Д. Апресян. *Лексическая семантика*. «Избранные труды». Т. 1. Москва: Восточная литература Российской академии наук, 1995.

²³ A. Wierzbicka. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.

привести несколько определений слова. *Словарь русского языка АН (Малый академический словарь)* приводит несколько определений, основным из которых является: «Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда». *Оксфордский словарь английского языка (Oxford Learner's Dictionary)* предлагает следующее определение понятия human (human being): «a person rather than an animal or machine».

Иное представление о человеке предлагается, к примеру, в концепции Розенкрейцеров: «Человек — это триединый дух, обладающий разумом, посредством которого он управляет триединым телом, которое он эманировал из себя для приобретения опыта. Это триединое тело он преобразовывает в триединую Душу, работой которой он выращивает себя из немощности до всемогущества»²⁴.

В этих определениях на первое место выходит *Homo sapiens*, выделяющий человека из животного мира. Далее наблюдаются расхождения, ибо в концепции Розенкрейцеров основной работой является работа Души, а также человеческий опыт, в то время как в *Словаре русского языка* упор делается на создание орудий и пользование ими, т.е. на создание вещей. Таким образом, *Homo faber* — человек созидающий — представлен в разных ипостасях — созидающий себя (концепция Розенкрейцеров) и созидающий материальные ценности (*Словарь русского языка*).

Разные концептуализации влияют на носителей культур и носителей языков, ибо «язык связывает людей в этническую общность через концепты»²⁵.

Концепты могут выявляться и в концептуальных (базовых) метафорах, которых по отношению к человеку функционирует великое множество: *человек — игрушка для бога* (Платон); *человек — смеющееся животное* (Аристотель) и т.д. Наиболее распространенной среди них является *человек — царь природы*, альтернативу которой в свое время предложил Симеон Полоцкий в стихотворении *Ното*: «Человек есть пузырь, стекло, лед, небылица, прах, сено, сон, грош, глас, звук, ветер, цветок, ничто, чтоб его и королем называли»²⁶.

Наиболее ярко характеризуют человека концептуальные глаголы, ибо человек познается по делам его. При этом большое место отводится человеку играющему — *Homo ludens*. Впервые человека играющего описал Йохан Хейзинга²⁷. Он отметил, что не все языки сформировали это общее понятие, несмотря на то, что все народы играют удивительно похоже (но имеют и неэквивалентные национальные игры). Именно Хейзинга отметил, что общее слово для индоевропейской семьи языков отсутствует. Но во всех языках, отмечает Хейзинга,

²⁴ М. Гендель. *Космогоническая концепция Розенкрейцеров*. Кн. 1. Переведено с англ. изд. 1911 г. Санкт-Петербург, 1996, с. 67.

²⁵ В.В. Морковкин. *Ментально-лингвальный комплекс и языковая номинация*. [В:] *Языковая номинация. Тезисы международной научной конференции*. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 1996, с. 16.

²⁶ С. Полоцкий. *Вирии*. Минск: Мастацкая літаратура, 1990, с. 194.

²⁷ Й. Хейзинга. *Homo ludens*. Москва: Прогресс, 1992.

утвердилась антиномия 'игра — серьезное', что нашло отражение и в русском языке: *играть — трудиться, работать*.

Славянские языки Хейзинга не рассматривал.

Известно, что поле глагола представляет собой весьма сложное образование, являясь одновременно и семантическим, и синтаксическим, поскольку именно глагол, являясь свернутой пропозицией, чаще всего является предикатом.

Все исследователи отмечают наличие в структуре лингвистического поля (как семантического, так и функционально-семантического) центра (ядерной зоны) и периферии. Ядро поля нередко расширяет свои контуры как количественно, так и качественно за счет периферийных элементов. Естественно, что элементы периферийной зоны обнаруживают такие свойства, как малая стабильность, способность к переходу либо в центр данного поля, либо на периферию другого поля. В таком постоянном взаимодействии ядра и периферии заключается причина динамичности поля, его исторической изменчивости.

Наиболее полно и адекватно систематизировать семантическое пространство, номинируемое глаголами позволяет, на наш взгляд, теория вертикального синтаксического поля, разработанная С.М. Прохоровой²⁸.

Данная теория базируется на общей теории поля, а также на вербоцентрической теории предложения Теньера, фрейм-грамматике Минского, понятии синтаксической парадигмы Бенджамина Ли Уорфа и др.

Сущность теории заключается в следующем. Глагол, в основном своем значении (под которым понимается, вслед за Ежи Куриловичем, значение вне контекста) задает определенную актантную рамку (фрейм), которая, в свою очередь, может передать некоторые семы своего глагола другому глаголу, попавшему в данную актантную рамку. Например, попадая в актантную рамку «агенса — прямой объект — адресата», любой глагол получает сему 'передача' (ср.: *говорить брату правду, читать стихи другу* и т.п.).

При изменении семантики глагола меняется его стандартный фрейм, он может получать дополнительные слоты. При этом происходит частичная аппликация глагольных семантических полей. Именно таким образом, по мнению Прохоровой, осуществляется неавтономная вторичная номинация глаголов.

Подобную «способность глагола в каждом отдельном языке и речи перемещаться по актантным рамкам, изменяя таким образом значения и попадая на периферию других семантических глагольных полей» Прохорова предложила обозначить термином *вертикальное синтаксическое поле глагола*²⁹. Возможность перемещения по актантным рамкам глагол имеет лишь при наличии потенциальных или ассоциативных сем, выявить которые помогают компоненты фрейма — вертикальные синтаксические поля субъекта, объекта и различных обстоятельств. Вертикальное семантическое поле глагола можно представить как совокупность ЛСВ глагола, которые он приобретает, перемещаясь по раз-

²⁸ С.М. Прохорова. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции*. [В:] Hrsg. B. Tošović. *Die grammatischen Korrelationen*. Graz: GraLiS, 1999, с. 291–298.

²⁹ Там же, с. 88.

ным актантным рамкам и попадая, в том числе, на периферию других семантических глагольных полей.

Русский глагол *играть* выявляет объединяющие с неславянскими языками семы 'замещение', 'движение', 'состязание', 'веселое', 'беззаботное', 'противоположное серьезному'. Как и в других языках, играют не только дети, взрослые, животные (*Homo ludens* объединяет человека с животными), но и солнце, драгоценные камни, блики воды и т.д., и в том числе судьба. Если сравнить русский глагол *играть* с близкородственным белорусским, а также английским, то выявляется, что представление о *Homo ludens* в языках не в полной мере совпадает.

Так, в центре поля *Homo ludens* в русском и белорусском языках функционируют два глагола *играть*, *граць* и *гулять*, *гуляць*³⁰, в английском один *to play*, вертикальные синтаксические поля которых не полностью совпадают.

В значении 'замещения' в смысле 'играть на сцене', 'исполнять роль' в трех языках функционирует глагол *играть* — *граць* — *to play*. Этот же глагол используется в смысле 'играть на музыкальных инструментах'. Однако актантные рамки полностью совпадают лишь в русском и белорусском языках *кто-то играет на чем-то*.

При глаголе *играть* — *граць* — *to play* первым актантом может становиться музыка и инструмент (несколько инструментов — оркестр): *Музыка играет* — *Гармошка грае*. Для английского языка такое построение конструкции нетипично, хотя альбом одного из американских музыкантов называется «*A guitar plays the blues*». В некоторых случаях в английском языке выступает фразеологическое *to play these condfiddle* (играть вторую скрипку).

Интересным, на наш взгляд, является использование глагола *to play* в значении 'воспроизводить': *Some TV's play movies on a USB stick*.

Хейзинга подчеркивал, что древние причисляли музыку к воспитанию, формированию и даже образованию. По Хейзинге, в музыке нет ни необходимости, ни пользы, она служит единственно использованию свободного времени, досуга, который древние считали началом всего.

В белорусском языке глагол *гуляць* сохранил это важнейшее понятие: у него есть общее значение 'проводить досуг': *Запрашаем да нас гуляць /пагуляць*; *Будзем разам гуляць*.

Английский язык также допускает использование значения 'проводить досуг': *Let's play together!*

Сема 'досуг' как дополнительная проходит через все конструкции с рассматриваемыми глаголами в языках: *мы гуляли два дня*, т. е. не работали, были свободными от работы.

Расхождения в вертикальных синтаксических полях наступают и в актантных рамках *кто-то... во что-то/у што-небудзь/something* в значении 'проводить досуг, развлекаться', 'заниматься какой-либо деятельностью несерьезно'. Так, в русском и белорусском языках *играть*, *гуляць* могут сочетаться с актантами, вводимыми как предлогом *в(во)*, *у*, так и предлогами *с*, *з*, в английском

³⁰ С.М. Прохорова. *Русские концептуальные глаголы играть, гулять в зеркале белорусских*. «Вестник Минского государственного лингвистического университета» 1997, № 2, с. 18–24.

возможен только вариант *to play with: мальчик играет в игру, мальчик играет с игрушками/сестрой — a boy plays with his toys/sister.*

В актантной рамке русскому глаголу *играть* соответствует белорусский *гуляць*, сохранивший в белорусском языке и общее значение проведения досуга: *играць/гуляць* (с сестрой, кошкой, собакой); *играць/гуляць* (с братом в шахматы).

Иногда развлечение становится опасным, и люди *играют с огнем*, то есть рискуют. Игра и риск тесно примыкают друг к другу, о чем свидетельствует английское *to play Russian Roulette, to play with fire.*

В русском языке глагол *гулять* в актантной рамке *кто-то... с кем-то* получил значение 'находиться в любовных отношениях', т. е. выявилась оппозиция *любить* 'серьезно' — *гулять* 'несерьезно': *Он гуляет с его женой.* Отсутствие актанта *с кем-то* придает глаголу значение 'вести распутный образ жизни': *Муж/жена гуляет.*

В русском и английском языках при глаголе *играть — to play* может выступать актантная рамка *кто-то... кем/чем*. Значения различаются в зависимости от того, какими существительными заполняется актант *кем/чем*. Если выступает конструкция типа *играть людьми* либо *играть чувствами*, то реализуется значение 'относиться несерьезно'; если выступает конкретное существительное *играть ручкой, чайной ложкой*, реализуется значение 'обращаться как с игрушкой'. В последнем случае в качестве первого актанта может выступать животное: *Кот играет хвостом, ушами, мячиком / a cat is playing with a ball.* Если первым актантом становится существительное, обозначающее часть тела человека, то иногда глагол *играть* может переходить в поле глаголов интеллектуальной деятельности (*играть своей головой* 'думать'), эмотивной деятельности (*играть глазами* 'кокетничать' и *играть лицом* 'проявлять чувства').

В английском языке глагол *to play* в актантной рамке *somebody у plays somebody* в зависимости от наполнения получил значение 'притворяться кем-либо, прикидываться' — *to play a fool, to play a comedian.* Наличие актанта *something* придает глаголу фразеологическое значение 'вести себя как', характеризующую манеру поведения человека — *to play ostrich* (вести себя как страус).

Глаголы *играть/гулять* могут приобретать оценочное значение, становиться синонимом глаголов *кутить, развлекаться, очень сильно веселиться: гулять на празднике, на свадьбе* и т.д., что не характерно для английского языка.

В английском языке в роли второго актанта при глаголе *to play* может выступать существительное шутка (*a joke*). В этом случае глагол приобретает значение 'шутить', 'разыгрывать', 'подшучивать': *He often plays a joke on his brother.*

Так как сема 'движение' является одной из основных для *Homo ludens*, глагол *гулять/гуляць* в русском и белорусском языках может переходить и в поле глаголов движения, при этом сема 'досуг' сохраняется: *гулять/гуляць на улице, около дома* и т.п. Глагол может получать значение 'перемещение в разных направлениях'. В русском языке это связано с представлением о широких пространствах, а потому гулять может и болезнь: *Грипп гуляет по стране.*

Со значением перемещения связан историзм *Гуляй-город*. Так в XVIII веке в России называли передвигавшееся на колесах или полозьях боевое сооружение со щитами и бойницами, применявшееся в осадной и полевой войне.

Глагол *to play* в английском языке также может переходить в поле глаголов движения и получать значение ‘перемещение в определенном направлении’: *a fireman played the water on the burning roof*; ‘повторяющееся движение или действие’: *he plays lights over the dance floor*.

Кроме того, в английском выражении *to play a fish* глагол *to play* приобретает значение ‘барахтаться, истощая себя перед тем, как быть вынудой из воды’, т.е. находится в поле глаголов движения.

В некоторых случаях глагол *играть* входит в состав фразеологически связанных выражений и клише: *играть ферзем* (в значении ‘делать ход’), *играть первую скрипку* (в значении ‘быть главным’), *играть на нервах* (в значении ‘злить кого-то’), *играть в молчанку* (в значении ‘не разговаривать’).

Еще Хейзинга отметил, что *Homo ludens* должен занять место рядом с *Homo faber* — человеком созидующим. В русской языковой картине мира высшим проявлением *Homo faber* в отдельных случаях является *Homo ludens*: *играть топором, серпом* ‘легко, без усилий обращаться с инструментом’, что находит подтверждение во фразеологизмах либо фразеосхемах — *топор/серп играет в руках*.

Человеческая культура, считал Хейзинга, возникает и разворачивается подобно игре, о чем свидетельствует и концептуальная (базовая) метафора *мир — театр*.

В русском, белорусском и английском языках играют дети, взрослые и животные, но в русском (даже по сравнению с близкородственным белорусским) языке подобно играющему человеку ведет себя значительно больше субъектов. Играет *рыба* ‘выпрыгивает из воды’, играет *воображение*, играет *солнце, луч, звезды; драгоценные камни, бриллианты* ‘сверкают’; *вино, шипучие напитки* ‘пенятся, кипят, искрятся’. Играет *судьба* (судьба играет человеком). В последнем случае это можно рассматривать как разновидность древнейшей метафоры *Бог играет человеком*. Отсюда платоновская метафора *человек — игрушка для бога*. Вместе с тем Платон считал игры, посвященные богам, высшим назначением человека. В последнем случае мы вступаем в область сакральных игр, учитывая оппозицию сакральное — профанное.

По сравнению с русским и белорусским языками, в английском языке наблюдается намного меньше субъектов, ведущих себя подобно человеку. Например, *a smile plays, a fountain (or a similar source of water) plays*.

Русское *играть свадьбу* также отражает древнейшие представления о сакральном характере многих игр.

Подводя итог, можно отметить, что вертикальные синтаксические поля глаголов *играть/граць* и *гулять/гуляць* / *to play* в русском, белорусском и английском языках выявляют как сходства, так и тончайшие различия, без учета которых невозможно владение языками, а также невозможно составить представление о менталитете народов.

Значение ‘совместное проведение досуга’ свойственно только белорусскому глаголу *гуляць*. Русский и английский языки не выражает такого значения с помощью одной глагольной лексемы. Вместе с тем сема ‘досуг’ как дополнительная свойственна глаголам в трех языках.

Вертикальное синтаксическое поле глагола *играть* глубже в русском языке, которому свойственна конструкция *играть кем/чем* с целым рядом значений. Именно эта языковая структура выявляет соприкосновения *Homo ludens* и *Homo faber*.

Глаголу *играть* в русском языке свойственна антиномия, что выявляет вертикальное синтаксическое поле глагола. Так, с одной стороны, глагол *играть* имеет значение 'развлекаться, отдыхать' (*играть в игры*), а с другой — 'трудиться, работать упорно' (уметь играть на музыкальном инструменте невозможно без работы; актеру требуется много сил для исполнения роли и т.д.).

Значительно отличается в русском языке левая валентность глагола играть.

Этимологи считают, что глагол *играть* и существительное *игра* общепринятой этимологии не имеют, относят их к общеславянской лексике и считают, что существительное *игра* образовано с помощью суффикса *-ra* от основы *иг-*, которая соотносится с греческим *agos* — 'священный трепет'. Предполагается, что слово *игра* первоначально могло иметь значение 'восхваление и умилование божества пением и пляской'³¹. Для доказательства приводим русское диалектное *играть песни*, широко распространенное на всей территории России. На севере России распространено словосочетание *играть хоровод*.

Как следует из проанализированного материала, образ *Homo ludens* не совпадает в разных языках.

Литература

- Апресян Ю.Д. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. Москва: Наука, 1967.
- Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика. Избранные труды*. Т. 1. Москва: Восточная литература Российской академии наук, 1995.
- Вежицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1996.
- Гендель М. *Космогоническая концепция Розенкрейцеров*. Кн. 1. Переведено с англ. изд. 1911 г. Санкт-Петербург, 1996.
- Гумбольдт В.О. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984.
- Дмитриевский А.А. *Практические заметки о русском синтаксисе*. «Филологические записки» 1887. Вып. IV, с. 22-23.
- Исаченко А.В. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Ч. 1. Братислава: Словацкая академия наук, 1960.
- Кацнельсон С.Д. *Типология языка и мышление*. Ленинград: Наука, 1972.
- Минский М. *Фреймы для представления знаний*. Москва: Энергия, 1979.
- Морковкин В.В. *Ментально-лингвальный комплекс и языковая номинация*. [В:] *Языковая номинация. Тезисы международной научной конференции*. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 1996.
- Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Полоцкий С. *Вирши*. Минск: Мастацкая літаратура, 1990.

³¹ Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1961, с. 124.

- Прохорова С.М. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции* [В:] Hrsg. В. Тошовић. *Die grammatischen Korrelationen*. Graz: GraLiS, 1999. с. 291–298.
- Прохорова С.М. *Русские концептуальные глаголы играть, гулять в зеркале белорусских*. «Вестник Минского государственного лингвистического университета» 1997, № 2, с. 18–24.
- Степанов Ю.С. *В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. Москва: Наука, 1985.
- Степанов Ю.С. *Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика*. Москва: Наука, 1981.
- Теньер Л. *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс, 1988.
- Тошовић Б. *Глагольный категориал. Das verbale Kategorial*. Opole: Uniwersytet Opolski — Graz: Universität Graz, 1998.
- Уфимцева А.А. *Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики)*. Москва: Наука, 1986.
- Филлмор Ч. *Дело о надежде открывается вновь*. «Новое в зарубежной лингвистике» 1960. Вып. X, с. 518–519.
- Хейзинга Й. *Homo ludens*. Москва: Прогресс, 1992.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т. В. *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1961.
- Heringer H.J. *Neues von der Verbzene*. [В:] Hrsg. *Pragmatic in der Grammatic*. G. Stickel. Düsseldorf: Schwann-Bagel, 1984, s. 48–49.
- Levin B., Rappaport Hovav M. *Wiping the slate clean. A lexical semantic exploration*. [В:] *Lexical and Conceptual Semantics*. Cambridge MA — Oxford UK, 1995. с. 123–152.
- Miller G.A., Johnson-Laird Ph.N. *Language and perception*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1976.
- Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.

JĘZYKOZNAWSTWO KORPUSOWE
КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА
CORPUS LINGUISTICS

ТАКСОНОМИЯ И ОПИСАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА¹

ВИТАЛИЙ А. НУРИЕВ

Институт языкознания Российской академии наук
Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, 125009 Москва, Россия
Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» Российской академии наук
ул. Вавилова, д. 44, кор. 2, 119333 Москва, Россия
e-mail: nurieff.v@gmail.com

ОЛЬГА А. ПЕТРУШКИНА

Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» Российской академии наук
ул. Вавилова, д. 44, кор. 2, 119333 Москва, Россия
e-mail: petroliya@yandex.ru

ЕВГЕНИЯ А. РОГАНОВА

Независимый исследователь
e-mail: evgeniaroganova@gmail.com

ЕЛИЗАВЕТА С. СПИРИДОНОВА

Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» Российской академии наук
ул. Вавилова, д. 44, кор. 2, 119333 Москва, Россия
e-mail: spiridliza@rambler.ru
(получено 30.06. 2015, принято 28.09.2015)

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-06-31358 мол_а.

Abstract

Parallel corpus-based classification and description of uncertainty markers in the Russian language

The paper is aimed both to classify Russian markers of uncertainty and to set up a methodology necessary for their investigation. Also, it presents an original scheme devised for describing these linguistic units. The study is parallel corpus-based, with all the data being collected from the Russian-French parallel corpus that is a part of the Russian National Corpus.

Key words

Russian, French, parallel corpus, language-specific words, corpus linguistics, contrastive linguistics, semantic categories.

Резюме

В статье приводится классификация русскоязычных единиц, передающих значение неопределенности. Также здесь представлена методология, используемая для их изучения, и оригинальная схема, разработанная для их описания на основе корпусных данных. Практический языковой материал отбирался с использованием параллельного русского-французского корпуса, включенного в состав Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Ключевые слова

Русский язык, французский язык, параллельный корпус, лингвоспецифичные единицы, корпусная лингвистика, контрастивная лингвистика, семантические категории.

Введение

Категория неопределенности в русском языке, в отличие от артиклевых языков европейского ареала, репрезентируется целым рядом разрозненных лексических средств, которые, как правило, не отличаются однородностью грамматических признаков, что делает трудным их формальную унификацию и классификацию, а также затрудняет их формализованное выявление. В этой связи возникает необходимость более детального изучения русских маркеров неопределенности.

В рамках представляемого исследования изучение указанных показателей проводится на фоне французского языка, то есть с привлечением данных параллельного русско-французского корпуса, включенного в состав Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Корпусно-ориентированное сопоставительное

исследование показателей неопределенности в русском языке проводится впервые². Ранние исследования русских языковых показателей неопределенности проводились в докорпусную эпоху³.

Данная статья направлена на то, чтобы провести таксономию и описание единиц, передающих значение неопределенности в русском языке. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач, в соответствии с которыми и формируется структура статьи: 1) описать методологию исследования (используемые методы, подходы и методики); 2) представить классификацию показателей неопределенности в русском языке; 3) представить структуру описания изучаемых языковых единиц (на примере описания конкретного показателя неопределенности).

Методология исследования

Для изучения русских показателей неопределенности на фоне французского языка применялись методы семантического анализа Московской семантической школы, лексической типологии, конструкционной типологии, корпусной лингвистики, статистические методы. Значительно уточнялась и совершенствовалась методика выявления в параллельных корпусах русских языковых единиц (в том числе, лингвоспецифичных⁴), выражающих значение неопределенности.

Уточнение и совершенствование методики включало в себя ряд шагов:

² Контрастивный анализ корпусного материала позволяет получать нетривиальные лингвистические данные. Так, можно установить степень выраженности признака неопределенности, закрепленного в значении той или иной языковой единицы, и выявить факторы ослабления/усиления его интенсификации. Было установлено, например, что интенсификация/ослабление признака неопределенности зависит от таких параметров, как синтаксическая позиция маркера неопределенности в предложении, его коммуникативная нагрузка (неопределенность субъекта/объекта) и т.д.

³ Ср.: С.М. Кузьмина. *Семантика и стилистика неопределенных местоимений*. [В:] *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект*. Ред. Д.Н. Шмелев. Москва: Наука, 1989, с. 158–231; Т.М. Николаева. *От звука к тексту*. Москва: Языки славянской культуры, 2000; *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна Москва: Языки славянской культуры, 2004; Е.В. Падучева. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука, 1985, с. 209–220; Е.В. Падучева. *Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира*. [Online] <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf> (24.06.2015); Е.В. Падучева. *Статьи разных лет*. Москва: Языки славянской культуры, 2009; М.В. Панов. *Труды по общему языкознанию и русскому языку*. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2004; В.З. Санников. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва: Языки славянских культур, 2008; А.Д. Шмелев. *Парадоксы идентификации*. [В:] *Тождество и подобие. Сравнение и идентификация*. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Наука, 1990, с. 33–51.

⁴ О лингвоспецифичных языковых единицах русского языка см. подробнее: Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2005; Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянских культур, 2012.

- 1) выбор уже имеющейся типологии изучаемых языковых единиц (ср. классификацию неопределенных местоимений и наречий, предложенную Е.В. Падучевой в книге 1985 г. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*⁵ и в статье 1996 г. *Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира*⁶);
- 2) определение степени полноты имеющейся типологии изучаемых языковых единиц, ее уточнение и дополнение;
- 3) определение минимального контекста, необходимого для описания и изучения рассматриваемых языковых единиц. Так, например, очевидно, что изучение семантики собственно неопределенного местоимения *кто-то*, показателя эпистемической модальности *должно быть* и неопределенно-личных предложений требует минимальных контекстов разной протяженности. В частности, это существенно затрудняет создание кросс-лингвистической базы данных, аналогичной той, которая была разработана для лексико-грамматических глагольных форм рядом исследователей⁷. Посредством корпусно-ориентированного сопоставительного анализа было установлено, что минимальным анализируемым контекстом могут быть два выровненных параллельных предложения (русское/французское), где употребляется конкретная языковая единица — показатель неопределенности и ее французский функциональный эквивалент/функционально эквивалентный фрагмент⁸;
- 4) сопоставление семантического объема конкретной языковой единицы русского языка, выражающей значение неопределенности, и ее французского функционального эквивалента с последующей оценкой лингвостецифич-

⁵ Е.В. Падучева. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука, 1985, с. 209–220.

⁶ Е.В. Падучева. *Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира*. [Online] <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf> (24.06.2015).

⁷ О кросс-лингвистических базах данных см. подробнее: Н.В. Бунтман, Анна А. Зализняк, И.М. Зацман, М.Г. Кружков, Е.Ю. Ложилова, Д.В. Сичинава. *Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросс-лингвистических баз данных*. «Информатика и ее применения» 2014, 2. Т. 8, с. 98–110; N. Buntman, M. Kruzchkov, E. Loshchilova, D. Sitchinava, Anna A. Zalizniak, I. Zatsman. *A Database of Russian Verbal Forms and Their French Translation Equivalents*. «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» 2014, 13 (20), с. 284–296; Anna A. Zalizniak, D. Sitchinava, S. Loiseau, M. Kruzchkov, I. Zatsman. *Database of Equivalent Verbal Forms in a Russian–French Multivariant Parallel Corpus*. [In:] *Proceedings of the 2013 International Conference on Artificial Intelligence (ICAI'13)*. Vol. 1. Ed. by H.R. Arabnia, D. de la Fuente, E.B. Kozerenko, P.M. LaMonica, R.A. Liuzzi, J.A. Olivas, T. Waskiewicz. Las Vegas: CRSEA Press, 2013, с. 101–107.

⁸ Термин «функционально эквивалентный фрагмент» введен в: Д.О. Добровольский, А.А. Кретов, С.А. Шаров. *Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования*. [В:] *Национальный корпус русского языка. 2003–2005*. Ред. В.А. Плунгян. Москва: Индрик, 2005, с. 263–296.

ности той конфигурации смыслов, которую содержит значение данной языковой единицы.

Классификация показателей неопределенности в русском языке

С помощью указанных методов и описанной методики была предпринята попытка полной инвентаризации единиц русского языка, выражающих значение неопределенности. Они образуют разветвленную систему, которая может быть представлена в виде следующей типологии:

- 1) Неопределенные местоимения (в том числе адъективные):
  - а) собственно неопределенные местоимения, т.е. вводящие объект, неизвестный говорящему (на *-то* типа *кто-то, какой-то, чей-то* и т.д.);
  - б) слабоопределенные местоимения, т.е. вводящие объект, известный говорящему, но предположительно неизвестный адресату (на *кое-*, *не-* типа *кое-какой, кое-кто, некто, некий, некоторые* и т.д., а также *один*);
  - в) нереперентные местоимения (на *-нибудь, -либо* типа *какой-нибудь, кто-нибудь, кто-либо*, а также *иной*).
- 2) Неопределенные наречия (в том числе наречные выражения):
  - а) собственно неопределенные наречия, вводящие обстоятельственные признаки описываемого факта, неизвестные говорящему (типа *когда-то, некогда, где-то* и др.);
  - б) слабоопределенные наречия, вводящие обстоятельственные признаки описываемого факта, неизвестные адресату (типа *однажды, как-то, раз, как-то раз, в один прекрасный день, в один прекрасный момент, кое-где, кое-когда* и т.д.);
  - в) нереперентные наречия (типа *когда-нибудь, когда-либо, где-нибудь, где-либо, куда-либо* и т.д.).
- 3) Показатели эпистемической модальности, выражающие степень уверенности говорящего в реальности/достоверности сообщаемого (типа *должен, должно быть; вроде (бы); не то... не то, то ли... то ли, или; чуть ли не; как будто, как бы; что ли; что-то; почему-то* и др.).
- 4) Неопределенно-личные предложения (с неопределенным субъектом, представляющим собой открытое множество (ср. Я совсем не хочу, чтобы мою книжку *читали* просто ради забавы); с неопределенным субъектом, представляющим собой закрытое множество (ср. Учительница сказала нам, что нас *будут фотографировать*); с неопределенным единичным субъектом (ср. — Тебя *прощают. Не будут* больше *подавать* платок (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*. Ч. 2, 1929–1940) и т.д.).

При сопоставительном анализе намеренно игнорировались случаи идиоматизированного употребления, когда у языковой единицы развивается оценочная коннотация и ее значение изменяется, утрачивая компонент неопределенности (ср. *Какая-то* девчонка будет меня учить (не заслуживающая уважения, внимания); Он все делает *как-нибудь* (плохо, небрежно). Я не видел ее *где-то* полгода (примерно, около)).

Материал отбирался по параллельному русско-французскому подкорпусу НКРЯ методом сплошной выборки контекстов, содержащих русские языковые показатели неопределенности (более 1500 вхождений).

Описание русских маркеров неопределенности

Для того чтобы осуществить описание русских языковых единиц, передающих значение неопределенности, потребовалось: 1) уточнить терминологический аппарат, необходимый для описания изучаемых языковых единиц; в частности, ввести такие дискурсивные параметры как, например, точка фокализации (отображение точки зрения коммуникантов в высказывании⁹, участвующие в формировании семантической структуры предложения, степень неопределенности и т.д.; 2) разработать структуру описания изучаемых языковых единиц (см. ниже пример описания собственно неопределенного местоимения *кто-то*).

Местоимение *кто-то*

Класс: неопределенные местоимения.

Подкласс: собственно неопределенные местоимения.

Семантическая функция: указывает на то, что референт неизвестен ни говорящему, ни адресату.

Наверху за потолком **кто-то** не то стонет, не то смеется...

(А.П. Чехов. *Скучная история*. 1889)

Au-dessus du plafond, **quelqu'un** gémit ou bien rit, je ne sais...

(А. Chekhov. *Une banale histoire*. Édouard Parayre, 1960¹⁰)

Фокализация:

- а) внутренняя (сфера действия неопределенности ограничивается рамками представленной в предложении/контактных предложениях коммуникативной ситуации):

Звонок. **Кто-то** только что явился в магазин.

(М. Булгаков. *Белая гвардия*. 1924)

La sonnette. **Quelqu'un** venait d'entrer dans la boutique.

(М. Boulgakov. *La Garde Blanche*. Claude Ligny, 1970)

- б) нулевая (сфера действия неопределенности выходит за рамки представленной в предложении/контактных предложениях коммуникативной ситуации):

Река тоже присмирела; немного погода и в ней вдруг **кто-то** плеснул еще в последний раз, и она стала неподвижна.

(И.А. Гончаров. *Обломов*. 1848–1859)

⁹ Ср.: Ж. Женетт. *Фигуры*. Т. 2. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1998, с. 204–223.

¹⁰ В круглых скобках указывается имя переводчика.

Et celle-ci s'assagit à son tour: **un** dernier **clapotement**, et elle est immobile.

(Ivan Gontcharov. *Oblomov*. A. Adamov, 1959)

...et de la rivière endormie: peu après on y entend **un** dernier **clapotis**, puis elle s'immobilise.

(I. Gontcharov. *Oblomov*. Luba Jurgenson, 1988)

Русский показатель неопределенности *кто-то* удаляется из перевода, не получая реализации в качестве полнозначной лексемы, а контактный русский глагол трансформируется во французское существительное (*плескаться* — *clapotement, clapotis*), при котором ставится неопределенный артикль. Весь синтаксический контур французского предложения коренным образом изменяется по сравнению с русским. Примечательно, что второй переводчик вводит дополнительный глагол (*entendre* – *слышать*), иначе выстраивая коммуникативную рамку описываемой ситуации, больше эксплицируя позицию наблюдателя/слушателя. Реконструируя ситуацию из данного примера, можно заметить, что *кто-то* вводит неопределенность персонажа, но персонажа второстепенного, не несущего дальнейшей функциональной нагрузки в сюжетной развертке. Соответственно признак неопределенности не требует обязательной акцентуации и интенсификации, потому маркируется грамматическими средствами. По той же причине при переводе *кто-то плеснул* в обоих случаях нивелируется признак одушевленности, характерный для русского *кто-то*.

Введение местоимения *кто-то* задает нестабильность точки фокализации (в отдельных случаях, как в последнем примере, ее идентификация затруднена).

Семантические особенности: местоимение *кто-то*, как правило, относится к настоящему и прошедшему времени, может выражать (в зависимости от контекста) идею единичности и множественности, на периферии значения может сближаться с *кто-нибудь*, может выполнять интродуктивную функцию.

Синтаксические особенности: местоимение *кто-то* замещает функцию субъекта, может употребляться как в главном, так и в придаточном предложении.

Степень неопределенности: высокая.

Лингвоспецифичность собственно неопределенного местоимения *кто-то* заключается в том, что оно может соотноситься как с закрытым/открытым множеством, так и с единичным референтом, что исключается, например, в отношении его французского прямого переводного эквивалента *quelqu'un*. В этом смысле местоимение *кто-то* по своему семантическому объему сближается с французским неопределенно-личным местоимением *on* (о чем свидетельствует ряд проанализированных контекстов):

Он спросил себя: что же «то», и затаил, прислушиваясь. Тут он почувствовал, что руку его целует **кто-то**.

(Л.Н. Толстой. *Смерть Ивана Ильича*. 1882–1886)

Il venait de se demander: «Mais c'est quoi, "ce qu'il faut"?» et s'était tu, guettant une réponse, quand il sentit que **quelqu'un** lui embrassait la main.

(L. Tolstoï. *La Mort d'Ivan Illitch*. Françoise Flamant, 1997 (1))

Il s'était demandé: «Qu'est-ce donc ça?» et s'était tu. Il avait senti qu'on lui baisait la main.
(L. Tolstoï. *La Mort d'Ivan Illitc*. Michel-R. de Hoffmann, 1948 (2))

Заключительные замечания

Изучение русских языковых показателей неопределенности на фоне французского языка относится к исследованиям, направленным на установление универсального инвентаря языковых значений («универсального грамматического набора») и их внутренней классификации, что является одной из самых актуальных задач современной типологии¹¹.

Наряду с этим, в данном исследовании развивается идея о существовании семантических доминант языка. Таким образом, оно представляет собой контрастивное исследование в области культурно-специфичной языковой семантики¹². Нетривиальность его результатов обусловлена тем, что здесь применяется корпусная методика сбора материала, позволяющая привлекать значительные объемы данных и открывающая принципиально новые возможности для верификации, уточнения, дополнения результатов, полученных в более ранних, докорпусных, работах. Кроме того, исследование семантической категории неопределенности в русском языке на фоне французского языка с привлечением корпусных данных проводится впервые. Поставленная исследовательская цель имеет особую важность: языковые маркеры неопределенности в русском языке лишены однородных поверхностных грамматических показателей и представлены разветвленной системой лексических средств, соответственно, их всестороннее изучение и описание уточняет и развивает принципы типологического исследования лексики (типологические исследования таких лексических единиц крайне немногочисленны).

Корпусно-ориентированное сопоставительное изучение показателей неопределенности в русском языке имеет широкие перспективы развития. В дальнейшем оно позволит установить параллели между отдельными русскими лексическими маркерами неопределенности и французскими показателями неопределенности, существование которых нередко игнорируется западными исследователями. Так, например, ряд типологов¹³, изучая неопределенно-личные

¹¹ См. напр.: В.А. Плуноян. *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва: Эдиториал УРСС, 2000; В.А. Плуноян. *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2011; К.В. Чвани. *Вид как часть универсального набора грамматических признаков*. [В:] *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. Ред. М. Черткова. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998, с. 490–498; Ch.J. Fillmore, P. Kay. *Construction grammar course book*. Berkeley: University of California, 1992; M. Hilpert. *Construction Grammar and its application to English*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.

¹² Ср.: Cl. Goddard, A. Wierzbicka. *Words and Meanings. Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press, 2014; A. Wierzbicka. *Imprisoned in English. The Hazards of English as a Default Language*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

¹³ Ср., например: P. Cabredo Hofherr. *Les pronoms impersonnels humains – syntaxe et interpréta-*

местоимения типа французского *on* или немецкого *man*, при сопоставлении с другими языками не привлекают русскоязычный материал, который мог бы, согласно данным нашего исследования, помочь уточнить семантический объем рассматриваемых местоимений и установить семантические зоны, где их значения в значительной мере пересекаются со значениями других неопределенно-личных местоимений.

Литература

- Бунтман Н.В., Зализняк Анна А., Зацман И.М., Кружков М.Г., Ложилова Е.Ю., Сичинава Д.В. *Информационные технологии корпусных исследований. Принципы построения крослингвистических баз данных.* «Информатика и ее применения» 2014, № 2. Т. 8, с. 98–110.
- Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. *Корпус параллельных текстов. Архитектура и возможности использования.* [В:] *Национальный корпус русского языка. 2003–2005.* Ред. В.А. Плунгян. Москва: Индрик, 2005, с. 263–296.
- Женетт Ж. *Фигуры.* Т. 2. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1998.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира.* Москва: Языки славянской культуры, 2005.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира.* Москва: Языки славянских культур, 2012.
- Кузьмина С.М. *Семантика и стилистика неопределенных местоимений.* [В:] *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект.* Ред. Д.Н. Шмелев. Москва: Наука, 1989, с. 158–231.
- Николаева Т.М. *От звука к тексту.* Москва: Языки славянской культуры, 2000.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Падучева Е.В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений).* Москва: Наука, 1985.
- Падучева Е.В. *Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира.* [Online] <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf> (24.06.2015).
- Падучева Е.В. *Статьи разных лет.* Москва: Языки славянской культуры, 2009.
- Панов М.В. *Труды по общему языкознанию и русскому языку.* Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Санников В.З. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве.* Москва: Языки славянских культур, 2008.
- Плунгян В.А. *Общая морфология. Введение в проблематику.* Москва: Эдиториал УРСС, 2000.
- Плунгян В.А. *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира.* Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2011.
- Чвани К.В. *Вид как часть универсального набора грамматических признаков.* [В:] *Типология вида. Проблемы, поиски, решения.* Ред. М. Черткова. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998, с. 490–498.

---

tion. „Modèles linguistiques” 2008, 29 (1), с. 35–56; A. Siewierska. *Overlap and complementarity in reference impersonals: Man-constructions vs. third person plural-impersonals in the languages of Europe.* [В:] *Impersonal Constructions. A cross-linguistic perspective.* Ed. by A. Malchukov, A. Siewierska. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011, с. 57–90.

- Шмелев А.Д. *Парадоксы идентификации*. [В:] *Тождество и подобие. Сравнение и идентификация*. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Наука, 1990, с. 33–51.
- Buntman N., Kruzhkov M., Loshchilova E., Sitchinava D., Zalizniak Anna A., Zatsman I. *A Database of Russian Verbal Forms and Their French Translation Equivalents*. «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» 2014, № 13 (20), с. 284–296.
- Cabredo Hofherr P. *Les pronoms impersonnels humains — syntaxe et interprétation*. „Modèles linguistiques” 2008, № 29 (1), с. 35–56.
- Fillmore Ch.J., Kay P. *Construction grammar course book*. Berkeley: University of California, 1992.
- Goddard Cl., Wierzbicka A. *Words and Meanings. Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Hilpert M. *Construction Grammar and its application to English*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
- Siewierska A. *Overlap and complementarity in reference impersonals: Man-constructions vs. third person plural-impersonals in the languages of Europe*. [В:] *Impersonal Constructions: A cross-linguistic perspective*. Ed. by A. Malchukov, A. Siewierska. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011, с. 57–90.
- Wierzbicka A. *Imprisoned in English. The Hazards of English as a Default Language*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Zalizniak Anna A., Sitchinava D., Loiseau S., Kruzhkov M., Zatsman I. *Database of Equivalent Verbal Forms in a Russian-French Multivariant Parallel Corpus*. [В:] *Proceedings of the 2013 International Conference on Artificial Intelligence (ICAI'13)*. Vol. 1. Ed. by H.R. Arabnia, D. de la Fuente, E.B. Kozerenko, P.M. LaMonica, R.A. Liuzzi, J.A. Olivas, T. Waskiewicz. Las Vegas: CRSEA Press, 2013, с. 101–107.

GLOTTODYDAKYKA
ЛИНГВОДИДАКТИКА
LANGUAGE EDUCATION

«КАРАОКЕ ПО-РУССКИ» КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ РАБОТЫ НАД ФОНЕТИКОЙ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

КРАСКОВСКАЯ И. ГРИГОРЬЕВНА

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет довузовской подготовки

Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин
ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Республика Беларусь
e-mail: irinakraskovskaya@gmail.com

(получено 19.07.2015; принято 19.10.2015)

Abstract

“Karaoke in Russian”

as a means for foreign students to improve their pronunciation skills

The article describes the typical problems that foreigners come across while studying Russian phonetics and demonstrates the basic principles of the course “Karaoke in Russian” at Yanka Kupala State University of Grodno that has been specially designed for students who would like to improve their pronunciation, intonation and fluency.

Key words

Russian as a foreign language, phonetics, pronunciation, song, karaoke, articulation exercises.

Резюме

В статье описываются типичные трудности, которые возникают у иностранных граждан при изучении русской фонетики, демонстрируются основные принципы работы на занятиях курса «Карaoke по-русски», целью которого является

решение фонетических проблем у слушателей, обучающихся в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы.

Ключевые слова

Русский язык как иностранный, фонетика, произношение, песня, караоке, артикуляционная гимнастика.

Владение русским языком на должном уровне предполагает правильное произношение. Многие преподаватели иностранных языков называют произношение «визитной карточкой» говорящего, потому что первое, на что обращают внимание при общении с человеком — это чистота и понятность его речи.

Можно прекрасно овладеть грамматическими и лексическими навыками, но дикционная нечеткость, неясное или неправильное произношение звуков или их «проглатывание» отвлекают слушающего, заставляют, по мнению Рубена Ивановича Аванесова, «(...) обращать внимание на внешнюю, звуковую сторону речи, являются помехами на пути к пониманию, на пути языкового общения»¹. Таким образом, именно качество фонетического оформления речи во многом определяет результативность обучения неродному языку и эффективность общения на нем.

Когда мы говорим об обучении русскому произношению, важно выделить основные трудности, которые могут возникать у носителей других языков при изучении русской фонетики.

1. Общей для многих инофонов является трудность редукции гласных: «(...) ослабление и изменение звучания гласных звуков в безударной позиции»². Иностранные граждане часто затрудняются правильно произнести даже такие несложные, на взгляд носителя языка, слова *молоко, ресторан, шоколад, часы* и др. Во многом эти трудности связаны с разноместностью, изменчивостью и подвижностью русского ударения, а также отсутствием или иным характером редукции в их языке.

2. Универсальными можно назвать трудности в различении и произнесении твёрдых и мягких согласных. Твердость-мягкость является фонологическим признаком в русском языке. Этот признак охватывает 30 согласных, которые образуют 15 коррелирующих пар согласных, различающихся только по данному признаку³. Неразличение твердости-мягкости часто ведет к замене букв *и, е, ё, ю, а* на *ы, э, о, у, я* и наоборот, что может привести к искажению смысла сказанного: [б'ил] вместо [был], [л'ук] вместо [лук], [шэст] вместо [шэст'] и др.

¹ Р.И. Аванесов. *Русское литературное произношение. Учебное пособие для студентов педагогических институтов*. 5-е изд., перераб. и доп.. Москва: Просвещение, 1972, с. 13.

² Н.Б. Битехтина, В.Н. Климова. *Русский язык как иностранный: Фонетика*. Москва: Русский язык. Курсы, 2011, с. 54.

³ Там же, с. 37.

Анализ ошибок студентов показывает, что самым сложным оказывается произнесение звука [ы] и твердого согласного перед ним. Трудность возникает в произнесении [ы] и в изолированной позиции, так как во многих языках этот звук отсутствует.

К наиболее трудным для иностранных учащихся относятся звуки [p], [p'], [л], [л']: с одной стороны, трудность вызывает сама артикуляция звуков, с другой стороны, в некоторых языках Юго-Восточной Азии (например, в японском и корейском) [p] и [л] являются не самостоятельными фонемами, а вариациями одной фонемы в разных позициях, что влечет за собой смешение этих звуков⁴.

Также иностранные студенты часто не различают звуковые сочетания: [л'к]–[лк], [л'г]–[лг], [л'ш]–[лш]. Они произносят *ско[лк]о* вместо *ско[л'к]о*, *О[лг]а* вместо *О[л'з]а*, *бо[лш]ой* вместо *бо[л'ш]ой* и т.д.

Помимо 15 коррелирующих пар по твердости-мягкости, в русском языке есть всегда твердые звуки [ш], [ж], [ц] и всегда мягкие звуки [ч'], [ш':], [ж':]. Твердые согласные [ц], [ш], [ж] часто носителями других языков произносятся мягко, что не соответствует норме русского языка.

3. Типичными для многих инофонов являются трудности в произнесении глухих и звонких согласных. «Глухость-звонкость является фонологическим признаком, и отклонения, возникающие при артикуляции согласных по линии участия/неучастия голосовых связок, ведут к нарушению коммуникации»⁵. Глухость-звонкость согласных представляет известные трудности для большинства немцев (не различают [с] и [з]: например, *зуд* вместо *суд*)⁶, арабов (не различают [п] и [б]: *бабка* вместо *папка*), испанцев и латиноамериканцев (не различают [с] и [з], [к] и [г]: *суд* вместо *зуд*, *кости* вместо *гости*) и т.д.

4. Еще одну трудность для иностранных учащихся может представлять действие закона ассимиляции по глухости-звонкости ([в с]аду вместо [фс]аду), твердости-мягкости (го[ст]и вместо го[с'т']и), месту и способу образования. Так, у иностранных граждан возникают определенные трудности при произношении следующих сочетаний: **дц, тц** (читаются как долгий [ц]: *два[дц]ать* вместо *два[ц:]ать*), **сч, жч, зч** (читаются, как буква щ [ш':]: [сч] *астье* вместо [ш':] *астье*, *му[жч]ина* вместо *му[ш':]ина*), **сщ** (читается как [шт':]: [с ш':] *ёткой* вместо [ш':] *откой*), **дс, тс** (читаются как [ц:]: *нрави[тс]а* вместо *нрави[ц:]а*), **зж, сж** (читаются, как [ж:]: [з ж] *урналом* вместо [ж:] *урналом*), **зш, сш** (читаются, как [ш:]: *бе[сш]ансов* вместо *бе[ш:]ансов*), **дч, тч** (читаются как [ч':]: *ве[тч]ина* вместо *ве[ч']ина*), **гк** (читается как [хк]: *ле[гк]о* вместо *ле[хк]о*), **гч** (читаются как [хч]: *ле[гч]е* вместо *ле[хч]е*). Часто студенты не ощущают явления ассимиляции, не слышат разницы в произношении этих сочетаний.

⁴ Н.Н. Рогозная. *О постановке трудных случаев произношения в русской речи японцев*. [В:] *Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей*. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва: МАКС Пресс, 2001, с.117.

⁵ Н.Б. Битехтина. В.Н. Климова. *Русский язык...*, с. 36.

⁶ М.В. Фокина. *Закономерности функционирования глухих и звонких согласных в свете обучения немцев русскому произношению*. [В:] *Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей*. Редколл. Л.П. Клобукова и др. Москва: МАКС Пресс, 2009. Вып. 5, с. 300–306.

5. Типичной ошибкой для представителей многих национальностей является фонетико-графическая интерференция в случаях употребления «ш» вместо «щ»: *общежитие* вместо *общежитие*, *щека* вместо *щека* и др. Интерференция вызвана неразличением места образования согласных и отсутствием звука [ш'] в родном языке инофонов. У испаноговорящих студентов имеет место межъязыковая интерференция при произнесении [б] и [в], вызванная отсутствием фонематического противопоставления этих звуков⁷. Буквы «б» и «в» читаются практически одинаково и произносятся в зависимости от позиции в слове 1) как русский твердый губной, смычный, звонкий звук [б] и 2) как несколько ослабленный щелевой, губной звук [β]. Поэтому часто звучит *коро[б]а* вместо слова *коро[в]а*, *ра[в]ота* вместо *ра[б]ота*.

6. Частотный характер носит трудность в области произношения твердого русского согласного [х]. Вместо щелевого заднеязычного [х] иностранные студенты произносят смычный [к]. Эта ошибка довольно частотна, возникает независимо от позиции: как в начале слова, так и в конце слова и в сочетаниях согласных: [к]орошо вместо *хорошо*, са[к]ар вместо *сахар*, [к]леб вместо *хлеб*, ку[к]ня вместо *кухня*, сме[к] вместо *смех*. Эти ошибки можно объяснить неразличением способа образования согласного и отсутствием звука [х] в родном языке инофонов.

7. Трудности у иностранных студентов вызывают и орфоэпические особенности в произношении буквы «г» как [в] в окончаниях склоняемых слов *-ого*, *-его*: *Все[г]о хороше[г]о!* вместо *Все[в]о хороше[в]о!*

8. Русский язык является консонантическим по характеру фонологической системы и по строению звуковых цепей, где преобладают согласные: до четырёх внутри слова и до девяти — на стыках слов в потоке речи. Эти согласные произносятся без гласных вставок между компонентами, что вызывает большие трудности в произношении таких слов⁸. Инофоны стремятся увеличить количество элементов в слове, добавляя гласный звук в начале слова: [излдгэсл] вместо [злдгэсл] или между согласными звуками: [дурук] вместо [друк].

9. Типичной для русского языка можно назвать трудность, связанную с пропуском непронизносимых согласных в словах. Несоблюдение студентами этого правила влечёт за собой неправильное произношение: *здра[вст]вуйте* вместо *зра[ств]уйте*, *сер[дц]е* вместо *сер[ц]е*, *чу[вств]о* вместо *чу[ств]о* и др.

10. Произношение [ш] на месте *чт*, *чн* в словах: *что*, *чтобы*, *потому что*, *конечно*, *скучно* и др., а также произношение [ш] на месте [ш'] в отдельных словах типа *помощник* являются частными случаями, которые надо запомнить, инофоны часто неправильно произносят эти слова.

Обучение русскому языку иностранных слушателей в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы начинается с вводно-фонетического

⁷ Н.И. Федорова. *Коррекция слухопроизносительных навыков испано-говорящих учащихся*. «Русский язык за рубежом» 1980, № 1, с. 28–34.

⁸ Е.А. Будник, И.М. Логинова. *Аспекты исследования звуковой интерференции (на материале русско-португальского двуязычия)*. Москва: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2012, с.93.

курса. Цели и задачи данного курса состоят в том, что он знакомит слушателей 1) с основными особенностями фонетической системы и артикуляционной базы русского языка; 2) с особенностями ударения и ритмики слова; 3) с основными типами интонационных конструкций. Также в рамках вводно-фонетического курса происходит развитие навыков устной речи, чтения и письма⁹.

Однако вводно-фонетический курс не снимает все фонетические трудности русского языка, которые возникают у иностранных слушателей; практика преподавания показывает, что необходима дальнейшая корректировочная работа над произношением. Кроме того, некоторые студенты, в силу особенностей фонологической системы их родного языка или индивидуальных особенностей, имеют явные проблемы с произношением тех или иных русских звуков, беглостью речи, правильным интонированием предложений. Отведенных часов в рамках практических занятий русским языком недостаточно, чтобы комплексно решать эти проблемы.

В 2014/2015 учебном году на кафедре русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы был предложен факультативный курс «Караоке по-русски». Курс рассчитан специально на тех иностранных граждан, которые желают улучшить своё произношение, ускорить темп речи, избавиться от «каши во рту» и в то же время получить удовольствие от процесса и результата. Программа курса составила 30 часов, занятия проходили один раз в неделю по субботам.

Цель данной статьи — рассказать о курсе «Караоке по-русски» как эффективном способе решения фонетических проблем слушателей, а также продемонстрировать некоторые принципы работы на занятиях.

В основе предлагаемого курса лежала идея о том, что для более эффективного решения фонетических проблем при изучении русского языка как иностранного важно следующее: 1) воздействовать на эмоции и чувства студентов; 2) занятия должны проходить легко, студенты должны чувствовать себя психологически комфортно; 3) предложить такую систему заданий, которые помимо корректировки и совершенствования произносительных навыков, вызовут интерес к изучению языка, расширят лексический запас учащихся, познакомят с культурой страны, автоматизируют употребление ранее изученных грамматических конструкций.

Эта идея обусловила форму и структуру занятий. Использование на занятиях с иностранными студентами такого приёма обучения как песня отвечает всем выше перечисленным требованиям. Песня является универсальным средством, которое при правильном подходе и подаче можно использовать при обучении лексике, грамматике, фразеологии, синтаксису, фонетике, страноведению. Разучивание и исполнение песен способствуют разработке речевого аппарата, совершенствованию навыков артикуляции проблемных звуков и звуковых сочетаний, интонирования синтагм, постановки ударения.

---

⁹ *Русский язык как иностранный. Типовая учебная программа для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений высших учебных заведений.* Ред. С.И. Лебединский. Минск: Белорусский государственный университет, 2014, с. 27–37.

Структуру занятия «Караоке по-русски» условно можно разделить на три части: 1) до прослушивания и исполнения песни, 2) прослушивание и исполнение песни, 3) после прослушивания и исполнения песни. Первая часть урока состоит из следующих элементов: а) артикуляционная разминка, б) упражнения на дыхание, в) упражнения на снятие телесно-мышечных зажимов, г) работа со скороговоркой, д) распевка, е) работа над песней. Остановимся на каждом из этапов и продемонстрируем основные принципы работы на занятиях.

Артикуляционная разминка занимает 5–7 минут урока, она необходима для того, чтобы «разогреть» мышцы языка, щек, губ и подготовить органы речи для произношения тех звуков, которых нет в родном языке иностранных граждан. Из огромного количества упражнений, которые можно найти в специальной литературе и Интернет, отбирались такие упражнения для артикуляционной разминки, которые легко объяснить и выполнить, можно представить и «проиграть».

Для развития подвижности губ предлагаются следующие упражнения¹⁰: **«Трубочка-улыбка»**: необходимо максимально вытянуть губы вперед как для поцелуя, зафиксировать их в таком положении на три секунды, потом максимально растянуть губы и снова зафиксировать их (упражнение нужно делать при сомкнутых губах и зубах); **«Круги»**: максимально вытянуть губы вперед, делать ими круговые движения сначала по часовой стрелке, затем против часовой стрелки; **«Рекламная растяжка»**: представить огромную рекламную растяжку через самый большой проспект города и губами, вытянутыми в «поцелуй», начать писать красивыми буквами свое полное имя и фамилию. Выполняя этот блок упражнений, слушатели должны следить за тем, чтобы работали только губы (можно придерживать рукой нижнюю челюсть, чтобы исключить ее движение). Для тренировки мышц языка выполняют упражнения **«Уколы»**: при сомкнутых губах и разомкнутых челюстях кончиком языка делают резкие и сильные двойные уколы попеременно то в левую, то в правую щеки; **«Варенье»**¹¹: нужно улыбнуться, открыть рот, широким языком в форме «чашечки» облизать верхнюю губу (данное упражнение очень эффективно для постановки звуков [ш], [ж], [р]); **«Часовая стрелка»**: при сомкнутых губах и разомкнутых челюстях производятся вращательные движения языком, который гладит верхние и нижние десны. Чтобы разогреть щеки, предлагается упражнения **«Футбол»**: перегонять воздух из одной щеки в другую. Каждое упражнение делается 10 раз, для большей эффективности упражнения рекомендуется проводить стоя.

Работа над речевым дыханием — следующий этап в структуре урока «Караоке по-русски». Как известно, звуки речи образуются в результате деятельности артикуляционного аппарата при выдыхании воздуха, поэтому правильный выдох создаёт условия для улучшения качества произношения звуков, ин-

¹⁰ Е. Ласкавая. *Сценическая речь. Методическое пособие*. Москва: Всероссийский центр художественного творчества учащихся и работников начального профессионального образования, 2005, с. 127–140.

¹¹ Видео упражнения. [Online] <<https://www.youtube.com/watch?v=wcmMVnWLGcQ>> (14.07.2015).

тонационной выразительности, плавности речи. Для выработки сильной направленной воздушной струи предлагаются следующие дыхательные упражнения: «**Одуванчик**»: нужно представить одуванчик и медленно дуть на него, чтобы «пушинки» летели как можно дальше; «**Свеча**»: нужно дуть на воображаемую горящую свечу так, чтобы не задуть её, а лишь немного отклонить пламя (счет 1–17), на счет 18 сильным выходом задуть свечку; «**Греем руки**»: предлагается контролировать выдох ладонками: дуем на ладонки и произносим звук [х] (упражнение эффективно при постановке звука [х]); «**Счёт**»: сделать вдох через нос, на выдохе как можно дольше считать 1, 2, 3...15...30. Выполнение дыхательных упражнений также длится 5–7 минут, упражнения лучше выполнять стоя, осанка должна быть прямая, грудная клетка расправлена, нужно следить за тем, чтобы не поднимались плечи и не надувались щеки, вдох всегда делается через нос.

На следующем этапе урока важно **снять мышечные зажимы** в голосовом аппарате. Наличие телесно-мышечных зажимов влияет на силу, тембр голоса, плавность речи. Самый лучший способ для расслабления гортани — зевание: нужно держать зевок, оттягивая маленький язычок, до одной минуты, чередовать зевок с открытым и с закрытым ртом, можно добавить голос при зевании. Для расслабления окологортанной мускулатуры предлагается поднять левое плечо вверх и положить на него подбородок, в этом положении произнести три раза би-бэ-ба, затем опустить плечо, расслабиться и произнести эти же сочетания свободно. То же повторить с другим плечом¹². Снять напряжение с мышц рук, шеи, туловища помогает упражнение «**Масло**»: представить, что через указательный палец правой руки в тело вводят растительное масло, которое нужно прогнать по всем остальным частям тела и органам. Надо выполнять это упражнение медленно и сосредоточенно, чтобы «смазать» каждый сустав. Выполнение упражнений на снятие зажимов занимают 7–9 минут.

Работа над скороговоркой — обязательный элемент урока. Скороговорки помогают наладить и оформить артикуляцию, улучшить дикцию. Кроме этого, они являются «(...) прекрасным материалом для тренинга на телесное и дыхательное освобождение; для работы по голосоведению и освоению резонаторной системы, расширению звуковысотного и темпоритмического диапазонов, совершенствованию фонематического слуха, развитию чувства ритма и т.д.»¹³. На каждом занятии работе над скороговоркой отводится до 15 минут учебного времени, сначала студенты читают текст скороговорки медленно, четко артикулируя каждый звук, словно они говорят её глухому человеку, который умеет читать по губам, затем темп увеличивают. Им предлагается проговаривать скороговорки сначала очень громко, представляя, что их товарищ находится очень далеко, затем проговорить скороговорку шепотом. Можно

¹² *Сценическая речь. Учебник.* Ред. И.П. Козлянинова, И.Ю. Промптова. Москва: Государственный институт театрального искусства, 2002, с. 491.

¹³ М.В. Смирнова. *Скороговорки в речевом тренинге. Учебное пособие.* 2-е изд. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, 2009, с.7.

произносить текст вначале со сжатыми зубами, активизируя работу губ, а потом повторить фразы с разжатыми зубами, повторяя каждое слово, входящее в его состав, по 3 раза. Для автоматизации звуков [к], [р], [л] можно предложить скороговорку *Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет*; [д], [р], [т], [в] — *На дворе трава, на траве дрова, раз дрова, два дрова, три дрова*; [ы], [и] — *Мама мыла Милу мылом, Мила мыло не любила*; [с], [ш] — *Шла Саша по шоссе и сосала сушку*; [з], [ц] — *У Зины болит зуб, она не может есть суп*; [х] — *Хохлатые хохотушки хохотом хохотали: Ха! Ха! Ха!* и т.д. При работе над удлинением выдоха и умением держать перспективу мысли на всем протяжении говорения предлагается «длинноговорка»¹⁴: *Еду в Минск, из Минска в Пинск, из Пинска в Двинск, из Двинска в Лабинск, из Лабинска в Псков, из Пскова в Гдов, из Гдова в Львов, из Львова в Льгов, из Льгова в Покров, из Покрова в Ковров*. Данная скороговорка отрабатывает также часто встречаемую у студентов проблему слитного произношения предлогов с существительными и ассимиляции согласных. Можно предложить найти города, упомянутые в скороговорке на карте. В качестве домашнего задания студентам предлагается придумать свою скороговорку из труднопроизносимых слов текста песни пройденного урока.

Для того чтобы разогреть голосовой аппарат и подготовить его к работе над песней, проводится **распевка** (до 5 минут учебного времени). Упражнения для распевания должны быть несложными для восприятия, удобными для усвоения. Предлагается классическое вокальное упражнение: пропевать слоги, например, *ми-мэ-ма-мо-му*, повторяя их каждый раз на полтона выше, совершая движение вверх, а потом вниз.

Работа над песней занимает 40–45 минут учебного времени. Она включает 1) вступительное слово о песне; 2) прослушивание песни; 3) понимание содержания песни; 4) фонетическую отработку текста песни; 5) повторное прослушивание песни (с опорой на текст); 6) чтение песни с дальнейшей отработкой звуков и интонации (с опорой на текст); 7) разучивание мелодии в процессе совместного исполнения песни с использованием караоке.

Вступительное слово о песне занимает 5–7 минут урока и может включать в себя вопрос, иллюстрацию, яркий, запоминающийся факт о песне, отрывок видео. В данном случае важно не дать как можно больше информации о песне, а заинтересовать учащихся, мотивировать к дальнейшему изучению произведения. Во время исполнения песни преподавателем (курс ведёт преподаватель с музыкальным образованием) студенты знакомятся с особенностями мелодии, ритма, стараются почувствовать характер произведения. Чтобы проверить понимание содержания студентам предлагается соотнести 8 иллюстраций с текстом песни. Наиболее сложные для понимания или устаревшие слова объясняются дополнительно. Далее учащиеся читают каждый куплет песни вслед за преподавателем. Обращается внимание на темп и правильность произнесения отдельных слов и текста в целом. В частности, в распечатанных текстах звуки, произношение которых преподаватель хочет особенно тщательно отработать

¹⁴ Там же, с. 9.

на уроке, выделены другим цветом. Например, при отработке звуков [ц], [т'] и сочетания *ться* предлагается песня «Хочу» Елки:

Я хочу влюбиться, пролететь, остановиться
 Высоко и не разбиться, дать случайностям случиться.
 Просчитать маршруты в лицах, побывать во всех столицах.
 Дать возможностям открыться и вдохнуть мечты-частицы.

При знакомстве с романсом «В лунном сиянии» Е.Д. Юрьева акцент делается на правильное произнесение звуков [л'] и [н']:

В лунном сиянии снег серебрится,
 Вдоль по дороге троечка мчится.
 Динь-динь-динь, динь-динь-динь —
 Колокольчик звенит,
 Этот звон, этот звон
 О любви говорит.

После повторного прослушивания песни студентам предлагается ещё раз прочитать песню, а также пропеть мелодию песни слогом «ля». Затем вслед за преподавателем пропеть каждую фразу песни 2–3 раза. Для индивидуального контроля рекомендуется прием пения «по цепочке», когда студенты передают друг другу мелодию, пропевая песню по фразе. В конце урока учащиеся поют песню целиком, используя караоке. Дома студентам предлагается посмотреть видео песни в исполнении различных музыкантов и сравнить их интерпретации. На следующем занятии песня предыдущего урока повторяется. Все песни, изучаемые на занятиях курса «Караоке по-русски», студенты загружают в свой телефон и периодически слушают их.

Критериями для отбора песен были узнаваемость, мелодичность и ритмичность произведений, наличие в них слов с фонетическими трудностями. На занятиях изучались как песни, предложенные преподавателем (в основном, это всем знакомые песни «Ой, мороз, мороз», «Катюша», «Очи черные», «Нежность», «В лунном сиянии», песни из мультфильмов и кинофильмов «Я на солнышке лежу», «Песенка друзей»), так и песни, предложенные слушателями, как правило, это современные популярные песни, которые они слышат по радио, в автобусах, магазинах. Так хитами этого года стали песни «Самая-самая» Егора Крида, «Маршрутка» IOWA, «Хочу» Елки.

По окончании курса была проведена рефлексия со студентами, которая показала, что курс «Караоке по-русски» хорошо воспринят слушателями, его можно считать эффективным средством коррекции фонетических ошибок иностранных слушателей. В памяти учащихся закрепляются новые словосочетания и грамматические структуры, учащиеся в непринуждённой форме отрабатывают произношение трудных звуков и звуковых сочетаний, осваивают правила редукации гласных, оглушения-озвончения и твердости-мягкости согласных, ударения и интонирования фраз, избегают от речевых зажимов, получают удовольствие от процесса и результата.

Литература

- Аванесов Р.И. *Русское литературное произношение. Учебное пособие для студентов педагогических институтов*. 5-е изд., перераб. и доп.. Москва: Просвещение, 1972.
- Битехтина Н.Б., Климова В.Н. *Русский язык как иностранный. Фонетика*. Москва: Русский язык. Курсы, 2011.
- Будник Е.А., Логинова И.М. *Аспекты исследования звуковой интерференции (на материале русско-португальского двуязычия)*. Москва: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2012.
- Видео упражнения. [Online] <<https://www.youtube.com/watch?v=wcmMVnWLGcQ>> (14.07.2015).
- Ласкавая Е.В. *Сценическая речь. Методическое пособие*. Москва: Всероссийский центр художественного творчества учащихся и работников начального профессионального образования, 2005.
- Рогозная Н.Н. *О постановке трудных случаев произношения в русской речи японцев*. [В:] *Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей*. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва: МАКС Пресс, 2001.
- Русский язык как иностранный. Типовая учебная программа для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений высших учебных заведений*. Ред. С.И. Лебединский. Минск: Белорусский государственный университет, 2014.
- Смирнова М.В. *Скороговорки в речевом тренинге. Учебное пособие*. 2-е изд.. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, 2009.
- Сценическая речь. Учебник*. Ред. И.П. Козлянинова, И.Ю. Промптова. Москва: Государственный институт театрального искусства, 2002.
- Фёдорова Н.И. *Коррекция слухопроизносительных навыков испано-говорящих учащихся*. «Русский язык за рубежом» 1980, № 1, с. 28–34.
- Фокина М.В. *Закономерности функционирования глухих и звонких согласных в свете обучения немцев русскому произношению*. [В:] *Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей*. Редколл. Л.П. Клобукова и другие. Москва: МАКС Пресс, 2009, Выпуск 5, с. 300–306.

ГЛАГОЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

НАТАЛЬЯ Г. МУЗЫЧЕНКО*
ТАТЬЯНА В. ЧЕРКЕС**

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин
ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Республика Беларусь

e-mail: muzychenkonata@mail.ru*

e-mail: t_koteleva@mail.ru**

(получено 15.07.2015; принято 21.10.2015)

Abstract

Verbal modeling in Russian as a foreign language teaching exercise

The article touches upon verbal modeling in Russian as a foreign language teaching practice. Actual classifications of Russian verb models are analyzed. The author's own classification is presented along with a system of exercises which encourage foreign students to master Russian verbs in the aspects of language, speech and communication during the initial phase of training.

Key words

Russian as foreign language, verbal modeling, speech, language and communicative aspects.

Резюме

В статье рассматривается глагольное моделирование в практике преподавания русского языка как иностранного. Анализируются существующие варианты классификаций русских глаголов по моделям и предлагается собственная, дается система упражнений, способствующих усвоению русских глаголов иностран-

цами в языковом, речевом и коммуникативном аспектах на начальном этапе обучения.

Ключевые слова

Русский язык как иностранный, глагольное моделирование, языковой, речевой и коммуникативный аспекты.

Глагол — одна из наиболее частотных и коммуникативно значимых частей речи.

Его парадигма характеризуется многообразием форм, подвижностью ударений, наличием разнообразных фонетических чередований, делающих границы между морфемами размытыми. Все это осложняет процесс усвоения русской глагольной системы.

В настоящее время в методике русского языка как иностранного (РКИ) нет единого взгляда на процесс изучения системы русского глагола.

Задача преподавателя состоит в том, чтобы максимально облегчить восприятие этого грамматического материала и обеспечить оптимальные условия его предъявления и закрепления. Одни преподаватели описывают глагольную систему, ограничиваясь информацией о типах спряжений. Другие — опираются на глагольное моделирование, которое, на наш взгляд, позволяет оптимизировать учебный процесс и облегчить усвоение самого трудного грамматического материала.

Традиционная грамматика делит глаголы на продуктивные и непродуктивные в зависимости от потенциальных возможностей группы пополняться новыми глаголами¹. В практике преподавания РКИ продуктивность / непродуктивность глагола не имеет значения, так как, согласно принципу коммуникативности, главным критерием отбора и порядка предъявления глагольных лексем является «степень употребительности, распространенности слова»².

Существуют различные варианты классификаций русских глаголов, основанных на моделировании. Все системы моделей базируются на алгоритме словоизменения глаголов в формах настоящего (простого будущего) времени: отсечении показателя инфинитива или показателя инфинитива с предшествующим суффиксом, чередовании в корнях или суффиксах глаголов, наращении личных окончаний глаголов I или II спряжения. Кроме того, для классификации моделей важен тип ударения, или акцентный тип. Представим их в порядке возрастания по количеству выделяемых моделей.

Виктор Анатольевич Завгородний пишет о 5 базовых моделях словоизменения русских глаголов, предлагая в качестве образцов глаголы *читать*,

¹ В.В. Виноградов. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. 4-е изд. Ред. Г.А. Золотова. Москва: Русский язык, 2001.

² В.А. Завгородний. *Лингвистическое описание одной из классификаций русских глаголов по словоизменительным моделям*. «Вісник СумДУ. Серія Філологія» 2007, № 2, с. 124.

говорить, писать, танцевать, нести. Эта классификация основывается на противопоставлении двух глагольных основ. При этом лингвист отмечает, что глаголы, выходящие за рамки указанных моделей, трудно систематизировать, так как чаще всего «основа инфинитива таких глаголов оторвана от основы настоящего/простого будущего времени, хотя в некоторых группах и наблюдается аналогия с особенностями определенной словоизменительной модели»³. Эта система отражает основные различия между глаголами, прозрачна, минимальна по количеству моделей. Недостаток системы в том, что огромный пласт глаголов находится за ее пределами, и иностранцам приходится заучивать эти глаголы. Но исключений из правил не должно быть слишком много, так как возможности механической памяти, как правило, меньше ресурсов памяти, основанной на проведении аналогий.

Владимир Георгиевич Будай предлагает 11 моделей словоизменения и 3 типа ударения русских глаголов. Он выделяет 9 моделей глаголов с окончаниями I спряжения и две модели с окончаниями II спряжения. В отдельную группу выносятся глаголы-исключения, куда входят разноспрягаемые глаголы (*бежать, хотеть*), глаголы с архаическим типом спряжения (*есть, дать*), глаголы *быть, взять*, а также глаголы на *-нять* (*поднять, снять* и т.п.)⁴. В учебнике Будая⁵ предлагается знакомить иностранцев со сложной системой моделей русских глаголов с помощью родного языка обучающихся или языка-посредника (есть отсылка к приложениям с грамматическими комментариями, переведенными на английский и китайский языки). Глаголы очень хорошо дифференцированы, но на наш взгляд, активное использование на занятии родного языка студентов или языка-посредника, во-первых, снижает эффективность обучения в целом, а во-вторых, не всегда целесообразно. В интернациональных группах учащиеся могут по объективным и субъективным причинам не владеть (слабо владеть) языком-посредником, что делает перевод (русский язык — язык-посредник — родной язык) трудно решаемой, затратной по времени и усилиям, а иногда и невыполнимой задачей, формирующей негативное отношение к изучаемому предмету.

В учебнике Сергея Ивановича Лебединского выделяется 12 моделей (8 моделей с окончаниями I и 4 модели с окончаниями II спряжения) и традиционные исключения (*хотеть, бежать, есть, дать*)⁶. Все модели вводятся одновременно и с комментариями на английском языке. И то, и другое, с нашей точки зрения, не всегда оправдано по причинам, указанным выше.

³ Там же, с. 128.

⁴ В.Г. Будай. *Алгоритм словоизменения русских глаголов. Настоящее (простое будущее) время. Учебно-методическое пособие по русскому языку как иностранному*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012.

⁵ В.Г. Будай. *Русский с алфавита. Практический курс русского языка. Учебное пособие для иностранных студентов, обучающихся на подготовительных факультетах высших учебных заведений*. Минск: Издательский центр Белорусского государственного университета, 2003.

⁶ С.И. Лебединский. *Русский язык для иностранцев. Полный курс. Russian for Foreigners. Complete Cours. A1/A2. Базовый уровень владения языком*. Минск: Научный мир, 2013.

В пособии Галины Павловны Куриной описывается 13 моделей глаголов (10 из них с окончаниями I спряжения и 3 с окончаниями II спряжения) и 4 акцентных типа. При этом дополнительно рассматриваются 20 глаголов с окончаниями I спряжения, имеющие особенности словоизменения (*открыть (петь), пить, начать, взять* и глаголы на *-нять: понять, снять, принять* и др.) и традиционные исключения: разноспрягаемые глаголы (*хотеть, бежать*) и глаголы архаического типа спряжения (*есть, дать*). Отмечаются слова с нерегулярными акцентными характеристиками⁷. Эту систему отличает высокая степень дифференцированности, но слишком много глаголов выходят за рамки системы.

Нина Николаевна Белякова выделяет 16 моделей (4 продуктивных класса, 12 непродуктивных) и глаголы, обособленно стоящие в системе языка (*бежать, брить, быть, дать, есть, ехать, идти, ошибиться, реветь и хотеть*)⁸. Как уже отмечалось ранее, деление глаголов на продуктивные и непродуктивные для иностранцев не имеет существенного значения, так как в ряду непродуктивных оказываются, как правило, самые коммуникативно востребованные глаголы.

В пособии Татьяны Викторовны Шустиковой и Анастасии Анатольевны Атабековой предлагается 16 моделей (13 из них с окончаниями I спряжения и 3 с окончаниями II спряжения). Слово *дать* включено в перечень слов-моделей I спряжения только на основании формы 3 л. мн. ч., что, на наш взгляд, не является оправданным. Другие традиционные слова-исключения (*хотеть, бежать, есть*) рассматриваются отдельно⁹.

В учебнике Майи Павловны Аксеновой предлагается 29 моделей, включающих все глаголы (исключения отмечены как единичные глаголы модели) и 3 варианта ударений (а — постоянное ударение на основе, б — постоянное ударение на окончании, в — ударение на окончании в форме 1 л. ед. ч. и ударение на основе в других формах). Автор обращает внимание на необходимость предъявления речевых образцов при введении любого глагола¹⁰. Мы считаем, что большое количество моделей, с одной стороны, позволяет прекрасно дифференцировать и систематизировать глаголы, но, с другой — может демотивировать иностранцев, которые решат, что не смогут объять необъятное.

Олеся Анатольевна Слабухо предлагает объединить деление глаголов на продуктивные и непродуктивные, описываемое в традиционных грамматиках, и моделирование, используемое в практике преподавания РКИ, что, на наш взгляд, может быть актуально только для студентов-филологов. Несомненное достоинство системы в том, что подчеркивается важная закономерность чередования согласных при образовании форм настоящего (будущего простого)

⁷ Г.П. Куриная. *Учим русские глаголы. Словарь-справочник для иностранцев*. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2000.

⁸ Н.Н. Белякова. *Как строится русский глагол? Особенности формообразования: морфология, ударение*. 3-е изд., испр. Санкт-Петербург: Златоуст, 2006.

⁹ Т.В. Шустикова, А.А. Атабекова. *Русские глаголы. Формы и контекстное употребление*. Москва: Флинта: Наука, 2008.

¹⁰ М.П. Аксенова. *Русский язык по-новому: В 3-х частях*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2001.

времени: «все особенности II спряжения можно наблюдать только в 1 л. ед. ч., а у глаголов I спряжения на *-ть* и *-ти* во всех лицах и числах»¹¹.

Учитывая опыт предшественников, мы предлагаем свою классификацию глагольных моделей, форму ее предъявления иностранцам (без помощи родного языка обучающихся или языка-посредника) и систему упражнений для формирования языковой, речевой и коммуникативной компетенций. На наш взгляд, можно выделить следующие модели русских глаголов:

- 1) глаголы на *-ать*, *-ять*, *-еть* с отсечением показателя инфинитива *-ть* (-2) и наращением мягкого варианта безударных окончаний I спряжения (*работать*, *заниматься*, *повторять*, *уметь* и др.);
- 2) глаголы на *-ить*, *-ять*, *-ать*, *-еть* с отсечением показателя инфинитива *-ть* и предшествующей гласной (-3) и наращением окончаний II спряжения (*говорить*, *учить(ся)*, *стоять*, *слышать*, *смотреть* и др.);
- 3) глаголы на *-ить*, *-еть* с отсечением показателя инфинитива *-ть* и предшествующей гласной (-3), чередованиями в форме 1 л. ед.ч. настоящего (будущего простого) времени и наращением окончаний II спряжения (*ходить* (д//ж), *ездить* (д//ж), *видеть* (д//ж), *гордиться* (д//ж), *возить* (з//ж), *висеть* (с//ш), *платить* (т//ч), *чистить* (ст//щ), *возвратить* (т//щ), *готовить* (в //вл), *становиться* (в//вл), *знакомить(ся)* (м//мл), *графить* (ф//фл), *купить* (п//пл) и др.);
- 4) глаголы на *-овать*, *-евать* с отсечением показателя инфинитива *-ть* (-2), чередованиями *ова//у*, *ева//у* во всех формах настоящего (будущего простого) времени и наращением мягкого варианта окончаний I спряжения (*рисовать* (ова//у), *танцевать* (ева//у), *использовать* (ова//у) и др.);
- 5) глаголы на *-ать*, *-ять*, *-оть*, *-уть* с отсечением показателя инфинитива *-ть* и предшествующей гласной (-3) и наращением твердого варианта окончаний I спряжения, с особыми формами прошедшего времени у некоторых глаголов (*ждать*, *смеяться*, *прыгнуть*, *погибнуть* и др.);
- 6) глаголы на *-ать*, *-ять* с отсечением показателя инфинитива *-ть* и предшествующей гласной (-3), чередованиями во всех формах настоящего (будущего простого) времени и наращением твердого варианта окончаний I спряжения (*писать* (с//ш), *плакать* (к//ч), *искать* (ск//щ), *сказать* (з//ж), *принять* (н//м), *понять* (н//йм), *ехать* (х//д), *сесть* (е//яд), *быть* (ы//уд) и др.);
- 7) глаголы на *-ти* и глагол *класть* с отсечением показателя инфинитива *-ти* или *-ть* (-2), чередованиями *с//д* или *о//д* в некоторых из них во всех формах настоящего (будущего простого) времени и наращением твердого варианта ударных окончаний I спряжения, с особыми формами прошедшего времени (*идти*, *нести*, *вести* (с//д), *класть* (с//д), *найти* (о//д) и др.);
- 8) глаголы на *-чь* с отсечением показателя инфинитива *-чь* (-2), наращением согласных *г//ж*, *к//ч* (с чередованиями гласных в слова *лечь* и его производных) и наращением твердого варианта окончаний I спряжения, с особыми

¹¹ О.А. Слабухо. Проблема классификации моделей спряжения глаголов в методических целях обучения русскому языку как иностранному. «Молодой ученый» 2015, № 12 (92), с. 965.

- формами прошедшего времени (*мочь* (+г//ж), *беречь* (+г//ж), *печь* (+к//ч), *лечь* (е//я + г//ж) и др.);
- 9) глаголы на *-ить*, *-ыть*, *-еть* с отсечением показателя инфинитива *-ть* (-2), чередованиями в корне и наращением мягкого варианта окончаний I спряжения, (*пить* (и//ь), *мыть* (ы//о), *петь* (е//о), *брить* (и//е) и др.);
- 10) глаголы на *-ить*, *-ыть*, *-ать* с отсечением показателя инфинитива *-ть* (-2), наращением согласного в корне и твердого варианта окончаний I спряжения, (*жить* (+в), *плыть* (+в), *стать* (+н) и др.);
- 11) глаголы на *-ать*, *-еть* с отсечением показателя инфинитива *-ть* (-2), чередованиями в корне и наращением твердого варианта окончаний I спряжения, (*звать* (зв//зов), *брать* (бр//бер), *умереть* (мер//мр), *вытереть* (тер//тр) и др.);
- 12) глаголы на *-давать*, *-знавать*, *-ставать* с отсечением показателя инфинитива *-ть* и предшествующего его суффикса *-ва* (-4) и наращением мягкого варианта ударных окончаний I спряжения (*давать*, *продавать*, *сдавать*, *создавать* и др.).

Отдельно выделяем глаголы-исключения, к которым относим разноспрягаемые (*хотеть*, *бежать*), глаголы с архаическим типом спряжения (*есть*, *дать*), а также глаголы *взять*, *учесть*.

Необходимо обращать особое внимание на глаголы со специфическими формами прошедшего времени:

- 1) глаголы с показателем инфинитива *-ти*, образующие формы мужского рода прошедшего времени без суффикса *-л-* (*везти* – *вез*, *нести* – *нес*, *ползти* – *полз*, *расти* – *рос*, *спасти* – *спас* и др.) — седьмая модель;
- 2) глаголы с показателем инфинитива *-ти*, образующие формы мужского рода прошедшего времени с суффиксом *-л-*, но с усечением основы инфинитива (*вести* – *вел*, *цвести* – *цвел*, *мести* – *мел* и др.) — седьмая модель;
- 3) глаголы с показателем инфинитива *-чь*, образующие формы мужского рода прошедшего времени без суффикса *-л-* (*мочь* – *мог*, *лечь* – *лег*, *печь* – *пек*, *течь* – *тек* и др.) — восьмая модель;
- 4) некоторые глаголы с показателем инфинитива *-ть* и суффиксом *-ну*, образующие формы мужского рода прошедшего времени без суффикса *-л-* (*погибнуть* – *погиб*, *привыкнуть* – *привык*, *исчезнуть* – *исчез* и др.) — пятая модель;
- 5) некоторые глаголы с показателем инфинитива *-ть* и беглым гласным *е* в корне, образующие формы мужского рода прошедшего времени без суффикса *-л-* (*умереть* – *умер*, *вытереть* – *вытер* и др.) — одиннадцатая модель;
- 6) глаголы с показателем инфинитива *-ть* и предшествующим согласным *с*, образующие формы мужского рода прошедшего времени с суффиксом *-л-*, но с усечением основы инфинитива (*сесть* – *сел*, *съесть* – *съел* и др.) — шестая модель и некоторые исключения;
- 7) иные глаголы с показателем инфинитива *-ть*, образующие формы мужского рода прошедшего времени без суффикса *-л-* (*лезть* – *лез*, *ошибиться* – *ошибся* и др.) — разные модели.

Необходимо обращать внимание на стандартное и специфическое образование форм императива, который у большинства глаголов с окончаниями I спряжения тоже сопровождается чередованиями. После изучения всех моделей возможно обобщение по способам образования императива. При этом целесообразно познакомить иностранцев с закономерностями образования этой формы.

1. Глаголы с основой настоящего (будущего простого) времени на согласный, с ударными окончаниями в форме 1-го лица ед. ч. (вторая, третья, пятая, шестая, седьмая, восьмая, десятая, одиннадцатая модели и некоторые исключения) образуют форму императива с помощью ударного окончания *-и*: *говорить – говори, смотреть – смотри, ложиться – ложись, купить – купи, садиться – садись, ждать – жди, писать – пиши, понять – пойми, дышать – дыши, идти – иди, беречь – береги, жить – живи, брать – бери, бежать – беги, взять – возьми, учесть – учти* и т.п.
2. Глаголы с основой настоящего (будущего простого) времени на согласный, с безударными окончаниями (третья, шестая, десятая модели) образуют форму императива с помощью нулевого окончания (добавляется *-ь* для обозначения мягкости последнего согласного основы): *готовить – готовь, забить – забудь, сесть – сядь, встать – встань* и т.п.
3. Глаголы с основой настоящего (будущего простого) времени на гласный или на *-й*, (первая, вторая, четвертая, девятая, модели и некоторые исключения) образуют форму императива с помощью нулевого окончания: *читать – читай, строить – строй, рисовать – рисуй, петь – пой, мыть – мой, дать – дай* и т.п. Следует отметить, что в формах настоящего (будущего простого) времени таких глаголов, в отличие от формы императива, звук *-й* отдельной буквой не обозначается, а входит в состав так называемых «йотированных гласных».
4. Глаголы с суффиксом *-ва* (двенадцатая модель) образуют форму императива от основы инфинитива посредством добавления *-й*: *давать – давай, вставлять – вставляй* и т.п.
5. Глаголы с чередованием *и//ь* (девятая модель) образуют форму императива с буквой *е*: *пить – пей, лить – лей* и т.п.
6. Глаголы с уникальным образованием формы императива (шестая, восьмая модели и некоторые исключения): *лечь – ляг, ехать – (по)езжай, есть – ешь* и т.п.

Данная выше классификация составлена на основе материалов Натальи Григорьевны Музыченко¹², одного из авторов настоящей статьи.

---

¹² Н.Г. Музыченко. *Императив в практике преподавания русского языка как иностранного. [В:] Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. Достижения, проблемы и перспективы развития. Материалы VI Международной научно-практической конференции, 16–17 мая 2013 г., Минск, Белорусский государственный университет.* Редколл. С.И. Лебединский и др. Минск: Издательский центр Белорусского государственного университета, 2013, с. 87–90.

Приведем пример того, как можно подавать информацию о новой модели глагола на занятиях РКИ.

III модель			ходить II (-3), д//ж		
ходить (д//ж) + окончания II спр.			-у, -ишь, -ит		
- 3			-им, -ите, -ят		
Настоящее время			Прошедшее время		Императив
	ход	ить	ходи(ть)		
я	ж	у	он (я, ты) ходил		(не) ходи!
ты		ишь	она (я, ты) ходила		
он, она, оно		ит	оно ходило		
мы		им	они (мы, вы, Вы) ходили		(не) ходите!
вы (Вы)		ите			
они		ят			

кто? ходит / ходил / будет ходить куда?

Раньше я каждый день ходил в школу, а сестра ходила в детский сад.

Сейчас я хожу в университет, а сестра ходит в школу.

Потом я буду ходить на работу, а сестра будет ходить в университет.

III модель			любить II (-3), б//бл	
любить (б//бл) + окончания II спр.			-ю, -ишь, -ит	
- 3			-им, -ите, -ят	

Настоящее время			Прошедшее время		Императив
	люб	ить	люби(ть)		
Я	+ л	ю	он (я, ты) любил		(не) люби!
ты		ишь	она (я, ты) любила		
он, она, оно		ит	оно любило		
мы		им	они (мы, вы, Вы) любили		(не) любите!
вы (Вы)		ите			
они		ят			

кто? любит / любил / будет любить кого? / что? / + инф.

В детстве я любила теннис, а брат любил хоккей.

Сейчас я люблю играть в баскетбол, а брат любит играть в футбол.

Мы (я и брат) любили, любим и всегда будем любить друг друга.

При объяснении законов словоизменения новой модели глагола необходимо обращать внимание на место и постоянство / подвижность ударения в формах того или иного примера (между глаголами одной модели могут быть акцентологические различия).

При изучении особых форм глагола (причастий и деепричастий) идет закрепление изученных глагольных моделей, так как чередования и наращивания,

сопровождающие образование форм настоящего (будущего простого) времени и императива, имеют место и при образовании особых форм глагола, а именно:

- 1) формы действительных причастий настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения (*танцевать – танцующий* (еа//у), *писать – пишущий* (с//ш), *резать – режущий* (з//ж), *вести – ведущий* (с//д), *беречь – берегущий* (+г), *брить – бреющий* (и//е)) — формы некоторых глаголов четвертой, шестой, седьмой, восьмой и девятой моделей;
- 2) формы страдательных причастий настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения (*рисовать – рисуемый* (ова//у), *вести – ведомый* (с//д)) — формы некоторых глаголов четвертой и седьмой моделей;
- 3) формы страдательных причастий прошедшего времени, как правило, образованных от глаголов II спряжения (*купленный* (п//пл), *отправленный* (в//вл), *оплаченный* (т//ч), *выращенный* (ст//щ), и в редких случаях — от глаголов I спряжения (*переведенный* (с//д)) — формы некоторых глаголов третьей и седьмой моделей;
- 4) формы деепричастий несовершенного вида, образованных от глаголов I спряжения (*рисовать – рисуя* (ова//у), *танцевать – танцуя* (еа//у), *вести – ведя* (с//д), *брить – брея* (и//е)) — формы некоторых глаголов четвертой, седьмой и девятой моделей;
- 5) формы деепричастий совершенного вида, образованных от глаголов I спряжения на *-ти* (*перевести – переведя* (с//д), *найти – найдя* (+д)) — формы некоторых глаголов седьмой модели.

Традиционно преподаватели РКИ дают классификацию глаголов по моделям в первый месяц изучения языка. Трудность состоит в первоначальном предъявлении материала, когда нужно постепенно на протяжении ряда занятий рассказать о моделях русских глаголов, показать систему словоизменения каждой модели, параллельно формируя языковые, речевые и коммуникативные умения и навыки по использованию различных глагольных форм. Лучше, если при объяснении преподаватель будет пользоваться исключительно русским языком и наглядностью в виде таблиц и схем. Преимущества раннего знакомства с глагольными моделями состоят в том, что студенты осознанно усваивают глагольные формы на протяжении всего периода обучения и уверены в обозримости вариантов словоизменительной парадигмы русского глагола.

Альтернатива — подача информации о глагольных моделях как способ систематизации знаний, полученных индуктивным путем. В этом случае информация предъявляется в качестве обобщения для студентов, уже знающих и активно использующих формы русских глаголов в речи. Такой путь оправдан, если русский язык не является абсолютно новым для учащихся, они понимают русскоговорящих и свободно общаются по-русски, допуская при этом многочисленные ошибки. Индуктивный путь является основным на корректировочных курсах.

Какой бы путь описания русской глагольной системы ни был избран преподавателем РКИ (описание спряжений с указанием специфики некоторых глаголов или описание глагольных моделей), в начале процесса обучения РКИ глаголы в любом случае прописываются и / или проговариваются студентами в своих

основных формах (инфинитив, настоящее / будущее простое и прошедшее время, императив). В словарях можно указывать не номера условных моделей, а конкретные чередования каждого глагола, чтобы исключить проблемы в случае смены преподавателя. При этом преподаватель может попросить студентов сопоставить глагол с изученными ранее и обратить внимание на схожесть чередований (*любить* – *люблю*, *спать* – *сплю*) и / или на схожесть системы ударений (*идти* – *иду*, *идешь*, *идет*; *найти* – *найду*, *найдешь*, *найдет*; *нести* – *несу*, *несешь*, *несет* и т.п.).

На начальном этапе целесообразно познакомить учащихся с показателями инфинитивов русских глаголов и продемонстрировать двойственность глагольной основы, ввести понятия «спряжение» и «модель». Для студентов нефилологического профиля термин «спряжение» допустимо заменить словом «группа». Изначально учащимся рекомендуется завести специальную тетрадь, куда они (сначала под контролем преподавателя, а потом самостоятельно) будут записывать новые глагольные формы. Тетрадь делится на 13 частей (12 моделей + глаголы-исключения).

Как показывает практика, уже через 2 недели после введения системы моделирования наиболее сильные иностранные учащиеся самостоятельно начинают разграничивать сначала глаголы, относящиеся к первой модели, потом видят разницу между 2 и 3 моделями. Как правило, к концу 1 семестра иностранные слушатели способны к самостоятельному определению моделей большинства глаголов и правильному образованию их форм. В качестве аналога подобной тетради может выступать учебное пособие, подобное книге Т.В. Шустиковой и А.А. Атабековой¹³.

Представим комплекс упражнений, нацеленных на выработку умений и навыков по использованию глаголов в речи на начальном этапе обучения РКИ. При составлении упражнений мы основывались на системе, предложенной Лилией Леонидовной Вохминой¹⁴. Эта система предполагает обязательное наличие двух этапов:

«А. Этап подготовки связного самостоятельного высказывания на языковом материале, полностью или частично прошедшем уровень структурирования.

Б. Этап самостоятельного высказывания»¹⁵.

Проецируя систему Л.Л. Вохминой на рассматриваемый нами материал, можно представить основные задания для усвоения глагольной словоизменительной парадигмы на уровне речи.

А1. Наблюдение изучаемых моделей глагола в речевых образцах (в тексте) посредством чтения или имитации (повторения за диктором или преподавателем).

¹³ Т.В. Шустикова, А.А. Атабекова. *Русские глаголы. Формы и контекстное употребление*. Москва: Флинта — Наука, 2008.

¹⁴ Л.Л. Вохмина. *Хочешь говорить — говори. 300 упражнений по обучению устной речи*. Москва: Русский язык, 1993.

¹⁵ Там же, с. 99.

А2. Образование необходимой формы глагола на базе инфинитива; выбор верного по смыслу глагола из множества опорных слов и образование необходимой формы.

А3. Завершение текста по образцу с использованием подходящего по смыслу глагола без опорных слов и образование нужной формы; лексико-грамматическая трансформация имеющегося текста.

Б1. Составление текстов на заданную тему, с опорой на лексико-грамматический материал и/или визуальной опорой.

Б2. Продуцирование текстов на заданную тему.

При составлении упражнений были использованы материалы учебных пособий В.Г. Будая (А1.1, А2.1, А3.1)¹⁶ и Л.Л. Вохминой (Б2)¹⁷. Все задания частично переработаны и дополнены.

Задания, нацеленные на наблюдение изучаемых моделей, составлены из слов, известных обучающимся по вводно-фонетическому курсу, согласно принципу опережающего говорения, или «устного опережения»¹⁸.

Упражнение А1.1. Прочитайте предложения. Обратите внимание на специфику изменения глаголов по модели *читать*. Запомните эту специфику.

Образец: Я читаЮ текст. Ты читаЕШЬ текст. Он, она читаЕТ текст. Мы читаЕМ текст. Вы читаЕТЕ текст. Они читаЮТ текст.

Я знаЮ правило. Ты знаЕШЬ правило? Он, она знаЕТ правило. Мы знаЕМ правило. Вы знаЕТЕ правило. Они знаЮТ правило.

Я делаЮ упражнение. Ты делаЕШЬ упражнение? Он, она делаЕТ упражнение. Мы делаЕМ упражнение. Вы делаЕТЕ упражнение? Они делаЮТ упражнение.

Я отвечаЮ новые слова. Ты отвечаЕШЬ новые слова. Он, она отвечаЕТ новые слова. Мы отвечаЕМ новые слова. Вы отвечаЕТЕ новые слова? Они отвечаЮТ новые слова.

Я отдыхаЮ вечером дома. Ты отдыхаЕШЬ вечером дома? Он, она отдыхаЕТ вечером дома. Мы отдыхаЕМ вечером дома. Вы отдыхаЕТЕ вечером дома. Они отдыхаЮТ вечером дома.

Я гуляЮ в парке. Ты гуляЕШЬ в парке. Он, она гуляЕТ в парке. Мы гуляЕМ в парке. Вы гуляЕТЕ в парке. Они гуляЮТ в парке.

Следующее упражнение предполагает имитацию. Преподаватель (диктор) представляет глагольную парадигму в высказывании, учащиеся лишь повторяют ее. Коллективная форма работы в процессе повторения сменяется индивидуальной. При этом происходит механическое заучивание глагольных форм.

Упражнение А1.2. Повторяйте за диктором (преподавателем) фразы.

Образец: Я понимаю текст. Ты понимаешь текст. Он, она понимает текст, мы понимаем текст, вы понимаете текст. Они понимают текст. Я слушаю радио, (работаю

¹⁶ В.Г. Будай. *Русский с алфавита. Практический курс русского языка. Учебное пособие для иностранных студентов, обучающихся на подготовительных факультетах высших учебных заведений.* Минск: Издательский центр Белорусского государственного университета, 2003.

¹⁷ Л.Л. Вохмина. *Хочешь говорить — говори. 300 упражнений по обучению устной речи.* Москва: Русский язык, 1993.

¹⁸ *Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку. Учебное пособие для высших учебных заведений.* Ред. И.П. Лысакова. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004, с. 21.

вечером дома, изучаю русский язык, повторяю буквы, объясняю правило и т.д.) Я говорю правильно, ты говоришь правильно, он, она говорит правильно, мы говорим правильно, вы говорите правильно, они говорят правильно. Я учу слова (смотрю фильм, звоню домой и пр.).

Эффективным приемом на начальном этапе является заучивание грамматического материала в стихотворной форме. Следующее упражнение предполагает использование учебного стихотворного текста для усвоения формы глаголов *ждать* (пятая модель) и *идти* (седьмая модель), совпадающих по акцентному типу.

Упражнение А1.3. Прочитайте стихотворение. Выучите его наизусть.

*Я иду — и ты идешь,
Транспорт жду — ты тоже ждешь.
Дождь идет — мы солнца ждем.
Ждем на улице, вдвоем!
Вы идете в Дом кино?
Ждут Вас там уже давно!*

На примере следующего упражнения учащиеся, помимо усвоения парадигмы глаголов четвертой модели, могут самостоятельно сформулировать правила изменения глаголов данной модели, развивая языковую догадку.

Упражнение А1.4. Прочитайте стихотворение. Найдите в нем все глаголы с суффиксами *-ова-, -ева-* и запишите их в словарь (в тетрадь). Сформулируйте правила изменения форм глаголов данной группы в настоящем (будущем простом) и прошедшем времени, а также в форме императива.

*В общежитии моем
Все мы весело живем!
Мелани всегда рисует,
Афиг — хорошо танцует.
Вэй Ванчэн и Ян с Фетхи
Декламируют стихи!
Мой сосед и друг Вусал —
Он во всем универсал:
Скажешь рисовать — рисует!
Попроси: «Станцуй!» — станцует!
А недавно друг Вусал
Вечер организовал.
В нем участвую и я...
Приходите к нам, друзья!*

Для развития языковых и речевых умений и навыков используются классические упражнения по РКИ.

Упражнение А2. Раскройте скобки, употребив глагол в нужной форме.

*Образец: Она (читать) письмо. — Она читает письмо.
Я (знать) этот адрес. Он (делать) домашнее задание. Ты (играть) в футбол? Преподаватель (объяснять) правило. Мы (повторять) новые слова. Студенты (завтракать) дома. Вы (изучать) русский язык.*

Мы (говорить) медленно. Я (учить) слова. Ты (курить)? Мой сосед (звонить) домой. Студенты (смотреть) фильм. Вы (помнить), когда будет диктант?

Упражнение А3.1. Вставьте подходящий по смыслу глагол в правильной форме.

Опорные слова: *учить, готовить, проверять, работать, рисовать, знать, говорить, читать, писать, отвечать.*

Художник ... картину. Ты ... это правило? Эта девушка уже хорошо ... по-русски.

Учитель ... словарные диктанты. Студенты ... диалоги. Вы ... национальные блюда? Я часто ... письма домой. Мы каждый день ... новые слова. Моя соседка всегда отлично ... на вопросы, потому что дома она много ... .

Упражнение А3.2. Закончите предложения по образцу:

Образец: *Я читаю книгу, а мой друг ...*

Я читаю книгу, а мой друг пишет письмо.

Преподаватель объясняет новую грамматику, а студенты ... . Я учусь в университете, а ты ... в банке. Вы переводите трудный текст, а мы ... диктант. Ты слушаешь музыку, а я ... по телефону. Мы смотрим фотографии, а Саид ... о доме. Мама готовит ужин, а сестра ... посуду. Мы решаем задачи, а вы ... телевизор. Линь фотографирует, а мы ... цветы. Студентки из Африки хорошо танцуют, а Виктор красиво... песни. Вы любите есть шоколад, а мы часто ... мороженое.

Упражнение А3.3. Прочитайте тексты. Трансформируйте их и перескажите в будущем времени.

1. *Моя подруга пригласила меня на день рождения. В магазине я купил(а) духи и букет роз и поехал(а) к ней домой. Сначала я ехал(а) на автобусе, потом я шел (шла) пешком. Дома меня встретили мои друзья. Я поздравил(а) именинницу, и мы сели за стол. Моя подруга приготовила вкусный торт. Потом мы танцевали и пели песни. Домой я вернулся (вернулась) поздно.*

2. *Вчера я встал(а) поздно, потому что была суббота. Я умылся (умылась), принял(а) душ, оделся (оделась) и приготовил(а) завтрак. После завтрака я пошел (пошла) гулять. Я позвонил(а) по телефону своей подруге, и мы вместе пошли в парк. Там мы катались на аттракционах, ели мороженое в маленьком кафе и много разговаривали. А еще в парке был праздник, и мы смотрели и слушали, как поют и танцуют артисты и артистки. Потом мы вместе пошли в кинотеатр, где шел новый российский фильм о любви. После фильма моя подруга поехала домой, а я вернулся (вернулась) в общежитие. Я позвонил(а) родителям, поговорил(а) с соседями и лег(ла) спать.*

3. *Вчера я был(а) в библиотеке. Мне нужен был учебник по биологии и журнал «Русский язык за рубежом». Я пришел (пришла) в библиотеку рано. Но там уже были мои друзья. Я увидел(а) своего соседа по комнате и еще нескольких знакомых. Я подошел (подошла) к ним и поздоровался (поздоровалась). Потом я пошел (пошла) в отдел, где можно взять литературу. Я спросил(а) у библиотекаря, есть ли необходимые мне учебник и журнал. Библиотекарь ответила, что есть. Я попросил(а) дать мне учебник на месяц, а журнал на 2 дня. Я дал(а) библиотекарю свой студенческий билет, а взамен получил(а) учебник и журнал. Я поблагодарил(а) сотрудника библиотеки и пошел (пошла) домой.*

Упражнение А3.4. Прочитайте текст. Перескажите его другу, изменив время всех глаголов, кроме выделенных, на прошедшее. Замените несовершенный вид глагола совершен-

ным там, где это возможно. Обратите внимание на трудные случаи употребления прошедшего времени глаголов. Не забудьте трансформировать прямую речь в косвенную.

Почему на филологическом факультете хорошо учиться?

Лейла с Максом гуляют в парке. На улице жарко. Ярко светит солнце, дует теплый весенний ветер. У Лейлы в руках букет роз, а Макс несет портфель, где лежат учебники и тетради. Друзья идут по дорожке, рядом с которой растет куст сирени.

— *Какие красивые цветы! А ты знаешь, что в русском языке **существует** цвет, название которого происходит от слова «сирень»?* — спрашивает Макс.

— *Нет, не знаю!* — отвечает Лейла.

— *Этот цвет **называется** «сиреневый», потому что он такой же весенний и праздничный, как эта сирень!* — говорит Макс.

Лейла просит Макса:

— *Помоги мне, пожалуйста! Переведи на английский язык слово «сиреневый»!*

— *По-английски сиреневый цвет — «purple colour», а сиреневый куст — «lilac bush»!* — говорит Макс.

— *Как хорошо учиться на филологическом факультете!* — улыбается Лейла.

После того, как учащиеся ознакомятся со всеми 12 моделями и исключениями, необходимы упражнения на обобщение и систематизацию лексико-грамматического материала.

Для выполнения следующего задания учащиеся пишут на отдельных полках бумаги по 1–3 инфинитива глаголов всех 12 моделей и 1–3 примера глаголов-исключений. Преподаватель собирает карточки и перемешивает их. Учащиеся по цепочке тянут карточки.

Упражнение Б1.1. Составьте предложение с глаголами в форме 1 л. ед. ч. Ваш товарищ должен продолжить высказывание от 2 л., изменив содержание высказывания, следующий студент продолжит высказывание от третьего лица и т.д. Не забудьте о формах императива, будущего и прошедшего времени глаголов.

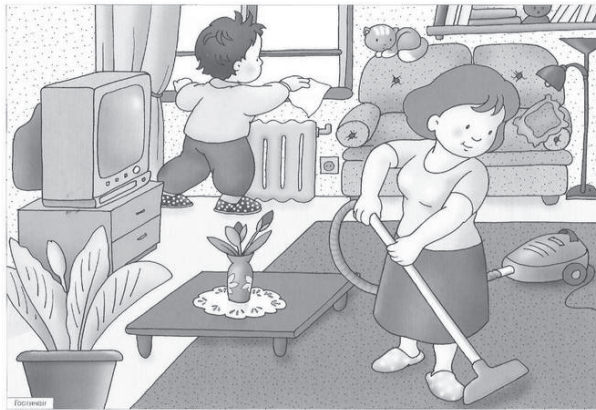
Образец: писать — Я пишу брату письмо. Ты пишешь синей или черной ручкой? Том пишет медленно. Мы пишем словарный диктант. Вы часто пишете письма домой? Студенты каждый день пишут в словарях новые слова. Пиши(те) правильно! Ты уже написал(а) упражнение? Когда ты будешь его писать?

взять — Завтра я возьму на урок ноутбук. Ты возьмешь во вторник фотографии своей семьи? Али возьмет ключ от аудитории. Мы возьмем завтра словари и тетради. Вы возьмете в столовой борщ или щи? Студенты возьмут в руки ручки и начнут писать диктант. Возьми(те), пожалуйста, ложку и вилку! Ты уже взял(а) учебник по русскому языку в библиотеке?

Задания, в которых используются наглядные материалы, популярны и эффективны, так как при их выполнении одновременно задействовано несколько каналов восприятия.

Упражнение Б1.2. Посмотрите на рисунок¹⁹. Прочитайте текст и продолжите его. Используйте глаголы и глагольные словосочетания: *сидеть, стоять, лежать, находиться, убирать, помогать, вытирать пыль, поливать цветы, пылесосить, смотреть, работать, отдыхать, готовить* и др. Перескажите текст: а) от имени Романа; б) от имени его папы; в) от имени мамы; г) от имени кота; д) от имени соседки, которая часто при-

¹⁹ [Online] <http://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/1//57/770/57770471_2.jpg> (13.07.2015).

ходит в гости.

Я школьник. Меня зовут Роман. Мне 12 лет. Я учусь в гимназии, поэтому все дни, кроме субботы и воскресенья, я хожу на занятия. Мы живем с родителями в большой квартире. В нашей семье все любят порядок и чистоту, поэтому в субботу я помогаю маме убирать дома.

Обычно утром вся семья встает рано. Папа уходит на работу, а мы с мамой ....

Упражнение Б1.3. Покажите фотографии (собственные рисунки, видео), на которых можно увидеть, как Вы проводите свой выходной день. Расскажите, чем Вы занимаетесь утром/днем/вечером, как Вы любите отдыхать в свободное время, кто приходит к Вам в гости, куда Вы уже ходили (пойдете в следующие выходные), где еще Вы хотели бы побывать, почему Вам нравится (не нравится) жить в общежитии.

Постарайтесь использовать максимальное количество следующих глаголов (глагольных словосочетаний): *жить, находиться, дружить, вставать/встать, чистить зубы, умываться/умыться, принимать/принять душ, одеваться/одеться, собираться/собраться, идти/пойти, ходить, приходиться/прийти, уходить/уйти, гулять, отдыхать, спать, помогать/помочь, убирать/убрать, заниматься, слушать/послушать, смотреть/посмотреть, готовить/приготовить, есть/съесть, посещать/посетить, беседовать/побеседовать.*

Следующее задание выполняется в ситуации реального общения.

Упражнение Б1.4. Составьте диалог на основе ситуации. Вы находитесь в кафе с другом/подругой и хотите заказать обед. 1. Расспросите у друга/подруги, какие блюда он/она хочет заказать. 2. Спросите у официанта, есть ли в наличии данные блюда. 3. Сделайте заказ. Используйте данные глаголы: *проходить / пройти, садиться / сесть, есть, пить, хотеть, любить, нравиться, заказывать / заказать, стоить, рассчитывать / рассчитать, благодарить / поблагодарить.*

Для данного упражнения преподаватель заранее готовит дома рисунки с надписями: «В общежитии», «Мои хобби», «Праздники в моей стране», «В кинотеатре», «Наша группа» и др. Предлагается игра в лотерею: учащиеся сами выбирают тему рассказа. Далее с опорой на план и уже известный лексико-грамматический материал иностранцы продуцируют собственное высказывание.

Представленный ниже текст является примером того, что может получиться в результате, но не предназначен для предъявления в качестве образца.

Упражнение Б2. Выберите себе тему рассказа. Составьте план и подготовьте рассказ для своих друзей.

Мои хобби

В детстве я рано научился (научилась) читать. Мне очень нравились книги. И одно время я мечтал(а) стать писателем, чтобы сочинять интересные книги для детей. Потом я хотел(а) стать учителем, потому что у нас в семье бабушка и мама всю жизнь работали учителями. Это такая нужная профессия – давать людям новые знания! Потом я начал(а) интересоваться спортом и одно время хотел(а) стать спортсменом (спортсменкой). Я даже стал(а) ходить на стадион и бегать там по вечерам. Но вскоре началась осень, на улице стало ветрено и сыро, а затем пришла зима... Когда я заболел(а) гриппом и лежал(а) в кровати с температурой, то подумал(а), что хочу стать врачом. Во-первых, врачом работает мой папа, а во-вторых, это так важно — спасти жизнь людям! Или это все-таки во-первых? Но я плохо себя чувствовал(а), когда видел(а) кровь, и поэтому решил(а) стать биологом. Я легко запоминал(а) информацию по биологии, однако химия была такой трудной! И я решил(а), что мне нужно стать журналистом. Почему? Журналист путешествует по разным странам и континентам. Чтобы не потеряться в этом огромном мире, я всерьез увлекся (увлеклась) географией. Когда журналист ездит по всему миру, он общается с разными людьми. Для того чтобы найти с ними общий язык, журналист должен знать психологию и владеть иностранными языками. Вот поэтому я здесь. Я приехал(а) сюда, чтобы изучать русский язык. Я не хочу останавливаться. Возможно, через несколько лет я поеду в Англию, во Францию или в Китай... Кто знает, какое у меня будет следующее хобби?

Безусловно, выбор оптимального варианта изучения глагольной системы русского языка зависит от специфики группы учащихся (их родного языка и (или) языка-посредника; временных рамок обучения, наличия или отсутствия русскоязычной речевой среды).

Несмотря на сложность организации русской глагольной системы, возможно продуктивное усвоение ее иностранцами при условии оптимизации преподавателем методов обучения с учетом особенностей аудитории.

Литература

- Аксенова М.П. *Русский язык по-новому*. В 3-х частях. Санкт-Петербург: Златоуст, 2001.
- Белякова Н.Н. *Как строится русский глагол? Особенности формообразования. Морфология, ударение*. 3-е изд., испр. Санкт-Петербург: Златоуст, 2006.
- Будай В.Г. *Алгоритм словоизменения русских глаголов. Настоящее (простое будущее) время. Учебно-методическое пособие по русскому языку как иностранному*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012.
- Будай В.Г. *Русский с алфавита: Практический курс русского языка. Учебное пособие для иностранных студентов, обучающихся на подготовительных факультетах высших учебных заведений*. Минск: Издательский центр Белорусского государственного университета, 2003.

- Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. 4-е изд. Ред. Г.А. Золотова. Москва: Русский язык, 2001.
- Вохмина Л.Л. *Хочешь говорить — говори. 300 упражнений по обучению устной речи*. Москва: Русский язык, 1993.
- Завгородний В.А. *Лингвистическое описание одной из классификаций русских глаголов по словоизменительным моделям*. «Вісник СумДУ. Серія Філологія» 2007, № 2, с. 124–128.
- Куринина Г.П. *Учим русские глаголы. Словарь-справочник для иностранцев*. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2000.
- Лебединский С.И. *Русский язык для иностранцев. Полный курс. Russian for Foreigners. Complete Cours. A1/A2. Базовый уровень владения языком*. Минск: Научный мир, 2013.
- Музыченко Н.Г. *Императив в практике преподавания русского языка как иностранного. [В:] Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Материалы VI Международной научно-практической конференции, 16–17 мая 2013г., г. Минск. Белорусский государственный университет*. Редколл.: С.И. Лебединский и др. Минск: Издательский центр Белорусского государственного университета, 2013, с. 87–90.
- Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку. Учебное пособие для высших учебных заведений*. Ред. И.П. Лысакова. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004.
- Слабухо О.А. *Проблема классификации моделей спряжения глаголов в методических целях обучения русскому языку как иностранному*. «Молодой ученый» 2015, № 12 (92), с. 962–965.
- Шустикова Т.В., Атабекова А.А. *Русские глаголы. Формы и контекстное употребление*. Москва: Флинта, Наука, 2008.
- Картинка, употребленная в статье [Online] <http://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/1/571770/57770471_2.jpg> (13.07.2015).

LITERATUROZNAWSTWO
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES

РИТМЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА
(СИМФОНИЯ ГОРОДСКОГО ДНЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА)

DANIEL BANASIAK

Akademia Obrony Narodowej, Studium Języków Obcych
Al. gen. A. Chruściela „Montera” 103, 00–910 Warszawa, Polska
e-mail: banasiakdaniel@gmail.com

(получено 15.06.2015; принято 28.10.2015)

Abstract

Rhythms of the big City

(*Symphony of the city's day* by Daniil Andreyev)

The article is devoted to the poem *Symphony of the city's day* (1950) by Daniil Andreyev. This literary work exhibits the motifs associated with the theme of the city, in particular work and holiday, civilization and utopia, sport and science, creativity and freedom, as well as spiritual, mental and physical human needs. An innovative synthesis of poetry and symphony music contributes to the presentation of the dynamics of the capital in its various aspects and symbolically expresses the religious, historical and philosophical worldview of the poet. There are the poet's views on the implementation of the master plan for the socialist reconstruction of Moscow (1935), and the feeling of an impending catastrophe along with the presentation of a metaphysical ideal. The similarity of the literary symphony to its classical prototype derives from the four parts' structure of Andreev's literary work, as well as from the tones, rhythms, tempos and semantics, adequate to the musical symphony.

Key words

Poetic symphony, poem, literary genetics, Daniil Andreyev, "Moscow text".

Abstrakt

Artykuł poświęcony jest poematowi Daniła Andriejewa *Symfonia dnia miejskiego* (1950). W analizowanym utworze pojawiają się motywy, związane z tematem miasta, szczególnie motyw pracy i świętowania, cywilizacji i utopii, sportu i nauki, twórczości i wolności, oraz duchowych, psychicznych i cielesnych potrzeb człowieka. Nowatorstwo syntezy gatunku poematu i muzycznej symfonii, jak też *novum* środków poetyckich sprzyjać ma takiemu przedstawieniu dynamiki stolicy w jej różnorodnych rejestrach, by symbolicznie wyrażała religijny, historyczny i filozoficzny światopogląd poety. W utworze prezentowane są bowiem poglądy pisarza zarówno na temat dokonujących się w radzieckiej stolicy zmian, związanych z planem socjalistycznej rekonstrukcji Moskwy (1935), jak i przecucia nadciągających katastrof oraz obrazy metafizycznego ideału. Podobieństwo symfonii literackiej do jej klasycznego prototypu zasadza się zarówno na czteroczęściowej kompozycji Andriejewowskiego utworu, jak też na tonacji, rytmach, tempie i semantyce, adekwatnych do symfonii muzycznej.

Słowa kluczowe

Symfonia poetycka, poemat, gatunek literacki, Danił Andriejew, „moskiewski tekst”

Ключевые слова

Поэтическая симфония, поэма, литературный жанр, Даниил Андреев, «московский текст».

Творчество Даниила Леонидовича Андреева (1906–1959) — поэта и философа во многом инспирировано философией и культурой Серебряного века, а также пропитано идеями символизма. Поэзия Серебряного века «стремилась к синтетичности, к слиянию различных элементов в единое целое, (...) опиралась на музыкальность...»¹. Андреев старался создать новые поэтические синтезы, насыщая свою поэзию разнообразными элементами из музыки. Синтетичность слова и музыки проявляется в *Русских богах* (1955, опубл. в 1993) на разных уровнях, начиная с фонетической организации поэтических текстов через лексические маркеры музыкальности (*какофония, звуки, гудки, сигналы, мелодии, свирели, напевы*) и ссылок на общеизвестные музыкальные произведения (опера Римского-Корсакова — *Сказание о невидимом граде Китеже*) до авторских решений в области жанра — симфонии².

Симфония городского дня была написана Даниилом Андреевым с 8 по 22 декабря 1950 года во Владимире (на Клязьме). В тюремных тетрадах автор отмечал три особенности своего произведения: во-первых, новизну технических

¹ Л.Ф. Луцевич. «Серебряный век» русской поэзии. Кишинев: Лумина, 1994, с. 25.

² Ср. с «Симфониями» А. Белого: А. Белый. *Сочинения в двух томах*. Т. 1. Москва: Издательство «Художественная литература», 1990, с. 10–12.

средств, во-вторых, новизну самого жанра, и, в-третьих, новаторство превращения образа города в «материал для всестороннего выражения своего мировоззрения, точнее — своей религиозно-историко-философской системы»³.

Произведение входит в состав «поэтического ансамбля» *Русские боги*, являющего собой уникальный художественный мир, в котором отражены основные события русской истории. Главной темой *Симфонии городского дня* является тема жизни огромного города. Автор описывает Москву 30–50-х годов XX века, создает образ «ометалличивающейся Москвы». Появляются различные мотивы, связанные с темой города, в частности: мотив труда, праздника, цивилизации, деятельности, учебы, спорта, науки, духа века, творчества, свободы, душевных, психических и телесных потребностей человека и проч. Москва «святых камней» из первой главы превращается здесь постепенно в «задуманный демоном град миродержца»⁴, в «тюрьму человека — творца и раба» (т. 1, с. 58).

Композиционно *Симфония городского дня* состоит из четырех частей (*Будничное утро, Великая реконструкция, Вечерняя идиллия, Прорыв*). Обратимся к жанру. Как известно, симфония — это один из самых сложных музыкальных жанров, высшая форма инструментальной музыки. Суть ее заключается в том, что с помощью звуковых образов в симфонии разыгрывается некое сюжетно-драматическое действие. Симфоническое звучание поражает своей насыщенностью: множество инструментов (от пятидесяти до ста), смешение различных тембров выражают такое звуковое богатство, которое вызывает в слушателе острую эмоциональную реакцию. Чаще всего классическая симфония состоит из четырех частей. Первая часть — сонатное аллегро в быстром темпе. Это самая драматичная часть, часто предваряемая коротким вступлением. Вторая часть — медленная, меланхоличная и лирическая, контрастирует с остальными частями по настроению и тональности (обычно в форме рондо). Третья часть — танцевальная (менуэт), живая, легкая по настроению, с характерными ритмическими и гармоническими оборотами (скерцо). Четвертая часть подытоживает главные темы произведения⁵. Симфония обычно сочетает контрастность частей с единством замысла, множество образов с цельностью. Музыкальная симфония нередко сравнивается с такими литературными жанрами, как героическая эпопея, лирическая поэма, трагедия, драма, роман. Видимо, желая передать динамику жизни столичного мегаполиса в различных, многообразных регистрах, Андреев и создал такой новаторский стихотворный жанр, как поэтическая, стихотворная симфония. Писатель входит таким образом в сферу нового культурного контекста, «опутывает» свой текст «сетью другой культуры». Музыкальный ориентир здесь может быть интерпретирован как разновидность интертекстуальности.

³ Б. Романов. *Вестник, или жизнь Даниила Андреева*. Москва: Феория, 2011, с. 428.

⁴ Д.Л. Андреев. *Русские боги*. [В:] Д.Л. Андреев. *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 1. Москва: Русский путь, 2006, с. 58. В дальнейшем сноски на этот источник даются в тексте в скобках.

⁵ Г. Риман. *Музыкальный словарь*. Перевод с нем. Б.П. Юргенсон. Москва: ДиректМедиа Паблишинг, 2008, с. 530.

Штамповщики,
вальцовщики,
модельщики,
шлифовщики,
Учетчики, разметчики, курьеры, повара,
Точильщики, лудильщики, раскройщики, формовщики.
(т. 1, с. 51–52)

Город, представленный автором, подобен гигантской, четко работающей машине, в которой человек является только малозначащим винтиком. Из-за высокого темпа, монотонности и механичности работы, направленной на борьбу за существование, души москвичей подобны пленникам («Безвольно опускается в поток необходимости / Борьбой существования плененная душа») (т. 1, с. 53).

В художественном мире андреевского текста присутствуют координаты реального мира. Это, например, обиходные названия московских заводов и фабрик («Шарикоподшипник, Трехгорный, Динамо, Фрезер, Компрессор, ЗИС»), вокзалов («Белорусский, Саратовский, Ржевский»), рынков («Рогожский, Центральный, Тишинский, Усачевский»). Эти реальные координаты, входя в художественный мир произведения, придают ему историческую и топографическую точность.

Вторая часть *Великая реконструкция*. Название и содержание этой части соотносятся с событиями, которые происходили на глазах Андреева:

В 1935 г. был принят Генеральный план социалистической реконструкции Москвы. По сути, он преследовал цель создать идеологический и градостроительный образ новой Москвы, превратив ее в столицу мировой утопии. Сущность перепланировки состояла в том, что большинство центральных улиц, веками создававших исторический ансамбль города, должны были исчезнуть. Старые улицы подвергались выпрямлению и значительному расширению за счет сноса «лишних» зданий. Многие старинные дома уничтожались или перестраивались до неузнаваемости, некоторые передвигались вглубь дворов, уступив место помпезным гигантам «сталинского ампира»⁷.

Лирический герой старается понять смысл «преобразований», в его понимании уничтожение материальной культуры равносильно уничтожению национальной истории, стиранию памяти. Начинается процесс утверждения антидуховности с культом Человекобога. В отличие от первой — динамической — части, вторая, более спокойная, начинается с лиро-эпических размышлений в форме октавы, включающей мерные трехсложные четырехстопные амфибрахий о «разрастании города»:

В своем разрастании город неволен:
Им волит тот Гений, что вел в старину
Сквозь бронзовый гул шестисот колоколен
К Последнему Риму — Москву и страну.
Но праздничный гул мирового призванья
Нечаянным отзывом эхо будил

⁷ Е. Лебедева. *Красное солнце*. [Online] <<http://www.pravoslavie.ru/arhiv/050711121745.htm>> (27.10.2015).

В подземных пустотах и напластованьях,
В глубинном жилье богоборственных сил.

(т. 1, с. 53)

В результате реконструкции вместо храма Христа Спасителя остается лишь гладь асфальта:

И там, где сверкали вчера панагии
И глас «Аллилуйя!» сердца отмыкал —
Асфальтовой глади пространства нагие
Сверкают иллюзией черных зеркал.

(т. 1, с. 54)

С одной стороны, Москва издавна следует своему призванию быть Последним Римом и хранилищем истинного Православия, с другой, она подвергается страшному искушению силами адскими, демоническими — «богоборственными». Борьба этих двух тенденций обуславливает разнородность, разностильность городской архитектуры, воплощающей соответственно идее, с одной стороны, «великой», а с другой — «страшной» страны.

Давно уж двоящимся раем
Влеком созидающий дух:
Он яростью обуреваем,
Борим инспирацией двух.

Враждующим волям покорны,
В твореньях переплетены,
Мечты отливаются в формы
Великой и страшной страны.

(т. 1, с. 55)

Лирический герой, вспоминая старый столичный град с его мирными улицами, сравнивает его с современной ему Москвой, где покой «прогулочных» улиц сменился эстакадами машин. Это не только выражение сентиментальной тоски по ушедшим в прошлое улочкам, но и неприятие нового порядка жизни, новых идей, уничтожающих человеческую духовность.

Стихий пробуждаемых крепнет борьба там,
Круша и ломая старинный покой
По милым Остоженкам, мирным Арбатам,
Кривоколенным и старой Тверской.

(т. 1, с. 54)

Строительство новых зданий в историческом центре Москвы воспринимается как нашествие экзотических животных. Экскаваторы подобны мамонтам или слонам, подземные краны — динозаврам и змеям:

На дне котлованов, под солнцем и ливнем,
Вращаясь по графику четких секунд,
Живых экскаваторов черные бивни,
Жуя челюстями, вгрызаются в грунт.

Толпой динозавров подъемные краны
Кивают змеиными шеями вдаль,
И взору привычному больше не странны
Их мыслящий ход, их разумная сталь.

(т. 1, с. 54)

Разумом лирический герой понимает необходимость обновления, но его нравственное чувство противится этому. Рядом с милым сердцу хаосом древних трущоб и урочищ, рядом со старинными московскими особняками возникают гигантские здания как символ наступления новой эпохи.

Над хаосом древних трущоб и урочищ,
Над особняками —
    векам напоказ
Уж высится — явью свершенных пророчеств —
Гигантских ансамблей ажурный каркас.

(т. 1, с. 54)

Создатели старой Москвы — «застрельщики, мученики, энтузиасты» выполнили свою высокую историческую роль. Новая эпоха формирует новых — сверхмощных — людей «с чугунными умами», с «урановой волей».

Застрельщиков,
    мучеников,
        энтузиастов
Доиграна высокопарная роль:
Эпоха — арена тяжелых, как заступ,
Чугунных умов,
    урановых воль.

(т. 1, с. 55)

Новая архитектура не воспринимается лирическим героем как искусство; он считает, что красота и гигантизм несовместимы.

Не влить нам в сосуд гигантизма
Утраченную красоту.

(т. 1, с. 55)

Подражание американскому архитектурному гигантизму — свидетельство исторического бессилия, «бесплодия» так называемого «нового искусства».

Америки поздней колоссы
Диктуют домам силуэт.
Эклектика арок и лоджий,
Снижающийся габарит
О скрытом, подспудном бесплодии
Намеками форм говорит.

(т. 1, с. 56)

Значительное место в тексте занимает мотив труда, работы. Андреев зафиксировал новый оттенок мотива труда: люди на работе «неистовствуют, состязаются».

ются». В целом все, что происходит в Москве, в стране, породило в умах людей полную неразбериху:

Смешав правду
с нагой ложью,
зерно знания
с трухой догмы.
(т. 1, с. 57)

Наука нацелена на изучение ядерной энергии, чтобы промышленность могла перестроиться на производство ядерного оружия, которое будет готово «в непредугаданный час обрушиться на Рим, Нью-Йорк или Тегеран».

А по глубинным ядохранилищам, по засекреченным
лабораториям
Бомбардируются ядра тория, в котлы закладывается уран,
Чтобы светилом мильоноградусным — звездой-полынью
метаистории —
В непредугаданный час обрушиться на Рим, Нью-Йорк
или Тегеран.
(т. 1, с. 57)

Лирический герой уже предчувствует распространение зла из новой, преобразованной, искаженной Москвы, которое вскоре поразит весь народ. Но пока он сосредоточен на жизни большого города.

В третьей части *Вечерняя идиллия* точно обозначено время — конец рабочего дня:

Шесть! —
Приутихают конторы.
К лифтам, трамваям, метро — напролом!
(т. 1, с. 59)

В музыкальной симфонии третья часть обычно танцевальная, живая, легкая по настроению. Изначально идиллия — это музыкальный термин (буквально *песенный лад*), означавший «картинка» или «песенка»; в литературе это небольшое стихотворение, представляющее сценку, действующими лицами которых были пастухи, крестьяне, низшие слои городского населения. В соответствии с этим, поэт обращается к теме вечерних развлечений (использует разноstopные стихи) простых горожан после напряженного трудового дня.

Вечер! развлекай нас! весели!
взвей!
брызнь!
(т. 1, с. 63)

Ритм изменился. Идиллия написана в легкой, танцевальной тональности. Поэт создает образ развлекающейся Москвы на «бирюзовом», «розовеющем», «оранжевом», «пурпурном», «малиновом» фоне. В этой феерии цветов молодые люди — «юноши с квадратными плечами гладиаторов / девушки хохочущие» — шутят, играют. Плясовой темп третьей части задает цветовую пестроту:

Отблески и зайчики
по майкам
рябят.
(т. 1, с. 60)

Множатся мотивы легких разговоров, веселья, забавы, потехи, удовольствия:

Пестрят вскрики,
бегут пятки,
спешат руки
забыть тяжесть,
С плотвой шустрой
играть в прятки,
дробить струи
и бег волн.
В тени парков
зажглись игры.
Как мед, сладки
в кафе морсы.
(т. 1, с. 60)

Используются глаголы, придающие динамизм и движение, повторяемость: «Прядают, соседствуют, несутся, возвращаются, / Мечутся, засасываясь в омут бытия».

Особым развлечением рабочей молодежи был спорт:

И бьет в сетку
баскет-бола
с сухим шарком
смешной мяч,
Гудут икры,
горят щеки,
зудят плечи,
блестят торсы:
То — бес спорта,
живой, юркий,
всю кровь в жилах
погнал вскачь
(т. 1, с. 61)

Постоянный рефрен: «Кружатся, вращаются, вращаются, вращаются» ассоциируется со стихотворением Даниила Андреева *Вальс на заре* (1950) из цикла *Вехи спуска*, главной темой которого является танец и празднование по поводу окончания лирическим героем школы. Стихотворение переполнено радостным, бодрым настроением, верой в радостное будущее:

Здравствуй, грядущее! К радости, к мужеству
Слышим твой плещущий зов!
Кружится, кружится, кружится, кружится

Медленный вихрь лепестков.
(т. 2, с. 468)

Казалось бы, эта легкая вечерняя идиллия примиряет лирического героя с ритмом, жизнью и устремлениями современной Москвы, однако последние стихи возвращают его к проблемам, которые волнуют его душу:

И кажется — в блаженстве идиллии вечерней,
Что с этим гордым знаменем — все беды хороши,
И вычеркнута начисто из памяти неверной

Тоскующая правда
ночной
души.
(т. 1, с. 63)

Четвертая часть *Прорыв* также дает точное время — 22.00.

В знак
Гончих
Вполз
месяц.

День
кончен
Бьет
десять.
(т. 1, с. 64)

Последняя часть музыкальной симфонии нередко имеет сонатную форму, где повторяются основные настроения, темы и тональности (динамичная, замедленная, сложный финал). Поэтому в начале четвертой части поэт достаточно динамично представил развлечения, но уже более элитной, изысканной публики, которая бывает в концертных залах, в театрах, в опере, в барах и ресторанах:

Мерно...
    льют вальсы...
        ритм плавный...
            и нежный...
Плавно...
    все пары...
        ток пламенный...
            мчит:
Жаркий!
    пульс танца!
        тмит разум!
            бьет в жилах.
(т. 1, с. 67)

Но внезапно в полночь, после боя башенных часов, как в волшебной сказке, все меняется: вместо безудержного веселья появляется страх:

Бьет
 полночь:
 Звон
 с башни.

Круг
 полон...

Друг!
 Страшно!

(т. 1, с. 67)

Изменилась тональность. Появились неожиданные риторические вопросы, несущие трагические предчувствия:

Этих кровавых светил пятизвездье
 Видишь?
 Эти глухие предзвучья возмездья
 Чуешь?

(т. 1, с. 68)

Дальнейшее движение времени: «Ночь правит. Бьет два» разворачивает перед лирическим героем грандиозные «космические» образы и «звучания». У него открылся богоданный «слух», позволяющий ему осознать иную, мифологическую, «нематериальную столицу России».

Слышу дыханье иного собора,
 Лестницу невоплощаемых братств,
 Брезжущую для духовного взора
 И недоступную для святотатств; (...)

Чую звучанье служений всемирных,
 Молнией их рассекающий свет,
 Где единятся в акафистах лирных
 Духи народов и души планет; (...)

Чую звучанье нездешних содружеств,
 Гром колесниц, затмевающих ум, —
 Благоговенье, и трепет, и ужас,
 Радость, вторгающуюся, как самум!..

(т. 1, с. 69)

Образ иного — духовного — града, созданного «видением» поэта, наполнен гармонией, где доминантными являются идеи братства, единения, содружества.

Кульминацией здесь является признание лирического героя в богосыновстве, которое является для него наивысшим благом, неподвластное ничему — ни страху, ни силе, ни все разрушающей повседневной суете:

Пусть же назавтра судьба меня кинет
 Вновь под стопу суеты, в забвенье, —
 Богосыновства никто не отнимет
 И не развеет бессмертье мое!

(т. 1, с. 69)

Лирический герой обладает непоколебимой стержневой идеей, поэтому он, несмотря на присущие ему человеческие качества — «усталость, робость, страх», готов к битве с Человекобогом. Этот образ Андреева связан не столько с идеей нищеанского индивида — Сверхчеловека, сколько с идеей некоего абстрактного «коллектива», мыслимого в новом тоталитарном государстве в качестве высшей человеческой «ценности и святости», в качестве единственного известного людям Бога.

Смежив ресницы, в ритме строгом,
Изгнав усталость, робость, страх,
Длить битву с Человекобогом
В последних — в творческих мирах.

(т. 1, с. 68)

Не имея возможности вести открытую борьбу с наступающим на Москву *inferno*, лирический герой уповает на единственное доступное для него средство — творчество. Отсюда оптимистическая триумфальность последних стихов четвертой части *Прорыв* и *Симфонии* в целом:

Слава тебе, материнская Ночь!
Вам, лучезарные, с белыми гривами,
Кони стиха, уносящие прочь!

(т. 1, с. 68)

Итак, мы старались показать своеобразие того уникального литературного жанра — поэтической симфонии, который был создан Андреевым. Жанр, во многом ориентированный на законы музыкального текста, дал возможность поэту передать динамику жизни мегаполиса в его разнообразных регистрах, выразить отношение к происходящим преобразованиям, передать предчувствия грядущих катастроф, наметить черты ирреального идеала, определить свою личную человеческую и творческую позицию. Осознавая богатые возможности открытого им жанра, поэт использовал его также в главе тринадцатой и намеревался обратиться еще раз к поэтической симфонии в заключительной — двадцатой, главе произведения, для которой было придумано название *Солнечная симфония*. По замыслу автора, эта «Заключительная Симфония должна была выводить за национальные пределы во Всечеловеческое Братство, Всемирную Церковь» (т. 1, с. 445), то есть содержала самые дорогие и значимые для поэта идеи.

«Московский текст» представлен Андреевым не только в его архитектурных топосах и локусах, но и в музыкальных ритмах. *Симфонию городского дня*, где автор создал образ «ометалличивающейся» Москвы пятидесятых годов XX века, мы рассмотрели с учетом характерных особенностей, присущих не только литературному, но и музыкальному жанру. Мы обратили внимание на четырехчастную композицию произведения, на тональность, ритмы и темпы каждой из частей и пришли к выводу, что семантика музыкальной симфонии адекватна семантике художественного мира, который воссоздан в литературном тексте.

Литература

- Андреев Д.Л. *Русские боги*. [В:] Д.Л. Андреев. *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 1–2. Москва: Русский путь, 2006.
- Белый А. *Сочинения в двух томах*. Т. 1. Москва: Издательство «Художественная литература», 1990.
- Дашевская О.А. *Жизнестроительный проект Даниила Андреева*. [В:] Даниил Андреев. *Pro et contra. Личность и творчество Д.Л. Андреева в оценке публицистов и исследователей*. Ред. Г.Г. Садилов-Лансере. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010, с. 78–102.
- Лебедева Е. *Красное солнце*. [Online] <<http://www.pravoslavie.ru/arhiv/050711121745.htm>> (27.10.2015).
- Луцевич Л.Ф. «Серебряный век» русской поэзии. Кишинев: Лумина, 1994.
- Риман Г. *Музыкальный словарь*. Перевод с нем. Б.П. Юргенсон. Москва: ДиректМедиа Паблшинг, 2008.
- Романов Б. *Вестник, или жизнь Даниила Андреева*. Москва: Феория, 2011.

RECEPCJA HEGLIZMU W ROSJI NA PRZEŁOMIE LAT
TRZYDZIESTYCH I CZTERDZIESTYCH XIX WIEKU
(WISSARION BIELIŃSKI, ALEKSANDER HERCEN,
IWAN TURGIENIEW)

PIOTR KOPROWSKI

Uniwersytet Gdański

Wydział Historyczny, Instytut Historii, Zakład Historii Myśli i Kultury Politycznej
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska

e-mail: hispko@univ.gda.pl

(nadesłano 1.08.2015; zaakceptowano 22.09.2015)

Abstract

**Reception of the concept of Hegel in Russia on the turn
of the thirties and forties of the nineteenth century
(Vissarion Belinsky, Alexander Herzen, Ivan Turgenev)**

In the article the specificity of the reception of the concepts of Hegel in Russia at the turn of the 30s and 40s of the 19th century is introduced. Special attention is paid to ideological and socio-moral dilemmas of Vissarion Belinsky, Alexander Herzen and Ivan Turgenev, for them being representative Russian Hegelians in this period. That reception proves the Russians' fascination for not only theoretical structures of Hegel, but also their versatile scope and the terminological usefulness. Equally important is also some specific adequateness of this philosophy to Russian reality. When it turned out that this observation could not be held, Russian thinkers „turned themselves away” from Hegel. They started to criticize the philosophy of Hegel on the ground of its „detachment from reality”.

Key words

Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Vissarion Belinsky, Alexander Herzen, Ivan Turge-
nev, philosophy of Hegel, “unnecessary people”, “reconciliation with reality”, reception
of the concept of Hegel.

Abstrakt

W artykule przybliżono specyfikę recepcji heglizmu w Rosji na przełomie lat trzydzie-
stych i czterdziestych XIX wieku, przedstawiono dylematy ideowe i społeczno-mo-
ralne Wissariona Bielińskiego, Aleksandra Hercena i Iwana Turgieniewa, będących
w tym okresie reprezentatywnymi rosyjskimi heglistami. Recepcja ta jest świadectwem
fascynacji Rosjan nie tylko konstrukcjami teoretycznymi Hegla, ich wszechstronnym
zakresem oraz przydatnością terminologiczną. Niemniej ważna jest też swoista współ-
mierność tej filozofii z realną rosyjską rzeczywistością. Kiedy okazało się, że konsta-
tacja ta nie może być utrzymana, rosyjscy myśliciele przestali hołubić Hegla. Zaczęli
krytykować heglizm jako filozofię „oderwania od rzeczywistości”.

Słowa kluczowe

Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Wissarion Bieliński, Aleksander Hercen, Iwan Tur-
gieniew, heglizm, „zbędni ludzie”, „pojednanie z rzeczywistością”, recepcja heglizmu.

Dziewiętnastowieczna myśl rosyjska rozwijała się pod wpływem najważniejszych
kierunków, idei i postaci filozofii zachodnioeuropejskiej. Nie było to jednak oddzia-
ływanie o charakterze biernym. Najczęściej przybierało ono postać inspiracji, zazwy-
czaj prowadzącej do twórczych rezultatów, do interesującej kontynuacji źródeł. Rosyj-
scy myśliciele uchwycili intelektualnie i wyrazili najistotniejsze problemy, dylematy,
sprzeczności i konsekwencje zachodnich projektów ideowych, nie zawsze wyraźnie
dostrzegalnych i artykułowanych „od wewnątrz”, z perspektywy filozoficznej Zachodu.
Nadawało to rozważaniom Rosjan, niezależnie od faktu braku zakorzenienia w nie-
których myślowych tradycjach europejskich, niewątpliwą oryginalność, swoistość,
głębnię i połot. Do grona filozofów zachodnich, którzy odegrali niezwykle ważną rolę
w rozwoju myśli rosyjskiej, należał m.in. Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Zamiarem
piszącego te słowa jest przybliżenie specyfiki recepcji heglizmu na gruncie rosyjskim
na przełomie lat trzydziestych i czterdziestych XIX wieku, prezentacja dylematów ide-

owych i społeczno-moralnych Wissariona Bielińskiego, Aleksandra Hercena i Iwana Turgieniewa, będących w tym okresie reprezentatywnymi rosyjskimi heglistami.

Początki heglizmu w Rosji wiążą się z działalnością kółka młodzieży moskiewskiej poety i myśliciela Mikołaja Stankiewicza, przypadającą na lata 1832–1840¹, a zwłaszcza z poszukiwaniami intelektualnymi m.in. takich postaci, jak Bieliński, Hercen i Turgieniew. Na przełomie lat 30 i 40 XIX wieku dzieła Hegla, przede wszystkim *Fenomenologię ducha*, *Naukę logiki*, *Encyklopedię nauk filozoficznych*, *Zasady filozofii prawa* „omawiano [wówczas w Rosji — P.K.] bez przerwy; nie [było — P.K.], zdaniem Hercena, takiego [w nich — P.K.] paragrafu (...), którego by nie opanowano po zawziętych sporach trwających nieraz kilka nocy. Ludzie najbardziej zaprzyjaźnieni nie rozmawiali ze sobą całymi tygodniami, posprzeczawszy się o określenie „przerostu ducha”, uważali za zniewagę poglądy dotyczące „absolutnej osobowości i jej bytu samoistnego”. Sprowadzano wszystkie najbłahsze nawet broszury wychodzące w Berlinie i innych gubernialnych i powiatowych miastach filozofii niemieckiej, jeśli tylko wspomniano w nich o Heglu; zaczytywano się nimi do tego stopnia, że już po kilku dniach były podarte, poplamione i wylatywały z nich kartki.”² Heglizm był ważnym, inspirującym czynnikiem rosyjskiego życia intelektualnego. Oprócz recepcji „poważnej” miał w Rosji szeroką recepcję „popularną”. Niektóre, „wyrwane” z dzieł Hegla pojęcia i zwroty znane były nawet mieszkańcom prowincjonalnych szlacheckich dworów³. Warto pokrótce przybliżyć zatem myśl Hegla. W jego systemie filozoficznym znalazły swoje miejsce różne aspekty świata i życia ludzkiego. Niemiecki filozof wziął za punkt wyjścia swoich rozważań pojęcie bytu. Z niego — za pomocą metody dialektycznej — wyprowadzał stopniowo pozostałe pojęcia. Metoda ta polegała na przechodzeniu od danej tezy do jej przeciwieństwa, a następnie od nich razem do wyższego stanowiska, to znaczy do ich syntezy. Hegel głosił teorię dialektycznego charakteru historii ludzkości. Świat rozwija się, według niego, trójrytmem (teza — antyteza — synteza). W owej triadzie wszystkie etapy rozwoju są jednakowo ważne, ponieważ każda postać bytu jest koniecznym ogniwem rozwoju. Charakter dialektyczny ma zarówno rozwój świata, jak i proces myślowy. Myśl zatem, aby się rozwijać, nie może unikać sprzeczności.

Proces historyczny polega, zdaniem Hegla, na stopniowym dążeniu do wolności. Wolność sprowadza się do uznania faktycznych konieczności historycznych. Według filozofa, na każdym etapie historia zachowuje i zarazem znosi wszystkie etapy poprzednie. Celem historii, przechodzącej przez różnorakie etapy kulturowe, jest przewyciężenie wszystkich różnic oraz wytworzenie stanu racjonalnego ładu. Powstanie on wówczas, gdy zapanuje duch absolutny. Poznając tegoż ducha, świadomość ludzka

¹ P. Koprowski. *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgieniewa*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 80–88; I. Turgieniew. *Rudin*. Przeł. J. Dmochowska. Warszawa: Współpraca, 1985, s. 83; *Поэты кружка Н.В. Станкевича*. Н.В. Станкевич, В.И. Красов, К.С. Аксаков, М.П. Ключников. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания С.И. Машиноского*. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Москва — Ленинград: Советский писатель, 1964.

² A. Hercen. *Rzeczy minione i rozmyślenia*. T. 2. Przeł. E. i W. Słobodnikowie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1952, s. 120.

³ B. Jakovenko. *Geschichte des Hegelianismus in Russland*. Praha: J. Bartl, 1938; A. Walicki. *Rosyjskie słowianofilstwo a filozofia heglowska*. „Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej” 1962. T. 8, s. 53–54.

przechodzi do coraz wyższych i doskonalszych faz rozwojowych. Dzieje świata to dzieje rozwoju ducha. Warto dodać, że zdaniem Hegla proces historyczny osiągnął swój ostateczny cel we współczesnej mu monarchii pruskiej⁴.

W drugiej połowie lat trzydziestych namiętymi czytelnikami dzieł niemieckiego filozofa byli również ci poszukujący pola dla własnej działalności inteligencji rosyjscy, których określano mianem „zbędnych ludzi” lub „ludźmi lat czterdziestych”⁵. Umysły tych młodych osób przyciągał wówczas uniwersalizm myśli Hegla. Można było bez przeszkód zaadaptować ją na grunt rosyjski. Filozofii heglowskiej dodawała również atrakcyjności jej wewnętrzna spójność i konsekwencja. Hegel ofiarował swoim czytelnikom całkowitą pewność w odniesieniu do losów świata. W swoich dziełach pisał o rozwoju świata, zakładał jego postępowość. Rozumowanie wybitnego Niemca, niemające nic wspólnego z programem działania przydatnym dla rewolucjonistów, odpowiadało dążeniu „ludzi lat czterdziestych” do ewolucyjnych, rozłożonych w czasie zmian społeczno-gospodarczych i politycznych. Generacja ta pragnęła wziąć aktywny udział w przekształcaniu rosyjskiej rzeczywistości, chciała podjąć czyn. Hegel patronował jej zamiarom. Stworzony przez niego system filozoficzny był „objawieniem (...) indywidualistycznego sposobu myślenia i działania, który (...) pcha Europejczyka

⁴ Na temat systemu filozoficznego Hegla zob. m.in. G.W.F. Hegel. *Encyklopedia nauk filozoficznych*. Przeł. z niem., wstępem i komentarzem opatrzył S.F. Nowicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990; G.W.F. Hegel. *Fenomenologia ducha*. T. 1–2. Przeł., wstępem i objaśnieniami opatrzył A. Landman. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1953–1965; G.W.F. Hegel. *Wykłady o estetyce*. T. 1–3. Przekład J. Grabowskiego i A. Landmana. Objasnieniami opatrzył A. Landman. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964–1967; G.W.F. Hegel. *Wykłady z filozofii dziejów*. T. 1–2. Przekład J. Grabowskiego, A. Landmana. Wstępem poprzedził T. Kroński. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958; G.W.F. Hegel. *Wykłady z historii filozofii*. T. 1. Przeł. z niem., wstępem i komentarzem opatrzył S.F. Nowicki. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994.

Z bogatej literatury poświęconej Heglowi i jego filozofii wymienić można m.in.: Z. Kuderowicz. *Hegel i jego uczniowie*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1984; T. Kroński. *Hegel*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1961; T. Kroński. *Problem zła moralnego w heglowskiej filozofii dziejów*. „Mysł Filozoficzna” 1957, nr 1, s. 24–54; T. Kroński. *Hegel i problemy filozofii historii*. „Studia Filozoficzne” 1958, nr 3, s. 42–75; C.J. Gulian. *Hegel czyli filozofia kryzysu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974; S. Kowalczyk. *Koncepcja absolutu w pismach Hegla*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1991; J. Tischner. *Spowiedź rewolucjonisty. Czytając „Fenomenologię ducha” Hegla*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 1993; I. Berlin. *Karol Marks. Jego życie i środowisko*. Z ang. przeł. W. Orliński. Warszawa: Wydawnictwo Książka i Wiedza, 1999.

⁵ Na temat źródeł pojawienia się w Rosji w pierwszej połowie XIX wieku „zbędnych ludzi” i ich dylematów zob. m.in. A. Walicki. *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964; K. Chojnacka. *Rodowód literacki inteligencji rosyjskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992; W.B. Lincoln. *Mikołaj I*. Przeł. H. Krzeczkowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988; A. Лаврецкий. *Лишние люди*. [W:] *Литературная энциклопедия*. T. 6. Москва: Советская энциклопедия, 1932, s. 514–540; P. Koprowski. „Zbędni ludzie”. *W kręgu procesów indywidualizacji inteligencji rosyjskiej w XIX wieku*. [W:] *Historia — mentalność — tożsamość. Rosja i Europa Zachodnia w polskiej i ukraińskiej historiografii XIX i XX wieku*. Red. E. Koko, M. Nowak i L. Zaszkiłniak. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, s. 407–429.

do afirmowania swojej osoby, swego ja we wszystkich dziedzinach życia, nieustannie nawołując go do czynu”⁶.

Heglizm interpretowano jednak nie tylko jako filozofię czynu. Znaczna część „zbędnych ludzi”, wyobcowana z realnego świata, wroga państwu, zamknięta we własnym gronie i ograniczająca się do kontaktów między sobą, była przekonana, że ów system filozoficzny jest dla niej drogą powrotu do rzeczywistości. Dla reprezentantów tej generacji „heglizm był przede wszystkim filozofią reintegracji”⁷. Odbudowa kontaktu z rzeczywistością nie należała już do zadań trudnych. Wystarczyło bowiem „pojednać się” z realnym „tu i teraz”, reszty miały dokonać obiektywne prawa rozwoju historii. Tak wyglądało to od strony teoretycznej. Należało jeszcze obrócić teorię w praktykę.

Część „zbędnych ludzi” zaczęła zatem głosić „pojednanie z rzeczywistością”. Charakterystyczna jest pod tym względem postać Wissariona Bielińskiego. Po zapoznaniu się w 1837 roku z systemem filozoficznym Hegla, krytyk literacki uznał za własną maksymę wybitnego Niemca, mówiącą, iż „wszystko, co istnieje, jest konieczne, rozumne i rzeczywiste”. Odsunął na bok własną „subiektywność” i zaczął uzasadniać „rozumność” i „konieczność” istniejącego stanu rzeczy. Ukorzył się przed historią, uznając i podkreślając, że „wolność nie jest samowolą, ale zgodnością z prawami konieczności”⁸. „Rozumną rzeczywistość” przypisywał tylko takim zjawiskom życia społecznego, które biorą swój początek w odległych czasach i są wynikiem żywiołowego, naturalnego procesu, wolnego od ingerencji racjonalistycznych teorii. Z niechęcią, a nawet z pogardą wypowiadał się o ludziach, którzy pragnęli zmienić realną rzeczywistość, narzucić jej swą subiektywną wolę, postawić na swoim w imię rzekomego rozsądku, niedającego się pogodzić z „rozumną koniecznością”. Stał się apologetą praktycznej filozofii życiowej, „zwyczajności”, „prostoty i normalności”. „Do diabła z marzeniami! Dobre jest to — twierdził Bieliński — co znajduje się pod nosem, czego można dosięgnąć ręką”⁹.

W okresie „pojednania z rzeczywistością”, przypadającym na lata 1837–1840, „szalony Wissarion” dążył do osiągnięcia spokoju i harmonii duchowej, oddając się studiom oraz rozmyśleniom religijnym. Podkreślał, że Bóg stworzył wielki, piękny, racjonalny świat. Twierdził, że człowiek nie powinien upatrywać własnego szczęścia w zaszczytach i ciągłej pogoni za bogactwem. Warunkiem do osiągnięcia prawdziwego szczęścia jest bowiem, zdaniem myśliciela, postępowanie zgodne z zasadami miłości i braterstwa. Miłość napełnia „duszę człowieka niewypowiedzianą i nieskończoną szczęśliwością”, pomaga mu znosić chwile smutku i cierpienia. Człowiek powinien

⁶ M. Zdziechowski. *U opoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich*. Lwów: Gubrynowicz i Syn, 1912, s. 164.

⁷ A. Walicki. *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973, s. 175.

⁸ В.Г. Белинский. *Полное собрание сочинений*. В 13 томах. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. Zob. tegoż: t. 3, s. 413; t. 11, s. 219.

W terminologii Bielińskiego „subiektywizm” oznaczał przede wszystkim protest jednostki przeciwko istniejącej, „obiektywnej” rzeczywistości społecznej.

⁹ A. Walicki. *W kręgu konserwatywnej utopii...*, s. 300; В.Г. Белинский. *Полное собрание...* Т. 11, s. 258.

także dążyć do poznania, zgłębienia najwyższych, ewangelicznych prawd. Dzięki temu stanie się prawdziwym chrześcijaninem, zachowującym spokój i wewnętrzną równowagę, przyjmującym wszystko bez emocji i z umiarem, nieobawiającym się prześladowań i śmierci, umiejącym, podobnie jak apostołowie, bronić idei Chrystusa w obliczu „królów i sędziów”, używających często „ognia i miecza”. „Poznanie ewangelicznej prawdy” dane jest człowiekowi, według Bielińskiego: „nie poprzez zimny i ograniczony rozsądek (...), ale poprzez łaskę, którą Duch Boży natchnął swoje słabe stworzenie, aby przyłączyć je do swojego wiecznego życia. (...) Tylko temu, kto zakosztował nieśmiertelnego chleba prawdy Bożej, kto wyrzekał się samego siebie (...) kto pogrążył się w istotę Bóstwa, aż do ztratę swojej osobowości, którą dobrowolnie składał Bogu w ofierze”¹⁰.

Na początku 1841 roku krytyk odrzucił „filozofię pojednania”. Na decyzję tę wpłynęło w pewnym stopniu jego przeniesienie się w 1839 roku z Moskwy do Petersburga, będącego miastem ostrych kontrastów społecznych: bogactwa, „przepychu, karet zaprzężonych w trójkę koni, balów, przyjęć” z jednej, a „nędzy, ciemnych zakamarków, odrapanych, wilgotnych murów (...), ciasnych podwórek” z drugiej strony. „Petersburg (...) otworzył mu oczy na „wspaniałą rosyjską rzeczywistość”¹¹. Przemyślenia odnoszące się do tej materii Bieliński zawarł w liście do Wasyla Botkina z marca 1841 roku:

Dziękuję uniżenie, Jegorze Fiedoryczu¹², chyłę czoła przed pańskim filozoficznym kołpakiem, ale z całym należnym pańskiemu filozoficznemu filisterstwu szacunkiem mam zaszczyt donieść panu, że gdyby nawet udało mi się wspiąć na najwyższy szczybel drabiny rozwoju, to i tam poprosiłbym pana o zdanie mi sprawy ze wszystkich ofiar warunków życia i historii, ze wszystkich ofiar przypadku, zabobonów, inkwizycji, Filipa II itp., itd.; w przeciwnym wypadku z owego najwyższego szczybla rzucam się głową w dół. Nie chcę szczęścia nawet za darmo, jeśli nie będę spokojny o los każdego z moich braci, krew z krwi mojej, kość z kości mojej. Powiadają, że dysharmonia jest warunkiem harmonii: być może jest to pożyteczne i przyjemne dla melomanów, ale z pewnością nie dla tych ludzi, którym przypadło w udziale przez los swój wyrazić ideę dysharmonii¹³.

Myśliciel zerwał z „pojednaniem” w imię troski o jednostkę ludzką. Zbuntował się przeciwko historiozofii uświęcającej istniejące zło, przywiązującej nadmierną wagę do rzekomej „rozumności” procesu historycznego, zapominającej o cierpieniach „szarego” człowieka. Przez krótki okres czasu był pełen uznania dla dokonań rosyjskiej władzy, wierzył, że nada ona Rosji wolność. Swoim konformistycznym poglądom w okresie „pojednania z rzeczywistością” dał wyraz przede wszystkim w artykułach

¹⁰ В.Г. Белинский. Полное собрание... Т. 3, s. 77–78; Т. 11, s. 151.

¹¹ W. Śliwowska. *Mikołaj I i jego czasy (1825–1855)*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1965, s. 155–156. Szerzej o życiu codziennym mieszkańców Petersburga w pierwszej połowie XIX wieku zob. M. Wilk. *Petersburg. Stara i nowa historia*. Łódź: Wyższa Szkoła Studiów Międzynarodowych, 2003, s. 111–130; B. Jegorow. *Oblicza Rosji. Szkice z historii kultury rosyjskiej*. Przeł. D. i B. Żyłkowie. Gdańsk: Słowo/Obraz/Terytoria, 2002; L. Bazyłow. *Historia nowożytnej kultury rosyjskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986; L. Bazyłow. *Spółczesność rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973.

¹² Jegor Fiedorycz to umowne imię nadawane Hegłowi w kółku Mikołaja Stankiewicza.

¹³ W. Bieliński. *Pisma filozoficzne*. T. 1. Przeł. W. Anisimow-Bieńkowska. Przekład przejrzał, wstępem i przypisami opatrzył A. Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956, s. 305.

recenzyjnych o wydawnictwach poświęconych rocznicy bitwy pod Borodino. Był to tylko krótkotrwały epizod w jego twórczości. Bieliński wkrótce po napisaniu artykułu o bitwie pod Borodino, w którym została wyrażona pochwała rosyjskiego ustroju społeczno-politycznego, zaczął wstydzić się takich treści¹⁴. Uświadomił sobie, że nie można „pojednać się” z rzeczywistością mikołajowskiej Rosji¹⁵, gdyż owa „rzeczywistość to potwór uzbrojony w żelazne pazury i żelazne szczęki: chwyta ona siłą i pożera każdego, kto dobrowolnie się jej nie oddaje”¹⁶.

„Zbędni ludzie” pragnęli nawiązać kontakt z realnym światem, nie rezygnując jednocześnie ze swego „ja”, ze swego oryginalnego, indywidualistycznego sposobu myślenia. Ich „pojednanie z rzeczywistością”, jeśli miało stać się realnym faktem, równać się musiało rezygnacji z wypracowanych z wielkim trudem poglądów i akceptacji „systemu mikołajowskiego”. „Ludzie lat czterdziestych” nie zdecydowali się jednak na takie posunięcie. Ich „pojednanie” z zewnętrznym światem było więc jedynie pozorne. „W istocie rzeczy „pojednanie z rzeczywistością” było jedynie postulatem, programem filozoficznym, lecz nigdy nie stało się pojednaniem rzeczywistym”¹⁷. Okazało się, wbrew Hegłowi, że odbudowa kontaktu z rzeczywistością nie jest zadaniem łatwym.

¹⁴ G. Przebinda. *Od Czaadajewa do Bierdajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej (1832–1922)*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1998, s. 19 (przypis 12).

¹⁵ Rzeczywistość mikołajowska to czasy panowania Mikołaja I (1825–1855). Car ten, nie ufając opinii publicznej, starał się rozwiązywać wszystkie problemy nurtujące Rosję osobiście lub za pośrednictwem swoich ministrów. Charakterystyczną cechą jego rządów było również powoływanie tajnych komitetów. Rozpatrywały one wnioski i postulaty nadsyłane przez ziemian i urzędników, dotyczące zmian społeczno-administracyjnych. Opracowywały ponadto własne projekty poświęcone tej problematyce, rzadko wchodzące jednak w życie. Mikołaj I stworzył tak zwany „system mikołajowski”, który miał ustanowić tak doskonały absolutyzm, że od władcy i jego najbliższych współpracowników zależałoby życie każdego Rosjanina. Konstrukcja państwa miała być jasna i oczywista dla wszystkich mieszkańców Rosji. Ośrodkiem wszystkiego był car. Symbolizował państwo, „będąc zarazem świadomością i sumieniem swojego narodu. (...) Pod jego (...) berłem nikomu nie wolno oddychać, cierpieć i kochać inaczej niż w ramach zakreślonych przez jego najwyższą mądrość, z jaką troszczy się (...) o wszelkie potrzeby każdego z poddanych” (A. de Custine. *Rosja w roku 1839*. T. 2. Przeł., przypisami i posłowiem opatrzył P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1995, s. 175). Władca był depozytariuszem władzy, powierzonej mu przez Boga dla zapewnienia ładu i porządku w kraju. Mikołaj I, wychodząc z założenia, że car powinien w swym postępowaniu kierować się poczuciem obowiązku, pragnął być sprawiedliwym sędzią i ojcem swych poddanych. Osobiście próbował też wcielać w życie te ideały, czasami ryzykując przy tym nawet własnym życiem (na przykład w latach 1830–1831 przebywał w miejscach objętych epidemią cholery, przyczyniając się do uspokojenia nastrojów zrozpaczonej ludności). Osoby, które miały inną od oficjalnej wizję Rosji i własnego miejsca w tym kraju narażone były na represje i szykany władz. Zob. m.in. W.B. Lincoln. *Mikołaj I...; I. Sakowicz. Między autokracją a rewolucją. Liberalizm Konstantego Kawielina w epoce wielkich reform*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1999, s. 24; R.E. McGrew. *Russia and the Cholera. 1823–1832*. Madison: University of Wisconsin Press, 1965; T. Kapustina. *Mikołaj I. [W:] Dynastia Romanowów*. Red. A. Iskenderow. Z ros. przeł. J. Chodera, A. Grobicka, G. Wiśniewski. Warszawa: Prolog, 1993, s. 327 i nast.

¹⁶ W. Bieliński. *Pisma filozoficzne...* T. 1, s. 161.

¹⁷ A. Walicki. *Osobowość a historia. Studia z dziejów literatury i myśli rosyjskiej*. Warszawa 1959, s. 127–128.

Działania podjęte na rzecz wspomnianego „pojednania” nie dały „zbędnym ludziom” poczucia reintegracji w rzeczywistość, nie doprowadziły do scalenia ich rozdartej osobowości. „Ukochanym (i rozumnym) marzeniem naszym było zawsze – pisał Bieliński w liście do Botkina z września 1841 roku — podniesienie do rzeczywistości całego naszego życia (...) I cóż! Marzenie było marzeniem i marzeniem pozostanie”¹⁸. Stwierdzenie krytyka odnieść można przede wszystkim do jego mniej wytrwałych, oryginalnych i wykształconych „zbędnych rówieśników”. Ci ostatni na Heglu zakończyli swoją edukację filozoficzno-literacką. Nazwisko niemieckiego filozofa zamyka okres ich poszukiwań intelektualnych, które miały na celu przewyższenie własnej „widmowości”. Ze „spotkania” z nimi wynieśli oni nowe idee. Zrozumieli wzajemne związki między wolnością i koniecznością oraz znaczenie czynnika „obiektywnego” i „subiektywnego” w historii. Dostrzegli również problem wewnętrznej prawidłowości danego procesu rozwojowego. Z pomocą systemu Hegla nie rozwiązali jednak nurtujących ich problemów. Zaczęli jeszcze silniej odczuwać swe osamotnienie. W dalszym ciągu „zżerała” ich „refleksja”¹⁹. „Zbędni ludzie” twierdzili, że są „widmami”²⁰, a nie pełnymi, rzeczywistymi ludźmi. Dla „widm” zaś, zdaniem Bielińskiego, „nie ma ratunku nawet na bezludnej wyspie”²¹. Warto jednak podkreślić, że krytyk nie zakończył własnych poszukiwań intelektualnych na Heglu, i zdołał „pokonać tragiczne poczucie własnego samotnictwa. Szeroki oddźwięk społeczny, z jakim spotykają się jego artykuły, narastający z dnia na dzień proces kształtowania się opozycyjnej opinii publicznej, daje mu upragnione poczucie reintegracji w rzeczywistość, przewyższenia własnej „widmowości”²². Bieliński zakończył więc swoją „zbędność”. Myśliciel podkreślał, że system filozoficzny Hegla w zetknięciu z realiami mikołajowskiej Rosji nie okazał się „niezawodny i mocny”. „Rozwiązania, jakie znalazł, należą (...) do minionego, [obecnie — P.K.] już przebrzmiałego okresu w życiu ludzkości”. Okres ten charakteryzował

¹⁸ W. Bieliński. *Pisma filozoficzne...* T. 1, s. 319.

¹⁹ „W stanie refleksji — jak stwierdził Wissarion Bieliński — człowiek rozpada się na dwóch ludzi, z których jeden żyje, a drugi obserwuje go i osądza. W stanie refleksji nie może być pełni w żadnym uczuciu, w żadnej myśli, w żadnym czynie: skoro tylko zrodzi się w człowieku uczucie, zamiar, chęć działania, natychmiast ukryty w nim samym wróg podpatruje ten zarodek, analizuje go, bada, czy słuszna, czy prawdziwa jest ta myśl, czy rzeczywiste jest uczucie, czy prawomocny zamiar, jaki jest ich cel, do czego prowadzą — i aromatyczny kwiat uczuć więdnie nie rozkwitłszy, myśl rozdrabnia się w nieskończoność jak promień słońca w rzuńniętym kryształ, ręka wzniesiona do czynu nagle kamienieje w rozmachu i nie uderza” (В.Г. Белинский. *Полное собрание...* T. 4, s. 253). Nadmiar „refleksji”, rozumianej jako ciągła analiza własnego „ja”, uniemożliwiał podejmowanie szybkich decyzji, osłabiał aktywność, rodził niezdecydowanie, znacznie utrudniał egzystencję w realnym świecie. Z tego powodu był on stałym przedmiotem skarg i samooskarżeń, powtarzających się zarówno w korespondencji „ludzi lat czterdziestych”, jak i na kartach utworów literackich ich autorstwa. Zob. m.in. I. Turgieniew. *Zacisze i inne opowiadania*. Przeł. Z. Kaczorowska i P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1955, s. 172; 175; I. Turgieniew. *Miesiąc na wsi. Komedia w pięciu aktach*. Przeł. P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1951, s. 17–18.

²⁰ „Słowo ‘widmo’ (...) oznaczało w ówczesnym języku filozoficznym człowieka zamkniętego w zakłętym kręgu spraw indywidualnych, jednostkowych, niepotrafiącego — mimo usiłowań — wnieść się do uczestnictwa w sferze ponadindywidualnej, ‘obiektywnej’”. A. Walicki. *W kręgu...*, s. 283.

²¹ W. Bieliński. *Pisma filozoficzne...* T. 1, s. 196.

²² A. Walicki. *Osobowość a historia...*, s. 132.

się rozziwem między teorią i praktyką, ideą i czynem. W czasach współczesnych należy działać na rzecz powrotu filozofii do życia. Heglizm, niemający odniesienia do sfery praktyki, będący systemem „szkolnym i książkowym”, powinien zostać jak najrychlej zastąpiony przez filozofię łączącą w sobie elementy racjonalistyczne („srogi, surowy i zimny (...) rozum”) z utylitarystyczno-emocjonalnymi (doktryna „pogodziona z życiem praktycznym (...) a jednocześnie (...) namiętna i udzielająca się jak miłość, żywa i wzniosła jak wiara, potężna i odważna jak czyn bohaterski”²³).

Swoistym uzupełnieniem i rozwinięciem „heglowskich” rozważań Bielińskiego są odnoszące się do tej samej materii wypowiedzi Hercena. Autor *Rzeczy minionych i rozmyślań* nie interpretował systemu filozoficznego Hegla w duchu „pojednania z rzeczywistością”. „Filozofia pojednania” wydawała mu się bowiem zaprzeczeniem cierpienia i kłopotów, przeżywanych przez niego w okresie pięcioletniego zesłania²⁴. Była dlań równoznaczna z samobójstwem moralnym²⁵. Młody Rosjanin uważał, że jest ona w istocie dezinterpretacją heglizmu, przenoszeniem na pierwszy plan określonych, charakterystycznych jednostronności systemu filozoficznego Hegla. Wydaje się, że Hercen akceptował i następnie rozwijał tylko te fragmenty rozważań niemieckiego myśliciela, które nie pozostawały w sprzeczności z jego przemyśleniami i doświadczeniami życiowymi.

Hercen stał na stanowisku, że filozofia Hegla jest szczytem rozwoju filozofii jako dyscypliny naukowej, zamykającym „epokę myśli”. W centrum swojego systemu myślowego ustawiał ludzką osobowość i ludzkie działanie. Nie mógł przeto zgodzić się na dość skromną rolę osobowości ludzkiej, wyznaczoną jej przez niemieckiego filozofa. Podkreślał, że „zapomniana przez naukę osobowość domaga się swoich praw, domaga się życia pełnego namiętności, którego potrzebom uczynić może zadość li tylko twórczy, wolny czyn”²⁶. Opowiadał się za przejściem od nauki do działania, od myśli do czynu. Hercena pragnienie wkroczenia w nową epokę — epokę czynu — było równoznaczne z wykroczeniem poza heglizm. Hegel sprawił, że filozofia osiągnęła

²³ W. Bieliński. *Pisma filozoficzne...* T. 1, s. 444–445. Por. R. Panasiuk. *Lewica heglowska*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1969.

²⁴ W 1834 roku dwudziestodwuletni Hercen został aresztowany i osadzony w więzieniu. Bezpośrednią tego przyczyną było śpiewanie przezeń „zuchwałych pieśni” i uszkodzenie popiersia Mikołaja I. Policja oskarżyła go o dokonanie tych czynów, lecz „nie miała w ręku żadnych dowodów”. Po długim, dziewięciomiesięcznym śledztwie został jednak skazany na zesłanie: najpierw do Permu, a potem do Wiatki i Włodzimierza nad Kłazmą. Zob. A. Hercen. *Rzeczy minionie i rozmyślenia*. Przeł. E. i W. Słobodnikowie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1951. T. 1, s. 201–368; T. 2, s. 7–105; N. Łubnicki. *Ewolucja światopoglądu Aleksandra Hercena*. „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska” 1954. T. 9, Lublin, s. 4; L. Bazyłow. *Znaczenie myśli politycznej Hercena dla rozwoju nowoczesnych stosunków między narodami*. „Slavia Orientalis” 1971. R. 20, nr 1, s. 4; W. i R. Śliwowsky. *Aleksander Hercen*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973, s. 64–82; 100–113.

²⁵ А.И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 томах*. Т. 22. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1961, s. 12–13; A. Walicki. *Rosyjska filozofia...*, s. 192–193.

²⁶ A. Hercen. *Pisma filozoficzne*. T. 1: *Eseje filozoficzne. Z tamtego brzegu*. Przeł. J. Walicka, H. Zelnikowa. Tłumaczenie przejrzał oraz wstępem i przypisami opatrzył A. Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965, s. 93.

kulminacyjny punkt swojego rozwoju, swe klasyczne stanowisko. Niemiecki myśliciel — największy i ostatni zarazem przedstawiciel „epoki myśli” wyrażał również swoistą jednostronność filozofii, polegającą na redukowaniu ducha do myśli. Hercen twierdził, że duch nie redukuje się do myśli, a filozofia nie jest w stanie zaspokoić wszystkich potrzeb ludzkości. „Nauka była dla niemiecko-reformacyjnego świata tym, czym sztuka dla świata helleńskiego. Ale ani sztuka, ani nauka nie mogły być jedynym środkiem w pełni zaspokajającym wszystkie potrzeby. Sztuka przedstawiła, nauka zrozumiała. Nowy wiek każe wcielić to, co zrozumiane, w rzeczywisty świat zdarzeń”²⁷. Filozofia powinna „stanać na forum życia”, stać się narzędziem działania, przekształcić się w „filozofię czynu”. Nie może być już elitarną świątynią, otwierającą swe podwoje wąskiemu gronu wtajemniczonych. Wszyscy rozsądni ludzie są bowiem powołani do filozofii i mogą korzystać z jej bogactw.

Aby filozofia przestała być celem samym w sobie, aby mogła służyć zwykłym ludziom, musi przewyciężyć swe obecne oblicze. Dotychczasowe systemy filozoficzne koncentrowały się na tym, co ogólne, pozostawały w kręgu myśli. Nowa filozofia będzie, zdaniem Hercena, filozofią woli. Myśliciel podkreślał, że człowieka „cehuje (...) nie tylko zdolność abstrakcyjnego pojmowania, lecz także wola, którą można by nazwać rozumem pozytywnym, rozumem twórczym”²⁸. Wola jawi się w takim ujęciu jako zdolność umożliwiająca przejście od teorii do praktyki.

Hercen uważał, że rozwój osobowości zaczyna się zawsze od ideału, od marzeń i abstrakcji. Aby stać się pełnowartościowym podmiotem, jednostka musi przejść przez to stadium. Następnie powinna rozbudzić w sobie refleksję, skonfrontować marzenia z realną rzeczywistością, ogarnąć umysłem całokształt zjawisk, wzniesić się do swoistego uniwersalizmu myśli, wyeliminować z niej wszystko, co jednostkowe. Nie można jednak, zdaniem Hercena, zadowolić się wzniesieniem indywidualności do tego, co ogólne, poprzestać na racjonalnym oglądzie świata, pogрузić się całkowicie w sferze logiki. Następnym, a zarazem końcowym stadium rozwoju osobowości człowieka, był w ujęciu myśliciela czyn. „Tylko działanie może całkowicie zadowolić człowieka. Działanie — to właśnie osobowość”²⁹. Twórcze działanie w realnym świecie daje zadowolenie każdej jednostce ludzkiej. W ten sposób może ona urzeczywistnić swe marzenia i rozwijać się. Hercen był głęboko przekonany, że pojednanie nauki z życiem, które nastąpi w niedalekiej przyszłości, przyczyni się do uszczęśliwienia ludzkości. Podkreślał, że „gdy nadejdzie czas, błyskawica dziejów rozedrze chmury, [ludzkość — P.K.] z czołem dumnie wzniesionym (...) przystąpi do budowy państwa bożego”³⁰, krainy szczęścia na ziemi.

Wydaje się, że dzieła Hegla pomogły Hercenowi usystematyzować swoje poglądy. Autor *Rzeczy minionych i rozmyślań* włączył do heglizmu szereg nowych wątków, dokonując tym samym przewartościowania i reinterpretacji myśli niemieckiego filozofa. Niektóre z nich zaczerpnął z pracy *Prolegomena do historiozofii* autorstwa Augusta Cieszkowskiego, będącej próbą wprowadzenia do systemu filozoficznego Hegla ele-

²⁷ Tamże, s. 103.

²⁸ Tamże, s. 95.

²⁹ Tamże, s. 85.

³⁰ Tamże, s. 110.

mentów francuskiej myśli socjalistyczno-religijnej³¹. Studia nad Cieszkowskim Rosjanin rozpoczął równoległe ze studiami nad Heglem — w roku 1839. Hercen podkreślał, że „we wszystkich istotnych sprawach” zgadza się z autorem *Prolegomenów* „w zadziwiającym stopniu”³². Myśliciel rosyjski przejął niektóre poglądy Cieszkowskiego — między innymi trychotomiczny podział dziejów i tezę o możliwości poznania przyszłości³³.

Polski filozof odrzucił tezę Hegla o zakończeniu dziejów, o osiągnięciu przez ludzkość ostatniego szczebla rozwoju³⁴. Twierdził, że „bez poznawalności przyszłych czasów, tj. nie uznając przyszłości za integralną część historii, (...) ani mowy być nie może o poznaniu (...) procesu dziejów”. Błędny jest — w jego przekonaniu — heglowski pogląd, iż z zakresu rozważań należy wyłączyć przyszłość. Dążenie do poznania przyszłości jest ze wszech miar uprawomocnione, gdyż jest ona ostatnim etapem procesu dziejowego i dopiero wówczas ludzkość pozna swe przeznaczenie. Heglowski tetra-chotomiczny podział dziejów (na światy: starożytnego Wschodu, grecki, rzymski i germański) został zastąpiony przez Cieszkowskiego podziałem trychotomicznym. Autor *Prolegomenów* w dziejach ludzkich wyróżnił trzy wielkie epoki: przeszłość, czyli epokę starożytną, teraźniejszość, czyli trwającą jeszcze epokę chrześcijańską i mającą nadejść epokę przyszłości. Pierwszą epokę nazwał epoką uczucia, drugą — epoką myśli, a trzecią — epoką czynu. Uważał, że przyszłość można poznać już w czasach obecnych. Jeżeli bowiem przyrodnik, posiadając tylko jeden ząb przedpotopowego zwierzęcia, jest w stanie zrekonstruować cały jego organizm, to i filozof historii potrafi odtworzyć, ukazać istotę przyszłości na podstawie znajomości przeszłości i teraźniejszości. Epoka przyszłości będzie, zdaniem Cieszkowskiego, syntezą starożytności i chrześcijaństwa. Nastąpi wówczas pojednanie w „czynnie” tego, co realne, z tym, co idealne, przewyżczone zostanie rozdarcie między duchem i ciałem, rozumem i uczuciem³⁵.

Rozumowanie polskiego filozofa silnie przemawiało do przekonania Hercenowi — miłośnikowi nauk przyrodniczych. W pracy *Dyletantyzm w nauce* stwierdził on m.in.:

³¹ A. Walicki. *Między filozofią religii i polityką. Studia o myśli polskiej epoki romantyzmu*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983, s. 52. Na temat poglądów Augusta Cieszkowskiego zob. także A. Żółtowski. *Graf August Cieszkowski's „Philosophie der Tat”. Die Grundzüge seiner Lehrer und der Aufbau seines Systems*. Poznań: J. Leitgeber, 1904; A. Wierzbicki. *Wschód — Zachód w koncepcjach dziejów Polski. Z dziejów polskiej myśli historycznej w dobie porozbiorowej*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984; A. Roszkowski. *Poglądy społeczno-ekonomiczne Augusta Cieszkowskiego*. Poznań: Fiszer i Majewski, 1923; T. Kroński. *Rozważania wokół Hegla*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960; J. Kleiner, W. Maciąg. *Zarys dziejów literatury polskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1985; B. Urbankowski. *Myśl romantyczna*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1979.

³² A. Walicki. *Rosyjska filozofia...*, s. 193; A.И. Герцен. *Собрание сочинений...* T. 22, s. 38.

³³ A. Walicki. *W kręgu...*, s. 305; 307; A. Walicki. *Cieszkowski a Hercen*. [W:] *Polskie spory o Hegla. 1830–1860*. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Filozofii i Socjologii. Zakład Historii Filozofii Nowożytnej i Myśli Społecznej, 1966, s. 153–203.

³⁴ Szerzej o miejscu tezy o zakończeniu dziejów w systemie filozoficznym Hegla zob. K. Bakradze. *Filozofia Hegla. System i metoda*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965.

³⁵ A. Cieszkowski. *Prolegomena do historiozofii*. Przeł. z niem. syn autora. Poznań: na składzie w Księgarni Jarosława Leitgebura, 1908, s. 7; 10–11 i nast.

„Możemy przewidywać przyszłość — jesteśmy bowiem przesłanką, na której opiera się sylogizm — ale tylko w sposób ogólny, abstrakcyjny”³⁶. Z kolei w *Listach o badaniu przyrody* odnaleźć można przeprowadzony przez Cieszkowskiego podział dziejów. Hercena cechowało, podobnie jak autora *Prolegomenów*, pragnienie posiadania wizji przyszłości. Wierzył on w nadejście nowej ery w dziejach ludzkości, będącej przezwyciężeniem jednostronnej, rozdwojonej „między sercem a umysłem, między podmiotem a przedmiotem, między duchem a materią”³⁷ epoki chrześcijańskiej. Twierdził, że przyszła epoka będzie epoką czynu, reintegracji, pojednania uczucia i wiedzy, świata natury i świata idei. Nadejdzie ona jednak dopiero po zrujnowaniu epoki współczesnej, co może nastąpić po upływie dłuższego okresu czasu. Trzeba bowiem zdawać sobie sprawę z tego, że „to, co zwyciężone i stare, nie od razu schodzi do grobu; długowieczność i oporność rzeczy ginących wynika z wewnętrznej siły zachowawczej tkwiącej we wszystkim co istnieje; ona to sprawia, że co raz powołane zostało do życia, bronić się już będzie do ostatka”³⁸.

Warto wspomnieć również o wpływie Hegla na Iwana Turgieniewa, mimo iż nie był on tak znaczący, jak w przypadku Bielińskiego i Hercena. Turgieniew — twórca, artysta słowa zwrócił uwagę przede wszystkim na estetyczne wątki heglizmu: rozumienie prawdy w sztuce, wzajemne związki między formą artystyczną dzieła sztuki a jego ukierunkowaniem ideowym³⁹.

Hegel mówił o tzw. prawdzie poetyckiej i prawdzie historycznej danego wytworu ludzkiego umysłu. Prawda poetycka nie odnosi się do realnej rzeczywistości. Wyraża „wierność idealną”, czyli uniwersalne myśli i głębokie uczucia. Jeżeli twórca dąży do jej wyświetlenia, to może, zdaniem autora *Wykładów o estetyce*, odstąpić od prawdy historycznej, czyli od zgodności utworu artystycznego ze stanem faktycznym odtwarzanej rzeczywistości. Istota prawdy historycznej nie sprowadza się jednak do „zgodności ze stanem faktycznym. Należy [takowej — P.K.] wymagać, (...) niemniej nie wolno odbierać artyście prawa oscylowania pomiędzy poezją a prawdą”⁴⁰. Optymalnym rozwiązaniem jest — w przekonaniu Hegla — synteza w danym dziele sztuki elementów prawdy poetyckiej z elementami prawdy historycznej. Twórca powinien dokonywać świadomej selekcji realiów otaczającego go świata. „Artysta nie włącza w swoje formy i sposoby wyrażania wszystkiego, co zastaje w świecie zewnętrznym, (...) jeśli chce stworzyć [wielkie dzieło — P.K.], wybiera z rzeczy tylko cechy właściwe i zgodne z jej pojęciem, [pomijając — P.K.] wszystko, co dla wyrażenia treści byłoby (...) obojętne”⁴¹.

³⁶ A. Hercen. *Pisma filozoficzne...* T. 1, s. 110.

³⁷ Tamże, s. 296.

³⁸ Tamże, s. 270.

³⁹ P. Brang. *I.S. Turgenew. Sein Leben und sein Werk*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1977; P. Brang. *Zu Turgenews ästhetischen Credo*. [W:] *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1956, s. 83 i nast.

⁴⁰ G.W.F. Hegel. *Wykłady o estetyce*. T. 1. Przeł. J. Grabowski i A. Landman. Objasnieniami opatrzył A. Landman. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964, s. 270. Zob. też S. Morawski. *Rozwój myśli estetycznej od Herdera do Heinego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957, s. 135–160; S. Morawski. *Estetyka Hegla i problem tzw. „końca sztuki”*. „Studia Filozoficzne” 1965, nr 1, s. 107–115.

⁴¹ G.W.F. Hegel. *Wykłady o estetyce...* T. 1, s. 445.

Turgieniew pamiętał o tych „radach” w trakcie pracy nad swoimi utworami literackimi. Wydaje się, że spełniają one postulat niemieckiego filozofa mówiący o konieczności połączenia w dziele przemysłu natury uniwersalnej z rozważaniami koncentrującymi się na realnym „przedmiocie w jego ogólności”. Organicznie zespolona jest w nich również idea z formą artystyczną. Świadczy to o przyswojeniu przez Turgieniewa heglowskich poglądów na temat treści i formy w dziele sztuki. Ich istotę autor *Fenomenologii ducha* sprowadził do istnienia związków między „stroną zewnętrzną”, czyli formą dzieła sztuki a „stroną wewnętrzną”, czyli treścią. „Obie strony — podkreślał — są bezpośrednio związane jedna z drugą. Dlatego też doskonałość idei jako doskonałość treści jest równocześnie doskonałością formy i na odwrót, braki formy artystycznej okazują się w równej mierze brakami idei, która stanowi wewnętrzne znaczenie zewnętrznego zjawiska i sama w formie tej staje się dla siebie realna (...). Treść bowiem musi w sobie samej być prawdziwa i konkretna, zanim zdoła znaleźć prawdziwie piękny kształt”⁴².

Wymienione wątki estetyczne systemu Hegła Turgieniew akceptował i uważał za wartościowe wskazówki natury metodologicznej. Heglizm nigdy nie stał się dlań filozofią reintegracji. Rosjanin stał na stanowisku, że przy pomocy metody heglowskiej, polegającej na rozpatrywaniu wszystkiego w perspektywie metafizycznej, czyli na doszukiwaniu się w konkretnych realiach przejawów działania rozumu uniwersalnego, nie zrozumie się złożonej rzeczywistości rosyjskiej, jej istoty i specyfiki. Współczuł tym spośród swych „zbędnych” rówieśników, którzy zinterpretowali system niemieckiego filozofa w duchu „pojednania z rzeczywistością”, licząc na to, że w ten sposób szybko i bezboleśnie rozwiążą nurtujące ich problemy. Ból i smutek przenikający te młode przeważnie osoby nie tylko bowiem się nie zmniejszył, lecz jeszcze bardziej nasilił.

Recepcja heglizmu w Rosji na przełomie lat trzydziestych i czterdziestych XIX wieku świadczy wymownie o fascynacji myślicieli rosyjskich, m.in. Wissariona Bielińskiego, Aleksandra Hercena, Iwana Turgieniewa, nie tylko określonymi konstrukcjami teoretycznymi, ich wszechstronnym zakresem oraz przydatnością terminologiczną. Niemniej ważna jest też swoista współmierność tej filozofii z realną rosyjską rzeczywistością. Kiedy okazało się, że konstatacja ta nie może być utrzymana, wspomniani myśliciele przestali hołubić Hegła. Zaczęli krytykować heglizm jako filozofię „oderwania od rzeczywistości”. Charakterystyczna jest pod tym względem wypowiedź Turgieniewa zawarta w utworze *Hamlet powiatu szczygrowskiego*, podzielana również przez Bielińskiego i Hercena: „... jaką, na miłość boską, korzyść mogłem wyciągnąć z *Encyklopedii* Hegła? Cóż jest wspólnego (...) między tą *Encyklopedią* i życiem rosyjskim? I jak ją zastosować do naszego codziennego bytu... i nie tylko tę *Encyklopedię*, ale w ogóle niemiecką filozofię, więcej powiem: naukę?”⁴³. Nie oznacza to jednak końca wpływu myśli Hegła na twórców rosyjskich, lecz tylko krótkotrwały odwrót od niej, jej przejściową niepopularność. Pod koniec XIX wieku do heglizmu nawiązywać zaczęli m.in. Włodzimierz Sołowjow i Borys Cziczerin.

⁴² Tamże, s. 480–481.

⁴³ I. Turgieniew. *Zapiski myślowego*. Przeł. Cz. Jastrzębiec-Kozłowski et al. Posł. P. Hertz. Seria Dzieła Wybrane. Iwan Turgieniew. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966, s. 297.

Bibliografia

- Bakradze K. *Filozofia Hegla. System i metoda*. Przeł. Z. Kuderowicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965.
- Bazyłow L. *Historia nowożytnej kultury rosyjskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.
- Bazyłow L. *Spółczesność rosyjska w pierwszej połowie XIX wieku*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973.
- Bazyłow L. *Znaczenie myśli politycznej Hercena dla rozwoju nowoczesnych stosunków między narodami*. „Slavia Orientalis” 1971. R. 20, nr 1, s. 3–10.
- Berlin I. *Karol Marks. Jego życie i środowisko*. Z ang. przeł. W. Orliński. Warszawa: Wydawnictwo Książka i Wiedza, 1999.
- Bieliński W. *Pisma filozoficzne*. T. 1. Przeł. W. Anisimow-Bieńkowska. Przekład przejrzał, wstępem i przypisami opatrzył A. Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.
- Brang P. *I.S. Turgenew. Sein Leben und sein Werk*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1977.
- Chojnacka K. *Rodowód literacki inteligencji rosyjskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992.
- Cieszkowski A. *Prolegomena do historiozofii*. Przeł. z niem. syn autora. Poznań: na składzie w Księgarni Jarosława Leitgeb, 1908.
- Custine A. de. *Rosja w roku 1839*. T. 2. Tłum., przypisami i posłowiem opatrzył P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1995.
- Dynastia Romanowów*. Red. A. Iskenderow. Z ros. przeł. J. Chodera, A. Grobicka, G. Wiśniewski. Warszawa: Prolog, 1993.
- Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag*. Hrsg. M. Woltner; P.H. Bräuer Serie Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Institut. Wiesbaden: Wiesbaden In Kommission bei O. Harrassowitz, 1956.
- Gulian C.J. *Hegel czyli filozofia kryzysu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974.
- Hegel G.W.F. *Encyklopedia nauk filozoficznych*. Przeł. z niem., wstępem i komentarzem opatrzył S.F. Nowicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990.
- Hegel G.W.F. *Fenomenologia ducha*. Przeł., wstępem i objaśnieniami opatrzył A. Landman. T. 1–2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1953–1965.
- Hegel G.W.F. *Wykłady o estetyce*. T. 1–3. Przeł. J. Grabowskiego i A. Landmana. Objasnieniami opatrzył A. Landman. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964–1967.
- Hegel G.W.F. *Wykłady z filozofii dziejów*. T. 1–2. Przeł. J. Grabowskiego, A. Landmana. Wstępem poprzedził T. Kroński. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958.
- Hegel G.W.F. *Wykłady z historii filozofii*. T. 1. Przeł. z niem., wstępem i komentarzem opatrzył S.F. Nowicki.. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994.
- Hercen A. *Pisma filozoficzne*. T. 1: *Eseje filozoficzne. Z tamtego brzegu*. Przeł. J. Walicka, H Zelnikowa. Tłumaczenie przejrzał oraz wstępem i przypisami opatrzył A. Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965.
- Hercen A. *Rzeczy minione i rozmyślenia*. T. 1–2. Przeł. E. i W. Słobodnikowie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1951–1952.
- Jakowenko B. *Geschichte des Hegelianismus in Rußland*. Praha: J. Bartl, 1938.
- Jegorow B. *Oblicza Rosji. Szkice z historii kultury rosyjskiej*. Przeł. D. i B. Żyłkowie. Gdańsk: Słowo/Obraz/Terytoria, 2002.
- Kleiner J., Maciąg W. *Zarys dziejów literatury polskiej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1985.

- Koprowski P. „Zbędni ludzie”. W kręgu procesów indywidualizacji inteligencji rosyjskiej w XIX wieku. [W:] *Historia — mentalność — tożsamość. Rosja i Europa Zachodnia w polskiej i ukraińskiej historiografii XIX i XX wieku*. Red. E. Koko, M. Nowak i L. Zaszkiłniak, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, s. 407–429.
- Koprowski P. *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgeniewa*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008.
- Kowalczyk S. *Koncepcja absolutu w pismach Hegla*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1991.
- Kroński T. *Hegel i problemy filozofii historii*. „*Studia Filozoficzne*” 1958, nr 3, s. 42–75.
- Kroński T. *Hegel*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1961.
- Kroński T. *Problem zła moralnego w heglowskiej filozofii dziejów*. „*Mysł Filozoficzna*” 1957, nr 1, s. 24–54.
- Kroński T. *Rozważania wokół Hegla*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960.
- Kuderowicz Z. *Hegel i jego uczniowie*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1984.
- Lincoln W.B. *Mikołaj I*. Przeł. H. Krzeczkowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988.
- Łubnicki N. *Ewolucja światopoglądu Aleksandra Hercena*. „*Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*” 1954. T. 9, Lublin, s. 1–76.
- McGrew R.E. *Russia and the Cholera. 1823–1832*. Madison: University of Wisconsin Press, 1965.
- Morawski S. *Estetyka Hegla i problem tzw. „końca sztuki”*. „*Studia Filozoficzne*” 1965, nr 1, s. 107–115.
- Morawski S. *Rozwój myśli estetycznej od Herdera do Heinego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957.
- Panasiuk R. *Lewica heglowska*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1969.
- Polskie spory o Hegla. 1830–1860*. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Filozofii i Socjologii. Zakład Historii Filozofii Nowożytnej i Myśli Społecznej, 1966.
- Przebinda G. *Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej (1832–1922)*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1998.
- Roszkowski A. *Poglądy społeczno-ekonomiczne Augusta Cieszkowskiego*. Poznań: Fiszer i Majewski, 1923.
- Sakowicz I. *Między autokracją a rewolucją. Liberalizm Konstantego Kawielina w epoce wielkich reform*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1999.
- Śliwowski W. i R. *Aleksander Hercen*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973.
- Śliwowska W. *Mikołaj I i jego czasy (1825–1855)*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1965.
- Tischner J. *Spowiedź rewolucjonisty. Czytając „Fenomenologię ducha” Hegla*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 1993.
- Turgeniew I. *Miesiąc na wsi. Komedia w pięciu aktach*. Przeł. P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1951.
- Turgeniew I. *Rudin*. Przeł. J. Dmochowska. Warszawa: Wydawnictwo TPPR „Współpraca”, 1985.
- Turgeniew I. *Zacisze i inne opowiadania*. Przeł. Z. Kaczorowska i P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1955.
- Turgeniew I. *Zapiski myśliwego*. Przeł. Cz. Jastrzębiec-Kozłowski et al. Pośl. P. Hertz. Seria Dzieła Wybrane. Iwan Turgeniew. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966.
- Urbankowski B. *Myśl romantyczna*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1979.
- Walicki A. *Między filozofią religii i polityką. Studia o myśli polskiej epoki romantyzmu*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983.
- Walicki A. *Osobowość a historia. Studia z dziejów literatury i myśli rosyjskiej*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1959.
- Walicki A. *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973.

- Walicki A. *Rosyjskie słowianofilstwo a filozofia heglowska*. „Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej” 1962. T. 8, s. 53–98.
- Walicki A. *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964.
- Wierzbicki A. *Wschód–Zachód w koncepcjach dziejów Polski. Z dziejów polskiej myśli historycznej w dobie porozbiorowej*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984.
- Wilk M. *Petersburg. Stara i nowa historia*. Łódź: Wyższa Szkoła Studiów Międzynarodowych, 2003.
- Zdziechowski M. *U opoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich*. Lwów: Gubrynowicz i Syn, 1912.
- Żółtowski A. *Graf August Cieszkowski's „Philosophie der Tat”. Die Grundzüge seiner Lehrer und der Aufbau seines Systems*. Poznań: J. Leitgeber, 1904.
- Белинский В.Г. *Полное собрание сочинений*. В 13 томах. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959.
- Герцен А.И. *Собрание сочинений в 30 томах*. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1954–1965.
- Лаврецкий А. *Лишние люди*. [W:] *Литературная энциклопедия*. Т. 6. Москва: Советская энциклопедия, 1932, s. 514–540.
- Литературная энциклопедия*. Т. 6. Москва: Советская энциклопедия, 1932.
- Поэты кружка Н.В. Станкевича*. Н.В. Станкевич, В.И. Красов, К.С. Аксаков, М.П. Клюшников. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания С.И. Машинского*. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Москва — Ленинград: Советский писатель, 1964.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ИСПОВЕДЬ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ
КАК ОПЫТ «ВНУТРЕННЕГО СТРОЕНИЯ»
(В СВЕТЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
Ю.М. ЛОТМАНА)

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: l.lutevici@uw.edu.pl
(nadesłano 12.06.2015; zaakceptowano 11.10.2015)

Abstract

The writer's confession of Nikolay Gogol as an experiment in 'inner composition' (in the light of J.M. Lotman's concept of biography)

The author of the article focuses on the principles of Russian writers' conscious creation of their own personality in life and work; it is the basis of Yury Lotman's biographical conception that was realized in a number of his theoretical works and in two biographies of the writer. In the article the emphasis is placed on the idea of *inner composition* as the moral self-improvement that Gogol represented in *the Author's Confession*; and on its development by the scholars in the theory of literary biography. As a result of the conducted analysis, the author of the article comes to the conclusion that the presence of *inner history* as an action *from unconsciousness* (the delusion by the false aim) *to consciousness* (the finding of the truth) is very important for the semi-otic model of the Russian writer's confession.

Key words

Gogol, a confession, an idea of inner composition, Lotman, a biography.

Резюме

Автор статьи сосредоточивает свое внимание на принципах сознательного самосозидания русскими писателями собственной личности в жизни и в творчестве, составивших основу биографической концепции Юрия Лотмана, которая получила реализацию в ряде его теоретических работ и в двух писательских биографиях. Акцент в статье делается на идее *внутреннего строения* как нравственном самосовершенствовании, выраженной Гоголем в *Авторской исповеди*, и на развитии ее ученым в теории литературной биографии. В результате проведенного анализа автор статьи приходит к выводу, что для семиотической модели русской писательской исповеди чрезвычайно значимо наличие *внутренней истории* как движения *от бессознательности* (обольщение ложной целью) к *сознательности* (обретение истины).

Ключевые слова

Гоголь, исповедь, идея внутреннего строения, Лотман, биография.

Для изучения русских писательских исповедей¹ существенное значение имеют биографические работы Юрия Лотмана в целом (в начале 1980-х гг. двумя изданиями вышла биография Пушкина², чуть позже — книга *Сотворение Карамзина*³) и статья *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)*⁴ в частности. В этих трудах особое значение ученый придавал мысли о *строении себя* и идее *внутреннего человека*.

Мысль о *строении* присутствует в заглавии книги о Карамзине и дополнительно подчеркивается эпиграфом, взятым из письма Петра Чаадаева к Александру Тургеневу от 1838 г.: «...чего стоит у нас человеку, родившемуся с великими способностями, сотворить себя хорошим писателем»⁵. Идея *сотворения*

¹ В первую очередь таких, как *Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях* Дениса Фонвизина, *Авторская исповедь* Николая Гоголя; *Исповедь* Михаила Бакунина; *Моя исповедь* Николая Огарева; *Исповедь* Василия Кельсиева, *Исповедь* Льва Толстого; *Моя исповедь* Константина Леонтьева, *Биография–исповедь* Петра Лаврова и др.

² Ю.М. Лотман. *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся*. Изд. 2-е. Ленинград: Просвещение, 1983.

³ Ю.М. Лотман. *Сотворение Карамзина*. Москва: Книга, 1987.

⁴ Ю.М. Лотман. *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)*. [В:] *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия*. Вып. 683. Тарту 1986, с. 106–121. Далее цитируется это издание в тексте (в скобках указывается фамилия и номер страницы).

⁵ П.Я. Чаадаев. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. В 2 тт. Т. 2. Москва: Наука 1991, с. 133.

себя — это культурно-исторический факт, феномен эпохи, обнаруженный ученым, как он сам отмечал, в результате изучения «книг, писем, дневников, листов воспоминаний современников»⁶. Странно только, что в этом контексте Лотман практически не упоминает *Авторскую исповедь* Гоголя. Хотя именно там писатель неоднократно выражает мысль о *внутреннем строении себя*. Прочитав несколько фрагментов: «Всё чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя. (...) Везде обнаруживается более или менее мысль о внутреннем строении... Мысль о строении как себя, так и других делается общею»⁷; писатель «сам еще строится и создается» (Гоголь, 455), «строенье себя самого непременно обнаруживается во всем» (Гоголь, 455–456), «помышляю я о своем собственном строении» (Гоголь, 456), «я стараюсь быть лучшим, чем я есть» (Гоголь, 442); «почти у всякого человека ...заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять» (Гоголь, 446), необходимо «обращение на самих себя» (Гоголь, 446). Приведенные примеры свидетельствуют о напряженном гоголевском внимании к себе, к идее *внутреннего строения*.

В лотмановских биографиях доминирует тенденция сознательного созидания русскими писателями не только художественной, но и автобиографической личности. Ученый исходил из того, что писатель (будь то Радищев, Карамзин, Пушкин) «строил себя как храм, ... возводил стены»⁸, затем изменял планы, ломал построенное и все начинал заново; в конечном итоге — личность писателя «и есть тот храм, который он строил всю жизнь и который придавал единство и смысл его сочинениям»⁹. «Строительство» это так или иначе документировалось как внешними наблюдателями — современниками, так и самим автором, который мог вводить автобиографизм в художественные произведения или же непосредственно обращаться к разным формам мемуаристики (письма, дневники, записки, воспоминания, авторские исповеди и проч.). Задача биографа, считал Лотман, состоит в том, чтобы восстановить, реконструировать писательскую личность по «документам», но сами «документы», как показал опыт их изучения, «всегда неполные, двусмысленные, всегда несущие в себе субъективную позицию своего создателя»¹⁰. Они очень важны, поскольку дух эпохи определяется ими, и вместе с тем, как правило, они ущербны, поскольку зачастую недостоверны. Из этого наблюдения ученый сделал вывод о том, что биографу, с одной стороны, необходимо изучить весь массив существующих документов, а с другой, в силу их неизбежной фрагментарности, недостоверности, — необходимо обращаться к собственной «интуиции и воображению», поскольку биография — это не летопись, не даты и события, это единое и живое целое национальной культуры.

⁶ Ю.М. Лотман. *Сотворение Карамзина...*, с. 12.

⁷ Н.В. Гоголь. *Собрание сочинений*. В 8 тт. Т. 7. Москва: Правда 1984, с. 454. Далее цитируется это издание в тексте (в скобках указывается фамилия и номер страницы).

⁸ Ю.М. Лотман. *Сотворение Карамзина...*, с. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Здесь, мне думается, важно не смешивать два явления: 1) что и как «строить» сам писатель; 2) что и как воссоздает в своем тексте биограф. В процессе «строительства» сам писатель неоднократно может изменять цели и задачи, развивать иллюзии, концентрироваться на деталях, и проч., а также сколько угодно — объективно или субъективно, реально или декларативно — изменять «конструкцию» своей жизни. Задача же биографа состоит в том, чтобы при всех авторских переменах обнаружить так называемый «генеральный план застройки», то есть выявить ядро, тот «целостный идеал личности, который создавал в своей душе герой биографии»¹¹.

Гоголевские пристрастия Лотмана, как известно, имели чуть ли ни тотальный характер. По свидетельству Татьяны и Дмитрия Кузовкиных:

Ни одно концептуальное культурологическое построение ЮМ [Юрия Михайловича — Л.Л.] не обходилось без обращения к феномену Гоголя. ...если собрать все «гоголевские» тексты ученого, то и по объему, и по охвату поднимаемых в них научных проблем они будут сопоставимы с его монографиями о Пушкине и Карамзине¹².

В этой же статье имеется информация о том, что в лотмановском архиве Эстонского фонда семиотического наследия исследователи обнаружили машинописную рукопись *Разноликий Гоголь*¹³, во второй части которой содержится «ранее не публиковавшийся материал», где «подробно рассматривается феномен „позднего Гоголя“»¹⁴. О том, что «феномен» позднего Гоголя притягивал внимание ученого и ранее, свидетельствует также созданная им типология соотношения текста и личности автора.

В лотмановской модели писательской биографии (в варианте упомянутой ранее статьи *Литературная биография в историко-культурном контексте...*), основу которой составляет не только идея внутреннего строения, но и шире — идея жизнотворчества как процесса непрерывного нравственного самосовершенствования, очевидна опора на *Авторскую исповедь*, хотя прямых ссылок на этот текст Гоголя в статье нет.

В упрощенной схематизации концепция Лотмана сводится к тому, что «писатели начала XIX в. не просто живут, а создают себе биографии» (Лотман, 371), сопутствующие «незримо или эксплицировано» художественным текстам (369), при этом автор как «человек с биографией» (Лотман, 372), обязательно обладает своей «внутренней историей» (Лотман, 372), при создании которой «культурные коды», избранные для себя писателем, «не только отбирают релевантные факты из всей массы жизненных поступков, но и становятся программой будущего поведения, активно приближая его (писателя — Л.Л.) к идеальной норме» (Лотман, 371), а именно — светского святого: «в культуре послепетровской

¹¹ Там же, с. 13.

¹² Т. Кузовкина, Д. Кузовкин. *Понятие границы в работах Ю.М. Лотмана о Гоголе. К эволюции научного языка ученого.* [В:] *Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семисфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете, 4–7 июня 2009 г.* Ред.-сост. И.А. Пильщиков. Таллинн: TLU Press, 2011, с. 199–200.

¹³ Там же, 205.

¹⁴ Там же, 205.

России писатель занял то место, которое предшествующий этап отводил святому — проповеднику, подвижнику и мученику» (Лотман, 374). Естественно, что в таком случае актуализировалась «биографическая мифологизация» (Лотман, 371) и созданная биография приобретала такую дидактическую силу, что становилась «в некоторых отношениях важнее, чем его творчество» (Лотман, 374).

Все позиции, отмеченные ученым, непосредственно соотносятся с *Авторской исповедью*. Именно Гоголь засвидетельствовал в своих признаниях, что личная биография неизбежно стала спутником его произведений: «начавши некоторые объяснения по поводу моих сочинений, я должен был неминуемо заговорить о себе самом, потому что сочиненья связаны тесно с делом моей души» (Гоголь, с. 462). В процессе самоописания автор обращался не только к действительным фактам своей жизни, но и вводил вымышленные события, осуществляя таким образом «биографическую мифологизацию». Чего стоят, например, в этом контексте гоголевская легенда о «близкой дружбе» с Пушкиным и так называемое «дарение» сюжетов! Напомню, что первые биографы Гоголя от П.А. Кулиша до В.И. Шенрока восприняли гоголевские авторские признания как абсолютно достоверный биографический материал¹⁵. В качестве такового он впоследствии прочно обосновался в академических трудах, в школьных и вузовских учебниках, несмотря на многочисленные корректировки, которые вносились и современниками Гоголя, и последующими исследователями. В частности, например, стойкой оказалась гениальная легенда, касающаяся дружеских взаимоотношений Гоголя с Пушкиным, которую последовательно творил сам Гоголь в разговорах и письмах к своим родным, друзьям, знакомым со времени первого же появления в Санкт-Петербурге. Но именно в *Авторской исповеди* гоголевский миф о Пушкине как о друге, поощрявшем гоголевский талант и неустанно работавшемся о его развитии, получил свое окончательное закрепление:

Пушкин заставил меня взглянуть на дело (писательство — Л.Л.) сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живо, с этой способностью, не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принялся за Дон-кишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет Мертвых душ. (Мысль Ревизора принадлежит также ему).

(Гоголь, 437–438)

¹⁵ Наиболее последовательно эта точка зрения была развита известным знатоком творчества писателя Владимиром Ивановичем Шенроком в его четырехтомных *Материалах для биографии Н.В. Гоголя*. Т. 1–4. Москва: Типография А.И. Мамонтова и К° 1892–1897, а также в юбилейной статье *Пушкин и Гоголь*. «Русская старина» 1900, № 2, с. 383–392.

На этом гоголевском признании построены, как известно, биографии, монографии, сотни научных статей. И хотя достоверность автобиографического исповедального текста Гоголя неоднократно подвергалась сомнениям и даже резкой критике, ситуация в принципе не менялась¹⁶. Видимо, для истории русской литературы очень привлекательным оказался сюжет о преемственности; сам же миф о взаимоотношениях двух писателей стал знаковым, символическим, динамичным и востребованным в русской культуре не только XIX века, но и последующих эпох. Кстати, Ю.М. Лотман, который считал дарение сюжетов Пушкиным Гоголю подлинной реальностью, свою последнюю статью начал с того, что «Гоголь был лгун»¹⁷. До сегодняшнего дня гоголевские биографы лавируют между Сциллой объективности/документализма и Харибдой мифологизации/легендарности относительно его признаний. Диапазон ответов на вопрос о цели мифологизации располагается по вертикали, где «верх» — высоко понятая роль писателя как проповедника и пророка (Ю.М. Лотман), а «низ» — низменный практичный протекционизм (Юрий Дружников). «Для начинающего поэта-романтика из провинции важно было слово Мэтра, а главное, протекция. Гоголь изо всех сил старался приблизиться к Пушкину в жизни, чтобы оказаться вблизи него в литературе, – весьма распространенная модель поведения»¹⁸. Незави-

¹⁶ См. об этом: Н.Н. Петрунина, Г.М. Фридлиндер. *Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах*. [В:] *Пушкин. Исследования и материалы*. Т. 6. Отв. ред. Б.С. Мейлах. Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1969, с. 197–228; С. Шварцбанд. *К литературной биографии Н.В. Гоголя*. [В:] *Memiarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*. Т. 1. Red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: Studia Rossica, 2010, с. 119–130.

¹⁷ См.: «Вершиной гоголевского искусства было скрыть себя, выдумать вместо себя другого человека и от его лица разыгрывать романтический водевиль ложной искренности. Принцип этот определял не только творческие установки, но и бытовое поведение Гоголя. Достаточно просмотреть его письма, чтобы убедиться, что он систематически мистифицирует своих корреспондентов: то, находясь в России, пишет как бы из-за границы, то выдумывает несуществующие детали, превращающиеся потом в мучительные загадки для его биографов. Есть своеобразный курьез в том, что писатель, ставший знаменем правдивого изображения жизни в русской литературе, и в творчестве, и в быту любил врать». Ю.М. Лотман. *О «реализме» Гоголя*. [В:] *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II*. Новая серия. Ред. Л. Киселева. Тарту 1996, с. 11.

¹⁸ См. «Посмотрим, что представляли собой оба писателя к началу периода так называемой дружбы. Пушкину 32. Он крупнейший поэт России, признанный гений. Каждый его шаг, слово, жест становятся известными, записываются в дневниках, пересказываются в письмах современниками. Круг его друзей давно сложился, они его ровесники или старше. Они все живые классики, аристократы, элита, имеют контакты с царской семьей. К тому же Пушкин занят обустройством своей семейной жизни. Гоголю 22. Это вчерашний школьник. Едва окончив гимназию в глубокой провинции, приехал в столицу и горит замыслами доказать маме и родственникам, что они посылают ему деньги не зря. Он беден, ищет заработка. Он начинающий литератор, печатается под псевдонимами... Словом, у него еще нет имени, но он, как замечает Анненков, ищет „земной славы всеми силами своей души”. Гоголь, в котором поначалу трудно было отличить талант от графомании, перепробовав разные профессии, пробивался в литературу и чувствовал себе цену. Он искал расположения своего кумира. Именно это было важно для Гоголя». Юрий Дружников. *С Пушкиным на дружеской ноге*.

симо от аксиологической значимости исследовательских оценок, в данном случае важно подчеркнуть, что через мифологическое посредничество Пушкина писатель в исповеди осуществлял самоопределение, создавал свою литературную биографию.

При этом самоопределение Гоголя неоднозначно: с одной стороны, перед нами рефлексирующая автобиографическая личность, которая, защищаясь от упреков оппонентов, пишет о своем болезненном состоянии (страхе смерти), в котором создавались *Выбранные места из переписки с друзьями*, о неуместности проповедничества и включения *Завещания* в текст, о «темноте и неумении выражаться» — свойствах якобы «не вполне организовавшегося писателя» (Гоголь, 43–432), об отсутствии надлежащего гражданского воспитания; о сомнениях в правильности избранного пути и проч.; с другой стороны, в исповеди появляется образ некоего «писателя-творца», обладающего «великими дарами»: «картинной живописью слова», «орлиной силой взгляда», «возносящей силой лиризма», «поражающей силой сарказма», «полным познанием земли своей и своего народа в корне и в ветвях»; предназначение такого писателя «творить творенье свое в поученье людей» (Гоголь, 455). То, что последнее описание относится не только к некоему идеальному образу творца, но непосредственно и к самому Гоголю выясняется чуть далее: «Я сам писатель, не лишенный творчества; я владею также некоторыми из тех даров, которые способны увлекать» (Гоголь, 456). При этом автор неоднократно настаивает на том, что писательство оказалось для него делом случайным: «мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным... Я думал, просто, что я выслужусь и всё это доставит служба государственная. ... Ни я сам, ни сотоварищи мои ... не думали, что мне придется быть писателем» (Гоголь, 436). Значит, основное ядро биографической личности, идеал, который всю жизнь носил в своей душе Гоголь, определялся идеей государственной службы (а не служения): «Мысль о службе меня никогда не оставляла. Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей. Но и тогда ...я помышлял, как только кончу большое сочинение, вступить... в службу и взять место» (Гоголь, 458). Со службой ни ранее, ни позже, как известно, ничего путного не вышло. Однако случилось так, что Гоголь стал писателем. Размышляя над этим парадоксом в исповеди, Гоголь настаивает на необходимости максимальной общественной полезности современного автора. Ограничиться тем, чтобы «выставить» на обозрение читателей «свою внутреннюю клеть» (Гоголь, 442), как это сделал, например, ранее Ж.-Ж. Руссо, — для русского автора абсолютно невозможно,

---

[Online] <http://royallib.com/book/drugnikov_yuriy/s_pushkinim_na_drugeskoy_noge.html> (08.06.2015). На концепцию Дружникова повлияли размышления Андрея Синявского о Гоголе, который у Пушкина «заимствовал строчки и сюжеты, которого боготворил, чью благословляющую руку сам же на себя возлагал, несколько преувеличивая размеры своей близости с Пушкиным. Но ему нужно было с Пушкиным быть на дружеской ноге, чтобы от него, от величайшего из поэтов России, вести свой счет, свою генеалогию – прозы». Абрам Терц. *В тени Гоголя*. London: Overseas Publications Interchange in association with Collins, 1975, с. 328.

поскольку, в его представлении, в процессе самораскрытия и самопознания он должен предпринять воспитательные усилия для того, чтобы «сделаться лучше». Так от мысли о «внутреннем строении» Гоголь пришел к мысли о «внутренней истории» (Гоголь, 442), которая мыслилась прежде всего как повествование, поучительное для современников. В качестве «внутренней истории», которая предполагала в конечном счете совлечение с себя человека ветхого и превращение в человека нового, Гоголь избрал «чистосердечную повесть» своего «авторства», увидев в своей судьбе перст божий, «участие того, кто располагает миром» (Гоголь, 436).

В исповеди автор старается убедить читателей, себя, а более всего, кажется, Виссариона Белинского в том, что его раннее художественное творчество было бездумным, бесцельным, бессознательным:

Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе всё смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего, и кому от этого выйдет какая польза.

(Гоголь, 437).

Далее зафиксирован момент самоанализа и попытка более осознанного выбора своей творческой цели. «Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем. Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего». Так возник *Ревизор*, где автор «решился собрать в одну кучу всё дурное в России, ... и за одним разом посмеяться над всем» (Гоголь, 438).

Затем на пути самоопределения появляется знаковая фигура — Пушкин, заставивший, по словам Гоголя, «взглянуть серьезно» на литературное дело и задуматься над необходимостью создания «сочиненья полного (т.е. эпического — Л.Л.), где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться» (Гоголь, 438). Чем более Гоголь вглядывался в современную русскую жизнь, тем более пристально сосредоточивался на человеке и его душе (Гоголь, 441). Почувствовав недостаточность национального поля в познании, он обратился к освоению «тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще», и тогда его чтением стали «книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека» (Гоголь, 441). Но Гоголь, по признанию, не просто читал, он параллельно скрупулезно и тщательно наблюдал за «собственной душой» и увидел «математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображенью: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, словом — нужно сделаться лучшим» (Гоголь, 441). В стремлении сделаться лучшим автор искал достойные примеры. Так он пришел к Христу: «В мыслях моих чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благодостный образ, каким должен быть на земле человек» (Гоголь, 443). Усвоив себе «всемирность человеколюбивого закона Христова» (Гоголь, 460), автор, по признанию, «избавился от многих недостатков» и почувствовал потребность передать свой опыт другим: «Учить я принимал в том простом значении, в каком повелевает нам церковь учить друг друга» (Гоголь, 464). Такой

предстает в *Авторской исповеди* внутренняя история писателя. Жизненный опыт в целом, сама литературная исповедь в частности, где этот опыт был рассмотрен, объяснен и обобщен, предстают в качестве актов «постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление», на «искание истины» (Лотман, 372).

Гоголь стремился осмыслить факты своей биографии в особом — миссианском — ключе. Так, он констатировал, что в определенный момент утратил способность писать и воспринял это как знак. «Несколько раз, упрекаемый в недеятельности, я принимался за перо. Хотел насильно заставить себя написать хоть что-нибудь ... и не мог...» (Гоголь, 443). По собственной воле, как пояснял Гоголь, он никогда бы не отказался от творчества, именно высшая сила отняла у него «способность писать (...) Но нет лишений, во след которым нам <не> посылается замена ...не оставляет человека создатель» (Гоголь, 458). Значит, создатель, лишивший Гоголя дара писать художественные произведения так хорошо, как он это делал ранее, сохранил ему дар служить и проповедовать добро как основную христианскую истину. По мысли самого писателя, новая миссия, принимаемая им на себя, несопоставима с собственно литературной, ведь теперь речь идет одновременно о подвижническом, гражданском и христианско-учительском служении отечеству и миру, т.к. пользу сейчас может принести «гражданин земли своей и гражданин всемирный» (Гоголь, 455). Лотман констатировал: «Писатель подвижничеством должен был доказывать свое право говорить от лица Высшей Правды. Первым это понял ...Гоголь. (...) Путь этот толкал писателя к тому, чтобы занять позицию проповедника и пророка» (Лотман, 374). Исповедь с ее внутренней историей явно становилась для Гоголя важнее творчества. Лотман видел в Гоголе личность, «исполненную внутренней сложности», которая «резонировала на многочисленные струны русского и мирового культурного процесса, отличаясь при этом исключительной чуткостью и пророческой прозорливостью...»¹⁹.

В *Авторской исповеди*, рассмотренной как опыт внутреннего строения себя, отчетливо проявляется, во-первых, желание Гоголя прозреть в себе как в писателе не только тип русского человека, но и гражданина всего мира, а во-вторых, попытка выйти за пределы собственно литературного поля и обрести функцию апостольскую, где христианская жизнь и проповедь христианства мыслятся как органическое целое.

Литература

Кузовкина Т., Кузовкин Д. *Понятие границы в работах Ю.М. Лотмана о Гоголе. К эволюции научного языка ученого.* [В:] *Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семисфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллиннском университете (4–7 июня 2009 г.)*. Ред. сост. И.А. Пильщикова. Таллинн: TLU Press, 2011, с. 199–211.

¹⁹ Ю.М. Лотман. *Разноликий Гоголь.* [В:] Т. Кузовкина, Д. Кузовкин. *Понятие границы в работах Ю.М. Лотмана о Гоголе...*, с. 209.

- Лотман Ю.М. *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся*. Изд. 2-е. Ленинград: Просвещение, 1983.
- Лотман Ю.М. *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)*. [В:] *Ученые записки Тартусского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия*. Тарту, 1986. Вып. 683, с. 106–121.
- Лотман Ю.М. *Сотворение Карамзина*. Москва: Книга, 1987.
- Лотман Ю.М. *О «реализме» Гоголя*. [В:] *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II. Новая серия*. Ред. Л. Киселева. Тарту 1996.
- Петрунина Н.Н., Фридлендер Г.М. *Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах*. [В:] *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. VI. Отв. ред. Б.С. Мейлах. Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1969, с. 197–228.
- Терц А. *В тени Гоголя*. London: Overseas Publications Interchange in association with Collins, 1975
- Чаадаев П.Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 2. Москва: Наука 1991.
- Шварцбанд С. *К литературной биографии Н.В. Гоголя*. [В:] *Memiarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe* Т. 1. Red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: Studia Rossica, 2010, s. 119–130.
- Шенрок В.И. *Материалы для биографии Гоголя*. Т. 1–4. Москва: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1892–1897.
- Шенрок В.И. *Пушкин и Гоголь*. «Русская старина» 1900, № 2, с. 383–392.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

ИНЕССА И. МОРОЗОВА

Национальная академия наук Беларуси

Институт философии

ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: inesmorozova@bk.ru

(получено 21.07.2015, принято 4.11.2015)

Abstract

Transformation of the moral consciousness in the literature of the transition period

The article presents an analysis of the transformation of moral consciousness in Russian and Belorussian literature at the turn of the 21st century. In particular, the problems of dehumanization of moral values, destructive sexualities, immoral behavior and destructive tendencies opposed to the traditional ethical principles are examined.

Key words

Public consciousness, artistic consciousness, individual consciousness, moral consciousness, artistic literature, transition period, personality, sexual behavior, non-standard vocabulary, moral values.

Резюме

В статье представлен анализ трансформации нравственного сознания в белорусской и русской литературе рубежа XX–XXI веков, в частности, рассматривается проблема дегуманизации моральных ценностей, деструктивной сексуальности и аморального поведения, разрушительных тенденций, противопоставленных традиционным этическим принципам.

Ключевые слова

Общественное сознание, нравственное сознание, личность, сексуальное поведение, ненормативная лексика, нравственные ценности.

Литературный процесс рубежа XX–XXI веков представляет собой сложное и неоднородное явление, отражает серьезное переосмысление эстетических, этических и других ценностей и норм, отличается дискуссионностью, расширением тематических горизонтов, являясь логическим продолжением широкого спектра изменений, происходивших в обществе в середине 80-х годов XX века. Отмена цензуры, открытие архивных материалов, недоступных ранее, оказали существенное влияние на формирование художественного сознания. Хлынул поток возвращенной литературы (как белорусской, так и русской), увидели свет произведения иностранной литературы, не издававшиеся в советский период. Эти процессы идут параллельно в Беларуси и России; как отмечает Галина Львовна Нефагина,

достаточно было того, что возвращаемая литература была знаком интеллектуального сопротивления, заполняла вакуум исторической памяти, заставляла пересмотреть нравственные и мировоззренческие основы нашей жизни. Введение этих книг в культурный обиход расширило границы свободы слова¹.

Социальная функция литературы связана со степенью проникновения автора как субъекта, как носителя общественного и индивидуального сознаний в общие закономерности эпохи, своего времени, с возможностью моделирования идеалов и ценностей, имеющих практическое значение для человека, если принять во внимание аксиологическую и суггестивную функции литературы. Автор как носитель двух видов сознания проделывает огромную работу, переосмысливая и отражая в произведениях социокультурный материал. Принимая во внимание тот неоспоримый факт, что «личное сознание представляет собой... аккумулярованный опыт истории. Общественное сознание не существует вне личного»², важно рассмотреть реализацию изменения нравственного сознания в художественной литературе, роль которой в формировании мироощущения и самосознания человека велика во всем мире, проанализировать девальвацию духовных ценностей, отражение негативных доминант сознания асоциальных индивидов, деструктивных проявлений, наличие десакрализации ценностей.

Указанный период, характеризующийся сменой социокультурных парадигм, стремительно ворвавшийся во все сферы жизни, обнажил самую табуированную, предоставив на всеобщее усмотрение сексуальную свободу и разболтанность человека, стремление выйти за пределы нравственности, морали. Безусловно, не стоит проявлять ханжества и пуританства в осмыслении этой

¹ Г.Л. Нефагина. *Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века*. Минск: Экономпресс, 1998, с.10.

² А.Г. Спиркин. *Сознание и самосознание*. Москва: Политиздат, 1972, с.128.

довольно-таки серьезной и важной проблемы. Николай Александрович Бердяев, представивший уникальные экзистенциальные постижения в области метафизики пола, эроса и любви, вообще считал вопрос о половом сознании и поведении одним из центральных в жизни человека, имеющим всемирное значение:

С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти³.

Однако, в художественном и обыденном сознаниях сексуальная раскрепощенность, парадоксальным образом, воспринимается (а то и навязывается) как признак истинной внутренней свободы человека, постулируется принцип сексуальной вседозволенности и приемлемости различных сексуальных извращений. В общественном сознании прочно укореняется мысль о том, что быть сексуально свободным, лояльным, сексуально озабоченным — это модно, современно, стильно, по-западному. Наблюдается гипертрофированный интерес к телесности, человеческому телу, наготы, плоть доминирует над душой, о которой мало кто заботится из тех, кто сексуально одержим.

В литературе знаковой, культовой фигурой объявляется Адам Глобус, в творчестве которого широко представлен комплекс указанных тенденций, сыгравший, по мнению некоторых критиков, революционную роль в развитии белорусского искусства, если иметь ввиду отражение в его текстах (*Дамавікамерон, Толькі не гавары маеі маме*)⁴ неприкрытой аморальности и непристойности, явной порнографической направленности, что вызывает у исследователей справедливое и вполне объяснимое чувство безглицости и морального осуждения:

Найноўшая беларуская літаратура ствараецца ўжо не столькі дзеля чалавека, колькі супраць яго, акумулюючы сярод значнай часткі творчай інтэлігенцыі дэгуманістычныя ідэі і мізантрапічны настрой⁵.

По мнению Адама Глобуса, «есць некалькі рэчаў, да якіх не знікае цікаўнасць на працягу жыцця. Адна з іх — палавыя адзнакі»⁶. Исходя из того, что «эротыка і эратычнае — тое, што маруднае і легкаважнае, а парнаграфія — наадварот — дынамічная, агрэсіўная і яркая»⁷, автор в книге *Літары*, состоящей из рассказов явно порнографического характера, продолжает реализацию мозаичности сексуальных фантазмагорий, созданных в границах аморализма. Функциональность такого текста ясна и однонаправленна. При этом, следует отметить, Адам Глобус является талантливым писателем, чье творчество многопланово отража-

³ *Русский эрос, или философия любви в России. Сборник.* Составитель и автор вступительной статьи В.П. Шестаков. Комментарий А.Н. Богословского. Москва: Прогресс, 1991, с. 232.

⁴ А. Глобус. *Тэксты*. Москва: АСТ, 2000.

⁵ З.У. Драздова. *Праблема чалавечага характару ў эксперыментальна-пошукавых формах сучаснай французскай і беларускай прозы.* [В:] *Беларуская і руская літаратуры. Тыпалогія ўзаемазвязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі.* Мінск: Права і эканоміка, 2012, с.175.

⁶ А. Глобус. *Тэксты...*, с. 1030.

⁷ Там же, с. 1031.

ет и общечеловеческие ценности, и экзистенциальное мироощущение (поэзия, роман *Дом*), однако это не мешает ему смотреть на мир как на калейдоскоп чередующихся картинок различных вариантов сексуальных совокуплений, но подобный взгляд совсем не нов в литературе и не блещет оригинальностью. Такая навязчивая и монотонная демонстрация в текстах плоского и примитивного гедонизма (заметим, что гедонизм гедонизму рознь), направленного на реализацию чувственного наслаждения как самоцели и индивидуального самоутверждения, скорее продиктована коммерческими интересами, нежели авторским стремлением выразить художественными средствами нечто новое в литературе.

Безусловно, в реализации таких тенденций свою роль сыграла и иностранная литература определенного направления, которая стала доступна для широкого круга читателей. Современные исследователи, обратившись к компаративистскому рассмотрению французской и белорусской литератур, вынуждены констатировать в них усиливающиеся тенденции к отказу от гуманистических принципов и постулирования «аморальной морали»:

Сённяшнія французскія пісьменнікі, як, дарэчы, і беларускія, шмат у чым згубілі маральна-этычную функцыю пісьменнікаў-класікаў... Размыванню чалавечага характару моцна шкодзіць захопленасць падсвядомым, апісаннімі фізіялагічных страцей у чалавеку, ігнараванне кіруючай ролі ў ім духоўнага пачатку⁸.

Известный французский писатель Фредерик Бегбедер, автор нашумевших романов *Любовь живет три года, 99 франков, Романтический эгоист* и других, декларируя свою нравственно-эстетическую позицию, утверждает:

Мои книги наполнены тотальным нигилизмом, абсолютным отчаянием...и вместе с тем неудержимым гедонизмом...разве многие не нашли для себя решение в наркотиках, сексе, ночных клубах?... Разве не стали ночные клубы храмами моего поколения? Те же обряды, та же униформа, те же церемонии...Танцплощадка — святая святых, house music — вместо песнопений, а водка с тоником несет «блажую весть» и заменяет церковное вино⁹.

По мнению писателя, секс и любовь — это разные вещи, человек всегда искал сугубо сексуального удовлетворения, поэтому не стоит видеть в сексуальных отношениях мужчины и женщины «нечто сатанинское, слишком серьезное... Это просто действия, как любые другие, цель которых — получить наслаждение»¹⁰.

В романе Фредерика Бегбедера *Идеал*¹¹, пользующимся большой популярностью, наблюдаются указанные тенденции, отражающие парадоксальный моральный аморализм главного героя романа, умного и критичного, но достаточно циничного человека, представляющего интересы крупного косметического бизнеса. Герой приезжает в Россию за поисками нового «рекламного лица» для

⁸ З.У. Драздова. *Праблема чалавечага характару...*, с. 147–148.

⁹ Ж.-М. Ди Фалько, Ф. Бегбедер. *Я верую — я тоже нет. Диалог между епископом и нечестивцем при посредничестве Рене Гиттона. Фрагменты книги.* «Иностранная литература» 2006, №9, с. 201–202.

¹⁰ Там же, с. 233.

¹¹ Ф. Бегбедер. *Идеаль.* Москва: Иностранная литература, 2008.

компании, окунаясь в привычный мир гламура и моды, кокаиновых вечеринок и утонченного разврата. Находясь в однообразной атмосфере сексуальной доступности и вседозволенности он неожиданно влюбляется, однако возлюбленная не оправдывает его ожиданий, эти отношения балансируют на грани, отражая борьбу двух антиномий — стихий эроса и танатоса.

Вторжение эроса в общем-то абсурдную стихию человека обостряет сферу чувственности до предела, толкая его на необъяснимые и трагические поступки, подчеркивая тем самым известную констатацию метафизической и онтологической несоединенности двух в этом мире. Той трагической несоединенности, представленной в известной фрейдовской модели человека как «несчастливого существа», живущего на грани разрыва между эмпирикой и гедонизмом; или в предложенной Э. Фроммом модели человека с изначально заложенным в его природе неустрашимым разладом, приводящим к «экзистенциальным дихотомиям жизни и смерти»; или в предложенной Жан-Полем Сартром модели «бытия-для-другого», изначально содержащей конфликт, поскольку это «бытие-для-другого» предполагает двойное внутреннее неприятие. Или в том неоспоримом бердяевском факте, что «есть закон духовной непроницаемости, перед которым оказывается бессильным самое глубокое человеческое чувство... есть черта, отделяющая нас от мира, которую не перейдет никто... Мы всегда «одинокие» духовно, мы никогда не сливаемся с другими до полного, конечного единства души и тела, такое единство недостижимо в плоскости естественного бытия»¹².

Подобный трагизм несоединенности двух ярко представлен и в романе российского автора Алексея Семенова *Голые циники*, в котором отражена все та же сомнительность претензии на любовь между двумя молодыми людьми, демонстрирующими духовную и моральную неразвитость, ограниченность. Находясь в плену примитивного физиологизма и легкой наркотической одурманенности, искусственно накручивая себя и придумывая несуществующие причины для взаимных обид, они почти закономерно приходят к абсурдному финалу никому не нужных смертей и суицида. Автор *Голых циников*, в качестве рекламного хода на обложке книги, стремится преподнести историю взаимоотношений Ричарда и Варвары как полную трагизма любовную драму с жуткой ревностью и бушующими страстями, каковых еще не знала мировая литература: «Что такое любовь? Спросить у Омара Хайяма? Что он знает о физиологии отношений?.. Что такое страсть? Спросить у Захер Мазоха? Да не знает он настоящей боли. Боль приходит с воспоминаниями. Поэтому спросите у героев книги — Ричарда и Варвары. Они скажут правду. А вы... заплачете»¹³. Какая самонадеянность! В тексте романа, конечно, существует несколько планов, в нем присутствует определенная система нравственных координат, но отношения двух лишены психологической усложненности и каузальности, нет динамики чувств, есть некая констатация упрощенного взаимодействия на физиологическом уровне, из-

¹² Русский эрос, или философия любви в России..., с. 327.

¹³ А. Семенов. *Голые циники*. Москва: Астрель — АСТ, 2007.

рядно одобренного сексуальными инвективами. И даже убийство соперника из чувства ревности не доказывает «кипучести» страстей.

Вспомним Федора Михайловича Достоевского, в романах которого, без единого намека на использование ненормативной лексики, кипят настоящие страсти между демоническими, инфернальными женщинами и дионисийными мужчинами. В его художественной системе представлена модель преступления не только нравственного, но и религиозного, онтологического порядка (роман *Идиот*), где одержимый и измученный страстью Рогожин убивает Настасью Филипповну. Эти образы психологически усложнены, в них есть внутренняя глубина, есть динамизм во взаимоотношениях и определенная мотивация поступков, приводящих к трагедии. И Артур Шопенгауэр, и Зигмунд Фрейд указывали на ту необъяснимую драматическую ситуацию, когда любовь ослепляет настолько, что в этом любовном ослеплении человек способен совершить какое угодно преступление, абсолютно не раскаиваясь в нем, что отражено в художественном опыте Федора Михайловича Достоевского, лишний раз подтверждая известную ницшеанскую констатацию «по ту сторону добра и зла».

Вечная борьба эроса и танатоса губительна для человека, тем более для поколения однонаправленных индивидов, определяемых современными психологами как генитальный тип. Это лица интеллектуально сниженные, для сознания которых характерно «неразличение разницы между половым влечением и эрекцией, понимаемой достаточным основанием к действию»¹⁴. Лексика героев романа Алексея Семенова перенасыщена сексуальными инвективами, нецензурщиной, грубоватым сленгом¹⁵, свидетельствующими о деградирующем состоянии молодого поколения, художественно воплощенном в «генитальной» литературе.

Как считает известный специалист в области изучения психофизиологических и социально-психологических аспектов функционирования ненормативной лексики Леонид Александрович Китаев-Смык,

в исторические, «переходные» периоды у части общества возникает массовая дебилизация. При этом наименее защищенные социальные слои (молодежь и люди с недостаточным образованием) вынуждены использовать эротизацию своей вербальной активности как культурную (антикультурную) защиту. Их речь изобилует словесными протезами — сексуально-скабрезными выражениями (как неосознанный протест против социального давления). И, наверняка, неслучайно сексуальные образы, послылы, считавшиеся еще недавно непристойными (нецензурными) сейчас проникают на экраны телевизоров, на сцены театров, на страницы книг и газет одновременно с нарастающей модой на авангардистское искусство¹⁶.

Безусловно, в реализации эпатажного поведения, деструктивной сексуальности, гипертрофированной ненормативности лексикона выражается свое-

¹⁴ Психология. Словарь. Ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Москва: Политиздат, 1990, с. 356.

¹⁵ А. Семенов. *Голые циники...*, с. 12–14.

¹⁶ Л.А. Китаев-Смык. *Социально-психологические аспекты матерной речи*. «Вопросы психологии» 2007, № 6, с.120–128.

образный экзистенциальный, социальный и нравственный протест против существующей несправедливости окружающей действительности. Но этот протест носит разрушительный характер в первую очередь для самого носителя протестных интенций, зачастую превращая его в заложника и раба одновременно собственных деструктивных поведенческих моделей, нарушая целостность человеческого бытия. И Эрих Зелигманн Фромм бесконечно прав, указывая на тот факт, что

клинические данные со всей ясностью показывают, что мужчины и женщины, посвятившие свою жизнь неограниченному удовлетворению сексуальных желаний, не достигают счастья, а часто и страдают от тяжелых невротических конфликтов и симптомов. Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не составляет фундамент счастья, но даже не гарантирует душевного здоровья¹⁷.

Более того, следует учитывать тот факт, что настойчивое постулирование подобных идей свидетельствует об изначально нездоровой психике, психическом и психологическом надломе, о чем неоднократно указывалось в соответствующей научной литературе. Как известно, например, Маркиз де Сад, реализовав в своих художественных произведениях сексуальные извращения, непристойности, фантазии и разврат, страдал серьезным психическим расстройством, которое, конечно, не помешало ему представить морально-философские постижения в осмыслении онтологической проблемы зла и мрака в человеческой природе, о чем красноречиво свидетельствует следующее его утверждение: «В человеке скрыто невероятно много грязного, темного, преступного. Человек способен на все. Обуздать его не могут ни штыки, ни тюремные решетки, ни осуждения близких»¹⁸. Николай Александрович Бердяев, посвятивший немало страниц рассмотрению проблем пола, любви и эротизма, утверждал, что

разврат есть разъединение, и он всегда превращает объект полового влечения в средство, а не в цель. Вся физиология и психология разврата построена на этом превращении средства в цель, на подмене влечения к своему объекту влечением к самому сексуальному акту или к самому искусству любви. Любовь к любви, вместо любви к лицу — в этом психология разврата¹⁹.

Наиболее полно и разнообразно деструктивные тенденции индивидуально-го сознания и поведения представлены в творчестве российского автора Владимира Сорокина, известного эпатажной скандальностью текстов, граничащей с психопатологией. Полагая, что творческая свобода писателя не знает границ и находится в плоскости чисто технических, а не нравственных координат, воодушевленный эстетикой безобразного в творчестве Маркиза де Сада, Владимир Сорокин представил на суд читателя информационный поток безнравственной

¹⁷ Э. Фромм. *Искусство любить*. Перевод с английского. Ред. Д.А. Леонтьева. Санкт-Петербург: Азбука — классика, 2004, с. 165.

¹⁸ Цит. по Е. Храмов. *От переводчика*. [В:] Маркиз де Сад. *Новая Жюстина*. Москва: НИК, 1992.

¹⁹ Н.А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства*. В 2 томах. Москва: Искусство, 1994, с. 209.

словесной грязи, некрофильства, порнографии, каннибализма, садомазохизма, в буквальном смысле фекализма, что, в свою очередь, заставляет исследователей определить такое творчество «канализационной» литературой и дегенеративным искусством, свидетельствующим только о том, что «грубая чувственность восполняет вакуум эмоциональности, характерной для выхолощенной шизоидной позиции»²⁰.

Стремление отразить в художественном сознании проявления десакультурации ценностей и норм выражено и в творчестве белорусского писателя Владимира Некляева (роман *Лабух*). Здесь представлена несколько иная ситуация, поскольку декларируется не только неприкрытая физиология, сексуальные отношения, отклонения плоти и эстетизация низкого в человеке, но и экзистенциальное мироощущение, мотивы одиночества и разочарования, внутренней неудовлетворенности, потери духовности, поиски смысла жизни, любви, осмысление политических изменений и социального устройства. Рефлектирующее сознание такого представителя интеллигентских кругов имеет все же однонаправленность (сексуализация мышления), выражающуюся в необходимости постоянной смены сексуальных партнеров, прикрытую красивой фразой: «смысл жизни... только в женщине».

Когда смысл жизни мужчины действительно состоит в любви к женщине, озарен светом этой любви, поднимающей его над обыденностью, тогда нет места донжуанству, тогда есть внутреннее отчуждение от других, а сознание отражает иные категории, исключая пошлый и циничный разврат. Николай Александрович Бердяев в этом отношении беспощаден:

В любви есть что-то аристократическое и творческое, глубоко индивидуальное, вне-родовое, неканоническое, ненормативное, она непосильна сознанию средне-родовому. Любовь лежит уже в каком-то ином плане бытия, не в том, в котором живет и устраивается род человеческий... Сексуальный разврат ближе и понятнее человеческому роду, чем любовь, в известном смысле приемлемее для него и даже безопаснее. С развратом можно устроиться в «мире», можно ограничить его и упорядочить. С любовью устроиться нельзя, и она не подлежит никакому упорядочиванию²¹.

Тенденции, нашедшие художественное воплощение в романе Владимира Некляева, очень напоминают общую атмосферу нашумевшего романа Генри Миллера *Тропик рака*, созданного в 1930-е годы и воплотившего мироощущение кризисного периода, ту экзистенциальную «потерянность» поколения, которая всегда наблюдается в эпоху экономических и социальных сломов. В нем также нашли отражение деструктивное сознание, крайний пессимизм и цинизм, сексуальная неприкрытость, эротизм, индивидуалистический нигилизм, но обусловленность этих проявлений связана с резкими социальными изменениями и внутренними индивидуальными качествами главного героя романа, позволя-

²⁰ М.М. Козлова, А.В. Хохлов. *Смещение традиционных гуманистических ценностей в творчестве Владимира Сорокина. Деидеологизированные аллегории или расчеловечивание?* [В:] *Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе*. В 2 частях. Часть 2. Гродно: Гродненский государственный университет, 2014, с. 79.

²¹ Н.А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства...*, с. 202.

ющими саркастично-критически воспринимать и переосмысливать устоявшиеся стереотипы мышления и поведенческих установок представителей европейского общества.

Этот роман долгое время был запрещен к публикации в разных странах мира, но не столько за безнравственность, сколько за многоплановость, вскрывающую социальную несправедливость и моральный дискомфорт, экзистенциальную неустроенность человека в мире. Поэтому в этот период он становится одним из самых читаемых романов, не взирая на то, что «главная его заповедь не нова – жить, открывшись миру, принимать добро и зло в его диалектическом единстве», как указано в аннотации к русскому изданию²². Очень точно по этому поводу заметила Анна Николаевна Кислицина:

Ужо не актуальны для заходняга свету, перасычанага свабодай, Мілер прыйшоў да нашага чытача ... у належны час, час абуджэння нашай асабовасці. Мы прагнулі праўдзівага слова — ні адзін публіцыст не мог параўнацца з ім у шчырасці і адкрытасці. Гэта была адкрытасць прыгожага і чыстага чалавека, якому не было што хаваць²³.

Это действительно заслуживающее внимания произведение, расширяющее границы индивидуального и общественного сознаний, в отличие от не совсем удачной попытки Владимира Некляева повторить миллеровские блуждания по смыслам бытия, кстати, и сам Генри Миллер в последующих произведениях, фактически, повторяется, так и не преодолев границу эстетических и нравственно-философских постижений *Тропика рака*.

Явления десакарализации ценностных установок и деструктивного сознания широко представлены в романе известного российского писателя Сергея Минаева *Dухless. Повесть о ненастоящем человеке*, вызвавшим в свое время широкий резонанс и ставшим бестселлером, что, в общем-то, совсем не удивительно, поскольку это произведение также отражает стремление автора продолжить этические и эстетические традиции Генри Миллера, в тексте даже представлена цитата из романа *Тропик рака* в качестве эпиграфа к одной из глав²⁴. Минаев также саркастично-критически (как и Миллер) переосмысливает социально-нравственные изменения и поведенческие модели современных представителей российского социума, вскрывает цинизм, пошлость, абсурдность существования, при этом сохраняя самоиронию и самокритичность главного героя произведения:

И вот я пришел в Интернет. В этот удивительный, волшебный мир. Мир, состоящий из порнографии, матерщины, неполиткорректных граждан и отсутствия всякой цензуры. Мир, созданный для безделья, праздничатания и удовлетворения извращенных фантазий. Именно за этим люди и идут в сеть... Вы знаете, какое первое слово набирает в поисковой системе человек, попавший в Сеть впервые?.. Самое первое слово, начало начал,

²² Г. Миллер. *Тропик рака*. Перевод с английского. Предисловие И.П. Тарасевича. Москва: Культура, 1992.

²³ Г.М. Кісліцына. *Blonde attack*. Мінск: Логвінаў, 2003, с. 98.

²⁴ С. Минаев. *Dухless. Повесть о ненастоящем человеке*. Москва: Астрель — АСТ, 2011, с. 129.

отправная точка для новичка — слово FUCK. И уж понятно, что первая же ссылка на это слово...будет ссылка на порносайт...²⁵

В центре повествования этого произведения находится порожденный современностью тип успешного менеджера крупной компании, жизнь которого заключена в границы плоской двуплановости: бизнес и пустое времяпрепровождение (гламурность, гедонизм, наркотики, алкоголь и секс), приукрашенные бесконечными рассуждениями о существенных проблемах человеческого бытия. Ироничность, цинизм и навязчивая демонстрация пронизательного интеллектуализма, на самом деле лишено каких-либо целеполаганий и интенций — таково жизненное кредо подобного представителя современного частного бизнеса. Бездуховное существование индивида в бездуховном «великом культурном одичании» (Владимир Дашкевич). Надо отдать должное стилистическому мастерству писателя, но Сергей Минаев, стремясь соблюсти принцип реалистической достоверности, а может и подчиняясь модному веянию, не избегает употребления ненормативной лексики, что, безусловно, снижает достоинство романа.

Так, например, великому классику Льву Толстому не нужно было использовать арсенал ненормативной лексики для того, чтобы создать внутренний и внешний мир падшей женщины Катюши Масловой в романе *Воскресение*, или в художественном воплощении антиномий патологического сексуального сознания и поведения супружеской пары, приведшей к трагическому финалу, в повести *Крейцеров соната*. И Александру Куприну хватило запаса художественных средств изображения для воссоздания царящей атмосферы разврата публичного дома и его разнообразных обитателей в повести *Яма*, без использования сексуальных инвектив и вульгаризмов, и этот ряд можно продолжать до бесконечности.

В подобных художественных текстах моделируется тип усредненного человека, нивелированного и интегрированного в общество с царящей атмосферой потребительства в самом широком смысле слова. За кажущейся эпатажностью, непохожестью, нестандартностью сексуального поведения скрывается тип обычного среднего человека с декларацией узкого принципа «быть как все», с поверхностным отношением к окружающему миру, с однообразием жизненных установок, поступков, лексики и стиля, усиливая ощущения отчужденности и «потерянности». Эрих Фромм пронизательно констатирует наличие подобных тенденций, наблюдаемых на Западе в середине пятидесятых годов XX века: «Человеческие взаимоотношения сводятся в основном к взаимоотношениям отчужденных друг от друга автоматов, причем безопасность каждого из них основана на его близости к стаду и сходстве мыслей, чувств и поступков»²⁶. Реализуя на практике такие жизненные установки, человек теряет собственную индивидуальность, происходит растворение человека в массе, в сообществе людей, в которое он попадает, личностные качества ослабевают под давлением коллектива, о чем говорил Николай Александрович Бердяев, отстаивая прин-

²⁵ Там же, с. 143.

²⁶ Э. Фромм. *Искусство любить...*, с. 158.

ципы персонализма, происходит потеря собственной идентичности, что и находит отражение в указанных художественных произведениях.

Отрадно отметить, что иная ситуация царит в художественном сознании, отраженном в произведениях белорусского русскоязычного писателя Анатолия Андреева (романы *Для кого восходит солнце*, *Маргинал*, *Мы все горим синим пламенем* и другие)²⁷, главным героем которых является интеллигенция, способная противостоять антигуманности мира. Проявленный интерес к самосознанию интеллигенции (писатель, ученый, преподаватель вуза) очень важен для формирования общественного сознания, поскольку эта та часть социума, которая теоретически и практически осуществляет важнейшую функцию защиты человечества от духовной деградации²⁸. В текстах фигурирует тип «умного человека»²⁹, в сознании которого прочно укореняется мысль о доминировании разума в существовании человека. Так, Вадим Петрович Иванов утверждал, что

разумность является интерсубъективным измерением, в котором опыт множества субъектов превращается в общий для всех жизненный результат. Этот результат, поскольку он может быть признан общей целью, выступает также нормой оценки, мерилom деятельности каждого индивида, разумеется, тех ее оснований, которые заключены в опыте³⁰.

Такой тип личности персонцентричен, это элитарная личность, лишенная деструктивных проявлений, философски переосмысливающая окружающий мир. Как верно отмечает Ирина Скоропанова, «создавая философствующих персонажей, автор постулирует адогматизированное усложнившееся мышление»³¹, которое абсолютно не чуждо нравственности. Альберт Швейцер актуализировал подобную проблематику в 1920-х годах в своей концептуальной работе *Культура и этика*, прекрасно осознавая существующие реалии и перспективы развития европейского мира, утверждая:

Подлинное чувство реальности заключается в осознании той непреложной истины, что мы лишь через основанные на разуме этические идеалы можем прийти к нормальным взаимоотношениям с действительностью. Только благодаря им человек и общество обретут такую власть над происходящими событиями, какую вообще могут обладать. Без них нам — что бы мы ни делали — никогда не вырваться из-под всеисильной власти событий³².

²⁷ А. Андреев. *Мы все горим синим пламенем*. Минск: Макбел, 2006.

²⁸ О. Таланцева. *Философия элитаризма в прозе Анатолия Андреева*. Минск: Издательский центр БГУ, 2012, с. 25.

²⁹ И. Скоропанова. *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева*. [В:] *Русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века*. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2010.

³⁰ В.П. Иванов. *Человеческая деятельность — познание — искусство*. Киев: Наукова думка, 1977, с. 166.

³¹ И. Скоропанова. *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева...*, с. 47.

³² А. Швейцер. *Культура и этика*. Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. Предисловие В.А. Карпушина. Москва: Прогресс, 1972, с. 67.

Анатолий Андреев апеллирует не только к разуму, но и к чувству, любовь является для писателя необходимой, насущной потребностью, важнейшей составляющей жизни человека. В его прозе эротизм не соседствует с пошлостью и вульгарностью, стилистически возвышен и лишен деструктивных «изысков», что вовсе не мешает автору художественно осмысливать антиномичность любви и сложность взаимоотношений двух в системе ее координат.

Проявлена и иная тенденция в художественном сознании, связанная с постулированием идеи доминирования чувственно-эмоциональной сферы (в отличие от рациональной) в стремлении противостоять тотальной дегуманизации окружающей действительности. Актуализируется морально-нравственная составляющая индивидуального и общественного сознаний, мировоззренческих установок человека, его поведенческих моделей, причинно-следственных связей, гармонизация эмоциональной сферы как основы личной самодостаточности в борьбе с бездуховностью и бескультурностью, наиболее проявленные в прозаических произведениях Тамары Лаврик и Анатолия Козлова, в поэзии Сергея Гроховского, Любви Тарасюк, Раисы Боровиковой, Ирины Богданович, Валерия Максимовича, где экспрессивно-эмоциональный поток вторгается в душевную жизнь воспринимающего, способствуя трансформации его сознания, расширению границ мироощущения, приводя к состоянию высшей духовности и нравственному очищению. Такая модель эмоционального состояния приобретает суггестивно-катарсические функции, способствующие, как известно, возвышению человека над собственной обыденностью, не говоря уже о моральном воздействии, а позиция авторов — это эстетический и поэтический мятеж против духовной и душевной девальвации.

Альберт Швейцер также предпринимал попытку моральной реабилитации человека:

Одобрять мы должны только то, что согласуется с гуманностью. Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни и счастья человека. Мы должны вновь поднять на щит священные права человека... Мы требуем вновь восстановить справедливость (...) ту, которая преисполнена идеей ценности каждого человеческого бытия³³.

Более того, полагая, что нравственное несет в себе высшую целесообразность, он утверждает:

Только тогда, когда большинство людей в своих мыслях и поступках будут постоянно побуждать гуманность полемизировать с действительностью, гуманность перестанут считать сентиментальной идеей, и она станет тем, чем она должна быть – основой убеждения человека и общества³⁴.

Кризисное мироощущение, кризисное сознание не может постоянно находиться в узких границах пессимизма и девальвации ценностей, оно ищет выхода за пределы этих границ, оно требует жизнеутверждающих интенций и посылов, что нашло свое проявление в недавнем обращении западных кинематографистов к тексту романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда *Великий Гетсби*, экрани-

³³ А. Швейцер. *Культура и этика...*, с. 326.

³⁴ Там же, с. 327.

зация которого имела небывалый успех у публики и, как результат, огромные тиражи переиздания книги. Яркий и талантливый представитель американской литературы первой половины XX столетия, отразивший эстетические принципы «потерянного» поколения, Фрэнсис Скотт Фицджеральд создал в этом романе специфическую атмосферу кризисного существования человека в мире, где вся жизнь подчинена накоплению материальных благ для самоутверждения, но главным для авторской позиции остается способность человека любить. Гэтсби велик силой и высотой своего чувства, верностью и преданностью своей мечте, аристократизмом души, что абсолютно девальвировано в мире. Невзирая на трагический финал романа, он все же несет жизнеутверждающие интенции, восполняя потребность современного человека в чистоте и красоте чувств и ощущений.

Антигуманность и безнравственность, девиантное поведение, отраженные в литературе, не должны занимать господствующее положение, даже принимая во внимание тот общеизвестный факт, что литература ориентирована на разные слои социума, но в «искусстве социально ценно не только то, чем овладела масса, но и то, до чего она сегодня не доросла»³⁵. Поэтому весьма актуальной видится необходимость осознания писателями личной ответственности за каждое написанное слово, понимания смысла совершаемых действий и последствий для общества. Поэтому Валерий Александрович Максимович утверждает:

При всей неоднозначности и многомерности происходящих в обществе процессов не стоит забывать, что литературовед, наряду с литератором, художником-творцом существенно влияет на общественное сознание, на идейно-эстетический уровень читателя и призван стоять на страже общественного служения правде, совести, духовности; его профессиональный долг — подходить к сомнительным псевдохудожественным изыскам с самой высокой мерой требовательности и нравственности, без чего искусство, литература не могут в полной мере выполнить свое высокое назначение³⁶.

Генри Миллер также прекрасно осознавал личную нравственную ответственность писателя за каждое созданное слово, понимая тот энергетический посыл, который в нем заключен:

Если является на свет книга, подобная взрыву, книга, способная жечь и ранить вам душу, знайте, что она написана... человеком, у которого есть только один способ защиты от этого мира — слово; и это слово всегда сильнее всеподавляющей лжи мира, сильнее, чем все орудия пыток, изобретенные трусами для того, чтобы подавить чудо человеческой личности. Если бы нашелся кто-нибудь, способный передать все, что у него на сердце, высказать все, что он пережил, выложить всю правду, мир разлетелся бы на

³⁵ Ю.Б. Борев. *Проблемы художественного восприятия*. [В:] *Общество, литература, чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте*. Пер. с нем. Ред. О.В. Егоров. Москва: Прогресс, 1978, с. 13.

³⁶ В.А. Максимович. *Еще раз о «смене постмодернистской парадигмы»*. [В:] *Белорусско-российский диалог. Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.* Москва: Институт славяноведения РАН, 2006, с. 28.

куски, рассыпался бы в прах — и ни Бог, ни случай, ни воля не смогли бы собрать все эти кусочки, атомы, кванты, из которых он состоит³⁷.

Понимая и принимая горечь и боль миллеровских инвектив, все же не стоит оставлять надежду на способность художественного текста, представляющего собой субъективную творческую реализацию эстетического опыта, устранять существующую дисгармонию в мире ради сохранения нравственной составляющей его целостности.

Таким образом, литературная ситуация указанного периода, наряду с декларированием позитивных ценностей и норм, отражает негативные доминанты нравственного сознания: асоциальное поведение индивидов, примитивное мышление, деструктивную сексуальность, духовное и культурное обнищание, десакрализацию ценностей, что, в свою очередь, актуализирует проблему восприятия литературы субъектом, необходимость корректировки этого восприятия для наиболее адекватного осмысления художественной реальности и формирования сознания, принимая во внимание аксиологическую и суггестивную функции художественной литературы. Следует учитывать тот факт, что реципиенты с неустойчивой психикой, чрезмерной импульсивностью и склонностью к аффектации, могут попасть в информационную (текстологическую) ловушку, что приведет к смещению в их индивидуальном сознании истинных акцентов и социально-нравственных установок, мировоззренческому сдвигу, поскольку художественные тексты в большинстве случаев обладают многоуровневыми смыслами (скрытыми или явными); поэтому необходимо уходить от их примитивной интерпретации, используя синтезированный подход в осмыслении художественной литературы, совершенствуя познавательные способности реципиента и его индивидуальное сознание.

Такой подход необходим, поскольку

во взаимодействии сознания и восприятия литература... может стать экспериментальным полем для социальной фантазии, полем, где могут испытываться различные формы адекватного познания человеком самого себя, общества и мира, чтобы личность и мир могли быть приняты или отвергнуты. Литературное изображение выступает как своеобразный пролог или эпилог к действительности, как особый метод раскрытия истории или современной действительности, как метод мыслительного проигрывания наличных возможностей поведения и подготовки будущих поступков, мыслей и чувств³⁸.

Литература

Андреев А. *Мы все горим синем пламенем*. Минск: Макбел, 2006.

Бегбедер Ф. *Идеаль*. Москва: Иностранная литература, 2008.

Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*. В 2 томах. Москва: Искусство, 1994.

³⁷ Г. Миллер. *Тропик рака...*, с. 187.

³⁸ Д. Клихе, Д. Шленштедт, Р. Ленцер. *Общественная функция и эффективность литературы*. [В:] *О бытие, литература, чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте...*, с. 287.

- Борев Ю.Б. *Проблемы художественного восприятия*. [В:] *Общество, литература, чтение: восприятие литературы в теоретическом аспекте*. Пер. с нем. Под ред. О.В. Егорова. Москва: Прогресс, 1978, с. 3–14.
- Глобус А. *Тэксты*. Москва: АСТ, 2000.
- Ди Фалько Жан-Мишель, Бегбедер Фредерик. *Я верую — я тоже нет. Диалог между епископом и нечестивцем при посредничестве Рене Гиттона*. Фрагменты книги. «Иностранная литература» 2006, № 9, с.201–243.
- Драздова З.У. *Праблема чалавечага характару ў эксперыментальна-пошукавых формах сучаснай французскай і беларускай прозы*. [В:] *Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць. Праблемы характаралогіі*. Навук. рэд. В.П. Жураўлёў. Мінск: Беларуская навука, 2013, с. 140–163.
- Иванов В.П. *Человеческая деятельность — познание — искусство*. Киев: Наукова думка, 1977.
- Кісліцына Г.М. *Blonde attack*. Мінск: Логвінаў, 2003.
- Китаев-Смык Л.А. *Социально-психологические аспекты матерной речи*. «Вопросы психологии» 2007, № 6, с.120–128.
- Клихе Д., Шленштедт Д., Ленцер Р. *Общественная функция и эффективность литературы*. [В:] *Общество, литература, чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте*. Пер. с нем. Под ред. О.В. Егорова. Москва: Прогресс, 1978.
- Козлова М.М., Хохлов А.В. *Смещение традиционных гуманистических ценностей в творчестве Владимира Сорокина. Деидеологизированные аллегории или расчеловечивание?* [В:] *Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе*. Ч. 2. Гродно: Гродненский государственный университет, 2014, с. 73–80.
- Максимович В.А. *Еще раз о «смене постмодернистской парадигмы»*. [В:] *Белорусско-российский диалог. Культура и литература Беларуси XX–XXI вв*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2006.
- Миллер Г. *Тропик рака*. Пер. с англ. Предисловие И.П. Тарасевича. Москва: Культура, 1992.
- Минаев С. *Dухless. Повесть о ненастоящем человеке*. Москва: Астрель — АСТ, 2011.
- Психология. Словарь*. Ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Москва: Политиздат, 1990.
- Русский эрос, или философия любви в России*. Москва: Прогресс, 1991.
- Семенов А. *Голые циники*. Москва: Астрель — АСТ, 2007.
- Скоропанова И. *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева*. [В:] *Русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века*. Мінск: Республіканскі інстытут вышэйшай школы, 2010, с. 40–47.
- Таланцева О. *Философия элитаризма в прозе Анатолия Андреева*. Минск: Издательский центр БГУ, 2012.
- Храмов Е. *От переводчика*. [В:] Маркиз де Сад. *Новая Жюстина*. Москва: НИК, 1992, с. 3–5.
- Фромм Э. *Искусство любить*. Пер. с англ. Под ред. Д.А. Леонтьева. Санкт-Петербург: Азбука — классика, 2004.
- Швейцер А. *Культура и этика*. Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. Предисл. В.А. Карпушина. Москва: Прогресс, 1972.

ДОСТОЕВСКИЙ — ХАКЛИ — СОВРЕМЕННОСТЬ. АНТИУТОПИЯ В ДЕЙСТВИИ

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl
(nadesłano 8.07.2015; zaakceptowano 14.10.2015)

Abstract

Dostoyevsky — Huxley — present time. Dystopia in action

The article investigates the genre of dystopia in *The Grand Inquisitor* (as part of the novel *The Brothers Karamazov*) by F.M. Dostoyevsky. The key differences between the concepts of *idea* and *ideology* are also shown. The connection between Dostoyevsky's text and Aldous Huxley's novel *Brave New World* in historical, cultural and political contexts is analysed. Moreover, typical elements of Russian mentality are explored in the article.

Key words

Dystopia, idea, ideology, culture, mentality, motif, system.

Резюме

В статье раскрываются особенности жанра антиутопии в *Великом Инквизиторе* (роман *Братья Карамазовы*) Ф.М. Достоевского. Даются ключевые различия между понятиями «идея» и «идеология». Текст Достоевского проанализирован в сравнении с романом Олдоса Хакли *О дивный новый мир* в историческом,

культурном и политическом контекстах. Раскрываются некоторые типичные особенности русской ментальности.

Ключевые слова

Антиутопия, идея, идеология, культура, ментальность, мотив, система.

На разных этапах развития мировой культуры возникают идеи пессимизма, неустроенности и разочарования в старых идеалах, но и одновременно осознание ложности новых. Мы будто наблюдаем за тенденцией всеобщего распада, когда кнопка уничтожения уже нажата, но имеем дело с бомбой замедленного действия. Наступление глобальной катастрофы в данном контексте выглядит лишь как вопрос времени. Ни история, ни культура, ни литература не дают спасительной надежды, а наоборот, будто не учат ничему. Соответственно возникает вопрос о сомнительной необходимости их существования.

Тысячи текстов художественной литературы, еще больше книг, анализирующих данное наследие. Все это достояние мировой культуры, о значении которой представление имеют все, а ее нравственная необходимость в жизни человека не требует объяснения. Если говорить о Достоевском, то это автор, который во всех своих художественных произведениях, публицистике и переписке занимается поиском ответа на один главный вопрос: что нужно делать и как жить, чтобы называться человеком. Литературные критики все это объясняют и доказывают в бесконечном множестве научных работ. Однако лишь понимание и собирание взглядов и идей почему-то не привело к «мировой гармонии» ни в глобальном смысле, ни в пределах хотя бы одного государства.

Образцом гармонии для действительной реальности современного человека и общественной установки XXI века стала художественная реальность, которую представляет Инквизитор в *Братьях Карамазовых* Ф.М. Достоевского: царство сытости, когда за тебя решили «как» и сделали «счастливым». Неспроста заклинанием-рефреном звучит вопрос в поэме Ивана Карамазова: «Зачем ты пришел нам мешать?»¹. В одном этом вопросе заложено пророчество Достоевского о многочисленных расправах с неудобными, недостойными, инакомыслящими. Как всем будет «хорошо», всегда решают лидеры государств, малые группы, целые партии – и начинают строить новый «прекрасный» мир. Ужасающую картину сегодняшнего состояния России рисует академик А.С. Запесоцкий: «Российское общество вернулось к первобытному состоянию, к дикости... Воспитывать безнравственность человека — это в России теперь нормально»². Одна система

¹ Здесь и далее произведения Ф.М. Достоевского цитируются по изданию: Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений*. В 30 томах. Т. XIV. Ленинград: Наука, 1972–1990, с. 228 — с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами).

² А.С. Запесоцкий. *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура?* [В:] *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура?* (Круглый стол). «Дружба народов» 2011, № 1. [Online] <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/1/c11.html>> (10.06.2015).

сменяет другую, один правитель приходит вместо другого, утверждая, что будет лучше. Но со временем общество объявляет старое виновником всех бед, ищет новых путей развития — культура движется вперед в цивилизационном процессе, но оказывается в границах некой новой системы. Внесистемность в постмодернистской действительности становится признаком элитарным. Массы выбирают предложенное им и растолкованное счастье. Хотя это иллюзорное счастье (как показывает история), но оно будто для всех, а не только для избранных. Как и у Инквизитора, люди отказываются от свободы, но становятся «счастливыми». И в этом счастливым порыве мигом идет народ расправляться с вчерашними ценностями. Ср.: «... тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли...»³. Эта фраза как некое предупреждение последующим поколениям, а также библейский мотив предательства и отречения. Так, Иуда берет роковые тридцать серебрянников (Мф. 26, 14–16; Мф. 27, 3–10; Мк. 14, 10; Лк. 22, 1–6), которые стали символом мировой культуры; отрекается, согласно предсказанию Христа, от своего учителя и Петр (Мф. 26, 69–75; Мк. 14, 66–72; Лк. 22, 55–62; Ин. 18, 15–18; Ин. 18, 25–27); и еще недавно возвышающая Иисуса толпа иудеев скандирует Понтию Пилату: «...распни Его!» (Ин. 19, 15). Граница прохождения от жертвы к палачу весьма тонкая и подвижная. Иногда это некое ужасающее единство, когда светлое и темное начало будто проникают друг в друга, трудно отделимы и даже — слиты. Если данное явление выходит из границ физических воплощений и проникает в сферу человеческой психики, мы имеем дело с двойственностью, которая «рвет» на части героев Достоевского.

Идеология Инквизитора звучит как теория, некая возможность сделать человечество счастливым. Происходит подмена понятий «идея» и «идеология» — явление характерное для творческой системы Достоевского. На существенное различие между этими понятиями вслед за многими исследователями свое внимание обратила и О.А. Богданова, которая замечает, как «теоритические построения героев, плод чистого интеллекта, рассудка» (идеи) превращаются в «социально-практическую парадигму» (идеологию)⁴. Герои писателя один за другим выдвигают свои богоборческие теории, экспериментируют, пытаются доказать существование их правды, устроить «справедливый» мир, исправить «ошибки» Божьего промысла.

Программа Инквизитора создана, чтобы покорить умы масс, однако сознательная лживость, лицемерие ведут Инквизитора к греху, делающему неизбежными страдания духа. Цель героя — быть «благодетелем» для всех в мире, который, по его мнению, со вторым пришествием Христа повергнется в хаос. «Обличение Христа основано на опыте жизни, оно почерпнуто в многовековой истории тяжких испытаний человечества, следовательно, эта критика проникнута страстной убежденностью, сердечностью, она буквально выстрадана

³ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XIV, с. 228.

⁴ О.А. Богданова. *Под созвездием Достоевского (художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы)*. Москва: Издательство Кулагиной: Itrada, 2008, с. 36.

Инквизитором и неопровержима с точки зрения жизни»⁵. Достоевский делает введение к поэме рассказами Ивана: «...Зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток»⁶. Эту мысль развивает вслед за писателем и Лев Шестов⁷. Человек Достоевского всегда полон противоречий, неразрешенных проблем, открывает перед читателем всё самое худшее в своей душе, будто ожидая реакции, обнажает часто такие детали и особенности, о которых даже подумать совестно, а герой совершает, экспериментирует, смакует, будто говорит «я еще и не на такое способен». Иван Карамазов продолжает: «...Если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию»⁸. И в этом существенное отличие человека от Бога. Последний создал мир — не грех; все, что Он делал, — хорошо (красота и доброта); грех создан человеком, ставшим «творцом зла» на земле. Закономерен вопрос: не выдумал ли человек дьявола для самооправдания и перекладывания вины.

Инквизитор и Христос идут к одной цели — счастью людей, но разными, чуждыми друг другу путями, как и герои всех романов из «великого пятикнижия Достоевского». Это многоплановость полифонического пространства автора, ищущего возможность слияния положительных идей одного и другого как неразделимых сущностных сцеплений человеческой дуалистической природы, которая дробится, делится, предстает во всем многообразии. Инквизитор становится трагичной фигурой. Обращается к Христу, восклицая: «Знаешь ли, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные»⁹. Он провозглашает людей стадом сытых, что ведет к упадку культуры, ликвидации человеческой личности, распаду цивилизации (что особенно часто мы слышим в настоящее время). Инквизитор — это сверхчеловек, но только до реализации принципа вмешательства в пространство личности другого. Это приводит к утопичности идиом: «В Инквизиторе обнаруживается тенденция к деспотизму»¹⁰. «Бог есть любовь» из *Писания* подменяется пантеистическим «любовь есть Бог», а персонализм героя-мыслителя выдвигает идею «Бог есть любовь, но — несправедливость». Через атеизм и пантеизм герой приходит к индивидуализму. Закономерно желание вернуть справедливость миру, но методы возвращения превращают справедливость в зло, являющееся грехом в своей кумуляции. Путь «несправедливого» мира, но рядом с заветами Христа, более уместен, чем справедливость, приходящая через пролитие кровавых рек, через руки и души, обгащенные кровью, на что указывают примеры исторического

⁵ Н.И. Пруцков. *Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы*. Ленинград: Наука, 1974, с. 140.

⁶ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XIV, с. 217.

⁷ См. об этом подробнее: Л. Шестов. *Апофеоз беспочвенности*. [В:] Л. Шестов. *Апофеоз беспочвенности*. Москва: АСТ, 2000, с. 483.

⁸ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XIV, с. 217.

⁹ Там же. Т. XIV, с. 230.

¹⁰ Н.И. Пруцков. *Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы*. Ленинград: Наука, 1974, с. 152.

развития цивилизации, которая через служителей-людей превратила справедливость в один из страшнейших для тысяч «личностей» грехов, перед которым необходима свобода смирения. Еще в 1854 году Ф.М. Достоевский писал из Омска Н.Д. Фонвизиной о своем «символе веры»: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне сказал, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»¹¹. Данное послание и момент, когда роман *Братья Карамазовы* выйдет в свет, отделяет более двадцати пяти лет. Но в художественном пространстве «символ веры» Достоевского не унаследован его героем. Уже нет авторского понимания истины и Христа у Ивана Карамазова, который зло хочет уничтожить во зле, катастрофическая проба чего была представлена писателем в романе *Бесы*. Поэма Ивана *Великий Инквизитор* ошибочна, как и «великое дело» Петра Верховенского, когда идеология врывается в жизнь, снося всё и всех несогласных на своем пути, а в живых остается только воплощенное зло. Идеология, претворенная в жизнь, имеет место и в романе *Преступление и наказание*, в котором преступление Родиона Раскольникова имеет исключительно идеологический характер, а все попытки объяснить действия героя в социальном ракурсе являются исключительно данью времени советского литературоведения и ошибочными трактовками смысловой канвы текста. Антиутопичность достаточно четко прописана Достоевским, и с позиции современного читателя это видно особенно хорошо, когда мы можем проследить исторический путь развития России: победа лживых идеалов социалистической революции, красный террор, уничтожение великих символов веры, обретение возможности духовного взлета и утрата этого шанса. Пророчества Достоевского выявляют не только дух его гения и прозорливости, но и глубокую силу знаний о русском человеке, его душе, исканиях и абсолютно особом пути.

По поводу свободы Инквизитор замечает: «...Нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы поскорее передать тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть»¹². Бог, давший свободу человеку, оказался бессильным перед реальностью, что смущает Инквизитора. Если дать свободу, которую человек превратит в своеволие, и ничего не требовать взамен, то начинается процесс дегуманизации общества, которое проникается принципами антропофагии. Результаты вырисовываются в гениально устроенной художественной системе Ф.М. Достоевского, утвердившей грех как силу опыта свободы и ответ за нее, а не слабость и бегство от последствий греха. Инквизитор говорит: «О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволили грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому,

¹¹ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XXVIII. Ч. 1, с. 176.

¹² Там же. Т. XIV, с. 232.

что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя»¹³. Инквизитор — прислужник сатаны, возомнивший себя божеством и наделивший себя властью, которая разрешает грех, чего нет даже у Бога. Неважно, что это движение вслепую к смерти. Грех — результат искажения семантического поля понятия свободы, которое не позволяет смешивать юридическое понимание преступления/наказания в виде грозного судьи Бога с библейской истиной милостивого Бога, при непоколебимости теодицеи. С.Ф. Кузьмина констатирует: «Соотношение Закона (суда) и Благодати (церкви), или государства и церкви, или — на другом витке — преступления и наказания, греха и его прощения до нравственного Воскрешения — тема статьи Ивана Федоровича Карамазова о церковном суде и спора вокруг нее в келье Зосимы...» — и далее продолжает: «Закон, оправдывающий грех, убивает человека»¹⁴. А в Библии находим, что не просто закон, оправдывающий грех, губителен, но любой закон: «Жало же смерти — грех; а сила греха — закон» (1 Кор. 15, 56; Рим. 4, 15). У Достоевского совершается выпад против римского юрицизма и подмены исконной литургической Церкви с соборной любовью церковью идеологической с религиозным законом¹⁵. Единственный закон, который приемлем в догматике, — это закон духа Христова, который освобождает от смерти и греха. Инквизитор представил искаженную веру, «совсем не то», по замечанию Алеши¹⁶. А в романном пространстве Достоевского компонент «не то» повторяется регулярно, когда речь идет об отпаде героев от Бога, когда совершается грех.

Вместо того чтобы роптать на несправедливость Бога, Иван должен понять, что зло принесено в мир человеком через грех, поэтому необходимо приуменьшать страдания других при помощи небольших шагов любви и покаяния, а не путем возврата Богу билета, — в соборности возможна «мировая гармония» — через «маленькие луковки» каждого за всех, всех за каждого. Поэтому немислим справедливый (гармоничный) мир. Справедливость выглядит как грех против сущности творения, ибо в нем видится непроходимая грань между падением и обужением, что рушит основы догматических построений, ибо Бог создавал мир как акт добра (см.: Быт. 1, 1–31). Вот ошибка Ивана Карамазова, который не может принять мира. Это неприятие Бога как внутренней максимы, в чем его разрыв с миром, Алешей (образом Христовым), с самим собой, социумом. Но герой не лишен надежды, ибо его терзания в догматическом богословии предстают лишь как временное явление, которое исчезает в контексте будущего присоединения к Богу (ср.: Рим. 8, 18; 21).

Иван Карамазов вместе с Достоевским осмысливает философские построения Людвиг Фейербаха который грехопадение определял как гипотезу, соз-

¹³ Там же. Т. XIV, с. 236.

¹⁴ С.Ф. Кузьмина. *Тысячелетняя традиция восточно-славянской книжной культуры. Слово о законе и благодати Митрополита Иллариона и творчество Достоевского*. [В:] *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 16. Санкт-Петербург: «Пушкинский дом» Институт русской литературы РАН, 2001, с. 36–37.

¹⁵ См. подробнее: И.И. Виноградов. *Два этюда о Достоевском*. «Континент» 1996, № 4, с. 349–350.

¹⁶ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XIV, с. 237.

данную для оправдания злого начала в мире¹⁷. Промысел Божий — абсолютное добро, ибо движет человеческую душу к спасению; все, что противоречит этому принципу, — зло, поэтому теория теодицеи нерушима в контексте человеческих страданий, а роптание на несправедливость мира и есть бунт против Бога, ибо оспаривает его промысел. Поэтому далек от истины А.Л. Вольнский, указывающий на победу Бога в герое¹⁸. Диалектика Ивана убедительна для обывателя, но не выполняет главной функции человеческой жизни: не приближает к вечной жизни в Боге. Происходит ошибочное смешение философско-диалектических построений и догматики.

Иван связан «круговой порукой» греха на идейном уровне со Смердяковым, который является материальным воплощением того, на что толкает «змея-искуситель» Иван, приближенный по данной характеристике к Ставрогину (роман *Бесы*). У Достоевского часто одни герои ради социального комфорта пользуются плодами грехов других (Катерина Ивановна в *Преступлении и наказании* — проституцией Сони, Верховенский в *Бесах* — самоубийством Кириллова и т. п.). Сами они напрямую греха не совершают, но всячески подводят к тому, чтобы это сделали убежденные ими. В этом и некое метафизическое соучастие, а отсюда и общая ответственность за такого рода грехи.

В последнем романе Ф.М. Достоевского происходит трансформация архетипа первородного греха. Смердяков поставлен перед выбором, совершать грех убийства не обязательно, однако он не осознает этого, поэтому винит Ивана, грех которого теоретический, метафизический, но — грех человеческой природы: в нем не воплощено абсолютное зло, демоничность. Сатанинская сущность метафизична, полностью сохраняет за Иваном человеческие качества. Об этом свидетельствует и явление чёрта герою. Они материально отдалены, но связаны гранью привнесения зла в мир. Иван не чёрт, а личность со знаком «минус», ведь личностное опалено в нем грехом, он орудие греховного деяния в руках беса, который через него уничтожает «эго» других, повергая их и его в inferнальное пламя. Победа зла в герое условна, так как она зрима в замещении Алешей видения чёрта. Это очередная ситуация выбора для Ивана, но не ответ на вопрос, кто увлек героя на свою сторону. Достоевский не дает твердого ответа на этот вопрос, будучи последовательным в колебании между Богом и дьяволом, святостью и грехом. Выбор необходим, ибо, по замечанию Архиепископа Иоанна (Шаховского), «Достоевский хочет, чтобы люди поняли: нет середины между Христом и духом зла»¹⁹.

Но если у Достоевского голос Инквизитора звучит как некое предзнаменование, разрушительная возможность, которая лишь гипотетически связана с реальной действительностью (читатель знает, что поэма написана Иваном Кара-

¹⁷ Л. Фейербах. *Сущность христианства*. Москва: Мысль, 1965, с. 365.

¹⁸ См. подробнее: А.Л. Вольнский. *Человекобог и Богочеловек*. [В:] *О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.* Сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. Москва: Книга, 1990, с. 73.

¹⁹ Архиепископ Иоанн (Шаховской). *К истории русской интеллигенции (Революция Толстого)*. Москва: Лепта-Пресс, 2003, с. 444.

мазовым и выступает текстом в тексте в пространстве романа), то авторы ряда антиутопий XX века (Евгений Замятин — *Мы* (1920), Олдос Хаксли — *О дивный новый мир* (1932), Джордж Оруэлл — *1984* (1949), Рэй Брэдбери — *451 градус по Фаренгейту* (1953)) переносят нас не просто в некое фантастическое будущее, но и в ту реальность, в которой в настоящем сами писатели пребывают, видят ее действие и небывалую опасность прогрессии в обозримом будущем. Все эти произведения являются критикой любой системы, которая поработает человеческое естество, дарит иллюзорное счастье взамен на свободу. Если не ограничиваться в интерпретации текста исключительно тенденциями римского юридикзма, то в сравнении с современниками Достоевского сегодняшний читатель сам находится в системе того или иного рода, даже не желая того (мир потребления, диктатура, авторитаризм, политическая и социальная несвобода, пропаганда и т.п.). А в большинстве случаев человек не только является заложником системности, но часто даже не подозревает, что несет на себе такое бремя.

Так, английский писатель Олдос Хаксли в романе-антиутопии *О дивный новый мир*²⁰ делает следующий шаг: теория Инквизитора уже изображена в действии, а человечество обретает желаемое счастье. Автор же, как отмечалось ранее, не только пишет о будущем мире потребления, но и сам биографически уже находится у истоков этого пространства. Художественное и действительное (переживаемое и критикуемое) сливаются в смысловое единство жанра антиутопии.

Достоевский на уровне метажанра становится одним из праотцов антиутопии в мировой литературе, на что свое внимание обратили многие исследователи (В. Кантор²¹, Э. Лобб²², Н. Ковтун²³, Г. Левицки²⁴, М. Блюменкранц²⁵ и др.). Последний писал: «Эсхатологический пафос творчества Ф.М. Достоевского ярко воплотился в его утопиях и антиутопиях. К первому следует отнести сон Ставрогина о Золотом веке (глава *У Тихона*), сон Версилова и, конечно же, *Сон смешного человека*. К антиутопиям — сон Раскольникова на каторге и *Легенду о Великом Инквизиторе* как учебное пособие по основам антиутопии»²⁶. Как

²⁰ А. Huxley. *Nowy wspaniaty świat*. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, 2014.

²¹ В. Кантор. *О сошедшем с ума разуме. К пониманию контр утопии Е.И. Замятина «Мы»*. «Слово\Word» 2011, № 72. [Online] <<http://magazines.russ.ru/slovo/2011/72/ka15.html>> (10.05.2015).

²² E. Lobb. *The Subversion of Drama in Huxley's Brave New World*. «The International Fiction Review» 1984, 11, № 2, с. 94–101.

²³ Н.В. Ковтун. *Русская литературная утопия второй половины XX века*. Томск: Томский государственный университет, 2005.

²⁴ G. Lewicki. *Dostoyevsky extended: Aldous Huxley on the Grand Inquisitor, Specialisation and the Future of Science*. «Kultura i Polityka» [Culture and Politics — Tischner European University Papers] 2008, No 2–3, с. 210–233.

²⁵ М. Блюменкранц. *Эсхатологическая проблематика в творчестве Ф.М. Достоевского*. [В:] *В поисках имени и лица*. Киев: Дух і літера — Харьков: Харьковская правозащитная группа, 2007, с. 192–199.

²⁶ Там же, с. 192.

и империя Инквизитора, общество счастливых у Хаксли базирует свое бытие на чуде, тайне и авторитете. А из этих основ следуют общность, похожесть, стабильность — как залог существования данной реальности. Искажение основ религии также приводит к идентичной идеологической базе. Это очень опасное смешение политической идеологии с религией, итогом чего становится утрата религиозной первоосновы — собственно веры. Можно заметить, что герои художественного мира Хаксли преимущественно верят в то, что им предложено. Получается, что человек, рожденный и воспитанный в некоей системе, с отсутствием открытости на знание иной системы ментально чувствует себя комфортно здесь и сейчас, являясь частью данной системы. В таком случае, более глубоким является вопрос, можем ли мы утверждать, что та или иная система является неверной, если мы являемся носителями всяческих кодов совершенно иного уровня. Данное осмысление полностью разрушает возможность понятия «правда», так как в современном мире исчезают семантические рамки данного понятия, превращая его в симулякр²⁷. И уже в творчестве Достоевского находим героев (Лужин, Верховенский, отец Карамазов и пр.), которые безграничностью в совершении грехов выносятся на уровень вне правды и неправды, вне добра и зла. С позиций Инквизитора, он также вмещается в эту плоскость.

Мир потребления, «хлебов» представлен Хаксли в своей завершенности. О таком бытии с беспокойством пишет и Достоевский в *Великом Инквизиторе*, а еще ранее в *Дневнике писателя*, на что указано в комментариях к роману *Братья Карамазовы*²⁸. Так, в *Дневнике писателя* за май 1876 года находим историю некоей самоубийцы Писаревой, которая уходит из жизни из-за того, что видит все беды человека в социальном неравенстве. Достоевский заключает: «Она устала, очевидно, от скуки жить и утратив всякую веру в правду, утратив всякую веру в какой-нибудь долг; одним словом, полная потеря высшего идеала существования»²⁹. В связи со смертью французской писательницы Жорж Санд уже в *Дневнике писателя* за июнь этого же года Достоевский снова упоминает о том, что «не единым хлебом бывает жив человек», что ему необходимо «нравственное чувство», а не просто «муравьиная необходимость». Хотя писатель и говорит, что человек устремлен к свободе, подчеркивает также и то, что в своем стремлении личность должна считаться и с ответственностью за эту свободу³⁰. Безусловно, здесь Достоевский последователен в использовании библейских мотивов. Изначально данная идея появляется в *Ветхом завете*: «Не единым хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» (Втор. 8, 3); а затем и в *Новом завете*: «Не хлебом единым будет

²⁷ Термин восходит в своей основе к философским взглядам Платона о «копии копии» предмета, его ввел Жорж Батай, изучением понятия занимались такие представители постструктурализма, как Жак Деррида, Жан Бодрийар, Жиль Делез. Последний считается наиболее влиятельным теоретиком философских разработок данного понятия. Сегодня термин широко используется в теории постмодернизма. См. Подробнее: И.С. Скоропанова. *Русская постмодернистская литература*. Москва: Флинта — Наука, 2001, с. 27–33.

²⁸ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XVI, с. 408–409.

²⁹ Там же. Т. XXIII, с. 25.

³⁰ Там же. Т. XXIII, с. 37.

жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 4). Как развитие слов русского писателя выглядит поиск главного героя Хаксли. Дикарь в материальном смысле может пользоваться всеми благами, но этого для него недостаточно. Поиск «высшего идеала» и его невозможность в мире системного устройства дает аналогичный результат, как и у утратившей идеал Писаревой, — суицид.

Достоевский-Пророк предвещает беду. А как замечает Б. Ланин: «Антиутопичность связана с функцией предупреждения»³¹. Но то, что вынуждает переосмыслить ценность литературного наследия, сомневаться в его возможности влиять на судьбы человечества, — так это стабильная цивилизационная неизменность. И в романе Достоевского, и у Хаксли на идеологическом уровне свобода предстает как неэффективная и неприятная для человека. Вопрос Бернарда Ленине о том, хотела бы она быть свободной и прийти к счастью собственным путем, непонятен для героини, так как она лишена всякого познания свободы выбора. И тем самым уже является счастливой. Свобода же в таком контексте порождает несчастье. Повторение идеологических посылов работает, как у Йозефа Геббельса: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой». И это правило очень эффективно применяется в мире сегодняшней рекламы и пропаганды. Современное медиапространство функционирует преимущественно в системе таких координат. И проблема даже не в том, что носитель информации подает заведомо ложные факты, но в том, что он сам зачастую уверен, что его ложь является правдой. В таких условиях и происходит манипулирование сознанием масс, у которых отняли не только свободу, «высшую идею», но и так называемые *хлебы* заменили иллюзорным благополучием. Масса повторяет, что живет в великой стране, но объяснить в чем заключается величие, не в состоянии, кроме как аргументировать заученными «формулами счастья» из медиапространства.

Демократия в антиутопии не имеет права на существование. А в этом ключе очень показателен такой элемент русской ментальности, как подчеркивание собственного, чуждого Западу пути. В таком ключе Россия не предстает как нечто, что не является лучшим или худшим — она просто другая, со своим выбором, который может быть оценен в зависимости от системы ценностей и взглядов адресата. Индивидуализм героев Достоевского — черта, отходящая от русской ментальности. Это некое метание между соборным православным сознанием и западным персонализмом. Типично русская по глубине своего романтического пафоса глубокая и высшая идея — отказ от себя во имя другого (государства, царя, ближнего). Иной путь воспринимается не только как чуждый, но и неморальный. Другое дело, что эти ценности базируются часто на заведомо ложных представлениях о действительности. Еще в переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским можно найти важную характеристику демократических ценностей русским самодержцем, для которого они становятся подобием

---

³¹ Б. Ланин. *Воображаемая Россия в современной русской антиутопии*. [В:] *Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*. Ed. by Mochizuki Tetsuo. Sapporo: Hokkaido University, 2008, с. 384.

безбожия: «А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи»³². О последней демократии на русской земле, которая имела место в Великом Новгороде и была утрачена с его присоединением к Москве Иваном III (1478 г.), а затем и окончательной кровавой расправой Ивана IV (1570 г.), пишет и А.Н. Радищев в *Путешествии из Петербурга в Москву*³³. Руководство сегодняшнего Кремля из всех сил также демонстрирует свой исключительный путь развития, называя западноевропейские ценности псевдодемократией, а Россию представляя как избавительницу от нравственного разложения. Можно найти данные постулаты и во взглядах Ф.М. Достоевского, однако это будет лишь часть правды. Действительно, русский писатель в *Дневнике писателя* за июнь 1876 года рассуждал о единении всего славянства «под крылом России», о ее мессианской роли и жертвенности, но с весьма важным уточнением: Россия должна быть матерью, а не госпожой: «Если даже и государыня их когда-нибудь, то лишь по собственному их провозглашению, с сохранением всего того, чем сами они определили бы свою независимость и личность свою»³⁴. При этом сам автор называет свои мечтания утопией.

В антиутопии, что было уже отмечено, происходит еще один характерный и одновременно опасный процесс: смешение догматической и политической плоскостей через подмену их основополагающих категорий. Бог, рай, душа, бессмертие — все это у Хаксли уже так называемые ценности, которые будто бы существовали. Но поскольку человек требует данных метафизических ориентиров собственного бытия, происходит конструирование новых, скрепляющих данную систему. Чего нельзя избежать в новом прекрасном мире, так это по-прежнему старости и смерти, но создав мир без Бога, а следовательно — пространства ада/рая, разрушается концепт осмысления страха смерти. А вместе с этим разрушается и смысл бытия. Выстраивается экзистенциальная концепция мира, когда жизнь, лишённая смысла по принципам как она есть, приносит лишь страдания. Самоубийство в таком бытии неизбежно, а даже предпочтительно³⁵, как и происходит в финале произведения Хаксли.

В романе Достоевского сложен для понимания ответ Христа на все доводы Инквизитора: Он молчит. Молчание — страшнее наказания, так как не удовлетворяет психологической природы человека говорением. Затем следует поцелуй:

---

³² *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. [Online] <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/perep_GrKurb.php> (5.05.2015).

³³ См. Подробнее: А.Н. Радищев. *Путешествие из Петербурга в Москву*. Москва: Детская литература, 1975.

³⁴ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XXIII, с. 49.

³⁵ Подобное видение трагичного бытия личности среди прочих представил французский экзистенциалист Альбер Камю, который утверждал: «В философии существует лишь одна по-настоящему важная проблема — это проблема суицида. Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить, или она вовсе того не стоит? — ответив на этот вопрос, мы решим глобальную проблему философии» — цит. по А. Камю. *Миф о Сизифе. Бунтарь*. Пер. с фр. О.И. Скуратович. Минск: Попурри, 2000, с. 15–16.

«Но он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста»³⁶. Поцелуй и молчание едины. Параллелен еще один поцелуй — Ивана: «Алеша встал, подошел к нему и молча тихо поцеловал его в губы»³⁷. Молчание выступает в своем прямом качестве для грешного героя Достоевского, молчание Христа — это Духовное глаголение с воскресшими. Поцелуем страдания объединены женские образы романа Катерина Ивановна и Грушенька, причем на последней доминирующая ответственность, ибо она принимает поцелуй, но сама не дарит его³⁸. Примыкает к этому ряду поклон старца Зосимы Дмитрию³⁹, который все объясняет: этим героям суждено много страдать⁴⁰, на что указала исследовательница В.Е. Ветловская: «В проповеди Зосимы безгрешная природа поет богу славу, а человек до тех пор не может присоединиться к этому согласному хору, пока не поймет своей вины перед миром и всеми людьми и необходимости заплатить за нее страданием...»⁴¹. Мотив поцелуя, таким образом, становится неотделимым элементом мотива страдания.

Дмитрий отправляется на встречу к старцу, по замечанию Алеши, единственный из всех серьезно настроенный⁴². Зосима вбирает часть страданий героев, их грехов, чем учит, что Любовь сильнее греха, как было в великом деле Христа. Зосима предстает «хранителем божьей правды» для народа, живущего в грехе: «Монахи про него говорили, что он именно привязывается душой к тому, кто грешнее, и, кто всех более грешен, того он всех более и возлюбит»⁴³. Такие же характеристики можно отметить и в других образах произведений Достоевского: Соня Мармеладова (*Преступление и наказание*), Мышкин (*Идиот*), Даша (*Бесы*), Софья (*Подросток*) и пр., которые любят больше всего тех, на ком больше всего греха и кому предначертаны великие страдания. Поцелуй в таком соотношении приближен к библейскому Иудиному (Лк. 22, 47–53; Мф. 26, 47–56; Мк. 14, 43–50; Ин. 18, 1–11), предательство которого символизирует обилие страданий; целующий разделяет ношу страданий ближнего. Мотив поцелуя во всех произведениях Достоевского становится библейским символом страданий Христа. Поцелуй — это и эмблема принятия ответственности за грехи других, в чем усматривается его соборный элемент, и величайшие страдания, ведущие к избавлению. Герои, рядом с которыми нет людей, дарующих сострадательную любовь, связанных с ними мотивом поцелуя, сострадания, представляются обреченными, на что указывают и трагические разрешения сюжетно-композиционных линий романного наследия писателя. Через мотивы поцелуя, сострадания видна связь мотива и сюжета, а также их взаимообусловленность в творческом наследии писателя. Поцелуй будто программирует изображение страданий ге-

³⁶ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XIV, с. 239.

³⁷ Там же. Т. XIV, с. 240.

³⁸ Там же. Т. XIV, с. 139–140.

³⁹ Там же. Т. XIV, с. 69.

⁴⁰ Там же. Т. XIV, с. 258.

⁴¹ В.Е. Ветловская. *Pater Seraphicus*. [В:] Достоевский. *Материалы и исследования*. Т. 5. Ленинград: «Пушкинский дом» Институт русской литературы АН СССР, 1983.

⁴² Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XIV, с. 31.

⁴³ Там же. Т. XIV, с. 28.

роев, чего требуют в свою очередь художественные установки идейного мира Достоевского. Символом страдания становится Митя, который как искупитель грешного мира позволяет усмотреть в себе Христоликость, ибо пострадать хочет. Н. Ефимова отмечает, что «между грехом и страданием устанавливается прямо пропорциональная зависимость»⁴⁴. То, что Дмитрий желает пострадать за привидевшееся во сне «дитё», является символом его пути к духовному выздоровлению, ибо герой понесет кару за невинное существо, которое переложит бремя первородного греха на Дмитрия, что станет спасительным приобщением к соборному миру через страдания за всех, что свяжет Дмитрия с христологическим мотивом. Как символ страдания Хохлакова надевает на шею Дмитрия образок Варвары-великомученицы⁴⁵. Иконы в художественном мире Достоевского часто связаны со страданиями героев (Федька Каторжный перед смертью сидит под образами (*Бесы*), совершает самоубийство с иконой в руках героиня *Кроткой* и пр.).

Несколько иное понимание поцелуя в романе Хаксли. Автор вмещает поцелуй исключительно в сферу сексуальности, которая становится важным мотивом его произведения. Секс представлен явлением сугубо механическим, не выходящим за пределы персональной физиологии. Вкладывание в поцелуй иной символики автоматически делает героев несчастными. Однако несчастье может стать у Хаксли сознательным выбором во имя правды⁴⁶. Для читателя поцелуй здесь уже абсолютная категория танатоса, ибо нет никакой связи со страстью (эросом), внутренней красотой (этосом), сексуальная связь не служит и появлению потомков, ибо это делается в «новом прекрасном мире» иным путем. Тогда как для творчества Достоевского еще характерно движение через этос и эрос к танатосу.

Инквизитор желает стать своего рода богом, который обещает взять на себя частичную ответственность за грехи. Под сомнением оказывается существование Бога. У Хаксли же (и в этом разница) сомнений в существовании Бога нет. Он не отрицается, но предстает как небытие. А вера существует лишь потому, что люди получили такой культурный код, установку. Именно от этого кода стремятся избавиться герои-идеологи Достоевского, но результаты полны скорее драматичного непреодоления.

Поэма Ивана Карамазова построена на монологе Инквизитора, Христос предстает лишь молчаливым слушателем-созерцателем. У Хаксли, по замечанию Г.А. Анджапаридзе, «кульминационным моментом романа является разговор Дикаря, попавшего в «дивный новый мир» из резервации, с Главным управителем Мустафой Мондом, своего рода Великим Инквизитором из романа

⁴⁴ Н. Ефимова. *Мотив библейского Иова в Братьях Карамазовых*. [В:] *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 11. Санкт-Петербург: «Пушкинский дом» Институт русской литературы РАН, 1994, с. 123.

⁴⁵ Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...* Т. XIV, с. 349.

⁴⁶ Так, герой романа Хаксли восклицает: «Ja tam wolę być niezczęśliwy, niż pozostawać w stanie tej fałszywej, kłamliwej szczęśliwości, w jakiej tu się żyje» — цит. по А. Huxley. *Nowy wspaniały świat*. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, 2014, s. 171.

Достоевского»⁴⁷. Бог, поэзия, опасность, свобода, невинность, грех — это то, чего желает герой Хаксли, на что получает ответ создателя-руководителя иллюзорного мира, что все это является тем, что делает человека несчастным. Однако, как отмечалось ранее, Дикарь остается неприклонным и предпочитет несчастью реальности иллюзорному счастью, навязанному сверху. Герой заявляет, что принес свободу, пытается вести к этой свободе, но она нужна немногим. Когда исчезает один культ, появляется другой. Новый авторитет в романе — Форд. Ценностью становится то, что является значимым для данной системы в данный момент. Академик А.С. Запесоцкий замечает: «Советский режим рухнул потому, что практика советской власти пришла в противоречие с официально провозглашенными ценностями. Интеллигенция была против лицемерия, обмана, несправедливости, несвободы и т.д. А выродилось все в нечто противоположное — материальные ценности торжествуют, сильный прав, мораль снова попорана, искусство теперь вообще не стоит на стороне добра»⁴⁸. Получается, что революционный оптимизм сменяется разочарованием и недовольством, обыватель постепенно приходит к пониманию, что его снова обманули и обобрали. Никогда псевдоценности не могут привести к реальному счастью и гармоничному развитию системы, основанной на лжи.

Люди требуют лидера, авторитета, который бы решал за них. И именно такую роль у Достоевского принимает на себя Инквизитор, а у Хаксли Мустофа Монд. На Руси наместником Бога на земле, последней и решающей инстанцией был великий князь, а затем — царь. Показательными в данном случае оказываются причисления русских правителей к лику святых. Выступление против политики руководителя массой всегда воспринималось как безбожное, как поиск справедливости через руководство революционным процессом элит. И этот принцип, как можно проследить через древнерусское литературное наследие, стал неотъемлемым элементом русского менталитета. Академик В.С. Стёпин утверждает: «Символическая фигура первого лица была культурным кодом российской государственности. Эта символика сохранялась в культуре и сознании народа как устойчивая традиция. Царя-батюшку в советский период заменил генеральный секретарь, а в современной России — президент. И хотя сакральность символической фигуры президента сегодня постепенно размывается, по-прежнему в сознании очень многих людей он воспринимается как последняя и даже единственная инстанция справедливости»⁴⁹. Но в новом контексте смещения политического и догматического пространств наблюдается и движение к сакрализации «президента-спасителя» России. Ничего нового не происходит, перед нами культурный код в действии. И если для носителя западноевропей-

⁴⁷ Г.А. Анджапаридзе. *Печальный контрапункт светлого завтра...* [В:] *Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы*. Пер. с англ. Москва: НФ «Пушкинская библиотека», «Издательство АСТ», 2002.

⁴⁸ А.С. Запесоцкий. *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура?* [В:] *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура? (Круглый стол)*. «Дружба народов» 2011, № 1. [Online] <<http://magazines.russ.ru/druzhiba/2011/1/c11.html>> (5.05.2015).

⁴⁹ В.С. Стёпин. Там же.

ских ценностей это может показаться странным и ненормальным, это будет свидетельствовать только лишь о простом незнании российской культурной традиции.

Через репортажную реальность потерянности человека в контексте утраченных идеалов современная писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 года Светлана Алексиевич в романе *Время секунд хэнд*⁵⁰ изображает мир постсоветского человека. Она документирует скитания людей после распада Советского Союза (подзаголовок книги *Конец красного человека*), но вдруг понимает, что эпоха прошла, а человек с этой идеологией внутри себя остался. А потому исчезновение одних моральных псевдоавторитетов неизбежно приводит к построению новых, хотя термин «новых» в данном случае является достаточно условным. И дело не только в спиральном развитии культуры (Гегель), но и в том, что это отскок назад, остановка во времени, цивилизационный регресс. Мир стабилен, но иллюзорен. А такое движение, точнее — псевдодвижение, оказывается направленным исключительно в одну сторону — в ничто.

Литература

- Lewicki G. *Dostoyevsky extended: Aldous Huxley on the Grand Inquisitor, Specialisation and the Future of Science*. «Kultura i Polityka» [Culture and Politics — Tischner European University Papers] 2008, № 2–3, с. 210–233.
- Lobb E. *The Subversion of Drama in Huxley's Brave New World*. «The International Fiction Review» 1984, issue 11, № 2, с. 94–101.
- Huxley A. *Nowy wspariały świat*. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, 2014.
- Алексиевич С. *Время секунд хэнд*. Москва: Время, 2013.
- Анджапаридзе Г.А. *Печальный контрапункт светлого завтра...* [В:] *Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы*. Пер. с англ. Москва: НФ «Пушкинская библиотека» — «Издательство АСТ» 2002, с. 5–28.
- Архиепископ Иоанн (Шаховской). *К истории русской интеллигенции (Революция Толстого)*. Москва: Лепта-Пресс, 2003.
- Блюменкранц М. *Эсхатологическая проблематика в творчестве Ф.М. Достоевского*. [В:] *В поисках имени и лица*. Киев: Дух і літера — Харьков: Харьковская правозащитная группа, 2007, с. 192–199.
- Богданова О.А. *Под созвездием Достоевского (художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы)*. Москва: Издательство Кулагиной — Itrada, 2008.
- Ветловская В.Е. *Pater Seraphicus*. [В:] *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 5. Ленинград: «Пушкинский дом» Институт русской литературы АН СССР, 1983, с. 163–178.
- Виноградов И.И. *Два этюда о Достоевском*. «Континент» 1996, № 4, с. 349–350.
- Волюнский А.Л. *Человекобог и Богочеловек*. [В:] *О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.* Сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. Москва: Книга, 1990, с. 74–85.
- Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений*. В 30 томах. Ленинград: Наука, 1972–1990.

⁵⁰ С. Алексиевич. *Время секунд хэнд*. Москва: Время, 2013.

- Ефимова Н. *Мотив библейского Иова в Братьях Карамазовых*. [В:] *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 11. Санкт-Петербург: «Пушкинский дом» Институт русской литературы РАН, 1994, с. 122–131.
- Запесоцкий А.С. *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура?* [В:] *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура?* (Круглый стол). «Дружба народов» 2011, №1. [Online] <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/1/c11.html>> (5.05.2015).
- Камю А. *Миф о Сизифе. Бунтарь*. Пер. с фр. О.И. Скуратович. Минск: Попурри, 2000.
- Кантор В. *О сошедшем с ума разуме. К пониманию контр утопии Е.И. Замятина «Мы»*. «Слово/Word», 2011, № 72. [Online] <<http://magazines.russ.ru/slovo/2011/72/ka15.html>> (5.05.2015).
- Ковтун Н.В. *Русская литературная утопия второй половины XX века*. Томск: Томский государственный университет, 2005.
- Кузьмина С.Ф. *Тысячелетняя традиция восточно-славянской книжной культуры. Слово о законе и благодати Митрополита Иллариона и творчество Достоевского*. [В:] *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 16. Санкт-Петербург: «Пушкинский дом» Институт русской литературы РАН, 2001, с. 32–45.
- Ланин Б. *Воображаемая Россия в современной русской антиутопии*. [В:] *Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*. Ed. Mochizuki Tetsuo. Sapporo: Hokkaido University, 2008, с. 375–390.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. [Online] <http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/History/Article/perep_GrKurb.php> (5.05.2015).
- Пруцков Н.И. *Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы*. Ленинград: Наука, 1974.
- Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву*. Москва: Детская литература, 1975.
- Скоропанова И.С. *Русская постмодернистская литература*. Москва: Флинта: Наука, 2001.
- Стёпин В.С. *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура?* [В:] *В поисках новых ценностей. Куда идет русская культура?* (Круглый стол). «Дружба народов» 2011, № 1. [Online] <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/1/c11.html>> (5.05.2015).
- Фейербах Л. *Сущность христианства*. Москва: Мысль, 1965.
- Шестов Л. *Апофеоз беспочвенности*. [В:] Л. Шестов. *Апофеоз беспочвенности*. Москва: АСТ, 2000, с. 452–616.

«ТРАГИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ» УКРАИНСКОГО КРИЗИСА В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

RUSŁAN SZOSZYN

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: iksi@uw.edu.pl
(nadesłano 14.06.2015; zaakceptowano 13.10.2015)

Abstract

The tragic algorithm of the Ukrainian crisis in Alexander Prokhanov sociopolitical journalism

The article is based on analyses of the journalistic pieces created by the mentioned Russian writer, which are mostly dedicated to the Ukrainian crisis.

The analyzed articles (*Ukraine. Scaffold for Russians; Crimean wine of victory; Russia, the sister of yours — New Russia!*) deal with events related to the Maidan revolution in Kiev, the Russian annexation of Crimea, as well as the War in Donbas and the general idea of the New Russia and Russia's rebirth.

The center of reflection consists of: 1) analyses of 'The tragic algorithm of the Ukrainian crisis' written by Prokhanov; 2) the scheme and specific attributes of the writer's 'imperial thinking', which directly reflected on his journalism in 2014.

Key words

Prokhanov, imperial thinking, Russia, Ukraine, crisis, the tragic algorithm.

Резюме

Статья основана на анализе публицистических выступлений современного русского писателя, посвящённых украинскому кризису. В рассмотренных статьях (*Украина. Плаха для русских; Крымское вино победы; Россия, сестра твоя — Новороссия!*) затрагиваются события, связанные с революцией на Киевском Майдане, российской аннексией Крыма, а также войной в Донбассе и широко понимаемой идеей возрождения Новороссии. В центре внимания находятся 1) «трагический алгоритм» украинского кризиса, выстроенный Прохановым; 2) характер и специфические свойства «имперского мышления» писателя, получившие свое непосредственное выражение в его публицистике 2014 г.

Ключевые слова

Проханов, имперское мышление, Россия, Украина, кризис, трагический алгоритм.

На протяжении последних десяти лет на Украине произошли две революции. Первая, «оранжевая», в 2004 году закончилась победой на выборах президента Виктора Ющенко и приходом к власти национально ориентированной политической группы. Вторая революция в феврале 2014 года закончилась свержением президента Виктора Януковича, победой на выборах Петра Порошенко, российской аннексией Крыма и началом войны в Донбассе. Примечательно, что в это время в России вновь актуализировалось понятие «русский мир», которое часто стало употребляться в контексте украинских событий. Название «Русский мир» носят общественные организации, благотворительные фонды и центры культуры. Историки, антропологи, культурологи, публицисты и писатели предпринимают попытки дефинировать, охарактеризовать, описать понятие «русский мир». Так, по определению академика Валерия Александровича Тишкова, «русский мир» — «феномен глобального размаха», «трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре»¹. Тишков утверждает, что данное сообщество не ограничивается только этническими русскими и включает в себя представителей других национальностей, связывающих свою судьбу с Россией, русской культурой и языком: «именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир»². Как считает ученый,

к Русскому миру относятся не только русские духоборы, оставшиеся проживать в Богдановском районе Грузии, но и те карабахские армяне, которые не знали армянского

¹ В. Тишков. *Русский мир. Смысл и стратегии*. «Стратегия России» 2007, № 7. [Online] <http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035> (22.03.2015).

² Там же.

языка и переехали в Россию, которая им ближе. К Русскому миру относится значительная часть русскоговорящих белорусов и украинцев, православных и русскоговорящих гагаузов в Молдове, русскоговорящих татар Литвы и многие другие группы. Но подавляющую основу нового (ближнего) Русского мира составляют русские³.

Вслед за Тишковым молодая исследовательница Ольга Николаевна Ботанова, в диссертации *Русский мир и проблемы его формирования* также утверждает, что

«русский мир» — это цивилизационное, социокультурное пространство, охватывающее почти треть миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя Земли. При этом «русский мир» — не суперэтническая, а наднациональная общность. Это транснациональное глобальное образование, идентифицирующее себя с русской культурой и русским языком, с духовными и ментальными признаками русскости⁴.

Достаточно широко использует понятие «русский мир» в своей публицистике писатель Александр Проханов. В его понимании

русский мир — это мир, который прежде всего связывает три славянских народа: русских, украинцев и белорусов. Но это не просто суммирование, сосуществование и сотрудничество этих народов. Эти народы русские потому, что их объединяет православие, возвышенное, небесное откровение. И русский мир не ограничивается земной жизнью, он связан с метафизикой народов, их истории, то есть часть русского мира пребывает на небесах и, может быть, даже с небес проецируется на земную жизнь. Русский мир является основателем огромных государств-империй на протяжении многих тысячелетий истории. ... В эту имперскую государственность, основой которой являются славянские народы — русские, белорусы, украинцы, в то время просто славяне, русы, вливается множество народов и религий. Одним словом, это огромное евразийское пространство — славяне, тюрки, угро-финны, евреи, а потом, когда Империя достигла своего цветения, в нее влились и грузины, и армяне, и прибалты, и многие другие. Этот огромный цивилизационный континент — он тоже может быть назван русским миром, потому что русская цивилизация, русский язык, русская вера, русская культура охватывает все эти колоссальные общности. Поэтому, наверное, было бы правильно считать русским миром великую государственность, которая существует на территории Евразии, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и смысл этой государственности мессианский⁵.

Напомню кратко некоторые факты биографии Александра Проханова. Будущий писатель родился в 1938 году в Тбилиси, в 1960 г. окончил Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе и начал свою трудовую деятельность в качестве инженера секретного режимного Научно-исследовательского института. Затем работал лесничим в Подмосковье и в Карелии. Еще будучи студентом, он стал писать стихи и прозу. Свою литературную деятельность начал с публикации рассказа *Красная птица* в 1964 г. Работал корреспондентом

³ Там же.

⁴ О.Н. Ботанова. *Русский мир и проблемы его формирования*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2009. [Online] <<http://www.disserscat.com/content/russkii-mir-i-problemy-ego-formirovaniya>> (15.03.2015).

⁵ А. Проханов. *Русский мир*. «Взгляд» 28 августа 2014. [Online] <<http://vz.ru/opinions/2014/8/28/702747.html>> (10.05.2015).

газет «Правда» и «Литературная газета» в Афганистане, Никарагуа, Камбодже, Анголе и в других «горячих точках». В 1972 году стал членом Союза писателей СССР. Проханов — автор многих произведений, наиболее значимыми из которых, на мой взгляд, являются романы: *Последний солдат империи* (1993), *Господин Гексоген* (2002), *Симфония Пятой Империи* (2006). Немало сил писатель отдавал редакторской деятельности: с 1989 по 1991 г. он был главным редактором журнала «Советская литература», в декабре 1990 г. создал свою газету «День» и стал ее главным редактором. А с 1993 г. и по настоящее время Проханов редактирует еженедельную газету «Завтра», декларирующую имперскую идеологию и отличающуюся государственно-патриотической направленностью. Во всех названных периодических изданиях Проханов выступал как публицист, накопив к настоящему времени богатейший опыт анализа и интерпретации злободневных политических событий.

Цель данной статьи — рассмотреть публицистические выступления Проханова, посвященные украинскому кризису в аспекте имперского сознания, присущего писателю.

С самого начала украинского кризиса, когда ещё на киевском «майдане» стояли палатки протестующих, на страницах еженедельника «Завтра» регулярно появлялись публицистические статьи Проханова, посвященные данной тематике. Украинскому кризису автор посвятил несколько десятков статей. Перечислю только те, которые были опубликованы в период за январь-июнь 2014 г.: *Иудино дерево ждет Януковича* (30 января); *Украина. Плаха для русских* (30 января); *Третья оборона Севастополя* (24 февраля); *Киев под топором* (27 февраля); *Железная медаль на грудь Украины* (27 февраля); *Крым, вооружайся!* (27 февраля); *Русские идут* (6 марта); *Крымское вино победы* (13 марта); *Крым проголосовал за возвращение в Россию* (17 марта); *Путин Таврический* (20 марта); *От чистого сердца* (27 марта); *Руслан Козаков — сын Отечества* (3 апреля); *Клеветникам России* (10 апреля); *Десантник убит за отказ стрелять в русских* (28 апреля); *И танки наши быстры* (1 мая); *Трагедия в Одессе* (3 мая); *Одиннадцатый сталинский удар* (8 мая); *Россия, сестра твоя — Новороссия!* (15 мая); *Уголь превращается в алмаз* (15 мая); *Оружие! Дайте оружие!* (5 июня); *Православный воин, бей нацистских бесов!* (12 июня); *За Родину! За Новороссию!* (12 июня); *И умереть мы обещали* (26 июня).

В статье будут подробно рассмотрены три выступления писателя (*Украина. Плаха для русских*, *Крымское вино победы*, *Россия, сестра твоя — Новороссия*), при этом внимание концентрируется преимущественно на их проблематике и авторском пафосе. Но прежде чем приступить к их анализу, хочу обратить внимание на понятие «имперское сознание», присущее, согласно наблюдениям профессора Е.В. Анисимова, российскому обществу в целом, и, согласно признаниям А. Проханова, ему самому в частности.

Характер «имперского мышления в России» наиболее точно описан одним из самых авторитетных современных историков — Евгением Анисимовым. Ученый утверждает, что русское национальное сознание есть сознание имперское, которое проявляется как в политической жизни России, так и в культур-

ной сфере, поскольку представители власти, так же, как и большинство российских граждан, являются его носителями:

Имперское сознание — это достаточно целостный, объемный комплекс разнородных идей, концепций, чувствований, это часть общественного сознания, представлений о месте своей страны в мире и в истории. Имперское сознание формируется исторически, образ империи в глазах её народов складывается веками⁶.

Анисимов обращает внимание на несколько составляющих, которые влияют на формирование «образа империи». Это и элементы внешнеполитических доктрин, и актуальные идеологические концепции, и влияние метрополии на остальную часть империи, а также сиюминутные суждения и профессиональные представления.

Ученый выделяет существенные черты, принципы, комплексы, в совокупности определяющие сущность русского имперского сознания. Далее, опираясь на исследование Е.В. Анисимова, особо выделю те принципы, идеи, позиции, которые оказались значимыми для современного «имперского человека».

1. Принцип «Influence legitime», как указывает Анисимов, основывается на исторически сформированном «неотъемлемом праве России» на сопредельные территории, которые государство российское завоевывало и колонизировало на протяжении нескольких столетий. Обосновывалось это соображениями безопасности, например «нейтрализацией угрозы нападения потенциального врага на дальних рубежах России».

2. «Право первого занятия, исконности» является, по мнению ученого, обоснованием для завоевания земель, где когда-либо жили/живут славянские народы.

3. «Идея изначального превосходства русских над другими славянскими народами» базируется, как считает Анисимов, на убеждении, что русская культура превосходит другие славянские культуры, значит, ее распространение призвано выполнить прежде всего цивилизаторскую функцию. В политике это интерпретировалось как неспособность славянских народов самостоятельно, без участия России, определять свою судьбу. Стоит заметить, что данное убеждение присуще не только российскому, но западноевропейскому империализму. Американский ученый арабского происхождения Саид Эдвард Вади описывал отношение западных стран с имперским прошлым к народам Востока следующим образом:

Внимание на себя обращают риторические фигуры, при помощи которых описывается «таинственный Восток», равно как и стереотипы «африканского (индийского, ямайского или китайского) ума», представление о том, что «европейцы» несут примитивным и варварским народам цивилизацию⁷.

4. «Идея добровольности вхождения народов в состав империи» подразумевает, как указывает исследователь, добровольное вхождение славянских и других народов (например, среднеазиатских) в состав империи. По сей день

⁶ Е. Анисимов. *Исторические корни имперского мышления в России*. Institute of Russian History, RAS 1996. [Online] <<https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html>> (5.04.2015).

⁷ Э. Саид. *Культура и империализм*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012, с. 6.

в русском общественном сознании преобладает мнение, что более ста народов России объединились в единое государство «добровольно», без всякого принуждения. Некоторые современные ученые обращают внимание и иные аспекты проблемы. Так, например, профессор Н.И. Цимбаев описывает характер взаимоотношений российского правительства и вошедшего в состав империи народа следующим образом:

в целом российское правительство могло быть уверено не только в своей военной силе и дипломатическом искусстве, что позволяло подчинять народы, но и в своем административном умении держать их в повиновении. После вхождения в состав России местная знать, сделавшись незаменимой частью правящей системы, без долгих колебаний отдавала свои знания, опыт и авторитет делу укрепления Российского государства⁸.

Е.В. Анисимов обращает внимание на ещё одну черту, присущую имперскому мышлению: народ, раз вступивший в состав империи, уже никогда не имел права выйти из подданства⁹. Принципу «добровольного вхождения» противоречит, например, инкорпорация Кавказа, где Россия на протяжении несколько веков вела войны. Подобную практику применял и Советский Союз, аннексировавший в 1940 г. Молдавию и Прибалтику, что мировым сообществом было признано «оккупацией». В настоящее время под лозунгом «добровольности» Россия присоединила Крым.

5. «Идея извечного врага» является, по наблюдениям Е.В. Анисимова, неотъемной частью имперского мышления вообще. Что касается России, то на протяжении всей своей истории она имела «врагов». Указанная позиция близка итальянскому ученому и философу Умберто Эко, который рассматривает образ врага в аспекте определения национальной идентичности итальянцев:

Иметь врага важно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим. Так что, когда врага нет, его следует сотворить. Все видели широту и гибкость, с которыми веронские нацисты — скинхеды принимали к себе во враги любого, кто не принадлежал к их группе, — именно для того, чтобы обозначить себя как группу. И самое интересное в этом случае — не то, с какой непринужденностью они обнаруживали врага, а сам процесс его сотворения и демонизации¹⁰.

Образ извечного врага изначально был выгоден, поскольку позволял внушить российскому обществу страх перед угрозой захвата и распада страны. Российская власть использует эту стратегию и сегодня, оправдывая свои «имперские амбиции» как вынужденную меру по защите страны перед «врагами России».

6. «Идея пролетарского мессианства» получила популярность в советскую эпоху, когда в результате Октябрьской революции форма «царского империализма» была заменена формой «социалистического пролетариата». Уничтожив

⁸ Н. Цимбаев. *Россия и русские: национальный вопрос в Российской империи*. «Вестник Московского университета. Серия 8. История» 1993, 5, с. 23–33.

⁹ Е. Анисимов. *Исторические корни имперского мышления в России...*

¹⁰ У. Эко. *Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю*. Москва: CORPUS, 2014, с. 13.

духовную составляющую империализма «царской России» в лице православной церкви и династии Романовых, большевики принялись экспортировать «революцию» и переименовывать прежние губернии в советские социалистические республики, называя Российскую империю «тюрьмой народов». Тем временем русификация других народов продолжалась, а провозглашенные советские республики получили права, не выходящие за пределы прав «колоний» бывшей империи. Советский Союз практически полностью перенял территории Российской империи за исключением Польши и Финляндии.

7. «Идея старшего брата», как отмечает Анисимов, формировалась на протяжении нескольких веков и постепенно превратилась в миф о «русском покровительстве» над своими колониями. Русская доброта и бескорыстие рассматриваются как своеобразная «миссия» старшего брата, который должен заботиться о других «менее развитых» народах. Образ старшего брата по-своему описал английский писатель и публицист Джордж Оруэлл в антиутопическом романе 1984:

Тогда тайное отвращение к Старшему Брату превращалось в обожание, и Старший Брат возносился над всеми — неуязвимый, бесстрашный защитник, скалою вставший перед азийскими ордами, а Голдстейн, несмотря на его изгойство и беспомощность, несмотря на сомнения в том, что он вообще еще жив, представлялся зловещим колдуном, способным одной только силой голоса разрушить здание цивилизации¹¹.

8. «Комплекс колониальной неблагодарности народов, входящих в состав Российской империи», зиждется, по мнению исследователя, на извечном убеждении русского народа в том, что именно он несет «бремя» заботы о других народах, которые этой заботы недооценивают. Тем временем, выгода, которую приносят России «подчинённые земли», практически всегда остаётся в тени.

9. «Комплекс безгрешности русского народа», сформировался, как утверждает Анисимов, на основе отсутствия в подавляющей части российского общества чувства вины за ошибки империи. Большинство придерживается мнения, что империя создавалась «верхами», а народ всегда жил «по совести» вдали от этих процессов.

Совокупность черт, характерная для имперского мышления в целом, выявленная Е.В. Анисимовым, в большей или меньшей мере проявляется в выступлениях современных российских политических, научных, культурных деятелей — сторонников имперского пути развития современной России. Александр Проханов, как известно, является одним из лидеров этого направления. Он мыслит будущее России в рамках «красной империи» и заявляет о необходимости создания

новой общегосударственной имперской идеологии Великой России. Сегодня в идеологическом пространстве нашей Родины вращаются несколько огромных обломков, обломок, связанный с имперским русским миром, грезящим о восстановлении монархической формы правления, имперской сверхдержавы. Другой обломок — это все, что осталось от Советского Союза, от коммунистической идеологии: здесь остались огром-

¹¹ Д. Оруэлл. 1984. Москва: Прогресс, 1989, с. 16.

ные организационные ценности, геополитическое управление, мечта о справедливом государстве¹².

Далее попытаюсь выяснить, в какой степени черты имперского мышления проявляются в публицистике Проханова, посвящённой украинскому кризису. Основным материалом при этом являются три статьи писателя: *Украина. Плаха для русских*; *Крымское вино победы*; *Россия, сестра твоя — Новороссия!*

Одна из первых статей Проханова, посвященная проблеме украинского кризиса, получила название *Украина. Плаха для русских (30 января 2014 г)*. Украинским кризисом сейчас принято называть политический кризис (2013–2014), спровоцированный в ноябре 2013 г. решением украинского правительства во главе с Николаем Азаровым приостановить процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Это решение привело к массовым акциям протеста в Киеве и других городах Украины. Положение в Украине привлекло внимание российской и западной прессы. Проханов как редактор политической газеты, как острый публицист и яростный сторонник идеи имперской государственности, не мог не побывать в гуще происходящих событий и тем более не мог не откликнуться на них.

Название статьи *Украина. Плаха для русских* звучит метафорично и предупреждающе одновременно. По мнению публициста, Украина превращается в «плаху», «эшафот», «место казни»¹³ для русских. Под «русскими», как известно, он понимает прежде всего «три славянских народа: русских, украинцев и белорусов», считая «эти народы русскими потому, что их объединяет православие, возвышенное, небесное откровение»¹⁴ и, конечно, имперская идея. Проханов не хочет даже допустить мысли о том, что Украина как самостоятельное, суверенное государство может выбрать для себя свой собственный — не имперский — путь развития. Здесь в подходе публициста сказываются выделенные Е.В. Анисимовым принципы «Influence legitime» и «добровольности» (при котором «раз вступивший в состав империи народ уже никогда не имел права выйти из подданства»). Структурно статья состоит из десяти фрагментов, которые и составляют, по определению автора, «трагический алгоритм» украинского кризиса. Какие же события выдвинуты на первый план?

Начиная свое выступление, Проханов подчеркивает объективность своей версии происходивших событий, поскольку он имел доступ к различным источникам. Во-первых, он многое видел собственными глазами, во-вторых, разговаривал с людьми разных убеждений и рангов, в-третьих, получил информацию от официальных лиц. В результате в его сознании сложился «трагический алгоритм» украинской революции:

¹² М. Евдокимова. *О жизни и творчестве Александра Проханова*. «Хронос. Русский литературный журнал». [Online] <<http://www.hrono.info/text/2008/evdo0308.html>> (25.03.2015).

¹³ См.: «Плаха. Эшафот, место казни. На плахе рубили голову. Нести голову на плаху, идти на смертную казнь». [В:] В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: Русский язык 1980, с. 122.

¹⁴ А. Проханов. *Русский мир...*

Я только что вернулся с Украины. Видел Майдан. Разговаривал с националистами. Получал информацию от референтов правительства и аналитиков спецслужб. Помимо Киева, посетил Днепропетровск и Харьков. Встречался с губернаторами, директорами крупнейших предприятий. Я видел «оранжевую революцию» в её стремительном развитии. И вот её трагический алгоритм (...)¹⁵.

Стоит подчеркнуть, что не только первая статья представляет собой некий алгоритм, но и дальнейшие — регулярные, последовательные — выступления публициста по поводу украинского кризиса в своей совокупности также обладают определенной алгоритмической заданностью.

Основная тема определена одним словом: Майдан. Она заявлена в первом фрагменте: «Видел Майдан» и развита в следующем:

Киевский Майдан — вулкан революции. Раскалённый шар, из которого вырываются огненные протуберанцы, сжигающие конституционную власть. В центре этого огненного шара — холодное ядро. Там скрытый штаб революции — лидер радикалов Тягнибок, американские советники — специалисты по проведению спецопераций. Происходит штурм административных учреждений Киева, захват государственных зданий, жестокое избиение милиции¹⁶.

Проханов четко расставляет акценты. С одной стороны, Майдан — это пылающий «вулкан революции», «раскалённый шар, со своими «огненными протуберанцами» (сказывается авиационное образование автора), с другой — штаб радикалов, напоминающий «холодное ядро», осуществляющий при помощи «американских советников» циничный план захвата власти по определённому сценарию: штурм — захват — избиение. Здесь в лице «американцев» просматривается свойственная имперскому сознанию «идея извечного врага».

Как уже отмечалось, одним из поводов украинского кризиса или — в ином словоупотреблении — «революции» стал отказ действующей украинской власти, в том числе и президента Виктора Януковича, от подписания договора об ассоциации с Европейским Союзом, то есть своего рода отказ от интеграции в «западную цивилизацию». Проханов придает большое значение роли личности в истории, поэтому в следующем фрагменте статьи затронута тема украинского президента:

Янукович говорит о государственном перевороте на Украине, однако не предпринимает никаких действий для его подавления. Он, гарант конституции, устраняется от её защиты и совершает первое предательство — превращается в неконституционного президента. Не направляет милицию для разгона Майдана, не направляет армию на освобождение захваченных городов, не объявляет чрезвычайное положение в стране. Он боится пролития крови. Боится предстать в глазах Запада подобием Каддафи и Мубарака. Миллиардные состояния его и его сына, лежащие в западных банках, сковывают его инициативу. Он — заложник своих несправедливых миллиардов¹⁷.

¹⁵ А. Проханов. *Украина. Плаха для русских*. «Завтра» 2014, 5. В дальнейшем цитируется это издание.

¹⁶ А. Проханов. *Украина. Плаха для русских...*

¹⁷ А. Проханов. *Украина. Плаха для русских...*

Виктор Янукович предстает здесь слабым президентом, который не способен выполнить возложенных на него народом функций. Он говорит, но не действует; будучи гарантом конституции, он не может воспользоваться ее законами по защите государства и граждан от беспорядков. В результате бездействие Януковича в экстремальной ситуации Проханов классифицирует однозначно как предательство. Но этим не ограничивается: он видит в украинском президенте труса, который боится крови, злословий Запада, а главное — боится потерять свои несправедливо нажитые миллиарды (что и обуславливает бездействие).

Результатом политики «ренегата-президента», как считает Проханов, становится разгул радикалов, укрепление оппозиции, разрушение в конечном счете государства и его властных структур:

Продолжается захват городов на западе Украины. Падают одна губерния за другой. Там запрещаются Партия регионов и Компартия Украины. Янукович по-прежнему отказывается от применения силы и, выполняя требования оппозиции, готов отправить в отставку пророссийского премьера Азарова. Янукович приглашает к себе лидеров оппозиции Кличко и Яценюка. Последнему предлагает пост премьера, а германскому боксёру Кличко — пост вице-премьера. Этим самым Янукович совершает второе предательство, отдавая на растерзание **Майдана** преданных ему пророссийских политиков в правительстве и в партии. Армия и госаппарат, наблюдая ренегата-президента, разлагаются, разрушается вертикаль власти. Войска и милиция больше не готовы выполнять приказы президента¹⁸.

В этом фрагменте автор развивает тему предательства Януковича, но уже не только по отношению к собственным соотечественникам, но и по отношению к русскому миру. Президент «предает» «пророссийского политика», тогдашнего премьер-министра Николая Азарова. При этом, автор нигде не упомянул о несправедливо нажитом состоянии Н. Азарова, который, кстати, был даже обвинён в хищении государственного имущества¹⁹. Можно предположить, что автор умалчивает о миллиардах премьер-министра по той простой причине, что Азаров, рождённый в Калуге 1947 г. и являющийся русским по национальности, переехал в Украинскую ССР только в 1984 г. Значит, он оказывается среди тех «русских», для которых Украина в момент кризиса, по мнению автора, становится «плахой».

Далее Проханов актуализирует тему двойственного Майдана: с одной стороны, как непосредственно реагирующей народной стихии, с другой — как стихии, умело управляемой через местного лидера иноземцами:

Воодушевленные предложением Януковича оппозиционеры Кличко и Яценюк возвращаются на Майдан, чтобы получить благословление у огнедышащей площади. Но Майдан освистывает их и прогоняет. Майдану мало ликвидации правительства — он требует ликвидации Януковича. Майдан подчиняется своему холодному центру, своему штабу во главе с Тягнибоком, с американскими референтами²⁰.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Суд удовлетворил ходатайство прокуратуры Украины об аресте Николая Азарова. «Газета.Ru». [Online] <http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/20/n_6944209.shtml> (24.03.2015).

²⁰ А. Проханов. *Украина. Плаха для русских...*

Автор представляет Майдан как «огнедышащую площадь», подчиняющуюся «холодному центру». Этим холодным центром, по мнению Проханова, руководит лидер украинской националистической партии «Свобода» Олег Тягнибок, которым в свою очередь манипулируют «американские референты» (вновь фигурирует «извечный враг — Америка»). Далее автор развивает эту мысль следующим образом:

Тем временем города и губернии падают под натиском оранжистов. Силловые отряды Тягнибока перекатываются из города в город, захватывают административные центры и госучреждения. Вся Украина уже много лет наполнена неправительственными организациями, существующими на западные деньги. Они, как оспа, усеяли всю страну. Они собирают информацию, готовят кадры, финансируют местные СМИ, являются той средой, которая поджигает губернии и приводит к победе оранжистов²¹.

Проханов убежден в том, что украинская революция была подготовлена западными спецслужбами, которые действовали через «неправительственные организации», распространившиеся по Украине, как оспа. Посыл автора в данном случае вполне прозрачен: революция — это не славянское явление, а смертельная эпидемия, которая насыщается извне.

В следующем фрагменте появляются новые оппозиции: «запад — восток Украины», а на «востоке» — наивные «директора заводов» и «донецкая братва», не способные противостоять «оранжистам»:

Волна революции начинает переплёскиваться с запада на восток Украины. И русскоязычные города, такие, как Харьков, Донецк, Луганск, Днепропетровск, Симферополь ожидает участь Ивано-Франковска. В этих мощных промышленных центрах работают заводы-гиганты, но отсутствуют политические силы, способные оказать отпор оранжистам. Директора заводов, строящие ракеты, самолёты-гиганты, турбины для атомных станций и могучие двигатели, беспомощны и наивны, робеют в политических баталиях и сдадут свои предприятия и губернии без боя, как это сделали советские красные директора в августе 91-го года. Администрация этих регионов, «донецкая братва», как её иногда называют, в силу своего происхождения труслива и вероломна. Она подобна своему крестному отцу Януковичу и не станет рисковать собственными жизнями для защиты вверенных территорий²².

Проханов вновь проводит четкую разделительную линию между «живущими на западе Украины оранжистами» («оранжистами» он называет участников «оранжевой революции» в Киеве в 2004 г.) и промышленным востоком этой страны. Чувствуется также ностальгия писателя по распавшемуся Советскому Союзу; он приравнивает «нерешительность» украинских директоров предприятий к той «неопределённости», которую испытывали руководители разваливавшейся советской империи. Более того, руководителей «восточных администраций» автор называет «донецкой братвой», а Виктора Януковича их «крестным отцом», намекая на его криминальное прошлое и на связанные с Донецком стереотипы, кружащие по Украине на протяжении многих лет.

²¹ А. Проханов. Украина. Пила для русских...

²² Там же.

В следующем фрагменте Проханов прогнозирует грядущие события, рисуя Украину не просто «плахой» — местом, где осуществляется казнь, но и саму казнь (истребление):

Захватив русскоязычные центры, «западенцы» начнут немедленное истребление всего пророссийского, всего русского, всего, что связано с цивилизацией русского мира. Будет запрещён русский язык, упразднены русские общества, загнаны в катакомбы русские лидеры. Судьба Черноморского флота предreshена. Судьба великих заводов, работающих в кооперации с Россией, весьма трагична. Автокефальная украинская церковь станет изгонять с Украины представителей РПЦ²³.

«Западенцами» русскоговорящее население Украины называет жителей западной части страны, разговаривающих на украинском языке. В данном случае конституционно закреплённый украинский язык как единственный государственный является главным отличающим фактором украинской самобытности и суверенности; он не совместим с имперской идеей, согласно которой, основным языком на всей территории «русского мира» должен являться русский. Более того, языковой вопрос не является в данном контексте ключевым. Исходя из того, что автор упоминает об угрозах именно для «цивилизации русского мира», можно предположить, что под словом «западенцы» автор подразумевает тех украинцев, которые являются сторонниками «западного пути развития» и более того — ассоциируют себя с частью западной цивилизации. Стоит обратить внимание на составляющие, использованные в статье: «цивилизация русского мира», «русский язык», «русские общества», «русские лидеры», «заводы, работающие в кооперации с Россией», «Русская Православная Церковь». Как видно, «идея извечного врага» очень устойчива и является неотъемлемой частью в публицистике Александра Проханова. Список врагов может пополняться, но основным из них по-прежнему остаётся «Запад»:

(...) Украина, охваченная смутой и революцией, под властью полевых командиров — этих яростных русофобов и юдофобов, с пустой казной, становится лёгкой добычей Запада, который уже готов отправить на Украину многомиллиардные транши. Евросоюз, а за ним и НАТО приближаются к границам Белгорода²⁴.

Автор видит для России прямую угрозу, исходящую от «украинской смуты», которой воспользуется «Запад», «приближающийся к границам Белгорода», то есть к российской границе. В данном случае мы вновь имеем дело с принципом «influence legitime», подразумевающим нейтрализацию этой «угрозы» на рубежах Украины, которыми, по мнению автора, должны стать юго-западные части страны.

Развивая тему «угрозы», автор заканчивает своё выступление большим фрагментом, включающим в себя восемь риторических вопросов, которые по сути своей выполняют функцию призывов к действиям:

А что же русские, проживающие в огромном числе на Украине? Они подставляют свои выи под бандеровский нож, как беспомощные овцы? Неужели не будет русского вос-

²³ Там же.

²⁴ Там же.

стания и русской самообороны? В условиях конституционного кризиса, когда президент не выполняет своих конституционных обязанностей, когда падает правительство и происходит насильственный захват городов, почему не возникнет союз левобережных губерний? Почему русский Крым не вспомнит о победе Приднестровья? Почему Россия, ведущая искусную борьбу за Сирию, отстаивает свою позицию на Ближнем Востоке, но так бездарно сдаёт Украину? Почему мы не видим русской политики на Украине, а только американскую и европейскую? Неужели наше время будет отмечено Олимпиадой в Сочи и натовской базой под Харьковом²⁵?

Основные призывы автора, заключающиеся в так называемых «риторических вопросах», прочитываются однозначно. Он открыто выступает за: «русское восстание и русскую самооборону», «создание союза левобережных губерний», ориентацию «русского Крыма» на победу Приднестровья, борьбу за Украину. Во всем этом непосредственно проявляется характер имперского сознания писателя.

Стоит заметить, что риторические вопросы автора оказались «пророческими» и нашли свое отражение в той или иной степени в действительности. Возможно, в данном случае сработало авторское чутьё и богатый опыт изучения Прохановым военных конфликтов в разных точках земного шара, где ему удалось побывать и воочию наблюдать за происходящими событиями.

Темы «Майдана», «предательства», «плахи», «русских», «Запада» автор актуализировал также в других публицистических статьях, посвящённый украинскому кризису, среди которых: *Иудино дерево ждет Януковича* (30 января); *Киев под топором* (27 февраля); *Железная медаль на грудь Украины* (27 февраля).

Статья ***Крымское вино победы (13 марта 2014 г.)*** посвящена событиям на Крымском полуострове, которые имели место весной 2014 года во время революции на киевском Майдане. Название статьи напоминает название известного рассказа Евгения Носова *Красное вино победы* (1971), где автор описал переживания советских солдат, связанные с окончанием Второй мировой войны, празднованием победы и одновременно горечь и боль по ушедшим товарищам. Одним из значимых символов рассказа является вино. С одной стороны, оно является праздничным напитком (как неотъемлемый элемент пира, христианский символ жизни и любви), который подают в честь победы, с другой — символизирует жертвенную кровь (как плата за победу). Таким образом, имплицитно, на уровне заглавия Проханов соотносит две «победы», а значит, и две войны: Советского Союза с фашистской Германией (1945), России с «братской» Украиной (2014).

Структурно статья состоит из девяти фрагментов, где автор выстраивает определённый «алгоритм» событий, которые привели к референдуму и последующему присоединению Крыма к России.

Свое выступление Проханов начинает с описания всевозможных сомнений и переживаний своих соотечественников, связанных с приближающейся датой крымского референдума, которым, по мнению автора, жила в тот момент вся Россия:

---

²⁵ Там же.

У всех на устах Крым. Тревога, благоговение, сияющие глаза. Суеверные предчувствия: неужели возможно, неужели случится? Неужели русский Крым снова с Россией? Об этом — в Сибири и на Дальнем Востоке, об этом — в огромных городах и крохотных деревеньках. Все помышления, все молитвы — о Крыме, являют собой приметы таинственного русского возрождения, русской духовной весны. Считаем до референдума дни и часы. Хоть бы не сорвалось. Хоть бы не напали на Крым разъярённые банды. Хоть бы не заработали по блокпостам установки залпового огня. Хоть бы не дрогнула воля крымчан, или, не дай Бог, не сместилась в сторону русская политика. В этих страхах есть тоже что-то религиозное, возвышенное и молитвенное²⁶.

В данном фрагменте автор стремится передать царившие среди доминирующей массы россиян настроения, слухи, предчувствия, опасения. Вместе с тем он предостерегает жителей полуострова перед «разъярёнными бандами» и украинскими «установками залпового огня», создавая в очередной раз образ «врага» в лице новых, революционных на тот момент, властей в Киеве. Проханов не боится показать свои собственные страхи и неуверенность как в «воле крымчан», так и курсе «русской политики» относительно воссоединения Крыма с Россией. Но в самом фрагменте содержатся и «приметы таинственного русского возрождения, русской духовной весны». Мистически воспринятое Прохановым «русского возрождение» («духовная весна») поддержано в тексте соответствующими настроениями: «религиозными, возвышенными и молитвенными».

Автор ретроспективно обращается к эпохе развала Советской империи, однозначно рассматривая её как «русское государство»:

В девяносто первом году по русским нанесли страшный удар. Оглушили, изрезали, исполосовали. Отсекли самые сочные, цветущие ломти государства. А чтобы русские не восстали и не закричали, их топтали и мучили все девяностые годы. И все обрубки русского государства кровоточили и исходили болью. И вот наступает исцеление. Русские просыпаются, русские восстают из тлена и стряхивают прах. Русские сбрасывают страшное иго и идут в свой новый поход, в своё победное шествие, идут, как весна²⁷.

Проханов обращает внимание на «мученический и жертвенный путь» России. По мнению автора, русское государство изрезали и исполосовали, топтали и мучили все девяностые годы какие-то страшные силы. Проханов в очередной раз прибегает к «образу извечного врага России», который, спровоцировал распад Советского Союза и, как следствие, «обрубку русского государства». Но ситуация изменяется, наступает, по мнению автора, «исцеление» и в связи с этим он вновь развивает мотивы возрождения, «весны», «русского победного шествия», первым этапом которого и должно стать присоединение Крыма к России.

Примечательно, что после российской аннексии Крыма, президента России Владимира Путина стали сравнивать с «собирателем русских земель»²⁸ — Иваном III Васильевичем, который объединял земли вокруг Москвы в далёком XV

²⁶ А. Проханов. *Крымское вино победы*. «Завтра» 2014, № 11. [Online] <<http://zavtra.ru/content/view/kryimskoe-vino-pobedyi>> (1.06.2015).

²⁷ А. Проханов. *Крымское вино победы...*

²⁸ В. Трухачев. *Ода собирателю земель русских*. «Собеседник.Ru» 23 марта 2014. [Online] <<http://sobesednik.ru/politika/20140323-oda-sobiratelyu-zemel-russkih>> (20.02.2015).

веке. Проханов же, ещё до начала крымского референдума намекал на «бережные руки», которые собирают «расколотую чашу великого государства»:

(...) Чаша великого государства (возможно автор подразумевает СССР), расколота варварами и негодьями, начинает склеиваться. Бережные руки реставратора возвращают в вазу её драгоценный фрагмент²⁹.

«Чаша великого государства» ассоциируется у автора с Российской империей, а после октябрьского переворота — с Советским Союзом. Разумеется, «реставрация» предполагает «возвращение» земель, утраченных Россией после распада СССР.

Далее Проханов пытается объяснить/оправдать причину, по которой россияне сегодня, по его мнению, обращают особое внимание на события, происходящие в Крыму:

(...) Крым... Почему он так дорог сердцу русского человека? Это детские поездки к лазурному морю, ощущение чудесного праздника. Фонтаны, цветы, благоухание роз, загорелые лица среди колонн и аркад. И, конечно, Лев Толстой, его «Севастопольские рассказы», отважный матрос Кошка. «Церковь трёх адмиралов», где под плитами покоятся три великих русских воителя, герои севастопольской страды: Нахимов, Корнилов, Истомин³⁰.

Стоит обратить внимание на концентрацию символов, которые использует писатель, объясняя историческую значимость принадлежности Крыма России. Символы эти разнообразны и, безусловно, не случайны, они тонкими нитями связаны между собой. К их числу автор относит частную жизнь обыкновенного человека, сохранившего в памяти свои радужные детские поездки на юг, лазурное море, фонтаны, цветы, загорелые лица окружающих, которые через посредство литературы — *Севастопольские рассказы* Льва Толстого, приобщились к драматической жизни русской истории — Крымской войне 1853–1856 гг. с её кровавой обороной Севастополя и героическими подвигами русских людей, начиная от простого матроса Кошки кончая тремя русскими адмиралами, отдавшими свои жизни на поле боя. Далее автор указывает и на другие символы, связанные с «русской историей Крыма»:

Конечно, Ливадия с её дворцом, где отдыхали цари. И, конечно, Ялта, где собрались на свою конференцию Сталин, Черчилль и Рузвельт. И генералиссимус палочкой на песке чертил контуры послевоенного мира. И сама война с её могучим кровавым эпосом. Картины Дейнеки, где морская пехота, как шквал, идёт в рукопашную на цепи фашистов. И ещё та восхитительная мистическая церковь в Херсонесе, где принял крещение князь Владимир Красное Солнышко. Где Господь коснулся его чела, и свет православия хлынул на все великие русские просторы вплоть до Тихого океана. Крым — священная русская твердь, алтарь нашей религии, бастион великой державы, гавань славного флота³¹.

²⁹ А. Проханов. *Крымское вино победы...*

³⁰ А. Проханов. *Крымское вино победы...*

³¹ А. Проханов. *Крымское вино победы...*

Данный фрагмент насыщен множеством символов, имеющими прежде всего историческое наполнение. Попытаемся расшифровать заложенный в них смысл.

«Левадия с её дворцом», упомянутые Прохановым, имеют интересную историю. Выходец из Греции Ламбро Качиони (1752–1805) в возрасте 17 лет поступил на службу в эскадру русского адмирала Г. Спиридова, он был смел, неоднократно отличался в боях с турками, получал награды за героизм из рук самой Екатерины II, а после ее смерти отправился в Крым, присоединенный к России в 1783 г., в подаренные императрицей поместья. Недалеко от Ялты Качиони купил местечко Панас-Чаир (татар. «священный луг») и начал строительство усадьбы, которую называл «Левадия». После смерти Качиони имение перешло командиру греческого батальона Балаклавы генералу российской армии и крупному землевладельцу Феодосию Ревелиоти, который продал его в 1834 г. дипломату, находившемуся на российской службе — Льву Потоцкому, принадлежавшему к древнему польскому роду. После его смерти в 1860 г. имение было куплено царской семьёй.

«Ялта, где собирались на свою конференцию Сталин, Черчилль и Рузвельт». В данном случае речь идет об известной, а для некоторых стран (Польша, Германия) судьбоносной конференции в Ялте, которая проходила 4–11 февраля в формате так называемой «большой тройки»: США, Англия и Советский Союз. Во время конференции по существу была решена судьба не только послевоенной Европы, которая фактически оказалась под абсолютным контролем вышеупомянутых стран, но и всего мира. Результатом впоследствии стал раздел Европы на два лагеря: социалистический и капиталистический.

«Война с её могучим кровавым эпосом», воплощенная в «картинах Дейнеки». Речь скорее всего идёт об одной из наиболее известных картин советского художника Александра Дейнеки — *Оборона Севастополя* (1942), где символически представлено столкновение двух непримиримых сил: советских моряков в белоснежных одеждах, идущих на смерть, защищая родину, и надвигающейся темно-серой массой захватчиков.

«Мистическая церковь в Херсонесе, где принял крещение князь Владимир Красное Солнышко», где «Господь коснулся его чела, и свет православия хлынул на все великие русские просторы вплоть до Тихого океана». Принято считать, что «родословная» православия началась в Крыму, где на заре христианства были основаны первые церкви. Крещение князя Владимира в Херсонесе (Корсунь) имеет символическое значение: Корсунь — это город-пограничье между Византией и Русью, сумевший сохранить образцы античной культуры в формах византийской. Крещение князя Владимира в Корсунь, символизирует переход антично-византийской культуры на Русь.

Автор усматривает «крымскую символику» даже в сценах открытия зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г., по-своему трактуя «смыслы и образы, явленные ... при открытии Олимпиады»³²:

---

³² Там же.

Сказочный кит, на котором цвели купола и главы волшебного града Китежа, — это образ русского чуда, которое до времени таится в пучине, а потом всплывает, как мистический град. Этот образ был предчувствием — предсказанием о Крыме. Это Крым всплывал из пучины в дивном великолепии и славе. И то, что сегодня случилось с Крымом, подтверждает учение о русском чуде. Согласно ему, русский мир может испытать катастрофу, может погрузиться в чёрную дыру безвременья, а потом неизменно всплывает, повинувшись не исторической логике, не умозрениям высоколобых историков, а необъяснимому русскому чуду, той божественной загадке, которая делает Россию бессмертной, а русский народ — победителем³³.

Церемония открытия Олимпийских игр была действительно насыщена символами, связанными с историей России. В основу сюжета лёг сон девочки Любы, который отображал различные периоды истории государства российского в хронологическом порядке. По сценарию первое, что приснилось девочке — это русская тройка, которая провезла языческое солнце и растопила под собой лёд, а из-под этого льда появился древний мифический город Китеж, стоящий на огромном ките. Именно эта сцена ассоциировалась у Проханова с «всплывающим из пучины Крымом», что и было названо им «русским чудом». Чудо, по утверждению Проханова, не повинует исторической логике и умозрениям «высоколобых историков».

Но, независимо от последнего утверждения, всем ходом своей статьи, той исторической символикой, которой обладают отмеченные Прохановым предметы, явления, лица, он утверждает, что присоединение Крыма к России не только непосредственно вписывалось в рамки «исторической логики», но и было частью той «божественной загадки», которая делает Россию «бессмертной, а русский народ — победителем». Автор превозносит Россию и русский народ, приписывая и стране, и ее населению особую мессианскую роль. В данном случае вновь просматривается описанная Евгением Анисимовым «идея изначального превосходства русских над другими славянскими народами», присущая имперскому мышлению.

Далее автор вспоминает о встрече Путина с журналистами, где российский президент

нарисовал ход событий, которые привели к крымскому референдуму. На секретных базах Прибалтики и Польши готовились боевики — армия вторжения. Эта армия осуществила налёт на Киев, превратила Майдан в кромешный ад, совершила «революцию свастики». Эти свастики, как жуткие мельницы, перемололи власть Януковича, изрезали на куски конституцию, испепелили государство, именуемое Украиной³⁴.

Проханов убежден, что президент России Владимир Путин предвидел события, которые привели к крымскому референдуму. Появляется некое противоречие, поскольку ранее автор утверждал, что события, происходящие в Крыму, являются следствием так называемого «русского чуда». Как видно, автор опускает позитивные мифические символы, а на их место ставит негативные устрашающие образы. Место сияющего «града Китежа» занимают «секретные базы

³³ Там же.

³⁴ Там же.

в Польше и Прибалтике, где готовят боевиков», «кромешный ад», «революция свастик» и «жуткие мельницы». Тем самым действия российского руководства в отношении Крыма Проханов оправдывает «угрозой», которая, по его мнению, нависла на ближних рубежах России. Вышеупомянутые негативные образы в совокупности создают атмосферу утраченного, нависшей над русским народом в целом. Но в первую очередь внимание обращено на «русских, проживающих в Украине».

На западе украинские города один за другим становились фашистскими. Их жуткая ненависть к русским, яд фашистской энергии хлестнула из Киева по левобережным городам Украины. Русским показали, как выглядит их плаха, как висит над ними топор, как раскачивается над ними петля. Если в сорок третьем фашисты тысячами убивали евреев и сбрасывали их в Бабий Яр, то теперь носители свастик готовы оторвать на Левобережье гигантский котлован и сбросить в него тела двадцати миллионов русских³⁵.

Здесь Проханов вновь возвращается к тематике «плахи», которая была подробно описана в предыдущей части статьи. Причем, если ранее «плаха» мыслилась как потенциальное место казни, то теперь автор, нагнетая атмосферу страха, запугивает «украинских русских» висющим топором и раскачивающейся петлей. Таким образом повышается напряжение публицистического текста, усиливается его экспрессия. Называя западные украинские города «фашистскими», Проханов обращается к тематике Холокоста, напоминая о массовых уничтожениях гитлеровцами еврейского населения. Упоминая о трагических событиях, происходивших во время Второй мировой войны в северо-западной части Киева, между районами Лукьяновка и Сырец, где немцы проводили массовые расстрелы, Бабий Яр, автор пророчески предсказывает о подобной участи русских жителей Левобережья — юго-востока Украины. Число потенциальных жертв «украинской плахи», по Проханову равно «двадцати миллионам русских, тела которых «носители свастик» готовы сбросить в гигантский котлован» (цифра не случайна: 20 миллионов советских людей стали жертвами во Второй мировой войне).

Автор откровенно радуется тому, что

Крым первым восстал. Русская армия нацелила свои дальномеры на Украину, готовая двинуть полки на защиту убиваемых братьев. Россия совершила грандиозный исторический шаг. Государство российское достигло в своём становлении такого подъёма и силы, что оказалось готовым подняться на новый исторический уровень. Государство российское обрело утраченные прежде смыслы, ощутило своё место в истории, ему под силу стало стратегическое деяние³⁶.

Акцентируя факт, что Крым восстал «первым», Проханов намекает на то, что, возможно, будут и другие восстания на территории Украины, выбравшей европейский путь развития. А тем временем пишет, что «русская армия нацелила свои дальномеры на Украину, готовая двинуть полки на защиту убиваемых братьев», и тем самым не исключает возможности вооружённого вторжения России на территорию Украины под предлогом «защиты убиваемых братьев»

---

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

так, как это произошло в Крыму. Присутствует здесь также «идея старшего брата», который готов вступить за своих собратьев, проживающих на территории другого государства. По мнению автора, к совершению данного деяния государство российское готово и обладает не только «экономикой и промышленностью», но и «армией, и современным оружием». «Государство российское совершает свой грозный великий поступок, вступает в новую эру, готовится к глубинному преображению»³⁷.

Писатель видит в присоединении Крыма некий «грозный великий поступок», свидетельствующий о наступлении новой эпохи, способной осуществить глубинное преобразование страны. Вместе с тем он пытается предвидеть основные поведенческие стратегии Запада и России:

Давление Запада на Россию будет огромным. Фашистские атаки на юг России неизбежны. Ответом на них станет духовная мобилизация общества, консолидация народа вокруг своего лидера — Путина. Путин обретает качества непревзойдённого мирового политика, обретает образ духовного вождя, который недавно воскликнул: «Россия — это судьба!» И теперь мы увидели, как слились воедино судьба России и судьба её президента³⁸.

Прохановское пророчество сбылось, поскольку сразу же после аннексии Крыма и начала войны в Донбассе западные страны ввели в отношении России и ряда ее граждан многочисленные экономические и персональные санкции. Проханов призывает общество к «мобилизации вокруг своего лидера — Путина», называя российского президента «непревзойдённым мировым политиком» и «духовным вождём»

Заканчивается это публицистическое выступление метафорически:

В русском небе постоянно сшибаются две космогонические силы: сила небесного света и сила адской тьмы. В космогонии русских преданий и сказок две эти силы представлены битвой двух вещей птиц: ясного сокола — птицы небесного света, и чёрного ворона — птицы кромешной тьмы. Сегодня снова в русской истории сшиблись две эти птицы. И мы видим, как падают в Чёрное море окровавленные вороны перья³⁹.

В данном случае Проханов ассоциирует «космогонию» (учение о происхождении и сотворении вселенной) с дихотомией фундаментальных философских понятий — добра и зла в образах «ясного сокола» и «чёрного ворона». Согласно автору, в роли «птицы небесного света» выступает Россия, которая, присоединив Крым, покорила врага — птицу кромешной тьмы, «окровавленные перья которой лежат в Чёрном море».

Статья *Крымское вино победы* насыщена многочисленными символами, с помощью которых писатель-публицист манипулирует сознанием своего читателя, создавая определенные идеологемы и настроения. Проханов здесь, как и в предыдущем выступлении, использует так называемый «трагический алгоритм»,

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

призванный передать не только событийную хронологию, эмоциональную напряжённость, но и определенную провиденциальность.

Крымская тематика затронута автором также в таких публицистических выступлениях, как: *Третья оборона Севастополя* (24 февраля); *Крым, вооружайся!* (27 февраля), *Русские идут* (6 марта); *Крым проголосовал за возвращение в Россию* (17 марта); *Путин Таврический* (20 марта); *От чистого сердца* (27 марта); *Руслан Козаков — сын Отечества* (3 апреля); *Клеветникам России* (10 апреля); *Десантник убит за отказ стрелять в русских* (28 апреля).

Следующее публицистическое выступление Александра Проханова ***Россия, сестра твоя — Новороссия!*** (15 мая 2014 г.) посвящено событиям, происшедшим весной 2014 г. на юго-востоке Украины. С самого начала политического кризиса в Донбассе в российских средствах массовой информации данный регион зачастую стали называть Новороссией, о которой практически не упоминалось со времён революции в России в 1917 году. Согласно словарной статье, Новороссия —

историческая область в Северном Причерноморье, присоединённая к Российской империи в результате победных войн с Турцией в 1739, 1774, 1791, 1812. Общее культурное пространство с Новороссией образовывала Таврида (Крым). Активное освоение Новороссии велось в царствование Екатерины II усилиями князя Г.А. Потемкина-Таврического. Край заселялся русскими переселенцами, немецкими колонистами и другими этническими группами, став областью активных кросскультурных контактов. Присоединение Новороссии восстанавливало древний путь «из варяг в греки» полностью в составе России, трактовалось как возврат Екатериною России исконных земель, бывших под скипетром кн. Владимира Святого, и корреспондировало созданию Санкт-Петербурга Петром Великим. Дальнейшие этнополитические процессы отделили Новороссию от России, вернув страну к границам времени Петра Великого⁴⁰.

Военная тематика, присутствующая в историческом описании Новороссии резко актуализирована в статье Проханова. Автор проводит тесные параллели между событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и событиями, происходящими в наше время на юго-востоке Украины. С самого начала в статье доминирует героическая риторика:

Среди грохота миномётов, пылающих городов, под вопли одесских мучеников, под стоны раненых в Мариуполе и Славянске рождается молодое государство Новороссия. Оно освящено референдумом, подтверждено волей народа и непреклонных лидеров, питается могучими силами Победы сорок пятого года⁴¹.

Автор, как видно, расставляет три основных акцента: трагедийность происходящего, законность в осуществлении воли народа; соотнесенность с побед-

⁴⁰ *Российский гуманитарный энциклопедический словарь*. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС — Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. [Online] <http://humanities_dictionary.academic.ru/4212/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F> (26.05.2015).

⁴¹ А. Проханов. *Россия, сестра твоя-Новороссия*. «Завтра» 2014, № 20. [Online] <<http://zavtra.ru/content/view/rossiya-sestra-tvoya---novorossiya>> (14.05.2015).

ным прошлым. Победа 1945 г. над фашизмом обуславливает логическое включение в текст именно этой темы:

Фашизм, вскормленный либеральным Западом, взлелеянный банкирами Америки и Европы, победил в Киеве, захватил Львов и Ивано-Франковск и напал на города Левобережья. Война, которую ведут Донецк и Луганск, Одесса и Николаев, Днепропетровск и Харьков, — это война с фашизмом. Фашизм, невзирая на падение Берлина и Нюрнбергский процесс, вновь возродился и пошёл на Восток, вздымая руку в фашистском приветствии, устраивая в украинских городах крематории и газовые камеры⁴².

Используя прием олицетворения, Проханов создает достаточно яркий и художественно убедительный образ фашизма, призванный активизировать протест против происходящего в соседней стране в сознании соотечественников. Утверждая, что «Украиной овладевает фашизм», автор по сути призывает российское общество к борьбе с некогда всеобщим врагом, против которого в своё время боролся весь мир. Тем самым он прибегает к манипуляции, основанной на возбуждении патриотических эмоций, связанных с воспоминаниями о трагических событиях, имевших место во время Второй мировой войны и применении данной риторики в контексте украинского кризиса.

Новое государство, рождённое в схватке с фашистским животным, выполняет грандиозную миссию. Одно, без внешней поддержки, без Красной Армии и сибирских дивизий защищает мир от фашизма. Не только себя, но и всё человечество, и Россию, которая, словно околдованная, остановившимися глазами смотрит, как гибнут под пулемётами ополченцы Славянска и Мариуполя. Война на юго-востоке Украины — это вторая Испания, где фашизм пробует на зубок человечество. Только эта борьба ведётся без советских танкистов, лётчиков, без добровольцев, переплывавших в Испанию по Средиземному морю⁴³.

Под «новым государством» Проханов мыслит территорию исторической Новороссии которая, по его мнению, сражается с фашизмом, как это делали испанские повстанцы, восставшие против режима Франко. Сравнивая политику выбранной (после свержения президента Виктора Януковича) народом современной украинской власти с режимом испанского диктатора Франциско Франко, пришедшего к власти в результате военного переворота и установившего ультраправый авторитарный режим (1939–1975), автор явно стремится к активизации не только общественного мнения в России, но и призывает к открытой внешней военной поддержке со стороны российской армии по образцу советской, воевавшей в свое время в Испании. Стоит заметить, что гражданская война в Испании (1936–1939) основывалась на том, что восставшие националисты-мятежники привели к власти фашистский режим Франко. Советский Союз, как известно, направлял республиканскому правительству вооружение и боевую технику, в частности, танки и самолеты, а также военных советников и добровольцев. Во время гражданской войны в Испании вопрос отделения конкретных регионов от страны не был целью ни для одной из воюющих сторон, в то

⁴² Там же.

⁴³ А. Проханов. *Россия, сестра твоя-Новороссия...*

время как главным требованием самопровозглашённой Донецкой и Луганской республик являлась автономия, а некоторые лидеры так называемой «Донецкой Народной Республики» заявляли неоднократно о своих намерениях вступить в состав Российской Федерации⁴⁴.

События, описываемые публицистом, вполне вписываются в тот «трагический алгоритм», о котором шла речь в уже рассмотренных нами предыдущих статьях (*Украина: плаха для русских и Крымское вино победы*). В новой публикации автор представляет дополнительные факты, которые призваны точно детерминировать происходящее в Украине и вызвать со стороны читателей отношение неприятия:

Зверства, которые устраивают фашисты в городах Украины, ритуальные казни, что они вершат в Одессе и Мариуполе, весь этот чудовищный фашистский театр, которому позавидовала бы Лени Риффеншталь, рождает в народе новые очаги восстания⁴⁵.

Упомянув фамилию создательницы пропагандистского документального фильма *Триумф воли*, режиссером которого и была Лени Рифеншталь, автор таким образом ненавязчиво соотносит события, происходившие на киевском Майдане и победу прозападных сил на Украине с «триумфом Гитлера» и приходом к власти в Германии национал-социалистической партии.

Проханов не просто констатирует общеизвестный тезис о том, что насилие порождает насилие, он заявляет о праве народа на сопротивление, старается мистифицировать действия жителей Новороссии, связывая их с героическим советским прошлым

Пробуждает в молодых и старых генетическую память, которая соединяет их с гигантским океаном мистической светоносной энергии. Сочетает их с поколением великанов, опрокинувших навзничь фашизм. Новое государство вырастает из деяний великой победы. Здесь, на пространствах Донбасса, действуют законы народной войны, согласно которым каждый выстрел врага, каждая смерть героя, каждый акт фашистского насилия рождает реакцию отпора и ненависти⁴⁶.

Говоря о «генетической памяти молодых и старых, которая сочетает их с поколением великанов, опрокинувших фашизм», Проханов вновь проводит параллель между «новороссиянами» и советскими людьми, победившими фашизм, при этом Киевская Украина воспринимается им не как новое независимое государство, на долю которого выпали труднейшие испытания, а однозначно как территория возрождения фашизма. Для Проханова Новороссия выступает в качестве наследницы «великой победы», опирающейся на законы народной войны в борьбе против фашизма. Развивая тему «народной священной войны», автор подчеркивает, с одной стороны, ее стихийный характер, а с другой — ее закономерность и неизбежность.

---

⁴⁴ *Бородай допустил возможность присоединения «Новороссии» к России*. [Online] <http://tvrain.ru/news/borodaj_dopustil_vozmozhnost_prisoedinenija_novorossii_k_rossii-378009> (10.03.2015).

⁴⁵ А. Проханов. *Россия, сестра твоя-Новороссия...*

⁴⁶ Там же.

У этой войны не существует общего железного штаба, нет иерархии командиров. Это война сетевая, где каждый город и каждое селение, быть может, каждый квартал и дом — штаб, центр сопротивления. И такое сопротивление неодолимо, какие бы танки ни насылал Киев на восставшие регионы⁴⁷.

Героический дискурс, используемый публицистом, призван не только укрепить правоту новороссиян, восставших против нового фашизма, но и создать романтический ореол вокруг погибших и пострадавших, показать значимость их деяний как подвигов, которые привлекают к борьбе все новых и новых сторонников, что в конечном итоге и должно привести к «великой победе»:

В этой войне каждый погибший мученик рождает десяток героев. Каждая разгромленная баррикада рождает укрепрайон. Лидерами народного восстания становятся те, кто прошёл казематы, кого пронзили пули, кто услышал гулы истории и стал провозвестником великой победы⁴⁸.

Проханов применяет символы, близкие и значимые для всех народов бывшего Советского Союза. Упоминая о «священной войне», автор провоцирует ассоциации, связанные у его соотечественников с названием известной песни-гимна «Священная война» Василия Лебедева-Кумача. Эта песня, известная также по первой строчке «Вставай, страна огромная...», являлась в свое время призывом, мобиливающим граждан СССР на борьбу с германским фашизмом. В то время слова песни были своего рода инструментом пропаганды, но и спустя десятилетия для многих людей они остались символом войны, унёсшей жизни миллионов советских граждан.

Автор считает, что в народном сознании «стихии», воюющей на юго-востоке Украины, есть три основных потока. Представители первого потока — наиболее радикального — поддерживают идею присоединения Новороссии к России по образцу 2008 года, когда в результате открытого российско-грузинского военного конфликта от Грузии при помощи российской армии откололось два региона — Абхазия и Южная Осетия. Радикалы, согласно Проханову,

(...) мечтают о немедленном воссоединении с Россией. Выкликают и выманивают бригады русских десантников, эскадрильи штурмовиков, которые в недавние годы разгромили грузинских вояк и спасли от истребления народы Южной Осетии и Абхазии. «Россия, на помощь!» — слышим мы голоса, доносящиеся до нас через границу⁴⁹.

Автору очень дорога идея «исключительной мессианской роли России» — страны, «освобождающей и спасающей от смерти другие народы», которые в свою очередь якобы стремятся к «добровольному вхождению в состав России», «мечтают о воссоединении» с ней. К слову сказать, Проханов не скрывает своего амбициозного желания видеть Новороссию независимым государством в границах 1764–1873 гг., куда входили такие города, как Николаев, Одесса, Запорожье, Харьков, Донецк, Луганск и т.д.⁵⁰.

⁴⁷ А. Проханов. *Россия, сестра твоя-Новороссия...*

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ А. Проханов. *Россия, сестра твоя-Новороссия*. Там же.

⁵⁰ См.: Янус Пийрсалу. Интервью с российским писателем и политическим деятелем Алек-

Во второй поток входят, по словам публициста, сторонники федерализации – «более умеренные и мягкие», не желающие «уходить из Украины», поскольку «считают возможным помириться, сохранить целостность в недрах некогда цветущего государства»⁵¹.

И наконец, третий поток, самый многочисленный, составляют все те, «кто ратует за независимое государство Новороссия, отсекает себя от фашистского Киева и западных областей и не стремится в состав России»⁵².

Проханов воссоздает некий идеализированный облик нового суверенного (еще не воплощенного, но уже имеющего «свои параметры, свою философию и религию») государства. Важнейшая его составляющая — это «пророссийскость, близость по духу Москве», а также географическая «самодостаточность» и мощная техническая структура:

У этого государства — могучая техносфера, доставшаяся ему от советских времён. Это грандиозные заводы, строящие ракеты и самолёты, турбины для атомных станций, элементы космических аппаратов. Эта техносфера переплелась бессчётными узлами с русскими заводами, космодромами, атомными станциями. Эта техносфера — драгоценность, обеспечивающая новому государству стабильный национальный доход, доход, на который посягают бездельники из западных безработных сёл Украины⁵³.

Основное пространство своей статьи Проханов посвящает созданию некой грандиозной утопии, связывая в единую картину прошлое, настоящее и будущее Новороссии.

(...) У государства Новороссия — громадная история, которая погружает его в таинственные толщи древнего славянства, греческих полисов, скифских курганов. На этих землях и на землях Крыма возникла первозданная мистическая сила, которая породила весь русский мир — от Чёрного моря до Балтики, от Карпат до Урала. Здесь рождались религиозные мыслители, изошрённые политики, смелые полководцы. Их радениями было создано громадное царство, первая империя русских — Киево-Новгородская Русь. В этой империи жили и взаимодействовали славяне и угро-финны, варяги и хазары, греки и кочевники Великой степи. У государства Новороссия есть право первородства всего русского мира. Это государство противопоставило себя национальным ультра, которые признают на территории Украины только один народ — укров, порождённых наркотической фантазией киевских мифотворцев⁵⁴.

Называя Новороссию «первородцем всего русского мира» (понимаемого, как мы отмечали ранее, в качестве уникальной общности трех славянских народов: русских, украинцев и белорусов), автор указывает на тесную историческую этнокультурную взаимосвязь представителей самых различных национальностей, составивших, согласно его определению, «первую империю русских —

сандром Прохановым, активно поддерживающим идею создания государства Новороссия. [Online] <<http://inosmi.ru/russia/20141015/223672610.html>> Опубликовано: 09.10.2014. (04.06.2015).

⁵¹ А. Проханов. *Россия, сестра твоя-Новороссия...*

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

Киево-Новгородскую Русь»⁵⁵. Согласно концепции Проханова, русский мир на протяжении тысячелетий выступал в качестве основателя огромных государств-империй, которые циклически возникали, рацетали и отмирали. Этот процесс, убежден писатель, продолжается до сегодняшнего дня: «одна империя возникает, другая рушится, третья ждет своего начала — и создается новое имперское государство»⁵⁶.

Новороссия, судя по всему, и мыслится Прохановым как такое новое создающееся идеально-утопическое многонациональное суверенное государство, где «все языки, все верования, все таланты и национальные культуры образуют цветущий синтез». Автор особое внимание обращает на соединение в нем «технократического космизма с мистической тайной происхождения рода людского», а также на многогранность и аксеологическую значимость культуры, где Гомер соседствует с Львом Гумилёвым, Бабель с Пушкиным, Сковорода с Вернадским⁵⁷.

В заключительной части своего публицистического выступления автор еще раз акцентирует внимание на наиболее существенных чертах нового государственного образования. Новороссия, в его понимании, — это прежде всего братский союзник России, это государство, где нет «безнравственных богачей», «коррупции и олигархов»; основу его составляют широко понимаемые народные интересы, которые защищают «народные ополченцы», а пропагандируют «народные лидеры» и «народные журналисты». В государстве, созданном Прохановым, царит «социальная справедливость», «нет иерархии богатых и бедных», доминируют равноправие и добровольное единение народов:

Государство, которое создаётся на Восточной Украине, — народное по своему духу. У него — народное ополчение, народные журналисты, народные лидеры. Это не олигархи, которых делегирует во власть мировое правительство. Это не безнравственные богачи, обобравшие собственный народ. Это дети народной войны, которые сражаются за справедливость. Справедливость социальную, где нет иерархии, богатых и бедных. Справедливость национальную, где все народы равны и едины. И справедливость божественную, ибо схватка с фашизмом — это космогоническая война сил света и сил тьмы, сил любви и сил ненависти, рая и ада. Россия для государства Новороссия — естественный братский союзник. Могучий парад Победы, прокативший по Красной площади свои громадные ракеты, танки, взметнувший в кремлёвское небо эскадрильи могучих самолётов, этот парад слышали на баррикадах Славянска и Мариуполя. Нас всех связывают чёрно-золотые ленты Победы⁵⁸.

Совершенно очевидно, что в сознании писателя Новороссия — это своего рода мечта, некая земля обетованная, царство правды и справедливости, где господствуют утраченные христианские и национальные ценности. Проханов метафорично сопоставляет «силы любви и ненависти», «света и тьмы», «рая и ада» и тем самым выделяет в украинском кризисе две антагонии. Первой

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ А. Проханов. *Русский мир...*

⁵⁷ А. Проханов. *Россия, сестра твоя-Новороссия...*

⁵⁸ Там же.

является «братский союзник России» — Новороссия, которая для автора является воплощением любви и света. Ко второй же силе писатель относит новые украинские власти в Киеве, которые уподобляет «тьме», «ненависти» и «аду».

Происходящим в Донбассе событиям автор посвятил также следующие выступления: *Уголь превращается в алмаз* (15 мая); *Оружие! Дайте оружие!* (5 июня); *Православный воин, бей нацистских бесов!* (12 июня); *За Родину! За Новороссию!* (12 июня); *И умереть мы обещали* (26 июня).

Итак, в рассмотренных нами трех публицистических статьях Александра Проханова (*Украина. Плаха для русских; Крымское вино победы; Россия, сестра твоя — Новороссия!*) отражены важнейшие события новейшей истории: украинский кризис, российская аннексия Крыма, война на Донбассе (возрождение Новороссии), составившие выстроенный публицистом «трагический алгоритм», в рамках которого четкое выражение получили специфические свойства «имперского мышления», присущего этому писателю.

Литература

- Анисимов Е. *Исторические корни имперского мышления в России*. Institute of Russian History, RAS 1996. [Online] <<https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html>> (5.04.2015).
- Бородай допустил возможность присоединения «Новороссии» к России*. «Дождь» 13.11.2014. [Online] <http://tvrain.ru/news/borodaj_dopustil_vozmozhnost_prisoedinenija_novorossii_k_rossii-378009> (10.03.2015).
- Ботанова О. *Русский мир и проблемы его формирования*. Москва, 2009. [Online] <<http://www.dissercat.com/content/russkii-mir-i-problemy-ego-formirovaniya>> (15.03.2015).
- Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: Русский язык, 1980.
- Евдокимова М. *О жизни и творчестве Александра Проханова*. «Хронос. Русский литературный журнал». [Online] <<http://www.hrono.info/text/2008/evdo0308.html>> (25.03.2015).
- Оруэлл Д. 1984. Москва: Прогресс, 1989.
- Пийрсалу Я. *Владимир Путин создал бы в Донбассе новое государство*. «Postimees» 9.10.2014. [Online] <<http://rus.postimees.ee/2948407/vladimir-putin-sozda-by-v-donbasse-novoe-gosudarstvo>> (04.06.2015).
- Проханов А. *Крымское вино победы*. «Завтра» 2014, № 1. [Online] <<http://zavtra.ru/content/view/kryimskoe-vino-pobedyi>> (1.06.2015).
- Проханов А. *Россия, сестра твоя-Новороссия*. «Завтра» 2014, № 0. [Online] <<http://zavtra.ru/content/view/rossiya-sestra-tvoya---novorossiya>> (14.05.2015).
- Проханов А. *Русский мир*. «Взгляд» 28 августа 2014. [Online] <<http://vz.ru/opinions/2014/8/28/702747.html>> (10.05.2015).
- Проханов А. *Украина. Плаха для русских*. «Завтра» 2014, № . [Online] <<http://zavtra.ru/content/view/ukraina-plaha-dlya-russkih>> (26.03.2015).
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь*. Ред. П.А. Клубков. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС — Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. [Online] <http://humanities_dictionary.academic.ru/4212/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F> (26.05.2015).
- Саид Э. *Культура и империализм*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012.

Суд удовлетворил ходатайство прокуратуры Украины об аресте Николая Азарова. «Газета. Ru» 20.02.2014. [Online] <http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/20/n_6944209.shtml> (24.03.2015).

Тишков В. *Русский мир: смысл и стратегии*. «Стратегия России» 2007, № 7. [Online] <http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035> (22.03. 2015).

Трухачев В. *Ода собирателю земель русских*. «Собеседник.Ru» 23 марта 2014. [Online] <<http://sobesednik.ru/politika/20140323-oda-sobiratelyu-zemel-russkih>> (20.02.2015).

Цимбаев Н. *Россия и русские: национальный вопрос в Российской империи*. «Вестник Московского университета. Серия 8. История» 1993, № 5, с. 23–33.

Эко У. *Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю*. Москва: CORPUS, 2014.

КОМПАРАТИСТУКА ЛІТЕРАСКА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА

COMPARATIVE LITERARY STUDIES

СТЕРЕОТИП ЕВРЕЯ В УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ДЕНИС ЧИК

Бердянский государственный педагогический университет
Институт филологии и социальных коммуникаций
Кафедра зарубежной литературы и теории литературы
ул. Шмидта, 4, г. Бердянск, Запорожская обл., 71118, Украина
e-mail: denyschyk@ukr.net
(получено 14.06.2015; принято 17.10.2015)

Abstract

The stereotype of the Jew in the Ukrainian and English historical novel of the first half of the nineteenth century

The article deals with the theme of modeling the stereotype of the Jew in Ukrainian and English historical novels of the first half of the XIX cent. It is proved that the image of the Jew in the literary texts of W. Scott, P. Kulish, Ye. Grebinka frequently represents the stereotype of a villain who intrigues and tricks trying to get on with his current or ex-offenders, and often — to deceive and destroy them. At the same time, he is a humiliated and powerless pariah in the Christian community, a man of the “lower class”, and even with the partial integration in society, this “mole sign” is constantly emphasized by the authors.

Key words

Stereotype, novel, historical fiction, the image of the Jew, imagology.

Резюме

В статье раскрывается тема моделирования стереотипа еврея в украинском и английском историческом романе первой половины XIX в. В статье доказывается, что образ еврея в художественных текстах В. Скотта, П. Кулиша, Е. Гребенки есть результатом сложившегося стереотипа злодея, который происками и уловками пытается ужиться со своими нынешними или бывшими обидчиками и часто провести их и уничтожить. В то же время он является униженным и бесправным изгоем в христианской общине, человеком «низшего сорта», и даже в условиях частичной интеграции в общество эта «родимая» примета постоянно подчеркивается авторами.

Ключевые слова

Стереотип, роман, историческая проза, образ еврея, имагология.

Стереотипы, будучи по своей природе образами ирреальными, но стойкими к изменениям, обладают исключительной способностью убеждать благодаря легкости их восприятия. Художественная литература является одним из удобных и полезных материалов исследования форм экспликации стереотипов, иллюстрацией их ментальной основы, что позволяет сквозь призму прошлых представлений увидеть степень укоренения и истоки современной перцепции.

В предоставленной статье мы хотели бы коснуться имагологического аспекта, который отражает всю сложность «еврейского вопроса» в исторических произведениях украинской литературы первой половины XIX века. Из всех литературоведческих работ, касающихся этой проблематики, самыми содержательными, по нашему мнению, являются статья Григория Грабовича *Еврейская тема в украинской литературе XIX и начала XX века*¹ и монография канадского украиниста Мирослава Шкандрия *Jews in Ukrainian Literature. Representation and Identity*² — без преувеличения заполнившая пробел в исследованиях образа еврея в украинской литературе и в то же время продемонстрировавшая перспективность и неисчерпаемость этой научной проблемы. Специфики изображения стереотипа еврея в украинской литературе первой половины XIX века касаются частично современные литературоведы, в частности, Михаил Вайскопф в монографии *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*³, Елена Кац в *Neither with Them, nor without Them: the Russian Writer and the Jew in the Age of*

¹ Г. Грабович. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Г. Грабович. *До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 238–258.

² М. Shkandrij. *Jews in Ukrainian Literature. Representation and Identity*. New Haven: Yale University Press, 2009.

³ М. Вайскопф. *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*. Москва: Мосты культуры — Гешарим, 2008.

*Realism*⁴, Леонид Ливак в исследовании *The Jewish Persona in the European Imagination: a Case of Russian Literature*⁵ и др.

В упомянутом выше исследовании *Еврейская тема в украинской литературе XIX и начала XX века* Грабович предлагает три главные модели восприятия евреев, которые, по мнению ученого, могут служить своеобразной периодизацией «еврейской темы» в украинской литературе: стереотипная, социально-нравственная («реалистическая») и политико-этическая⁶. Ученый рассматривает особенности изображения образа еврея начиная с анализа *Истории Русов или Малой России* и заканчивая драмой *Между двух сил* Владимира Винниченко, а касательно прозы XIX века останавливается на творчестве Пантелеймона Кулиша и Ивана Франко, упомянув также повесть *Тарас Бульба* Николая Гоголя и роман *Чайковский* Евгения Гребенки.

В украинской литературе этого периода, как считает исследователь, доминирует стереотипная модель восприятия еврея: начиная с образов евреев-прислужников польской шляхты в трактате *История Русов или Малой России*, карикатурного образа Янкеля в повести *Тарас Бульба* Гоголя и образа негодяя Герцика из романа *Чайковский* Гребенки, заканчивая двумерным стереотипом Лейбы в поэме *Гайдамаки* Тараса Шевченко и евреев-доносчиков из драмы *Колли*. *Украинская драма с последнего польского господства на Украине* Кулиша. Впрочем, ранняя проза Кулиша в работе Грабовича не рассматривается. Дополнение этого ряда романом *Михаил Чарнишенко...* разрешит конкретизировать тип моделирования образа еврея, а сопоставление с соответствующими репрезентациями в английской литературе позволит обратить внимание на национальные особенности восприятия еврейства в обеих культурах, проследить общее и несходное в формировании этнического стереотипа восприятия евреев украинцами и англичанами, его специфику в обозначенный период, а также трансформацию качеств стереотипа в авторских интерпретациях. Другими словами, мы попробуем наряду со стереотипами, выяснить и причины, по которым евреи в Украине и Англии имели статус мецоры — в иудейской Торе человек, которого считали «прокаженным» в обществе, проклятым за свои грехи, в первую очередь — за злословие и распространение ложных слухов. Такого человека следовало изолировать по двум причинам: для того, чтобы прекратить его нездоровое влияние на общество, и для личного раскаяния⁷.

Специфику отражения этнических стереотипов в романах *Михаил Чарнишенко, или Малороссия восемьдесят лет назад* (1843) Кулиша, *Чайковский* (1843) Гребенки мы рассмотрим в компаративном аспекте, рассмотрев также исторические произведения шотландского романиста Вальтера Скотта *Ivanhoe*

⁴ E.M. Katz. *Neither with Them, nor without Them. The Russian Writer and the Jew in the Age of Realism*. Syracuse. New York: Syracuse University Press, 2008.

⁵ L. Livak. *The Jewish Persona in the European Imagination. A Case of Russian Literature*. Stanford, California: Stanford University Press, 2010.

⁶ Г. Грабович. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Г. Грабович. *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 241.

⁷ *Тора. Пятикнижие и Гафтарот*. Москва — Иерусалим: Гешарим, 1999, с. 634.

(1820) и *The Surgeon's Daughter* (1827). До сих пор сравнительно-типологическое сопоставление этих произведений не становилось специальным предметом исследовательского внимания.

На формирование негативных этностереотипов образа евреев в коллективном сознании Англии и Украины повлияли определенные исторические факты, на которых остановимся подробнее, ведь именно они определяют и объясняют основу стереотипных моделей образов евреев в исследуемых произведениях.

В Англии первой половины XIX в. правовой статус евреев, закрепленный еще во время протектората Оливера Кромвеля (1653–1658), был, по сравнению с Украиной, достаточно высоким. Евреи, рожденные на территории королевства, считались британскими подданными с территориально неограниченным правом жительства, а их притеснения, скажем, в избирательных или профессиональных правах, были такими же, как и в отношении католиков. Впрочем, в сознании рядового англичанина образ еврея формировался под влиянием христианской традиции и народных предрассудков⁸. Такой стереотип порождает, несмотря на толерантное отношение государства, даже настоящие парламентские дебаты. В 1753 году, после принятия билля, который позволял натурализацию евреев через определенный срок пребывания в Британии, в обществе поднялось настоящее сопротивление «еврейскому закону» — настолько мощное, что билль отменили, а к законодательному расширению прав евреев английский парламент вернулся только в начале 1830-х годов.

Современные исследователи отрицают существование у украинцев XVIII – первой половины XIX в. агрессивного антисемитского стереотипа. Отчуждение между украинцами и евреями имело устойчивый характер и было основано на кардинальном различии систем ценностей: религиозное начало (евреи в сознании тогдашних украинцев — прежде всего «потомки» убийц Христа, их религия — определенно антихристианская, а потому дьявольская), образ жизни (был связан с объективными причинами — постоянными запретами заниматься сельским хозяйством и слухами о жизни в закрытых для христиан гетто), поведенческие стереотипы («хитрые евреи» всегда обманывают и предают христиан), определенное место в социально-экономическом устройстве общества (формирование сферы «еврейских» профессий — торговля, посредничество, аренда, право, банковское и таможенное дело). Соответственно, в украинском фольклоре еврей — это, как правило, негативный, реже — иронический образ с определенным набором «плохих» качеств. Виталий Нахманович констатирует, что в то время как «народом был произведен философский подход, позволяющий спокойно и объективно оценить место евреев в истории и современной жизни, обозначить сферы возможного взаимодействия, отработать модели в целом бесконфликтного сосуществования», можно заметить откровенно враждебную по сравнению с народной, интерпретацию евреев как «служителей зла» и глорификацию казацких погромов XVII–XVIII вв. в поэзии Шевченко и фольклорных

---

⁸ Я. Кац. *Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев. 1770–1870*. Иерусалим: Гешарим, Москва: Мосты культуры, 2007, с. 20, с. 50.

и публицистических трудах Михаила Драгоманова⁹. Для объективности отметим, что в творчестве Шевченко можно проследить эволюцию от поэтического «антисемитизма» к апологии еврейства в поздний период.

Таким образом, обозначим общие стереотипные модели восприятия евреев в Украине и Англии, сложившиеся в первой половине XIX века. Согласно идее Филиппа Зимбардо и Майкла Ляйппе¹⁰, можем выделить три основных элемента такого восприятия — исторический, экономический и культурный — в представлении казаков и простолюдинов времен гетманата Хмельницкого (1648–1657) евреи, невзирая на их социальный статус, были, наряду с польской шляхтой и униатами, злейшими врагами простого населения и православной веры и потому подлежали преследованию и уничтожению. В стереотипах, которые доминировали среди английского населения, преобладает экономический фактор — еврей становится прототипом хитрого и циничного бизнесмена, который не остановится перед строгим законом (как Божьим, так и моральным и правовым) для обогащения. В Украине — это тип трактирщика или арендатора христианской церкви (показательной является характеристика еврея-арендатора церкви в *Истории Русов или Малой России*:

Жиды, яко непримиримые враги христианства, те мировые бродяги и притча в человечестве, с увлечением взялись за такое надежное для них гадкое, но прибыльное дело и немедленно ключи церковные и веревки колокольные отобрали себе в трактиры. При всякой надобности христианской должен староста идти к еврею, торговаться с ним и, по важности службы, платить за нее и выпросить ключи, а жид при том, насмеявшись вволю с богослужения христианского и обругав все, христианами почитаемое, называя его языческим, или, по-ихнему, поганским, приказывал старосте возвращать ему ключи под присягой, что ничего впрок не отправлено¹¹.

Культурная составляющая в национальных стереотипах первой половины XIX века не была весомой: культура и специфика жизни в еврейских семьях и общинах была *terra incognita* для абсолютного большинства христиан, как и знания об иудаизме.

В романе Кулиша *Михаил Чернышенко...* образ казака-выкреста — гадячско-го полковника Крыжановского — является едва ли не единственным прототипом реальной исторической личности. О Крыжановском упоминается в историко-политическом и отчасти публицистическом трактате *История Русов или Малой России*, одном из главных исторических источников, который использовал Кулиш и часто цитировал в романе. Неофит Антон (до перехода в христианскую веру — Моисей) Крыжановский занимался откупам и арендой в гетманской администрации, а во время подготовки к предстоящей военной кампании согласился вербовать конный полк. До ее начала он уже имел немало имений и, получив именным указом Петра III от февраля 1761 г. должность бригадира Шлезвиг-Гольштейнского, уже менее чем через год был назначен гадяцким пол-

⁹ В. Нахманович. *Евреи в украинских народных песнях третьей четверти XIX в.* [Online] <<http://historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/46-nakhmanovich>> (15.05.2015).

¹⁰ Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. *Социальное влияние*. Санкт-Петербург: Питер, 2000, с. 258.

¹¹ *Історія русів*. Український переклад І. Драча. Київ: Веселка, 2003, с. 114–115.

ковником. После военного переворота, даже без опеки высокого покровителя, Крыжановский оставался на этом посту как минимум еще десять лет¹².

Кулиш корректирует биографию полковника, дополняет ее «сербским» следом — чтобы связать с баном Радивоем — и романтическим ореолом демонического персонажа. Писатель завершает жизненный путь Крыжановского позорной смертью от руки мстительного Радивоя через применение характерного для романтизма литературного приема неожиданной драматической встречи, которая суммирует недоговоренные события.

Грабович обращает внимание на интерес Кулиша к украинско-еврейским отношениям, особенно в его поэме *Украина* и поздней публицистике в журнале «Основа», отмечая при этом определенную эволюцию взглядов писателя от устоявшихся стереотипов о евреях — шинкарях и осквернителях православных церквей и православного обряда в целом (поэма *Украина*, 1843 г.) или напыщенных, но одновременно запуганных доносчиков (незавершенная драма *Коли...*, 1860 г.) к осуждению кровопролитных антиеврейских погромов во времена гайдамаков на правобережной Украине в XVIII веке в полемической статье *Рисованная гайдаматчина*¹³. Таковую же эволюцию во взглядах, напомним, прошел и Шевченко.

Виктор Петров замечает, что образ полковника-выкреста является центральным в романтической интриге романа *Михаил Чарнишенко...*, ведь связан со всеми персонажами и, по мнению ученого, «берет свое начало от Исаака Вальтер-скоттовского»¹⁴. Впрочем, Исаак с *Ivanhoe* Скотта вполне противоположен типу: он — ростовщик, вынужден быть очень осторожным и хитрым, чтобы сохранить богатство, а часто — ведь бесправный — свою жизнь и жизнь близких. Его хитрость и жажда граничат с симбиотическим приспособлением к суровым реалиям жизни, во времена средневековой Англии не было благосклонности к «христубийцам». Интересно, что Скотт едва ли не впервые в английской литературной традиции конструирует образ ростовщика с сознательным выражением авторского сочувствия к судьбе еврейского народа:

(...) for, except perhaps the flying fish, there was no race existing on the earth, in the air, or the waters, who were the object of such an unintermitting, general, and relentless persecution as the Jews of this period. Upon the slightest and most unreasonable pretences, as well as upon accusations the most absurd and groundless, their persons and property were exposed to every turn of popular fury; for Norman, Saxon, Dane, and Briton, however adverse these races were to each other, contended which should look with greatest detestation upon a people, whom it was accounted a point of religion to hate, to revile, to despise, to plunder, and to persecute¹⁵.

¹² А.М. Лазаревский. *Люди старой Малороссии*. 8. *Крыжановские*. «Киевская старина» 1885, № 5, с. 12–13.

¹³ Г. Грабович. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Г. Грабович. *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 246–248.

¹⁴ В. Петров. *Вальтер-Скоттівська повість з української минушини*. [В:] В. Петров. *Розвідки*. Т. 1. Київ: Темпора, 2013, с. 278.

¹⁵ W. Scott. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994, с. 69.

В то же время писатель подчеркивает, что природные настойчивость и жадность евреи успешно применяют в ростовщичестве, а также наблюдательность, трусость и изобретательность является их характерологическими чертами.

Крыжановский удачно интегрируется в украинское казацкое сообщество — для этого, как мы уже писали, он принимает христианство и постепенно эмансипируется настолько, что приобретает высокую военную должность. С одной стороны, он сознательно отказывается от идентификации со своим этносом, но с другой — продолжает выполнять распространенную и привычную социальную роль украинского еврея-арендатора. Его карьера, с точки зрения казацких законов, немислима, к тому же она резко контрастирует с еще недавним временем восстаний Хмельницкого, когда евреи в Украине были жертвами казацкого террора и принудительно выкрещивались. Впрочем, смягчения запретов относительно включения евреев в казацкий реестр происходит уже со времен гетманства Ивана Мазепы (1687–1709), когда утихают антагонистические противоречия¹⁶. Добавим, что преодоление этих противоречий подтверждает непрочность религиозного антисемитизма среди казаков. Со временем многие представители еврейских семей после принятия православия, соответствующей социальной инкорпорации, в том числе из-за родства, попали в казацкую администрацию и в будущем формировали украинскую элиту (как скажем, роды Боруховичей, Марковичей и Герциков) и даже активно приобщались к культурному развитию украинства¹⁷. Такое включение состоятельных евреев в казацкую верхушку объяснялось пониманием их сверхважной роли в кредитовании потребностей казачества. Как пишет Сергей Плохий, несмотря на устойчивые антииудейские религиозные предубеждения, старшина еще со времен Богдана Хмельницкого, как и сам гетман, привыкла пользоваться административно-финансовыми услугами евреев в управлении своими владениями и в денежных делах, что обуславливало гибкий и прагматичный подход в «еврейском вопросе»¹⁸. В конце концов, именно такое общее восприятие евреев как арендаторов и эксплуататоров способствовало устойчивости негативных стереотипов среди населения. В романе Кулиша этот стереотип нашел место в выразительно негативных оценках Крыжановского Бардаком и судьей Животовским. То, что Крыжановский — «жид», объясняет, по мнению казаков, его коварную и дьявольскую натуру, и этого не способно изменить даже его обращение в христианство¹⁹.

В образах Герцика и его матери Рохли из романа *Чайковский* Гребенки представлена идея о принципиальной неспособности евреев интегрироваться в христианское общество — этому, мол, мешают не только различия в верованиях,

¹⁶ В. Томазов. *Вони служили Україні. З історії козацьких родів єврейського походження*. «Хроніка 2000» 1998, № 21–22, с. 62.

¹⁷ М. Феллер. *Єврейсько-українські взаємини в історичній перспективі*. [В:] *Нариси з історії та культури євреїв України*. Київ: Дух і Літера, 2009, с. 241.

¹⁸ С. Плохий. *Наливайкова віра. Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні*. Київ: Критика, 2006, с. 256.

¹⁹ П.О. Куліш. *Чорна рада*. Михайло Чарнишенко. Київ: Персонал, 2008, с. 214.

но и присущие этой нации природные коварство, мстительность и лицемерие. В романе не противопоставляются украинцы и евреи, — противопоставляются их «врожденные» национальные характеры (как утверждает полковник Иван пойманному Герцику: «Ты говоришь как жид, смотришь как жид, а голову выстриг, чтоб обмануть меня»²⁰). Так, мстительность и зависть Герцика превосходят его любовь к Марине и он доносит на нее и Чайковского сечевым казакам, следуя принципу «если не мне — то никому». Кровавое возмездие руководит помыслами Рохли, которая подло отравляет больных казаков, превратившись для этого в цыганку-знахарку. Безрассудная месть за убитого мужа, отобранных у нее детей и разрушенную казацким погромом жизнь приводит к тому, что Рохля опрометчиво убивает собственного сына и сходит с ума. Показательным является и тот факт, что и в обществе разоренного еврейского городка женщина становится изгнанницей — евреи упрекают ее за якобы проданных казакам детей, а после разговора с пилигримом-евреем, и, очевидно, после его благословения, она начинает свою смертельную миссию мести православным христианам.

Оппозицию матери и брату составляет дочь и сестра — шинкарка Татьяна. Она искренне и преданно любит казака Чайковского, ради любимого готова riskовать жизнью, но, не найдя взаимности, умирает от отчаяния. Этот образ разрушает стереотипный ряд образов евреев в романе Гребенки — Герцика и его товарища-фальшивомонетчика Гершка, Рохли, эпизодических евреев.

В «придворном шуте» Герцике воплощена характерная черта стереотипа еврея — удивительная одаренность и талант к технике и искусству (умелость в ремонте техники спасает ему жизнь при первом знакомстве с будущим хозяином — полковником Иваном), которые часто объяснялись их «знакомством» с дьявольскими силами.

Близким к Татьяне из романа Кулиша является образ Ребекки из романа *Ivanhoe* Скотта. Она также полюбила христианина без взаимности. В момент раскрытия девушкой своей национальности рыцарь Айвенго меняет приязнь к ней на высокомерную прохладу — он, ревностный католик, даже предоставить себе не может возможность союза с еврейкой, которая, впрочем, также понимает свою беспомощность перед силой предубеждений:

It was not that Ivanhoe's former carriage expressed more than that general devotional homage which youth always pays to beauty; yet it was mortifying that one word should operate as a spell to remove poor Rebecca, who could not be supposed altogether ignorant of her title to such homage, into a degraded class, to whom it could not be honourably rendered²¹.

Правда, Скотт не забывает подчеркнуть «ложное» толкование евреями Священного Писания относительно богоизбранности их народа. Так, он обращает внимание на религиозные убеждения Ребекки, которая ожидает будущего дарения всех благ евреям после несчастий, выпавших на их долю. Ребекка вступает в своеобразный теологический диспут с тамплиером Буа-Гильбером и высту-

²⁰ Е. Гребінка. *Чайковский. Роман*. [В:] Е. Гребінка. *Твори*. У 3-х томах. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1981, с. 282.

²¹ W. Scott. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994, с. 300.

пают в нем победительницей, указав на полное несоответствие принципов его веры и устава ордена церковников преступным намерениям молодого человека:

“Stand back,” said Rebecca — “stand back, and hear me ere thou offerest to commit a sin so deadly! My strength thou mayst indeed overpower for God made women weak, and trusted their defence to man’s generosity. But I will proclaim thy villainy, Templar, from one end of Europe to the other. I will owe to the superstition of thy brethren what their compassion might refuse me, Each Preceptory — each Chapter of thy Order, shall learn, that, like a heretic, thou hast sinned with a Jewess. Those who tremble not at thy crime, will hold thee accursed for having so far dishonoured the cross thou wearest, as to follow a daughter of my people”.

“Thou art keen-witted, Jewess,” replied the Templar, well aware of the truth of what she spoke, and that the rules of his Order condemned in the most positive manner, and under high penalties, such intrigues as he now prosecuted, and that, in some instances, even degradation had followed upon it — “thou art sharp-witted,” he said; “but loud must be thy voice of complaint, if it is heard beyond the iron walls of this castle; within these, murmurs, laments, appeals to justice, and screams for help, die alike silent away. One thing only can save thee, Rebecca. Submit to thy fate — embrace our religion, and thou shalt go forth in such state, that many a Norman lady shall yield as well in pomp as in beauty to the favourite of the best lance among the defenders of the Temple”.

“Submit to my fate!” said Rebecca — “and, sacred Heaven! to what fate? — embrace thy religion! and what religion can it be that harbours such a villain? — THOU the best lance of the Templars! — Craven knight! — forsworn priest! I spit at thee, and I defy thee. — The God of Abraham’s promise hath opened an escape to his daughter — even from this abyss of infamy!”²²

Упоминания о евреях в романе Гребенки постоянно маркируются негативными коннотациями и сравнениями: «на станции жида и пол со скрипом», «заговорил со мной как с жидом», «жида и прочую мерзость били, грабили, жгли, а церковь не забывали», «жид нечистый», «Гей, хлопцы, — сказал полковник, — чуете, ли вы, пахнет неверною костью?» ‘Чуем, — отвечали молодцы, — жидом пахнет’», «много денег, как у жида», «пришел в свою поганую хату жид Борох» и др. Интересно, что перед смертью Герцик признается в том, что он еврей²³. Это единственный случай в романе, когда не употребляется слово «жид» — дань внедряемой в то время постепенной замене в светской (в том числе и литературной) речи этнонима «жид», который уже приобрел антисемитское, отчетливо негативное и оскорбительное значения, церковнославянским и библейским словом «еврей». (Как известно, искоренение традиции пользоваться этнонимом «жид» в официальных документах Российской империи началось с соответствующего указа Екатерины II в 1787 году по просьбе общины одного из белорусских штетлов²⁴). Через три года после публикации *Чайковского*, в 1846 году, Е. Гребенка публикует рассказ *Иерусалим* в коллективном сборнике *Картины русской живописи*, где представляет рассказ паломника о посещении Палестины.

²² W. Scott. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994, с. 251.

²³ Е. Гребінка. *Чайковский. Роман*. [В:] Е. Гребінка. *Твори*. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1981, с. 397.

²⁴ О. Будницкий. *Евреи в Российской империи (1772–1917)*. [В:] *Западные окраины Российской империи*. Научные ред. М. Долбилов, А. Миллер. Москва: Новое литературное обозрение, 2006, с. 304.

Истории главного города иудеев в этом рассказе отведено больше всего места (по концептуальному замыслу редактора издания Нестора Кукольника каждое произведение было своеобразным художественным описанием определенной картины (сборник сопровождался 12 гравюрами) — так, Гребенка «иллюстрирует» два полотна — *Иерусалим* Максима Воробьева и *Вознесение Богоматери* Карла Брюллова (рассказ *Рассказ*). Интерпретация дохристианской истории города является изображением богоборческой деятельности его жителей, которые отходят от Бога завета, игнорируют предостережения ветхозаветных пророков, и, в итоге, достигают апогея своего малодушия, отдав на муки и казнь Богочеловека. С тех пор Иерусалим становится проклятым местом, испытывает немало потрясений и уже никогда не восстановит свое прежнее величие времен Израильского и Иудейского царств. Рассеяния евреев после разрушения Иерусалимского Храма римскими войсками понимается в рассказе как осуществление пророчества Иисуса Христа об упадке города. Попытки же возродить Иерусалим так и не становятся успешными, ведь этого не хочет сам Бог: «Сколько раз человеческая рука пытается воздвигнуть свое слабое здание, столько же раз рука Божия разрушает его»²⁵.

Также и Скотт в романе *The Surgeon's Daughter* доказывает невозможность осуществления проекта интеграции «неверных» евреев в христианское общество. Такое мнение иллюстрирует образ дочери богатого португальского еврея де Монкады. Переехав в Лондон, отец входит в столичный мир, имеет связи среди влиятельных христиан. Один из них — дворянин из знатной семьи — просит руки Цилии, но не может побороть в себе чувство превосходства по сравнению с хотя и богатыми, но евреями и получает резкий отказ: «Tresham made his proposals to Moncada, perhaps in a manner which too evidently showed that he conceived the high-born Christian was degrading himself in asking an alliance with the wealthy Jew»²⁶. Впрочем, Трэшам и Цилия становятся любовниками, но их разлучают, впоследствии Цилия рождает сына, который получает имя Ричард Мидлмаз. В произведении Мидлмаз становится воплощением всех низменных черт, соблазняет невинную девушку — на этот раз христианку Мени Грей, — словно сводя счеты за честь матери. В конце концов, Ричард погибает ужасной смертью, по мнению автора, вполне заслуженно, учитывая его злодеяния.

В проанализированных произведениях украинских писателей мы не заметили актуализации стереотипного образа еврея-арендатора с «ключами от церкви», свойственного для вертепа, интермедий и религиозных школьных драм XVIII века и ранней исторической литературы начала XIX века и впоследствии развитого, по наблюдению Шкандрия, в некоторых произведениях Гоголя, Шевченко, Николая Костомарова и Кулиша²⁷. В стереотипных моделях восприятия

²⁵ Є. Гребінка. *Иерусалим*. [В:] Є. Гребінка. *Твори*. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1981, с. 450.

²⁶ W. Scott. *The Surgeon's Daughter*. [Online] <<http://www.gutenberg.org/files/6428/6428-h/6428-h.htm>> (15.05.2015).

²⁷ M. Shkandrij. *Jews in Ukrainian Literature. Representation and Identity*. New Haven: Yale University Press, 2009, с. 19.

евреев в украинской и английской литературе первой половины XIX века есть общая основа, однако с определенными особенностями — в романах английских авторов преобладает образ еврея-ростовщика, который наживается на доверчивых христианах (*Ivanhoe* Скотта), в произведениях украинских писателей этот образ имеет историческую составляющую — еврей является «вечным» сообщником врагов (татар, польской шляхты, представителей имперской администрации) в борьбе против Украины, и даже те, которые принимают православную веру, всегда готовы коварно предать и убить (*Михаил Чарнишенко... Кулиша*, *Чайковский Гребенки*). Те же образы евреев, которые демонстрируют положительные черты, так же часто, как и образы евреев-злодеев, свидетельствуют о непонимании особенностей еврейской культуры, или же ее поверхностную и потому примитивную рецепцию. Полная интеграция евреев в христианскую культуру, как правило, отвергается авторами обеих литературных традиций (*Ivanhoe*, *The Surgeon's Daughter* Скотта, *Чайковский Гребенки*, *Михаил Чарнишенко... Кулиша*) именно из-за стереотипных глубоких разногласий на религиозной почве.

Таким образом, образ еврея в художественных текстах исторических произведений Скотта, Кулиша, Гребенки (часть текстов других авторов мы были вынуждены исключить из-за ограниченности рамками статьи) часто является прототипом злодея, который при помощи происков и уловок пытается сосуществовать со своими нынешними или бывшими обидчиками, а чаще — их обмануть и уничтожить. В то же время образ еврея — это, как правило, образ изгоя, человека «низшего сорта», лишённого прав в христианской общине. Писатели постоянно подчеркивают «врожденное проклятие» евреев, даже если герой в какой-то мере становится частью христианского «цивилизованного» общества, как это происходит, например, с кулишовским Крыжановским.

Образы же «прекрасных евреек» Ребекки и Татьяны, а также их судьбы — это демонстрация глубокой «культурно-исторической» пропасти между женщинами и их любимыми — представителями христианской культуры. Уже в более поздний период положительные образы евреев оказались слишком неправдоподобными, чтобы войти в общую парадигму изображения еврейства в литературе — в украинской литературе, как известно, такие характеры появляются только на рубеже XIX и XX веков.

Литература

- Будницкий О. *Евреи в Российской империи (1772–1917)*. [В:] *Западные окраины Российской империи*. Научные ред. М. Долбилов, А. Миллер. Москва: Новое литературное обозрение, 2006, с. 301–340.
- Вайскопф М. *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*. Москва: Мосты культуры — Гешарим, 2008.
- Грабович Г. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Грабович Г. *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 238–258.
- Гребінка Є. *Іерусалим*. [В:] Є. Гребінка. *Твори*. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1981, с. 437–452.

- Гребінка Є. *Чайковский. Роман*. [В:] Є. Гребінка. *Твори*. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1981, с. 275–406.
- Зимбардо Ф., Ляйппе М. *Соціальне впливие*. Санкт-Петербург: Питер, 2000.
- Історія русів*. Український переклад І. Драча. Київ: Веселка, 2003.
- Кац Я. *Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев. 1770–1870*. Иерусалим: Гешарим, Москва: Мосты культуры, 2007.
- Куліш П.О. *Чорна рада. Михайло Чарнишенко*. Київ: Персонал, 2008.
- Лазаревский А.М. *Люди старой Малороссии*. 8. *Крыжановские*. «Киевская старина» 1885. № 5, с. 7–13.
- Нахманович В. *Евреи в украинских народных песнях третьей четверти XIX в.* [Online] <<http://historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/46-nakhmanovich>> (15.05.2015).
- Петров В. *Вальтер-Скоттівська повість з української минушини*. [В:] В. Петров. *Розвідки*. Т. 1. Київ: Темпора, 2013, с. 272–293.
- Плохій С. *Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні*. Київ: Критика, 2006.
- Томазов В. *Вони служили Україні. З історії козацьких родів єврейського походження*. «Хроніка 2000» 1998, № 21–22, с. 62–72.
- Тора. Пятикнижжє и Гафтарот*. Москва — Иерусалим: Гешарим, 1999.
- Феллер М. *Єврейсько-українські взаємини в історичній перспективі*. [В:] *Нариси з історії та культури євреїв України*. Київ: Дух і Літера, 2009, с. 232–256.
- Хорев В. *Имагология и изучение русско-польских литературных связей*. [В:] *Поляки и русские в глазах друг друга*. Отв. ред. В.А. Хорев. Москва: Индрик, 2000, с. 22–32.
- Katz E.M. *Neither with Them, nor without Them. The Russian Writer and the Jew in the Age of Realism*. Syracuse. New York: Syracuse University Press, 2008.
- Livak L. *The Jewish Persona in the European Imagination: a Case of Russian Literature*. Stanford, California: Stanford University Press, 2010.
- Scott W. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994.
- Scott W. *The Surgeon's Daughter*. [Online] <<http://www.gutenberg.org/files/6428/6428-h/6428-h.htm>> (15.05.2015).
- Shkandrij M. *Jews in Ukrainian Literature: Representation and Identity*. New Haven: Yale University Press, 2009.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОТИВА ИНИЦИАЦИИ
В УКРАИНСКОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ
ВОСПИТАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ОЛЬГА ЧИК

Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия им. Тараса Шевченко

Кафедра немецкой филологии

ул. Лицейная, 1, г. Кременец, Тернопольская обл., 47009, Украина

e-mail: olga_chyk@meta.ua

(получено 14.06.2015; принято 17.10.2015)

Abstract

**The typological features of the initiation motif functioning
in the Ukrainian and German Bildungsroman
of the second half of the nineteenth century**

The author analyzes the typological features of the initiation motif in the 2nd half of the 19th century. Ukrainian and German Bildungsroman on the basis of novels by A. Svydnytskyi, I. Nechui-Levytskyi, G. Keller, W. Raabe, and Th. Fontane. Special attention is paid to the genre function of the initiation motif. The initiation motif organizes the Bildungsroman plot, and has a decisive influence on the formation of the personalities of the main characters that changed in the process of passing this ritual.

Key words

Initiation, ritual, rite, motif, the Bildungsroman.

Резюме

В статье автор анализирует типологические особенности функционирования мотива инициации в украинском и немецкоязычном романе воспитания II-й пол. XIX в. на материале романов А. Свидницкого, И. Нечуй-Левицкого, Г. Келлера и Т. Фонтане. Особое внимание уделяется жанрообразующей функции мотива инициации в исследуемых произведениях. Мотив инициации организует сюжет произведений и принципиально влияет на формирование характера главных героев, которые в процессе прохождения этого ритуала внутренне меняются.

Ключевые слова

Инициация, ритуал, обряд, мотив, роман воспитания.

Мифопоэтика романов воспитания связана с творческой трансформацией ритуала инициации. Учитывая, что этот обряд является существенным для романа воспитания, целесообразным представляется его анализ в произведениях Анатолия Свидницкого *Люборацкие* (1861–1862), Ивана Нечуя-Левицкого *Облака* (1874), Готфрида Келлера *Der grüne Heinrich* (1884) и Теодора Фонтане *Effi Briest* (1894–1895). Компаративное сопоставление особенностей функционирования мотива инициации в произведениях украинских и немецкоязычных писателей второй половины XIX в. позволит глубже и полнее раскрыть как типологические аналогии, так и различия в жанровой системе романов воспитания в украинской, швейцарской и немецкой литературах.

Мы считаем, что типологическое сравнение аспектов художественного функционирования ритуала инициации целесообразно проводить исходя из идей антропологов и литературоведов, которые исследовали мифопоэтику, ритуальную символику и особенности воплощения мотива инициации в художественных произведениях. Важными для нас являются, в частности, труды Арнольда ван Геннеп, Мирча Элиаде, Джозефа Кэмпбелла, Владимира Проппа, Джеймса Джорджа Фрейзера и др. Исследуемые произведения Свидницкого, Нечуя-Левицкого, Келлера и Фонтане еще не рассматривались в мифопоэтическом и компаративном аспектах.

Целью данной статьи является компаративный анализ одного из важнейших элементов ритуальной символики в романе воспитания — мотива инициации. К задачам нашего исследования относим определение ритуала инициации и рассмотрение особенностей изображения инициации в исследуемых романах.

Елеазар Мелетинский в труде *Поэтика мифа* рассматривает роман воспитания как характерную жанровую разновидность повествовательной литературы Нового времени. Роману воспитания, по его мнению, присуща тема ини-

циации (ритуального перехода юноши в категорию мужчин племени), которая может воплощаться в произведении в виде традиционного обряда или живого сражения героя с действительностью своего времени, в результате чего вырабатывается его характер и мировоззрение¹. Ученый находит корни романа воспитания в немецкой средневековой литературе, а именно в рыцарском романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (1200–1210). По мнению Мелетинского, традиционная структура куртуазного романа в этом произведении, исходя из волшебной сказки (об иницировании в волшебной сказке, как известно, аргументировано писал Пропп²) и мифов, показывая специфические черты посвящения в рыцари и рыцарские ордена, решает в конечном итоге более высокую задачу изображения поисков настоящего рыцарского и христианского пути простого юноши³.

Действительно, инициационные мотивы, образующие рыцарский роман и героическую сказку, построены как серия испытаний героя — сначала формальное посвящение в рыцари, участие в рыцарских турнирах и завершение экзаменов временным пребыванием в удивительных мирах, где испытания приобретают жестокий характер и рыцари проходят через стадию временной смерти⁴. Такое строение произведения напоминает структуру инициационных испытаний в романах воспитания.

Как заметил Мелетинский, использование универсального ритуально-мифологического обряда инициации характерно для модификаций романа воспитания нового времени — в романах Томаса Манна и Джеймса Джойса. А во многих произведениях XX века «представление об обряде инициации достаточно “естественно” используется как мифологическое моделирование “романа воспитания”, поскольку исторически инициации и были древнейшей формой “воспитания”, подготовки юноши к участию в хозяйственной, военной и религиозной жизни взрослых членов племени»⁵. Современные исследователи, проследив эволюцию романа инициации, отмечают, что такая жанровая разновидность исходит от романа воспитания, а современный роман инициации, принадлежащий к массовой литературе, является модифицированным вариантом романа воспитания.

Французский мыслитель и метафизик Рене Генон отрицает мистическую сущность инициации, любое общение с «высшими силами», отделяя инициацию от эзотерических практик: «Любая инициационная реализация является, таким образом, чисто “внутренней”, в отличии от “выхода из себя” или экстаза в собственном и этимологическом смысле слова»⁶. Инициация, как «второе

¹ Е.М. Мелетинский. *Поэтика мифа*. 3-е изд., репринтное. Москва: Восточная литература, 2000, с. 282.

² В.Я. Пропп. *Исторические корни волшебной сказки*. Научная ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000.

³ Е.М. Мелетинский. *Поэтика мифа*. ..., с. 282.

⁴ Е.М. Мелетинский. *Средневековый роман. Происхождение и классические формы*. Москва: Наука, 1983, с. 76.

⁵ Е.М. Мелетинский. *Поэтика мифа*. ..., с. 313.

⁶ Р. Генон. *Заметки об инициации [В:] Кризис современного мира*. Москва: Эксмо, 2008, с. 160.

рождение», не может быть осуществленной самостоятельно, а инициационные знания нельзя передать другому, как и любые знания в традиционном смысле слова. Будущему неопиту можно только помочь, указав на методы инициации и его поддержав. Польский этнолог Бронислав Малиновский отмечал, что в обрядах инициации важными являются прежде всего их образовательные и интеграционные функции⁷: инициированный должен получить полезное знание и, вернувшись обратно в сообщество, стать одним из его полноправных членов.

Инициация в этнографическом контексте означает обряд посвящения, а в более широком смысле, который используется в нашей статье, — это переход, в результате которого человек (персонаж) меняет свой социальный статус и входит в определенное окружение или общественную среду. Такое понимание близко юнгианской интерпретации: инициирование возникает тогда, когда человек отказывается подчиняться естественным инстинктам, открывая в себе способность двигаться по направлению к собственному сознанию. Совокупность инициационных обрядов и устных наставлений имеет целью радикально изменить религиозный и социальный статус неопита, который входит в мир человеческий и мир духовный⁸.

В 1908 году французский этнограф и фольклорист Арнольд ван Геннеп впервые предложил классификацию так называемых обрядов перехода: обряды отделения, обряды промежуточные и обряды включения. Обряд инициации, который предусматривает привлечение человека к определенному обществу — возрастному или «тайному», он причислил к группе промежуточных. Инициация — это всегда переход к новому пространству, часто путешествие, подлинное или мнимое, за пределы своего дома, семьи (рода, клана) в другой мир, который является сакральным. Противоположные обряду инициации обряды изгнания, исключения и отлучения являются обрядами отделения и десакрализации⁹. По ван Геннепу, структуру инициации составляют несколько этапов. Первый этап, сепаративный, — отделение индивида от социальной группы, к которой он принадлежал ранее. Лиминальный этап — это этап испытаний и пограничных ситуаций. Во время заключительного этапа, восстановительного, герой возвращается к своей социальной группе в новом статусе.

Учитывая то, что обряд инициации является существенным для романа воспитания, в частности для рассматриваемых произведений Свидницкого, Нечуя-Левицкого, Келлера и Фонтане, типологическое сопоставление аспектов этого художественного функционирования проводится, как мы уже отмечали, исходя из идей антропологов, исследовавших мифопоэтику и ритуальную символику. В романах Свидницкого, Нечуя-Левицкого, Келлера и Фонтане инициация не сводится только к изображению испытаний человека в пограничных ситуациях

⁷ Б. Малиновский. *Избранное. Динамика культуры*. Перевод с англ. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004, с. 58.

⁸ Р.П. Ефимкина. *Пробуждение Спящей Красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках*. Санкт-Петербург: Речь, 2006, с. 20.

⁹ А. ван Геннеп. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Перевод с франц. Москва: Восточная литература, 1999, с. 105.

или воспроизведению древних обрядов. Мотив инициации формирует сюжет произведений, и, повторим, изначально влияет на формирование характера главных героев, которые во время прохождения этого ритуала изменятся внутренне.

Рассмотрим, каким образом этапы инициации, определенные ван Геннепом, становятся сюжето- и жанротворными единицами в исследуемых романах. Первый этап, как уже было отмечено, предусматривает отделение индивида от привычной социальной среды. В романе *Люборацкие* Свидницкого этот процесс связан с началом обучения Антося и Маси — дети покидают родной дом, чтобы приобрести знания и жизненный опыт. К несчастью, заведения, в которых они получают образование, слишком несовершенно, а их воспитатели не могут считаться инициаторами — людьми, которые направляет посвящаемого на истинный путь. Так, псевдознания, полученные братом и сестрой, не открывают перед ними занавес мудрости. Учителя иницируют неумело, пренебрегая талантами и способностями учеников. Масю, например, воспитывает бывшая панская содержанка, которая по воле шляхты ополячивает украинских детей¹⁰.

Фактически, наставники сами создают трудности, а потом уходят, оставляя учеников на произвол судьбы. Основной фактор такой ложной инициации — это предположение, что унижения сделают неофита сильнее. В романе Свидницкого прослеживаем, как постоянное чувство стыда, постоянная травля деформирует в Антося и Масю то, что Генон называл первичной материей. Учителя занимаются только соблюдением процедуры посвящения, а то, какие изменения происходят в душах учеников, их не волнует, как и не беспокоит их дальнейшая судьба. Настоящих инициаторов Антося и Масю на своих жизненных дорогах так и не встретят. Пытаясь действовать в соответствии с приобретенными ритуальными практиками в масках священника и польской дворянки, они терпят поражение. Неполучение Антосям прихода понимаем, учитывая трактовку современных антропологов, как ритуал перехода¹¹.

Такие же невежественные наставники с претензией на ученость «обучают» Дашковича и Радюка¹². Но оба персонажа Нечуй-Левицкого становятся на путь самоинициации, активно удовлетворяя свои духовные запросы. Они возвращаются домой в новом статусе, однако в родной среде чувствуют себя теперь некомфортно. Оба стремятся вернуться туда, где получили знания, — в Киев. И если Дашкович адаптируется к правилам сообщества, принимает его, неуклонно придерживается закрепленной репутации образцового и благонадежного профессора, то Радюка заставляют покинуть общину, он не становится «своим» и даже считается опасным для общества. Радикальное отклонение от норм, заложенных во время учебы в академии, принимается как угроза для

¹⁰ А. Свидницький. *Роман. Оповідання. Нариси*. Ред. П.П. Хропко. Київ: Наукова думка, 1985, с. 66–67.

¹¹ К. Вульф. *К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал*. Перевод с нем. Г. Хайдаровой. Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009, с. 50–51.

¹² І.С. Нечуй-Левицький. *Хмари* [В:] І.С. Нечуй-Левицький. *Твори*. Упоряд. Н.Є. Круткікової. Т. 1. Київ: Дніпро, 1988, с. 111.

главных принципов государственности¹³. Пробыв некоторое время в столице Российской империи, пройдя с честью и это испытание, Радюк делает еще одну попытку вернуться в киевское общество. И снова его не воспринимают, смотрят с отвращением как на носителя заразы — европейских либеральных идей. Радюк опять-таки оставляет Киев, чтобы переехать на окраину империи — на Кавказ.

В своей, внешне вполне демократической школе Зеленый Генрих замечает похожее пренебрежение особенностями формирования внутреннего мира учащихся. Учителя (в прошлом духовники) подходили к вопросам преподавания как дилетанты, а светские педагоги-«профессионалы» применяли множество различных приемов и методов, которые, впрочем, были неэффективными: «Hieraus ergab sich als Hauptübel überdies eine ungleiche und unsichere Behandlung der Jugend und die Möglichkeit jener wunderlichen Katastrophen und Abenteuer, deren Opfer bald der Lehrer, bald der Schüler wurde»¹⁴.

Ученики из семей так называемого «благородного происхождения» вступают в открытую конфронтацию с учителем, который, по слухам, намерен воспитывать их чрезвычайно строго. Наставнику не хватает мужества отстоять свой авторитет, он проявляет слабость, руководство школы демонстрирует равнодушие, потворствуют затянувшемуся конфликту и родители учеников. Итак, нивелирована основная роль инициации: «Таинство посвящения шаг за шагом открывает перед неопитом истинные изменения существования, вводя его в мир высокого и обязывая взять на себя ответственность быть человеком»¹⁵. Конфликт между учениками и учителями, который будет иметь несправедливые и жестокие последствия для Генриха, спровоцирован взрослыми людьми, которые пренебрегают важностью инициационного процесса и незаслуженно выбрасывают из него ребенка, ведь некому защитить сироту. Генрих снова попадает в обряд инициации, в котором теперь не существует определенных правил, но есть множество испытаний и инициаторов — ложных и правдивых. К последним относим графа, открывшего перед Генрихом учение Людвига Фейербаха, и Юдит, которая пробуждает в нем жажду жизни и становится верным другом. В конце концов, неопит Генрих в новом и высоком статусе находит признание в родном городе — инициированный становится равноправным членом общества, куда его с радостью принимают¹⁶.

Юдит сама предлагает Генриху вступить с ней в половую связь. Это — итог инициации героя романа воспитания. Борис Парникель замечал, что обряд

¹³ Там же, с. 360–361.

¹⁴ G. Keller. *Der grüne Heinrich. Roman*. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2006, с. 133–134.

¹⁵ М. Элиаде. *Священное и мирское*. Перевод с франц., предисловие и комментарий Н.К. Гарбовского. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1994, с. 119.

¹⁶ С.Л. Невелева. *О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями* [В:] *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. Москва: Наука, 1988, с. 137.

инициации, главная форма племенного культа у многих народов мира, давал юноше, который успешно его прошел, право вступить в брак¹⁷.

Было бы ошибочным при анализе обрядов инициации в произведениях не учитывать гендерный фактор, который является существенным. Как мы уже говорили, ван Геннеп определил три этапа обряда инициации: выделения из родной среды или группы, изоляция и возвращение в сообщество. Все три этапа переживает Эффи из романа Фонтане. Сначала она соглашается выйти замуж, имея слишком смелое представление о браке и о счастливой семье:

Ich bin ... nun, ich bin für gleich und gleich und natürlich auch für Zärtlichkeit und Liebe. Und wenn es Zärtlichkeit und Liebe nicht sein können, weil Liebe, wie Papa sagt, doch nur ein Papperlapapp ist (was ich aber nicht glaube), nun, dann bin ich für Reichtum und ein vornehmes Haus, ein ganz vornehmes, wo Prinz Friedrich Karl zur Jagd kommt, auf Elchwild oder Auerhahn, oder wo der alte Kaiser vorführt und für jede Dame, auch für die jungen, ein gnädiges Wort hat. Und wenn wir dann in Berlin sind, dann bin ich für Hofball und Galaoper, immer dicht neben der großen Mittelloge¹⁸.

После бракосочетания Эффи уезжает из родного города — это аналогично инициации зрелости, когда инициированный вынужден расставаться с семьей. Такую же инициацию зрелости, как уже отмечалось, видим и в романах Нечуя-Левицкого (Радюк и Дашкович оторваны от родной земли), Свидницкого (Антось и Мася учатся далеко от дома), Келлера (Зеленый Генрих приобретает мастерство в Германии). В вынужденном пребывании героев далеко от родного дома находим подтверждение слов Мелетинского: «инициация — это отделение от матери, от мира женщин и детей и переход в мужское общество, это наступление взрослости, приобретение зрелости и мудрости, это серия испытаний...»¹⁹.

Элиаде заметил, что инициация зрелости требует определенного набора операций, полных драматизма. В исследуемых произведениях этот набор разный, но служит общей цели: показать путь перехода инициированного от естественного существования (здесь — жизнь в кругу родных) к культурному образу жизни, то есть, по словам Элиаде, переход к духовным ценностям²⁰. Но после прохождения ритуала перехода — бракосочетания — Эффи попадает в фактическую изоляцию и лишена всех радостей жизни. Роскошный дом превращается в ужасную золотую клетку, испытание без надежды на лучшее будущее. После несоблюдения требований ритуала брака — адюльтера — Эффи выгоняют не только из семьи, но и из родительского дома. Она попадает в новую клетку — маленькую квартиру в Берлине. Эдмунд Лич замечал, что непременно атри-

¹⁷ Б.Б. Парникель. *Относительно полисемантической малайско-язычной «Повести о санг Боме»* [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Пронпа (1895–1970)*. Сост. Е.М. Мелетинский и С.Ю. Неклюдов. Москва: Наука, 1975, с. 276.

¹⁸ Th. Fontane. *Effi Briest. Roman*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2005, с. 29–30.

¹⁹ Е.М. Мелетинский. *Средневековый роман. Происхождение и классические формы*. Москва: Наука, 1983, с. 77.

²⁰ М. Элиаде *Ностальгия по истокам*. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2006, с. 143–145.

бутом так называемых промежуточных обрядов является насильственное заточение объекта инициации, у которого отнимают его привычную домашнюю среду²¹.

В письме от родителей, переполненном бессмысленными стереотипами, изложены жестокие правила новых испытаний²². Это письмо символизирует совершение акта жертвоприношения: за нарушение правил сожития женщину выгоняют из родного сообщества, ее фактически проклинают, у нее отобрано имя. Эффи предлагают остановиться в Берлине — в письме город является символическим убежищем для тех, кто не заботился о своем «честном имени» и теперь должен нести наказание. Как справедливо напоминает французско-американский антрополог и философ Рене Жирар, жертвоприношение — это всегда акт коммуникации между теми, кто приносит жертву, и «божеством», которое является мнимым и поэтому находится лишь в воображении²³. Те, кто приносит жертву, не осознают насилия, которое совершают — «божество», а в нашем случае это набор типичных правил поведения, помогает избавиться от мыслей о ложности стереотипов, подпитывая представления о «правильности» социального строя. Изгнание Эффи и добровольное заточение напоминает одну из форм аскезы, которая является непременным атрибутом даже самых примитивных религиозных практик²⁴.

Ритуальное «воцарение» инициированного, который проходит все испытания и возвращается после духовного воскрешения в родную общину, наблюдаем только в романах Келлера и Нечуя-Левицкого. Зеленый Генрих и Дашкович соглашаются с той системой культурных ценностей, которую им предлагает общество, и поэтому занимают в нем определенную нишу. В конце всех испытаний инициированные Зеленый Генрих, Дашкович и Радюк становятся «старейшими» и полноценными членами общества, женившись и создав собственные семьи (в случае с молодыми Люборацкими — неудачная инициация обусловлена ошибочным избранием партнеров). После завершения инициации все герои романов воспитания делают попытки вернуться в свой социум или тот социум, с которым себя идентифицируют. Антось, Маса, Радюк и Эффи изгнаны из родной среды и, даже пройдя ритуал возвращения, не становятся «своими». Таким образом, обряд инициации, сознательно или подсознательно показанный в исследуемых романах, помогает глубже понять сущность духовного перерождения или вырождения героев, которые вынуждены пройти путь созданных наставниками или обществом испытаний.

²¹ Э.Р. Лич. *Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии*. Перевод с англ. И.Ж. Кожановской. Москва: Восточная литература, 2001, с. 96.

²² Th. Fontane. *Effi Briest: Roman*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2005, с. 234.

²³ Р. Жирар. *Насилие и священное*. Москва: Новое литературное обозрение, 2000, с. 13.

²⁴ Э. Кассирер. *Философия символических форм*. Т. 2: *Мифологическое мышление*. Москва — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002, с. 232.

Литература

- Вульф К. *К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал*. Пер. с нем. Г. Хайдаровой. Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009.
- Геннеп А. ван. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Перевод с франц. Москва: Восточная литература, 1999.
- Генон Р. *Заметки об инициации* [В:] *Кризис современного мира*. Москва: Эксмо, 2008, с. 140–440.
- Ефимкина Р.П. *Пробуждение Спящей Красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках*. Санкт-Петербург: Речь, 2006.
- Жириар Р. *Насилие и священное*. Москва: Новое литературное обозрение, 2000.
- Зборовська Н.В. *Психоаналіз і літературознавство*. Київ: Академвидав, 2003.
- Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 2: *Мифологическое мышление*. Москва — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002.
- Лич Э.Р. *Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии*. Перевод с англ. И.Ж. Кожановской. Москва: Восточная литература, 2001.
- Лорд А.Б. *Сказитель*. Перевод с англ. и комментарий Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Москва: Восточная литература, 1994.
- Малиновский Б. *Избранное. Динамика культуры*. Перевод с англ. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа*. 3-е изд., репринтное. Москва: Восточная литература, 2000.
- Мелетинский Е.М. *Средневековый роман. Происхождение и классические формы*. Москва: Наука, 1983.
- Невелева С.Л. *О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями* [В:] *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. Москва: Наука, 1988, с. 128–160.
- Нечуй-Левицкий И.С. *Хмари* [В:] И.С. Нечуй-Левицкий. *Твори*. Упоряд. Н.Є. Крутикової. Т. 1. Київ: Дніпро, 1988, с. 103–429.
- Парникель Б.Б. *Относительно полисемантической малайско-язычной «Повести о санг Боме»* [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970)*. Сост. Е.М. Мелетинский и С.Ю. Неклюдов. Москва: Наука, 1975, с. 275–292.
- Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000.
- Свидницький А. *Роман. Оповідання. Нариси*. Ред. П.П. Хропко. Київ: Наукова думка, 1985.
- Элиаде М. *Ностальгия по истокам*. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2006.
- Элиаде М. *Священное и мирское*. Перевод с франц., предисловие и комментарий Н.К. Гарбовского. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1994.
- Fontane Th. *Effi Briest: Roman*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2005.
- Keller G. *Der grüne Heinrich: Roman*. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2006.

PRZEKŁADOZNAWSTWO

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

TRANSLATION STUDIES

О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ПЕРЕВОДА

ЛЮДМИЛА В. КУШНИНА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Гуманитарный факультет

Кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода

Комсомольский пр., 29, 614990 Пермь, Россия

e-mail: lkushnina@yandex.ru

(получено 18.07.2015; принято 07.10.2015)

Abstract

On the cognitive mechanisms of translation

The article is devoted to the description of translation cognitive mechanisms which can be explained due to the application of anthropocentrism and cognitive studies into the translation theory. The research of cognitive mechanisms is based on the analysis of translation intellectual activity. The author's theory of harmonization of translation space is used as a methodological base of the present article. This theory describes translation as a synergetic system of sense transmission from one language or culture into another.

Key words

Translation space, cognition, synergy, translation cognitive mechanisms, human intellectual activity.

Резюме

Статья посвящена описанию когнитивных механизмов перевода, исследование которых стало возможным в результате проникновения идей антропоцентризма и когнитивистики в деятельностьную концепцию перевода. Поиск когнитивных механизмов перевода осуществляется в процессе изучения интеллекту-

альной деятельности переводчика. Методологической основой статьи является авторская теория гармонизации переводческого пространства, трактующая перевод как синергетическую систему транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую.

Ключевые слова

Переводческое пространство, когниция, синергия, когнитивные механизмы перевода, интеллектуальная деятельность человека.

Постановка данной проблемы обусловлена тем, что в современной лингвистике, как в фундаментальной, так и прикладной, внимание исследователей обращено к проявлениям когниции — в мышлении, в сознании, в деятельности, поэтому термин «когнитивный» образует все новые терминосочетания: когнитивная картина мира, когнитивное пространство, когнитивное сознание, когнитивная лакуна, когнитивные способности, когнитивные механизмы и пр., и даже самостоятельные научные направления: когнитивная психология, когнитивная лингвистика, когнитивное переводоведение. Можно сказать, что когнитивная наука охватила самые различные сферы жизнедеятельности человека. И если первоначально понятие «когнитивный» приравнивалось к понятию «познавательный», то в настоящее время, вслед за Еленой Самойловой Кубряковой¹, когнитивный чаще понимается как — «внутренний, ментальный, интериоризованный».

В работе мы трактуем когнитивность как универсальную полифункциональную ментальную структуру, способствующую извлечению и переработке информации, пониманию и интерпретации разнородных смыслов, транспонируемых переводчиком из одного языка и культуры в другой язык и культуру.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения принципов порождения качественного текста перевода, способного, во-первых, воссоздать в иной культуре оригинальное произведение, к какому бы жанру оно ни принадлежало; во-вторых, обеспечить континуальность текста оригинала; в-третьих, достичь взаимопонимания и взаимодействия представителей разных культур, опираясь на переводчика как субъекта, как медиатора, как активную, созидательную личность.

Как известно, в современном переводоведении различают два подхода к анализу перевода: процессуальный и деятельностный. Значимость деятельностного подхода обусловлена современной антропоцентрической парадигмой в лингвистике и теории перевода, признающей субъекта — автора, переводчика, реципиента — важнейшим звеном в исследовательской парадигме перевода. Мы обозначили выше ключевых субъектов переводческой деятельности, осоз-

---

¹ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Под общей ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 1996.

навая, что их круг гораздо шире: это и преподаватели перевода, и студенты-переводчики, и профессиональные переводчики, и критики перевода, и заказчики/клиенты, и многочисленные читатели и слушатели — все те, кто либо создает текст перевода, либо его анализирует, либо использует для своих личностных и профессиональных целей.

Мы основываемся на авторской синергетической модели перевода, обозначенной как переводческое пространство, содержание и структура которой описаны в предыдущих публикациях². Напомню, что перевод мы трактуем как творческий синергетический процесс, который «втягивает в свою орбиту» тексты, языки, культуры, личности. В связи с этим перевод предстает сложнейшим процессом взаимодействия всех его составляющих. Механизмом этого взаимодействия является динамика гетерогенных смыслов, которые порождаются текстом, языком, культурой, личностями. Каждый компонент взаимодействия имеет свое смысловое поле, которое становится источником определенного смысла, транспонируемого переводчиком. Мы предположили, что ядром переводческого пространства является содержание текста и формируемый в нем фактуальный смысл. На периферии расположены текстовые поля — энергетическое и фатическое, в которых порождаются и транспонируются эмотивные и культурологические смыслы. К периферии относятся также поля субъектов переводческой коммуникации — автора, переводчика, реципиента, где порождаются следующие смыслы: модальный, индивидуально-образный и рефлексивный. Задача переводчика состоит в извлечении и трансляции этих смыслов, что сопровождается синергией и приращением новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Полученный в результате творческих эмоциональных и интеллектуальных усилий текст мы назвали гармоничным, в случае неудачных действий переводчика текст становится дисгармоничным, невостребованным потенциальным реципиентом. Именно решение этой задачи, по нашему мнению, протекает как когнитивный творческий процесс, который мы намерены изучить.

Гармонию мы рассматриваем как аксиологическую доминанту перевода, как высшую цель процесса перевода, как закономерное стремление переводящей личности к достижению качественного перевода, обеспечивающего взаимопонимание и взаимодействие коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам. Гармония в нашей работе — не научная метафора, но категория оценки качества перевода, предполагающая, что смыслы текстов оригинала и перевода неидентичны, но соразмерны, согласуемы друг с другом. Гармоничным мы признаем такой текст перевода, который естественным образом воспринимается иноязычными, инокультурными коммуникантами.

Поясним, что исследование гармонии как лингвопереводческой категории потребовало уточнения лингвистического механизма ее проявления. В качестве такого механизма мы предположили выявление значимости языковой еди-

---

² Л.В. Кушнина. *Теория гармонизации. Опыт когнитивного анализа переводческого пространства*. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета, 2009.

ницы. Как известно, интерес к этому явлению впервые проявил Ф. де Соссюр, определив значимость как ценность элемента в составе системы. В течение долгого времени это явление было предано забвению. В новейших исследованиях значимость исследуется как в рамках одной языковой системы, так и при сопоставлении языков (И.М. Кобозева, В.Н. Манакин, Л.Н. Мурзин и др.). Как пишет В.Н. Манакин, «значимость не входит в значения, а выводится из их соотношений, т.е. представляет собой реляционный признак смыслов сопоставляемых слов, который актуализируется соотношением их лексических значений»³.

Мы приходим к выводу, что именно согласование значимостей единиц разных уровней определяет гармоничность текста перевода. Иными словами, текст перевода признается гармоничным, если переводчику удалось обнаружить изначально заложенную в слове/тексте значимость, выявить его ценностные качества, актуализировать их.

В качестве примера гармонизации значимостей, обусловившей порождение переводческой гармонии, проанализируем фрагмент кинодискурса *Мадагаскар* в оригинале и переводе:

— Just imagine going back to nature. Back to your roots. Clean air, wide — open spaces.

— Well. I hear there's wide — open spaces in Connecticut.

Connecticut?

— Только представьте себе. Назад в природу, к своим корням. Чистый воздух, широкие просторы.

— На Брайтон-Бич тоже просторы.

— На Брайтон-Бич?

Мы признаем данный перевод гармоничным, т.к. вместо малоизвестного российскому зрителю топонима Коннектикут переводчик использует *Брайтон-Бич* — название курорта, расположенного в штате Нью-Йорк, соседнего со штатом Коннектикут. Расхождения в словарном и географическом значении не помешали переводчику воспользоваться прецедентным именем, значимость которого аналогична исходному, что привело к переводческой гармонии.

Приведем другой пример. В романе М.А. Булгакова читаем фразу: *Было два часа ночи*. Французский переводчик избирает следующий вариант перевода: *Il était deux heures du matin*, что при обратном переводе означает *было два часа утра*. Как видим, несмотря на то, что французский язык располагает лексемами *nuit* — *ночь* и *matin* — *утро*, что могло бы послужить основанием адекватного перевода, переводчик гармонизирует смыслы, согласовывая их с принимающей культурой. Такой перевод мы также признаем гармоничным, а сам процесс перевода характеризуем как творческий, когнитивный, обусловленный активной деятельностью переводчика — мыслящего, созидającego субъекта коммуникации.

Когнитивные аспекты перевода являются предметом размышлений многих современных исследователей. В основе этих размышлений лежат принципы и постулаты когнитивной лингвистики.

³ В.Н. Манакин. *Сопоставительная лексикология*. Киев: Знання, 2004. с. 101.

Когнитивная лингвистика является предметом исследования отечественных ученых Николая Николаевича Болдырева⁴, Зинаиды Даниловны Поповой, Иосифа Абрамовича Стернина⁵ и др. Основы когнитивной лингвистики заложили Валерий Закиевич Демьянков и Елена Самойловна Кубрякова. Они представляют язык как когнитивный механизм, играющий решающую роль в кодировании и трансформации информации. В центре исследований когнитивной лингвистики — ментальная репрезентация знаний с помощью языка, участие языка в познании мира. Сам термин когниция обозначает процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности. Познание, в свою очередь, тесно связано со знанием. Как отмечает в своей фундаментальной работе Юрий Сергеевич Степанов *Константы. Словарь русской культуры*, концепт «знание» восходит к древнеиндийским корням, обозначающим в форме существительного «глаз умственного видения», а в форме прилагательного «обладающий умственным зрением, мудрый»⁶. В греческой культуре этот концепт выражался термином *gnosis*. В древнерусском языке соответствующий концепт обозначал «получение знаний посредством органов чувств, прежде всего, глаз» а корень «зна» обозначал принадлежность к высшей сфере, к мудрости, отсюда слово «знахарь» — «знающий человек, лекарь».

Для понимания когнитивной составляющей переводческой деятельности обратим особое внимание на ее связь с интеллектуальной деятельностью человека. Идея о связи естественного языка (ЕЯ) и естественного интеллекта (ЕИ) обсуждается в работе Надежды Константиновны Рябцевой «Язык и естественный интеллект»⁷. Как отмечает исследователь, наше представление об интеллекте существенно расширилось благодаря когнитивной психологии. Если раньше интеллект соотносили только со способностями понимать, обучаться, думать, запоминать, то когнитивные психологи включили в интеллектуальное поведение внимание, креативность, восприятие, размышление, решение задач и речь. В целом, пишет Рябцева, интеллект рассматривается как «система обработки информации и принятия решений»⁸. Ученый утверждает, что внутренний мир человека и интеллект представляют собой самый сложный объект изучения, но в связи с тем, что формирование и проявление интеллекта происходят посредством языка, изучение языка приобретает особую ценность. В языке заложено гораздо большее количество знаний, чем в явном виде вербализовано. Поэтому невербализованные знания становятся источником сведений об интеллекте. Важным свойством языка и интеллекта является их принципиальная асимметричность: «ЕИ и порожденный им ЕЯ экономят свои усилия разнообразно,

⁴ Н.Н. Болдырев. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций*. Тамбов: Издательский Дом Томского государственного университета имени Г.Р. Радищева, 2014.

⁵ З.Д. Попова, И.А. Стернин. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ, Восток-Запад, 2007.

⁶ Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2001, с. 461.

⁷ Н.К. Рябцева. *Язык и естественный интеллект*. Российская академия наук. Институт языкознания. Москва: Academia, 2005.

⁸ Там же, с. 12.

творчески и эффективно, тем самым развиваясь сами и заставляя развиваться друг друга»⁹. Ученый приходит к выводу о том, что интеллектуальная сфера неразрывно связана с другими сферами — рациональной, эмоциональной, акциональной (поведение и деятельность), социальной, культурной, коммуникативной (включающей язык и речь).

Понимание когнитивных механизмов перевода возможно при описании соотношения между интеллектуальной и деятельностной сферами личности переводчика, что соотносится, с одной стороны, с акциональным аспектом анализа, с другой стороны, с коммуникативным аспектом, поскольку мы опираемся в своих исследованиях на коммуникативно-деятельностную парадигму перевода. Решение этой задачи позволит раскрыть некоторые закономерности когнитивной составляющей перевода.

Мы приступили к изучению речевых проявлений интеллекта человека. В фокусе наших исследовательских интересов оказался уникальный текст «Упражнения в стиле» Раймона Кено¹⁰, его переводы на русский язык, а также «Новые упражнения в стиле», составленные современными российскими писателями и переводчиками Татьяной Борисовной Бонч-Осмоловской, Сергеем Николаевичем Фединым и художником-карикуристом Сергеем Александровичем Орловым¹¹.

В чем уникальность текста оригинала? Кено использовал для своего сюжета заурядную житейскую историю, приключившуюся с пассажирами в парижском автобусе. Начальная история занимает 13 строк. Уникальность заключается в том, что история пересказана 99 раз в различных стилях, что придало ей значение литературного шедевра. Произведение Кено, созданное в 1942 году, было впервые переведено с французского языка на русский в 1992 году, затем в 2001 году. В нашем распоряжении — переводы, опубликованные в России в 2009 году. Р. Кено создает своего рода энциклопедию всех известных ему и ображаемых им стилей. Свое произведение автор назвал результатом работы и развлечения. Как отмечает в предисловии к русскому изданию один из переводчиков, «Развлечением для автора, как и для читателя Кено является сложная «умственная» литература, исполненная профессиональным образом. И она же является хитроумным развлечением, шуткой — как у Льюиса Кэрролла, Франсуа Рабле, Лоуренса Стерна»¹². Приведем заголовки некоторых историй: удивления, радуга, логический анализ, александрийский стих, сонет, вкусовое, обонятельное, осязательное, визуальное, части речи, портрет, геометрическое, и тогда, ботаническое, медицинское и пр.

Поясним, почему данный текст послужил материалом для эмпирического и теоретического анализа когнитивного аспекта переводческой деятельности. Во-первых, сам текст оригинала, представляющий собой изложение одной

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ R. Queneau. *Exercices de style*. Paris: Gallimard, 1982.

¹¹ Т.Б. Бонч-Осмоловская, И.С. Федин, С.А. Орлов. *Занимательная риторика Раймона Кено*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

¹² Там же, с. 12.

и той же идеи, одной и той же ситуации разными языковыми средствами демонстрирует практически неисчерпаемые возможности человеческого интеллекта для передачи одного и того же смысла. И если автору удалось реализовать эти возможности, то его интеллектуальное поведение мы можем уподобить действиям переводчика, для которого внутриязыковая вариативность становится источником создания множества разнообразных текстов, отражающих его индивидуальное видение текста оригинала, его индивидуально-образный смысл, который формируется в поле переводчика. Во-вторых, наличие нескольких переводов одного и того же текста оригинала на разные языки создает широкий веер новых смыслов с точки зрения межкультурного взаимодействия. В-третьих, появление новых переводов одного и того же текста в рамках определенной культуры, в данном случае, в русской культуре, способствует расширению сферы межкультурного взаимодействия. И наконец, создание переводчиками собственных текстов по ассоциации с текстами оригинала и собственных переводов отражает не только их творческую индивидуальность, но позволяет проанализировать глубинные когнитивные процессы, которые управляют интеллектуальной, эмоциональной, акциональной, культурной, социальной, коммуникативной видами деятельности человека.

Переходим к сопоставительному анализу. Обратимся к одной из 99 историй, рассказанных писателем-виртуозом.

L'arc-en-ciel

Un jour je me trouvais sur la plate-forme d'un autobus violet. Il y avait là un jeune homme assez ridicule: cou indigo, cordelière au chapeau. Tout d'un coup, il protesta contre un monsieur bleu. Il lui reproche notamment, d'une voix verte, de le bousculer chaque fois qu'il descend des gens. Cela dit, il se précipite, vers une place jaune, pour s'y asseoir.

Deux heures plus tard, je le rencontre devant une gare orange. Il est avec un ami qui lui conseille de faire ajouter un bouton à son pardessus rouge¹³.

Радуга

Однажды в фиолетовом мареве жары я ехал в автобусе. Там был молодой человек весьма забавного вида: синюшная шея, шнурок на шляпе. Вдруг он на голубом глазу принялся катить бочку на некоего господина. Он упрекал его, в частности, что тот, каждый раз, когда пропускал пассажиров, толкал этого зеленого юнца. Излив душу. Он заметил, что впереди зажелтело свободное место и поспешил туда.

Чуть позже, на закате, я снова встретил его перед окрасившимся оранжевым вокзалом. Он был вместе с другом, который советовал ему добавить пуговицу на красное пальто¹⁴.

Изучение текстов переводов показало, что творчество Кено послужило источником вдохновения талантливых переводчиков, которым удалось создать в своем воображении аналогичные, но далеко не тождественные образы-гештальты текста, которые действительно вписались в русскоязычную картину мира. Только в русском тексте возникли такие образы как «фиолетовое мареве жары», «синюшная шея», «на голубом глазу», «катить бочку», «зеленый юнец»

¹³ R. Queneau. *Exercices de style*. Paris: Gallimard, 1982.

¹⁴ Т.Б. Бонч-Осмоловская, И.С. Федин, С.А. Орлов. *Занимательная риторика Раймона Кено*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

и др., которых не было в тексте оригинала. Эти образы, а вместе с ними, и сам перевод мы можем признать гармоничными, т.к. переводчик использовал прецедентные феномены, известные носителям русского языка, что способствует успешной адаптации текста перевода к принимающей культуре.

Переводческая гармония как результат интеллектуально-эмоциональной рефлексии переводчиков над авторскими смыслами позволила им перейти на новый уровень рефлексии — от межъязыкового и межкультурного (от французской лингвокультуры к русской) к внутриязыковому — к созданию самостоятельных текстов при сохранении исходного замысла автора оригинала — рассказать эту же историю в других стилях, обогатив ее другими персонажами, понятными в родном языке и родной культуре.

«Новые упражнения в стиле» — результат творческих изысканий отечественных переводчиков, вдохновленных воздействием произведения Кено, которые сочинили 111 новых историй, описывающих ту же ситуацию в парижском автобусе. Приведем одну из них:

Сказочное

Было ль то, не было, а только рассказывают старики, что жил за семью морями, за тридцатью землями один молодой человек. Шея у него была длинная-преддлинная, будто ему ее вытягивали, а шляпу, какую он носил, никто больше в том царстве-государстве не нашивал — круглая, мягкая, бечевкой кругоряд плетеная. И жил он в большом-пребольшом городе, и ездил в большом-пребольшом автобусе, где с ним вместе еще куча-мала народу ехала. И все они входили-заходили, пихались-толкались, ноги ему отдавливали. Терпел-терпел молодой человек, да не вытерпел. Как закричит: «Да что же это гой-еси, люди добрые делается! Пошто ж ты меня, мил-добр человек толкаешь, пошто ноги мне отдавливаешь? Тут однако впереди место сидячее освободилось, он к нему и бросился. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Два часа миновало как сон, и повстречался молодой человек со своим другом-приятелем, и дал тот ему совет дельный, насчет пуговицы, как ее на пальто шить-пришивать следует¹⁵.

Как видим, в данном случае переводчик становится автором, подражая его писательской манере, расширяя стилистическую гамму Кено, обогащая «энциклопедию стилей». Можно предположить, что русские тексты «Новые упражнения в стиле» станут предметом перевода на другие языки, включая французский. Так могут появиться «Сверхновые (новейшие) упражнения в стиле», что создаст уникальный текстовый континуум как отражение уникальности человеческого интеллекта.

Можно сказать, что в данном случае когнитивное пространство текста перевода как область знаний и представлений личности переводчика переросло в новое когнитивное пространство, как результат сознательной рефлексии личности в условиях иной языковой и культурной среды, приобретая иную коммуникативную значимость. Динамика когнитивных пространств субъектов переводческой коммуникации может рассматриваться в качестве основополагающего когнитивного механизма перевода. Постигание этой динамики стано-

¹⁵ Т.Б. Бонч-Осмоловская, И.С. Федин, С.А. Орлов. *Занимательная риторика Раймона Кено*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

вится возможным при условии мысленного создания переводческого пространства как одного из проявлений когнитивного пространства.

Мы заключаем, что переводческая когниция проявляется в том, что переводчик мысленно исследует поля переводческого пространства, транспонируя его гетерогенные смыслы, которые вовлекаются в синергетический процесс внутриязыкового/межъязыкового, внутрикультурного/межкультурного взаимодействия, что приводит к порождению качественного — гармоничного перевода. Переводческое пространство можно уподобить когнитивному пространству всех участвующих субъектов коммуникации, а сам перевод можно представить как когнитивный процесс, как вид языкового, культурного, личностного взаимодействия, возникающего в переводческом пространстве текста оригинала в процессе отражения системы гетерогенных эксплицитно-имплицитных смыслов в сознании переводчика, что обуславливает динамику, синергию, гармонизацию смыслов; результатом данного процесса становится такой текст перевода, который естественным образом вписывается в принимающую социокультурную среду, обеспечивая взаимопонимание коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам.

Можно предположить, что изучение когнитивных механизмов перевода послужит основанием для разработки множества разнообразных когнитивных моделей перевода.

Создавая концепцию переводческого пространства, мы исходили из положения о том, что единственно правильного перевода быть не может. В настоящее время мы убеждены в том, что не может быть единственного подхода к анализу процесса перевода и деятельности переводчика. Лишь разнообразие подходов позволит исследователям осознать этот сложный феномен.

Литература

- Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Курс лекций*. Тамбов: Издательский Дом Томского государственного университета имени Г.Р. Радищева, 2014.
- Бонч-Осмоловская Т.Б., Федин И.С., Орлов С.А. *Занимательная риторика Раймона Кено*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Под общей ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 1996.
- Кушнина Л.В. *Теория гармонизации. Опыт когнитивного анализа переводческого пространства*. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета, 2009.
- Манакин В.Н. *Сопоставительная лексикология*. Киев: Знання, 2004.
- Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ — Восток-Запад, 2007.
- Рябцева Н.К. *Язык и естественный интеллект*. Российская академия наук. Институт языкознания. Москва: Academia, 2005.
- Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2001.
- Queneau R. *Exercices de style*. Paris: Gallimard, 1982.

FILOLOGIA ŚLEDCZA

СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

INVESTIGATIVE PHILOLOGY

Z FILOLOGII ŚLEDCZEJ. DIALOG FILMOWY JAKO ŹRÓDŁO WIEDZY O PRZESTĘPSTWIE

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor emeritus, Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie,
Wydział Administracji, Studium Edukacji Językowej;
b. prof., Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,
Wydział Humanistyczny, Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl
(nadesłano 28.05.2015; zaakceptowano 7.07.2015)

Abstract

From investigative philology.

Film script as a source of information on a crime

The author of the following article uses the script of Vladimir Parshikov's 2011 film *Sergei Yesenin 1925–2010. A film conversation* as yet another source of information on Sergei Yesenin's death. The statements of the film characters offer little known or obscure facts concerning the poet's death. The author's own commentary serves to provide explanation in problematic fragments in the story and to interpret the material with regard to the new method of studying texts, offered by investigative philology.

Key words

Investigative philology, Vladimir Parshikov, Sergei Yesenin, film script.

Резюме

Из следственной филологии.

Фильмовые диалоги как источник знаний о преступлении

В данной статье автор подходит к фильмовым диалогам из русского фильма Владимира Паршикова *Сергей Есенин 1925–2010. Фильм-беседа* (2011) как к очередному

источнику знаний о смерти Сергея Есенина. Высказывания отдельных героев фильма содержат неизвестную широким кругам воспринимателей — или мало известную — информацию о гибели поэта. Авторские комментарии разъясняют более трудные места и интерпретируют фильм материал с точки зрения нового метода изучения текста, какие предлагает следственная филология.

Ключевые слова

Следственная филология, Владимир Паршиков, Сергей Есенин, фильмовые диалоги.

Filologia śledcza, nowa subdyscyplina, którą rozwijam od kilku już lat¹, przynosi coraz więcej i coraz ciekawszych rezultatów. Na początku eksponowałem obszar związany z historią literatury rosyjskiej, a z połączenia jej z kryminalistyką powstała książka o okolicznościach nagłej śmierci Sergiusza Jesienina (1895–1925)². Potem poszedłem dalej i spróbowałem wykorzystać nową metodę, kierując się ku Średniowieczu i dziejom Zakonu Krzyżackiego, biorąc tym razem na warsztat równie zagadkowy i bezprecedensowy nagły zgon wielkiego mistrza, Wenera von Orseln, sprawującego swój mistrzowski urząd w latach 1324–1330³. Metoda się sprawdza: odnalezienie nieścisłości, przekłamań i przemilczeń w dostępnych na dany temat tekstach źródłowych oraz opracowaniach naukowych i popularnonaukowych — bez względu na dziedzinę badawczą — prowadzi do nowych hipotez i wniosków o badanym fragmencie rzeczywistości historycznej i historyczno-literackiej. Dziś powracam do sprawy zabójstwa rosyjskiego barda, by raz jeszcze przyjrzeć się tragicznej historii jego śmierci przez odwołanie się do najnowszego rosyjskiego filmu o nim, który wyreżyserował woroneżanin Władimir Parszиков⁴.

Najnowszy, trzeci autorski film Władimira Parszikowa o Sergiuszu Jesieninie został ukończony w 2010 roku i w tym samym czasie doczekał się premiery w Rosji⁵;

¹ Rozpoznawczą rolę odegrał w tym względzie tekst z 2008 roku: G. Ojcewicz. *Wokół śmierci Sergiusza Jesienina, czyli Tekst poetycki jako źródło wiedzy o przestępstwie*. „Slavia Orientalis” 2008, nr 4, s. 463–483.

² G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Policji, 2009.

³ H. Bobińska, G. Ojcewicz. *Zabójstwo wielkiego mistrza Wenera von Orseln*. Kwidzyn: Kwidzyńskie Centrum Kultury — Gdynia: Wydawnictwo Region 2015.

⁴ Zob. jeszcze artykuł, w którym zdaję między innymi relację z najnowszymi ustaleń na temat okoliczności zabójstwa Sergiusza Jesienina, będących udziałem grupy osób obdarzonych zdolnościami paranormalnymi. G. Ojcewicz. *Czy przekaz z tamtego/innego świata jest przekładem?* [W:] *Komunikacja międzykulturowa w świetle współczesnej translatoologii*. T. 2: *Kultura i język*. Seria „Między Światami — Między Słowami”. Red. B. Jeglińska, K. Kodeniec, A. Krawczyk-Łaskarzewska, J. Nawacka. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015, s. 35–47.

⁵ Pierwszy film Władimira Jurjewicza Parszikowa (14 VII 1975) o Sergiuszu Jesieninie został nakręcony w 2003 roku i nosił tytuł *Prawda w pętli* (*Правда в петле*), drugi w 2005 — *Drozdzy moi!*

w Polsce nie był oficjalnie prezentowany. Tym razem był to film-rozmowa, reprezentujący gatunek wywiadu eksperckiego i odznaczający się osobistą troską twórcy o dalsze losy prostej, wydawać by się mogło, a w rzeczy samej skomplikowanej sprawy nagłego zgonu autora *Kraju niegodziwców*. Parszikow, wychodząc od współczesności, od spotkania z żyjącą jeszcze wówczas siostrzenicą Sergiusza Jesienina, Swietłaną Pietrowną Jesieniną (1939–2010), ponownie draży historię najnowszej Rosji, mocno zakorzenioną w bolszewickiej i stalinowskiej przeszłości i przez przeszłość totalitarną implikowaną.

Film, jak wiadomo, jest syntezą obrazu i dźwięku. Dla semiotyków to znak szczególnie i złożony. Źródło wrażeń i wiedzy dawkowanych odmiennie w zależności od filmowego gatunku. Film, zwłaszcza tak intymny, jak rozmowa, trwa poza projekcją tak długo, jak często do niego powracamy pamięcią. Tym, co pamięć wyostrza, jest lista dialogowa — obiektywny świadek wszystkiego, co zostało zapisane w filmie: na taśmie lub cyfrowo. Nie technika zapisu jest jednak dla nas przedmiotem obserwacji, lecz wypowiedzi bohaterów filmu. Bohaterów różnych pod względem wieku, wykształcenia, zapatrywań na sprawę tragicznej śmierci Sergiusza Jesienina. Są krewni i osoby mu obce, dyletanci i eksperci, zagorzali przeciwnicy tezy o zabójstwie poety i gorący jej orędownicy. Bez względu wszakże na zajmowane przez bohaterów stanowiska, lista dialogowa obiektywnie rejestruje to, co słyszymy podczas projekcji filmu, pozbawiając ją jednak w sporej części warstwy emocjonalnej i ekspresywnej. Jest ona jednocześnie okazją do zatrzymania kadru, wymagającego lub wartego komentarza na temat przedwczesnej śmierci rosyjskiego poety.

Zamieszczając poniżej listę dialogową ostatniego filmu Władimira Parszikowa o Jesieninie, chcę osiągnąć dwa podstawowe cele: po pierwsze, dać możliwość zorientowania się w zawartości najnowszej wypowiedzi woroneżanina wszystkim tym, którzy tego obrazu nigdy nie widzieli i być może nie będą mogli się z nim zapoznać; po drugie — poszerzyć pole wiedzy na temat sprawy autora *Czarnego człowieka* przez zaprezentowanie w przypisach najświeższych przemyśleń, jakie powstały po 2009 roku, tj. od czasu opublikowania przywoływanej tu parokrotnie monografii⁶. Lista dialogowa ma to do siebie, że rejestruje zapis na żywo. Stąd odzwierciedla ona pewne nieporadności językowe osób, które bez wcześniejszego przygotowania udzielają odpowiedzi na stawiane pytania. Konsekwentnie nieporadności te powtarza również z konieczności przekład, naśladujący styl oryginału. Usterki te nie są jednak na tyle znaczące, by mogły zburzyć sens wypowiedzi albo wskazywać na zły warsztat tłumacza.

Kochani! (Дорогие мои! Хоронил!), a trzeci — w 2011 — *Sergiusz Jesienin. 1925–2010. Film-rozmowa (Сергей Есенин. 1925–2010. Фильм-беседа)*. Przekład oryginalnej listy dialogowej na język polski — Grzegorz Ojcewicz (2011).

⁶ G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina...* Zob. jeszcze stan wiedzy na rok 2009 na temat wersji o samobójstwie Sergiusza Jesienina: С. Лучкина. *Двадцать лет спустя, или что осталось от версии о самоубийстве С. Есенина к 2009 году*. [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Сост. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011, s. 395.

Lista dialogowa

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina⁷: Mam oficjalny dokument, z którego wynika, że jego (Jesienina — G.O.) śmierć nastąpiła dwudziestego siódmego grudnia⁸. Wiele osób pyta, a dlaczego krewni wcześniej nie podejmowali tej kwestii? Cóż takiego strasznego zrobił trzydziestoletni chłopak, jeżeli wszyscy na górze⁹ przez tyle lat boją się powiedzieć o jego śmierci? Kiedy Nasiedkin¹⁰ przywiózł trumnę do Moskwy¹¹, przyszedł do domu i powiedział: „Siergieja zabił”¹².

Kadr 1. Władimir Parszиков w rozmowie ze Swietłaną Jesienią
Źródło: *Siergiej Jesienin 1925–2010. Film-rozmowa*. Reż. W. Parszиков (2011)¹³

⁷ Swietłana Pietrowna Jesienina (17 V 1939–6 IX 2010) — córka siostry poety, Aleksandry Jesieniny.

⁸ Nie znam tego dokumentu i nie wspominała o nim Swietłana Pietrowna podczas pierwszego z nią kontaktu. Niewykluczone, że odważyła się powiedzieć o jego istnieniu dopiero w roku 2010. Celowo przecież nie ujawniała wszystkich dowodów związanych z tragiczną śmiercią Sergiusza Jesienina, obawiając się, być może, ich zniszczenia przez osoby, którym nie zależy na wyjaśnieniu tej historycznej zagadki. Przypomnę, że na tę samą datę wskazywał Adam Ważyk, gdy pisał: „Sergiusz Jesienin popełnił 27 grudnia 1925 r. samobójstwo w hotelu „Angleterre” w Leningradzie”. Zob. W. Majakowski. *Wiersze i poematy*. Wybór przekładów opracował A. Ważyk. Warszawa: Książka i Wiedza, 1949, s. 337.

⁹ W ten sposób Swietłana Pietrowna daje wyrażnie do zrozumienia, że w sprawę niewyjaśniania śmierci Jesienina są zaangażowane osoby z najwyższego aparatu władzy.

¹⁰ Wasilij Nasiedkin (1894–1938) — mąż siostry Sergiusza Jesienina, Jekatieriny. Ofiara czystek stalinowskich. Do dzisiaj data jego śmierci (15 III 1938) należy do wątpliwych, a miejsce pochówku do nieustalonych.

¹¹ Pierwsze świeckie pożegnanie zmarłego poety miało miejsce w Leningradzie.

¹² Słowa te były rodzinną tajemnicą. Wszyscy wiedzieli, że „ONI” to przedstawiciele bolszewickiej władzy, lecz nikt nie miał ani odwagi, ani możliwości, by tę informację udowodnić. Nikt przecież nie był w stanie wygrać z systemem i z samym Stalinem.

¹³ Wszystkie prezentowane w niniejszym artykule kadry pochodzą z tego samego źródła, dlatego

Jekatierina Jesienina, kuzynka Siergieja Jesienina: No, a ona mi powiedziała, Jekatierina Aleksandrowna¹⁴, że Jesienina zawlekli na strych i tam Sosnowski, Sosnowski czekista, bił go żeliwną pałką. Rozwalił mu całą głowę. Oczy wypłynęły, potem tak puchł — straszna sprawa. A potem zawinęli go w jakiś dywan, znieśli i przymocowali do tej ściany, przywiązali sznurami¹⁵.

Kadr 2. Jekatierina Jesienina, kuzynka Siergieja Jesienina

Nikołaj Braun, syn poety Nikołaja L. Brauna¹⁶: To był potwornie okaleczony człowiek, jeśli uwzględni się tylko okolice twarzy¹⁷. Na przykład, jak mówił Nikołaj Leopoldowicz — śmiertelna rana pod prawym łukiem brwiowym¹⁸. On to dokładnie zapamiętał. Oczywiście, czoło było przebite głęboko¹⁹. Następnie rozerwane wargi

---

rezygnuję z każdorazowego jego podawania pod kolejnymi fragmentami filmu.

¹⁴ Siostra Sergiusza Jesienina, żona Wasilija Nasiedkina.

¹⁵ Wersja ta jest jedną z kilku, jakie pojawiają się w związku z okolicznościami śmierci Jesienina. Zarówno miejsce zbrodni, czyli strych hotelu „Angleterre”, jak i nazwisko zabójcy, czyli czekisty Sosnowskiego, pojawia się w opracowaniach dotyczących zgonu poety. Tak samo dywan — niemy świadek grudniowej tragedii. Zgadza się również uwagi na temat obrażeń twarzy i to, że martwego już poetę oprawcy powiesili na rurze centralnego ogrzewania. Więcej na ten temat: *Рассказ Екатерины Ивановны Есениной*. [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 395.

¹⁶ Nikołaj Leopoldowicz Braun (1902–1975) — rosyjski poeta radziecki, ojciec poety i działacza społecznego Nikołaja Nikołajewicza Brauna.

¹⁷ Ocena ta w pełni odpowiada skali obrażeń, jakie utrwały nawet oficjalne, wyretuszowane fotografie Moisiejego Nappelbauma, na których utrwalono widok zwłok Jesienina leżącego na hotelowej sofie.

¹⁸ W moim przekonaniu Braun mówił o śladzie po postrzale.

¹⁹ Głębokość rany również przemawia za postrzałem i wytworzeniem się kanału postrzałowego w czaszce.

jego — kąciki warg, zaszyte bardzo zręcznie, ta i druga strona, igłą, tak jak to zwykle robią chirurdzy po zakończeniu operacji²⁰.

Kadr 3. Nikolaj Braun, syn poety Nikolaja Brauna

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Czyżby nie pojawiało się, nie zostało powiedziane nawet jedno słowo?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Widocznie, już wtedy nałożono tabu, ponieważ ja wiem, że moja babcia, Tatiana Fiodorowna, kiedy Siergieja Aleksandrowicza przywieźli do Moskwy z Leningradu pierwsze, co się jej rzuciło w oczy — a ona mu ikonkę wkładała do rąk²¹, to te strasznie okaleczone ręce i zapytała, co się stało z jego rękoma? I wtedy jej powiedziano — oparzył się, dotykając gorącej rury. I na tym całą rozmowę zakończono. W tamtych czasach nie było przyjęte zadawanie pytań²². Tysiąc dziewięćset osiemdziesiąty siódmy. Osiemdziesiąty ósmy. Osiemdziesiąty dziewiąty rok....

Władimir Parszиков, reżyser filmu: ...wtedy o zabójstwie zaczęli mówić specjaliści...²³

²⁰ Szczegół ten wymaga pewnego naświetlenia. W żadnych ze znanych mi źródeł na temat okoliczności śmierci Jesienina nie wspomina się, jakoby na miejscu zdarzenia, tj. 28 grudnia 1925 roku w pokoju nr 5 hotelu „Angleterre” był lekarz lub inna osoba z personelu medycznego, która zajmowałaby się zszywaniem rozerwanych kącików ust poety. Gdyby nawet doszło do szycia, to miejsce zaraz po zakończeniu czynności wygląda zdecydowanie inaczej, odsłaniając przy okazji samą nić i supły wieńczące szycie. Takich śladów nie ma na twarzy denata. Dlatego obstawiam wersję, że ślady te są albo pozostałością po wycieku substancji z ust zmarłego poety, albo początkowego przesuwania się sznura, którym duszono Jesienina, zanim sznur znalazł się na szyi.

²¹ Zwyczaj wkładania ikony w dłoń zmarłego zachował się w Rosji do dzisiaj.

²² To zdanie najlepiej tłumaczy, dlaczego do sprawy Jesienina nie można było przystąpić ani w latach Stalina, ani po nim, aż do czasu „pierestrojki” Michaiła Gorbaczowa. Zresztą i ten łyk swobody po 1989 roku okazał się łykiem zmarnowanym, przynajmniej w odniesieniu do sprawy śmierci poety.

²³ Czas ten zbiega się z intensyfikacją ruchów demokratycznych w ZSRR i samej Rosji. W sprawie

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: O zabójstwie po raz pierwszy zaczęli mówić specjaliści. Właśnie specjaliści zaczęli mówić o zabójstwie. Tacy ludzie, jak Morochow²⁴ i Chłystałow²⁵...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Nie. Ale to są uczciwi ludzie. Morochowa nie znałem, a Chłystałowa...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Oto pierwsi uczciwi ludzie. A Morochow to nadzwyczaj kulturalny, wyjątkowo dobrze wychowany, niezwykle inteligentny człowiek.

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: I oto ci ludzie, z różnych miejsc, o różnych poglądach, ale szczerze kochający Jesienina, jego twórczość, zbierali bogate materiały, wszystko to gromadzili dla przyszłych pokoleń, jak się to mówi. I, oczywiście, oczywiście zastanawiali się. Sami sobie zadawali pytanie: Mogło tak być czy nie?

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Pytania pojawiały się ...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: I tu nagle pojawia się jakiś Sniegiriow, który ujawnia, że był w tę noc zaraz po pogrzebie Jesienina na cmentarzu...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: To Ałchimowa, jak rozumiem, to ona opowiadała...²⁶

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Ona to wszystko opowiadała. Ona to wszystko wiedziała, że tak powiem, od człowieka bezpośrednio uczestniczącego w tym. On, wiesz, przyznał się. To już człowiek niemłody, człowiek schorowany, chciał się podzielić tajemnicą, czyli duszę oczyścić. I on o tym opowiedział.

Margarita Ałchimowa, przyjaciółka rodziny Siergieja Jesienina: Kiedyś, w młodości, Sniegiriow pracował jako kierowca w OGPU. I nagle mi powiedział — Jesienina tam nie ma. Mówię — dlaczego, Pawle Fiodorowiczu? Dlatego, że ja... brałem udział, że tak powiem, gdy go wykopywali stamtąd. To, mówi, działo się nocą zaraz po pogrzebie. W tę noc, mówi, zebrano nas, młodzież, i nocą przyjechaliśmy i wykopywaliśmy trumnę Jesienina. Mówię — a co z nim zrobiono potem? Mówi, ponieśli w głąb cmentarza. Nie wiem, gdzie go pogrzebali, ponieważ zostałem, aby zasypać dół i doprowadzić grób do porządku, do poprzedniego stanu²⁷.

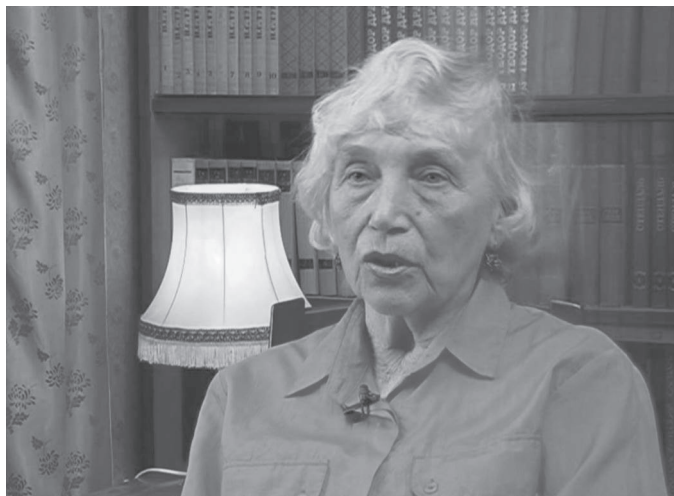
Jesienina fakt, że głos zabrali specjaliści o sporym autorytecie naukowym, a nie amatorzy lub członkowie rodziny poety, miał istotne znaczenie, nadawał bowiem znanym faktom nowe wytłumaczenie, które zdecydowanie oddalało wersję o samobójczej śmierci poety.

²⁴ Fiodor Aleksandrowicz Morochow (1919–2005) — profesor medycyny, wybitny patomorfolog rosyjski.

²⁵ Eduard Aleksandrowicz Chłystałow (1932–2003) — pułkownik milicji, zasłużony pracownik Ministerstwa Spraw Wewnętrznych Rosji.

²⁶ Więcej na ten temat: *Интервью В. Паршикова с М.В. Алхимовой*. [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 392–394.

²⁷ Informacja o przeniesieniu zwłok poety w inne miejsce była znana rodzinie Jesieniów już wcześniej. Swietłana Pietrowna wspominała, że dysponuje taśmą z nagraną wypowiedzią Margarity Ałchimowej, z której wynika to samo, co z jej słów w filmie.

Kadr 4. Margarita Alchimowa, przyjaciółka rodziny Siergieja Jesienina

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: No to wróćmy do historii...

Władimir Parszikow, reżyser filmu: Do jakiej historii?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Powinniśmy powiedzieć, zapewne, o Komisji Prokuszewa i o tym, dlaczego poszłam bezpośrednio do Prokuratury Generalnej, o tym, co spowodowało moje pójście do Prokuratury Generalnej.

Władimir Parszikow, reżyser filmu: A który to był dokładnie rok?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: A to był 1997 rok, po Prokuszewa tych, jak im tam...

Władimir Parszikow, reżyser filmu: ...wnioskach. Po wnioskach Prokuszewa...²⁸

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Tak, tak...²⁹

Swietłana Łuczkińska, dr nauk filologicznych, jesieninolog: Pierwsze posiedzenie Komitetu Jesieninowskiego pod kierunkiem Jurija Lwowicza Prokuszewa odbyło się w czerwcu 1989 roku. Powód powołania takiego komitetu został podany przez samego Jurija Lwowicza na tym posiedzeniu. To — pojawienie się w ostatnim czasie mnóstwa publikacji o śmierci Siergieja Aleksandrowicza Jesienina, a autorzy tych publikacji byli wystarczająco przekonujący, i społeczeństwo się zaniepokoiło. Trzeba je było

²⁸ Więcej na ten temat: Ю. Прокушев. *В поисках истины...* [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 379–386.

²⁹ Jurij Lwowicz Prokuszew (1929–2004) — rosyjski literaturoznawca, krytyk literacki, pisarz i popularyzator spuścizny literackiej Sergiusza Jesienina. W mojej ocenie nie zdobył się nigdy na obiektywizm w czasie „śledztwa”, jakie zorganizował z własnej lub podpowiedzianej przez władzę inicjatywy. Ustalenia tzw. Komisji Prokuszewa nie zawierały wniosków, do jakich upoważniał zebrany przez nią materiał. Postępowanie Prokuszewa cechowała postawa zachowawcza, która nie przyczyniła się do stworzenia jakościowo nowego etapu w wyjaśnianiu rzeczywistych okoliczności i przyczyny śmierci poety w hotelu „Angleterre”.

w jakiś sposób uspokoić. Decyzję podjęto oficjalnie, jedynie słuszną na dany moment. Czyli — stworzenie jakiejś komisji literackiej Komitetu Jesieninowskiego pod kierunkiem oficjalnego jesieninologa, za jakiego uchodził Jurij Lwowicz Prokuszew. Komisja rozpatrzyłaby sprawę ze wszystkich stron, zaprosiłaby wielu ekspertów i w ten sposób uspokojono by społeczeństwo, pokazawszy, jak było naprawdę. Lecz rzeczywistość swą pracę komisja rozpoczęła dopiero po roku, w kwietniu 1990 roku. Tak w ogóle, możemy zakładać, że ten prawie roczny okres, kiedy nic oficjalnie się nie działo się w pracach komisji, widocznie był poświęcony na dobór ekspertów. I ci eksperci zostali wybrani. To dość szanowani ludzie, o wystarczających autorytetach w dziedzinie medycyny sądowej. Znaleźli się tam tacy eksperci, jak: Nadieżda Pawłowna Majlis, która odpowiadała za rekonstrukcję uszkodzonych dokumentów w oficjalnej sprawie. To Julia Nikołajewna Pogibko, która przeprowadzała ekspertyzę pismoznawczą. To ekspert Diegtiarow, który prowadził badania na podstawie masek pośmiertnych. I ta cała kolegialna opinia, grupa ekspertów, do której weszli Abramow, Nikitin, Płaksin, Kriukow, która oceniała pośmiertne fotografie, ponownie częściowo rozpatrywała maski pośmiertne i wiele okoliczności, które złożyły się na daną chwilę w związku z tą kwestią³⁰. Jedno z najważniejszych pytań było adresowane do przedstawiciela Prokuratury Generalnej, Nikołaja Nikołajewicza Diedowa. Powinien on być odpowiedzieć na dwa kluczowe pytania: czy właściwie prowadzono dochodzenie w 1925 i 1926 roku i czy były podstawy do zamknięcia sprawy. Na obydwie te kwestie Nikołaj Nikołajewicz Diedow odpowiedział twierdząco: „Wszystkie czynności przebiegały w ramach norm prawnych z zachowaniem normatywów”. Rezultatem pracy tych ludzi były stosunkowo obszerne i autorytatywne opinie, które weszły do tomu pod tytułem *Śmierć Siergieja Jesienina*, opublikowanego przez tę komisję literacką³¹.

Siergiej Nikitin, ekspert Biura Ekspertyz Sądowo-Lekarskich Wydziału Służby Zdrowia w Moskwie³²: Minęło już 18 lat od początku prac komisji Jurija Lwowicza Prokuszewa. No i jakoś nie wiem, na ile przekonujące okazały się nasze... albo upowszechnione w społeczeństwie rezultaty naszych badań. Oto kolejny wywiad, załóżmy, na temat Jesienina — właśnie udzielam wywiadu — że jestem absolutnie pewien, że

³⁰ Więcej na temat pracy komisji Prokuszewa i oceny jej działań: 3. Москвина. *Иллюзия одного расследования, или Очерк о работе Комиссии Есенинского комитета при Союзе писателей СССР по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина в 1989–1993 гг.* [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 573–584.

³¹ Chodzi o słynny «zielony tom» pod tytułem *Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. Материалы Комиссии Всероссийского писательского есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта*. Сост. Ю.Л. Прокушев, М.В. Стахова. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2003. Więcej na temat wyników śledztwa Swietłany Łuczkińskiej: С. Лучкина. *Пятый угол Пятого номера*. [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 534–548.

³² Ustalenia eksperckie Siergieja Nikitina nigdy nie budziły mojego zaufania. Władza radziecka powierzała mu przeprowadzanie sekcji zwłok postaci historycznych, pozytywie zapisanych w bolszewickiej polityce i radzieckiej kulturze. A władza zawsze dobiera takich specjalistów, których opinia będzie zgodna z jej oczekiwaniami. Konkluzje Nikitina jako medyka sądowego nie burzyły zazwyczaj ustalonych oficjalnych opinii na temat przyczyn śmierci badanych osób. Nikitin należy do tego grona medyków sądowych, którzy są przekonani o samobójstwie Sergiusza Jesienina.

Kadr 5. Dr Swietłana Łuczkińska, jesieninolog

miało miejsce samobójstwo, że żadnego tam uderzenia kandelabrem albo ręką ręką rewolweru lub jakimś innym przedmiotem nie było. Po tygodniu pojawia się 10 artykułów, w których znowu się twierdzi, że to zabójstwo, OGPU³³, Trocki³⁴, i tak dalej — wszystko powraca niczym bumerang, jak się to mówi.

Wiktor Fomin, adwokat, autor opracowania *Siergiej Jesienin. Okoliczności śmierci*³⁵: Jeśli dokładnie prześledzimy materiały komisji, to zobaczymy, że, po pierwsze, działanie, a po drugie, wnioski tej komisji są nielegitymacyjne ze względu na następujące okoliczności. Wnioski tych osób do dzisiaj są wnioskami osób prywatnych, czyli one wyrażały swoje prywatne zdanie. Dlaczego? Dlatego, że nie było ani postanowienia o wszczęciu sprawy karnej, nie było postanowienia o przeprowadzeniu tej albo innej ekspertyzy i w końcowym rezultacie ekspertów nie uprzedzono o odpowiedzialności za złożenie fałszywych wniosków, a co najważniejsze, w tym procesie nie uczestniczyli żyjący jeszcze krewni Jesienina. A działania komisji Prokuszewa zastą-

³³ OGPU (Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР — Zjednoczony Państwowy Urząd Polityczny przy Radzie Komisarzy Ludowych ZSRR), poprzednik KGB (Комитет государственной безопасности — Komitet Bezpieczeństwa Wewnętrznego) działało w okresie od 2 listopada 1923 do 10 lipca 1934 roku. Przed OGPU policję polityczną tworzyło GPU (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР — Państwowy Urząd Polityczny przy NKWD RSFSR), funkcjonujące od 6 lutego 1922 do 2 listopada 1923 roku. Sergiusz Jesienin miał do czynienia z obydwooma instytucjami bolszewickiej władzy i przykre z tego tytułu doświadczenia.

³⁴ Lew Trocki (1879–1940).

³⁵ В.К. Фомин. *Сергей Есенин. Обстоятельства гибели. Аналитические исследования адвоката, заведующего Православной юридической консультацией*. Под общей ред. Светланы Петровны Есениной, племянницы поэта. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: Воронежский госпед-университет, 2010.

Kadr 6. Prof. dr hab. Siergiej Nikitin, medyk sądowy

Kadr 7. Adwokat Wiktor Fomin

piły cały system czynności śledczych w sprawie karnej, spraw i cały system wymiaru sprawiedliwości, który istnieje w Rosji³⁶.

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Byłam zszokowana jeszcze tym, co Jurij Lwowicz nagle, po zakończeniu pracy tej właśnie komisji, powiedział. Zdziwiłam się wtedy, jak to tak? Na co wtedy ta czteroletnia praca? On mi

³⁶ Argumenty prawnika Wiktora Fomina — te i następne — są jak najbardziej zasadne i miażdżące w sensie procesowym. Ale nawet ich upublicznienie w postaci książki oraz wypowiedzi filmowej niczego tak naprawdę nie zmieniło. Prokuratura Generalna nie wszczęła żadnych postępowań, aby podjąć po latach sprawę śmierci Sergiusza Jesienina.

nie spodziewanie powiedział: Niech mi Pani pozwoli spokojnie umrzeć! Pamiętam, jak mną to silnie wstrząsnęło!³⁷

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Powróćmy, Swietłano Pietrowna, jeszcze do Pani relacji z Prokuraturą Generalną. Tak. Wiem, że zwracała się Pani w ramach prawa i pragnęła uporządkować, czyli dojść prawdy właśnie w zgodzie z prawem. Od czego zaczęły się te kontakty?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Trudno mi to wszystko pojąć. Schemat kontaktów z Prokuraturą Generalną ułożył się bardzo ciekawie. Pierwszy list był do Katyszewa, zastępcy głównego prokuratora. Katyszew nam dał wymijającą odpowiedź³⁸. Po tym napisaliśmy do Skuratowa. Wezwał nas pomocnik Skuratowa, Biełousow. On z nami posiedział, wszystko przejrzał i jakoś tak ciekawie, bardzo trzeźwo myślał. Po prostu, jakoś wszystko od razu było dla niego jasne i zrozumiałe. Ot co. I, ja, na przykład, wiem, że wtedy Skuratow zamierzał tę sprawę podjąć, że pozytywnie zareagował na moje pismo. No tak jakoś ułożyło się życie, że ta historia ze Skuratowem, że człowieka zdjęli ze stanowiska. Chociaż człowiek, naprawdę zasługujący, według mnie, na ogromny szacunek. Teraz, po zdjęciu Skuratowa, przysłał nam odpowiedź ten sam Katyszew, że, tak powiem, dla prokuratury jest wszystko jasne i nie ma o czym mówić.

Anatolij Prokopienko, historyk archiwista: Przeczytam stąd³⁹ jedną frazę. Oto, jakie to dokumenty: mające moc prawną czy też nie? Oto co oni piszą: „W związku ze śmiercią Jesienina S.A. zgodnie z obowiązującym w tamtym czasie prawodawstwem karno-procesowym, II Komisariat Milicji miasta Leningradu przeprowadził dochodzenie, które 23 stycznia 1926 zostało zamknięte z uwagi na brak znamion przestępstwa. Zebrane w toku dochodzenia dowody przez Leningradzką Gubernialną Prokuraturę zostały uznane za wystarczające, by wysnuć wniosek o samobójstwie, a podjęta decyzja procesowa — za zgodną z prawem”. No, kto jeszcze może, oprócz Prokuratury Generalnej ocenić, że tak powiem, prawomocność dokumentu?! Zgodne z prawem i wszystko! Ale, jak Państwo wiedzą, jest takie dobre rosyjskie powiedzenie: „Potrzeba jest matką wynalazku”. To powiedzenie może być całkowicie odniesione do naszej sławnej Prokuratury Generalnej: przecież, gdy ona zechce czegoś bronić, będzie to robić z takim samym uporem i stanowczością, jak to robią cietrzewie podczas toków⁴⁰.

³⁷ To jeszcze jeden dowód na świadomą konformistyczną postawę Jurija Prokuszewa. Można ją zrozumieć, uwzględniając uwarunkowania ówczesnego systemu ZSRR, ale nie sposób zaaprobować, zwłaszcza że Prokuszew jeszcze przez ponad dwadzieścia lat żył w rzeczywistości postsowieckiej i miał niejedną okazję, by ujawnić światu inną wersję wydarzeń w hotelu „Angleterre”. W 135. przypisie odredakcyjnym przywołanej monografii zostało napisane (podaję w tłumaczeniu): „Warto zauważyć, że Ju.L. Prokuszew, który stał na czele tak zwanego społeczno-literackiego śledztwa, mającego na celu wyjaśnienie okoliczności śmierci S.A. Jesienina, w sposób jawny i dobrowolnie DOPUSZCZA fakt zabójstwa”. *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 386.

³⁸ Tego typu uniki ze strony osób zajmujących bardzo wysokie stanowiska państwowe nie jest niczym wyjątkowym w Rosji.

³⁹ Chodzi o fragment oficjalnej odpowiedzi Prokuratury Generalnej do Swietłany Pietrownej Jesieniny.

⁴⁰ Sarkazm Anatolija Prokopienki idealnie koresponduje z mentalnością osób piastujących najwyższe urzędy w Rosji, jak tutaj — w Prokuraturze Generalnej. Więcej na ten temat: А. Прокопенко.

Kadr 8. Historyk i archiwista Anatolij Prokopienko

Wiktor Fomin, adwokat, autor opracowania *Siergiej Jesienin. Okoliczności śmierci*: Proszę mi pozwolić, Szanowny Panie Prokuratorze, zadać pytanie⁴¹. A czyż nie jest naruszeniem prawa dokonywanie oględzin miejsca zdarzenia bez osób przybranych? A czyż nie jest naruszeniem prawa to, że nie odnotowano w akcie, w tak zwanym akcie Gorbowa⁴², obecności osób i ich udziału w oględzinach miejsca zdarzenia. I gdyby uczestniczył w oględzinach miejsca zdarzenia medyk sądowy Gilarewski⁴³, on figurowałby w protokole. A czyż nie jest naruszeniem prawa pobieżne zbadanie okoliczności zdarzenia? A czyż zgodne z prawem jest to, że w postanowieniu o odmowie wszczęcia postępowania karnego nie podano nawet nazwiska śledczego i nie podano jego uprawnienia do wydania tegoż postanowienia? A Pan, Szanowny Panie Prokuratorze, twierdzi, że do żadnego naruszenia nie doszło!

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Przeglądam akty o śmierci [sporządzone przez — G.O.] tegoż samego Gilarewskiego i niczego nie mogę zrozumieć. Jakież wtedy, w 1923 roku, były normy? Jeśli w sprawie Jesienina sporzą-

---

Утоли моя печали... [W:] Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда..., s. 395–424.

⁴¹ Niestety, absolutnie uprawnione z punktu widzenia procesowego ważne przecież pytania, stają się w danej chwili tylko wypowiedzią retoryczną.

⁴² Nikołaj Gorbow — leningradzki nieudolny milicjant, nadzorca dzielnicowy, dokonujący oględzin na miejscu zdarzenia po odkryciu zwłok Sergiusza Jesienina. Gorbow jest autorem tzw. aktu Gorbowa, zastępującego protokół oględzin. Z uwagi na słabość procesową tego dokumentu i jego wadliwość od lat jest przywoływany w sprawie Jesienina i komentowany.

⁴³ Aleksandr Gilarewski (1855–1931) — profesor medycyny, medyk sądowy dokonujący sekcji zwłok Sergiusza Jesienina. Więcej o Aleksandrze Gilarewskim: З. Москвина. О Гиляревском. [W:] Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда..., s. 614–617. Zob. jeszcze: G. Ojcewicz. Z filologii śledczej. O Aleksandrze Gilarewskim, obducencie zwłok Siergieja Jesienina — raz jeszcze. „Studia Rossica Gedanensia” 2014, nr 1, s. 391–408.

dzono na dwóch i pół takich oto kartkach papieru akt o śmierci Jesienina, całkowicie ignorancki, jeśli sporządził go Gilarewski...⁴⁴

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Nie... no to, oczywiście, ocena specjalisty....

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: ...A po tygodniu on sporządza taki oto ogromny akt w sprawie jakiegoś tam wisielca Wittenberga...⁴⁵

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Dlaczego więc w stosunku do jednej osoby sporządza się akt wedle jednej formy, a do innej osoby, mającej znacznie większe znaczenie dla historii państwa, sporządza się zupełnie inny akt?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Oto akt Gilarewskiego, dotyczący osoby, znanej osoby w całym kraju, oto jak on wygląda: poharatany, porwany, w kawałeczkach, prawie próchno, a to już wprost na fotografii postarano się zrobić i...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: ...Przechowuje się w Instytucie Literatury Powszechnej...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: ...I przechowuje się w Instytucie Literatury Powszechnej. Dlaczego? Dlaczego tak?! A protokół Wittenberga jest przechowywany w archiwum ekspertyz sądowo-lekarskich. Z czym to jest związane — zupełnie niepojęte. Skąd on się wziął?

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Już nie mówimy o akcie Gorbowa...

⁴⁴ Normy zapewne były, bo trudno, żeby bolszewickie państwo nie uporządkowało i tej kwestii medycznej, skoro samo było zainteresowane uzyskiwaniem protokołów posekcyjnych jako dowodów na naturalne zgony wysokich urzędników państwowych. Inną rzeczą jest natomiast to, że profesor Aleksander Gilarewski przeprowadził najprawdopodobniej w warunkach odmiennych od rutynowych zarówno samą sekcję zwłok Jesienina, jak i odręcznie sporządził akt o śmierci poety, szczególnie bowiem były wówczas okoliczności sprawy i sprecyzowane oczekiwania zleceniodawcy zabójstwa. W roku 1925 obducenci kierowali się zasadami zawartymi w drugim już wydaniu podręcznika profesora Dmitrija Piotrowicza Kosorotowa: Д.П. Косоротов. *Основные правила составления судебно-медицинских актов о вскрытии мертвых тел*. Санкт-Петербург: Типография Я.Трей, 1900. W rozdziale *Wzory протоколов секции zwłok (Образцы протоколов вскрытий)* znajduje się wzór nr 3 poświęcony powieszeniu. Ale w kolejnym rozdziale, wśród *Wzorów aktów sądowo-lekarskich*, nie ma przykładu aktu związanego z powieszeniem, są za to ilustracje aktów dotyczących otrucia kwasem cyjanowodorowym, śmierci termicznej, wylewu krwi do mózgu, zwłok ekshumowanych. Sam profesor Dmitrij Piotrowicz Kosorotow (1856–1925) należał do elity europejskiej medyków sądowych. W roli eksperta wystąpił on w najgłośniejszej w carskiej Rosji sprawie o zabójstwo 12-letniego Andrieja Juszczyńskiego (1911–1913), w tak zwanej sprawie Menahema Mendla Beilisa. Dokonywał także sądowo-lekarskiej ekspertyzy ciała Grigorija Rasputina w 1916 roku. Według jednej z popularnych wersji Kosorotow został zlikwidowany przez OGPU, gdyż jako przedstawiciel oskarżenia w procesie Beilisa wiedział zbyt wiele o politycznej antysemitkiej mistyfikacji. Więcej: *Дело Бейлиса*. [Online] <<http://www.proza.ru/2012/12/27/678>> (20 maja 2013); *Menahem Mendel Beilis*. [Online] <http://pl.wikipedia.org/wiki/Menahem_Mendel_Beilis> (20 maja 2013).

⁴⁵ Mowa o akcie sekcji zwłok niejakiego Wittenberga z 7 stycznia 1926 roku, który został sporządzony przez Aleksandra Gilarewskiego zgodnie z zasadami przedstawionymi w podręczniku D.P. Kosorotowa. Zob. jeszcze: 3. Москвина. *О Гиляревском*. [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 615. Zob. jeszcze: G. Ojcewicz. *Z filologii śledczej: o Aleksandrze Gilarewskim...*, s. 391–408.

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: ...Tak... rzecz cała sprowadza się do tego... I oto, proszę, sama konstrukcja aktu. Oto ten akt, oto jego wnioski. Nic! Oto fachowo sporządzony akt Gilarewskiego. Na początku — odpowiedź do II komisariatu. Do II Komisariatu Milicji miasta Leningradu...

Władimir Parszikow, reżyser filmu: No, na tym terenie pracował...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Tak. I oto człowiek odpowiada na zapytanie, sporządza akt i następuje: pierwsze, znaczy: a) oględziny zewnętrzne. Na oględziny zewnętrzne zwłok złożyło się 14 punktów; tak opisywał Gilarewski Wittenberga. Potem oględziny wewnętrzne, tak, od punktu 15 do 26. Następnie u Gilarewskiego w akcie Wittenberga podpisują się przybrani, dwie osoby. Wszystko odbywa się w szpitalu, po czym Gilarewski wypowiada swoje zdanie. Oceń, co się wydarzyło. I tylko po tym podpisuje: Ekspert medycyny sądowej Gilarewski⁴⁶. Tak. A to — co to takiego?! W żaden sposób nie mogę pojąć. Może to i charakter pisma Gilarewskiego? Być może. Ale dlaczego jest tak sporządzony? Zawsze mówiłam, że mam spore podejrzenia. Nie wiem, dlaczego, lecz wydaje się mi, że Gilarewski zrobił to nie na próżno. NIE NA PRÓŻNO! Jeśli ten ignorancki akt został przez niego napisany, to nie na próżno!⁴⁷

Wiktor Fomin, adwokat, autor opracowania *Siergiej Jesienin. Okoliczności śmierci*: Wadliwość aktu biegłego medycyny sądowej Gilarewskiego polega na tym, że on nie uczestniczył w oględzinach miejsca zdarzenia i to znajduje potwierdzenie w braku danych w protokole Gorbowa o jego obecności na miejscu zdarzenia. Drugie — opis obrażeń fizycznych, zawarty w akcie biegłego medyka sądowego Gilarewskiego, nie odpowiada rzeczywistości. W szczególności: on pisze o jednej bruździe wisielczej, a w rzeczywistości ich było kilka. I co najważniejsze — biegły medycyny sądowej przekroczył swoje kompetencje, kiedy orzekł, że śmierć Jesienina nastąpiła w wyniku powieszenia. To mogą zrobić tylko organy dochodzeniowe albo śledcze i na podstawie całości zebranego materiału dowodowego.

Nikołaj Braun, syn poety Nikołaja L. Brauna: Poranek mojego ojca 28 grudnia 1925 roku, już wtedy znanego poety Nikołaja Leopoldowicza Brauna, zaczął się od telefonu Pawła Miedwiediewa do redakcji czasopisma „Zwiezda”. Ten telefon, oczywiście, natychmiast wstrząsnął Nikołajem Leopoldowiczem wiadomością o tym, że Jesienin, jak się okazuje, skończył ze sobą, i że oni, razem z Borysem Ławrieniewem (1891–1959), który był tuż obok, muszą przyjść do hotelu „Angleterre”. Wyjaśniło się, że nikt niczego na własne oczy nie widział, że to samobójstwo tylko w słowach, a Jesienin leżał oszepecony na podłodze, tak strasznie pobity, z tak wieloma siniakami, nacięciami, przebitym okiem, z poranionymi rękami, gdzie nawet był wyrwany

⁴⁶ Fakt ten jedynie potwierdza rzetelność obducenta: Wittenbergiem nie interesowała się władza sowiecka i dlatego można było sporządzić standardowy akt sekcyjny, zawierający wszelkie dane, w tym — na przykład dane sygnaturowe, które powinny być, a ich nie ma w dokumencie dotyczącym sekcji Jesienina.

⁴⁷ Przekonanie siostrzenicy Sergiusza Jesienina pokrywa się całkowicie z moim, zgodnie z którym tzw. akt Gilarewskiego jest tekstem świadomie zakodowanym. Prawdziwa przyczyna śmierci poety nie mogła być przecież wyrażona wprost, albowiem OGPU nigdy by jej nie upubliczniło. Więcej na ten temat w monografii: G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina...*, s. 125–135.

kawałek skóry. To spowodowało, że sprawa zawisła w powietrzu, a, oczywiście, wszyscy obecni oświadczyli, że to już ustalony fakt i nie należy zadawać jakichś dodatkowych pytań. I przecież ciało zmarłego tutaj leży. Do tego w pokoju „Angleterre” znajdował się jako przedstawiciel władzy, w mundurze, tylko jeden jedyny milicjant⁴⁸, który pokazywał wszystkim obecnym i przychodzącym później ciągle ten sam protokół, który był sporządzony skrajnie nieumiejętnie, prymitywnie i było jasne, że to, co jest zapisane w protokole, oczywiście, nie może odpowiadać rzeczywistości⁴⁹. To, jak wyglądał Jesienin, oczywiście, przeraziło i Brauna, i Ławrieniowa, i dlatego oni, wymieniwszy się spojrzeniami, kategorycznie odmówili podpisania się pod protokołem jako osoby przybrane⁵⁰.

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: A gdy myśmy tymczasem prosili, nam po prostu, jak starym babkom odpisywali, że wszystko tam jest w porządku. Potem włączyliśmy do sprawy adwokata⁵¹. Byliśmy zmuszeni! Zmuszeni!⁵² Ponieważ bardzo słabo orientujemy się w tych wszystkich niuansach, a adwokat....

Władimir Parszиков, reżyser filmu: I wtedy stało się jasne, że rzucacie grochem o ścianę...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Ale jakoś z prokuraturą przecież trzeba rozmawiać...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: W języku prawniczym...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Właśnie!

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Słusznie!

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Teraz — w języku prawniczym.

Wiktor Fomin, adwokat, autor opracowania *Siergiej Jesienin. Okoliczności śmierci*: Przeze mnie, jako adwokata, została napisana skarga na Prokuratora Generalnego i skierowana pod jego adresem ze wszystkimi załącznikami i z wszystkimi materiałami sprawy⁵³. Jeśli mówić ogólnie, to z wielu punktów, które tam umieściliśmy, najważniejszym był następujący: 1. uchylić postanowienie śledczego z 23 stycznia 1926 roku o odmowie wszczęcia sprawy karnej i 2. wszcząć postępowanie karne w celu wyjaśnienia okoliczności, rzeczywistych okoliczności śmierci Siergieja Aleksandrowicza Jesienina. Prokuratura przez długi czas nie odpowiadała na naszą skargę⁵⁴, skierowaną w trybie artykułu 124 kodeksu postępowania karnego Federacji Rosyjskiej,

⁴⁸ Chodzi o Nikołaja Gorbowa.

⁴⁹ Więcej na ten temat: Н. Браун, *Есенин и ложь. Доколе вместе?* [W:] Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда..., s. 498–524.

⁵⁰ Tą odważną i uczciwą decyzją obywatelską zapewne ani Nikołaj Braun, ani Boris Ławrieniow nie zyskali sympatii władzy.

⁵¹ Tym adwokatem był Wiktor Fomin.

⁵² Powtórzenie „Byliśmy zmuszeni! Zmuszeni!” dobrze odzwierciedla desperację, z jaką szczególnie w ostatnich latach życia walczyła o wyjaśnienie okoliczności śmierci Jesienina jego charyzmatyczna siostrzenica Swietłana Pietrowna Jesienina.

⁵³ Czynność tę oceniam jako przykład ogromnej odwagi obywatelskiej adwokata Wiktora Fomina.

⁵⁴ Milczenie ze strony Prokuratury Generalnej i nieprzestrzeganie terminów związanych z obowiązkiem udzielenia odpowiedzi nie jest czymś nadzwyczajnym w Rosji.

a w końcu zaczęła przysyłać do Prokuratury Petersburskiej, a ta, ponownie, zwracała do Prokuratury Generalnej. Wtedy napisaliśmy drugą, powtórnią skargę, kolejną skargę napisaliśmy, ale profesjonalnej, odpowiedzialnej odpowiedzi od Prokuratury Generalnej nie otrzymaliśmy⁵⁵.

Świetłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: My rozumiemy, że w kraju jest trudna sytuacja, ale jednak, to jest dobro narodowe, że my prosimy o właściwe naświetlenie śmierci Jesienina, i już do czego doszło — nawet już pisałam, że nie żądamy, żeby nam powiedzieli — kto, za co i jak zabił Jesienina. Jedyne, czego ja się domagałam i domagam do tej pory, żeby mi prokuratura odpowiedziała, że na podstawie posiadanych danych samobójstwo nie zostało udowodnione⁵⁶. Wiedziałam, że za Siergieja Aleksandrowicza odprawiono po jego śmierci nabożeństwo żałobne. I w Leningradzie odprawili mszę zaoczną, i w Moskwie zaoczną, i w Konstantynowie ojciec Iwan odprawił mszę⁵⁷. To oczywiście, przecież to był jego ojciec chrzestny. Ale wśród naszego duchowieństwa też jest młodzież, którą też coś może zainteresować, a zwłaszcza twórczość Siergieja Aleksandrowicza. Jest taki człowiek w mieście Puszkynie, który pokochał Jesienina całą swoją duszą. Jest mu bliski. Osoba duchowna zadziwiająco czytana, zadziwiająco znająca się na rzeczy, zadziwiająco interesujący, zadziwiająco porządny człowiek. I ten oto ojczulek, nikomu niczego nie mówiąc, nikogo nie angażując, zaczął jeździć na grób Jesienina dwa lata temu i odprawiać nabożeństwo za spokój duszy. Po prostu, ci ludzie, widocznie, twórczość Jesienina jednak znali. A jeśli znają twórczość Jesienina, to dojdą do wniosku, że ten człowiek nie mógł popełnić samobójstwa.

Andriej Dudariew, protojerej, proboszcz świątyni Wielkiego Męczennika i Uzdrziciela Pantelejmona, m. Puszkino: Opis jego twórczości doprowadzam do końca, do 1925 roku. Na daną chwilę ta linia jest dla mnie już ukształtowana. Nie znajduję ani jednego miejsca w jego życiorysie, wyrwy, która mogłaby doprowadzić go do samobójstwa. Wyrwy, która mogłaby wpędzić go w alkoholizm. Wyrwy, która mogłaby doprowadzić go do duchowej degradacji, do cudzołóstwa, do bluźnierstwa, o które go oskarżają. Ale najważniejszym argumentem są dla mnie słowa Pana Jezusa Chrystusa: „Poznacie ich po ich owocach”⁵⁸. Tylko co powiedziałem: wiersze Siergieja

⁵⁵ Co jest, niestety, oczywiście w sytuacji, gdy nie ma woli politycznej, by sprawę Jesienina rzetelnie wyjaśnić.

⁵⁶ Prokuratura Generalna zignorowała nawet te, tak niewygórowane oczekiwania siostrzenicy Sergiusza Jesienina.

⁵⁷ Z całą pewnością Cerkiew nie odprawiała nabożeństw żałobnych za samobójcę. Jest to zatem dowód pośredni w sprawie, wskazujący na zabójstwo poety, a nie jego samobójstwo.

⁵⁸ Jest to bezpośrednie nawiązanie do fragmentu *Nowego Testamentu* i ewangelii według świętego Mateusza (Mt 7, 15–20): ¹⁵ *Strzeżcie się fałszywych proroków, którzy przychodzą do was w owczej skórze, a wewnątrz są drapieżnymi wilkami.* ¹⁶ **Poznacie ich po ich owocach.** *Czy zbiera się winogrona z ciernia, albo z ostu figi?* ¹⁷ *Tak każde dobre drzewo wydaje dobre owoce a drzewo wydaje złe owoce.* ¹⁸ *Nie może dobre drzewo wydać złych owoców ani złe drzewo wydać dobrych owoców.* ¹⁹ *Każde drzewo, które nie wydaje dobrego owocu, będzie wycięte iw ogień wrzucane.* ²⁰ *A więc: **poznacie ich po ich owocach.*** Podkr. — G.O. Op. cit. *Pismo Święte Nowego testamentu w przekładzie z greckiego*. Oprac. Zespół Biblistów Polskich z inicjatywy benedyktynów tynieckich. Olsztyn: Warmińskie Wydawnictwo Diecezjalne, 2002, s. 34–35.

Kadr 9. Andriej Dudariew, proboszcz świątyni Wielkiego Męczennika i Uzdrawiciela Pantelejmona w Puszkynie

Aleksandrowicza Jesienina rodzą w duszy pragnienie tworzenia dobra. I ja uważam, że ten oto argument wyrównuje wszelkie długie zawiązki! Dlatego zacząłem odprawiać nabożeństwo na Cmentarzu Wagańkowskim, ponieważ nabożeństwo żałobne i msza nad trumną są świadectwem pozytywnego wpływu człowieka na ludzi.

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Widzę, jak zmienia się czas i jak reagują na to ludzie. Ja sama jestem związana z młodzieżą, żyję wśród młodzieży i dlatego po niej widzę, jak z wiekiem nawet wzrasta jakieś ciężenie ku Jesieninowi, i jeśli będziemy wychowywać młodzież i mówić „No cóż, samobójca, mimo wszystko skończył z sobą...”

Władimir Parszиков, reżyser filmu: A za tym samobójcą co stoi?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: A za tym samobójcą, tak, tak...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Stoi w ogóle, jaki poeta stoi...?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Oto właśnie chodzi...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: O jakich cechach...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: To poeta, którego uwielbia młodzież, przecież nie na próżno na stronie poświęconej Jesieninowi mamy miliony. To znaczy, czy chcą tego na górze czy nie chcą tego na górze, ludzie mimo wszystko czytają Jesienina, ludzie pasjonują się Jesieninem. Jesienina już mimo wszystko nigdzie nie podziejesz!

Siergiej Trifonow, twórca strony www.esenin.ru: Użytkowników jest bardzo wielu. W ciągu dnia odwiedza nas od 400 do 500 użytkowników na stronie. Ludzie chcą otrzymać więcej informacji o tragicznej śmierci Siergieja Aleksandrowicza. U nas na stronie w 2008 roku przeprowadzono taką akcję, żeby ludzie zwracali się do różnych

Kadr 10. Siergiej Trifonow, administrator strony esenin.ru

organów — prokuratury, śledczych ze zgłoszeniami, z prośbą, by dokładniej przeprowadzono postępowanie w sprawie okoliczności śmierci Jesienina⁵⁹.

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Tu... Tu są listy młodzieży...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Tak... tom... na 600 stron!⁶⁰

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Tak, mam tę teczkę. I oto taka teczka ludzkich próśb do prokuratury, do rządu...

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Oto pisma osób. Co to takiego?

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Po prostu, widzisz, o co w tym chodzi. Do mnie ludzie... i telefony były, i na stronie prośby, i na ulicy podchodzą, nawet w kościele podchodzą. I ludzie chcą wiedzieć w ogóle — co i jak?

⁵⁹ Jest to przykład mobilizacji społeczeństwa, którego opinia może wpłynąć na bieg określonych spraw, pod warunkiem jednak, że opinia ta jest zbieżna z wolą polityczną Kremla. W przypadku Jesienina woli takiej nigdy nie było i póki co — nie ma.

⁶⁰ W wyniku aktywności młodzieży oraz krewnych i przyjaciół Sergiusza Jesienina ukazał się 712-stronicowy tom: *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Сост. С. Есенина, А. Проккопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011. Tom ten składa się z ośmiu rozdziałów, których tytuły warto tutaj przytoczyć: 1. *Сообщения в печати о смерти С.А. Есенина*, 2. *Как создавался миф о поэте-самоубийце*, 3. *Убитые горем «друзья»*, 4. *Распни его!*, 5. *Они первыми защитили доброе имя С.А. Есенина*, 6. *Народ хочет знать. Поэт себя не убивал. Публикации конца XX века*, 7. *Где же правда? Поэт себя не убивал. Публикации начала XXI века*, 8. *Правовой нигилизм*. W tłumaczeniu na język polski: 1. *Informacje w prasie o śmierci S.A. Jesienina*, 2. *Jak się rodził mit o poecie-samobójcy?*, 3. *Pogrążeni w smutku „przyjaciele”*, 4. *Ukrzyżuj go!*, 5. *Oni jako pierwsi stanęli w obronie dobrego imienia S.A. Jesienina*, 6. *Naród chce wiedzieć. Poeta się nie zabił. Publikacje z końca XX wieku*, 7. *Gdzież więc leży prawda? Poeta się nie zabił. Publikacje z początku XXI wieku*, 8. *Nihilizm prawny*.

Zwłaszcza po programie z Puszkowem⁶¹ w telewizji wiele osób zostało poruszonych i, że tak powiem, posypały się listy do Prokuratury Generalnej, do aparatu Prezydenta i do władz Moskwy i dokąd tylko... , i do Dumy — wszędzie. I oto taka teczka z listami, młodzież mi je wszystkie zebrała, ale, co najciekawsze, że prawie wszyscy otrzymali odpowiedź jak przez kalkę.

Anatolij Prokopienko, historyk archiwista: Lepiej będzie, jak to przeczytam. Że... „potwierdzono przyczynę śmierci poety na skutek ucisku organów szyi pętlą podczas powieszenia”. Ot i wszystko. Można myśleć, jak się chce: albo ktoś celowo to zrobił, albo rzeczywiście on sam to zrobił. I co jeszcze — podstawy do uchylenia podjętej decyzji i wszczęcia postępowania karnego nie ma, ponieważ nowych okoliczności, podlegających sprawdzeniu na drodze śledczej, nie ustalono. Państwo to rozumieją? Prokuratura Generalna czeka, że ktoś, nie wiadomo kto, na dłoni, jak się to mówi, poda jej, po prostu, przekonujące dowody i dopiero wtedy ona raczy zacząć pracować. NIE BYWA tak! My tymczasem proponujemy to, co zebraliśmy do dzisiaj: kilkadziesiąt dowodów pośrednich. Proszę bardzo, bądźcie uprzejmi i zbadajcie to, proszę.

Kadr 11. Swietłana Pietrowna Jesienina

Swietłana Łuczkińska, dr nauk filologicznych, jesieninolog: Pytanie pierwsze: Kiedy, przez kogo, w jakich okolicznościach wszystkie dokumenty śledztwa zostały uszkodzone? Przy czym — w identyczny sposób, mają wyrwany fragment w dolnej części pisma. Pytanie drugie: upoważnienie, które jest dołączone do sprawy. To upoważnienie jest napisane ręką Erlicha i na niej widnieje absolutnie dziwaczny podpis Siergieja Aleksandrowicza Jesienina i to w tym czasie, kiedy w rzeczach Jesienina odnaleziono napisane jego ręką upoważnienie, lecz porwane?! Kolejne pytanie: Dlaczego do oficjalnych dokumentów śledztwa nie dołączono tak zwanej przedśmiernej notatki-wiersza

⁶¹ Chodzi o Aleksieja Puszkowa (1954), rosyjskiego dziennikarza, politologa historyka, znanego prezentera telewizyjnego programu analitycznego „Postscriptum” emitowanego na kanale TV Centrum. Zasłużony działacz kultury. Członek Dumy Państwowej VI kadencji.

Do widzenia, przyjacielu mój, do widzenia!? Jeżeli nadaje się jej takie znaczenie, to znaczy, że powinna być oficjalnie w aktach sprawy. Jeszcze jedno pytanie związane z dzielnicowym, a dokładniej z jego podpisami na dokumentach. Z jakiegoś powodu one się różnią. W akcie z 28 grudnia Gorbow ma taki podpis, w protokołach przesłuchania świadków — jest zupełnie inny. Jeszcze jeden ciąg tak zwanych pośrednich dowodów, związany z samymi fotografiami, pośmiertnymi. To, po pierwsze, nie mamy fotografii zwłok w pętli. Drugie — nie mamy ani jednej fotografii, na której byłaby widoczna cała sylwetka Siergieja Aleksandrowicza. I, wreszcie, jak traktować zdjęcie pokoju hotelowego nr 5, które wykonał Moisiej Nappelbaum 28 grudnia 1925 roku? Powiększenie tego zdjęcia uwidocznilo, że pałto Siergieja Aleksandrowicza Jesienina, które znajduje się na przednim planie, ma guziki po stronie żeńskiej. Pokazaliśmy to zdjęcie biegłemu sądowemu w zakresie fotografii i on powiedział, że mamy do czynienia z przypadkiem elementarзовym: zdjęcie jest lustrzanym odwróceniem realnego położenia w pokoju, czyli rury znajdują się nie w prawym kącie, lecz w lewym, ale to nie są zwykłe rury i nie zwykłe kąty! Kierunek rany na czole Siergieja Aleksandrowicza jest taki, że mogła ona być zadana tylko w prawym kącie. Jeśli razem z kątami przemieszczają się i rury, to otrzymujemy całkowicie niespójną wersję oficjalną. Ale ani jedna ta niezgodność, ani jeden fakt, ani jedno to pytanie nie były w żaden sposób skomentowane albo naświetlone przez przedstawicieli Prokuratury Generalnej⁶².

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Znaleźliśmy się jakby w sytuacji bez wyjścia. Trzeba przecież powiedzieć, że, rzeczywiście, przez te wszystkie lata ... Pisaliśmy list do Prezydenta, już do Miedwiediewa. Ja wiem, że jedynym prezydentem, który przyjechał do Konstantinowa, był Władimir Putin. To człowiek, który nie poskąpił ani swojego czasu, nie wykręcił się obowiązkami, niczym. On chodził po Konstantinowie, jak się to mówi? A, „protokół”. On złamał cały protokół.

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Protokół na 40 minut, złamał protokół prezydenta...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: Tak, tak. On zwiedził wszystko. On rzeczywiście poczuł, co to za talent i gdzie się ten talent narodził. To świadczy o tym, że człowiek czymś żyje. A inni przyjeżdżają, nawet do Riazania. Riazania, do którego, wydawałoby się, i 40 km nie ma, tu jest ze 20 km w bok od drogi, 20 km w bok od drogi... Nie! Jak mówił Stalin: „Czy nie można ciszej?”. Mniej mówić o Jesieninie. Oto tak teraz i robią: czy nie można ciszej?! Dla ludzi, którzy więcej zajmują się techniką, to nieciekawe.

Władimir Parszиков, reżyser filmu: Zwłaszcza, że w odpowiedziach, które przychodzą z Prokuratury Generalnej, to wszystko jest powiedziane prawie wprost: Czy nie można ciszej? Nawet, jeśli są podstawy prawne...

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: W odpowiedziach Prokuratury Generalnej teraz jasno widać tylko jedno: Wystarczy na ten temat, znudziło się! Po prostu Prokuratura Generalna uważa, że nie musi się liczyć ze zdaniem społeczeństwa. Dla niej społeczeństwo nic sobą nie przedstawia, jest jak ten

⁶² Więcej na temat wyników śledztwa Swietłany Łuczkiны: С. Лучкина. *Дело Сергея Александровича Есенина. Тайна на века, или Так получилось?* [W:] Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда..., s. 561–573.

Kadr 12. Władimir Parszikow, reżyser filmu

szary tłum, który uspokoi się i zamilknie na jeden rozkaz Prokuratury Generalnej⁶³. Ot i wszystko. Nas Polacy wyprzedzili. Polski naukowiec napisał i wydał całą książkę, i przeprowadził wszystkie doświadczenia, które powinni byli przeprowadzić u nas⁶⁴. Dobrze: ja otrzymuję w swoim kraju taką zdawkową odpowiedź, a Polakom, jak się okazuje, wszystko to jest dostępne. Przecież to nonsens, żeby rosyjskiego poety bronili Polacy!

Władimir Parszikow, reżyser filmu: Cześć im i chwała, oczywiście! Cześć im i chwała za to, ale rzecz w tym, że robi się przykro z powodu swojej Ojczyznę. Za swoją Ojczyznę musimy się wstydzić!

Andriej Dudariew, protojerej, proboszcz świątyni Wielkiego Męczennika i Uzdrowiciela Pantelejmona, m. Puszkino: Moje potrzeby w przedmiotach prawnych, związane ze śmiercią Siergieja Aleksandrowicza Jesienina, były całkowicie zaspokojone przez cztery fotografie. Jedna fotografia Siergieja Aleksandrowicza, z listopada 1925 roku, na której widzimy pięknego człowieka, daj, Panie Boże, każdemu tak wyglądać w wieku 29–30 lat. Następną fotografią, najbardziej znana, na której Siergiej Aleksandrowicz leży na kozetce w petersburskim pokoju w „Angletter”. Ta oszpecona młoda twarz... Kto może powiedzieć, że on popełnił samobójstwo? Tam widać wszystko: czarno na białym. Potem ta szrama z prawej strony od kącika ust, opadająca ku podbródkowi, który widzimy na trzeciej fotografii. Siergiej Aleksandrowicz leży w trumnie i widać taką samą bliznę pasmową. Ale już z innej, nie z prawej, lecz z lewej strony, takiej samej konfiguracji, takiej samej wielkości. To ślad po sznurze, który

⁶³ Te gorzkie słowa Swietłany Pietrownej Jesieniny doskonale ilustruje rozdział ósmy przywołanego tutaj wielokrotnie tomu pod tytułem: *Nihilizm prawny: Правовой нигилизм*. [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда...*, s. 635–709.

⁶⁴ Swietłana Pietrowna Jesienina ma na myśli monografię wydaną w 2009 roku przez Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie: G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie*. Szczytno 2009.

najpierw dostał się pomiędzy usta poety⁶⁵. I ostatnia, czwarta fotografia. Fotografia jest ze stołu sekcyjnego w prosektorium, na której widać bruzdę, ślad od sznura, na którym rzekomo powiesił się Jesienin. Ale ona jest rozmieszczona na szyi poety w sposób niemożliwy: prostopadle do kręgosłupa, nierealnie! Jeśli człowiek się wieszka, to bruźda ta ciągnie się od podbródka do potylicy albo inaczej, ale na pewno od dołu do góry. A tutaj ona biegnie prostopadle w stosunku do kręgosłupa. To pętla, przyjaciele moi, zaciśnięta na szyi poety, która zadusiła nie tylko wielkiego człowieka, lecz także kulturę rosyjską!⁶⁶

Swietłana Pietrowna Jesienina, siostrzenica Siergieja Jesienina: W 2009 roku razem z Sieriożą Biezrukowem chodziliśmy do pierwszego zastępcy Generalnego Prokuratora, Kiechlerowa Sabira Gadżymietowicza. On nas wysłuchał, był bardzo zdziwiony, obejrzał i wszystkie fotografie, i wszystko, i był bardzo zdziwiony. Z nim bardzo miło porozmawialiśmy i on obiecał rozpatrzyć całą sytuację, która powstała w Prokuraturze Generalnej wokół moich listów. I oto otrzymuję po..., prawdopodobnie po miesiącu coś takiego... tak, tak, tak... otrzymałam bardzo dobrą odpowiedź, tj. że rozpatrzono moją prośbę o podjęcie śledztwa w sprawie okoliczności śmierci poety i inne kwestie. A dalej... to samo, co zwykle. Ale tym razem Prokuratura Generalna poszła troszeczkę dalej. Odpowiedziano mi, to znaczy z Prokuratury Generalnej starszy prokurator ds. nadzoru nad śledztwem w organach prokuratury, W.W. Kozina. Ona mi napisała: „Danych, wskazujących na kryminalny charakter śmierci Jesienina S.A. nie otrzymano”. Ona nie otrzymała. „Podstaw do uchylenia podjętej decyzji o wszczęciu sprawy karnej brak, ponieważ nowych okoliczności, podlegających sprawdzeniu w drodze śledztwa nie ustalono. W związku z tym, że otrzymane pismo nie zawiera nowych dowodów i danych o naruszeniu prawa, przedstawione w nim wcześniej, obiektywnie zweryfikowano”. Mi żadnych dokumentów o sprawdzeniu nie pokazywano. I kiedy Prokuratura sprawdzała to?! Przecież po to, by to sprawdzać, trzeba mieć jakieś podstawy do weryfikacji. Jakies postanowienie?! Kto wydał postanowienie o sprawdzeniu jakichś czynności, jakiegoś postępowania przez prokuraturę? Dlaczego ja o takich dokumentach nie wiem? I dalej „... w nim wcześniej... obiektywnie zweryfikowano”... A! „Odpowiedzi zgodnie z obowiązującym trybem udzielili prawomocni funkcjonariusze kierownictwa Prokuratury Generalnej Rosyjskiej Federacji. Korespondencja z Panią na temat badania okoliczności śmierci Jesienina S.A. zostaje zawieszona. Starszyprokurator Zarządu ds. Nadzoru nad Śledztwem w Organach Prokuratury — W.W. Kozina”. Oto w Prokuraturze Generalnej dano mi taką odpowiedź: korespondencja ze mną zostaje zawieszona⁶⁷.

⁶⁵ Nie jest to wprawdzie nowa hipoteza, lecz skoro powraca, to warto się nad nią jeszcze w przyszłości głębiej zastanowić. Andriej Dudariew być może tylko powtarza obiegową opinię, a być może dysponuje dodatkową wiedzą i dokumentami.

⁶⁶ Jest to pierwsza tak jednoznaczna wypowiedź przedstawiciela Cerkwi Prawosławnej, z której wynika, że Sergiusz Jesienin nie popełnił samobójstwa. Niestety, Swietłana Pietrowna Jesienina, która zmarła 6 września 2010 roku, nie doczekała się tego, co stanowiło misję jej życia: Prokuratura Generalna nie podjęła śledztwa i nie zmieniła tradycyjnego stanowiska w kwestii okoliczności i przyczyny śmierci Siergieja Jesienina.

⁶⁷ Jest to precedens, ale jednak w rzeczywistości rosyjskiej, jak widać, możliwy.

Siergiej Nikitin, ekspert Biura Ekspertyz Sądowo-Lekarskich Wydziału Służby Zdrowia w Moskwie: W celu podjęcia jakby ostatecznej decyzji co do rzekomo istniejących pytań, chociaż dla mnie jako specjalisty wszystko jest oczywiste, że to powieszenie, samobójstwo. Ale na dzień dzisiejszy stało się jasne, że prawdopodobnie bez ekshumacji kropki nad „i” w tej historii nie da się postawić. Już trzeba spoglądać w kierunku ekshumacji, chociaż, raz jeszcze powtarzam, jestem jej przeciwnikiem, po prostu z ludzkich względów, że niedobrze jest niepokoić nieboszczyka⁶⁸.

Aleksandra Jesienina, wnuczka siostrzenicy S.A. Jesienina, spadkobierczyni Swietłany Pietrownej Jesieniny: W ostatnich latach babcię coraz bardziej niepokoiło niezdrowe zainteresowanie pewnych badaczy kwestią śmierci Siergieja Aleksandrowicza. I na tle tych wszystkich odmów Prokuratury Generalnej ona zaczęła poważnie zastanawiać się nad ekshumacją szczątków poety. Najbardziej prawdopodobnie, to jedyne możliwe wyjście z danej sytuacji. Wszyscy potomkowie, ze mną włącznie, teraz na poważnie rozpatrują ten krok, żeby jakoś połapać się w tym wszystkim i postawić kropkę nad „i” w istniejących sporach⁶⁹.

Kadr 13. Aleksandra Jesienina, wnuczka Swietłany Pietrownej Jesieniny

⁶⁸ Nie zgadzam się częściowo z profesorem Siergiejem Nikitinem. Rzeczywiście, w wymiarze religijnym lepiej jest nie burzyć pokoju wiecznego zmarłych, ale gdy jest taka potrzeba, co jako medyk sądowy powinien dobrze wiedzieć, dokonuje się ekshumacji w celu wyjaśnienia wszelkich wątpliwości, szczególnie w sprawach, gdzie w grę może wchodzić zabójstwo. W mojej ocenie Siergiej Nikitin bardziej obawia się utraty autorytetu badacza w sytuacji, gdy ekshumacja szczątków Siergieja Jesienina potwierdziłaby, że doszło do zabójstwa. Trzeba bowiem pamiętać, że profesor Nikitin zawsze konsekwentnie opowiadał się za samobójczą śmiercią poety i zdecydowanie negował wersję o jego zabójstwie. Ludzi podobnych Nikitinowi jest w Rosji więcej, co również stanowi realne źródło oddalania w czasie potencjalnej decyzji Prokuratora Generalnego o podjęciu śledztwa w historycznej już sprawie.

⁶⁹ Ale pomimo upływu już pięciu lat od chwili śmierci Swietłany Pietrownej Jesieniny nic istotnego w sprawie Siergieja Jesienina się nie dzieje.

Anatol Prokopienko, historyk archiwista: Tajemnica śmierci Jesienina, zapewniam Was, ja w to wierzę, z pewnością będzie wyjaśniona⁷⁰. Na pewno! A historyk, czytając te oto „dokumenty”, będzie odczuwać po prostu wstyd za nasze organy ochronny prawnej i inne organy państwowe, tak jak teraz miliony normalnych rosyjskich ludzi doświadcza uczucia niezręczności i wstydu za sprawę Katynia. Wymigiwali się, kombinowali, poruszyli cały świat, nie chcieli się przyznać, dopóki prezydent nie powiedział i premier: Tak, mord i zabili konkretnie ci i ci. Wszystko. Wszyscy, że tak powiem, apologeteci tego, że to zrobili Niemcy — zamilkli. A, my osobiście, z tego powodu, oprócz dumy, że wreszcie chociaż się przyznano, czujemy się niezręcznie. Myślę, że normalny historyk będzie mniej więcej doznawać takich samych uczuć.

* * *

Taka jest lista dialogowa najnowszego filmu Władimira Parszikowa o Sergiuszu Jesieninie. Z wypowiedzi wielu bohaterów wyłania się zróżnicowany obraz, w którym wyczuwa się wyraźny podział na sympatyków poety oraz osoby neutralne lub bardzo sceptyczne wobec wersji o zabójstwie poety. Sympatycy Jesienina podążają tropem wyznaczonym przez Swietlanę Pietrowną Jesieninę, upatrując w nagłym zgonie jej krewnego działania sił zewnętrznych, politycznych. Natomiast sceptycy, reprezentowani tutaj przez Sergieja Nikitina, trwają przy tradycyjnej, a zarazem oficjalnej wersji śmierci Jesienina, za jaką prędko uznano samobójstwo przez powieszenie.

Film Władimira Parszikowa nie nad wszystkimi kwestiami postawił przysłowiową kropkę nad „i”, lecz stał się istotnym elementem historycznej i literackiej układanki, w której losy wybitnej jednostki łączą się w sposób tragiczny z bezduszną machiną polityczną. Być może kolejny film tego reżysera dostarczy jeszcze nowszej wiedzy na temat grudniowych wydarzeń w Leningradzie. Czy dowiemy się kiedykolwiek pełnej prawdy o tym, co się stało w hotelu „Angleterre”? Czas pokaże.

Bibliografia

- Bobińska H., Ojcewicz G. *Zabójstwo wielkiego mistrza Wernera von Orseln*. Kwidzyn: Kwidzyńskie Centrum Kultury — Gdynia: Wydawnictwo Region, 2015.
- Majakowski W. *Wiersze i poematy*. Wybór przekładów opracował A. Ważyk. Warszawa: Książka i Wiedza, 1949.
- Menahem Mendel Beilis*. [Online] <http://pl.wikipedia.org/wiki/Menahem_Mendel_Beilis> (20.05.2013).
- Ojcewicz G. *Czy przekaz z tamtego/innego świata jest przekładem?* [W:] *Komunikacja międzykulturowa w świetle współczesnej translatoologii*. T. 2: *Kultura i język*. Seria „Między Światami — Między Słowami”. Red. B. Jeglińska, K. Kodeniec, A. Krawczyk-Łaskarzewska, J. Nawacka. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015, s. 35–47.
- Ojcewicz G. *Z filologii śledczej. O Aleksandrze Gilarewskim, obducencie zwłok Sergieja Jesienina — raz jeszcze*. „*Studia Rossica Gedanensia*” 2014, nr 1, s. 391–408.

⁷⁰ Podzielam autentyczny entuzjazm Anatolija Prokopienki oraz jego szczerze zaangażowanie w wyjaśnienie okoliczności i przyczyny śmierci Sergieja Jesienina. Tak, jak on, życzę sobie, by ten moment nastąpił jak najszybciej.

- Ojcewicz G. *Wokół śmierci Sergiusza Jesienina, czyli Tekst poetycki jako źródło wiedzy o przestępstwie*. „Slavia Orientalis” 2008, nr 4, s. 463–483.
- Ojcewicz G., Włodarczyk R., Zajdel D. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie*. Przeł. z ros. G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2009.
- Pismo Święte Nowego testamentu w przekładzie z greckiego*. Oprac. Zespół Bibliistów Polskich z inicjatywy benedyktynów tynieckich. Olsztyn: Warmińskie Wydawnictwo Diecezjalne, 2002.
- Браун Н. *Есенин и ложь. Доколе вместе?* [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Дело Бейлиса*. [Online] <<http://www.proza.ru/2012/12/27/678>> (20.05.2013).
- Интервью В. Паршикова с М.В. Алхимовой*. [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Косоротов Д.П. *Основные правила составления судебно-медицинских актов о вскрытии мертвых тел*. Санкт-Петербург: Типография Я.Трей, 1900.
- Лучкина С. *Двадцать лет спустя, или что осталось от версии о самоубийстве С. Есенина к 2009 году*. [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Лучкина С. *Дело Сергея Александровича Есенина. Тайна на века, или Так получилось?* [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Лучкина С. *Пятый угол Пятого номера*. [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Москвина З. *Иллюзия одного расследования, или Очерк о работе Комиссии Есенинского комитета при Союзе писателей СССР по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина в 1989–1993 гг.* [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа 2011.
- Москвина З. *О Гиляревском*. [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Правовой нигилизм*. [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Прокопенко А. *Утоли моя печали...* [W:] Сергей Есенин. *Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*.

- Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Прокушев Ю. *В поисках истины...* [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина.* Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Рассказ Екатерины Ивановны Есениной.* [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина.* Состав. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. Материалы Комиссии Всероссийского писательского есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта.* Составители Ю.Л. Прокушев, М.В. Стахова. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2003.
- Фомин В.К. *Сергей Есенин. Обстоятельства гибели. Аналитические исследования адвоката, заведующего Православной юридической консультацией.* Под общей ред. Светланы Петровны Есениной, племянницы поэта. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2010.

KULTUROZNAWSTWO

КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ

CULTURAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОЛЬХОНЕ

ЕЛЕНА В. БУРОВСКАЯ

Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева
Российская Федерация, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
e-mail: polina-98@mail.ru

ALEKSANDRA WIERUCKA

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny, Katedra Kulturoznawstwa
ul. Wita Stwosza 55, 80–952 Gdańsk, Rzeczpospolita Polska
e-mail: aleksandra.wierucka@wp.pl
(получено 31.07.2015; принято 11.10.2015)

Abstract

Modern transformations of Buryat culture on the Island of Olkhon

The life of the Buryats, a Mongolian ethnic group, was traditionally sustained by fishing and cattle herding. This was especially true of Olkhon Buryats, who live on an island on Lake Baikal. Over the last one hundred years, the influence of Russian culture and general globalization were great agents of change. As a result, the Buryats are more commonly involved in mixed marriages, speak almost exclusively Russian and their main source of income comes from tourism. Nevertheless, the Buryats' attempts to understand their own culture brought a revival of some of its elements, including shamanism.

Key words

Olkhon Buryats, local economy, everyday life, shamanism, tajlagan, globalization.

Резюме

Жизнь бурят, монгольской этнической группы, занимающихся скотоводством и рыбной ловлей на острове Ольхон за последние сто лет претерпела серьезные изменения под воздействием русской культуры и процессов глобализации: появилось множество смешанных семей, основным языком для многих стал русский, прием туристов стал одним из важных способов зарабатывания на жизнь. Попытки понять и сохранить свою этническую самобытность привели к процессу возрождения национальной культуры, в том числе шаманизма.

Ключевые слова

Ольхонские буряты, способы хозяйствования, семейный уклад, шаманизм, тайлаган, влияние глобализации.

Abstrakt

Życie Buriatów, należących do etni mongolskiej, tradycyjnie było skupione dookoła rybołówstwa i hodowli zwierząt domowych. Na wyspie Olchon znajdującej się na Bajkale do dziś mieszka niewielka grupa Buriatów, ale w ciągu ostatnich stu lat ich życie uległo wielu przemianom ze względu na politykę sowiecką, a później rosyjską oraz postępującą globalizację. W efekcie Buriaci częściowo zasymilowali się z rosyjską częścią narodu: wchodzi w mieszane związki małżeńskie i mówią wyłącznie po rosyjsku. Współcześnie również inne są źródła utrzymania, ponieważ wielu mieszkańców Olchonu żyje z usług w turystyce. Jednocześnie Buriaci podejmują refleksję nad swoją kulturą przywracając niektóre jej elementy, w tym szamanizm.

Буряты — это монгольская этническая группа, проживающая в России, Монголии и Китае, коренное население Бурятии, Иркутской области и Забайкальского края. Байкал — «сердце» территории, на которой проживают буряты. Эта территория на протяжении последних веков входила в разные административные, государственные образования, подвергалась различному политическому делению, что определяло влияния, оказанные на этнос.

К началу XIX века среди бурят выделилось около 15 этнотерриториальных групп, населяющих разные территории на запад и восток от Байкала. Как отмечала Лариса Романовна Павлинская, в Предбайкалье насчитывается девять таких групп: нижнеудинские, идинские, балаганские, кудинские, аларские, верхоленские, ольхонские, тункинские и окинские буряты, в Забайкалье пять: селенгинские, кударинские, баргузинские, хоринские и агинские. Внутри этих уже сложившихся этнотерриториальных объединений и групп в течение XIX века появляются новые, более дробные подразделения, как, например, унгинские, боханские, закаменские и другие буряты¹.

¹ Л.Р. Павлинская. *Буряты, Сибирь. Этнос и культуры (народы Сибири в XIX в.)*. Улан-Удэ:

После ряда административно-территориальных изменений, вызванных Февральской, а затем Октябрьской революциями 1917 года, в 1923 году была образована Бурят-Монгольская АССР в составе РСФСР с центром в городе Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). В ее состав входило восемь аймаков. Еланцинский и Кутульский хошуны вошли наряду с другими в состав Эхирит-Булагатского аймака. Постановлением Президиума ВЦИК от 11 февраля 1935 года была утверждена новая районная сеть Восточно-Сибирского края и входившей в его состав БМАССР, были созданы новые аймаки — Заиграевский, Джидинский, Улан-Ононский, Бичурский, Ольхонский². При разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую (25 сентября 1937 года) Ольхонский аймак остался за пределами вновь созданного Усть-Ордынского Бурят-Монгольского округа, он передавался Иркутской области, став своеобразным 'буфером' между бурятским округом и республикой. Вопрос о присоединении Ольхонского района к национальному округу неоднократно ставился с конца 30-х годов неоднократно, но так и не был решен.

Ольхонскими бурятами называют ту часть этноса, которая проживает на острове Ольхон и примыкающем к нему западном побережье, так называемом Приольхонье, в Ольхонском районе Иркутской области. Ольхонские буряты — субэтнос, издавна проживающий на побережье и острове самого древнего и самого глубокого озера мира, являющегося символом этнической принадлежности бурят, центром их этнической территории. В силу природных условий, на этой территории было невозможно развитие традиционных форм хозяйствования бурят (в том виде, как это происходит, например, в Бурятии) из-за особенностей почвы и климата:

Экологическая хрупкость степных ареалов Ольхона естественным путем ограничивала дальнейшую интенсификацию скотоводческого хозяйства. Вследствие этого озеро Байкал как часть кормящего ландшафта детерминировало особенности природопользования. Адаптация к природной среде обитания создала уникальную вариацию ХКТ³ кочевников-скотоводов: у Байкала живут ольхонские буряты — номады — рыбопромышленники и охотники на морского зверя⁴.

На Ольхоне сложился такой уклад жизни, который продержался очень долго, сформировал образ жизни и представления о мире ольхонских бурят. Кроме того, этот регион до последнего времени сохранял определенную изолированность (электричество на острове появилось совсем недавно, в 2003 году), что делает исследование ольхонских бурят особенно интересным и важным.

Бурятское книжное издательство, 1995, с. 34–35.

² А.Б. Иметхенов, Э.З. Долхонова, П.Н. Елбаскин. *Ольхон — край родной*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 1997. — Цит. по Жамбалова С.Г. *Профанный и сакральный миры ольхонских бурят, XIX–XX вв.* Научная библиотека диссертаций и авторефератов. [Online] <<http://www.dissercat.com/content/profanniy-i-sakralnyi-miry-olkhonskikh-buryat-khikh-khkh-vv#ixzz3g3dh1zLF>> (22.07.2015).

³ ХКТ — хозяйственно-культурный тип.

⁴ А.Б. Иметхенов, Э.З. Долхонова, П.Н. Елбаскин. *Ольхон — край родной ...* (22.07.2015).

Анализ документов Ольхонской степной думы и полевые наблюдения автора позволяют с уверенностью говорить о том, что в течение XIX–XX вв. группа ольхонских бурят оставалась стабильной в плане ее родоплеменной структуры. Небольшой отток населения в Баргузинское и другие ведомства в XIX в., миграционные процессы XX в. в силу своей незначительности не привели к серьезным изменениям родового состава и демографической ситуации субэтноса. Данных, свидетельствующих о массовом притоке населения в Приольхонье в этот период, не имеется. К счастью, не состоялось и выселение бурят с Ольхона, которое планировалось в начале XX в. Информаторы Роман и Барнашка Тохонтоевы из Хужирского улуса Ольхона, 72 и 74 лет, рассказали ему, что на острове в том году работала комиссия по выбору места под строительство каторжной тюрьмы. В соответствии с ее решением были начаты работы по выселению бурят, но тюрьма не была построена, так как произошла революция⁵.

Основываясь на обширном и не потерявшем свою ценность и актуальность материале, собранном известным бурятским фольклористом и этнографом Сергеем Петровичем Балдаевым, можно утверждать, что подавляющая часть ольхонских бурят без затруднений называет свой род: *шоно, ехэ шоно, бага шоно, хамнай, хэнгэлдэр, абзай, алагуй, соет, галзут, сэгэн (сэгэнут), хайтал, буян дурлай, харбяд*. Это подтверждается более поздними исследованиями Сэ-сэгмой Гэндэновной Жамбаловой. Она утверждает, что и сегодня:

...на основании этих данных можно было бы составить карту расселения родов в Приольхонье в конце XX в. Безусловно, это может быть интересно с точки зрения миграции населения внутри района, обусловленной вымиранием одних и разрастанием других населенных пунктов. Мы же считаем возможным ограничиться материалами С.П. Балдаева, собранными им в 20-е и 60-е годы XX в. и не потерявшими актуальности до настоящего времени⁶.

На 1 января 1998 года в Ольхонском районе имелось шесть сельских администраций: Бугульдейская, Куретская, Еланцинская, Чернорудская, Онгуренская и Хужирская. В них числилось 26 деревень и сел, 1 поселок, а также 29 так называемых участков — они были мало населены или вовсе не имели постоянных жителей. Так, например, на участке Саган Шулун Еланцинской администрации в двух хозяйствах проживали 6 человек, на участках Осогор-Шулун и Новый Улан-Нур не проживало ни одного человека. Наиболее обжитым являлось село Еланцы, где имелось 1214 хозяйств с населением в 3972 человека, здесь располагался районный центр. Вторым по численности населения был поселок Хужир, центр Ольхона, основанный в 1939 году, — здесь проживало 1200 человек (390 хозяйств). В селе Бугульдейка жили 968 человек (368 хозяйств), в селе Онгурен — 467 человек (170 хозяйств), в селе Черноруд (Шара-Тогот) — 320 человек (115 хозяйств). Далее следуют селения, число жителей которых колеблется от 5 до 213 человек. Всего в районе проживало 9229 человек и числилось 3174 хозяйства. По переписи 1989 года, в районе проживало 4199 русских (49,2%) и 4234 бурята (49,4%). Из других национальностей были украинцы (87 человек), бело-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

русы (26 человек), татары (52 человека), немцы (10 человек), эвенки (4 человека). Считали родным языком бурятский 3674 бурята, а русский 559 бурят⁷.

В 1974 году вышла книга Клары Доржиевны Басаевой о преобразованиях в семейно-брачных отношениях бурят⁸. На материалах Аларского и Ольхонского районов Иркутской области автор прослеживает развитие семьи и брака в районах, различающихся по хозяйственно-бытовому укладу и этническим особенностям. Характеризуя ольхонских бурят, автор отмечает, что они занимаются скотоводством в меньших размерах, чем другие, а кроме того, развивают рыбный промысел и охоту. А естественно-географические условия их расселения, по ее мнению, «обуславливали консервацию архаических форм хозяйства, культуры и быта»⁹. Также она приводит существующее объективное мнение, что «ольхонские буряты испытали гораздо меньшее влияние русской культуры, чем аларские»¹⁰.

Только после Октябрьской революции начинаются широкие этнографические исследования бурят, в том числе и семейно-брачных отношений, обусловленные задачами социально-экономических и культурных преобразований. Более подробное освещение вопросы семьи и брачных норм у западных бурят получили в исследовании профессора Иркутского университета Бернгарда Эдуардовича Петри «Семья и род у северных бурят», которое вышло в свет в 1924–25¹¹.

Басаевой в течение 1961–1962, 1964 и 1970 годов обследовано 16 улусов Приольхонья и острова:

Приводя сравнительный анализ семейно-брачных обрядов у разных групп бурят, автор неоднократно подчеркивает архаичность ольхонских обрядов и подтверждает это фактическими данными. Эта работа делает нецелесообразным новое рассмотрение семейно-брачных отношений ольхонцев в нашей монографии¹².

Таким образом, складывается впечатление, что в силу проживания именно на острове, где невозможным было развитие традиционного земледелия и скотоводства, у ольхонских бурят, с одной стороны, сформировался специфический тип хозяйствования, а с другой стороны, изолированность на острове позволила сохранить образ жизни, не затронутый социальными и культурными изменениями второй половины XX века.

Еще одна важная черта культуры ольхонских бурят — это шаманизм, традиционные шаманские верования, мифология и обряды, которые до сих пор можно наблюдать на острове. Иоганн Георг Гмелин, немецкий естествоиспытатель,

⁷ Там же.

⁸ К.Д. Басаева. *Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят (по материалам Аларского и Ольхонского районов Иркутской области)*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974, с. 114.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ К.Д. Басаева. *Семья и брак у бурят, вторая половина XIX–начало XX вв.* Научная библиотека диссертаций и авторефератов. [Online] <<http://www.dissercat.com/content/semya-i-brak-uburyat-vtoraya-polovina-khikh-nachalo-khkh-vv#ixzz3gVFYobUK>> (22.07.2015).

¹² См. С.Г. Жамбалова. *Профанный и сакральный...* (22.07.2015).

исследователь Сибири, участник 2-й Камчатской экспедиции РАН в 1733–1743 годах, связывал появление среди бурят людей, крещенных в православие, с фактом относительной бедности скотом предбайкальских бурят по сравнению с забайкальскими. Владимир Петрович Гирченко, историк и краевед, изучающий исследование западно-европейскими путешественниками земель, населенных бурятами, объяснял такую позицию Гмелина тем, что «сибирские туземцы, которые крестятся, делают это из-за бедности»¹³, или из стремления легализовать свои браки с русскими женщинами.

Так, он констатирует, что во время его приезда в Иркутск (1735 год):

...несколько бурятских юрт было расположено около ворот города», при описании Верхнеудинска сообщает, что в числе жителей этого города были «'ясачные карымы', т.е. буряты, женившиеся на русской и вследствие этого принявшие христианство»¹⁴.

Рассматривая взаимоотношения между крещеными и 'языческими' бурятами, он отмечал, что первые не подвергаются преследованиям со стороны других своих соплеменников, которые, «наоборот, жалеют своего бывшего единоверца, так как он, принявши христианство, обязан соблюдать посты, не может есть каждый день, сколько хочет, и должен, кроме того, ограничиваться наличием только одной жены»¹⁵.

Испокон веков основным вероисповеданием бурят был шаманизм.

Согласно бурятской мифологии, первым шаманом был орел, посланный добрыми духами (тэнгри), которые должны были охранять людей от злых демонов. Но люди не понимали языка орла и не доверяли ему. Тогда орел попросил добрых духов, чтобы они одолжили ему голос, который могли бы понять люди. Духи уступили просьбам орла и наделили его даром речи. Вернувшись на землю, орел увидел спящую под деревом женщину, и между ними возникла связь, от которой родился человек, обладающей шаманской силой¹⁶.

Все бурятские шаманы делятся на «белых» и «черных». Черные шаманы, служители злых богов, восточных или черных хатов, тэнгеринов и заянов, в состоянии транса путешествуют в подземном мире духов, иногда насылают на людей болезни, похищают их души, белые, как защитники и доброжелатели народа, совершают религиозные обряды только западным хатам, тэнгеринам и прочим западным большим заянам, путешествуют по надземному, «небесному»¹⁷ миру добрых духов. Существуют рассказы о самом известном белом шамане Барлаке:

¹³ В.П. Гирченко. *Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах*. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское государственное издательство, 1939. — Цит. по С.Г. Жамбалова. *Профанный и сакральный...* (22.07.2015).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ E.J.N. Fridman. *Sacred Geography. Shamanism Among the Buddhist Peoples of Russia*. Budapest: Akademiai Kiado, 2004, с. 90.

¹⁷ V.L. Basilov. *Chosen by the Spirits, [B:] Shamanic Worlds. Ritual and Lore of Siberia and Central Asia*. Ed. by M. Balzer, New York: North Castle Book, 1997, с. 36.

Восточным или черным хатам, тэнгэринам и заянам он религиозных обрядов не совершал, но и никогда не ссорился с черными шаманами и шаманками, как это делали другие белые шаманы. Ездил он всегда на белом коне и носил белые одежды, имел все степени посвящения и получил 9 хэсэ, большой оргой и прочие символические принадлежности высшего шаманского сана. В шаманский сан его посвятил шаман Абада из булутской кости. Шаман Барлак постепенно сделался богатым человеком¹⁸.

Сегодня существуют и «смешанные» шаманы, практикующие и то и другое, включенные в обе шаманские системы¹⁹.

Обычно уже взрослые мужчины, которым было более тридцати лет, получали знаки, что они могут быть шаманами. Наиболее характерным проявлением этой готовности была так называемая шаманская болезнь, которая часто едва не доводила до смерти. Тогда старший шаман прочитывал эти знаки, лечил больного и проводил обряд шаманской инициации. Сила затем приходила к шаману сама, болезнь и была ее первичным проявлением. Как подчеркивал Элиаде, этот человек становится шаманом только тогда, когда осваивает два типа наук: экстатические (сны, транс и т.д.) и традиционные (техники, названия разных типов духов, мифология и пр.)²⁰.

Главным делом шаманов являлось лечение членов местной общины, но, кроме этого, они защищали ее от злых духов, проводили обряды и ритуалы, предсказывали будущее. В своей религиозной практике шаманы использовали бубны, помогающие им войти в транс и являющиеся связующим звеном между мирами людей и духов, которые шаман соединяет в себе. Важным атрибутом был также особый костюм, который складывался из специальной шапки, символизирующей духа-покровителя, и длинного плаща, обвешанного металлическими элементами в форме фигурок людей, зверей, колокольчиков и т.д. — они представляли тех духов, силу которых и обретал шаман, входя в транс²¹.

О бурятском шаманизме невозможно говорить без его связи с ламаизмом, он сам является результатом этого влияния, соединения обеих религиозных систем.

Ученые XVII–XVIII веков, изучающие жизнь бурят, отмечали и процессы распространения среди бурят буддизма:

... П.С. Паллас, резюмируя свои впечатления, полученные при проезде через хоринскую степь, отмечает, что большинство хоринцев — еще шаманисты, но ламаистское духовенство стремится увеличить за счет них свою паству. По его данным, в 1772 г. у них имелся один гецул и 26 лам более низкого ранга, а знатнейшие хоринские зайсаны, как и сам тайша, уже придерживались «до некоторой степени ламаизма»²².

¹⁸ М.Н. Хангалов. *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 1. [Online] <<http://rubur.ru/article/belye-shamany>> (14.08.2015)

¹⁹ В. Kūmin. *Climbing Trees. The Transmission of Knowledge in Buryat Shamanism*. “Shaman” 2001, № 9, с. 3–18.

²⁰ М. Eliade. *Shamanism*. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1974, с. 16.

²¹ E.J.N. Fridman..., с. 145.

²² Там же.

По свидетельству Иоганна Готлиба Георги, немецкого этнографа и путешественника, академика Императорской академии наук и художеств, богатые люди наряду с шаманскими обрядами проводили при посредстве лам буддийские богослужения. Такую ситуацию Гирченко характеризует как «симбиоз двух религий, в который мало-помалу начали вплетаться элементы третьей религии — христианства»²³.

Сегодня среди бурят заметно специальное возрождение шаманских традиций, праздников. Валентин Владимирович Хагдаев, уроженец Ольхона, будучи посвященным шаманом, в 1996 году опубликовал статью *Шаманский мир Приольхонья*²⁴, в которой удивительно красочно представлен шаманский пантеон, фольклор, обряды и обычаи бурятского народа.

Жизнь бурят на Ольхоне в начале XXI века сложна, хотя и по другим причинам, нежели раньше. Жители острова борются с другими повседневными проблемами и преодолевают их другими способами. Во время исследований в 2010 году мы могли наблюдать изменения, которые произошли в разных сферах жизни — от способа жизни на острове, получения пропитания, до религиозных устоев.

Бурятские семьи на Ольхоне составляют небольшую часть населения и заселяют всего несколько деревень. Живут именно семьями, а кланы, которые издавна имели такое большое значение, сегодня играют значительно меньшую роль в жизни отдельных членов семей. Основной моделью семьи является семья нуклеарная, живущая самостоятельно, отдельно и от родителей жены, и от родителей мужа. Влияние русской культуры на этой территории оставило свой след также и в виде смешанных семей, их гораздо больше, чем семей полностью бурятских, и говорят они в подавляющем большинстве по-русски.

Географические условия на острове не сильно изменились за последние десятилетия, если говорить о климате, плодородности почв или доступности средств пропитания. Буряты этого региона занимаются, прежде всего, разведением скота (овец и коз) и ловлей рыбы в Байкале, так же, как это было на протяжении веков. Рыбу ловят и употребляют в пищу все, кроме того, она служит дополнительным источником доходов, потому что ее можно продать в местных магазинах, ларьках, просто предложить туристам в любом виде. Самая популярная рыба — омуль (*Coregonus migratorius*, семейства сиговых) — на острове ее можно купить уже копченым, горячего или холодного копчения, — является одним из главных источников пропитания для местных жителей (как бурят, так и русских). Продукты животного происхождения (главным образом, в виде молочных продуктов и рыбы) дополняются тем, что выросло в огороде рядом с домом — почти каждая семья выращивает помидоры, огурцы и перец, лук, чеснок и картофель для собственного употребления. Нужно подчеркнуть,

²³ Там же.

²⁴ Хагдаев В.В. *Шаманский мир Приольхонья*. [В:] *Центральноазиатский шаманизм. Философские, исторические, религиозные аспекты. Материалы Международного научного симпозиума, 20–26 июня, Улан-Удэ, озеро Байкал*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1996, с. 129–134.

что выращивание собственных овощей в огороде требует очень большого труда, так как почвы на острове песчаные, малоплодородные, а лето часто бывает жарким и очень сухим, поэтому такие огороды рядом с домом не давали бы никакого урожая, если бы не кропотливый труд хозяев.

Глобализация и связанное с ней развитие новых возможностей принесли с собой также новые способы зарабатывания на жизнь. И это в первую очередь туризм, который сегодня является самой сильно развивающейся отраслью местного хозяйствования. Достаточно посмотреть на цифры: в 2010 году в главном поселке Ольхона, Хужире, почти во всех домах предлагались места для ночлега для туристов (временами очень низкого качества), в то время как пятью годами ранее, если верить интернет-странице booking.com, было всего пятнадцать предложений ночлегов для туристов (качеством услуг от одной до пяти звезд). С уверенностью можно сказать, что и сейчас частные квартиры доступны для туристов, но и туристическая база значительно увеличилась, и будет продолжать увеличиваться.

На Ольхон приезжают все больше туристов, и их прием и обслуживание становятся источником существования, в том числе, и для бурят: много семей предлагают ночлеги или ночлеги с питанием. Судя по нашему собственному опыту, места, которыми управляют постоянно живущие на острове буряты, оказываются более привлекательным для туристов, там лучше условия и приятнее атмосфера, чем те, которые содержат русские, приезжающие на Ольхон для заработка летом, а остальное время живущие, к примеру, в Иркутске и работающие там на предприятиях, не связанных с приемом туристов. Трудно сказать, является ли это каким-то специальным культурным отличием. Для всех местных жителей, для бурят в том числе, возможность заработать дополнительные деньги очень важна, поэтому забота о клиенте не может быть делом второстепенным. Но в основном туристы приезжают на Ольхон летом, содержание дома или отеля для туристов является делом сезонным, поэтому часто один их супругов зарабатывает каким-то другим способом.

Туристов, приезжающих на Ольхон, чаще всего привлекает сюда необыкновенная природная красота этого региона. Озеро Байкал производит необыкновенное впечатление: прозрачная вода, необыкновенной красоты песчаные пляжи, степные участки, соседствующие с таежными — поэтому большое количество людей со всего мира хотят увидеть своими глазами это необыкновенное место. Но немногие из них отдают себе отчет в том, что это место традиционного поселения бурят, это одно из их священных мест. Даже очевидные культурные приметы — так, например, повсеместно можно увидеть сэргэ, доверху оплетенные цветными лоскутами, или сложенные из камешков пирамидки, обоо, — трактуются туристами как черты природы, а не культуры. Туристы, с которыми мы беседовали, были удивлены тем, что, оказывается, на острове есть какая-то местная культура, которая живет и культивирует здесь свои традиции.

Сегодня буддизм является ведущей религией в Бурятии, и там значительно легче встретить именно буддистов, а не людей, исповедующих шаманизм. Частично это может быть следствием того факта, что годы преследований шама-

нов и шаманистов оставили в людях страх, да и просто воспитали скептическое отношение к этому явлению в целом. То меньшинство, которое исповедует шаманизм, часто не отдадут себе отчета в том, что некоторые элементы их религии берут свое начало не в древнем шаманизме, а, собственно, из практик ламаизма, которые проникли в традиционный уклад бурятского шаманизма.

Взаимовлияние на протяжении более чем трехсот лет обеих систем друг на друга привело не только к специфическому варианту шаманизма, но и к специфическому варианту ламаизма, и оба они встречаются только в Бурятии и ее окрестностях.

Возрождение традиционных религиозных практик в основном происходит именно в шаманизме, поскольку ламаизм и без того на этой территории имеет достаточно сильную позицию среди местных жителей.

Часть бурят на Ольхоне продолжают практиковать шаманизм. С двадцатых годов XX века под нажимом советской власти шаманизм пришел в упадок²⁵, но под конец XX века, после политических и культурных изменений в России, шаманские практики могли возродиться. Ольхон для бурят является священным местом — на скале, называемой Шаманка, появляются шаманы и люди, помогающие им во время транса. Один раз в год, в июльское полнолуние, на Ольхоне происходит Тайлаган, народный праздник, съезд родов восточных бурят, почитающих своих духов-покровителей²⁶, при помощи шаманов разговаривающих с духами, просящих у них совета в разных трудных житейских ситуациях. Кроме того, это и встреча шаманов из окрестных территорий, обменивающихся опытом, посвящающих новичков, демонстрирующих свои практики приезжим гостям. Во время обряда шаманы поочередно неоднократно входят в состояние транса. В первой части обряда они призывают духов, покровительствующих бурятам, ожидая их прибытие со стороны видимой издалека Шаманки. После прибытия духов шаманы, в чьи тела вселяются духи, отвечают от их имени на вопросы верующих: люди бросаются под ноги шаману, который вошел в транс и, когда дух говорит через шамана, обращаются к духу со своими просьбами и проблемами. Тайлаган длится довольно долго: около десяти часов утра люди, прибывшие на него, рассказываются, причем мужчины и женщины отдельно, вокруг большой площадки, на которой собрались шаманы, раскладывают еду, устраиваются удобно, потому что знают, что проведут здесь практически весь день. Заканчивается Тайлаган около четырех часов после обеда обрядом всеобщего очищения от энергии духов, когда в большие котлы замачивают березовые ветки и, хлопая этими ветвями по спинам людей, сбрызгивая их водой, смывают энергию духов. Буряты, практикующие шаманизм, приносят духам собственные жертвы — сладости, водку, специальные праздничные блюда на основе молока — они «сбрызгивают», когда водкой или молоком, чаем с молоком брызгают в сторону Шаманки, кусочки печенья или каких-то подобных сладостей бросают после праздника туда, где были духи в телах шаманов.

²⁵ E.J.N. Fridman..., с. 120–131.

²⁶ M. Stutley. *Shamanism. An Introduction*. London: Routledge, 2003, с. 54.

Но о шаманизме на Ольхоне можно узнать не только во время этого праздника — на острове работает Валентин Хагдаев, представляющийся как шаман, который знакомит туристов с народными бурятскими традициями. Несомненно, то, что делает Хагдаев — просвещение в области культуры и религии, практик и обычаев, знаков и символов — на Ольхоне востребовано. Но, однако, это не является традиционным бурятским шаманизмом, что доказывает тот факт, что местные буряты не пользуются его услугами, говорят, что «с других мест приезжает шаман и занимается нашими делами»²⁷, этот шаман не настоящий, потому что работает с туристами и за деньги, хотя и имеет на теле знаки настоящего шамана.

В небольших поселках, разбросанных по Ольхону, можно еще найти местных шаманов, но это непростое дело. Эти люди не афишируют своих занятий и умений (трудно с уверенностью говорить, является ли это памятью преследований за отправление шаманизма в годы советской власти или просто нежеланием обсуждать с чужими людьми мистические аспекты культуры), которые работают для тех людей, с которыми они живут. Часто это пожилые уже люди, научившиеся шаманским практикам у своих предков. Однако — и это очень важно — эти шаманы и их «прихожане» не принимают участия в Тайлагане, который организуется и проводится группой шаманов, объединившихся в местной религиозной организации шаманов. Эта организация зарегистрирована в Улан-Удэ, столице Бурятии, имеет свой сайт в Интернете, популяризирует свою деятельность и вообще шаманизм, причем не только в Бурятии и России, но и в Европе: шаманы часто выступают в Европе, в университетах, на телевидении, имеют кабинеты шаманских практик (наряду с психоанализом и арт-терапией), например, в Германии, привлекают молодых людей разного происхождения, посвящая их в шаманы. Шаманы из маленьких поселков и деревень и не выглядят как те, которых можно встретить во время Тайлагана — в похожих голубых одеждах, специальных шаманских шапках с черной бахромой, закрывающей лицо шамана, чтобы с ним нельзя было встретиться глазами, вышитыми блестками глазами надо лбом и традиционными рогами. Деревенские шаманы не отличаются от своих соседей одеждой, не носят специальных костюмов, но, по нашему мнению, именно они являются подлинными носителями бурятского шаманизма — не того, немного показного, новости о котором публикует пресса (о Тайлагане обычно рассказывает и радио и телевидение), а того, целью которого является помощь обычным людям в их каждодневных проблемах, связях с далекими предками и заботах о благополучном будущем.

Таким образом, у ольхонских бурят мы можем наблюдать как подлинное возрождение традиционной культуры, так и архаический синдром²⁸, характерный для многих малых народов современной России, испытывающих давление процессов глобализации и мощное влияние соседних культур и отвечающих на эти процессы попытками возродить фольклор и народные традиции, реставрируя и показывая их во время специальных торжеств. Современные полевые

²⁷ Материалы полевых исследований. 30.07.2010.

²⁸ С.Г. Жамбалова. *Профанный и сакральный...* (22.07.2015).

исследования в чем-то повторяют известные в литературе сведения о хозяйстве и материальной культуре, об обрядах, обычаях и ритуалах ольхонских бурят, но интересны также и тем, что они фиксируют то, что бытует в начале XXI века. Но в каких-то аспектах это уже совершенно иная культура, говорящая на другом языке, иначе видящая мир и связи в нем, и это неизбежная трансформация культуры при развитии этноса в русле достижений современной цивилизации.

Литература

- Басаева К.Д. *Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят (по материалам Аларского и Ольхонского районов Иркутской области)*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974.
- Басаева К.Д. *Семья и брак у бурят, вторая половина XIX–начало XX вв.* Научная библиотека диссертаций и авторефератов. [Online] <<http://www.dissercat.com/content/semya-i-brak-u-buryat-vtoraya-polovina-khikh-nachalo-khkh-vv#ixzz3gVFYobUK>> (22.07.2015).
- Гирченко В.П. *Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах*. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское государственное издательство, 1939.
- Жамбалова С.Г. *Профанный и сакральный миры ольхонских бурят, XIX–XX вв.* Научная библиотека диссертаций и авторефератов. [Online] <<http://www.dissercat.com/content/profannyi-i-sakralnyi-miry-olkhonskikh-buryat-khikh-khkh-vv#ixzz3gVY6Prsw>> (22.07.2015).
- Иметхенов А.Б., Долгонова Э.З., Елбаскин П.Н. *Ольхон — край родной*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 1997.
- Павлинская Л.Р. *Буряты, Сибирь. Этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.)*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1995.
- Центральноазиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты. Материалы Международного научного симпозиума, 20–26 июня, Улан-Удэ, озеро Байкал*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1996, с. 129–134.
- Хагдаев В.В. *Шаманский мир Приольхонья*. [В:] *Центральноазиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты. Материалы Международного научного симпозиума 20–26 июня, Улан-Удэ, озеро Байкал*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1996, с. 129–134.
- Хангалов М.Н. *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 1. [Online] <<http://rubur.ru/article/belye-shamanu>> (14.08.2015)
- Basilov V.L. *Chosen by the Spirits*. [W]: *Shamanic Worlds. Ritual and Lore of Siberia and Central Asia*. Ed. by M. Balzer, New York: North Castle Book, 1997.
- Eliade M. *Shamanism*, Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1974.
- Fridman E.J.N. *Sacred Geography. Shamanism Among the Buddhist Peoples of Russia*. Budapest: Akademiai Kiado, 2004.
- B. Kümin. *Climbing Trees. The Transmission of Knowledge in Buryat Shamanism*. “Shaman” 2001, № 9, с. 3–18.
- Stutley M. *Shamanism. An Introduction*. London: Rutledge, 2003.

HISTORIA

ИСТОРИЯ

HISTORY

ЦАРИЗМ БЕЛЫЙ = ЦАРИЗМ КРАСНЫЙ. ЯН КУХАЖЕВСКИЙ И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ

ЮРИЙ А. БОРИСЁНОК

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп.4

e-mail: rodina2001@mail.ru

(получено 30.07.2015; принято 12.10.2015)

Abstract

Tsarism white = tsarism red. Jan Kucharzewski and his interpretation of Russian history

The monograph of the famous Polish historian, journalist and politician Jan Kucharzewski (1876–1952) was published in the 1920s–1930s in seven volumes and is considered one of the most significant works of Polish and foreign historiography devoted to Russia, its state and social development. In coming years, the book will be published in Russian, and the author's conception remains relevant to this day.

Key words

Jan Kucharzewski, Polish historiography, history of Russia.

Резюме

Монография известного польского историка, публициста и политического деятеля Яна Кухажевского (1876–1952) была опубликована в 1920-е–1930-е гг. в семи томах и считается одним из наиболее масштабных творений польской и зарубежной историографии, посвящённых России, её государственному и об-

щественному развитию. В ближайшие годы книга увидит свет на русском языке, а концепция автора остаётся актуальной и в наши дни.

Ключевые слова

Ян Кухажевский, польская историография, история России.

В 2015 году на русском языке был опубликован первый том одного из самых известных в польской историографии сочинений о России — огромного по объёму семитомного сочинения Яна Кухажевского *От белого до красного царизма*¹. Несмотря на прошедшие с тех пор 92 года, масштабная работа польского автора межвоенной эпохи и сегодня представляет немалый интерес для российского читателя. Автор предисловия к книге, известный российский историк член-корреспондент Российской академии наук Борис Николаевич Флоря, отметил:

Когда я впервые прочитал книгу Яна Кухажевского, у меня создалось впечатление, что эта работа уже в момент своего создания, в 1920-е–1930-е годы, была прямо обращена не только к польскому, но и к русскому читателю. И сегодня мне кажется, что именно в России и именно сейчас этот труд может быть прочитан наиболее адекватно².

Заметим, что и в России, и в Польше отдельные представители гуманитарных наук при известии о начале работы над переводом работы Кухажевского выразили более скептический подход, считая автора «русофобом» и т.д., а на основании этих оценочных суждений отказывали ныне покойному автору в праве прийти к читателю в издании на русском языке. Такой подход не представляется уместным, особенно на фоне многочисленных русских переводов книг на схожую тематику: назовём хотя бы первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика или Ричарда Пайпса. На наш взгляд, со времени выхода в свет *Доктора Живаго* логичнее всё-таки пойти другим путём: в любом случае нужно сначала прочитать Пастернака, а уж потом разузнать, за что и почему Пастернака ругают... Флоря обстоятельно обосновывает именно этот подход:

Мне представляется, что замечательная книга Яна Кухажевского во многом опередила своё время и затронула многие ключевые проблемы, которые интересуют и современную нам историографию. Нельзя не отметить и блестящую литературную форму, в которую заключено это произведение. Автором не только изложены важные и существенные факты, но и созданы необыкновенно яркие образы участников событий. Именно поэтому очень важно познакомить русского читателя с полной версией труда Кухажевского в семи томах, а не с сокращённой до одного тома вариацией, обращённой после Второй мировой войны к читателю американскому. Именно полный текст сочинения польского историка позволяет нам наиболее адекватно приблизиться к событиям, которые проис-

---

¹ Я. Кухажевский. *От белого до красного царизма*. Перевод Ю.А. Борисёнок. Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. Москва: Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», 2015.

² Там же, с. 5.

ходили, ко всем реальным сложностям описываемых процессов, к личностям, которые участвовали в этой исторической драме и изображены автором столь неповторимо³.

Стоит подчеркнуть, что даже у подготовленного читателя русской версии труда Кухажевского неизбежно появится немало вопросов к автору. Главные из них, на наш взгляд: кто всё это написал; почему сочинитель столь страстно отрицает «царизм» любого цвета, «белый» монархический либо «красный» революционный; и, наконец, чем сегодня этот труд «матери-истории» ценен?

Итак, в 1923 году 47-летний польский учёный Ян Кухажевский опубликовал в свет первый том своего огромного по объёму труда по истории России XIX века. Том назывался вполне себе прилично — *Николаевская эпоха*, вся же книга одним своим заголовком оскорбляла в лучших чувствах обоих недавних противников в Гражданской войне, ибо именовалась *От белого до красного царизма...*

Кухажевский родился 27 мая 1876 года в крошечном городке на Подляшье, который во времена Российской империи звался Мазовецком и принадлежал к Ломжинской губернии, а ныне называется Высоке-Мазовецке. Окажись наш герой в СССР после 1939 года — и в графе «место рождения» судебно-следственного дела ему бы записали «Белостокскую область БССР». Семья была обеспеченной — отец учёного Стефан был инженером, то есть по тем временам человеком с высоким социальным статусом. Ян учился усердно и увлечённо — окончил русскую гимназию в Ломже, затем — юридический факультет Императорского Варшавского университета с обучением опять же на русском языке (1898), после чего изучал социологию и политэкономия в Берлине по-немецки. С 1901 года Кухажевский работал по специальности на Российскую империю, устроившись на службу юристом в казначейство. С 1906-го начал заниматься адвокатской практикой, при этом находил время для сочинения и печатания исторических трудов, посвящённых польскому XIX веку⁴.

Карьера молодого поляка из провинции шла в гору. Адвокат, как это часто бывает, увлёкся политикой. С юношеских лет он примыкал к национальным демократам, а в 1911 году бросил открытый вызов лидеру этой партии Роману Дмовскому. Кухажевский мечтал о кресле депутата IV Государственной думы и, пожалуй, вполне импозантно смотрелся бы в Таврическом дворце в Петербурге в образе яркого оратора от Польского коло. Но на выборах в 1912-м он потерпел обидное и крайне болезненное для самолюбия поражение. С тех пор главный объект его научной и публицистической страсти переместился на Россию во всех её политических обличьях — от империи до советской власти. Именно тогда и был задуман грандиозный труд о белом и красном царизме, который должен был состоять из десяти томов.

Обладатель лысины, весьма похожей на ленинскую, вместо Таврического дворца с началом Первой мировой оказался в Швейцарии, где, как известно, в те годы нашёл приют и вождь мирового пролетариата. Кухажевский в отли-

³ Там же, с. 5.

⁴ См. А. Szwarc, P. Wiczorkiewicz. *Od redaktorów naukowych*. [B:] J. Kucharzewski. *Od białego caratu do czerwonego*. T. 1. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.

чие от Ильича, видел в Великой войне не пролог мировой революции, но нечто столь же фантастическое для современников событий, а именно повод для восстановления независимости Польши, утраченной ещё в 1795 году. Наш герой основал периодическое издание *L'Aigle Blanc* ('Белый орёл') и на французском языке пытался убедить европейскую публику в том, что поляки имеют права на собственную государственность. В 1917-м оба в чём-то внешне похожих лысых эмигранта, имеющих юридическое образование, неожиданно для самих себя уехали из Швейцарии, оказались на родине и добрались до власти в должности премьера. Но если главный пассажир пломбированного вагона Ленин обосновался на посту председателя Совнаркома пожизненно, то Кухажевский, как вскоре выяснилось, поставил не на ту властную лошадь. До момента, когда идеей восстановления независимой Польши всерьёз заинтересуется победившая в войне Антанта, он не дотерпел, уверовав в намерения Германии и Австро-Венгрии, объявивших 5 ноября 1916 года о создании квази-государства под гордым названием Королевство Польское, разместившегося, впрочем, лишь на польских землях, до войны принадлежавших Российской империи.

Кухажевский вернулся в Варшаву в июне 1917 года — в то самое время, когда против Центральных держав настроен уже и сам Юзеф Пилсудский (в июле он будет интернирован в Магдебурге). Короля в торжественно провозглашённом королевстве так и не появится, оккупационные власти ограничатся лишь Регентским советом. Правительство будут создавать мучительно долго, оно появится лишь 26 ноября 1917-го, когда Ленин уже почти три недели руководил своим СНК. Первым премьер-министром возрождённой хоть в каком-то качестве Польши и станет 41-летний Ян Кухажевский. Правительство его трудно назвать способным на многое — например, пост министра иностранных дел там так и не был предусмотрен. В отставку первый премьер ушёл 27 февраля 1918 года, а в октябре того же года (со 2-го по 9-е) вошёл в эту реку во второй раз, когда поражение Центральных держав было уже предопределено.

Сохранив верность германскому блоку вплоть до самого конца мировой войны, амбициозный Кухажевский не мог рассчитывать на ведущие властные позиции в появившейся по воле Антанты в ноябре 1918-го независимой Польше. Понимая это, он уехал в Швейцарию, а по возвращении на родину все предложения занять ответственный государственный пост отвергал, соглашаясь лишь на функции советника при правительстве и МИД. Расставшись с большой политикой, наш герой все силы и даже здоровье бросил на сочинение задуманного им десятитомника о России. Сотворение громадного труда так захватило Кухажевского, что он отказался от весьма лестных для него предложений занять кафедру истории в университетах Варшавы и Кракова: учёный полагал, что преподавание будет мешать его работе за письменным столом.

В итоге в межвоенные годы неутомимый критик царей и большевиков написал все десять томов своего главного сочинения, опубликовал же — только семь (1923–1935), доведя изложение до эпохи Александра III. Оставшиеся в рукописи заключительные три тома, в которых значительное место занимали фигура Ленина и происхождение большевизма, погибли в огне Второй мировой войны: по одной версии, в сентябре 1939 года, когда немецкая бомба разрушила

дом Кухажевского неподалёку от Уяздовского парка в Варшаве и уничтожила его обширную библиотеку из 10 тысяч книг, по другой — во время Варшавского восстания в 1944-м. Восстановить утраченное автор уже не смог.

В мае 1940 года Кухажевский выбрался из оккупированной гитлеровцами Польши. Проехав через Рим, Париж и Лиссабон, он пересёк Атлантический океан и оказался в эмиграции в США. В Нью-Йорке он основал Польский научный институт и руководил им вплоть до своей смерти 4 июля 1952 года. В Америке в условиях холодной войны наш герой обрёл вполне заслуженную репутацию антикоммуниста и антисоветчика, но в новых условиях о продолжении прежних масштабных исследований пожилым эмигрантом речи уже не было. В 1948 году в США вышло однотомное сокращённое издание его семитомника по-английски, в 1958-м в Лондоне — однотомный польский вариант, подготовленный к печати вдовой учёного Марией (в девичестве Жаковской; в браке супруги прожили 46 лет).

Таким образом, жизненный путь автора был ровно наполовину рассечён 1914 годом: 38 из 76 лет его жизни прошли до Первой мировой войны, другие же 38 — после. Недавняя монография Александра Репникова и Олега Милевского примечательно озаглавлена *Две жизни Льва Тихомирова*⁵. У Кухажевского в итоге тоже получилось «две жизни». В первой из них его могли называть по имени-отчеству «Иваном Степановичем», а русский язык и русская литература въелись в его сознание не меньше, чем у ставшего в 1917 году губернатором Кронштадта поляка из Могилёвской губернии Томаша Парчевского (1880–1932). Последний ещё за три года до Первой мировой нашёл себе интересную работу сообразно способностям:

Я отсылаю бумаги и возвращаюсь из армии на готовую должность в другой кронштадтской гимназии, а было их там три. Должность для поляка несколько необычная — я стал учителем русского языка. Поляк и католик и... учитель русского языка! На самом деле все было очень просто: именно в 1911 году к преподаванию русского языка внутри России допустили и нерусских. Правда, нерусских специалистов почти не было. Во всем учебном округе вместе со мной их было двое или трое. (...) У меня были исключительные естественные данные для этого предмета, я владел русским языком идеально, говоря на нём намного лучше, чем обычные русские, даже мои коллеги — учителя русского языка. Коллеги поначалу несколько не сомневались, что я москаль. Только когда спросили, не ошибка ли в моем дипломе — пункт о вероисповедании, я ответил, что нет, я католик и поляк. Как сейчас помню оцепенение коллег, особенно попа-законоучителя. И хотя они смирились с этим, долго потом качали головами: «Ну, ну! А как говорит! И почему поляк так говорит по-русски. Вдобавок этим чудесным петербургским выговором!»⁶

Кухажевский и Парчевский представляли собой новое поколение поляков, существенно отличавшееся даже от генерации Пилсудского и Дмовского, родившихся в предыдущем десятилетии, в 1860-х годах. Изучение и использова-

⁵ А.В. Репников, О.А. Милевский. *Две жизни Льва Тихомирова*. Москва: Academia, 2011.

⁶ T. Parczewski. *Pamiętniki gubernatora Kronsztadu*. Oprac. T. Bohun. Warszawa: Mówią Wieki, 2006, с. 39–40.

ние русского языка и уверенное плавание в обширном море русской культуры было для них вещью естественной. Явление это удивляло многих — как в российском, так и в польском обществах. «Оцепенение» могло посетить и читателей Кухажевского — настолько обширны были его познания и в русской литературе, и в польской словесности. Большинство польских читателей его семитомника и в межвоенный период, и в наши дни испытывают определённый дискомфорт, встречая лишь на двух соседних страницах сравнения Михаила Бакунина не только с Рудиным Тургенева (это сопоставление давно стало хрестоматийным), но и с Бельтовым из *Кто виноват?* Герцена, Обломовым Гончарова, Владимиром Ленским из пушкинского *Евгения Онегина*, Маниловым из *Мёртвых душ* и даже помещиком Тентетниковым из второго тома того же сочинения Гоголя⁷. А русский читатель Кухажевского будет вынужден вникать в символику драмы польского классика Зыгмунта Красиньского (1812–1859) *Иридион* на античный сюжет и разбираться в сравнениях Бакунина с Иридионом, а Сергея Нечаева — с Масиниссой как символом зла⁸.

Ну и кому оказались нужны столь глубокие познания во второй жизни Кухажевского, после 1914 года? Ответ неутешителен: разве что самому эрудиту и тем немногочисленным полякам, которые в межвоенный период сохранили знание о том, кто такой Тентетников. Никак не пострадав от большевиков физически, яркий обличитель всех разновидностей царизма по-настоящему страдал, утратив возможность получать из Советской России нужные ему для работы книги. Третий том сочинения Кухажевского, вышедший из печати в 1928 году, открывается авторским предисловием, больше похожим на крик души. Указывая на огромный рост числа советских публикаций о революционном движении в России, в том числе и о Бакунине, польский историк жаловался: «Отрезанность от России, от находящихся в ней источников и материалов, представляет собой существенное препятствие для людей, исследующих за границами России историю её революционного движения»⁹.

Кухажевский сетовал, что известному революционеру, а ныне советскому историку Ю.М. Стеклову «любезно» предоставили материалы из Рапперсвильского архива польской эмиграции (погибшего впоследствии в годы Второй мировой войны), а «поляк, не будучи коммунистом, не может черпать из русских архивов»¹⁰. К тому же доставка «огромного количества» необходимых книг из Советской России представляет большую проблему, в Польше можно найти лишь часть старых изданий, и поэтому

нужно выбирать за границу, на Запад, для поиска русских книг. Самым большим собранием русских изданий располагает лондонская библиотека, если же автор не имеет возможности провести несколько лет в Лондоне, он должен искать их в Австрии, Герма-

⁷ J. Kucharzewski. *Od białego caratu...* Т. 2. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998, с. 97–98.

⁸ Там же, с. 121.

⁹ Там же. Т. 3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, с. VI–VII.

¹⁰ Там же, с. VII.

нии, Чехословакии, Швейцарии, Франции... Порой автору приходится делать обширные выписки из найденной с трудом книги, будто из архивного источника¹¹.

Кухажевский, как нам уже известно, был неутомимым собирателем книг, и здесь он намеренно сгущает краски: в советские архивы 1920-х годов, не имевшие грифа секретности, пускали не только коммунистов, а в СССР исследователь «белого и красного царизма» въехать даже не пытался. В списке стран, где автору приходилось искать русские книги, отсутствуют, например, Финляндия и Латвия, а ведь в Хельсинки и Риге были сосредоточены обширные коллекции русскоязычных публикаций, в том числе и на революционную тему. Но хотелось-то как раньше — чтобы нужные тома сами собой добирались до Варшавы...

Именно с этих исходных позиций и стоит оценивать многочисленные резкие (и это ещё «мягко выражаясь») эпитеты и устойчивые словесные конструкции Кухажевского в отношении прошлого и настоящего России. Это обстоятельство чрезвычайно важно — напомним, что и в современной Польше многие считают этого автора «руссофобом». Даже такой серьёзный и вдумчивый исследователь, как Антоний Каминьский из Вроцлава, в своей недавней биографии Бакунина пишет: «Пронизывающая страницы его произведения антирусскость привела к тому, что некоторые мнения Кухажевского грешат чрезмерными упрощениями и отсутствием объективизма»¹². Оценивая же «Исповедь» во втором томе своего труда, современный польский автор усмотрел в «основательном анализе текста», сделанном Кухажевским, ещё и то, что «знаменитый учёный и в этом случае не мог избавиться от преследовавшей его руссофобии»¹³. Но при этом само название второго тома работы Каминьского, вышедшего из печати в 2013 году — *Поджигатель Европы*, позаимствовано именно у Кухажевского, это название главы V в четвёртом томе его работы¹⁴.

На наш взгляд, сводить сложный и противоречивый комплекс взглядов Кухажевского по отношению к России к «антирусскости» и тем более «руссофобии» неверно. В этой своей «второй жизни» автор семитомника в своей страстной обвинительной риторике действительно бывал необъективен — и по отношению к царизму, и по отношению к русским революционерам, и по отношению к власти большевиков (выбранные места, где сочинителя «заносит» далеко, откомментированы нами в переводе первого тома в концевых сносках, пронумерованных римскими цифрами). Но эта пристрастность весьма любопытного свойства — автор очень любит указывать на «подражательность» России по отношению к Западу, но сам при этом очень часто бывает переимчив. Весь

¹¹ Там же.

¹² А. Kamiński. *Michał Bakunin. Życie i myśl*. Т. 1. *Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2012, с. 74.

¹³ Там же. Т. 2. *Podpalacz Europy*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013, с. 154–155.

¹⁴ А название главы I в том же томе — «Роковой вопрос» дало заголовок хорошо известной в польской историографии книге Хенрика Глембоцкого. См. H. Głębocki. *Fatalna sprawa*. Kraków: Arcana, 2000.

арсенал его любимых крепких выражений — «варварство», «дикость», «рабство», «тирания», «отсталость» и т. п. — благополучно позаимствован у российских либералов и радикалов, это некая средневзвешенная смесь исторических взглядов Милюкова и поэзии Некрасова и Блока (наш автор, как и многие его современники, в своих взглядах на прошлое либеральноцентричен), разве что фразы о «цивилизационной отсталости» имеют более глубокие корни — в традиционном польском стереотипе, предполагающем культурное превосходство католичества над православной «схизмой». Читать Кухажевского проще, постоянно припоминая вот этот фрагмент из некрасовской *Железной дороги* (1864): «Ваш славянин, англосакс и германец. Не создавать — разрушать мастера, Варвары! дикое скопище пьяниц!..».

Оригинален автор разве что в некоторых неологизмах, весьма характерных для традиции 1920-х годов и переданных нами в переводе словами «цареславный», «большевичество», «полякоедство». Заметим также, что Польшу и поляков в качестве положительного примера в своей беспощадной с виду критике Кухажевский почти не использует. И неспроста — рассказы о «малообразованных варварах, алкоголиках и развратниках» традиционно актуальны и на берегах Вислы; невозможно ведь обвинить широкие массы соотечественников в чрезмерной трезвости и невлюбчивости? А такой вот яркий фрагмент из второй главы первого тома вполне можно было вставить и в речь Юзефа Пилсудского, страстно возмущавшегося до переворота 1926 года режимом парламентской демократии в Польше: «Всяческие отбросы общества, грабители, жулики, фальсификаторы, аферисты орудуют безнаказанно, под защитой, а порой и при активном участии грабителей на государственных должностях».

Итак, в своей второй жизни Кухажевский страстно и придирчиво сводил счёты с обстоятельствами и людьми, не позволившими ему вести привычный образ интеллектуального существования в жизни первой. В привычных бытовых координатах Варшавы в условиях межвоенной Польши он оказался едва ли не «внутренним эмигрантом», долго и без особого успеха переваривавшим исторические катаклизмы 1914–1921 годов.

В ПНР книга Кухажевского (как в полном, так и в сокращённом виде) была запрещена — прежде всего из-за антисоветского названия, но историки, занимавшиеся XIX веком (напр. Виктория Сливовская) ссылались не на книгу *От белого до красного царизма*, а на отдельные её тома с вполне нейтральными заголовками — после *Николаевской эпохи* вышли том 2: *Генезис максимализма. Два мира*, том 3: *Годы перелома. Романов, Пугачёв или Пестель*, том 4: *Освобождение народов*, том 5: *Террористы*, том 6: *Правление Александра III. Реакция*, том 7: *Триумф реакции*. Переиздания Кухажевский дождался только в самом конце XX века: в 1998–2000 годах все семь томов вышли под научной редакцией профессоров Варшавского университета Анджея Шварца и ныне покойного Павла Вечоркевича, а также профессора Гданьского университета Франтишека Новиньского. Редакторы, к слову, провели значительную работу над текстом, устранив многочисленные опечатки, упорядочив сноски и поправив многочисленные авторские переводы непольских текстов.

Полное издание труда Яна Кухажевского позволит полнее представить вклад польского автора в создание популярных на Западе в последние десятилетия концепций истории России, объясняющих сходство и различия «белого» и «красного» царизма, России императорской и советской. В 1998 году профессора Шварц и Вечоркевич справедливо указывали на «многочисленные эхо произведения Кухажевского в современной международной исторической литературе, хотя бы в работах Ричарда Пайпса»¹⁵. Примечательно, что сам Пайпс о Кухажевском старался не упоминать — ни в мемуарах, увидевших свет по-английски в 2003 году, ни в книге *Россия при старом режиме*¹⁶: маститому советологу только на руку было то, что на английском увидела свет лишь краткая однотомная версия большой работы предшественника. Лишь недавно в беседе с российским журналистом Д. Бабичем Пайпс признался, что именно Кухажевский оказал на него очень серьёзное влияние в его занятиях русской историей.

На наш взгляд, обращение к первоисточнику тех или иных теорий, тем более имеющему привлекательную литературную форму, гораздо ценнее, нежели его перепевы, «раскрученные» в России с начала 1990-х годов. Проблема авторов этих самых перепевов и их современных эпигонов, в изобилии представленных, в частности, среди современных польских политиков, широко известных в России исключительно экзотичностью своих исторических заблуждений, одна, и в этом, пожалуй, главный недостаток семитомника Кухажевского: человек, глубоко проникший в русскую культуру, писал по-польски в межвоенный период для совершенно другой аудитории, которая ни тогда, ни теперь не будет читать в оригинале ни Грибоедова, ни Блока, а посему отбросит все эти «красивости» как лишнее и примется упирать на «дикость» и «варварство», не имея представления о Некрасове. Таким читателем Кухажевского был уже, собственно, и Ричард Пайпс, родившийся в 1923-м в Польше и формировавшийся как человек и историк совершенно в иных декорациях.

Кухажевский в итоге оказывается актуален и сегодня, в том числе и перевод его сочинения на русский язык. Местами он объективно смотрится выигрышнее: приводимые автором многочисленные цитаты из русских источников, начиная с Герцена, на языке оригинала смотрятся гораздо выигрышнее, чем на польском — взять хотя бы такую фразу Герцена — «кровь переливалась просёлочными тропинками».

Характерен в этом смысле и первый том *Николаевская эпоха*, посвящённый характеристике лучшего, по мнению Кухажевского, русского императора XIX века — несмотря на выносимый Николаю Павловичу исключительно суровый приговор, ни три Александра, ни второй из Николаев, успевшие поцарствовать в этом столетии, до его уровня всё-таки не дотягивают. В открывающем 'большую книгу' томе хорошо видны не только особенности стиля автора, но и его манера оценивать ту или иную личность и явления многозначно, как бы снимая

¹⁵ A. Szwarz, P. Wiczorkiewicz. *Od redaktorów naukowych*. [B:] J. Kucharzewski. *Od białego caratu do czerwonego*. T. I. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998, с. VI.

¹⁶ Р. Пайпс. *Россия при старом режиме*. Москва: «Захаров», 2004; Я жил. *Мемуары непримкнувшего*. Москва: Московская школа политических исследований, 2005.

происходящее сразу с нескольких камер. Бывший адвокат основательно освоил роль прокурора — пожалуй, даже более талантливо, чем его соплеменник Андрей Януарьевич Вышинский, бывший моложе Кухажевского семью годами и постигавший основы юриспруденции не в Варшаве, а в Киеве. Чтение приговора продолжается все семь томов и по своей экспрессии подчас не уступает зажигательным речам молодого Фиделя Кастро, бичевавшего американский империализм.

Николай I оценивается Кухажевским под различным, часто прямо противоположным углом зрения — приговор выносится с точки зрения формально-юридической, с учётом мнений декабристов, мемуаристов различного толка, авторов сочинений на злобу дня, написанных после смерти императора в 1855 году, и так далее. Тот же подход используется и в обвинительных заключениях «революционерам-демократам» — Александру Герцену, Виссариону Белинскому, Михаилу Бакунину. И эта полифония мнений заставляет читателя забыть, что книга написана в 1923 году, а критический подход к николаевской эпохе здесь мало чем разнится от тогдашней советской точки зрения, выраженной в трудах «академика в будёновке» Михаила Николаевича Покровского¹⁷, которого сам Кухажевский в одномомном послевоенном издании своей работы называл не иначе как «выдающимся советским историком»¹⁸.

Но среди обвинительной речи Кухажевского нет-нет, да и пробьётся уважение, а то и восхищение обличаемыми им историческими личностями. В конце критической характеристики Николая мы достаточно неожиданно читаем: «Его царствование ритмично, импозантно, внушительно». И вспоминаем, что выносит этот приговор не кто-нибудь, а бывший польский премьер, сам когда-то очень хотевший быть на уровне если не Николая Павловича, то хотя бы Герцена, да не срослось...

Наряду с уже переведённым в России обширным трудом первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика *Россия и Европа* сочинение Кухажевского стоит признать наиболее основательным трудом о России, созданным зарубежными политическими деятелями. И даже спустя 90 лет этот «памятник исторической мысли» во многом остаётся востребованным. Причиной тому весьма глубокое (и гораздо большее, нежели у Масарика) погружение в русскую проблематику — от законодательства, близкого Кухажевскому как юристу — до культуры и литературы. Даже иные явные авторские ошибки в 1-м томе уникальны и лишний раз подчёркивают его эрудицию — так, в одной из цитат он умудрился соединить воедино два фрагмента из различных писем Пушкина своей супруге Наталье Николаевне, писанных в июле 1834 года. В процессе перевода книги на русский язык выясняется, что некоторые фразы, похожие, изначально выстраивались автором по-русски, а уж затем излагались на родном ему языке (в главе III имеется словосочетание «отпор и ропот», в главе IX находим

¹⁷ М.Н. Покровский. *Русская история в самом сжатом очерке*. Ч. 1–3. Москва: Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат, 1933.

¹⁸ J. Kucharzewski. *Od białego do czerwonego caratu*. London: Veritas Foundation Publication Centre, 1986, с. 480.

«невольную исповедь поколения неволи»). Едва ли найдётся другой столь же матерый антисоветчик, способный на подобные ‘маленькие хитрости’... Этой своей манере автор не изменит и в последующих томах: продолжение русского перевода ожидается уже в ближайшее время, а сам проект издания семитомника Кухажевского планируется завершить в начале 2020-х годов.

Литература

- Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. Москва: Захаров, 2004.
- Пайпс Р. *Я жил. Мемуары непримкнувшего*. Москва: Московская школа политических исследований, 2005.
- Покровский М.Н. *Русская история в самом сжатом очерке*. Ч. 1–3. Москва: Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат, 1933.
- Репников А.В., Милевский О.А. *Две жизни Льва Тихомирова*. Москва: Academia, 2011.
- Głębocki H. *Fatalna sprawa*. Kraków: Arcana, 2000.
- Kamiński A. *Michał Bakunin. Życie i myśl*. Т. 1. *Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2012.
- Kamiński A. *Michał Bakunin. Życie i myśl*. Т. 2. *Podpalacz Europy*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013.
- Szwarc A., Wieczorkiewicz P. *Od redaktorów naukowych*. [B:] J. Kucharzewski. *Od białego caratu do czerwonego*. Т. 1. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.

Список использованных источников

- Кухажевский Я. *От белого до красного царизма*. Перевод Ю.А. Борисёнок. Ответственный редактор Г.Ф. Матвеев. Москва: Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», 2015.
- Kucharzewski J. *Od białego caratu do czerwonego*. Т. 1–7. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998–2000.
- Kucharzewski J. *Od białego do czerwonego caratu*. London: Veritas Foundation Publication Centre, 1986.
- Parczewski T. *Pamiętniki gubernatora Kronsztadu*. Oprac. T. Bohun. Warszawa: Mówią Wieki, 2006.

SEKRETY HISZPAŃSKIEJ AMBASADY W ROSJI. MATRYCA SZYFROWA KSIĘCIA DE LIRIA Z 1727 ROKU

CEZARY TARACHA

Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II
Wydział Nauk Humanistycznych, Instytut Historii
Katedra Świata Hiszpańskiego, Polityki i Relacji Międzynarodowych
Collegium Norwidianum, Al. Raławickie 14, 20-950 Lublin, Polska
e-mail: logro@kul.lublin.pl
(nadesłano 28.08.2015; zaakceptowano 1.09.2015)

Abstract

Secrets of the Spanish Embassy in Russia. The cipher of the Prince of Liria from 1727

In 1727 the Prince of Liria arrived in Petersburg as an ambassador of the king Philippe V. The main purpose of his mission was to get Russian help for Spanish plans of invasion of Great Britain. Among the papers that the diplomat received before he left Madrid there was a cipher for maintaining a secret correspondence with his court.

This article is devoted to an analysis of this document, its structure, encoded and encoding elements, collaterals and to the evaluation of its value.

Key words

Cryptography, diplomacy, Spanish-Russian relations, XVIII century, prince de Liria.

Abstrakt

W 1727 roku przybył do Petersburga w charakterze ambasadora króla Filipa V książę de Liria. Głównym celem jego misji było pozyskanie wsparcia Rosji dla hiszpańskich planów inwazji na Wielką Brytanię. Wśród dokumentów, jakie dyplomata otrzymał

przed wyjazdem z Madrytu, znajdowała się matryca szyfrowa do prowadzenia sekretnej korespondencji z dworem.

Niniejszy artykuł poświęcony jest analizie tego dokumentu, jego konstrukcji, strukturze, elementom kodowanym i kodującym, dodatkowym zabezpieczeniom oraz ocenie jego wartości.

Słowa kluczowe

Dyplomacja, kryptografia, książę de Liria, relacje hiszpańsko-rosyjskie, XVIII wiek.

W XVIII wieku placówki dyplomatyczne podlegały szczególnej ochronie. Była ona wieloaspektowa i wielopłaszczyznowa. Z jednej strony ambasady korzystały z przywilejów wynikających z prawa międzynarodowego, z drugiej zaś poszczególne państwa starały się o jak najlepsze zabezpieczenie swoich przedstawicielstw zagranicznych. Specjalną troską otoczeni byli zarówno sami dyplomaci, jak również infrastruktura, budynki, obiekty oraz ich otoczenie¹. Wiele uwagi przywiązywano również do ochrony informacji wytwarzanej i przetwarzanej za pomocą kanałów dyplomatycznych. Jednym z elementów tych działań było zabezpieczenie nośników informacji, w tym ówczesnych urządzeń kodujących, czyli kluczy szyfrowych².

Niniejszy tekst poświęcony jest analizie matrycy szyfrowej, która służyła do sekretnej korespondencji pomiędzy hiszpańską ambasadą w Rosji a centralą w Madrycie pod koniec lat dwudziestych XVIII wieku. Matryca jest szczególnego rodzaju tekstem, wyjątkowym świadkiem epoki, czasu i miejsca. Ze swej natury służyła gabinetowym sekretom, strzegła sekretów negocjacji dyplomatycznych, przekazywała szpiegowskie informacje. Nie szukała światła ani rozgłosu. Najlepiej czuła się skryta wśród tajnych materiałów i dokumentów, w zamkniętych sejfach ministerstw i ambasad. Niedostępna, zazdrośnie dbająca o swe tajemnice, które odkrywała jedynie przed najbardziej wytrwałymi i zdeterminowanymi poszukiwaczami.

Zanim przejdę do odkrywania tajemnic matrycy księcia de Liria, nieco miejsca chciałbym poświęcić na krótkie przybliżenie stanu relacji pomiędzy obu państwami w pierwszych dekadach XVIII stulecia.

---

¹ Techniki zabezpieczeń budynków i obiektów związanych z placówkami dyplomatycznymi ulegały zmianom, a szczególną wagę do tej kwestii zaczęto przywiązywać już w XVIII wieku, kiedy to powstały określone procedury dotyczące zasady eksterytorialności, usytuowania i ochrony placówek. Por. J. Sutor. *Prawo dyplomatyczne i konsularne*. Wyd. 4 zm. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993, s. 14.

² C. Taracha. *Szyfr Felipe Rodrígueza z 1726 roku*. [W:] *Ojczyzna i wolność. Prace ofiarowane Profesorowi Janowi Ziółkowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Red. A. Barańska, W. Matwiejczyk, E.M. Ziółek. Prace Wydziału Historyczno-Filologicznego. Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 81. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2000, s. 725–744.

Relacje hiszpańsko-rosyjskie u progu XVIII wieku

Stosunki bilateralne pomiędzy Rosją a Hiszpanią w XVIII wieku to problematyka, która wzbudzała i wzbudza zainteresowanie badaczy, w tym przede wszystkim historyków. Spośród opublikowanych prac na szczególną uwagę zasługują monograficzne ujęcia Any Marii Shop Soler, dotyczące całokształtu wzajemnych relacji politycznych, dyplomatycznych i handlowych³ oraz artykuły innych autorów, zwłaszcza hiszpańskich⁴ i rosyjskich⁵, ale również polskich⁶.

Aktualny stan badań pozwala na następujące konkluzje. Początek XVIII stulecia przyniósł znaczne ożywienie we wzajemnych relacjach pomiędzy imperiami położonymi na przeciwległych biegunach Europy. Tej intensyfikacji kontaktów na różnych płaszczyznach (politycznej, dyplomatycznej i gospodarczej) sprzyjało wiele czynników. Jednym z nich były zmiany na arenie międzynarodowej związane z dwoma konfliktami, jakie wstrząsnęły Europą w pierwszych dekadach XVIII stulecia: wojna o sukcesję hiszpańską na zachodzie oraz wojna północna w środkowej i wschodniej części kontynentu. Konsekwencją pierwszego z nich było umocnienie więzi pomiędzy dworami burbońskimi, co na dłuższą metę wzmacniało Hiszpanię i pozwalało jej na podjęcie głębokich reform, które miały przywrócić iberyjskiej monarchii status mocarstwa. Za panowania Filipa V dążyła ona do rewizji postanowień traktatu w Utrechcie, odzyskania utraconych w Europie terytoriów (zwłaszcza na terenie Italii)⁷. Dla realizacji tego celu hiszpańscy politycy poszukiwali partnerów w Europie, jednym z potencjalnych sojuszników stawała się Rosja.

Ta z kolei, w wyniku postanowień traktatu ryskiego z 1721 roku, zyskiwała dostęp do Morza Bałtyckiego i manifestowała coraz większe ambicje do odgrywania roli mocarstwa w tej części Europy. Reformy przeprowadzone za panowania Piotra I doprowadziły do znaczącego wzmocnienia państwa carów pod względem gospodarczym

³ A.M. Schop Soler. *Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert*. Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1970; Tejze: *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733–1783*. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.

⁴ J.M. Sánchez Diana. *Relaciones diplomáticas entre Rusia y España en el siglo XVIII (1780–1783)*. „Hispania” 1952, nr 12, s. 590–605; J.B. Llabres. *Los buques de la marina imperial rusa en Baleares (1769–1914)*. „Revista General de Marina” 1972, nr 182, s. 121–137.

⁵ O. Volosiuk. *La política exterior de España (1789–1793) según los diplomáticos rusos*. „Investigaciones Históricas” 1998, 18, s. 123–137.

⁶ C. Taracha. *Europa Środkowa i Wschodnia w hiszpańskiej myśli politycznej XVIII w. Pedro de Aranda o Rosji*. [W:] *Dziedzictwo Andrzeja Frycza Modrzewskiego w myśli humanistycznej i politycznej. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej z okazji 500. Rocznicy urodzin Andrzeja Frycza Modrzewskiego, Piotrków Trybunalski — Wolbórz, 19–20 września 2003 roku*. Red. J. Kukulski. T. 1: *Dziedzictwo Andrzeja Frycza Modrzewskiego w myśli politycznej*. Red. J. Kukulski. Toruń: Adam Marszałek, 2004, s. 365–374; Tenże: *Kilka uwag na temat kaplicy przy hiszpańskim poselstwie w Rosji drugiej połowy XVIII wieku*. [W:] *Między Rzymem a Nowosybirskiem. Księga Jubileuszowa dedykowana ks. Marianowi Radwanowi SCJ*. Red. I. Wodzianowska, H. Łaszkiwicz. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2012, s. 683–688; Tenże: *Algunas consideraciones sobre la cuestión rusa y turca en la política española de la época de Carlos III*. „Teki Komisji Historycznej” 2012. T. 9, s. 53–75.

⁷ J. Lynch. *El siglo XVIII*. Seria Libros de Historia. Barcelona: Editorial Crítica, 1989.

i militarnym, dając instrumenty do realizacji coraz śmielszej polityki na arenie międzynarodowej⁸. W tym kontekście nie dziwi nas, że oba kraje poszukiwały zbliżenia na różnych płaszczyznach, od relacji dyplomatycznych poczynając.

Interesująca nas tu szczególnie ambasada księcia de Liria⁹ w Rosji (1727–1730) omówiona została w publikacjach historyków hiszpańskich, takich jak Ana María Schop Soler, Mario Rodríguez Polo¹⁰, Duque de Alba¹¹ oraz Vincente Palacio Atard¹². W Polsce na ten temat pisali Jacek Staszewski¹³ i Cezary Taracha¹⁴. W pracach wymienionych autorów ukazano najważniejsze problemy dotyczące tej ambasady, jej genezę, przebieg, prowadzone rozmowy i konsekwencje. Schop Soler uważa, że głównym celem misji Lirii¹⁵ było uzyskanie rosyjskiego wsparcia dla hiszpańskiej inwazji w Szkocji w obronie praw pretendenta Jakuba Stuarta do tronu angielskiego. W sensie militarnym to polityczne zaangażowanie Rosji miałyby się wyrazić akcją rosyjskiej eskadry z Archangielska u wybrzeży Wielkiej Brytanii. Misja księcia nie przyniosła spodziewanych rezultatów. Hiszpański historyk Vincente Palacio Atard, który aktywność dyplomatyczną Lirii określa jako „mało szczęśliwą” („poco afortunada”), przyczyn niepowodzenia upatruje w dwóch okolicznościach. Po pierwsze: w zmieniającej się szybko sytuacji międzynarodowej w Europie w związku z kongresem pokojowym w Soissons, po drugie: w braku doświadczenia młodego dyplomaty¹⁶.

Niewiele natomiast wiemy na temat organizacji i funkcjonowania placówki, w tym zabezpieczenia obiegu informacji pomiędzy ambasadą a centralą. Tekst niniejszy jest więc próbą choć częściowego wypełnienia tej luki i poznania tych właśnie aspektów rosyjskiej misji księcia de Liria.

⁸ L. Bazyłow. *Historia Rosji*. Wyd. 3 uzup. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1985, s. 190–197.

⁹ James Francis Fitz-James Stuart, książę de Liria y Berwick (1696–1738), irlandzki wojskowy i dyplomata na służbie hiszpańskiej, w latach 1727–1730 ambasador w Rosji. Por. D. Ozanam. *Les diplomats espagnols du XVIII siècle. Introduction et répertoire biographique (1700–1808)*. Seria Collection de la Casa de Velázquez, 64. Collection de la Maison des pays ibériques, 72. Madrid: Casa de Velázquez — Bordeaux: Maison des pays ibériques, 1998, s. 258–259.

¹⁰ M. Ridríguez Polo. *El duque de Liria a su paso por Polonia*. „Eslavística Complutense” 2008, nr 8, s. 207–231.

¹¹ D. Jacobo Stuart, hijo del Mariscal de Berwick, embajador en Rusia. *Conferencia pronunciada en la Escuela Diplomática el día 5 de mayo de 1951*. Madrid: Escuela Diplomática, 1951.

¹² V. Palacio Atard. *Una ignorada misión diplomática a Rusia en 1741*. [W:] *Homenaje académico a D. Emilio García Gómez*. Real Academia de la Historia. Madrid: La Academia, 1993.

¹³ J. Staszewski. *Z diariusza księcia de Liria y Xérica*. „Sobótka” 1992, nr 1–2, s. 163–170.

¹⁴ C. Taracha. *Szpiedzy i dyplomaci. Wywiad hiszpański w XVIII wieku*. Lublin: Werszet, 2005, s. 189–190.

¹⁵ Warto tu dodać, że on sam napisał i opublikował relację ze swej podróży i pobytu w Rosji, zawierającą ciekawe obserwacje różnej natury. Por. *Diario del viaje a Moscovia del Duque de Liria y Jérica*. Dir. A.L. Encinas Moral et al. Madrid: Miraguano, 2008.

¹⁶ V. Palacio Atard. *Una ignorada misión diplomática...*, s. 270.

Matryca szyfrowa ambasady hiszpańskiej

Podobnie, jak w przypadku innych hiszpańskich ambasad w Europie, w Rosji zastosowano określone, wypracowane w praktyce i oparte na doświadczeniu, mechanizmy zabezpieczające obieg informacji pomiędzy placówką a centralą. Kluczowym elementem tego systemu była matryca szyfrowa (klucz szyfrowy), w terminologii hiszpańskiej określana jako *la llave (la clave)*. Matryca wchodziła w skład standardowego wyposażenia osiemnastowiecznego dyplomaty¹⁷. Jeżeli na misję wyruszał on z Hiszpanii, jej kopię wręczano mu razem z pakietem innych dokumentów¹⁸. Od tego czasu pozostawała ona pod szczególną opieką szefa placówki, który zgodnie z instrukcjami miał posługiwać się nią w sytuacjach wymagających zachowania ścisłej tajemnicy informacji, w sytuacjach wymagających mówienia „bezglęsnym językiem”¹⁹.

Matryca przygotowana dla księcia de Liria znajduje się obecnie w Archiwum Głównym w Simancas (*Archivo General de Simancas*), w dziale *Sección de Estado*, w tomie zawierającym jego korespondencję z Rosji z 1727 roku. Klucz opisany jest jako „Zifra para la correspondencia con el Duque de Liria en su Embajada a Moscovia” i został wręczony księciu 14 stycznia 1727 roku²⁰. Przyjrzyjmy się najpierw jego wyglądowi i budowie. Dokument ma standardową postać prostokąta, a jego wielkość jest zbliżona do formatu A3. Matryca składa się z dwóch komponentów (dwóch porządków) kodowanego i kodującego: 1) komponent kodowany językowy to litery alfabetu, sylaby i wyrazy tworzące tekst otwarty, 2) komponent kodujący algebraiczny: cyfry i liczby. W tym konkretnym kluczu inne elementy kodowane czy kodujące, na przykład znaki graficzne, figury geometryczne itp., nie występują.

Matryca skonstruowana jest w oparciu o powszechnie stosowaną w XVIII wieku metodę transkrypcji²¹. Najogólniej rzecz ujmując, polega ona na zastąpieniu liter alfabetu, sylab, całych wyrazów czy nawet fragmentów zdań jednym (zastąpienie proste) albo wieloma (zastąpienie złożone) odpowiednikami (znakami) ustalonymi przez nadawcę i odbiorcę szyfrowanej korespondencji. Jako prosty przykład tego rodzaju metody można podać tzw. przesunięcie cezariańskie, czyli szyfr, którym posługiwał się Juliusz Cezar.

¹⁷ Praktyka ta utrwaliła się w epoce nowożytnej. Europejscy dyplomaci, w tym przedstawiciele Hiszpanii, posługiwali się matrycami szyfrowymi dla utajniania treści swej korespondencji. Por. C. Taracha. *La cifra de Antonio Pimentel de Prada, embajador de España en Suecia de la mitad del siglo XVII*. “Estudios Hispánicos”. Hispano-Polonica. Homenaje a Piotr Sawicki, 14, 2007, s. 235–240.

¹⁸ C. Taracha. *Dokumenty związane z ambasadą hrabiego Arandy w Polsce, 1760 r.* [W:] *Kościół. Społeczeństwo. Kultura. Prace ofiarowane Profesorowi Wiesławowi Müllerowi z okazji pięćdziesięciolecia pracy naukowej i dydaktycznej*. Red. J. Drob, H. Łaskiewicz, A. Stasiak, B. Szady, C. Taracha. Lublin: Werset, 2004, s. 489–501.

¹⁹ Nawiązując do tytułu znanej książki Edwarda Halla pt. *Bezglęśny język*, wydanej przez Państwowy Instytut Wydawniczy w 1970 roku.

²⁰ Archivo General de Simancas, Sección de Estado, 6610.

²¹ Na temat metod kryptograficznych i kryptoanalitycznych istnieje obszerna literatura naukowa i popularna, m.in. S. Singh. *Księga szyfrów (nauka skrywania tajemnic od starożytnego Egiptu do kryptografii kwantowej)*. Przeł. P. Amsterdamski. Warszawa: Wydawnictwo Albatros Andrzej Kuryłowicz, 2001.

Tabela nr 1. Szyfr według metody Cezara ($A + 2 = C$)

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z			
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z		

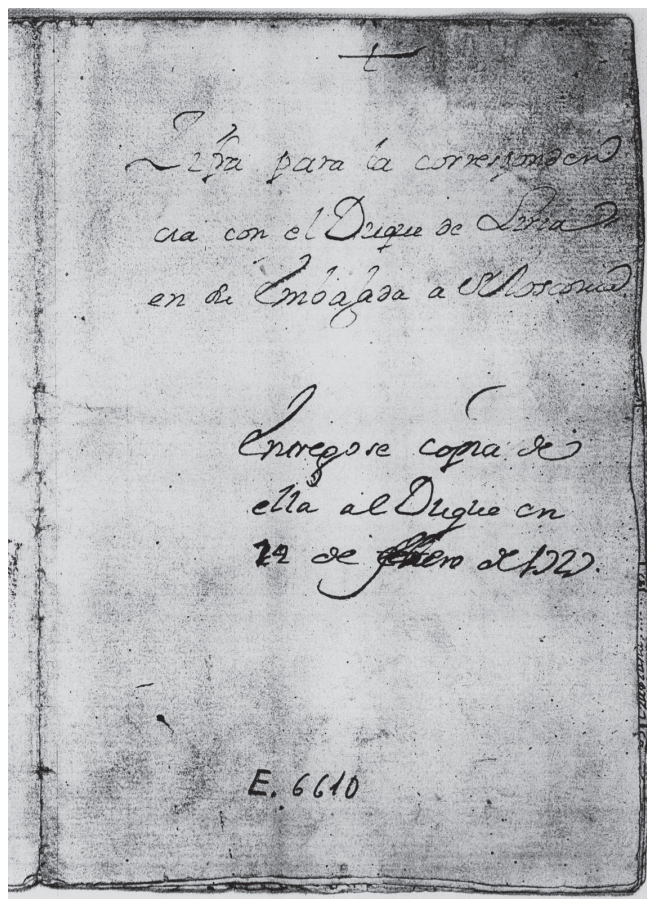
Źródło: opracowanie własne

Oczywiście metoda transkrypcji ewoluowała na przestrzeni wieków i była udoskonalana przez kryptografów. Generalna zasada pozostaje jednak zachowana.

Elementy kodowane

Przyjrzyjmy się więc teraz strukturze elementów kodowanych matrycy księcia de Liria. Utworzona jest z siedmiu kategorii elementów, które można opisać w następujący sposób:

- 1) Litery alfabetu.

Fot. 1. Matryca szyfrowa księcia de Liria (strona zewnętrzna).

Źródło: Archivo General de Simancas, Estado, 6610 (skan).

E. 6610	D 67	G 66	M 65	O 64	S 70
68	77	76	75	70	70
88	87	86	85	80	80
98	97	96	95	90	90
108	107	106	105	100	100
118	117	116	115	110	110
128	127	126	125	120	120
138	137	136	135	130	130
148	147	146	145	140	140
158	157	156	155	150	150
168	167	166	165	160	160
178	177	176	175	170	170
188	187	186	185	180	180
198	197	196	195	190	190
208	207	206	205	200	200
218	217	216	215	210	210
228	227	226	225	220	220
238	237	236	235	230	230
248	247	246	245	240	240
258	257	256	255	250	250
268	267	266	265	260	260
278	277	276	275	270	270
288	287	286	285	280	280
298	297	296	295	290	290
308	307	306	305	300	300
318	317	316	315	310	310
328	327	326	325	320	320
338	337	336	335	330	330
348	347	346	345	340	340
358	357	356	355	350	350
368	367	366	365	360	360
378	377	376	375	370	370
388	387	386	385	380	380
398	397	396	395	390	390
408	407	406	405	400	400
418	417	416	415	410	410
428	427	426	425	420	420
438	437	436	435	430	430
448	447	446	445	440	440

Fot. 2. Matryca szyfrowa księcia de Liria, (wnętrze, lewa strona).

Źródło: Archivo General de Simancas, Estado, 6610 (skan).

W matrycy znajdujemy 23 litery: „a”, „b”, „c”, „d”, „e”, „f”, „g”, „h”, „i”, „l”, „m”, „n”, „o”, „p”, „q”, „r”, „s”, „t”, „v”, „x”, „y”, „z”, „j” właściwe dla hiszpańskiego alfabetu w jego osiemnastowiecznej postaci. Pewną modyfikacją jest zakłócenie kolejności liter, bowiem „j” pojawia się na końcu, po literze „z”.

2) Sylaby (w różnych postaciach), które powstały od poszczególnych liter.

Najwięcej sylab utworzono od spółgłosek: „c”, „s”, „t”, najmniej od samogłosek.

3) Samogłoski końcowe (*finales*).

Ponieważ samogłoski jako elementy konstrukcyjne, łączące, występują bardzo często w tekście, są tzw. silnymi znakami, w matrycach szyfrowych wprowadzano dodatkowe zabezpieczenia w postaci tzw. *finales*. Dla przykładu, jeżeli samogłoska „e” występowała w środku wyrazu, można było ją zaszyfrować za pomocą liczb 197 lub 207, ale gdy kończyła wyraz zastępowano ją liczbą 352 (por. aneks).

4) Znaki puste (*nulas*).

Były to cyfry i liczby, które wprowadzano w dowolnym miejscu ciągu, pomiędzy wyrazami, aby utrudnić zdekodowanie tekstu. Ich liczba wahała się od kilku do kilkunastu. W matrycy księcia de Liria jest ich pięć.

5) Znaki podwojenia (*duplices*).

W języku hiszpańskim występują podwojone spółgłoski (*dígrafos*), II i rr. Powtórzenie tej samej liczby, np. 316, 316 dla konstrukcji „ll” mogło narazić to miejsce na zdekodowanie. Aby temu zaradzić można było ją zapisać wybierając liczby z przedziału 316–326, ale również z przedziału 417–427 (*duplices*).

6) Tytuły (*tratamientos*) czyli liczby stawiane przed każdym tytułem.

W osiemnastowiecznej korespondencji tytuły władców (*Jego Królewska Mość, Jego Wysokość*), tytuły arystokratyczne (*książe, hrabia, markiz, Wasza Ekscelencja*), kościelne (*eminencja*) występowały bardzo często, istniała więc potrzeba ich odpowiedniego zamaskowania, na przykład poprzez wprowadzenie dodatkowego ciągu liczb odnoszących się do tych właśnie pojęć.

7) Nomenklatura pojęciowa (całe wyrazy).

Nomenklatura jest tym elementem konstrukcyjnym matrycy, który najlepiej pozwala na jej osadzenie w określonym kontekście politycznym i kulturowym. Znajdujemy w niej różnorodne pojęcia odnoszące się do ówczesnej rzeczywistości, pojawiają się więc konkretne osoby, nazwy geograficzne, tytułatura, pojęcia polityczne i ustrojowe. Pewna część owych terminów dotyczy zwykle realiów kraju, w którym dany dyplomata posługujący się matrycą ma rezydować. W przypadku klucza księcia de Liria zastanawia bardzo mała liczba bezpośrednich odniesień pojęciowych związanych z Rosją. Pojawia się tutaj tylko jedno słowo „Moscovia”, kryjące się za liczbą 80.

Elementy kodujące

Po analizie komponentów kodowanych, przyjrzyjmy się teraz elementom kodującym klucza. W jaki sposób zostały zakodowane litery alfabetu, sylaby, wyrazy? Jakiej „mocy” kryptograficznej użyto do osłony elementów słabych, zwłaszcza samogłosek? Odpowiedzi na te pytania udzieli nam tabela. Widzimy, że litery od „a” do „v” otrzymały aż po jedenaście liczb kodujących²², natomiast „j”, „x”, „y”, „z” od jednej do trzech. Z czego wynika wyłączenie tych czterech liter albo, inaczej to ujmując, ich słabe zabezpieczenie? Odpowiedź wydaje się oczywista. Zadecydowała statystyka frekwencyjności: „j”, „k”, „w”, „x”, „y” i „z” to litery najrzadziej pojawiające się w języku hiszpańskim²³. Są one najmniej narażone na „dekonspirację”.

Sylaby o różnorodnych konstrukcjach mają po jednym odpowiedniku kodującym, podobnie wyrazy z części nomenklaturowej. Mocniejszą ochronę otrzymały natomiast bardziej wrażliwe *duplices, finales, nulas* i *tratamientos*.

Nieco miejsca warto z kolei poświęcić na analizę porządku liczbowego matrycy. Jako komponenty kodujące treści jawne użyte zostały liczby naturalne całkowite z przedziału od 1 do 630. Pod względem ilości użytych komponentów matryca należy do grupy średniej. Wśród osiemnastowiecznych kluczy hiszpańskiej dyplomacji, któ-

²² Kilka z liter („l”, „o”, „s”, „t”, „v”) ma jeszcze dodatkowe zabezpieczenia, w postaci dodanych dwóch kolejnych liczb kodujących (por. tabela nr 2).

²³ F. Pratt. *Secret Und Urgent. The Story of Codes and Ciphers*. [S.l.: s.n.] 1939, s. 245–255. Według strony internetowej „Kriptopolis. Criptografía y Seguridad”: „y” – 0,758%, „j” – 0,371%, „z” – 0,320%, „x” – 0,071, „k” – 0,003%. Zob. [Online:] < <http://www.kriptopolis.com/> > (26.08.2015).

S	63. 73	X	1	Armadura	62	Castilla	61	Castilla	60
San	63	van	2	Arma	72	Castilla	71	Castilla	70
ca	93	van	3	Arma	82	Castilla	81	Castilla	80
ca	103	van	4	Arma	92	Castilla	91	Castilla	90
ca	113	van	5	Arma	102	Castilla	101	Castilla	100
ca	123	van	6	Arma	112	Castilla	111	Castilla	110
ca	133	van	7	Arma	122	Castilla	121	Castilla	120
ca	143	van	8	Arma	132	Castilla	131	Castilla	130
ca	153	van	9	Arma	142	Castilla	141	Castilla	140
ca	163	van	10	Arma	152	Castilla	151	Castilla	150
ca	173	van	11	Arma	162	Castilla	161	Castilla	160
ca	183	van	12	Arma	172	Castilla	171	Castilla	170
ca	193	van	13	Arma	182	Castilla	181	Castilla	180
ca	203	van	14	Arma	192	Castilla	191	Castilla	190
ca	213	van	15	Arma	202	Castilla	201	Castilla	200
T	223. 233	Y	16	Arma	212	Castilla	211	Castilla	210
t	243	lo	17	Arma	222	Castilla	221	Castilla	220
rad	253	11	18	Arma	232	Castilla	231	Castilla	230
ca	263	ya	19	Arma	242	Castilla	241	Castilla	240
ca	273	re	20	Arma	252	Castilla	251	Castilla	250
ca	283	pi	21	Arma	262	Castilla	261	Castilla	260
ca	293	ra	22	Arma	272	Castilla	271	Castilla	270
ca	303	ru	23	Arma	282	Castilla	281	Castilla	280
ca	313	18	24	Arma	292	Castilla	291	Castilla	290
ca	323	19	25	Arma	302	Castilla	301	Castilla	300
ca	333	20	26	Arma	312	Castilla	311	Castilla	310
ca	343	21	27	Arma	322	Castilla	321	Castilla	320
ca	353	22	28	Arma	332	Castilla	331	Castilla	330
ca	363	23	29	Arma	342	Castilla	341	Castilla	340
ca	373	24	30	Arma	352	Castilla	351	Castilla	350
ca	383	25	31	Arma	362	Castilla	361	Castilla	360
V	393. 403	J	32	Arma	372	Castilla	371	Castilla	370
v	413	Ja	33	Arma	382	Castilla	381	Castilla	380
pal	423	Se	34	Arma	392	Castilla	391	Castilla	390
van	433	Si	35	Arma	402	Castilla	401	Castilla	400
van	443	So	36	Arma	412	Castilla	411	Castilla	410
van	453	Su	37	Arma	422	Castilla	421	Castilla	420
van	463	Ta	38	Arma	432	Castilla	431	Castilla	430
van	473	Ta	39	Arma	442	Castilla	441	Castilla	440
van	483	Ta	40	Arma	452	Castilla	451	Castilla	450
van	493	Ta	41	Arma	462	Castilla	461	Castilla	460
van	503	Ta	42	Arma	472	Castilla	471	Castilla	470
van	513	Ta	43	Arma	482	Castilla	481	Castilla	480
van	523	Ta	44	Arma	492	Castilla	491	Castilla	490
van	533	Ta	45	Arma	502	Castilla	501	Castilla	500
van	543	Ta	46	Arma	512	Castilla	511	Castilla	510
van	553	Ta	47	Arma	522	Castilla	521	Castilla	520
van	563	Ta	48	Arma	532	Castilla	531	Castilla	530
van	573	Ta	49	Arma	542	Castilla	541	Castilla	540
van	583	Ta	50	Arma	552	Castilla	551	Castilla	550
van	593	Ta	51	Arma	562	Castilla	561	Castilla	560
van	603	Ta	52	Arma	572	Castilla	571	Castilla	570
van	613	Ta	53	Arma	582	Castilla	581	Castilla	580
van	623	Ta	54	Arma	592	Castilla	591	Castilla	590
van	633	Ta	55	Arma	602	Castilla	601	Castilla	600
van	643	Ta	56	Arma	612	Castilla	611	Castilla	610
van	653	Ta	57	Arma	622	Castilla	621	Castilla	620
van	663	Ta	58	Arma	632	Castilla	631	Castilla	630
van	673	Ta	59	Arma	642	Castilla	641	Castilla	640
van	683	Ta	60	Arma	652	Castilla	651	Castilla	650
van	693	Ta	61	Arma	662	Castilla	661	Castilla	660
van	703	Ta	62	Arma	672	Castilla	671	Castilla	670
van	713	Ta	63	Arma	682	Castilla	681	Castilla	680
van	723	Ta	64	Arma	692	Castilla	691	Castilla	690
van	733	Ta	65	Arma	702	Castilla	701	Castilla	700
van	743	Ta	66	Arma	712	Castilla	711	Castilla	710
van	753	Ta	67	Arma	722	Castilla	721	Castilla	720
van	763	Ta	68	Arma	732	Castilla	731	Castilla	730
van	773	Ta	69	Arma	742	Castilla	741	Castilla	740
van	783	Ta	70	Arma	752	Castilla	751	Castilla	750
van	793	Ta	71	Arma	762	Castilla	761	Castilla	760
van	803	Ta	72	Arma	772	Castilla	771	Castilla	770
van	813	Ta	73	Arma	782	Castilla	781	Castilla	780
van	823	Ta	74	Arma	792	Castilla	791	Castilla	790
van	833	Ta	75	Arma	802	Castilla	801	Castilla	800
van	843	Ta	76	Arma	812	Castilla	811	Castilla	810
van	853	Ta	77	Arma	822	Castilla	821	Castilla	820
van	863	Ta	78	Arma	832	Castilla	831	Castilla	830
van	873	Ta	79	Arma	842	Castilla	841	Castilla	840
van	883	Ta	80	Arma	852	Castilla	851	Castilla	850
van	893	Ta	81	Arma	862	Castilla	861	Castilla	860
van	903	Ta	82	Arma	872	Castilla	871	Castilla	870
van	913	Ta	83	Arma	882	Castilla	881	Castilla	880
van	923	Ta	84	Arma	892	Castilla	891	Castilla	890
van	933	Ta	85	Arma	902	Castilla	901	Castilla	900
van	943	Ta	86	Arma	912	Castilla	911	Castilla	910
van	953	Ta	87	Arma	922	Castilla	921	Castilla	920
van	963	Ta	88	Arma	932	Castilla	931	Castilla	930
van	973	Ta	89	Arma	942	Castilla	941	Castilla	940
van	983	Ta	90	Arma	952	Castilla	951	Castilla	950
van	993	Ta	91	Arma	962	Castilla	961	Castilla	960
van	1003	Ta	92	Arma	972	Castilla	971	Castilla	970

Fot. 3. Matryca szyfrowa księcia de Liria, (wnętrze, prawa strona).

Źródło: Archivo General de Simancas, Estado, 6610 (skan).

rych kopie znajdują się w moim posiadaniu, pojawią się mniej i bardziej rozbudowane niż klucz księcia de Liria²⁴.

Spójrzmy z kolei na zasady rządzące elementami kodującymi. Liczby rosną (bądź) maleją w dwóch porządkach: „x + 10” oraz „y + 1”. W pionie, ułożone w 10 kolumn, rosną o 10 patrząc od góry do dołu (np. 76, 86, 96, 106, 116, 126, 146, 146, 156, 166, 176, 186, 196, 206, 216, 226, 236, 246, 256, 266, 276, 286, 296, 306, 316, 326, 336, 346, 356, 366, 376, 386, 396, 406, 416, 426, 436, 446). W poziomie natomiast rosną o jeden od prawej do lewej strony matrycy, np. 68, 67, 66, 65, 64, 63, 62, 61, 60.

Jak więc można ocenić klucz szyfrowy, który przygotowano dla księcia de Liria w *Primera Secretaría de Estado*? Czy zawierał on jakieś szczególne zabezpieczenia związane z celem i miejscem jego misji? Czy wyróżniał się czymś szczególnym na tle innych matryc przygotowywanych w tym czasie w hiszpańskim „ministerstwie spraw zagranicznych”? Budowa, struktura i mechanizmy rządzące kluczem księcia de Liria są charakterystyczne dla matryc szyfrowych przygotowywanych przez fachowców z *Pri-*

²⁴ Bardziej rozbudowane matryce hiszpańskiej dyplomacji z XVIII wieku liczą ponad 2000 liczb kodujących.

mera Secretaría de Estado w latach dwudziestych i trzydziestych XVIII wieku. Znajdujemy w niej typowe, najważniejsze komponenty konstrukcyjne czyli litery i sylaby, samogłoski końcowe, znaki podwojenia i nomenklaturę oraz elementy de-konstrukcyjne (znaki puste). Posiada ona jednak również pewne cechy specyficzne (anomalia, niekonsekwencje). Dla przykładu wyraz „corte” występuje wśród sylab utworzonych od spółgłoski „c”, a nie w części nomenklaturowej. W matrycy nie zastosowano jakichś szczególnych zabezpieczeń, a ciąg liczbowy elementów kodujących mieści się w przedziale średnim (1–630). Czy znaczy to, że nie spodziewano się, aby ambasada hiszpańska w Rosji pozyskiwała i przesyłała jakiejś nadzwyczajnej wagi informacje? Tego rodzaju teza byłaby pewnie zbyt ryzykowna. Nie ulega natomiast wątpliwości, że kontakty polityczne i dyplomatyczne Madrytu z Moskwą nie miały w latach dwudziestych XVIII wieku, mimo znaczącego ożywienia w czasie misji księcia de Liria, rangi podobnej do relacji z innymi państwami, zwłaszcza z mocarstwami takimi, jak sojusznicza burbońska Francja czy wroga Wielka Brytania.

Tabela nr 2. Litery i sylaby alfabetu w matrycy księcia de Liria

Litera	Liczba odpowiedników /przedział/	Liczba sylab utworzonych/ 2 członowe - 3 członowe - inne	Uwagi
A	11 /68–78/	5/	
B	11 /138–148/	10 / 5 – 5	
C	11 /258–268/	18 / 5 – 12 – 1*	* wyraz „corte”
D	11 /67–77/	11 / 6 – 5	
E	11 /197–207/	6 / 2 – 4	
F	11 /277–287/	11 / 5 – 6	
G	11 /66–76/	10 / 5 – 5	
H	11 /186–196/	5 / 4 – 1	
I	11 /256–266/	4 / 0 – 3 – 1*	* litera „i”
L	11 / 316–326/	12 / 5 – 3 – 2*	litera „l” 2 razy
M	11 /65–75/	10 / 5 – 4 – 1*	Litera „m”
N	11 /185–195/	10 / 5 – 4 – 1*	Litera „n”
O	11 /64–74/	3 / 0 – 1 – 2 *	Litera „o” 2 razy
P	11 /114–124/	12 / 5 – 6 – 1*	Litera „p”
Q	11 /254–264/	6 / 1 – 5	
R	11 /334–344/	13 / 9 – 3 – 1	Litera „r”
S	11 /63–73/	14 / 7 – 4 – 2	Litera „s” 2 razy
T	11 /223–233/	14 / 5 – 7 – 2	Litera „t” 2 razy
V	11 /393–403/	11 / 5 – 4 – 2	Litera „v” 2 razy
X	1 /1/*	8 / 5 – 3	Tylko jeden
Y	3 /10–12/	5 / 5 – 0	
Z	2 /18–19/	8 / 5 – 3	
J	2 /29–30/	8 / 5 – 3	

Źródło: opracowanie własne

Bibliografia

- Bazyłow L. *Historia Rosji*. Wyd. 3 uzup. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1985.
- D. Jacobo Stuart, *hijo del Mariscal de Berwick, embajador en Rusia. Conferencia pronunciada en la Escuela Diplomática el día 5 de mayo de 1951*. Madrid: Escuela Diplomática, 1951.
- Hall E.T. *Bezglóśny język*. Przeł. R. Zimand i A. Skarbińska. Słowo wstępne M. Płachecki. Seria Biblioteka Myśli Współczesnej. Plus Minus Nieskończoność. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970.
- Llabres J.B. *Los buques de la marina imperial rusa en Baleares (1769–1914)*. „Revista General de Marina” 1972, nr 182, s. 121–137.
- Lynch J. *El siglo XVIII*. Seria Libros de Historia. Barcelona: Editorial Crítica, 1989.
- Ozanam D. *Les diplomats espagnols du XVIII siècle. Introduction et répertoire biographique (1700–1808)*. Seria Collection de la Casa de Velázquez, 64. Collection de la Maison des pays ibériques, 72. Madrid: Casa de Velázquez — Bordeaux: Maison des pays ibériques, 1998.
- Palacio Atard V. *Una ignorada misión diplomática a Rusia en 1741*. [W:] *Homenaje académico a D. Emilio García Gómez*. Real Academia de la Historia. Madrid: La Academia, 1993.
- Rodríguez Polo M. *El duque de Liria a su paso por Polonia*. „Eslavística Complutense” 2008, nr 8, s. 207–231.
- Sánchez Diana J.M. *Relaciones diplomáticas entre Rusia y España en el siglo XVIII (1780–1783)*. „Hispania” 1952, nr 12, s. 590–605.
- Schop Soler A.M. *Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert*. Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1970.
- Schop Soler A.M. *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733–1783*. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.
- Sutor J. *Prawo dyplomatyczne i konsularne*. Wyd. 4 zm. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993.
- Taracha C. *Szyfr Felipe Rodrígueza z 1726 roku*. [W:] *Ojczyzna i wolność. Prace ofiarowane Profesorowi Janowi Ziółkowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Red. A. Barańska, W. Matwiejczyk, E.M. Ziółek. Prace Wydziału Historyczno-Filologicznego. Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 81. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2000, s. 725–744.
- Volosiuk O. *La política exterior de España (1789-1793) según los diplomáticos rusos*. “Investigaciones Históricas” 1998, 18, s. 123–137.
- Taracha C. *Europa Środkowa i Wschodnia w hiszpańskiej myśli politycznej XVIII w. Pedro de Aranda o Rosji*. [W:] *Dziedzictwo Andrzeja Frycza Modrzewskiego w myśli humanistycznej i politycznej. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej z okazji 500. Rocznicy urodzin Andrzeja Frycza Modrzewskiego, Piotrków Trybunalski — Wolbórz, 19–20 września 2003 roku*. Red. J. Kukulski. T. 1: *Dziedzictwo Andrzeja Frycza Modrzewskiego w myśli politycznej*. Red. J. Kukulski. Toruń: Adam Marszałek, 2004, s. 365–374.
- Taracha C. *Kilka uwag na temat kaplicy przy hiszpańskim poselstwie w Rosji drugiej połowy XVIII wieku*. [W:] *Między Rzymem a Nowosybirskiem. Księga Jubileuszowa dedykowana ks. Marianowi Radwanowi SCJ*. Red. I. Wodzianowska, H. Łaskiewicz. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2012, s. 683–688.
- Taracha C. *Algunas consideraciones sobre la cuestión rusa y turca en la política española de la época de Carlos III*. „Teki Komisji Historycznej” 2012. T. 9, s. 53–75.

BIBLIOGRAFIE

BIBLIOGRAPHIES

БИБЛИОГРАФИИ

POLSKA LEKSYKOLOGRAFIA TERMINOLOGICZNA
Z KOMPONENTEM ROSYJSKIM Z DZIEDZINY
NAUK PRAWNYCH. BIBLIOGRAFIA SŁOWNIKÓW
WYDANYCH W LATACH 1803–2014

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej
Katedra Skandynawistyki, Pracownia Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl
(nadesłano 21.06.2015; zaakceptowano 11.08.2015)

Abstract

**Polish terminological lexicography
in the field of legal science including a Russian component.
A bibliography of dictionaries published between 1803-2014.**

The article contains a list of 126 legal lexicographical items (each including the Russian language), published in Poland during the years 1803–2014. The bibliography is composed in chronological order. The purpose of the article is to present the richness of terminography written by Polish specialists.

The material in question has been excerpted and catalogued on the basis of bibliographical sources, scientific publications, publishing and library catalogues available at the time. The fact that so much bibliographical material has been collected proves that for publishers Russian is still a prestigious language, which enjoys a high social and communicative status.

The bibliography exemplifies editorial dynamics and welcoming attitude towards the Russian language on the part of national publishers agencies and scientific centers.

Key words

Bibliography, bilingual lexicography, dictionary, jurisprudence, legal lexicography, multilingual lexicography, Polish language, Russian language, terminography.

Резюме

Польская терминологическая лексикография в области правоведения и юридических дисциплин

с русским языковым компонентом.

Библиография словарей, изданных в 1803–2014 годах

Настоящая статья представляет собой библиографический перечень 126 лексикографических изданий по правоведению и юридическим дисциплинам, изданных в Польше в 1803–2014 гг., языковым компонентом которых является *русский*. Главная цель работы экспонировать богатство терминографических работ, составленных польскими специалистами.

Материал к библиографии собран и каталогизирован на основе библиографических источников, научных трудов, подписных каталогов и каталогов научных библиотек. Составление такого обширного библиографического перечня свидетельствует, несомненно, о том, что русский язык все время относится к группе престижных языков с высоким общественно-коммуникационным статусом, значимых в межкультурных контактах.

Настоящая библиография отражает издательскую динамику в Польше и открытость на русский язык.

Ключевые слова

Библиография, польский язык, русский язык, словарь, переводческая лексикография, правоведение, терминологическая лексикография, юридические дисциплины.

Wprowadzenie

Leksykografia terminologiczna stanowi ważną gałąź leksykografii. Ma ona charakter normalizujący i wysoce użytkowy (praktyczny). W ostatnich dziesięcioleciach tendencja do opracowywania i edytowania słowników o wysokim stopniu wyspecjalizowania zaznacza się coraz wyraźniej; fakt ten dotyczy zarówno terminografii jednojęzycznej, jak i przekładowej (dwu- i wielojęzycznej)¹. Wyznacznikiem tej dynamiki jest konkretne zapotrzebowanie współczesnego odbiorcy — wszechstronnie wykształ-

¹ Zob. K. Wojan. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013; K. Wojan. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014.

conego i dostrzegającego konieczność poszerzania swych kompetencji zawodowych. Szczególnego pietyzmu wymagają takie sfery działalności, jak wymiana handlowa, zagadnienia prawno-administracyjne, technologie, relacje dotyczące strategii i techniki wojskowej, wymiana myśli naukowej i kulturowej. Ewolucyjny rozwój linii leksykografii służącej luminarzom nauki i kultury jest konsekwencją progresu dorobku intelektualnego cywilizacji, a zwłaszcza kontaktów międzynarodowych i wzajemnego transferu dorobku myśli².

Bibliografie słowników stanowią istotne narzędzie pracy historyka i krytyka leksykografii. Pozwalają one na obiektywną analityczną ocenę ilościową i jakościową słownictwa w poszczególnych okresach jego rozwoju, na wieloaspektową analizę deskryptywną jego zasadniczych działów, stanowią bazę wyjściową w komparatystyce leksykograficznej. Dotychczas ukazały się cztery bibliografie (w układzie chronologicznym i tematycznym) z zakresu leksykografii polskiej, której element stanowi język rosyjski, w opracowaniu Katarzyny Wojan³ i Doroty Szuper-Jakubiuk⁴. Wcześniej dział leksykograficzny z językiem rosyjskim w swym zestawieniu bibliograficznym słowników wyróżniali: Ryszard Kazimierz Lewański⁵ i Piotr Grzegorzcyk⁶. Informacje na temat konkretnych pozycji słownikarskich udostępniają też liczne publikacje bibliograficzne, niegdyś regularnie przygotowywane przez wydawnictwa państwowe, w pierwszym rzędzie przez redakcję Wydawnictw Naukowo-Technicznych⁷, a także

² K. Wojan. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne...*, s. 5.

³ K. Wojan. *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006; K. Wojan. *Bibliografia polsko-rosyjskich i rosyjsko-polskich słowników przekładowych za lata 1990–2005 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2006, z. 1 (113), s. 65–80; K. Wojan. *Z polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników z językiem rosyjskim za lata 2005–2011 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2013, z. 1 (141), s. 133–159.

⁴ D. Szuper-Jakubiuk. *Bibliografia słowników przekładowych handlowych i okołohandlowych (język polski, rosyjski, ukraiński) za lata 1990–2010 w układzie chronologicznym*. „Linguodidactica” 2010. T. XIV. Białystok, s. 243–250. [Online] <http://pbc.biaman.pl/Content/30182/%C5%9Brodek_Liguodid_XIV.pdf> (11.05.2015).

⁵ Lewański R.C. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 3: *Russian*. New York: New York Public Library, 1963 (wyd. 2 popr.: Bolonia 1972).

⁶ P. Grzegorzcyk. *Index lexicorum Poloniae. Bibliografia słowników polskich*. Warszawa: PWN, 1967.

⁷ M.in. *Słowniki techniczne. Książki do nauki języków obcych dla techników. Katalog 1949–1964*. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1964; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 1: 1945–1961. Red. E. Głowacka, D. Rymśa-Zalewska, I. Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1965; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej...* T. 2: 1962–1964. Red. E. Głowacka, D. Rymśa-Zalewska, I. Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1968; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej...* T. 3: 1965–1966. Red. E. Głowacka, D. Rymśa-Zalewska, I. Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1969; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej...* T. 4: 1967–1968. Red. E. Głowacka, D. Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1970; *Bibliografia słowników*

katalogi wydawnicze Wiedzy Powszechnej. Nowy kierunek w leksykografii polskiej wyznaczył Jan Wawrzyńczyk, który wydał szereg słowników leksykalno-bibliograficznych poświęconych językoznawstwu rosyjskiemu⁸.

Za granicą bibliografistyką słownikarską ukierunkowaną na język rosyjski zajmuje się m.in. Wołodymyr Dubiczynski⁹, ukraiński leksykolog i leksykograf. W świecie ukazało się wiele odrębnych pozycji książkowych zawierających bibliografię słowników rosyjskich. Do takich należą prace Mikhaïla Saringuljana¹⁰, Michala Fedora¹¹, Yrjö Aava¹² i in. Ponadto wykazy słowników reprezentujących różne obszary leksykografii

---

wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej... T. 5: 1969–1970. Red. E. Głowacka, D. Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1972; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej...* T. 6: 1971–1972. Red. E. Głowacka, D. Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1974; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej...* T. 7: 1973–1974. Red. M. Boratyn, D. Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1976; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej...* T. 8: 1975–1976. Red. M. Boratyn, D. Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1978; *Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej...* T. 9: 1977–1978. Red. M. Boratyn, D. Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1981.

⁸ Zob. J. Wawrzyńczyk. *Przewodnik bibliograficzno-leksykalny po współczesnym językoznawstwie rosyjskim*. Preprint. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1994; J. Wawrzyńczyk. *Współczesne językoznawstwo rosyjskie, polskie, ogólne. Słownik bibliograficzny*. Z. 1–2. Łódź: Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej — Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, 2002; J. Wawrzyńczyk, E. Małek. *Z materiałów do słownika bibliograficznego języka rosyjskiego. Terminologia lingwistyczna, wybrane terminy wiedzy o kulturze i literaturze, hapaks legomena*. Seria Semiosis Lexicographica. Vol. 16. Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, 2004; J. Wawrzyńczyk, E. Małek. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 1: A–O. Seria Semiosis Lexicographica. Vol. 55. Warszawa: Bel Studio, 2010; J. Wawrzyńczyk, E. Małek. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 2: П–Я. Warszawa: Bel Studio, 2012; J. Wawrzyńczyk, E. Małek. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Z. 1: А–Бар. Warszawa 2014: Mila Hoshi. [Online] <<https://www.academia.edu/9730772>> (10.02.2105). J. Wawrzyńczyk, E. Małek. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Z. 2: Бас–Глаз. Warszawa 2014: Mila Hoshi. [Online] <<http://www.academia.edu/9796346>> (10.02.2105); J. Wawrzyńczyk, E. Małek. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Z. 3: Глай–Иж. Warszawa 2014: Mila Hoshi.

Ten dział leksykografii zaczęła rozwijać także Wojan — zob. K. Wojan. *Język potoczny w polskiej lingwistyce. Materiały do Przewodnika leksykalno-bibliograficznego*. [W:] „Mówimy jak mówimy...” *Gdzie ukryta jest potoczność?* Red. M. Grabska, Ż. Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, s. 43–83 [Praca zawiera dział *Rusycystyka*, s. 80–82].

⁹ M.in. В.В. Дубичинский, А.Н. Самойлов. *Словари русского языка. Учебное пособие*. Харьков: Международный славянский университет — Харьковское лексикографическое общество, 2006.

¹⁰ *Англо-русский библиотечно-библиографический словарь (English Russian dictionary of library and bibliographical terms)*. Сост. М.Х. Сарингулян. Под ред. П.Х. Кананова и В.В. Попова. Москва: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1958.

¹¹ M. Fedor. *Rusko-slovenský, slovensko-ruský knihovnícky a bibliografický slovník*. Martin: Matica slovenská, 1960.

¹² Y. Aav. *Russian dictionaries. Dictionaries und glossaries printed in Russia 1627–1917*. Seria Bibliotheca Slavica, 10. Zug Switz.: Inter Documentation Co. AG, 1977.

rosyjskiej — jednojęzycznej, przekładowej i encyklopedycznej¹³ — zamieszczane bywają na łamach uznanych czasopism językoznawczych.

Najlepiej opracowane pod względem analityczno-bibliograficznym jest w mojej ocenie słownikarstwo polsko-angielskie¹⁴. W ostatnich latach książkowe bibliografie słowników z językiem angielskim wydali: Tadeusz Piotrowski¹⁵, Marek Łukasik¹⁶ i Katarzyna Wojan — autorka obszernego dwutomowego dzieła¹⁷. Niewielki, liczący 30 pozycji, wykaz bibliograficzny słowników informatycznych angielsko-polskich zamieścił online Marcin Miłkowski¹⁸. Wprawdzie słowniki rejestrowane są w katalogach bibliotecznych, od pewnego czasu udostępniające online dane o nich, jednak katalogi te charakteryzuje wciąż jeszcze duży stopień rozproszenia, co wiąże się z brakiem możliwości uzyskania przy pomocy dowolnej wyszukiwarki pełnego wykazu prac leksykograficznych z danej dziedziny.

Zawartość zbioru leksykograficznego

Prezentowany wykaz słowników mieści w sobie maksymalnie obszerny, a pod względem rzeczowym wysoce zróżnicowany zbiór 126 pozycji leksykograficznych, na którego zawartość składają się chronologicznie usystematyzowane prace polskich autorów z zakresu szeroko pojmowanej terminografii prawnej i prawniczej (*legal lexicography*), której element stanowi język rosyjski. Obejmuje on leksykę terminologiczną z zakresu prawa administracyjnego (administratywistyki), prawa budowlanego, prawa celnego, prawa górniczego, prawa kanonicznego, prawa karnego (karnistyki), prawa konstytucyjnego (konstytucjonalistyki), prawa medycznego, prawa międzynarodowego (internacjonalistyki), prawa podatkowego, prawa procesowego (procesualistyki), prawa wojskowego, a także terminy z kręgu nauk pomocniczych prawoznawstwa (jurysprudencji), takich jak kryminalistyka, medycyna sądowa, nauki penalne.

¹³ Zob. np. *Русские энциклопедии и энциклопедические словари. Библиографический указатель*. Сост. С.И. Болтачева и др. Москва: Русская энциклопедия, 1992.

¹⁴ Stwierdzenie w oparciu o dane uzyskane w wyniku prowadzenia badań własnych (własna baza danych — KW, stan z dnia 11.06.2015).

¹⁵ T. Piotrowski. *Słowniki angielsko-polskie i polsko-angielskie w dobie najnowszej. Próba analizy bibliograficznej*. [W:] *Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15 000 dni pracy naukowej*. Red. W. Gruszczyński et al. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2001, s. 203–210; T. Piotrowski. *Bibliografia słowników z angielskim i polskim*. [Online] <<http://www.tadeuszpiotrowski.neostrada.pl/bibdic.htm>> (20.05.2006).

¹⁶ M. Łukasik. *Angielsko-polskie i polsko-angielskie słowniki specjalistyczne (1990–2006). Analiza terminograficzna*. Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2007.

¹⁷ K. Wojan. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013; K. Wojan. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014.

¹⁸ M. Miłkowski. *Słowniki informatyczne po polsku. Bibliografia*. [W:] Portal „Language // Język”. 17.08.2012, godz. 18:24. [Online] <<http://marcinmilkowski.pl/pl/tumaczenie-mainmenu-28/24-sowniki-informatyczne-po-polsku-bibliografia>> (11.06.2015).

Zawarte w prezentowanym spisie pozycje leksykograficzne wydane zostały głównie na terenach Rzeczypospolitej, jednakże sporadycznie także za granicą, bądź też w edycji z zagranicznymi wydawcami, w latach 1803–2014. Przyjęcie w niniejszej bibliografii zasady konsekwentnego porządkowania chronologicznego tytułów i wydań ułatwia możliwie przejrzysty wgląd czytelnika w zasób i stan polskiego słownictwa dla interesującego przedziału czasowego.

Pojęcie słownik w przedkładanej pracy oznacza „zbiór uporządkowany materiału leksykograficznego”¹⁹, w związku z czym niniejszy przegląd obejmuje typologicznie zróżnicowane opracowania słownikarskie: od lingwistycznych po encyklopedyczne.

Trzon opracowanego wykazu bibliograficznego stanowią pozycje leksykograficzne o charakterze przekładowym, czyli dwujęzyczne i wielojęzyczne słowniki terminologiczne. Obejmuje on dzieła zarówno samodzielne, jak i będące dodatkiem do innych prac niemających charakteru stricte słownikarskiego (słowniczki załącznikowe do podręczników, wykazy nazw organów administracji itp.). Do spisu bibliografii włączono opracowania zawierające znaczące, obszerne indeksy terminów dziedzinowych, glosariusze, glosy. Niewielką część zbioru stanowią wybrane pozycje encyklopedyczne, np. *Encyklopedia spraw międzynarodowych i ONZ* Edmunda Jana Osmańczyka (1974) oraz dokumentacyjne, np. *Historia Kościoła Rzymskokatolickiego w Rosji i Polsce w dokumentach archiwów, bibliotek i muzeów Sankt Petersburga. Zarys-przewodnik (История Римско-католической Церкви в России и Польше в документах архивов, библиотек и музеев Санкт-Петербурга)* pod red. Krzysztofa Pożarskiego (2000), tablice porównawcze, np. *Сравнительныя таблицы всехъ известныхъ монетъ, весовъ и меръ, приведенныхъ к монетамъ, весамъ и мерамъ российскимъ, новымъ французскимъ и польскимъ (Tablice porównawcze wszystkich wiadomych monet, wag i miar, wyrachowanych na monety, wagi i miary nowe francuskie, nowe polskie i rosyjskie)* Edwarda Tomasza Massalskiego (1834), tabele synoptyczne, np. *Synoptyczna tabella rang i stopni rossyjskich: wojskowych, cywilnych i duchownych* Piotra Dubrowskiego (1847).

Poniższy spis otwiera *Дукцыонарь, czyli słownik praw rosyjskich* z 1803 roku wydany w Połocku. Drugim słownikiem jest *Ручной словарь или Краткое содержание Польскихъ и Литовскихъ законовъ. Служащихъ руководствомъ въ судебныхъ тяжбахъ всякаго рода, собранныхъ для употребления въ присутственныхъ местахъ и для пользы частныхъ обывателей Коронныхъ и Литовскихъ провинцій* I. Buczyńskiego, przekład rosyjski polskiej pracy opublikowany w 1810 roku w Petersburgu. Chronologicznie trzecim opracowaniem są *Wypisy rossyjskie, wydanie trzecie, poprawne, pomnożone prawidłami grammatycznymi, pisownią, iloczasem i prozodyą wierszów rossyjskich i wiadomością o rangach i tytułach urzędników państwa, oraz miarach, wagach i monecie w Rossyi używanych, na końcu słownik rossyjsko-polski w tey xiążce znajdujących się* Piotra Ostrowskiego, wydrukowane w 1823 roku w Wilnie. Za właściwy słownik terminologiczny z dziedziny prawa uznać można dopiero *Słownik podręczny prawniczy polsko-rosyjski* Andrzeja Wigury wydany w 1832 roku w Berdyczowie. Kolejną wczesną publikacją tematyczną stanowi *Krótki słownik polsko-rosyjski do używania w czynnościach sądowych i prawnych* Johanna Adolfa Erdmanna

¹⁹ P. Grzegorzczak. *Index lexicorum Poloniae...*, s. 10.

Schmidta z 1834 roku. Trzydzieści lat później — w 1847 roku — ukazał się *Słownik polsko-rosyjski, administracyjny i sądowy* znanego polonifila i leksykografa Piotra Dubrowskiego.

W zbiorze uwzględniono pozycje, w których elementem opisu słownikowego są inne języki, m.in. łacina jako język wyjściowy w pracy *Латинско-русский словарь к источникам римского права* Teodora Dudyńskiego z 1890 roku (Warszawa). Zgromadzono tu także opracowania wielojęzyczne, takie jak *Polsko-rosyjsko-ukraiński słownik języka oficjalno-urzędowego* Michaiła Aleksiejenki wydany w 2002 roku w Szczecinie i *Польсько-українсько-російський словник юридичної термінології* Igora Jacenki opublikowany w 2007 roku w Kijowie. Warto byłoby wymienić też wielojęzyczny słowniczek, którego językiem wyjściowym jest esperanto — *Seplingva kongresfaka terminareto* opracowany w 1958 roku przez czołowych polskich esperantystów — Jerzego Gruma i Andrzeja Pettyna.

W wykazie nie pominięto leksykografii mowy Gułagu, której dokumentalistą był polsko-francuski językoznawca i pisarz Jacques François Rossi (1909–2004; ur. jako Franz Xaver Heyman, pol. Jacek Franciszek Rossi). Jego najśłynniejszym dziełem jest wydana po rosyjsku w 1987 roku w Londynie encyklopedia i słownik mowy Gułagu — *Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом*. Dzieło owo zostało przetłumaczone na wiele języków, m.in. na japoński, co wydatnie pomnaża jego wartość.

Podstawa katalogowania pozycji słownikarskich

Materiał faktograficzny został wyekscerpowany z dostępnych źródeł bibliograficznych, publikacji naukowych (w postaci monografii, artykułów naukowych, recenzji etc.), katalogów bibliotecznych i wydawniczych, zarówno w wersji papierowej, jak i w formie elektronicznego dokumentu sieciowego. Kolejnym krokiem było poddanie analizie merytorycznej zgromadzonych zbiorów, wyselekcjonowanie właściwych opracowań leksykograficznych z językiem rosyjskim, usystematyzowanie zebranego materiału poprzez wprowadzenie układu chronologicznego. Po autorskim skatalogowaniu opisów bibliotecznych przynależnych właściwym publikacjom, wielokrotnie przeprowadzano ich weryfikację, mającą na celu wyeliminowanie różnego rodzaju błędów (rzeczowych, graficznych, wreszcie klasyfikacyjnych) oraz dokonanie niezbędnych uzupełnień. Na bieżąco aktualizowano też stworzoną siatkę bibliograficzną.

Autorka dotarła do większości pozycji osobiście drogą kwerend bibliotecznych, dokonując analizy treści poszczególnych opracowań. Zapoznanie się z licznymi pozycjami było możliwe również dzięki wyszukiwarce Google Book Search. Część niniejszego rejestru oparta jest jednak — siłą rzeczy — na upowszechnionych opisach bibliograficznych i wydawniczych, zebranych w trakcie poszukiwań. Podczas kwerend bibliotecznych dokładnie zapoznano się z zawartością bibliotek internetowych oraz katalogów bibliotek naukowych zarówno polskich, jak i zagranicznych. W tym celu wykorzystano elektroniczną bazę NUKAT, tj. katalog centralny polskich bibliotek na-

ukowych i akademickich, katalog WorldCat, katalog on line Biblioteki Narodowej, katalogi biblioteczne różnych profilowanych uczelni wyższych.

Podczas przygotowywania niniejszej bibliografii do publikacji stosowano poniższe zasady. W procesie konfigurowania wykazu zachowano porządek chronologiczny, co oznacza, iż pozycje słownikarskie pogrupowano według roku ich wydania. W poszczególnych odcinkach czasowych publikacje uszeregowano alfabetycznie według nazwisk autorów, a w przypadku opracowań zbiorowych według tytułów — w obu przypadkach zgodnie z kolejnością liter alfabetu polskiego. Nazwiska redaktorów, jak również osób uczestniczących w procesie opracowywania haseł słownikowych, podaje się po tytule dzieła. W przypadku pozycji sygnowanych nazwiskiem autora po nazwisku umieszczono pełne imię (imiona). W odniesieniu do prac zbiorowych imię redaktora (redaktorów) i autorów haseł umieszczono przed nazwiskiem. Tytuły pozycji drukowanych w alfabetach innych aniżeli łaćniński (oprócz cyrylicy) podaje się w zapisie transkrypcji, jaka ma zastosowanie w procedurze katalogowania bibliotecznego. W miejscu opisu bibliograficznego zamieszczono nazwę wydawcy, instytucji wydawniczej lub jej oddziału. W adresie bibliograficznym uwzględniono również kolejność wydania, nazwę serii i — każdorazowo — liczbę stron (z wyjątkiem niektórych publikacji w wersji elektronicznej online). Po adresie bibliograficznym, zwykle w nawiasach kwadratowych, umieszcza się informacje dodatkowe dotyczące zamieszczonego w publikacji indeksu rzeczowego, języków przekładu, przeznaczeniu pracy, tytułu okładkowego, zapisów dodatkowych na stronach przytytułowych, informacje o innym tytule pierwszego / poprzedniego bądź oryginału wydania, jak też adnotacje informujące o przeznaczeniu (typie) publikacji dla określonego odbiorcy. W przypadku występowania ekwiwalentnego tytułu (tytułów) innojęzycznego przytacza się obydwa, bądź równoległe. W niektórych wypadkach w nawiasach kwadratowych przed adresem bibliograficznym podaje się nazwisko właściwe autora bądź jego zapis polskojęzyczny, jeśli w oryginale występuje zapis cyrylicy.

Sporządzony wykaz bibliograficzny słowników ma charakter użytkowy — z założenia winien służyć jako przydatne, aktualne i łatwo dostępne informatorium. Korzystać z niego mogą nie tylko uczeni, leksykografowie, ale też osoby doskonalące swe kompetencje językowe oraz tłumacze tekstów specjalistycznych.

Chronologiczny wykaz bibliograficzny pozycji terminograficznych z dziedziny nauk prawnych i prawniczych, wydanych w latach 1803–2014

1803

Dykcjonarz, czyli słownik praw rosyjskich. Połock 1803.

1810

[Buczynski I.] Бучинский И. *Ручной словарь или Краткое содержание Польскихъ и Литовскихъ законовъ. Служащихъ руководствомъ въ судебныхъ тяжбахъ всякаго рода, собранныхъ для*

употребления въ присутственныхъ местахъ и для пользы частныхъ обывателей Коронныхъ и Литовскихъ провинцій. Переводъ съ Польскаго. Въ Санкт-Петербурге: при Сенатской Типографіи, 1810, ss. [2], XV, 382, [5].

1823

Ostrowski Piotr Fiodorowicz. *Wypisy rossyyskie, wydanie trzecie, poprawne, pomnożone prawidłami grammatycznemi, pisownią, iloczasem i prozodyą wierszów rossyyskich i wiadomością o rangach i tytułach urzędników państwa, oraz miarach, wagach i monecie w Rossyi używanych, na końcu słownik rossyysko-polski w tey xiążce znadujących się.* Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego typografa Imperatorskiego Uniwersytetu, 1823, ss. 60, 196.

1826

Ostrowski Piotr Fiodorowicz. *Wypisy rossyyskie, wydanie 4 poprawne, pomnożone prawidłami grammatycznemi, pisownią, iloczasem, prozodyą wierszów rossyyskich i wiadomością o rangach i tytułach urzędników państwa, oraz miarach, wagach i monecie w Rossyi używanych, na końcu słownik rossyysko-polski wyrazów w tey xiążce znayduiących się.* Przez P.O. Wilno: J. Zawadzki własnym nakładem, 1826, ss. [4] 196.

1830

[Lewicki Józef] Левицький Йосип. *Приручный словарь славено-польскій, или Собрание реченій славенскихъ неудобъ разумьтелныхъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ, на языкъ польскій толкованыхъ = Słownik słowiańsko-polski zawierający w sobie mniej teraz zrozumiałe, w księgach cerkiewnych i do nabożeństwa służących znaydujące się słowa, dla użytku duchowieństwa, wyznawców obrządku grecko-katolickiego, miłośników starożytnego języka słowiańskiego.* Lwów: drukiem i nakładem Instytutu Stauropigialnego, 1830, ss. [8], 147 [Ok. 6000 słów, od *абіе* do *Всцѣнѣ*].

1832

Wigura Andrzej. *Słownik podręczny prawniczy polsko-rosyjski.* Berdyczów 1832.

1834

[Massalski Edward Tomasz, ps. Artur Odrowąż Kamiński]. *Сравнительныя таблицы всехъ известныхъ монетъ, весовъ и меръ, приведенныхъ к монетамъ, весамъ и мерамъ русскимъ, новымъ французскимъ и польскимъ = Tablice porównawcze wszystkich wiadomych monet, wag i miar, wyrachowanych na monety, wagi i miary nowe francuskie, nowe polskie i rossyjskie.* Составленныя магистромъ правъ и философіи Фомою Массальским. Санкт-Петербургъ: Въ Типографіи Карла Крайя, 1834, ss. [4], 116.

Schmidt Johann Adolf Erdmann. *Krótki słownik polsko-rosyjski do używania w czynnościach sądowych i prawnych.* Wrocław: W.B. Korn, 1834.

1847

Dubrowski Piotr Pawłowicz. *Słownik polsko-rosyjski, administracyjny i sądowy, zawierający: 1. Wyrażenia prawnicze i administracyjne; 2. Nazwy techniczne w budownictwie, górnictwie, hydraulicz. i. t. p.; 3. Imiona chrzestne; 4. Synoptyczną tabellę rang i stopni rossyjskich: wojskowych, cywilnych i duchownych.* Warszawa: w Drukarni J. Glücksberga, 1847, ss. XI, [1], 258, [1].

1849

Zamiana miar i wag polskich na rossyjskie i rossyjskich na polskie. Oprac. i ułożył S. Bakka, kom. u H. Natanson. Warszawa: Drukarnia Józefa Ungera, 1849, ss. 45.

1850

Waga Antoni. *Nazwiska monet u różnych narodów i w różnych wiekach używane, abecedłowo spisane i objaśnione przybliżonem porównaniem z dzisiejszemi pieniądźmi polskimi*. Warszawa: S. Orgelbrand, 1850, ss. 113, [4].

1860

Ostrowski Piotr Fiodorowicz. *Wypisy rossyjskie, wydanie 7, pomn. prawidłami gramatycznymi, pisownią, iloczasetm, prozodyą wierszow rossyjskich i wiadomością o rangach i tytułach urzędników państwa, oraz miarach, wagach i monecie w Rossyi używanych, na końcu słownik rossyjsko-polski wyrazów w tey xiążce znajdujących się*. Przez P.O. Wilno: J. Zawadzki własnym nakładem, 1860, ss. 263.

1867

Czepliński Floryan. *Słownik Polsko-Rossyjski administracyjno-sądowo-techniczny, z tabelą synoptyczną rang i stopni rossyjskich = Словарь польско-русский административно-судебно-технический, с синоптической таблицей Российских чинов и степеней*. Ułożył tłumacz Banku Polskiego... Warszawa: Skład główny M. Orgelbranda. Drukarnia I. Krokoszyńskiego, 1867, ss. [4], 627, 1, IV, k. tabl. 1.

Dubrowski Piotr Pawłowicz. *Słownik polsko-ruski, administracyjny i sądowy*. Wyd. 2 popr. Warszawa: W. Istomin, 1867, ss. XV, [1], 398, [2].

Szlezygier Józef. *Podręczny polsko-ruski słownik z zastosowaniem do potrzeby urzędników ułożył... = Ручной польско-русский словарь применительно к пользе чиновников составил...* Warszawa: Drukarnia S. Ginsa, 1867, ss. 439.

1873

Czepliński Floryan. *Słownik Polsko-Rossyjski administracyjno-sądowo-techniczny, z tabelą synoptyczną rang i stopni rossyjskich = Словарь польско-русский административно-судебно-технический, с синоптической таблицей Российских чинов и степеней*. Część 1. Ułożył tłumacz Banku Polskiego... Wyd. 2, znacznie powiększ., szczególnie pod względem prawnym. Warszawa: Drukarnia Goldmana, 1873, ss. [4], 380.

Czepliński Floryan. *Słownik Polsko-Rossyjski administracyjno-sądowo-techniczny, z tabelą synoptyczną rang i stopni rossyjskich = Словарь польско-русский административно-судебно-технический, с синоптической таблицей Российских чинов и степеней*. Część 2. Ułożył tłumacz Banku Polskiego... Wyd. 2, znacznie powiększ., szczególnie pod względem prawnym. Warszawa: Drukarnia Gazety Anons., 1873, ss. 432.

1884

Czepliński Floryan. *Słownik Polsko-Rossyjski administracyjno-sądowo-techniczny, z tabelą synoptyczną rang i stopni rossyjskich = Словарь польско-русский административно-судебно-технический, с синоптической таблицей Российских чинов и степеней*. Część 1. Ułożył tłumacz Banku Polskiego... Warszawa: Drukarnia Goldmana, 1884, ss. [4], 380.

Czepliński Floryan. *Słownik Polsko-Rossyjski administracyjno-sądowo-techniczny, z tabelą synoptyczną rang i stopni rossyjskich = Словарь польско-русский административно-судебно-*

технический, с синоптической таблицей Российских чинов и степеней. Część 2. Ułożył tłumacz Banku Polskiego... Warszawa: Drukarnia Gazety Anons., 1884, ss. 432.

1890

[Dyduński Teodor] Дыдынский Федор. *Латинско-русский словарь к источникам римского права.* Варшава: Типография Марии Земкевич [Marii Ziemkiewicz], 1890, ss. [2], IV, [2], 571, [2].

1906

Śląski Bolesław. *Słownik rosyjsko-polski administracyjno-prawniczy obejmujący wyrażenia z zakresu prawa cywilnego, handlowego, karnego i administracyjnego, tudzież medycyny sądowej.* Warszawa: J. Fiszer, 1906, ss. 56.

1909

[Michajłowski I.N.]. *Польско-русский словарь тайного языка уголовных преступниковъ, сигналы ихъ платкомъ, телеграфъ.* Собралъ и составилъ И.Н. Михайловкій. Плоцкъ: Типография Ф. Паули, 1909, ss. 76.

1917

Słownik wojskowy rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Część 1: (oparta na przepisach szyków piechoty, służby polowej, wewnętrznej, garnizonowej i dyscypliny wojskowej). Red. Henryk Bagiński. Biblioteka Wiadomości Wojskowych, nr 16. Mińsk: Towarzystwo Polskiej Wiedzy Wojskowej — Warszawa: Zjednoczenie, 1917, ss. 53.

1924

Dokładny rosyjsko-polski słownik prawniczo-administracyjny. Ułożył Juljusz Kozłowski przy współudziale Wincentego Łuczynskiego. Wilno: L. Chomiński, 1924, ss. 164, [4].

1925

Prawo handlowe b. dzielnicy rosyjskiej, austriackiej i pruskiej. Nowe prawo wekslowe i czekowe. Oprac. Jan Namitkiewicz, Encyklopedia prawa obowiązującego w Polsce. Praca zbiorowa z udziałem profesorów uniwersytetów polskich. Pod red. Peretiatkowicza. Część 4. Poznań: Fiszer i Majewski — Kraków: Drukarnia Narodowa, 1925, ss. 138.

1945

Słownik komend artyleryjskich (wyciąg z „Regulaminu Służby Polowej Artylerii”). Naczelne Dowództwo Wojska Polskiego. Warszawa: Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1945, ss. [10] [Tekst równoległy polski i rosyjski].

1958

S.A. *Seplingva kongresfaka terminareto.* Kompil. Roman Dobrzyński, Jerzy Grum, Andrzej Pettyn. Varsovio: Pola Esperanta-Asocio, 1958, ss. 20 [Słowniczek najczęstszych terminów stosowanych na międzynarodowych zebraniach organizacji pozarządowych w językach: esperanto, angielskim, francuskim, niemieckim, włoskim, polskim, rosyjskim].

1960

Rosyjsko-polski słownik prawniczy. Oprac. Józef Nawrocki et al. Red. Józef Litwin. Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1960, ss. 449, [1].

1966

Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. 1: *Abbildtheorie bis Diktatur des Proletariats.* Hrsg. von Claus Dieter Kernig, in Zsarb. mit Zbigniew K. Brzezinski et al. Freiburg: Herder, 1966, ss. XIX, szp. 1276, [2].

1968

Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. 2: *Diplomatie bis Identität.* Hrsg. von Claus Dieter Kernig, in Zsarb. mit Zbigniew K. Brzezinski et al. Freiburg: Herder, 1968, ss. VIII, szp. 1336.

1969

Najberg Mieczysław, Lubert Jerzy. *Słownik górniczy. Znormalizowane nazwy i określenia.* Warszawa: Wydawnictwa Normalizacyjne, 1969, ss. 508 [Indeksy rosyjskie i angielskie].

Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. 3: *Ideologie bis Leistung.* Hrsg. von Claus Dieter Kernig, in Zsarb. mit Zbigniew K. Brzezinski et al. Freiburg: Herder, 1969, ss. VIII, szp. 1418.

1971

Katalog norm zagranicznych i międzynarodowych zaleceń normalizacyjnych przetłumaczonych na język polski. Zesp. w składzie Irena Babińska et al. Warszawa: Wydawnictwa Normalizacyjne, 1971, ss. 199 [We wstępie: *Zasady tłumaczenia i rejestracji tłumaczeń norm i publikacji o charakterze normalizacyjnym uregulowane są Zarządzeniem nr 68 Prezesa Polskiego Komitetu Normalizacyjnego z dn. 23 czerwca 1965 r. obowiązującym od dnia 1 lipca 1965 r.*; tłum. z języków: angielskiego, niemieckiego, rosyjskiego, czeskiego, francuskiego, szwedzkiego, rumuńskiego, włoskiego, węgierskiego, holenderskiego, bułgarskiego, norweskiego, japońskiego, chorwackiego, serbskiego i portugalskiego].

Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. 4: *Lenin bis Periodisierung.* Hrsg. von Claus Dieter Kernig, in Zsarb. mit Zbigniew K. Brzezinski et al. Freiburg: Herder, 1971, ss. VIII, szp. 1160.

1972

Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. 5: *Personenkult bis Sozialpsychologie.* Hrsg. von Claus Dieter Kernig, in Zsarb. mit Zbigniew K. Brzezinski et al. Freiburg: Herder, 1972, ss. VIII, szp. 1088.

Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. 6: *Sozialrevolutionäre bis Zufall.* Hrsg. von Claus Dieter Kernig, in Zsarb. mit Zbigniew K. Brzezinski et al. Freiburg: Herder, 1972, ss. XXX, szp. 1218.

1973

Obcojęzyczny słownik prawniczy. Wersja robocza. 3: *Część polsko-rosyjska.* Red. nacz. Ludwik Bar. Tłum. Jerzy Wiktorow. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Nauk Prawnych. Zakład Dokumentacji i Informacji Naukowej, 1973, ss. 280 [Aneks do czasopisma „Przegląd Ustawodawstwa i Czasopism Prawniczych Socjalistycznych Krajów Europy”].

1974

Osmaczyk Edmund Jan. *Encyklopedia spraw międzynarodowych i ONZ = Encyclopaedia of International Affairs and the UN = Encyclopédie des affaires internationales et de l'ONU = Enciclopedia de asuntos internacionales y de la ONU = Энциклопедия международных дел и ООН.* Warszawa:

Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974, ss. 1103 [Wstęp również w języku angielskim, francuskim, hiszpańskim, rosyjskim].

1975

Osmańczyk Edmund Jan. *Encyklopedia spraw międzynarodowych i ONZ = Encyclopaedia of International Affairs and the UN = Encyclopédie des affaires internationales et de l'ONU = Enciclopedia de asuntos internacionales y de la ONU = Энциклопедия международных дел и ООН*. Wyd. 1. Dodruk. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975, ss. 1103 [Wstęp również w języku angielskim, francuskim, hiszpańskim, rosyjskim].

1976

Osmańczyk Edmund Jan. *Enciclopedia mundial de relaciones internacionales y Naciones Unidas = Encyclopedie mondiale des relations internationales et de l'ONU = World Encyclopaedia of International Relations and the UN = Энциклопедия международных дел и ООН*. Mexico: Sección de Obras de Política y Derecho, Fondo de Cultura Economica, 1976, ss. XXIII, 1236, [1] [Nazwy haseł oraz indeksy także w języku francuskim, angielskim i rosyjskim; treść haseł w języku hiszpańskim].

1982

Drozdowska Genowefa, Sztolberg Mirosława. *Język rosyjski dla prawników*. Seria Skrypty i Teksty Pomocnicze Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. Wyd. 2. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1982, ss. 269 [*Словарь основных юридических оборотов: русско-польский словарь*, s. 211–267].

1983

Dajewska Czesława, Dajewski Witold J., Krakowska Elżbieta. *Słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski do tekstów rosyjskich dla prawników*. Seria Skrypty Uniwersytetu Śląskiego, nr 332. Uniwersytet Śląski. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1983, ss. 87.

1985

Drozdowska Genowefa, Sztolberg Mirosława. *Język rosyjski dla prawników*. Seria Skrypty i Teksty Pomocnicze Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. Wyd. 3. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1985, ss. 269 [*Словарь основных юридических оборотов: русско-польский словарь*, s. 211–267].

1986

Lenkiewicz Zenon. *Słownictwo prawno-administracyjne w rosyjskich zabytkach piśmiennictwa kancelaryjnego XVI–XVII w.* Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Seria Monografie Sławistyczne, nr 51. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986, ss. 122 [Indeks].

Słownik prawniczy polsko-rosyjski = Польско-русский юридический словарь. Tłum. i red. Jerzy Wiktorow. Polska Akademia Nauk. Instytut Państwa i Prawa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986, ss. [10], 233.

1987

[Rossi Jacques] Росси Жак. *Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Предисловие Алена Безансона = A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labour Camps With a Preface by Alain Besançon*. London: Overseas Publications

Interchange, 1987, ss. 546 [Zawiera: *Именной указатель*, s. 534–542; *Тематический указатель*, s. 542–546.

1989

Lichtig Anna, Surowiec Jerzy, Trzcziński Janusz. *Słownik prawniczy rosyjsko-polski*. T. 1: A–O. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989, ss. 418.

Lichtig Anna, Surowiec Jerzy, Trzcziński Janusz. *Słownik prawniczy rosyjsko-polski*. T. 2: П–Я. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989, ss. [2], 419–817.

Rossi Jacques. *The Gulag Handbook. An Encyclopedia Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms related to the Forced Labor Camps*. New York: Paragon House, 1989, ss. 610.

1990

Adamiak Teresa, Gajb Natalia. *Pomocnicze materiały leksykalne dla studentów Wydziału Prawa i Administracji. Część polsko-rosyjska i rosyjsko-polska*. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 1990, ss. 248.

1991

[Rossi Jacques] Росси Жак. *Справочник по ГУЛАГу. В двух частях* (= *The Gulag handbook. A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labour Camps*). Ч. 1. Текст проверен Натальей Горбаневской. Серия Преступление и наказание в мировой практике. Изд. 2, доп. Москва: Просвет, 1991, ss. 263.

[Rossi Jacques] Росси Жак. *Справочник по ГУЛАГу. В двух частях* (= *The Gulag handbook. A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labour Camps*). Ч. 2. Текст проверен Натальей Горбаневской. Серия Преступление и наказание в мировой практике. Изд. 2, доп. Москва: Просвет, 1991, ss. 264–546.

1993

Czachorowski Józef, Wołczański Jerzy. *Nazwy, określenia i zwroty stosowane w procesach budowlanych: angielski, niemiecki, rosyjski, polski*. Zielona Góra: Towarzystwo Naukowe Organizacji i Kierownictwa, 1993, ss. 365.

1994

Sztołberg-Bybluk Mirosława. *Podręczny słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski terminów chrześcijańskich*. Seria Skrypty i Teksty Pomocnicze Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1994, ss. 131.

1995

Kaznowska Helena. *Na straży prawoporyadka = Na straży porządku prawnego. Wybór tekstów do nauki języka rosyjskiego*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 1995, ss. 234 [Rozmówki dla policjantów].

Mały leksykon ubezpieczeniowy. zebrał i oprac. Norbert Laskowski. Warszawa: „Edytor” na zlec. Fundacji „Bliżej Europy”, 1995, ss. 123 [*Mały słownik ubezpieczeniowy polsko-niemiecko-angielsko-rosyjski*].

1996

Rossi Jacques. *Rāgeri kyōsei shūyōjo chūkai jiten* [ラーゲリ(強制収容所)註解事典 /]. Przeł. Gōsuke Uchimura, Tomokichi Kajiura, Kyōichi Asada. Tokyo: Keigado, 1996, ss. 281.

Rozmówki dla policjantów polsko-rosyjskie, polsko-angielskie Red. Wiesław Sadowski. Aut. Justyna Lodwich et al. Legionowo: Centrum Szkolenia Policji, Wydawnictwo, 1996, ss. 103, [3].

Słownik policyjnoprawniczy polsko-angielsko-francusko-niemiecko-rosyjski. Red. Grażyna Sostek, Grzegorz Ojcewicz. Aut. Mariola Bil et al. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 1996, ss. 315, [1].

Słownik procedur parlamentarnych = A Glossary of Parliamentary Procedure = Vocabulaire de procedure parlementaire = Wörterbuch der parlamentarischen Verfahren = Словарь парламентских процедур. Red. książki Romuald Szpor. Przygot. Jolanta Karolczak et al. Warszawa: Kancelaria Sejmu, Biuro Studiów i Ekspertyz, 1996, ss. 210.

1997

Bogdanowicz Elżbieta et al. *Leksykon terminologii prawniczej i ekonomicznej (polsko-rosyjski i rosyjsko-polski)*. Red. nauk. Jan Franciszek Nosowicz, Leonarda Dacewicz. Białystok: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej Filii Uniwersytetu Warszawskiego, 1997, ss. 283.

Kaznowska Helena, Ojcewicz Grzegorz. *Polsko-rosyjski, rosyjsko-polski słownik interwencji policyjnych (z suplementem argot)*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 1997, ss. 200.

Kody kreskowe. Wymagania dotyczące symboliki „EAN/UPC” PN-EN-797+AC = Bar Coding. Symbology Specifications „EAN/UPC” = Codes à barres. Spécifications des symbolologies „EAN/UPC” = Strichcodierung. Symbologiespezifikationen „EAN/UPC” = Стриховой код. Требования к обозначениям „EAN/UPC”. Warszawa: Polski Komitet Normalizacyjny, 1997, ss. 33 [Niniejsza norma jest tłumaczeniem oficjalnej wersji normy europejskiej EN 797:1995 z wprowadzoną poprawką AC:1996].

Rossi Jacques. *Le manuel du Goulag. Dictionnaire historique*. Version fr adapt. du texte rus. en collab. avec Sophie Benech et Véronique Patte. Collection „Documents”. Paris: Le Cherche Midi Éditeur, 1997, ss. 332, [4] [Indeks].

Słownik policyjnoprawniczy polsko-angielsko-francusko-niemiecko-rosyjski. Red. Grażyna Sostek, Grzegorz Ojcewicz. Aut. Mariola Bil et al. Wyd. 2 popr. i uzup. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 1997, ss. 326, [2].

1998

Assfalg Julius, Krüger Paul, *Słownik chrześcijaństwa wschodniego*. Przeł. z niem. Andrzej Bator, Marek M. Dziekan. Aut. haseł. Julius Assfalg et al. Seria Słowniki Encyklopedyczne „Książnicy”. Katowice: Książnica, 1998, ss. 332, [2].

Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1998, ss. 371 [Словари: Польско-русский словарь; Русско-польский словарь; Список важнейших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений].

Łagry. *Przewodnik encyklopedyczny*. Red. Nikita Ochotin, Arsienij Roginski. Aut. Siergiej Filippow et al. Z ros. przeł. Romuald Niedzielko. Warszawa: Stowarzyszenie „Memorial”, Państwowe Archiwum Federacji Rosyjskiej, Ośrodek „Karta”, 1998, ss. 607, [1], tabl. [16] [Wykaz źródeł ogólnych, s. 97–98; indeksy].

Słownik procedur parlamentarnych = A Glossary of Parliamentary Procedure = Vocabulaire de procedure parlementaire = Wörterbuch der parlamentarischen Verfahren = Словарь парламентских процедур. Red. naukowy Ewa Chmielewska-Gorczyca. Przygotowała Jolanta Karolczak et al. Wyd. 2 zm. Warszawa: Kancelaria Sejmu, Biuro Studiów i Ekspertyz, 1998, ss. 420 [Na okładce podtytuł: *Русский, Deutsch, Français, English, Polski*].

1999

Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1999, ss. 303 [Словари: Польско-русский словарь; Русско-польский словарь; Список важней-

ших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений].

Historia Kościoła Rzymskokatolickiego w Imperium Rosyjskim (XVIII–XX w.) w dokumentach Rosyjskiego Państwowego Archiwum Historycznego = История Римско-католической Церкви в Российской Империи (XVIII–XX вв.) в документах Российского государственного исторического архива. Red. nac. Krzysztof Pożarski. Sankt Petersburg: Federacyjna Archiwalna Służba Rosji. Rosyjskie Państwowe Archiwum Historyczne. Parafia św. Stanisława. Strojizdat SPB — Warszawa: Stowarzyszenie „Wspólnota Polska”, 1999, ss. 280 [Stanowi cz. *Przewodnika po archiwach*; Cz. 2: *Historia Kościoła Rzymskokatolickiego w Rosji i Polsce w dokumentach archiwów, bibliotek i muzeów Sankt Petersburga*; indeksy].

Markunas Antoni, Uczitel Tamara. *Leksykon chrześcijaństwa. Rosyjsko polski i polsko-rosyjski = Лексикон христианства. Русско-польский и польско-русский.* Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1999, ss. 368, [1].

Rossi Jacques. *Spravočník po GULagu. Výbor z historického slovníku sovětských penitenciárních zařízení a temínů spojených s nucenou prací.* Překlad Vladimír Bystrov. Praha: Bystrov a synové, 1999, ss. 184.

Słownik policyjnoprawniczy polsko-angielsko-francusko-niemiecko-rosyjski. Red. Grażyna Sostek, Grzegorz Ojcewicz. Aut. Mariola Bil et al. Wyd. 3 popr. i uzup. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 1999, ss. 324.

Współczesna Rosja. Leksykon. Polityka, organizacje, społeczeństwo. Red. nauk. Alicja Stępień, przy współpracy Albina Głowackiego, Andrzeja Skrzypka, Fryderyka G. Owsijenko. Aut. hasel i opracowań Alicja Stępień et al. Uniwersytet Łódzki. Instytut Studiów Międzynarodowych. Łódź: Oficyna Wydawnicza Aspram 1999, ss. 284 [Indeksy].

2000

Encyklopedia „Białych Płam”. T. 4: Cerkiew prawosławna w Rosji — demokracja. Radom: Wydawnictwo Encyklopedyczne, 2000, ss. 320.

Historia Kościoła Rzymskokatolickiego w Rosji i Polsce w dokumentach archiwów, bibliotek i muzeów Sankt Petersburga. Zarys-przewodnik = История Римско-католической Церкви в России и Польше в документах архивов, библиотек и музеев Санкт-Петербурга. Red. nac. Krzysztof Pożarski i.e. Pożarski. Tłum. z ros. Jadwiga Frołowa. Sankt-Petersburg: Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych. Stowarzyszenie „Wspólnota Polska”. Parafia św. Stanisława, Strojizdat SPB — Warszawa: Wspólnota Polska, 2000, ss. 655 [Stanowi cz. 2 *Przewodnika po archiwach*; Cz. 1: *Historia Kościoła Rzymskokatolickiego w Imperium Rosyjskim (XVIII–XX w.) w dokumentach Rosyjskiego Państwowego Archiwum Historycznego*; indeksy].

Multimedialny słownik terminów policyjnych i trzeciego filaru Unii Europejskiej (angielski, francuski, niemiecki, rosyjski) = Dictionary of Police Terms. Dokument elektroniczny. Red. i współaut. Grzegorz Ojcewicz. Warszawa: Polskie Nagrania, 2000 [Wersja na dysku optycznym CD-ROM].

Stawiński Piotr. *Sekty, schizmy i herezje w Rosji (słownik).* Kraków: [s.n.] — 2000 Częstochowa: Tridart, ss. 213, [1].

2001

Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii.* Wyd. 2 popr. i uzup. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2001, ss. 324 [Словари, s. 287–322: *Польско-русский словарь*, s. 291–302; *Русско-польский словарь*, s. 303–318; *Список важнейших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений*, s. 319–322].

Goduń Tomasz et al. *Mały leksykon systemów politycznych*. Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2001, ss. 131 [Na okładce: *Francja, Izrael, Niemcy, Rosja, Stany Zjednoczone, Szwajcaria, Unia Europejska, Wielka Brytania, Włochy*].

Leksykon policyjny. Red. Wiesław Pływaczewski i Grażyna Kędzierska. Tłum. Mariola Bil, Stanisław Kulawiec, Helena Kaznowska. Szcztyno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2001, ss. 444 [Wykaz haseł równoległych w języku polskim, angielskim, niemieckim, rosyjskim].

Obląkowska-Galanciak Iwona, Jeglińska Beata. *Język rosyjski. Przekład sądowy i prawniczy*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Maurskiego, 2001, ss. 171 [*Słownik polsko-rosyjski*, s. 131–171; *Словарь минимум (minimum leksykalne)*, s. 123–127].

Pokorzyna Ewa. *Słownik terminologiczny wyposażenia świątyń obrządku wschodniego z przydatkiem ikon maryjnych = Terminological Dictionary of the Outfitting of Eastern Rite Churches with an Appendage on Marian Icons*. Seria Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków. Seria B. T. 103. Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego. Ośrodek Dokumentacji Zabytków. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2001, ss. 183.

2002

[Aleksiejenko Michaił] Алекеенко Михаил. *Polsko-rosyjsko-ukraiński słownik języka oficjalno-urzędowego = Польско-руско-український словарь делової речі = Польсько-російсько-український словник ділового мовлення*. Інститут Росського язика РАН ім. В.В. Виноградова. Москва: Азбуковник — Щетин: Щетинський університет. Інститут славянської філології, 2002, ss. 774, [2].

Leksykon policyjny. Red. Wiesław Pływaczewski i Grażyna Kędzierska. Tłum. Mariola Bil, Stanisław Kulawiec, Helena Kaznowska. Szcztyno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2001, ss. 444 [Wykaz haseł równoległych w języku polskim, angielskim, niemieckim, rosyjskim].

Lewicki Roman. *Христианство. Русско-польский словарь = Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Pax”, 2002, ss. 367 [Indeksy].

2003

Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii*. Wyd. 2 popr. i uzup. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003, ss. 324 [*Словари*, s. 287–322: *Польско-русский словарь*, s. 291–302; *Русско-польский словарь*, s. 303–318; *Список важнейших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений*, s. 319–322].

Praktyczny słownik policyjno-prawniczy (polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski). Red. Grzegorz Ojcewicz. Aut. Grzegorz Ojcewicz et al. Szcztyno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2003, ss. 363.

2004

Goduń Tomasz et al. *Mały leksykon systemów politycznych*. Wyd. 2. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, 2004, ss. 137 [Na okładce: *Francja, Hiszpania, Niemcy, Rosja, Stany Zjednoczone, Szwajcaria, Unia Europejska, Wielka Brytania, Włochy*; publikacja będzie pomocna szczególnie dla studentów mających w programie studiów zajęcia z systemów politycznych i przedmiotów pokrewnych oraz dla osób przygotowujących się do egzaminów wstępnych].

Język — polityka — społeczeństwo. Słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej. Zespół red. Stanisław Dubisz, Józef Porayski-Pomsta, Elżbieta Sękowska. Uniwersytet Warszawski. Instytut Języka Polskiego. Pracownia Językoznawstwa Stosowanego. Warszawa: Elipsa, 2004, ss. 253 [*Indeks elementów leksykalnych; Wybrana literatura przedmiotu za lata 1998–2003*, s. 251–253].

Odziemkowski Janusz. *Leksykon wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2004, ss. 523 [Indeksy].

Smykowska Elżbieta. *Liturgia prawosławna*. Seria Mały Słownik. Warszawa: Verbinum — Wydawnictwo Księży Werbistów, 2004, ss. 96, [1].

2005

Ojcewicz Grzegorz. *Przestępczość w Rosji i Polsce. Wybór tekstów policyjno-prawniczych do samodzielnego tłumaczenia z komentarzem*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2005, ss. 148 [Dla policjantów, pracowników CBS, tłumaczy przysięgłych, studentów uniwersyteckich kierunków filologicznych; zawiera *Wybrane polsko-rosyjskie i rosyjsko-polski ważne słowa, zwroty i wyrażenia*, s. 124–148].

Słownik unijny. Integracja i bezpieczeństwo. Polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski. Red. Grzegorz Ojcewicz. Oprac. Grzegorz Ojcewicz, Grażyna Peplowska-Sostek et al. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2005, s. 244.

2006

Biuletyn Arbitrażowy. ABC arbitrażu. Sąd Arbitrażowy przy Krajowej Izbie Gospodarczej w Warszawie. Warszawa 2006, nr 1, wrzes./paźdz. [Tytuł okładkowy: *Wielojęzyczny słownik Arbitrażu i ADR*; tekst polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski; dostępny w wersji elektronicznej: [Online] <<http://www.sakig.pl>>].

Gierlańska Lucyna. *Słownik terminów ubezpieczeniowych polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*. Toruń: Wydawnictwo Lenz i Załęcki Sp. z o.o., 2006, ss. 231.

Praktyczny słownik policyjno-prawniczy: polski, białoruski, litewski, rosyjski, ukraiński. Red. Grzegorz Ojcewicz. Aut. Grzegorz Ojcewicz et al. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2006, ss. 402.

Rossi Jacques. *Manuale del gulag. Dizionario storico*. Traduzione e cura di Francesca Gori ed Emanuela Gueretti. Seria Un mondo a parte, 2. Napoli: Ancora del Mediterraneo, 2006, ss. 352.

Słownik unijny. Integracja i bezpieczeństwo. Polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski. Red. Grzegorz Ojcewicz. Aut. Grzegorz Ojcewicz, Małgorzata Jasińska, Grażyna Peplowska-Sostek et al. Wyd. 2 przejr. i popr. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2006, ss. 244.

Smykowska Elżbieta. *Zwyczajy i obrzędy prawosławne*. Seria Mały Słownik. Warszawa: Verbinum – Wydawnictwo Księży Werbistów, 2006, ss. 77, [2], ss. tabl. [8].

2007

[Jasenko Igor] Яценко Ігор. *Польсько-українсько-російський словник юридичної термінології. Близько 30 тисяч слів та словосполучень. Близько 1 тисячі скорочень*. Під загальною ред. Станіслава Яценка. ISD Polska. Київ: Консультант, 2007, ss. 670, [2].

Zobek Teresa. *Словарь юридической терминологии русско-польский = Słownik terminologii prawniczej rosyjsko-polski*. Warszawa: Wydawnictwo C.H. Beck, 2007, ss. XI, [1], 149, [3] [Zawiera najważniejsze normatywne akty prawne Federacji Rosyjskiej].

2008

Kapusta Piotr, Chowaniec Magdalena. *Polsko-angielsko-rosyjski słownik terminologii celnej*. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2008, ss. 159.

Podręczny słownik administracji: polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski = Concise Dictionary of Administrative Terms = Dictionnaire pratique d'administration = Handverwaltungswörterbuch = Настольный административный словарь. Red. Grzegorz Ojcewicz. Aut. Grzegorz Ojce-

wicz et al. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, Wydział Wydawnictw i Poligrafii, 2008, ss. 365.

Praktyczny słownik policyjno-prawniczy: polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski. Red. Grzegorz Ojcewicz. Aut. Grzegorz Ojcewicz et al. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2008, s. 366.

Smykowska Elżbieta. *Liturgia prawosławna*. Seria Mały Słownik. Wyd. 2. Warszawa: Verbinum — Wydawnictwo Księży Werbistów, 2008, ss. 96, [1].

Smykowska Elżbieta. *Zwyczajy i obrzędy prawosławne*. Seria Mały Słownik. Wyd. 2. Warszawa: Verbinum — Wydawnictwo Księży Werbistów, 2008, ss. 77, [2], ss. tabl. [8].

Zobek Teresa. *Słownik terminologii prawniczej polsko-rosyjski = Словарь юридической терминологии польско-русский*. Warszawa: Wydawnictwo C.H. Beck, 2008, s. VIII, 168.

Wielki słownik polsko-rosyjski rosyjsko-polski = Польско-русский русско-польский словарь. 300 000 haseł i wyrażen. Obszerny Suplement poświęcony Rosji oraz UE po polsku i po rosyjsku. Red. Sergiusz Chwatow, Mikołaj Timoszuik. Warszawa: Rea, 2008, ss. 1721.

2009

Podręczny słownik administracji: polski, białoruski, litewski, rosyjski, ukraiński. Red. Grzegorz Ojcewicz. Aut. Grzegorz Ojcewicz et al. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, Wydział Wydawnictw i Poligrafii, 2009, ss. 472.

Słownik podstawowych terminów w zakresie ubezpieczeń społecznych polsko-angielsko-niemiecko-rosyjski. Zakłady Ubezpieczeń Społecznych. Warszawa: ZUS, 2009, ss. 47.

2011

Kapusta Piotr. *Polsko-rosyjski słownik prawa celnego*. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Publishing House Dr Lex, 2011, ss. 480 [Tytuł okładkowy: *Słownik prawa celnego polsko-rosyjski*].

Kapusta Piotr. *Polsko-rosyjski słownik prawa podatkowego*. Cz. 1. Kraków: Publishing House Dr Lex, 2011, ss. 287 [Słownik przeznaczony dla administracji państwowej, prawników, tłumaczy, studentów oraz pracowników naukowych; tytuł okładkowy: *Słownik prawa podatkowego polsko-rosyjski*; Cz. 2: *Rosyjsko-polski słownik prawa podatkowego*].

Ojcewicz Grzegorz. *Przestępczość w Rosji i Polsce. Wybór tekstów policyjno-prawniczych do samodzielnego tłumaczenia z komentarzem*. Wyd. 2 popr. i uzup. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2011, ss. 181 [Dla policjantów, pracowników CBS, tłumaczy przysięgłych, studentów uniwersyteckich kierunków filologicznych; zawiera słownik].

Skoblenko Aleksander. *Leksykon terminów prawniczych = Лексикон юридических терминов*. Seria Leksykony. Warszawa: Wydawnictwo C.H. Beck 2011, s. XI, [1], 374.

Słownik podstawowych terminów w zakresie ubezpieczeń społecznych polsko-angielsko-niemiecko-rosyjski. Wyd. 2. Warszawa: ZUS, 2011, ss. 57.

Słownik prawa celnego i podatkowego polsko-rosyjski. Dokument elektroniczny. Kraków: Lexland, 2011 [1 dysk optyczny (CD-ROM)].

2012

NDiaye Iwona Anna, Jeglińska Beata. *Postępowanie przygotowawcze i sądowe. Podręcznik dla tłumaczy języka rosyjskiego*. Seria Teoria i Praktyka Przekładu. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. Studia Podyplomowe w Zakresie Przekładu Sądowego i Prawniczego dla Tłumaczy Języka Rosyjskiego, 2012, ss. 179 [Zawiera: *Minimum leksykalne*, s. 12–43; *Glosariusze terminologiczne*: 1) *Glosariusz terminów prawnych*, s. 44–55; 2) *Глоссарий юридических терминов*, s. 56–69; 3) *Aneks*: 1) *Nazwy polskich sądów w przekładzie*

na język rosyjski. Oprac. Natalia Wasilenko, Janusz Poznański, s. 136–141; 2) *Wyrażenia i sentencje łacińskie używane w języku prawniczym*, s. 155–178].

Skoblenko Aleksander. *Wzory umów i pism = Образцы договоров и документов. Dwujęzyczne wydanie polsko-rosyjskie. Wzory umów i pism w obrocie prawnym z CD. Seria Wielki zbiór pism. T. 12. Warszawa: Wydawnictwo C.H. Beck, 2012, ss. XVII, [1], 701 [1 dysk optyczny (CD-ROM); na okładce podtytuł: *Wydanie polsko-rosyjskie. Wzory umów i pism z CD = Польско-русское издание. Образцы договоров и документов с компакт-диском*; dysk optyczny zawiera wzory umów i pism zawartych w opracowaniu].*

*Słownik kryminalistyczny z elementami medycyny sądowej i genetyki = Dictionary of Forensics with Elements of Forensic Medicine and Genetics = Dictionnaire de la police technique et scientifique = Kriminaltechnisches Wörterbuch forensische Medizin und Genetik = Криминалистический словарь с элементами судебной медицины и генетики. Red. Grzegorz Ojcewicz, Renata Włodarczyk. Wybór i oprac. haseł Zbigniew Dąbrowski et al. Szczytno: Wydział Wydawnictw i Poligrafii Wyższej Szkoły Policji, 2012, ss. 335 [Tytuł okładkowy: *Słownik kryminalistyczny*].*

Słownik podstawowych terminów z zakresu ubezpieczeń społecznych polsko-angielsko-niemiecko-rosyjski. Zakład Ubezpieczeń Społecznych. Wyd. 3. Warszawa: Biuro Poligrafii ZUS, 2012, ss. 104.

Słownik tematyczny interwencji Policji. Polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski. Red. Andrzej Urban. Aut. Krzysztof Łagoda et al. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2012, ss. 250 [Indeks].

2013

Bobińska Hanna, Ojcewicz Grzegorz. *Kryminalistyka w Rosji i Polsce. Wybór tekstów z kryminalistyki do tłumaczenia z języka rosyjskiego i na język rosyjski. Szczytno: Wydział Wydawnictw i Poligrafii Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, 2013, ss. 335 [Zawiera słownik].*

2014

Węgorzewska Wanda, Maskiewicz Stanisław. *Język rosyjski. Cło. Warszawa: Wyższa Szkoła Cła i Logistyki, 2005, ss. 157 [Zawiera *Словарь таможенных терминов*, s. 124–153].*

Wielki słownik polsko-rosyjski, rosyjsko-polski = Польско-русский, русско-польский. 300 000 haseł i wyrażeń. Obszerny suplement poświęcony Rosji oraz Unii Europejskiej po polsku i po rosyjsku. Red. Sergiusz Chwatow, Mikołaj Timoszuik. Konstancin-Jeziorna: Rea-SJ, 2014, ss. 1721.

Wnioski

W powyższym spisie znalazło się 126 pozycji terminograficznych. Bezsprzecznie najbardziej dynamicznym okresem jest obecne XXI stulecie (tab. 1). W XIX wieku ukazało się zaledwie 20 pozycji słownikarskich (wliczając wznowienia) (tj. 16%), za to wiek XX przyniósł prawie trzykrotnie więcej wydań, czyli 55 publikacji (tj. 44%).

Tabela 1. Słowniki z językiem rosyjskim z zakresu prawa – liczba tytułów wydanych w poszczególnych stuleciach

Lp.	Lata wydania	Liczba wydanych tytułów	Udział procentowy (%)
1.	1803–1899	20	16%
2.	1900–1999	55	44%
3.	2000–2014	51	40%
Razem	1803–2014	126	100%

Boom terminograficzny w leksykografii polsko-rosyjskiej ukierunkowanej na terminologię z dziedziny nauk prawnych nastąpił, jak widać, dopiero z początkiem lat 90. minionego stulecia. Na przestrzeni lat 1990–1999 wydano 26 tytułów (21%), w latach 2000–2009 — 37 tytułów (29%), zaś w latach 2010–2014 — 14 tytułów (11%). Oznacza to, iż w okresie transformacji ustrojowej i w dobie gospodarki rynkowej do chwili obecnej ogłoszono 47 tytułów, co stanowi blisko 1/3 zebranych od 1803 roku wydań (tj. 37%). Świadczy to niezbitnie o wzmożonym od 1990 roku procesie opracowywania i publikowania leksykografii. Wcześniej na jedno dziesięciolecie przypadało od jednego do czterech tytułów (tab. 2). Stan taki utrzymywał się aż do lat 60. XX wieku, kiedy to ukazało się zaledwie 5 pozycji (4%). Lata 1970–1979 przyniosły 8 wydań (6%), zaś kolejne dziesięciolecie 1980–1989 wzbogaciło opisywany dział terminografii o 9 słowników (7%).

Tabela 2. Słowniki z językiem rosyjskim z zakresu prawa — liczba tytułów wydanych w poszczególnych dziesięcioleciach

Lp.	Lata wydania	Liczba wydanych tytułów	Udział procentowy (%)
1.	1803–1909	1	0,7%
2.	1810–1819	1	0,7%
3.	1820–1929	2	1,5%
4.	1830–183	4	3%
5.	1840–1849	2	1,5%
6.	1850–1859	1	0,7%
7.	1860–1869	4	3%
8.	1870–1879	2	1,5%
9.	1880–1889	2	1,5%
10.	1890–1899	1	0,7%
11.	1900–1909	2	1,5%
12.	1910–1919	1	0,7%
13.	1920–1929	2	1,5%
14.	1930–1939	0	0%
15.	1940–1949	1	0,7%
16.	1950–1959	1	0,7%
17.	1960–1969	5	3,9%
18.	1970–1979	8	6,3%
19.	1980–1989	9	7,1%
20.	1990–1999	26	20,6%
21.	2000–2009	37	29,3%
22.	2010–2014	14	11,1%
Razem	1803–2014	126	100%

W zbiorze odnotowano łącznie 38 pozycji słownikarskich o profilu ogólnoprawniczym, co stanowi 30% całości zgromadzonego materiału. Pozostałe opracowania leksykoграфiczne mają określony profil tematyczny.

Bibliografia

- Aav Y. *Russian dictionaries. Dictionaries and glossaries printed in Russia 1627–1917*. Seria Bibliotheca Slavica, 10. Zug Switz.: Inter Documentation Co. AG, 1977.
- Bibliographie der Wörterbücher erschienen (!) in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Библиография словарей изданных в Венгерской Народной Республике, Германской Демократической Республике, Китайской Народной Республике, Народной Республике Болгарии, Польской Народной Республике, Румынской Народной Республике, Союзе Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республике = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 1: 1945–1961. Red. Danuta Rymśza-Zalewska, Irena Siedlecka. Symbole klasyfikacji dziesiątej oprac. S. Osmólska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1965.
- Bibliographie der Wörterbücher erschienen (!) in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Библиография словарей изданных в Венгерской Народной Республике, Германской Демократической Республике, Китайской Народной Республике, Народной Республике Болгарии, Польской Народной Республике, Румынской Народной Республике, Союзе Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республике = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 2: 1962–1964. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśza-Zalewska, Irena Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1968 + Indeks powiązań językowych do Bibliografii słowników wydanych w 1945–1961.
- Bibliographie der Wörterbücher erschienen in der Deutschen Demokratischen Republik, Koreanischen Volksdemokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Sozialistischen Föderativen Republik Jugoslawien, Tschechoslovakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Chinese People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Korean People's Democratic Republic, Polish People's Republic, Rumanian People's Republic, Socialist Federal Republic of Yugoslavia, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych*

Republik Radzieckich. T. 3: 1965–1966. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska, Irena Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1969.

Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgariens, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian People's Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 4: 1967–1968. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1970.

Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgariens, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 5: 1969–1970. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1972.

Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgariens, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 6: 1971–1972. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1974.

Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgariens, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 7: 1973–1974. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1976.

Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich

- kich = *Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen* = *Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics*. T. 8: 1975–1976. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1978.
- Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich* = *Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen* = *Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics*. T. 9: 1977–1978. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1981.
- Fedor M. *Rusko-slovenský, slovensko-ruský knihovnícky a bibliografický slovník*. Martin: Matica slovenská, 1960.
- Grzegorzczuk P. *Index lexicorum Poloniae. Bibliografia słowników polskich*. Warszawa: PWN, 1967.
- Lewański R.C. *A bibliography of Polish dictionaries with a supplement of Lusatian and Polabian dictionaries*. New York: The New York Public Library, 1959.
- Lewański R.C. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 3: *Russian*. New York: New York Public Library, 1963.
- Lewański R.C. *Bibliography of dictionaries in the field of library science and related subjects*. Paris: [s.n.], 1964.
- Lewański R.C. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 3: *Russian*. Seria The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 7. World Bibliography of Dictionaries. 2nd rev. and enl. ed. Bologna: Editrice Compositori, 1972.
- Lewański R.C. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 1: *Polish*. Seria The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 4. World Bibliography of Dictionaries. 2nd rev. and enl. ed. Bologna: Editrice Compositori, 1973.
- Lewański R.C. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 2: *Belorussian, Bulgarian, Czech, Kashubian, Lusatian, old church Slavic, Macedonian, Polabian, Serbocroatian, Slovak, Slovenian, Ukrainian*. Seria The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 5. World Bibliography of Dictionaries. 2nd rev. and enl. ed. Bologna: Editrice Compositori, 1973.
- Lewański R.C. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 4: *Supplement*. Seria The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 7. World Bibliography of Dictionaries. Bologna: Editrice Compositori, 1973.
- Łukasik M. *Angielsko-polskie i polsko-angielskie słowniki specjalistyczne (1990–2006). Analiza terminograficzna*. Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2007.
- Miłkowski M. *Słowniki informatyczne po polsku. Bibliografia*. [W:] Portal „Language // Język”. 17.08.2012, godz. 18:24. [Online] <<http://marcinmilkowski.pl/pl/tumaczenie-mainmenu-28/24-sowniki-informatyczne-po-polsku-bibliografia>> (11.06.2015).
- Piotrowski T. *Słowniki angielsko-polskie i polsko-angielskie w dobie najnowszej. Próba analizy bibliograficznej*. [W:] *Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji*

- jubileuszu 15 000 dni pracy naukowej*. Red. W. Gruszczyński et al. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2001, s. 203–210.
- Piotrowski T. *Bibliografia słowników z angielskim i polskim*. [Online] <<http://www.tadeuszpiotrowski.neostrada.pl/bibdic.htm>> (20.05.2006).
- Słowniki techniczne. Książki do nauki języków obcych dla techników. Katalog 1949–1964*. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1964.
- Szuper-Jakubiuk D. *Bibliografia słowników przekładowych handlowych i okołohandlowych (język polski, rosyjski, ukraiński) za lata 1990–2010 w układzie chronologicznym*. „Linguodidactica”, t. XIV. Białystok 2010, s. 243–250. [Online] <http://pbc.biaman.pl/Content/30182/%C5%9Brodek_Liguodid_XIV.pdf> (11.05.2015).
- Wawrzyńczyk J. *Przewodnik bibliograficzno-leksykalny po współczesnym językoznawstwie rosyjskim*. Preprint. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1994.
- Wawrzyńczyk J. *Współczesne językoznawstwo rosyjskie, polskie, ogólne. Słownik bibliograficzny*. Z. 1–2. Łódź: Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej — Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, 2002.
- Wawrzyńczyk J., Małek E. *Z materiałów do słownika bibliograficznego języka rosyjskiego. Terminologia lingwistyczna, wybrane terminy wiedzy o kulturze i literaturze, hapaks legomena*. Seria Semiosis Lexicographica. Vol. 16. Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, 2004.
- Wawrzyńczyk J., Małek E. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 1: А–О. Seria Semiosis Lexicographica. Vol. 55. Warszawa: Bel Studio, 2010.
- Wawrzyńczyk J., Małek E. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 2: П–Я. Warszawa: Bel Studio, 2012.
- Wawrzyńczyk J., Małek E. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Z. 1: А–Бар. Warszawa: Mila Hoshi, 2014 [Online] <<https://www.academia.edu/9730772>> (11.02.2015).
- Wawrzyńczyk J., Małek E. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Z. 2: Бас–Глаз. Warszawa: Mila Hoshi, 2014. [Online] <<http://www.academia.edu/9796346>> (11.02.2015).
- Wawrzyńczyk J., Małek E. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Z. 3: Глай–Иж. Warszawa: Mila Hoshi, 2014. [Online] <<http://www.academia.edu/>> (11.06.2015).
- Wojan K. *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006.
- Wojan K. *Bibliografia polsko-rosyjskich i rosyjsko-polskich słowników przekładowych za lata 1990–2005 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2006, z. 1 (113), s. 65–80.
- Wojan K. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013.
- Wojan K. *Z polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników z językiem rosyjskim za lata 2005–2011 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2013, z. 1 (141), s. 133–159.
- Wojan K. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014.
- Wojan K. *Język potoczny w polskiej lingwistyce. Materiały do Przewodnika leksykalno-bibliograficznego*. [W:] „Mówimy jak mówimy...” *Gdzie ukryta jest potoczność?* Red. M. Grabska, Ż. Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, s. 43–83 [Zawiera dział *Rusycystyka*, s. 80–82].
- Англо-русский библиотечно-библиографический словарь (English Russian dictionary of library and bibliographical terms)*. Сост. М.Х. Сарингулян. Под ред. П.Х. Кананова и В.В. Попова. Москва: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1958.

- Дубичинский В.В., Самойлов А.Н. *Словари русского языка. Учебное пособие*. Харьков: Международный славянский университет — Харьковское лексикографическое общество, 2006.
- Росси Ж. *Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом*. Предисловие Алена Безансона = A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labour Camps. With a Preface by A. Besançon. London: Overseas Publications Interchange, 1987.
- Русские энциклопедии и энциклопедические словари. Библиографический указатель*. Сост. С.И. Болтачева и др. Москва: Русская энциклопедия, 1992.

Z INFORMACJI NAUKOWEJ — *ROSSICA* I *SOVIETICA*
W BIBLIOGRAFII PIŚMIENNICTWA POLSKIEGO.
BIBLIOGRAFICZNA BAZA DANYCH ZA LATA 1862–2015

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej
Katedra Skandynawistyki, Pracownia Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl
(nadesłano 10.07.2015; zaakceptowano 11.08.2015)

Abstract

**On scholarly information — *Rossica* and *Sovietica*
in the bibliography of Polish writings.
Bibliographical database for the years 1862–2015**

The following article contains the bibliography of Polish literature focusing on Russian issues (*Rossica*), as well as on socio-historical Soviet issues (*Sovietica*) correlated with them. The presented register considers 349 bibliographic units altogether, all of which were printed in the years 1862–2015. It has been divided into two parts. The first part consists of a list of 22 lexical-bibliographical dictionaries in the field of Russian studies, the second part consists of a list of 327 bibliographic and biobibliographic works.

The presented lists of bibliographic materials constitute an attempt to fill in the existing gaps in the field of Polish bibliographic lexicography. The Author's intention is also to make an attempt to provide a bibliographic summary of the history of the research of Polish-Russian relations in different areas of knowledge, which has a tradition of over one hundred and fifty years. The study is of an interdisciplinary nature. The created bibliographic database is to serve as a useful compendium for the Russian studies.

Key words

Bibliography, bibliographistics, biobibliographistics, scientific information, lexicography, dictionary, Russian studies, Rossica, Sovietica, Polono-Rossica, Russia, the Soviet Union.

Abstrakt

Niniejszy artykuł zawiera bibliografię bibliografii piśmiennictwa polskiego, którego obiekt zainteresowania stanowią rossica, a także skorelowane z nimi społeczno-historycznie sovietica. Prezentowany rejestr bibliografii uwzględnia łącznie 349 pozycji bibliograficznych, które ukazały się w latach 1862–2015. Został on podzielony na dwie części. Na część I składa się wykaz 22 słowników leksykalno-bibliograficznych z zakresu rusycystyki, część II tworzy spis 327 pozycji bibliografii i biobibliografii.

Przedstawione wykazy materiałów bibliograficznych stanowią próbę wypełnienia luki w polsko-rosyjskim dziale leksykografii bibliograficznej. Zamierzeniem autorki jest również próba dokonania bibliograficznego podsumowania półtorawiekowej historii badań relacji polsko-rosyjskich w różnych obszarach wiedzy. Badania mają charakter interdyscyplinarny. Stworzona bibliograficzna baza danych z założenia ma pełnić rolę przydatnego kompendium w rusycystycznej informacji naukowej.

Słowa kluczowe

Bibliografia, bibliografistyka, biobibliografistyka, informacja naukowa, leksykografia, słownik, rusycystyka, rossica, sovietica, polono-rossica, Rosja, Związek Radziecki.

O bibliograficznej bazie danych

Artykuł stanowi usystematyzowany chronologicznie przegląd bibliograficzny bibliografii piśmiennictwa polskiego, którego komponentem są rossica, a także historycznie skorelowane z nimi sovietica, obecne w naszej przestrzeni naukowej i społeczno-politycznej przez dziesiątki lat. Przegląd ten obejmuje znaczny, półtorawiekowy, odcinek czasu, tj. lata 1862–2015. Rejestr bibliografii podzielono na dwie kompatybilne części. Na część I składa się wykaz 22 słowników leksykalno-bibliograficznych z zakresu rusycystyki, część II stanowi wykaz 327 pozycji wielodziałowych bibliografii i biobibliografii zawierających rossica. Łącznie wymieniono 349 pozycji bibliografii.

Wykaz pierwszy, gromadzący wpisane w młodszy nurt leksykografii polskiej pozycje w postaci wysoce użytecznych dla filologa rusycysty słowników leksykalno-bibliograficznych, zawiera aż 18 publikacji autorstwa Jana Wawrzyńczyka. Warto przy okazji podkreślić, iż to właśnie prof. Wawrzyńczyk jest twórcą i metodologiem tego działu leksykografii aplikatywnej.

W części II prezentowanego rejestru dokumentacyjnego uwzględniono bibliografie osobowe, adnotowane, przedmiotowe, bieżące, rosyjskie narodowe, komentowane, zalecające, specjalne, retrospektywne, międzynarodowe, a także materiały bibliogra-

ficzno-eksplanacyjne. Nie pominięto istotnych katalogów, spisów, wykazów publikacji, słowników biobibliograficznych, przewodników bibliograficznych, informatorów. Wachlarz tematów bibliografii piśmiennictwa zawierającego *rossica* bądź *sovietica* jest nadzwyczaj szeroki i dotyka różnych dziedzin nauk i życia społecznego. Zebrany materiał nie ogranicza się do piśmiennictwa przedstawiającego zagadnienia filologiczne (rusycystyczne) z kręgu językoznawstwa, literaturoznawstwa, przekładoznawstwa, filozofii, historii, z subdyscyplin, których reprezentantami jest kulturoznawstwo czy etnografia. Obejmuje on pozycje literaturowe z różnych obszarów wiedzy, m.in. administracji, drukarstwa, edytorstwa, edukacji, ekonomii, informacji naukowej, nauk penalnych, politologii, naukoznawstwa, pedagogiki, rolnictwa, socjologii, stosunków międzynarodowych, techniki, włókiennictwa, wojskowości.

Zawarte w prezentowanych poniżej obydwu spisach pozycje bibliograficzne były wydawane głównie w Polsce, ale sporadycznie także za granicą przez autorów bądź redaktorów polskich, lub przynajmniej w koedycji z wydawnictwami polskimi.

Materiał dokumentacyjny został wyekscerpowany i zgromadzony na podstawie dostępnych źródeł bibliograficznych, publikacji naukowych (w postaci monografii, artykułów naukowych, recenzji etc.), katalogów bibliotecznych i wydawniczych, zarówno w wersji papierowej, jak i w formie elektronicznego dokumentu sieciowego. Zebrane pozycje poddano analizie selektywnej pod kątem ich zawartości, a następnie usystematyzowano przyjmując porządek chronologiczny.

Zapoznanie się z wieloma pozycjami było możliwe również dzięki wyszukiwarce Google Book Search. Część niniejszego rejestru oparta jest jednak na udostępnionych opisach bibliograficznych (w katalogach bibliotecznych) i wydawniczych. Na etapie tworzenia zbioru bibliografii korzystano z elektronicznej bazy NUKAT, tj. katalogu centralnego polskich bibliotek naukowych i akademickich, katalogu WorldCat, katalogu online Biblioteki Narodowej, katalogów bibliotecznych różnych profilowanych uczelni wyższych.

Poniższy — dwuczęściowy — rejestr bibliografii zawiera dane o dokumentach w ich oryginalnych językach. Oznacza to, że opisy bibliograficzne odwzorowują alfabet dokumentów źródłowych, a także dokumentów wtórnych, jakimi są przekłady, we wszystkich językach słowiańskich i innych językach używanych w Europie, a także poza jej granicami.

W prezentowanej bazie danych z zasady nie uwzględniono netografii — poza nielicznymi wyjątkami, a mianowicie postać elektroniczną dokumentu odnotowywano jedynie wtedy, gdy dana pozycja posiadała tradycyjną wersję wydania deklarowaną jako referencyjną. Dotyczy to m.in. słowników leksykalno-bibliograficznych Wawrzyńczyka, kontynuacji *Bibliografii Językoznawstwa Sławistycznego*¹ (...za lata 1998–2004 z uzupełnieniami za lata 1991–1997), a zawartej w *Bibliograficznej bazie danych światowego językoznawstwa sławistycznego iSybislaw ...za lata 2007–2012*². Do rejestru

¹ *Bibliografia Językoznawstwa Sławistycznego za Rok...* Polska Akademia Nauk. Instytut Sławistyki — Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1992–.

² *Bibliograficzna baza danych światowego językoznawstwa sławistycznego iSybislaw*. [Online] <<http://www.isybislaw.ispan.waw.pl/>> (10.07.2015).

nie włączono elektronicznych baz bibliograficznych prac naukowych pracowników poszczególnych ośrodków akademickich, prezentowanych na stronach uczelnianych (np. „Biografik” na stronie Uniwersytetu Pedagogicznego im. KEN w Krakowie³) — istnieje do nich otwarty dostęp, a ponadto zawarte w nich dane ulegają okresowym aktualizacjom. W wykazie nie uwzględniono też publikacji o szerokim profilu w rodzaju pozycji *Bibliografia publikacji pracowników Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie [za lata 1946–1970]*⁴ itp.

Przygotowując niniejszą bibliografię do publikacji zastosowano poniższe zasady. W procesie konfigurowania wykazu zachowano porządek chronologiczny, co oznacza, iż pozycje słownikarskie pogrupowano według roku ich wydania. W poszczególnych odcinkach czasowych publikacje uszeregowano alfabetycznie według nazwisk autorów, a w przypadku opracowań zbiorowych według tytułów — w obu przypadkach zgodnie z kolejnością liter alfabetu polskiego. Nazwiska redaktorów, jak również osób uczestniczących w procesie opracowywania haseł słownikowych, podaje się po tytule dzieła. W przypadku pozycji sygnowanych nazwiskiem autora po nazwisku umieszczono pełne imię (imiona). W odniesieniu do prac zbiorowych imię redaktora (redaktorów) i autorów haseł umieszczono przed nazwiskiem. Tytuły pozycji w alfabetykach innych niż łaciński (oprócz cyrylicy) podaje się w zapisie transkrypcji, jaka ma zastosowanie w procedurze katalogowania bibliotecznego. W miejscu opisu bibliograficznego zamieszczono nazwę wydawcy, instytucji wydawniczej lub jej oddziału. W adresie bibliograficznym uwzględniono również kolejność wydania, nazwę serii i — każdorazowo — liczbę stron (z wyjątkiem niektórych publikacji w wersji elektronicznej online). Po adresie bibliograficznym, zwykle w nawiasach kwadratowych, umieszcza się informacje dodatkowe dotyczące zamieszczonego w publikacji indeksu rzeczowego, języków przekładu, przeznaczenia pracy, tytułu okładkowego, zapisów dodatkowych na stronach przytytułowych, informacje o innym tytule pierwszego / poprzedniego bądź oryginału wydania oraz adnotacje informujące o przeznaczeniu (typie) publikacji dla określonego odbiorcy. W przypadku występowania ekwiwalentnego tytułu (tytułów) innojęzycznego przytacza się obydwie, bądź równoległe. W niektórych wypadkach w nawiasach kwadratowych przed adresem bibliograficznym podaje się nazwisko właściwe autora bądź jego zapis polskojęzyczny, jeśli w oryginale występuje zapis cyrylicy nazwiska polskiego.

Opracowany i zaprezentowany poniżej dwuczęściowy wykaz materiałów bibliograficznych stanowi próbę wypełnienia luki w polsko-rosyjskim dziale leksykografii bibliograficznej. Zamierzeniem autorki jest również dokonanie bibliograficznego podsumowania półtorawiekowej historii badań relacji polsko-rosyjskich w różnych obszarach wiedzy. Badania mają charakter interdyscyplinarny. Stworzona bibliograficzna baza danych z założenia ma pełnić rolę przydatnego, aktualnego i łatwo dostępnego kompendium bibliograficznego w rusycystycznej informacji naukowej. Autorka ma nadzieję, że przedstawiona tu bibliograficzna baza dokumentacyjna będzie miała za-

³ *Biografik*. [Online:] <<http://www.bg.up.krakow.pl/biografik/?s=rusycysta>> (10.07.2015).

⁴ *Bibliografia publikacji pracowników Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie [za lata 1946–1970]*. T. 1–2. Oprac. zespół pracowników Oddziału Informacji Naukowej Biblioteki Głównej. Kraków: Wydawnictwo Naukowe, 1970–1972.

sięg szerszy niż lokalny dzięki elektronicznej wersji jej upowszechnienia w różnych środowiskach naukowych. Autorka wyraża pogląd, iż prezentowany rejestr powinien być sukcesywnie modyfikowany i uzupełniany.

Poniższe opracowanie bibliograficznej bazy danych na temat wielod dziedzinowych bibliografii piśmiennictwa polskiego jest przedsięwzięciem naukowym zrealizowanym w ramach działalności Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej afiliowanej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Autorka tego tekstu jest założycielem i kierownikiem tejże Pracowni, a jednocześnie twórczynią poniższego rejestru.

Część I

Wykaz słowników leksykalno-bibliograficznych z zakresu rusycystyki

1994

Wawrzyńczyk Jan. *Przewodnik bibliograficzno-leksykalny po współczesnym językoznawstwie rosyjskim*. Wyd. 1 (preprint). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1994, ss. 106.

1998

Wawrzyńczyk Jan. *Mały przewodnik leksykalno-bibliograficzny po współczesnym językoznawstwie ogólnym i polonistycznym*. Uniwersytet Warszawski. Katedra Lingwistyki Formalnej, Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1998, ss. 135.

1999

Rudnik-Karwatowa Zofia, Karpińska Hanna. *Słownik słów kluczowych językoznawstwa slawistycznego*. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Polska Akademia Nauk. Instytut Slawistyki. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1999, ss. 109 [Indeks].

2000

Wawrzyńczyk Jan. *Mały słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycznego*. Semiosis Lexicographica. Vol. 5. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Instytut Informacji Naukowej i Studiów Bibliologicznych, 2000, ss. XVI, 250.

2001

Wawrzyńczyk Jan. *Słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycznego*. Warszawa: Dialog, 2001, ss. 410, [2].

2002

Wawrzyńczyk Jan. *Współczesne językoznawstwo rosyjskie, polskie, ogólne. Słownik bibliograficzny*. Z. 1. Łódź: Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej, Uniwersytet Łódzki — Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, 2002, ss. 152.

Wawrzyńczyk Jan. *Współczesne językoznawstwo rosyjskie, polskie, ogólne. Słownik bibliograficzny*. Z. 2. Łódź: Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej, Uniwersytet Łódzki — Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, 2002, ss. [2] 153, 301.

2004

Wawrzyńczyk Jan, Małek Eliza. *Z materiałów do słownika bibliograficznego języka rosyjskiego. Terminologia lingwistyczna, wybrane terminy wiedzy o kulturze i literaturze, hapaks legomena*. Seria

Semiosis Lexicographica. Vol. 16. Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski, 2004, ss. 554.

2005

Wawrzyńczyk Jan. *Słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycznego*. Wyd. 2 popr. i uzupełn. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog, 2005, ss. 456, [1].

2006

Rudnik-Karwatowa Zofia, Karpińska Hanna. *Słownik słów kluczowych językoznawstwa slawistycznego*. Dokument elektroniczny. Popr. i uzupełn. wersja wyd. książkowego. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Polska Akademia Nauk. Instytut Sławistyki. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2006, ss. 109.

2010

Wawrzyńczyk Jan, Małek Eliza. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 1: A–O. Semiosis Lexicographica. Vol. 55. Warszawa: Bel Studio, 2010, ss. 730.

2012

Wawrzyńczyk Jan, Małek Eliza. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 2: П–Я. Warszawa: Bel Studio, 2012, ss. 638, [18].

2014

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 1: А–Бар. Warszawa: Mila Hoshi, 2014, ss. 76 [+ wersja elektroniczna online].

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 2: Бас–Глаз. Warszawa: Mila Hoshi, 2014, ss. 89 [+ wersja elektroniczna online].

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 3: Глай–Иж. Warszawa: Mila Hoshi, 2014, ss. 100 [+ wersja elektroniczna online].

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 4: Из–Лекс. Warszawa: Mila Hoshi, 2014, ss. 95 [+ wersja elektroniczna online].

Wawrzyńczyk Jan. *Język, literatura i kultura rosyjska na stronie www.nfjp.pl*. Warszawa: Mila Hoshi, 2014, ss. 14, [1] [+ wersja elektroniczna online] <http://www.academia.edu/9552466/%C4%99zyk_literatura_i_kultura_rosyjska_na_stronie_www.nfjp.pl> (dostęp 2.07.2015).

2015

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 5: Лект–Нем. Warszawa: Mila Hoshi, 2015, ss. 91 [+ wersja elektroniczna online].

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 6: Нен–Повр. Warszawa: Mila Hoshi, 2015, ss. 93 [+ wersja elektroniczna online].

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 7: Повс–Рес. Warszawa: Mila Hoshi, 2015, ss. 94 [+ wersja elektroniczna online].

Вавжинчик Ян, Малэк Элиза. *Русская лексика. Библиографические характеристики*. Выпуск 8: Ретс–Стер. Warszawa: Mila Hoshi, 2015, ss. 98 [+ wersja elektroniczna online].

Wojan Katarzyna. *Język potoczny w polskiej lingwistyce. Materiały do Przewodnika leksykalno-bibliograficznego*. [W:] „*Mówimy jak mówimy...*” *Gdzie ukryta jest potoczność?* Red. Marcelina Grabska, Żanna Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, s. 43–83 [Zawiera dział *Rusycystyka*, s. 80–82].

Część II

Wykaz bibliograficzny bibliografii i biobibliografii zawierających *rossica* (lata 1862–2015)

1862

Biblioteka pisarzy asystencyi polskiej Towarzystwa Jezusowego powiększona dwoma dodatkami, z których pierwszy zawiera polskie i rosyjskie tłumaczenia, drugi wydania pisarzy Towarzystwa Jezusowego do innych asystencyi należących w Polsce i Rosyi. Napisana we Lwowie od r. 1852 do 1855 przez Józefa Brown. Przekł. z łac. Władysława Kiejnowskiego. Poznań: W komisie i czcionkami Ludwika Merzbacha, 1862, ss. 501. [1] [Dostępny również w formie elektronicznej, <<http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/publication/13246>>].

1880

Courtenay Baudouin de. *Библиография. Z dziejów języka polskiego. Objasnienia do rozprawy W.W. Makuszewa „Ślady wpływu ruskiego na piśmiennictwo staropolskie”*, wydrukowanej w czasopiśmie rosyjskim „Славянский сборник” (t. 3) napisał Ad. Ant. Kryński. Moskwa: [s.n.], 1880, ss. 16.

1883

Heck Korneli Juliusz. *Bibliografia polska z roku 1881 w porównaniu z czeską, węgierską i rosyjską.* Lwów: nakładem autora, 1883 (Lwów: Drukarnia Władysława Łozińskiego), ss. 51 [Odb. z „Przewodnika Naukowego i Literackiego”].

1889

За тридцать лет 1876–1889. Указатель научных трудов диссертаций, статей и рецензий экстраординарного профессора Императорскаго Варшавскаго Университета Федора Вержовскаго. Варшава: Типография К. Ковалевскаго, 1889, ss. [14], 12.

1891

[Sławiński Fabian Ferdynand]. *Систематический указатель къ постановленьямъ Учредительнаго Комитета и сборникамъ првительственныхъ распоряжений, изданнымъ Учредительнымъ Комитетомъ, Временной Коммисией по крестьянскимъ Деламаъ и Земскимъ Отделомъ Министерства Внутреннихъ Дель.* Сост. Ф.Ф. Славискимъ. Люблинь: [s.n.], 1891, ss. [2], IV, X, [2], 406.

1894

Систематический каталог книгам Библиотеки Офцераго собрания С-Петербурскаго Гренадерскаго полка. Сост. Г. Григорьев. Варшава: Типография Окружнаго Штаба, 1894, ss. [4], XVII, 130.

1897

Успехи изучения третичныхъ отложений России (1896 г.). Литературный обзор = Fortschritte im Studium der tertiären Ablagerungen in Russland (im Jahre 1896). Litteratur-Übersicht mit kritischen Bemerkungen. С критическими замечаниями Н[иколая] Андрусова. Варшава: в Губернской Типографии, 1897, ss. [2], 20.

1902

Каталог книг библиотеки Офицерского Собрания Лейбгвардии Волынского полка. Сост. Поручник Булахтин. Изд. 2-е, перер. и допол. Тишевский и Сакен. Варшава: Типография Помошника Варшавского Генерал-Губернатора по пол. ч., 1902, ss. [4], 232 [Indeks].

1903

Успехи изучения третичных отложений России (1897–1900). Литературный обзор = Fortschritte im Studium der tertiären-Ablagerungen in Russland (1897–1900). Litteratur-Übersicht mit kritischen Bemerkungen. С критическими замечаниями Н[иколая] Андрусова. Варшава: Типография Густава Папроцкого, 1903, ss. [2], 46.

1907

Wroński A. [właśc. Jodko-Narkiewicz Witold]. *Zadania ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim w chwili obecnej.* Seria *Życie*: Wydawnictwo Dzieł Społeczno-Politycznych. T. 4, Warszawa: „Życie”, 1907 (Kraków: Drukarnia Narodowa), ss. 35 [Nazwa autora: Żanna Kormanowa. *Materiały do bibliografii druków socjalistycznych na ziemiach polskich [...]*].

1911

Bibliografia słowianoznawstwa polskiego. Zestawił Edmund Kołodziejczyk. Kraków: Akademia Umiejętności, 1911 (Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), ss. XX, 303 [Indeks].
Kucharzewski Jan. *Czasopiśmiennictwo polskie wieku XIX w Królestwie, na Litwie i Rusi oraz na emigracji (zarys bibliograficzno-historyczny).* Warszawa: Gebethner i Wolff — Kraków: G. Gebethner i S-ka, 1911, ss. 121.

1925

Materiały bibliograficzne Przewodnika Bibliograficznego i druki komunistyczne polskie wydane w S.S.S.R. Zestawili Paweł Ettinger i Władysław Tadeusz Wislocki. Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1925, ss. 6 [Odb. z: „Przewodnik Bibliograficzny” 1925, nr 1].

1928

Zalewski Józef. *Bibliografia polskiej literatury radzieckiej wydanej w ZSRR w 1917–1927.* Zebrał i ułożył J. Zalewski. Kijów: Centralna Polska Biblioteka Państwowa na Ukrainie, 1928, ss. 63, [4].

1930

Książka Polska w ZSRR w r... (bibliografia) = Польская книга СССР в... Zestawiła Fr. Fryszmanowa. Biblioteka Państwowa i Instytut Bibliograficzny BSRR im. Wł.I. Lenina, Oddział Polski, Mińsk: Biblioteka Państwowa i Instytut Bibliograficzny BSRR im. Wł.I. Lenina, 1930–1932.
Maliszewski Jerzy. *Sybiracy zesłani i internowani za udział w powstaniu styczniowym.* Warszawa: Zakłady Graficzne „Odrodzenie”, 1930, ss. 50.
Wykaz książek w języku polskim, wydanych w ZSRR w latach 1927–29 i poleconych dla bibliotek polskich. Ułożył J. Zalewski. Wydział Bibliograficzny Głównego Wydziału Oświaty Politycznej RSFR. Moskwa: Centralne Wydawnictwo Ludów ZSRR, 1930, ss. 32.

1931

Maliszewski Jerzy. *Uczestnicy powstania styczniowego zesłani i internowani.* Warszawa: Nakładem Lekarza Wojskowego, 1931, ss. 76.

1935

Libert Feliks Bernard. *Materiały do bibliografii wojny polsko-sowieckiej*. Warszawa: Wojskowe Biuro Historyczne, 1935, ss. 161, [1] [Indeks].

1939

Toporowski Marian. *Puszkina w polskiej krytyce i przekładach. Zarys bibliograficzno-literacki*. Kraków: [s.n.], 1939, ss. [4], 118, [3] [Nadb.: *Prace Polskiego Towarzystwa dla badań Europy Wschodniej i Bliskiego Wschodu pt. Puszkina 1837–1937*. Kraków 1939].

1947

Rochlina Maria. *Prace akademika Bogomolca o przedłużeniu życia*. Przeł. Tadeusz Butkiewicz. Warszawa: Lekarski Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1947, ss. 9 [Odb.: „Polski Tygodnik Lekarski” 1947, R. 2, nr 9].

1949

Bibliografia radziecka. Bibliografia polskich publikacji o spółdzielczości. Z. 1. Warszawa: Spółdzielczy Instytut Naukowy, 1949, s. 211–222 [Wyc.: „Spółdzielczy Przegląd Naukowy”].

Bibliografia radziecka. Bibliografia polskich publikacji o spółdzielczości. Z. 2. Warszawa: Spółdzielczy Instytut Naukowy, 1949, s. 163–169 [Wyc.: „Spółdzielczy Przegląd Naukowy”].

Bibliografia radziecka. Bibliografia polskich publikacji o spółdzielczości. Z. 3. Warszawa: Spółdzielczy Instytut Naukowy, 1949, s. 174–180 [Wyc.: „Spółdzielczy Przegląd Naukowy”].

Bibliografia radziecka. Bibliografia polskich publikacji o spółdzielczości. Z. 4. Warszawa: Spółdzielczy Instytut Naukowy, 1949, s. 265–276 [Wyc.: „Spółdzielczy Przegląd Naukowy”].

Kiersnowski Ryszard, *Bibliografia słowiańszczyzny polskiej za lata 1944–46*. Kraków: Studium Słowiańskie Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1949, s. 215–235 [Nadb.: „Pamiętnik Słowiański” I].

Lewandowska Irena. *Poznajmy Związek Radziecki. Wybór literatury*. Wyd. 2 uzup. Warszawa: Związek Bibliotekarzy i Archiwistów Polskich — Biblioteka Publiczna m.st. Warszawy, 1949, ss. [1] [„Bibliotekarz”. Wkładka bibliograficzna do nr 7–8, 1949].

Lewandowska Irena. *Poznajmy Związek Radziecki. Wybór literatury*. Warszawa: Związek Bibliotekarzy i Archiwistów Polskich — Biblioteka Publiczna m.st. Warszawy, 1949, ss. 7, [1] [„Bibliotekarz”. Wkładka bibliograficzna do nr 6–7, 1949].

Walka o przyspieszenie obiegu środków obrotowych w ZSRR (znaczenie ekonomiczne, technika ustalania normatywów, bieżąca bibliografia). Oprac. R.J. Seria Materiały i Przyczynki — Spółdzielczy Instytut Naukowy. Warszawa: Centralny Związek Spółdzielczy — Spółdzielczy Instytut Naukowy, 1949, ss. [4], 32 [Do użytku wewnętrznego].

1950

Bibliografia o Leninie i Stalinie. Warszawa: „Książka i Wiedza”, 1950, ss. 49, [3] [Obejmuje książki, omawiające życie i działalność Lenina i Stalina oraz ich dzieła, wydania od roku 1940 w Związku Radzieckim i w Polsce].

Józef Stalin. *O życiu, pracy i walce. Materiały szkoleniowe dla zespołów szkoleniowych 1 stopnia i wieczorowych szkół politycznych*. Seria Biblioteczka Szkoleniowa ZMP, nr 5. Warszawa: Wydział Agitacji i Propagandy Zarządu Głównego Związku Młodzieży Polskiej, [druk] 1950, ss. 95, [1], k. tabl. [1].

Toporowski Marian. *Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1950, ss. 319, [2], k. tabl. 1.

1951

- Bibliografia do zagadnień ochrony pracy kobiet w ZSRR i krajach demokracji ludowej.* Centralna Rada Związków Zawodowych w Polsce. Warszawa: Wydawnictwo Związkowe Centralnej Rady Związków Zawodowych, 1951, ss. 20.
- Denisjew Witalij Nikolajewicz. *Organizacja bibliografii w ZSRR.* Tłum. Janina Gruszecka. Seria Biuletyn Instytutu Bibliograficznego, T. 3, nr 4. Warszawa: Biblioteka Narodowa. Instytut Bibliograficzny, 1951, ss. 27, [1].
- Wenzłówna Zofia. *Bibliografia słowianoznawstwa polskiego za lata 1947–1948.* Kraków: nakładem Studium Słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1951, s. 265–334 [Stanowi kontynuację bibliografii oprac. przez R. Kiersnowskiego i ogłoszonej w t. 1 „Pamiętnika Słowiańskiego” (1949); nadb.: „Pamiętnik Słowiański” 2].

1952

- Sovietica w Polsce. Przegląd bibliograficzny* (dodatek bezpłatny do... „Kwartalnika Instytutu Polsko-Radzieckiego”). Instytut Polsko-Radziecki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1952–1956.
- O bibliotekach i bibliografii. Artykuły z V tomu Wielkiej Encyklopedii Radzieckiej.* Wstęp. Wanda Michalska. Ministerstwo Kultury i Sztuki. Centralny Zarząd Bibliotek. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1952, ss. 104.
- Wykaz książek i artykułów czasopism literatury radzieckiej z zakresu włókiennictwa. Materiały księgozbioru Biblioteki WSE w Łodzi.* Oprac. zespół pracowników naukowych Biblioteki przy pomocy Henryka Regulskiego, Władysława Holtzmana i S. Zezmera. Łódź: Biblioteka Wyższej Szkoły Ekonomicznej, 1952, ss. [4], 28.

1953

- Bibliograficzny przewodnik po ZSRR.* Warszawa: Biblioteka Narodowa, Instytut Bibliograficzny, 1953, ss. 92 [Bibliografia adnotowana literatury informującej o ZSRR, obejmująca książki, broszury i ważniejsze artykuły z czasopism, wydanych w Polsce Ludowej w latach 1945–52].

1954

- Obchodzimy w świetlicy Miesiąc Pogłębienia Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. Materiały do pracy świetlicowej.* Warszawa: Ministerstwo Kultury i Sztuki. Ośrodek Instrukcyjno-Methodyczny, 1954, ss. 57 [Bibliografia książek o wsi radzieckiej].
- Tyszyńska Zofia, Miłodrowska Karola. *Techniczne normowanie pracy. Zestawienie bibliograficzne z literatury: polskiej, radzieckiej i NRD,* Instytut Ekonomiki i Organizacji Przemysłu. Działowy Ośrodek Dokumentacji Naukowo-Technicznej, Warszawa 1954, ss. 2, [19] [Maszynopis powielony].

1955

- Bibliografia rewolucji 1905–7 w Królestwie Polskim.* T. 1: *Pisma ulotne. Zeszyt próbny.* Warszawa: Biblioteka Narodowa, Zakład Informacji Naukowej, 1955, ss. 47.
- Nasi przyjaciele z Kraju Rad. Bibliografia adnotowana literatury pięknej.* Warszawa: Ministerstwo Kultury i Sztuki, 1955, ss. [4], 66. [2], k. tabl. [10].
- Tematyka programowa i literatura dla grup samokształcenia studiujących historię KPZR.* Wydział Propagandy i Agitacji KC PZPR. Warszawa: RSW „Prasa”, 1955, ss. 27, [1].

1956

- Bibliografia zalecająca a czytelnictwo (z doświadczeń radzieckich)*. Zebrał, przeł. i wstępem opatrzył Adam Wróblewski. Warszawa: Stowarzyszenie Bibliotekarzy Polskich, 1956, ss. 248.
- Dekabryści w literaturze polskiej. Materiały bibliograficzne za lata 1928–1956*. Warszawa: Instytut Polsko-Radziecki. Dział Dokumentacji, 1956, ss. [2], 11 [Maszynopis].
- Lomonosow Michał. *Pisma filozoficzne*. T. 2. Przeł. Kazimierz Bleszyński, Bolesław J. Gawecki, Ignacy Złotowski. Oprac., wstępem i przypisami opatrzył Ignacy Złotowski. Seria Biblioteka Klasyków Filozofii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956, ss. 583, [1] [Zawiera indeksy; *Alfabetyczny wykaz rosyjskich tytułów prac zamieszczonych w tomach 1 i 2*, s. 581–583].
- Polonica w ZSRR. Przegląd bibliograficzny*. Warszawa: Instytut Polsko-Radziecki, 1956–1960.
- Turnau Irena. *Przegląd prac o odzieży ogłoszonych w archeologicznych i etnograficznych czasopismach radzieckich*. [S.l. : s.n., 1956], s. 708–716 [Nadb.: „Kwartalnik Historii Kultury Materialnej” 1956, R. 4, nr 4].
- [Zaleski Eugeniusz] Zaleski Eugène. *Mouvements ouvriers et socialistes (chronologie et bibliographie)*. *La Russie*. T. 1: 1725–1907. Paris: Les Editions Ouvrières, 1956, ss. 462, [4] [Na stronie przytytułowej: „Ouvrage publié sous les auspices de L’Institut français d’histoire sociale”].
- [Zaleski Eugeniusz] Zaleski Eugène. *Mouvements ouvriers et socialistes (chronologie et bibliographie)*. *La Russie*. T. 2: 1908–1917. Paris: Les Editions Ouvrières, 1956, ss. 489, [5] [Na stronie przytytułowej: „Ouvrage publié sous les auspices de L’Institut français d’histoire sociale”; indeksy].

1957

- Адам Мицкевич в русской печати 1825–1955. Библиографические материалы*. Сост. Б.М. Богатырь и др. Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957, ss. [2], 5999, k. tabl. [19], ss. [2].
- Bibliografia autorów rosyjskich i radzieckich*. Centrala Księgarstwa „Dom Książki”. Warszawa: Przedsiębiorstwo Państwowe Dom Książki, 1957, ss. 30 [Tyt. nagłówek: *Bibliografia pisarzy rosyjskich i radzieckich autorów książek przeznaczonych do wykorzystania w okresie obchodu 40-lecia wielkiej socjalistycznej rewolucji październikowej*; zawiera krótkie informacje biograficzne z wymienieniem ważniejszych utworów].
- Katalog dzienników i czasopism ZSRR*. Oprac. Wanda Barciszewska, Marian Białowąs. Warszawa: Biuro Wydawnicze „Ruch”, 1957, ss. 215 [Indeks].

1959

- Bibliografia utworów Mikołaja Gogola tłumaczonych na język polski oraz polskich prac o Mikołaju Gogolu 1945–1958*. Oprac. Danuta Rymza-Zalewska. Na zlec. Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. Warszawa: Czytelnik, 1959, ss. 30, [2].
- Kraj i ludzie „Lunnika”*. Państwowe Przedsiębiorstwo „Składnica Księgarska” Księgarski Ośrodek Bibliograficzny. Przedmowa L. Kruczkowski. Warszawa: Składnica Księgarska. Dział Reklamy, 1959, ss. 62.
- Materiały bibliograficzne do tematu: Piętnastolecie Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej*. Zbrali i oprac. Bożena Andraka, Leonard Zwoliński. Warszawa: Dział Dokumentacji i Informacji Instytutu Polsko-Radzieckiego przy Zarządzie Głównym Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej, 1959, ss. [2], 14 [Powielone].
- Melkowski Stefan. *Od Puszkina do Erenburga. Poradnik bibliograficzny*. Seria Poradniki Bibliograficzne. Instytut Bibliograficzny Biblioteki Narodowej. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1959, ss. 72 [Indeksy].

Słowacki w Rosji i Związku Radzieckim (materiały bibliograficzne). Warszawa: Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Radzieckiej, Zarząd Główny, 1959, ss. 56 [Maszynopis powielony].

1961

Andrakowa Bożena, Malcowa Halina, Zwoliński Leonard. *Informator o wybranych czasopismach radzieckich*. Seria Materiały Bibliograficzne. Dział Dokumentacji i Informacji Instytutu Polsko-Radzieckiego. Warszawa: Dział Dokumentacji i Informacji Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1961, ss. [1], 3, 46.

Książka radziecka w przekładach polskich. Informacje i szkice. Aut. tekstów Andrzej Drawicz et al. Red. Seweryn Pollak. Oprac. graf. i wybór il. Ignacy Witz. Składnica Księgarska. Dział Reklamy. Warszawa: Wydawnictwo Artystyczno-Graficzne RSW „Prasa”, 1961, ss. 158, [1].

Malcowa Halina. *Wykaz artykułów z radzieckiej prasy literackiej. 1 I – 31 III 1961. Materiały wybrane*. Seria Materiały Bibliograficzne. Dział Dokumentacji i Informacji Instytutu Polsko-Radzieckiego. Warszawa: Instytut Polsko-Radziecki. Dział Dokumentacji i Informacji, Instytut Polsko-Radziecki, 1961, ss. [2], 21.

Regulaminy najwyższych organów władzy państwowej europejskich krajów socjalistycznych. Na podstawie materiałów Biblioteki Sejmowej zestawiała Zofia Szymanowska-Mieszkowska, Biblioteka Sejmowa. Informatorium, Warszawa: Biblioteka Sejmowa, 1961, ss. [1], 6.

Taras Szewczenko. *Życie i twórczość. Wybór materiałów bibliograficznych*. Instytut Polsko-Radziecki. Dział Dokumentacji i Informacji. Warszawa: Instytut Polsko-Radziecki, 1961, ss. [2], IV, 18 [Powielone].

1962

Studies in Russian and Polish literature. In honor of Waclaw Lednicki. Ed. by Zbigniew Folejewski et al. Hague: Mouton & Co., 1962, ss. 250, [1] [Bibliografia prac Waclawa Lednickiego, s. 11–25].

Ustawy o radach narodowych w Albanii, Bułgarii, Czechosłowacji, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Rumunii, na Węgrzech i w Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. Na podstawie materiałów B[iblioteki] S[ejmowej]. Zestawiła Zofia Szymanowska. Biblioteka Sejmowa. Informatorium. Warszawa: Biblioteka Sejmowa, 1962, ss. [1], 14.

1963

Bibliografia pism ulotnych Rewolucji 1905–7 w Królestwie Polskim. T. 1. Zespół red. Halina Kiepuska (red.) przy współpracy Leokadii Brzezińskiej i Janiny Wilgat. Biblioteka Narodowa. Zakład Informacji Naukowej. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1963, ss. XXXV, 600, k. faks. [22].

Bibliografia pism ulotnych Rewolucji 1905–7 w Królestwie Polskim. T. 2: *Indeksy*. Biblioteka Narodowa. Zakład Informacji Naukowej. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1963, ss. 140, [1] [Indeks].

Informator bibliograficzny. Wybór polskich wydawnictw slawistycznych z lat 1958–1963. V Międzynarodowy Kongres Sławistów w Sofii, 17–23 września 1963. Warszawa: Polski Komitet Sławistów, 1963, ss. 34.

Lewański Richard Casimir. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 3: *Russian*. New York: New York Public Library, 1963, ss. 400.

Semczuk Antoni. *Lew Tołstoj*. Seria Profile. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963, ss. 405, [3], k. [1], [28] [Słownik biograficzny].

1964

Grzegorzczuk Piotr. *Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*. Indeksy zestawiała Ewa Suchodolska. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964, ss. 336, [3] [Zawiera także wybór artykułów i fragmentów pism autorów współczesnych Tołstojowi].

Kormanowa Żanna. *Bibliografia pism ulotnych rewolucji 1905–1907 w Królestwie Polskim*. T. 1–2. Warszawa 1963 [Warszawa: [s.n.], 1964] [Nadb.: „Z Pola Walki” 1964 nr 1].

Polny Roman. *Oświata i pedagogika w ZSRR. Bibliografia publikacji wydanych w Polsce w 1961–1963*. Warszawa: Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. Zarząd Główny, 1964, ss. [2], 85.

Slawistyka w polskich wydawnictwach naukowych z lat 1952–1964. Wybór. Warszawa: Ośrodek Rozpowszechniania Wydawnictw Naukowych Polskiej Akademii Nauk, 1964, ss. [2], 68, [2].

1965

Bibliographie der Wörterbücher erschienen [!] in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Библиография словарей изданных в Венгерской Народной Республике, Германской Демократической Республике, Китайской Народной Республике, Народной Республике Болгарии, Польской Народной Республике, Румынской Народной Республике, Союзе Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республике = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 1: 1945–1961. Red. Danuta Rymśka-Zalewska, Irena Siedlecka. Symbole klasyfikacji dziesiątej oprac. S. Osmólska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1965, ss. XXXII, 248, [3].

The Crime of Katyn. Facts & Documents. With a forew. by Władysław Anders. London: Polish Cultural Foundation, 1965, ss. XVI, 303, tabl. [30] [Aut. wyboru: Józef Mackiewicz (wg Jastrzębski Marek. *Materiały do bibliografii druków zwartych poza zasięgiem cenzury 13 XII 1981–31 XII 1988*. Warszawa: Twój Styl, 1994; *Leksykon kultury polskiej poza krajem od roku 1939*. T. 1. Red. Krzysztof Dybciak, Zdzisław Kudelski. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2000, s. 242].

1966

Bibliografia poezji i prozy radzieckiej. Łódź: Wojewódzki Ośrodek Instrukcyjno-Metodyczny Łódzkiego Domu Kultury, 1966, k. [29].

Mały słownik pisarzy narodów europejskich ZSRR. Red. Mieczysław Brahmer et al. Aut. haseł Aleksander Barszczewski et al. Seria Wydawnictwa Popularno-Encyklopedyczne. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1966, ss. 327, [1], tabl. [20].

1967

Fleszner Józef. *Bibliografia rozumowana wydawnictw radzieckich w zakresie nauczania programowanego*. Warszawa: Towarzystwo Wolnej Wszechnicy Polskiej. Podyplomowe Studium Nauczania Programowanego, 1967, ss. [4], 24. [Bibliografia artykułów w czasopiśmie: „Иностранные языки в школе”, „Советская педагогика”, „Вестник высшей школы” 1962–1986].

Grodecki Andrzej, Zarębska Ewa. *Od października do naszych dni. 1917–1967. Studia, szkice i dokumenty, pamiątki i wspomnienia, poezja i dramaty, proza*. Seria Materiały Metodyczne i Bibliograficzne. Biblioteka Publiczna m.st. Warszawy. Warszawa: Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy, 1967, ss. 180.

Grzegorzczak Piotr. *Index lexicorum Poloniae. Bibliografia słowników polskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967, ss. 286, [1].

Książka naukoznawcza radziecka 1962–1967 [= Советские книги о науковедении]. Oprac. Halina Dziewanowska, Serafin Michalewski. Seria Dokumentacja Zbiorów Własnych. Biblioteka Pol-

- skiej Akademii Nauk w Warszawie. Warszawa: Biblioteka Polskiej Akademii Nauk, 1967, ss. 16 [Do użytku wewnętrznego].
- Holzer Jerzy. *Revolucja Październikowa w pięćdziesiątą rocznicę 1917–1967. Poradnik bibliograficzny*. Instytut Bibliograficzny. Biblioteka Narodowa. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1967, ss. 50, [2] [Indeks].
- [Lewański Ryszard Kazimierz]. *The Slavic literatures*. Comp. by Richard C. Lewanski. Ass. by Lucia G. Lewanski and Maya Deriugin. Seria The Literatures of the World in English Translation. Vol. 2. New York: The New York Public Libr. – F. Ungar Publ., 1967, ss. XIII, [1], 630.
- Plutowa Krystyna. *Bibliografia prac z zakresu problematyki rosyjskiej i radzieckiej napisanych przez pracowników naukowych i studentów Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu*. Biblioteka Główna Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1967, ss. 67.
- Revolucja Październikowa i jej wpływ na sprawy polskie w latach 1917–1921. Informator o materiałach w archiwach PRL*. Komitet red. Bronisław Bednarz et al. Red. Jarosław Jurkiewicz. Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967, ss. XVIII, 555, [2] [Indeks].
- Semczuk Antoni. *Lew Tołstoj*. Wyd. 2 popr. Seria Profile. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1967, ss. 410, [28] [Słownik biograficzny].

1968

- Armia Radziecka 1918–1968. Materiały do bibliografii*. Oprac. Wiesław Majewski et al. Red. Tadeusz Peterson. Centralna Biblioteka Wojskowa. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa, 1968, ss. 81.
- Bibliographie der Wörterbücher erschienen [!] in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Библиография словарей изданных в Венгерской Народной Республике, Германской Демократической Республике, Китайской Народной Республике, Народной Республике Болгарии, Польской Народной Республике, Румынской Народной Республике, Союзе Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республике = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 2: 1962–1964. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska, Irena Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1968, ss. XXXII, 166, [2] + Indeks powiązań językowych do Bibliografii słowników wydanych w 1945–1961, ss. 11.
- Gajewski Dionizy, Rembielińska Wanda. *Pięćdziesięciolecie nauki i techniki radzieckiej 1917–1967 na łamach czasopism WCT NOT*. Seria Wydawnictwa Czasopism Technicznych Naczelnej Organizacji Technicznej. Warszawa: [s.n.], 1968, ss. 29, [3].
- Hessen Sergiusz. *Studia z filozofii kultury*. Wyboru dokonał, wstępem i przypisami opatrzył Andrzej Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968, ss. 367, [4], k. tabl. [2] [Zawiera bibliografię prac S. Hessena, s. 347–362].
- Materiały bibliograficzne do pracy ideowo-politycznej TPPR w IV kwartale 1968 r.* Oprac. Tadeusz Motylski. Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. Zarząd Główny. Warszawa: TPPR Zarząd Główny, 1968, ss. [2], 77, [1] [Materiał poradniczy do użytku wewnętrznego; maszynopis powielony].

- Slawistyka. *W polskich wydawnictwach naukowych z lat 1964–1968. Wybór*. Warszawa: Ośrodek Rozpowszechniania Wydawnictw Naukowych Polskiej Akademii Nauk, 1968, ss. 46, [2].
- [Sulimirski Tadeusz]. *The bronze age of the U.S.S.R. (a guide to the recent literature on the subject)*. By T. Sulimirski. University of London. Institut of Archeology. London: [s.n.], 1968, ss. 43–83 [Repr.: „Bulletin of the Institute of Archaeology” Nr 7].
- Wierchowski Mirosław. *Historia Rosji i ZSRR 1795–1939 w pracach historyków polskich (zestawienie bibliograficzne 1944–1966)*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1968, ss. 93.

1969

- Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Koreanischen Volksdemokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Sozialistischen Föderativen Republik Jugoslawien, Tschechoslovakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Chinese People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Korean People's Democratic Republic, Polish People's Republic, Rumanian People's Republic, Socialist Federal Republic of Yugoslavia, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 3: 1965–1966. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśza-Zalewska, Irena Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1969, ss. XXVIII, 110, [2] [Indeksy pol., niem., ros.; tłum. tytułów opisów niem. i ros.].
- Bułat Wojciech. *Lenin o Polsce i o polskim ruchu robotniczym (tezy i bibliografia)*. Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. Zarząd Główny, Warszawa: TPPR Zarząd Główny, 1969, ss. [2], 29, [1].
- Girwic Pelagia. *Bieżąca bibliografia narodowa (państwowa) ZSRR = Current national bibliography of the USSR*. Prace Instytutu Bibliograficznego, nr 13. Biblioteka Narodowa. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1969, ss. 93, [2], tabl. k. [3].
- Kaszubina Wiesława. *Polska prasa komunistyczna oraz prasa „komunizująca” w latach trzydziestych. Notatki bibliograficzno-informacyjne*. Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969, s. 153–203, [1] [Nadb.: „Rocznik Łódzki” 1969. T. XIII (XVI)].
- Lewandowski Jan. *Bibliografia dydaktyki języków obcych w PRL*. Cz. 1: 1944–1970. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971, ss. 310, [2].
- Słownik Zdzisław. *Bibliografia dzieł W.I. Lenina i wydawnictw o W.I. Leninie*. Warszawa: Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. Zarząd Główny. Warszawa: TPPR Zarząd Główny, 1969, ss. 51, [1] [Do użytku wewnętrznego].

1970

- Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslovakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian People's Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 4: 1967–1968. Red. Elżbie-

- ta Głowacka, Danuta Rymśza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1970, ss. XXVIII, 100, [2] [Indeksy pol., niem., ros.; tłum. tytułów opisów niem. i ros.].
- Rosyjska szkoła stylistyki*. Wybór tekstów i oprac. Maria Renata Mayenowa, Zygmunt Saloni. Indeksy zestawiał Zygmunt Saloni. Seria U Źródeł Współczesnej Stylistyki. Biblioteka Studiów Literackich. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970, ss. 558, [2] [Zawiera: Wykaz terminów; indeksy; noty biograficzne].

1972

- Bibliografia prac Lenina i o Leninie. Lata 1957–1970. Artykuły i druki zwarte opublikowane w PRL*. Oprac. Aleksandra Ożóg, Jadwiga Krzyżewska. Muzeum Lenina w Warszawie. Warszawa: Muzeum Lenina, 1972, ss. [5], IV, [1], 171 [Na obwołucie: „W 60 rocznicę przyjazdu Włodzimierza Lenina do Polski 1912–1972”].
- Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 5: 1969–1970. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1972, ss. XXVIII, 132, [4] [Indeksy pol., niem., ros.; tłum. tytułów opisów niem. i ros.].
- [Lewański Ryszard Kazimierz]. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 3: *Russian*. Comp. by Richard C. Lewanski. Seria The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 7. World Bibliography of Dictionaries. 2nd rev. and enl. ed. Bologna: Editrice Compositori, 1972, ss. XL, 386.
- [Pięćdziesiąt] *50 lat ZSRR. Zestaw bibliograficzny*. Oprac. Małgorzata Basińska, Maria Gurbielowa, Elżbieta Orłowska. Wojewódzka Komisja Związków Zawodowych. Miejska Biblioteka Publiczna im. L. Waryńskiego. Łódź: Miejska Biblioteka Publiczna im. L. Waryńskiego, 1972, ss. 42, [1].
- ZSRR. Wybór książek, materiałów z czasopism i przezroczy*. Biblioteka Publiczna m.st. Warszawy. Dział Metodyczno-Instrukcyjny. Warszawa: Biblioteka Publiczna, 1972, ss. [2], 75.

1973

- Bibliografia Polskich Prac z Zakresu Sławistyki. 1968–1972*. T. 1: *Archeologia, etnografia, folklorystyka, językoznawstwo*. Red. Jadwiga Czachowska i Jadwiga Puzyńska. Polska Akademia Nauk. Polski Komitet Sławistów. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973.
- Bibliografia Polskich Prac z Zakresu Sławistyki. 1968–1972*. T. 2: *Literaturoznawstwo*. Red. Jadwiga Czachowska i Jadwiga Puzyńska. Polska Akademia Nauk. Polski Komitet Sławistów. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973.
- Lewański Ryszard Kazimierz. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 1: *Polish*. Seria The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 4. World Bibliography of Dictionaries. 2nd rev. and enl. ed. Bologna: Editrice Compositori, 1973, ss. VIII, 197.
- Lewański Ryszard Kazimierz. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 2: *Belorussian, Bulgarian, Czech, Kashubian, Lusatian, old church Slavic, Macedonian, Polabian, Serbocroatian, Slovak, Slovenian, Ukrainian*. Seria The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 5. World Bibliography of Dictionaries. 2nd rev. and enl. ed. Bologna: Editrice Compositori, 1973, ss. X, [2], 352.

Lewański Ryszard Kazimierz. *A bibliography of Slavic dictionaries*. Vol. 4: *Supplement*. The Johns Hopkins University Bologna Center Library Publications, 7. Seria World Bibliography of Dictionaries. Bologna: Editrice Compositori, 1973, ss. VI, 409.

Wykaz Nabytków Zagranicznych Bibliotek Uniwersytetu Warszawskiego. Filologia Polska i Słowiańska. Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie. Warszawa: Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie, 1973–1977, z. 72 [Wykaz opracowywali pracownicy Oddziału Informacji Naukowej stąd częste zmiany opracowującego; maszynopis powielony].

1974

Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 6: 1971–1972. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1974, ss. XXVIII, 117, [1] [Indeksy pol., niem. i ros.; tłum. tytułów opisów niem i ros.].

1975

Bibliografia Prac Lenina i o Leninie Lata 1971/1974. Artykuły i druki zwarte opublikowane w PRL. Muzeum Lenina w Warszawie. Warszawa: [s.n.], 1975.

Armia Radziecka i Ludowe Wojsko Polskie w walce o wyzwolenie Polski. Materiały bibliograficzne. Oprac. Elżbieta Czermazowicz et al. Centralna Biblioteka Wojskowa. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa, 1973, ss. [2], XIV, 314.

Pisarze radzieccy o wojnie. Adnotowany zestaw bibliograficzny. Oprac. Jadwiga Krzywicka. Kielce: Wojewódzka i Miejska Biblioteka, 1975, ss. 27, [1].

Semiotyka kultury. Wybór i oprac. Elżbieta Janus i Maria Renata Mayenowa. Przedm. Stefan Żółkiewski. Seria Biblioteka Myśli Współczesnej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975, ss. 499, [1] [Zawiera Faryno Jerzy. *Bibliografia radzieckich prac semiotycznych (1962–1973)*].

1976

Bazela Elżbieta et al. *Bibliografia rusycystyki polskiej 1945–1975. Literaturoznawstwo = Библиография польской русистики*. Red. Bazyli Białokozowicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976, ss. 373, [3] [Indeks].

Bazela Elżbieta, Stochel Henryk, Wiśniewska Elżbieta. *Rossica, ukrainica, białorutenica na łamach „Wiadomości Literackich”*. Współwyd. „Studia Polono-Slavica Orientalia. Acta Litteraria”. T. 3. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1976.

Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgier-

- skiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 7: 1973–1974. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymśza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1976, ss. XXVIII, 133, [1] [Indeksy pol., niem. i ros.; tłum. tytułów opisów niem. i ros.].
- Filozofia i socjologia radziecka w Polsce*. Zespół red. Tadeusz Daszkiewicz et al. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Filozofii i Socjologii, 1976, ss. 266 [Bibliografia przy pracach; indeks].
- Jurkowski Marian. *Bibliografia rusycystyki polskiej 1945–1975. Językoznawstwo = Библиография польской русистике 1945–1975*. Red. Anatol Mirowicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976, ss. 172 [3] [Indeks].
- Lewandowski Jan. *Bibliografia dydaktyki języków obcych w PRL. Cz. 2: 1971–1975*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976, ss. 125, [2] [Indeks].
- Lewandowski Jan. *Bibliografia rusycystyki polskiej 1945–1975. Dydaktyka = Библиография польской русистике 1945–1975*. Red. Olgierd Spirydowicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976, ss. 178 [2] [Indeks].
- Praca partyjno-polityczna w Ludowym Wojsku Polskim i Armii Radzieckiej w latach wojny i podczas ćwiczeń okresu pokojowego. Bibliografia (wybór za lata 1960–1976)*. Oprac. Andrzej Szymański, Renata Malecka. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa, 1976, ss. 189 [Indeks].
- Rusycystyka wrocławska 1946–1975*. Uniwersytet Wrocławski im. Bolesława Bieruta. Instytut Filologii Słowiańskiej. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 1976, ss. 141 [Bibliografia publikacji pracowników; Indeks].
- Wykaz czasopism z Krajów Demokracji Ludowej i ZSRR gromadzonych w ośrodkach inte regionu lubelskiego*. Oprac. Ewa Suszycka, Teresa Handwerker-Być. Naczelna Organizacja Techniczna. Ośrodek Doskonalenia Kadr i Postępu Technicznego w Lublinie. Lublin: NOT, 1976, ss. 59, [1].

1977

- Bibliografia prac polskich na temat: Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa i jej międzynarodowe znaczenie, wojna domowa i interwencja obca w Rosji (marzec 1917–1920)*. Zredagował i przygotował do druku Jan Sobczak. Polska Akademia Nauk. Warszawa: PAN, 1977, ss. VII, 147.
- Filozofia i radziecka myśl społeczna w Polsce*. Polska Akademia Nauk. Instytut Filozofii i Socjologii. Warszawa: PAN, 1977, ss. 326.
- Huppenthal Janina. *Współczesne problemy kraju i świata. Poradnik bibliograficzny*. Seria Prace Książnicy Miejskiej im. M. Kopernika w Toruniu, nr 12. Toruń: Książnica Miejska im. M. Kopernika, 1977, ss. 40, [7] [Indeksy].
- Literatura radziecka 1917–1974. Poradnik bibliograficzny*. Oprac. Lidia Milewska. Seria Poradnik Bibliograficzny WiMBP, nr 12. Szczecin: Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna. Biblioteka Główna im.S. Staszica, 1977, ss. 61.
- Piwovarska Krystyna, Urbańska Zofia. *Problematyka rosyjska i radziecka w publikacjach i pracach naukowo-badawczych WAP. Bibliografia*. Wojskowa Akademia Polityczna im. F. Dzierżyńskiego. Ośrodek Naukowej Informacji Wojskowej. Warszawa: Wojskowa Akademia Polityczna, 1977, ss. 109 [Indeks].
- Rewolucja październikowa. Materiały bibliograficzne*. Oprac. Jadwiga Bieńkowska, Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna im. Tadeusza Mikulskiego we Wrocławiu. Wrocław: Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna, 1977, ss. 14 [Materiały metodyczne dla bibliotekarzy].
- Rewolucja Październikowa w sześćdziesiątą rocznicę 1917–1977*. Red. i przedmowa Witolda Stankiewicza. Seria Poradniki Bibliograficzne. Instytut Bibliograficzny. Biblioteka Narodowa. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1977, ss. 65, [3] [Indeks].
- Udział Polaków w Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej i jej wpływ na sprawę niepodległości Polski (materiały bibliograficzne)*. Centralna Biblioteka Wojskowa. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa, 1977, ss. 49 [Indeks].

- Wykaz Nabytków Zagranicznych Bibliotek Uniwersytetu Warszawskiego. Filologie Słowiańskie.* Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie. Oddział Informacji Naukowej i Dydaktyki. Warszawa: BUW, 1977–1997 [W latach 1977–1993 maszynopis powielony].
- Zaworski Władysław. *Michał Szolochow w polskich przekładach, nauce o literaturze i krytyce literackiej*; Zielińska Monika, *Konstanty Fiedin w recepcji polskiej*. Współwyd. „Studia Polono-Slavica Orientalia. Acta Litteraria”. T. 4. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1977.
- Związek Radziecki. Reportaże, książki podróżnicze i krajoznawcze. Materiały bibliograficzne.* Wybór i oprac. Jadwiga Bieńkowska. Seria Materiały Metodyczne dla Bibliotekarzy. Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna im. Tadeusza Mikulskiego we Wrocławiu. Wrocław: Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna, 1977, ss. 11, [1] [Indeks].

1978

- Bibliografia gospodarki i inżynierii wodnej. Polska = Библиография по водному хозяйству и водно-хозяйственному строительству. Польша = Bibliography of water economy and engineering. Poland 1961–1970.* Oprac. Barbara Chojecka, Irena Zalewska, Janusz Żurek. Warszawa: Wydawnictwa Komunikacji i Łączności, 1978, ss. 750, [2] [Indeks].
- Bibliografia Prac Lenina i o Leninie Lata 1975/1977. Artykuły i druki zwarte opublikowane w PRL.* Muzeum Lenina w Warszawie. Warszawa: [s.n.], 1978.
- Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich = Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics.* T. 8: 1975–1976. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1978, ss. XXVIII, 141, [1] [Indeksy pol., niem. i ros.; tłum. tytułów opisów niem. i ros.].
- [Horak Stefan]. *Russia, the USSR, and Eastern Europe. A bibliographic guide to English language publications.* [1], 1964–1974. Compil. by Stephan M. Horak. Ed. by Rosemary Neiswender. Littleton, CO: Libraries Unlimited, 1978, ss. XV, [1], 488.
- Literatura radziecka. Wybór z lat 1974–1978.* Oprac. Maria Bogulicz. Seria Materiały Metodyczne. Wojewódzka Biblioteka Publiczna i Książnica Miejska im. M. Kopernika w Toruniu. Toruń: Wojewódzka Biblioteka Publiczna — Książnica Miejska im. M. Kopernika w Toruniu, 1978, ss. 14, [1].
- Swienko Henryk. *Szamanizm ludów Syberii. Bibliografia przedmiotowa. 1800–1977.* Politechnika Warszawska. Instytut Nauk Ekonomiczno-Społecznych. Zakład Filozofii. Warszawa: Politechnika Warszawska, 1978, ss. V, 110 [Maszynopis powielony].

1979

- Czechosłowacka Republika Socjalistyczna (analizy dokumentacyjne wybranych materiałów). I–IX 1977. Wykaz prac naukowo-badawczych z dziedziny kultury realizowanych przez placówki naukowe w ZSRR.* Red. Małgorzata Jelonkiewicz, Teresa Kasiewicz, Ewa Mierzwińska. Seria Komunikat Informacyjny. Instytut Kultury. Ośrodek Informacji Naukowej i Statystyki Kulturalnej. Warszawa: Instytut Kultury. Ośrodek Informacji Naukowej i Statystyki Kulturalnej, 1979, ss. 105, 42.

1980

- Prussak Maria. *Polonica z archiwum cenzury petersburskiej*. Polska Akademia Nauk. Instytut Sztuki. Warszawa: PAN, 1980, s. 520–528 [Nadb. „Pamiętnik Teatralny” 1979, z. 3–4; indeks].
- Sielicki Franciszek. *Русская литература середины XIX века. Przewodnik tematyczny dla studentów filologii rosyjskiej*. Uniwersytet Wrocławski im. Bolesława Bieruta. Wrocław: Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego, 1980, ss. 88 [Indeks].
- Wilczyński Włodzimierz. *Władysław Syrokomla i literatura rosyjska*. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Zielonej Górze. Zielona Góra: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1980, ss. 115, [1] [*Bibliografia przekładów Władysława Syrokomli na język rosyjski w latach 1857–1915*; indeks].
- Z problematyki pedagogiki pracy (analityczny przegląd książek i artykułów obcych nie tłumaczonych na język polski)*. Red. Lidia Koczniewska-Zagórska. Oprac. Iwona Rajchel. Aut. analiz książek radzieckich i węgierskiej L. Koczniewska-Zagórska et al. Seria Prace Zakładu Informacji Naukowej. Instytut Kształcenia Zawodowego, Warszawa: Instytut Kształcenia Zawodowego, 1980, ss. 63 [Do użytku wewnętrznego].
- Zych Adam. *Psychologowie radzieccy i ich prace 1917–1977. Słownik biograficzny*. Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego w Kielcach. Kraków: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1980, ss. 173 [Bibliografia przy notach autorskich].

1981

- Bibliografia słowianoznawstwa polskiego*. Zestawił Edmund Kołodziejczyk. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1981, ss. XX, 303, [1] [Indeks; przedr. techniką fotooffsetową, oryg.: Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1911].
- Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich = Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics*. T. 9: 1977–1978. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymysza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1981, ss. XXVIII, 155, [1] [Indeksy pol., niem. i ros.; tłum. tytułów opisów niem. i ros.].
- Fedorowicz Waclaw. *Bibliografia historii i bibliografii slawistyki językoznawczej 1972–1975. Z materiałów nadesłanych do „Rocznika Slawistycznego”*. Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981, ss. 194 [Indeksy].
- Wawrzyńczyk Jan. *Bibliografia lingwistyki konfrontatywnej. Język polski i rosyjski*. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Bydgoszczy. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1981, ss. 36 [Indeks].

1982

- Bromowicz Danuta. *Podstawowe źródła informacji z zakresu filologii rosyjskiej. Informator dla studentów UJ*. Uniwersytet Jagielloński. Biblioteka Jagiellońska. Oddział Informacji Naukowej. Seria Skrypty Uczelniane. Uniwersytet Jagielloński, nr 411. Kraków: nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1982, ss. 74 [Indeks].
- [Horak Stefan]. *Russia, the USSR, and Eastern Europe. A bibliographic guide to English language publications. Supplement: 1975–1980*. Compil. by Stephan M. Horak. Ed. by Rosemary Neiswender. Littleton, CO: Libraries Unlimited, 1982, ss. 279.

Krawcow Nikolaj Ivanovič. *Doskonalenie pracy dydaktycznej w szkołach zawodowo-technicznych w ZSRR*. Tłum. z ros. Eugeniusz Nieciejowski. Instytut Kształcenia Zawodowego. Seria Bibliografia Kształcenia Zawodowego. Tłumaczenia. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1982, ss. 316, [3].

Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. Bibliografia przekładów oraz literatury krytycznej w języku rosyjskim wydanych w latach 1711–1975 = *Польская художественная литература XVI — начала XX вв. в русской и советской печати. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг.* T. 1. Aut. Izalina L. Kurant, Wszechniżkowa Państwowa Biblioteka Literatury Zagranicznej odznaczona Orderem Czerwonego Sztandaru Pracy. Moskwa — Biblioteka Narodowa. Warszawa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1982, ss. XXXVI, 296 [Indeks].

The Katyn bibliography (books and pamphlets) = Bibliografia katyńska (książki i broszury). Comp. by Zdzisław Jagodziński. London: The Polish Library, Polish Combatants' Association, 1982, ss. 48.

Trochimiak Jan. *Iwan Turgieniew w piśmiennictwie polskim lat 1850–1914*. Lublin: [s.n.], 1982, ss. [2], 132, [4] [Bibliografia polskich przekładów z dzieł I. Turgieniewa; indeks].

1983

Bibliografia Polskich Prac z Zakresu Sławistyki. 1972–1981. T. 1: *Literaturoznawstwo*. Red. Roman Laskowski. Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983.

Bibliografia Polskich Prac z Zakresu Sławistyki. 1972–1981. T. 2: *Archeologia, etnografia, folklorystyka, językoznawstwo*. Red. Roman Laskowski. Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983.

Pierwsze dwudziestolecie literatury radzieckiej 1922–1941. Wstęp i konsultacja Florian Nieuważny. Biblioteka Narodowa. Instytut Bibliograficzny. Seria Poradniki Bibliograficzne. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1983, ss. 92 [Indeks].

Woroszyński Wiktor. *Kto zabił Puszkina*. Warszawa: Iskry, 1983, ss. 541, [3], tabl. k. [24] [Zawiera Skorowidz przytoczonych w książce utworów Puszkina].

1984

Chajęcka Maria, Jazukiewicz-Osełkowska Ludwika. *Rossica, ukrainica i białorutenica na łamach „Kamenny” (1933–1962)*. Współwyd. „Studia Polono-Slavica Orientalia. Acta Litteraria”. T. 8. Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa PAN. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984.

Praca partyjno-polityczna w Ludowym Wojsku Polskim i Armii Radzieckiej podczas działań bojowych w latach II wojny światowej i w pokojowym okresie szkolenia. Bibliografia. Cz. 2: (Wybór za lata 1976–1983). Oprac. Wiesława Raczyńska. Centralna Biblioteka Wojskowa im. płk. Zbigniewa Żałuskiego. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa, 1984, ss. IX, [I], 131 [Indeks].

1985

[Horak Stefan]. *The Soviet Union and Eastern Europe. A bibliographic guide to recommended books for small and medium-sized libraries and school media centers*. Ed. by Stephan M. Horak. Littleton, CO: Libraries Unlimited, 1985, ss. XIV, 373.

Wawrzyńczyk Jan. *Rosyjsko-polskie i polsko-rosyjskie językoznawstwo konfrontatywne. Addenda bibliograficzne*. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1985, ss. 24 [Stanowi uzupełnienie: Wawrzyńczyk Jan. *Bibliografia lingwistyki konfrontatywnej. Język polski i rosyjski*, Bydgoszcz 1981; indeks].

1986

Frydrychowicz-Kowanek Małgorzata. *Podstawowe źródła informacji z zakresu filologii rosyjskiej. Informator dla studentów UAM*. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Biblioteka Uniwersytecka. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1986, ss. 56, [1].

Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. Bibliografia przekładów oraz literatury krytycznej w języku rosyjskim wydanych w latach 1711–1975 = Польская художественная литература XVI — начала XX вв. в русской и советской печати. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг. T. 2. Aut. Izalina L. Kurant. Wszechzwiązkowa Państwowa Biblioteka Literatury Zagranicznej odznaczona Orderem Czerwonego Sztandaru Pracy. Moskwa — Biblioteka Narodowa. Warszawa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1986, ss. XXV, [1] [Indeks].

Zagadnienia bibliografii zalecającej. Materiały z seminarium polsko-radzieckiego. Warszawa, 13–15 października 1982. Oprac. red. teksty pol. Halina Michalak, teksty ros. Aleksandra Nowak. Seria Prace Instytutu Bibliograficznego. Biblioteka Narodowa, 25. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1986, ss. 131, [1] [Zawiera: *Spis ważniejszych opracowań na temat bibliografii zalecającej*, s. 124–126; *Spis poradników opracowanych w Zakładzie Bibliografii Zalecającej IB BN w latach 1951–1982*, s. 127–132; indeks].

1987

Literatura radziecka 1985–1986 [katalog przeglądowny]. Oprac. Maria Gawarecka, Henryka Thiele. Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna im. Joachima Lelewela w Koszalinie. Koszalin: Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna, 1987, ss. 22.

Semczuk Antoni. *Lew Tołstoj*. Wyd. 3 popr. Seria Profile. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1987, ss. 445, [1] [Słownik biograficzny].

Wawrzyńczyk Jan. *Rosyjsko-polskie i polsko-rosyjskie językoznawstwo konfrontatywne. Przegląd bibliograficzny 1945–1985*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987, ss. 174, [2].

Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa i udział w niej Polaków (materiały do bibliografii). Oprac. Katarzyna Budzicka, Katarzyna Lech, Kazimierz Zieliński. Centralna Biblioteka Wojskowa im. płk. Zbigniewa Żałuskiego. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa, 1987, ss. 86 [Indeks].

Współczesna proza radziecka. Adnotowany zestaw bibliograficzny przekładów polskich z lat 1971–1986. Oprac. Małgorzata Kurkiewicz. Pod kierunkiem Barbary Markiewicz-Kuźmy. Wojewódzka Biblioteka Publiczna w Kielcach. Dział Informacyjno-Bibliograficzny. Kielce: Wojewódzka Biblioteka Publiczna, 1987, ss. 55.

1988

Benedycka Eleonora, Kos Barbara. *Literaturoznawcze i realizmowe podstawy nauczania języka rosyjskiego w PRL (1945–1985)*. Katowice: Instytut Kształcenia Nauczycieli. Oddział Doskonalenia Nauczycieli, 1988, ss. 128 [Indeksy].

Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR 1939–1945. Przegląd piśmiennictwa. Red. nauk. Tadeusz Wałichnowski. Wybór i oprac. Grażyna Doktor, Kazimierz Podhorski, Teresa Stałoś. Warszawa: Akademia Spraw Wewnętrznych, 1988, ss. 322 [Indeks].

Jagielska Małgorzata, Rembicka Danuta. *Pozaszkolna oświata rolnicza. Zestawienie tematyczne*. Brwinów: Centralny Ośrodek Oświaty i Postępu w Rolnictwie, 1988, ss. 60, [4] [Na stronie tytułowej: „zasięg chronologiczny 1986–1987, zasięg językowy — język polski, angielski, niemiecki, francuski, rosyjski, wykorzystane źródła — Przegląd Piśmiennictwa Zagadnień Gospodarki Żywnościowej /CBR/, książki, czasopisma, liczba pozycji — 252+74, liczba stron — 60”; indeks].

Kamińska Józefa [pseud. zbior.]. *Bibliografia publikacji podziemnych w Polsce = Bibliography of underground publications in Poland 13 XII 1981 – VI 1986*. Paris: Editions Spotkania, cop. 1988, ss. 555, [1], ss. tabl. XXXII [Indeksy].

Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. T. 3: Adam Mickiewicz. *Bibliografia przekładów oraz literatury krytycznej w języku rosyjskim wydanych w latach 1825–1981 = Польская художественная литература XVI – начала XX вв. в русской и советской печати*. Адам Мицкевич. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг. Aut. Izalina L. Kurant. Wszechzwiązkowa Państwowa Biblioteka Literatury Zagranicznej odznaczona Orderem Czerwonego Sztandaru Pracy. Moskwa — Biblioteka Narodowa. Warszawa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1988, ss. XXVI, 301 [Indeksy].

1989

Bibliografia słowianoznawstwa polskiego 1909–1918. Przygotowali do druku Helena Wagnerowa i Zdzisław Niedziela. Seria Prace Komisji Słowianoznawstwa. Polska Akademia Nauk. Oddział w Krakowie, nr 47. Wrocław — Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1989, ss. 147, [5] [Indeks].

Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR 1939–1945. Przegląd piśmiennictwa. Red. Tadeusz Walichnowski. Wybór i oprac. Grażyna Doktor, Kazimierz Podhorski, Teresa Staliś. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989, ss. 301 [Indeks].

Fedorowicz Waclaw. *Bibliografia historii i bibliografii slawistyki językoznawczej 1976–1980. Z materiałów nadesłanych do „Rocznika Slawistycznego”*. Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1989, ss. 330, [1] [Indeks].

Puszkini w Polsce 1950–1975. Bibliografia adnotowana. Praca zespołowa pod red. nauk. Tadeusza Kołakowskiego. Aut. Jolanta Aulak et al. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1989, ss. 208 [Indeksy].

1990

Djakow Włodzimierz A. et al. *Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832–1855 (Królestwo Polskie)*. Przewodnik biograficzny = *Участники освободительного движения 1832–1855 годов (Королество Польское)*. Биографический словарь. Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Instytut Historii. Komitet Nauk Historycznych. Komitet Nauk o Literaturze Polskiej. Академия Наук СССР. Институт Славяноведения и Балканистики. Seria Polski Ruch Wyzwoleniczy i Polsko-Rosyjskie Więzy Społeczno-Kulturalne w XIX wieku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1990, ss. 560, [3].

Olech Urszula. *Wojna polsko-sowiecka 1919–1921. Materiały do bibliografii*. Warszawa: Wojskowy Instytut Historyczny, 1990, ss. VII, 100 [Indeks].

Wawrykiewicz Małgorzata, Krawczuk Wojciech. *Materiały do bibliografii dziejów mniejszości polskich i Polonii w ZSRR*. Instytut Badań Polonijnych. Uniwersytet Jagielloński. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1990, ss. 57, [1].

1991

Anna Achmatowa 1889–1966 (zestaw bibliograficzny). Oprac. Barbara Krakowiak. Łódź: Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna im. J. Piłsudskiego, 1991, ss. 11.

Chajęcka Maria, Jazukiewicz-Osełkowska Ludwika, Zielińska Monika. *Bibliografia rusycystyki polskiej 1976–1981. Literaturoznawstwo*. Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Warszawa — Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991, ss. 456 [Indeks].

Marina Cwietajewa 1894–1941 (zestaw bibliograficzny). Oprac. Teresa Bergman. Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna im. J. Piłsudskiego. Łódź: Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna, 1991, ss. 8.

1992

Directory of Eastern European Film-makers and Films 1945–1991. Compil. and ed. by Grzegorz Bal-ski. Trowbridge: Flicks Books, 1992, ss. XV, [2], 546 [Indeksy].

Directory of Eastern European Film-makers and Films 1945–1991. Compil. and ed. by Grzegorz Bal-ski. Westport, CT: Greenwood Press, 1992, ss. XV, [2], 546 [Indeksy].

Franciszek Sielicki. *Bibliografia prac w układzie chronologiczno-działowym*. Oprac. Ryszard Łużny. Warszawa: [s.n.], 1993, ss. 171–186 [Nadb. z „Slavia Orientalis” 1993. T. 42, nr 2].

„Na nieludzkiej ziemi”. *Zsyłki, łagry, deportacje. Zestawienie bibliograficzne*. Dobór materiału Mirosław Król, Anna Słowiok. Oprac. Anna Słowiok. Wojewódzka Biblioteka Publiczna w Kielcach. Dział Informacyjno-Bibliograficzny. Kielce: Wojewódzka Biblioteka Publiczna, 1992, ss. 39.

Pisowicz Andrzej. *Słownik pisarzy radzieckiej Armenii = Writers of Soviet Armenia a dictionary*. Pośl. Jerzy Szokalski. Warszawa: Koło Zainteresowań Kulturą Ormian przy Oddziale Warszawskim Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego, 1992, ss. [2], IV, 194 [Bibliografia przy hasłach].

1993

Chojnacki Wojciech, Jastrzębski Marek. *Bibliografia publikacji podziemnych w Polsce I I 1986 – 31 XII 1987 [= Bibliography of underground publications in Poland]*. T. 2. Warszawa: Editions Spotkania, 1993, ss. 327, [1] [Indeksy].

Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej. Red. Lucjan Suchanek. Aut. Andrzej Drawicz et al. Seria Literatura Rosyjska — Emigracja — Tamizdat — Samizdat. T. 1. Select. Kraków: Universitas, 1993, ss. 416 [Bibliografia prac autorów przy ich biogramach na końcu książki; indeks].

Sielicki Franciszek. *Русский фольклор. Skrypt dla studentów filologii słowiańskiej*. Wyd. 5, zm. i użup. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993, ss. 157 [Bibliografia, s. 75–144; indeks].

1994

Słownik pisarzy rosyjskich. Red. Florian Nieuważny. Aut. haseł Zbigniew Barański et al. Z Prac Zakładu Literatur Wschodniosłowiańskich Instytutu Sławistyki. Polska Akademia Nauk. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1994, ss. 627, [5] [Indeksy].

1995

Bibliografia Językoznawstwa Sławistycznego za Rok... Polska Akademia Nauk. Instytut Sławistyki. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Pod red. Zofii Rudnik-Karwatowej. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1995–, ss. 555 [Prezentowana Bibliografia Językoznawstwa Sławistycznego stanowi kontynuację „Przeglądu Bibliograficznego” ukazującego się do roku 1993 w „Roczniku Sławistycznym”. Ostatni tom „Przeglądu” (T. 46: 1989/92, cz. 2) rejestruje prace za rok 1981].

Bibliografia podziemnych druków zwartych z lat 1976–1989. Oprac. Grażyna Federowicz, Krystyna Gromadzińska, Maria Kaczyńska. Biblioteka Narodowa. Instytut Bibliograficzny. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1995, ss. 498 [Indeksy].

Bibliografia publikacji pracowników Instytutu Słowiańszczyzny Wschodniej. Zestawienie Leontij Mironiuk, Iwona Obłąkowska-Galanciak. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Olsztynie. Olsztyn: Wydawnictwo WSP, 1995, ss. 125.

- Czas wielkiej przemiany. *Studia o literaturze rosyjskiej XX wieku*. Red. Piotr Fast, Anna Skotnicka-Maj. Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, 1995, ss. 163, [1] [Zawiera *Bibliografia prac Prof. Gabrieli Poręby*, s. 153–158; indeks].
- [Mianowska Joanna] Мьяновска Иоанна. *Писатели русского зарубежья („третья волна эмиграции”). Проза. Библиографический указатель*. Bydgoszcz: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1995, ss. 45, [1].
- Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich*. T. 4 = *Польская художественная литература XVI – начала XX вв. в русской и советской печати. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг.* Aut. Izalina L. Kurant. Wszeczwiązkowa Państwowa Biblioteka Literatury Zagranicznej odznaczona Orderem Czerwonego Sztandaru Pracy. Moskwa — Biblioteka Narodowa. Warszawa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1995, ss. XXVII, 411, [1] [Indeks].
- Szumka Dorota. *Przegląd polskich prac językoznawczych z zakresu slawistyki ogłoszonych drukiem w roku 1994/1995*. Roma: Gherardo Casini, 1995, s. 501–507 [Nadb. z: „Ricerche Slavistiche” 1995, vol. 42].
- Wołodźko Alicja. *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji*. Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza „Gryf”, 1995, ss. 280 [Zawiera *Dodatek. Indeks pisarzy trzeciej emigracji; biogramy kilkudziesięciu pisarzy*].

1996

- Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1993 z uzupełnieniami za rok 1992* [Cz. 1]. Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Oprac. przez zespół w składzie Małgorzata Kornacka, Zofia Rudnik-Karwatowa, Ilona Suchocka i Hanna Karpińska przy współudziale slawistów z krajowych i zagranicznych ośrodków naukowych. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1996, ss. 541.
- Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1993 z uzupełnieniami za rok 1992* [Cz. 2]. Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Oprac. przez zespół w składzie Małgorzata Kornacka, Zofia Rudnik-Karwatowa, Ilona Suchocka i Hanna Karpińska przy współudziale slawistów z krajowych i zagranicznych ośrodków naukowych. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1996, ss. 354.
- Bibliografia Publikacji Pracowników Katedry Literatury i Kultury Rosyjskiej (= Библиографический Указатель Публикаций Сотрудников Кафедры Русской Литературы и Культуры = Publications List of the Contributors to the Chair of Russia and Culture)*. Oprac. Lucjan Suchanek, Joachim Diec. Uniwersytet Jagielloński. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1996–.
- Chojnacki Władysław. *Bibliografia polskich publikacji podziemnych wydanych pod rządami komunistycznymi w latach 1939–1941 i 1944–1953. Czasopisma, druki zwarte, druki ulotne = Bibliography of Polish underground publications issued under communist rule 1939–1941 and 1944–1953. Periodicals, books, brochures and leaflets*. Przygotowali do druku Wojciech Chojnacki i Marek Jastrzębski. Warszawa: Literackie Towarzystwo Wydawnicze, 1996, ss. 352 [Indeksy].
- Kasack Wolfgang. *Lexykon literatury rosyjskiej XX wieku. Od początku stulecia do roku 1996*. Przekł., oprac., bibliografia polska i indeks osób Bronisław Kodzis. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1996, ss. 766 [Indeks; zawiera rozbudowaną bibliografię przekładów literatury rosyjskiej XX wieku].
- Szumka Dorota. *Przegląd polskich prac językoznawczych z zakresu slawistyki ogłoszonych drukiem w roku 1995/96*. Roma: [s.n.], 1996, s. 561–567 [Nadb. z „Ricerche Slavistiche” 1996. Vol. 42].

1997

- Bachtin Michaił. *W stronę filozofii czynu*. Przeł., wstępem i przypisami opatrzył Bogusław Żyłko. Seria Idee. Gdańsk: Słowo/obraz/terytoria, cop., 1997, ss. 145 [Zawiera *Polska bibliografia Michaiła Bachtina*, s. 123–140; indeksy].
- Bibliografia Europy Wschodniej. Polska, Litwa, Białoruś, Ukraina, Rosja*. T. 3. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Studium Europy Wschodniej, 1997–. [Za t. 2 uznano *Bibliografię Wschodnią 1993* wydaną jako t. 3, z. 1 = 9 (1994) kwartalnika „Przegląd Wschodni” i obejmującą prace polskie z 1993].
- Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1994 z uzupełnieniami za lata 1992–1993*. Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Oprac. przez zespół w składzie Hanna Karpińska, Małgorzata Kornacka, Zenon Mikos, Zofia Rudnik-Karwatowa i Vladan Stamenković przy współudziale slawistów z krajowych i zagranicznych ośrodków naukowych. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1997, ss. 824.
- Kondratiuk Michał. *Bibliografia onomastyki wschodniosłowiańskiej do roku 1965 włącznie = Восточнославянская ономастика. Библиографический указатель литературы по 1965 год включительно*. Uniwersytet Warszawski. Filia w Białymstoku. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Białystok: Wydawnictwo Filii Uniwersytetu Warszawskiego, 1997, ss. 294 [Indeksy].
- Ryszard Łużny. Spis publikacji 1955–1997*. Red. Grzegorz Przebinda, Janusz Świeży. Kraków: Uniwersytet Jagielloński. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, 1997, k. [1], ss. 86.

1998

- Bibliografia rosyjska 1992–1995*. Przygotowali Andriej Goriainow, Leonid Gorizontow. Tłum. Anna Kępińska. Seria Bibliografia Europy Wschodniej: Polska, Litwa, Białoruś, Ukraina, Rosja. T. 5. Uniwersytet Warszawski. Studium Europy Wschodniej. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Studium Europy Wschodniej, 1998, ss. 177, [3].
- Ciecierski Faustyn. *Znaczniejszych przypadków pewnego z Syberii powrotnego Polaka w 1801 roku*. Z najobszerniejszej kopii rękopiśmiennej do druku przygotowali Antoni Kuczyński, Zbigniew J. Wójcik. Seria Z Prac Ośrodka Badań Wschodnich Uniwersytetu Wrocławskiego. Warszawa – Wrocław: „Wspólnota Polska” — Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1998, ss. 419 [Materiały do bibliografii podmiotowej i przedmiotowej F. Ciecierskiego; Indeks].
- Pamięci bliskich*. Zespół red. Mirosława Aleksandrowicz et al. Stowarzyszenie Rodzina Katyńska w Olsztynie. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1998, ss. 169, [1], tabl. [14].
- Ratyński Antoni. *Sybiracy. Zesłańcy carscy związani z Krakowem*. Kraków: Związek Sybiraków, 1998, ss. 119, k. [1].
- Tematy. Księga jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin profesora Leszka Moszyńskiego*. Red. nauk. Krystyna Szcześniak, Halina Wątróbska. Seria Slawistyka. Uniwersytet Gdański. Katedra Slawistyki, nr 9. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 457 [Zawiera *Wykaz publikacji profesora Leszka Moszyńskiego*, s. 34–55].
- Widelski Czesław. *Sybiracy Ziemi Kutnowskiej*. Kutno: Społeczna Fundacja Miasta Kutna, 1998, ss. 224 [Indeksy; współwyd.: Olewnik Andrzej. *Sybiracy Ziemi Kutnowskiej — bibliografia dokumentów opublikowanych w latach 1922–1996*].

1999

- Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1995 z uzupełnieniami za lata 1992–1994*. Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Oprac. Hanna Karpińska, Zofia Rudnik-Karwatowa, Zenon Mikos przy współudziale slawistów z krajowych i zagranicznych ośrodków naukowych. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1999, ss. 751.

- Holden Anthony. *Piotr Czajkowski. Tragiczny i romantyczny*. Przeł. Bogumiła Nawrot. Warszawa: Alf, 1999, ss. 598, ss. tabl. [16] [Bibliografia, s. 545–550].
- Księga pamiątkowa Fundacji Pomocy Szkołom Polskim na Wschodzie im. T. Goniewicza (1989–1999)*. Zebrał i oprac. Józef Adamski. Fundacja Pomocy Szkołom Polskim na Wschodzie im. Tadeusza Goniewicza. Lublin: [s.n.], 1999, ss. 122 [Bibliografia, s. 88–117].
- Od symbolizmu do postmodernizmu. Szkice o literaturze rosyjskiej. Księga pamiątkowa ofiarowana profesorowi Stanisławowi Porębie z okazji jego jubileuszu*. Red. Piotr Fast, Barbara Stempczyńska. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, nr 1834. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1999, ss. 170, [2] [Bibliografia prac Stanisława Poręby, s. 9–13; bibliografia przekładów Josifa Brodskiego z poezji polskiej].
- Rosyjskie ślady Andrzeja Drawicza. Materiały z sympozjum, które odbyło się 22 maja 1998 r. w Uniwersytecie Opolskim w pierwszą rocznicę śmierci Andrzeja Drawicza*. Red. nauk. Aleksandra Wieczorek. Uniwersytet Opolski. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1999, ss. 113, [2], k. [1] [Zawiera Bibliografia prac Andrzeja Drawicza, s. 15–17, 47–50].
- Szumski Dorota. *Przegląd polskich prac językoznawczych z zakresu slawistyki ogłoszonych drukiem w roku 1996/97*. Roma: Il Calamo, 1999, ss. 319–328 [Nadb. z „Ricerche Slavistiche”, Vol. 44].

2000

- Aspektualität in germanischen und slawischen Sprachen. Eine Bibliographie*. [W:] *Aspektualität in germanischen und slawischen Sprachen*. Hrsg. von Andrzej Kątny. Seria Filologia Germańska. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 46. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2000, s. 255–281.
- Bielecka-Fördös Ewa, Lewandowska Ewa, Rogala Marian. *Bibliografia publikacji Instytutu Badawczego Leśnictwa za lata 1985–1999 = Библиография публикаций Научно-исследовательского института лесного хозяйства за 1985–1999 годы*. Instytut Badawczy Leśnictwa. Warszawa: Instytut Badawczy Leśnictwa, 2000, ss. 131 [Kontynuacja pracy Leopolda Rossakiewicza *Bibliografia publikacji Instytutu Badawczego Leśnictwa na lata 1933–1984*, 1988 r.].
- Faryno Jerzy. *Semiotyka tartusko-moskiewska w Polsce (1960–2000) (Materiały do bibliografii)*. „Studia Litteraria Polono-Slavica” 2000. T. 5. Instytut Slawistyki PAN –Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, Warszawa 2000, s. 493–511.
- Katyn*. Préf. par W. Anders. Trad. de Jean Sendy. Paris: Editions France Empire, cop., 1949, ss. 315, [6] [Aut. wyboru: Józef Mackiewicz (wg Marek Jastrzębski, *Materiały do bibliografii druków zwartych poza zasięgiem cenzury 13 XII 1981 – 31 XII 1988*, Warszawa 1994; *Leksykon kultury polskiej poza krajem od roku 1939*. T. 1. Red. Krzysztof Dybcia, Zdzisław Kudelski. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000, ss. 242].
- Rybicki Andrzej. *Uniwersytecka księga katyńska. Pamięci pracowników naukowych Uniwersytetu Jagiellońskiego zamordowanych wiosną 1940 roku przez NKWD*. Wykaz prac naukowych zestawiał Jan Brzeski. Tłum. i konsultacja językowa Andrzej Kostrzewski. Instytut Katyński w Polsce. Fundacja Centrum Dokumentacji Czynu Niepodległościowego. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2000, ss. 208 [Na okładce: „600-lecie odnowienia Akademii Krakowskiej”; indeks].
- Trochimiak Jan. *Aleksander Hercen. Bibliografia*. Warszawa: „Wielka Polska”, 2000, ss. 14.
- Walicki Andrzej. *Idea wolności u myślicieli rosyjskich. Studia z lat 1955–1959*. Seria Jagiellońskie Studia z Filozofii Rosyjskiej. Historia, Religia, Polityka, nr 3. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000, ss. 324, [1] [Bibliografia prac Andrzeja Walickiego poświęconych problematyce rosyjskiej, s. 309–318].
- Współcześni slawiści polscy. Informator*. Red. naukowy Eliza Małek, Małgorzata Korytkowska. Kraków: Grell, 2000, ss. 220, [1].

2001

- Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1996 z uzupełnieniami za lata 1992–1995.* Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Oprac. Hanna Karpińska, Zofia Rudnik-Karwatowa, Maria Malinowska i Zenon Mikos przy współudziale slawistów z krajowych i zagranicznych ośrodków naukowych. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2001, ss. 866.
- Europa Środkowo-Wschodnia XX wieku. Słownik biograficzny. Tom sygnałny.* Red. Wojciech Roszkowski. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych. Polska Akademia Nauk, 2001, ss. 188 [Bibliografia przy hasłach].
- Иван Бунин и его время.* Red. Halina Waszkielewicz. Seria Rosja — Myśl, Słowo, Obraz. T. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001, ss. 167 [Zawiera *Иван Бунин в Польше. Материалы для библиографии*, s. 161–167].
- Języki słowiańskie dziś. Nowe fakty, nowe spojrzenia. Księga pamiątkowa poświęcona prof. Michałowi Blicharskiemu.* Red. Henryk Fontański przy współpracy Ewy Straś. Seria Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, nr 1919. Katowice: Uniwersytet Śląski, 2001, ss. 255, [1] [Zawiera bibliografię prac prof. M. Blicharskiego].
- Literatura rosyjska w kontekstach międzykulturowych.* Kolegium red. Jerzy Lukszyn et al. Warszawa: Wydział Lingwistyki Stosowanej i Filologii Wschodniosłowiańskich, 2001, ss. 496 [Na s. 5 dedykacja: *Profesorowi Antoniemu Semczukowi z okazji 50-lecia pracy naukowej*; Cz. 1: *Profesorowi Antoniemu Semczukowi*; Cz. 2: *Z prac profesora Antoniego Semczuka*; *Bibliografia wybranych prac Profesora Antoniego Semczuka*, s. 490–493].
- Строитель чудотворный. Szkice o literaturze rosyjskiej dedykowane Jadwidze Szymak-Reiferowej i Władysławowi Piotrowskiemu.* Red. Halina Waszkielewicz i Janusz Świeży. Seria Rosja — Myśl, Słowo, Obraz. T. 3. Kraków: Tertium, 2001, ss. 206 [Zawiera *Bibliografia prac W. Piotrowskiego*, s. 195–198; *Bibliografia prac J. Szymak-Reiferowej*, s. 189–194].
- Suchanek Lucjan. *Parias i Heros. Twórczość Eduarda Limonowa.* Seria Literatura Rosyjska — Emigracja — Tamizdat — Samizdat. T. 9. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, cop., 2001, ss. 273 [Zawiera *Publikacje utworów E. Limonowa*, s. 255–256; indeks].

2002

- Idee i poetyki. Ze studiów nad literaturą rosyjską.* Red. Barbara Stempczyńska. Seria Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, nr 2084. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2002, ss. 244 [Na stronie tytułowej: *Tom upamiętniający 25-lecie istnienia Zakładu Historii Literatury Rosyjskiej*; zawiera *Bibliografia publikacji literaturoznawczych pracowników Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Śląskiego (1975–2002)*, s. 214–244].
- Głogowski Piotr, Moroz-Grzelak Lilla, Stefański Michał. *Bibliografia sławianoznawstwa polskiego za lata 1996–2000. Słowiańszczyzna zachodnia i południowa.* Instytut Slawistyki PAN. Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2002, ss. 221.

2003

- Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1997 z uzupełnieniami za lata 1992–1996.* Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Oprac. Hanna Karpińska, Zofia Rudnik-Karwatowa i Zenon Mikos przy współudziale slawistów z krajowych i zagranicznych ośrodków naukowych. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2003, ss. 876.
- Pamięci historyka polskich Kresów Tadeusza Gasztolda.* Red. Józef Lindmajer. Andrzej Czarnik et al. Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku. Instytut Historii. Słupsk: Pomorska Akademia Pedagogiczna, 2003, ss. 342 [Zawiera bibliografię publikacji Tadeusza Gasztolda z lat 1956–1999, s. 17–40].

W kręgu literatury rosyjskiej. T. 3. Red. Elżbieta Biernat. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2003, ss. 260 [Zawiera *Bibliografia prac Janiny Sałajczyk*, s. 11–24].

2004

Chlebda Barbara. *Przewodnik po stronach Runetu*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2004, ss. 95 [1 dysk optyczny (CD-ROM); zawiera *Słowniczek rosyjsko-polski słów i wyrażzeń komputerowych*].

Dawni i nowi. *Szkice o literaturze rosyjskiej. Liber amicorum. Tom jubileuszowy dedykowany profesorowi René Śliwowskiemu*. Red. naukowy Alicja Wołodźko-Butkiewicz. Seria *Studia Rossica*, nr 14. Uniwersytet Warszawski. Instytut Rusycystyki, Warszawa: *Studia Rossica*, 2004, ss. 280 [Zawiera wykaz publikacji René Śliwowskiego, s. 25–35].

Dzieło literackie jako dzieło literackie = Литературное произведение как литературное произведение. Red. Anna Majmieskułow. Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004, ss. 532 [Zawiera wykaz publikacji Jerzego Faryno, s. 41–68].

Glottodydaktyczne i kulturowe aspekty komunikacji językowej. Księga jubileuszowa poświęcona 70-letniemu profesor Krystyny Iwan. Red. Krystyna Janaszek i Roman Gawarkiewicz. *Rozprawy i Studia*. Uniwersytet Szczeciński. T. (607) 533. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2004, ss. 152, [1]. [Wykaz publikacji K. Iwan, s. 147–152].

[*Pięćdziesiąt*] *50 lat slawistyki w Polskiej Akademii Nauk (1954–2004). Księga jubileuszowa Instytutu Sławistyki PAN*. Komitet red. pod kierunkiem Kwiryny Handke. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2004, ss. 388 [Zawiera m.in. *Pracownicy Instytutu Sławistyki PAN (1954–2004)*, s. 245–256; *Informacje o profesorach, docentach i doktorach obecnie zatrudnionych w Instytucie Sławistyce PAN*, s. 257–306; *Statutowe tematy badawcze prowadzone w Instytucie Sławistyki PAN*, s. 307–310; *Wykaz projektów badawczych („grantów”) realizowanych w Instytucie Sławistyki PAN od 1993 roku*, s. 311–316; *Współpraca naukowa Instytutu Sławistyki z ośrodkami zagranicznymi (1996–2004)*, s. 317–320; *Konferencje naukowe zorganizowane przez Instytut Sławistyki PAN (1986–2004)*, s. 321–324; *Działalność dydaktyczna pracowników Instytutu Sławistyki PAN (1989–2004)*, s. 325–369; *Wykaz publikacji książkowych pracowników Instytutu Sławistyki PAN (1954–2004)*, oprac. Piotr Głogowski, s. 327–370].

Rosja — odkrycie na nowo. 100 portretów współczesnych pisarzy rosyjskich = Россия — открываем заново. Warszawa: [s.n.], 2004, ss. 290 [Informator bibliograficzny; u góry okładki: „Rosja – gość honorowy 49. Międzynarodowych Targów Książki w Warszawie”].

Rosja literacka. Od Karamzina do Sołżenicyna. Księga poświęcona Profesorowi Tadeuszowi Szyszko z okazji 45-lecia pracy naukowej. Red. naukowy Alicja Wołodźko-Butkiewicz. Seria *Studia Rossica*, nr 15. Uniwersytet Warszawski. Instytut Rusycystyki. Warszawa: *Studia Rossica*, 2004, ss. 288 [Zawiera wykaz publikacji Tadeusza Szyszko, s. 21–36].

Słownik biograficzny Europy Środkowo-Wschodniej XX wieku. Red. Wojciech Roszkowski, Jan Kofman. Aut. Florian Anghel et al. Polska Akademia Nauk. Instytut Studiów Politycznych. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, cop., 2004, ss. XV, [1], 1449 [Podstawowe kompendium wiedzy dla studentów historii, dziennikarstwa, nauk politycznych i społecznych].

Słownik realizmu socjalistycznego. Red. Zdzisław Łapiński, Wojciech Tomasik. Kraków: Universitas, 2004, ss. 448 [Zawiera *Wykaz tytułów utworów literackich (cytowanych w hasłach)*, s. 421–430].

Zbrodnia katyńska. Wina i oskarżenie. Seria *Zeszyty Katyńskie*, nr 19. Warszawa: Niezależny Komitet Historyczny Badania Zbrodni Katyńskiej — Polska Fundacja Katyńska, 2004, ss. 420, [1] [Współwydanie z: *AntyKatyń. Losy jeńców rosyjskich w Polsce w 1920 r. (materiały do bibliografii)*; *Bibliografia zbrodni katyńskiej. Materiały z lat 1999–2004*, oprac. i red. Izabela Kowalska, Urszula Olech, Elżbieta Pawińska; indeks].

2005

- Markunas Antoni. [Czterdzieści] *40 lat rusycystyki poznańskiej = Познаньской русистике 40 лет*. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Wydział Neofilologii. Instytut Filologii Rosyjskiej, Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Wydział Neofilologii. Instytut Filologii Rosyjskiej, 2005, ss. 127 [Zawiera wykaz publikacji pracowników Instytutu Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza].
- Ogród nauk filologicznych. Księga jubileuszowa poświęcona profesorowi Stanisławowi Kochmanowi*. Red. nauk. Mieczysław Bałowski i Wojciech Chlebda. Wydział Filologiczny Uniwersytetu Opolskiego. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005, ss. 771 [Zawiera *Bibliografia prac nauk. Stanisława Kochmana*, s. 17–24].
- Rewolucja 1905–1907 w Królestwie Polskim i w Rosji*. Red. Marek Przeniosło, Stanisław Wiech. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2005, ss. 250 [Prace dedykowane profesor Barbarze Szabat; bibliografia prac prof. Barbary Szabat dotycząca wydarzeń 1905–1907, s. 247–248].
- Z małą ojczyzną w sercu. Księga pamiątkowa dedykowana profesorowi Tadeuszowi Zdancewiczowi*. Red. Mariola Walczak-Mikołajczakowa, Bogusław Zieliński. Seria Filologia Słowiańska. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 14. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2005, ss. 433, k. tabl. [1] [Zawiera Lewaszkiewicz Tadeusz. *Dorobek poznańskiej slawistyki językoznawczej*, ss. 51–62].
- Zbrodnia katyńska. Polskie śledztwo*. Red. Marek Tarczyński. Seria Zeszyty Katyńskie, nr 20. Warszawa: Niezależny Komitet Historyczny Badania Zbrodni Katyńskiej — Polska Fundacja Katyńska, 2005, ss. 318, [1] [Współwyd.: *Bibliografia zawartości Zeszytów Katyńskich za lata 1990–2005*. Oprac. i red. Izabela Kowalska, Elżbieta Pawińska; indeks].

2006

- Bibliografia Polaków na Wschodzie (b. ZSRR) = Bibliography of Poles in Russia (the former USSR)*. Oprac. Zdzisław Jagodziński. Red. Jadwiga Szmidt. Tłum. Ewa Lipniacka. London: Biblioteka Polska — Polski Ośrodek Społeczno-Kulturalny, 2006, ss. XXIX, [1], 521, [1] [Indeksy].
- Glottodydaktyka i jej konteksty interkulturowe. Księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Władysławowi Figarskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Red. nauk. Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Wanda Zmarzer. Seria Studia Rossica, 18. Uniwersytet Warszawski. Instytut Rusycystyki. Warszawa: Studia Rossica, 2006, ss. 374 [Zawiera *Publikacje Władysława Figarskiego*, s. 25–30].
- Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Red. Andrzej de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006, ss. 562, [2] [1 dysk optyczny (CD-ROM); dysk zawiera: *Wzajemne uprzedzenia Polaków i Rosjan. Bibliografia*, red. Andrzej de Lazari; indeks].
- Kostecki Janusz, Rowicka Małgorzata. *Granice wolności słowa w zaborze rosyjskim w latach 1865–1904. Wykaz publikacji polskojęzycznych zakwestionowanych oraz dopuszczonych do obiegu przez carską cenzurę zagraniczną*. T. 1: 1865–1889. Biblioteka Narodowa. Instytut Książki i Czytelnictwa, Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2006, ss. 542, [1].
- Kostecki Janusz, Rowicka Małgorzata. *Granice wolności słowa w zaborze rosyjskim w latach 1865–1904. Wykaz publikacji polskojęzycznych zakwestionowanych oraz dopuszczonych do obiegu przez carską cenzurę zagraniczną*. T. 2: 1865–1905. Biblioteka Narodowa. Instytut Książki i Czytelnictwa, Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2006, ss. 533, [1].
- Kostecki Janusz, Rowicka Małgorzata. *Granice wolności słowa w zaborze rosyjskim w latach 1865–1904. Wykaz publikacji polskojęzycznych zakwestionowanych oraz dopuszczonych do obiegu przez carską cenzurę zagraniczną*. T. 3: *Indeksy*. Biblioteka Narodowa. Instytut Książki i Czytelnictwa, Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2006, ss. 336, [1] [Indeksy].

- Mistrz i jego przyjaciele*. Pod red. Marii i Artura Brackich. Seria Sławistyka. Uniwersytet Gdański. Katedra Sławistyki, nr 10. Gdańsk: Wydawnictwo Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego, 2006, ss. 211 [Zawiera *Wykaz prac prof. zw. dr hab. Leszka Moszyńskiego*, s. 177–184].
- Nie tylko Wschód. Recepcja literatur obcych w czasopiśmie polskich XX wieku. Prace ofiarowane profesorowi Krzysztofowi Cieślakowi z okazji siedemdziesiątych urodzin*. Red. Agata Zawiszewska i Aneta Borkowska. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2006, ss. 295, k. tabl. [1] [Zawiera *Bibliografia prac K. Cieślaka*, s. 273–279; indeks].
- Wojan Katarzyna. *Bibliografia polsko-rosyjskich i rosyjsko-polskich słowników przekładowych za lata 1990–2005 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2006, 1 (113), s. 65–80.
- Wojan Katarzyna. *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005*. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2006, ss. 162.

2007

- Bibliografia językoznawstwa sławistycznego za lata 1998–2004 z uzupełnieniami za lata 1991–1997*. [W:] *Bibliograficzna baza danych światowego językoznawstwa sławistycznego iSybislaw* [baza danych online]. Instytut Sławistyki PAN. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Warszawa 2007–2012 [przełączany 31.12.2012]. Pod red. Zofii Rudnik-Karwatowej. Oprac. w latach 2007–2012: Hanna Karpińska, Zofia Rudnik-Karwatowa i Zenon Mikos, w latach 2008–2011 T. Śliwa, w latach 2010–2012: Jakub Banasiak, w latach 2011–2012: Marcin Fastyn, Bożena Itoya, Paweł Kowalski przy współudziale sławistów z krajowych i zagranicznych ośrodków naukowych. Instytut Sławistyki PAN. [Online: <<http://www.isybislaw.ispan.waw.pl>>].
- Biographical Dictionary of Central and Eastern Europe in the Twentieth Century*. Ed. by Wojciech Roszkowski and Jan Kofman. Armonk, NY — London: M.E. Sharpe, 2007, s. XI, [1], 1195.
- Pająk Henryk. *Rosja we krwi i nafcie 1905–2005*. Lublin: Retro, 2007, ss. 340, ss. tabl. [28] [Indeks; Henryk Pająk. *Twórczość*, s. 336–337].
- Profesor doktor habilitowany Lucjan Suchanek. Zarys biografii naukowej. Spis publikacji*. Oprac. Katarzyna Duda, Agnieszka Malska-Lustig. Uniwersytet Jagielloński. Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych. Instytut Rosji i Europy Wschodniej. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, cop., 2007, ss. 48, [3], k. tabl. [3] [Zawiera *Bibliografia prac*, s. 15–49].
- Słownik dysydentów. Czołowe postacie ruchów opozycyjnych w krajach komunistycznych w latach 1956–1989*. T. 1. Koordynacja całości Aleksander Daniel, Zbigniew Gluza. Inicjatorzy Heikki Ahonen et al. Red. naczelny Jerzy Kochanowski. Warszawa: Fundacja Ośrodka Karta — Dom Spotkań z Historią, 2007, ss. 854 [Niniejszy tom zawiera biogramy opozycjonistów z Albanii, Bułgarii, Czech Słowacji, Bośni i Hercegowiny, Chorwacji, Macedonii, Serbii, Czarnogóry, Słowenii, Niemiec (NRD), Polski, Rumunii i Węgier; bibliografia przy biogramach].
- Słownik dysydentów. Czołowe postacie ruchów opozycyjnych w krajach komunistycznych w latach 1956–1989*. T. 2. Koordynacja całości Aleksander Daniel, Zbigniew Gluza. Inicjatorzy Heikki Ahonen et al. Red. nac. Jerzy Kochanowski. Warszawa: Fundacja Ośrodka Karta — Dom Spotkań z Historią, 2007, ss. 802 [Niniejszy tom zawiera biogramy opozycjonistów z Armenii, Azerbejdżanu, Białorusi, Estonii, Gruzji, Litwy, Łotwy, Mołdawii, Rosji, Ukrainy i Tatarów Krymskich; indeksy; bibliografia przy biogramach].
- Sobczak Jan. *Rosyjskie ścieżki Klío. Wybór szkiców i esejów historycznych oraz fragmentów Dziennika Autora wydany z okazji Jego 75. rocznicy urodzin*. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor – Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2007, ss. 402 [Bibliografia publikacji autora za lata 2002–2007, s. 391–395; Wykaz wypromowanych prac magisterskich dotyczących dziejów Rosji i b. ZSRR (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych. Katedra Historii Europy Wschodniej), s. 396–399].

W kręgu teorii i praktyki lingwistycznej. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Jerzemu Lukszynowi z okazji 70. rocznicy urodzin. Red. nauk. Sambor Grucza. Komitet red. Sambor Grucza, Małgorzata Kornacka, Adam Marchwiński. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, cop. 2007, ss. 367, [1] [*Bibliografia publikacji Jurija Lukszyna*, s. 25–32].

2008

Pamięć serca. Liber amicorum. Tom jubileuszowy dedykowany Danucie Piwowarskiej. Red. Wasilij Szczukin. Seria Krakowskie Spotkania Rusycystyczne. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008, ss. 186, [1] [*Zawiera Publikacje Danuty Piwowarskiej*, s. 15–19].

Trochimiak Jan. *Mikołaj Dobrolubow. Bibliografia.* Warszawa: Wydawnictwo „Wielka Polska”, 2008, ss. 13.

Wczesna słowiańszczyzna. Przewodnik po dziejach i literaturze przedmiotu. T. 2: Bibliografia. Oprac. Hanna Dalewska-Greń et al. Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Fundacja Sławistyczna. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2008, ss. 286, [3].

2009

Bibliografia prac prof. zw. dr. hab. Kazimierza Bajora. Oprac. Jarosław Wierzbński. „Acta Universitatis Lodziana. Folia Linguistica Rossica” 2009, z. 5, s. 9–14.

Mazurek Halina. *Róża i Płaszcz. Teatr Mariny Cwietajewej.* Katowice: Oficyna Wydawnicza Wacław Walasek, 2009, ss. 116 [*Wykaz utworów Mariny Cwietajewej uwzględnionych w badaniu*, s. 109–111].

Moszyński Leszek. *Przeszłość i teraźniejszość języków słowiańskich.* Wstęp i dobór tekstów Czesław Łapicz, Krystyna Szcześniak, Zygmunt Zagórski. Seria Klasycy Nauki Poznańskiej. T. 27. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2009, ss. 228 [*Zawiera Bibliografia prac prof. L. Moszyńskiego*, s. 227].

My Sybiracy. Związek Sybiraków. Oddział w Łodzi. Łódź: Związek Sybiraków, 2009, nr 20 [*Wykaz zawartości rocznika „My, Sybiracy” za lata 1989–2009*].

Nikołajew Sergiej I. *Polono-Rossica. Polsko-rosyjskie związki literackie w XVI–XVIII wieku. Materiały bibliograficzne.* Biblioteka Tradycji, nr 89. Kraków: Collegium Columbinum, 2009, ss. 261 [Indeks].

Русистика на рубеже веков. Юбилейная книга в честь профессора Антони Палиньского. Red. Zofia Czapiga, Grzegorz A. Ziętała. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009, ss. 206 [*Zawiera Список публикации проф. Антони Палиньского*, s. 10–14].

Świat wartości w literaturze. Tom jubileuszowy dedykowany profesor Oldze Główko. Red. Ewa Sadzińska i Aleksandra Szymańska. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2009, ss. 261, k. tabl. [1] [*Zawiera Wykaz publikacji O. Główko z lat 1969–2008*].

2010

Idea i komunikacja w języku i kulturze rosyjskiej. Red. Andrzej Dudek. Prace Katedry Rosjoznawstwa Uniwersytetu Jagiellońskiego, 10. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, cop. 2010, ss. 543, ss. tabl. 2 [*Bibliografia prac naukowych Profesora Aleksiego Awdiejewa*, s. 17–23].

Orłowski Jan. *Bibliografia prac 1959–2009.* Red. Ewa Wierucka, Jarosław Wojtaszko. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2010, ss. 123, [1], k. tabl. [1] [Indeks].

2011

Caban Wiesław. *Powstanie styczniowe. Polacy i Rosjanie w XIX wieku. Wybór studiów z okazji czterdziestolecia pracy naukowej i 65. rocznicy urodzin.* Red. Lidia Michalska-Bracha, Stanisław

Wiech, Jacek Legieć. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2011, ss. 412, [2] [Zawiera *Bibliografię prac prof. Wiesława Cabana*, s. 15–30].

2012

- Andrzej Walicki*. Wybór i oprac. Janusz Dobieszewski, Stanisław Gromadzki, Andrzej Mencwel. Seria Przegląd Filozoficzno-Literacki, nr 4 (29). Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Instytut Filozofii [etc.], 2012, ss. 631, tabl. [2] [Zawiera *Bibliografia Andrzeja Walickiego*, s. 583–619].
- Od Buzułuku do Pahlevi. Polskie Siły Zbrojne w ZSRR i na Bliskim Wschodzie 1941–1943*. Oprac. naukowe Aleksandra Skrabacz. Wybór i przygotowanie materiałów źródłowych Krystyna Koza, Jerzy Kunikowski. Bibliografia selektywna Maksymilian Sokół-Potocki et al. Centralna Biblioteka Wojskowa im. Marszałka Józefa Piłsudskiego. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa im. Marszałka Józefa Piłsudskiego, 2012, ss. 407 [Indeksy].
- Pamięci bliskich*. Cz. 2. Zespół red. Mirosława Aleksandrowicz, Barbara Gawlicka. Stowarzyszenie Rodzina Katyńska w Olsztynie. Olsztyn: Wydawnictwo Antykwa, 2012, ss. 111, tabl. XXXII.
- Ruchniewicz Małgorzata. *Wspomnienia sybiraków. Bibliografia komentowana zbiorów Archiwum Naukowego przy Zarządzie Głównym Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego we Wrocławiu*. Cz. 9. „Wrocławskie Studia Wschodnie” 2012. T. 16, s. 191–218.

2013

- Bibliografia katyńska*. [W:] „Rodowód Rodzin Katyńskich. Biuletyn Federacji Rodzin Katyńskich” 2013, R. 2, nr 2, s. 148–157.
- Buniniana*. [W:] *Iwan Bunin. Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście...* Red. Iwona Anna Ndiaye i Grzegorz Ojcewicz. Seria Luminarze Rosyjskiej Emigracji. Olszyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej UWM w Olsztynie, 2013, s. 367–404 [Zawiera: *Wybrana bibliografia o życiu i twórczości Iwana Bunina*, s. 368–399; *Wydania książkowe i periodyczne*, s. 400–404].
- Konfrontacje składniowe. Nowe fakty, nowe idee. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Henrykowi Fontańskiemu z okazji 65. rocznicy urodzin*. Red. Jolanta Lubocha-Kruglik i Małgorzata Borek. Uniwersytet Śląski. Katowice: Oficyna Wydawnicza Waclaw Walasek, 2013, ss. 206 [Zawiera *Bibliografia publikacji prof. Henryka Fontańskiego*, s. 15–25].
- Michalski Waldemar. *Kazimierz Andrzej Jaworski — poeta, tłumacz, redaktor 1897–1973. Z wyborem wierszy i tłumaczeń*. Chełm: Wydawnictwo TaWa Taurogiński Waldemar, 2013, ss. 111, [1] [Zawiera *Bibliografia*, s. 103–107].
- Ojcewicz Grzegorz. *Alfabetyczny wykaz utworów Iwana Bunina*. [W:] *Iwan Bunin. Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście...* Red. Iwona Anna Ndiaye i Grzegorz Ojcewicz. Olszyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej UWM w Olsztynie, 2013, s. 406–416.
- Professoris Vadim A. Krysko. Promotio doctoris honoris causa*. Scientiarum Technicarum Scholae Lodziensis. Lodz: Faculty of Mechanical Engineering Lodz University of Technology, 2013, ss. 57.
- Ruchniewicz Małgorzata. *Wspomnienia sybiraków. Bibliografia komentowana zbiorów Archiwum Naukowego przy Zarządzie Głównym Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego we Wrocławiu*. Cz. 10. „Wrocławskie Studia Wschodnie” 2013. T. 17, s. 251–264.
- [Walicki Andrzej]. *Валицкий Анджей. История русской мысли от просвещения до марксизма (= History of Russian thought from the Enlightenment to marxism)*. Москва: Канон+, 2013, ss. 480 [Bibliografia prac autora, s. 477–478].
- Wojan Katarzyna. *Z polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników z językiem rosyjskim za lata 2005–2011 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2013, 1 (141), s. 133–159.
- Wykaz publikacji profesora Władysława Woźniewicza*. Oprac. Tadeusz Pacholczyk. „Studia Rossica Posnaniensia” 2013, z. 38, s. 13–19.

2014

- Bibliografia wybranych prac Profesora Franciszka Apanowicza.* Oprac. Katarzyna Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2014. T. 1. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Wydział Filologiczny. Uniwersytet Gdański. Gdańsk, s. 511–526 [Online: <<http://cwf.u.gd.edu.pl/ojs/index.php/SRG/article/view/236/137>>].
- Bibliografia wybranych prac Profesor Janiny Bartoszewskiej.* Oprac. Katarzyna Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2014. T. 1. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Wydział Filologiczny. Uniwersytet Gdański. Gdańsk, s. 527–531 [Online: <<http://cwf.u.gd.edu.pl/ojs/index.php/SRG/article/view/236/137>>].
- Bibliografia wybranych prac Profesor Marceliny Grabskiej.* Oprac. Katarzyna Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2014. T. 1. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Wydział Filologiczny. Uniwersytet Gdański. Gdańsk, s. 532–537 [Online: <<http://cwf.u.gd.edu.pl/ojs/index.php/SRG/article/view/236/137>>].
- Bibliografia wybranych prac Magister Teresy Szymanik.* Oprac. Katarzyna Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2014. T. 1. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Wydział Filologiczny. Uniwersytet Gdański. Gdańsk, s. 538–539 [Online: <<http://cwf.u.gd.edu.pl/ojs/index.php/SRG/article/view/236/137>>].
- От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник статей в честь профессора Халины Вашкевич (= Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX–XXI wieku. Tom jubileuszowy dedykowany profesor Halinie Waszkielewicz).* Red. Anna Skotnicka, Janusz Świeży. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Uniwersytet Jagielloński. Seria Rosja — Myśl, Słowo, Obraz. T. 17. Kraków: Scriptum, 2014, ss. 723, [3] [Zawiera *Bibliografia prac H. Waszkielewicz*, s. 59–66].
- Oracki Tadeusz. *Bibliografia scalonych spisów zawartości czasopism za lata 1966–2012. Tematyka humanistyczno-społeczna.* Seria Wydawnicza „Scientia et Veritas”, 2. Gdańsk: Scientia et Veritas, 2014, ss. 148, tabl. ss. [7] [Indeks].
- Rosja w kryształach. Rozważania, fakty i miraży (= Россия в хрустале. Размышления, факты и миражи). Tom poświęcony Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi.* Red. Diana Oboleńska, Urszula Patocka-Sigłowy, Katarzyna Arciszewska i Karolina Rutecka. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, ss. 476 [Zawiera *Dorobek naukowy i literacki prof. Franciszka Apanowicza*, s. 465–476].
- The Semiotics of Communications.* Ed. by Anna Lusińska and Anna Kalinowska-Żeleźnik. Pelplin: Bernardinum, 2014, ss. 158 [Zawiera *Bibliography of Bogusław Żyłko*, s. 137–158].
- Wykaz publikacji profesora Antoniego Markunasa.* „Studia Rossica Posnaniensia” 2014, z. 39, s. 9–18.

2015

- Bibliografia dorobku literackiego i naukowego Zbigniewa Żakiewicza.* Oprac. Katarzyna Wądołowska-Lesner i Katarzyna Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2015. T. 2. Gdańsk, s. xxx–xxx.
- Bibliografia dorobku naukowego Profesor Marceliny Grabskiej.* Oprac. Katarzyna Wojan. [W:] *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów.* Red. Katarzyna Wojan, Żanna Śładkiewicz, Anna Hau przy udziale Katarzyny Wądołowskiej-Lesner. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, s. 33–57.
- Bibliografia wybranych prac Magister Lucyny Szczukowskiej.* Oprac. Katarzyna Wądołowska-Lesner i Katarzyna Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2015. T. 2. Gdańsk, s. xxx–xxx.
- Bibliografia wybranych przekładów Stanisława Ulaszka.* Oprac. Katarzyna Wądołowska-Lesner i Katarzyna Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2015. T. 2. Gdańsk, s. xxx–xxx.

RECENZJE

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Людмила Петровна Иванова
Микросоциум в дискурсивном аспекте
(воспитательный потенциал семьи)

Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015, 84 с. ISBN: 978-3-659-60024-1
(получено 29.03.2015, принято 21.10.2015)

Рецензируемая монография Людмилы Петровны Ивановой адресована широкому кругу читателей: ученым-филологам, педагогам, родителям — всем тем, кому «важна историческая память, эксплицированная в памяти родной семьи»¹.

Материал, проанализированный с позиций лингвистики и представленный в работе, вызвал резонанс среди участников различных филологических конференций. Немецкий издательский дом *Palmarium Academic Publishing* предложил автору сотрудничество, в результате которого в 2015 г. вышла в свет книга *Микросоциум в дискурсивном аспекте (воспитательный потенциал семьи)* — издание, содержащее Приложение и культурологические комментарии, доступное западноевропейскому читателю.

Перед нами книга о семье, о родительском доме, о дорогих членам семьи вещах и любимых песнях, особенность ее в гармоничном единстве пережитого не одним поколением семьи опыта и лингвистического подхода к данному материалу.

В работе впервые с позиций лингвистики анализируется новая категория **микросоциум семьи**.

Отметим, что отдельные аспекты семейного дискурса становились объектом изучения языковедов. Однако цельное описание дискурса семьи пока не создано, научный аппарат не разработан, что говорит об актуальности исследования проблемы.

По мнению автора монографии, ментальное пространство того или иного народа — инвариант, воплощающийся во множестве вариантов — ментальном пространстве разных семей и у каждой семьи есть общее, обусловленное национальными традициями, историей, местом проживания и т.д., но есть и оригинальное, специфического, связанное с личностями членов семьи.

Для обозначения коммуникативной деятельности, протекающей в родительском доме, автор выбирает термин *дискурс*.

Таким образом, формируется ключевое определение в работе:

(...) для нас дискурс микросоциума — это коммуникативная деятельность членов одной семьи, протекающая в стенах родительского дома, находящаяся под мощным влиянием семейных, национальных и культурных традиций (...) в семье создается особое ментальное пространство².

---

¹ Л. Иванова. *Микросоциум в дискурсивном аспекте (воспитательный потенциал семьи)*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015, с. 2. Далее все цитаты в рецензии приводятся по данному изданию с указанием страницы.

² Там же, с. 11.

Материалом для исследования послужил дискурс семьи автора — семьи Ивановых, как неоднократно подчеркивается в монографии, «типичной семьи с типичной фамилией».

Дискурс микросоциума семьи автор анализирует с помощью следующих лингвистических категорий и компонентов.

1. **Категория прецедентности** реализуется посредством *прецедентных феноменов* (поскольку дискурс микросоциума — это коммуникативная деятельность, протекающая в определенных условиях, следовательно, включает в себя вербальные и невербальные компоненты), классифицированных на прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные события, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания семьи Ивановых.

В рамках категории прецедентности автор работы анализирует любимые песни семьи, в которых эксплицируются духовные ценности семьи, во многом обусловленные опытом переживания Великой Отечественной войны, малые песенные жанры (частушки), семейные предания, материальные прецедентные феномены, среди которых рассматриваются артефакты как сверхтекст родительского дома, а также домашние любимцы.

2. **Концепты.** Основными единицами ментального пространства микросоциума семьи наряду с прецедентными феноменами являются концепты, ключевые слова культуры.

В монографии представлен анализ концептов, вербализованных в любимых песнях семьи Ивановых: *концепт Родина, концепт война, концепт любовь, концепт родной дом*. Отдельный пункт работы посвящен концепту *толерантности* в структуре семейных ценностей.

Лингвистическое осмысление автором ежедневно окружающего нас пространства семьи вызывает у читателя изменение привычного вектора внимания:

Родительский дом — целостное образование, созданное за счет тематической общности входящих в него единиц. Он обладает четко выраженным пространственным и временным локусом. Главное, что отличает родительский дом от канонического сверхтекста — его невербальность (...)³.

Так, в рецензируемой монографии артефакты родительского дома рассматриваются в качестве невербальных артефактов-текстов, обладающих высокой степенью прецедентности для членов семьи. Автор убедительно доказывает, что артефакты родительского дома создают сверхтекст, поскольку каждый предмет имеет свою историю, свой «текст», известный и дорогой не одному поколению семьи.

В работе делается акцент на анализе ментального пространства микросоциума семьи. Автор считает, что ментальное пространство, проявляясь прежде всего в художественных текстах, связано с языковой картиной мира, что дает все основания изучать ментальное пространство индивида — народа — цивилизации и рассматривать его как динамическую категорию⁴. Ментальное про-

³ Там же, с. 10.

⁴ Там же, с. 6.

странство микросоциума семьи ограничено концептами и ключевыми именами культуры, вмещающими его, в нем реализуется категория прецедентности.

Приведем некоторые примеры анализируемых в монографии прецедентных феноменов.

К прецедентным именам автор относит целую группу явлений: имена близких родственников и друзей; «родовые» имена — любимые в семье и роду имена, которые часто воспроизводятся практически в каждом поколении; уменьшительные имена, функционирующие в рамках семьи; детские самоинициации.

Среди прецедентных текстов в работе выделяются следующие: любимые песни семьи, частушки Петербурга времен молодости родителей семейные предания, в качестве прецедентных текстов также рассматриваются вещи, имеющие свою историю и значимые для членов семьи.

В рамках прецедентных событий автор описывает забавные происшествия. Прецедентные события не отождествляются с прецедентными ситуациями:

(...) прецедентная ситуация близка прецедентному событию, различие между ними состоит в том, что событие происходит один раз, рассказ о нем небольшой и законченный. Ситуация может повторяться, она, как правило, неожиданна, предполагает раздумья и успешный выход из нее⁵.

Среди прецедентных высказываний приводятся смешные фразы детей — младших членов семьи, которые вспоминаются долгие годы и передаются новым поколениям.

Автор приходит к выводу, что в дискурсе семьи как микросоциума функционируют все типы прецедентных феноменов.

Очень важным, на наш взгляд, является на сегодняшний день понимание того, что именно семья воспитывает человека, в семье формируются ценности. Эту главную для всей работы мысль автор иллюстрирует в том числе анализом любимых песен, в которых и вербализуются ценности семьи Ивановых:

У каждой семьи свои песни: кто-то больше любит народные, кто-то военные и т.п. Поскольку семья складывается из многих поколений, постольку и время появления песен различно. Таким образом, процесс формирования любимых песен семьи растягивается на десятилетия. В них отражается ментальное пространство народа, его нравственность⁶.

Приведем пример анализа детских впечатлений автора:

Иногда отец в определенном настроении пел две песни, которые мы не пели, вероятно из-за возраста, но их ни от кого больше я не слышала: первая меня просто завораживала: *‘Девушку из маленькой таверны Полюбил суровый капитан, Девушку с глазами дикой серны и с улыбкой гордой, как хрусталь. Полюбил за ... (не помню), алых губ нетронутый коралл’* (далее тоже провал в памяти). В те годы об импрессионизме мы не помышляли, но образы удивительной девушки и романтического капитана запали в душу⁷.

⁵ Там же, с. 13–14.

⁶ Там же, с. 15–16

⁷ Там же, с. 16.

В Приложении представлен полный текст этой песни, как и всех остальных, проанализированных в монографии, даются электронные ссылки на источники и варианты исполнения, которыми можно воспользоваться, слушая песни при чтении электронной книги (этот вариант книги также предусмотрен издательством).

Автор монографии подчеркивает, что с позиций языка как носителя национальной культуры и ментальности морально-этическая ценность имеет четкую структуру, в центре которой находится концепт.

Анализируемый песенный материал разделен на группы: 1) довоенные песни; 2) песни времен Великой Отечественной войны; 3) песни послевоенного периода; 4) песни, даты появления которых автору установить не удалось. В процессе исследования автором выявлены следующие морально-этические ценности, вербализированные в текстах любимых песен семьи Ивановых: патриотизм (концепт Родина), воинский долг (концепт война), верная и преданная любовь (концепт любовь), семейный очаг (концепт родной дом).

В качестве материальных прецедентных феноменов рассматриваются артефакты как свертхтексты родительского дома и домашние животные семьи.

В работе делается вывод о том, что родительский дом является относительно закрытым, неавторским, ориентированным на конкретного адресата, неоднотипно структурированным артефактом-свертхтекстом.

Автор монографии отдельно останавливается на концепте *толерантности*. Данное понятие, заложенное в основу коммуникативной деятельности семьи Ивановых, является итоговым в дискурсе микросоциума и жизненно необходимым в наши дни, именно его анализ завершает монографию.

При описании истоков толерантности в семье в рецензируемой работе предлагается не традиционный подход с точки зрения экспликации концепта, его фреймовой структуры, а описание образа жизни, жизни-путешествия, обусловленного спецификой военной службы главы семьи — Иванова Петра Ивановича. Это путь, на котором все ситуации встречи и освоения нового — новое место жительства, новые люди, представители разных национальных культур — можно охарактеризовать как путь «с открытым сердцем к представителям разных стран и народов (...)»⁸.

Обратим внимание на дальнейшие перспективы в русле данного исследования, поскольку предложенная в работе модель описания может быть использована при характеристике других национальных микросоциумов: «иными будут наполнения прецедентных феноменов и свертхтекстов, но неизменно в каждой семье воспитание семейных ценностей как реализации национальных и общечеловеческих ценностей»⁹.

НАТАЛЬЯ Н. СЫРОМЛЯ

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Институт филологии

бульвар Тараса Шевченко, 14, г. Киев, Украина, 01601

e-mail: siromlya.nata@yandex.ua

⁸ Там же, с. 48.

⁹ Указ. соч., с. 54.

**Imiona komunikacji językowej czyli demakijażowanie sensów.
Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Marcelinie Grabskiej.**

Red. Katarzyna Wojan, Żanna Śladkiewicz, Anna Hau, Katarzyna Wądołowska-Le-sner. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, 360 ss.
(nadesłano 13.07.2015; zaakceptowano 14.07.2015)

Omawiany tom jest księgą szczególną, zawiera bowiem dzieła dedykowane Pani Profesor Marcelinie Grabskiej z okazji podwójnego Jubileuszu: pięćdziesięciolecia działalności dydaktycznej oraz czterdziestolecia pracy naukowej. *Tempus fugit* mawiali Rzymianie i zaraz dodawali: *aeternitas manet*, rozumiejąc zapewne przez tę sentencję także konieczność pozostawienia po sobie rzeczy wielkich i pięknych, a wielkie i piękne idzie zwykle w parze z wiecznością.

Książka ma układ klasyczny, bo wzorowany na sprawdzonych już wzorach: dwóch poprzednich księgach jubileuszowych — jednej, dedykowanej Profesor Janinie Bartoszewskiej, i drugiej — poświęconej Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi. Dwie części właściwe, w których zgromadzono dedykowane Jubilatce utwory innych autorów, poprzedza słowo *Od Redaktorek* i *Tabula Gratulatoria* oraz teksty okolicznościowe, które przybliżają nam biografię i ścieżkę naukowo-dydaktyczną Czcigodnej Jubilatki.

W słowie *Od Redaktorek* podkreślono, że podwójna, a w rzeczy samej potrójna uroczystość, bo związana również z dwudziestolecie kierowania przez Profesor Marcelinę Grabską (do roku 2013) gdańskim zakładem i katedrą, zaangażowała emocjonalnie wiele osób spośród Jej grona, a to znaczy, że wciąż otaczają Jubilatkę osoby uczuciowo związane z nią samą i jej doświadczeniem jako badacza i przełożonego. Tutaj także określono nie tylko adresata omawianego dzieła, którym ma być szeroki krąg odbiorców interesujących się głównie tematyką lingwistyczno-kulturową, lecz także przybliżono — z zachowaniem należytej w takim przypadku staranności — Osobę i osiągnięcia zawodowe Jubilatki.

Redaktorki tomu wyraziły nadzieję, że zebrany przez nie materiał wprowadzi czytelników w świat tajemnic ludzkiego języka, który niezmiennie jest podstawą ludzkiej komunikacji. A że komunikacja ta ma wiele twarzy, cechuje się ponadto wielowymiarowością interpretacyjną i interdyscyplinarnym charakterem, trudno ją w pełni ogarnąć i zaszufladkować w wielopostaciowej i stale się rozbudowującej komunikologii. Dlatego prezentowane w tomie prace dotyczą wielu różnorodnych zagadnień wpisujących się w sferę komunikacji wewnątrz- i międzyjęzykowej i prezentują odmienne perspektywy badawcze: językoznawczą, kulturoznawczą, literaturoznawczą, psychologiczną, filozoficzną i teologiczną. W zestawie autorów znaleźli się przedstawiciele różnych filologii — angielski, feniński, germaniści, japoński, poloniści, rusycyści, skandynawiści, a obok nich — reprezentanci świata nauk ścisłych, przyrodniczych oraz prawnych. Ta niejednorodność środowiska badawczego przemawia za prawdziwością tezy, w myśl której relacje międzyludzkie opierają się na wielu specyficznych związkach, a dynamiczny układ „człowiek/język” dostarcza wciąż nowych danych pozwalających lepiej przenikać w ludzką psychikę i zasady komunikacji międzyosobniczej

nie tylko w obrębie jednej nacji, lecz wielu narodów i wielu czasów. W ocenie Redaktorek zamieszczone w ich w tomie artykuły wyszły spod piór niekwestionowanych autorytetów reprezentowanych przez siebie dziedzin nauki, są więc zdolne zaciekawić, zaintrygować oraz pobudzić do głębszej refleksji na temat złożonego fenomenu *homo communicans*.

Artykuły językoznawcze i z obszaru glottodydaktyki poprzedza część poświęcona Jubilatce. Tutaj zostaje odsłonięta sylwetka Człowieka i Naukowca, a obok informacji merytorycznych odnajdujemy ślady emocji, w których wyrażono uznanie, szacunek i podziw dla osobowości, dokonań, wiedzy oraz postawy życiowej Profesor Marceliny Grabskiej. „Cenimy Jubilatkę nie tylko na polu nauki, ale również za budowanie postaw i wartości etycznych, gwarantujących naukowy obiektywizm, niezależność i humanistyczną tolerancję. Pani Profesor Marcelina Grabska jawi się nam nie tylko jako Uczona i Dydaktyk, mogąca poszczycić się znaczącą spuścizną, ale przede wszystkim jako wielka Humanistka, prezentująca antropocentryczną postawę intelektualną i moralną, przejawiająca głęboką troskę o godność, potrzeby, szczęście i dbałość o niezależny rozwój drugiego człowieka, a jednocześnie nieignorująca wagi racji rozumu. Łącząc idee nowoczesnego humanizmu z filozofią teistyczną, poszukuje w bliżnim chrześcijańskich źródeł prawd etycznych i moralnych” — piszą doniośle Redaktorki. Po tych wyrazach uznania Marian Szczodrowski, Dziekan Senior Wydziału Filologiczno-Historycznego UG, wygłosił słowo jubileuszowe ujęte w zmodyfikowaną nieco łacińską formułę: *...litterae scriptae manent!*, co wcale nie zmienia faktu, że to, co zostało napisane, nie da się usunąć... Tutaj również, w części *O Profesor Marcelinie Grabskiej*, Anna Hau i Katarzyna Wądołowska-Lesner opowiedziały o Jubilatce jako dydaktyku, a Katarzyna Wojan zamieściła dwa teksty. Jeden ku przestrodze: *Obyś cudze dzieci uczył! Magia zawodu czy przekleństwo wszech czasów?* i drugi, będący bibliografią dorobku naukowego Pani Profesor, także opracowany przez Katarzynę Wojan.

W części pierwszej, językoznawczo-glottodydaktycznej, znalazło się trzynaście artykułów przedstawicieli środowiska gdańskiego i pochodzących spoza Gdańska, od lat sympatyzujących z Czcigodną Jubilatką. Wypowiedzi otwiera utwór Katarzyny Wojan, który nawiązuje do rzeczywistości ewangelii Janowej przez posłużenie się formułą hymniczną „*Na początku było Słowo...*”. Anna Hau w artykule *Kilka słów o potrzebie językowej* zastanawia się nad sytuacją współczesnego *homo loquens* i źródłami jego specyficznej, tj. językowej aktywności. Grażyna Łopuszańska pisze o *Sytuacji językowej w Gdańsku w perspektywie diachronicznej*, podkreślając, że Pomorze zawsze było kulturowym pograniczem, a synkretyzm ten utrwalił się historycznie i jego skutki odczuwamy do dzisiaj. Z kolei Dorota Dziewanowska stawia tezę o etykietce mownej, która ma być kluczowym aspekcie w nauczaniu języka rosyjskiego jako języka obcego i proponuje tekst zatytułowany *Речевой этикет — ключевой аспект обучения русскому языку как иностранному*. Po niej Maria Bobrowa (Мария Боброва), odwołując się do rosyjskich dialektów i żargonizmów zawierających rdzeń *жерт-/черк-*, dzieli się swoimi spostrzeżeniami o pewnej opozycji *swoi/cudzy*. Z kolei poznański badacz, Andrzej Sitarski, wprowadził nas w sferę teologiczną przez zaoferowanie artykułu *К вопросу об аксиологизации языка православной проповеди (на материале текстов Митрополита Саввы Слова и проповеди)*. Po nim, dwie autorki, Wanda Stec i Krystyna Stec, przeniosły czytelników do współczesności, ponieważ ich tekst

dotyczy ważnej kwestii dezaktualizacji języka prawniczych podręczników akademickich z uwagi na naturalny bieg czasu. W artykule *Język prawniczych podręczników akademickich a wpływ czasu — wybrane zagadnienia stylistyczne* autorki słusznie podkreśliły zależność materii podręcznikowej od warunków politycznych i obowiązującej w danym czasie historycznym ideologii. Na szczęście, rosyjskie prawnicze podręczniki akademickie odeszły od cytowania „błyskotliwych” sentencji wodzów rewolucji i komunizmu, osłabiły także swoją jaskrawą tendencyjność i jedynie słuszne wartościowanie, a to znaczy, że decydenci uwzględniają nową sytuację geopolityczną, która zmusza do odpolitycznienia procesu edukacji. Z kolei Jan Wawrzyńczyk w króciutkim szkicu *Aus der Geschichte des Internationalismus Kabuki im Polnischen* nawiązał do japońskiego słowa kabuki i jego recepcji w języku polskim. Katarzyna Wądołowska-Lesner podzieliła się uwagami natury glottodydaktycznej, prezentując tekst *Leksyka potencjalnie niezrozumiała dla polskiego ucznia i studenta*, który miał na celu między innymi weryfikację wcześniejszych wyników badań Profesor Marceliny Grabskiej. Marek A. Iwanowski napisał o *Wstępnym projekcie Japońskiej E-kartoteki Lingwistycznej*, a Marian Szczodrowski o Niektórych aspektach obcojęzycznej glottokodematyki i glottodydaktyki. Część językoznawczo-glottodydaktyczną Księgi Jubileuszowej zamykają dwa artykuły: jeden, autorstwa Krzysztofa Nerlickiego *Mein Gott! Niemieckie formy emotywnie i ich polskie ekwiwalenty typu (o) (PRON/ADJ) Boże!/Boże (PRON/ADJ)* — *wybrane problemy leksykograficzne i glottodydaktyczne*, i drugi, pióra Władysława Woźniewicza *Deficyty dobrostanu w aspekcie edukacyjno-pedagogicznym*.

W części drugiej tomu, literaturoznawczo-kulturoznawczej, zamieszczono dziesięć artykułów również przedstawicieli różnych ośrodków badawczych w Polsce i spoza jej granic. Te część otwiera tekst Grzegorza Ojcewicza poświęcony rosyjskiemu nobliście i wybranej kategorii ściśle związanej ze światopoglądem Iwana Bunina: „*Ostatniość*” w twórczości poetyckiej Iwana Bunina jako estetyczno-egzystencjalna kategoria postrzegania świata. Następnie Bolesław Mrozewicz napisał o poszukiwaniu Absolutu przez nawiązanie do tekstu Miki Waltariego *Tajemnica Królestwa* i obecnych w nim komponentów biblijnych. Z kolei Ryszard Tokarski przybliżył poetycki świat Mariana Hemara przez przywołanie dwóch jego fraszek lingwistycznych. Hanna Komorowska zastanawiała się nad językiem w metaforze oraz o wielo- oraz różnojęzyczności jako teatrze, a Roman Gawarkiewicz wprowadził odbiorcę do przestrzeni międzykulturowej, lokując w niej *homo communicans*. Hieronim Chojnacki przedstawił w swoim artykule wizję totalnej transparentności w relacjach z innymi ludźmi i w komunikacji międzykulturowej, Danuta Stanulewicz zaś zajęła się wybranym kamieniem i wybranym kolorem, pisząc o turkusie i barwie turkusowej w języku polskim (na marginesie: wybór kamienia i koloru był podyktowany preferencjami kolorystycznym Szanownej Jubilatki). Gość z Rosji, Walentyna Masłowa, podzieliła się swoimi spostrzeżeniami na temat lingwokonceptologii funkcjonującej w nowych, postsowieckich warunkach polityczno-ustrojowych. Gdańska badaczka Żanna Śładkiewicz napisała o stereotypie Polki w rosyjskim dyskursie publicznym, natomiast Jurand B. Czermiński, również badacz z Gdańska, zaproponował tekst o tajemniczo brzmiącym tytule i niecodziennej zawartości, bo dotyczącej problemów ludzi niepełnosprawnych: *Uwięziona wrażliwość. Krótka antologia epizodów z przeplotem*. Jest to, jak sam autor zaznacza, tendencyjny wybór „życiowych epizodów z biografii różnych osób” (s. 358), który traktuje

jak „planowy spacer od rzewnego pochylenia się nad bezsilnością do odkrycia siły bezsilnych” (s. 358). Zdaniem Juranda B. Czermińskiego, ludzie niepełnosprawni są bardzo potrzebni osobom pełnosprawnym, ponieważ pomagają cywilizować świat. Tego typu myśli, wskazujących na współczesny kryzys standardów humanistycznych, odnajdujemy w tym tekście znacznie więcej.

Książka jubileuszowa, zgodnie z jej przesłaniem zawartym w tytule, starała się pokazać, że komunikacja międzyludzka ma wiele obliczy: żeńskich, męskich i... nijakich. Wszystkie one wymagają swoistego demakijażowania, czyli użycia różnorodnych interdyscyplinarnych narzędzi badawczych podczas ich naukowego opisu, by spod oczywistych i powszednich znaczeń wydobyć ukryte i odświeżone sensy zawarte w słowach, gestach i przemilczeniach. Omawiany tom otwierał udany cytat z Józefa Marii Hoene-Wrońskiego: „Uczmy się od ludzi Wielkich wielkich rzeczy, jakich nas nauczali. Ich słabostki to rzecz drugorzędna”. Kończąc, chciałbym sparafrazować tę myśl, można bowiem powiedzieć, że Wielcy ludzie — a do takich należy Czcigodna Jubilatka — są stworzeni do tworzenia wielkich rzeczy i do przekazywania tych wielkich rzeczy swoim uczniom, ale jeśli Wielcy ludzie nie zachowają tej ciągłości pokoleniowej, ich słabostki nie będą wówczas rzeczą drugorzędną.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor emeritus,

Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Wydział Administracji, Studium Edukacji Językowej;

b. prof., Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,

Wydział Humanistyczny, Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, Polska

e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

Ксения Кривошеина***Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней***

Москва: Издательство «ЭКСМО», 2015, 696 с.

(nadesłano 11.08.2015; zaakceptowano 12.08.2015)

Na ten niezwyklej tom w lazurowej okładce i czarno-lazurowej obwolucie, nawiązujących dyskretnie do Nieba i duchowości głównej bohaterki, czekali z niepokojem szczególnie badacze życia i twórczości Matki Marii — nie tylko w Rosji i Francji, lecz także w Polsce. Mowa o wyjątkowym dziele, które ukazało się w maju 2015 roku nakładem moskiewskiego wydawnictwa „Eksmo” i zostało poświęcone jednej z najwybitniejszych postaci rosyjskiej emigracji pierwszej fali, czyli Jelizawiecie Skobcowej (1891–1945), znanej bardziej z historii literatury rosyjskiej jako Jelizawieta Kuźmina-Karawajewa (z d. Pilenko). W 2015 roku przypada 70-lecie śmierci Matki Marii, wyniesionej na Ołtarze Pańskie przez Kościół Prawosławny w 2004 roku. O Matce Marii mówimy także oficjalnie św. Matka Maria z Paryża. Cieszy fakt, że w jej ojczystym kraju doceniono po dziesięcioleciach głębokiego ideologicznego milczenia o pisarzach-emigrantach nie tylko wartość spuścizny literackiej Jelizawiey Skobcowej, lecz otwarcie przyznano się — przez fakt publikacji — do znaczenia oraz rangi ponadczasowego przekazu, zawartego w tekstach i czynach tej niezwyklej prawosławnej mniszki. Trzeba w tym miejscu dodać, że omawiana monografia ukazuje się w serii „Wielcy Ludzie XX Wieku” jako tom czwarty. Przed nim wydano prace poświęcone 1. Dietrichowi Bonhoefferowi, 2. Ojcu Aleksandrowi Mieniowi, 3. Pawłowi. Patriarsze Serbskiemu.

Pomimo upływu 70 lat od dnia tragicznej śmierci Matki Marii w Ravensbrück, jej dorobek literacki, artystyczny i publicystyczny, a także prowadzona zwłaszcza w czasie okupacji działalność nastawiona na ratowanie każdego, kto był zagrożony przez faszyzm, łącznie z Żydami, budzi ogromne zainteresowanie nie tylko w gronie obecnych emigrantów mieszkających w Paryżu, ale także poza granicami Francji, Wielkiej Brytanii czy Stanów Zjednoczonych. Autorka monografii, emigrantka Ksenia Kriwoszeina (1945), od dłuższego czasu zabiegała o wydanie tej książki w Rosji. Cel, na szczęście, osiągnęła, a łatwo, jak sama przyznaje, nie było.

W przywołanej monografii znalazło się prawie wszystko, co do tej pory najlepsze. Prawie, ponieważ gdyby miało się w nim znaleźć wszystko, tom musiałby liczyć co najmniej kilka tysięcy stron... Ksenia Kriwoszeina stanęła zatem wobec bardzo trudnego zadania i konieczności dokonania ostrej selekcji materiału dawnego oraz najnowszego, decydując, które opracowania należy włączyć do dzieła, a z których — z żalem — trzeba zrezygnować.

Na czwartej stronie okładki znajdujemy następującą informację (podaję we własnym tłumaczeniu): „W tej książce po raz pierwszy zostaje opublikowana szczegółowa biografia mniszki Marii (Skobcowej), kronika ziemskiego szlaku kobiety, której imię należy do nie tak znowuż bogatego grona osób, o których można byłoby powiedzieć, że są prawdziwymi chrześcijanami XX wieku”. I nieco poniżej: „Jej życie, początkowo w Rosji, a potem na emigracji, było bardzo aktywne i wyraziste. Matka Maria otwierała darmowe stołówki, domy dla starców i bezdomnych. W czasie II wojny światowej i okupacji Francji ratowała i ukrywała radzieckich więźniów wojennych.

Ta niebezpieczna działalność związała ją z francuskim ruchem oporu i doprowadziła ostatecznie do śmierci w obozie koncentracyjnym w Ravensbrück. Imię Matki Marii do dzisiaj jest wykorzystywane jako sztandar w najrozmaitszych celach, a z jej życiem i gloryfikacją w Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej wiąże się wiele sporów oraz niedomówień. W ZSRR pokazywano ją społeczeństwu jako partyzantkę i bolszewiczkę, że posłużyć się neologizmem, a na Zachodzie — jako osobę walczącą ze skostniałym prawosławiem i obrończynię Żydów. Te sprzeczności wokół złożonej osobowości Matki Marii (Skobcowej) trwają do dzisiaj”.

Być może spory te będą przynajmniej w jakiejś mierze łagodzić słowa podobne do tych, które o Matce Marii wypowiedział najwyższy dostojnik Cerkwi Prawosławnej, Patriarcha Moskiewski i Wszech Rusi, Kiriłł. Jego zdaniem, „Ludzie, otaczający mniszkę Marię, przeżywali katastrofę starej Rosji przede wszystkim jako osobistą tragedię. Matka Maria należała do tych, którzy widzieli w ówczesnych warunkach coś więcej: wezwanie do chrześcijańskiej twórczości (...) Wolność rozumiała Ona jako bezcenny dar Boży i godziła się na widzialne i niewidzialne przez świat ofiary, by zachować go dla tych, którzy byli obok. Jednocześnie sama była naprawdę wolnym człowiekiem”. A stojący niżej w kościelnej hierarchii metropolita Antonij Surożskij (Bloom) napisał: „Matka Maria jest świętą naszych dni i dla naszych dni, kobietą z krwi i kości, która otrzymała Miłość od Boga i bez lęku patrzyła na problemy naszego wieku (...), jej duchowe znaczenie będzie dla nas stale wzrastać, gdy zaczniemy pojmować ostatni sens Miłości wcielonej i ukrzyżowanej”. Z kolei skrytobójczo zamordowany kapłan Aleksandr Mień uważa, że „w całej filozofii religijnej ostatniego stulecia nikt tak wewnętrznie nie przeżył tajemnicy Golgoty, tajemnicy nocy w Ogrodzie Oliwnym, tajemnicy Odkupienia, tajemnicy empatii w cierpieniu, jak Matka Maria”¹. To wielkie, odważne i aktualne oceny, jakie odzwierciedlają rzeczywiste znaczenie dorobku twórczego i zakonnego mniszki z paryskiej ulicy Lourmel 77.

Książkę swą podzieliła Ksenia Kriwoszeina na dwie obszerne części, zachowując pomiędzy nimi właściwe proporcje. W pierwszej części, (s. 11–366), wystąpiła jako autorka, w drugiej — jako „organizatorka”, ponieważ umieściła tutaj opracowania innych osób i badaczy pod wspólnym tytułem *Z archiwów* (s. 369–670). *Kronika życia i twórczości* Jelizawiey Skobcowej, *Bibliografia* i *Indeks nazwisk* stanowią bardzo wartościowe dodatkowe partie monografii.

Część pierwsza została objęta tytułem *Matka Maria (Skobcowa). Święta naszych dni* [*Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней*]. Składa się ona z przedmowy, dziesięciu rozdziałów oraz aneksu, w którym znalazły się informacje na temat tras Matki Marii po Guberni Twerskiej, ponadto — dane o wyjeździe służbowym rosyjskiej mniszki do Finlandii, na Łotwę i do Estonii, jaki miał miejsce w 1932 roku. Rozdział pierwszy został poświęcony przodkom Jelizawiey Pilenko (*Предку*), drugi — początkom życia (*Начало жизни*), trzeci — miastu, z którym będą się wiązać w biografii młodej Lizy bardzo ważne wspomnienia z czasów nauki w stołecznych gimnazjach, lecz przede wszystkim — z nieodwzajemnioną miłością do Aleksandra Błoka. Rozdział trzeci nosi tytuł *Petersburg (Петербург)*, czwarty — dotyczy wybrańca serca Jelizawiey Pilenko, a także Jelizawiey Kuźminy-Karawajewej — Aleksandra Błoka i ma

¹ Wszystkie cytaty pochodzą z wewnętrznej zakładki obwoluty danej książki.

nazwę *Aleksander Błok* (Александр Блок). Rozdział piąty — *W świecie sztuki* (В мире искусства), szósty — opowiada o burzliwym okresie w życiu samej Jelizawiey Kuźminy-Karawajewej oraz o tych wydarzeniach, które poprzedzały gwałtowne zmiany społeczno-ustrojowe w carskiej Rosji i w konsekwencji — rządu bolszewików: *Niespokojne lata* (Беспокойные годы). Rozdział siódmy — *Rewolucje i wojna domowa* (Революции и гражданская война), ósmy — zarysowuje nowy etap w biografii Jelizawiey Skobcowej, bezpośrednio poprzedzający najważniejszy moment w jej życiu, jakim było wstąpienie do zakonu i zostanie mniszką: *Z miłością, wiarą, nadzieją... Ku nowej życiu* (С любовью, верой и надеждой... К новой жизни). Rozdział dziewiąty: *Stan zakonnicy* (Монашество); rozdział dziesiąty: *Narodziny w śmierci* (Рождение в смерти).

Jak widać, Ksenia Kriwošeina uchwyciła w kluczu chronologicznym najważniejsze momenty życia Jelizawiey Pilenko, Jelizawiey Kuźminy-Karawajewej, Jelizawiey Skobcowej i Matki Marii. W ten sposób otrzymaliśmy przebogata i odbarwioną wersję biografii rosyjskiej mniszki, otrzymaliśmy też przy okazji pasjonującej emocjonalnej narracji wiele inspirujących podpowiedzi, które są w stanie zachęcić innych badaczy do pogłębionych studiów nad tą nietuzinkową postacią.

Część drugą, *Z archiwów*, otwierają wspomnienia Metropolity Surożskiego, Antonija (Bloom) — *Słowo o Matce Marii* (Слово о матери Марии). Po nim — ważne memuary jednego z najbliższych współpracowników Matki Marii w okresie paryskim — Nikołaja Bierdiajewa zatytułowane *Pamięci Matki Marii* (Памяти матери Марии). Następnie — bardzo osobista wypowiedź dalekiego kuzyna Jelizawiey Pilenko — Siergieja Pilenki *Kubań — moja ojczyzna* (Кубань — моя родина), a po niej — mamy okazję do zapoznania się z pierwszym tekstem Anatolija Szustowa, niestrudzonego i wielce zasłużonego badacza życia i twórczości Matki Marii: *Je.Ju. Kuźmina-Karawajewa (M. Maria) i Aleksiej Tołstoj* [Е.Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и Алексей Толстой]. Tekst ten wyjaśnia bardzo wiele, gdy chodzi o skomplikowane relacje pomiędzy Matką Maria i znanym jej z czasów przedrewolucyjnych „czerwonym hrabią” Tołstojem, a także pobudki tragicznej w skutkach decyzji córki Matki Marii, Gajany, która zdecydowała się powrócić do ZSRR. W aneksie odnajdujemy list tejże Gajany z 23 września 1935 roku do rodzonej matki, w którym opowiada o swoich wrażeniach związanych z pobylem w ojczyźnie.

Z wielką dumą piszę kolejne słowa, lecz z uwagi na to, że dotyczą one mnie samego — ograniczam się jedynie do podania tego, co Ksenia Kriwošeina zamieściła w swoim tomie, pragnąc podkreślić wkład polskiej rusycystyki w ten właśnie obszar badawczy. Konstytuując nową subdyscyplinę filologiczną, nazwaną przeze mnie „filologią śledczą”, zaoferowałem do omawianego tomu dwa teksty: jeden poświęcony Gajanie oraz drugi — jej mężowi, Georgijowi Mélii: *Tajemnica śmierci Gajany* (Тайна смерти Гаяны), *Georgij Mélia — zagadkowy zięć Matki Marii* (Георгий Мелия — загадочный зять м. Марии). A trzeci mój tekst jest z obszaru czysto literaturoznawczego i przedstawia jedno z trzech misteriów rosyjskiej mniszki *Siedem czas: Misterium „Siedem czas” — próba deszyfracji wiecznych znaków* (Пьеса-мистерия «Семь чаш» — попытка расшифровки вечных знаков).

Kolejne opracowanie autorstwa Anatolija Szustowa mówi o drugim mężu Jelizawiey Skobcowej — Danielu Skobcowie, poznanym przez nią w dramatycznych

okolicznościach sądu wojennego i rozprawy, w której Jelizawieta Kuźmina-Karawajewa wystąpiła w roli oskarżonej o współpracę z bolszewikami: *Daniil Jermolajewicz Skobcow: droga od Kubania do Paryża* (*Даниил Ермолаевич Скобцов: Путь от Кубани до Парижа*). Następne trzy teksty należą do jednego z najwybitniejszych współczesnych badaczy rosyjskich zajmujących się życiem i twórczością Matki Marii — Grigorija Bieniewicza. Najpierw pisze on o *Temacie Sofii i jak on łączy Matkę Marię, A. Błoka i Wł. Sołowjowa* (*Тема Софии и как она связывает М. Марию, А. Блока и Вл. Соловьева*). Potem podejmuje inny problem: *Matka Maria i jej haft „Żywoć króla Dawida”* (*Мать Мария и ее вышивка «Житие царя Давида»*). A w końcu Grigorij Bieniewicz przenosi się w świat literaturoznawstwa i religioznawstwa oraz filozofii, by po mistrzowsku zanalizować najwybitniejszy chyba utwór poetycki Matki Marii w danym gatunku: *Poemat Pięćdziesiątnica* (*Поэма «Духов день»*).

Następne fragmenty *Z archiwum* wypełniają materiały pochodzące z czasopisma „Wiestnik” («Вестник»). W pierwszym bloku dokumentacyjnym znajdujemy: 1. sprawozdanie z pracy ruchu oporu, które wyszło spod pióra Igora Kriwoszeina, 2. wspomnienie o ojcu Dmitriju Klepininie, najbliższym współpracowniku Matki Marii z okresu okupacyjnego, również zgładzonym w obozie śmierci, oraz 3. fragmenty wspomnień Fiodora Pjanowa — także zaufanego współpracownika rosyjskiej zakonnicy z ulicy Lourmel 77. Z kolei w bloku pochodzącym z drugiego numeru „Wiestnika” znalazło się dziewięć ważnych tekstów, których autorami są świadkowie działalności Matki Marii w Paryżu i jej heroicznej śmierci w Ravensbrück: 1. Sofia Nosowicz opowiada Ninie Kriwoszeinie o spotkaniu z Matką Marią w obozie Ravensbrück; 2. B. Sosinski pisze o dwóch emigrantach — Wildem i Lewickim — rozstrzelanych za współpracę z francuskim ruchem oporu; 3. Władimir Warszawski nawiązuje do Borisa Wildego; 4. poznajemy ostatni list Borisa Wildego do żony; 5. odkrywamy strony pamiętnika Borisa Wildego pisanego podczas pobytu w więzieniu; 6. czytamy biogram Anatolija Lewickiego; 7. śledzimy wspomnienia Sofii Nosowicz o Wiki Obolenskiej; 8. zgłębiany biogram Ariadny Skriabiny i 9. — wczytujemy się w biogram Tamary Wołkonskiej.

Po prezentacji wyselekcjonowanej zawartości drugiego numeru czasopisma „Wiestnik” Ksenia Kriwoszeina proponuje tekst, którego autorem jest Igor Kriwoszein, ściśle współpracujący z Matką Marią w ramach francuskiego ruchu oporu: *Rosyjscy uczestnicy ruchu oporu* (*Русские участники сопротивления*). Następnie — niewielkie fragmenty memuarystyki Niny Kriwoszeiny — *Matka Maria* (*Мать Мария*). Ponownie — Anatolij Szustow, tym razem przybliży wspomnienia ojca Borisa (Starka): *Ojciec Boris (Stark) o Matce Marii (Skobcowej)* [*Отец Борис (Старк) о матери Марии (Скобцовой)*]. Przedostatnim materiałem archiwalnym jest artykuł Nikity Kriwoszeina — syna Igora Kriwoszeina (w życiu prywatnym — męża Kseni Kriwoszeiny) — o recepcji dzieła rosyjskiej mniszki w byłym ZSRR: *Matka Maria w byłym Związku Radzieckim albo długa droga do Rosji* (*Мать Мария в бывшем Советском союзе, или долгая дорога в Россию*). Tom zamykają refleksje znanego na Zachodzie sławisty, pracownika naukowego Uniwersytetu Genewskiego, Georges’a Nivata, który bardzo wymownym cytatem z Matki Marii nawiązuje do istoty jej pojmowania misji ówczesnego zakonnika, uwikłanego w bardzo ciężkie czasy, wymagające nadludzkiego

poświęcenia, koniecznego do ratowania zagubionych bliźnich: „*i do końca muszę się wypiścić...*” («*и до конца надо мне обнищать...*»).

Tom przygotowany przez Ksenię Kriwoszeinę oznacza wielki krok naprzód w sferze poznawania postaci Matki Marii. Otrzymaliśmy bowiem książkę, która żyje odtąd własnym życiem, odmiennym od stron internetowych, na których możemy odnaleźć większość zaprezentowanych w monografii materiałów. Internet cechuje ulotność, dzieło wydane — większa trwałość. *Finis coronat opus* — mawiali starożytni, zdając sobie doskonale sprawę, że zwieńczenie dzieła otwiera zarazem nową drogę ku nieznanym jeszcze ideom. Tego właśnie życzę omawianej monografii: niechaj będzie mocnym impulsem dla polskiego środowiska rusycystycznego w poznawaniu tajemnic rosyjskiej emigracji. „Jeśli przeżyję [obóz — G.O.] — mówiła Matka Maria do współwięźniarki w Ravensbrück — powrócę”. I, jak proroczo rzekła, tak się stało.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor emeritus,

Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Wydział Administracji, Studium Edukacji Językowej;
b. prof., Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,
Wydział Humanistyczny, Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

Георгий Александрович Малютин
Польский вопрос в русской общественно-политической мысли
в 1830-е – начале 1860-х гг.

Москва — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013, 206 ss.
(nadesłano 01.08.2015, zaakceptowano 08.10.2015)

Monografia Georgija Aleksandrowicza Maliutina poświęcona jest kwestii polskiej w rosyjskiej myśli społeczno-politycznej XIX wieku w okresie między polskimi zrywami powstańczymi lat 1830–1863. Okres ten w historii Rosji kojarzy się przede wszystkim z trzydziestoleciem panowania Mikołaja I (1825–1855) i początkiem panowania jego następcy Aleksandra II (1855–1881). Epoka ta w rozwoju rosyjskiej myśli politycznej związana jest z wykrystalizowaniem się zasadniczych nurtów ideologiczno-politycznych: słowianofilstwa rosyjskiego i okcydentalizmu, które będą w różnych swoich wariantach i koncepcjach wpływać na strukturę świadomości społeczeństwa rosyjskiego w następnych dziesięcioleciach aż do czasów nam współczesnych.

Niewątpliwie jednym z czynników rzutujących na procesy kształtowania się tejże świadomości były zjawiska związane z modernizacją organizmu państwowego imperium rosyjskiego, jego dostosowywaniem do wymogów politycznych i militarnych XIX wieku, aspiracjami jego elit do współdecydowania o kształcie polityki europejskiej i światowej. Zjawisko to związane było również z procesem nacjonalizacji tychże elit imperium, a jemu samemu nadawania oblicza rosyjskiego. Istotną rolę w akceleracji tych zjawisk odegrała tzw. kwestia polska, w daleko idącym uproszczeniu pojmowana jako zespół skomplikowanych, wzajemnie ze sobą powiązanych zagadnień polityki polskiej państwa, postaw i opinii społeczeństwa rosyjskiego wobec tej polityki, jak i jego reakcji na polskie aspiracje niepodległościowe¹.

Zagadnienie „polskiej” polityki rosyjskiej posiada już obszerną literaturę przedmiotu, przede wszystkim na gruncie polskiej historiografii, jak i rosyjskiej oraz europejsko-amerykańskiej. Dla historiografii polskiej stanowi ona ważny aspekt dziejów Polski, podobnie zresztą jak i rosyjskiej. Daje temu wyraz również i autor omawianej monografii, stwierdzając:

„kwestia polska” zostawiła swój ślad w całej historii imperium rosyjskiego w XIX w.: wpływała ona zarówno na zewnętrzną, jak i wewnętrzną politykę państwa. Wielonarodowy charakter imperium rosyjskiego nieuchronnie komplikował funkcjonowanie mechanizmu państwowego, którego jednym z zadań było zabezpieczenie interesów zarówno całego państwa, jak i poszczególnych zasiedlających go narodów, podtrzymując tym samym jedność i stabilność społeczną. W polityce wewnętrznej imperium rosyjskiego „kwestia polska” polegała na procesie integracji ziem byłej Rzeczypospolitej w organizm imperium. W związku z tym „kwestia polska” znajdowała się w centrum zainteresowania rosyjskich publicystów, polityków, historyków XIX w. Analiza ich poglądów na możliwość pokojowego współistnienia narodów w Królestwie

¹ Zob. W. Śliwowska. *Petersburg i społeczeństwo rosyjskie wobec kwestii polskiej w przededniu i w czasie powstania styczniowego*. [W:] *Powstanie styczniowe 1863–1864. Wrzenie. Bój. Europa. Wizje*. Red. S. Kalemka. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990, s. 541.

Polskim, podporządkowanie go państwowej władzy rosyjskiej, analiza sytuacji w guberniach zachodnich, które stanowiły sporne terytorium między Polakami i Rosjanami — wszystko to jest nadzwyczaj ważne².

Nieprzypadkowo przytoczyłem ten dość długi fragment *Wstępu*, aby zwrócić uwagę na sposób pojmowania zagadnienia kwestii polskiej, jak i szerszej relacji polsko-rosyjskich w XIX wieku. Otóż autor postrzega politykę narodową imperium rosyjskiego jako „zabezpieczenie interesów (...) poszczególnych zasiedlających go narodów”! W tej perspektywie nie występuje naród panujący, czytaj ‘rosyjski’, a imperium jawi się jako terytorium zasiedlone przez różne narody, w domyśle: pokojowo współzysujące, i państwo stojące na straży interesów każdego z tych narodów, „podtrzymując (...) jedność i stabilność społeczną”. Ten wyidealizowany obraz imperium rosyjskiego, zgodnie współlistniejących narodów w ramach jednolitej przestrzeni politycznej, ‘zakłócał’ problem Polaków związany z faktem, że nie chcieli się zintegrować w ramach jednolitego organizmu imperium — chcieli zachować własną tożsamość. Mamy tu do czynienia ewidentnie z projekcją daleko odbiegającą od udokumentowanej źródłowo historii państwa rosyjskiego w XIX wieku, jego kształtu ustrojowego oraz realizowanej polityki wewnętrznej i zewnętrznej.

Autor nie rozszyfrowuje pojęcia integracji ziem byłej Rzeczypospolitej w jednolity organizm imperium. Nie podnosi również kosztów biologicznych, społecznych i kulturowych tego procesu, kosztów przecież nie jednej tylko strony, mianowicie tej podlegającej ‘dostosowywaniu’ do wymogów kultury politycznej imperium, ale również i realizatorów polityki. Według szacunków Andrzeja Nowaka liczba bezpośrednio dotkniętych przemocą imperium osób z ziem byłej Rzeczypospolitej w okresie dominacji i panowania rosyjskiego wynosi około jednego miliona. „Chodzi o osoby dotknięte przemocą w procesie politycznej asymilacji przez imperium ziem dawnej Rzeczypospolitej i chodzi o przemoc najprostsza: więzienia, zsyłki, egzekucje, pozbawienie praw, majątków”³.

Jest jeszcze jeden aspekt w historycznym ujęciu kwestii polskiej przez autora monografii, który nie sposób pozostawić bez komentarza. Chodzi mianowicie o sformułowanie „pokojowe współlistnienie narodów w Królestwie Polskim”. Autor pośrednio wskazuje, że w Królestwie mamy do czynienia z wielonarodową społecznością na kształt mini imperium i podporządkowanie go władzy rosyjskiej miało stwarzać warunki pokojowego współzyscia tychże narodów. Oczywiście na obszarze Królestwa zamieszkiwały również społeczności żydowskie, a na jego obrzeżach skupiska ludności białoruskiej, ukraińskiej, niemieckiej. Lecz nie mamy tu do czynienia z odwzorowaniem sytuacji z Cesarstwa Rosyjskiego, jak i trudno wręcz mówić o występowaniu kwestii napięć narodowościowych, chyba że mówimy o rozrastającej się społeczności

² Г.А. Малютин. *Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг.* Москва — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013, s. 4.

³ A. Nowak. *Ofiary imperium — imperium jako ofiara. Przyczynek do interpretacji.* [W:] *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzenia.* Red. A. Nowak. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu, 2010, s. 38–39.

rosyjskiej, panującego elementu biurokracji oraz garnizonów wojskowych, stanowiących gwarancję jej panowania.

Oczywiście autor podejmuje jedynie próbę przedstawienia stosunku do kwestii polskiej przedstawicieli kształtujących się nurtów ideologiczno-politycznych w łonie rosyjskiego społeczeństwa. Przy tym koncentruje się na trzech jego odłamach, a mianowicie: słowianofilstwie rosyjskim, przedstawicielu ideologii oficjalnej ludowości — Michale Pogodinie oraz nurcie okcydentalistycznym, też przecież nie w całym jego ówczesnym spektrum, a głównie związanym z postacią Aleksandra Hercena i osób blisko z nim współpracujących. W tym przeglądzie brakuje przede wszystkim środowiska tzw. „ochraniteli systemu”, czyli Michała Katkowa i jego „Moskowskich Wiedomostii”, brakuje środowiska związanego z „Sowriemiennikiem”, jak i postaci życia publicznego, które trudno zaliczyć do któregoś z wymienionych obozów. Tym samym, nie mamy w prezentowanej monografii pełnego przeglądu stanowisk, poglądów i postaw różnych odłamów myśli społecznej i politycznej.

Pozostaje jeszcze kwestia przyjętych ram chronologicznych. Co do początkowej cezury narracji, to oczywiście nie budzi ona wątpliwości. Wybuch powstania listopadowego, reakcja nań elit politycznych państwa oraz środowisk intelektualnych stanowi wyraźną i niekwestionowaną granicę czasową. Oczywiście i do wybuchu powstania w różnych kręgach społeczeństwa rosyjskiego wyrażane są poglądy na realizowaną wobec Polaków, jak i ziem byłej Rzeczypospolitej, w tym przede wszystkim Królestwa Polskiego w jego kształcie oktrojowanym w 1815 roku, politykę państwa rosyjskiego. Natomiast rok 1830 jest ważny ze względu na zasięg społeczny emocji patriotycznych i politycznego podniesienia fali opinii wobec polskich aspiracji niepodległościowych⁴. Kreuje on zupełnie nową jakość w życiu społecznym Rosjan, jest czynnikiem przyspieszającym proces kształtowania się opinii publicznej⁵. Dyskusyjna jest, moim zdaniem, cezura początku lat sześćdziesiątych, do wybuchu powstania styczniowego. Można odnieść wrażenie, że narastający konflikt polsko-rosyjski, który znalazł ujście w dniach i miesiącach powstania styczniowego, a który w sposób wyraźny stymulował rosyjską opinię publiczną, a zarazem był zwieńczeniem konstrukcji myślowych, postaw i poglądów na kwestię polską, został ‘ucięty’ w pół słowa! Chcąc przedstawić postawę społeczeństwa w dobie powstania styczniowego i po nim, autor byłby zmuszony powtórzyć materiał częściowo zawarty w omawianej monografii. Tak więc ewentualna kontynuacja problematyki wiązać się będzie z powtórzeniem treści niniejszej książki.

⁴ Е.Л. Рудницкая. *Русская мысль после 14 декабря 1825 года*. Москва: Эдиториал УРСС, 1999, s. 125–132; G. Kurpis. *Spółczesność rosyjskie wobec powstania listopadowego*. [W:] *Powstanie listopadowe 1830–1831. Dzieje wewnętrzne. Militaria. Europa wobec powstania*. Red. W. Zajewski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990, s. 525–539; J. Orłowski. *Z dziejów antypolskiej obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1992, s. 88–102.

⁵ Kształtowanie się kategorii pojęciowych: życie społeczne, społeczeństwo, publika etc. — zob.: О.Ю. Малинова. *Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века. Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности*. [W:] *Понятия о России. К исторической семантике имперского периода*. В 2-х томах. Red. А.И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2012, s. 428–463.

Bibliografia opracowań wykorzystanych przez autora monografii jest stosunkowo skromna, szczególnie w odniesieniu do polskiej historiografii. W wykazie literatury znajduje się jedynie praca Henryka Głębockiego poświęcona kwestii polskiej w rosyjskiej myśli politycznej⁶, zresztą bez wyraźniejszego śladu jej wykorzystania w narracji autora monografii. Jest to o tyle zadziwiające, że mamy przecież do czynienia z zagadnieniem wymagającym uwzględnienia historiografii obu stron konfliktu. Tym bardziej, że dokonania w tym względzie polskiej strony są znaczące, zarówno w zakresie poznania nurtów ideologiczno-politycznych w Rosji oraz poglądów poszczególnych twórców tej myśli. Nie ma większego uzasadnienia tworzenie *ad hoc* takiej bibliografii, wystarczyłoby zajrzeć do opublikowanej kilka lat temu bibliografii pt. *Wzajemne uprzedzenia Polaków i Rosjan* pod redakcją Andrzeja de Lazariego⁷, aby bliżej zorientować się w polskim stanie badań.

Odnosi się to w praktyce do większości podnoszonych przez autora zagadnień, natomiast co do zakresu stanu opracowań w kwestii stosunku Aleksandra Hercena do Polski i Polaków, to dysponujemy wręcz sporą biblioteką publikacji wydanych w okresie powojennym, poczynając od solidnej monografii źródłowej Genowefy Kurpis poświęconej jego kontaktom z Wielką Emigracją⁸, znakomitej biografii autorstwa małżeństwa wybitnych uczonych Wiktorii i Rene Śliwowskich⁹, w której zagadnienia polskie uwzględnione zostały bardzo obszernie, oraz publikacji najwybitniejszego polskiego, i nie tylko, znawcy rosyjskiej myśli filozoficznej i społecznej XIX wieku — Andrzeja Walickiego. Jego dokonania w zakresie poznania i przybliżenia rosyjskiej myśli wspomnianego okresu, w szczególności słowianofilstwa¹⁰, twórczości filozoficzno-historiozoficznej Aleksandra Hercena¹¹ czy też odrębnie poświęcone jego stosunkowi do Polski i Polaków¹² należą do kanonu opracowań powyższej problematyki. Wymienione pozycje nie wyczerpują stanu badań, od okresu, kiedy opublikowane zostały wspomniane wyżej pozycje na rynku czytelniczym pojawiły się dziesiątki kolejnych prac. Można powiedzieć, że wyjście Polski poza zadekretowaną polityczno-militarnym układem przyjaźń z wielkim wschodnim sąsiadem zdynamizowało badania stosunków polsko-rosyjskich, aczkolwiek daleko jest jeszcze do uzyskania pełnego obrazu tych relacji. Dostrzegane braki w zakresie wykorzystanych opracowań rosyjskich, tak

⁶ H. Głębocki. *Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*. Kraków: Arcana, 2000.

⁷ Wspomniana Bibliografia stanowi załącznik do publikacji: *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.

⁸ G. Kurpis. *Aleksander Hercen a emigracja polska w latach 1847–1870*. Gdańsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1964.

⁹ W. i R. Śliwowsky. *Aleksander Hercen*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973.

¹⁰ A. Walicki. *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964 [wyd. 2: Warszawa 2002].

¹¹ A. Walicki. *Aleksander Hercen przed rokiem 1850*. [W:] A. Hercen. *Pisma filozoficzne*. T. 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965, s. VIII–XLIII; A. Walicki. *Twórca „rosyjskiego socjalizmu”*. [W:] A. Hercen. *Pisma filozoficzne*. T. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966, s. VII–XLVIII.

¹² A. Walicki. *A. Hercen. Kwestia polska i geneza pewnych stereotypów*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 1991.

starszych, jak i zupełnie współczesnych są równie dotkliwe. W istocie rzeczy trudno doszukiwać się jakiegoś klucza w jej doborze i wykorzystaniu.

Autor skorzystał z zasobów rękopisów zdeponowanych w archiwach i bibliotekach naukowych Moskwy. Wykorzystano przede wszystkim materiały źródłowe związane z głównymi przedstawicielami nurtu słowianofilskiego — Aleksandrem Hercenem — chociaż spuścizna jego jest w znakomitej większości publikowana — oraz Michałem Pogodinem.

Konstrukcja pracy ma charakter problemowy i obejmuje w kolejnych rozdziałach stosunek przedstawicieli słowianofilstwa rosyjskiego do kwestii polskiej — Michała Pogodina — oraz w trzecim okcydentalistów z dominantą Aleksandra Hercena i jego współpracowników (Mikołaj Ogariow i Michał Bakunin) w londyńskim okresie jego aktywności publicznej. Wszystkie te trzy nurty usiłowały pogodzić wypracowywane założenia doktrynalne z rzeczywistością polityczną i w duchu wyznawanych zasad re-interpretować przeszłość historyczną Polski i Rosji.

Niewątpliwie najtrudniej było pogodzić idealizowaną przez słowianofilów i Pogodina rolę Rosji w świecie słowiańskim z udziałem w rozbiorach Rzeczypospolitej. Interpretacja historycznych wydarzeń związanych z procesem likwidacji państwowości Rzeczypospolitej Obojga Narodów szła w kierunku zrzucania odpowiedzialności za ten fakt na pozostałe kraje zaborcze oraz podkreślania słabości państwowości polskiej, jako konsekwencji odejścia od zasad słowiańskich. Wydaje się, że pomimo podkreślania przez autora monografii faktu, że przedstawiciele rosyjskiej myśli politycznej stali na gruncie uznawania narodu polskiego, jako składowej Słowiańszczyzny, to z drugiej strony w wykładni słowianofilsko-panslawistycznej eksponowanie negatywnego wpływu katolicyzmu, jezuitów oraz kultury zachodniej, spowodowało wyłamanie się jej z rodziny plemion słowiańskich. Autor zdaje się nie łączyć tych dwóch aspektów, słabości lub zaniku pierwiastka słowiańskiego w narodzie polskim oraz polskiej polityki Rosji.

Już w latach czterdziestych — a zatem na długo przed pełną krystalizacją koncepcji panslawistycznych — u Aleksego Chomiakowa jest próba pogodzenia idei wiodącej roli Rosji w Słowiańszczyźnie z osłabieniem negatywnych konotacji związanych z jej udziałem w rozbiorach oraz krwawym tłumieniem polskich dążeń niepodległościowych. Wyjściem z tej trudnej ideologicznie i politycznie sytuacji było wyłączenie Polski z rodziny narodów słowiańskich poprzez akcentowanie wpływów zachodnich na jej proces dziejowy¹³. Mamy tu zresztą do czynienia z podobnym zabiegiem politycznym, jaki przeprowadził polski publicysta historyczny Franciszek Duchiniński. W swoich pseudonaukowych wywodach wykazywał jedność Rosjan z plemionami turańskimi, wyłączając ich z rodziny narodów słowiańskich. Konstatacje polityczne, do jakich dochodził, jednoznacznie wykluczały możliwość porozumienia między narodem polskim i rosyjskim, a zarazem wzmacniały przekonanie o polskości ziem litewsko-ruskich i jednoplemiennym charakterze narodu polskiego¹⁴. Czy obaj ideolodzy znali

¹³ Zob. trafne konstatacje G. Kurpisowej. A. Walicki. *Słowianofile rosyjscy wobec kwestii polskiej*. [W:] *Słowiańszczyzna i dzieje powszechne*. Red. L. Jaśkiewicz et al. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe, 1985, s. 238.

¹⁴ Z. Opacki. *Turańsko-azjatyckość Rosji w polskiej i rosyjskiej myśli społeczno-politycznej XIX–XX*

lustrzane odbicia swoich poglądów? Trudno stwierdzić bez dodatkowych badań w tym zakresie, tym niemniej istota treści poglądów Duchinińskiego została przedstawiona na łamach majowego numeru gazety *Dzień* w 1862 roku¹⁵. Autor rozprawy nie analizuje jednakże wymowy politycznej poglądów Duchinińskiego, zwracając jedynie uwagę na oburzenie Iwana Aksakowa, który zresztą za lat kilka w podobnym duchu będzie się wypowiadał na temat narodu polskiego¹⁶.

Najwyraźniej określał idee panslawistyczne Michał Pogodin, który przyszłość Polski postrzegał w ramach państwa słowiańskiego pod panowaniem Romanowych. Pomimo świadomości braku akceptacji tej idei ze strony polskich środowisk intelektualnych Pogodin był przekonany, że projektowany przez niego model porządku politycznego dla narodów słowiańskich jest również korzystny dla Polaków.

Na początku lat sześćdziesiątych — w związku z dostrzegalnym wzrostem przejawów nastrojów patriotycznych w społeczeństwie Królestwa Polskiego — w publicystyce rosyjskiej dostrzegalna jest również większa koncentracja na problematyce polskiej. W środowiskach słowianofilskich rozpatrywane są różne projekty rozwiązania narzmiwiającej kwestii polskiej. Rozważano w wypowiedziach Iwana Aksakowa możliwość nadania Królestwu autonomii językowo-administracyjnej. Stanowisko to było pochodną przekonania, że narodu polskiego nie uda się zrusyfikować, tym samym dawał wyraz stanowisku, że depolonizacja rdzennie polskich terytoriów nie była brana pod uwagę. Z drugiej strony, wszystkie rozważane projekty — z wyjątkiem stanowiska ośrodka londyńskiego skupionego wokół Aleksandra Hercena — nie dopuszczały myśli rezygnacji z funkcjonowania Królestwa w ramach imperium rosyjskiego.

Stanowisko Hercena było całkowicie odrębne i zarazem odosobnione. Uważał on bowiem, że Polska ma prawo do bezwarunkowej niezawisłości, a rosyjskie panowanie w Królestwie jest wbrew ekonomicznym i politycznym interesom Rosji. Przy tym wyrażał przekonanie, że po uzyskaniu niepodległości Polska będzie skłonna wejść w rodzaj związku federacyjnego z odnowioną Rosją. Tak więc i on z trudem wyobrażał sobie pełne i ostateczne oderwanie się Polski od Rosji.

Jedna kwestia w poglądach wszystkich w zasadzie przedstawicieli rosyjskich orientacji politycznych była jednoznacznie ujmowana, a mianowicie: status ziem byłej Rzeczypospolitej włączonych do Rosji na mocy traktatów rozbiorowych. Na gruncie prawno-politycznym ziemie te były traktowane jako przynależne do państwa rosyj-

---

wieku. [W:] *Zagadnienie rosyjskie. Myślenie o Rosji. Oglądy i obrazy spraw rosyjskich*. Red. M. Bohun, J. Goćkowski. Kraków: Secesja, 2000, s. 249. Szerzej na temat poglądów historyczno-historiozoficznych F. Duchinińskiego zob.: A.F. Grabski. *Perspektywy przeszłości. Studia i szkice historiograficzne*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1983, s. 222–278; A.F. Grabski. *U początków euroazjatyckiej koncepcji dziejów Rosji. Franciszek H. Duchiniński*. [W:] *Centrum i regiony narodowościowe w Europie od XVIII do XX wieku*. Red. E. Wiśniewski. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1998, s. 43–58.

¹⁵ Г.Ф. Малютин. *Польский вопрос...*, s. 71.

¹⁶ G. Kurpisowa. *Poglądy Iwana Aksakowa na kwestię polską*. „Zeszyty naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Historia” 1977, 6, s. 34–35. Na temat bardziej radykalnej oceny stanowiska I. Aksakowa zob. A. Walicki. „Polska jako przedmurze” z perspektywy myślicieli rosyjskich dziewiętnastego wieku. [W:] *Kultura staropolska — kultura europejska. Prace ofiarowane Januszowi Tazbirowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Red. S. Bylina et al. Warszawa: Semper, 1997, s. 76–78.

skiego i w zasadzie — znowu poza ośrodkiem londyńskim Aleksandra Hercena — nie dopuszczano myśli, aby ewentualne polskie roszczenia mogły obejmować te tereny. Dla społeczeństwa rosyjskiego poza nielicznymi wyjątkami były to ziemie od wieków rosyjskie. Odwoływano się przy tym również do teorii trójjedynego narodu rosyjskiego składającego się z Wielkorusów, Małorusinów (Ukraińców) i Białorusinów. Oczywiście ludność wiejska Guberni Zachodnich (Kraju Zachodniego) w całości w ich ujęciu była wyznania prawosławnego. Nie uwzględniano takich drobiazgów, jak katolickie wyznanie Litwinów czy części Białorusinów. Pogląd ten mógł być traktowany jako oczywistość po likwidacji Kościoła unickiego na Białorusi w 1839 roku.

W przypadku Aleksandra Hercena to uważał on, że teren ten winien być niezależny zarówno od Polski, jak i od Rosji. Uwzględniał on fakt odrębności narodowej mieszkańców tych ziem i wypowiadał się za ich niezależnością. Nie wykluczał przy tym, podobnie jak w wypadku Królestwa Polskiego, że mieszkańcy suwerennie zdecydują się połączyć z wolną demokratyczną Polską lub odnowioną demokratyczną Rosją. Ale byłby to ich suwerenny wybór.

Po zaostrzającej się sytuacji politycznej w Królestwie Polskim i Kraju Zachodnim w przededniu wybuchu powstania, większość myślicieli miała nadzieję, że uda się ten konflikt rozwiązać drogą pokojową, bez rozlewu krwi. Podobnie Hercen, będąc w ścisłych relacjach z polską emigracją, a zarazem świadom słabego przygotowania rosyjskich środowisk rewolucyjnych oraz ogromnej dysproporcji sił państwa rosyjskiego i polskiego ruchu narodowego, nastawał, aby opóźnić wybuch powstania. Jednakże z chwilą jego wybuchu jednoznacznie opowiedział się za nim i wystąpił przeciwko poczynaniom władz i armii rosyjskiej w Królestwie Polskim.

Prezentowana praca ukazuje wielość wariantów spojrzenia i rozbieżności opinii rosyjskiego społeczeństwa na kwestię polską. Natomiast, czego autor już nie podjął — z racji przyjętej cezury do 1863 roku — po wybuchu powstania nastąpiła pełna konsolidacja społeczeństwa i poparcie udzielone władzom w dziele pacyfikacji polskiego ruchu narodowego. I znowu z wyjątkiem Aleksandra Hercena i jego najbliższych współpracowników. Za swoją postawę zapłacił deprecjacją w społeczeństwie rosyjskim, naraził się na alienację i ostatecznie upadek całego ośrodka.

ZBIGNIEW OPAKCI

Uniwersytet Gdański

Wydział Historyczny

Instytut Historii, Zakład Historii Myśli i Kultury Politycznej

ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska

e-mail: zbigniew.opacki@gmail.com

KRYTYKA FILMOWA

КИНОКРИТИКА

FILM CRITICISM

TEST NA CZŁOWIECZEŃSTWO. DUREŃ JURIIA BYKOWA

(nadesłano 31.07.2015; zaakceptowano 5.08.2015)

Jurij Bykow obecny jest na filmowej scenie rosyjskiej zaledwie od kilku lat i jak na razie ma na swoim koncie tylko trzy pełnometrażowe obrazy, ale już uznawany jest za jednego z wiodących współczesnych reżyserów, mówi się o nim też jako o nadziei kinematografii, prorokuje w niedalekiej przyszłości pierwsze miejsce na reżyserskim podium. Bykow zadebiutował w 2010 roku filmem *Życ* (*Жизнь*) i od razu został nagrodzony w kategorii „Debiut” na festiwalu „Złoty Feniks” w Smoleńsku. Kolejna produkcja pt. *Major* (*Майор*) z 2013 roku przyniosła reżyserowi nagrodę za najlepszy film na XVI Międzynarodowym Festiwalu Filmowym w Szanghaju i swoim sloganem reklamowym („Major — po prostu człowiek”) wyznaczyła już krąg problemowy, bliski autorowi. Dla wielbicieli talentu Bykova nie była zatem zaskoczeniem tematyka trzeciego w kolejności filmu, zatytułowanego *Dureń* (*Дурень*), który pojawił się na ekranach pod koniec 2014 roku i niemal natychmiast został zaliczony do dziesięciu filmów roku wartych uwagi. Bykow każdym następnym filmem konsekwentnie potwierdza, iż we współczesnej kinematografii nie jest człowiekiem przypadkowym i ma widzowi do zaproponowania historię wartą tego by się nad nią zadumać.

W filmie *Dureń* reżyser bardzo poważnie potraktował wskazanie Alfreda Hitchcocka, iż film powinien zaczynać się od trzęsienia ziemi, potem zaś napięcie ma nieprzerwanie rosnać. Tak też jest od pierwszej do ostatniej sceny obrazu Bykova, choć główny wątek fabularny wydaje się być dobrze znany z filmów katastroficznych.

W prowincjonalnym rosyjskim miasteczku mieszka z rodzicami, żoną i synkiem Dima Nikitin, na co dzień hydraulik, jednocześnie student Instytutu Budownictwa, w wolnych chwilach analizujący na komputerze stan miejskich budynków. Wezwany pewnego wieczoru do awarii prawie czterdziestoletniego hotelu robotniczego, w którym mieszka 820 osób, zauważa szczeliny w murze na całej długości budynku. Dima podejrzewa naruszenie fundamentu, które grozi zawaleniem się ośmiopiętrowego budynku w ciągu najbliższej doby, pewność co do nadciągającej katastrofy uzyskuje analizując komputerowo plany obiektu. Dima próbuje zapobiec tragedii i o wszystkim zawiadamia władze miasta. Zwołany zostaje sztab kryzysowy, a sposób reakcji zebranych na wiadomość o zagrożeniu to prawdziwy test na człowieczeństwo. Padają wzajemne oskarżenia, pretensje i wymówki. Ktoś brał regularnie pieniądze z kasy miasta na remont budynku, ale go nie robił, ktoś inny potwierdzał wykonanie remontu, jeszcze inna osoba przy kolejnych kontrolach stanu technicznego bez oporów podpisywała raport, iż wszystko jest w porządku. Wszechobecna korupcja, nadużywanie stanowisk, przy jednoczesnym ignorowaniu obowiązków służbowych to jednak nie tylko problem lokalny — przyznawanymi środkami trzeba dzielić się z władzą rejonu, inaczej nie ma szans na kolejne dotacje, a więc i funkcjonowanie miasta. Niepisane

prawa i zasady sprawowania władzy, a jednocześnie mentalność wielu współczesnych Rosjan, świetnie podsumowują wypowiedzi współpracowników burmistrz Niny Gałaganowej (w tej roli świetna Natalia Surkowa) — komendanta milicji Sajapina (Maksim Pinski) oraz Bogaczowa, jednego z miejskich urzędników wysokiego szczebla (Jurij Curiło). Pierwszy z nich próbę wy tłumaczenia ginących z miejskiej kasy pieniędzy skwituje słowami: „Jestem Rosjaninem i nie mogę nie wziąć”, drugi zaś powie, że sprawiedliwe dzielenie środków nie zapewni godnego życia wszystkim, defraudacja społecznych pieniędzy jest zatem szansą na zapewnienie „normalnej” egzystencji przynajmniej wybranym. Jeszcze ktoś inny jako motywację unikania odpowiedzialności za życie ośmiuset osób poda, iż w większości są to ludzie z wyrokami: „hołota”, „odpady”. Wszystko zaś zmierza do decyzji, by pozostawić dom swojemu losowi, ewentualnie wezwać komisję budowlaną z zewnątrz, która przyjrzy się sytuacji.

Uwikłani są wszyscy i wszyscy znają swoje wzajemne grzechy, co więcej — publicznie je wyznają, co mogłoby stać się szansą na oczyszczenie i choć raz podjęcie decyzji, która wyrażałaby troskę o innych, o zwykłych mieszkańców, szansą na ujawnienie cząstki tkwiącego w nich człowieczeństwa. Bliska temu jest burmistrz Nina, nazywana w mieście Mamą, jednak i w niej instynkt opiekuńczy oraz współczucie ustępują wobec perspektywy utraty pozycji, przywilejów, a także realnej groźby stania się kozłem ofiarnym odpowiedzialnym za katastrofę. Z osób sprawujących w mieście władzę próbę tę pomyślnie przechodzi tylko dwóch bohaterów — Fiedotow (Borys Niewzorow) i Tulski (Siergiej Arcybaszew), płacą za to najwyższą cenę.

Dureń to film o pokonywaniu własnego strachu, na co gotowi są nieliczni — w tym wypadku jedynie główny bohater. Konsekwentnie, nie ulegając naciskom otoczenia, nie bacząc na korzyści i cenę, jaką przyjdzie mu za to zapłacić, robi wszystko, by uratować mieszkańców hotelu robotniczego. To postać wyjęta z romantycznych poematów, Prometeusz XXI wieku — człowiek wrażliwy na innych, niezważający na szufladkowanie ludzi według stanu posiadania czy przydatności społecznej, niemogący pozostać obojętnym wobec zbliżającej się tragedii, bo tak został wychowany, bo takie ideały wpojono mu w rodzinnym domu (bardzo ciekawy wątek relacji ojca i syna).

Artiom Bystrow doskonale wcielił się w postać głównego bohatera. Oszczędnie, przy użyciu minimalnych gestów, zdziwionego spojrzenia czy zmarszczenia czoła, a jednocześnie przekonywująco buduje rolę mężczyzny wiernego dokonywanym przez siebie wyborom. Wyborom, których skutkiem jest rozpad najbliższej rodziny, niezrozumienie, groźba śmierci i ostatecznie agresja ze strony tych, dla dobra których się poświęcał. Bowiem w świecie, w którym — jak powie Dima — „żyjemy jak świnie i zdychamy jak świnie tylko dlatego, że jesteśmy dla siebie nikim”, autorytetem staje się drobny pijaczyna znęcający się nad rodziną, zaś dla bohaterów, próbujących zmienić rzeczywistość, wyjść poza wyznaczoną przez innych rolę społeczną, miejsca nie ma.

Doskonale pokazuje to Bykow filmowymi środkami wyrazu, które przejmująco oddziałują na widza. Jest to na tyle sugestywne i niewymagające dodatkowych środków perswazji, że zbędne wydaje się potwierdzanie gorzkich diagnoz słownymi deklaracjami. Niestety, reżyser w niektórych dialogach nie ustrzegł się patosu i nieco natrętnego moralizatorstwa. Przestrzeń ograniczona do perspektywy obskurnego, zaludnionego domu czy kiczowatej restauracji, w której odbywa się jubileusz pani burmistrz, doskonale oddaje mentalność lokalnej zbiorowości, niezainteresowanej niczym więcej

niż wypicie kolejnego kieliszka wódki czy utrzymanie iluzji panującej nad wszystkim idealnej władzy.

Motyw dom na skraju katastrofy można odbierać jako metaforę współczesnej Rosji i stanu świadomości jej mieszkańców, niezainteresowanych jakimikolwiek zmianami, jednak byłoby to zbyt dużym uproszczeniem. Fabuła *Durnia* jest lustrem, jakie stawia przed nami reżyser sugerując nam prywatne zmierzenie się z prezentowanymi postawami. Kto jest nam bliższy? Burmistrz Nina, cofająca się przed szansą uratowania ludzi, Bogaczow, który ma za nic życie ludzkie, Fiedotow, potrafiący w dramatycznym momencie wykrzesać z siebie iskrę człowieczeństwa, czy może Dima Nikitin — „po prostu człowiek”.

Film dedykowany jest zmarłemu w 2013 roku Aleksandrowi Bałabanowi, swoją problematyką i poetyką wyraźnie nawiązuje do twórczości autora *Ja też chcę* (*Я тоже хочу*). Podobnie jak u Bałabanowa w *Bracie* czy *Palaczu* (*Брат, Кочегар*) obecny jest tu wątek samotnego bojownika „za słuszną sprawę”. Sposób pokazania prowincjonalnej przestrzeni, z jej brudem, aktami wandalizmu, sięganiem po używki, gdy brak jakiegokolwiek alternatywy na spędzenie wolnego czasu, postindustrialną bylejakością i wszechobecnym poczuciem beznadziei przypomina obrazy *Ładunek 200* (*Груз 200*), *Morfinę* (*Морфин*) czy wspomnianego już *Palacza*.

Dureń zdobył II miejsce i Nagrodę Publiczności na festiwalu „Sputnik” w 2014 roku, a także cztery nagrody na festiwalu w Locarno, prezentowany był również polskiej publiczności podczas festiwalu *Ińskie Lato Filmowe* w sierpniu 2015 roku.

LILIANA KALITA

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: szedewr@wp.pl

KRONIKA

ХРОНИКА

CHRONICLE

Redakcja / Редакция / Edited by
Katarzyna Wojan & Grzegorz Ojcewicz

JUBILEUSZ DOKTORA
STANISŁAWA ULASZKA

ЮБИЛЕЙ КАНДИДАТА НАУК
СТАНИСЛАВА УЛЯШЕКА

ANNIVERSARY CELEBRATION FOR
DR. STANISŁAW ULASZEK

Alto 2005

DOKTOR STANISŁAW ULASZEK ARTYSTA – NAUCZYCIEL – TŁUMACZ

LAUDACJA Z OKAZJI JUBILEUSZU 45-LECIA PRACY AKADEMICKIEJ

Doktor Stanisław Ulaszek, nauczyciel akademicki Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego, mistrz dydaktyki i charyzmatyczny translator, obchodzi w 2015 roku dostojny jubileusz 45-lecia pracy zawodowej. Czcigodny Jubilat jest jednym z pierwszych absolwentów¹ filologii rosyjskiej, którzy otrzymali pracę w gdańskiej *Alma Mater*, i wiernie jej służył przez długi czas. W ubiegłym roku Doktor Stanisław Ulaszek miał siedemdziesiąte urodziny. Mamy zatem dzisiaj dwie, następujące po sobie, piękne, ważne daty i rocznice. Jubileusze akademickie nie są na szczęście wydarzeniami czysto prywatnymi, gdyż stanowią święto całego gdańskiego środowiska humanistycznego, a zacny Jubilat jest od wielu dziesięcioleci jego nieodłączną wartościową częścią.

Stanisław Ulaszek, zodiakalny Rak, przyszedł na świat w samym środku tygodnia, tj. w środę, 5 lipca 1944 roku, zapowiadając — być może w ten sposób — przyszłą skłonność do równowagi we wszystkich swoich życiowych poczynaniach. Jest numeryczną Trójką. Jakie są tego konsekwencje — o tym później. Nasz Jubilat urodził się w Jaśle na ziemi podkarpackiej. Dziecięce i młodzieńcze lata spędził na Pomorzu Zachodnim; tu otrzymał staranne wykształcenie. Do szkoły podstawowej uczęszczał w Czaplunku, a w Szczecinku ukończył renomowane Liceum Pedagogiczne (1963). Po maturze rozpoczął naukę w Studium Nauczycielskim w Słupsku (1963) na kierunku „śpiew i muzyka”. Studia magisterskie odbył w Wyższej Szkole Pedagogicznej w Gdańsku na nowo powstałym na Wydziale Humanistycznym kierunku „filologia rosyjska”. Edukacja na poziomie wyższym nie należała zapewne do najłatwiejszych z uwagi na wysoką poprzeczkę, jaką stawiali ówcześni studenci rusycystyki, w większości wywodzący się z rodzin repatrianckich z ZSRR, życiowo już doświadczeni i władający językiem rosyjskim jako natywnym. To jednak nie deprymowało zbyt młodego studenta, który w regulaminowym terminie studiów ukończył studia rusycystyczne, przedstawiając pracę dyplomową *Analiza treści ideowych wartości artystycznych i hi-*

---

¹ Razem z mgr Stanisławem Ulaszkciem pracę w Instytucie otrzymali także inni absolwenci kierunku: Mirosława Pietkiewicz i Jerzy Gurbisz.

storii scenicznej „Tragedii optymistycznej” W. Wiszniewskiego (1969). Prace tę napisał pod kierunkiem prof. Borysa Bugrowa, znanego moskiewskiego specjalisty w zakresie dramaturgii radzieckiej i rosyjskiej oraz znawcy rosyjskiego symbolizmu. Z nim też w nieodległej przyszłości magister Stanisław Ulaszek bliżej zwiąże swoją karierę naukową.

W 1970 roku, po odbyciu stażu nauczycielskiego w słynnym Conradinum — Technikum Budowy Okrętów w Gdańsku, Czcigodny Jubilat został asystentem Instytutu Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Instytut ten miał wówczas swoją siedzibę w zabytkowym budynku przy ulicy Jana III Sobieskiego we Wrzeszczu. Stanisława Ulaszka zatrudniła wtedy docent Gabriela Porębina, organizatorka życia naukowego gdańskiej rusycystyki. Tutaj pracował do końca stycznia 2015 roku jako starszy wykładowca. Został zatrudniony w Zakładzie Metodyki Nauczania Języka Rosyjskiego, utworzonym i kierowanym przez długi czas przez prof. Ludwika Grochowskiego. Zakład ten przekształcono w pewnym momencie organizacyjnym w Zakład/Katedrę Pragmatyki i Akwizycji Języków. Pieczę nad tą jednostką sprawowała przez dwadzieścia lat prof. Marcelina Grabska.

Dalsza droga naukowa magistranta wiodła za granicę i wiązała się ze zdobywaniem stopnia naukowego doktora. Czcigodny Jubilat doktoryzował się w prestiżowym Państwowym Uniwersytecie Moskiewskim im. M.W. Łomonosowa na podstawie rozprawy *Русская советская драматургия периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)*, przygotowanej pod kierunkiem prof. Borysa Bugrowa (1983). Moskwa stała się bardzo bliska sercu Jubilata. Regularnie się tam dokształcał przez uczestniczenie w zajęciach organizowanych przez dwa znakomite ośrodki akademickie: Uniwersytet im. Łomonosowa (1972, 1976, 1986) oraz Państwowy Instytut Języka Rosyjskiego im. A.S. Puszkina (1990). Odbywał tam staże, brał udział w seminariach i kursach podnoszenia kwalifikacji językowo-metodycznych nauczycieli języka rosyjskiego jako obcego. Tu też zawiązał przyjaźnie ze znanymi osobistościami ze świata nauki i kultury, które pielęgnuje do dziś i o których z rozrzewnieniem opowiada. Ma w swojej biografii naukowej referaty i komunikaty naukowe; podczas III Międzynarodowego Kongresu MAPRJAŁ (Warszawa 1975) referował zagadnienia akcentuacji rosyjskiej. Wielokrotnie występował także na konferencjach metodycznych dla nauczycieli języka rosyjskiego, organizowanych na terenie województwa gdańskiego przez Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli.

Jubilat sam o sobie mówi, że jest „po pierwsze — artystą, po drugie — nauczycielem, po trzecie — tłumaczem”². Już ta gradacja humanistycznych dziedzin i „rzemiosł” świadczy o intrygującej, ciekawej, a zarazem niezwyklej osobowości człowieka, mogącego się pochwalić wieloma pasjami i ważkimi osiągnięciami. Sylwetkę Mistrza — tak bowiem określają Jubilata jego uczniowie, wśród których jest niemało znanych profesorów rozsianych po Polsce — niełatwo przybliżyć głównie z uwagi na jej renesansowy charakter, wyrażający się między innymi wielością nietradycyjnych zainteresowań, miłością do poznawania człowieka i rozumienia jego tajemnic. Czcigodny Jubilat za służenie cieszy się wielką estymą w każdej ze swych osobowościowych odsłon jako: Wykładowca, Twórca, Tłumacz i Artysta.

² Z wywiadu udzielonego autorce przez Jubilata w Gdańsku w dniu 30 lipca 2015 roku.

W kręgu dydaktyki i nauki

Pracując w Instytucie Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu Gdańskiego, przemianowanym w pewnym momencie historycznym na Instytut Filologii Słowiańskiej, który ostatecznie przyjął miano Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej, Szanowny Jubilat prowadził kilka przedmiotów na kierunku „filologia rosyjska” na studiach jednolitych magisterskich, a następnie I i II stopnia (tryb stacjonarny i niestacjonarny, specjalizacja translatoryczna, specjalność „język biznesu”), a także na (makro)kierunku „rosjoznawstwo”. Były to m.in. zajęcia z praktycznej nauki języka rosyjskiego (poziomy średnio zaawansowany i wysoko zaawansowany), ćwiczenia z historii literatury rosyjskiej i radzieckiej, ćwiczenia z przekładu tekstów ustnych, ćwiczenia/konwersatoria z przekładu tekstów pisanych, ćwiczenia/konwersatoria z rosyjskiego języka biznesu. Dzięki tej przedmiotowej różnorodności Dostojny Jubilat miał okazję — z jakiej w pełni skorzystał! — wyspecjalizowania się w wielu obszarach wiedzy i glottodydaktyki, stając się cenionym znawcą, który wykształcił wiele pokoleń filologów i odniósł niejednen sukces dydaktyczny. Dla swoich uczniów stał się autorytetem.

Pan Doktor Stanisław Ulaszek zasłynął jako utalentowany i szanowany nauczyciel akademicki, rzadkiej próby znawca języka rosyjskiego w kilku jego współczesnych odmianach, głównie — literackiej i mówionej³. Był i pozostaje znakomitym metodykiem oraz świetnym dydaktykiem przekładu w obydwu kierunkach — z polskiego na rosyjski i odwrotnie. Jako czynny tłumacz — symultaniczny, konsekwentny i tekstów pisanych — przez kilka dekad profesjonalnie i z ogromnym zaangażowaniem przekazywał swoją wiedzę studentom, a nauczając dbał o kulturę relacji międzyludzkich i kulturę słowa, zwracając szczególną uwagę na zachowanie przez adeptów rusycystyki czystości dwóch języków: ojczystego i rosyjskiego jako obcego. Do zajęć dydaktycznych Pan Doktor Stanisław Ulaszek był zawsze skrupulatnie przygotowany. Harmonijnie współpracował ze studentami. Jako neofilolog posługuje się piękną polszczyzną oraz nieskażoną interferencją bogatą ruszczyzną. Nasz Jubilat to erudyta. Ma ogromną wiedzę na temat kultur obydwu krajów, w jakich osadzony jest przekład. Wśród wielu obowiązków podjął się także funkcji konsultanta językowego, by wspomagać Studenckie Koło Naukowe Rusycystów Translatoryków i Leksykografów „Translationis”, które działało przy macierzystym Instytucie.

Można z pełnym przekonaniem twierdzić, że to Dostojny Jubilat miał ogromny udział w stworzeniu praktycznej rusycystycznej szkoły translatorycznej. To On dbał o jej kierunek rozwoju, dokładał wielkich starań jako dydaktyk, aby osiągnąć optymalne cele nauczania. Jego sukcesy w tym obszarze wynikają na pewno z osobowości, z tego, że jest pasjonatem sztuki tłumaczenia. Właśnie SZTUKI, a SZTUKA do czegoś zobowiązuje. Do zawodu tłumacza przysposabiał studentów w dość skromnych, jak na przełom wieków, warunkach: bez możliwości ćwiczenia w profesjonalnym laboratorium językowym i bogatego zaplecza audiowizualnego. Pomimo niesprzyjających

³ Profesor Marcelina Grabska, będąca przez wiele lat dyrektorem Instytutu, pisze w swej historiografii: „dr Stanisław Ulaszek, wybitny dydaktyk (jego zajęcia z przekładu pisanego i mówionego cieszą się niebywałą popularnością i uznaniem wśród studentów)”. Cyt. z: M. Grabska. *Gdańska rusycystyka — rozwój i kierunki badań*. [W:] *Tradycje gdańskiej humanistyki*. Red. J. Borzyszkowski, C. Olbracht-Prondzyński. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 2008, s. 186.

warunków technicznych i lokalowych nauczał najlepiej, jak potrafił, z zapalem, posługując się wielce wysłużonym magnetofonem szpulowym, który zastąpił następnie magnetofonem kasetowym. Na tym prostym sprzęcie odtwarzał z trudem gromadzone przez lata, starannie wyselekcjonowane i wystudiowane treściowo nagrania, jak na przykład wywiady, przemówienia, wykłady, homilie, ścieżki dźwiękowe filmów zarówno polskich, jak i rosyjskich, które potem dawał studentom do tłumaczenia ustnego. Zawsze dbał, by autorzy prezentowanych tekstów albo uczestnicy danego materiału zdołali zaintrygować studentów, by dostarczali inspiracji do pracy tłumaczeniowej, a przy okazji — by pobudzali do głębszej refleksji. Szanowny Jubilat wychodził bowiem niezmiennie z założenia, że student musi umieć poradzić sobie w każdej sytuacji językowej, a to jest możliwe dzięki nabyciu umiejętności płynnego posługiwania się różnorodnymi subkodami języka i zdolności komunikacyjnego odnalezienia się w gąszczu sensów oraz subtelnosci języka obcego. Zachęcał — i słusznie — do poznawania i korzystania na co dzień — wszędzie tam, gdzie jest to pożądane i możliwe — z zasobów frazeologicznych języka rosyjskiego, skrywających potencjał kulturowy Rosjan.

Drugą charakterystyczną specjalnością dydaktyczną Czcigodnego Jubilata jest rosyjski język biznesu. Od 1996 roku, przez szesnaście lat, prowadził On w ramach Fundacji Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego przy współpracy z Państwowym Instytutem Języka Rosyjskiego im. A.S. Puszkina w Moskwie i Izbą Handlowo-Przemysłową Federacji Rosyjskiej zajęcia na kursach „Rosyjski język biznesu i komercji”, które kończyły się uzyskaniem międzynarodowego certyfikatu znajomości języka rosyjskiego (poziom średnio zaawansowany i wysoko zaawansowany). Zajęcia te cieszyły się ogromną popularnością. Na potrzeby kursu Pan Doktor opracował przebogaty materiał dydaktyczny, na który złożyły się m.in. korpusy leksykalne, zestawy ćwiczeń, teksty specjalistyczne, testy, zbiory materiałów oryginalnych. Wszyscy uczestnicy wspomnianych kursów nie tylko otrzymali certyfikaty, lecz uzyskali na egzaminach końcowych najwyższe oceny w całej Europie. Zrozumiałe, że Szanowny Jubilat jest wysoko ceniony nie tylko przez swoich studentów i słuchaczy kursów, ale także przez rosyjskich partnerów⁴.

Trzeba przy tej okazji wspomnieć również o bezinteresownej pomocy, jaką Jubilat służył wielu młodym kolegom, którzy dopiero rozpoczynali karierę naukowo-dydaktyczną w macierzystym Instytucie. Chętnie się dzielił licznymi niepublikowanymi wciąż materiałami dydaktycznymi, ogromnym księgozbiorem i fonoteką. Bez narzekania taszczył niejednokrotnie na Uczelnię grube tomy prywatnych słowników, encyklopedii, książek, aby mogli z nich korzystać także inni.

Misję nauczyciela akademickiego Dostojny Jubilat wypełniał również przez pisanie recenzji prac dyplomowych z zakresu literaturoznawstwa rosyjskiego i translatoryki, a w ramach funkcji dydaktyczno-administracyjnych był m.in. opiekunem poszczególnych lat grup studenckich, także w trakcie ich pobytów zagranicznych (m.in. w Kubańskim Uniwersytecie Państwowym w Krasnodarze). Zapisał się w historii Instytutu

---

⁴ *Kursy i egzaminy certyfikacyjne z języka rosyjskiego na Uniwersytecie Gdańskim*. [W:] Portal „Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego”, cop. FRUG 2010. [Online] <<http://www.frug.ug.edu.pl/?kursy,30>> (6.08.2015).

jako członek Rady Instytutu Filologii Rosyjskiej/Słowiańskiej, wielokrotny członek Komisji Rekrutacyjnej na studia na kierunku „filologia rosyjska”, członek Komisji Konkursowej ds. Zatrudnienia Pracowników w naszej Jednostce, członek pierwszej rady programowej zajmującej się tworzeniem podstaw specjalizacji translatorycznej, członek wielu uczelnianych komisji egzaminacyjnych. Przez siedem lat Doktor Stanisław Ulaszek przewodniczył pracom jury w ramach Komitetu Okręgowego Olimpiady Języka Rosyjskiego. Parokrotnie został powołany przez Sąd Rejonowy dla m. st. Warszawy do udziału w ocenie prac egzaminacyjnych kandydatów na tłumacza przysięgłego języka rosyjskiego.

Czcigodny Jubilat został odznaczony w 1990 roku przez Prezydenta RP Złotym Krzyżem Zasługi, a za szczególne zasługi dla oświaty i wychowania otrzymał w 2003 roku Medal Komisji Edukacji Narodowej. Wielokrotnie był wyróżniany nagrodami⁵ JM Rektora Uniwersytetu Gdańskiego. Lecz ponad te odznaczenia państwowe Czcigodny Jubilat stawia powszechną admirację młodzieży akademickiej, która podczas akredytacji kierunku „filologia rosyjska” w macierzystym Instytucie oceniła Pana Doktora Stanisława Ulaszka jako najlepszego wykładowcę⁶. Ta satysfakcja wciąż daje więcej niż symboliczne dyplomy czy statuetki wręczane przy różnych świątecznych okazjach.

W świecie tłumaczeń i twórczości własnej

Przekład stanowi drugą wielką pasję Czcigodnego Jubilata. Na Jego działalność translatorską składają się tłumaczenia dotyczące muzealnictwa, literackie, poetyckie, teatralne, naukowe, publicystyczne, techniczne, specjalistyczne (obejmujące m.in. budowę statków i rybołówstwo), z zakresu polityki i prawa międzynarodowego. Jest on doświadczonym tłumaczem konsekwentnym i symultanicznym. Wykonywał tłumaczenia tekstów technicznych oraz specjalistycznych na rzecz Naczelnej Organizacji Technicznej (NOT) w Gdańsku. Jako tłumacz obsługiwał międzynarodowe konferencje ichtiologiczne organizowane przez Morski Instytut Rybacki w Gdyni. Był konsultantem językowym organów sądowych.

Pan Doktor może się poszczycić licznymi nietuzinkowymi publikacjami. Pierwsze Jego wydane tłumaczenia dotyczą muzealiów — oręża rosyjskiego i europejskiego (*Rosyjski oręż zdobiony od XVI do XIX wieku. Katalog wybranych zabytków ze zbiorów Arsenалу Państwowego Ermitażu w Leningradzie eksponowanych w Muzeum Zamkowym w Malborku w 1990 roku*, 1990; *Europejski oręż paradny XVII–XIX wieku ze zbiorów Państwowego Ermitażu w Leningradzie. Polonika*, 1991; *Europejski oręż paradny XIX wieku ze zbiorów Państwowego Ermitażu w Leningradzie*, 1991), następnie — rzemiosła artystycznego (*Rzemiosła artystyczne Zachodniej Europy od XI do XVI wieku. Ze zbiorów Państwowego Ermitażu w Sankt Petersburgu*, 1994). Wymienione teksty są częścią wielojęzycznych katalogów międzynarodowych wystaw organizowanych przez Muzeum Zamkowe w Malborku, będące znaczącą w regionie i kraju placówką kulturowo-naukową.

⁵ Były to nagrody przyznawane z okazji jubileuszu pracy zawodowej.

⁶ Na podstawie ankiet studenckich z roku akademickiego 2001–2002.

Do innych prac Szanownego Jubilata zalicza się tłumaczenie eseju zamieszczonego w „Magazynie Sztuki” (1999) pt. *Neoklasyczny Petersburg* autorstwa Jekatieriny Andriejewej, znawczyni i krytyka sztuki, kuratora wystaw, pracownika naukowego Państwowego Muzeum Rosyjskiego w Petersburgu.

Największym wyzwaniem dla Doktora Stanisława Ułaszka stał się, jak sam zdradza, przekład literacki, który ujawnił dbałość tłumacza o artyzm swojego dzieła, twórczą wrażliwość i kreatywność. Jako translator debiutował w 1992 roku, publikując w „Literaturze na Świecie” przekład fragmentu głośnej powieści *Homo collectivus* (*Групповые люди*, 1990⁷) Jurija Azarowa, rosyjskiego pisarza, artysty malarza i pedagoga, nominowanego do literackiej Nagrody Nobla⁸. Rok później na łamach tego samego pisma zamieścił kolejne świetne tłumaczenie — opowiadanie *Pułkownik mówi, że Kocham* (*Полковник говорит — люблю*, 1983⁹) Siergieja Dowłatowa, dysydenckiego rosyjsko-amerykańskiego pisarza okresu „trzeciej fali emigracji” i dziennikarza. Przekłady mniejszych form literackich — wybranych opowiadań ze znakomitego cyklu *Legendy Niewskiego проспекta* (1993)¹⁰, takich jak *Grupa Laokoona* (*Лаокоон*), *Głowa* (*Голова*), *Amerikanin w Leningradzie, czyli śmierć w „Wenecji Północy”* (*Пьяная травма*) Michaiła Wellera, rosyjskiego pisarza z Tallina, uprawiającego gatunek *science fiction*, i filozofa (prezentującego teorię energoevolucjonizmu), ukazały się w gdańskim „Autografie” (2000), liczącym się dwumiesięczniku literacko-artystycznym. Wymieniony cykl opowiadań Wellera został uznany w Rosji za swoisty narodowy bestseller, łączący elementy ironii, sarkazmu i nostalgii. W tymże „Autografie” Nasz Jubilat opublikował wspólnie z Franciszkiem Apanowiczem fragment kryptohistorycznej powieści *Zamach na Stalina* (2004) (*Несокрушимая и легендарная*, 1998¹¹) Władimira i Jakowa Dawidowskich. Z pozytywną oceną spotkał się przekład dramatu rosyjskiej pisarki i scenarzystki, Niny Sadur — *Dziwo-baba* (*Чудная баба*, 1989¹²). Pracę tę zamieszczono w zbiorze *Lepsi i cztery inne kawałki dramatyczne z dzisiejszej Rosji* i wydano nakładem renomowanego gdańskiego wydawnictwa Słowo/Obraz Terytoria w 2003 roku.

Niezwykły kunszt artystyczny i przekładowy Doktora Stanisława Ułaszka ujawnił się w całej pełni w tłumaczeniu powieści historycznych. Czcigodny Jubilat podjął się wielkiego zadania — przekładu literatury z odległych kultur, tj. azerbejdżańskiej i ormiańskiej, dla których językiem pośrednikiem był rosyjski. Tak powstało najpierw tłumaczenie powieści *Zagadkowy rękopis* (*Yarıtçıq əlyazma*, 2004¹³; ros. *Неполная*

⁷ Ю.П. Азаров. *Групповые люди*. Москва: Советский писатель, 1990.

⁸ Kandydatura Jurija Azarowa w 2008 roku została wysunięta przez grupę rosyjskich literatów i krytyków do Nagrody Nobla w dziedzinie literatury za stworzenie metody twórczej, w której spletały się: proza, dramaturgia, malarstwo, psychologia i pedagogika, filozofia kultury ojczyzny. Zgłoszono wówczas m.in. powieść *Групповые люди* z 1990 roku. Zob. Portal „Юрий Азаров. События”. [Online] <<http://www.azarov.su/events.htm>> (6.08.2015).

⁹ С.Д. Довлатов. *Полковник говорит — люблю*. Ann Arbor: Ardis, 1983.

¹⁰ М.И. Веллер. *Легенды Невского проспекта сборник рассказов*. Санкт-Петербург: Астрель, 1993.

¹¹ В.Я. Давидовский, Я.В. Давидовский. *Несокрушимая и легендарная. Альтернативная историческая фантастика*. Inc. Cleveland: IGO-America, 1998.

¹² Н.Н. Садур. *Чудная баба (пьеса в двух частях)*. Москва: Союзтеатр, 1989.

¹³ К. Abdulla. *Yarıtçıq əlyazma*. Bakı: „XXI”-YNE, 2004.

рукопись, 2006¹⁴) autorstwa Kamala Abdulli (azerb. Kamal Mehdi oğlu Abdullayev), współczesnego azerbejdżańskiego pisarza, poety, dramaturga, eseisty, a także filologa i uczonego, byłego rektora Bakijskiego Uniwersytetu Słowiańskiego. *Zagadkowy rękopis* Abdulli, utrzymany w stylu postmodernistycznej estetyki, odzwierciedla moment przełomowy w dziejach starożytnego Azerbejdżanu, stanowi twórczą parafrazę klasycznego tekstu kultury azerskiej — *Księgi Dede Korkuta* (azerb. *Kitabi Dədə Qorqud*, tur. *Dede Korkut Kitabı*¹⁵), heroicznego eposu Oguzów. Utwór ten, w wybornym przekładzie Jubilata, ukazał się w 2009 roku nakładem toruńskiego Wydawnictwa Adama Marszałka (wyd. 2, 2014). Przekład został opatrzony wstępem *Dawno, dawno temu w krainie Oguzów...*¹⁶, napisanym przez dr hab. Grażynę Zając, turkologa z Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Skomplikowaną narrację, ducha czasu, koloryt starożytnych i średniowiecznych epok turekijskich kręgów kulturowych, odległe realia kulturowe, niuansy historyczne, obca, a przy tym dawną, „egzotyczną” onomastykę itp. niezwykle trudno jest oddać polskiemu przekładowcy, mającemu niewiele styczności z turekijskimi paradygmatami historyczno-kulturowymi. A jednak niemożliwe stało się możliwym. Doktor Stanisław Ulaszek konsultował się z krakowskimi orientalistami w kwestiach transpozycji oryginału, o czym otwarcie pisze w przedmowie do tłumaczenia¹⁷. Przekład został zauważony w środowisku orientalistów, co poświadczają pochlebne recenzje. Na przykład Justyna Chmielewska z Instytutu Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego wysoko oceniła walory przetłumaczonej powieści¹⁸:

Polskie wydanie książki zdaje się wiele zawdzięczać świetnemu przekładowi Stanisława Ulaszka. Zdołał on nadać zapiskom Dede Korkuta charakterystyczny swobodny ton oraz zachować rodzaj stylistycznego i retorycznego nadmiaru, cechującego wschodnie opowieści. Umiejętnie sięgał po archaizmy, by przedstawić historię średniowiecznych Oguzów w kodzie adekwatnym dla ich czasu i kultury. Kwieciste apostrofy do chana, wygłaszane przez kolejnych świadków w śledztwie, mogłyby nudzić, gdyby nie plastyczny i porywający język, jakim posługują się bohaterowie *Zagadkowego rękopisu*. Postaci ze szkicownika Dede Korkuta knują intrygi, obmawiają swych wrogów, poetycko wysławiają Bajyndyr-chana i używają misternych wybiegów, starając się przedstawić przed władcą w jak najlepszym świetle. Wszystkiego, co o nich wiemy, dowiadujemy się z opowieści — narratora, ich samych, ich przyjaciół i wrogów. Narracja jest spiętrzona, składa się z cytatów i przytoczeń, wielokrotnych prób rekonstrukcji zdarzeń, domysłów i konfabulacji (warto przy tym pamiętać, że polskie wydanie oparte zostało nie na azerbejdżańskim oryginale, a na rosyjskim tłumaczeniu książki — łańcuch przekazicieli spiskowej historii jest więc dłuższy o jeszcze jedno ogniwo). I o ile treść *Zagadkowego rękopisu* może czytelnika rozczarować, o tyle wiele wynagrodzi mu sposób snucia opowieści — nieco

¹⁴ K. Абдулла. *Неполная рукопись. Роман*. Перевод с азербайджанского В. Ибрагимовлу. Серия Мир современной прозы. Москва: Хроникер, 2006.

¹⁵ *Dede Korkut Kitabı*. I hisse, II hisse, III hisse, IV hisse, V hisse. Tertibinde M. Erginin. Ankara Üniversitesi Basımevi, 1964.

¹⁶ G. Zając. *Dawno, dawno temu w krainie Oguzów...* [W:] K. Abdulla. *Zagadkowy rękopis*. Przeł. S. Ulaszek. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, cop. 2009, s. 5.

¹⁷ S. Ulaszek. *Od tłumacza*. [W:] K. Abdulla. *Zagadkowy rękopis...*, s. 3.

¹⁸ J. Chmielewska. *Niepełna historia Oguzu (Kamal Abdulla: zagadkowy rękopis)*. „Nowe Książki” 2009, nr 11 (1098), s. 34.

orientalny, niekiedy pospieszny, innym razem refleksyjny i rozwlekły, zawsze jednak żywiołowy i specyficznie nacechowany pieczęcią oguzyjskiego barda.

Z satysfakcją należy odnotować, iż polski przekład *Zagadkowego rękopisu* spotkał się z oddźwiękiem za granicą. W czasopiśmie „Литературный Азербайджан”¹⁹ Ele-na Teer²⁰ z uznaniem wypowiedziała się o przekładzie Dostojnego Jubilata:

И мастерство художественного перевода, и исторические и географические комментарии только еще более подчеркнули достоинства романа. Переводчики грамотно и профессионально выполнили свою работу, пополнив польскую библиотеку иностранной литературы новым ярким произведением современного азербайджанского писателя.

Do książki tej nawiązuje również Gular Gasan Abdullabekova²¹ z Uniwersytetu Słowiańskiego w Baku w monografii *Азербайджанско-польские литературные связи XIX–XXI веков* (2012)²², ilustrując swoją wypowiedź tłumaczeniem cytatów z obu przedmów do polskiego przekładu.

W ubiegłym roku Doktor Stanisław Ulaszek ogłosił przekład pierwszego tomu fundamentalnego dzieła *Wartanidzi. Wojownicy Wartana Mamikoniana. Powieść historyczna w dwóch tomach* (2014; *Vardanank'*, 1943–1946²³) Derenika Demircziana, ormiańskiego dekadenceckiego poety, prozaika i tłumacza. Książka została wydana przez Księgarnię Akademicką pod auspicjami Fundacji Kultury i Dziedzictwa Ormian Polskich przy finansowej dotacji Fundacji Calouste'a Gulbenkiniana w Lizbonie. Powieść Demircziana — w świetle słów prof. Andrzeja Pisowicza — ukazuje rozległą panoramę społeczeństwa starożytnej Armenii w połowie V wieku: od znanych z historii pisanej bohaterskich przywódców powstania antyperskiego z lat 450–451 z Wartanem Mamikonianem na czele po postaci chłopów zaangażowanych w walkę o zachowanie godności i narodowej. „Wartanidzi” nie są książką, która jednostronnie i banalnie gloryfikuje „świełaną” postać bohatera narodowego Armenii. Wartan Mamikonian przez jakiś czas był apostatą: formalnie wyparł się chrześcijaństwa, przyjmując na krótko zaratusztrianizm. Autor subtelnie ukazuje jego dramatyczne przeżycia w całej ich złożoności. Przekład z wydania rosyjskiego jest dziełem dra Stanisława Ulaszka, zaś konsultacji armenistycznej dokonał prof. Andrzej Pisowicz.²⁴

¹⁹ E. Teer. *Польский перевод романа Камала Абдуллы «Неполная рукопись»*. „Литературный Азербайджан” 2008, nr 1. [Online] < <http://www.azyb.net/cgi-bin/jurn/main.cgi?id=1700> > (5.08.2015).

²⁰ Dr filozofii E. Teer jest docentem w Zakładzie Polonistyki w Katedrze Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Słowiańskiego w Baku.

²¹ Dr G.G. Abdullabekova pracuje na stanowisku profesora w Zakładzie Polonistyki w Katedrze Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Słowiańskiego w Baku.

²² Г.Г. Абдуллабекова. *Азербайджанско-польские литературные связи XIX XXI веков (Учебное пособие)*. Баку: Мутарджим, 2012, s. 360–361.

²³ D. Demirczyan. *Vardanank'*. *Patmakan vep*. Erevan: Haypethrat, 1943 (transkrypcja z ormiańskiego za OCLC WorldCat).

²⁴ A. Pisowicz. *Wstęp*. [W:] D. Demirczyan. *Wartanidzi. Wojownicy Wartana Mamikoniana. Powieść historyczna w dwóch tomach*. T. 1. Przeł. S. Ulaszek. Oprac. A. Pisowicz. Kraków: Fundacja Kultury i Dziedzictwa Ormian Polskich — Księgarnia Akademicka, 2014, s. 6.

I ten przekład wykonany przez Naszego Jubilata odznacza się mistrzostwem: jak poprzednie, jest rzetelny, gładki, opatrzone rozbudowanymi przypisami, *Komentarzami do powieści* z wydania rosyjskiego wzbogaconymi uwagami armenistycznymi, a także trzema indeksami autorstwa prof. Andrzeja Pisowicza: *Indeksem osób i postaci mitologicznych*, *Indeksem nazw geograficznych* oraz *Indeksem terminów ormiańskich i irańskich użytych w polskim przekładzie Wartanidów*. Tłumaczenie dodatkowo jest inkrustowane — dla wygody polskiego czytelnika — skróconymi przypisami wewnątrztekstowymi, odsyłającymi do odpowiednich haseł *Komentarzy*. Podziw budzi język przekładu — potoczny, wartki, bogaty, z wycuciem wystylizowany i umiejętnie zarchaizowany.

Stanisław Ulaszek w swej twórczości przekładowej ujawnił również duszę poety, pięknie tłumacząc wybrane utwory z liryki religijnej i egzystencjalnej Aleksandra Romanowskiego, współczesnego ukraińskiego literata i uczonego z Politechniki Charkowskiej, które zostały opublikowane w tomiku *Miłość i wiara* (Gdańsk). Wcześniej, wspólnie z Franciszkiem Apanowiczem, dokonał bardzo udanej translacji utworów poetyckich Włodzimierza Wysockiego do sztuki teatralnej *Archeologia* Aleksieja Szpienki w reżyserii André Hübnera Ochodlo, wystawionej w Teatrze Atelier im. Agnieszki Osieckiej w Sopocie (prapremiera 2000).

Istotną publikacją w dorobku Czcigodnego Jubilata jest także praca *Armeńsko-azerbejdżański konflikt Górskiego Karabachu w świetle prawa międzynarodowego* (*Ermanistan-Azarbaycon münaqışasi beynasalq hiiqıq baximindan*; *Армяно-Азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт в контексте международного права*²⁵) Namika Alijewa. Książka ta ma zgoła odmienny charakter od dotychczasowych, podejmuje bowiem nurtujące Europę, niełatwe i kontrowersyjne kwestie społeczno-polityczne, dla polskiego czytelnika najczęściej stosunkowo zawiłe. Ukazała się na zlecenie Ambasady Azerbejdżanu w Polsce w 2012 roku w Warszawie w Oficynie Olshynka Józef Rudalski.

Ważnym osiągnięciem translatorskim Doktora Stanisława Ulaszka jest przekład książki *Przekład całkowity*²⁶ (*Тотальный перевод*, 1995²⁷) Peetera Toropa, estońskiego literaturoznawcy, kulturologa i semiotyka, przedstawiciela znamienitej Tartusko-Moskiewskiej Szkoły Semiotycznej. Dzieło to stanowi integralną część edycji *O tłumaczeniu* Paula Ricoeura i Peetera Toropa, przedłożonej w ramach serii naukowej Bogusława Żyłki „Literatura i Okolice”, ukazującej się w Wydawnictwie Uniwersytetu Gdańskiego (2008). Traktaty profesjonalnym wstępem poprzedził Edward Balcerzan. Przetłumaczona książka zyskała rozgłos w środowisku polskich przekładoznawców. W większości recenzji, jakie pojawiły się na łamach znanych pism naukowych i popu-

²⁵ Н.Г. Алиев. *Армяно-Азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт в контексте международного права*. „Кавказ & глобализация” 2007. Vol. 1 (2). Central Asia & Central Caucasus Press AB. Швеция.

²⁶ P. Torop. *Przekład całkowity*. Przeł. Stanisław Ulaszek. [W:] P. Ricoeur, P. Torop. *O tłumaczeniu*. Przeł. [z franc.] T. Swoboda, [z ros.] S. Ulaszek. Wstępem poprzedził E. Balcerzan. Przekład cytatów anglo- i niemieckojęzycznych E. Rajewska. Seria Literatura i Okolice. Red. naukowy serii B. Żyłko. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 60–327.

²⁷ П. Тороп. *Тотальный перевод*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995.

larnonaukowych, zdecydowanie przychylnie oceniono trud przekładowcy²⁸. Wprawdzie w przekładzie zdarzyły się drobne potknięcia (wskutek prozaicznego zderzenia zapisów cyrylickich onomastyki z transliteracją zachodnioeuropejską), to jednak należy zaliczyć go do udanych i bardzo potrzebnych w dydaktyce przekładu. O randze publikacji świadczy fakt, iż pozycja ta znalazła się w spisie literatury obowiązkowej w licznych programach przedmiotów akademickich z zakresu translatoryki, takich jak m.in. *teoria przekładu (grupa czeska, serbska, chorwacka)* (sylabus Bożeny Tokarz, Instytut Filologii Słowiańskiej, Wydział Filologiczny, Uniwersytet Śląski), *fenomen przekładu* (Instytut Polonistyki Stosowanej, Wydział Polonistyki, Uniwersytet Warszawski), *teoria i pragmatyka przekładu* (Katedra Skandynawistyki, Wydział Neofilologii, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza), *seminarium magisterskie — poziom 2* (Instytut Lingwistyki Stosowanej, Wydział Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski), *szkoły humanistyki XX wieku — konwersatorium* (Instytut Filozofii, Wydziału Filozofii i Socjologii, Uniwersytet Warszawski), a także w sylabusach przedmiotów translatorycznych prowadzonych w Uniwersytecie Gdańskim.

Nawet ten cząstkowy przegląd dorobku tłumaczeniowego Jubilata pozwala dostrzec Jego ogromny talent przekładowcy połączony z wszechstronną znajomością wielu dziedzin nauki, gruntowne filologiczne przygotowanie, kulturę intelektualną, a jednocześnie — wielką pokorę. Imponuje wybór utworów i profesjonalizm tłumacza. Wysoką sztukę przekładu Doktora Stanisława Ulaszka potwierdza także fakt, że fragmenty jego przekładów literackich znalazły się w słuchowiskach radiowych emitowanych przez ogólnopolski Program Drugi Polskiego Radia.

Widnokrąg sztuk wielu

Trzecią wielką namiętnością Jubilata jest sztuka. Sztukę Mistrz kocha w każdej postaci. Do ulubionych należą śpiew, muzyka, balet i teatr. Fascynuje go też historia sztuki. O tym, że Dostojny Jubilat był wokalistą chóru i zawodowym tancerzem o wieloletnim stażu, wiedzą tylko nieliczni, a szkoda, ponieważ sukcesów na tej niwie odnotować można całkiem sporo.

Droga artystyczna Pana Doktora Stanisława Ulaszka bierze swój początek we wczesnej młodości. Taniec i śpiew — jak sam podkreśla — od dzieciństwa były jego żywiołem. Debiutował w szkolnym zespole tanecznym i udzielał się jednocześnie w chórze. Po maturze, jak już wspomniano, uczył się w Studium Nauczycielskim w Słupsku (1963) na kierunku „śpiew i muzyka”, a po pomyślnie zakończonym przesłuchaniu został wokalistą chóru Teatru Muzycznego w Gdyni (1964), gdzie pracował do maja 1965 roku. W chórze tym śpiewał „barytonem o tendencjach tenorowych”, jak jego głos określiła Janina Tylewska, śpiewaczka i chórmistrz. Nazwisko Dostojnego Jubilata bardzo szybko znalazło się na afiszach bieżącego repertuaru. Na deskach „teatru Baduszkowej” występował w znanych musicalach i operetkach, m.in. *Can-Can* Cole Porter'a (reż. Danuta Baduszkowa, chor. Wanda Bończa), *Ja tu rządzę, czyli Romans*

²⁸ Zob. m.in.: A. Pawelec. *Alfa i Omega*. „Przekładaniec” 2011, nr 22–23, s. 360–363; K. Dębska. *Problemy translatoryki*. „Estetyka i Krytyka” 2009/2010, nr 17/18, s. 249–254; G. Ojcewicz, *Paul Ricoeur, Peeter Torop. O tłumaczeniu*, „Slavia Orientalis” 2009, nr 4, s. 490–493.

pani majstrowej Zygmunta Wiehlera (reż. Stanisław Kwaskowski, chor. Jerzy Kapliński), *Zamek na Czorsztynie* Karola Kurpińskiego (reż. Aleksander Długosz), *Czarujący Gulio* Gorniego Kramera (reż. Danuta Baduszkowa, chor. Józef Matuszewski), *Swoobodny wiatr* I.O. Dunajewskiego (reż. Danuta Baduszkowa, chor. Wanda Bończa), *We-soła wdówka* Franciszka Lehára (reż. Tadeusz Bursztynowicz, chor. chor. Stanisława Stanisławska), *Zemsta nietoperza* Johanna Straussa (syna) (reż. Danuta Baduszkowa, chor. Jerzy Gogół).

Podczas studiów w Wyższej Szkole Pedagogicznej w Gdańsku Nasz Jubilat był pierwszym solistą zespołu tanecznego prowadzonego przez Marcellego Żędzianowskiego, wybitnego tancerza, choreografa i pedagoga, solistę baletu Państwowej Opery Bałtyckiej, współzałożyciela Zespołu Pieśni i Tańca Uniwersytetu Gdańskiego „Jantar”. Jako młody żak musiał godzić naukę na studiach z pracą artystyczną. W dalszym ciągu grał w spektaklach w gdyńskim Teatrze Muzycznym. Ale to nie wystarczyło głodnemu wrażeń Artyście. Postanowił bowiem doksztalić się jeszcze na kursie tańca organizowanym w Państwowej Średniej Szkole Baletowej w Gdańsku, który prowadzili Beata i Janusz Wojciechowscy, ówczesni pierwsi soliści gdańskiego baletu. To właśnie na tych zajęciach talent młodego tancerza dostrzegła profesor Janina Jarzynówna-Sobczak, dyrektorka szkoły i jednocześnie jej twórczyni, choreograf i kierownik zespołu baletowego Państwowej Opery Bałtyckiej. Zaproszenie ze strony „polskiej damy baletu” do swojego zespołu stało się jednym z przełomowych wydarzeń w życiu Jubilata. Jego kariera artystyczna nabrała rozpędu. Wkrótce, w 1973 roku, Podkomisja Weryfikacyjna przy Departamencie Teatru, Muzyki i Estrady Ministerstwa Kultury i Sztuki w Warszawie pozytywnie „zweryfikowała obywatela Stanisława Ulaszka jako artystę baletu”²⁹. Otrzymałszy znakomite rekomendacje Janiny Jarzynówny-Sobczak, Pan Stanisław Ulaszek został członkiem *corps de ballet* Państwowej Opery i Filharmonii Bałtyckiej w Gdańsku! Wystąpił w wielu cieszących się dużą popularnością spektaklach³⁰, był m.in. zbuntowanym marynarzem w *Pancerniku Potiomkinie* Juliusza Łuciuka, (reż. i chor. Janina Jarzynówna-Sobczak, Janusz Wojciechowski), Patrycjuszem, Rybakiem i Zatopionym w *Gdańskiej nocy* Henryka Jabłońskiego (reż. i chor. Janina Jarzynówna-Sobczak, Janusz Wojciechowski), Kadetem w *Pierwszym walcu* Johanna Straussa (syna) (insc. i chor. Zygmunt Kamiński), Gościem w lokalu i Przechodniem na ulicy w *Amerykaninie w Paryżu* oraz Kolorem II w *Błękitnej rapsodii* George’a Gershwinia (insc. i chor. Zygmunt Kamiński), Opryicznikiem i Mnichem w *Borysie Godunowie* Modesta Musorgskiego (reż. Jan Maciejowski), Strażnikiem w haremie w *Szecherezadzie* Mikołaja Rimskiego-Korsakowa (insc. i chor. Janina Jarzynówna-Sobczak, Alicja Boniuszko), Kościotrupem w *Zamku Sinobrodego* Béli Bartóka (insc. i chor. Janina Jarzynówna-Sobczak, Alicja Boniuszko), Drugą „zagadką” w *Turandot* Giacomo Pucciniego (insc. i reż. Danuta Baduszkowa, Ryszard Slezak, chor. Zygmunt Kamiń-

²⁹ Dokument: *Zaświadczenie* wydane w 1973 roku przez Podkomisję Weryfikacyjną Departamentu Teatru, Muzyki i Estrady Ministerstwa Kultury i Sztuki w Warszawie.

³⁰ Zob. *Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka w Gdańsku (w 25-lecie istnienia)*. Red. B.M. Janowski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1971; *Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka. 1945–1985*. Red. A. Czekanowicz. Gdańsk: Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka, 1985; *Programy spektakli z lat 1967–1980*. Gdańsk: Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka, 1967–1980.

ski). Brał udział w tańcach i scenach zbiorowych — w *Serenadzie* Wolfganga Amadeusza Mozarta (reż. i chor. Piotr Schulz), w balecie *Spartakus* Arama Chaczaturiana (chor. Józef Sabovčik), w baletach-pantomimach, m.in. *Harnasie* Karola Szymanowskiego (insc. i chor. Janina Jarzynówna-Sobczak, Edward Dobraczyński), *Gilgamesz* Augustyna Blocha (insc. i chor. Gustaw Klauzner), w operach, m.in. *Legenda Bałtyku* Feliksa Nowowiejskiego (reż. Maria Fołtyn, chor. Janina Jarzynówna-Sobczak), *Król Roger* Karola Szymanowskiego (reż. Stanisław Hebanowski, chor. Janina Jarzynówna-Sobczak), oraz w operetkach, m.in. *Baron cygański* Johanna Straussa (syna) (reż. Zygmunt Kamiński, Kazimierz Łastawiecki, chor. Zygmunt Kamiński).

Na scenie, w zespole baletowym profesor Jarzynówny-Sobczak, Pan Ulaszek pracował dekadę, przykładnie godząc naukę na studiach rusycystycznych, następnie zaś pracę zawodową w macierzystym Instytucie z wyczerpującymi zajęciami i premiami w Operze. Ale to nie cała aktywność artystyczna Dostojnego Jubilata. Fascynacja tańcem zawiodła go do sekcji łyżwiarstwa figurowego w Robotniczym Klubie Sportowym „Stoczniowiec” Zakładów Przemysłu Okrętowego w Gdańsku. Tu przez dwa lata był instruktorem, zaznajamiał łyżwiarzy figurowych z podstawami tańca klasycznego oraz prowadził zajęcia utanczające.

Po zakończeniu kariery tanecznej Doktor Stanisław Ulaszek nawiązał współpracę z Redakcją Muzyczną Polskiego Radia Gdańsk, na którego antenie popularyzował dzieła muzyczne, prezentując następujące cykle audycji: *Spotkania z operetką*, *Opery polskie i Muzyka polska*. Jego autorskie programy spotykały się z serdecznym przyjęciem odbiorców.

Z horyzontu koneserskiego

Państwo Stanisław i Bożenna³¹ Ulaszkowie są koneserami sztuki ceramicznej — wytwornych wyrobów porcelanowych, głównie filiżanek i czarek. Zaiste udało im się stworzyć w swym domu niewielkie muzeum. Są w posiadaniu imponującej kolekcji stylowych, bogato zdobionych, drogocennych porcelanowych filiżanek, tzw. gardnerów³², korniłowów³³, kuznieców³⁴ i popowów³⁵, często o unikatowym wzornictwie. Każda filigranowa filiżanka ma swoją historię, którą Czcigodny Jubilat z autentycznym

³¹ Pani Bożenna Ulaszek jest antykwariuszem i bibliotekoznawcą, emerytowanym pracownikiem Biblioteki Głównej Uniwersytetu Gdańskiego.

³² Chodzi o wyroby z fabryki porcelany założonej w 1766 roku w Werbilkach pod Moskwą przez angielskiego kupca Francisa Gardnera. Gardner zatrudniał mistrzów z manufaktury w Miśni, znających tajniki produkcji porcelany.

³³ Zakład założyła w 1835 roku Maria Wasiliewna Kornilowa; produkował on wyroby porcelanowe wysokiej jakości, która często nie ustępowała wyrobom Imperatorskiej Fabryki Porcelany. W 1881 roku Kornilowowie jako pierwsi w Rosji wprowadzili nową metodę dekoracji porcelany, polegającą na przenoszeniu rysunku wykonanego na papierze specjalnymi farbami ceramicznymi na wyrób (tzw. kalkomania).

³⁴ Mowa o fabryce Kuznieców w Dulowie pod Moskwą, założonej w 1832 roku; była to największa fabryka porcelany w Imperium Rosyjskim.

³⁵ Fabryka porcelany A.G. Popowa należała do wiodących w pierwszej tercji XIX wieku.

zachwytem opowiada Gościom. Słuchając tych opowieści, niezauważenie przenosimy się w inny świat. Trudno potem powrócić do rzeczywistości...

Z perspektywy numerologicznej³⁶

Numerologiczną Trójkę cechują niezwykle umiejętności adaptacyjne i wielość różnorodnych zainteresowań. Jest przy tym bardzo komunikatywna, a jej wypowiedziom towarzyszy ekspresja, niejednokrotnie — emfaza. Trójki są przy tym żywiołowe, wesołe i życzliwe, dlatego mają spore grono oddanych znajomych. Ponieważ Trójki zabija stagnacja, same szukają wytrwale okazji, by uniknąć życiowej monotonii i rutyny. W działaniu odsłaniają wielką otwartość umysłu, w ich głowach jedna idea goni drugą z wielką prędkością. Nie boją się niebezpieczeństw i chętnie podejmują ryzyko. Bez przerwy sprawdzają w ten sposób same siebie, niekiedy ponosząc niepowodzenie lub popadając w trudne sytuacje. Trójka uwielbia mówić, czerpiąc z własnych monologów prawdziwą przyjemność. Skłonność ta przeradza się niekiedy w gadulstwo, nad czym trzeba już panować. Zarówno w monologach, jak i dialogach Trójki są dowcipne, znają tysiące anegdot, obstają przy swoich poglądach aż do granic zacierzwienia. Odznaczają się przy tym dużym darem przekonywania, dzięki czemu bez trudu pozyskują sojuszników do realizacji najbardziej szalonych pomysłów. Niemalą rolę w powodzeniu tego typu zachowań Trójki odgrywa jej spontaniczność, której towarzyszy impulsywność. Zawsze jednak lotny umysł ratuje Trójkę z wielkich tarapatów. Trójki są na ogół tolerancyjne, gościnne, lubią dobrą rozrywkę, a długoletnie przyjaźnie zawierają z łatwością. Nie są samotnikami. Potrzebują stałej widowni w szerokim tego słowa znaczeniu, która będzie podsycać ich wiarę we własne możliwości i talenty. Urodzeni ekstrawertycy mogą jednak zapłacić dużą cenę za swoją potrzebę wyrażania siebie przed światem. Nerwowość, rozkojarzenie czy niecierpliwość — z epizodów mogą się przekształcić w stany trwające dłużej niż przejściowa hipomania. Trójka może się stać wtedy podejrzliwa i lekkomyślna oraz zacząć reagować nieadekwatnie do sytuacji, nawet — agresywnie. Jak prawie wszyscy ludzie, Trójka niezbyt chętnie mówi o swoich porażkach i z oporem przyznaje się do błędów, co może wystawić ich odpowiedzialność na niejedną ciężką próbę. Każda Trójka jest stworzona do aktywności w wolnym zawodzie. Każdy inny fach ją ogranicza i dusi, lecz życie zmusza Trójkę do podejmowania decyzji, które zapewnią jej samej i jej rodzinie byt daleki od granic ubóstwa. Nauczyciel-Trójka zawsze będzie kreatywny, niespokojny, poszukujący. Jeśli jego intelektualna ruchliwość padnie na chłonną uczniowską glebę, wtedy Trójka da z siebie wszystko i będzie osiągać sukcesy zawodowe, czekając na słowne lub finansowe (a najlepiej na obie formy) docenienie ze strony przełożonych; brak docenienia jest przeżywany długo i boleśnie. W uczuciach Trójka nie zawsze jest stała, lecz gdy odnajdzie swoją Połówkę, już jej nie porzuca. Zresztą tych Połówek może być więcej: nie tylko życiowa Partnerka, lecz także Muzy mają prawo nieograniczonego dostępu do serca urodzonego artysty. Dobrze, że wyobraźnia i pracowitość Trójki pozwalają jej być z nimi wszystkimi. Sprawia to wrodzony romantyczny magnetyzm i elokwencja stale towarzyszące Trójce — stale towarzyszące Czcigodnemu Jubilatowi.

³⁶ Portret numerologiczny Trójki sporządził Grzegorz Ojcewicz.

Kilka słów na koniec

Każdy jubileusz jest okazją do spojrzenia na dorobek innego człowieka. Jubileusz 45-lecia pracy zawodowej Pana Doktora Stanisława Ułaszka wiąże się z bogatym życiem, pełnym najprzeróżniejszych doświadczeń. W takiej chwili poważnej refleksji zarówno sam Jubilat, jak i my — byli współpracownicy — spoglądamy na całokształt Jego dzieła, na Jego wielki codzienny trud. Jubilat pozostaje dla nas wzorem wytrwałości, przykładem sensowności w dążeniu do celu i wspinania się na szczyty marzeń: tutaj niemożliwe staje się możliwym.

Postawę życiową Czcigodnego Jubilata charakteryzuje niezmiennie żywość umysłu, ciekawość świata, śmiałość i dobitność wypowiedzi, nacechowanych życzliwością. Pana Doktora Stanisława Ułaszka zawsze wyróżniała szarmanckość, wysublimowany sentymentalizm, oryginalne poczucie humoru. Wszędzie i zawsze dostrzegał człowieka w człowieku, ponieważ jest Przyjacielem Człowieka, Osobowością o niesamowitej wrażliwości.

Plurimos annos, plurimos!

Katarzyna Wojan

Bibliografia

- Abdulla K. *Yarmıçq ęlyazma*. Bakı: „XXI”–YNE, 2004.
- Chmielewska J. *Niepełna historia Oguzu (Kamal Abdulla: Zagadkowy rękopis)*. „Nowe Książki” 2009, nr 11 (1098), s. 34.
- Dede Korkut Kitabı. (I hisse, II hisse, III hisse, IV hisse, V hisse)*. Tertibinde M. Erginin. Ankara Üniversitesi Basımevi, 1964.
- Demirchyan D. *Vardanank’ Patmakan vep*. Erevan: Haypethrat, 1943.
- Dębska K. *Problemy translatoryki*. „Estetyka i Krytyka” 2009/2010, nr 17/18, s. 249–254. „e-teatr.pl”. [Online:] <<http://www.e-teatr.pl/pl/index.html>> (25.08.2015).
- Grabska M. *Gdańska rusycystyka — rozwój i kierunki badań*. [W:] *Tradycje gdańskiej humanistyki*. Red. J. Borzyszkowski, C. Olbracht-Prondzyński. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 2008, s. 186.
- Kursy i egzaminy certyfikacyjne z języka rosyjskiego na Uniwersytecie Gdańskim*. [W:] Portal „Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego”, cop. FRUG 2010. [Online] <<http://www.frug.ug.edu.pl/?kursy,30>> (6.08.2015).
- Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka w Gdańsku (w 25-lecie istnienia)*. Red. B.M. Jankowski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1971.
- Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka. 1945–1985*. Red. A. Czekanowicz. Gdańsk: Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka, 1985.
- Pawelec A. *Alfa i Omega*. „Przekładaniec” 2011, nr 22–23, s. 360–363.
- Pisowicz A. *Wstęp*. [W:] Demirczian D. *Wartanidzi. Wojownicy Wartana Mamikoniana. Powieść historyczna w dwóch tomach*. T. 1. Przeł. S. Ułaszek. Oprac. A. Pisowicz. Kraków: Fundacja Kultury i Dziedzictwa Ormian Polskich — Księgarnia Akademicka, 2014, s. 5–8.
- Programy spektakli z lat 1967–1980. Gdańsk: Państwowa Opera i Filharmonia Bałtycka, 1967–1980.

- Ricoeur P., Torop P. *O tłumaczeniu*. Przeł. [z franc.] T. Swoboda, [z ros.] S. Ulaszek. Wstępem poprzedził E. Balcerzan. Przekład cytatów anglo- i niemieckojęzycznych E. Rajewska. Seria Literatura i Okolice. Red. naukowy serii B. Żyłko. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. „Sygnatury24.pl. Baza sygnatur porcelany”. Zespół sygnatury24.pl. [Online:] <<http://www.sygnatury24.pl/?opcja=SYGNATURY>> (25.08,2015).
- Torop P. *Przekład całkowity*. Przeł. Stanisław Ulaszek. [W:] P. Ricoeur, P. Torop. *O tłumaczeniu*. Przeł. [z franc.] T. Swoboda, [z ros.] S. Ulaszek. Seria Literatura i Okolice. Red. naukowy serii B. Żyłko. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 60–327.
- Ulaszek S. *Od tłumacza*. [W:] Abdulla K. *Zagadkowy rękopis*. Przeł. S. Ulaszek. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, cop. 2009, s. 3.
- Wywiad*. Rozmowa ze S. Ulaszkiem przeprowadzona przez K. Wojan. Gdańsk-Zaspa, dn. 30.07.2015.
- Zajac G. *Dawno, dawno temu w krainie Oguzów...* [W:] Abdulla K. *Zagadkowy rękopis*. Przeł. S. Ulaszek. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, cop. 2009, s. 5–8.
- Zaświadczenie* [o zweryfikowaniu ob. S. Ulaszka]. Ministerstwo Kultury i Sztuki. Departament Teatru, Muzyki i Estrady. Podkomisja Weryfikacyjna. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Sztuki, 1973.
- Абдулла К. *Неполная рукопись. Роман*. Перевод с азербайджанского В. Ибрагимовлу. Серия Мир современной прозы. Москва: Хроникер, 2006.
- Абдуллабекова Г.Г. *Азербайджанско-польские литературные связи XIX XXI веков (Учебное пособие)*. Баку: Мутарджим, 2012.
- Азаров Ю.П. *Групповые люди*. Москва: Советский писатель, 1990.
- Веллер М.И. *Легенды Невского проспекта сборник рассказов*. Санкт-Петербург: Астрель, 1993.
- Давидовский В.Я., Давидовский Я.В. *Несокрушимая и легендарная. Альтернативная историческая фантастика*. Inc. Cleveland: IGO-America, 1998.
- Довлатов С.Д. *Полковник говорит — люблю*. Ann Arbor: Ardis, 1983.
- Садур Н.Н. *Чудная баба (пьеса в двух частях)*. Москва: Союзтеатр, 1989.
- Теер Е. *Польский перевод романа Камала Абдуллы «Неполная рукопись»*. „Литературный Азербайджан” 2008, nr 1. [Online] <<http://www.azyb.net/cgi-bin/jurn/main.cgi?id=1700>> (5.08.2015).
- Тороп П. *Тотальный перевод*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995.

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej
Katedra Skandynawistyki, Pracownia Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

STANISŁAW ULASZEK, CZYLI ETOS NAUCZYCIELA

Dobry nauczyciel to taki, który posiada bogatą osobowość. Staje się to dzięki temu, co zostanie mu zaszczerpione w czasie jego edukacji przez obowiązujący system kształcenia nauczycieli, ale również dzięki temu, co sam w czasie swej edukacji i podczas samokształcenia nagromadzi i ukształtuje¹.

Pan dr Stanisław Ulaszek pracował w naszym Instytucie od 1970 roku. Przechodząc przez różne kierunki zainteresowań (literaturoznawstwo, glottodydaktyka, translatoryka), długi czas prowadził zajęcia praktyczne z języka rosyjskiego i translatoryki. I był jednym z bardziej cenionych fachowców w tych dziedzinach dzięki niezwyklej kompetencji dydaktycznej i doskonałej znajomości języka rosyjskiego.

Zrozumienie tej wyjątkowości Wykładowcy wymaga pewnego tła. Przenieśmy się zatem do 1958 roku. W tym roku Pan dr Stanisław Ulaszek rozpoczął naukę w Liceum Pedagogicznym w Szczecinku. Był to moment, który istotnie zdeterminował całe Jego przyszłe życie. Aby to sobie uzmysłwić, należałoby bliżej przedstawić fenomen edukacyjny, jakim były Licea Pedagogiczne.

Pierwsze tego typu szkoły średnie, których celem było przygotowanie młodzieży do pracy pedagogicznej, zostały utworzone bezpośrednio po wojnie i, po wielu reorganizacjach, w 1957 roku powołane zostały pięcioletnie licea pedagogiczne. Do szkół tych zgłaszali się kandydaci wywodzący się najczęściej z małych miejscowości, w których nauczyciele byli szanowani i poważani. Czternastoletnie dzieci świadomie decydowały się na pracę w szkole, projektując swoją przyszłość w zawodzie nauczyciela, a kierując się powołaniem już od samego początku, widziały w tym sens i istotę życia. W szkołach tych kształcono wszechstronnie uczniów (każdy z przedmiotów był przedmiotem zawodowym) na przyszłych nauczycieli, którzy mieli pełnić rolę dydaktyka-wychowawcy, działacza kulturalnego i społecznego. Do wszystkich tych funkcji szkoły przygotowywały bardzo starannie poprzez zdobywanie wiedzy, praktyki pedagogiczne, grę na instrumencie, doskonalenie plastyczne i artystyczne. Założeniem było przygotowanie do pracy nauczycielskiej w małych miejscowościach, gdzie szkoła stanowiła centrum życia kulturalnego i społecznego.

---

¹ Zob. E. Dereń. *Kształcenie nauczycieli w Polsce*. [Online] <<https://sites.google.com/site/ksztalce-niauczycieli/aktualnosci-komunikaty>> (19.09.2015).

Fot. 1. Państwowe Liceum Pedagogiczne w Szczecinku.

Źródło: *Szczecinecka szkoła nauczycieli*. „Temat szczecinecki”. [Online:] <<http://temat.net/historia/130/Szczecinecka-szkola-nauczycieli>> (19.09.2015).

Szczecineckie Liceum Pedagogiczne przy ul. 1 Maja 22 dysponowało gabinetem muzycznym, pracownią fotograficzną i zajęć praktycznych, gdzie uczono stolarki, szycia, dziergania na drutach i szydełku, gotowania i wielu innych przydatnych oraz koniecznych umiejętności w pracy nauczyciela. W szkole działał chór, zespół śpiewaczy „Stokrotki”, zaś pod kierunkiem Pani Profesor Ireny Kuzycz (wychowawczyni Stanisława Ulaszka) orkiestra szkolna, oraz zespół taneczny, muzyczny i teatralny, a wśród sukcesów indywidualnych wymienia się „śpiewaka, tancerza i konferansjera Staszka Ulaszka”².

Warto wspomnieć o nauczycielach tego Liceum, którzy pracowali w nim w latach szkolnych Jubilata. Przytoczę fragment listu Pani mgr Krystyny Lis, wdowy po śp. Kazimierzu Lis, który był kolegą szkolnym Stanisława Ulaszka³:

„W latach 1964–66 utrzymywałam kontakty koleżeńskie z moimi rówieśnikami z tej szkoły (...). Pamiętam niektórych nauczycieli uczących wtedy moich rówieśniczych kol. kol. (matura 1965, 1966), a wśród nich najstarsze nauczycielki: Panie polonistki — Marię Regiec i Irenę Ginel (od dawna nie żyją); Pan Stanisław na pewno również Je pamięta. W Szczecinku zamieszkałam w roku 1975 (pracowałam wówczas w I LO im. Ks. Elżbiety, potem w Zespole Szkół Mechanicznych) i wtedy poznałam innych (dziś już dawno emerytowanych, roczniki lat 30.) pracowników dawnego Liceum Pedagogicznego, m.in. nauczyciela przedmiotów pedagogicznych — Pana Jana Biskupa, (nie żyje), rusycystkę — Panią Janinę Żerko-Bogdańską, nauczycielkę biologii — Panią Marię Szycko (nie żyje), nauczyciela wychowania fizycznego — Pana Ryszarda Bruderka (później uczył języka francuskiego w I LO im. Ks. Elżbiety, inteligentny, kulturalny, z dobrą pamięcią, mieszka w Szczecinku, przy ul. Kościuszki), nauczyciela języka niemieckiego — Pana Kazimierza Bielickiego (późniejszy dyrektor Zespołu Szkół Rolniczych, Świątki — dziś dzielnica Szczecinka; intelektualista, mieszka na sąsiedniej ulicy, przy 9. Maja)”.

² *Szczecinecka szkoła nauczycieli*. [Online:] <<http://temat.net/historia/130/Szczecinecka-szkola-nauczycieli/strona:3>> (19.09.2015).

³ Fragment listu Pani mgr Krystyny Lisowej z dnia 20. września 2015 roku.

Jestem bardzo wdzięczna Pani Krystynie Lis za te informacje, które zapewne będą bliskie sercu Pana dr Stanisława Ulaszka. W tej szkole, jak i w innych liceach pedagogicznych, najważniejszy był etos nauczyciela — powołanie i obowiązek, doskonalenie warsztatu, całkowite oddanie się pracy z uczniami, a także surowa reguła wychowywania przez własny przykład. Tak kształtowano osobowość nauczyciela i człowieka i takich mieliśmy kiedyś nauczycieli, a takim właśnie nauczycielem był Pan dr Stanisław Ulaszek.

Staszka⁴ znam jeszcze z okresu studiów rusycystycznych w Wyższej Szkole Pedagogicznej z budynku przy ulicy Sobieskiego w Gdańsku-Wrzeszczu. Celowo piszę „znam”, gdyż to właściwie On był znany i dużo się o Nim mówiło wśród studentów naszego roku (byłam rok niżej). Innymi słowy — ja Go znałam, a On mnie — niekoniecznie. Mówiło się o Staszku, że jest bardzo dobrym studentem, doskonale zna i rozumie literaturę, a także, że jest tancerzem w Operze Bałtyckiej. Z tych wszystkich opowieści najbardziej zafrapowała mnie legenda o nieprawdopodobnej wręcz pracy włożonej w opanowanie języka rosyjskiego. Otóż, w tym czasie w większości studenci filologii rosyjskiej rekrutowali się z repatriantów, którzy w ZSRR kończyli szkoły podstawowe, a nawet średnie. To determinowało wysokie wymagania wykładowców, którzy oczekiwali jednakowego poziomu opanowania języka rosyjskiego w grupie. Studenci, którzy uczyli się języka rosyjskiego jedynie w powszechnym nauczaniu szkolnym w PRL, znacznie odstawali poziomem od tej większości studentów. Lektorzy nasi zazwyczaj nie bardzo przykładali wagę do zasadniczych różnic między językami, gdyż sami także kończyli szkoły w ZSRR, przy czym korzystali jedynie z podręczników rosyjskich dla Rosjan. Było to raczej doskonalenie języka niż jego nauczanie, a nie wszyscy mieli co doskonalić. Podobno Staszek sam dochodził do istoty zagadnień językowych, prowadził specjalne zeszyty i brał udział we wszystkich konsultacjach. Powszechnie mówiono o Jego tytanicznej pracy, a także o tym, że swoje przemyślenia przekazywał kolegom będącym w podobnej sytuacji. Dusza nauczyciela dawała już o sobie znać.

A efekt? Staszek w końcu osiągnął taki poziom kultury języka rosyjskiego, że Rosjanie — sami to niejednokrotnie podkreślali — mogą Mu tylko pozazdrościć.

Gdy wkrótce po studiach Pan Stanisław Ulaszek rozpoczynał pracę w naszym Instytucie, wchodził w nią z bagażem własnej drogi poznawczej i własnych przemyśleń. Prowadząc zajęcia z praktycznej nauki języka rosyjskiego, przechodził ze studentami tę samą drogę poznawania i przyswajania języka, jakiej sam doświadczył. Doskonale i precyzyjnie przekazywał swoją wiedzę, wyjaśniał zawiłe relacje międzyjęzykowe i wiedział, co ma i jak ma robić — sam sobie kiedyś musiał wszystko wyjaśnić i znaleźć sposób na opanowanie języka. Zajęcia Pana dra Stanisława Ulaszka bardzo różniły się od innych zajęć. To było polskie spojrzenie na nauczany język, polskie odniesienie i rozumienie. W prowadzeniu tych zajęć pomagała Mu ogromna wiedza, ciągle wzbogacana, a także kunszt nauczycielski z twórczą inwencją i pomysłowością. Wymagał bardzo dużo od siebie — przygotowywał oryginalne materiały dydaktyczne, ciągle poszukiwał nietypowych zjawisk językowych, aby pokazać studentom nie tylko piękno i bogactwo języka rosyjskiego, ale także jego duszę, istotę, którą sam dla siebie odkrył

---

⁴ Używam tej poufalej formy, gdyż roszczę sobie do niej prawo. W ograniczonym jednak zakresie, przez szacunek do Jego Osoby.

i dalej odkrywał. Uczenie i nauczanie studentów stawało się dla Niego sprawą bardzo osobistą, nauczycielskim przymusem egzystencjalnym. Musiał nauczyć, taki miał nakaz wewnętrzny.

Pan dr Stanisław Ulaszek był Osobą bardzo wymagającą zarówno wobec siebie, jak i studentów i zwierzchników. Niejednokrotnie upominał się o lepsze warunki pracy, o zamawianie materiałów (czasopisma, podręczniki), o magnetofon, o dostęp do telewizji rosyjskiej w Instytucie i o wiele, wiele rzeczy, które mogły pomóc w podniesieniu poziomu nauczania. Nie wszystkie Jego potrzeby udawało się zaspokoić, ale wszystkie były bardzo istotne.

Nauczyciel, który naucza, a — przede wszystkim — chce nauczyć, jest wymagający i nie może być za bardzo pobłażliwy. Jak to przyjmowali studenci? Bywało różnie. Pamiętam jedną studentkę, która płacząc rzewnymi łzami, skarżyła się, że tak dużo musi pracować, ponieważ jest w grupie Pana dra Stanisława Ulaszka. „To niesprawiedliwe!” — łkała — „Inni przepiszą jakieś ćwiczenia, pooglądają filmy, potem je opowiedzą i jest dobrze. A my musimy tyle umieć! I tyle robić!”. Takich postaw było kilka. Przychodzili czasem reprezentanci grup, prosząc o zmianę prowadzącego zajęcia, gdyż Pan dr Stanisław Ulaszek jest zbyt wymagający. Jednakże, gdy od nowego semestru wprowadzono zmianę wykładowcy, to ta sama grupa po dwóch tygodniach przychodziła z prośbą o przywrócenie zajęć z Panem drem Stanisławem Ulaszką, motywując, że teraz zbyt dużo tracą. Takie sytuacje powtarzały się za każdym razem — widzieli, co stracili.

Pan dr Stanisław Ulaszek zarówno od studentów, jak i od siebie, w tym samym stopniu wymagał rzetelnej pracy i wiedzy. Był surowym nauczycielem, ale z tą surowością, która bywa zwykle doceniana przez dojrzałych już studentów. Absolwenci zawsze podkreślali Jego skuteczność nauczania, a także to, że samo uczestnictwo w zajęciach już im dawało „certyfikat” dobrej znajomości języka. Ale nie tylko. Studenci zauważali, że jest to nauczyciel z pasją, którą się z nimi dzielił, z charyzmą, która wzbudzała u nich respekt i poszanowanie.

Kontakty Pana dra Stanisława Ulaszka ze studentami nie ograniczały się tylko do zajęć. Widziałam studentów na dyżurach, podczas których udzielał im konsultacji (korepetycji — ściślej mówiąc). Udostępniał im swoje materiały, nie tylko do swoich zajęć, ale także do prac magisterskich, w których im bardzo pomagał. Pamiętam, że często w wielu sprawach językowych czy socjokulturowych odsyłałam do Pana Doktora swoich magistrantów, a oni wracali bogatsi, nie tylko w wiedzę, ale też w nowe pomysły i materiały badawcze.

Wiem też, że niektórzy studenci dodatkowo, poniekąd jako „wolni słuchacze”, brali udział w zajęciach Pana dr Stanisława Ulaszka, ażeby pogłębić znajomość języka rosyjskiego. Wiem także, że niektórym studentom pomagał w wielu sprawach życiowych, a czasami materialnych. I wiem również, że z całą rzeszą studentów Państwo Bożenna i Stanisław Ulaszkowie mają do dziś bardzo osobisty kontakt, wręcz rodzinny.

Kolejny nurt działalności dydaktycznej Pana dra Stanisława Ulaszka, związany jest z translatoryką. Nauczanie tego przedmiotu związane było bezpośrednio z Jego pracą i pasją tłumacza, a osiągnięć w tej dziedzinie miał nieskończenie wiele — był i jest nadal wybitnym tłumaczem rosyjsko-polskim i polsko-rosyjskim⁵.

⁵ O ogromie pracy translatorycznej Pana dr Stanisława Ulaszka możemy przeczytać w artykułach zamieszczonych w tym tomie, a także zapoznać się z Jego dorobkiem (patrz: *Bibliografia wybranych*

Gdy pod koniec lat 90. ubiegłego wieku pojawiła się idea wprowadzenia przedmiotów translatorycznych, Pan dr Stanisław Ulaszek w sposób jakże naturalny znalazł się w awangardzie. Należało określić zakres i charakter zajęć, ustalić proporcje między teorią i praktyką. Doświadczenie i wiedza były solidne, a Jego wizja i rozwiązania okazały się niezwykle trafne. Jeszcze na pięcioletnich studiach filologii rosyjskiej wszyscy studenci zostali objęci obligatoryjnym programem zajęć translatorycznych⁶.

Pan dr Stanisław Ulaszek rozpoczął pracę ze studentami dosłownie od zera. Sam zdobywał odpowiednie materiały do pracy nad przekładem ze studentami. Były to zarówno odpowiednio dobrane pisane teksty literackie, publicystyczne, użytkowe i inne, jak i nagrania oryginalnych wypowiedzi różnego gatunku: przemowy, wywiady, wykłady, homilie, pieśni, filmy, audycje radiowe i telewizyjne. Warto przypomnieć, że w tym czasie zasoby Internetu były jeszcze bardzo skromne, a samo to narzędzie niezbyt rozwinięte. W ogóle, poza magnetofonem i odtwarzaczem taśm VHS, nie było niczego. Jednak było doświadczenie i intuicja Wykładowcy, który perfekcyjnie określił zakres i cele nauczania translatoryki, przekładów tekstów mówionych i pisanych. Bezmiar włożonej pracy i pasji szybko przełożył się na skuteczność kształcenia, która z kolei przełożyła się na satysfakcję samych studentów.

Zarówno działalność translatoryczna Pana dra Stanisława Ulaszka, jak i związana z nią praca dydaktyczna przyniosły niebywale rezultaty, które zostały wysoko ocenione przez studentów. W 2002 roku studenci w swoich ankietach ocenili Jego pracę jako najlepszego nauczyciela akademickiego w Instytucie. Oto kilka wypowiedzi studentów w tych i innych ankietach (2002–2012): „Pan dr Ulaszek jest super, wszystko wyjaśnia i pożycza książki”; „duża kultura i kompetencja”; „bardzo przydatny przedmiot i dużo można się nauczyć”; „wysoko oceniam zajęcia z przekładu z Panem Ulaszkim, umie nauczyć”; „Osoba niezwykle kompetentna, wybitny erudyta”; „zajęcia super ciekawe, dowiaduję się dużo ciekawych i przydatnych informacji”; „Tłumaczenia na bardzo wysokim poziomie, jedne z niewielu zajęć, które spełniły moje oczekiwania”; „Bardzo inteligentny wykładowca, duży autorytet”; „bardzo chętnie udziela dodatkowych informacji na interesujący nas temat”. I to tyle, i — aż tyle. Potem przyszli inni wykładowcy, również dobrzy, ale Mistrzowi nikt nie dorównał.

Istotnym elementem tego sukcesu jest niebywała erudycja i wysoka kultura języka ojczystego i rosyjskiego Pana dra Stanisława Ulaszka. Sam proces tłumaczenia to wniknięcie w kulturalno-językowy obraz świata zarówno oryginału, jak i przekładu. Ponadprzeciętne wyczucie i adekwatna znajomość obu tych światów — rosyjskiego i polskiego — egzystują w samym jestestwie Naszego Mistrza. Stąd Jego wyjątkowość — jako nauczyciela i tłumacza.

W 1996 roku Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego powołała Centrum Edukacyjno-Egzaminacyjne „Rosyjski język biznesu i komercji” przy współpracy

---

przekładów Stanisława Ulaszka. Oprac. K. Wojan. „Studia Rossica Gedanensia” 2, 2015, s. 492–494)

⁶ Obligatoryjność zajęć translatorycznych dla wszystkich studentów filologii rosyjskiej skończyła się w 2005 roku, po wprowadzeniu studiów dwustopniowych i utworzeniu Zakładu Translatoryki i Komunikacji Międzykulturowej. Od tej pory translatoryka jest prowadzona jedynie w zakresie wybieranej przez studentów specjalności translatorycznej. Pan dr Stanisław Ulaszek także prowadził zajęcia z przekładu w ramach tej specjalności.

z Instytutem Języka Rosyjskiego im. A.S. Puszkina w Moskwie i Izłą Handlowo-Przemysłową Federacji Rosyjskiej. Celem tej jednostki, która działała pod egidą Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej, było prowadzenie kursów i przygotowanie do egzaminów na certyfikat standardu międzynarodowego z rosyjskiego języka biznesu (wszystkie poziomy).

I tak w życiu Pana dra Stanisława Ulaszka pojawił się kolejny kierunek nauczania, oczywiście jeszcze nieopracowany dydaktycznie i merytorycznie. To były początki nauczania rosyjskiego języka biznesu w Polsce, a pomoc merytoryczna, a także zakres i wymagania egzaminacyjne ze strony Instytutu Języka Rosyjskiego w Moskwie były — powiedzmy delikatnie — niedookreślone. Było to kolejne nowe wezwanie.

Jednak Pan dr Stanisław Ulaszek, który nigdy nie działał po omacku, ze znajomością rzeczy zaczął przygotowywać słuchaczy kursów do bardzo poważnych egzaminów. Słuchacze tych kursów byli rozmaici — od średniej znajomości języka rosyjskiego na poziomie liceum czy lektoratu do studentów filologii rosyjskiej. Najczęściej ci pierwsi byli studentami innych kierunków, głównie ekonomicznych, a filolodzy — z kolei — nie mieli pojęcia o sprawach ekonomicznych. Jednakże Wykładowca zrzęcznie wykorzystał tę sytuację — jedni pomagali drugim w zakresie swych kompetencji.

Zdobycie odpowiednich materiałów do nauczania nie było sprawą ani prostą, ani łatwą. A jednak na każde zajęcia Pan dr Ulaszek przygotowywał całe serie tekstów, ćwiczeń, nagrań. Przez te lata (16 lat) pracy na kursach „zebrała się” ich ogromna liczba mieszcząca się w dwóch szafach — było w nich wszystko, co stanowiło niezbędny materiał do pracy ze słuchaczami kursów.

Podczas egzaminów certyfikacyjnych trwających 16 godzin Pan dr Stanisław Ulaszek był cały czas obecny. Na bieżąco przepytывał studentów, jak im poszło, jakie mieli trudności, co dla nich było łatwe, jaki był zakres materiału itd. W ten sposób już „reformował” przyszłe kursy. Nie tylko studenci byli obiektem zainteresowań Wykładowcy, ale także członkowie Komisji, którzy przyjechali z Moskwy. Wyjaśniał z nimi swoje wątpliwości merytoryczne, językowe i metodyczne, „wyrывał”, gdyż nie bardzo chcieli udostępniać, wzorce tekstów i nagrań, a po zapoznaniu się z nimi, starał się wyjaśniać wszelkie niuanse metodyczne. Członkowie Komisji często byli bardzo zakłopotani, nie zawsze potrafili stawić czoła problemom Pana dra Stanisława Ulaszka. Do mnie zaś mówili: „Что мы можем ему объяснить, ведь он сам все лучше нас знает”. Taka sytuacja doprowadziła do pogłębionej współpracy z Instytutem Języka Rosyjskiego im A.S. Puszkina w zakresie doboru materiału i zadań testowych. Poglądy i opinie naszego Eksperta były uznane i bardzo oczekiwane.

Cała ta ogromna praca okazała się niezwykle skuteczna i przełożyła się na wyniki egzaminów. Nasze Centrum miało najwyższy poziom wśród wielu innych w Polsce i w Europie. To właśnie eksperci z Instytutu Puszkina i Izby Handlowo-Przemysłowej Federacji Rosyjskiej orzekli, że Pan dr Stanisław Ulaszek jest najlepszym nauczycielem rosyjskiego języka biznesu w Europie (rok 2007). To oni także orzekli, że kultury językowej mogą mu pozazdrościć nawet rodowici Rosjanie.

Po jakimś czasie do programu studiów filologii rosyjskiej dla specjalności translatorskiej i biznesowej oraz dla studentów rosjoznawstwa wprowadzono przedmiot „Rosyjski język biznesu”, który w kilku grupach prowadził także Pan dr Stanisław Ula-

szek, dołączając doń również elementy przekładu tego typu tekstów. Studenci zawsze domagali się prowadzenia przez Niego tych zajęć. Trwało to jednak zbyt krótko.

Takim Nauczycielem naszego Instytutu był Pan dr Stanisław Ulaszek. Takim Go widzieli, odbierali i takiego naśladowali oraz cenili studenci i współpracownicy.

W kontekście obrazu Nauczyciela i rozważań o naszym Mistrzu chciałabym dodać, niestety, kilka gorzkich słów. Powołam się na *Statut Uniwersytetu Gdańskiego*, gdzie § 5. p. 3: stwierdza się: „Misją Uniwersytetu jest: 1) kształcenie w celu zdobywania i uzupełniania wiedzy oraz przygotowanie do pracy zawodowej”. Wyraźnie i dobitnie — na pierwszym miejscu działalności statutowej jest kształcenie studentów, na drugim zaś — „prowadzenie badań naukowych”. Rzeczywistość akademicka jest jednak zupełnie inna — nauczyciel akademicki jest ceniony i nagradzany przede wszystkim za działalność naukową, a działalność dydaktyczna przy przyznawaniu nagród i wyróżnień ma charakter marginalny. Pan dr Stanisław Ulaszek przez ponad 25 lat nie otrzymał żadnej nagrody od władz Uniwersytetu Gdańskiego! Podobnie jak Jego Koleżanki prowadzące z wielkim nakładem pracy zajęcia z języka rosyjskiego.

Niestety, etos nauczyciela (*a co to jest?*) przemija, odchodzi razem z Nauczycielami, ukształtowanymi przez Licea Pedagogiczne. Odchodzi razem z ich uczniami, też nauczycielami. Teraz uważa się, że nawet zajęcia z praktycznej nauki języka rosyjskiego może prowadzić każdy, nawet ten bez przygotowania i doświadczenia dydaktycznego. Nikomu też nie jest potrzebne akademickie przygotowanie do zawodu nauczyciela. Studenci z biegiem czasu przyjmą taki stan. Pewnie nie odczują tej straty — skąd będą wiedzieć, że tracą.

Staszek odchodzi z Instytutu — pełen inwencji, energii, z przebogatą wiedzą merytoryczną, ze sprawdzonym doświadczeniem, z niesamowitą kompetencją językową, kulturową i dydaktyczną, ze swoją otwartością na sprawy studentów, poszanowaniem ich godności, z twardą i tradycyjną autodyscypliną, elegancją, dżentelmenerią i — powszechnie znanym — poczuciem humoru. Wielka, wielka szkoda!

Drogi Staszku, dzięki swojej pracy, kompetencji językowej oraz dydaktycznej byłeś i pozostaniesz arbitrem i autorytetem, zarówno dla studentów, jak i współpracowników. Raduj się, że młodszy wiekiem wykładowcy, którzy spotkali się z Tobą, chcą Ciebie naśladować. Byłeś wśród nas wszystkich, równie pracowitych i oddanych pracy, wzorem do naśladowania. Wiem, co mówię — i jako koleżanka, i jako były pryncypał.

A teraz, Staszku, ciesz się wolnym czasem, którego już nie wypełni praca nauczyciela, ciesz się sztuką, tłumaczeniem, działką — pasjami swoimi.

А все-таки жаль ....

Marcelina Grabska

MARCELINA GRABSKA

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Pragmatyki, Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finmg@univ.gda.pl

PONAD MURAMI DZIELĄCYMI DWA KRAJE POŁUDNIOWEGO KAUKAZU

W 2008 roku otrzymałem pierwszy list od Doktora Stanisława Ulaszka. Mój adres dał mu nasz wspólny znajomy, pracujący na Uniwersytecie Gdańskim latynista, prof. dr hab. Norajr Ter-Grigorian, Ormianin, z którym współpracowałem przy redagowaniu *Małego słownika ormiańsko-polskiego, polsko-ormiańskiego* (trzecim współautorem tego słownika była pani Szuszanik Sedojan z Warszawy).

O co chodziło Doktorowi Stanisławowi Ulaszkowi? Otóż tłumaczył on wówczas z przekładu rosyjskiego sensacyjną powieść historyczną zatytułowaną *Zagadkowy rękopis*. Jej autorem był naukowiec i pisarz azerbejdżański, Kamal Abdulla. Na język rosyjski tę bardzo ciekawą książkę przełożył Vagif Ibrahim-oghlu, który był zapewne raczej rusycystą niż, jak ja, orientalistą, mającym wiedzę o językach Bliskiego Wschodu (z ormiańskim włącznie).

W oryginale azerbejdżańskim *Zagadkowego rękopisu* autor nie zamieścił żadnych przypisów, bo dla czytelnika azerbejdżańskiego, jeśli chodzi o realia, wszystko tam było jasne. Prócz oczywiście treści tych fragmentów (wymyślonego przez autora) średniowiecznego manuskryptu, które stanowią tytułową zagadkę, stopniowo przez autora przed czytelnikami odsłanianą. Tłumacz azerbejdżańsko-rosyjski zaopatrzył swój przekład w przypisy mające czytelnikowi rosyjskojęzycznemu objaśnić pewne realia muzułmańskiego Zakaukazia (jak dawniej nazywano z perspektywy rosyjskiej Południowy Kaukaz) słabo na ogół znane w słowiańskim świecie.

Dr Stanisław Ulaszek podszedł do swej pracy bardzo skrupulatnie. Chciał zadbać o to, by orientalne wyrazy zanotowane w przypisach do rosyjskiego przekładu cyrylicą, po polsku zostały zapisane poprawnie według naszej tradycji. Gdy o tym rozmawiał ze swym znajomym Ormianinem, profesorem Norajrem Ter-Grigorianem, ten poradził mu zwrócić się do mnie z prośbą o pomoc. I dobrze zrobił, bo ja z kolei stwierdziłem, że w przypisach Vagifa Ibrahim-oghlu były pewne nieścisłości. Azerbejdżański tłumacz prócz swego języka ojczystego znał perfekcyjnie rosyjski, ale nie zawsze wiedział, czy jakiś stary, obcy wyraz występujący w należącym do grupy turkijskiej w języku azerbejdżańskim jest pochodzenia arabskiego czy też perskiego. I w swych przypisach popełnił parę błędów. A ja się tych języków uczyłem podczas studiów orientalistycznych, odbytych w latach 1957–1961 na Uniwersytecie Jagiellońskim, i mogłem owe usterki przypisów Vagifa Ibrahim-oghlu naprawić.

Ostatecznie wspomniana książka wyszła drukiem w 2009 roku w Toruniu (Wydawnictwo Adam Marszałek). I tak się zaczęło. Widząc, jak umiejętnie dr Stanisław Ulaszek radzi sobie z tzw. „fałszywymi przyjaciółmi tłumacza”, tj. z wyrazami, które utrudniają przekład tekstu rosyjskiego na język polski, i jak przy tym potrafi różne

treści wyrazić bardzo piękną polszczyzną, wpadłem na pomysł, by poprosić Go o wykonanie następnego przekładu „z drugiej ręki”.

Zaproponowałem Mu przetłumaczenie na język polski z rosyjskiego przekładu klasycznej powieści historycznej ormiańskiego pisarza Derenika Demircziana, dwutomowych *Wartanidów*. Jej treścią są burzliwe dzieje powstania starożytnych Ormian przeciwko perskiej niewoli. W początkach IV wieku Ormianie (Armeńcy) przyjęli chrześcijaństwo, a w połowie następnego wieku perska dynastia Sasanidów usiłowała zmusić ich do porzucenia chrześcijaństwa i przejścia na mazdaizm (zoroastryzm, zaratusztrianizm). Wprawdzie bitwa na równinie Awarajru (rok 451) skończyła się klęską Ormian i śmiercią przywódcy powstania Wartana Mamikoniana, ale Persowie ponieśli w tej walce tak ciężkie straty, że odstąpili od swych planów i Ormianie są do dziś narodem chrześcijańskim.

Współpraca z Doktorem Stanisławem Ulaszkiem układała mi się nadal wzorowo: On tłumaczył tekst powieści (napisanej po ormiańsku w latach drugiej wojny światowej), a ja ustalałem pisownię imion własnych oraz wyrazów orientalnych. Redagowałem przy tym przypisy, a także przetłumaczyłem z języka rosyjskiego *Komentarze* tłumaczki ormiańsko-rosyjskiej, Arus Tatewosjan. Pierwszy tom tej powieści został opublikowany po polsku przez krakowską Księgarnię Akademicką w roku 2014, a drugi tom, już przez Doktora Stanisława Ulaszka przetłumaczony (równie pięknie jak pierwszy), ukaże się w ciągu najbliższych miesięcy.

Jak wiadomo, region Południowego Kaukazu jest terenem wielkich konfliktów międzyetnicznych związanych częściowo z upadkiem ZSRR. Na początku lat 1990 toczyła się wojna armeńsko-azerbejdżańska o Górski Karabach. Wrogość między obu posowieckimi państwami, Armenią i Azerbejdżanem, utrzymuje się i perspektywy pokojowego uregulowania konfliktu są nikłe.

Dla zbliżenia poważnionych narodów można jednak coś zrobić w dziedzinie kultury. Godnym uznania przejawem takiej właśnie działalności jest twórczość przekładowa dra Stanisława Ulaszka, który przyswoił polskiemu czytelnikowi dzieła literackie dwóch zwaśnionych narodów: najpierw Azerbejdżan (w skrócie: Azerów), a potem Ormian, dawniej w Polsce znanych także pod imieniem Armeńczyków (por. postać Hera Armeńczyka w poemacie *Król-Duch* Juliusza Słowackiego). Dał tym samym do zrozumienia przedstawicielom obu narodów, że można się spokojnie wznieść ponad poziom konfliktu dzielącego oba narody i spojrzeć na nie z jednakową sympatią i równym zainteresowaniem dla obu kultur. Oto właściwa postawa prawdziwego filologa-humanisty, jakim jest Doktor Stanisław Ulaszek.

Prof. dr hab. Andrzej Pisowicz
Kraków, 18 sierpnia 2015 r.

ANDRZEJ PISOWICZ

Profesor emeritus
Uniwersytet Jagielloński
Wydział Filologiczny, Instytut Orientalistyki
al. Mickiewicza 3, 31-120 Kraków, Polska
e:mail andrzej.pisowicz@uj.edu.pl

SŁÓW KILKA O STANISŁAWIE, NIEKONIECZNIE O ULASZKU

Staszku, z sympatią

Imię, wymienione w tytule, miało ciekawe losy. Było bardzo popularne w średniowieczu, a szczególną popularnością cieszyło się w latach czterdziestych i pięćdziesiątych XX wieku i jak wspomina Jan Grzenia „w każdym z tych dziesięcioleci nadawano je około 175 tysięcy razy”¹. W pokoleniu Staszka Ulaszka było ono jeszcze popularne, po czym jego użycie jako imienia nadawanego noworodkom znacznie zmalało, choć w pierwszym dziesięcioleciu XX wieku było blisko 890,5 tysiąca Polaków Stanisławów. Z czasem antroponim ten nieco popadł w zapomnienie, ale dzisiaj znowu powraca. Malcy, bawiący się w piaskownicy, często wołani są: *Stasś, Stasio, Stasiu, Stachu*, a nawet — *Stanisławie*. To ostatnie może świadczyć, iż rodzice dziecka zetknęli się z kulturą Zachodu Europy (i nie tylko, bo wystarczy wspomnieć wypowiedź Anny Wierzbickiej na ten temat), gdzie się imion dzieci nie zdrabnia. Pamiętam pytanie pani z przedszkola w Norwegii, jak właściwie moja najstarsza wnuczka ma na imię: Zofia, Zosia, Zośka czy jeszcze inaczej, bo słyszała od nas również inne wersje tego imienia.

Otóż Stanisław jest dwuczłonowym złożeniem z dwóch elementów odczasownikowych: *stan(i)*- (od bezokolicznika *stać*) i rozkaznika *-sław* (od czasownika *sławić*). Niektórzy wiążą ten drugi człon z rzeczownikiem *sława*. Autorzy opracowania *Księga imion*² podają, że imię to oznacza: „1. tego, który ma stać się sławnym od scs *stanō, stati*, tryb rozkazujący *stani* i *sława* ³; 2. tego, który jest sławny z racji posiadanego namiotu, por. sch. stan ‘mieszkanie’; 3. tego, który jest sławą swego stanu, klasy społecznej”). Na przestrzeni wieków imię to miało wiele zdrobnień, spieszczień i form hipokorystycznych, a do najbardziej popularnych, oprócz wyżej wymienionych, należały: *Stach, Stan, Stanek, Stanisz, Stanko, Stasiek, Stasieniek, Stasinek, Staszek, Staszko*. Niektóre z nich poświadczono zostały już od XI wieku.

Od tego onimu, a także od form żeń utworzonych powstało też wiele polskich nazwisk, na przykład: *Stach, Stachacz, Stachecki, Stacherski, Stachiewicz, Stachnik, Stach-*

¹ J. Grzenia. *Nasze imiona*. Warszawa: Świat Książki, 2002, s. 252.

² B. Kupis, B. Wernichowska, J. Kamyczek. *Księga imion; Wiersze Ludwika Jerzego Kerna*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1975, s. 225.

³ W wydaniu z roku 1979 znajdują się pewne błędy merytoryczne, które tu prostuję.

nowski, Stachoń, Stachosz, Stachowiak, Stachowicz, Stachowski, Stachura, Stachurski, Stanak, Stanek, Staneczek, Staniak, Stanicki, Staniec, Staniek, Stanik, Staniewicz, Staniewski, Stanio, Stanioch, Stanisław, Stanisławczyk, Stanisławek, Stanisławiak, Stanisławski, Stanisławski, Stanisławski, Staniś, Stankiewicz, Stankowski, Stanosz, Stasiewicz, Stachiewicz, Stachowicz, Stachowski, Stanowski, Stanuch, Stańczak, Stańczuk, Stańczyk, Stańczykowski, Stańko, Stańkowski, Stański, Stasiak, Stasicki, Stasiewicz, Stasiniewicz, Stasz, Staszak, Staszczak, Staś, Staszek, Staszewski, Staszkiwicz, Staszic, Staszko⁴.

W różnych epokach wśród imienników naszego Jubilata, jak i osób, które nosiły nazwiska utworzone od tego antroponimu, możemy spotkać: aktorów (Stanisław Bogusławski, syn Wojciecha, komediopisarz i aktor, Stanisław Mikulski, legendarny odtwórca kapitana Klośa) i reżyserów (Stanisław Bareja, Stanisław Wohl), dwóch królów (Stanisław Leszczyński oraz Stanisław August Poniatowski), kompozytorów i krytyków muzycznych (Stanisław Kazuro, Stanisław Sylwester Szarzyński, Stanisław Moniuszko, Stanisław Niewiadomski, Stanisław Wiechowicz, Stanisław Wisłocki), działaczy w różnych sferach i czasach (Stanisław Ostroróg, Stanisław Konarski, Stanisław Kurozwęcki, Stanisław Małachowski, Stanisław Staszic, Stanisław Gabriel Worcell), prezydenta (Stanisław Wojciechowski), piosenkarzy (Stanisław Soyka), poetów (Stanisław Barańczak, Stanisław Ciesielczuk, Stanisław Grochowiak, Stanisław Młodożeniec, Stanisław Pięta, Stanisław Trembecki), pisarzy (Stanisław Dygat, Stanisław Kostka Potocki, Stanisław Brzozowski, Stanisław Lem, Stanisław Pięta, Stanisław Przybylski, Stanisław Reymont, Stanisław Ignacy Witkiewicz będący synem Stanisława, Stanisław Vincenz, Stanisław Zieliński) i bajkopisarzy (Stanisław Jachowicz), malarzy (Stanisław Wyspiański), konstruktora mostów (Stanisław Kierbedź) i pilota, konstruktora lotnictwa (Stanisław Wigura), językoznawców (Stanisław Szober) i historyków literatury (Stanisław Adamczewski, Stanisław Lempicki, Stanisław Pigoń i Stanisław Tarnowski, sportowców (Stanisław Marusarz), prawników Stanisław Kutrzeba), naukowców z różnych dziedzin (Stanisław Anczyc, Stanisław Arnold, Stanisław Herbst, Stanisław Kętrzyński, Stanisław Leśniewski, Stanisław Łaguna, Stanisław Noakowski, Stanisław Ossowski, Stanisław Leopold Szpinalski, Stanisław Witkowski, Stanisław Zakrzewski) czy ....świętych (św. Stanisław Kostka, św. Stanisław ze Szczepanowa, biskup i męczennik oraz kilku Stanisławów wspomnianych wśród męczenników polskich: S. Kubista, S. Kubski, S. Mysakowski, S. Pyrtek, S. Starowieyski). Nie można zapomnieć o słynnym hetmanie wielkim koronnym Stanisławie Żółkiewskim, a także o namalowanym na znanym obrazie Jana Matejki — Stańczyku, przy którym warto z racji profesji wymienić Stanisława Tyma⁵.

Imię to dało także podstawę wielu toponimom (np. *Staniątki, Stanisławice, Stanisławowo, Stanisławów, Stanisławowo, Stanisławowo*), które wtórnie dały początek kolejnym nazwiskom typu *Staniątkowski, Stanisławicki, Stanisławowski, Stanisławowski/Stanisławski*.

⁴ H. Fros SJ, F. Sowa. *Księga imion i świętych*. T. 5: R–U, Kraków: Wydawnictwo WAM, 2004, s. 294–299; J. Grzenia. *Nasze imiona...*, s. 252; B. Kupis, B. Wernichowska, J. Kamyczek. *Księga imion...*, s. 225.

⁵ J. Grzenia. *Nasze imiona...*, s. 252–253; H. Fros SJ, F. Sowa. *Księga imion i świętych...*, s. 294–299; B. Kupis, B. Wernichowska, J. Kamyczek. *Księga imion...*, s. 225.

Henryk Sienkiewicz w swych powieściach (*W pustyni i w puszczy* oraz w *Potopie*) nadał ten antroponim dwóm bohaterom: Stasiowi Tarkowskiemu oraz Stanisławowi Skrzetuskiemu. Z literatury znamy też *Stanisława Wokulskiego* z *Lalki* Bolesława Prusa i *Stanisława Barcza* (*General Barcz*) z powieści Juliusza Kadena Bandrowskiego oraz *Stacha z Krakowiaków i górali* Wojciecha Bogusławskiego i *Stasia z Siłaczki* Stefana Żeromskiego.

Odpowiednikami tego imienia w łacińskim i niemieckim jest *Stanislaus* (w tym ostatnim występuje też *Stenz*, *Stenzel*, stąd potem spolszczone nazwisko *Stencel*), francuskim i angielskim *Stanislas* (ang. też *Stanley*), hiszpańskim *Estanislaos*, włoskim *Stanislao* (tak właśnie nazywano z włoska Stanisława Dziwisza, obecnego arcybiskupa krakowskiego), rosyjskim, ukraińskim i słowackim *Stanislav*, białoruskim *Stanislau*, litewskim *Stanislovas*⁶, węgierskim *Szaniszl6*⁷.

Ze względu na swą popularność imię to było także przedmiotem zainteresowania różnych poradników doradzających wybór imienia dla dziecka. I choć uwagi poniższe należy potraktować z przymrużeniem oka, to warto wspomnieć, że Jakub Kopacz, autor pracy *Imię dla twojego dziecka*⁸, podaje, iż Stanisław jest osobą ujmującą, ale też stale sobą zajętą, wszystko analizującą i sceptyczną do czasu, gdy ujrzy efekt swoich wysiłków, ale także energiczną, mającą jednak dobre serce (będącą filantropem). Z tego opisu wynika dwoistość natury: filantrop, ale nie bezmyślny, ujmujący, szarmancki, ale energiczny. Z kolei Pierre Le Rouzic⁹ (zauważając, iż podobne cechy noszą mężczyźni, nosiciele takich imion, jak Arnold, Henryk, Longin i Olaf), podkreśla, że ci panowie umieją zadbać o swój komfort, przy czym szukając życia bezproblemowego i przyjemnego są bardzo pewni siebie. Duże znaczenie ma dla nich rodzina, są też dobrymi kompanami, lubiącymi smaczne posiłki w gronie przyjaciół. Uwielbiają przekorę, ale też mając bliski kontakt z rzeczywistością, chcą widzieć owoce swojej pracy. Dla dobrego samopoczucia potrzebują kontaktu z innymi ludźmi, ceniąc ich za wnętrze. Lubią przemowy, wielkie słowa, czasem też wolą brać niż dawać. Tak naprawdę, według tego źródła, są to ludzie bardzo skryci i nieśmiali, choć nie mają łatwego charakteru. Potrafią unosić się gniewem, ale (jako klasyczni cholerycy) szybko potem zapominają. Ogólnie zatem, kwituje swe sądy P. Le Rouzic, są bardzo sympatyczni i mają wokół siebie wielu przyjaciół. Nieco inne zdanie mają autorzy książki *Имена. Энциклопедия*¹⁰ oraz I.B. Szeszko, autor pracy *Современный именовослов*¹¹. Ten ostatni wspomina co nieco o uporze Stasia (ponoć już nawet w pieluchach potrafi wymuszać odpowiednie dlań zachowanie mamy), emocjach wyrażanych poprzez ruch (taniec?), ale także o jego darze serca dla bliskich, szczodropliwości, choć w postępowaniu pozbawionych jakiegokolwiek dyplomacji. Gdy Staś staje się Stanisławem, zdaniem wspomnianych au-

⁶ H. Fros SJ, F. Sowa. *Księga imion i świętych...*, s. 295; J. Grzenia. *Nasze imiona...*, s. 252.

⁷ B. Kupis, B. Wernichowska, J. Kamyczek. *Księga imion...*, s. 225.

⁸ J. Kopacz. *Imię dla Twojego dziecka*. Ożarów Mazowiecki: Wydawnictwo Olesiejuk, 2005, s. 93.

⁹ P. Le. Rouzic. *Wpływ imienia na życie*. Przekł. i oprac. E. Sękowska. Wyd. 2. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1990, s. 79–84.

¹⁰ E.A. Грушко, Ю.М. Медведев. *Имена. Энциклопедия*. Москва: Рольф — АйрисПресс, 1999, s. 371.

¹¹ Н.Б. Шешко. *Современный именовослов с рекомендациями как назвать ребенка*. Минск: Современная школа, 2006, s. 201–202.

torów, staje się bardziej stabilny emocjonalnie, aczkolwiek słowo przyjaciel ma dlań duże znaczenie (ma ich niewielu, ale za to prawdziwych i sobie oddanych). Autorzy pierwszej pracy dodają, iż Malec o tym imieniu już od początku swego życia wie, czego chce, a jeszcze lepiej — czego nie chce. W imię realizacji swych dążeń potrafi być egoistą, niepatrzącym na cele i zapatrywania ludzi obok niego. I powtarzają zdanie poprzedniego autora: egoista, ale nie skąpiec, człowiek szczodry, a w miłości — wrażliwy i wierny

Przysłowia polskie, związane z imieniem Stanisław, są w dużej części kalendarzowe i zwane pogodowymi (*Na Stanisława Kostkę, ujrzysz śniegu drobnostkę, a na Ofiarowanie, przydadzą się i sanie; Na św. Stanisława żytko niby/kieby ława; Na św. Stanisława rośnie koniom trawa*), choć inne podkreślają zależność postępowania osoby o tym imieniu w zależności od tego, z kim ma ona do czynienia (*Stach miny nie stroi, jak się Pana boi*), inne mówią o przyjaźni (*Gdzie Stach tam i Wach*¹²) lub popularności tego imienia, będącego w czasach Zygmunta Starego wręcz synonimem Polaka (*Stanisław z izby, Stanisław do izby*)¹³. O nosicielach tego imienia pisano też wiersze, że przypominę tylko Kazimierę Iłłakowiczównę, Ludwika Jerzego Kerna czy Jadwigę Michałowską. Znając Staszka, myślę, że najlepiej przytoczyć tu tekst poety.

Stanisław
 Klnę się na Sophii Loren nogę
 Że Stasiom lepiej nie wchodzić w drogę
 Najgorsi zaś
 (Ten problem zna się)
 Są, że tak powiem Stasie w masie.
 Że pojedynczy Stach
 czy Staszek
 Potrafi, ach,
 Być jak ten ptaszek,
 Subtelny,
 Wdzięczny,
 Ćwierkający —
 Lecz tylko potrąć go niechcący,
 A zaraz błyska mu coś w oku
 I z głupstwa groźna rośnie sprawa.
 I w jednej chwili,
 Hokus-pokus,
 Zmienia się Stasio w Stanisława
 (Ludwik Jerzy Kern¹⁴)

Krystyna Szcześniak

¹² To jest Wawrzyniec.

¹³ J. Grzenia. *Nasze imiona...*, s. 252.

¹⁴ L.J. Kern. *Imiona nadwiślańskie*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2003, s. 141.

Bibliografia

- Fros H. SJ, Sowa F. *Księga imion i świętych*. T. 5: R–U, Kraków: Wydawnictwo WAM, 2004.
- Grzenia J. *Nasze imiona*. Warszawa: Świat Książki, 2002.
- Hłakowiczówna K. *Portrety imion*. Warszawa: Wydawnictwo Polskiego Towarzystwa Wydawców Książek, 1990.
- Kern L.J. *Imiona nadwiślańskie*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2003.
- Kopacz J. *Imię dla Twojego dziecka*. Ożarów Mazowiecki: Wydawnictwo Olesiejuk, 2005.
- Kupis B., Wernichowska B., Kamyczek J. *Księga imion; Wiersze Ludwika Jerzego Kerna*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1975.
- Michałowska Jadwiga. *W lustrze imienia*. Wyd. 2 popr. Lublin: Wydawnictwo Werset, 2011.
- Rouziec P. Le. *Wpływ imienia na życie*. Przekł. i oprac. E. Sękowska. Wyd. 2. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1990.
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М. *Имена. Энциклопедия*. Москва: Рольф — АйрисПресс, 1999.
- Шешко Н.Б. *Современный именовослов с рекомендациями как назвать ребенка*. Минск: Современная школа, 2006.

KRYSTYNA SZCZEŚNIAK

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Katedra Sławistyki
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: kry.szczesniak@gmail.com

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRZEKŁADÓW STANISŁAWA ULASZKA

Przekład historyczny

- Rosyjski oręż zdobiony od XVI do XIX wieku. Katalog wybranych zabytków ze zbiorów Arsenалу Państwowego Ermitażu w Leningradzie eksponowanych w Muzeum Zamkowym w Malborku w 1990 roku = *Russian artistic arms and armours from the 16th to the 19th centuries. A catalog of the exhibition of selected specimens from the collections of the State Hermitage Armoury, Leningrad, displayed in the Castle Museum of Malbork in 1990* = *Художественное оружие XVI–XIX вв.* Przedmowa Mariusz Mierzwiński. Wstęp Jurij Aleksandrowicz Miller. Red. Antoni Romuald Chodyński. Przeł. [z ros. na pol.] Hanna Fortuna, [z pol. na ang.] Stanisław Bławat, [z pol. na ros.] Stanisław Ulaszek. Muzeum Zamkowe w Malborku. Malbork: Muzeum Zamkowe, 1990, ss. 55, [17].
- Soldatenko Anatol W. *Europejski oręż paradny XVII–XIX wieku ze zbiorów Państwowego Ermitażu w Leningradzie. Polonika. Katalog wystawy.* Przeł. Stanisław Ulaszek. Muzeum Zamkowe w Malborku. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku, 1991, ss. 95.
- Miller Jurij Aleksandrowicz. *Europejski oręż paradny XIX wieku ze zbiorów Państwowego Ermitażu w Leningradzie. Katalog wystawy.* Przeł. Stanisław Ulaszek. Muzeum Zamkowe w Malborku. Malbork: Muzeum Zamkowe, 1991, ss. 76.
- Rzemiosło artystyczne Zachodniej Europy od XI do XVI wieku. Ze zbiorów Państwowego Ermitażu w Sankt Petersburgu. Katalog wystawy. Tekst Marta Kryżanowskaja. Przeł. Stanisław Ulaszek. Muzeum Zamkowe w Malborku. Malbork: Muzeum Zamkowe, ss. 1994, ss. 67, ss. tabl. [50].

Przekład naukowy

- Torop Peeter. *Przekład całkowity.* Przeł. Stanisław Ulaszek. [W:] Ricoeur Paul, Torop Peeter. *O tłumaczeniu.* Przeł. [z franc.] Tomasz Swoboda, [z ros.] Stanisław Ulaszek. Wstępem poprzedził Edward Balcerzan. Przekład cytatów anglo- i niemieckojęzycznych Ewa Rajewska. Seria Literatura i Okolice. Red. naukowy serii Bogusław Żyłko. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 60–327 [Indeks. Tyt. oryg.: *Тотальный перевод*].

Przekład publicystyczny

Andriejewa Jekatierina. *Neoklasyyczny Petersburg*. Przeł. Stanisław Ulaszek. „Magazyn Sztuki” 1999, nr 21. [Online] <http://magazynsztuki.eu/old/archiwum/nr_21/archiwum_nr20-21_tekst_4.htm> (7.08.2015).

Przekład prawno-polityczny

Alijew Namik. *Armeńsko-azerbejdżański konflikt Górskiego Karabachu w świetle prawa międzynarodowego*. Przeł. [z ros.] Stanisław Ulaszek. Ambasada Azerbejdżanu w Polsce. Warszawa: Oficyna Olszynka Józef Rudalski, 2012, ss. 128 [Okł.: *Górsko-Karabachski region Azerbejdżanu*. Tyt. oryg. w jęz. ormiańskim: *Ermanistan-Azarbaycon t'unaqışasi beynasalaq hiiquq baximindan*; tyt. ros.: *Армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт в контексте международного права*].

Przekład literacki (proza)

Azarov Jurij. *Homo collectivus (Z części pierwszej)*. Przeł. Stanisław Ulaszek. „Literatura na Świecie” 1992, nr 4, s. 213–226 (z notą s. 227) [Tyt. oryg.: *Групповые люди*].

Dowłatow Siergiej. *Pułkownik mówi, że kocham*. Przeł. Stanisław Ulaszek. „Literatura na Świecie” 1993, nr 10, s. 171–186 (z notą s. 235) [Tyt. oryg.: *Полковник говорит — люблю*].

Weller Michaił. *Grupa Laokoona*. Przeł. Stanisław Ulaszek. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne” 2000, nr 4, s. 3–6 [Tyt. oryg.: *Лаокоон*].

Weller Michaił. *Głowa*. Przeł. Stanisław Ulaszek. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne” 2000, nr 4, s. 6–7 [Tyt. oryg.: *Голова*].

Weller Michaił. *Amerykanin w Leningradzie, czyli śmierć w „Wenecji Północy”*. Przeł. Stanisław Ulaszek. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne” 2000, nr 4, s. 7–8 [Tyt. oryg.: *Пьяная травма*].

Dawidowscy Władimir i Jakob. *Zamach na Stalina (fragment powieści)*. Przeł. F. Apanowicz, Stanisław Ulaszek. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne” 2004, nr 6 (82), s. 8–12 [Tyt. oryg.: *Несокрушимая и легендарная. Альтернативная историческая фантастика*. Inc. Cleveland: IGO-America, 1998].

Abdulla Kamal. *Zagadkowy rękopis*. Przeł. Stanisław Ulaszek. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, cop. 2009, ss. 295, [2] [Oryg.: *Yarımcıq ilyazma* w jęz. azerbejdżańskim].

Abdulla Kamal. *Zagadkowy rękopis*. Przeł. Stanisław Ulaszek. Wyd. 2. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, cop. 2014, ss. 382, [3] [Oryg.: *Yarımcıq ilyazma* w jęz. azerbejdżańskim].

Demirczian Derenik. *Wartanidzi. Wojownicy Wartana Mamikoniana. Powieść historyczna w dwóch tomach*. T. 1. Przeł. Stanisław Ulaszek. Oprac. Andrzej Pisowicz. Kraków: Fundacja Kultury i Dziedzictwa Ormian Polskich — Księgarnia Akademicka, 2014, ss. 474, [1], k. tabl. [1] [Indeksy; tyt. oryg.: *Vardanank'. Patmakan vep*].

Demirczian Derenik. *Wartanidzi. Wojownicy Wartana Mamikoniana. Powieść historyczna w dwóch tomach*. T. 2. Przeł. Stanisław Ulaszek. Kraków: Fundacja Kultury i Dziedzictwa Ormian Polskich — Księgarnia Akademicka, 2015 (w druku) [Tyt. oryg.: *Vardanank'. Patmakan vep*].

Przekład teatralny

Wiersze Włodzimierza Wysockiego w przekładzie Franciszka Apanowicza i Stanisława Ulaszka do sztuki teatralnej *Archeologia* Aleksieja Szapienki. Reżyseria i scenografia André Hübner Ochodlo. Przeł. Jan Gondowicz. Muzyka Leszek Możdżer. Lato Teatralne Sopot' 2000. Teatr Atelier im. Agnieszki Osieckiej w Sopocie. Prapremiera 12.08.2000.

Sadur Nina. *Dziwo-baba*. Przeł. Stanisław Ulaszek, s. 103–133. [W:] *Lepsi! I cztery inne kawałki dramatyczne w dzisiejszej Rosji*. Wstęp i oprac. Krzysztof Kopka. Przeł. Krzysztof Kopka, Andrzej Bubiń, Stanisław Ulaszek, Andriej Moskwin. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria — Teatr Wybrzeże, 2003, ss. 210, [6] [Tyt. oryg.: *Чудная баба*].

Przekład poetycki

Aleksandr Romanowski. *Miłość i wiara. Wiersze wybrane*. Przeł. z ros. Stanisław Ulaszek. Gdańsk: [nakład własny autora], [s. l.].

Opracowała Katarzyna Wojan

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej
Katedra Skandynawistyki, Pracownia Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

Александр Романовский

Божье предупреждение

(надпись на кресте)

Среди песчаных дюн во Фландрии сурово
Маячит деревянный крест с распятием Христа,
На нём чернеющее временем Божественное слово,
Раскрылись откровением Господние уста:
«Я — Свет, а вы не видите меня,
Я — Путь, а не идёте вы за мной,
Я — Истина, но ложь повергла вас, собою замая,
Я — Жизнь, а вы закрылись от меня стеной,
Я — ваш Учитель, но моя наука не про вас,
Я — Господь, но нет повиненья мне,
Я — Бог ваш, но проповедь моя вам не указ,
Я — Лучший друг, но чуждый вашей всей родне!
Но если к вам несчастье вдруг придёт,
Хочу предупредить, чтоб знали наперёд,
Что для прощенья вашу не приму вину
И от себя всех вас немедля прогоню!

Aleksandr Romanowski

Boża Przestroga (Inskrypcja na krzyżu)

Wśród wydm piaszczystych we Flandrii surowo
Patrzy na ludzi z krzyża figura Chrystusa.
Na szerniałym przez lata drewnie — Boże Słowo
Objawiają wędrowcom Przenajświętsze Usta:
„Jam jest Światłem” — a wy go nie widzicie,
Jam jest Drogą — wy nią nie podążacie,
Jam jest Prawdą — wy kłamstwu hołdujecie,
Jam jest Życiem — a wy nim pogardzacie,
Jam jest Nauczycielem — wy nauk mych nie chcecie,
Jam waszym Panem — wy mnie nie słuchacie,
Jam waszym Bogiem — przykazań moc depczecie,
Jam wiernym Przyjacielem — wy przyjaźń za nic macie...
Lecz gdy nieszczęście nagle na was spadnie,
Przestrogę moją wspomnijcie: „Zaprawdę
Nikommu grzechu pychy nie przebaczę,
Kto do królestwa mego bram kołacze!”

Aleksandr Romanowski. *Miłość i wiara. Wiersze wybrane*. Gdańsk
Z rosyjskiego przełożył Stanisław Ułaszek

Св. Мать Мария (Елизавета Скобцова, 1891–1945)**Моих грехов не отпускай...**

Моих грехов не отпускай
И благодать не даруй даром –
Всё взвесь, всё смеряй, всё карай,
Смотри, каким тлетворным паром
Клубится память о былом.
Сокрушена душа пожаром.
Я предавала Отчий дом,
И благодать всю расточала,
И призывала гнев и гром.
Вот слушай. Дней моих начало.
И солнца южного ладья
Меня в лазурности качала.
Пуста была грехов бадья,
Тяжеловесна – благодати,
И милостив Твой взор, Судья.
Ты посылал небесных ратей
В закатном небе алый полк.
И я не ведала о плате.
Как накопился тёмный долг,
И стал скитаться дух средь ночи,
Затравленный, голодный волк?
Ты слышишь, - дни мои пророчат,
Пророчат гнев, пророчат суд.
И сроки с каждым днём короче.
И смерть, и кровь, разгул и блуд.
Разнузданность страстей несытых
Они как знак в себе несут.
Кто перечислит всех убитых?
Растленных всех кто соберёт?
Кто вспомнит мёртвых незарытых?
Но и не в этом тёмный гнёт, -
Всё это знак иной измены.
И всё вменяю я в умёт.
Я захотела жизни тленной
И гибель в сердце приняла,
И приняла я знаки плена,
И почести я воздала –

Не смыслу – божеские. Вот
Закон, свершивший все дела.
Сзывай же Свой святой народ,
И распластай меня на плахе,
И перечисли каждый год,
Так, чтоб душа смешалась в страхе,
Чтоб кнут твой жилы обнажил.
В посконной буду я рубахе,
В натуге почерневших жил,
Со взором, что от муки
Всё кается, как дух мой жил.
С ударом каждым кнут Твой крепнет.
О, суд Твой милостив и свят.
Такой конец мой – благолепный.
Пусть будет только тёмный ад,
Пусть будет скорбно и тоскливо,
Не будет пусть пути назад, -
Всё Ты решаешь справедливо.

Św. Matka Maria (Jelizawieta Skobcowa, 1891–1945)

Nie odpuszczaj mi moich grzechów...

Nie odpuszczaj mi moich grzechów
I łaską nie obdarzaj za darmo —
Wszystko zważ, wszystko zmierz, zawsze karz,
Spójrz, w jakich zabójczych oparach
Kłębi się pamięć o przeszłości.
Została zniszczona dusza przez pożar.
Zdradzałam przecież Dom Ojca,
I daną łaskę trwoniłam,
Ściągałam Jego gniew i grom.
Posłuchaj, proszę. Dni moich początek.
Wtedy słońca południowego łódka
Kołyšką mi była w lazurze.
A kubel na grzechy — pusty,
Ciężki zaś od łaski,
I miłosierny był Twój wzrok, Sędzio.
I wysyłałeś niebiańskich zastępów
Purpurowy pułk na niebo o zachodzie.
I nie wiedziałam nic o zapłacie.
Jak urósł mój mroczny dług,
I zaczął tułać się po nocy duch,
Zaszczuty, głodny wilk?
Słyszysz, — dni moje są prorocze,
Prorokują gniew, prorokują sąd.
A czasu z każdym dniem wciąż mniej.
I śmierć i krew, rozpusta i nierząd.
Rozpasanie namiętności nienasyconych
Niczym piętnem naznaczonych.
Kto wyliczy wszystkich zabitych?
Rozpustników wszystkich kto zbierze?
Kto wspomni niepogrzebanych umarłych?
Ale i nie w tym jest mroczny ciężar, —
Wszystko to znak innej zdrady.
I wszystko to mam za śmieci.
Zachciało mi się życia przemijającego
I śmierć w sercu przyjąłam,
I przyjąłam oznaki niewoli
I honory oddałam —
Nie sensowi — uczciwe. Oto
Prawo, które sprawdziło wszelkie czyny.
Zwołuj Swój święty naród

I rozplataj mnie na szafocie,
I wylicz każdy rok,
Tak, aby dusza stropiła się w strachu,
Żeby bat Twój ścięgnął obnażył.
W parcianej będę koszuli,
Z naprężonymi poczerniałymi żyłami,
Ze spojrzeniem, co od męki
Cały czas się kaja, jak duch mój żył.
Z ciosem każdym bat Twój krzepnie.
O, sąd Twój łaskawy i święty.
Taki mój koniec — wspaniały.
Niech będzie tylko mroczne piekło,
Niech będzie żałość i smutno,
Nie będzie tylko drogi wstecz, —
O wszystkim decydujesz sprawiedliwie.

Z rosyjskiego przełożył Grzegorz Ojcewicz

JUBILEUSZ MAGISTER
LUCYNY SZCZUKOWSKIEJ

ЮБИЛЕЙ МАГИСТРА
ЛЮЦИНЫ ЩУКОВСКОЙ

ANNIVERSARY CELEBRATION FOR
LUCYNA SZCZUKOWSKA, MA

Lucyna Szekulowska

JUBILEUSZ 50-LECIA PRACY DYDAKTYCZNEJ MAGISTER LUCYNY SZCZUKOWSKIEJ

*Większość nauczycieli traci czas na zadawanie pytań,
które mają ujawnić to, czego uczeń nie umie,
podczas gdy nauczyciel z prawdziwego zdarzenia
stara się sam za pomocą pytań ujawnić to,
co uczeń umie lub czego jest zdolny się nauczyć.*

Albert Einstein

Pani Magister Lucyna Szczukowska, nauczyciel języka rosyjskiego oraz polskiego w szkole podstawowej i gimnazjum, starszy wykładowca w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego, Mistrzyni dydaktyki, wspaniała nauczyciel i wychowawca, cudowna Koleżanka, w 2016 roku obchodzić będzie dostojny jubileusz 50-lecia pracy dydaktycznej.

Jubilatka urodziła się 28 kwietnia 1947 roku w Gdańsku. Jest absolwentką IX Liceum Ogólnokształcącego w Gdańsku. W 1979 ukończyła filologię rosyjską na Wydziale Humanistycznym Uniwersytetu Gdańskiego, broniąc pracy magisterskiej pt. *Próba analizy powieści monograficznej „Zmartwychwstanie” L.N. Tołstoja* napisanej pod kierunkiem dr. Zbigniewa Żakiewicza.

Magister Lucyna Szczukowska nieprzerwanie podnosiła swoje kwalifikacje zawodowe i językowe. Trzykrotnie była słuchaczką studiów podyplomowych, tj. studiów z metodyki nauczania języka rosyjskiego odbywanych w Instytucie Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu Gdańskiego (1985), Szkoły Zarządzania w Uniwersytecie Gdańskim (2002) roku oraz Studiów Podyplomowych Menedżerskich dla Kadry Kierowniczej Oświaty na Politechnice Gdańskiej (2003). Brała udział w różnych formach doskonalenia zawodowego. Ukończyła m.in. kursy: praktyczny kurs języka rosyjskiego w Uniwersytecie im. M.W. Łomonosowa w Moskwie (1987), *Mierzenie jakości pracy szkoły* w Centrum Edukacji Nauczycieli w Gdańsku (2001), *Obsługa komputera i programów użytkowych* oraz *Zaawansowany kurs obsługi komputera i programów użytkowych* w Ośrodku Szkolenia Zawodowego (2001).

Jubilatka nie zaniedbywała też pracy naukowej. Jest autorką i współautorką dwunastu publikacji naukowo-dydaktycznych. Na Jej dorobek składają się: cztery artykuły, sześć książek (podręczników), dwie recenzje wydawnicze. Była również redaktorem

szkolnej serii wydawniczej „Żaczek”, a także „Zeszytu Literackiego” (edycji z 2001 roku).

Swoją przygodę z zawodem Lucyna Szczukowska rozpoczęła w 1966 roku jako nauczyciel języka rosyjskiego w Szkole Podstawowej nr 3 w Gdańsku, w której była zatrudniona do 1975 roku. W latach 1975–2006 pracowała jako nauczyciel języka rosyjskiego w Sportowej Szkole Podstawowej nr 35 oraz Zespole Kształcenia Podstawowego i Gimnazjalnego nr 17 w Gdańsku, a od 1990 również jako nauczyciel języka polskiego. W 1985 roku Magister Szczukowska uzyskała drugi stopień specjalizacji zawodowej w zakresie nauczania języka rosyjskiego, a w 2001 roku — awans na stopień nauczyciela dyplomowanego.

Lucyna Szczukowska to nauczyciel o ogromnej wiedzy merytorycznej, metodycznej, a także twórczej inwencji, niezwykle zaangażowany w życie szkoły oraz wspierały wychowawca wielu pokoleń. Jej aktywny udział i przywiązanie doceniali zarówno uczniowie, jak i ich rodzice, dziękując za „imponującą pracę pedagogiczną i wychowawczą”. Podkreślali, że ich dzieci „spędziły wiele godzin na zajęciach rozwijających ich kreatywność, twórczość i ambicje”. Niejednokrotnie wyrażali wdzięczność za „trud pedagogiczny włożony w wychowanie i wykształcenie ich dzieci”, a także pisząc słowa: „dzięki solidnemu przygotowaniu przez p. Szczukowską ich dzieci są uczniami najlepszych szkół średnich w Gdańsku”¹.

Jubilatka odnosiła i nadal odnosi liczne niekwestionowane sukcesy w pracy z uczniem. Przygotowała aż piętnastu laureatów Wojewódzkiego Konkursu Języka Rosyjskiego, w tym siedmiu zdobywców I miejsca (1981, 1985, 1992, 1993, 1995, 2000). Sześcioro Jej wychowanków zostało wyróżnionych w Centralnych Eliminacjach Konkursu Języka Rosyjskiego w Warszawie. Jej uczniowie zajmowali wysokie miejsca oraz otrzymywali wyróżnienia za udział w licznych konkursach, m.in. w Wojewódzkim Konkursie Języka Polskiego (2000, 1997), w IV Małym Konkursie Polonistycznym (1998), w XVI Ogólnopolskim Konkursie Literackiej Twórczości Dzieci i Młodzieży (2000), w XVIII Konkursie Literackiej Twórczości Dzieci i Młodzieży Gimnazjalnej (2002), w eliminacjach rejonowych Konkursu Recytatorskiego Poezji Polskiej. W latach 1994–2002 Pani Szczukowska była opiekunem Samorządu Uczniowskiego oraz redaktorem naczelnym gazetki szkolnej „Żaczek”. Przez wiele lat sprawowała też funkcję członka jury eliminacji okręgowych Olimpiady Języka Rosyjskiego (ostatnio w 2013 roku).

Współpracę ze środowiskiem akademickim oraz studentami filologii rosyjskiej Uniwersytetu Gdańskiego Lucyna Szczukowska podjęła w 1979 roku. W latach 1979–1986 była nauczycielem mentorem studentów III roku podczas śródrocznych praktyk pedagogicznych. Lekcje pokazowe zawsze były wyjątkowo starannie przygotowane, cele zajęć jasno określone, zaś materiały do każdej lekcji precyzyjnie dobrane. Jej domeną było umiejętne stosowanie na lekcjach innowacji metodycznych. Elastycznie i z ogromną pasją dostosowywała się do potrzeb studenta. Żadna lekcja Mistrzyni nie przeszła bez echa, a studenci dostrzegali niezwykle trud włożony w ich edukację. Nad wyraz chętnie korzystali też z udzielanych im przez Panią Szczukowską fachowych

---

¹ Zespół Kształcenia Podstawowego i Gimnazjalnego nr 17 w Gdańsku, pisma z dnia 24 maja 2001 oraz 22 czerwca 2001.

konsultacji metodycznych. Wykładowcy z naszego Instytutu, prowadzący praktyki pedagogiczne studentów w ramach przedmiotu: metodyka nauczania języka rosyjskiego, wysoko oceniali współpracę z Magister Szczukowską. Harmonijne ujednoczenie zakresu materiału dydaktycznego i metodycznego, elastyczne przyporządkowanie zadań kształcenia studentów do warunków pracy w szkole, niezawodna koordynacja czasu i organizacja warunków pracy to niezmiernie cenne atrybuty tego współdziałania. Cykle spotkań zarówno podczas lekcji, jak i fachowych konsultacji u Pani Magister z jednej strony, oraz wykładowców i studentów z drugiej, stanowiły bardzo cenne doświadczenie dla obu stron tego działania, w którym każdy od siebie nawzajem się uczył. Taki fenomen zdarza się niezwykle rzadko. Opieka metodyczna Lucyny Szczukowskiej nie ograniczała się jedynie do pilotowania pracy studentów i koordynowania jej w środowisku wykładowców akademickich. Niezwykle istotna była ciepła i serdeczna atmosfera, którą starała się stworzyć w szkole poprzez zorganizowanie studentom pomieszczenia, gdzie mogli odpocząć w czasie przerw między lekcjami, a później omówić lekcje z prowadzącymi! Cenne było umiejętne wprowadzenie wykładowców w świat pokoju nauczycielskiego, w którym — dzięki Jej staraniom — byli oni przyjmowani bardzo przyjaźnie. Równie ważne było zadbanie o tak prozaiczną rzecz, jak obiady w szkolnej stołówce. To wszystko pozostało we wdzięcznej pamięci podopiecznych Jubilatki.

W latach 1986–1990 Jubilatka pełniła funkcję doradcy przedmiotowo-metodycznego w zakresie języka rosyjskiego w Oddziale Doskonalenia Nauczycieli w Gdańsku, w roku szkolnym 1989/1990 zaś była kierownikiem zespołu metodyków miasta Gdańsk.

W 1998 roku Magister Szczukowska została zatrudniona w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego na stanowisku starszego wykładowcy. Powierzone zadanie było niełatwe — polecono Jej bowiem prowadzenie zajęć z praktycznej nauki języka rosyjskiego od „zera”, a zatem nauczanie w grupie osób, które wcześniej nie miały styczności z językiem. Godzien uznania jest fakt, iż Jubilatka stała się współautorką programu dydaktycznego dla tzw. grup zerowych, który do tej pory z powodzeniem jest realizowany w naszym Instytucie na kierunku: filologia rosyjska (tryb stacjonarny oraz niestacjonarny). Pani Szczukowska odnosiła wciąż ogromne sukcesy dydaktyczne. Już po roku nauki języka rosyjskiego stopień zaawansowania był taki sam, jak u studentów, którzy uczyli się języka rosyjskiego w szkole średniej. Do tej pory umiejętnie stosuje Ona aktywne metody nauczania, indywidualizuje wymagania edukacyjne, w szerokim zakresie wykorzystuje technikę komputerową.

Kontakty Pani Magister ze studentami nie ograniczały się do zajęć. Studenci chętnie uczęszczali na Jej konsultacje, na których mogli pogłębić znajomość języka rosyjskiego oraz uzyskać odpowiedzi na nurtujące ich kwestie. Służyła im cennymi pomocami dydaktycznymi, dodatkowymi materiałami, które specjalnie przygotowywała dla chętnych. Wiem, że wielu absolwentów utrzymuje do dziś przyjacielskie kontakty z Jubilatką.

Pani Lucyna Szczukowska jest bez wątpienia nauczycielem poważanym i ogromnie docenianym w środowisku akademickim. Świadczą o tym m.in. wyniki ankiet oceniających pracowników dydaktycznych, przeprowadzanych wśród studentów w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Oto kilka wybranych wypowiedzi pochodzących z ankiet z lat 2006–2014: „Pani Szczukowska to

wymarzona nauczycielka”; „Bardzo duża umiejętność zainteresowania przedmiotem, wysoki poziom zajęć”; „Fenomenalne zajęcia!”; „Bardzo interesujący sposób prowadzenia zajęć, ogromna życzliwość dla studenta i duża chęć pomocy”; „Przygotowanie do zajęć na najwyższym poziomie, niesamowite zaangażowanie, gotowość do pomocy, profesjonalizm”; „Zajęcia bardzo interesujące, prowadząca rewelacyjnie przygotowana do zajęć, odnosząca się z szacunkiem do studentów”; „Nauczyciel punktualny o bardzo dobrych umiejętnościach organizacyjnych. Zawsze w pełni wykorzystuje czas na zajęciach, systematycznie ocenia studentów stosując klarowne kryteria”; „Pani Szczukowska jest pedagogiem wymagającym, lecz jednocześnie nauczycielem lubianym przez studentów, silnie motywującym do nauki języka”; „Pani Szczukowska — geniusz i nauczycielka z powołania, nie spotkałam bardziej oddanej swojej pracy osoby w tym zawodzie”. O wyjątkowych predyspozycjach do pracy dydaktycznej Jubilatki świadczą pojawiające się regularnie prośby studentów o kontynuację nauki języka rosyjskiego pod jej kierunkiem.

Pracując w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Szanowna Jubilatka dała się poznać również jako wielce utalentowany organizator. Od 2007 roku w ramach współpracy międzynarodowej Uniwersytetu Gdańskiego i Bałtyckiego Uniwersytetu Federalnego im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie współorganizowała pięć edycji *Dyktanda z języka rosyjskiego* dla studentów Uniwersytetu Gdańskiego oraz uczniów liceów ogólnokształcących na szczeblu województwa pomorskiego. Była również inicjatorką i współorganizatorką praktyk językowych, odbywanych w murach kalinińskiej uczelni przez studentów filologii rosyjskiej, a także rosjoznawstwa.

Za wyróżniający się trud Magister Lucyna Szczukowska została uhonorowana kilkoma odznaczeniami, tj. Medalem im. Komisji Edukacji Narodowej (1995), Złotym Krzyżem Zasługi (1987) oraz Medalem Sportowej Szkoły Podstawowej nr 35 (1995), a także licznymi nagrodami, m.in. Kuratora Oświaty (2004, 1997, 1989, 1985, 1973), Inspektora (1984, 1981), Prezydenta Miasta Gdańska (2001, 1992) oraz Dyrektora (2003, 1998, 1997, 1996).

Jubilatkę miałam zaszczyt i ogromną przyjemność poznać w 1999 roku. Była moim nauczycielem przedmiotu na I roku studiów, prowadziła praktyczną naukę języka rosyjskiego. Pani Lucyna Szczukowska to wykładowca oddany pracy z młodzieżą, swojej pasji, potrafiący w cudowny sposób zainteresować studenta przedmiotem i jednocześnie zmotywować go do nauki. To nauczyciel charyzmatyczny i rzetelny, wymagający wiele zarówno od siebie, jak i od swoich uczniów. Zawsze cierpliwa, przyjaźnie nastawiona do każdego, serdeczna, pomocna i wielce sprawiedliwa. Zajęcia Pani Magister były zawsze niezwykle starannie przygotowane; miało się poczucie, że ich każda minuta jest precyzyjnie zaplanowana. Teraz, po ponad dziesięciu latach pracy w zawodzie nauczyciela, mam świadomość, jak wiele trudu i inwencji wymaga przygotowanie takich zajęć. Cieszę się, że mogłam tak wiele nauczyć się, czerpać od Mistrzyni. To właśnie niezwykła osobowość, kompetencja i podejście Pani Lucyny Szczukowskiej sprawiły, że wybrałam specjalizację nauczycielską. Później, będąc już asystentem, a następnie wykładowcą w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej, współpracowałam i współpracuję z Nią zawodowo. Pomagała mi zawsze z chęcią i godnym podziwu entuzjazmem, udzielając cennych i praktycznych wskazówek jako doświadczony metodyk, dojrzały nauczyciel wielu pokoleń. W sposób szczególny połączyła nas wspólna

organizacja pięciu edycji *Dyktanda z języka rosyjskiego*. Ujrzałam w Niej bratnią duszę, poznałam Prawdziwego Przyjaciela.

Drogiej Jubilatce, Mistrzyni dydaktyki, z całego serca pragnę pogratulować wspianego Jubileuszu 50-lecia pracy dydaktycznej i życzyć wielu dalszych sukcesów w życiu prywatnym i zawodowym!

Ad multos annos!

Katarzyna Wądołowska-Lesner

KATARZYNA WĄDOŁOWSKA-LESNER

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80–308 Gdańsk, Polska
e-mail: k.lesner@ug.edu.pl

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRAC MAGISTER LUCYNY SZCZUKOWSKIEJ

Artykuły

- Łątka Krystyna, Szczukowska Lucyna, Tyrakowska Wanda. *Zbiór ćwiczeń mechanizujących dla klasy V (materiały pomocnicze dla nauczycieli)*. „Języki Obce w Szkole” (Dwumiesięcznik Ministerstwa Edukacji Narodowej) 1993, nr 1 (181), s. 40–45.
- Łątka Krystyna, Szczukowska Lucyna, Tyrakowska Wanda. *Zbiór ćwiczeń mechanizujących dla klasy V (materiały pomocnicze dla nauczycieli)*. „Języki Obce w Szkole” (Dwumiesięcznik Ministerstwa Edukacji Narodowej) 1993, nr 2 (182), s. 143–148.
- Aleksander Zdzisław, Szczukowska Lucyna. *Z zagadnień kształcenia praktycznego nauczycieli rusycystów*. „Język Rosyjski” 1994, nr 3.
- Szczukowska Lucyna. *Zastosowanie kategorii kosztów okołokonsumpcyjnych w usługach edukacyjnych*. „Pieniądze i Więź” (Kwartalnik naukowy poświęcony problematyce ekonomicznej, prawnej i społecznej) 2001, nr 2, s. 145–148.
- Szczukowska Lucyna. *Zastosowanie kategorii kosztów okołokonsumpcyjnych w usługach edukacyjnych*. „Edukacja Pomorska” (Biuletyn Centrum Edukacji Nauczycieli w Gdańsku) 2002, nr 2, s. 16–18.

Podręczniki

- Szczukowska Lucyna. *Zbiór tekstów do ćwiczeń kształtujących sprawność rozumienia mowy na lekcjach języka rosyjskiego*. Publikacja Ośrodka Doskonalenia Nauczycieli w Gdańsku, Gdańsk 1988 (materiały wewnętrzne).
- Branicka Joanna, Chołuj Halina, Częścik Józef, Czop Mirosław, Szczukowska Lucyna. *W krainie słowa. Podręcznik do kształcenia językowego dla klasy czwartej szkoły podstawowej. Cz. 1*. Il. Gill Elliott. Gdańsk: Harmonia, 1998, ss. 124, [2].
- Branicka Joanna, Chołuj Halina, Częścik Józef, Czop Mirosław, Szczukowska Lucyna. *W krainie słowa. Podręcznik do kształcenia językowego dla klasy czwartej szkoły podstawowej. Cz. 2*. Il. Gill Elliott. Gdańsk: Harmonia, 1998, ss. 126, [2].
- Branicka Joanna, Chołuj Halina, Czop Mirosław, Szczukowska Lucyna. *Sprawdziany, testy i dyktanda dla klasy IV*. Gdańsk: Harmonia, 1998, ss. 48.
- Branicka Joanna, Chołuj Halina, Czop Mirosław, Szczukowska Lucyna, Żurek Sabina. *W krainie słowa. Podręcznik do kształcenia językowego dla klasy piątej szkoły podstawowej. Il. Gill Elliott*. Gdańsk: Harmonia, 1999, ss. 172, [1].

Chołuj Halina, Szczukowska Lucyna. *Sprawdziany, testy i dyktanda dla klasy V. Język polski*. Gdańsk: Harmonia, 2001, ss. 48.

Chołuj Halina, Szczukowska Lucyna, Czop Mirosław. *Sprawdziany, testy i dyktanda dla klasy VI. Język polski*. Gdańsk: Harmonia, 2002, ss. 47, [1].

Recenzje wydawnicze

Szczukowska Lucyna. Rec.: Dziewanowska Dorota, Figarski Władysław, Gregorczyk Joanna. *Język rosyjski. Program nauczania. Gimnazjum*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1999.

Szczukowska Lucyna. Rec.: Dziewanowska Dorota, Figarski Władysław, Gregorczyk Joanna. *Język rosyjski. Program nauczania. Szkoła podstawowa*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1999.

Redakcje

„Zaczek”. Red. nac. Lucyna Szczukowska. Seria Sportowej Szkoły Podstawowej nr 35 w Gdańsku. Gdańsk 1994–2002 (materiały wewnętrzne).

„Zaczek”. Wydanie z okazji Jubileuszu Pięćdziesięciolecia Sportowej Szkoły Podstawowej nr 35 w Gdańsku. Red. Jolanta Dybizbańska, Małgorzata Stachurska i Lucyna Szczukowska. Gdańsk 1997, ss. 76 (materiały wewnętrzne).

Zbiór prac uczniów. „Zeszyt Literacki” 2001, nr 3, ss. 36 + [16] il. Red. Ewa Kociszewska i Lucyna Szczukowska. Gdańsk (materiały wewnętrzne).

Opracowały Katarzyna Wądołowska-Lesner i Katarzyna Wojan

KATARZYNA WĄDOŁOWSKA-LESNER

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80–308 Gdańsk, Polska
e-mail: k.lesner@ug.edu.pl

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej
Katedra Skandynawistyki, Pracownia Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

PIĄTA ROCZNICA ŚMIERCI
DOKTORA ZBIGNIEWA ŻAKIEWICZA

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ
КАНДИДАТА НАУК
ЗБИГНЕВА ЖАКЕВИЧА

THE FIFTH ANNIVERSARY
OF THE DEATH
OF DR. ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ

ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ — RUSYCYSTA. UWAGI I WSPOMNIENIA W PIĄTĄ ROCZNICĘ ŚMIERCI

To już pięć lat minęło, jak zmarł Zbigniew Żakiewicz. Właściwie mówi się w takich wypadkach: odszedł. Albo opuścił nas. Ale Zbyszek Żakiewicz zaczął opuszczać nas kilka lat wcześniej, kiedy stopniowo pogrążał się w depresji i z nikim nie chciał nawet rozmawiać. Leżał na kanapie odwrócony twarzą do ściany i nie odzywał się słowem do odwiedzających go znajomych i przyjaciół. Toteż odwiedzano go coraz rzadziej. Pamiętam, że sam również wolałem się nie narzucać i przestałem go odwiedzać, czego teraz żałuję. Tylko jeden z jego przyjaciół, Bogusław Żyłko, niczym się nie zrażał i przychodził regularnie, siadał obok niego i mówił. Aż po jakimś czasie Zbyszek zaczął odpowiadać i z czasem nawet chętnie wracał do wspomnień z dzieciństwa. Nie pamiętam, kto mi to opowiadał, ale jestem pełen podziwu dla Bogusia. Do pisania jednak Żakiewicz już nie wrócił.

Żakiewicz dobrze znany jest jako autor znakomitych, napisanych bardzo plastycznym, soczystym, rzekłbym, smakowitym językiem powieści i opowiadań, bardzo sensualnych, w dotykalny wręcz sposób oddających skomplikowane kształty świata. Uważany jest za jednego z trzech, obok Pawła Huellego i Stefana Chwina, najwybitniejszych pisarzy Wybrzeża, którzy stanowią też czołówkę w całej polskiej literaturze. Mniej znane szerokiemu czytelnikowi są natomiast jego prace poświęcone literaturze rosyjskiej. Dlatego postanowiłem, jako również rusycysta, historyk literatury rosyjskiej, przybliżyć tę jego bardzo ważną i interesującą sferę twórczości.

Zbigniew Żakiewicz urodził się według zapisu metrykalnego 6 czerwca 1933 roku (ale w rzeczywistości rok wcześniej, metrykę zmieniono w 1944 roku), w Wilnie, a dzieciństwo spędził w Mołodecznie, Poniziu Tatarskim nieopodal Smorgoni oraz od lipca 1944 roku, gdy w wyniku walk spłonął dwór w Mołodecznie, a miasto zdobyli Rosjanie, w folwarku matki Leonpole pod Krewem. Krótko uczył się w białoruskiej szkole w Lenkowszczyźnie. Warunki życia w Leonpolu były trudne, a rodzinie cały czas groziło zesłanie w głąb ZSRR. W dodatku w maju 1945 zmarł ojciec. Toteż w lutym 1946 matka opuściła Białoruś i w ramach tzw. repatriacji wyjechała z chłopcem do Łodzi. Tutaj Żakiewicz ukończył szkołę podstawową i po maturze, w 1953 roku, został przyjęty na Wydział Chemii Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Łodzi. Po miesiącu jednak zrezygnował i rozpoczął studia na filologii rosyjskiej w WSP we Wrocławiu, którą po roku przeniesiono do Opola. Sam również przeniósł się do Opola. Pracę magisterską pt. *Формы самозащиты в творчестве Федора М. Достоевского* napisał

pod kierunkiem doc. dr. Zbigniewa Barańskiego i w roku 1957 został zatrudniony jako asystent w Katedrze Literatury Rosyjskiej na Wydziale Filologiczno-Historycznym WSP w Opolu. W roku 1966 obronił rozprawę doktorską pt. *Literatura rosyjska lat 1894–1914 w kręgu Młodej Polski*, napisaną pod kierunkiem tego samego promotora, jednego z czołowych w tamtych latach literaturoznawców rusycystycznych. W tym samym roku został zatrudniony na stanowisku adiunkta w Katedrze Filologii Rosyjskiej na Wydziale Humanistycznym WSP w Gdańsku (od 1970 roku Uniwersytet Gdański), gdzie pracował aż do emerytury w 1998 roku i wykładał historię literatury rosyjskiej¹.

Był świetnym znawcą literatury rosyjskiej XIX i XX wieku, zwłaszcza twórczości Fiodora Dostojewskiego, Iwana Bunina oraz poezji i prozy Srebrnego Wieku. Jego wykłady pamiętam do dziś (oczywiście nie ręczę za to, że pamiętam je dokładnie i bez zniekształceń). Właściwie nie był, jak to się mówi, wykładowcą charyzmatycznym, porywającym słuchaczy temperaturą wypowiedzi, swoistym aktorstwem. Mówił spokojnie, z namysłem dobierając słowa i przeważnie patrzył przy tym w okno, jakby tam wypatrywał potrzebnych słów, prawie zawsze jednak potrafił wzbudzić nasze zainteresowanie.

Bardzo lubił mówić o Fiodorze Dostojewskim, to od razu było widać: wtedy ożywał się, a nawet zapalał i prowadził nas daleko poza podręcznikową wiedzę zarówno w penetracji głębszych pokładów jego prozy, jak i w odniesieniach do kontekstu historycznoliterackiego, społecznego, filozoficznego. Mówiąc o Dostojewskim, zaczynał, jak pamiętam, od *Biednych ludzi* i powieści epistolarnej, ale najwięcej uwagi poświęcał *Sobowótrowi*, którego najwyżej cenił we wczesnej twórczości pisarza, stawiał go chyba na równi z późniejszymi „wielkimi” powieściami. Wyjaśniał nam, w jaki sposób konstituowany był w powieści punkt widzenia bohatera i jaką rolę odgrywał w tym niezwykle skomplikowany, a nawet pogmatwany, jak się mogło wydawać, styl wypowiedzi narracyjnej. Było to dla mnie wielkim odkryciem. Dzięki niemu właśnie do dziś uważam *Sobowótora* za prawdziwe arcydzieło. Pamiętam też, jak na ćwiczeniach z literatury, które były nie mniej interesujące niż wykłady, analizowaliśmy pod jego kierunkiem słynny monolog Człowieka z Podziemia, który początkowo był całkiem dla nas niezrozumiały, ale stopniowo zaczął do nas przemawiać — i na płaszczyźnie filozoficznej, poprzez odniesienia do idei rozumnego egoizmu i „kryształowego pałacu” (czytaliśmy słynny czwarty sen Wiery Pawłownej z grubej powieści Nikołaja Czernyszewskiego, wchodzącej wówczas do kanonu lektur obowiązkowych), i literackiej — nauczyliśmy się odróżniać autora realnego od „ja” wykreowanego w utworze.

Niebываłą ucztą, pamiętam to wrażenie do dziś, było słuchanie wykładów Żakiewicza o wielkich powieściach Dostojewskiego, w których potrafił nam przybliżyć, bez uproszczeń, skomplikowaną problematykę filozoficzną i religijną. Jakże dalekie to było od ideologicznych interpretacji w sowieckich podręcznikach i opracowaniach. Była to też, jak dziś to oceniam, odrębna droga myślenia o twórczości Dostojewskiego, niż czyniąca być modną w tamtych latach, a później często bezkrytycznie powielana teoria polifoniczna Michaiła Bachtina. Choć Żakiewicz o niej wspominał, to jednak sam — jak pamiętam — koncentrował się w pierwszym rzędzie na innych zagadnieniach,

¹ Zbigniew Ryszard Żakiewicz. Informacja Wojewódzkiej Biblioteki Publicznej w Gdańsku. [Online] <<http://www.old.wbpg.org.pl/slowniklista.php?pisarz=4#>> (15.09.2015).

w tym na wymiarze religijnym jego pisarstwa i stosunku pisarza do chrześcijaństwa i Chrystusa. Nie krył przy tym, mimo obowiązującego ateizmu, własnej religijności, co na tle lansowanego oficjalnie światopoglądu marksistowskiego oraz postaw konformistycznych wręcz biło w oczy. Dziwiła nas trochę jego odwaga, ale chyba, jak pamiętam, nie docenialiśmy tego, gdyż nie wiedzieliśmy, jak wielkiej to wymagało odwagi. Zresztą, na naszym wydziale było jeszcze co najmniej kilka innych osób spośród profesury, nie kryjących swojej wiary chrześcijańskiej, na przykład w Instytucie Filologii Rosyjskiej był to profesor Leszek Moszyński, a w Instytucie Historii, jak wiem, Stanisław Mielczarski. Być może byli jeszcze inni, ale stanowili zaledwie garstkę odważnych, co i tak, jak na owe czasy, było imponujące. Choć, o ile wiem, nie spotkały ich za to żadne represje. Nikt nie doniósł?

Niestety, nie wszystko pamiętam z tych wykładów, minęło przecież ponad czterdzieści lat, a moje notatki nie zachowały się, zaginęły pewnie w czasie kilku przeprowadzek, kiedy, chcąc zredukować bagaż, pozbywałem się wszystkiego, co się dało, a do notatek ze studiów przestałem po jakimś czasie przywiązywać wagę. Pewne oderwane szczegóły wpływają we wspomnieniu, ale nie jestem pewien, czy nie są zniekształcone przez moje własne poglądy, ukształtowane później na podstawie lektur i przemyśleń. Pamiętam tylko, że wiele uwagi poświęcił *Zbrodni i karze*, *Idiocie*, *Biesom* i *Braciom Karamazow*. Nie będę się jednak silił na rekonstruowanie jego wykładów, gdyż nie uniknąłbym większych lub mniejszych zniekształceń, a nawet mimowolnych zafałszowań. Dodam jeszcze tylko, że inną fascynacją Żakiewicza był Iwan Bunin. Pamiętam, że bardzo wysoko cenił *Antonówki*, *Wieś*, a zwłaszcza *Suchodoły*. Podkreślał, że pisarz, w przeciwieństwie do większej części inteligencji rosyjskiej, nie gloryfikował rosyjskiego chłopca, przeciwnie, stworzył we *Wsi* bardzo krytyczny, wręcz okrutny jego wizerunek. Najbardziej fascynował go u Bunina, jak pamiętam, niezwykle obraz „misterium życia i śmierci” oraz przejmująca wizja samotności człowieka w bezkresnym, zimnym Wszechświecie, obojętnym na jego los i wynikającą stąd rozpacz. W obowiązującym wtedy programie Bunin kończył się na roku 1917, więc o jego twórczości z okresu emigracji nie było już mowy.

Problemom twórczości Dostojewskiego i Bunina poświęcił Zbigniew Żakiewicz także szereg artykułów, które publikował w prasie naukowej i kulturalnej. W swoich publikacjach chyba najwięcej uwagi poświęcił poglądom filozoficznym autora *Zbrodni i kary*. Ujmował je na tle toczących się sporów ideowych między myślą prawosławną i socjalistyczną, wskazując również na późniejsze konsekwencje tych sporów², ale najbardziej konsekwentnie i głęboko drążył temat krytyki przez pisarza idei socjalizmu, nihilizmu i ateizmu, do którego sięgał zarówno na początku swojej drogi twórczej, kiedy koncentrował się głównie na problematyce wolności³, jak i przy jej końcu, ujmując tę kwestię od strony odpowiedzialności⁴. Nie pomijał jednak tematyki *stricto litera-*

² Z. Żakiewicz. *Dostojewski na tle prądów filozoficznych epoki*. „Znak” 1960, nr 7–8, s. 1019–1025; Tenże: *W kręgu Dostojewskiego*. „Twórczość” 1963, nr 1, s. 115–118.

³ Z. Żakiewicz. *W świecie pozornej wolności*. „Znak” 1959, nr 5, s. 627–638.

⁴ Z. Żakiewicz. *Czy Rodion Raskolnikow poniósłby dzisiaj karę?* [W:] Grzech. Red. odpowiedzialni A. Czekanowicz, S. Rosiek. Gdańsk: Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, Oddział Gdański — Słowo/Obraz/Terytoria, 2003, s. 93–96.

turoznawczej i w jednym z artykułów skupił się na specyfice realizmu Dostojewskiego⁵. W latach sześćdziesiątych, siedemdziesiątych był to temat dosyć istotny, przede wszystkim z uwagi na to, że oficjalna krytyka, zwłaszcza w ZSRR, usiłowała narzucić realizm całej literaturze jako jedynie „słuszny” kierunek w literaturze socjalistycznej, przeciwstawiając go „dekadencj” kierunkom modernistycznym (określenia „dekadencj” czy „modernistyczny” były tam używane nie w charakterze opisowym, lecz ideologicznym). Sztandarowym kierunkiem nadal był realizm socjalistyczny, choć jego formułę rozszerzono tak bardzo, że mieścił się w nim nurt „romantyczny”, fantastyka i groteska, ale w Polsce już dawno i bezpowrotnie dokonał on żywota. Jednak historycy literatury rosyjskiej w zasadzie nie mogli pominąć tych kwestii. Zbigniew Żakiewicz również zajął się problemem realizmu, ale zdecydowanie odrzucił ideologiczne jego traktowanie i wybrał chyba najtrudniejszy jego wariant — w prozie Dostojewskiego, której przyjrzał się na tle prozy Lwa Tołstoja. Pozwoliło mu to zarówno dostrzec pewne odległe podobieństwo obu pisarzy (w innym miejscu napisał na przykład, że „żyjemy w czasach, które przeczuł Tołstoj, a którym służył Dostojewski”, a dziewiętnastowieczny indywidualista Pierre Biezychow był dalekim bratem Raskolnikowa⁶), jak i — znacznie częściej zauważane — przeciwieństwo: Tołstoj był dziewiętnastowiecznym realistą krytycznym, hołdującym zasadzie „prawdy”, czyli prawdopodobieństwa życiowego, natomiast Dostojewski nie mieścił się w tym paradygmacie, wyłamując się z niego, rozbijał go, dlatego bliższy był naszej epoce niż swoim czasom, o czym świadczy ciągła i żywa jego obecność w literaturze i myśli dwudziestowiecznej. Świadczy o tym także twórczość samego Zbigniewa Żakiewicza.

Wśród licznych jego prac o Dostojewskim (wiele z nich ukazywało się w tygodnikach, a następnie włączane były do książek eseistycznych, poczynając od *Ludzi i krajobrazów*, a na tomie *Rosja, Rosja* kończąc) na uwagę zasługuje artykuł, a właściwie dwa, jeden w wariacie naukowym, opublikowanym w zeszytach naukowych wyższej uczelni, a drugi w wariacie eseistycznym, który ukazał się w czołowym miesięczniku literackim⁷, na temat Polaków w prozie Dostojewskiego. Temat ten nieraz był poruszany w publicystyce polskiej, zresztą nie bez kozery, autor *Braci Karamazow* był wysoko ceniony i bardzo lubiany w Polsce, a tu nagle taki ambaras: nasz ulubieniec nie lubił nas i ukazywał w swoich utworach w karykaturalny sposób. Żakiewicz odniósł się do wszystkich tych prac, poddał krytyce niektóre z zawartych w nich tez i przedstawił własne wyjaśnienie przyczyn tego stanu rzeczy. Nie forsował łatwej tezy psychologicznej, że leżały one w polskim pochodzeniu pisarza rosyjskiego, i udowodnił, że niechęć do Polaków zrodziła się na katordze, z powodu uraz, jakich doznał od zesłańców polskich, traktujących Rosjan z góry, z poczuciem wyższości i pogardą. Pamiętam jednak, że na wykładzie, poruszając ten temat, nie wykluczał pochodzenia jako jednej z przyczyn jego polonofobii, ale uważał, że nie jest pewne, czy miał on polskich antenatów.

⁵ Z. Żakiewicz. *Dostojewski realista*. „Znak” 1971, nr 12, s. 1638–1644.

⁶ Z. Żakiewicz. *Rosja, Rosja... Notatki z podróży. Ludzie. Lektury 1964–2002*. Gdańsk: Polnord — Wydawnictwo Oskar, 2006, s. 19.

⁷ Z. Żakiewicz. *Z problematyki polskiej w twórczości Fiodora Dostojewskiego*. „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia Rosyjska” 1962, nr 1, s. 61–85; Tenże: *Polacy u Dostojewskiego*, „Twórczość” 1968, nr 6, s. 75–89.

Interesował się Żakiewicz również recepcją Dostojewskiego w Polsce, w tym recepcją teatralną, o czym świadczą bardzo interesujące, erudycyjne, napisane ze znanstwem recenzje inscenizacji *Idioty* w adaptacji i reżyserii Waldemara Krygiera w słynnym niegdyś „Teatrze 13 Rzędów” w Opolu w 1961 roku⁸ i w Teatrze Ludowym w Nowej Hucie w 1972 roku czy inscenizacji *Braci Karamazow* w 1974 roku w teatrze „Wybrzeże”⁹. Warto tu zauważyć, że pisarz bardzo interesował się teatrem i te recenzje nie wyczerpują jego aktywności na tym polu, dowodzą tego m.in. recenzja inscenizacji *Kaina* George’a Gordona Byrona w „Teatrze 13 Rzędów” w 1960 roku, jak również sztuki *Cmentarzysko samochodów* Fernanda Arrabala, wystawionej w teatrze „Wybrzeże” w 1972 roku w reżyserii Stanisława Hebanowskiego oraz słynnego wystawienia *Dziadów* Adama Mickiewicza w Teatrze Starym w Krakowie w 1973 roku w reżyserii Konrada Swinarskiego¹⁰.

Kończąc wątek Dostojewskiego w twórczości Zbigniewa Żakiewicza, napomknę tylko jeszcze o opublikowanej w „Więzi” głośnej polemice z tłumaczem Zbigniewem Podgórcem, w której pisarz skrytykował przekład opowiadań Dostojewskiego¹¹, w tym głównie *Łagodnej*¹², gdzie chodziło także o tytuł, próbując wykazać, że w wyniku błędów w tłumaczeniu zostało zniekształcone to, co stanowi o istocie jego twórczości, czyli obraz autora, jak również jego koncepcja ludu rosyjskiego. Cała ta długa i zacięta polemika jest nadzwyczaj pouczającą ilustracją kluczowych problemów przekładu artystycznego, w tym interpretacji translatorskiej dzieła literackiego i opartej na niej strategii tłumacza.

Buninowi poświęcił Żakiewicz o wiele mniej artykułów niż Dostojewskiemu. Zresztą, bardziej gruntownie poznał go stosunkowo późno. „O Buninie nas, rusycystów, nie uczono, — wspominał później, — aczkolwiek powszechnie było wiadomo, że Jarosław Iwaszkiewicz jest wielbicielem pisarza”¹³. Z bardzo obszernym wyborem jego utworów zapoznał się dopiero w 1964 w Moskwie, kiedy pojechał tam na staż naukowy. O wielkim wrażeniu, jakie wywarła na niego proza Bunina, pisał po latach: „Dorwawszy się do tomu opowieści i opowiadań oraz wspomnień Iwana Bunina (...), nie mogłem wyjść z podziwu, że istniał tej miary pisarz”¹⁴. W pierwszych artykułach skupił się na wspomnianym wyżej temacie śmierci, prześladowającym pisarza w ciągu całego jego życia, przy czym ujął go w dwóch perspektywach — jako walki między instynktem życia i widmem nieuniknionej śmierci, posługując się analizą jednego utwo-

⁸ Ryszard [Z. Żakiewicz]. *Dostojewski współcześnie widziany*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 47, s. 6.

⁹ Z. Żakiewicz. *Dostojewski, ale jaki*. „Teatr” 1974, nr 2, s. 19–20.

¹⁰ Por. Z. Żakiewicz. *Dziennik intymny mego N. N.* Kraków: Wydawnictwo Znak, 1977.

¹¹ Z. Żakiewicz. *Fiodor Dostojewski u Zbigniewa Podgórcza*. „Więź” 2000, nr 3, s. 203–208. Odpowiedź tłumacza Zb. Podgórcza i dalsza wymiana zdań w „Więzi” 2000, nr 3, s. 209–213 i nr 7, s. 224–227.

¹² Dostojewski F. *Łagodna. Opowiadania fantastyczne*. Z ros. przeł. i przyp. opatr. Z. Podgórzec. Warszawa: Książka i Wiedza, 1997.

¹³ Z. Żakiewicz. *Iwan Bunin — przekłete dni*. [W:] Tegoż: *Rosja, Rosja...*, s. 164.

¹⁴ *Ibidem*.

ru¹⁵, i jako niezwyklej tajemnicy życia w obliczu śmierci, w ujęciu syntetycznym¹⁶. Jako największe zalety Buninowskiej prozy wymieniał w swoich artykułach liryzm, połączony ze zwięzłością, „niebywała konkretność”, połączona z „poetycką mgiełką”, znajomość ludu, lecz „bez tołstojowskiej idealizacji”, a najwyżej stawiał jego „język krystalicznie czysty, wyrosły na pniu doświadczeń prozy Turgieniewa i Tołstoja”¹⁷. Ostatni (najprawdopodobniej) artykuł na temat twórczości Bunina opublikował w 2000 roku w „Przeglądzie Politycznym”, niedługo po ukazaniu się *Przeklętych dni*, jako recenzję, która jednak była w istocie swoistą syntezą¹⁸. Zamykając ten wątek, chcę wyrazić przekonanie, iż z tych dwóch najwyżej cenionych przez Żakiewicza pisarzy rosyjskich, na pewno ważniejszy był dla niego Dostojewski, jednakże w jego stosunku do autora *Biesów*, jak sam to stwierdził, obecne były fascynacja i sprzeciw, gdy w stosunku do autora *Antonówek* tylko fascynacja. To właśnie Bunina, w tym jego *Antonówki* i *Suchodół*, postawił on obok *Pana Tadeusza* Adama Mickiewicza jako inspirację dla własnej twórczości.

Jego zainteresowania jako zawodowego historyka literatury rosyjskiej nie ograniczały się oczywiście do Dostojewskiego i Bunina, przeciwnie, zakres jego badań był bardzo szeroki. Część jego publikacji związana była z problematyką rozprawy doktorskiej dotyczącej różnych form recepcji literatury rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku wśród pisarzy Młodej Polski. Jeszcze w trakcie pisania rozprawy opublikował on kilka artykułów poświęconych, z jednej strony, pisarzowi rosyjskiemu Leonidowi Andriejewowi, który, *nota bene*, nawiązywał w swojej twórczości do Dostojewskiego i, nie tylko dlatego, był ceniony przez Żakiewicza¹⁹, zaś z drugiej strony wybitnemu polskiemu myślicielowi Stanisławowi Brzozowskiemu i jego recepcji literatury rosyjskiej²⁰. Zwraca tu uwagę chęć zmierzenia się młodego adepta nauki z twórcami najwyższych lotów. Po obronie doktoratu ukazało się jeszcze kilka artykułów z nim związanych, dających syntetyczny przegląd młodopolskich koncepcji literatury rosyjskiej²¹ oraz analizujących młodopolską recepcję twórczości Dymitra Mierieżkowskiego i Maksyma Gorkiego. Gorki uważany był w ZSRR za najwybitniejszego pisarza rosyjskiego XX wieku, ale przede wszystkim ze względu na utwory późniejsze, Żakiewicz natomiast, siłą rzeczy, lecz również z przekonania, skupił się na okresie neoromantycznym, chyba najciekawszym w jego twórczości²². Z kolei opublikowany nieco później artykuł

¹⁵ Z. Żakiewicz. *Biały koń, czyli misterium życia i śmierci*. „Tygodnik Kulturalny” 1971, nr 32, s. 4, 6.

¹⁶ Z. Żakiewicz. *Buninowska wizja misterium życia*. „Więź” 1975, nr 6, s. 70–77.

¹⁷ Z. Żakiewicz. *Rosja, Rosja...*, s. 164.

¹⁸ Z. Żakiewicz. *Odkrywanie Bunina*. „Przegląd Polityczny” 2000, nr 45, s. 140–144.

¹⁹ Z. Żakiewicz. *Leonid Andriejew w Polsce*. „Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Filologia rosyjska” 1963, nr 2, s. 39–68.

²⁰ Z. Żakiewicz. *Stanisław Brzozowski — krytyk literatury rosyjskiej*. „Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Filologia rosyjska” 1964, nr 3, s. 3–32; Tenże: *Brzozowski a literatura rosyjska*. „Więź” 1964, nr 10, s. 54–67.

²¹ Z. Żakiewicz. *Literatura rosyjska lat 1895–1914 w kręgu Młodej Polski*. „Slavia Orientalis” 1968, nr 4, s. 483–503; Tenże: *Polskie koncepcje literatury rosyjskiej w okresie rewolucji 1905 roku*. „Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia Rosyjska” 1968, nr 2, s. 73–88.

²² Z. Żakiewicz. *Proza Maksyma Gorkiego w polskiej opinii okresu modernizmu*. „Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia Rosyjska” 1967, nr 1, s. 65–83.

o Mierieżkowskim odkrywał go dla współczesnego polskiego odbiorcy i dla polskiej historii literatury rosyjskiej²³.

Oprócz wymienionych wyżej studiów i rozpraw naukowych Żakiewicz opublikował wiele esejów, artykułów krytycznoliterackich, szkiców o współczesnych, ale także dawnych, pisarzach rosyjskich, nie tylko przybliżając ich polskiemu czytelnikowi, ale odsłaniając w ich utworach najgłębsze pokłady myśli, lecz również dręczące pytania o sens egzystencji i sens historii, tak często i z taką bolesną determinacją stawianych w Rosji. Na przykład w esej o Mikołaju Gogolu próbował dotrzeć do przyczyn oraz istoty jego dramatu w późnym okresie twórczości, kiedy napisał kontrowersyjne *Wybrane miejsca z korespondencji z przyjaciółmi*, odrzucił swą dotychczasową twórczość i zniszczył drugi tom *Martwych dusz*, aby go zastąpić, jak ujął to Wisarion Bieliński w głośnym *Liście do Gogola* (który, *nota bene*, czytał na zebraniu kółka pietraszewców sam Dostojewski), słabym artystycznie wiernopoddańczym peanem na cześć Cerkwi Prawosławnej i samodzierżawia. Nie podążył jednak niewolniczo drogą Bielińskiego, co nakazywała obowiązująca norma w ówczesnej nauce o literaturze nie tylko w ZSRR, ale również w PRL, spróbował natomiast zrozumieć złożony wymiar duchowy jego mistycznej przemiany²⁴.

Docieklivość, oryginalność ujęcia cechuje również inne artykuły i szkice Żakiewicza. Nie sposób ich wszystkich omówić, nawet pobieżnie, w jednym, z założenia krótkim artykule, dlatego ograniczę się tylko do wskazania kilku najważniejszych autorów, którym poświęcił swoją uwagę. Aby zachować chronologię, po Gogolu wymienię Aleksandra Błoka, z jego myślą o Rosji i Europie, zapożyczoną od Dostojewskiego i Włodzimierza Sołowjowa, oraz o muzyce „rodzącej wszelki żywy ruch kultury” i o rewolucji bolszewickiej jako odwecie ludu za wszystkie zaznane krzywdy²⁵. Dalej Wielimira Chlebnikowa, geniusza o nieposkromionej wyobraźni, ogarniającej zamierzchnią przeszłość, kiedy rodziło się słowo, i przyszłość, Zachód i Wschód, którego ogromnie cenil i podziwiał²⁶. Pisał, że poeta głęboko rozumiał przyrodę, w swojej poezji niejako „był w przyrodzie”, ukazywał ją widzianą od wewnątrz, w taki sposób, że „zwierzęta, trawy, minerały, stawały się jakby lirycznym podmiotem”. Podziwiał go za to, że zrywał z panującą od starożytności antropomorfizacją przyrody i zwierząt i mówił o nich wprost: „Drzewo jest u Chlebnikowa drzewem, lis odzyskuje swą lisiość, żuk staje się żukiem (...) U Chlebnikowa widzimy owa wiarę w możliwość porozumienia się ze światem wprost, bez protez i przenośni”. Z drugiej strony podkreślał, iż był on „otwarty na wszystkie kultury” i stał się jednym z pierwszych zwiastunów kultury globu”, więc nie przypadkiem uważał się za Przewodniczącego Globu Ziemijskiego²⁷. Pisał jeszcze o wielu innych poetach i prozaikach rosyjskich XX wieku, jak Izaak Babel, Ilja Erenburg, Aleksander Twardowski, Jewgienij Jewtuszenko, Wasilij Szukszyn, Aleksan-

²³ Z. Żakiewicz. *Dymitr Mierieżkowski w kręgu Młodej Polski*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska” 1973, z. 3, s. 43–54.

²⁴ Z. Żakiewicz. *Na tropie dramatu człowieka i pisarza*. „Znak” 1960, nr 10, s. 1323–1336.

²⁵ Z. Żakiewicz. *Na ostrzu epok. W czterdziestą rocznicę śmierci Błoka*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 32, s. 5.

²⁶ Z. Żakiewicz. *Wielimir — znaczy wielki świat. Komentarze do wyobraźni*. „Litery” 1969, nr 10, s. 7–10.

²⁷ Z. Żakiewicz. *Mit natury i Wschodu*. [W:] Tegoż: *Rosja, Rosja...*, s. 100–101.

der Sołżenicyn, Josif Brodski czy białoruski pisarz Janka Bryl. Pragnę tu również podkreślić, że w czasie pobytu na dwóch kilkumiesięcznych stażach naukowych w Rosji poznał osobiście wielu czołowych pisarzy rosyjskich, takich jak Jewgienij Winokurow, Włodzimierz Cybin, Dawid Samojłow, Jewgienij Jewtuszenko, Josif Brodski, a z niektórymi nawet się zaprzyjaźnił.

Zbigniew Żakiewicz uważnie śledził również życie literackie w ZSRR, zwłaszcza w latach sześćdziesiątych, kiedy na fali odwilży poddawano krytyce dawne dogmaty i schematy i rodziły się nowe tendencje i nurty w literaturze. Przyglądał się tym tendencjom, szukał ich źródeł, tradycji, z jakich wyrastały, oraz kierunków w jakich zmierzały. Żywo interesował się prozą młodzieżową, ich deklaracjami, ale i pierwszymi próbami. Zauważył rodzący się nurt prozy lirycznej z jej bezpośredniością i szczerością wyznania. Przysłuchiwał się dyskusjom literackim w stolicy, ale zwracał uwagę także na pisarzy prowincji — z głębokiej Syberii oraz republik środkowozajatyckich — widział w ich twórczości świeże sposoby ujmowania relacji człowieka z przyrodą, autentyzm i szczerość. Dostrzegał w tych poszukiwaniach nie tylko rodzime, rosyjskie tradycje, ale w niektórych przypadkach również współczesne europejskie eksperymenty. Dodam, że prawie wszystkie artykuły o najnowszych tendencjach w literaturze rosyjskiej (bardzo zresztą obszerne) zostały opublikowane w jednym z najważniejszych, obok „Znaku”, katolickich czasopism kulturalnych „Więź”²⁸.

Kolejnym obszarem jego działalności, bardzo pożytecznym zarówno dla zawodowych badaczy literatury rosyjskiej, jak i zwykłych czytelników, była jego działalność recenzencka. Opublikował on szereg recenzji poważnych monografii naukowych, zarówno rosyjskich, jak polskich, oraz prac popularyzatorskich, a także polskich przekładów ważnych rosyjskich dzieł naukowych i utworów literackich. Warto wśród nich wymienić monografie o Dostojewskim Walerija Kirpotina i Michaiła Gusa czy o Czechowie Georgija Bierdnikowa, opublikowane w czołowym naukowym czasopiśmie slawistycznym „Slavia Orientalis”, jak również przekłady monografii Konstantina Bolszakowa o Michaiile Lermontowie („Nowe Książki”) lub książki Witalija Szentalińskiego o „literackich archiwach” KGB („Przegląd Polityczny”), a przede wszystkim prace wybitnych polskich uczonych, jak monografia Antoniego Semczuka o Lwie Tołstoju, studium Wiktorii Śliwowskiej o sprawie pietraszewców (zakończony skazaniem na śmierć przez powieszenie czołowych działaczy kółka, w tym Fiodora Dostojewskiego), *Życie Sergiusza Jesienina* Elwiry Watały i Wiktora Woroszyńskiego czy bardzo erudycyjna książka Aleksandra Rogalskiego *Rosja — Europa. Wzajemne związki, wpływy i zależności literackie*, a także słynna książka o Rosji w 1939 roku francuskiego podróżnika Astolphe’a de Custine’a, którego autor nazwał w tytule swojej recenzji — prorokiem rosyjskiej rewolucji. Nie można w tym kontekście pominąć też recenzji *Pism literackich* znanego i wpływowego w swoim czasie krytyka literackiego Wisariona Bielińskiego

²⁸ Oto artykuły Zbigniewa Żakiewicza w układzie chronologicznym: *W oczekiwaniu na sputnika*. „Więź” 1960, nr 7/8, s. 73–86; *Oczekiwania ciąg dalszy*. „Więź” 1961, nr 10, s. 78–88; *Spory i wynurzenia*. „Więź” 1962, nr 11/12, s. 168–180; *Pomiędzy klasyką a nowoczesnością*. „Więź” 1965, nr 5, s. 61–71; *Natura i bezpośredniość — proza rosyjskich „pisarzy prowincji”*. „Więź” 1970, nr 10, s. 49–57. Wbrew tytułowi, w artykule mowa jest nie tylko o pisarzach rosyjskich, bo Czjngiz Ajtmatow to pisarz kirgiski, a Fazil Iskander abchaski. Co prawda, obaj pisali również po rosyjsku.

oraz *Pism estetycznych i krytycznoliterackich* nie mniej wpływowego krytyka i filozofa, czołowego działacza tzw. rewolucyjnych demokratów Mikołaja Czernyszewskiego.

Doskonałym przewodnikiem dla polskiego czytelnika rosyjskiej literatury pięknej były recenzje polskich tłumaczeń dzieł pisarzy rosyjskich, jak na przykład dramaty Michała Lermontowa, które recenzent uznał za arcydzieła przekraczające granice epoki romantyzmu; powieść-feeria o rewolucji i wojnie domowej *Rosja we krwi skąpana* Artioma Wiesiołego, o którym napisał, że przejął pałeczkę, którą nieśli w historii myśli rosyjskiej najwięksi — Dostojewski, Tołstoj, Błok; *Święta studnia* Walentina Katajewa, uznana za przejaw ducha autentyzmu i prawdziwej sztuki w twórczości pisarza, który powiełał do tej pory schematy socrealizmu; drugi wydany w Polsce tom prozy Izaaka Babla *Utwory odnalezione*, przy okazji którego twórczość pisarza uznał za świadectwo prawdziwe, przefiltrowane jednak przez świadomość inteligenta, który był zafascynowany okrutną barwnością świata rewolucjonistów i świata przestępczego; *Dom koło starego Pimiiena* Maryny Cwietajewej, potraktowany jako swoiste laboratorium stawiania się artysty; *Dzieła prawie wszystkie* Wieniedikta Jerofiejewa, twórczość którego, zwłaszcza *Moskwa — Pietuszki*, recenzent odniósł oczywiście do Gogola, ale przywołał również Wasilija Rozanowa, nie zgodził się natomiast z sugestią Andrzeja Drawicza o bliskości jego poematu do dzieła Franza Kafki²⁹; wreszcie *Podkreślenia moje* Niny Berberowej, które dały pretekst do cennych uwag o życiu literackim emigracji rosyjskiej pierwszej fali i o samej pisarce, dość słabo znanej szerszej polskiej publiczności literackiej, oraz niezwykle, zwłaszcza jak na tamte czasy, opowiadania Aleksandra Sołżenicyna z początku lat sześćdziesiątych.

Jeżeli chodzi o Sołżenicyna, to tekst Żakiewicza stanowi żywy odzew na publikację w „Polityce” przekładu słynnego opowiadania, które „wstrząsnęło światem”, *Jeden dzień Iwana Denisowicza*, a także *Zdarzenia na stacji Krieczetowka* i *Zagrody Matriony*. Temat łagrów sowieckich autor potraktował rzetelnie i odważnie, ale oczywiście był świadom ograniczeń stawianych przez cenzurę, dlatego w tytule zaakcentował motyw wielkiej tradycji rosyjskiej powieści realistycznej, ważnej zresztą w artykule i pozwalającej połączyć w jedną całość wszystkie trzy utwory, z których ostatni nawiązywał wprost do postaci z ludu Tołstoja (Płaton Karatajew) i Dostojewskiego (chłop Mareusz)³⁰. Dodam, że utwór ten zapoczątkował nowy potężny nurt w literaturze rosyjskiej — nurt prozy wiejskiej, o którym autor artykułu, rzecz jasna, nie mógł jeszcze wiedzieć.

Publikacje Żakiewicza, w tym recenzje, ukazywały się z różnym natężeniem: w latach sześćdziesiątych i siedemdziesiątych było ich bardzo dużo, z czasem jednak stawały się coraz rzadsze, a ich miejsce zajęły utwory własne pisarza — opowiadania i powieści. Sam przyznał później, iż w wyniku zanurzenia się w prozie Iwana Bunina w czasie pobytu w Rosji „zamiast po doktoracie pisać naukową, to znaczy habilitacyjną, rozprawę o Buninie, zaraz po powrocie do kraju w ciągu paru miesięcy napisałem *Ród Abaczów*”³¹. Powrócił do literatury rosyjskiej w latach dziewięćdziesiątych, kiedy zaczęły się ukazywać nowe, dotychczas niepublikowane utwory, jak *Podkreślenia moje*

²⁹ Z. Żakiewicz. *Franz Kafka czy sowiecki Mikołaj Gogol?*. [W:] Tegoż: *Rosja, Rosja...*, s. 193–200.

³⁰ Z. Żakiewicz. *W kręgu wielkiej tradycji*. „Twórczość” 1963, nr 10, s. 89–92.

³¹ Z. Żakiewicz, *Moskwa, Moskwa*, s. 166.

Niny Berberowej czy *Przekłęte dni* Iwana Bunina. Wtedy też pojawiło się „detektywistyczne” studium Witalija Szentalińskiego. Już w XXI wieku, w roku 2006 ukazała się ponadto świetna książka *Rosja, Rosja*, zawierająca przedruki publikowanych wcześniej szkiców o Rosji i literaturze rosyjskiej z lat 1964–2002. Eseje i szkice, nie tylko na temat literatury rosyjskiej, ale także o literaturze i kulturze polskiej i europejskiej, w tym o religii i chrześcijaństwie, stanowią bardzo ważną i nader obszerną część całego jego dorobku, ale omówienie ich wymagałoby obszernej pracy, być może nawet całej książki, podobnie jak omówienie jego powieści i opowiadań. Dlatego na tym zakończę swoje uwagi.

Franciszek Apanowicz

Bibliografia

- Dostojewski F. *Łagodna. Opowiadania fantastyczne*. Z ros. przeł. i przyp. opatrz. Z. Podgórzec. Warszawa: Książka i Wiedza, 1997.
- Podgórzec Z. *Odpowiedź tłumacza*. „Więź” 2000, nr 3, s. 209–213.
- Podgórzec Z. *Pragnąc sprawę zakończyć*. „Więź” 2000, nr 7, s. 224–227.
- Zbigniew Ryszard Żakiewicz. Informacja Wojewódzkiej Biblioteki Publicznej w Gdańsku. [Online] <<http://www.old.wbpg.org.pl/sloowniklista.php?pisarz=4#>> (15.09.2015).
- Żakiewicz Z. *W świecie pozornej wolności*. „Znak” 1959, nr 5, s. 627–638.
- Żakiewicz Z. *Dostojewski na tle prądów filozoficznych epoki*. „Znak” 1960, nr 7–8, s. 1019–1025.
- Żakiewicz Z. *Na tropie dramatu człowieka i pisarza*. „Znak” 1960, nr 10, s. 1323–1336.
- Żakiewicz Z. *W oczekiwaniu na sputnika*. „Więź” 1960, nr 7/8, s. 73–86.
- [Żakiewicz Z.] Ryszard. *Dostojewski współcześnie widziany*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 47, s. 6.
- Żakiewicz Z. *Na ostrzu epok. W czterdziestą rocznicę śmierci Błoka*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 32, s. 5.
- Żakiewicz Z. *Oczekiwania ciąg dalszy*. „Więź” 1961, nr 10, s. 78–88.
- Żakiewicz Z. *Spory i wynurzenia*. „Więź” 1962, nr 11/12, s. 168–180.
- Żakiewicz Z. *Z problematyki polskiej w twórczości Fiodora Dostojewskiego*. „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia Rosyjska” 1962, nr 1, s. 61–85.
- Żakiewicz Z. *Leonid Andriejew w Polsce*. „Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Filologia rosyjska” 1963, nr 2, s. 39–68.
- Żakiewicz Z. *W kręgu Dostojewskiego*. „Twórczość” 1963, nr 1, s. 115–118.
- Żakiewicz Z. *W kręgu wielkiej tradycji*. „Twórczość” 1963, nr 10, s. 89–92.
- Żakiewicz Z. *Brzozowski a literatura rosyjska*. „Więź” 1964, nr 10, s. 54–67.
- Żakiewicz Z. *Pomiędzy klasyką a nowoczesnością*. „Więź” 1965, nr 5, s. 61–71.
- Żakiewicz Z. *Literatura rosyjska lat 1895–1914 w kręgu Młodej Polski*. „Slavia Orientalis” 1968, nr 4, s. 483–503.
- Żakiewicz Z. *Stanisław Brzozowski — krytyk literatury rosyjskiej*. „Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Filologia rosyjska” 1964, nr 3, s. 3–32.
- Żakiewicz Z. *Proza Maksyma Gorkiego w polskiej opinii okresu modernizmu*. „Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia Rosyjska” 1967, nr 1, s. 65–83.
- Żakiewicz Z. *Polacy u Dostojewskiego*. „Twórczość” 1968, nr 6, s. 75–89.
- Żakiewicz Z. *Polskie koncepcje literatury rosyjskiej w okresie rewolucji 1905 roku*. „Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia Rosyjska” 1968, nr 2, s. 73–88.

- Żakiewicz Z. *Wielemir — znaczy wielki świat. Komentarze do wyobraźni*. „Litera” 1969, nr 10, s. 7–10.
- Żakiewicz Z. *Natura i bezpośredniość — proza rosyjskich „pisarzy prowincji”*. „Więź” 1970, nr 10, s. 49–57.
- Żakiewicz Z. *Biały koń, czyli misterium życia i śmierci*. „Tygodnik Kulturalny” 1971, nr 32, s. 4–6.
- Żakiewicz Z. *Dostojewski realista*. „Znak” 1971, nr 12, s. 1638–1644.
- Żakiewicz Z. *Dymitr Mierieżkowski w kręgu Młodej Polski*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska” 1973, z. 3, s. 43–54.
- Żakiewicz Z. *Dostojewski, ale jaki*. „Teatr” 1974, nr 2, s. 19–20.
- Żakiewicz Z. *Buninowska wizja misterium życia*. „Więź” 1975, nr 6, s. 70–77.
- Żakiewicz Z. *Dziennik intymny mego N. N.* Kraków: Wydawnictwo Znak, 1977.
- Żakiewicz Z. *Fiodor Dostojewski u Zbigniewa Podgórcza*. „Więź” 2000, nr 3, s. 203–208.
- Żakiewicz Z. *Odkrywanie Bunina*. „Przegląd Polityczny” 2000, nr 45, s. 140–144.
- Żakiewicz Z. *Czy Rodion Raskolnikow poniósłby dzisiaj karę?* [W:] Grzech. Red. odpowiedzialni A. Czekanowicz, S. Rosiek. Gdańsk: Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, Oddział Gdański — Słowo/Obraz/Terytoria, 2003, s. 93–96.
- Żakiewicz Z. *Rosja, Rosja... Notatki z podróży. Ludzie. Lektury 1964–2002*. Gdańsk: Polnord — Wydawnictwo Oskar, 2006.
- Żakiewicz Z. *Franz Kafka czy sowiecki Mikołaj Gogol?* [W:] Tegoż: *Rosja, Rosja... Notatki z podróży. Ludzie. Lektury 1964–2002*. Gdańsk: Polnord — Wydawnictwo Oskar, 2006, s. 193–200.
- Żakiewicz Z. *Iwan Bunin — przekłete dni*. [W:] Tegoż: *Rosja, Rosja... Notatki z podróży. Ludzie. Lektury 1964–2002*. Gdańsk: Polnord — Wydawnictwo Oskar, 2006.

FRANCISZEK APANOWICZ

Profesor emeritus
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: frapan@wp.pl

PODRÓŻ(E) NA KRESY ZE ZBIGNIEWEM ŻAKIEWICZEM

O Kresach pisać jest i łatwo, i trudno. Zajmują one w polskiej świadomości (i podświadomości) zbiorowej miejsce szczególne. I choć w rezultacie drugiej wojny światowej, a ściślej na mocy decyzji przywódców zwycięskich mocarstw znalazły się poza granicami Polski, to jednak cały czas są one obecne na różne sposoby w naszym myśleniu. Pewien Rosjanin, a więc człowiek patrzący z zewnątrz, porównał znaczenie Kresów dla Polaków, ze znaczeniem Kosowa dla Serbów. Choć ziemie te są już na zawsze utracone i na poziomie racjonalnym przyjmuje się to do wiadomości (Jerzy Giedroń i całe środowisko paryskiej „Kultury” włożyło wiele wysiłku w to, by nakłonić rodaków do ostatecznego pogodzenia się z tym faktem i ułożenia jak najlepszych relacji ze swoimi wschodnimi sąsiadami), to jednak w sferze kolektywnych emocji i mitów są one nadal silnie obecne. Bierze się to prawdopodobnie z wiary, nie do końca przez ogół uświadamianej, że właśnie tam, na Kresach rozgrywały się najważniejsze zdarzenia określające w sposób decydujący nasz los. Tam odnosiliśmy i wielkie zwycięstwa i ponosiliśmy ciężkie klęski, przy czym te ostatnie wskutek swojego traumatycznego charakteru silniej zapadły w zbiorową pamięć historyczną. Ustanowienie powojennej granicy, połączone z opuszczeniem (bynajmniej niedobrowolnym) tych ziem przez gros ludności polskiej, nie osłabiło, ale — odwrotnie — wzmocniło szczególnie ich traktowanie.

Wszystko to sprawia, że i pisanie o Kresach również odznacza się swoimi osobliwościami. W tym wypadku sam temat jakby podsuwa gotowe szablony i językowe klisze. Zdaje się, że jakby z góry zadawał ton i wyznaczał — jak w dawnej retoryce — określony rejestr stylistyczny. Z jednej strony ułatwia to zadanie piszącemu, ale z drugiej grozi wpadnięciem w oklepane frazesy i sztampy. Ta władza tematu nad piszącym wynika, być może, też z tej okoliczności, że Kresy stały się mityczną krainą, realną i nierealną zarazem, w dużym stopniu dzięki literaturze. Jest ona oplątana gęstą siecią literackich obrazów i skojarzeń i może służyć za przykład ścisłych związków miejsca, topografii, przestrzeni geograficznej i poezji. Mamy tutaj do czynienia ze swoistym sprzężeniem zwrotnym, polegającym na tym, że z nie do końca wiadomych wyroków boskich tereny te okazały się bardzo urodzajne pod względem ilości talentów literackich. Romantyzm rodem z Wilna, „szkoła ukraińska” w poezji to szkolne podręcznikowe przykłady. Potwierdza to również wiek dwudziesty: dwaj najwięksi poeci polscy — Czesław Miłosz i Zbigniew Herbert reprezentują odpowiednio Wilno i Lwów. Twórcy ci tworzyli sugestywne obrazy swoich „małych i wielkich ojczyzn”, powołując do życia odrębny nurt w literaturze polskiej, który (analogicznie do konceptu Władimira Toporowa) moż-

na by nazwać „tekstem kresowym” literatury polskiej. Udział literatury w tworzeniu i podtrzymywaniu mitu kresowego jest olbrzymi, jak w ogóle jej rola w życiu i kulturze narodu pozbawionego przez długi okres państwowości i, co za tym idzie, normalnego „metabolizmu informacyjnego”.

Zjawisko „kresów” nie jest czymś wyjątkowo polskim. Wiele narodów w Europie (choćby Niemcy, Węgrzy, Austriacy, Finowie) ma swoje kresy, które obdarza podobnym uczuciem. Samo to uczucie, które badacze „geokulturologii” nazywają topofilią, wpisuje się w szerszy kontekst emocjonalnych związków człowieka z daną przestrzenią i z tym wszystkim, co się na niej znajduje (dziwy przyrody, uroki krajobrazu, jak i wytwory kultury, czyli noosfery). Wszystkie te kresowe topofilie i nostalgie mają swój niepowtarzalny koloryt, które są trudno dostępne dla nosicieli innej kultury. Z kolei ludzie, którzy wyrosli w danej kulturze i przeżyli w niej całe swoje życie, nie mogą z powodu braku koniecznego dystansu zdobyć się na jej w miarę obiektywną charakterystykę.

Taki dystans jest udziałem ludzi, którzy spędzili dzieciństwo na Kresach, a później musieli je w różnych okolicznościach opuścić. Adam Mickiewicz stworzył archetypiczny wzór przeżywania „pożegnania z ojczyzną”, które nie kończy się na lamentacjach z powodu utraty „kraju lat dziecinnych” i jego bezkrytycznej idealizacji, ale owocuje wybitnymi dziełami. Utratę przekuwa się w wartość. Staje się ona siłą napędową i motywacją dla twórczości. Do tego wzoru świadomie lub podświadomie odwołują się liczni wygnańcy z dziecinnej Arkadii. Niektórym z nich udało się po latach powrócić do niej, skonfrontować obrazy utrwalone w najgłębszych warstwach pamięci, doznać zachwyty lub rozczarowania. Same decyzje powrotu i ryzyka takiej konfrontacji nie są łatwe. Mogą one być różne. Miłosz (by się ograniczyć do wspomnianych poetów) w nowej rzeczywistości politycznej i po odzyskaniu pełnej niepodległości zaryzykował wyjazd na Litwę, gościł w Szetejnach i był triumfalnie witany w Wilnie. Herbert natomiast nie chciał słyszeć o odwiedzinach „zrabowanego miasta ojców”.

Chciałbym opowiedzieć o jednej takiej „podróży sentymentalnej”, która wzbogaciła literaturę polską o wartościowe dzieła. Odbyła się ona w pierwszej połowie sierpnia 1976 roku, zaś „podróżnikami” byli Zbigniew Żakiewicz i piszący te słowa. Byliśmy wówczas „młodszyi pracownikami naukowymi” w Uniwersytecie Gdańskim, Żakiewicz był już wtedy uznanym prozaikiem ze średniego pokolenia, autorem kilku dostrzeżonych przez krytykę i czytającą publiczność utworów: *Rodu Abaczów*, *To sen tylko Danielu*, *Białego karła*, *Czteropalcu*. Był pisarzem w pełni ukształtowanym, z własną rozpoznawalną, jakby powiedział Miłosz, dykcją. Ale stał na rozdrożu (świadczą o tym choćby powyższe tytuły), jeśli idzie o wybór generalnej linii tematycznej, swojego poletka (każdy znaczący pisarz takowe posiada), umożliwiającego „wysoki lot wyobraźni”. Zналиśmy się od drugiej połowy lat sześćdziesiątych, przy czym znajomość osobistą w moim przypadku poprzedziła znajomość tekstów, głównie eseistycznych, zamieszczanych przez Zbigniewa Żakiewicza w „Tygodniku Powszechnym” i „Więzi”. Czasopisma te prenumerował mój ojciec, który był najmłodszym wójtem w Drugiej Rzeczypospolitej. Urząd ten piastował w miasteczku Żodziszki, malowniczo położonym nad Wilią, osiemdziesiąt kilometrów na południowy wschód od Wilna. Kiedy powiedziałem mu, że w Gdańsku spotkałem autora tych artykułów (który po krótkim czasie obdarzył mnie swoją przyjaźnią), to usłyszałem, że jeden z Żakiewiczów, Hen-

ryk, był sekretarzem w gminie, której przewodził. Okazało się, że to był to stryj Zbyszka (myślę, że mogę użyć tu formy zdrobniałej, co jest również dodatkowo uzasadnione wielogatunkowym charakterem niniejszego tekstu, będącego po części spóźnionym nekrologiem, wspomnieniem, pamiętnikarską, prywatną relacją z podróży, wreszcie historyczno-krajoznawczym i filologiczno-przyczynkarskim komentarzem do twórczości pisarza).

Wyruszaaliśmy zatem pięknego sierpniowego poranka (pogoda była dla nas łaskawa przez całą naszą dwutygodniową podróż) na wschód jako krajanie z sąsiadujących ze sobą powiatów, którzy mają wspólny cel: odwiedzenie rodzinnych grobów (w moim wypadku także licznej gromadki dalszych i bliższych krewnych, którzy pozostali za Niemnem) i ożywienie dawnych obrazów, który każdy z nas trzymał od lat pod powiekami. Najpierw pociągiem z Warszawy dotarliśmy do Wilna, skąd po parodniowym postoju ruszyliśmy do wspomnianych Żodziszek, które na jakiś czas stały się dla nas bazą wypadową dla rozjazdów po bliższej i dalszej okolicy.

Parę słów o tym miasteczku, o dość starej historii i kilku pozostałych po niej zabytkach. Jednym z nich jest kościół z 1612 roku, będący pierwotnie zborem kalwińskim. Podobny zbór istniał też w nieodległych Smorgoniach, co świadczyłoby o dużych wpływach reformacji na tych terenach. Z tych samych czasów pochodzi konwikt jezuicki, po kasacji zakonu przemieniony w szkołę Komisji Edukacji Narodowej. W okresie międzywojnia mieścił w sobie wszystkie instytucje publiczne gminy Żodziszki: urząd gminny, szkołę, pocztę, posterunek policji. Istnienie miasteczka odnotował Jan Chryzostom Pasek w *Pamiętnikach*. Prowadząc ze swoją chorągwią podjazdową wojnę z „Moskwą” we fragmencie, odnoszącym się do 1662 roku, napisał: „Poszedłem tedy i nie popasałem aż w Żodziszkach”. Na miejscowym cmentarzu, przechowującym ślady przeszłości, można znaleźć groby właścicieli okolicznych majątków — Bokszańskich, Miłoszewskich, Chociłowskich, a obok nich miejsca doczesnego spoczynku prochów moich przodków — Żyłków, Damuciów, Gryszkiewiczów. Przy głównej alejce stoi okazały obelisk, wyciosany z dużego polnego głazu z przymocowanym solidnym godłem i napisem: „8 żołnierzy polskich poległych w 1920 r. Cześć ich pamięci!”. Historia tego pomnika jest następująca (cytuję fragment wspomnień Feliksa Żyłki, ówczesnego wójta, jednego z inicjatorów jego budowy):

„Na terenie naszej gminy znajdowały się mogiłki polskich żołnierzy, poległych w 1920 roku. W porozumieniu z księdzem Droniczem postanowiliśmy szczątki tych żołnierzy przenieść na cmentarz parafialny w Żodziszkach i postawić pomnik dla uczczenia ich pamięci. Proboszcz ogłosił z ambony, że będą zbierane ofiary na budowę pomnika. Odpowiedni pomnik zgodził się zrobić mieszkaniec wsi Martyszki, Żuromski. Na ten cel miał upatrzony duży głaz, z którego można wyciosać pomnik przekraczający 3 metry wysokości. Pomnik miał kosztować 500 zł. W sierpniu pogrzebano na cmentarzu ekshumowanych żołnierzy, i odprawiono mszę w ich intencji. Salwę honorową oddała miejscowa policja, wartę honorową pełnili strzelcy z Żodziszek. Zimą 1936 roku specjalnie przygotowanymi saniami, do których wprzęgnięto 12 koni, przetransportowano głaz z oddalonego o 10 km pola na cmentarz. Głaz z trzech stron był ociosany, frontowa strona była wyszlifowana, napisano na niej złożonymi literami, kto tam spoczywa. W górnej części pomnika umieszczono tarczę metalową z białym orłem na czerwonym tle. Tarczę ofiarowali dwaj dyrektorzy fabryk ze Śląska, którzy

tego lata przebywali na wakacjach w majątku Tupalszczyzna. Odsłonięcie i poświęcenie pomnika odbyło się w sierpniu tego roku. Pomnik ten przetrwał okupację hitlerowską i inne zmiany zaszły po II wojnie światowej. Gdy odwiedziłem moje rodzinne strony w 1974 roku, byłem też na cmentarzu w Żodziszkach, gdzie leżą moi rodzice i z zadowoleniem zobaczyłem pomnik. Wyglądał, jakby był niedawno postawiony, był starannie zadbane” (wspomnienia były spisywane w latach osiemdziesiątych ubiegłego wieku).

Obecnie wchodzącego na cmentarz wita jeszcze jedna znamienna mogiła, kryjąca doczesne szczątki ks. Stefana Zapaśnika, wieloletniego proboszcza parafii żodziskiej. W sierpniu 1976 roku, kiedy po przybyciu do Żodziszek i zakwaterowaniu się u mojego kuzyna, Feliksa Gromyki, udaliśmy się w najbliższą niedzielę do kościoła, zobaczyliśmy przy ołtarzu sędziwego, dziewięćdziesięcioletniego starca, podtrzymywanego przez parafian. „Zaiste, scena jak ze Słowackiego” — zapamiętałem te słowa Zbyszka, wypowiedziane po wyjściu z kościoła. To szlachetna postać kapłana, który do końca trwał na swym posterunku. Kościół i parafia w Żodziszkach obejmowała niemal całą ludność przedwojennej gminy, która wyznaniowo była prawie jednolita. Tego jednak nie można powiedzieć o składzie narodowościowym. Przed wojną sporą aktywność przejawiał tutaj białoruski ruch narodowy. Miał on swojego rzecznika w osobie ks. Wincentego Godlewskiego, ideologa tego ruchu, który dla jego propagandy w latach dwudziestych nie zawahał się wykorzystać ambony. Pretekstem okazał się język kazań, którym wedle ks. Godlewskiego miał być białoruski. Wzbudziło to opór ze strony polskiej części parafian i w rezultacie doprowadziło do zamieszek. Musiała interweniować miejscowa policja i zrobiło się spore zamieszanie. Sprawa stała się głośna na całą Polskę, pisały o niej centralne dzienniki. Ks. Godlewski stanął w marcu 1926 roku przed sądem w Wilnie i został prawomocnie skazany za szerzenie niesnasek narodowościowych — jak głosił wyrok — „na dwa lata zamknięcia w twierdzy”. Na procesie tym w roli świadków oskarżenia wystąpili moi rodzice i dziadkowie oraz Henryk Żakiewicz. W sumie była to postać tragiczna. Dla sprawy, czyli niezależnej Białorusi układał się z różnymi siłami. Białoruski nacjonalista, w czasie drugiej wojny światowej próbował kolaborować z Niemcami (był głównym inspektorem szkolnym w marionetkowym „rządzie białoruskim” w Mińsku). Jego prawdziwe intencje zostały jednak przez hitlerowców rozszyfrowane. Rozstrzelali go w wigilię Bożego Narodzenia 1942 roku (o czym pisze w jednej ze swych książek Józef Mackiewicz).

Żodziszki dotknęła też swoją ciężką ręką i wielka historia. W czasie pierwszej wojny światowej niedaleko przebiegał front, który utkwiał tu na długo. Pod Smorgoniami Niemcy użyli gazu bojowego. Jedną z poszkodowanych osób był Stanisław Ignacy Witkiewicz. Pozostałościami po tym konflikcie są betonowe filary mostów na Wilii (Niemcy kolejką wąskotorową dowozili zaopatrzenie niemal na pierwszą linię) i resztki kościelnej dzwonnicy, którą żołnierze Kaisera wysadzili w powietrze, by nie pomagała artylerii rosyjskiej wstrzeliwać się w ich pozycje. W okolicy rozsianych jest wiele żelbetonowych budek strażniczych przy drogach i tak samo silnie umocnionych gniazd karabinów maszynowych. W czasie drugiej wojny światowej Żodziszki i cała gmina były terenem starć oddziału Armii Krajowej (z legendarnej V brygady, którym najpierw dowodził ppor. Antoni Burzyński, pseudonim „Kmicic”, a w ostatnim okresie rotmistrz Zygmunt Szendzielarz, słynny „Łupaszo”) z partyzantką sowiecką. Jedną

z najbardziej znanych akcji bojowych tamtejszych akowców było brawurowe zajęcie Żodziszek latem 1943 roku i rozbrojenie licznego garnizonu niemiecko-białoruskiego.

Z Żodziszek robiliśmy krótsze i dłuższe wypady do sąsiednich parafii. Nasz gospodarz, a mój kuzyn, Feliks Gromyko był naszym kierowcą i po trosze przewodnikiem. Został niedawno szczęśliwym właścicielem nowej „Łady”, którą kupił za bony, będące jego częścią spadku po zmarłym krewnym w Ameryce. Na czas naszego pobytu wziął urlop i, jak to się mówi, oddał się do naszej dyspozycji.

Białą „Ładą” mogliśmy objeżdżać interesujące nas miejsca. Zaczęliśmy od sąsiednich miejscowości, które przed wojną były ośrodkami gminnymi. W Wiszniewie, dziesięć kilometrów oddalonym od Żodziszek, znaleźliśmy dość dobrze zachowany, czynny nadal kościół. Tutaj przyszedł na świat Mieczysław Karłowicz, wybitny kompozytor, który jednak nad uroki rodzinnego krajobrazu przedłożył wysokie granitowe góry. Jego ojciec, Jan Karłowicz, był współautorem wielkiego słownika języka polskiego. Po dworze zachowały się jedynie fundamenty i resztki parku. Również dziesięć kilometrów od Żodziszek, ale w kierunku wschodnim, znajduje się Wojstom, ni to wieś, ni to małe miasteczko, z dużą bryłą kościoła pośrodku. Miejscowa parafia jest stara, ale kościołowi obecny kształt nadano w ostatnich latach II Rzeczypospolitej. Na cmentarzu wojstomskim pochowany został Ignacy Chodźko (jego grób zachował się w dobrym stanie), pisarz późnego, „krajowego” romantyzmu, autor wielotomowych *Obrazów litewskich*, które weszły do klasyki typowo polskiego gatunku literackiego — gawędy szlacheckiej. Chodźko po wycofaniu się z czynnego życia literackiego osiadł w rodzinnych Dziewiętniach, by spocząć w niedalekim Wojstomie. Wybraliśmy się też na północ, do Niestaniszek z dużym neogotyckim kościołem pod wezwaniem Matki Bożej Dobrej Rady. Zastanawia ilość neogotyckich świątyń na tamtych terenach. Niektóre z nich, jak na przykład kościół w Gierwiatach, są naprawdę wielkiej urody. Istnieje opinia, całkiem prawdopodobna, że wybór tego stylu był uzasadniony tym, że takie kościoły trudno było przemienić w prawosławne cerkwie. Pamiętano o takich działaniach władz carskich po powstaniu styczniowym (wspomniany neoklasycystyczny kościół w Wiszniewie został przekazany po upadku powstania cerkwi rosyjskiej i został rewindykowany dopiero po odzyskaniu niepodległości). Wróćmy do Niestaniszek, które zapamiętałem z wczesnego dzieciństwa, kiedy z rodziną konnym zaprzęgiem przyjechałem (a ściślej: przywieziono mnie) na pogrzeb ciotki Anny. Była wiosna, kwitły krzewy jaśminu, wydzielając intensywną woń (ten zapach od tamtej pory zawsze kojarzy mi się z cmentarzem). Zaczęliśmy bezskutecznie szukać grobu (zapamiętałem, że był po lewej stronie kościoła; widać bowiem było jego wysokie, powiększone jeszcze przez dziecięcą perspektywę, ściany). W pobliżu znaleźliśmy natomiast wielu Miłoszów, całą dużą kwaterę. Może to ich miał na myśli najsłynniejszy z Miłoszów, kiedy w licznych autobiograficznych wypowiedziach, powracając do genealogii swojego rodu, parokrotnie wspomina, że jeden z jego antenatów przed laty wyemigrował na wschód i osiadł na Białorusi. Ale są to zupełnie luźne przypuszczenia. Sam noblista podchodził do swojego rodowodu z przymrużeniem oka, niezbyt serio traktując te polskie fascynacje sygnetami i herbami, które uważał za dziedzictwo Polski szlacheckiej.

W połowie naszego pobytu postanowiliśmy odbyć najdłuższą wyprawę. Wczesnym rankiem ruszyliśmy na północ w kierunku największego jeziora przedwojennej Polski

— Naroczy. Po przejechaniu dwudziestu paru kilometrów i minięciu znajomego już Wiszniewa zatrzymaliśmy się w miasteczku Świr, leżącym przy końcu długiego rynnowego jeziora o tej samej nazwie. Miejscowość ta utkwiła w mojej pamięci głównie z tego względu, że w 1951 roku przed Rejonowym Sądem Ludowym stanął mój ojciec. Oficjalnie zarzucano mu zaległości podatkowe i zatrudnianie w swoim gospodarstwie rolnym pracowników najemnych. Sentencja wyroku, który szczęśliwie zachował się, brzmiała: „Feliksa Żyłko poddać karze pozbawienia wolności w wychowawczych zakładach pracy na okres dziesięciu lat z konfiskatą całego majątku”. Reszta rodziny wiosną następnego roku została zesłana do południowego Kazachstanu. Ojciec dołączył do nas w 1954 roku (już po śmierci Stalina), zaś dwa lata później w atmosferze Chruszczowskiej odwilży i nadciągającego „polskiego października” (ciekawe, że do Kazachstanu docierały echa wydarzeń w Polsce, między innymi poznańskiego czerwca) udało się w ramach tzw. repatriacji powrócić do kraju. Z tamtego Świra zapamiętałem zabłocony plac z łagodnym zejściem do brzegu jeziora i rozstawione na nim głośniki. Jakiś lektor czytał, jak dzisiaj sądzę, jakiś tekst, pewnie gazetowy wstępniak.

Świr z sierpniowego poranka 1976 roku też sprawiał dość przygnębiające wrażenie. Snujący się leniwie ludzie (była to niedziela), głównie mężczyźni. Niektórzy oferowali tanie pokoje i łódkę, z której można łowić ryby. Kościół w eklektycznym stylu z połowy XVII wieku był otwarty, ale bynajmniej nie zapraszał na niedzielną eucharystię. Był pusty, jeśli nie liczyć paru wywróconych konfesjonatów (widocznie nie wiedzano, jaki z nich można zrobić użytek). Wewnątrz latały dzikie gołębie, zabrudzając posadzkę i wszystko, co się dało.

W nienajlepszym nastroju wsiedliśmy do „Łady” i popędziliśmy traktem Batorego w stronę Naroczy. Przystanęliśmy na chwilę na jej wysokim brzegu. Posrebrzona falami tafla wody z ledwie widocznym brzegiem po drugiej stronie. Ani jednego żagla, widok nie do porównania z zatłoczonymi nawet wówczas Mazurami. Pustkę na wodzie rekompensowało niebo pełne białych puszystych obłoków. Tamtejsze obłoki wyróżniają się fantastycznością kształtów. Wiąże się z nimi kolejne wspomnienie z dzieciństwa. Leżę na jakimś posłaniu na furmance, powożonej przez babkę Marylę (dziadek w łagrze). Leżę na wznak i obserwuję płynące wolno obłoki. Dziecięca wyobraźnia przemieniała je w bajkowe napowietrzne budowle i stwory. Pewnie jest w nich coś, co fascynowało poetów od Mickiewicza po Miłosza. Herbertowi obłoki na włoskim niebie nad Ferrarą przypominały greckie łodzie, widziane od spodu, tak jak były przedstawione na obrazie Ghirlandaja. Herbert nawet naturę oglądał przez pryzmat kultury. Zaś Mickiewicz i Miłosz są bardziej poetami północy i w obłokach widzą przejaw groźnych i potężnych żywiołów, przed którymi można uciec tylko w sen. Mnie zaś najbardziej intrygowało to, czy ta biała cukrowa wata byłaby w stanie udźwignąć mnie i nasz wóz z kobyłką i ciężkim chomątem i dugą, rodzajem pałaka (niespotykanego w Polsce centralnej), spinającego hołoble nad szyją konia.

Po krótkim postoju pomknęliśmy dalej, przejeżdżając przez Miadzioł, główną miejscowość turystyczną. Nie zatrzymywaliśmy się także w Wilejce, stolicy naszego przedwojennego powiatu i skręciliśmy na szosę do Mołodeczna. Z Mołodecznem (w prozie Żakiewicza występuje jako „Mołojcewo”) wiążą się ważne zdarzenia w życiu Zbyszka. Tutaj jako dziecka, a potem rozumiejącego już wiele подростka dotknęła wielka historia: wrzesień 1939 roku i pierwsza okupacja sowiecka, potem niemiecka

i powtórne nadejście Armii Czerwonej latem 1944 roku. Zatrzymaliśmy się, by ruszyć na poszukiwanie śladów sprzed ponad trzydziestu laty. Odnaleźliśmy duży dom, pomalowany na żółto, dawny dwór, w którym upłynęły te, brzemiennie w rozmaite skutki, lata. Przemieszkiwali w nim niechciani goście ze wschodu, oficerowie „robotniczo-chłopskiej armii czerwonej” (bo tak wówczas oficjalnie nazywała się armia sowiecka). Niedaleko od domu był niewielki park, właściwie skwer, wysadzony wysokimi lipami. Pośrodku tworzą one regularne koło, od którego wychodzą aleje na cztery strony świata. Zbyszek pokazał mi też dużą betonową platformę, na której miał stanąć nowy kościół. Jego budowniczym był energiczny ksiądz (w Wilczych łąkach występuje on jako „ksiądz Zawada”), ale niezbyt przeniknięty duchem kresowego ekumenizmu, bo tę energię spożytkowywał także w niezbyt zbożnych celach, a mianowicie na burzenie pod osłoną nocy prawosławnych kapliczek. To wszystko opowiedział mi na miejscu Zbyszek, mocno podekscytowany tym rozpoznawaniem „miłych sercu drobiazgów” i przypominaniem związanych z nimi zdarzeń.

Z Mołodeczna-Mołodjcewa popędziliśmy z powrotem na zachód, bez powtarzania wszakże drogi. Obraliśmy marszrutę na Smorgońszczyznę, a ściślej szereg większych i mniejszych miejscowości — miasteczek, wsi, zaścianków — które tak czy inaczej były wpłątane w rodzinną mitologię Żakiewiczów. Po drodze zrobiliśmy postój w Krewie, znanego wszystkim z podręczników historii z unii personalnej zawartej między Polską a Wielkim Księstwem Litewskim. Z dużego zamku pozostały tylko zewnętrzne kamienno-ceglane mury z resztkami narożnych baszt. W jednej z nich Niemcy w czasie pierwszej wojny światowej umieścili gniazdo ciężkich karabinów maszynowych, po którym pozostała gruba betonowa płyta, służąca za przykrycie, która z czasem osunęła się na ziemię. Pod murami pasły się uwiązane na łańcuchach świny, ciemnej, prawie czarnej rasy. Na środku dziedzińca, nierównego i porośniętego trawą, stał traktor z włączonym silnikiem, a na ziemi, obok maszyny, spał mężczyzna, pewnie traktorzysta. Przyczyny jego nagłego zasłabnięcia można się było domyślać.

Po opuszczeniu zapuszczonego, choć ciekawie położonego Krewa i przecięciu traktu napoleońskiego wjechaliśmy w magiczną krainę, której główną oś wyznaczała szosa, niegdyś pewnie gościniec, na której jak na nici kolejno były nanizane miejscowości: Lebedziew, Markowo, Bienica, Ponizie, Koty.

Wróciliśmy do niej już nazajutrz, wjeżdżając ze Smorgoń w odwrotnej kolejności. Uzналиśmy, że trzeba przyjrzeć się im bliżej, dotknąć je żywą stopą. Po Poniziu, niewielkim majątku dziadka ze strony matki, właściwie nie pozostało nic. Gdyby nie strumyk, przecinający drogę, niewielki zarośnięty trzciną staw i małe wzniesienie trudno byłoby w ogóle miejsce po nim zlokalizować. Jest ono przykładem ogromnej dewastacji krajobrazu, jaka nastąpiła po wojnie na Kresach. Miała ona dwie przyczyny. Jedną była natura ideologicznej. Chodziło o to, żeby z krajobrazu wyeliminować wszystkie widzialne „przeżytki przeszłości”. Niszczono bezmyślnie pałace, dwory. Niekiedy do fundamentów. Ważnym celem ataków były obiekty architektury sakralnej. Wzmogły się one — paradoksalnie — za rządów Chruszczowa, u którego krytyka „kultu jednostki” połączyła się w dziwny sposób z obsesją antyklerykalną. Kiedy na początku lat sześćdziesiątych ogłosił on utopijny program zbudowania w ciągu lat dwudziestych zrębów społeczeństwa komunistycznego, to publicznie oświadczył, że będzie szczęśliwy, gdy z sowieckich miast i wsi zniknie ostatni pop. Ofiarą tej barbarzyńskiej akcji padło

wiele świetnych zabytków na terenach znajdujących się niegdyś w granicach pierwszej Rzeczypospolitej. Drugą przyczyną miała podłoże bardziej ekonomiczne. Tym razem chodziło o stworzenie ogromnych kołchozów w miejsce małych gospodarstw rolnych. Odbywało się to często w ten sposób, że chutory przenoszono do wiosek (z rozbiieraniem drewnianych domów i składaniem ich w nowym miejscu), zaś między zaorywano. Tej operacji towarzyszyły często nieprzemysłane prace melioracyjne, osuszające bagna i uroczyska (liczne również w okolicach, po których podróżowaliśmy). Te działania miały też podtekst ideologiczny. Ogólny ich sens jest taki, że natura sama ma sprzyjać najbardziej postępowemu ustrojowi społecznemu. Stąd też biorą się inne zjawiska: ruch domorosłych botaników w rodzaju Iwana Miczurina, mania rycia kanałów, która ogarnęła olbrzymi kraj, którym patronowała postać Stalina-czarodzieja, wielkiego demiurga.

Ta ekologiczna dygresja była potrzebna, bo wszędzie mieliśmy poczucie, że jesteśmy świadkami gwałtu popełnianego na naturze. Nie czas i miejsce tutaj, by szukać głębszych korzeni tego zjawiska w kulturze i historii wschodniego sąsiada. To temat na osobną rozprawę. Natura też bywa niszczycielska. Mogliśmy tego doświadczyć, gdy na pobliskim cmentarzu usiłowaliśmy odnaleźć grób Żakiewicza-seniora, zmarłego na wiosnę 1945 roku, w porze roku niedobrej dla chorujących na płuca. Starszą część pochłonął gęsty zagajnik, przez który z trudnością dało się przedzierać. Na grobie ojca (syn miał wówczas niemal trzydzieści lat) umieszczono solidny dębowy krzyż, ale widocznie i on nie oparł się czasowi.

Niedaleko cmentarza znajdowała się niewielka tatarska wieś, z której pozostały tylko trzy drewniane chałupy. O tych Tatarach Zbyszek często z sympatią opowiadał, pojawiają się oni też w jego prozie. Matka, z domu Oganowska, miała wedle jego opowieści pochodzić z nobilitowanych w dawnych czasach przez litewskich władców Tatarów. Chałupy prostych schłopiałych Tatarów stały w pewnym oddaleniu w pustym polu, dobrze widoczne w ciepły słoneczny dzień. Zbyszka ciekawiło, czy zastanie kogoś ze starych mieszkańców i poszedł sam sprawdzić to. Po jakimś czasie wrócił. Powiedział, że zastał w jednym domu starszą parę, pamiętającą ludzi i zdarzenia sprzed kilkudziesięciu lat.

Na koniec pojechaliśmy do Bienicy, kiedyś miasteczka, a teraz kołchozowej wsi. W centrum stał kościół, ze ścianami z szarych dużych obciosanych kamieni. Kościół, w którym Zbyszek został ochrzczony (przyszedł na świat w Wilnie). Nie odprawiano już w nim mszy, w ogóle nie był miejscem kultu. Zdaje się, że został zamieniony w magazyn nawozów sztucznych, czy w coś podobnego. Na ulicy i przed dawną, świetną kiedyś budowlą sakralną, snuli się jacyś ludzie. Spojrzenia mieli dość ponure i nie ryzykowaliśmy bliższego kontaktu z nimi. Przejechaliśmy zatem wolno główną ulicą i skręciliśmy na drogę prowadzącą do Smorgoni. Minęliśmy po drodze Zalesie, majątek należący do Ogińskich, kojarzony powszechnie również na Białorusi z autorem słynnego poloneza. Powoli zapadał już zmierzch, na zwiedzanie magnackiej siedziby, a raczej tego, co z niej zostało, nie było już czasu i pojechaliśmy prosto do Smorgoń, a stamtąd do Żodziszek, miejsca naszego postoju.

Przeżyliśmy, głównie na Smorgońszczyźnie, intensywny, bogaty w rozmaite wrażenia, tydzień. Punktowo przedstawiłem najważniejsze zapamiętane miejsca i ludzi. Wróciliśmy do domu przez Wilno (stamtąd dzięki uprzejmości jednej litewskiej

dziennikarki, zrobiliśmy jednodniowy wypad do Kowna, zobaczyliśmy tam ujście Wilii do Niemna, pochodziliśmy parę godzin po stolicy przedwojennej wolnej Litwy). Wsiadliśmy do pociągu i przez Grodno dojechalśmy do Kuźnicy Białostockiej.

Jakie znaczenie miała ta podróż dla Żakiewicza w perspektywie jego późniejszej twórczości literackiej? Myślę, że duże. Posłużyła ona za detonator, uruchamiający złoża pamięci, znajdujące się w stanie latencji. Po kilku miesiącach zaczął szkicować obrazki, które po trzech latach pracy złożyły się na książkę *Wilcze Łąki*, nieprzypadkowo opatrzoną mottem z Mickiewiczowskich wersów o „kraju dzieciństwa, gdzie człowiek po świetle// Biegł jak po łące”. Odnaczają się one (rzecz nie posiada fabuły jako kośćca konstrukcyjnego, składa się właśnie z „obrazków i scenek rodzajowych” z najbliższego otoczenia dziecięcego narratora, małego Rysia Wołk-Wołczackiego, w którym łatwo można rozpoznać późniejszego autora) dużym sensualizmem, odbiorem świata głównie poprzez zmysły, przy czym szczególnie aktywne są wrażenia zapachowe, smakowe, dotykowe, charakterystyczne dla pierwotnej, „naturalnej” semiotyki. W utworze istnieją one oczywiście za pośrednictwem języka, „wtórnego systemu sygnałowego”, jakby powiedział Iwan Pawłow. W warstwie językowej kresowość ujawnia się w wielojęzyczności, kreolizacji rozmaitych języków i gwar. Widać to choćby na przykładzie toponimów i hydronimów (reprezentują one najstarszą, najbardziej archaiczną warstwę leksyki w każdym języku), którymi ta proza jest nasycona w dużym natężeniu. Dużo z nich pojawiło się u Żakiewicza po raz pierwszy jako znaki przeszłości, kondensujące w sobie historię tamtych ziem. „Po litewsku przemawia ziemia tutejsza: Krewa, Oszmiana, Daubuciszki i Żodziszki, Smorgonie i Grażyszki”. Na tym pierwotnym podłożu, substracie — jakby to określili specjaliści od toponimii — nakładały się kolejne wpływy: ruskie, polskie, białoruskie i inne. Innym istotnym, choć spokrewnionym, wyróżnikiem kresowości jest wieloetniczność, która uległa swoistej interioryzacji i ujawnia się w takich choćby rozmyślaniach bohaterów o własnej tożsamości: „Widzisz, i we mnie, i w tobie będą i Litwini, i Rusini, i Tatarzy, i Polacy. Ale ten bigos wysmażyła historia. Ona nam duszę dała taką, która ma pamięć. I ta dusza po polsku płacze”.

Klimaty kresowe określiły także ostatnią książkę z tryptyku wileńskiego, której również patronuje duchowo Adam Mickiewicz: *Wilio, w głębokościach morza*. Miejsca są te same, podrośł tylko narrator. Nie jest już małym dzieckiem, usiłującym ogarnąć świat ograniczonym słownikiem (ta dysproporcja była źródłem dziecięcych strachów), ale chłopcem, który przy końcu opowieści i zarazem wielkiej wojny wkracza w trzynasty rok życia. Widzi żołnierzy Hitlera i Stalina, ludzi z leśnej „Organizacji”. Przysłuchuje się trwożnym rozmowom rodziców i sąsiadów, których tematem coraz częściej staje się dylemat wyjeżdżać czy pozostać. Ostatnia scena rozgrywa się na stacji smorgońskiej, gdzie stoją eszelony, do których pakują się ze swoimi skarbami „repatrianci”. W rozmowie, która tam się toczy, pojawia się postać mojego ojca: „Ot, my wyjeżdżamy, a przedwojenny wójt z Żodziszek wrócił z armii Berlinga, chociaż mógł rodzinę na niemieckiej ziemi sprowadzić. «Trzeba szykować nasz powrót» — mówi on co bardziej zaufanym ludziom. Żyłka ma on mocna, może dlatego Żyłko się nazywa...”.

Ta sama aura emanuje również z innych późniejszych książek Żakiewicza: kresowo-kaszubskiej składanki mini-opowieści *Ciotuleńka* i eseistyczno-wspomnieniowy tom *Gorycz i sól morza*, w których nostalgia po „raju utraconym” miesza się z zachwy-

tem nad urokami kaszubszczyzny, „raju odzyskanego”. Smorgonie nad Wilią przemieniły się w gdańską Smorgonię.

W sierpniu tego roku ponownie odwiedziłem rodzinne strony. Bez Zbyszka Żakiewicza, który po dwóch trudnych ostatnich latach życia odszedł 24 czerwca 2010 roku na inne łąki. Pojechałem tam z młodszym synem, Karolem, pełniącym dzielnie funkcję kierowcy. Wyruszyliśmy z Gdańska wczesnym rankiem i pod wieczór tego samego dnia (jadąc przez Wilno i skracając sobie drogę) zajechaliśmy do Żodziszek. Nie powtarzaliśmy w całości poprzedniej trasy. Chciałem synowi pokazać ślady życia i działalności antenatów, w naszym przypadku — moich dziadków, którzy na początku ubiegłego wieku nabyli od niejakiego Zenona Cywińskiego folwark Sauguciewo, oddalony godzinę jazdy konną bryczką od miasteczka. Urodziłem się pod koniec wojny przy akompaniamencie huku nadciągającego frontu w gospodarstwie ojca, wydzielonym w latach dwudziestych z tej sporej, bo kilkuset hektarowej własności ziemskiej.

Sierpniowa wyprawa była już piątą z kolei. I dopiero teraz ożyły w pamięci poprzednie, tworząc w sumie swego rodzaju palimpsest pamięciowy. Stało się tak dlatego, że właśnie teraz po latach spotkałem (i to dość przypadkowo) moich rówieśników, z którym zaczynałem przed sześćdziesięciu laty edukację szkolną. Przy tym pierwsza szkoła mieściła się w rodzinnym domu. Rozmowa z nimi podziałała jak detonator pamięci (nasza pamięć ma genezę oralną!), powodując przesuwanie się całych bloków wspomnieniowych z obrzeża, na w pół zapomnianych peryferii do centrum świadomości. Jeden z nich opowiedział, jak obudziwszy się kwietniowego ranka zobaczył z oddali nasze domostwo otoczone przez oddział enkawudzystów. Ja sam nie czułem całej grozy tej sytuacji. Nie rozumiałem lamentujących głośno starszych siostr. Ja skakałem po łóżku i cieszyłem się z czekającej mnie długiej podróży. I pod tym względem nie omyliłem się. Do stacji kolejowej w Postawach zawieziono nas samochodem, a stamtąd w wagonie towarowym (długi sznur takich wagonów wiozł takich szczęśliwców, którym Stalin zafundował bezpłatną wycieczkę) przez kilka tygodni tłukliśmy się po przestworach wielkiej równiny rosyjskiej. W maju pociąg wjechał na morze czerwone — bezbrzeżne stopy kazachstańskie pokryte kwitnącymi makami.

Oglądane z takim długim perspektywizmem czasowym Kresy zmieniają się wraz z upływem lat. To, co niegdyś było ogromne, tajemnicze staje się małe i zwyczajne. Trudno powiedzieć (i tym bardziej ocenić), w jakim kierunku idą te „zmiany mojego widzenia”. Można te zmiany odbierać jako postępującą degradację, katagenezę, prowadzącą ku zagładzie szczęśliwej krainy dzieciństwa. I można taką ocenę podeprzeć konkretnymi obserwacjami. Wilia nie jest już Mickiewiczowską rzeką o „niebieskich licach”, i piaszczystym dnie, na którym — jak w czystym akwarium — widać było wszystkie kamyki i żyjątka. Po wybudowaniu na niej wielkiego zbiornika pod Wilejką rzeka zmieniła kolor na brudnozielony. Kiedyś wzdłuż jej brzegów biegły ścieżki i można było nimi godzinami wędrować, podziwiając zmieniający się nurt: od spokojnego i majestatycznego po szybki, jak w górskim potoku. Teraz ścieżki zarosły chaszczami i bez porządnej maczety nie sposób się tam poruszać. Duży sad wokół domu, dostarczający niegdyś dorodnych antonówek, zdziczał i zarósł trawą i bylinami na wysokość człowieka. Północna bujna przyroda odbiera to, co zostało jej kiedyś wydarte.

Jest to też skutek zmian demograficznych. Wsie wyludniają się. W niektórych co druga zagroda jest opuszczona. Jeszcze niedawno, przed kilkunastoma laty, nawet

w warunkach kołchozowych, niemal każda rodzina hodowała krowę, parę sztuk trzody chlewnej, sporo rozmaitego drobiu. Teraz tego wszystkiego prawie nie ma. Nie trzeba zbierać siana i wykaszac każdy rów i polanę w lesie. Administracja próbuje temu przeciwdziałać budując osiedla, na oko nawet niebrzydki domków jednorodzinnych dla specjalistów rolnych, ale wiele z nich stoi pustych i podczas przejazdu przez takie miejscowości przypominają się sceny z filmów i powieści z gatunku horroru lub thrillera, kiedy jakaś nieznana groźna siła zmusiła mieszkańców do panicznej ucieczki.

Starsze pokolenie, pamiętające czasy przedwojenne, kurczy się z każdym rokiem. Kurczy się zatem polszczyzna kresowa. Ostatni Mohikanie dobrze wspominają przedwojenną szkołę, śpiewają przy biesiadnym stole piosenki legionowe (Żakiewicz w czasie naszej wspólne wyprawy chętnie wdawał się z nimi w pogawędkę, traktując ich trochę jak językowych informatorów). Ale młodsze i najmłodsze pokolenia mówią głównie (i też dzięki dzisiejszej szkole) po rosyjsku. Język polski pozostał językiem kultu. W kościołach odprawia się msze i śpiewa po polsku. Ale są też nabożeństwa w języku białoruskim. Ta dwujęzyczność bierze się stąd, że księża coraz częściej wywodzą się z miejscowej ludności. W każdym razie ksiądz Wincuk Godlewski byłby zadowolony, gdyby zajrzał teraz w niedzielę do Żodziszek i zobaczył, że pierwsza msza jest odprawiana w białoruskiej mowie, a druga po polsku. O to przecież walczył.

Jeśli już jesteśmy przy sprawach wyznaniowych, to warto odnotować nową rzecz. Żodziszki i okolice były jednolite pod względem konfesyjnym. Od pewnego czasu w wielu miejscowościach w pobliżu kościołów pojawiają się cerkwie. Niewielkie, budowane tanim kosztem z białej niewypalanej cegły, z cebulastymi kopułkami z białej cynkowanej blachy. Bez bliższego zbadania trudno jest wyjaśnić przyczyny tego zjawiska. Czy jest to jakaś popierana z góry akcja, czy to naturalny przejaw migracji ludności? Trudno powiedzieć. Po katastrofie czarnobylskiej spore grupy ludności przemieściły się spod granicy ukraińskiej na północ. Mogło to przyczynić się do przesunięcia w sferze wyznaniowej.

Nic nie stoi w miejscu. Czas dotyka również tamte ziemie. Czy jest to czas tylko destrukcyjny, czy też użyteczny — nie sposób jednoznacznie odpowiedzieć na to pytanie. Historia — co pokazały dobitnie ostatnie dziesięciolecia dwudziestego wieku — jest nieprzewidywalna. Można to interpretować rozmaicie. Wybierzmy wersję optymistyczną.

Bogusław Żyłko

Gdańsk, wrzesień 2011

Pierwodruk: „Odra” (Wrocław) 2012, nr 6

BOGUSŁAW ŻYŁKO

Profesor emeritus

Uniwersytet Gdański, Wydział Nauk Społecznych

Instytut Filozofii, Socjologii i Dziennikarstwa

Zakład Semiotyki Kultury i Komunikacji Międzykulturowej

ul. Bażyńskiego 4, 80-952 Gdańsk, Polska

e-mail: b.zylko@ug.edu.pl

Sierpień 1976 r. Zbigniew Żakiewicz i Feliks Gromyko, nasz gospodarz w Żodziszkach

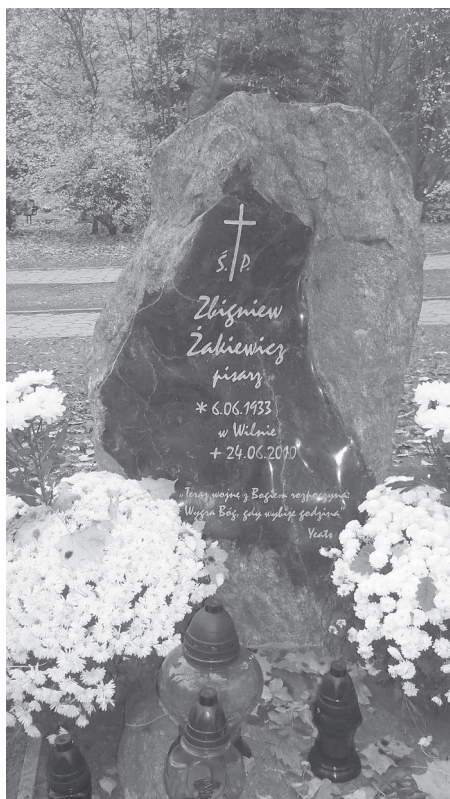

Sierpień 1976 r. Zbigniew Żakiewicz i Feliks Gromyko przed bramą kościelną w Żodziszkach

Sierpień 1976 r. Zbigniew Żakiewicz i Feliks Gromyko przy płycie z napisem „Matka i serce syna”
(Wilno, cmentarz na Rossie)

ŻAKIEWICZ JEDEN A DWOISTY (WSPOMNIENIE)

Kolejny rok akademicki na naszym Wydziale zaczął się szczególnie uroczyście, we wspaniałej sali teatralnej nowego gmachu przeznaczonego dla kierunków neofilologicznych, i w którym od razu, równoległe z uroczystością inauguracji, rozpoczęła się międzynarodowa konferencja (w językach polskim i angielskim) poświęcona twórczości autorów z różnych stron świata, którzy byli zarazem wykładowcami uniwersyteckimi i pisarzami. Ten fenomen socjologiczno-literacki „pisarzy kampusowych”, rozwijający się od lat, jest dziś tak bogaty, różnorodny i znaczący, że można mu było poświęcić trzydniowe obrady toczące się w kilku równoległych sekcjach. Miałam poczucie, że duch Zbyszka Żakiewicza, którego już od pięciu lat nie ma wśród nas, też gdzieś tu krąży z ciekawością w tym pachnącym jeszcze świeżą farbą budynku, ponieważ i on należy do tych, którzy z literaturą mieli do czynienia „po obu stronach barykady”. Zarówno ją tworzył, jak badał ją i o niej uczył jako wieloletni wykładowca naszej uczelni, znawca literatury rosyjskiej i jej recepcji w twórczości pisarzy Młodej Polski. W swoich licznych podróżach do Rosji, jeszcze w czasach istnienia Związku Radzieckiego, poznawał tam również współczesnych autorów, zwłaszcza tych niepokornych, jak Josifa Brodskiego, którego spotkał na wiele lat przed otrzymaniem przez niego nagrody Nobla. Rosję znał Żakiewicz nie tylko od strony literatury, ale i w jej życiu codziennym, od strony nieoficjalnej, a także w historii i krajobrazie. Poświęcił jej książkę eseistyczną *Rosja, Rosja.... Notatki z podróży. Ludzie. Lektury 1964–2002*.

W tej podwójności ról pisarza i akademickiego wykładowcy nie był sprawiedliwy. Jego właściwym powołaniem i pasją życiową było pisarstwo. Tu widzimy jeszcze inne dwoistości. Liczne utwory napisał dla dzieci. To oczywiście mniej ważna część jego twórczości, ale zasługująca na przypomnienie. Do świata dziecięcego znakomicie pasowała jego wyobraźnia, zawsze bliska poetyckiej bujności, fantastyce snu, czarodziejstwu baśni. I co jeszcze bardzo ważne — otwarta na niespodzianki właściwe grotesce, odważnie sięgająca do żywego języka potocznego, aż do rubaszości. Ale w te rejony zapuszczał się nie przesadnie często i to raczej nie w utworach dla dzieci. Natomiast lubił stwarzać w swoich powieściach postacie dziecięce, jak w *Rodzie Abaczów*, by z tej perspektywy patrzeć na tajemnice świata dorosłych. Najważniejsze jest oczywiście jego pisarstwo nie dla dzieci przeznaczone, to znaczy powieści i kilka tomów dziennika, poczynając od *Dziennika intymnego mego N. N.* Ta książka to raczej bardzo osobiste refleksje eseistyczne, literackie i filozoficzno-religijne, niż typowy dziariusz. Żakiewicz stworzył oryginalną formę dziennika osobistego, w której diarysta, by uniknąć

ekshibicjonizmu w wyznaniach, zasłania się skonstruowaną postacią tytułowego N.N., nieznanego, w którym nawet i czytelnik też może się przeglądać.

Właściwe jądro twórczości Żakiewicza stanowią jednak jego liczne powieści, w których z czasem pisarz coraz wyraźniej odsłaniał przed swoimi czytelnikami głębokie autobiograficzne tło. Już nie jakiś N.N. stawał się bohaterem Żakiewiczowskich fabuł, ale kolejni, lepieni z materiału własnych przeżyć i doświadczeń powieściowi bohaterowie wspomnianego już *Rodu Abaczów*, *Doliny Hortensji*, *Wilczych łąk* i powieści zatytułowanej cytatem z Mickiewicza: *Wiljo, w głębokościach morza...*, który to cytat pełni rolę jakby życiowej dewizy, przedstawiającej linię życia samego Żakiewicza. Tu pora by zastanowić się nad kolejną a najważniejszą dwoistością tej biografii i tej twórczości, to znaczy nad spletem losów dwu krain wziętych wraz z ich historią, pejzażem i ludźmi. Najpierw była kraina własna, rodzona, gdzie od niepamiętnych czasów siedzieli przodkowie i przez którą płynie Wilia aż wpadnie do morza. A potem druga kraina, która przygarnęła przybysza, położona też nad tym samym morzem, ale w innym miejscu, u ujścia innej rzeki, Wisły, nad którą Gdańsk króluje ziemi kaszubskiej. W tej to ziemi przyszło pisarzowi spędzić większość życia i w niej pięć lat temu spocząć na leśnym wrzeszczańskim cmentarzu Srebrzysko. Wiemy, że losy Żakiewicza nie były czymś wyjątkowym, trafił na Pomorze z ogromną falą kresowych przesiedleńców, choć nie od razu znalazł się w Gdańsku. Przedtem jednak nie zagrał na długi miejsca ani w Łodzi, ani w Opolu, chociaż w tym drugim mieście skończył studia rusycystyczne i obronił doktorat. Osiedlenie się w Gdańsku na stałe w efekcie otrzymania pracy na naszej uczelni miało zasadnicze znaczenie dla jego twórczości. Kresowa mitologia sukcesywnie tworzona przez Żakiewicza żywiła się wspomnieniami własnymi i innych przybyszów z dawnej Wileńszczyzny, dziś podzielonej pomiędzy Litwę i Białoruś. Bynajmniej nie są to antykwaryczne obrazki, ani pełne pretensji do losu rozpamiętywanie utraconych miejsc i minionych czasów. Przeszłość, cenna przez swój specyficzny koloryt, realia obyczajowe i aurę emocjonalną, przez niepowtarzalną odmianę polszczyzny z regionalizmami właściwymi kresom północno-wschodnim, stała się w prozie Żakiewicza materią pamięci i sztuki, przekształcona w literaturę, wspomnienie, opowieść. Spośród innych pisarzy o kresowym rodowodzie, budujących swą twórczość z pamięci o tamtym świecie, Żakiewicza wyróżnia to, że znalazł wyjątkowy sposób wykorzystania szansy wspomnianej dwoistości w dwu regionów, w których przyszło mu żyć. Konglomerat, jaki stworzył, zbudowany został na fundamencie języka, łączącego polszczyznę pełną regionalizmów wileńskich i białoruskich z leksyką języka kaszubskiego. Przenikają się w świecie przedstawionym jego późnych utworów elementy krajobrazu, podobnego w pagórkowatym, leśnym i piaszczystym, jeziornym pejzażu polodowcowej moreny, która ukształtowała cały rozległy pas Europy na tej szerokości geograficznej, a zarazem tak odmiennego z powodu obecności morza, nieznanego Żakiewiczowi w czasach dzieciństwa na Białorusi i później w Polsce centralnej. Potęga i bezmiar morza i osiedleni nad nim Kaszubi, ich język, obyczaje i mentalność intrygowały pisarza stopniowo coraz bardziej. Najpierw w żartobliwej *Ciotuleńce*, która świetnie podchwytuje osobliwości spotkania dwu światów i dwu języków, później *Gorycz i sól morza*, książka łącząca najlepsze cechy soczystej powieściowej prozy Żakiewicza i okruciny egzystencjalnej refleksji, która niegdyś budowała nurt jego eseistycznych dzienników osobistych. Podtytuł *Goryczy i soli morza*, który

brzmie *Gdańskie Smorgonie* jest symbolicznym punktem docelowym na długiej drodze zbliżania ku sobie dwu odrębnych światów, które żywiły wyobraźnię pisarza. Położone w powiecie oszmiańskim na dzisiejszej Białorusi Smorgonie szeroko słynęły z tego, że w minionych wiekach na rozgrzanej blasze uczono tam niedźwiedzie rytmicznie przestępować z nogi na nogę w takt muzyki jak w tańcu, żeby tą cyrkową sztuką zarabiały na utrzymanie swoich właścicieli. Proceder ów nazywano żartobliwie Akademią Smorgońską, co z czasem stało się synonimem epok na wpół mitycznych, gdy żyło się w najgłębszej więzi z naturą i w prostocie, niemal jak w Mickiewiczowskim mateczniku, skrywającym „puszcz litewskich przepastne głębiny”. Symbolicznie łącząc Smorgonie z Gdańskiem Żakiewicz w swej najpóźniej napisanej książce najpełniej ukazał a zarazem przekroczył dwoistość światów, w których przyszło mu żyć i pisać. Warto sięgać do jego książek dla bogactwa zawartej w nich pamięci, dla mądrości płynącej z urozmaicenia i długości życia, i dla urody języka a bez obawy przed sentymentalizmem, przed którym Żakiewicz broni się poczuciem humoru i dyskretną nutą autoironii.

Małgorzata Czermińska

MAŁGORZATA CZERMIŃSKA

Profesor emeritus

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny

Instytut Filologii Polskiej

ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska

e-mail: fpomkc@univ.gda.pl

KWADRAT ZBIGNIEWA ŻAKIEWICZA

Kwadrat był i pozostaje dla mnie figurą magiczną, tak samo jak okrąg czy wśród brył — kula. Wyznacza on pewien regularny obszar i jego granice, których przekraczanie sprawia, że wchodzimy w nowe relacje ze światem i jego jawnymi oraz ukrytymi znaczeniami i sensami. Zbigniew Żakiewicz miał wiele takich kwadratów, ale jeden z nich inkrustowany kresową duchowością towarzyszył mu od narodzin i to on uczynił z niego Wołka-Wołczackiego, dzięki czemu Autor ten zapisał się w mojej pamięci wielobarwnie i polifonicznie.

Gdy pisałem przed laty o książce Zbigniewa Żakiewicza *Rosja, Rosja...*, pozwoliłem sobie wtedy na osobistą refleksję. Nazwałem tę książkę niezwykłą, a moje przekonanie wypływało w sporej mierze ze wspomnień związanych z czasami, gdy Autor w trakcie studiów był moim uczelnianym Mistrzem, potem Kolegą uniwersyteckim i w końcu — Przyjacielem. Zawsze podziwiałem intelektualną elegancję Zbigniewa Żakiewicza i Jego wielkie poczucie humoru, takie właśnie wołko-wołczackie. Nazywał publicznie Profesora Bogusława Żyłkę i mnie swoimi najlepszymi studentami, co odbierałem jako nadzwyczajne, wołczackie, wyróżnienie. W *Rosji, Rosji...* znalazły się prorocze słowa Autora *Tryptyku wileńskiego*: „Wielka literatura zabija swego twórcę, w perspektywie czasu ginie człowiek, ale pozostaje jego dzieło, już wyzwolone z ograniczeń czasu, przypadkowości chwili, której podlega człowiek żyjący” (s. 70). Powtórzę w tym miejscu, jak w recenzji sprzed lat: „I wszystko wskazuje na to, że ten okrutny, ale zarazem wspaniały los, gdy traci się siebie, by istnieć w wieczności, spotka także Zbigniewa Żakiewicza”. Dzisiaj mogę dodać: i spotkał.

Poniżej prezentuję *Kwadrat Zbigniewa Żakiewicza*, na który składają się cztery recenzje, jakie opublikowałem przed laty głównie w „Pomeranii”. Niech dobrze służą przywracaniu pamięci o Tym, którego tylko pozornie nie ma już wśród nas.

Grzegorz Ojcewicz

I ta dusza po polsku płacze

*Zostaną się już zabity i pod Mołojcewem,
między Lebidziewem i Krewem, bendem leżeć.*

Język *Wilczych łąk* pulsuje świeżością: kunsztownie wplecione w tkankę narracji elementy mowy kresowej uwierzytelniają retrospektywną wyprawę Żakiewicza na wschód — ku temu i tym, których, pieści pamięć, ku źródłom autorskich rozmyślań o czasie, historii, ludziach. W przypadku *Wilczych łąk* nie o języku utworu trzeba mówić: książka zmusza do refleksji nad bardziej poważnymi sprawami — jest głosem o barwach patriotyzmu, jego korzeniach i utrwalaniu się, jest uniwersalną wskazówką dotyczącą kształtowania narodowej (poprzez regionalną) tożsamości dziecka, które w czasie dojrzeje i dorośnie.

Rysio Wołczacki, bohater *Wilczych łąk*, jest jeszcze dzieckiem. Ma pięć, a może siedem lat... We wrześniu 1939 roku powinien był pójść do szkoły. Mieszka w Mołojcewie — mieście, należącym przed wojną do Polski. Rysio ma duszę wrażliwą. Dziecięce „dlaczego?” nie daje mu spokoju: popycha do działania, jest siłą sprawczą, zmuszającą chłopca do nieustannych poszukiwań odpowiedzi na rodzące się każdego dnia coraz trudniejsze pytania, będące wyrazem starań zaprowadzenia ładu w otaczającym go świecie spraw własnych i ludzi dorosłych.

Świat fantastycznych dziedów i pacuków — bohaterów dziecięcej wyobraźni — żyje naprawdę: Rysio ich widzi, z nimi rozmawia, walczy. Tenże świat fantastycznych doznań jest jednocześnie dla Rysia prologiem-inicjacją w pojmowaniu skomplikowanej struktury życia dorosłych. Rysio jest małym świadkiem wielkich rzeczy: na oczach dziecka DZIEJE SIĘ życie, STAJE SIĘ historia. Przeszość i teraźniejszość niespokojnie pulsują, przeczuwając przyszłość. Zatopiony w trójwymiarowość bytu — tradycję, dziś, jutro — chłopiec stara się na swój dziecięcy sposób wytłumaczyć sobie i innym SENS DZIANIA SIĘ rzeczy, usiłuje zaprowadzić porządek w sercu własnym i tych, co go otaczają.

Ten dziecięcy „introspekcjonista” pewnie wyczuwa tętno zachodzących zmian. Że świat się zmienia, podpowiada mu i przyroda, i instynkt. Świat, jakim postrzega go Rysio, nigdy NIE JEST — ciągle się staje, każdego dnia dostarcza nowych wrażeń. O tym, że dzianie się życia dorośli nazywają historią, dowie się Rysio od Powstańca — przypadkowego nauczyciela prawd wiecznych. Okaze się wówczas, że „historii nie trzeba się uczyć. Zawsze jest ona jednakowa — powstawanie i upadanie, i znów powstawanie”.

W życie chłopca coraz mocniej wdzierają się CZAS — ten wieczny, ze świata bajek, i ten żywy, którym żyją dorośli. Fantazja i rzeczywistość — świat leśnych i domowych ludków — Oraz codzienność są barwnym tłem dla poszukiwań własnej tożsamości. Potrzeba identyfikacji, a ściślej — samoidentyfikacji — towarzyszy Rysiovi nieustannie. SKORO JESTEM — KIM JESTEM? Padają pytania dotyczące przeszłości, nękające historię, nie pozwalające usnąć poczuciu narodowej przynależności. I chociaż dla dziecka niezrozumiałe są jeszcze w pełni nazwy, którymi posługują się dorośli, nieopięte pauzy i aluzje, gdy mowa jest o jakiejś tam Polsce — ojczyźnie, męczy go każda niepewność i niewiadoma i stara się on natychmiast je rozwiązać.

Żakiewicz nie ukrywa powagi spraw patriotycznych. To właśnie dziecko jest u niego poszukiwaczem prawd wiecznych i dziejowych, jest zarazem wyrazicielem autor-skich intencji, sposobu patrzenia na świat. Dziecko jest bohaterem, a nie dorosły, bo to właśnie dzieci obdarowuje się bogactwem historycznego dziedziczenia: tradycją, przeszłością, poczuciem narodowej przynależności, interpretacjami dziejowych wydarzeń. Barw patriotyzmu trzeba uczyć się wcześniej. Kształtowanie narodowej tożsamości, identyfikowanie się z danym narodem nie jest sprawą błahą, do nadrobienia: pytania „być albo nie być?” nie odkłada się na później. Każda zwłoka w historii kosztuje wieki. Tożsamość narodową kształtuje życie: ciągle i teraz, zawsze i wszędzie. Dlatego też tak brutalnie w obraz fantastyki dziecięcej wkracza, bo wkroczyć musi, historia. Dziecko postrzega życie, chociaż jest ono historią, widzi i odczuwa jego jakościowe zmiany, po dziecięcemu szuka dla tych zmian imion i treści.

Zanim Rysio Wołczacki wykrzyknie: „Nie! Ani ja Litwin, ani Tatar, ani Ruski, ani Polak. Wołk-Wołczacki jestem i koniec”, dowie się od matki, że w niej i w nim „będą i Litwini, i Rusini, i Tatarzy, i Polacy”. Usłyszy, że „bigos ten wysmażyła historia. Ona im duszę dała taką, która ma pamięć. I ta dusza po polsku płacze”.

Szczególnego znaczenia w utworze nabiera „wołcza trawka” — symbol konieczności zachowania czystości historycznej pamięci i trwania, historycznego przekazu, symbol tradycji i patriotyzmu, wreszcie — symbol dziecięcych poszukiwań Rysia. Chłopcu trudno odnaleźć siebie pośród otaczających go ludzi: Białorusinów, Ruskich, Tatarów, Litwinów, Polaków.

„— Białorusini oni, tutejsi, czy Polacy? — pytam skwapliwie.

— Tutejsi, ot i wszystko. Polakami oni nie byli nigdy i nie będą. A czy z tutejszych Białorusinami się staną, nie wiadomo — mówi matka, nie do mnie już, ale do siebie. — Język nas dzieli i wiara. I jeszcze coś takiego, czego się nie da opowiedzieć”.

Żakiewicz nie zmusza czytelnika do podziwiania literackiej biografii Ryszarda Wołczackiego. Udaje mu się jednak zasiać w czytelnicznym sercu ziarenko „zazdrości” — chęci przeżycia własnego dzieciństwa tak barwnie i dojrzałe, jak bohater *Wilczych łąk*. Wyraźnie pulsuje autorskie życzenie, by powrót do historii, do przeszłości, do wspomnień, do dzieciństwa, był, jak w wierszu mickiewiczowskim, „krajem, który radośnie się wita, gdzie rzadko się płacze, a nigdy nie zgrzyta, gdzie człowiek po świecie biegł jak po łące” — pogodnie!

U Żakiewicza te łąki są wilcze — symbolizują trud samostawiania się i samorozpoznawania, mówią o męce tropienia i poszukiwania tożsamości własnej, samoidentyfikacji. Życie jest ową WILCZĄ ŁĄKĄ — wypadkową wilczego znoju zmagania się ludzi z losem i mickiewiczowskiej łąki — radości, czerpanej z biegu po niej. Żakiewicz pozwala nam wierzyć, że szczęśliwe dzieciństwo — pamięć o łące — jest podstawą życiowego optymizmu. Optymizm ten wszakże zmniejsza się proporcjonalnie do zła, którego źródłem są dorośli.

Symbolicznej wymowy nabiera finałowa scena książki: totalne „leżenie” bohaterów *Wilczych łąk* z „sercami przygwożdżonymi na wieki do tej białej łąki zakwitłej na różowo”. Żakiewicz ostrzega przed brakiem „leżenia” i oczekiwania miłosierdzia Bożego i ludzkiej pamięci. Żakiewicz wie, że „kiedy dziedy chichocą jak najęte, bo im się wydaje, że ich dziedzowanie górą jest” — źle się dzieje. Chichotu tego lekceważyć nie wolno.

Po lekturze długo jeszcze słyszeć będziesz wyrocznię baby w białej chustce: „Do końca życia, synok, tutaj twoje serce będzie wracać. Choćbyś był za żelazną górą i za kamienną rzeką. Wołk ty pański i wołczok ty nasz. Tutejszy ty jak zdrowie my dla ciebie. Kiedy nas stracisz, dyk za nami zatęsknisz. Jak nas znajdziesz, dyk nas nie poznasz. A kiedy dusza zacznie usychać, wódką ty ją będziesz krzepił, po naszymu”. Nikt leżącego Rysia Wołczackiego z tej łąki-pola „nie zwlecze bo dusza jego, która ni to wołcza, ni to ludzka — za nic ciała nie wróci”. ...I ta dusza leży, i po polsku płacze...

Grzegorz Ojcewicz

Pierwodruk: „Pomerania” 1984, nr 2, s. 24–25.

Gdy prosta jest tylko droga życia

Pani Ewie Nowak-Ludwichowskiej poświęcam

Opowieści zartobliwe Zbigniewa Żakiewicza, czyli *Ciotuleńka*, nie są wcale wesołe, wręcz przeciwnie — melancholijne. Nostalgii całości nie zmniejsza finezyjna figlarność większości rozdziałów. Polekturowy smutek bierze się głównie z zadumy nad złożonością kondycji ludzkiej, przemijalnością rzeczy i jednorazowością istnienia człowieka.

Tytułowa bohaterka, Ewelina Puciatowa, to jedność i dwoistość zarazem: pochodzi „stamtąd”, ale zbyt długo mieszka „tu”, by nie czuć się częścią nowej ojczyzny. Pamięta ostro „tamto”, lecz i tego, co jest tutaj i teraz, także nie może nie widzieć, słyszeć, rozumieć. Wspomnienia, a więc przeszłość, konkurują z codziennością — częścią współczesności. Porównywanie dawnego z dzisiejszym traci z biegiem lat na kontryście, ale do końca życia jest obecne w umyśle oryginalnej ciotuleńki.

Jest ona kobietą z krwi i kości: je, błogosławiąc dary, pije chętnie również śliwovicę z osławionego i symbolicznego już kryształowego pucharaka. A pomimo tego, pomimo swej zwykłości nie sposób odmówić jej wileńskiej niezwykłości — ginącego nieodwracalnie kresowego stylu bycia i myślenia. Skąd płynie magnetyzująca sympatia dla ciotuleńki? Dlaczego budzą się pragnienia mieć taką właśnie krewną, dla której nie ma rzeczy niemożliwych? Czy nie stąd i nie dlatego, że Ewelina Puciatowa jest uosobieniem biblijnych tęsknot śmiertelnych? Czy nie stąd i nie dlatego, że jest ona mocą, miłością i rozważą zarazem, pokorą, cichością i cierpliwością jednocześnie, równością, dobrocią i łagodnością w jednym ciele?

Jako leonopoliszanka zachowała naturę pogańską, skłoną ku wszelakim mistycyzmom, naiwność i chitrenkość dziecka, pamiętliwość Żmudzina, otwartość dzikich, co rośli niby trawa, zamkniętość kamienia, który soku swego nadaremno nie wypuści. Jako lipniszanka-lipuszanka stała się podobna ziemi kościerskiej i jej mieszkańcom poprzez swą skrytość i upór, regionalną „nieobliczalność” i uczestniczenie z Kaszubami w pochodach pod historyczną górkę lub z górki. Zjadła z nimi beczkę soli, by móc szczerze rozmawiać, a oni szczerym kwiatem zakwitnąć przed nią mogli.

Inność Puciatowej nie jest odczuwana przez Kaszubów w kategoriach odmienności kulturowej. Ogranicza się głównie do demonizowania jej, być może, nadnaturalnych zdolności rozumienia mowy zwierząt, lasu i grania sfer niebieskich. „Wiedzenie” ciotuleńki nikomu wszakże szkody nie przynosi, nikogo była leonopoliszanka swymi oczyma nie krzywdzi; przeciwnie: wszędzie tam, gdzie się zjawia (chce tego czy nie), czyni dobrze — uzdrowia, pociesza, czyni „cuda”. Jest człowiekiem dla człowieka i ludzka dla przyrody. Śmierć koguta-Kuby, syrenę alkoholowych celebracji, odbiera tak boleśnie, jak by chodziło o zgon najbliższego krewnego, jedyne spadkobiercy... Uchodzi w okolicy za kresową dziwaczkę, ale kresowość i dzikość to nieodłączne cechy ciotuleńkowego temperamentu; bez dzikości tej i kresowej czupurności nie sposób ją sobie w ogóle wyobrazić.

Rodowodowa inność, niekaszubskie korzenie wszystko to okazuje się nieistotne, gdy szlachetnością swą zasługuje sobie bohaterka na bojaźliwe wręcz poważanie wśród lipnisanlipuszan i okolicznych mieszkańców. Inność ta staje się nawet do tego stopnia nieważna, że zasiedziali Kaszubi obiecują ciotuleńce wspólne przebywanie w lipińskiej kwaterze numer siedemnaście. Lipiński grobowiec ma szansę zostania podniesionym do rangi symbolicznego sanktuarium, domu wieczystego przymierza najprzeróżniejszych losów, najrozmaitszych światopoglądów, najprzedziwniejszych profesji. Wobec wieczności wszyscy są bowiem równi i o prawdzie tej pamiętała ciotka Ewelina do końca.

Przed przeczukanym rozstaniem na zawsze — nadchodzi czas pożegnań. Nagle, chociaż spodziewanie, pęka kryształowy puchar: omen, przynaglający do porządkowania spraw doczesnych. Obdarowawszy miłych sercu posiadany najcenniejszym, zapragnęła już tylko jednego: umrzeć w czerwcu, gdyż sama jest czerwcową i miesiąc ten wydaje się jej najpiękniejszy, rajski.

I życzenie się spełnia. Umiera ciotuleńka spokojnie i godnie, w zgodzie ze światem i ludźmi, Bogiem i sumieniem (ale nie miejscowym proboszczem, co z kaszubska dwa nazwiska nosił...), a kręta dotąd droga życia przekształca się w najbardziej prostą z wszelkich prostych, z której i zboczyć niepodobna, i zawrócić nie można, albowiem wiecie ona w jednym jedynym kierunku ku snopowi nieziemskiego już światła...

Ciocie, ciotki, ciotki — były i będą; są powszechne i powtarzalne. Ale ciotuleńki — relikty co najmniej dwóch epok i kultur — to gatunek skazany przez surową biologię na wymarcie. Dobrze więc, że zachowujemy je przynajmniej, a może właśnie przede wszystkim, w pamięci dzięki literackim portretom, jak ten — namalowany czarownym słowem Zbigniewa Żakiewicza.

Grzegorz Ojcewicz

Pierwodruk: „Pomerania” 1988, nr 7–8, s. 55.

Żyj TERAZ!

Pożądanie Wzgórz Wiekuistych Zbigniewa Żakiewicza jest książką niezwykłą; to rzecz najpoważniejsza, najbardziej złożona i najbardziej osobista w całym dorobku artystycznym tego pisarza. Niezwykle, choć niesymbolicznie, brzmi już sam tytuł.

Niejednoznaczny związek wyrazowy „pożądanie wzgórz wiekuistych” informuje w takim samym stopniu o podmiocie, który pożąda, jak i o obiekcie owego pożądania, czyli wiekuistych wzgórzach.

Z jednej więc strony tytuł ten mówi o człowieku pragnącym dotrzeć do biblijnych wzniesień, by zgłębić tajemnicę niekończącego się życia, sensu cierpienia i majestatu śmierci. Jest zarazem zapowiedzią (a książka świadectwem) kontemplacyjnego (ale zdarza się, że i gwałtownego) wysiłku poznawania rzeczywistości; tej, dostępnej zmysłom i tej niedostępnej, metafizycznej. Z drugiej zaś — to od człowieka żądają czegoś wiekuiste wzgórze utożsamiane ze Stwórcą, każąc wsłuchiwać się i szanować wolę niebios i natury.

To wytrwałe wsłuchiwanie się w głos dochodzący ze Wzgórz Wiekuistych przesądza o medytacyjnym charakterze autorskiego słowa; ściślej — trójśłowa. Każde z nich istnieje może samodzielnie, każde ma znamiona oryginalnej literackiej kreacji, każde zaświadcza o trudzie samopoznania i źródłach duchowych podniet.

Słowo pierwsze, wybitnie malarskie, sycone impresjonistycznymi detalami, kreśli wprawnie nadmorskie, kaszubskie i górskie pejzaże pełne przeróżnych stanów przyrody, jej barw i dźwięków. Dla poszukiwacza bałtosłowiańskiej tajemnicy Północ ujawniła z bezprzykładną szczerością swą melancholijną surowość, samotność i swe mistyczne mroki. Nie raz stawał autor w najdalszym północnym skraju ziemi, w tym najwyższym punkcie mapy, skąd niezmiennie rozciągają się widoki rozległe aż do granic możliwości. Nie raz też zjawiał się on w majestatycznych górach, by, wzorem bohatera romantycznego, uczyć się od milczących szczytów mowy Wzgórz Wiekuistych.

Natura gra u Żakiewicza rolę szczególną: ogląda nas swym fiołkowym spokojnym okiem, trwa dumnie, domagając się pokory wobec ziemskich i morskich żywiołów, dostarczając niedotykalnych sił po duchowych klęskach; zdeterminowana pierwotnym porządkiem świata zadziwia wciąż biologiczną konsekwencją, cyklicznością, odwiecznym rytmem rodzenia i umierania, pojawiania się i odchodzenia, brakiem lęku przed przemijaniem i śmiercią. Ale Przyroda pełni u Żakiewicza także funkcję ponadbotaniczną: będąc moralnie obojętną, nie znającą pojęcia dobra czy zła, znajduje się poza naszym światem wyzwalając w człowieku postawę estetyczną. Dla ludzi dawnych Kresów uchodzi za twórczy śmiech Boga, Jego wspaniałomyślny żart, zabawę w chowanego, w dziecięce „zimno, ciepło, gorąco”.

Słowo drugie, szczególne, jest mówieniem o sobie, ale w trzeciej osobie. Takie pośrednictwo, taki narracyjno-gramatyczny zabieg pozwala uzyskać inną (pełniejszą? pewniejszą?) wiedzę na temat zachowań nieobcego przecież pisarzowi pewnego N.N., bo płynącą z ich obserwacji i przez to może bardziej obiektywną od uzyskanej drogą najgłębszej introspekcji.

Słowo trzecie, objętościowo najszerze a treściowo najdonioślejsze, konfesjonalnością swą przewyższa szczerość pierwszego i intymność drugiego. Jak gdyby dopiero tutaj zaczynał się właściwy dziennik, literacki zapis rzeczy prywatnych, jednak tylko pozornie wyłącznie dla siebie. Rozważanie Tajemnic — erudycyjne pisanie o Bogu, Losie i Historii, zastanawianie się nad wzajemnymi powiązaniem pomiędzy Duchem, Naturą i Wolnością, śledzenie roli Błędu i Przeinaczenia w rozwoju własnym i Dziejów — okazuje się wulkanicznym centrum w duchowej autobiografii pisarza.

Temat sakralny i dziejopisarski zawsze domagał się pióra dojrzałego a myśli niebanalnych. Jedno i drugie odnajdujemy u Żakiewicza w małych traktatach religijnych, miniaturach historiozoficznych, rozprawach literaturoznawczych. Historia dla ludzi dawnych Kresów nie stanowi wcale przeszłości: trwa w ich „dziś”, gdyż, jak u dziecka, pamięć ta nie jest długa, lecz uparta. Historii uczyła Kresowych krew własna, zmieszana z krwią wielu ludów, obdarzając przy tym wiecznym niepokojem mieszańców, a naturę czyniąc płynną, skłonną ku paradoksom i sprzecznościom.

W poznawaniu świata i samego siebie towarzyszą autorowi wielcy literatury — naszej i obcej, dawnej i współczesnej, biblijnej i świeckiej. Tym, co owe dychotomie łączy, jest moralne (lub moralizatorskie) tętno znanych powszechnie tekstów. W ocenie autora sztuka od swego zarania powraca wciąż do ożywczych źródeł, do tajemnicy cierpiącego człowieka postawionego naprzeciw wieczności. Stąd — poetą jest ten, kto posiadał umiejętność powrotu do początków, do prawzoru. Zaś główny cel literatury upatruje pisarz w dziejach druzgotanego Słowa, Słowa wciąż odrzucanego. Sprawców burzliwych fascynacji wyliczyć by można wielu, dla przykładu: Merton, Mann, Hemingway, Faulkner, Pascal, Camus, Kafka, Buczkowski, ale tradycyjnym punktem odniesienia pozostaje niespokojna proza rosyjskich filarów — Dostojewskiego, Tołstoja, Bunina i Cwietajewej; z piszących po polsku — Czesław Miłosz. Wszyscy oni weszli do ludzkiej nieśmiertelności. Wszyscy oni nie byli obojętni w kwestiach Boga, Losu, Historii.

W triadzie tej tematem wiodącym, a zatem najważniejszym, jest dla Żakiewicza sacrum. Na szczególną uwagę zasługuje myśl o chrześcijańskiej dojrzałości oraz antypogańska koncepcja życia chwilą. Owocem chrześcijańskiej dojrzałości ma być pokorne przyjęcie Losu, wyrażające się modlitewną formułą „Nie moja wola, lecz Twoja niech się stanie”. Do dojrzałości tej wiedzy droga umieszczona w terażniejszości. Czymże jest dla nas, żyjących, chwila? — pyta autor. I odpowiada: chwila to jest TERAZ. Zrozumieć tę prostą z pozoru prawdę i przyjąć chwilę, a więc — TERAZ, to znaczy zrozumieć istotę chrześcijaństwa.

Czy DZIŚ jest dane wszystkim? Okazuje się, że nie, albowiem istnieje tylko dla tych, którzy mają dar kontemplacji, umiejętność przyjmowania przez posłuszną miłość wszystkiego, co otrzymujemy. Działanie takie uważa Żakiewicz za wyraz zgody na samego siebie.

Czymże jest dzisiejsze pogaństwo, jeśli nie trwaniem we „wczoraj” lub — „jutro” — konstatuje pisarz. Wyjaśnia: poganin nie zna TERAZ, gdyż terażniejszość jest dla niego ślepa, ciemna, obłożona wielorakim tabu. Poganin współczesny nie pojmuje, że nie ma czasów tymczasowych, że nie można zawiesić na kołku swej moralności, a sumieniu kazać poczekać. Nie pojmuje on, że im cięższe są czasy, im głębsze mroki, tym donioślejsze wołanie TERAZ. Żakiewiczowskie „Chwytaj dzień!”, „Żyj TERAZ!” odmienne jest od klasycznego „Carpe diem!” Horacego. Nie tyle radość płynąca z rzymskiej cielesności, ile dostojność biorące się z poszukiwań bałtosłowiańskiej duszy stanowi dla autora *Pożądania Wzgórz Wiekuistych* wzorzec życia godziwego.

Miałem do czynienia z piękną, mądrą książką. Ogłoszono w niej bez krzyku i drażnienia to, co dano twórcy poznać, zrozumieć, przekazać.

Grzegorz Ojcewicz

Pierwodruk: „Pomerania” 1988, nr 11, s. 39–40.

Jaka jesteś, Rosjo?

Rosja, Rosja... — dwa takie same początkowe wyrazy w tytule książki i wymowny po nich wielokropek: dwa symboliczne oddechy, dwa głębokie westchnienia, w których zamknięto wspomnienia, współczucie i zadumę człowieka dojrzałego nad labiryntowymi losami naszego wschodniego sąsiada — nad jego historią, kulturą, literaturą. A po tytule, w roli motta, jeden z najbardziej znanych Tiutczewowskich czterowierszy, rozpoczynający się tezę *Умом Россию не понять...* — w oryginale oraz dwóch konkurencyjnych wersjach translatorskich: jednej autorstwa Ryszarda Łuznego, drugiej — Artura Sandauera.

Tekstu nie budują zwykle notatki z podróży, w których braknie na ogół dystansu wobec spraw i ludzi. Zapiski wtopione w panoramę dziewiętnastowiecznej i modernistycznej literatury rosyjskiej, pretendującej nie od dzisiaj do wielkiej roli nauczycielki życia, nawiązują do najlepszych wzorów literatury powszechnej. Są subiektywnym lirycznym reportażem-esejem, przenikniętym wewnętrznym narracyjnym ciepłem, co wcale nie znaczy, że towarzyszy im bezkrytyczny stosunek do bolesnej przeszłości Rosji. Literatura wciąż pozostaje dla autora *Wilczych łąk* najwrażliwszą częścią kultury, zdolną do stawiania trafnych diagnoz w stosunku do współczesności i bezbłędnego przewidywania rozwoju wydarzeń historycznych w przyszłości.

Książka Żakiewicza, mimo że w tytule zapowiada trzydziestoletnią cesurę (1964–2002), tak naprawdę zaczyna się w roku 1939, inicjującym pierwsze kontakty Autora z bolszewikami, dzięki czemu pole wnikliwej obserwacji nastawionej na powroty ku wileńskim praelementom — prapamięci, praświadomości, prahistorii — poszerza się o następne dziesięciolecia. Szczegóły biograficzne zawarł pisarz w części poprzedzającej narrację właściwą w *Zamiast wstępu*. Z niej dowiadujemy się, że od lutego 1946 pisarz przebywa w Polsce, wędrując przez Olsztyn, Łódź, Wrocław i Opole, by zrobić nagły zwrot i latem 1967 roku osiąść na stałe w Gdańsku, czyniąc z Kaszub namiastkę Wyżyny Oszmiańskiej i by przez geograficzne zbliżenie oraz wspomnienia nie tracić więzi z duchową Ojczyzną, Wileńszczyzną oraz Mołodecznem.

Rosja, Rosja... składa się z sześciu części: 1964–1965, 1968–1969, 1971–1972, 1988–2001, *Lektury Rosji*, *Moja Białoruś*. Prawdę powiedziawszy, każdy jej fragment odznacza się całkowitą narracyjną niezależnością i może funkcjonować jako samodzielny szkic. Każdy każe nam działać, zmuszając na przykład do zmiany ustalonych sądów historycznoliterackich. Każdy zachęca do dialogu z Autorem, w którym nie zabrakłoby także miejsca na badawczy spór, na przykład o „szalonego epileptyka” Dostojewskiego czy „bezwzględny” Bunina.

Lata 1964–1965 są zapisem pierwszych wrażeń, których źródłem stała się weryfikacja nabytej wiedzy rusycystycznej z rzeczywistością dwóch molochów: Moskwy i Leningradu. Żakiewicz postępuje, wydawać by się mogło, całkowicie nielogicznie, zaprzeczając swojemu filologicznemu przygotowaniu. Wie przecież, że literatura rządzi się swoimi prawami, zgodnie z którymi fikcji nie uznajemy za prawdę, a mimo to, jak wytrwały detektyw chodzi ulicami znanymi z klasyki dziewiętnastowiecznej w poszukiwaniu wrażeń, otwarty na mierzenie się z wymaginowaną rzeczywistością, zagląda do domów, poznaje mieszkania i sprzęty, przywołuje obrazy głównie z Dostojewskiego i Tołstoja, kojarzy postacie literackie z autentycznymi pierwowzorami.

Po wielu trudnych wewnętrznych remanentach historycznych i literackich formuluje pojemne kulturologiczne uogólnienia, których ówczesna cenzura na pewno by nie przepuściła. Kusi się o podanie przyczyn bezdziejowości Rosji i pijaństwa Rosjan traktowanego na równi z religią. Odsłania okrucieństwo, wynikające z kultu jednostki. Dostrzega złożoność duszy rosyjskiej, wiecznie rozdartej między Europą i Azją. Żakiewicz przedstawia, bada i rozpoznaje rosyjski charakter, lecz czyni to znacznie spokojniej i bez nadmiernego ładunku ekspresywnego, czym wyraźnie się różni na przykład od Wiktora Jerofiejewa, Rosjanina, który miał odwagę odważnie zdiagnozować swoją ojczyznę oraz swoich rodaków i ogłosić światu zaskakujące wyniki brutalnie szczerzej ekspertyzy w postaci *Encyklopedii duszy rosyjskiej*.

Okres 1968-1969 staje się kontynuacją intelektualnej przygody rozpoczętej na poważnie kilka lat wcześniej. Żakiewicz po raz kolejny odsłania w esejach swe impresjonistyczne inklinacje połączone z niezwykłą wrażliwością na barwy i kształty oraz zbliża się przede wszystkim do jednego z ulubionych pisarzy, tj. Iwana Bunina, za sprawą wnikliwej rejestracji doznań sensorycznych: smaków, zapachów, dźwięków. Buninowi poświęca szkic, aby odsłonić tajemnicę literackiego sukcesu autora *Antonówek*. Poszukuje momentów, w których w jednej chwili łączą się czasy, biografie, style, kultury. Draży. Nie przechodzi obojętnie obok Błoka, akcentując oryginalność jego koncepcji historiozoficznej, wyrażonej najpełniej w poemacie *Dwunastu*, czy naturalną umiejętność porozumiewania się ze światem „bez protez i przenośni” tak typową dla Wielomira Chlebnikowa, franciszkańskiego z ducha twórcy, otwartego na przyrodę, wszystkie czasy i wszystkie kultury.

O ile w poprzednim rozdziale Żakiewicz pisał o naturze duszy rosyjskiej, o tyle obecnie przedstawia spostrzeżenia własne i usłyszane z ust poety Jewgienija Winokurowa na temat natury Polaków. Skrajnemu emocjonalizmowi Rosjan, zdolnych kochać i nienawidzić jednocześnie, gotowych w tej samej chwili do lamentu i zademonstrowania niepojętego gniewu oraz okrucieństwa, przeciwstawia się portret Polaka, w którym dominuje skłonność do romantycznych gestów, gloryfikowania fantazji i fantastyczności. W ocenie Winokurowa nie jesteśmy nacją epików, lecz liryków, narodem silnie kochającym wolność.

W poszukiwaniu prapamięci i historii Żakiewicz błąka się niczym petersburskie widmo po starych cmentarzach, cerkwiach, po wybranych ulicach, podwórkach oraz domach-muzeach, aby zmierzyć się z dziedzictwem kultury, by mentalnie i fizycznie zbliżyć się do biograficzno-literackich tajemnic. Do źródeł pisarskich natchnień. Do rozpraw klasyków z samym sobą (np. wątek Karenin — Tołstoj). Łączy ponownie życie pisarzy z ich tekstami. Odsłania paradoksy. Dostrzega paralele osobowe, o których milczą podręczniki literatury. W ten sposób wzbogaca naszą wiedzę o wyniki wnikliwych śledztw w sprawie Dostojewskiego, Tołstoja, Błoka, Bunina, Turgieniewa, Andriejewa, Chlebnikowa czy ornamentalisty Wiesiołogo. Niepostrzeżenie przeprowadza czytelnika z jednego brzegu na drugi, z dziewiętnastego wieku w pełne napięcia i nieoczekiwanych zwrotów historii, nowych jakości etyczno-estetycznych następnego burzliwego stulecia. Błoka nazywa Puszkinem rzuconym w XX wiek, doceniając wielkość poety-symbolisty oraz to samo uwikłanie w bieg popaździernikowych wydarzeń, w ten sam co do istoty dramat, którego źródłem było wyostrzone wycucie rytmu historii oraz prorocze widzenie skutków dziejowych zmian.

Następne dwa lata 1971–1972 wiążą się z Rosją Breżniewa, czasem społeczno-politycznych przymrozków, trwania w dziejowym bezruchu nasyconym kafkowską podejrzliwością i najczarniejszym absurdem. Bohaterami tej części książki są bez wątpienia Leningrad oraz Odessa, a spośród twórców — Josif Brodski, poeta obdarzony niezwykle świadomością swoich czasów. Żakiewicz wielokrotnie podkreśla głębokie zakorzenienie Brodskiego w kulturze europejskiej oraz tę samą, jak u Piotra Czaadajewa umiejętność rozmawiania o Rosji bez najmniejszych nalotów wielkoruskiego szowinizmu. Pojęcie „rosyjska klaustrofobia”, rozumiane jako „uczucie zamknięcia i niemożności przekroczenia przekłetej ściany, która odgradza od wolnego świata” (s. 113), świetnie ilustruje stan niewoli twórczej i osobistej otrzymanej w smutnym spadku po czasach Stalina. W Odessie pisarz tropi Babla, dostrzega dramat egzystencji rosyjskiego Żyda na granicy wielu ras i rozmaitych kultur. Tutaj także, nad Morzem Czarnym, stają przed oczyma Lermontow, Mickiewicz, Słowacki, Conrad. Wielcy niepokorni, chociaż każdy na różny sposób. Ponownie odległa przeszłość spina się w obecności wodnych żywiołów z teraźniejszością, przypominając o sile tyranii wpisanej w dzieje Rusi-Rosji i nędznej kondycji zarówno wybitnej, jak też całkiem szarej jednostki wobec trybów wielowiekowej despotycznej maszyny.

Trzynastę lat 1988–2001 zamknął Autor w dwóch ważnych dla Rosji wydarzeniach: z jednej strony tysiąclecie chrztu Rusi, z drugiej — przekazanie władzy Putinowi. W ten sposób duch połączył się z materią, co znalazło wyraz w zawartości tej części książki. Żakiewicz nie przemieszcza się już z rozmachem po rosyjskich przestrzeniach, nie peregrynuje na linii Leningrad — Tbilisi, jak poprzednio, lecz przygląda się wnikliwie skutkom owych przestrzeni, które przesądzają o inności rosyjskiej mentalności. Jest to fragment gorzki i smutny, absolutnie nieoptymistyczny, albowiem zamiast fascynacji Rosją Autora dopada autentyczne duchowe zmęczenie, stan bliski zapaści. Wcześniej zebrane doświadczenia, w których niemało miejsca zajęły obserwacje związane z brutalizacją życia, codziennymi scenami chamstwa, tyranizowania słabszych przez silniejszych, teraz wybuchły z całą skrywaną mocą. Chaos w sercach Rosjan połączył się z ogólną brzydotą wszystkiego, co komunistyczne i czerwone, co dokumentowało bezmyślne niszczenie historii „białych”. Ale Żakiewicz nie ucieka przed samym sobą, nie zamyka uszu i oczu na jęk i okropności Rosji, bo wie, że „nie ma ucieczki od siebie samego, a jedynie potrzeba zrozumienia, kim się jest” (s. 142–143). Otwarty monolog z Mariuszem Wilkiem staje się dla pisarza dogodną okazją do postawienia tezy o przyszłych losach odradzającego się imperium. „Wielkiej Rosji — czytamy — wciąż grozi implozja - zapaść do środka, wewnętrzny chaos lub wieczny bunt w duchu Pugaczowa czy rozpętanej przez Lenina wyniszczającej rewolucji” (s. 145). To naprawdę poważna przestroga.

Lektury Rosji są refleksyjnym zdaniem sprawy pisarza ze studiów dawnych i współczesnych, w których dominuje temat Rosji, natury charakteru rosyjskiego i perspektywy dziejowych tego wielkiego państwa. Żakiewicz wychodzi od tekstu markiza de Custine'a z 1839 roku, widząc we francuskim podróżniku proroka październikowego przewrotu. Autor chętnie powraca także do listów filozoficznych Piotra Czaadajewa, z którym wiąże początek samoświadomości narodowej Rosjan. Literackimi kontynuatorami czaadajewskich „przeczuć” stali się Gogol, Dostojewski, Tołstoj, Sałtykow-Szczerdin, Korolenko, Czechow, Bunin, Gorki. Wszyscy oni wskazywali na występowanie

obok siebie w naturze Rosjan drastycznych sprzeczności, jak pokora i bunt, rezygnacja i nadgorliwość, bezgraniczne poświęcenie i barbarzyńskie okrucieństwo.

Innym świadkiem historii Rosji był Mieczysław Jałowiecki. Jego obserwacje z całą pewnością nie mogły być popularne w okresie totalitaryzmu. Żadna przecież cenzura nie ośmieliłaby się przepuścić na przykład zdania o twarzy Lenina: „Była to twarz nie człowieka, a szatana” (s. 158). Są i inne bardzo dosadne określenia oraz dane biograficzne, towarzyszące ujawnianiu skrzętnie ukrywanej przez komunistów prawdy o wodzu października czy Lwie Trockim. Z kolei Przekłęte dni Iwana Bunina i jego Wspomnienia stały się dla Żakiewicza dodatkowym, podświadomie wyczuwanym od Mołodeczna, źródłem wiedzy o nieludzkich czasach oraz impulsem do snucia refleksji między innymi o biesach naczelnych (Lenin, Trocki) i biesach pomniejszych (Dzierżyński, Łunaczarski) minionej epoki totalitaryzmu i ich destrukcyjnym wpływie na ciągłość rosyjskiego dziedzictwa kulturalnego. Uwagi Lwa Gumilowa, syna Anny Achmatowej i Nikołaja Gumilowa, zawarte w dziele Od Rusi do Rosji są zdaniem Żakiewicza próbą odpowiedzi na pytanie o stopień europejskości i azjatyckości Rosji. W ocenie Gumilowa duchowa tożsamość oraz siła rosyjskiego etnosu kryje się w byciu Euroazjatami, a więc jakością składającą się z dwóch innych genetycznie komponentów historycznych, mentalnych, emocjonalnych.

Szczególnego znaczenia nabierają dla pisarza materiały najnowsze, jak chociażby książka Witalija Szentalskiego Wskrzeszone słowo — z archiwów literackich KGB, wydane już w okresie rozkwitu pieriestrojki i głośności. Tekst ten stał się dokumentem o epoce ukazanej przez odsłony dramatycznych losów wybitnych twórców. Większość z nich straciła życie za usiłowanie bycia sobą, za otwarte NIE! wobec zdemoralizowanego komunistycznego systemu. Wstrząsająca szczerość dokumentalisty Szentalskiego została zademonstrowana w szkicach poświęconych pisarzom sowieckiego piekła, zaszczytnym, znieważonym, rozstrzelanym, jak na przykład Bablowi, Mandelsztamowi, Bułhakowowi, Pilniakowi, Płatonowowi, Klujewowi, ojcu Pawłowi Fłorenskiemu, a nawet ulubieńcowi Kremla — Gorkiemu. Ich teczki opatrzone w Łubiance napisem Вечно хранить!, utralając dla potomnych ogromne ostrzeżenie przed możliwością powtórzenia się historii i pozornej bezkarności głównych „mechaników” ówczesnego ustroju. Każdy z twórców, którzy, jak Klujew, przewidywał upadek reżimu i kres bezmyślnego ludobójstwa, był zagrożeniem dla jedynie słusznego systemu i musiał zginąć. Ten sam system zadbał o pełne, ślepe i skuteczne instrumentarium w postaci Związku Pisarzy Radzieckich, którego panteon — dzisiaj zapomniany — był uprzywilejowany, lecz nie za dokonania twórcze, a postępy w sztuce donosicielstwa. Fakt ten Żakiewicz skomentuje z właściwym sobie dystansem: „Zamordowani pisarze powracają w swych dziełach i historii tragicznej egzystencji. Twórcy literatury socrealistycznej wpadają w otchłań zapomnienia lub hańby” (s. 177); bardziej hańby — chciałoby się dopowiedzieć za Autorem Rosji, Rosji...

Moja Białoruś zamyka rozważania Zbigniewa Żakiewicza nad Rosją i Rosjanami. Autor powraca raz jeszcze, przestrzegając zasad kompozycji literackiej, do najmłodszych lat, okresu, gdy „po życiu biegał jak po łące”. Bohaterami tej części książki są bez wątpienia trzy postacie: poeta białoruski Janka Bryl („białoruski Iwazskiewicz”, świadek samobójczej śmierci pułkownika Dąbka na Oksywiu), białoruski nauczyciel Żakiewicza z 1944 roku — Julian Sierhiejewicz, i najmłodszy wójt w wolnej Polsce,

Feliks Żyłko. Trzy odmienne życiorysy, trzy różne losy, *mpu cyдьбы...* Poznawszy dzieje rodziny Żyłków, którzy powrócili w 1956 roku z Kazachstanu, dokąd wywieziono ich z litewskich Żodziszek, w których wszystkie sprawy sekretarskie prowadził stryj Żakiewicza, Henryk, uświadomiłem sobie, jak mały jest jednak świat. Syn Feliksa Żyłki, Bogusław, obecnie profesor Uniwersytetu Gdańskiego, w 1982 roku wypromował mnie na magistra; pracę magisterską recenzował Zbigniew Żakiewicz, ten sam, który nazywa mnie i Bogusława Żyłkę swoimi najlepszymi studentami. Potem stajemy się Kolegami, następnie Przyjaciółmi. Historia się toczy. Lat przybywa. Ich przeszłość stała się częścią mojej terażniejszości, a ich doświadczenia — źródłem recenzenckich refleksji.

Czas na syntezę. Moskwa i Leningrad jako miasta-symbole odgrywają w retrospekcji Autora *Rosji, Rosji...* najważniejszą rolę. Nie byłoby Żakiewicza rusycysty bez 17 września 1939, bez Mołodeczna, bez śmierci ojca po tamtej stronie, bez przymusowej emigracji w roku 1946, bez tej wewnętrznej iskry, która powiększała się wraz z dorastaniem chłopca i która już w dzieciństwie, chociaż zapewne wtedy jeszcze podświadomie, nakazała solidnie zbadać w praprzyczynę kulturowego tułactwa po historii i literaturze Rosji. Po „złotym” i „srebrnym” wieku. Dostojewski, Tołstoj i Bunin są dla pisarza trzema najważniejszymi punktami odniesienia w konstruowaniu uogólnień na temat dziejów Rosji i perspektyw jej trwania. W dokonaniach Wielkiej Trójki zbiega się doskonałość literackiej tradycji: formy, języka, prawdziwości obrazu rosyjskiej duszy. Europa i Azja są dla Żakiewicza naturalnymi, bo wpisanymi w geografie, granicami natury wschodnich Słowian, pozwalającymi wytłumaczyć zdolność do niebywałego okrucieństwa Rosjan i jednoczesną gotowość do złożenia z siebie najwyższej ofiary. Dwa ludzkie komponenty — tyran i tyranizowany — są na stałe wpisane w rosyjski pejzaż despotyzmu. Lekarstwa na „chorobę na Rosję”, jak dotąd nie ma, dlatego rokowanie w każdym indywidualnym przypadku osób nią dotkniętych jest bardzo poważne.

Inicjały Autora *Rosji, Rosji...* zamykają polski alfabet, ale pomiędzy literami „Z” jak Zbigniew i „Ż” jak Żakiewicz znajdujemy jeszcze literę „Ż”. Jest ona naturalnym elementem graficznym, symbolicznie łączącym lewą i prawa stronę biografii pisarza, jest oczywistym pomostem między świadomością zrodzoną w okresie dzieciństwa w Mołodecznie a samoświadomością budowaną stopniowo, lecz konsekwentnie, już w Polsce, przez dogłębne poznawanie Rosji i dokonywanie wizji tekstowo-lokalnych przeprowadzanych wielokrotnie nawet na tym samym miejscu historycznych, kulturowych oraz literackich zdarzeń. Żakiewicz niczego z przeszłości nie wykreśla, analizuje własne doświadczenia i własne ograniczenia, by przekroczyć naturę w imię zachowania ciągłości wielokulturowego dziedzictwa, by powiedzieć o sensie sztuki, której zadaniem głównym niezmiennie pozostaje podprowadzanie do progu tajemnicy, do swego rodzaju plus nieskończoności.

Rosja, Rosja... Zbigniewa Żakiewicza jest dla mnie książką niezwykłą i na pewno na zawsze taką pozostanie. Moje przekonanie bierze się nie tylko z sentymentu, jakim niezmiennie darzę Jego pisarstwo, ale także ze wspomnień związanych z wykładami Mistrza i czasem studiów oraz wspólnej pracy na Uniwersytecie Gdańskim. Wzmacnia je podziw dla intelektualnej elegancji Autora, „prostej jak podanie dłoni”, zdolnej pokonywać wszelkie sztuczne granice w imię dziejowej solidarności, dla której

nieistotne okazują się podziały polityczne i narodowe uprzedzenia. Dla mnie, dla moich studentów oraz dla przyszłych pokoleń rusycystów *Rosja, Rosja...* będzie wiecznie żywą zaczarowaną fontanną, źródłem słowa, z którego Puszkina i Bunina byłoby jednakowo dumni. „Wielka literatura — napisze Autor *Tryptyku wileńskiego* — zabija swego twórcę, w perspektywie czasu ginie człowiek, ale pozostaje jego dzieło, już wyzwolone z ograniczeń czasu, przypadkowości chwili, której podlega człowiek żyjący” (s. 70). I wszystko wskazuje na to, że ten okrutny, ale zarazem wspaniały los, gdy traci się siebie, by istnieć w wieczności, spotka także Zbigniewa Żakiewicza.

Grzegorz Ojcewicz

Pierwodruk: „Acta Polono-Ruthenica” 2010, tom XV, s. 281–287.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor emeritus,

Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Wydział Administracji, Studium Edukacji Językowej;

b. prof., Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,

Wydział Humanistyczny, Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, Polska

e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

BIBLIOGRAFIA DOROBKU LITERACKIEGO I NAUKOWEGO ZBIGNIEWA ŻAKIEWICZA

PRACE LITERACKIE

Powieści (pozycje książkowe)

- Żakiewicz Zbigniew. *Ród Abaczów*. Warszawa: Czytelnik, 1968, ss. 154, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *Biały karzeł. Powieść*. Wyd. 1. Warszawa: Czytelnik, 1970, ss. 221, [3].
- Żakiewicz Zbigniew. *Ród Abaczów*. Wyd. 2. Warszawa: Czytelnik, 1971, ss. 157, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *To sen tylko, Danielu*. Warszawa: Czytelnik, 1973, ss. 214, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *Biały karzeł. Powieść*. Seria Głowy Wawelskie. Wyd. 2. Warszawa: Czytelnik, 1975, ss. 243, [1].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dolina Hortensji*. Wyd. 1. Warszawa: Czytelnik, 1975, ss. 142, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *Czteropalczy. Opowieść niesamowita*. Warszawa: Czytelnik, 1977, ss. 198, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dolina Hortensji*. Wyd. 2. Warszawa: Czytelnik, 1977, ss. 139, [4].
- Żakiewicz Zbigniew. *Markigo albo Komiczne przygody Marka Piekelnika*. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1978, ss. 124, [3].
- Żakiewicz Zbigniew. *Ród Abaczów*. Wyd. 3. Warszawa: Czytelnik, 1979, ss. 142, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dolina Hortensji*. Wyd. 3. Warszawa: Czytelnik, 1980, ss. 120, [3].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilcze łąki*. Warszawa: Czytelnik, 1982, ss. 170, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *Ciotuleńka. Opowieści żartobliwe*. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie. Oddział Gdański, 1988, ss. 141.
- Żakiewicz Zbigniew. *Saga wileńska*. [Posłowie autora]. Oprac. graf. Dominika Gzowska. Gdańsk: Oficyna Wydawnicza Graf, 1992, ss. 320.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilio, w głębokościach morza*. Oprac. graf. Grażyna Szczurowska. Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1993, ss. 173.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gorycz i sól morza. Gdańskie Smorgonie*. Gdańsk: Słowo/Obraz/Terytoria, cop. 2000, ss. 192, [3].
- Żakiewicz Zbigniew. *Tryptyk wileński*. Seria Biblioteka Gdańska. Literatura. Gdańsk: Słowo/Obraz/Terytoria, cop. 2005, ss. 446, [6], k. tabl. [1].
- Żakiewicz Zbigniew. *Ciotuleńka. Opowieści żartobliwe*. Wyd. 2. Gdańsk: Wydawnictwo Marpress, 2007, ss. 127, [2].

Szkice literackie (pozycje książkowe)

- Żakiewicz Zbigniew. *Ludzie i krajobrazy*. Oprac. graf. Jerzy Krechowicz. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1970, ss. 168, [3], k. tabl. [6].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziennik intymny mego N.N.* Seria Biblioteka „Więzi”. T. 40. Warszawa: Biblioteka „Więzi”, 1977, ss. 183, [1].
- Żakiewicz Zbigniew. *Pożądanie Wzgórz Wiekuistych*. Przedmowa Anna Kamieńska. Poznań: Wydawnictwo Stowarzyszenia Apostolstwa Katolickiego Pallottinum, 1987, ss. 220.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ujrane, w czasie zatrzymane*. Biblioteka „Tytułu”. Gdańsk: Marabut, 1996, ss. 221, [3].
- Żakiewicz Zbigniew. *Rosja, Rosja... Notatki z podróży, ludzie, lektury. 1964–2002*. Gdańsk: Polnord – Wydawnictwo Oskar, 2006, ss. 236, [3].

Zbiory opowiadań (pozycje książkowe)

- Żakiewicz Zbigniew. *Chłopiec o lisiej twarzy*. Rys. Andrzej Czeczot. Seria Opolska Biblioteka Literacka. T. 9. Katowice: Śląsk, 1962, ss. 125, [3].
- Żakiewicz Zbigniew. *Liście*. Rys. Andrzej Czeczot. Katowice: Śląsk, 1967, ss. 161, [3].

Powieści i opowiadania dla dzieci i młodzieży (pozycje książkowe)

- Żakiewicz Zbigniew. *Kraina Sto Piątej Tajemnicy*. Oprac. graf. Józef Wilkoń. Wyd. 1. Warszawa: Czytelnik, 1972, ss. 193, [7], k. tabl. [12].
- Żakiewicz Zbigniew. *Ostatni rejs „Grubego Jana”*. Il. Józef Wilkoń. Warszawa: Czytelnik, 1975 [druk 1976], ss. 82, [2].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dwaj dzielni z Plimlańskiego Lasu*. Il. Elżbieta Gaudasińska. Warszawa: Czytelnik, 1976, ss. 252, [4], k. tabl. [8].
- Żakiewicz Zbigniew. *Kraina Sto Piątej Tajemnicy*. Oprac. graf. Józef Wilkoń. Wyd. 2. Warszawa: Czytelnik, 1977, ss. 186, [6], k. tabl. [12].
- Żakiewicz Zbigniew. *Straszne bliźnięta*. Il. Maria Orłowska-Gabryś. Warszawa: Nasza Księgarnia, 1979, ss. 176, [4].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dwaj dzielni z Plimlańskiego Lasu*. Wyd. 2. Il. Elżbieta Gaudasińska. Warszawa: Czytelnik, 1981, ss. 192, [4], k. tabl. [8].
- Żakiewicz Zbigniew. *Opowieści z Bajkolandii*. Il. Jadwiga Okrassa. Gdańsk: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1981, ss. 110, [6].
- Żakiewicz Zbigniew. *Pan Tip-Top*. Il. Józef Wilkoń. Warszawa: Nasza Księgarnia, 1982, ss. 28, [4].
- Żakiewicz Zbigniew. *Opowieści z Bajkolandii*. Wyd. 2. Il. Jadwiga Okrassa. Gdańsk: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1984, ss. 110, [6].
- Żakiewicz Zbigniew. *Latarnia dziadka Utopka*. Il. Olga Siemaszko. Warszawa: Czytelnik, 1987, ss. 171.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kraina Sto Piątej Tajemnicy*. Oprac. graf. Józef Wilkoń. Wyd. 3. Warszawa: Czytelnik, 1988, ss. 175, [1], k. tabl. [11].
- Żakiewicz Zbigniew. *Opowieść o wiernym pająku*. Oprac. graf. Paweł Adamów. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, cop. 1988, ss. 27, [1].
- Żakiewicz Zbigniew. *Pimpinella — lustrzana czarodziejka*. Il. Beata Kamińska. Pelplin: Wydawnictwo Bernardinum, 2008, ss. 36, [4].
- Żakiewicz Zbigniew. *Ziuta Wędrowniczka z Wysp Polinezji*, Il. Beata Kamińska. Pelplin: Bernardinum, 2009, ss. 70.

Antologie (redakcje)

- Żakiewicz Zbigniew. *„Czas zelinta” i inne opowiadania (antologia prozy współczesnej)*. Wybór, układ i wstęp Zbigniew Żakiewicz. Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej w Wejhe-

rowie, Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie. Zarząd Główny. Wejherowo: Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej, 2000, ss. 235, [2].

Tam, gdzie słyhać śpiew syren (antologia prozy współczesnej). Wybór, układ i wstęp Zbigniew Żakiewicz. Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej w Wejherowie, Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie. Zarząd Główny. Wejherowo: Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej, 2006, ss. 228, [2].

Nowele i opowiadania (w publikacjach ciągłych)

Żakiewicz Zbigniew. *Powrót z dna rzeki*. „*Katolik*” 1957, nr 24, nr 28.

Żakiewicz Zbigniew. *Ostatnia bitwa*. „*Tygodnik Powszechny*” 1960, nr 13, s. 5.

Żakiewicz Zbigniew. *Czas zatrzymany*. „*Tygodnik Powszechny*” 1961, nr 10, s. 5.

Żakiewicz Zbigniew. *Gdy dziecko się rodzi (Żonie)*. „*Więź*” 1961, nr 1, s. 84–94.

Żakiewicz Zbigniew. *Czarna godzina; Chłopiec i kobieta*. [W:] *W cieniu opolskiej wieży. Almanach literacki*. Katowice: Śląsk, 1962, s. 176–179.

Żakiewicz Zbigniew. *Cwaniak i Szczygły*. „*Kalendarz Opolski*” 1965, R. 7.

Żakiewicz Zbigniew. *Kim będzie*. „*Poglądy*” 1965, nr 17, s. 10.

Żakiewicz Zbigniew. *Powrót z dna rzeki*. „*Więź*” 1965, nr 4, s. 82–89.

Żakiewicz Zbigniew. *Droga w Bieszczady*. „*Kalendarz Opolski*” 1966, s. 309–315 [Zawiera: I. *Biała gęś*; II. *Droga w Bieszczady*; III. *Komańcza*].

Żakiewicz Zbigniew. *Jesienne; Zapach poziomek*. „*Kalendarz Opolski*” 1968, s. 277–280.

Żakiewicz Zbigniew. *Niskie gwiazdy; Siew*. „*Nurt*” 1968, nr 12, s. 19.

Żakiewicz Zbigniew. *Półwysep*. „*Fama*” (Miesięcznik studentów Opola) 1968, nr 20–21, s. 2.

Жакевич Збигнев. *Дзень першы і трэці*. Пераклад. А. Мажейка. [W:] *Ад Буга да Одры Апавяданні польскіх пісьменнікаў*. Выбар Пятро Стефановіч. Мінск: Беларусь, 1969, s. 411–420 [Oryg.: *Dzień pierwszy i trzeci*].

Żakiewicz Zbigniew. *Der Grossvater*. Übersetz. von Charlotte Eckert. [W:] *Erkundungen. 19 polnische Erzähler*. Wybór i posł. J. Janke. Berlin: Volk und Welt, 1972, s. 193–199 [Oryg.: *Dziadek*].

Żakiewicz Zbigniew. *Po tamtej stronie morza*. [W:] *Lawiny schodzą w południe. Opowiadania turystyczne*. Wybór J. Krawczyk. Warszawa: Sport i Turystyka, 1972, s. 151–157.

Żakiewicz Zbigniew. *Die Jagd auf den Silberfuchs*. Przeł. Klaus Staemmler. [W:] *Dichter Europas erzählen Kindern. 46 neue Geschichten aus 17 Ländern*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1975 [Oryg.: *Polowanie na Srebrnego Lisa*].

Żakiewicz Zbigniew. *Szczury*. „*Tygodnik Powszechny*” 1983, nr 39, s. 5.

Żakiewicz Zbigniew. *I topi*. Trad. dal pol. di Paolo Sutti. [W:] *Viaggio sulla cima della notte. Racconti polacchi dal 1945 a oggi*. A cura di Paolo Sutti. Roma: Ed. Riuniti – Albatros, 1988, s. 289–294 [Oryg.: *Szczur*].

Żakiewicz Zbigniew. *Stachu – Stasinek*. „*Sycyna*” 1997, nr 6, s. 8–9.

Opowiadania dla dzieci i młodzieży (w publikacjach ciągłych)

Żakiewicz Zbigniew. *Bajka o karpniu i linie*. „*Tygodnik Powszechny*” 1961, nr 1, s. 4.

Żakiewicz Zbigniew. *Jak się stary Sznurek wychował*. „*Litery*” 1969, nr 2, s. 14.

Żakiewicz Zbigniew. *Opowieść o srebrnym chłopcu*. „*Dziennik Bałtycki*” 1969, nr 10, s. 5–6.

Żakiewicz Zbigniew. *Opowieść o Tymoteuszu Karpniu i Chytrym Linie*. „*Dziennik Bałtycki*” 1969, nr 273, s. 5.

Żakiewicz Zbigniew. *Papuga*. „*Dziennik Bałtycki*” 1969, nr 99, s. 4.

Żakiewicz Zbigniew. *Srebrne gwiazdki. Bajka*. „*Płomyczek*” 1972, nr 24, s. 738–739.

Żakiewicz Zbigniew. *O Niczyporku i śmiesznej Tirlu-Pirli*. „*Płomyczek*” 1978, nr 20, s. 583–585.

Żakiewicz Zbigniew. *Pan Tip-Top*. „*Płomyczek*” 1978, nr 23–24, s. 684–688.

Żakiewicz Zbigniew. *Łakomy Utopiec*. „Świerszczyk” 1978, nr 48, s. 758–759.

Żakiewicz Zbigniew. *Bursztynowy chłopiec (legenda morska)*. „Płomyczek” 1979, nr 16, s. 410–414.

Żakiewicz Zbigniew. *Jántarik*. Przeł. K. Tichý. „Ohnik” 1979, nr 11, s. 4–5 [Tyt. oryg.: *Bursztynowy chłopiec*].

Żakiewicz Zbigniew. *Latarnia Dziadka Utopka*. „Płomyczek” 1979, nr 4–15.

Żakiewicz Zbigniew. *Latarnia Dziadka Utopka*. „Płomyczek” 1981, nr 6–9.

Fragmety utworów literackich (w publikacjach ciągłych)

Żakiewicz Zbigniew. *Głody me, paście się głody*. „Więź” 1967, nr 11–12, s. 90–103 [Fragment powieści *Ród Abaczów*; w przypisie fragment powieści *Pierzasty i skrzydlaty*].

Żakiewicz Zbigniew. *Odejscie*. „Kalendarz Opolski” 1967, R. 9, s. 160–165 [Fragment powieści *Ród Abaczów*].

Żakiewicz Zbigniew. *Podróż z chorągiewką*. „Więź” 1967, nr 1, s. 106–115 [Fragment powieści *Ród Abaczów*; w przypisie fragment powieści *Pierzasty i skrzydlaty*].

Żakiewicz Zbigniew. *Opowieść o białym i czarnym bracie*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 147, s. 5 [Fragment powieści *Biały Karzeł*].

Żakiewicz Zbigniew. *Opowieść o Białym Karle*. „Literary” 1969, nr 5, s. 14–16 [Fragment powieści *Biały Karzeł*].

Żakiewicz Zbigniew. *Opowieść o dwóch Grzegorzach*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 22, s. 5 [Fragment powieści *Biały Karzeł*].

Żakiewicz Zbigniew. *Polowanie na białego niedźwiedzia*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 297, s. 5 [Fragment powieści *Kraina Sto Piątej Tajemnicy*].

Żakiewicz Zbigniew. *Polowanie na Srebrnego Lisa*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 255, s. 5–6 [Fragment powieści *Kraina Sto Piątej Tajemnicy*].

Żakiewicz Zbigniew. *Przygoda z morską krową oraz z dziwnym pingwinem*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 183, s. 5–6 [Fragment powieści *Kraina Sto Piątej Tajemnicy*].

Żakiewicz Zbigniew. *Przedziwne spotkanie*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 128, s. 5 [Fragment powieści *Kraina Sto Piątej Tajemnicy*].

Żakiewicz Zbigniew. *To sen tylko Danielu...* „Współczesność” 1971, nr 15, s. 6 [Fragment powieści *To sen tylko, Danielu...*].

Żakiewicz Zbigniew. *U złotego dziaduli (opowieść fantastyczna)*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 63, s. 5.

Żakiewicz Zbigniew. *Nie ta lekcja była ci zadana...* „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 156, s. 5 [Fragment powieści *To sen tylko, Danielu*].

Żakiewicz Zbigniew. *Pogrzebany w powietrzu*. „Tygodnik Kulturalny” 1972, nr 25, s. 7–9 [Fragment powieści *To sen tylko, Danielu...*].

Żakiewicz Zbigniew. *W drodze na służbę*. „Literary” 1972, nr 2, s. 15–17 [Fragment powieści *To sen tylko, Danielu...*].

Żakiewicz Zbigniew. *Droga Hortensji*. „W drodze” 1973, nr 3–4, s. 110–114 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].

Żakiewicz Zbigniew. *Hortensja i Ryszard*. „Tygodnik Powszechny” 1973, nr 32 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].

Żakiewicz Zbigniew. *Kraina matki*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 232, s. 6 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].

Żakiewicz Zbigniew. *Marek–Markigo*. „Literary” 1973, nr 6, s. 20–24 [Fragment powieści *Markigo*].

Żakiewicz Zbigniew. *Ognisty Sromek*. „Literary” 1973, nr 11, s. 30–31 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].

Żakiewicz Zbigniew. *Wuj Leon*. „Dziennik Bałtycki” 1973, nr 250, s. 5 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].

- Żakiewicz Zbigniew. *Ani piana z tego, ani pierzyny*. „Dziennik Bałtycki” 1974, nr 83, s. 5 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dolina Hortensji*. „Opole” 1974, nr 5, s. 16–17 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dom ojca*. „Fakty” 1974, nr 49, s. 6 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Droga Hortensji*. „Dziennik Bałtycki” 1974, nr 59, s. 5 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Hortensja — ogród*. „Dziennik Bałtycki” 1974, nr 269, s. 5 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Jakże to jest?* „Tygodnik Kulturalny” 1974, nr 25, s. 7 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Markigo albo komiczne przygody Marka Piekelnika*. „Nowy Wyraz” 1974, nr 6/7, s. 61–77 [Fragment powieści *Markigo*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Nastala już pora odjazdu*. „Tygodnik Morski” 1974, nr 19, dod. *Układ*, s. 14 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Natchnienia tego świata*. „Dziennik Bałtycki” 1974, nr 118, s. 5 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Odejscie*. „Znak” 1974, nr 7/8, s. 951–955 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Strachy wuja Leona*. „Dziennik Bałtycki” 1974, nr 29, s. 5 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Złoty miesiąc*. „Miesięcznik Literacki” 1974, nr 2, s. 5–18 [Fragment powieści *Dolina Hortensji*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak dwaj dzielni z Plimlańskiego Lasu spotkali domowe zwierzęta*. „Dziennik Bałtycki” 1975, nr 124, s. 5 [Fragment powieści *Dwaj dzielni z Plimlańskiego Lasu*].
- Żakiewicz Zbigniew. *O śpiewającej jaszczurce i dobrym pająku*. „Fakty” 1976, nr 22, s. 6 [Fragment powieści *Dwaj dzielni z Plimlańskiego Lasu*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Zagadkowy świat wielkoludów*. „Opole” 1976, nr 6, s. 16–17, 24 [Fragment powieści *Dwaj dzielni z Plimlańskiego Lasu*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Apokatastaza*. „Odra” 1977, nr 9, s. 61–66 [Fragment większej całości].
- Żakiewicz Zbigniew. *Czteropalczy*. „Miesięcznik Literacki” 1977, nr 9, s. 5–17 [Fragment powieści *Czteropalczy*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Noga Łapciewicza*. „Tygodnik Kulturalny” 1977, nr 23, s. 8, 15 [Fragment powieści *Czteropalczy*].
- Żakiewicz Zbigniew. *W zajeździe*. „Głos Wybrzeża” 1977, nr 34, s. 6 [Fragment powieści *Czteropalczy*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Anioł stróż*. „Pomerania” 1980, nr 6, s. 13–15 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Domowe progi*. Il. Lucjan Orzech. „Życie Literackie” 1980, nr 46, s. 8–9 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziwny gość*. „Głos Wybrzeża” 1980, nr 88, s. 6 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdzieś rzaadko ptałał*. „Opole” 1980, nr 4, s. 16–17, 21 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Pani Ejnarowiczowa*. „Kultura” 1980, nr 12, s. 5 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilcze łąki*. „Miesięcznik Literacki” 1980, nr 8, s. 6–15 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wołk-Wołczacki*. Il. Lech Frąckowiak. „Nurt” 1980, nr 10, s. 1, 14–17 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wyprowa dookoła świata*. „Fakty” 1980, nr 12, s. 6 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Majówka*. „Odra” 1981, nr 2, s. 62–66 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].

- Żakiewicz Zbigniew. *Wółk-Wółczacki jestem*. „Punkt” 1981, nr 13, s. 72–78 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Z wizytą*. „Odra” 1982, nr 12, s. 80–83 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Cuda i czary; Pożałowania*. „Opole” 1983, nr 12, s. 14–16 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Kołpie*. II. Lech Frąckowiak. „Nurt” 1983, nr 12, s. 20–22 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Kulig*. „Pomerania” 1983, nr 10, s. 37–40 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Gieburstag*. „Pomerania” 1984, nr 8, s. 10–12, 14–15 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Kulig*. „Opole” 1984, nr 12, s. 14–16 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Zmora*. „Nurt” 1984, nr 12, s. 19–23 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Biedna Sylfida*. „Pomerania” 1985, nr 5, s. 16–17 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Skoczogonek. Opowieść niepokojąca*. „Odra” 1985, nr 9, s. 59–68 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Cuda*. „Opole” 1986, nr 8; nr 9, s. 14–16, 19; s. 14–16 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Święty ogień*. „Pomerania” 1986, nr 5; nr 6; nr 7, s.22–23; s. 26–29; s. 24–28 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Anielskie pióro*. „Pomerania” 1987, nr 6, s. 24–25 [Fragment książki *Ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Postój na rozstajach*. „Powściągliwość i Praca” 1987, nr 6–7, s. 20–III [Fragment powieści].
- Żakiewicz Zbigniew. *Springschwanzchen = Skoczogonek*. Przeł. Elżbieta Bukała. [W:] *Mit Fischen leben... = Życ z rybami... Eine Anthologie Bremer und Gdańsker Autoren*. Hrsg. von Bolesław Fac. Bremen: Edition Temmen, 1989, s. 157–173 [Fragment książki *Ciotuleńka*, 1988].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilcze jary*. „Autograf” 1989, nr 6–8, s. 17–28 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *W majteczku nad Wilią*. „Tygodnik Powszechny” 1991, nr 38, s. 6 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wółk-Wółczacki*. „Tytuł” 1991, nr 1, s. 98–118 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Abaczowszczyzna*. „Odra” 1992, nr 6, s. 53–58 118 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Pierwszak*. „Opole” 1992, nr 2/3, s. 38–41 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Stoję w dymach, mgłach późnojesiennych*. Cykl *Z dziennika*. 146. „Gwiazda Morza” 1992, nr 6, s. 12 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilio, w głębokościach morza*. „Opole” 1992, nr 2–3, s. 38–41 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wółk-Wółczacki*. „Literatura” 1992, nr 6, s. 44–48 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Mija właśnie ćwierć wieku*. Cykl *Z dziennika*. 169. „Gwiazda Morza” 1993, nr 4, s. 12 [Fragment książki *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilio, w głębokościach morza*. „Regiony” 1993, nr 1, s. 44–71 [Fragment powieści *Wilio, w głębokościach morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Brzegiem, morzem*. (Pawłowi Huellemu). „Tygodnik Powszechny” 1994, nr 3, s. 8 [Fragment powieści *Gorycz i sól morza*].

- Żakiewicz Zbigniew. *Dziwna to jest okolica*. Cykl *Z dziennika*. 206. „Gwiazda Morza” 1994, nr 18, s. 20 [Fragment książki *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak wiadomo, mamy dziś*. Cykl *Z dziennika*. 209. „Gwiazda Morza” 1994, 21, s. 20 [Fragment książki *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Na drugim łądzie*. Il. Marian Murawski. „Sycyna” 1995, nr 24, s. 8 [Fragment powieści *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. „Tytuł” 1995, nr 2, s. 63–78 [Fragment książki *Ujrzane, w czasie zatrzymane*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilcze łąki*. [W:] *Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku*. Wybór tekstów, wstęp i objaśnienia Bolesław Hadaczek. Szczecin: Ottonianum, 1995, s. 225 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Na wysokim, ptasim brzegu*. Il. Marian Murawski. „Sycyna” 1996, nr 12, s. 8–9 [Fragment powieści].
- Żakiewicz Zbigniew. *Tatarska chandra*. „Literatura” 1996, nr 3, s. 38–39 [Z cyklu *Moja ciotuleńka*].
- Żakiewicz Zbigniew. *W Kaszebskiej piwiarni*. Opowiadanie z cyklu „*Moja ciotuleńka*”. „Pomerania” 1996, nr 12, s. 19–21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilcze łąki*. Przedm., wybór i oprac. tekstów Regina Kozeniauskienė, Maria Niedźwiecka, Algis Kaleda. Vilnius: Liet. Rašytoju Sąjungos L-kla, 1996 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Powrót do szczęśliwych Smorgonii*. Fragment książki. „Przegląd Polityczny” 1997, nr 35, s. 2–9.
- Żakiewicz Zbigniew. *Powrót do szczęśliwych Smorgonii*. Fragment powieści. „Tytuł” 1997, nr 3/4, s. 278–299.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sofia nierządnicą*. Fragment powieści. „Odra” 1997, nr 2, s. 91–95.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tańczący niedźwiedź*. „Kresy” 1997, nr 1, s. 86–93.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziady gdańskie*. „Sycyna” 1998, nr 8, s. 8–9 [Fragment powieści *Powrót do szczęśliwych Smorgonii*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Taki nasz los*. [W:] *Między Wileńszczyzną a Prusami*. Polityka, społeczeństwo, kultura (XIII–XX w.) Księga pamiątkowa poświęcona jubileuszowi pięćdziesięciolecia pracy naukowej i siedemdziesięciolecia urodzin prof. dr. hab. Wacława Odyńca. Red. nauk. Józef Włodarski. Gdańsk: Marpress, 1998, s. 275–281 [Fragment powieści *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Gorycz i sól morza*. „Tytuł” 1999, nr 1, s. 170–200 [Fragment powieści *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Grzeszne życie*. „Dziennik Bałtycki” 1999, nr 49, dod. „Rejsy”, s. 18–19 [Fragment powieści *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wielki nieznanjomy*. „Tygodnik Powszechny” 1999, nr 34, s. 15 [Fragment powieści *Gorycz i sól morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Wilcze łąki*. [W:] *Historia literatury polskiej*. Podręcznik. Wypisy dla kl. 10–11 ogólnokształcącej szkoły z językiem polskim wykładowym w 2 częściach. Cz. 2. T. 2. Red. Swietłana Musijenko, Małgorzata Czermińska. Mińsk: Narodnaja Aswieta, 2000, s. 262–267 [Fragment powieści *Wilcze łąki*].

Utwory sceniczne

- Żakiewicz Zbigniew. *Latarnia dziadka Utopka; W drodze do Nibylandii pisane nocą tego roku*. Program Teatru „Wybrzeże” 1978, z dn. 2.12, s. 1–4, 5–8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kraina 105 tajemnicy*. Adaptacja sceniczna Lucyna Legut. Inszenizacja i reż. Marcel Kochańczyk. Muz. Andrzej Głowiński. Gdańsk: Teatr Wybrzeże, 1978.
- Żakiewicz Zbigniew. *Podwójne życie Karoliny*. Monodram. „Tytuł” 1993, s. 57–64.

Przekłady

- Gogol Mikołaj. *Rozmyślenia o Bożej liturgii*. Przeł. Z. Ż. [Zbigniew Żakiewicz]. „Znak” 1959, nr 10, s. 1329–1330.
- Bugrow Borys. *Bułgakow, Platonow i młodzi. Nowe w prozie radzieckiej*. Przeł. Zbigniew Żakiewicz. „Literary” 1968, nr 4, s. 16–17.
- Bryl Janka. *Krew na ścianie*. Przeł. Zbigniew Żakiewicz. „Literary” 1969, nr 9, s. 18–20.
- Bugrow Borys. *Poszukiwania i odkrycia. Nowości współczesnej literatury litewskiej*. Przeł. Zbigniew Żakiewicz. „Literary” 1969, nr 8, s. 23–24.
- Bunin Iwan. *Wody mnogie*. Przeł. Zbigniew Żakiewicz. „W drodze” 1980, nr 10, s. 78–85.
- Bunin Iwan. *W nocnym morzu*. [W:] *Odkrycie morza. Antologia rosyjskiej prozy morskiej od XVIII wieku do rewolucji*. Przeł. Zbigniew Żakiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1983, s. 423–431.
- Bunin Iwan. *Wody mnogie*. [W:] *Odkrycie morza. Antologia rosyjskiej prozy morskiej od XVIII wieku do rewolucji*. Przeł. Zbigniew Żakiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1983, s. 432–456.
- Kuprin Aleksander. *Nurkowie*. [W:] *Odkrycie morza. Antologia rosyjskiej prozy morskiej od XVIII wieku do rewolucji*. Przeł. Zbigniew Żakiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1983, s. 352–368.

Szkie literackie (w publikacjach ciągłych)

- Żakiewicz Zbigniew. *Nic, co ludzkie, nie było mu obce*. „Katolik” 1956, nr 7, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Parę słów o Państwowym Teatrze Ziemi Opolskiej*. „Katolik” 1957, nr 7, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W świecie pozornej wolności*. „Znak” 1959, nr 5, s. 627–638.
- Ryszard [Żakiewicz Zbigniew]. *Byron „zlaicyzowany”*. „Tygodnik Powszechny” 1960, nr 11, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dostojewski na tle prądów filozoficznych epoki*. „Znak” 1960, nr 7–8, s. 1019–1025.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na tropie dramatu człowieka i pisarza*. „Znak” 1960, nr 10, s. 1323–1336.
- Żakiewicz Zbigniew. *W oczekiwaniu na sputnika*. „Więź” 1960, nr 7–8, s. 73–86.
- Ryszard [Żakiewicz Zbigniew]. *Wierny Śląskowi. List z Opola*. „Tygodnik Powszechny” 1960, nr 29, s. 6.
- Ryszard [Żakiewicz Zbigniew]. *Dostojewski współcześnie widziany*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 47, s. 6.
- Ryszard [Żakiewicz Zbigniew]. *I co dalej? List z Opola*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 28, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na ostrzu epok (w czterdziestą rocznicę śmierci Aleksandra Błoka)*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 32, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Oczekiwania ciąg dalszy*. „Więź” 1961, nr 10, s. 78–88 [Dot. literatury radzieckiej].
- Ryszard [Żakiewicz Zbigniew]. *Siakuntala czyli cyrk z regulaminem*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 1, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Spory i wynurzenia, czyli głos młodych pisarzy radzieckich*. „Więź” 1962, nr 11/12, s. 168–180.
- Żakiewicz Zbigniew. *W kręgu Dostojewskiego*. „Twórczość” 1963, nr 1, s. 115–118.
- Żakiewicz Zbigniew. *W kręgu wielkiej tradycji*. „Twórczość” 1963, nr 10, s. 89–92.
- Żakiewicz Zbigniew. *Brzozowski a literatura rosyjska*. „Więź” 1964, nr 10, s. 54–67.
- Żakiewicz Zbigniew. *Notatnik rosyjski*. „Więź” 1965, nr 12, s. 86–98.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pomiędzy klasyką a nowoczesnością*. „Więź” 1965, nr 5, s. 61–71.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tomasz Mann — zwątpienie współczesnej sztuki*. „Twórczość” 1965, nr 1, s. 100–109.
- Żakiewicz Zbigniew. *Apokalipsa*. „Twórczość” 1967, nr 5, s. 137–141.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ilja Erenburg świadek epoki*. „Tygodnik Powszechny” 1967, nr 38, s. 2–3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jewtuszenko — poeta ustępującej fali*. „Twórczość” 1967, nr 7, s. 133–136.
- Żakiewicz Zbigniew. *Literatura rosyjska zawsze czystą i wielką pozostała (z historii związków literatur Polski i Rosji)*. „Literary” 1967, nr 11, s. 12–13.

- Żakiewicz Zbigniew. *Krajobrazy i wspomnienia*. Cykl Z dziennika podróży. 8. „Dziennik Bałtycki” 1968, nr 135, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pisarz okresu przełomu. Rocznicą Gorkiego*. „Litera” 1968, nr 7, s. 23.
- Żakiewicz Zbigniew. *Polacy u Dostojewskiego*. „Twórczość” 1968, nr 6, s. 75–89.
- Żakiewicz Zbigniew. *Polski wieczór w CDL*. Cykl Z dziennika podróży. 5. „Dziennik Bałtycki” 1968, nr 111, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *W Mińsku*. Z dziennika podróży. 6. „Dziennik Bałtycki” 1968, nr 123, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wśród białoruskich przyjaciół*. Cykl Z dziennika podróży. 7. „Dziennik Bałtycki” 1968, nr 129, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Architektura północy*. Cykl Z dziennika podróży. 10. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 159, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dwa brzegi — dwa różne światy*. Cykl Z dziennika podróży. 2. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 93, s. 6.
- Ż. [Żakiewicz Zbigniew]. *Jerzy Broszkiewicz w Teatrze Uniwersytetu Moskiewskiego*. „Twórczość” 1969, nr 5, s. 159.
- Żakiewicz Zbigniew. *Literatura „pierwszej wiedzy” i pełni wyrazu*. „Twórczość” 1969, nr 12, s. 74–82.
- Żakiewicz Zbigniew. *Literatura radziecka wobec problemu wojny*. „Głos Wybrzeża” 1969, nr 218, s. 6.
- Ż. [Żakiewicz Zbigniew]. *Norwid po rosyjsku*. „Twórczość” 1969, nr 5, s. 158–159.
- Żakiewicz Zbigniew. *Podróże rosyjskie*. „Więź” 1969, nr 2/3, s. 114–127.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pomorskie krajobrazy. Czarny las; Słowicza wyspa; O zachodzie*. „Litera” 1969, nr 7, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pożegnanie*. Cykl Z dziennika podróży. 12. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 177, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *W drodze na północ*. Cykl Z dziennika podróży. 9. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 153, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *W Turgieniewowskim Orle*. Cykl Z dziennika podróży. 1. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 87, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wielomir — znaczy wielki świat. Komentarze do wyobraźni*. „Litera” 1969, nr 10, s. 7–10.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wspomnienie Zagorska*. Cykl Z dziennika podróży. 3. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 99, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Za dalą dal*. Cykl Z dziennika podróży. 11. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 165, s. 165.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ludzie i krajobrazy. Z dziennika podróży po ZSRR*. „Miesięcznik Literacki”, 1970, nr 4, s. 4–15.
- Żakiewicz Zbigniew. *Natura i bezpośredniość – proza rosyjskich „pisarzy prowincji”*. „Więź” 1970, nr 10, s. 49–57.
- Żakiewicz Zbigniew. *Notes. Ostatnie spotkanie z Przybosiem; Krajobraz o zachodzie; Zabawy śniegu*. „Współczesność” 1970, nr 24, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Biały koń czyli misterium życia i śmierci*. „Tygodnik Kulturalny” 1971, nr 32, s. 4, 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dostojewski realista*. „Znak” 1971, nr 12, s. 1638–1644.
- Żakiewicz Zbigniew. *Artykuł wstępny*. „Próby Literackie” 1974, nr 1.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziennik intymny mego N.N.* „Znak” 1974, nr 9, s. 1124–1138.
- Żakiewicz Zbigniew. *Modlitwa Pańska*. „W drodze” 1974, nr 9, s. 103–109.
- Żakiewicz Zbigniew. *Buninowska wizja misterium życia*. „Więź” 1975, nr 6, s. 70–77.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika podróży*. „Znak” 1975, nr 7, s. 866–874.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziennik intymny mego N.N.* „Więź” 1976, nr 2, s. 80–89.

- Żakiewicz Zbigniew. *Dziennik intymny mego N.N.* „Więź” 1976, nr 10, s. 44–51.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N.* „Tygodnik Powszechny” 1976, nr 30, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N.* „Więź” 1978, nr 11, s. 107–113.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N.* „Punkt” 1978, nr 4, s. 46–51.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N. (pamięci Antoniego Gołubiewa).* „Tygodnik Powszechny” 1979, nr 37, s. 1–2.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N.* „Tygodnik Powszechny” 1980, nr 28, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N.* „W drodze” 1980, nr 3, s. 63–69.
- Żakiewicz Zbigniew. *Chwila myśli wiecznością.* Cykl *Z dziennika.* 5. „Gwiazda Morza” 1984, nr 25, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Księga porachunków ze swym losem.* [W:] *Osoby.* Wybór, oprac. i red. Maria Janion i Stanisław Rosiek. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1984, s. 504–508.
- Żakiewicz Zbigniew. *Narodzenie Boże; Komiczne i niepoważne może się nam wydawać.* Cykl *Z dziennika.* 6. „Gwiazda Morza” 1984, nr 26, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Siostra Faustyna Kowalska.* Cykl *Z dziennika.* 4. „Gwiazda Morza” 1984, nr 24, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wbrew niesprzyjającym okolicznościom; Przed wieloma laty.* Cykl *Z dziennika.* 2. „Gwiazda Morza” 1984, nr 22, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wisława Szymborska; Robinson Kruczoe obserwuje.* Cykl *Z dziennika.* 3. „Gwiazda Morza” 1984, nr 23, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika.* „Królowa Apostołów” 1984, nr 11, s. 14.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N.* „W drodze” 1984, nr 7, s. 76–81.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zadziwiająca czystość tego miejsca.; Tu właśnie na brzegu ziemi i morza.; Siostry Zmartwychwstanki; W tym dniu.* Cykl *Z dziennika.* 1. „Gwiazda Morza” 1984, nr 21, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Aromat tych dni.* Cykl *Z dziennika.* 12. „Gwiazda Morza” 1985, nr 7, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Bojaźń Boża może być.* Cykl *Z dziennika.* 29. „Gwiazda Morza” 1985, nr 25, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Do mego pokoju.; Blaise Cendrass pisze.; Idą ludzie w góry.* Cykl *Z dziennika.* 9. „Gwiazda Morza” 1985, nr 3, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Duch pocieszyciel.* Cykl *Z dziennika.* 18. „Gwiazda Morza” 1985, nr 13, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Etiopia, kraina suszy i głodu.* Cykl *Z dziennika.* 15. „Gwiazda Morza” 1985, nr 10, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *I znów weszliśmy w dramatyczny.; Zawsze frapował mnie ten moment..* Cykl *Z dziennika.* 11. „Gwiazda Morza” 1985, nr 6, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jest w Zakopanem taki mały.; Samotnia brata Alberta; Z Kasprowego Wierchu...* Cykl *Z dziennika.* 8. „Gwiazda Morza” 1985, nr 2, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ludzie harmonii, pełni ludzie.* Cykl *Z dziennika.* 17. „Gwiazda Morza” 1985, nr 12, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Moja droga do chrześcijaństwa.* „Królowa Apostołów” 1985, nr 3, s. 12–14.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odjechał od nas ojciec Sławomir.* Cykl *Z dziennika.* 26. „Gwiazda Morza” 1985, nr 22, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odpryski zdarzeń.* Cykl *Z dziennika.* 21. „Gwiazda Morza” 1985, nr 16, s. 8.
- Łokuciejewski Olgierd [Żakiewicz Zbigniew]. *Polska dziwna wojna. Tamta niedziela; Dziwna wojna; Milczenie; Głowa; Napis; Trzeciego maja; Masło; Humor tych dni.* „Podpunkt” 1985, nr 3, s. 60–69.
- Żakiewicz Zbigniew. *Polska ujrzana w skrócie.* Cykl *Z dziennika.* 19. „Gwiazda Morza” 1985, nr 14, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rozmawiałem z człowiekiem.* Cykl *Z dziennika.* 14. „Gwiazda Morza” 1985, nr 9, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Skromna dziewczeczka o imieniu.* Cykl *Z dziennika.* 30. „Gwiazda Morza” 1985, nr 26, s. 8.

- Żakiewicz Zbigniew. *Stanisław Ignacy Witkiewicz; Na temat nieskończoności*. Cykl Z dziennika. 10. „Gwiazda Morza” 1985, nr 4, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Staw Smreczyński; Z listu od przyjaznej mi duszy*. Cykl Z dziennika. 24. „Gwiazda Morza” 1985, nr 19, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stulo — czyli człowiek sztuka*. „Pomerania” 1985, nr 8, s. 17–18 [Wspomnienie o Stanisławie Hebanowskim].
- Żakiewicz Zbigniew. *Te cerkiewki drewniane*. Cykl Z dziennika. 23. „Gwiazda Morza” 1985, nr 18, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *To oblicze czczono w ikonach*. Cykl Z dziennika. 25. „Gwiazda Morza” 1985, nr 20, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *To, co za sprawą przyzwyczajenia*. Cykl Z dziennika. 27. „Gwiazda Morza” 1985, nr 23, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W czwartek, jadąc tramwajem; Listopad jest miesiącem*. Cykl Z dziennika. 28. „Gwiazda Morza” 1985, nr 24, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W kaplicy tej staram się być; Chcąc dotrzeć do Mistrzejowic*. Cykl Z dziennika. 22. „Gwiazda Morza” 1985, nr 17, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Widziałem Matkę Bożą; Człowiek w swym dziecięcym wieku; Kiedyś zapisałem w notesie*. Cykl Z dziennika. 7. „Gwiazda Morza” 1985, nr 1, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wrzesień 1977 roku*. Cykl Z dziennika. 16. „Gwiazda Morza” 1985, nr 11, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Żyjemy w czasach szczególnych*. Cykl Z dziennika. 13. „Gwiazda Morza” 1985, nr 8, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Anna*. Cykl Z dziennika. 42. „Gwiazda Morza” 1986, nr 12, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy można bezboleśnie.; A teraz z innej beczki*. Cykl Z dziennika. 48. „Gwiazda Morza” 1986, nr 21, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy umowne przyjęcie*. Cykl Z dziennika. 31. „Gwiazda Morza” 1986, nr 1, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czym jest szczęście*. Cykl Z dziennika. 32. „Gwiazda Morza” 1986, nr 2, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jasna Góra na pierwszy rzut oka*. Cykl Z dziennika. 44. „Gwiazda Morza” 1986, nr 14, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Już po raz drugi w niedzielę przewodnią*. Cykl Z dziennika. 37. „Gwiazda Morza” 1986, nr 7, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Już ponad miesiąc; Pamiętam na Wileńszczyźnie; Wczytałem gdzieś, bodajże*. Cykl Z dziennika. 46. „Gwiazda Morza” 1986, nr 18, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kapitan*. Cykl Z dziennika. 43. „Gwiazda Morza” 1986, nr 13, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kapliczka wyrasta z ziemi*. Cykl Z dziennika. 45. „Gwiazda Morza” 1986, nr 16, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kto był w Asyżu*. Cykl Z dziennika. 52. „Gwiazda Morza” 1986, nr 25, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Młody człowiek dopiero po studiach; Pewien stary człowiek*. Cykl Z dziennika. 47. „Gwiazda Morza” 1986, nr 19, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na całoroczny rytym liturgii*. Cykl Z dziennika. 53. „Gwiazda Morza” 1986, nr 26, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie tak dawno*. Cykl Z dziennika. 36. „Gwiazda Morza” 1986, nr 6, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Owoce dojrzałości jest*. Cykl Z dziennika. 51. „Gwiazda Morza” 1986, nr 24, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przerażająca studnia*. Cykl Z dziennika. 35. „Gwiazda Morza” 1986, nr 5, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przestępstwo jest również*. Cykl Z dziennika. 39. „Gwiazda Morza” 1986, nr 9, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rozmowa*. Cykl Z dziennika. 40. „Gwiazda Morza” 1986, nr 10, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stanisław Michałowski — przyczynek do biografii duchowej artysty*. „Gdański Rocznik Kulturalny” 1986. T. 9, s. 135–148.

- Żakiewicz Zbigniew. *Statystyka jest bezceremonialna*. Cykl Z dziennika. 33. „Gwiazda Morza” 1986, nr 3, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tę historię, jako jedną z wielu*. Cykl Z dziennika. 41. „Gwiazda Morza” 1986, nr 11, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W chwilach krańcowego wyczerpania epoki*. Cykl Z dziennika. 38. „Gwiazda Morza” 1986, nr 8, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W końcu grudnia przyśnił mi się*. Cykl Z dziennika. 34. „Gwiazda Morza” 1986, nr 4, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wszystko tu jest wyostrzone*. Cykl Z dziennika. 49. „Gwiazda Morza” 1986, nr 22, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Śmierć może interesować nas*. Cykl Z dziennika. 50. „Gwiazda Morza” 1986, nr 23, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Życie po życiu*. Z dziennika mojego N. N. „Królowa Apostołów” 1986, nr 11, s. 16–18.
- Żakiewicz Zbigniew. *Cóż młodość wie o sobie*. Cykl Z dziennika. 60. „Gwiazda Morza” 1987, nr 7, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czas mija z oszalamiającą szybkością*. Cykl Z dziennika. 69. „Gwiazda Morza” 1987, nr 25, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy Kaszuby są Kresami? Parę uwag na temat Kresów i Kresowości*. „Pomerania” 1987, nr 10, s. 4–8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czym dla człowieka jest czas?* Cykl Z dziennika. 54. „Gwiazda Morza” 1987, nr 1, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Josif Brodski laureatem Nagrody Nobla*. Cykl Z dziennika. 70. „Gwiazda Morza” 1987, nr 26, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Meta-historia*. „Pomerania” 1987, nr 5, s. 3–4, 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mój N. N. w tym gorącym czasie*. Cykl Z dziennika. 65. „Gwiazda Morza” 1987, nr 18, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na ustach w pamięci i w sercu*. Cykl Z dziennika. 66. „Gwiazda Morza” 1987, nr 19, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Opowiada mój N. N.* Cykl Z dziennika. 58. „Gwiazda Morza” 1987, nr 5, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ostatnio w pewnym gronie*. Cykl Z dziennika. 62. „Gwiazda Morza” 1987, nr 9, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wzrastanie*. [W:] *Dojrzewanie. Gdańskie środowiska twórcze*. Oprac. Henryka Dobosz, Tadeusz Skutnik. Gdańsk: Kuria Biskupia w Gdańsku, 1987, s. 84–88.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przeczytawszy uważnie historię; Często piszesz o Miłosierdziu Bożym*. Cykl Z dziennika. 59. „Gwiazda Morza” 1987, nr 6, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przepastne przestrzenie*. Cykl Z dziennika. 55. „Gwiazda Morza” 1987, nr 2, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Spod przymrużonych powiek*. Cykl Z dziennika. 68. „Gwiazda Morza” 1987, nr 24, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Spotkałem ją przed wejściem*. Cykl Z dziennika. 67. „Gwiazda Morza” 1987, nr 23, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stanisław Hebanowski*. [W:] *Wspomnienia o Stanisławie Hebanowskim*. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1987, s. 201–206.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tajemniczy żywot ptaków; Parę gawronów trzyma straż*. Cykl Z dziennika. 56. „Gwiazda Morza” 1987, nr 3, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tam gdzie zazwyczaj*. Cykl Z dziennika. 57. „Gwiazda Morza” 1987, nr 4, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wszystko zaczęło się w Wilnie*. Cykl Z dziennika. 64. „Gwiazda Morza” 1987, nr 17, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Za każdym razem*. Cykl Z dziennika. 63. „Gwiazda Morza” 1987, nr 12, s. 8.

- Żakiewicz Zbigniew. *Był to moment szczególny*. Cykl *Z dziennika*. 76. „Gwiazda Morza” 1988, nr 10, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy wileński klasztor siostry Faustyny ocalał?* „Tygodnik Powszechny” 1988, nr 43.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy świętość jest możliwa*. Cykl *Z dziennika*. 82. „Gwiazda Morza” 1988, nr 18, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dusza świata*. Cykl *Stęgną*. 8. „Pomerania” 1988, nr 9, s. 9.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdy w Moskwie i Zagorsku*. Cykl *Z dziennika*. 80. „Gwiazda Morza” 1988, nr 16, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kaszuby i Wileńszczyzna*. Cykl *Stęgną*. 6. „Pomerania” 1988, nr 6, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kresy — między łacińskim a bizantyjskim*. „W drodze”, 1988, nr 8, s. 42–46.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mała pełnia*. Cykl *Stęgną*. 9. „Pomerania” 1988, nr 10, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Modlitwa piszącego*. [W:] *Motywy modlitewne w prozie polskiej XIX i XX wieku*. Wybór i oprac. Antoni Bednarek. Niepokalanów: Wydawnictwo Ojców Franciszkanów, 1988, s. 151.
- Żakiewicz Zbigniew. *Moskwa. Dzień powszedni. Wrześniowe popołudnie*. Cykl *Z dziennika*. 84. „Gwiazda Morza” 1988, nr 24, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na Kremlu*. Cykl *Z dziennika*. 85. „Gwiazda Morza” 1988, nr 26, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Notatnik Anny Kamińskiej*. Cykl *Z dziennika*. 71. „Gwiazda Morza” 1988, nr 2, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *O Sławomirze Worotyńskim 1942–1983*. „Litteraria” 1988, s. 98–100.
- Żakiewicz Zbigniew. *Oglądając późny dziennik telewizyjny*. Cykl *Z dziennika*. 74. „Gwiazda Morza” 1988, nr 7, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Oto rośnie nasza Polska*. Cykl *Z dziennika*. 73. „Gwiazda Morza” 1988, nr 6, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pierwszy wizerunek Chrystusa Miłosiernego (Cz. 1)*. „Królowa Apostołów” 1988, nr 11, s. 5–6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pierwszy wizerunek Chrystusa Miłosiernego (Cz. 2)*. „Królowa Apostołów” 1988, nr 12, s. 22–23.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stecki i stęgny*. Cykl *Stęgną*. 1. „Pomerania” 1988, nr 1, s. 17.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stolemy i dżdżownice*. Cykl *Stęgną*. 3. „Pomerania” 1988, nr 3, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tęga, nieładna kobieta; Gdzieś w małej osadzie; „Nie” — to pierwotny akt*. Cykl *Z dziennika*. 81. „Gwiazda Morza” 1988, nr 17, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W parafii „Opatrności Bożej” na Zaspie*. Cykl *Z dziennika*. 77. „Gwiazda Morza” 1988, nr 11, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W pierwszej dekadzie maja*. Cykl *Z dziennika*. 78. „Gwiazda Morza” 1988, nr 13, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiosna tego roku wybuchła gwałtownie*. Cykl *Z dziennika*. 79. „Gwiazda Morza” 1988, nr 14, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wszystko co istnieje*. Cykl *Z dziennika*. 83. „Gwiazda Morza” 1988, nr 20, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Właściwie to powinienem się cieszyć*. Cykl *Z dziennika*. 75. „Gwiazda Morza” 1988, nr 8, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Właśnie powróciłem z Wilna*. Cykl *Z dziennika*. 72. „Gwiazda Morza” 1988, nr 4, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Znaki miejsca*. Cykl *Stęgną*. 2. „Pomerania” 1988, nr 2, s. 21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Łabędzie*. Cykl *Stęgną*. 5. „Pomerania” 1988, nr 5, s. 29.
- Żakiewicz Zbigniew. *Śmigiełski — Igielski*. Cykl *Stęgną*. 7. „Pomerania” 1988, nr 7–8, s. 45.
- Żakiewicz Zbigniew. *Adam Chmielowski zanim stał się*. Cykl *Z dziennika*. 96. „Gwiazda Morza” 1989, nr 25, s. 12.

- Żakiewicz Zbigniew. *I będzie mi szumiało w głowie...* Cykl *Stęgną*. 12. „Pomerania” 1989, nr 5, s. 41.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kiedyś sądziłem, że świętość; A ja tymczasem przeżywam.* Cykl *Z dziennika*. 88. „Gwiazda Morza” 1989, nr 7, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Krzyż Chrystusowy.* Cykl *Z dziennika*. 91. „Gwiazda Morza” 1989, nr 15, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Leopold Buczkowski.* Cykl *Stęgną*. 14. „Pomerania” 1989, nr 10, s. 10.
- Żakiewicz Zbigniew. *Opowieści wigilijne.* Cykl *Z dziennika*. 97. „Gwiazda Morza” 1989, nr 26–27, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Po ośmiu latach zebrała się.* Cykl *Z dziennika*. 90. „Gwiazda Morza” 1989, nr 13, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przeczytałem w „Tygodniku Powszechnym”.* Cykl *Z dziennika*. 92. „Gwiazda Morza” 1989, nr 17, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przeglądam kartki maszynopisu.* Cykl *Z dziennika*. 87. „Gwiazda Morza” 1989, nr 6, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sławomir Worotyński. „Autograf”* 1989, nr 6–8, s. 43.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tajemnica Północy.* Cykl *Stęgną*. 11. „Pomerania” 1989, nr 4, s. 35.
- Żakiewicz Zbigniew. *W czasie Zjazdu „Solidarności”.* Cykl *Z dziennika*. 89. „Gwiazda Morza” 1989, nr 11, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *W tych brzemiennych dniach.* Cykl *Z dziennika*. 94. „Gwiazda Morza” 1989, nr 21, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wertując swoje notatki.* Cykl *Z dziennika*. 86. „Gwiazda Morza” 1989, nr 5, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Węzły życia.* Cykl *Stęgną*. 16. „Pomerania” 1989, nr 12, s. 15.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wielka niewiadoma.* Cykl *Stęgną*. 10. „Pomerania” 1989, nr 2, s. 29–30.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wrześniowa rocznica.* Cykl *Stęgną*. 15. „Pomerania” 1989, nr 11, s. 26.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zadyma.* Cykl *Stęgną*. 13. „Pomerania” 1989, nr 6, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Znów jak w latach.* Cykl *Z dziennika*. 93. „Gwiazda Morza” 1989, nr 19, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Żebym ja wiedziała, że rozmawiałam ze świętą — rozmowa z wychowanką wileńskich magdalenek.* „Królowa Apostołów” 1989, nr 2 (84).
- Żakiewicz Z. *Żebym wiedziała, że rozmawiam ze świętymi... Rozmowa z wychowanką wileńskich magdalenek.* „Królowa Apostołów” 1989, nr 4, s. 6–7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czesław Miłosz wzdychał w jednym.* Cykl *Z dziennika*. 102. „Gwiazda Morza” 1990, nr 7, s. 12.
- Żakiewicz Z. *Czy wileński klasztor Siostry Faustyny ocalał?* „Róże Maryi” 1990, nr 4, s. 100–107.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czytam w Encyklopedii PWN.* Cykl *Z dziennika*. 107. „Gwiazda Morza” 1990, nr 13, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jest taki dzień.* Cykl *Z dziennika*. 116. „Gwiazda Morza” 1990, nr 22, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kim byłbym i czym byłbym.* Cykl *Z dziennika*. 109. „Gwiazda Morza” 1990, nr 15, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Leży przede mną malutka książeczka.* Cykl *Z dziennika*. 113. „Gwiazda Morza” 1990, nr 19, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Malutkie ptaszki, szczupłe, zwinne.* Cykl *Z dziennika*. 104. „Gwiazda Morza” 1990, nr 9, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mieszka we mnie Polak i Tatar.* Cykl *Z dziennika*. 118. „Gwiazda Morza” 1990, nr 24, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Minęło równe dziesięć lat.* Cykl *Z dziennika*. 111. „Gwiazda Morza” 1990, nr 17, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *My, rocznik trzydziesty.* Cykl *Stęgną*. 17. „Pomerania” 1990, nr 1, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie licząc krótkich wypadów.* Cykl *Z dziennika*. 108. „Gwiazda Morza” 1990, nr 14, s. 12.

- Żakiewicz Zbigniew. *Od ciosu zadanego siekierą*. Cykl Z dziennika. 114. „Gwiazda Morza” 1990, nr 20, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Okres przedświąteczny w tym roku*. Cykl Z dziennika. 119. „Gwiazda Morza” 1990, nr 25–26.
- Żakiewicz Z. *Pierwszy wizerunek Chrystusa Miłosiernego*. „Nasza Rodzina” 1990, nr 4, s. 15–16.
- Żakiewicz Z. *Pierwszy wizerunek Chrystusa Miłosiernego*. „Nasza Rodzina” 1990, nr 5, s. 6–8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Po powrocie z Wilna*. Cykl Z dziennika. 110. „Gwiazda Morza” 1990, nr 16, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przed dziesięciu laty*. Cykl Z dziennika. 112. „Gwiazda Morza” 1990, nr 18, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stała się rzecz na miarę mojego życia*. Cykl Z dziennika. 100. „Gwiazda Morza” 1990, nr 4, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sławomir Worotyński — poeta polskiego losu*. „Znad Wili” 1990, nr 16, s. 4–5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sławomir Worotyński. Poeta polskiego losu*. „Odra” 1990, nr 6, s. 31–36.
- Żakiewicz Zbigniew. *W piękne wiosenne dni*. Cykl Z dziennika. 105. „Gwiazda Morza” 1990, nr 10, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W tych dramatycznych tygodniach dla Litwy*. Cykl Z dziennika. 106. „Gwiazda Morza” 1990, nr 12, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wciąż powraca do nas kwestia żydowska*. Cykl Z dziennika. 99. „Gwiazda Morza” 1990, nr 3, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiemy, że nasza wielka mistyczka*. Cykl Z dziennika. 102. „Gwiazda Morza” 1990, nr 8, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z podziwem i wzruszeniem...* Cykl Z dziennika. 101. „Gwiazda Morza” 1990, nr 5, s. 12.
- Żakiewicz Z. *Z powojennej historii pierwszego obrazu Miłosierdzia (z dziennika N.N.)*. „Gwiazda Morza” 1990 (lipiec).
- Żakiewicz Zbigniew. *Zakopane wyjątkowo nam się nie udało*. Cykl Z dziennika. 115. „Gwiazda Morza” 1990, nr 21, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zawsze byłem przejęty tajemnicą czasu*. Cykl Z dziennika. 98. „Gwiazda Morza” 1990, nr 2, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Życie, podobnie jak śmierć*. Cykl Z dziennika. 117. „Gwiazda Morza” 1990, nr 23, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Coroczny wyjazd, choćby na parę dni*. Cykl Z dziennika. 132. „Gwiazda Morza” 1991, nr 14, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Cóż za ciężkie dni*. Cykl Z dziennika. 122. „Gwiazda Morza” 1991, nr 3, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dialogi karmelitanek” Bernanosa; Właśnie skończyłem lekturę*. Cykl Z dziennika. 133. „Gwiazda Morza” 1991, nr 15, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziś obchodzimy Boże Narodzenie w kraju wolnym*. Cykl Z dziennika. 141. „Gwiazda Morza” 1991, nr 25–26, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak co roku, i znów pewnego październikowego*. Cykl Z dziennika. 138. „Gwiazda Morza” 1991, nr 22, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jurewiczowska wycieczka do Lidy*. „Przegląd Polityczny” 1991, nr 13, s. 55.
- Żakiewicz Zbigniew. *Każdy człowiek ma trzy skóry*. Cykl Z dziennika. 140. „Gwiazda Morza” 1991, nr 24, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kościół Wołynia, Podola, Wileńszczyzny*. Cykl Z dziennika. 121. „Gwiazda Morza” 1991, nr 2, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Leżą przede mną cztery wielkie albumy*. Cykl Z dziennika. 134. „Gwiazda Morza” 1991, nr 16, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Młode żywe twarze*. Cykl Z dziennika. 139. „Gwiazda Morza” 1991, nr 23, s. 12.

- Żakiewicz Zbigniew. *Nasz Teatr „Wybrzeże” wystąpi 11 lipca*. Cykl Z dziennika. 131. „Gwiazda Morza” 1991, nr 13, s. 12, 11.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie można przejść obojętnie*. Cykl Z dziennika. 129. „Gwiazda Morza” 1991, nr 11, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *Otrzymałem właśnie list z Kowna*. Cykl Z dziennika. 124. „Gwiazda Morza” 1991, nr 5, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pierwsza niedziela po Wielkanocy*. Cykl Z dziennika. 125. „Gwiazda Morza” 1991, nr 6, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Różne zapiski i notatki*. Cykl Z dziennika. 127. „Gwiazda Morza” 1991, nr 8, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sierpień tego roku*. Cykl Z dziennika. 135. „Gwiazda Morza” 1991, nr 18, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tyle się zdarzyło od pamiętnego dnia*. Cykl Z dziennika. 130. „Gwiazda Morza” 1991, nr 12, s. 16, 15.
- Żakiewicz Zbigniew. *Uczucie niewygody, niedopasowania*. Cykl Z dziennika. 128. „Gwiazda Morza” 1991, nr 10, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W Zakopanem zwiedzam budujący się kościół*. Cykl Z dziennika. 137. „Gwiazda Morza” 1991, nr 20, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z perspektywy całego miesiąca*. Cykl Z dziennika. 136. „Gwiazda Morza” 1991, nr 19, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zaprzyśięcie w Sejmie*. Cykl Z dziennika. 120. „Gwiazda Morza” 1991, nr 1, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zimowe rozjaśnienia, śnieg, ostrość powietrza*. Cykl Z dziennika. 123. „Gwiazda Morza” 1991, nr 4, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Znów powracają przeżycia kresowe*. Cykl Z dziennika. 126. „Gwiazda Morza” 1991, nr 7, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Cóż za wspaniałą rzeczą*. Cykl Z dziennika. 152. „Gwiazda Morza” 1992, nr 13, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziwności tego świata*. Cykl Z dziennika. 144. „Gwiazda Morza” 1992, nr 4, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Finlandia widziana z góry to kraina*. Cykl Z dziennika. 162. „Gwiazda Morza” 1992, nr 24, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gorączkowa pora, nie gorąca*. Cykl Z dziennika. 156. „Gwiazda Morza” 1992, nr 18, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jakże dramatyczna i zawiła jest historia*. Cykl Z dziennika. 165. „Gwiazda Morza” 1992, nr 27, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie upadajmy na duchu*. Cykl Z dziennika. 142. „Gwiazda Morza” 1992, nr 1/2, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nieprzypadkowo ani w katolicyzmie*. Cykl Z dziennika. 164. „Gwiazda Morza” 1992, nr 26, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Od dawna otrzymuję miesięcznik*. Cykl Z dziennika. 143. „Gwiazda Morza” 1992, nr 3, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odebrałem nagłący telefon*. Cykl Z dziennika. 155. „Gwiazda Morza” 1992, nr 17, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ostatnio czynią mi wyrzuty*. Cykl Z dziennika. 157. „Gwiazda Morza” 1992, nr 19, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Oto różne myśli, uwagi i notatki*. Cykl Z dziennika. 151. „Gwiazda Morza” 1992, nr 12, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Polska jest wciąż Kresami*. „Ethos” 1992, nr 2–3, s. 293–297.

- Żakiewicz Zbigniew. *Przed laty opisałem w Gwieździe Morza*. Cykl Z dziennika. 161. „Gwiazda Morza” 1992, nr 23, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rzeczywiście, jak to się stało podczas pamiętnej*. Cykl Z dziennika. 157. „Gwiazda Morza” 1992, nr 21, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Siedzę i notuję na tarasie*. Cykl Z dziennika. 154. „Gwiazda Morza” 1992, nr 16, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Spojrzenie na naszą biedną Europę*. Cykl Z dziennika. 145. „Gwiazda Morza” 1992, nr 5, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tatry są groźne i nieobliczalne*. Cykl Z dziennika. 160. „Gwiazda Morza” 1992, nr 22, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W ciemnościach nocy, w jasnościach dnia*. Cykl Z dziennika. 150. „Gwiazda Morza” 1992, nr 11, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W Mechowej, na skraju Puszczy Darłubskiej*. Cykl Z dziennika. 158. „Gwiazda Morza” 1992, nr 20, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W pięćdziesiąt rocznicę śmierci*. Cykl Z dziennika. 147. „Gwiazda Morza” 1992, nr 7, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W sam szczyt jesieni*. Cykl Z dziennika. 163. „Gwiazda Morza” 1992, nr 25, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Widziałem podczas majowej podróży trzy szacowne*. Cykl Z dziennika. 153. „Gwiazda Morza” 1992, nr 14, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiosenne zmęczenie, uczucie osłabienia*. Cykl Z dziennika. 149. „Gwiazda Morza” 1992, nr 10, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z Teatrem „Wybrzeże” w Lyonie*. „Gazeta Wyborcza” 1992, nr 143, dod. „Gazeta Morska”, nr 167, s. IV.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z upływem lat, kiedy wskazówka*. Cykl Z dziennika. 148. „Gwiazda Morza” 1992, nr 8–9, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *Cmentarze dzielą losy ludów*. Cykl Z dziennika. 186. „Gwiazda Morza” 1993, nr 22, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czas miłości miłosiernej. Z dziennika mojego N.N.* „Nasza Rodzina” 1993, nr 3, Paryż, s. 12–14.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dojrzała cnota doprowadza*. Cykl Z dziennika. 176. „Gwiazda Morza” 1993, nr 12, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dramatyczna, pełna napięcia historia*. Cykl Z dziennika. 171. „Gwiazda Morza” 1993, nr 6, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdy otwieram następną kartę tego*. Cykl Z dziennika. 182. „Gwiazda Morza” 1993, nr 18, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak wiesz jestem namiętym podglądaczem*. Cykl Z dziennika. 178. „Gwiazda Morza” 1993, nr 14, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jerzy Turowicz ukończył osiemdziesiąt lat*. Cykl Z dziennika. 166. „Gwiazda Morza” 1993, nr 1, s. 12, 11.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie ma nic bardziej frapującego*. Cykl Z dziennika. 167. „Gwiazda Morza” 1993, nr 2, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odnależć siebie, potwierdzić swoją tożsamość*. Cykl Z dziennika. 177. „Gwiazda Morza” 1993, nr 13, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Podziwiam niez mordowaną pracowitość, wytrwałość*. Cykl Z dziennika. 183. „Gwiazda Morza” 1993, nr 19, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przez miasto przewalały się*. Cykl Z dziennika. 168. „Gwiazda Morza” 1993, nr 3, s. 12.

- Żakiewicz Zbigniew. *Przeżyliśmy wielkie chwile*. Cykl Z dziennika. 174. „Gwiazda Morza” 1993, nr 9, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Razem ze swym ludem z Kresów Wschodnich*. Cykl Z dziennika. 184. „Gwiazda Morza” 1993, nr 20, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stało się to, czego się obawiałem*. Cykl Z dziennika. 175. „Gwiazda Morza” 1993, nr 11, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tajemnica śmierci przysłoniła postać*. Cykl Z dziennika. 187. „Gwiazda Morza” 1993, nr 23, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ukryte plany Boże*. Cykl Z dziennika. 181. „Gwiazda Morza” 1993, nr 17, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W ciągu jednego tygodnia*. Cykl Z dziennika. 185. „Gwiazda Morza” 1993, nr 21, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *W niedzielę przewodnią (pierwszą po Wielkanocy)...* Cykl Z dziennika. 172. „Gwiazda Morza” 1993, nr 7, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *W okresie świąt Bożego Narodzenia*. Cykl Z dziennika. 189. „Gwiazda Morza” 1993, nr 25–26, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *Właśnie wróciliśmy z rowerowej pielgrzymki...* Cykl Z dziennika. 188. „Gwiazda Morza” 1993, nr 24, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z przepastnych głębin miłosierdzia*. Cykl Z dziennika mego N. N. „W drodze” 1993, nr 12, s. 20–26.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zanurzyłem się w Kaszuby*. Cykl Z dziennika. 179. „Gwiazda Morza” 1993, nr 15, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zdawało się, że w czasie*. Cykl Z dziennika. 170. „Gwiazda Morza” 1993, nr 5, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Znajomy młody kapłan*. Cykl Z dziennika. 173. „Gwiazda Morza” 1993, nr 8, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Łódź lat tuż powojennych*. Cykl Z dziennika. 180. „Gwiazda Morza” 1993, nr 16, s. 12.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ciągłość życia i jego gwałtowny. (Moim dzieciom dedykuję)*. Cykl Z dziennika. 190. „Gwiazda Morza” 1994, nr 1, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czym jest Pierwsza Komunia Święta*. Cykl Z dziennika. 190. „Gwiazda Morza” 1994, nr 12, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *I znów, jak co roku*. Cykl Z dziennika. 202. „Gwiazda Morza” 1994, nr 13, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Im dłużej obcuje z „Dzienniczkiem”*. Cykl Z dziennika. 199. „Gwiazda Morza” 1994, nr 10, s. 21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jest wieczór gdzieś pod Zelistrzewem...* Cykl Z dziennika. 204. „Gwiazda Morza” 1994, nr 16, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Klucze do imperialnej wielkości Rosji*. Cykl Z dziennika. 198. „Gwiazda Morza” 1994, nr 9, s. 21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mniej więcej w tej samej epoce*. Cykl Z dziennika. 212. „Gwiazda Morza” 1994, nr 24, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Niejako spontanicznie nazwałem*. Cykl Z dziennika. 195. „Gwiazda Morza” 1994, nr 6, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Od paru już niedziel*. Cykl Z dziennika. 194. „Gwiazda Morza” 1994, nr 5, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Od październikowego pogrzebu*. Cykl Z dziennika. 193. „Gwiazda Morza” 1994, nr 4, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Podczas pierwszego pobytu*. Cykl Z dziennika. 197. „Gwiazda Morza” 1994, nr 8, s. 20.

- Żakiewicz Zbigniew. *Późnym wieczorem mój N.N.* Cykl Z dziennika. 200. „Gwiazda Morza” 1994, nr 11, s. 20–21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rzecz prawie nieprawdopodobna.* Cykl Z dziennika. 210. „Gwiazda Morza” 1994, nr 22, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Szum drzew targanych chłodnym.* Cykl Z dziennika. 203. „Gwiazda Morza” 1994, nr 14–15, s. 30–31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tadeusz Żychiewicz należał.* Cykl Z dziennika. 213. „Gwiazda Morza” 1994, nr 25, s. 19.
- Żakiewicz Zbigniew. *Trzeba się będzie wynosić.* Cykl Z dziennika. 211. „Gwiazda Morza” 1994, nr 23, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ujrzane, w czasie zatrzymane.* „Regiony” 1994, nr 4, s. 44–72.
- Żakiewicz Zbigniew. *Umiłowanie życia i miłość śmierci.* Cykl Z dziennika. 205. „Gwiazda Morza” 1994, nr 17, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *W ten piękny czas.* Cykl Z dziennika. 214. „Gwiazda Morza” 1994, nr 26, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *W ten sierpień dane mi było.* Cykl Z dziennika. 207. „Gwiazda Morza” 1994, nr 19, s. 20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika.* „W drodze” 1994, nr 12, s. 20–26.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N. N., lata 1988–1990.* „Tygodnik Powszechny” 1994, nr 32, s. 10.
- Żakiewicz Zbigniew. *Za sprawą ostatnich wyborów do Dumy.* Cykl Z dziennika. 191. „Gwiazda Morza” 1994, nr 2, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zastanawiająca była rozmowa.* Cykl Z dziennika. 196. „Gwiazda Morza” 1994, nr 7, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zbigniew Jankowski za mojej pamięci.* Cykl Z dziennika. 192. „Gwiazda Morza” 1994, nr 3, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ze wschodniego dziennika mego N.N.* „Tygodnik Powszechny” 1994, nr 51–52, s. 9.
- Żakiewicz Zbigniew. *Żal wielki ścisnął moje serce.* Cykl Z dziennika. 208. „Gwiazda Morza” 1994, nr 20, s. 20–21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Grupa pisarzy z Trójmiasta.* Cykl Z dziennika. 233. „Gwiazda Morza” 1995, nr 21, s. 21.
- Żakiewicz Zbigniew. *I znów podróżuję z moją ciotuleńką.* Cykl Z dziennika. 224. „Gwiazda Morza” 1995, nr 10, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak bardzo jestem związany.* Cykl Z dziennika. 218. „Gwiazda Morza” 1995, nr 4, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jesień przepłynęła w wysokich.* Cykl Z dziennika. 237. „Gwiazda Morza” 1995, nr 25, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Któregoś dnia zawitaliśmy.* Cykl Z dziennika. 230. „Gwiazda Morza” 1995, nr 18, s. 21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Lew Tolstoj, wielki rosyjski pisarz.* Cykl Z dziennika. 216. „Gwiazda Morza” 1995, nr 2, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Moje Mołodeczno leżało...* Cykl Z dziennika. 232. „Gwiazda Morza” 1995, nr 20, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Może to brzmieć nieco dziwnie.* Cykl Z dziennika. 238. „Gwiazda Morza” 1995, nr 26, s. 30.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie wiem, czy jest w dobrym.* Cykl Z dziennika. 227. „Gwiazda Morza” 1995, nr 13, s. 22.

- Żakiewicz Zbigniew. *Niepokojąca tajemnica czasu*. Cykl Z dziennika. 215. „Gwiazda Morza” 1995, nr 1, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pierwsze zetknięcie się z Europą Zachodnią*. Cykl Z dziennika. 229. „Gwiazda Morza” 1995, nr 16/17, s. 46.
- Żakiewicz Zbigniew. *Powrót do miasta O*. „Kalendarz Opolski” 1995, s. 91–93.
- Żakiewicz Zbigniew. *Prawda zdawałoby się oczywista*. Cykl Z dziennika. 217. „Gwiazda Morza” 1995, nr 3, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przed laty, gdy Lech Wałęsa*. Cykl Z dziennika. 234. „Gwiazda Morza” 1995, nr 22, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Swe piękne w prostocie*. Cykl Z dziennika. 231. „Gwiazda Morza” 1995, nr 19, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *To samobójstwo, to wyrok śmierci*. Cykl Z dziennika. 225. „Gwiazda Morza” 1995, nr 11, s. 23.
- Żakiewicz Zbigniew. *Upalne lato 1962 roku!* Cykl Z dziennika. 221. „Gwiazda Morza” 1995, nr 7, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Uroczyska Kaszub, pustkowiec porośnięte wrzosem*. Cykl Z dziennika. 228. „Gwiazda Morza” 1995, nr 14–15, s. 46–47.
- Żakiewicz Zbigniew. *W przeciągu niedługiego czasu*. Cykl Z dziennika. 223. „Gwiazda Morza” 1995, nr 9, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *W trudnych latach stanu wojennego*. Cykl Z dziennika. 235. „Gwiazda Morza” 1995, nr 23, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Widok polskiego oficera*. Cykl Z dziennika. 226. „Gwiazda Morza” 1995, nr 12, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Widziałem Kotłasa i Workutę*. Cykl Z dziennika. 219. „Gwiazda Morza” 1995, nr 5, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziennika mego N.N. (lata osiemdziesiąte, dziewięćdziesiąte)*. „Kresy” 1995, nr 2, s. 53–65.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z jakąś niebywałą natarczywością*. Cykl Z dziennika. 220. „Gwiazda Morza” 1995, nr 6, s. 21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zanurzyłem się w tę wielkoekranową rzeczywistość*. Cykl Z dziennika. 222. „Gwiazda Morza” 1995, nr 8, s. 22.
- Szczepański Jan Józef, Konwicky Tadeusz, Żakiewicz Zbigniew, Stasiuk Andrzej, Jurewicz Aleksander. *Po co piśnię? Ankieta*. „Kwartalnik Artystyczny” 1996, nr 2, s. 4–7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dwie bite godziny straszliwego widowiska*. Cykl Z dziennika. 241. „Gwiazda Morza” 1996, nr 3, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dzisiaj chciałbym zrobić*. Cykl Z dziennika. 244. „Gwiazda Morza” 1996, nr 6, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Groźby nad Polską?* Cykl Z dziennika. 252. „Gwiazda Morza” 1996, nr 14/15, s. 42.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jaka była Anglia za czasów Szekspira*. Cykl Z dziennika. 260. „Gwiazda Morza” 1996, nr 24, s. 24–25.
- Żakiewicz Zbigniew. *Józek Fuks, góral z Białki Tatrzańskiej*. Cykl Z dziennika. 258. „Gwiazda Morza” 1996, nr 22, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Julian Przybóś, wielki polski poeta*. Cykl Z dziennika. 250. „Gwiazda Morza” 1996, nr 12, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Korzystam z tej okazji*. Cykl Z dziennika. 245. „Gwiazda Morza” 1996, nr 7, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kościół moich pierwszych doznań*. Cykl Z dziennika. 240. „Gwiazda Morza” 1996, nr 2, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *„Lasem, losem, zbroczem życia...”. O Mietku Czychowskim*. „Regiony” 1996, nr 2, s. 141–147.

- Żakiewicz Zbigniew. *Lubię przetrzymać uciekający dzień*. Cykl Z dziennika. 243. „Gwiazda Morza” 1996, nr 5, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miasto Toruń znałem tylko*. Cykl Z dziennika. 261. „Gwiazda Morza” 1996, nr 25, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mietek Czychowski — lasem, losem, zboczem życia*. „Dziennik Bałtycki” 1996, nr 52, s. 6–7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mój kresowy przewrót kopernikański*. „Przegląd Polityczny” 1996, nr 30, s. 100–103.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na sierpiasto zakrzywionej plaży*. Cykl Z dziennika. 242. „Gwiazda Morza” 1996, nr 4, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Obłoki, straszne moje obłoki...; Kościoły dawnych Kresów Wschodnich...* Cykl Z dziennika. 253. „Gwiazda Morza” 1996, nr 16–17, s. 46.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ostatecznie wkroczyłem w wiek trzeci*. Cykl Z dziennika. 259. „Gwiazda Morza” 1996, nr 23, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ostatnio miałem okazję*. Cykl Z dziennika. 248. „Gwiazda Morza” 1996, nr 10, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Siedzimy ze Stasinkiem, profesorem*. Cykl Z dziennika. 255. „Gwiazda Morza” 1996, nr 19, s. 24–25.
- Żakiewicz Zbigniew. *Silne przekonanie, ba, doznanie*. Cykl Z dziennika. 247. „Gwiazda Morza” 1996, nr 9, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stało się to tak nagle*. Cykl Z dziennika. 251. „Gwiazda Morza” 1996, nr 13, s. 24–25.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tak się złożyło, że miałem szczęście*. Cykl Z dziennika. 262. „Gwiazda Morza” 1996, nr 26, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Taki już los*. „Kwartalnik Artystyczny” 1996, nr 3, s. 16–19.
- Żakiewicz Zbigniew. *W pomrokach sierpniowej nocy*. Cykl Z dziennika. 254. „Gwiazda Morza” 1996, nr 18, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *W styczniu 1938 roku, w roku swej*. Cykl Z dziennika. 246. „Gwiazda Morza” 1996, nr 8, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiktora Woroszyńskiego poznałem*. Cykl Z dziennika. 257. „Gwiazda Morza” 1996, nr 21, s. 24–25.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wspinamy się ścieżyną wijącą się*. Cykl Z dziennika. 256. „Gwiazda Morza” 1996, nr 20, s. 22–23.
- Żakiewicz Zbigniew. *Za oknem śnieżna, mroźna zima*. Cykl Z dziennika. 239. „Gwiazda Morza” 1996, nr 1, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zwrócił się do mnie*. Cykl Z dziennika. 249. „Gwiazda Morza” 1996, nr 11, s. 24–25.
- Żakiewicz Zbigniew. *Bycie mieszkańcem jest wpisane*. Cykl Z dziennika. 283. „Gwiazda Morza” 1997, nr 24, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Całun Turyński odsłania swą tajemnicę*. Cykl Z dziennika. 270. „Gwiazda Morza” 1997, nr 9, s. 30–31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Chciałem pisać o tych*. Cykl Z dziennika. 277. „Gwiazda Morza” 1997, nr 18, s. 48.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ciężko, niezmiernie ciężko*. Cykl Z dziennika. 275. „Gwiazda Morza” 1997, nr 14–15, s. 43.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czasami rzeczy oczywiste są przed nami*. Cykl Z dziennika. 280. „Gwiazda Morza” 1997, nr 21, s. 34–35.

- Żakiewicz Zbigniew. *Dmie potężny, gęsty wiatr...* Cykl Z dziennika. 266. „Gwiazda Morza” 1997, nr 4, s. 30–31.
- Żakiewicz Zbigniew. *I oto nie wiedzieć jak i kiedy.* Cykl Z dziennika. 273. „Gwiazda Morza” 1997, nr 12, s. 32–33.
- Żakiewicz Zbigniew. *I znów nasza rozmowa zesza.* Cykl Z dziennika. 276. „Gwiazda Morza” 1997, nr 16/17, s. 57.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kilka prawd jakże oczywistych.* Cykl Z dziennika. 264. „Gwiazda Morza” 1997, nr 2, s. 32–33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kreślę te słowa na gorąco.* Cykl Z dziennika. 274. „Gwiazda Morza” 1997, nr 13, s. 30–31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Leżą na moim biurku.* Cykl Z dziennika. 278. „Gwiazda Morza” 1997, nr 19, s. 33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miasteczko Nieszawa, położone.* Cykl Z dziennika. 282. „Gwiazda Morza” 1997, nr 23, s. 32–33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Moja mama Odessa. Sowieckie peregrynacje.* „Tygodnik Powszechny” 1997, nr 31, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Moja mama Odessa. Sowieckie peregrynacje. Cz. 2.* „Tygodnik Powszechny” 1997, nr 32, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odchodzenia, pożegnania, zamykania.* Cykl Z dziennika. 281. „Gwiazda Morza” 1997, nr 22, s. 32–33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Poczet kanonizowanych świętych polskich.* Cykl Z dziennika. 284. „Gwiazda Morza” 1997, nr 25–26, s. 55.
- Żakiewicz Zbigniew. *Poezja Wojciecha Wencła.* Cykl Z dziennika. 267. „Gwiazda Morza” 1997, nr 5, s. 29.
- Żakiewicz Zbigniew. *Powrót do szczęśliwych Smorgonii.* „Przegląd Polityczny” 1997, nr 35, s. 2–9.
- Żakiewicz Zbigniew. *Powrót do szczęśliwych Smorgonii.* „Tytuł” 1997, nr 3–4, s. 278–299.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przed nami w dole.* Cykl Z dziennika. 279. „Gwiazda Morza” 1997, nr 20, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tak się złożyło, że mogłem niejako pośrednio.* Cykl Z dziennika. 271. „Gwiazda Morza” 1997, nr 10, s. 30–31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ukraina zawsze była dla Rosji.* Cykl Z dziennika. 265. „Gwiazda Morza” 1997, nr 3, s. 30–31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Warszawa oglądana po paru latach.* Cykl Z dziennika. 272. „Gwiazda Morza” 1997, nr 11, s. 33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wszystko ma swój czas.* Cykl Z dziennika. 268. „Gwiazda Morza” 1997, nr 6/7, s. 47.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zbigniew Bieńkowski — piękna postać...* Cykl Z dziennika. 263. „Gwiazda Morza” 1997, nr 1, s. 32–33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Życie pełne jest paradoksów.* Cykl Z dziennika. 269. „Gwiazda Morza” 1997, nr 8, s. 32.
- Baranowska Małgorzata, Benka Urszula Małgorzata, Hen Józef, Kornhauser Julian, Koziół Urszula, Latawiec Bogusława, Miłobędzka Krystyna, Miłosz Czesław, Stabro Stanisław, Styczeń Janusz, Żakiewicz Zbigniew. *Mickiewicz i ja — pisarze o Mickiewiczu.* „Teksty Drugie. Teoria literatury, krytyka, interpretacja” 1998, nr 5, s. 159–191.
- Żakiewicz Zbigniew. *Do Dworu Artusa wkroczył zdecydowanym krokiem.* Cykl Z dziennika. 290. „Gwiazda Morza” 1998, nr 11, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziś żyjemy już w nowej epoce.* Cykl Z dziennika. 302. „Gwiazda Morza” 1998, nr 21, s. 39.

- Żakiewicz Zbigniew. *Gdy we wrześniu 1984 roku*. Cykl Z dziennika. 304. „Gwiazda Morza” 1998, nr 23, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak nas Josif Brodski, późniejszy noblista*. Cykl Z dziennika. 295. „Gwiazda Morza” 1998, nr 12, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jakby zza grubej ściany*. Cykl Z dziennika. 305. „Gwiazda Morza” 1998, nr 24, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *List otwarty do Mariusza Wilka*. „Przegląd Polityczny” 1998, nr 39, s. 72–74.
- Żakiewicz Zbigniew. *Listonosz przyniósł mi decyzję o przyznaniu emerytury*. Cykl Z dziennika. 301. „Gwiazda Morza” 1998, nr 20, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Marian Kołodziej — człowiek, którego życie*. Cykl Z dziennika. 287. „Gwiazda Morza” 1998, nr 3, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Do dworu Artusa wkroczył zdecydowanym krokiem*. Cykl Z dziennika. 294. „Gwiazda Morza” 1998, nr 11, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ostatnio parokrotnie odczułem*. Cykl Z dziennika. 296. „Gwiazda Morza” 1998, nr 13, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Piaszczysta, monotonna równina mazowiecka*. Cykl Z dziennika. 303. „Gwiazda Morza” 1998, nr 22, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Podziwiam jasność, prostotę i głębię myśli*. Cykl Z dziennika. 307. „Gwiazda Morza” 1998, nr 26, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Poloniści z gdańskiego uniwersytetu*. Cykl Z dziennika. 300. „Gwiazda Morza” 1998, nr 19, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Polska oksymoryczna*. „Przegląd Polityczny” 1998, nr 37–38, s. 140–142.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ponad dziesięć lat zamieszkiwałem...* Cykl Z dziennika. 292. „Gwiazda Morza” 1998, nr 9, s. 33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sny moje, stwierdziłem to wielokrotnie*. Cykl Z dziennika. 285. „Gwiazda Morza” 1998, nr 1, s. 35.
- Żakiewicz Zbigniew. *Spotkania z Josifem Brodskim*. „Gazeta Wyborcza” 1998, nr 226, s. 30–31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stoi przede mną fotografia*. Cykl Z dziennika. 298. „Gwiazda Morza” 1998, nr 16–17, s. 51.
- Żakiewicz Zbigniew. *Taki nasz los*. [W:] *Między Wileńszczyzną a Prusami. Polityka, społeczeństwo, kultura (XIII–XX w.). Księga pamiątkowa poświęcona jubileuszowi pięćdziesięciolecia pracy naukowej i siedemdziesięciolecia urodzin prof. dr. hab. Wacława Odyńca*. Red. nauk. Józef Włodarski. Gdańsk: Marpress, 1998, s. 275–281.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tym wszystkim, którzy podobnie jak ja; Co kryły kufry repatriantów?* Cykl Z dziennika. 291. „Gwiazda Morza” 1998, nr 7–8, s. 47.
- Żakiewicz Zbigniew. *W dzieciństwie, tym wczesnym*. Cykl Z dziennika. 289. „Gwiazda Morza” 1998, nr 5, s. 33.
- Żakiewicz Zbigniew. *W dzień wigilijny tego roku*. Cykl Z dziennika. 288. „Gwiazda Morza” 1998, nr 4, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Współczesna astrofizyka odkrywa przed człowiekiem*. Cykl Z dziennika. 297. „Gwiazda Morza” 1998, nr 14–15, s. 52.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wszyscy patrzymy na Słupsk*. Cykl Z dziennika. 286. „Gwiazda Morza” 1998, nr 2, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wszystko się działo jakby nie naprawdę*. Cykl Z dziennika. 306. „Gwiazda Morza” 1998, nr 25, s. 33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z „Panem Tadeuszem” i „Wielką Improwizacją” spoufalony*. „Teksty Drugie” 1998, nr 5, s. 188–191.

- Żakiewicz Zbigniew. *Zbigniewa Herberta poznałem*. Cykl Z dziennika. 299. „Gwiazda Morza” 1998, nr 18, s. 32–33.
- Żakiewicz Zbigniew. *Życie prostego, zwykłego człowieka*. Cykl Z dziennika. 293. „Gwiazda Morza” 1998, nr 10, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Błogosławiona siostra Faustyna Kowalska*. Cykl Z dziennika. 314. „Gwiazda Morza” 1999, nr 8, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dlaczego tak ogromne tłumy ciągną*. Cykl Z dziennika. 312. „Gwiazda Morza” 1999, nr 5, s. 30.
- Żakiewicz Zbigniew. *Fatalne koło*. „Przegląd Polityczny” 1999, nr 42, s. 130–133.
- Żakiewicz Zbigniew. *Herbertowe odpryski*. „Kwartalnik Artystyczny” 1999, nr 2, s. 91–93.
- Żakiewicz Zbigniew. *I znów dane mi było spojrzeć*. Cykl Z dziennika. 329. „Gwiazda Morza” 1999, nr 26, s. 42–43.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak zły upiór*. Cykl Z dziennika. 311. „Gwiazda Morza” 1999, nr 4, s. 30.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jesienią 1953 roku trafiłem do Wrocławia*. Cykl Z dziennika. 316. „Gwiazda Morza” 1999, nr 10, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jest wielkim darem żyć w czasach*. Cykl Z dziennika. 326. „Gwiazda Morza” 1999, nr 23, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Już czwarta edycja konkursu prozatorskiego*. Cykl Z dziennika. 319. „Gwiazda Morza” 1999, nr 14–15, s. 73.
- Żakiewicz Zbigniew. *Końcowi naszego Tysiąclecia; Pierwsze wrażenia ze Szwecji; Silnie odczuty zętknięciem z Europą Zachodnią; Tońko, syn mego stryja*. Cykl *Ujrzane w czasie zatrzymane*. 4. „Kwartalnik Artystyczny” 1999, nr 4, s. 182–187.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miałem to wielkie szczęście*. Cykl Z dziennika. 310. „Gwiazda Morza” 1999, nr 3, s. 31.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miliard ludzi, a może więcej*. Cykl Z dziennika. 311. „Gwiazda Morza” 1999, nr 18, „Gwiazda Morza”, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Minął następny rok*. Cykl Z dziennika. 308. „Gwiazda Morza” 1999, nr 1, s. 36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Moje Mołodeczno leżało; W dzieciństwie, tym wczesnym; Dwie bite godziny straszliwego widowiska; Dmie potężny, gęsty wiatr; Jestem nad jeziorem Sandomie*. Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 1. „Kwartalnik Artystyczny” 1999, nr 1, s. 166–171.
- Żakiewicz Zbigniew. *Najbliższy memu sercu i wyobraźni*. Cykl Z dziennika. 315. „Gwiazda Morza” 1999, nr 9, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odwiedziłem w pracowni znaną gruzińską malarzkę; Wiktora Woroszyńskiego poznałem; Siedzę samotnie w malutkim domku; Tego lata przeżywam inwazję obłoków*. Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 3. „Kwartalnik Artystyczny” 1999, nr 3, s. 131–136.
- Żakiewicz Zbigniew. *Okrągła data 2000, z tygodnia*. Cykl Z dziennika. 328. „Gwiazda Morza” 1999, nr 25, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Panie, Ty wiesz lepiej aniżeli ja sam; To samobójstwo to wyrok śmierci; Gdy w poranny piątek 28 maja 1997 roku; Piękne w prostocie, „naiwne” z samego założenia*. Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 2. „Kwartalnik Artystyczny” 1999, nr 2, s. 176–179.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pierwsze wrażenia ze Szwecji*. Cykl Z dziennika. 323. „Gwiazda Morza” 1999, nr 20, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pojednanie polsko-niemieckie staje się faktem*. Cykl Z dziennika. 322. „Gwiazda Morza” 1999, nr 19, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ponieważ począwszy od pierwszej wizyty*. Cykl Z dziennika. 318. „Gwiazda Morza” 1999, nr 13, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Skala mojej bezbronności*. Cykl Z dziennika. 313. „Gwiazda Morza” 1999, nr 6–7, s. 48.

- Żakiewicz Zbigniew. *Tońko, rodzony syn mego stryja*. Cykl Z dziennika. 320. „Gwiazda Morza” 1999, nr 16–17, s. 81.
- Żakiewicz Zbigniew. *Utrata malej ojczyzny*. Cykl Z dziennika. 324. „Gwiazda Morza” 1999, nr 21, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wędrowcy opętani dziejami kaszubskiej ziemi*. Cykl Z dziennika. 309. „Gwiazda Morza” 1999, nr 2, s. 32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z Pan Tadeuszem byłem zaprzyjaźniony*. Cykl Z dziennika. 327. „Gwiazda Morza” 1999, nr 24, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zastanawiałem się, co mi chciał los powiedzieć*. Cykl Z dziennika. 325. „Gwiazda Morza” 1999, nr 22, s. 36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Znaczące zawężenie dziejów*. Cykl Z dziennika. 317. „Gwiazda Morza” 1999, nr 11/12, s. 46.
- Żakiewicz Zbigniew. *Antoni Bolesław Fac*. Cykl Z dziennika. 331. „Gwiazda Morza” 2000, nr 2, s. 35.
- Żakiewicz Zbigniew. *Były to piękne chwile*. Cykl Z dziennika. 348. „Gwiazda Morza” 2000, nr 21, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Fiodor Dostojewski u Zbigniewa Podgórcza*. „Więź” 2000, nr 3, s. 203–208.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdy wspominam Jerzego Giedroycia*. Cykl Z dziennika. 347. „Gwiazda Morza” 2000, nr 20, s. 36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Herbertowe odpryski*. [W:] *Upór i trwanie. Wspomnienia o Zbigniewie Herbercie*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2000, s. 104–110.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jestem pod wrażeniem*. Cykl Z dziennika. 335. „Gwiazda Morza” 2000, nr 6, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jestem poruszony prostotą a zarazem głębią*. Cykl Z dziennika. 334. „Gwiazda Morza” 2000, nr 5, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jeździec Apokalipsy*. II. Marek Wdziękoński. „Dziennik Bałtycki” 2000, nr 104, dod. „Rejsy”, s. 17.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miałem to szczęście, że we wrześniu*. Cykl Z dziennika. 337. „Gwiazda Morza” 2000, nr 8, s. 46–47.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mogę śmiało rzec, że należą*. Cykl Z dziennika. 346. „Gwiazda Morza” 2000, nr 19, s. 34.
- Żakiewicz Zbigniew. *Należę do tego pokolenia Kresowiaków; Gdy wspominam Jerzego Giedroycia*. Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 8. „Kwartalnik Artystyczny” 2000, nr 4, s. 167–172.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nazywaliśmy go „Szalonym Stasiem”*. Cykl Z dziennika. 350. „Gwiazda Morza” 2000, nr 23, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie ma „czasów tymczasowych”*. „Dziennik Bałtycki” 2000, nr 23, dod. „Rejsy”, s. 15.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ostatnie godziny 1999 roku*. Cykl Z dziennika. 330. „Gwiazda Morza” 2000, nr 1, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pięćdziesiąt pięć lat temu władze PRL aresztowały biskupa Gdańska*. Cykl Z dziennika. 345. „Gwiazda Morza” 2000, nr 18, s. 40–41.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sprawa warta jest, rzeczywiście, głębszego przemyślenia*. Cykl Z dziennika. 333. „Gwiazda Morza” 2000, nr 4, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sybir — Pro Memento. Sybir dla upomnienia, dla nauki*. Cykl Z dziennika. 341. „Gwiazda Morza” 2000, nr 12, s. 38–39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Są takie polskie biografie*. Cykl Z dziennika. 343. „Gwiazda Morza” 2000, nr 15–16, s. 54–55.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ten rok był zmienny*. Cykl Z dziennika. 352. „Gwiazda Morza” 2000, nr 25/26, s. 44.

- Żakiewicz Zbigniew. *Uczucie wielkiego zdziwienia nad naturą*. Cykl Z dziennika. 340. „Gwiazda Morza” 2000, nr 11, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *W czasie kanonizacji świętej Faustyny; Wielokrotnie pisałem, powołując się; Na koniec chciałbym się podzielić; Wreszcie relacja, którą podałem*. Cykl Z dziennika. 339. „Gwiazda Morza” 2000, nr 10, s. 36–37.
- Żakiewicz Zbigniew. *W Wielkim Tygodniu wyświetlono w TVP*. Cykl Z dziennika. 338. „Gwiazda Morza” 2000, nr 9, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Widzimy podczas tych niezapomnianych pielgrzymek*. Cykl Z dziennika. 336. „Gwiazda Morza” 2000, nr 7, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wreszcie, po długim namyśle, udałem się na południe Polski*. Cykl Z dziennika. 351. „Gwiazda Morza” 2000, nr 24, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z okazji już 68 urodzin otrzymałem książkę*. Cykl Z dziennika. 342. „Gwiazda Morza” 2000, nr 13–14, s. 46–47.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z okazji którychś urodzin, otrzymałem książkę; Mam przed sobą zdjęcie.; nazywałem go w myślach szarym skowronkiem; Uczucie wielkiego zdziwienia nad naturą*. Cykl Ujrzone, w czasie zatrzymane. 7. „Kwartalnik Artystyczny” 2000, nr 3, s. 176–182.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z Panem Tadeuszem byłem zaprzyjaźniony; Utrata „małej ojczyzny*. Cykl Ujrzone, w czasie zatrzymane. 5. „Kwartalnik Artystyczny” 2000, nr 1, s. 173–179.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ziemia to inna niżli znane mi od lat Kaszuby*. Cykl Z dziennika. 340. „Gwiazda Morza” 2000, nr 17, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Znajdowałem się na tarasie wzgórza*. Cykl Z dziennika. 349. „Gwiazda Morza” 2000, nr 22, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Śnił mi się dzisiaj park „Wenecja”* 2000, nr 3, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Śnił mi się dzisiaj park „Wenecja”; Pisane zaraz po nagrodzie Nobla; Gdyby nie doroczna gdańska nagroda „Artusa”; Uroczyska Kaszub, pustkowiec porośnięte wrzosem*. Cykl Ujrzone, w czasie zatrzymane. 6. „Kwartalnik Artystyczny” 2000, nr 2, s. 195–201.
- Żakiewicz Zbigniew. *Akademia Marynarki Wojennej*. Cykl Z dziennika. 370. „Gwiazda Morza” 2001, nr 21, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Aniołowie są wśród nas od początków*. Cykl Z dziennika. 375. „Gwiazda Morza” 2001, nr 26, s. 54–55.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ci, którzy odeszli nie zawsze*. Cykl Z dziennika. 372. „Gwiazda Morza” 2001, nr 23, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czesław Miłosz w czasie najgłębszych...* Cykl Z dziennika. 358. „Gwiazda Morza” 2001, nr 6, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Daj mi ziarno maku*. Cykl Z dziennika. 359. „Gwiazda Morza” 2001, nr 7–8, s. 51.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dziś, gdy posłannictwo świętej Faustyny*. Cykl Z dziennika. 365. „Gwiazda Morza” 2001, nr 14–15, s. 46–47.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdy po raz pierwszy odwiedziłem Kijów*. Cykl Z dziennika. 366. „Gwiazda Morza” 2001, nr 16–17, s. 54.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdy zabierałem się do pisania*. Cykl Z dziennika. 356. „Gwiazda Morza” 2001, nr 4, s. 36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdy zabierałem się do pisania; Wraz z lutową dziś akurat mroźną zimą; Kiedy zaś w lipcu 1944 roku; Alina z domu Ronczewska*. Cykl Ujrzone, w czasie zatrzymane. 10. „Kwartalnik Artystyczny” 2001, nr 2, s. 131–138.
- Żakiewicz Zbigniew. *Gdyby dziadek Antoni Oganowski*. Cykl Z dziennika. 353. „Gwiazda Morza” 2001, nr 1, s. 37.

- Żakiewicz Zbigniew. *Gdyby dziadek Antoni Oganowski; Wielkie gdybanie naszło mnie; Nazywaliśmy go „Szalonym Stasiem”; Wreszcie, po długim namyśle. Znajdowałem się na tarasie wzgórza.* Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 9. „Kwartalnik Artystyczny” 2001, nr 1, s.153–160.
- Żakiewicz Zbigniew. *I znów wraz z lutową, dziś mroźną.* Cykl *Z dziennika*. 357. „Gwiazda Morza” 2001, nr 5, s. 35.
- Żakiewicz Zbigniew. *Już trzeci tydzień spędzany w samotności.* Cykl *Z dziennika*. 367. „Gwiazda Morza” 2001, nr 18, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Już trzeci tydzień spędzany w samotności; Gdy po raz pierwszy odwiedziłem Kijów; Na tę swoją samotnie; Rembranta obraz: „Powrót syna marnotrawnego”.* Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 11. „Kwartalnik Artystyczny” 2001, nr 3, s. 174–180.
- Żakiewicz Zbigniew. *Lutowe, jeszcze nieśmiało zapowiedzi.* Cykl *Z dziennika*. 355. „Gwiazda Morza” 2001, nr 3, s. 36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mam przed sobą danie.* Cykl *Z dziennika*. 373. „Gwiazda Morza” 2001, nr 24, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Najbliższy memu sercu i wyobraźni; Ci którzy odeszli nie zawsze; W ostępy śląskiej Opolszczyzny; Od dawna jest mi znana.* Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 12. „Kwartalnik Artystyczny” 2001, nr 4, s. 106–113.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nazwałbym tę książkę, nie jak ją zatytułowano.* Cykl *Z dziennika*. 354. „Gwiazda Morza” 2001, nr 2, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Od dawna znana mi była.* Cykl *Z dziennika*. 371. „Gwiazda Morza” 2001, nr 22, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Od paru już lat utrzymuję.* Cykl *Z dziennika*. 364. „Gwiazda Morza” 2001, nr 13, s. 34.
- Żakiewicz Zbigniew. *Od września 1982 roku.* Cykl *Z dziennika*. 361. „Gwiazda Morza” 2001, nr 10, s. 38–39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rembranta wstrząsający obraz.* Cykl *Z dziennika*. 360. „Gwiazda Morza” 2001, nr 9, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rychlinki, wieś gminna.* Cykl *Z dziennika*. 368. „Gwiazda Morza” 2001, nr 19, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stało się się to przed dwudziestu laty.* Cykl *Z dziennika*. 362. „Gwiazda Morza” 2001, nr 11, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *W ostępy śląskiej Opolszczyzny.* Cykl *Z dziennika*. 363. „Gwiazda Morza” 2001, nr 12, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zło nie jest abstrakcją.* Cykl *Z dziennika*. 369. „Gwiazda Morza” 2001, nr 20, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Łagodność dzieciństwa, tego pierwszego, najdawniejszego.* Cykl *Z dziennika*. 374. „Gwiazda Morza” 2001, nr 25, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Często powtarzałem moim „przyjaciołom Moskałom”.* Cykl *Z dziennika*. 386. „Gwiazda Morza” 2002, nr 12, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy sny nam się śnią, czy my sny śnimy?* Cykl *Z dziennika*. 381. „Gwiazda Morza” 2002, nr 6–7, s. 53.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy sny nam się śnią, czy my sny śnimy?; Świętość niszczone, wydrążana z sacrum.* Cykl *Ujrzane, w czasie zatrzymane*. 14. „Kwartalnik Artystyczny” 2002, nr 2, s. 138–142.
- Żakiewicz Zbigniew. *Człowiek stanowi nierozdzielną całość.* Cykl *Z dziennika*. 395. „Gwiazda Morza” 2002, nr 23, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dzisiaj nawiedził mnie.* Cykl *Z dziennika*. 383. „Gwiazda Morza” 2002, nr 9, s. 38.

- Żakiewicz Zbigniew. *Jak dalece staję się anachronicznym*. Cykl Z dziennika. 384. „Gwiazda Morza” 2002, nr 10, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak uchwycić, ujawnić, zdekonspirować Anioła Stróża*. Cykl Z dziennika. 380. „Gwiazda Morza” 2002, nr 5, s. 35.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jesienią 1944 roku zjawił się*. Cykl Z dziennika. 380. „Gwiazda Morza” 2002, nr 3, s. 39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jest taki małeńki zakątek*. Cykl Z dziennika. 389. „Gwiazda Morza” 2002, nr 16–17, s. 50.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mija ponad 30 lat*. Cykl Z dziennika. 388. „Gwiazda Morza” 2002, nr 14–15, s. 50–51.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mija ponad 30 lat*. Cykl Ujrzane, w czasie zatrzymane. 15. „Kwartalnik Artystyczny” 2002, nr 3, s. 142–144.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasza intuicja, którą obdarzony jest każdy człowiek*. Cykl Z dziennika. 394. „Gwiazda Morza” 2002, nr 22, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Objawienia Gospy — Pani*. Cykl Z dziennika. 396. „Gwiazda Morza” 2002, nr 24, s. 36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Otrzymałem ten szary zeszytek*. Cykl Z dziennika. 392. „Gwiazda Morza” 2002, nr 20, s. 36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Patrzę na kalendarz*. Cykl Z dziennika. 393. „Gwiazda Morza” 2002, nr 21, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Poeta — Orfeusz*. „Kwartalnik Artystyczny” 2002, nr 4, s. 14–17.
- Żakiewicz Zbigniew. *Poznaj samego siebie — Homo Mysticus*. [W:] *Dusza*. Red. odpowiedzialni Anna Czekanowicz, Stanisław Rosiek. Seria Punkt po Punkcie, 3. Gdańsk: Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, Oddział Gdański – Słowo/Obraz Terytoria, 2002, s. 183–186.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przyszliśmy dawni „górkowicze” do ojców dominikanów*. Cykl Z dziennika. 376. „Gwiazda Morza” 2002, nr 1, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sen Geroncjusza — ten głębokiej mądrości poemat metafizyczny*. Cykl Z dziennika. 379. „Gwiazda Morza” 2002, nr 4, s. 37.
- Żakiewicz Zbigniew. *W grudniu tego roku*. Cykl Z dziennika. 398. „Gwiazda Morza” 2002, nr 26, s. 52–53.
- Żakiewicz Zbigniew. *W naszej najnowszej historii*. Cykl Z dziennika. 391. „Gwiazda Morza” 2002, nr 19, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wolne Miasto Gdańsk*. Cykl Z dziennika. 378. „Gwiazda Morza” 2002, nr 13, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z Węgrami i problemem węgierskim*. Cykl Z dziennika. 373. „Gwiazda Morza” 2002, nr 2, s. 38–39.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zadzwoniła do mnie starsza pani*. Cykl Z dziennika. 385. „Gwiazda Morza” 2002, nr 11, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zamieszkać po kimś*. Cykl Z dziennika. 397. „Gwiazda Morza” 2002, nr 25, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Łągowniki po raz pierwszy odwiedziłem 16 września 1982 roku; Otrzymałem ten szary zeszytek dosłownie, jakby zza grobu*. Cykl Ujrzane, w czasie zatrzymane. 16. „Kwartalnik Artystyczny” 2002, nr 4, s. 119–123.
- Żakiewicz Zbigniew. *Łągowniki po raz pierwszy odwiedziłem*. Cykl Z dziennika. 390. „Gwiazda Morza” 2002, nr 18, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Łagodność dzieciństwa, tego pierwszego, najdawniejszego; Upalne lato 1962 roku.; Rychliki wieś gminna.; Przyszliśmy dawni „górkowicze” do ojców dominikanów*. Cykl Ujrzane, w czasie zatrzymane. 13. „Kwartalnik Artystyczny” 2002, nr 1, s. 133–140.
- Żakiewicz Zbigniew. *Świadek epoki*. „Przegląd Polityczny” 2002, nr 56, s. 166–170.

- Żakiewicz Zbigniew. *Świętość niszczone, wydrążana z sacrum*. Cykl Z *dziennika*. 382. „Gwiazda Morza” 2002, nr 8, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Aleksander Jurewicz pochodzi*. Cykl Z *dziennika*. 411. „Gwiazda Morza” 2003, nr 13–14, s. 56.
- Żakiewicz Zbigniew. *Bajki Pana Bałagana*. Cykl Z *dziennika*. 420. „Gwiazda Morza” 2003, nr 24, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czerwiec — miesiąc mych narodzin*. Cykl Z *dziennika*. 410. „Gwiazda Morza” 2003, nr 12, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy Radion Raskolnikow poniosłby dzisiaj karę?* [W:] *Grzech*. Red. odpowiedzialni Anna Czekanowicz, Stanisław Rosiek. Seria Punkt po Punkcie, 4. Gdańsk: Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, Oddział Gdański — Słowo/Obraz Terytoria, 2003, s. 93–96.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czym żyje współczesny młody człowiek?* Cykl Z *dziennika*. 414. „Gwiazda Morza” 2003, nr 18, s. 38.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czyż nie jest radosną nowiną*. Cykl Z *dziennika*. 421. „Gwiazda Morza” 2003, nr 25–26, s. 56–57.
- Żakiewicz Zbigniew. *Fenomen mijających lat*. Cykl Z *dziennika*. 413. „Gwiazda Morza” 2003, nr 17, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak oddać należyłą sprawiedliwość*. Cykl Z *dziennika*. 401. „Gwiazda Morza” 2003, nr 3, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jaki los czeka Polskę*. Cykl Z *dziennika*. 408. „Gwiazda Morza” 2003, nr 10, s. 40–41.
- Żakiewicz Zbigniew. *Łagodność dzieciństwa, tego pierwszego, najdawniejszego*. [W:] *Grzech*. Red. odpowiedzialni Anna Czekanowicz, Stanisław Rosiek. Seria Punkt po Punkcie, 4. Gdańsk: Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, Oddział Gdański — Słowo/Obraz Terytoria, 2003, s. 193–194.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nagły przypływ radości*. Cykl Z *dziennika*. 407. „Gwiazda Morza” 2003, nr 9, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasza wiedza bywa też źródłem egzystencjalnej rozpacz;* *Niedawno oglądałem film z ładowania ludzi; W czwartek 6 lutego w Sopocie; Po świecie chadzają Boży pomyłenci*. Cykl *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. 18. „Kwartalnik Artystyczny” 2003, nr 4, s. 133–139.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasza wiedza bywa też źródłem*. Cykl Z *dziennika*. 403. „Gwiazda Morza” 2003, nr 5, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nie do pojęcia rozumowego jest dla nas...* Cykl Z *dziennika*. 404. „Gwiazda Morza” 2003, nr 6, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Od Unii Lubelskiej do Unii Europejskiej*. Cykl Z *dziennika*. 409. „Gwiazda Morza” 2003, nr 11, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Po świecie chadzają „Boży pomyłenci”*. Cykl Z *dziennika*. 399. „Gwiazda Morza” 2003, nr 1, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Poznaj samego siebie*. Cykl *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. 17. „Kwartalnik Artystyczny” 2003, nr 1, s. 121–125.
- Żakiewicz Zbigniew. *Profesora Adama Maldzisa*. Cykl Z *dziennika*. 412. „Gwiazda Morza” 2003, nr 15–16, s. 54–55.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przed dziesięciu laty*. Cykl Z *dziennika*. 416. „Gwiazda Morza” 2003, nr 20, s. 36–37.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przedwiośnie, które ogarnęło ziemię*. Cykl Z *dziennika*. 405. „Gwiazda Morza” 2003, nr 7, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Słowację, a właściwie Tatry Słowackie*. Cykl Z *dziennika*. 415. „Gwiazda Morza” 2003, nr 19, s. 40.

- Żakiewicz Zbigniew. *Tak się zdarzyło, że bliska mi osoba*. Cykl Z dziennika. 406. „Gwiazda Morza” 2003, nr 8, s. 48.
- Żakiewicz Zbigniew. *W czwartek 6 lutego w Sopocie*. Cykl Z dziennika. 402. „Gwiazda Morza” 2003, nr 4, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiele jeszcze Polski pozostało*. Cykl Z dziennika. 400. „Gwiazda Morza” 2003, nr 2, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ścieżka obok drogi*. Cykl Z dziennika. 417. „Gwiazda Morza” 2003, nr 21, s. 42.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czesław Miłosz — „na zawsze”*. „Kwartalnik Artystyczny” 2004, nr 3, s. 163–166.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mija równe 40 lat, gdy 30-letni w 1964 roku*. Cykl Z dziennika. 422. „Gwiazda Morza” 2004, nr 1, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *O zbliżającym się spazmie zniszczenia; Sięgnijmy do kapitalnych*. Cykl *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. 20. „Kwartalnik Artystyczny” 2004, nr 2, s. 140–145.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pisząc o zagładzie polskich dworów*. Cykl Z dziennika. 425. „Gwiazda Morza” 2004, nr 5–6, s. 56–57.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ponownie sięgam do swego*. Cykl Z dziennika. 423. „Gwiazda Morza” 2004, nr 2, s. 40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Różnie boli, a jak się z tym mamy po biblijnej siedemdziesiątce?* [W:] *Ból*. Red. Anna Czekanowicz, Stanisław Rosiek. Seria Punkt po Punkcie, 5. Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, Oddział Gdański. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria, 2004, s. 91–94.
- Żakiewicz Zbigniew. *Różnie boli, a jak się z tym mamy po biblijnej siedemdziesiątce?* Cykl *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. 21. „Kwartalnik Artystyczny” 2004, nr 4, s. 172–177.
- Żakiewicz Zbigniew. *Swoje „Dzienniki podróży” do Rosji z roku 1964–65*. Cykl *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. 19. „Kwartalnik Artystyczny” 2004, nr 1, s. 118–125.
- Żakiewicz Zbigniew. *W tę wojnę polskie dwory*. Cykl Z dziennika. 424. „Gwiazda Morza” 2004, nr 3/4, s. 56.
- Żakiewicz Zbigniew. *Że dane jest nam żyć na przełomie dziejów*. Cykl Z dziennika. 426. „Gwiazda Morza” 2004, nr 7–8, s. 64–65.
- Żakiewicz Zbigniew. *Fenomen mijającego czasu; Profesora Adama maldzisa*. Cykl *Ujrzone w czasie zatrzymane*. 22. „Kwartalnik Artystyczny” 2005, nr 2, s. 159–163.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mały jubileusz konkursu imienia Jana Drzeżdżona*. „Pomerania” 2005, nr 4, s. 48–49.
- Żakiewicz Zbigniew. *Minęły dwadzieścia dwa lata*. Cykl *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. „Kwartalnik Artystyczny” 2005, nr 1, s. 133–137.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stwórczy śmiech pana Boga*. [W:] *Śmiech*. Red. odpowiedzialni Anna Czekanowicz, Stanisław Rosiek. Seria Punkt po Punkcie, 6. Gdańsk: Stowarzyszenie Pisarzy Polskich, Oddział Gdański — Słowo/Obraz Terytoria, 2005, s. 39–43.
- Żakiewicz Zbigniew. *Diaboliczny grymas historii*. Cykl *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. 28. „Kwartalnik Artystyczny” 2006, nr 3–4, s. 308–311.
- Żakiewicz Zbigniew. *I znów wczesna marcowo wiosna*. Cykl *Ujrzone w czasie, zatrzymane*. 27. „Kwartalnik Artystyczny” 2006, nr 2, s. 228–230.
- Жакевич Збигнев. *Поляки у Достоевского*. „Новая Польша” 2006, nr 5, s. 35–40.
- Żakiewicz Zbigniew. *Umiłowanie życia i pociąg do śmierci; W trudnych latach stanu wojennego*. Cykl *Ujrzone w czasie, zatrzymane*. 26. „Kwartalnik Artystyczny” 2006, nr 1, s. 161–164.
- Жакевич Збигнев. *„Долина Иссы” Чеслава Милоша — богословский трактат*. „Новая Польша” 2007, nr 7–8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jak dwukrotnie w życie wkroczyła nieznaną konieczność*. Cykl *Ujrzone w czasie, zatrzymane*. 32. „Kwartalnik Artystyczny” 2008, nr 1, s. 148–153.

Żakiewicz Zbigniew. *Uliczką do łódzkiego parku Wenecja*. Cykl *Ujrzone w czasie, zatrzymane*. „Kwartalnik Artystyczny” 2008, nr 2, s. 150–156.

Teksty publicystyczne (felietony)

- Oganowski Waław [Żakiewicz Zbigniew]. *Jesteśmy stąd!* „Tygodnik Powszechny” 1960, nr 52, s. 9.
- Ryszard [Żakiewicz Zbigniew]. *List ze Staropolski*. „Tygodnik Powszechny” 1960, nr 7, s. 6.
- Ryszard [Żakiewicz Zbigniew]. *Z teatru w historię wczorajszą*. *List z Opola*. „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 7, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *W domu Dostojewskiego*. „Trybuna Opolska” 1965, nr 43, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z wizytą u Lwa Tołstoja*. „Głosy znad Odry” 1965, nr 2, s. 13, 15.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miasto Gdańsk ujrzone w lipcu R.P. 1967*. „Literary” 1968, nr 11, s. 22.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miasto Gdańsk ujrzone w roku 1967*. „Fama” [Miesięcznik studentów Opola] 1968, nr 18–19, s. 17.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miasto Leningrad widziane z bliska*. „Literary” 1968, nr 1, s. 10–11.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jesienna podróż na Hel*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 267, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasi współmieszkańcy*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 249, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Podróż z chorągiewką*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 309, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sezon niskich gwiazd*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 285, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *To, co pozostało jeszcze z gór*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 231, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *W przedśionku Ziemi*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 279, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *W ten grudniowy wieczór*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 305, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Węzeł czterech dróg*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 303, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Że śmierci nie ma*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1969, nr 261, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jesienne wspomnienie*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 236, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kiermasz, pisarz i książki*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 122, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Krajobraz o zachodzie*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 194, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Lot do Wrocławia*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 51, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Małe pieski*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 200.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mężczyzna, który był jak królik*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 254, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Miłobądź, czyli miłym bądź*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 134.
- Żakiewicz Zbigniew. *O kostce masła i mistyfikacji*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 182, s. 182.
- Żakiewicz Zbigniew. *O kozaczkach i telewizji*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 272, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *O podlotkach, podlotach i piosence*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 206, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pisarz i czytelnik*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 104, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Po tamtej stronie morza*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 44, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pochwała ogródków*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 98, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Recepty na polkę, na myszy i czkawkę*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 164, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rozmowa z Czarnym człowiekiem*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 110, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rozmowa z ziemią i wiosną*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 80, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Siwa, mądra Pani*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 57, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Spotkanie z poetą*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 224, s. 4.

- Żakiewicz Zbigniew. *Tu, gdzie się Wisła rozdziela*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 146, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Uwznioślona natura*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 278, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *W niedzielne popołudnie*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 218, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Widok z wysokiego brzegu*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 152, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiosna się zbliża!* Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 63, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wspomnienie sprzed 24 lat*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 86, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Współczesne sny*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 128, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wygnanie z Arkadii Szczęśliwej*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 284, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wzajemne nieporozumienia*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 212, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zabawy w ogrodzie oliwskim*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 176, s. 4, 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zbyt polski Wajda*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 242, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zimowe zabawy na śniegu*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 45, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Złote ogniwo*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 188, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Życie osobliwości pełne*. Cykl: *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 170, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Żywa sztuka*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1970, nr 290.
- Żakiewicz Zbigniew. *Bufet kulturalny*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 57, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Co teraz będzie?* Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 284, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czwarty wymiar*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 230, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czy diabeł ukryty jest w piwie*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 75, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dotknięcie historii*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 212, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dwa skrzydła*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 92, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dwie historie — obie prawdziwe*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 81, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Grający Jowisz*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 218, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Historie z zegarkami*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 278, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kiermasz książki*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 134, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kraj widziany z oddalenia*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 206, dod. „Dziennik Bałtycki”, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Krajobraz Gdańska*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 170, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Majowy bez*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 128, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Melancholijna poro oczu oczarowanie*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 224, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Morze w sztormie*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 242, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na dziesiątym piętrze*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 116, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasi mali bracia*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 110, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasza gazetowa rozbieranka*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 45, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *O Warszawie i Gdańsku*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 290, s. 6.

- Żakiewicz Zbigniew. *Obywatele przyszłego wieku*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 122, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odyniec i nowa sztuka*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 140, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pomorskie krajobrazy*. „Opole” 1971, nr 2, s. 13.
- Żakiewicz Zbigniew. *Prostota*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 104, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Przedwiośnie — czas „pomiędzy”*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 69, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rewolucja i literatura*. „Głos Wybrzeża” 1971, nr 270, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rozmaitemi głosami zawrzasną*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 86, s. 4, 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Słuchajmy słów*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 39, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *W ostrym świetle*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 98, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wieczna Mniszkówna*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” — 1971, nr 164, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wieczne rozmyślania*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 306, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiosenne oczekiwanie*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 51, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zmęczony człowiek*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 296, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Aleksander Twardowski*. „Tygodnik Powszechny” 1972, nr 5, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czego pragnie człowiek piszący?* Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 114, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Do kraju tego, gdzie wina jest dużą*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 126, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Instykt miejsca*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 43, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kłopoty z książką czyli o poślizgach*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 102, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mózg prostego i skromnego wieloryba*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 96, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Młodzi, anonimowi poeci*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 120, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasza piękność gdańska Starówka*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 144, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z notesu*. „Znak” 1972, nr 9, s. 1153–1163.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zjazd pisarzy i gdański Sinobrody*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 31, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Żubr wpadł na żubra, czyli o zdrowym rozsądku*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 73, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Żywy język*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 19, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Chłód wiatru; Mój N. Nieposkromiony*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 130, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Do rzadkości należą momenty; Mój niestrudzony N.N.* Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 118, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Elżbieta — królowa Anglii*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 148, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Erich Fromm*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 47, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Grafiki i obrazy Ryszarda Stryjca*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 59, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ilekróć oglądam malarstwo; Przytlaczająca swym ogromem*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 160, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jeziora powstawiane; Niespożyta siła*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 142, s. 3.

- Żakiewicz Zbigniew. *Kazimierz Wyka; Prostota*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 41, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Monotonia wielkiego tematu*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 172, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasza wiedza; Myśl zaczerpnięta*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 124, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nasze poranki; Paul Klee*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 53, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Niesprawiedliwe dobra. Monolog na magnetofon*. „Dziennik Bałtycki” 1973, nr 107, s. 5–6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Oglądałem głośną; Takim «teatrem duszy» była*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 71, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Oto są ci; Zagęszczona atmosfera*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 136, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Pasjonującą przygodą.; Wydarzeniem księgarskim*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 83, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Począwszy od sierpnia*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 17, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Powodzenie „Konopielki” Redlińskiego*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 166, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Płynęliśmy statkiem; Jest to drapieżna*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 95, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Samotny spacer; Krzyk instrumentów*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 100, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Sztuka Johna Osbornę; Właśnie trafiły*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 35, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tajemnica powodzenia; Zdanie usłyszane; Wielokrotne pytania*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 23, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *W świąteczne popołudnie; Oglądam jednobarwne reprodukcje*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 106, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Współczesna humanistyka; Trzeba zobaczyć*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 65, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Współczesne misterium. Dramat Arrabala „Cmentarzysko samochodów”. Zwinięta symetria*. „Polska” 1973, nr 1, s. 33; 33–34.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wybuch wulkanu; Znów Andrzej Wajda*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 29, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zmarł Picasso; Polska «samoswoja»*. Cykl *Z notesu*. „Głos Wybrzeża” 1973, nr 89, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zwierzenia i refleksje. Upadek; Monolo; Miasto; Sztuka; Właśnie trafiły; Wybuch wulkanu; Samotność człowieka; Wieczory nasze; Mój N*. „Znak” 1973, nr 6, s. 752–765.
- Żakiewicz Zbigniew. *Studia filologiczne czy kurs nauczycielski*. „Życie Literackie” 1978, nr 17, s. 11.
- Żakiewicz Zbigniew. *Anioły i czerwone gwiazdy. Ze wspomnień świątecznych*. „Dziennik Bałtycki” 1994, nr 298, s. 3.

Miniatury prozatorskie

- Żakiewicz Zbigniew. *Mały tramwajarz*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 146, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na brzegu*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 152, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na południowym stoku*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1971, nr 158, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Aniela*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 78, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Białe noce*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 90, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Białe noce; Wiśniowa pliszka*. „Tygodnik Powszechny” 1972, nr 32, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jagnię*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 168, s. 5.

- Żakiewicz Zbigniew. *Kobieta i mężczyzna*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 67, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kobieta z morza*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 84, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Matka i syn*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 138, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Mężczyzna w głębokim tle*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 37, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Morze w sztormie; W pogoni za jeleniem; Lot do Wrocławia*. „Opole” 1972, nr 5, s. 17.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nadmorski notes. Mężczyzna w głębokim tle; Kobieta i mężczyzna; We mgle*. „Życie Literackie” 1972, nr 26, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Notes. Majowy bez; Na brzegu; Węzeł czterech dróg; Papuga; Na południowym stoku*. „Tygodnik Kulturalny” 1972, nr 3, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *We mgle*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 55, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wiśniowa pliszka*. Cykl *Półgłosem*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 13, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zdarzenie*. „Dziennik Bałtycki” 1972, nr 162, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Die Frau aus dem Meer*. Przeł. Elżbieta Dziedziczak. „Polnische Wochenschau” 1973, nr 25, s. 21–22 [Oryg.: *Kobieta z morza*].
- Żakiewicz Zbigniew. *Jagnię*. „Literatura” 1973, nr 27, s. 11.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kobieta z morza; Aniela*. „Tygodnik Kulturalny” 1973, nr 12, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Notatnik nadmorski. Morze w sztormie; Cisza morska; Półwysep; Widok z wysokiego brzegu; Słowicza wyspa*. „Nowy Wyraz” 1974, nr 6/7, s. 32–36.
- Żakiewicz Zbigniew. *Opowieść o Tymoteuszu Karpiu*. „Fakty” 1974, nr 3, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Po tamtej stronie morza*. „Fakty” 1974, nr 17, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tu, gdzie się Wisła rozdwaja*. „Nowy Wyraz” 1974, nr 6–7, s. 3–4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Aniela*. „W drodze” 1975, nr 7, s. 71–73.
- Żakiewicz Zbigniew. *Na skłonie dnia*. „Pomerania” 1975, nr 3, s. 27.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kraina pajęczego snu*. „Opole” 1977, nr 6, s. 16–17, 21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Tańcząca*. „Pomerania” 1977, nr 3, s. 31.

Noty biograficzne

Z. Ż. [Żakiewicz Zbigniew]. *Janka Bryl*. „Literary” 1969, nr 9, s. 19.

Posłowania

- Bittel-Dobrzyńska Nadziejka. *Jak wiedźma Agrypicha znachorstwa mnie uczyła*. Il. Stanisław Ożóg. Posłowie Zbigniew Żakiewicz. Gdańsk: Graf, 1991, ss. 147, [1].
- Żakiewicz Zbigniew. *Posłowie*. [W:] Tęgoż: *Saga wileńska*. Gdańsk: Oficyna Wydawnicza Graf, 1992, ss. 320.

Przedmowy

Żakiewicz Zbigniew. Okolicznościowy wstęp. [W:] *Między Wileńszczyzną a Prusami. Polityka, społeczeństwo, kultura (XIII–XX w.)*. Księga pamiątkowa poświęcona jubileuszowi pięćdziesięciolecia pracy naukowej i siedemdziesięciolecia urodzin prof. dr. hab. Wacława Odyńca. Red. nauk. Józef Włodarski. Gdańsk: Marpress, 1998, s. 275.

Wywiady, wypowiedzi, polemiki, głos w dyskusji

- Wywiad*. Rozm. Harry Duda. „Fama” (Miesięcznik Studentów Opola) 1967, nr 16, s. 3–6.
- Pisarze a wojna*. Głos w dyskusji na Zjeździe Pisarzy w Gdańsku. „Kultura” 1969, nr 37, s. 7.
- Od Mickiewicza do Szymborskiej*. Rozmowa z Aleksandrem Rewiczem, poetą i tłumaczem poezji polskiej. Rozm. Zbigniew Żakiewicz. „Literary” 1969, nr 11, s. 33–34.

- Dwunasty Zjazd Pisarzy Ziemi Zachodnich i Północnych w Gdańsku* [wypowiedź w dyskusji]. [W:] *XII Zjazd Pisarzy Ziemi Zachodnich i Północnych w Gdańsku 1–3 IX 1969*. Red. Alina Walczak. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1970.
- Żakiewicz Zbigniew. *Punkt oparcia*. Wypowiedź w ankiecie *Pisarz i światopogląd*. „Fakty i Myśli” 1970, nr 8, s. 5.
- Grudniowy wieczór*. Wypowiedź w ankiecie *Wigilia dla mnie*. „Kierunki” 1971, nr 51–52, s. 7.
- Proces pisania*. Wypowiedź w ankiecie *Pisarz, życie, dzieło*. „Tygodnik Kulturalny” 1971, nr 21, s. 4, 11.
- Wywiad*. Rozm. Wanda Andrusiak. „Ziemia Gdańska” 1971, nr 87, s. 17–21.
- Żakiewicz Zbigniew. *Czego oczekuję od Zjazdu Pisarzy?* Wypowiedź w ankiecie *Czego oczekuję od Zjazdu Pisarzy?* „Odgłosy” 1972, nr 6, s. 1, 3, 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Nurt groteskowo-kreacyjny i nurt ciemny*. Wypowiedź w ankiecie *Literatura trzydziestolecia*. „Literatura” 1972, nr 24, s. 7.
- Rozmowa z pisarzem*. Zbigniew Żakiewicz. Rozm. Ewa Moskałówna. „Litera” 1972, nr 2, s. 14.
- Wierzę w literaturę*. Rozm. Janusz Termer. „Fakty i Myśli” 1972, nr 11, s. 1, 6.
- Wywiad*. Rozm. Krystyna Celichowska. „Wieczór Wybrzeża” 1972, nr 120, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stan świadomości*. Wypowiedź w ankiecie. „Fakty i Myśli” 1973, nr 17, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Zaiste podstępne pytanie*. Wypowiedź w ankiecie *Między twórcą a odbiorcą*. „Tygodnik Kulturalny” 1973, nr 20, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Biografia i jej ekspresja twórcza*. Wypowiedź w ankiecie. „Tygodnik Kulturalny” 1974, nr 38, s. 4.
- Trzecie spotkanie twórców literatury kaszubsko-pomorskiej* [wypowiedź w dyskusji]. [W:] *Trzecie spotkanie twórców literatury kaszubsko-pomorskiej. Materiały*. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1974.
- Żakiewicz Zbigniew. *W oczach pisarzy*. „Tygodnik Morski” 1974, nr 6, s. 9.
- Sens literatury* [wywiad]. Rozm. Ewa Moskałówna. „Głos Wybrzeża” 1975, nr 234, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Szósta Dekada Pisarzy Wybrzeża. Dokonania i zamierzenia* [wypowiedź]. „Głos Wybrzeża” 1975, nr 216, s. 5.
- Szukanie prawdy o sobie* [wywiad]. Rozm. Krzysztof Nowicki. „Fakty” 1975, nr 5, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jakość i niejakość w kulturze masowej*. Wypowiedź w ankiecie. „Więź” 1976, nr 1, s. 5, 8, 11, 13.
- Żakiewicz Zbigniew. *Moje chrześcijaństwo dawniej i dziś*. Wypowiedź w ankiecie. „Znak” 1976, nr 7, s. 953–958.
- Nudzi mnie opisywactwo* [wywiad]. Rozm. Marzena Woźniak. „Czas” 1976, nr 25, s. 24.
- Żakiewicz Zbigniew. *Siódma Dekada Pisarzy Wybrzeża* [wypowiedź]. Oprac. L.K. Koś. „Głos Wybrzeża” 1976, nr 217, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Racje, dla których...* Wypowiedź w ankiecie *Dlaczego piszę?* „Kultura” 1977, nr 14, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Chrześcijanin z urodzenia czy z wyboru?* [wypowiedź]. Wypowiedź w ankiecie. „W drodze” 1978, nr 3, s. 39–41.
- Określenie tożsamości* [wywiad]. Rozm. Ewa Moskałówna. „Głos Wybrzeża” 1978, nr 109, s. 6.
- Zaduma nad własnym losem* [wywiad]. Rozm. Wilhelm Przeczek. „Zwrot” 1978, nr 346, s. 34–36.
- Homo-viator* [wywiad]. Rozm. Marzena Woźniak. „Tygodnik Powszechny” 1979, nr 3, s. 5.
- Idąc w głąb wychodzę naprzeciw* [wywiad]. Rozm. Teresa Zwierzchowska. „Wieczór Wybrzeża” 1979, nr 103, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Powrót do tajemnicy ludzkiej egzystencji*. Wypowiedź w ankiecie *Nad kulturą europejską*. „Znak” 1979, nr 10, s. 1059–1060.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wizyta Jana Pawła II w Polsce* [wypowiedź]. „Więź” 1979, nr 7/8, s. 288–290.

- Zbigniew Żakiewicz [wypowiedź]. Oprac. J. F. Rubryka *Słowo w słowo*. „Opole” 1980, nr 4, s. 28.
- Żakiewicz Zbigniew. *Alosza Karamazow*. Wypowiedź w ankiecie *Dostojewski dzisiaj*. „Znak” 1981, nr 1/2, s. 11, 15, 19, 22, 26, 29, 32, 37, 41, 44, 49, 52, 56, 61, 64–65, 67, 69, 75.
- Przenikanie* [wypowiedź w dyskusji]. Oprac. Anna Kościelecka. „Głos Wybrzeża” 1981, nr 27, s. 5.
- Reduta* [wypowiedź w dyskusji]. Oprac. Danuta Szkop-Dąbrowska. „Punkt” 1981, nr 13, s. 8–29.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ja urodziłem się w Mołodecznie* [wypowiedź]. „Pomerania” 1985, nr 7, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *List w sprawie Mariana Terleckiego* [list protestacyjny]. „Podpunkt” 1985, nr 3, s. 110.
- Żakiewicz Zbigniew. *Weszliśmy w zupełnie inną ulicę*. Wypowiedź w ankiecie *Jacy jesteście*. „Gwiazda Morza” 1985, nr 21, s. 2–3, 5.
- O Rosji, kulturze i literaturze rosyjskiej* [wywiad]. Rozm. Adam Hlebowicz. „Ład” 1988, nr 48, s. 10.
- Kresy — wieczne „teraz”* [wywiad]. Rozm. Bogusław Żyłko. „Autograf” 1989, nr 6–8, s. 29–31.
- Stamtąd nieźle widać na Wschód i na Zachód* [wywiad]. Rozm. Alina Kietrys. „Autograf” 1989, nr 6–8, s. 12–16.
- Między Wilnem a Bałtykiem* [wywiad]. Rozm. Paweł Zbierski. „Gazeta Gdańska” 1990, nr 240, nr 241, s. 3.
- Brodski. Opowiada Zbigniew Żakiewicz* [wypowiedź]. Spisał i przygotował do druku Piotr Wiktor Lorkowski. „Przedproża” 1991, nr 10, s. 1–2.
- Zbigniew Żakiewicz poleca* [wypowiedź]. „Gazeta Wyborcza” 1991, nr 249, s. 17.
- Kresy, Litwa, Rosja* [wywiad]. Ze Zbigniewem Żakiewiczem rozm. Ryszard Bongowski. „Gazeta Wyborcza” 1992, nr 102, dod. „Gazeta Morska”, nr 119, s. II.
- Żakiewicz Zbigniew. *List otwarty*. „Kultura” (Paryż) 1992, nr 12, s. 107–108.
- Zbigniew Żakiewicz poleca* [wypowiedź]. „Gazeta Wyborcza” 1992, nr 115, s. 19.
- Kresy wyobraźni*. Rozm. G. Łatuszyński. „Express Wieczorny” 1993, nr 74.
- Między Bogiem a Ozmianą*. Ze Zbigniewem Żakiewiczem, pisarzem metafizycznym, rozm. Tadeusz Skutnik. „Dziennik Bałtycki” 1993, nr 11.
- Wszystkie rzeki wpadają do morza*. [wywiad]. Rozm. Henryka Dobosz. „Tytuł” 1993, nr 4, s. 26–56.
- Żakiewicz Zbigniew. *Eleganckie europejskie miasto. Gdańsk mój widzę ogromny* [wypowiedź]. Not. Barbara Madajczyk-Krasowska. „Dziennik Bałtycki” 1994, nr 121, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Twórca przy warsztacie* [wypowiedź]. Not. ANK. [Kościelecka Anna]. „Dziennik Bałtycki” 1994, nr 139, s. 7.
- Żakiewicz Zbigniew. *Był sobie Gdańsk*. [W:] *Gdańskie tożsamości. Eseje o mieście*. Red. Basil Kerski. Gdańsk: Instytut Kultury Miejskiej, 2014, s. 69–84 [Dyskusja dot. Gdańska, z udziałem Pawła Huellego, Zbigniewa Żakiewicza, Donalda Tuska, oprac. Wojciech Duda. Pierwodruk: „Przegląd Polityczny” 1995, nr 29, s. 76–86].
- Żakiewicz Zbigniew. *Przed ponad dziesięćmi laty*. Cykl *Z dziennika*. 236. „Gwiazda Morza” 1995, nr 24, s. 22 [Omówienie dyskusji z udziałem Z. Żakiewicza, P. Huellego, D. Tuska, W. Dudy dot. Gdańska, zamieszczonej w „Przeglądzie Politycznym” 1995, nr 29, s. 76–86].
- Żakiewicz Zbigniew. *Mój stół. W życiu i w literaturze* [wypowiedź]. Wysłuchała (kl). „Dziennik Bałtycki” 1996, nr 82, dod. „Rejsy”, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Po co pisać?* Wypowiedź w ankiecie. „Kwartalnik Artystyczny” 1996, nr 2, s. 4–7.
- Siła pamięci* [wywiad]. Rozm. Artur Kawiński. „Dziennik Bałtycki” 1996, nr 123, s. 26.
- Uchwycić czas* [wywiad]. Rozm. Alina Kietrys. „Głos Wybrzeża” 1996, nr 117, s. 4.
- Zbigniew Żakiewicz*. Rozm. Anna Jeśiak. „Dziennik Bałtycki” 1996, nr 168.
- Wywiad Henryka Dobosza z Z. Żakiewiczem. [W:] *Ujrzone, w czasie zatrzymane*. Biblioteka „Tytułu”. Gdańsk: Marabut, 1996.
- Kraina mojej wyobraźni* [wywiad]. Rozm. Katarzyna Kaczor. „Guliwer” 1997, nr 3, s. 35–38.

- Żakiewicz Zbigniew. *Nie nam sędzić kapłanów*. Wypowiedź w ankiecie *Świeccy mówią o księżach*. „Tygodnik Powszechny” 1998, nr 41, s. 10.
- Żakiewicz Zbigniew. Z „*Panem Tadeuszem*” i „*Wielką Improwizacją*” spoufalony. Wypowiedź w cyklu *Mickiewicz i ja — pisarze o Mickiewiczu*. „Teksty Drugie” 1998, nr 5, s. 188–191.
- Między sensem a bezsensem* [wywiad]. Rozm. Alina Kietrys. „Głos Wybrzeża” 1999, nr 54, s. 3.
- Żakiewicz Zbigniew. *Apel do ministra kultury* [apel]. „Rzeczpospolita” 2000, nr z 12.05.2000.
- Soplicowo na sprzedaż?* Rozmowa Zbigniewa Majchrowskiego, Wojciecha Ostrowskiego i Zbigniewa Żakiewicza. „Dialog” 2000, nr 2, s. 109–118.
- W tkaninie czasu ukryte* [wywiad]. Rozm. Aneta Krawczyk i Piotr W. Lorkowski. „Topos” 2000, nr 3–4, s. 151–158.
- Żakiewicz Zbigniew. *Bufet kulturalny poza „czarną dziurę”*. Wypowiedź w ankiecie „Dziennika Bałtyckiego” *Jakie książki i filmy przeżyją wiek XX, a jakie wpadną w czarną dziurę?* „Dziennik Bałtycki” 2001, nr 16, dod. „Rejsy”, s. 16.
- Żakiewicz Zbigniew. *To pismo miało dobry początek* [wypowiedź]. Not. PG. „Gazeta Wyborcza” 2001, nr 26, dod. „Gazeta Morska”, nr 26, s. 8.
- Żakiewicz Zbigniew. *Trzy wiersze*. Wypowiedź w ankiecie *Trzy najważniejsze wiersze polskiej poezji XX wieku*. „Kwartalnik Artystyczny” 2001, nr 1, s. 51–56.
- Pamięć — istotą zakorzenienia* [wywiad]. Z pisarzem Zbigniewem Żakiewiczem rozmawia Maciej Dębóróg-Bylczyński. „Pomerania” 2007, nr 7–8, s. 36–37

PRACE NAUKOWE

Artykuły źródłowe i przegląadowe

- Żakiewicz Zbigniew. *Z problematyki polskiej w twórczości Fiodora Dostojewskiego*. „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska” 1962, nr 1, s. 61–85.
- Żakiewicz Zbigniew. *Leonid Andrejew w Polsce*. „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska” 1963, nr 2, s. 39–68.
- Żakiewicz Zbigniew. *Rewolucja 1905 roku a recepcja literatury rosyjskiej w epoce Młodej Polski*. [W:] „Sprawozdania. Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk” 1965, nr 3, s. 22–25.
- Żakiewicz Zbigniew. *Ruchy rewolucyjne a recepcja literatur (z historii związków literatury polskiej i Rosji)*. Materiały na Sesję Naukową z okazji 50-lecia Wielkiej Rewolucji Październikowej. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Gdańsku. Wydział Humanistyczny. Gdańsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1967, ss. [2], 10.
- Żakiewicz Zbigniew. *Poznaj samego siebie — czyli źródło twórczości*. [W:] *Literatura Wybrzeża po 1980 roku. Materiały z sesji naukowej Gdynia 3–4 grudnia 2003*. Red. Teresa Arendt i Krystyna Turo. Pelplin: Wydawnictwo Diecezji Pelplińskiej „Bernardinum”, 2004.
- Żakiewicz Zbigniew. *Stanisław Brzozowski — krytyk literatury rosyjskiej*. „Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Filologia Rosyjska” 1964, nr 3, s. 3–32.
- Żakiewicz Zbigniew. *Proza Maksyma Gorkiego w polskiej opinii epoki modernizmu*. „Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia Rosyjska” 1967, z. 1, s. 65–83.
- Żakiewicz Zbigniew. *Literatura rosyjska lat 1895–1914 w kręgu Młodej Polski*. „Slavia Orientalis” 1968, nr 4, s. 483–503.
- Żakiewicz Zbigniew. *Polskie koncepcje literatury rosyjskiej w okresie rewolucji 1905 roku*. „Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia Rosyjska” 1968, nr 2, s. 73–88.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z historii popularyzacji Wyspiańskiego w Rosji. Listy T. Nalepińskiego do W.N. Dryzena*. „Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia Rosyjska” 1970, nr 3, s. 145–155.

Żakiewicz Zbigniew. *Dymitr Mierieżkowski w kręgu Młodej Polski*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska” 1973, nr 3, s. 43–54.

Żakiewicz Zbigniew. *Parę uwag na temat buninowskiego realizmu*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska” 1977, nr 6, s. 5–11.

Artykuły recenzyjne

Żakiewicz Zbigniew. *Życ, to znaczy kochać*. Rec.: Marshall Bruce. *Cud ojca Malachiasza*. Warszawa, 1955. [W:] „Katolik” 1956, nr 3, s. 8.

Żakiewicz Zbigniew. *O kontaktach literackich Rosji z Zachodem*. Rec.: Rogalski Aleksander. *Rosja–Europa. Wzajemne związki, wpływy i zależności kulturalno-literackie*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Pax”, 1960, ss. 460. [W:] „Więź” 1961, nr 11–12, s. 216–220.

Żakiewicz Zbigniew. *Republika Szkid*. Rec.: Bielych Grigorij, Pantielejew Leonid. *Republika Szkid*. Przeł. R.H. Winlan. Poprawili i uzupełnili przekł. na podstawie nowego tekstu oryg. Krystyna Latoniowa i Zygmunt Braude. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960, ss. 476. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1961, nr 4, s. 6.

Żakiewicz Zbigniew. *Monografię Kirpotina należy uznać*. Rec.: Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. *Творческой нумь. (1821–1859)*, Moskwa: Гослитиздат, 1960, ss. 607. [W:] „Slavia Orientalis” 1962, nr 3, s. 407–409.

Żakiewicz Zbigniew. *Pisma literackie W. Bielińskiego*. Rec.: Bieliński Wissarion G. *Pisma literackie (wybór)*. Przeł. Janina Walicka i Wiera Anisimow-Bieńkowska. Oprac. Andrzej Walicki. Biblioteka Narodowa, Seria 2, nr 34. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1962, ss. CXXIII, 551. [W:] „Nowe Książki” 1962, nr 24, s. 1496–1497.

Oganowski Waclaw [Żakiewicz Zbigniew]. *Realizm i satyra*. Rec.: Dawydowa Natalia. *Miłość inżyniera Izotowa*. Przeł. Ema Dmowska. Warszawa: Czytelnik, 1961, ss. 260. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1962, nr 28, s. 6.

Żakiewicz Zbigniew. *Dostojewski z okresu przełomu*. Rec.: Dostojewski Fiodor. *Białe noce i inne opowiadania. 1848–1859*. Przeł. Władysław Broniewski et al. Seria Z pism F. Dostojewskiego. Red. Paweł Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963, ss. 606. [W:] „Nowe Książki” 1963, nr 21, s. 1038–1039.

Żakiewicz Zbigniew. *Dramaty Lermontowa*. Rec.: Lermontow Michał. *Hiszpanie. Tragedia w pięciu aktach; Maskarada. Dramat w czterech aktach wierszem*. Przeł. Jerzy Zagórski. Wstępem i objaśn. opatrzył Wiktor Jakubowski. Biblioteka Narodowa. Seria 2, nr 141. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1963, ss. LXXVI, 288. [W:] „Nowe Książki” 1963, nr 18, s. 881–884.

Żakiewicz Zbigniew. *Monografię Bierdnikowa czyta się...* Rec.: Бердников Г.А.П. *Чехов. Идеиные и творческие искания*. Moskwa: Гослитиздат, 1961, ss. 695. [W:] „Slavia Orientalis” 1963, nr 2, s. 286–288.

Żakiewicz Zbigniew. *Polska monografia o Lwie Tołstoju*. Rec.: Semczuk Antoni. *Lew Tołstoj*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963, ss. 408. [W:] „Nowe Książki” 1963, nr 20, s. 977–979.

Żakiewicz Zbigniew. *Estetyka Czernyszewskiego*. Rec.: Czernyszewski Mikołaj. *Pisma estetyczne i krytycznoliterackie. Wybór*. Przeł. Janina Walicka, Tadeusz Zabłudowski. Oprac. Andrzej Walicki. Biblioteka Narodowa. Seria 2, nr 144. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1964, ss. CXIX, [1], 395. „Nowe Książki” 1964, nr 13, s. 531–533.

Żakiewicz Zbigniew. *Przyciąganie wzorów*. Rec.: Rżewska Helena. *Przyciąganie ziemskie (powieść)*. Przeł. Zofia Gadzinianka. Warszawa: Czytelnik, 1963, ss. 216. „Nowe Książki” 1964, nr 9, s. 397–398.

Żakiewicz Zbigniew. *Rosyjscy fourieryści*. Rec.: Śliwowska Wiktoria. *Sprawa Pietraszewców*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964, ss. 317. [W:] „Nowe Książki” 1964, nr 15, s. 627–629.

- Żakiewicz Zbigniew. *W ostatnich latach daje się zauważyć...* Rec.: Гыс М. *Идеи и образы Ф.М. Достоевского*. Москва: Гослитиздат, 1962, ss. 511. [W:] „Slavia Orientalis” 1964, nr 1, s. 87–89.
- Żakiewicz Zbigniew. *Z dziejów sławy polskiej literatury w Rosji*. Rec.: Barański Zbigniew. *Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku*. Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Seria A, nr 78 Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1962, ss. 144. [W:] „Twórczość” 1964, nr 7, s. 110–114.
- Żakiewicz Zbigniew. *Drugi strzał w Lermontowa*. Rec.: Bolszakow Konstantin. *Ucieczka jeńców, czyli Opowieść o cierpieniach i zagładzie porucznika tengińskiego pułku piechoty Michała Lermontowa*. Przeł. Eleonora Słobodnikowa. Warszawa: Czytelnik, 1964, ss. 376. [W:] „Nowe Książki” 1965, nr 3, s. 102.
- Żakiewicz Zbigniew. *Żywoć człowieka poczciwego*. Rec.: Junosza–Szaniawski Aleksander. *Włodzimierz Majakowski*. Seria Profile. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1964, ss. 423. [W:] „Twórczość” 1966, nr 9, s. 127–129.
- Żakiewicz Zbigniew. *Granice literatury i rzeczywistość świata. O „Modelunkach” Zbigniewa Bienkowskiego*. Rec.: Bienkowski Zbigniew. *Modelunki. Szkice literackie*. Warszawa: Czytelnik, 1966, ss. 527. [W:] „Więź” 1967, nr 5, s. 139–144.
- Żakiewicz Zbigniew. *Lata, które wszystko zmieniły*. Rec.: Wiesiołyj Artiom. *Rosja we krwi skąpana*. Przeł. i wstępem opatrzył Ignacy Szenfeld. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1967, ss. 520. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1967, nr 36, s. 1, 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Za dalą dal...* Rec.: Twardowski Aleksander. *Za dalą – dal*. Przeł. Leopold Lewin. Oprac. graficznie Aleksander Stefanowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1967, ss. 200. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1967, nr 15, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Jurij Kazakow. Tam biegnie pies*. Rec.: Kazakow Jurij. *Tam biegnie pies. Opowiadania*. Przeł. Witolda Jurkiewicz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1968, ss. 232. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1968, nr 47, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. Rec.: Katajew Walentin. *Święta studnia*. Przeł. Ziemowit Fedeki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1968, ss. 140. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1968, nr 43, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *W odmętach życia. O prozie Wasilija Biełowa*. Rec.: Biełow Wasilij. *Ludzka rzecz*. Przeł. Wiera Bienkowska, Jerzy Litwiniuk. Seria Współczesna Proza Światowa. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1971, ss. 344. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1971, nr 30, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Babel — świadek właściwy*. Rec.: Babel Izaak. *Utwory odnalezione*. Zebra., przeł. i posł. opatrzył Jerzy Pomianowski. Seria Nike. Warszawa: Czytelnik, 1971, ss. 56. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1972, nr 18, s. 4.
- Żakiewicz Zbigniew. *Cwietajewa, czyli jak być artystą*. Rec.: Cwietajewa Maryna. *Dom koło starego Pimena. Szkice i wspomnienia*. Przeł. Wiera Bienkowska i Seweryn Pollak. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972, ss. 440. [W:] „Tygodnik Powszechny” 1972, nr 7, s. 5.
- Żakiewicz Zbigniew. *Życie Sergiusza Jesienina*. Rec.: Watała Elwira, Woroszyłski Wiktor. *Życie Sergiusza Jesienina*. Seria Ludzie Żywi, 24. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973, ss. 564. „Tygodnik Powszechny” 1973, nr 31, s. 6.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dostojewski, ale jaki?* „Teatr” 1974, nr 2, s. 19–20.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kresy, których już nie ma*. Rec.: Dönhoff Marion Hrabina. *Dzieciństwo w Prusach Wschodnich*. Przeł. Ewa i Jerzy Czerwiakowscy. Berlin: Słowo, 1993, ss. 222, oraz rec.: Krockow Christian Graf von. *Mysłąc o Prusach*. Przeł. Andrzej Kopacki. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1993, ss. 101. [W:] „Przegląd Polityczny” 1994, nr 24, s. 144–148.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kultura ma prawie pięćdziesiąt lat*. Rec.: Chruślińska Iza. *Była raz Kultura. Rozmowy z Zofią Hertz*. Słowo wstępne Czesław Miłosz. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Most, 1994, ss. 151. [W:] „Przegląd Polityczny” 1994, nr 26, s. 96–98.

- Żakiewicz Zbigniew. *Jak uchwycić, jak zrozumieć Rosję?* Rec.: Gumilow Lew. *Od Rusi do Rosji. Szkice z historii etnicznej*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1995, ss. 307. [W:] „Przegląd Polityczny” 1995, nr 29, s.115–117.
- Żakiewicz Zbigniew. *Prorok rosyjskiej rewolucji*. Rec.: Custine Astolphe de. *Rosja w roku 1839*. T. 1–2. Przeł., przypisami i posł. opatrzył Paweł Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1995, ss. 572. [W:] „Przegląd Polityczny” 1995, nr 27–28, s. 117–120.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wskrzeszone rosyjskie słowo*. Rec.: Szentalinski Witalij. *Wskrzeszone „archiwów literackich” KGB*. Przeł. Henryk Chłystowski et al. Warszawa: Czytelnik, 1996, ss. 432. [W:] „Przegląd Polityczny” 1999, nr 40–41, s.149–151.
- Żakiewicz Zbigniew. *Carmen Vilnense*. Rec.: Florczak Zbigniew. *Inny brzeg jesieni. Carmen Vilnense*. Warszawa: Czytelnik, 1999, ss. 347. [W:] „Przegląd Polityczny” 2000, nr 44, s. 154–158.
- Żakiewicz Zbigniew. *Odkrywanie Bunina*. Rec.: Bunin Iwan. *Przekłete dni*. Przeł. i przypisami opatrzyła Janina Kornel. Warszawa: Czytelnik, 2000, ss. 149. [W:] „Przegląd Polityczny” 2000, nr 45, s. 140–144.
- Żakiewicz Zbigniew. *Świadek epoki*. Rec.: Berberowa Nina N. *Podkreślenia moje. Autobiografia*. Przeł. Eugenia Siemaszkiewicz. Warszawa: Noir sur Blanc, 1998, ss. 645. [W:] „Przegląd Polityczny” 2000, nr 46–47, s. 104–107.
- Żakiewicz Zbigniew. *Kresy — wciąż obszary tęsknot*. Rec.: Chrzanowski Tadeusz. *Kresy czyli Obszary tęsknot*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001, ss. 239. [W:] „Przegląd Polityczny” 2001, nr 52–53, s. 192–193.
- Żakiewicz Zbigniew. *Wieniec z Jerofiejew. Franz Kafka czy sowiecki Mikołaj Gogol?* Rec.: Jerofiejew Wieniedikt. *Dzieła prawie wszystkie*. Wybrał i oprac. Andrzej Drawicz. Przeł. A. Drawicz et al. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000, ss. 438. [W:] „Przegląd Polityczny” 2001, nr 51, s. 159–162.
- Żakiewicz Zbigniew. *Dusza nasza i wasza*. Rec.: *Dusza polska i rosyjska (od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Sołżenicyna)*. *Materiały do „katalogu” wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Red. Andrzej de Lazari. Seria Antologie. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2004, ss. 446. [W:] „Przegląd Polityczny” 2005, nr 69, s. 186–189.

Opracowała Katarzyna Wojan

Źródła excerptji

- Bibliografia czasopism dotycząca tajemnicy miłosierdzia Bożego i ludzkiego oraz św. Siostry Faustyny Kowalskiej ze Zgromadzenia Matki Bożej Miłosierdzia obejmująca czasopisma z lat 1985–1990*. Zgromadzenie Sióstr Matki Bożej Miłosierdzia. [Online] <<https://www.faustyna.pl/zmbm/bibliografia-czasopism-za-lata-1985-1990-biblioteka/>> (10.12.2015).
- Gdańsk w literaturze. Bibliografia od roku 997 do dzisiaj*. T. 5: 1945–1979. Red. Leszek Rybicki. Seria Biblioteka Gdańska. Literatura. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria — nakł. Fundacji Gdańskiej, cop. 2007.
- Gdańsk w literaturze. Bibliografia od roku 997 do dzisiaj*. T. 6: 1980–1989. Red. Leszek Rybicki. Seria Biblioteka Gdańska. Literatura. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria — nakł. Fundacji Gdańskiej, cop. 2010.
- Instytut Książki*. [Online] <<http://www.instytutksiazki.pl/autorzy-detaj,literatura-polska,1640,zakiewicz-zbigniew.html>>.
- Katalog Biblioteki Narodowej*. [Online] <<https://alpha.bn.org.pl/>>.

Katalog czasopism kulturalnych. [Online] <http://katalog.czasopism.pl/index.php/Strona_g%C5%82%C3%B3wna>.

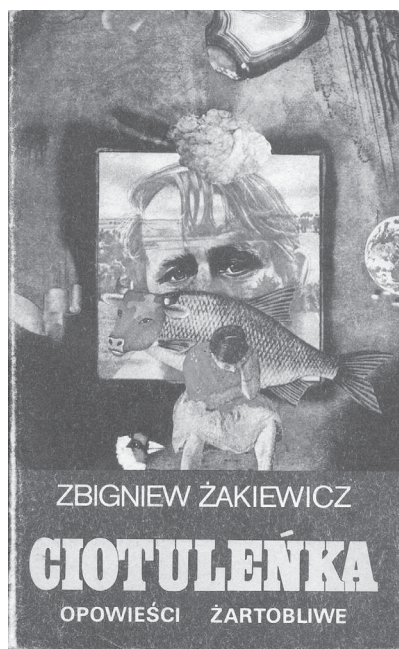
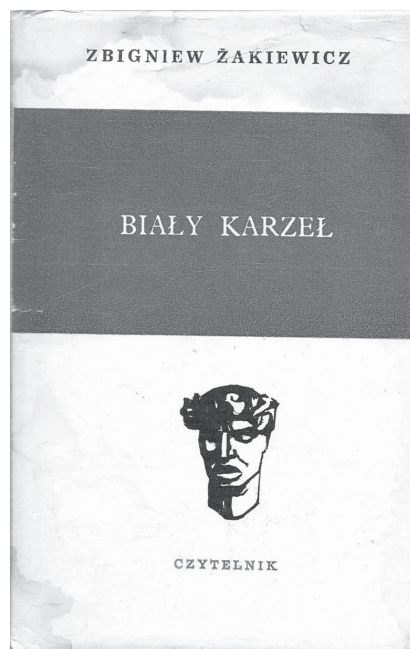
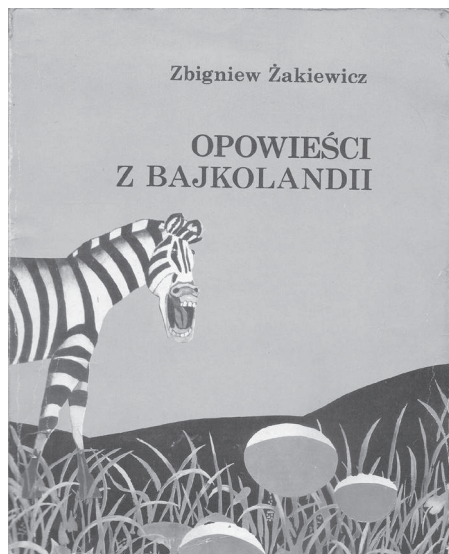
Katalog Zbiorów Polskich Bibliotek Naukowych NUKAT. [Online] <<http://katalog.nukat.edu.pl/search/query?theme=nukat>>.

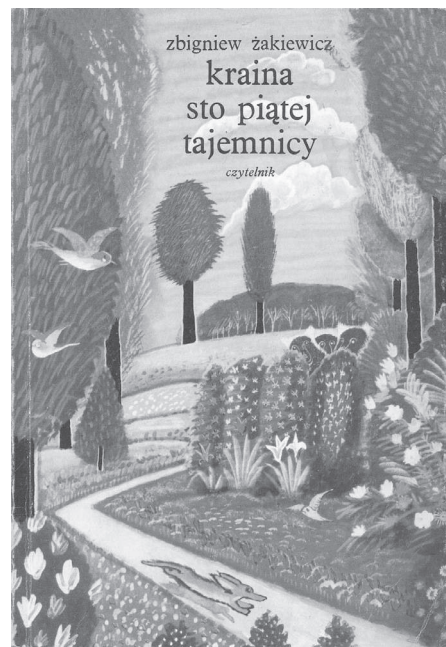
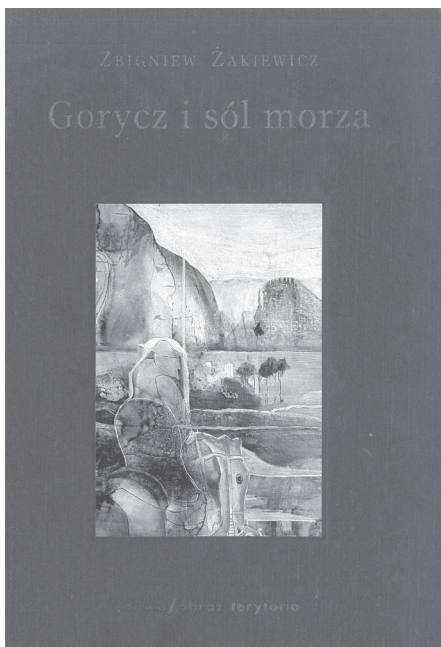
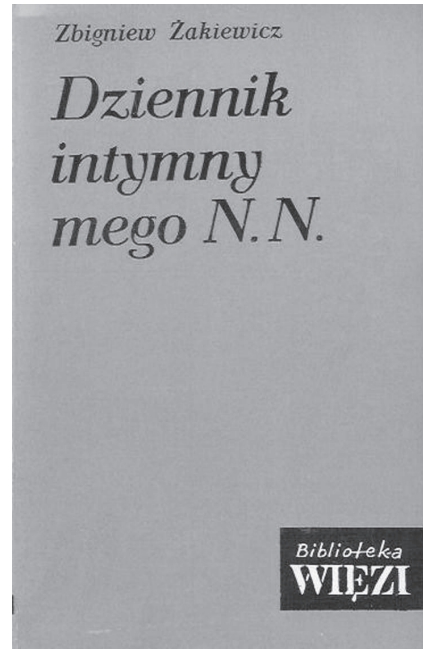
Polska Bibliografia Literacka. [Online] <http://pbl.ibl.poznan.pl/dostep/index.php?s=d_biezacy&f=zapisy&p_tworcaid=4805>.

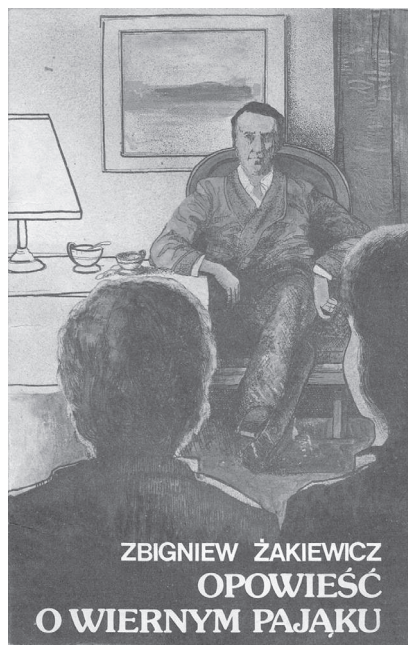
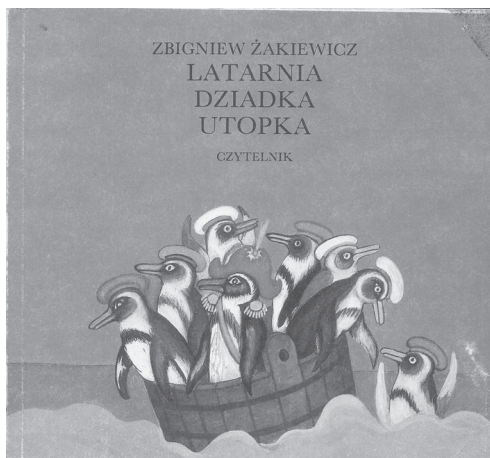
Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna. [Online] <<http://www.old.wbpg.org.pl/slowniklista.php?pisarz=4>>.

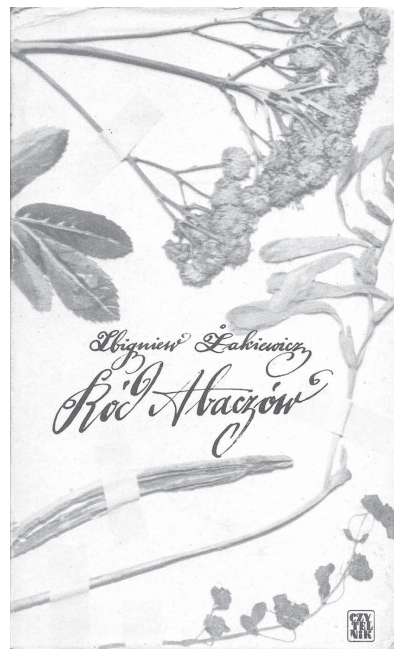
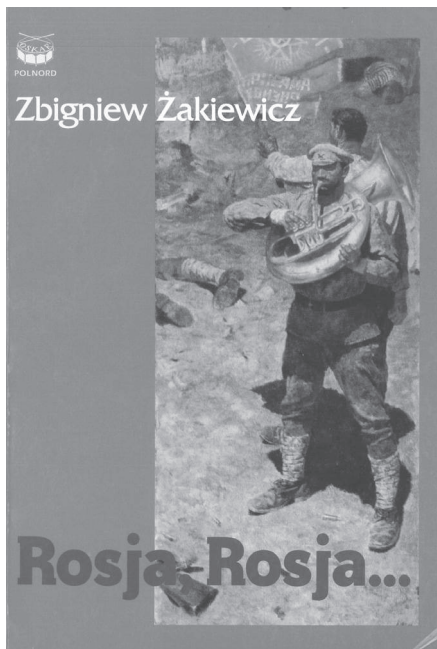
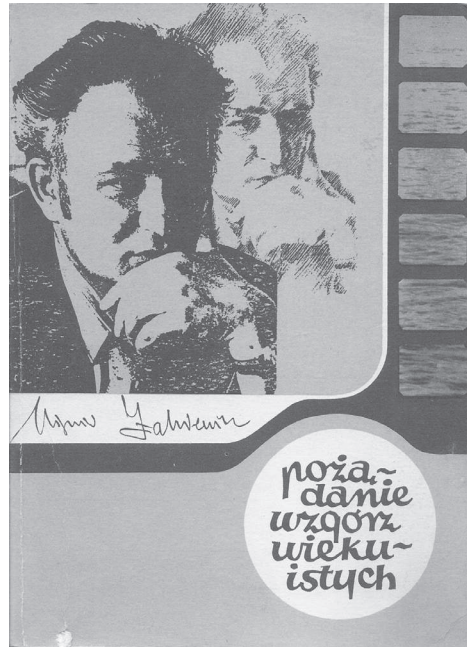
KATARZYNA WOJAN

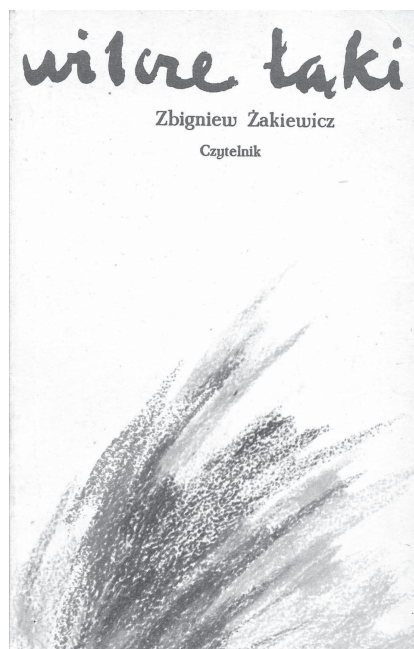
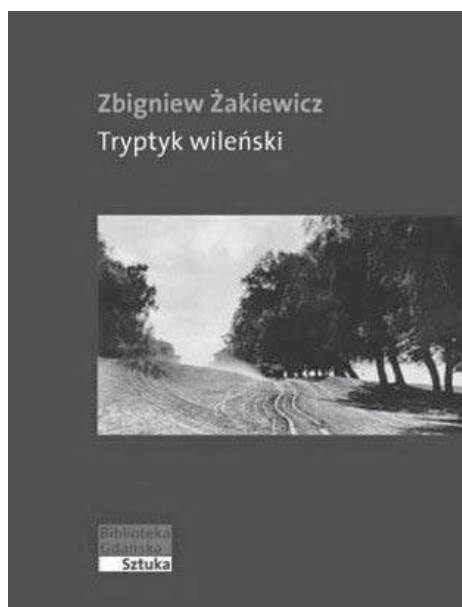
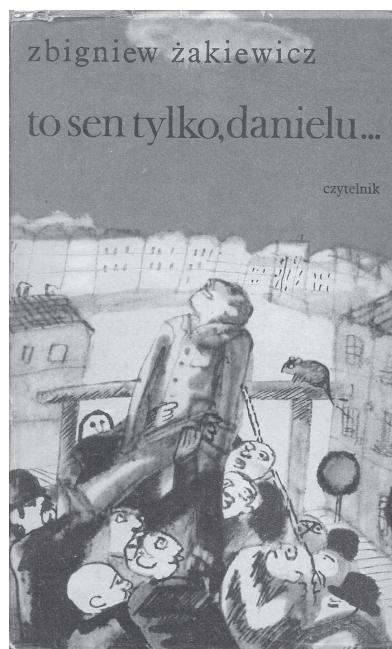
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej
Katedra Skandynawistyki, Pracownia Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

SPRAWOZDANIA
ОТЧЁТЫ
REPORTS

ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА МАРЦЕЛИНЫ ГРАБСКОЙ

*Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то,
что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь.*

Василий Осипович Ключевский

23 мая 2015 года в актовом зале филологического факультета Гданьского университета, согласно академической традиции, коллеги и близкие профессора Марцелины Грабской торжественно отметили ее двойной юбилей — 50-летие дидактической и 40-летие научной деятельности языковеда, лингводидактика, учителя, многолетнего директора Института славянской филологии (1999–2005) и Института восточнославянской филологии (2008–2013), а также заведующего кафедрой дидактики русского языка, а позже кафедры прагматики коммуникации и лингводидактики (1993–2013).

Марцелина Грабска, внесшая существенный вклад в развитие гданьской русистики, заслуженно пользуется уважением среди учёных различных специальностей. Сфера ее научных интересов простирается далеко за пределы общего языкознания. В стране и за рубежом ее ценят как авторитетного лингвиста, методиста, специалиста в области преподавания иностранных языков, прагматики коммуникации, психолингвистики, сопоставительного языкознания, лексикографии, лингвокультурологии. Значительную часть своей интенсивной профессиональной деятельности профессор Марцелина Грабска посвятила поиску эффективных методов преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Она была инициатором многолетних исследований в области методов тестирования русскоязычных языковых стандартов.

Среди важнейших научных публикаций профессора Марцелины Грабской следует упомянуть: монографию по психолингвистике и лингводидактике *Сопоставительно-ассоциативный контекст русскоязычного потенциального словаря поляков (теоретические и эмпирические исследования)* (Гданьск 1996); учебники: *Мы учимся читать без словаря русские тексты по специальности. Materiały do nauki czytania rosyjskich tekstów specjalistycznych* (рукопись, Гданьск 1985–1986), *Praktyczna gramatyka języka rosyjskiego dla Polaków* (Гданьск 1994); редакцию научных томов: *Współzależność języków słowiańskich. Aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny* (соредактор Я. Бартошевска, Гданьск 1998), *Leksyka*

w komunikacji językowej. *Materiały konferencji międzynarodowej (Gdańsk — Łączyzno, wrzesień 1998)* (соредактор Й. Коженевска-Берчиньска, Гданьск 1998), „*Słowa, słowa, słowa*”... w komunikacji językowej (Гданьск 2000), *Leksyka w komunikacji językowej II* (online, Гданьск 2001), „*Słowa, słowa, słowa*”... w komunikacji językowej II (Гданьск 2004), *Балтийский регион. Миф в языке и культуре* (серед., Гданьск — Калининград 2010), „*Słowa, słowa, słowa*”... w komunikacji językowej III (Гданьск 2011), „*Mówimy, jak mówimy...*”. *Komunikacja w języku potocznym. Podejście interdyscyplinarne* (соредактор Ж. Сладкевич, Гданьск 2014), „*Mówimy, jak mówimy...*” *Gdzie ukryta jest potoczność?* (соредактор Ж. Сладкевич, Гданьск 2015); лексикографию: *Rosyjsko-polsko-ukraiński słownik paraleli leksykalnych* (соавтор В.В. Дубичинский и В.В. Бондаренко, Гданьск — Харьков 2004, рукопись); дидактические аудио-визуальные материалы (e-biblioteka): *Korpusy języka polskiego* (Гданьск 2011–2012), *Korpusy języka rosyjskiego* (Гданьск 2011–2012); научные статьи и разделы монографий (преимущественно на русском языке), вступительные слова, отраслевые библиографии, торжественные речи, научные и издательские рецензии, отзывы о научных достижениях (по поручению Фонда им. Иосифа Мянковского — Фонд поддержки науки), редакцию журналов, отчеты и экспертизы (по заказу Института школьных программ Министерства образования, проректора Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Беларусь), Института усовершенствования учителей), академические программы, исследовательские проекты, дидактические эксперименты.

За научные достижения Марцелина Грабска четырежды была удостоена награды ректора Гданьского университета — второй степени (1976, 1982, 1997) и первой степени (2011). Профессор была награждена Золотым Крестом Заслуги [Złoty Krzyż Zasługi] (1991), а также за выдающийся вклад в воспитание и образование — медалью Национальной комиссии по образованию [Medal Komisji Edukacji Narodowej] (2003) и медалью Института русского языка им. Александра Пушкина в Москве (1994).

***

Юбилейное торжество открыл проректор по делам студентов профессор Юзеф Арно Влодарски, который от имени ректора Гданьского университета профессора Бернарда Ламмека наградил Юбиляра медалью Гданьского университета *Doctrinae Sapientiae Honestati*, вручаемой за научные достижения, мудрость и благородство. Декан *senior* историко-филологического факультета Гданьского университета профессор Мариан Щёдровски в своей поздравительной речи на латинском языке представил важнейшие научные, дидактические и организационные достижения профессора Грабской.

С чувством признательности хотелось бы отметить, что ни многочисленные обязанности, ни расстояния не помешали посетить торжество видным гостям из польских и зарубежных научно-образовательных и культурных учреждений. В их числе юбилейный семинар почтили своим присутствием: профессор Анджей Ситарски — директор Института русской филологии университета им. Адама Мицкевича в Познани; профессор Варминско-Мазурского университета

Гжегож Ойцевич, доктор филологических наук, доцент; декан факультета филологии и журналистики БФУ им. Иммануила Канта Наталья Евгеньевна Лихина; адвокат Мирослава Бжезинска — президент Фонда науки и культуры Косцежины; Анна Фирлей — председатель Поморского филиала Ассоциации сотрудничества Польша–Восток. Госпожа Фирлей вручила профессору Грабской *Медаль Мицкевич–Пушкин* за многолетнее плодотворное сотрудничество. В торжестве также приняли участие профессора филологического факультета Гданьского университета — Института англистики и американистики, Института скандинавистики и прикладной лингвистики, кафедры славистики, а также факультета социальных наук — Института философии, социологии и журналистики, ректората университета, коллеги из Института восточнославянской филологии, родственники и друзья, учителя русского языка из школ Тригорода и аспиранты Юбиляра.

Приглашенные гости, которые по различным причинам не смогли лично поучаствовать в праздничной встрече, прислали наилучшие пожелания и поздравления профессору Марцелине Грабской: профессор д.ф.н. Дорота Дзевановска из Педагогического университета им. Комиссии народного образования в Кракове, д.ф.н. Роман Гаваркевич — директор Института русской филологии Щецинского университета, профессор д.ф.н. Ханна Коморовска из Варшавского университета, профессор д.ф.н. Болеслав Мрозевич с кафедры финно-угорской филологии Института лингвистики университета им. Адама Мицкевича в Познани, проф. д.ф.н. Кшиштоф Нерлицки из Щецинского университета, профессор д.ф.н. Рышард Токарски из Университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине, профессор д.ф.н. Антони Палиньски из Жешувского университета, Елена Геннадьевна Волгина — директор Российского центра науки и культуры в Гданьске.

Праздничный семинар вела заведующая кафедрой прагматики коммуникации и лингводидактики д.ф.н. Жанна Сладкевич. Во время торжества было сказано много прекрасных слов в адрес Юбиляра. Выступающими были отмечены основные вехи уникальной биографии Марцелины Грабской как учёного, талантливо сочетающего научную и педагогическую деятельность. К.ф.н. Анна Хау, заместитель директора Института восточнославянской филологии, в своей поздравительной речи подчеркнула, что величайшим успехом профессора Грабской является «воспитание многих умных и порядочных людей». По отношению к ней абсолютно справедливы слова великого историка В.О. Ключевского, вынесенные в эпитафию: профессор Марцелина Грабска понастоящему любила и любит не только преподаваемые дисциплины, но прежде всего своих учеников.

Д.ф.н. Жанна Сладкевич указала на размах международного сотрудничества профессора Грабской: в 1999–2004 гг. с Институтом русского языка им. А.С. Пушкина в Москве (наиболее тесно с профессорами В.Г. Костомаровым и О.Д. Митрофановой); Харьковским институтом Межрегиональной академии управления персоналом, Харьковском лексикографическом обществом (1998–2004), Национальным техническим университетом в Харькове (1998–2004), Международным славянским университетом в Харькове (с 1999 года); Витеб-

ским государственным университетом им. Петра Машерова в Беларуси (1998), результатом чего были великолепные семинары в Гданьском университете с участием В.А. Масловой; Тверским государственным университетом (с 1998); Гродненским государственным университетом им. Я. Купалы (с 1998); Балтийским федеральным университетом им. Иммануила Канта в Калининграде (с 2007).

Важным моментом торжества было вручение Профессору Марцелине Грабской юбилейной книги, изданной под редакцией четырех ее учениц — д.ф.н. Катажины Воян, д.ф.н. Жанны Сладкевич, к.ф.н. Анны Хау и к.ф.н. Катажины Вондоловской-Леснер. Подарочный том *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów* [Имена языковой коммуникации, или демакияж смыслов] был подготовлен специально к этому торжеству как выражение благодарности госпоже Грабской за ее многолетнюю научно-педагогическую деятельность. Среди авторов, воздавших честь Юбиляру, были авторитетные филологи — англисты, русисты, полонисты, германисты, финнисты, японисты, а также представители точных, естественных и юридических наук. Редакторы выразили свою признательность Профессору во вступительном слове:

Юбилейная Книга — это своего рода подарок Профессору. Авторы монографии заключили в своих текстах не только значимые научные мысли, но и важный эмоциональный посыл в адрес Юбиляра — признание, уважение, благодарность, восхищение ее личностью, достижениями, знаниями и отношением к делу. <...> Мы ценим Профессора не только за научные достижения, но и за отстаивание этических принципов, которые обеспечивают научную объективность, независимость и гуманистическую толерантность.

(Из предисловия к юбилейной коллективной монографии, посвященной профессору Марцелине Грабской *Imiona komunikacji językowej czyli demakijażowanie sensów* под ред. К. Воян, Ж. Сладкевич и А. Хау, при участии К. Вондоловской-Леснер, Гданьск 2015)

Помимо коллективного тома, д.ф.н. Катажина Воян посвятила Юбиляру также авторскую монографию *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek? Zarys dziejów interlingwistyki* [Искусственные языки. Потребность социума или фантазия отдельных лиц? Становление интерлингвистики] (Гданьск 2015). В ней постулируется целесообразность проведения интерлингвистических исследований, на основе полученных профессором Грабской результатов анализа процесса усвоения иностранных языков.

В честь юбилея интереснейшие научные выступления подготовили, в частности, профессор д.ф.н. Данута Станулевич, заведующая кафедрой языкознания в Институте англистики и американистики (*Любимые цвета профессора Марцелины Грабской*), а также профессор д.ф.н. Иероним Хойнацки, директор Института скандинавистики и прикладной лингвистики (*Перспектива полной транспарентности в межличностных отношениях и межкультурной коммуникации*).

Юбилейное торжество украсило выступление студенческого вокально-музыкального ансамбля *Черный Кот* под руководством к.ф.н. Татьяны Копац, исполнившего на русском языке несколько любимых профессором Марцелиной Грабской песен из репертуара Анны Герман.

По случаю юбилея была учреждена выставка научных работ *E fructu arbor cognoscitur*, представляющая наиболее важные научные достижения профессора Марцелины Грабской и ее учеников. Ученицы Юбилея опубликовали до сих пор 20 книг и более 200 научных статей.

Праздничный семинар, давший мощный импульс для личных воспоминаний виновницы торжества и ее гостей, завершился преподнесением роскошных букетов цветов и наилучшими пожеланиями в адрес Профессора.

Ко всем добрым пожеланиям, прозвучавшим на торжественном семинаре, присоединяется весь коллектив кафедры прагматики коммуникации и лингводидактики! Желаем Вам, дорогая госпожа Профессор, крепкого здоровья, активного долголетия, неугасаемой женской красоты и обаяния, а также дальнейших творческих успехов!

AD MULTOS ANNOS, ПРОФЕССОР МАРЦЕЛИНА ГРАБСКА!

Жанна Сладкевич

Используемые источники

- Wojan K. *Bibliografia dorobku naukowego prac Profesor Marceliny Grabskiej*. [B:] *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów. Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Marcelinie Grabskiej*. Red. K. Wojan, Ż. Śładkiewicz, A. Hau przy udziale K. Wądołowskiej-Lesner. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, c. 33–57.
- Wojan K. *Podwójny Jubileusz Profesor Marceliny Grabskiej*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego” 2015, № 3 (147), Czerwiec–Lipiec, c. 14–17.
- Wojan K., Śładkiewicz Ż., Hau A., *Od Redaktorów*. [B:] *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów. Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Marcelinie Grabskiej*. Red. K. Wojan, Ż. Śładkiewicz, A. Hau przy udziale K. Wądołowskiej-Lesner. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, c. 7–11.

ŻANNA ŚŁADKIEWICZ

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80–308 Gdańsk, Polska
e-mail: filzs@ug.edu.pl

PIĘTNAŚCIE LAT ISTNIENIA STUDENCKIEGO KOŁA NAUKOWEGO RUSYCYSTÓW TRANSLATORYKÓW I LEKSYKOGRAFÓW „TRANSLATIONIS”

W tym roku Studenckie Koło Naukowe Rusycystów Translatoryków i Leksykografów „Translationis”, działające przy Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego, obchodzi piętnastolecie swego istnienia. Opiekunem naukowym studentów skupiających się w „Translationis” od początku jest Katarzyna Wojan. Idea utworzenia koła naukowo-translatorskiego wypłynęła w 2000 roku od studentów filologii rosyjskiej, pragnących doskonalić swój warsztat translatorski, zdobyć doświadczenie i pogłębić wiedzę z teorii oraz praktyki przekładu, a także w obszarze leksykografii translatorskiej. Jego członkami byli nie tylko studenci filologii rosyjskiej. W „Translationis” swe miejsce znaleźli również studenci i doktoranci innych kierunków, takich jak kulturoznawstwo, politologia, polonistyka, psychologia, rosjoznawstwo, slawistyka. Funkcję pierwszej przewodniczącej Koła pełniła Katarzyna Matwiejczyk — osoba o niezwykłym talencie organizacyjnym. Kolejną charyzmatyczną osobą była Katarzyna Bielicka, utalentowana studentka dwóch kierunków — biotechnologii i rosjoznawstwa.

Początkowo głównym nurtem działalności translatorskiej młodych rusycystów była praca nad przekładem pokaźnego zbioru autentycznych listów Bronisława Piłsudskiego — brata Marszałka, pisanych z zesłania z Sachalinu i przechowywanych w Archiwum Biblioteki Narodowej w Wilnie. Członkowie Koła pod czujnym okiem doktora Juranda Czermińskiego, zafascynowanego osobą i dorobkiem naukowym Bronisława Piłsudskiego, dokonali wyboru (a przede wszystkim przepisania tekstów z często mało czytelnych oryginałów) oraz tłumaczenia tychże listów. Kolejnym etapem prac był przekład rosyjskojęzycznych wystąpień i referatów dotyczących działalności naukowej Piłsudskiego na obczyźnie i pozostawionej przez niego pokaźnej spuścizny. Tłumaczone prace¹ dotyczą kultury, tradycji, obyczajów narodów Sachalinu i Hokkaido — Ajnów oraz Niwchów (Giliaków). Przygodę z przekładem tekstów Pił-

¹ Częściowo materiały te zostały udostępnione na stronie internetowej *Bronisław Piotr Piłsudski*. [Online] <<http://www.panda.bg.univ.gda.pl/ICRAP>> (12.08.2015). Założycielem i kuratorem strony jest dr Jurand Czermiński. Skrót ICRAAP oznacza *International Committee for Restoration and Assessment of Bronisław Piłsudski's*. Obecnie opiekun Koła nawiązała kontakt naukowy z prof. Alfredem Majewiczem z UAM w Poznaniu, który zebrał, opracował i wydał dzieła Bronisława Piłsudskiego.

sudskiego Aleksandra Lech opisała w artykule pt. *Broniś nasz kochany...czyli o roman-sie rusycystów z Koła Naukowego „Translationis” z zapomnianym bratem Marszałka Józefa Piłsudskiego*” zamieszczonym na łamach pisma studenckiego „Vivat Akademia” (nr 3/marzec 2002). Praca nad tłumaczeniem listów Bronisława Piłsudskiego dała niewątpliwie wiele satysfakcji nie tylko związanej z samą sztuką przekładu. Z tekstów epistolograficznych można zacerpnąć znacznie więcej — niezwykle mądrość życiową i filozofię przetrwania. Dzięki przedsięwzięciu działaczy „Translationis” nauka i kultura polska zostały wzbogacone o dokumenty przełożone na język polski (warto dodać, iż listy były wcześniej tłumaczone m.in. na język angielski, japoński i litewski). Listy te wzbudziły zainteresowanie wielu polskich uczonych.

Ale nie samym przekładem listów Piłsudskiego młodzi tłumacze żyją. Dzięki „Translationis” mogą oni dać upust swym zainteresowaniom, czyli dokonywać przekładów fascynujących ich poetów i pisarzy. Koło może poszczycić się przekładami licznych mniejszych utworów literackich z rosyjskiego na polski, z polskiego na rosyjski, z łotewskiego na polski oraz z serbskochorwackiego na polski. Do najważniejszych należą: wiersze *Всё про любовь* oraz *В ожидании вишен* Jewgienija Baczurina (przeł. zespół), *Подруга* Mariny Cwietajewej (z ros. przeł. Diana Oboleńska), rozdział powieści science fiction *Рождение мага* Nika Pierumowa (z ros. przeł. Piotr Ganewski), fragment poematu *Кольцо* Timura Kibirowa (z ros. przeł. Marcin Łyjak), wiersz *Lauztas priedes* łotewskiego poety Jānisa Rainisa (z łotew. przeł. Diana Oboleńska), proza poetycka *Niebo* oraz *Opowiadanie niepisane* Davida Albahari (z serbskochorw. przeł. Joanna Połum), felietony *Квадрат* (z ros. przeł. Olga Choroś) oraz *Кина не будем* Tatiany Tołstiej (z ros. przeł. Mirosława Bielawa), bajka *Сказка о Карлуше и его друзьях в Царицыне* Władimira Chłynowa, a także piosenka poetycka *Не та не та Ciebie* Kayah (z pol. na ros. przeł. Diana Oboleńska). Dorobek tłumaczeniowy Koła liczy łącznie ponad 50 tytułów (tj. 250 stron) i publikowany jest cyklicznie w „Biuletynach”² pod naukową redakcją Katarzyny Wojan. Dotychczas przygotowano 6 zeszytów: „Biuletyn nr 1” (2000/2001 r.) *Listy B. Piłsudskiego*, „Biuletyn nr 2” (2001/2002): *Listy i spuścizna Bronisława Piłsudskiego*, „Biuletyn nr 3” (2002): *Przekład literacki – poezja i proza*, „Biuletyn nr 4” (2003/2004): *Spuścizna Bronisława Piłsudskiego*, „Biuletyn nr 5” (2003/2004): *Przekład literacki: proza*, „Biuletyn nr 6” (2006/2007): *Przekład literacki: bajka*.

Ważkim osiągnięciem było opracowanie rosyjskojęzycznego przewodnika po Gdańsku *Достопримечательности города Гданьска* (zesp. autorek: Diana Oboleńska, Katarzyna Matwiejczyk, Justyna Kamionowska, Agnieszka Mokosa, Agata Pilorz). Powstał on nie tylko z myślą o turystach (był przydatny dla uczestników konferencji naukowych organizowanych w Uniwersytecie Gdańskim), ale przede wszystkim o studentach — znalazł oddźwięk na zajęciach praktycznej nauki języka rosyjskiego, jak również na seminariach dyplomowych. W owym czasie była to praca nowatorska; na rynku wydawniczym nie oferowano żadnej publikacji tego typu, a zasoby internetowe były dużo skromniejsze.

² Materiały powielone (nakład własny), jak również w wersji elektronicznej na stronie Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego.

Członkowie „Translationis” wykazywali dużą aktywność, i to na wielu polach działalności. W swoim dorobku mają przygotowanie kilku interesujących tematycznych wystaw literackich na Wydziale Filologiczno-Historycznym, a następnie na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego, m.in. *Wenecja Północy w oczach pisarzy, poetów* prezentującej fotografie oraz wypowiedzi artystów na temat Petersburga (2001), dwujęzycznych wystaw fotograficznych pt. *Republika Ałtaj* (2010) oraz *Literatura i wydarzenia historyczne związane z Krymem* (2011), będących pokłosiem studenckich ekspedycji naukowych. Pomysłodawczynią oraz sponsorką dwu ostatnich była Katarzyna Bielicka, która przepiękne fotografie własnego autorstwa, okraszone barwnymi prelekcjami, prezentowała również w Rosyjskim Ośrodku Nauki i Kultury w Gdańsku oraz w bibliotekach miejskich (2010; 2011). Członkowie „Translationis” przygotowywali interesujące gazetki literackie, w których zamieszczano informacje o znanych tłumaczach, przekładach i ważniejszych wydarzeniach naukowych, kulturalnych w środowisku polskim, jak również zagranicznym. Organizowali warsztaty translatorskie, wykłady znanych teoretyków i praktyków przekładu, m.in. prof. Edwarda Balcerzana (2004), spotkania tematyczne ze znanymi osobistościami z Rosji i Ukrainy. Uczestniczyli czynnie w konferencjach naukowych, m.in. *Studenckiej Konferencji Naukowej „Słowiańszczyzna u progu nowego tysiąclecia. Aktualne problemy literatury, języka i polityki oraz nowe spojrzenie na tradycję”* w Uniwersytecie Warszawskim (2001), w *Sesjach Tłumaczy Literatur Krajów Nadbałtyckich „Pieśni Słowian Wschodnich”* organizowanych przez Nadbałtyckie Centrum Kultury w Gdańsku; pomagali w przygotowaniu rusycystycznych konferencji naukowych, jakie odbywały się w Uniwersytecie Gdańskim.

Dużym sukcesem były naukowe krajoznawcze ekspedycje zagraniczne do Petersburga (2001), Republiki Ałtaj (2010) i na Krym (2011). Podczas ostatnich wypraw studentki z inicjatywy Katarzyny Bielickiej i pod jej przewodnictwem zorganizowały cieszące się dużą popularnością „Warsztaty języka i kultury polskiej” dla Polonii zrzeszonej w Polskim Towarzystwie Kulturalno-Oświatowym w Tarnopolu (Ukraina, 2011), której przekazały cenny dar w postaci zbioru słowników języka polskiego, polskie dzieła literackie oraz albumy o Gdańsku. Członkowie „Translationis” nawiązali owocną współpracę z instytucjami działającymi na rzecz Polonii, m.in. z Fundacją „Pomoc Polakom na Podolu, Wołyniu, Pokuciu i Bukowinie” w Wałbrzychu (2010), ze Stowarzyszeniem Polonijnym Dom Polski „Zdrój” (2010), ze Stowarzyszeniem „Edukacja i Nauka” w Warszawie (2011), z Fundacją „Inna Przestrzeń” w Warszawie (2011), dla których świadczyli nieodpłatnie usługi tłumaczeniowe w zakresie języka rosyjskiego, głównie tekstów specjalistycznych.

W roku akademickim 2001/2002 organizacja została wyróżniona przez prodziekana ds. studenckich Wydziału Filologiczno-Historycznego Uniwersytetu Gdańskiego — prof. Krystynę Turo, która zgłosiła kandydaturę „Translationis” do międzyuczelnianego konkursu o nagrodę „Czerwonej Róży”.

Działalność naukowo-translatorska „Translationis”, wdrożenie pomysłów, marzeń i idei możliwe są dzięki merytorycznemu wsparciu wykładowców z Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej. Finansowego wsparcia udzieliła Alma Mater w osobach: dziekanów Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego, prorektorów ds. stu-

denckich Uniwersytetu Gdańskiego, Fundacji Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego oraz Parlamentu Studentów.

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej
Katedra Skandynawistyki
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

KILKA SŁÓW O MIĘDZYNARODOWEJ OLIMPIADZIE JĘZYKA ROSYJSKIEGO, LITERATURY I KULTURY

Międzynarodowa Olimpiada Języka Rosyjskiego, Literatury i Kultury to kolejny¹ już projekt realizowany przy współpracy Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego z Instytutem Nauk Humanistycznych Bałtyckiego Federalnego Uniwersytetu im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie.

W konkursie biorą udział również studenci z innych polskich uniwersytetów, m.in. z Uniwersytetu Jagiellońskiego, Uniwersytetu Warszawskiego, Uniwersytetu Wrocławskiego, Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, Uniwersytetu im. Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, Uniwersytetu w Białymstoku, Uniwersytetu Łódzkiego, Uniwersytetu Opolskiego, Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu oraz studenci z wielu innych państw, m.in. z Angoli, Belgii, Czarnogóry, Czech, Chorwacji, Estonii, Łotwy, Niemiec, Serbii, Słowenii, Turkmenistanu i Wietnamu.

Od 2012 roku organizacją konkursu ze strony rosyjskiej zajmują się dr Tatiana Walentinowna Cwigun, dr Olga Michajłowna Wiertinskaja oraz dr Stanisław Witaliewicz Swiridow, a ze strony polskiej mgr Olga Jerszowa i dr Katarzyna Wądołowska-Lesner.

Uczestnicy Olimpiady rozwiązują zadania dostosowane do ich poziomu językowego. Olimpiadę na pierwszym poziomie trudności piszą studenci I i II roku studiów I stopnia, Olimpiadę na drugim poziomie studenci III roku studiów I stopnia oraz studenci I i II roku studiów II stopnia, Olimpiadę na trzecim poziomie trudności piszą rodzimi użytkownicy języka rosyjskiego.

Konkurs odbywa się w dwóch etapach:

- zaocznym (studenci wypełniają teksty w sieci),
- dziennym (laureaci zaocznego etapu są zapraszani do Kaliningradu do udziału w finale konkursu).

W 2015 roku w zaocznym etapie Olimpiady wzięło udział ponad 500 studentów z całego świata. Do II etapu zakwalifikowało się 83 studentów, w tym aż 6 studentów Uniwersytetu Gdańskiego. Dwoje naszych studentów zostało wyróżnionych w finale konkursu.

---

¹ Od 2007 roku odbywa się *Dyktando Języka Rosyjskiego* dla licealistów województwa pomorskiego i studentów.

Laureaci I etapu konkursu otrzymują wspaniałe nagrody, tj. książki, słowniki oraz publikacje multimedialne. Sponsorami nagród są władze Uniwersytetu Gdańskiego, Rosyjskie Centrum Nauki i Kultury w Gdańsku oraz polskie wydawnictwa naukowe. Jednak największą nagrodą dla laureatów jest kilkudniowy pobyt w Kaliningradzie, podczas którego uczestnicy Olimpiady mogą raz jeszcze sprawdzić swoje umiejętności językowe, zawrzeć interesujące znajomości z młodzieżą z całego świata, a także wziąć udział w ciekawym programie proponowanym przez organizatorów z Bałtyckiego Federalnego Uniwersytetu im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, na który składają się m.in. koncerty, zwiedzanie najciekawszych zabytków Kaliningradu, wycieczka na Mierzeję Kurońską.

W 2016 roku odbędzie się już piąta edycja Olimpiady, którą z całą pewnością można nazwać świętem języka, literatury i kultury rosyjskiej. Zapewne i w tym roku studenci UG przysporzą Instytutowi Filologii Wschodniosłowiańskiej wielu powodów do dumy.

Życzymy im powodzenia!

KATARZYNA WĄDOŁOWSKA-LESNER

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: k.lesner@ug.edu.pl

O AUTORACH

FRANCISZEK APANOWICZ

Prof. zw. dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; prof. emeritus Uniwersytetu Gdańskiego; historyk i krytyk literatury rosyjskiej, autor pierwszych w Polsce monografii o Michaiile Priszwinie i Warłamie Szalamowie oraz wielu artykułów o poezji rosyjskiej XX wieku; teoretyk i praktyk przekładu literackiego; członek komitetów redakcyjnych czasopism naukowych („Przegląd Rusycystyczny”, „Acta Neophilologica”, „Русское обозрение”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Слово.ру.Балтийский акцент”, „Литературные знакомства”), członek Komisji Przekładoznawczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów w Ljublanie (od 2003 roku); członek prezydium Komitetu Słowianoznawstwa PAN (od 2011 roku); aktywny uczestnik regionalnego życia kulturalnego. B. dyrektor Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego (2004–2007); b. prodziekan ds. studiów zaocznych Wydziału Historyczno-Filologicznego (1999–2005) oraz b. prodziekan ds. kształcenia Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego (2008–2011). Dorobek obejmuje 8 książek, ponad 100 artykułów naukowych, popularnonaukowych i publicystycznych, artykuły z dziedziny historii literatury rosyjskiej, przekładu literackiego i poetyckiego oraz własną twórczość literacką (poezja). Najważniejsze monografie to *Zagadnienia poetyki „powieści-bajki” Michaiła Priszwina* (Wrocław 1988), *„Nowa proza” Warłama Szalamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej* (Gdańsk 1996/1998), *Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина* (Katowice 2002), *Polsko-rosyjski słownik wyrazów obcych* (współautor Bogdan Nesterowicz, Gdańsk 2005). Laureat Nagrody Literackiej Wojewody Gdańskiego (1997) i kilku nagród rektorskich, w tym za całokształt osiągnięć naukowych, dydaktycznych i organizacyjnych (2014).

KW

DANIEL BANASIAK

Doktor nauk humanistycznych; literaturoznawstwo, specjalność: literatura rosyjska, historia literatury. Lektor języka rosyjskiego Studium Języków Obcych Akademii Obrony Narodowej w Warszawie. Praca doktorska pt. *Rosyjscy bogowie Daniila Andriejewa. Próba analizy intertekstualnej* (2014). Autor artykułów naukowych poświęconych twórczości Daniila Andriejewa, publikowanych w cyklicznie ukazujących się monografiach wieloautorskich: *Русская литература в европейском контексте*

II. *Прозрения и пророчества в поэме Д. Андреева „Ленинградский апокалипсис”* (Warszawa 2009); *Русская литература. Тексты и контексты. Душа на восходе лет...* („образ автора” в лирике Д. Л. Андреева) (Warszawa 2011), *Святые камни Даниила Андреева. Эпиграфы* (Warszawa 2012), „*Русские боги*” Даниила Андреева как «*поэтический ансамбль*» (Warszawa 2013), a także w „*Rocznikach Kulturoznawczych Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego*”, t. V: *Rytuał cerkiewny jako intertekstualne kryterium badawcze na przykładzie poematu „Rosyjscy bogowie” Daniіła Andriejewa* (Lublin 2014).

WS

JURY A. BORISYONOK / ЮРИЙ АРКАДЬЕВИЧ БОРИСЁНОК

Doktor nauk historycznych; docent Katedry Historii Słowian Południowych i Zachodnich na Wydziale Historycznym Uniwersytetu Państwowego im. M.W. Łomonosowa w Moskwie (Rosja). W latach 2008–2014 redaktor naczelny rosyjskiego ilustrowanego czasopisma historycznego „*Родина*” (Rodina), z którym był związany od 1991 roku jako korespondent oraz redaktor odpowiedzialny za kilkanaście numerów tematycznych. Jego zainteresowania naukowe obejmują historię Polski i Białorusi, historię Słowian wschodnich w XIX–XX wieku. Autor ponad 100 publikacji naukowych, w tym monografii: *Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е гг.* (Moskwa 2001), *На крутых поворотах белорусской истории. Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века* (Moskwa 2013), *Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т.І. Николаевская эпоха* (Moskwa 2015). Współredaktor monografii *Незабытое сражение 1914 года. Лодзь — прифронтовой город* (Moskwa 2014); współautor podręcznika *История российского спорта от Ильи Муромца до Александра Карелина* (Moskwa 2005). Przetłumaczył na język rosyjski dzieło Stanisława Cat-Mackiewicza *Политика Бека* (Moskwa 2010) [*Polityka Becka*]. Autor ponad 80 artykułów opublikowanych w renomowanych czasopismach i monografiach naukowych; najnowsze prace: *Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы* (2013), *Динамика трансформации социокультурных процессов на белорусских землях в первой половине XX в. Современное состояние историографии* (2014), *Михаил Бакунин, Январское восстание и современная польская историография* (2014), *Одzwierciedlenie myśli politycznej Michaiła Bakunina w wyobrażeniach o Rosji Jana Kucharzewskiego* (2014).

WS

ELENA V. BUROVSKAYA / ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА БУРОВСКАЯ

Doktor nauk filozoficznych; docent Katedry Pedagogiki Ogólnej i Technologii Edukacyjnych Instytutu Edukacji Psychologiczno-Pedagogicznej Krasnojarskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego im. W.P. Astafiewa (Rosja); ukończone studia filologiczne w Krasnojarsku; doktorat w zakresie filozofii społecznej oraz filozofii nauki i techniki (Moskwa 1997). Zainteresowania naukowe skupiają się wokół filozofii edukacji, antropologii filozoficznej i pedagogicznej; zajmuje się również badaniem obrazu dziecka w kulturze, filozofii i literaturze dziecięcej. Autorka

i współautorka artykułów poświęconych zagadnieniom kultury i tożsamości narodo-wo-językowej Polaków na Syberii, m.in.: *Saving Polish culture in Siberia* (München 2004), *Проблема сохранения культурного разнообразия и образования польской национально-культурной автономии* (2004), *Двухголосная инвенция для Польши и России* (2004). W nowszych pracach zajmuje się problematyką z pogranicza filozofii (aksjologii), psychologii i nauk o kulturze: *Взаимосвязь аксиологии, культурологии и лингвистики в изучении ценностной картины мира* (2009), *Анализ концепта судьбы как механизма понимания специфики мировоззрения* (2009), *Семиотика кризиса* (2010); współautorka monografii zbiorowej *Будущее республики Саха (Якутия)*. Т. 1: *Социально-культурное воспроизводство народа саха. Политика сохранения и развития коренных народов* (Jakuck 2014).

WS

TATYANA V. SHERKES / ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕРКЕС /
ТАЦЦЯНА УЛАДЗІМІРАЎНА ЧАРКЕС

Starszy wykładowca Katedry Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Lingwistycznych Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś). Autorka szeregu artykułów naukowych z zakresu glottodydaktyki, m.in. *Трудности обучения научному стилю речи и конспектированию на этапе предвузовской подготовки* (2014), *Экскурсии как вид внеаудиторной деятельности в обучении РКИ* (2014), *Работа с произведениями живописи на уроках РКИ (на материале картины В.В. Пукирева „Неравный брак“)* (2014); współautorka prac oscylujących wokół problematyki tekstu artystycznego, m.in. *Автобиография в художественном тексте. В. Высоцкий „Я не люблю“* (2015), oraz paremiologii, m.in. *Отражение в пословицах и поговорках традиций русского гостеприимства* (2015). Współorganizatorka Letniej Szkoły Języka Rosyjskiego w Grodnie (2015) dla młodzieży z Europy i Ameryki Północnej (USA).

WS

DENYS CHYK / ДЕНИС ЧИК

Doktor nauk filologicznych; literaturoznawstwo. Od 2011 docent Katedry Filologii Angielskiej Akademii Humanistyczno-Pedagogicznej im. Tarasa Szewczenki w Krzemieńcu. Od 2013 habilitant w Katedrze Literatur Obcych i Teorii Literatury Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Berdiańsku (Ukraina). Praca doktorska pt. *Проза Г. Квитки-Основьяненко и английский сентиментализм* (Tarnopol 2008). Od 2011 roku redaktor naczelny czasopisma „Кременецькі компаративні студії” („Kremenets Comparative Studies”). Zainteresowania naukowe to komparatystyka literacka, typologia i cechy narodowościowe literatury ukraińskiej i angielskiej pierwszej połowy XIX wieku, genologia komparatystyczna literatury ukraińskiej i literatur zachodnioeuropejskich, imagologia literacka. Autor ponad 50 publikacji; nowsze artykuły: *Сентименталізм. Термінологічне окреслення в літературознавчому дискурсі* (2009), *Образ «благородного розбійника» в українській та англійській прозі I-ї пол. XIX ст.* (2011), *Архетип мудрого старика в українском и английском романах воспитания первой половины XIX в.* (2014), *Ex providentia tajōrit: жан-*

ровий різновид сімейного роману-хроніки в англійській та українській літературі I-ї половини XIX ст. (2014), Реконструкція історії у сімейному романі-хроніці в англійській та українській літературі I-ї половини XIX ст. (М. Еджворт, Г. Квітка-Основ'яненко) (2014), Поняття жанрової системи у сучасній літературознавчій теорії (2014), Жанрова специфіка «роману великої дороги». Проблеми поетики та типології (2015).

WS

OLGA CHYK / ОЛЬГА ЧИК

Doktor nauk filologicznych; literaturoznawstwo. Docent Katedry Filologii Niemieckiej Akademii Humanistyczno-Pedagogicznej im. Tarasa Szewczenki w Krzemieńcu (Ukraina). Autorka rozprawy doktorskiej *Роман воспитания в украинской и немецкоязычной литературе второй половины XIX в.* (2012). Zainteresowania naukowe skupiają się wokół komparatystyki literackiej, typologii i cech narodowościowych powieści edukacyjnej w literaturze ukraińskiej i niemieckiej. Ostatnio opublikowane artykuły w ukraińskich czasopismach naukowych: *Філософія простору в романах А. Свидницького „Люборацькі” і В. Раабе „Літопис Пташиної слободи”* (2009), *Місто як текст в українському та німецькомовному романі II-ї половини XIX ст.* (2010), *Анатомія імперій. Історичний дискурс українського та німецькомовного роману виховання II-ї пол. XIX ст.* (2014), *Романи виховання „Люборацькі” Анатолія Свидницького, „Хмари” Івана Нечуя-Левицького, „Die Akten des Vogelsangs” („Літопис Пташиної слободи”) Вільгельма Раабе, „Effi Briest” („Еффі Бріст”) Теодора Фонтане як сімейні хроніки* (2014), *Феміністичний дискурс у романах „Люборацькі” А. Свидницького та „Effi Briest” Т. Фонтане* (2015), *Емоційно-сміслова домінанта романів виховання І. Нечуя-Левицького, В. Раабе й Т. Фонтане* (2015).

WS

MARCELINA GRABSKA

Prof. UG, dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; staż habilitacyjny w Instytucie Języka Rosyjskiego im. A.S. Puszkina w Moskwie (1990–1994); rozprawa habilitacyjna: *Русскоязычный потенциальный словарь в языковом сознании польских учащихся (теоретическое и экспериментально-эмпирическое исследование)* (Moskwa 1994); b. dyrektor Instytutu Filologii Słowiańskiej (1999–2005) i Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej (2008–2013); b. kierownik Zakładu Dydaktyki Języka Rosyjskiego, a następnie Zakładu / Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka (1993–2013). Profesor wizytujący w Grodzieńskim Uniwersytecie Państwowym im. Janki Kupały (Białoruś, 1997).

Zainteresowania naukowe i główne kierunki badań: glottodydaktyka (nauczanie języka rosyjskiego, czytanie jako akt komunikacji, akwizycja leksyki obcojęzycznej, leksykograficzne zagadnienia glottodydaktyki), lingwistyka (lingwistyka tekstu, specyfika stylu naukowego, kwantyfikatywne właściwości leksyki i tekstu, modele słowotwórcze, przejścia semantyczne, zbiory rozmyte), komparatystyka lingwistyczna (rosyjsko-polskie oboczności historyczne, rosyjsko-polskie paralele leksykalne), psycholingwistyka (psychologiczne aspekty czytania, psycholingwistyczna specyfika ro-

zumienia nieznannej leksyki obcojęzycznej, domysł językowy i kontekstowy, asocjacje językowe (leksykalne), asocjacyjny rosyjskojęzyczny słownik potencjalny Polaków, językowe (leksykalne) wyrażenie osobowości, socjolingwistyczne i psycholingwistyczne aspekty Ja-koncepcji, asocjacyjny językowy (leksykalny) obraz konceptów: 'kobieta', 'mężczyzna', historiografia, infotechnologia (informatyka dla humanistów).

Autorka, współautorka i redaktorka około 70 prac naukowych, w tym 10 książek: *Сопоставительно-ассоциативный контекст русскоязычного потенциального словаря поляков (теоретические и эмпирические исследования)* (Gdańsk 1996), *Współzależność języków słowiańskich. Aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny* (Gdańsk 1998), *Leksyka w komunikacji językowej. Materiały konferencji międzynarodowej [Gdańsk–Łączyń, wrzesień 1998]* (Gdańsk 1998), „*Słowa, słowa, słowa*”... w komunikacji językowej (Gdańsk 2000), *Leksyka w komunikacji językowej II* (wyd. online, Gdańsk 2001), „*Słowa, słowa, słowa*”... w komunikacji językowej II (Gdańsk 2004), *Балтийский регион. Миф в языке и культуре* (Gdańsk – Kaliningrad 2010), „*Słowa, słowa, słowa*”... w komunikacji językowej III (Gdańsk 2011), „*Mówimy, jak mówimy...*”. *Komunikacja w języku potocznym. Podejście interdyscyplinarne* (Gdańsk 2014), „*Mówimy, jak mówimy...*” *Gdzie ukryta jest potoczność?* (Gdańsk 2015); autorka materiałów dydaktycznych: *Мы учимся читать без словаря русские тексты по специальности. Materiały do nauki czytania rosyjskich tekstów specjalistycznych* (na prawach rękopisu, Gdańsk 1985–1986), *Praktyczna gramatyka języka rosyjskiego dla Polaków* (Gdańsk 1994), leksykografii: *Rosyjsko-polsko-ukraiński słownik paraleli leksykalnych* (współaut. W.W. Dubiczyński i W.W. Bondarienko, Gdańsk–Charków 2004). Publikacje na łamach m.in. „Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis”, „Język Rosyjski”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Studia Rossica Posnaniensia „Вестник Віцебская дзяржаўчага ўніверсітэта” (Białoruś), „Русский язык за рубежом” (Rosja), „Вестник Харьковского политехнического института” (Ukraina), „Vocabulum et Vocabularium” (Ukraina), „Slavica Quinqeeclesiensia” (Węgry).

Członek Charkowskiego Towarzystwa Leksykograficznego, Komitetu Założycielskiego Międzynarodowej Asocjacji Leksykografii Wschodniosłowiańskiej im. Ł.Z. Tustanowskiego (2000), Rady Kościerskiej Fundacji Nauki i Kultury — członek Rady Fundatorów, przewodnicząca komitetu redakcyjnego aperiodyku „Z Ziemi Kościerskiej. Zeszyty Regionalne”, członek zespołu redakcyjnego almanachu „Побережье. Русско-польские образовательные и культурные связи” (Rosja), założycielka i przewodnicząca rady naukowej „Studia Rossica Gedanensia”. Szeroka współpraca naukowo-dydaktyczna z jednostkami zagranicznymi, m.in. Izbą Handlowo-Przemysłową Federacji Rosyjskiej oraz uniwersytetami w Grodnie (Białoruś), w Witebsku (Białoruś), w Charkowie (Ukraina), w Twerze (Rosja), w Moskwie (Rosja), w Kaliningradzie (Rosja).

Odznaczona m.in. Medalem Instytutu Języka Rosyjskiego im. Aleksandra Puszkina w Moskwie (1994), Medalem „Mickiewicz–Puszkina” Pomorskiego Oddziału Stowarzyszenia Współpracy „Polska–Wschód” (2015) oraz Medalem Uniwersytetu Gdańskiego „Doctrinae Sapientiae Honestati” (2015).

TATYANA M. GRIGORYEVA / ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ГРИГОРЬЕВА

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor i były kierownik (1995–2009) Katedry Języka Rosyjskiego Wydziału Filologii i Komunikacji Językowej Sybirskiego Uniwersytetu Federalnego; redaktor naczelny czasopism naukowych „Фонетика – орфоэпия — письмо в теории и практике” (1997, 1998), „Лингвистический ежегодник Сибири” (1999–2005, „Российский лингвистический ежегодник” (2006–2009), „Язык и социальная действительность” (2009); członek Komisji Ortograficznej przy Instytucie Języka Rosyjskiego im. W.W. Winogradowa Rosyjskiej Akademii Nauk; ekspert Fundacji Nauki Kraju Krasnojarskiego oraz Fundacji Wspierania Działalności Naukowej i Naukowo-Technicznej Kraju Krasnojarskiego. Obszary działalności naukowej: fonetyka, ortoepia, historia rosyjskiego języka literackiego, historia ortografii, socjolingwistyka, poetyka lingwistyczna, filologiczna analiza tekstu, podstawy genologii. Dorobek naukowy obejmuje monografię *Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.)* (Moskwa 2004), szkic popularnonaukowy *Русское письмо от реформы графики к реформе орфографии. Научно-популярный очерк* (Krasnojarsk 1996) oraz podręcznik *Русский язык. Орфоэпия. Графика. Орфография (история и современность)* (Moskwa 2004); współautorka monografii zbiorowej *Латиница — кириллица — гражданница* (Vieliky Novgorod 2009); autorka ponad 160 artykułów naukowych oraz popularnonaukowych, opracowań bibliograficznych i metodycznych.

ЕК

LILIANA KALITA

Dr nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt Katedry Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego; założycielka i kierownik Pracowni Badań Kulturowych nad Najnowszą Literaturą Rosyjską. Zainteresowania naukowe obejmują literaturę rosyjską po 1917 roku, szczególnie emigrację „pierwszej fali” i twórczość Marka Ałdanowa, a także literaturę najnowszą i kinematografię rosyjską. Autorka ponad 20 publikacji naukowych; współredaktorka monografii: *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku* (Gdańsk 2005), *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku. Poszukiwania, eksperymenty, re-wizje* (Gdańsk 2008). Publikuje na łamach czasopism: „Przegląd Rusycystyczny”, „Rossica Olomucensia”, „Slavia Orientalis”, „Studia Rossica”, „Studia Wschodniosłowiańskie”.

Twórczyni i przewodniczka *Spacerów Filmowych* szlakami scenerii filmowych w Trójmieście. Uczestniczka projektu „Lokalni Przewodnicy i Przewodniczki”. Współpracuje m.in. z Instytutem Kultury Miejskiej, Stowarzyszeniem Opowiadaczy Historii Dolnego Miasta w Gdańsku, Gdańską Galerią Günтера Grassa, Muzeum Sopotu.

KW

PIOTR KOPROWSKI

Dr nauk humanistycznych, historia; adiunkt Instytutu Historii Wydziału Historycznego Uniwersytetu Gdańskiego, członek Pracowni Historii Rosji i Europy Wschodniej; humanista, historyk idei, poeta. Zainteresowania naukowe — historia Kościoła

rzymskokatolickiego (XX w.), rosyjska myśl społeczno-filozoficzna XIX wieku, polska i europejska myśl filozoficzna XX wieku, współczesna polska edukacja w kontekście przemian cywilizacyjno-kulturowych, psychologia humanistyczna. Członek Polskiego Towarzystwa Historycznego oraz Towarzystwa Historiograficznego. Autor około 40 prac naukowych, w tym monografii: *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgieniewa* (Gdańsk 2008), *Pozytywista, ale jaki? Światopogląd Iwana Turgieniewa w latach 1848–1883* (Gdańsk 2009); *Między sacrum i profanum. Biografia intelektualna Janusza Stanisława Pasierba* (Pelplin 2015), publikował m.in. w Cambridge Scholars Publishing (*Homo Viator. Janusz Pasierb on East Central European Intellectual Identity, East Central Europe in Exile*. Vol. 1: *Transatlantic Migrations*. Ed. A. Mazurkiewicz. Newcastle upon Tyne 2013), na łamach czasopism: „Slavia Orientalis”, „Przegląd Wschodnioeuropejski”, „Studia Historica Gedanensia”, „Studia Redemptorystowskie”, „Ateneum Kapłańskie” i in. W 2014 roku debiutował jako poeta tomikiem wierszy *Czekając na Słońce* (Pelplin 2014), kolejne zbiory wierszy to: *W rytmie ciszy* (Lubliniec 2015), *Niść metafizyki* (Rzeszów 2015).

KW

SVETLANA V. KOROSTOVA / СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА КОРОСТОВА

Dr nauk humanistycznych, językoznawstwo; docent Katedry Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii, Dziennikarstwa i Komunikacji Międzykulturowej Południowego Uniwersytetu Federalnego (Rostów nad Donem, Rosja). Zainteresowania naukowe koncentrują się wokół językoznawstwa kognitywnego, emotiologii, filologicznej analizy tekstu literackiego. Autorka dwóch monografii: *Несобственно-прямая речь. Структура, семантика, прагматика эмотекста* (Saarbrücken 2012) oraz *Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте* (Rostów nad Donem 2014), a także szeregu publikacji z zakresu lingwistyki tekstu oraz emotywyistyki.

EK

IRINA G. KRASKOVSKAYA / ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА КРАСКОВСКАЯ

Starszy wykładowca Katedry Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Lingwistycznych Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś); przygotowuje pracę doktorską. Aktywnie uczestniczy w organizacji Letniej Szkoły Języka Rosyjskiego w Grodnie (2015) dla młodzieży z Europy i USA. Publikuje na łamach czasopism i w tomach zbiorowych; autorka m.in. *Множественное 'генерализующее' имён собственных. Сочетаемость и семантика форм* (2008), *Нестандартное функционирование форм числа имени существительного в аспекте преподавания РКИ* (2009), *К вопросу о преподавании категории числа на уроках русского языка как иностранного* (2010), *Немного латыни на занятиях по русскому языку как иностранному* (2011), *Применение интерактивных методов при работе с материалами лингвострановедческого содержания* (2011).

WS

MAŁGORZATA KSIĄŻEK-CZERMIŃSKA

Prof. dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; absolwentka Uniwersytetu Warszawskiego. Zawodowo związana z gdańską polonistyką; obecnie profesor senior. B. kierownik Zakładu Współczesnej Literatury Polskiej Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu Gdańskiego; b. kierownik Filologicznego Studium Doktoranckiego Wydziału Historyczno-Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego.

Prace badawcze z zakresu teorii literatury i współczesnej literatury polskiej, zwłaszcza powieści i autobiografii, oraz dotyczące związków literatury i sztuk wizualnych. Autorka i współautorka wielu publikacji, w tym pięciu monografii, m.in. *Czas w powieściach Parnickiego* (Wrocław 1972), *Teodor Parnicki* (Warszawa 1974), *Autobiografia i powieść czyli pisarz i jego postacie* (Gdańsk 1987), *Autobiograficzny trójkąt – świadectwo, wyznanie i wyzwanie* (Kraków 2000), *Gotyk i pisarze. Topika opisu katedry* (Gdańsk 2005). Opracowała wybór i redakcję naukową pięciu tomów *Prac wybranych Marii Janion* (Kraków 2000–2002). Redaktor naukowy książek oraz trzech tomów podręcznika do nauki literatury polskiej w szkole średniej na Białorusi. Wiele krytycznoliterackich publikacji poświęciła środowisku literackiemu Wybrzeża.

Wykładała w języku angielskim literaturę polską w Uniwersytecie Michigan w Ann Arbor (USA) oraz w Uniwersytecie Cambridge (Wielka Brytania); wygłaszała cykle wykładów monograficznych w Grodzieńskim Uniwersytecie Państwowym im. Janki Kupały (Białoruś); miała odczyty o literaturze polskiej na uniwersytetach w Szwecji, Niemczech i Szwajcarii. Uczestniczyła w projekcie prowadzonym przez University College London, mającym na celu przedstawienie syntezy dziejów pisarstwa kobiet w krajach Europy Środkowej od czasów najdawniejszych do końca XX wieku; efektem tego jest książka zbiorowa *A history of Central European woman's writing* (Nowy Jork–Londyn 2001). Rozdziały dotyczące autorek polskich, napisane wspólnie z Grażyną Borkowską i Ursulą Phillips, ukazały się również jako osobny tom *Pisarki polskie od średniowiecza do współczesności. Przewodnik* (Gdańsk 2000).

Przewodnicząca Komitetu Nauk o Literaturze PAN (dwie kadencje), członek Rady Naukowej Instytutu Badań Literackich PAN (od 1996); przewodnicząca Międzynarodowego Naukowego Komitetu Studiów Polonistycznych (2001–2006), członek Centralnej Komisji ds. Stopni i Tytułów przez dwie kadencje; organizatorka II Kongresu Polonistyki Zagranicznej (Gdańsk 2001).

Laureatka Nagrody Naukowej Miasta Gdańska im. Jana Heweliusza w kategorii nauk humanistycznych (2007) za wybitne osiągnięcia w teorii literatury, a zwłaszcza prace o czasie, o trzech modelach autobiografii oraz o związkach literatury i sztuki.

KW

LUDMILA V. KUSHNINA / ЛЮДМИЛА ВЕНИАМИНОВНА КУШНИНА

Dr hab. nauk filologicznych, specjalność: teoria języka; profesor Katedry Języków Obcych, Lingwistyki i Przekładu Permskiego Narodowego Politechnicznego Uniwersytetu Badawczego (Rosja), translatolog i lingwosynergetyk; teoretyk i metodolog kształcenia zawodowego w zakresie przekładu oraz komunikacji międzykulturowej; twórczyni szkoły naukowej: „współoddziaływanie języków i kultur w przestrzeni przekładowej — podejście gestaltowo-synergetyczne”; autorka pojęcia „czasoprzestrzeń

przekładowa” (*переводческий хронотон*). Problematyka badawcza: przekład jako system synergetyczny, pedagogika synergetyczna, teoria harmonizacji przekładu, ekologia przekładu, kognitywne aspekty przekładu, dyskurs translatoryczny, czasoprzestrzeń przekładowa jako sposób odzwierciedlenia przekładowego obrazu świata, relacje: język — kultura — osobowość, osobowość komunikacyjna tłumacza, harmonia międzykulturowa, harmonia w systemie oceny jakości przekładu ustnego. Temat pracy habilitacyjnej: *Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве. Геитальт-синергетический подход*. Autorka monografii: *Динамика переводческого пространства. Геитальтсинергетический подход* (Perm 2003), *Языки и культуры в переводческом пространстве* (Perm 2004), *Теория гармонизации. Опыт когнитивного анализа переводческого пространства* (Perm 2009), współautorka książek: *Основы межкультурной коммуникации. Учебное пособие для переводчиков* (Perm 2009), *Практикум по лингвистическому анализу текста* (Perm 2009), *Синергетическая педагогика* (Perm 2011).

ЕК

LUDMIŁA ŁUCEWICZ / ЛЮДМИЛА ЛУЦЕВИЧ

Prof. zw. dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; kierownik Zakładu Kulturologii Wschodnioeuropejskiej Instytutu Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Specjalizuje się w badaniach historii literatury rosyjskiej XVIII–XXI wieku; obiekt zainteresowań stanowią relacje między literaturą i filozofią rosyjską, sacrum w literaturze, psalterz jako źródło inspiracji poetyckiej, proza autobiograficzna, antropologia kultury. Autorka siedmiu monografii, dwóch podręczników, ponad 200 publikacji naukowych, m.in. *„Серебряный век” русской поэзии* (Kiszyniów 1994), *„Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою...”. Очерк жизни и творчества Сергея Есенина* (Kiszyniów 1995), *Псалтырь в ранней древнерусской книжности и литературе XVII в.* (Kiszyniów 2000), *Стихотворные переложения псалмов XVIII в.* (Kiszyniów 2001), *Стихотворные переложения псалмов последней трети XVIII в.* (Kiszyniów 2002), *Псалтырь в русской поэзии. Монография* (Sankt Petersburg 2002), *Русская псалтырная поэзия XVIII века. Стихотворные переложения псалмов* (Kiszyniów 2004), *Память о псалме. Sacrum/profanum в современной русской поэзии* (Warszawa 2009), *Ф.И. Дмитриев-Мамонов. Псалтырь, переложенная на оду* (oprac., słowo wstępne, komentarz; Sankt Petersburg 2006).

KW

INESSA I. MOROZOVA / ИНЕССА ИВАНОВНА МОРОЗОВА

Dr nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; docent, starszy pracownik naukowy Instytutu Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi. Zainteresowania naukowe związane z literaturą rosyjską drugiej połowy XIX wieku, spuścizną twórczą K.N. Leontjewa, rosyjską myślą religijno-filozoficzną XIX–XX wieku, współczesną literaturą białoruską. W skład dorobku wchodzi 60 publikacji naukowych; główny redaktor trzech monografii zbiorowych: *Достоевский в XXI веке* (Homel 2002), *Триада бытия. Слово-время-личность. Вторые научные чтения, посвященные*

памяти В.Н. Соболенко (Homel 2006), *Актуальные проблемы филологии* (Homel 2008).

ЕК

NATALYA G. MUZYCHENKO / НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА МУЗЫЧЕНКО /
НАТАЛЛЯ РЫГОРАЎНА МУЗЫЧЭНКА

Doktor nauk filologicznych, językoznawstwo; docent Katedry Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Lingwistycznych Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś), językoznawca, glottodydaktyk. Praca doktorska pt. *Наименования рельефа местности в русском языке. Статика и динамика семантической структуры* (Grodno 2007). Autorka wielu opracowań z zakresu metodyki nauczania języka rosyjskiego, publikowanych m.in. w czasopiśmie „Русский язык и литература”: *Концептуальный мир русских наименований рельефа* (2004), w zbiorach artykułów naukowych wydawanych przez Białoruskie Stowarzyszenie Nauczycieli i Wykładowców Języka Rosyjskiego Jako Obcego, m.in. *Активизация познавательной деятельности учащихся в процессе обучения РКИ* (Mińsk 2010), *Междометия и звукоподражания в практике преподавания русского языка как иностранного* (Mińsk 2013), a także artykułu w monografii wieloautorskiej *„Мówimy jak mówimy”. Gdzie ukryta jest potoczność?* (Gdańsk 2015).

WS

IYA V. NECHAIEVA / ИЯ ВЕНИАМИНОВНА НЕЧАЕВА

Doktor nauk humanistycznych, językoznawca; absolwentka Wydziału Filologicznego Uniwersytetu im. M.W. Łomonosowa w Moskwie; wieloletni redaktor w wydawnictwie „Русский язык”; od 2000 roku starszy pracownik naukowy Instytutu Języka Rosyjskiego im. W.W. Winogradowa Rosyjskiej Akademii Nauk; sekretarz naukowy Komisji Ortograficznej Rosyjskiej Akademii Nauk. Zainteresowania naukowe związane są z leksykologią, leksykografią, kulturą języka, ortografią, neologią oraz zapożyczeniami obcymi. Autorka dwóch monografii: *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований* (Moskwa 2011) i *Иноязычные неологизмы в русском языке и проблема орфографической нормы* (Saarbrücken 2014) oraz ponad 50 publikacji naukowych, m.in. w czasopismach „Русская речь”, „Русский язык в научном освещении”, „Русский язык в школе”, „Acta Linguistica Petropolitana”, serii wydawniczej „Вопросы культуры речи”; współautorka licznych słowników: *Краткий словарь иностранных слов* (Moskwa 1995), *Словарь иностранных слов* (Moskwa 2002/2007), *Новый словарь иностранных слов* (Moskwa 2003/2006/2008), *Прописная или строчная? Орфографический словарь* (Moskwa 2007/2009).

ЕК

VITALY A. NURIEV / ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НУРИЕВ

Dr nauk humanistycznych, językoznawstwo. Starszy pracownik naukowy Instytutu Językoznawstwa (sekcja języków germańskich) Rosyjskiej Akademii Nauk oraz starszy pracownik naukowy Instytutu Problemów Informatyki Federalnego Centrum Badawczego „Informatyka i zarządzanie” Rosyjskiej Akademii Nauk. Problematyka

badawcza: przekładoznawstwo, punktuacja kontrastywna, angielska i francuska literatura współczesna. Autor ponad 40 publikacji naukowych, m.in. *Трудности перевода имен собственных в художественном тексте*, «Вестник Московского Университета. Серия 22: Теория перевода» (2013), *Феномен старения литературного перевода*, «Вопросы филологии» (2013), *Русский язык как матрица исторической памяти*, «Русский язык за рубежом» (2014), *Теория перевода и поэтический перевод. Современный статус дисциплины. Проблемы и решения*. «Вестник Московского Университета. Серия 22: Теория перевода» (2015); współredaktor tomu *Профили языка. Социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера* (Moskwa 2015). Tłumacz języka francuskiego i angielskiego; przełożył m.in. esej Françoise Sagan *Bonjour New York* (ros. *Здравствуй, Нью-Йорк*, 2008), powieść *Mari et femme* (ros. *Муж и жена*) ze zbioru *Zero tues. Mari et femme* (ros. *Убитых ноль. Муж и жена*, 2010) Régisa de Sá Moreira oraz powieść fantasy *The Ocean at the End of the Lane* Neila Gaimana (ros. *Океан в конце дороги*, 2013).

ЕК

GRZEGORZ OJCEWICZ

Dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo, przekładoznawstwo, historia Średniowiecza (Zakon Krzyżacki, św. Dorota z Mąków); prof. emeritus Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie oraz b. prof. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Filolog śledczy, znawca życia i twórczości Iwana Bunina, Sergiusza Jesienina, św. Matki Marii z Paryża; literaturoznawca, badacz XX-wiecznej emigracji rosyjskiej. Teoretyk i praktyk przekładu artystycznego oraz specjalistycznego (policyjno-prawniczego i administracyjnego). Kierownik zespołu badawczego UWM realizującego projekt pt. „Specyfika tłumaczeń sądowo-prawniczych w świetle współczesnej translatoologii” (2010–2013). Autor i współautor ponad 370 publikacji, w tym 28 książek. W dorobku naukowym znajduje się m.in. nowatorska monografia o Jarosławie Mogutinie *Skazani na trwanie. Odmieńcy XX wieku w esejach Jarosława Mogutina* (Olsztyn 2007) oraz przekład tomu poetyckiego Borysa Popławskiego *Automatyczne wiersze* (Olsztyn 2009). Pomysłodawca i współautor nagrodzonej przez Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji książki z obszaru filologii śledczej *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie* (Szczytno 2009); współautor najnowszej monografii z tej samej serii *Zabójstwo Wielkiego Mistrza Wernera von Orseln* (Kwidzyn–Gdynia 2015). Autor i współautor licznych opracowań, m.in. takich jak *Podstawy translatoryki* (Gdańsk 1991), *Przestępczość w Rosji i Polsce. Wybór tekstów policyjno-prawniczych do samodzielnego tłumaczenia* (Szczytno 2005), *Kryminalistyka w Rosji i Polsce. Wybór tekstów specjalistycznych do samodzielnego tłumaczenia z języka rosyjskiego i na język rosyjski* (Szczytno 2013). Redaktor naukowy i współautor wielojęzycznych słowników specjalistycznych, m.in. *Podręczny słownik administracji: polski, białoruski, litewski, rosyjski, ukraiński* (Szczytno 2009); *Praktyczny słownik policyjno-prawniczy. Polski. Angielski. Francuski. Niemiecki. Rosyjski* (Szczytno 1996); *Słownik unijny. Integracja i bezpieczeństwo: polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski* (Szczytno 2005); *Słownik kryminalistyczny z elementami medycyny sądowej i genetyki*.

Polski. Angielski. Francuski. Niemiecki. Rosyjski (Szczytno 2012). Posiada w dorobku prace poświęcone pracy policji, m.in. *Wywiad hipnotyczny w pracy policji* (Szczytno 2011).

Członek Międzynarodowego Komitetu Słowistów Polskiej Akademii Nauk. Redaktor naczelny czasopisma naukowego „Acta Neophilologica” (2005–2013). Współredaktor i współautor olsztyńskiej serii naukowej „Luminarze Rosyjskiej Emigracji”.

KW

ZBIGNIEW OPAKCI

Prof. zw., dr hab. nauk humanistycznych, historyk. Związany z Uniwersytetem Gdańskim; zatrudniony w Instytucie Historii Wydziału Historycznego Uniwersytetu Gdańskiego (od 1998). B. prodziekan ds. studiów zaocznych Wydziału Filologiczno-Historycznego Uniwersytetu Gdańskiego (1996–1999), b. dyrektor Instytutu Historii (1999–2003), b. dziekan Wydziału Historycznego Uniwersytetu Gdańskiego (2008–2012). Tematyka badawcza obejmuje polską i rosyjską myśl polityczną XIX i XX wieku, polsko-rosyjskie stosunki polityczne oraz relacje naukowe w XIX–XX wieku, biografistykę, dzieje Rosji, historię Kresów Wschodnich w XIX i XX wieku. Temat rozprawy habilitacyjnej: *W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku* (Gdańsk 1996). Autor monografii: *Barbaria rosyjska. Rosja w historiozofii i myśli politycznej Henryka Kamińskiego* (Gdańsk 1993), *W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku* (Gdańsk 1996), *Między uniwersalizmem i partykularyzmem. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego 1914–1938* (Gdańsk 2006); współredaktor książek: *Tożsamość miejsca i ludzi. Gdańszczanie i ich miasto w perspektywie historyczno-socjologicznej* (współred. M. Dymnicka; Warszawa 2003), *Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechnej* (współred. F. Apanowicz; Gdańsk 2006), *Dom — spotkanie przestrzeni prywatnej i publicznej na tle przemian cywilizacyjnych XIX i XX w.* (współred. D. Płaza-Opacka; Gdańsk–Sopot 2008).

Były członek Prezydium Polskiej Akademii Nauk, Komitetu Nauk Historycznych, b. członek Prezydium Polskiego Towarzystwa Historycznego.

WS

SIARHEI PADSASONNY / СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОДСОСОН- НЫЙ / СЯРГЕЙ АЛЯКСАНДРАВІЧ ПАДСАСОНЫ

Dr nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt Zakładu Kulturoznawstwa Stosowanego Instytutu Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Absolwent Homelskiego Uniwersytetu Państwowego im. Franciszka Skaryny (Wydział Filologii); studia także na Wydziale Psychologii.

Filolog, historyk literatury rosyjskiej, kontekstów kulturowych literatury rosyjskiej XIX wieku, zagadnień mentalności rosyjskiej, rosyjskiej myśli filozoficzno-religijnej, przekładu literackiego. Znanca twórczości Fiodora Dostojewskiego. Autor 34 publikacji naukowych w Polsce, na Białorusi, w Rosji. W dorobku naukowym znajduje się monografia *Грех по Достоевскому* (Mińsk 2007). Redaktor naczelny Działu Informacji

Telewizji Bielsat (TVP S.A.). Dziennikarz; twórca ponad tysiąca reportaży o tematyce politycznej, społecznej, kulturowej. Przeprowadził setki wywiadów ze znanymi politykami, naukowcami, ekspertami. Pracował jako reporter na Białorusi, w Niemczech, w Polsce, w Rosji, na Ukrainie, w Szwecji.

KW

OLGA A. PETRUSHKINA / ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ПЕТРУШКИНА

Mgr; absolwentka Moskiewskiego Uniwersytetu Państwowego im. M.W. Łomonosowa; pracownik naukowy Instytutu Problemów Informatyki Federalnego Centrum Badawczego „Informatyka i zarządzanie” Rosyjskiej Akademii Nauk. Zainteresowania naukowe związane z lingwistyką korpusową, przekładoznawstwem, semantyką, stylistyką kontrastywną, typologią gramatyczną, językami: angielskim, rosyjskim i francuskim. Autorka publikacji *Особенности синтаксической структуры художественной дефиниции* (Smoleńsk 2011), współautorka *Алгоритм изучения категории неопределенности в русском языке на основе корпусных данных* (2015).

EK

ANDRZEJ PISOWICZ

Prof. dr hab. nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa irańskiego i ormiańskiego; orientalista; obecnie profesor senior. Absolwent iranistyki w Katedrze Filologii Orientalnej w Uniwersytecie Jagiellońskim w Krakowie (1963); studia na filologii ormiańskiej na Uniwersytecie Państwowym w Erywaniu (Armeńska SSR, 1961–1963); studia podyplomowe w École des Langues Orientales Vivantes w Paryżu w zakresie języków zachodnioormiańskiego i perskiego oraz w Institut Catholique w Paryżu w zakresie języka starormiańskiego (1966–1967). Doktorat armenistyczny (1974), habilitacja iranistyczno-armenistyczna (1985), tytuł profesorski (2002). W Uniwersytecie Jagiellońskim zatrudniony od 1970 roku; b. kierownik Zakładu Iranistyki (1976–1994) oraz wicedyrektor Instytutu Filologii Orientalnej UJ (1989–1994); stypendysta w Teheranie (1972–1973), Fundacji Pax Christi w Wiedniu (1988–1991). Wykładała dialektologię ormiańską w Uniwersytecie w Lejdzie w Holandii (1992–1993). Pracował jako bibliotekarz, tłumacz, redaktor, m.in. w Bibliotece Jagiellońskiej, krakowskim oddziale wydawnictwa Ossolineum, Biurze Urzędzeń Techniki Jądrowej; był radcą Ambasady RP w Teheranie (1995).

Autor blisko 100 publikacji, w tym pięciu książek, m.in. *Le développement du consonantisme Arménien* (Wrocław 1976), *Fārsi. Materiały pomocnicze do nauki języka perskiego* (Kraków 1977; 1979; 1993), *Origins of the New and Middle Persian phonological systems* (Kraków 1985), *Słownik pisarzy radzieckiej Armenii* (Warszawa 1992), *Gramatyka ormiańska (grabar — aszcharabar)* (Kraków 2001; 2014); współautor trzech pozycji: *Mały słownik ormiańsko-polski, polsko-ormiański* (współaut. S. Sedojan, N. Ter-Grigorian, Kraków 2006; 2012), *Gramatyka kurdyjska „sorani”*. *Wariant używany w Erbilu* (współaut. A. Bartczak, M. Farhang Muthafar, Kraków 2012), *Na końcu języka* (współaut. K. Mazurczyk, Z. Rokita, Białystok 2015).

Członek i tutor Collegium Invisibile. Organizator życia kulturalnego. Działa w Komisji Standaryzacji Nazw Geograficznych poza Granicami Polski przy Głównym Geo-

decie Kraju. Miłośnik Armenii i jej kultury, popularyzator wiedzy, tłumacz literatury naukowej i pięknej (m.in. *Książki ormiańskiej w latach 1512–1920* Rafajela Iszchania, Warszawa 1994), komentarzy i przypisów do powieści *Wartanidzi* Derenika Demircziana (przeł. z ros. S. Ulaszek, Kraków 2014), *Z przeszłości Armenii. Legendy, baśnie, opowieści* Stepana Lisicjana (Warszawa 2014) — dwa ostatnie przekłady zostały dokonane z języka wschodnioormiańskiego. Autor *Objaśnień armenistyczno-orientalistycznych* do *Księgi szeptów* Varujana Vosganiana (przeł. z rum. J. Kornaś-Warwas, Wrocław 2015).

KW

EVGENIA A. ROGANOVA / ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА РОГАНОВА

Mgr; absolwentka Moskiewskiego Uniwersytetu Państwowego im. M.W. Łomonosowa; zainteresowania naukowe: język francuski, lingwistyka korpusowa, typologia semantyczna, przekładoznawstwo. Autorka publikacji *Вопросительные предложения как форма полифонии в художественном тексте (на материале романа современного французского писателя Кристиана Гайи «Происшествие»)* (Smoleńsk 2011), *Способы введения в текст внутренней речи персонажей. Корреляция французской и русской традиций (на примере Мари Ндиай и Михаила Веллера)* (Smoleńsk 2011).

ЕК

INNA YU. SAMOYLOVA / ИННА ЮРЬЕВНА САМОЙЛОВА

Doktor nauk filologicznych, językoznawstwo; docent, kierownik Katedry Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Językoznawczych Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś); współorganizatorka Letniej Szkoły Języka Rosyjskiego w Grodnie (2015). Autorka monografii: *Динамическая картина мира И. Бродского. Лингвистический аспект* (Grodno 2007) oraz licznych prac nt. języka Josifa Brodskiego, m.in. *Индивидуальная картина мира поэта. Зрительное восприятие* (Moskwa 2012). Interesuje się zagadnieniami glottodydaktyki; publikacje: *Использование частотного словаря глаголов в преподавании РКИ* (2007), *Проблемы преподавания лексики в иностранной аудитории* (2010), *Учет национально-культурного компонента в преподавании РКИ: продвинутый этап обучения* (współaut.; 2013).

WS

ŻANNA SŁADKIEWICZ / ЖАННА РОМУАЛЬДОВНА СЛАДКЕВИЧ

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; prof. UG; absolwentka Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały (studia filologiczne, specjalność: nauczanie języka rosyjskiego jako obcego, 1999); związana z Uniwersytetem Gdańskim od 1999 roku; kierownik Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego (od 2014). Założycielka i kierownik Pracowni Badań Nad Rosyjskim Językiem Potocznym, członek Pracowni Badań Nad Socjolingwistycznymi Aspektami Języka; członek Zespołu Redakcyjnego „Studia Rossica Gedanensia”, członek rady recenzentów czasopisma „Neofilolog”.

Opublikowała ponad 70 prac naukowych (w tym pięć pozycji książkowych) z zakresu językoznawstwa rosyjskiego, słowiańskiego, fonetyki, frazeologii, glottodydaktyki, komunikologii, komunikologii porównawczej, komunikologii niewerbalnej, pragmalingwistyki, lingwokulturologii, socjolingwistyki, psycholingwistyki. Badania skoncentrowane na zagadnieniach typologii osobowości językowych, dyskursologii, ściślej: dyskursu politycznego, medialnego, satyrycznego, służbowego; metaforyki politycznej, komunikacji masowej, perswazyjnej i wizualnej; część prac poświęcona frazeologicznym studiom porównawczym polsko-rosyjskim. Wydała rozprawę habilitacyjną *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия* (Gdańsk 2013). Współautorka podręcznika akademickiego: *Ćwiczenia z fonetyki języka rosyjskiego dla początkujących* (Gdańsk 2014), autorka i współredaktorka monografii: „*Słowa, słowa, słowa...*” w komunikacji językowej III (Gdańsk 2011), „*Mówimy, jak mówimy...*”. Komunikacja w języku potocznym. Podejście interdyscyplinarne (Gdańsk 2014), „*Mówimy, jak mówimy...*” Gdzie ukryta jest potoczność? (Gdańsk 2015), *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów* (Gdańsk 2015). Publikuje w języku polskim i rosyjskim m.in. na łamach pism „Opcje”, „Polilog. Studia Neofilologiczne”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Rossica Olomucensia”, „Studia Slawistyczne”, „Семиозис и культура”, „Слово.ру. Балтийский акцент”, „Studia Rossica Gedanensia” „Studia Slavica”; większość prac ukazała się za granicą (Białoruś, Czechy, Litwa, Rosja, Ukraina).

KW

ELIZAVETA S. SPIRIDONOVA / ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА СПИРИДОНОВА

Mgr; absolwentka Moskiewskiego Uniwersytetu Państwowego im. M.W. Łomonosowa; pracownik naukowy Instytutu Problemów Informatyki Federalnego Centrum Badawczego „Informatyka i zarządzanie” Rosyjskiej Akademii Nauk; zainteresowania naukowe związane z językiem francuskim, lingwistyką korpusową, przekładoznawstwem, semantyką, stylistyką dyskursu literackiego. Autorka publikacji *Charles de Gaulle en URSS (novembre-décembre 1944 – juin-juillet 1966)* (Moskwa 2013), *La visite de N.S. Khrouchtchev en France (23 mars – 3 avril 1960)* (Paryż 2014), współautorka prasy *Алгоритм изучения категории неопределенности в русском языке на основе корпусных данных* (2015).

ЕК

VLADIMIR N. SHAPOSHNIKOV / ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ШАПОШНИКОВ

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawca; profesor Katedry Lingwodydaktyki i Komunikacji Międzykulturowej Wydziału Języków Obcych Moskiewskiego Miejskiego Uniwersytetu Psychologiczno-Pedagogicznego. Zainteresowania badawcze skupiają się wokół zagadnień dotyczących aktywnych procesów we współczesnym języku rosyjskim, teorii języka, komparatystyki międzyjęzykowej, lingwistyki stosowanej. Autor ponad 100 prac naukowych, w tym monografii: *Историческая этнонимика* (Sankt Petersburg 1992), *Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века* (Moskwa 2000), wielokrotnie wznawianej *Русская речь 1990-х*

гг. *Современная Россия в языковом отображении* (Moskwa 1998/2006/2010), *Семантические преобразования в современном русском языке* (2012), *Просторечие в системе русского языка на современном этапе* (Moskwa 2012). Członek Kolegium Redakcyjnego czasopisma „Проблемы филологии: язык и литература”. Laureat stypendium Rządu Federacji Rosyjskiej dla wybitnych uczonych (2000–2003).

ЕК

NATALYA N. SYROMLYA / НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА СЫРОМЛЯ

Doktor nauk filologicznych; docent, pracownik naukowy Instytutu Filologii Kijowskiego Uniwersytetu Narodowego im. Tarasa Szewczenki (Ukraina). Rozprawa doktorska *Мовні засоби вираження символу (на матеріалі російської поезії символізму)* obroniona w Państwowym Uniwersytecie Pedagogicznym im. M.P. Dragomanowa w Kijowie. Zainteresowania naukowe: lingwistyka kognitywna i kulturowa. Ważniejsze artykuły: *Лингвокультурологический анализ символа „Дождь” в поэзии детских журналов Украины* (2013), *Экспликация символа „Солнце” в поэтическом тексте детского русскоязычного журнала* (2013), *Системно-структурная организация русскоязычного детского журнала Украины как разновидности медиатекста* (2013), *Функционирование паралингвистических средств в медиатексте (на материале детского журнала)* (2014), *Динамические процессы в коммуникативном пространстве украинского детского журнала* (2014).

WS

KRYSTYNA SZCZEŚNIAK

Prof. dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor Katedry Sławistyki Uniwersytetu Gdańskiego; b. kierownik tej Katedry; ceniona specjalistka w dziedzinie onomastyki, fitonimii, językoznawstwa ogólnego, języka religii i kulturoznawstwa (w tym świata zamów); obszar badań naukowych obejmuje pogranicza (kultur, języków, czasów, religii, mniejszości językowych), zwłaszcza na terenie byłych Prus Wschodnich i Mazur, a także Słowiańszczyzny Zachodniej, Południowej i Wschodniej. Autorka ponad 120 publikacji naukowych, w tym trzech monografii: *Nazwy miejscowości byłych powiatów oleckiego i gołdapskiego* (Gdańsk 1994), *Toruńska teka Marcina Giersza. Analiza materiału onomastycznego* (Gdańsk 1994), *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny* (Gdańsk 2008/2013). Redaktor lub współredaktor naukowy książek: *Tematy. Księga jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin Profesora Leszka Moszyńskiego* (Gdańsk 1998), *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (Gdańsk 2002), *Rośliny w języku i kulturze* (Gdańsk 2011), *Przeszłość i teraźniejszość języków słowiańskich* (Poznań 2009). Publikacje na łamach m.in. „Acta Baltico-Slavica”, „Annales Universitatis Mariae Curie Skłodowska”, „Baltistica” (Litwa), „Colloquia Orientalia”, „Hungaro-Baltoslavica” (Węgry), „Jaćwież”, „Jezikovni zapiski. Glasilo Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša” (Słowenia), „Lingua Sacra”, „Onomastika Slavogermanica”, „Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza”, „Rocznik Sławistyczny”, „Roczniki Humanistyczne”, „Rozprawy Komisji Językowej ŁTN”, „Sławistyka”, „Studia Germanica Gedanensia”, „Studia Rossica Gedanensia”,

„Studia Russica” (Węgry), „Tytuł. Pismo Literacko-Artystyczne”, a także w tomach zbiorowych na Białorusi, Łotwie i in.

Członek Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego. Recenzent czasopism naukowych „Acta Baltico-Slavica” (do 2015 roku) i „Rozpraw Komisji Językowej ŁTN” oraz „Rocznika Przekładoznawczego” (Toruń).

KW

RUSŁAN SZOSZYN / РУСЛАН ШОШИН

Mgr dziennikarstwa i komunikacji społecznej (specjalność: dokumentalistyka); absolwent Wydziału Dziennikarstwa i Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego (2011); doktorant Instytutu Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej Wydziału Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego; od 2013 roku dziennikarz i publicysta działu zagranicznego dziennika „Rzeczpospolita” (autor ponad 100 publikacji); reporter; działacz społeczny; współzałożyciel i członek Zarządu Stowarzyszenia Dziennikarzy Białoruskich i Międzynarodowej Federacji Dziennikarzy. Zainteresowania naukowe: współczesna literatura rosyjska, twórczość Aleksandra Prochanowa, rosyjski imperializm i kolonializm.

EK

CEZARY TARACHA

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie historii; absolwent Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II — kierunków: historia (1989) oraz historia sztuki (1992); profesor nadzwyczajny KUL JP II; kierownik Katedry Świata Hiszpańskiego, Polityki i Relacji Międzynarodowych Instytutu Historii Wydziału Nauk Humanistycznych KUL JP II (dawniej Katedry Historii i Kultury Krajów Języka Hiszpańskiego).

Zainteresowania naukowe: historia, kultura i współczesność krajów języka hiszpańskiego, relacje Polski z Hiszpanią i Ameryką Łacińską, polityka międzynarodowa, dyplomacja, wywiad, kryptografia, informacja, historia regionalna, a także biografie (m.in. osoba bł. Władysława Goralą). Autor i współautor ponad 400 prac naukowych, popularnonaukowych i publicystycznych, w tym ok. 200 publikacji naukowych, licznych monografii. Najważniejsze publikacje książkowe: *Szpiedzy i dyplomaci. Wywiad hiszpański w XVIII wieku* (Lublin 2005), *Cartas desde Varsovia. Correspondencia particular del conde Pedro de Aranda con Ricardo Wall, 1760–1762* (Lublin 2005), *Władysław Goral. Błogosławiony biskup i męczennik (1898–1945). Wybrane aspekty życia, posługi, nauczania i męczeństwa* (Lublin 2006), *Gabriela Mistral, noblistka z Chile* (Lublin 2008), „Zniszczyć wszystko, co zagraża naszym interesom”. *Wywiad hiszpański w XVIII wieku* (Lublin 2008), *Szpiegostwo, wywiad, państwo* (Lublin 2009), *Błogosławiony biskup Władysław Goral. Czas i miejsce posługi* (Lublin 2009), *Od Lepanto do Bailen. Studia z dziejów wojskowości hiszpańskiej (XV–XIX wiek)* (Lublin 2010), *Ojos y oídos de la Monarquía Borbónica. La organización de espionaje y la información secreta durante el siglo XVIII* (Madrid 2011), *Misja pułkownika Boissimene. Meandry polityki zagranicznej Hiszpanii Filipa V* (Lublin 2012), *Polska-Hiszpania. Wczoraj i dziś. Studia poświęcone wybranym zagadnieniom z historii i współczesności* (Lublin 2012), *Siedem wieków Dąbrowicy. Studia z dziejów miejscowości* (Lublin 2012), *Entre ori-*

ente y occidente. Actas del Primer Congreso de Hispanistas, Lublin, 05–07 de junio de 2013 (Lublin 2013). Ogłosił wiele tekstów naukowych i popularnych w czasopismach polskich (m.in. „Teki Komisji Historycznej PAN”, „Estudios Hispánicos”, „Roczniki Humanistyczne”, „Przegląd Historyczny”, „Archiwa Biblioteki i Muzea Kościelne”, „Studia Historyczne”) i zagranicznych oraz wydawnictwach zbiorowych. Redaktor naukowy serii „Biblioteka Polsko-Iberyjska”.

Współpracuje z Ośrodkiem Badań nad Tradycją Antyczną w Polsce i Europie Środkowoschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, z wieloma instytucjami naukowymi, społecznymi i kościelnymi w kraju i za granicą, m.in. w Logroño, Valladolid i Murcia w Hiszpanii, Valparaíso w Chile. Współzałożyciel Towarzystwa Hiszpańsko-Polskiego KUL (1989), przewodniczący Rady Naukowej Instytutu Hiszpańsko-Polskiego w Lublinie (2004), koordynator Pro Iberii d/s nauki i kultury; współzałożyciel Lubelskiego Towarzystwa Gitarowego (1992), organizator „Spotkań z Muzyką Organową” w Dąbrowicy (od 2001). Stypendysta Ministerstwa Spraw Zagranicznych Hiszpanii (1990, 1994) oraz Fundacji Lanckorońskich (2004).

Autor koncepcji i główny koordynator międzynarodowego projektu *Gorzkie żale, skarb polskiej duchowości i kultury, dla papieża Franciszka i Świata Hiszpańskiego*, którego owocem jest książka *Amargas lamentaciones. Un tesoro de la espiritualidad y la cultura polaca para el papa Francisco y el Mundo Hispano* (Lublin 2015), zawierająca hiszpańskojęzyczną wersję polskiego nabożeństwa pasyjnego *Gorzkie żale*, powstałego w 1707 roku (*Snopek Mirry z Ogródu Gethsemańskiego albo żalodne Gorzkie Męki Syna Bożego (...) rozpamiętywanie*), oraz dwie płyty z nagraniami nabożeństwa w języku hiszpańskim. Prof. Taracha wraz z dr Pablo de la Fuente z Vistula University w Warszawie dokonali całościowego przekładu tekstu *Gorzkich żali*.

KW

YULIA V. TUFANOVA / ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ТУФАНОВА

Doktor nauk filologicznych, językoznawstwo; docent Katedry Języków Obcych Dla Specjalności Humanistycznych Narodowego Badawczego Uniwersytetu Technicznego w Irkucku (Rosja). Rozprawa doktorska pt. *Коммуникативная ситуация извинения. Когнитивно-прагматический подход* (2010). Organizatorka konkursów translatorskich (przekład tekstów naukowo-technicznych). Autorka prac oscylujących wokół problematyki aktu przeproszenia (przebaczenia, pojednania) i sytuacji komunikacyjnej przeprosin, m.in. *Человек извиняющийся как коммуникативная личность* (2011), *Общая характеристика понятия извинения* (2012), *Межкультурная вариативность вежливости* (2012), *Роль молчания в коммуникативной ситуации извинения* (2013), *Успешность и неуспешность коммуникативного взаимодействия партнеров в ситуациях межличностного общения* (2013), *Концептуальная систематика коммуникативной ситуации извинения в монографии* (2014), *Когнитивно-прагматический аспект коммуникативной ситуации извинения* (2015), *Коммуникативная ситуация извинения. Прототипический подход* (współaut.; Gdańsk 2015).

WS

KATARZYNA WĄDOŁOWSKA-LESNER

Dr nauk humanistycznych, językoznawstwo; starszy wykładowca Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego; rozprawa doktorska pt. *Czynniki wpływające na czytelność tekstów obcojęzycznych (na przykładzie rosyjskich tekstów dydaktycznych)* (2013).

Obiekt zainteresowań badawczych stanowi problematyka ogólnoglottodydaktyczna (innowacje w dydaktyce, rola programów multimedialnych w akwizycji języka, ocena jakości podręczników do nauki języka rosyjskiego) oraz rzadko podejmowana tematyka czytelności tekstu (wpływ kompozycyjno-graficznej strony tekstu, trudność językowa rosyjskich tekstów dydaktycznych, leksyka potencjalnie niezrozumiała dla polskiego ucznia i studenta); badania empiryczne. Współredaktorka dwóch książek: *„Słowa, słowa, słowa”... w komunikacji językowej* (Gdańsk 2011) i *Балтуйскіў пезион: миф в языке и культуре* (Kaliningrad 2010). Autorka trzech recenzji podręczników do nauki języka rosyjskiego oraz 13 artykułów z zakresu glottodydaktyki. Publikacje na łamach m.in. „Rossica Olomucensia”, „Języki Obce w Szkole”, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna: Glottodydaktyka”, a także za granicą (Czechy, Rosja).

Członek Polskiego Towarzystwa Neofilologicznego oraz Polskiego Stowarzyszenia Nauczycieli i Wykładowców Języka Rosyjskiego. Współpracuje z Bałtyckim Federalnym Uniwersytetem im. I. Kanta w Kaliningradzie. Współorganizatorka pięciu edycji *Dyktanda z języka rosyjskiego* dla licealistów i studentów województwa pomorskiego (2007–2011), *Międzynarodowej Olimpiady z Języka, Literatury i Kultury Rosyjskiej dla studentów* (2012–2015).

KW

ALEKSANDRA WIERUCKA

Dr nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt Katedry Kulturoznawstwa Uniwersytetu Gdańskiego. Zajmuje się antropologią społeczeństw tradycyjnych, w tym badaniami nad szamanizmem tradycyjnym, a także antropologią w powiązaniu z literaturą i obrazem ginących kultur świata w literaturze. Prowadzi badania terenowe wśród Indian Huaorani i Quichua we wschodnim Ekwadorze oraz wśród Buriatów w Rosji. Autorka monografii *Huaorani Zachodniego Skrawka. Kultura, tradycje, współczesność* (Gdańsk 2013), redaktorka publikacji *Re-wizje Ameryki Południowej. Studenckie Badania Naukowe EKWADOR 2009* (Gdańsk 2011), *Re-wizje kulturowe. Wpływ globalizacji na kulturę Quichua* (Gdańsk 2014), współredaktorka *Rodzina w świecie współczesnym. Modele, role, funkcje* (2011, wspólnie z M. Howorus-Czajka, K. Kaczor). Opublikowała szereg artykułów, m.in. *Modern Forms of Buryat Shamans' Activity on the Olkhon Island*, „Anthropological Notebooks” (2013), *Ceramika Quichua i jej rola nad rzeką Napo*, „Etnografia Polska” (2013).

Członek kilku stowarzyszeń naukowych: American Anthropological Association, Association for Cultural Studies, Society for Anthropology of Lowland South America, Polskiego Towarzystwa Kulturoznawczego.

WS

KATARZYNA WOJAN

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; absolwentka Uniwersytetu Gdańskiego (1988; filologia rosyjska) oraz Uniwersytetu w Turku (Finlandia 1993; fennistyka); pracuje w Katedrze Skandynawistyki Instytutu Skandynawistyki i Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Gdańskiego; kierownik Pracowni Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii (od 2015). Założycielka i kierownik dwu pracowni naukowo-badawczych afiliowanych przy Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego — Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej oraz Pracowni Języka Fińskiego. Wcześniej była związana z Instytutem Filologii Wschodniosłowiańskiej UG (1999–2015). Redaktor naczelna „Studia Rossica Gedanensia”, członek Międzynarodowego Komitetu Redakcyjnego kwartalnika „Българска русистика” (Sofia, Bułgaria) oraz Zespołu Recenzentów rocznika „Studia Wschodniosłowiańskie” (Białystok, Polska); członek międzynarodowych towarzystw naukowych, m.in. European Acoustics Association, Polskiego Towarzystwa Akustycznego, Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Aktywnie współpracuje z Centre for International Mobility/Finnish Studies at Universities abroad w Helsinkach. Wielokrotna stypendystka Rządu Finlandii.

Autorka, współautorka lub współredaktorka ponad 120 prac z zakresu językoznawstwa ogólnego, słowiańskiego, ugrofińskiego, komparatyki lingwistycznej, nostratyki, leksykologii porównawczej, słowiańskiej, ugrofińskiej, interlingwistyki, paleolingwistyki, leksykografii przekładowej, historii leksykografii, biobibliografistyki i bibliografistyki, przekładoznawstwa, akustyki mowy, w tym 12 monografii, m.in. *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym* (Gdańsk 2010), *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów* (Gdańsk 2010), *Rosyjskie leksemy homonimiczne w teorii językoznawczej i praktyce leksykograficznej* (Gdańsk 2011), *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005* (Gdańsk 2006), *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* (Gdańsk 2011), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2013), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2014), *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek? Zarys dziejów interlingwistyki* (Gdańsk 2015). Autorka pierwszej polskojęzycznej monografii o języku fińskim: *Zrozumieć język fiński* („Speculum Linguisticum” 2014, vol. II) oraz pierwszego w Polsce dużego słownika polsko-fińskiego: *Polsko-fiński teaurus tematyczny*. T. 1: *Ziemia i Kosmos* (Gdańsk 2012). Znaczna część jej prac poświęcona jest badaniom homonimiki leksemowej w aspekcie relacji języków: polski-rosyjski, polski-fiński, rosyjski-fiński. Twórczyni szkoły metodologiczno-badawczej w zakresie *homonemiki międzyjęzykowej*. Publikacje w językach: polskim, rosyjskim, angielskim, fińskim na łamach m.in. „Acta Albaruthenica”, „Archives of Acoustics”, „Българска русистика” (Bułgaria), „Fenno-Ugristica” (Estonia), „Język. Komunikacja. Informacja”, „Między Oryginałem a Przekładem”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Speculum Linguisticum”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Studia Scandinavica”, „Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae et Latinae”, „Съпоставително езикознание” (Bułgaria). Posiada dorobek w dziedzinie przekładu literackiego na język fiński (publikacja w „Parnasso” 3/1994). Jest aktywną organiza-

torką życia akademickiego w Uniwersytecie Gdańskim. Współpracuje z zagranicznymi ośrodkami naukowymi, m.in. na Białorusi, w Bułgarii, Estonii, Finlandii, Rosji.

KW

BOGUSŁAW ŻYŁKO

Prof. dr hab. nauk humanistycznych; literaturoznawca, semiotyk kultury, bachtolog. Od blisko pół wieku związany z Uniwersytetem Gdańskim; obecnie profesor senior. B. kierownik Zakładu Historii Filozofii Nowożytnej, a następnie Zakładu Filozofii Kultury i Zakładu Semiotyki Kultury i Komunikacji Międzykulturowej Instytutu Filozofii, Socjologii i Dziennikarstwa Uniwersytetu Gdańskiego. Przygodę z poważną nauką rozpoczął na początku lat siedemdziesiątych na seminarium doktoranckim prof. Marii Janion (dysertacja doktorska *Jurij Tynianow jako teoretyk i metodolog literatury*, 1979).

Kierunek prowadzonych badań: semiotyka kultury, historia idei, rosyjskie literaturoznawcze doktryny estetyczne, humanistyka XX wieku. Opublikował ponad 300 prac (27 pozycji książkowych), w tym liczne przekłady z humanistyki rosyjskiej XX wieku. Redaktor naukowy serii wydawniczej „Literatura i okolice”, zapoczątkowanej książką *Obraz i pojęcie* Olgi Freidenberg (Gdańsk 2009); do tej pory ukazało się w tej serii osiem książek. Zajmował się osobą i dziełem Michaiła Bachtina, któremu poświęcił swoją rozprawę habilitacyjną *Michaił Bachtin w kręgu filozofii języka i literatury* (Gdańsk 1994), a w ostatnim okresie — głównymi szkołami naukowymi w humanistyce rosyjskiej XX wieku, udostępniając w przekładach prace jej najwybitniejszych przedstawicieli, m.in. opublikował we własnym tłumaczeniu i opracowaniu ponad 10 tomów prac semiotyków z grupy Tartu–Moskwa (m.in. Jurija Łotmana, Borisa Uspińskiego, Władimira Toporowa, Borisa Jegorowa). W ostatnich latach ogłosił monografie: *Semiotyka kultury. Szkoła tartusko-moskiewska* (Gdańsk 2009), *Kultura i znaki. Semiotyka stosowana w szkole tartusko-moskiewskiej* (Gdańsk 2011). Niedawno w ramach grantu Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego ukończył obszerną monografię *Panorama myśli rosyjskiej XX wieku (Główne szkoły naukowe w humanistyce rosyjskiej XX wieku)*. Obecnie pracuje nad książką o wschodnich intelektualnych fascynacjach Czesława Miłosza.

Członek Komitetu Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, Zarządu Oddziału Gdańskiego Stowarzyszenia Pisarzy Polskich, Polskiego Towarzystwa Filozoficznego.

KW

WYTYCZNE DLA AUTORÓW

Studia Rossica Gedanensia jest założonym w 2013 roku rocznikiem Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Publikuje oryginalne teksty naukowe z obszaru rusycystyki. Nadesłane prace nie powinny przekroczyć objętości 120 000 znaków (łącznie ze spacjami), czyli około 60 stron.

Rocznik prowadzi cztery działy: I. Studia i artykuły, II. Recenzje i omówienia, III. Bibliografie, oraz IV. Kronika.

Autorzy prac winni przestrzegać następujących wskazówek:

1. Tytuł pracy nie powinien być zbyt długi.
2. Artykuł winien być opatrzony dwoma abstraktami (do 200 słów każdy): jednym w języku angielskim wraz z angielskim tłumaczeniem tytułu i słowami kluczowymi (5–10 słów) oraz drugim w języku polskim lub rosyjskim wraz ze słowami kluczowymi (5–10 słów) i ewentualnym tłumaczeniem tytułu.
3. W bibliografii należy podać inicjały imienia i nazwisko autora, pełny tytuł pracy (w języku oryginału pracy). Przy pozycjach książkowych należy podać nazwę wydawcy oraz miejsce i rok wydania. W przypadku czasopism należy wymienić tytuł czasopisma, rok wydania, numer oraz strony.

Nadesłane prace Redakcja rocznika przekazuje do recenzji. Komitet Redakcyjny czasopisma podejmuje decyzję o przyjęciu do publikacji na podstawie opinii wydanych przez recenzentów numeru.

Prace przesłane do publikacji w czasopiśmie winny być napisane w języku angielskim, polskim lub rosyjskim.

Teksty należy przesyłać w formie elektronicznej do końca czerwca każdego roku.

Redakcja prosi wszystkich Autorów o przygotowanie notki o sobie w języku polskim, rosyjskim lub angielskim.

Komitet Redakcyjny
Studia Rossica Gedanensia

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Studia Rossica Gedanensia — это ежегодник Института восточнославянской филологии на филологическом факультете Гданьского университета, основанный в 2013 году. В журнале публикуются оригинальные научные тексты по русистике. Присланные работы по объему не должны превысить 120 000 символов (включая пробелы), или примерно 60 страниц.

Ежегодник состоит из четырех разделов: I. Исследования и статьи, II. Рецензии и обзоры, III. Библиографии и IV. Хроника.

Присланные работы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Заглавие текста не может быть слишком длинным.
2. Статья должна иметь два резюме (до 200 слов каждое): одно на английском языке с переводом на английский язык заглавия и ключевыми словами (5–10 слов) и второе на польском или русском языке с ключевыми словами (5–10 слов) и, желательно, переводом заглавия.
3. В библиографии следует указать инициалы имени и полную фамилию автора, полное оригинальное заглавие работы (на языке, на котором она написана). При оформлении книжных изданий следует указать издательство, место и год издания. При оформлении журналов следует указать его полное заглавие, год издания, номер и страницы.

Присланные работы редакторы ежегодника пересылают рецензентам. Редакционная коллегия журнала принимает решение о публикации на основании заключения, составленного рецензентами данного номера.

Работы, присланные для публикации в журнале, должны быть написаны на английском, польском или русском языке.

Тексты должны быть отправлены в электронном виде до конца июня каждого года.

Редакторы просят всех авторов подготовить сведения о себе на польском, русском или английском языке.

Редакционная коллегия
Studia Rossica Gedanensia

GUIDELINES FOR AUTHORS

Studia Rossica Gedanensia, the annual journal of the Institute of East Slavic Philology, Faculty of Languages of the University of Gdańsk, was founded in 2013, with the aim of publishing original scientific papers in all fields of Russian studies. Submitted papers should not exceed a total of 120,000 keystrokes (characters and spaces), i.e. approximately 60 pages.

The journal consists of four major sections: I. Studies and Articles, II. Reviews and Polemics, III. Bibliographies, and IV. Chronicle.

The following guidelines are of particular importance:

1. The title of the paper should be as short as possible.
2. The paper should be preceded by two abstracts, each less than 200 words. One abstract should be in English (including an English translation of the title and 5–10 key words). The other abstract should be in either Polish or Russian (including 5–10 key words).
3. The reference list should include the initials of the first name and the full surname of the author, as well as the full title of the paper (in the language of the original paper). In the case of books, the publisher's name, as well as the place and year of publication, should be stated. In the case of periodicals, the full title of the periodical, year of publication, consecutive volume number, current issue number, and pages should all be stated.

Upon receipt of the paper, the Editorial Office forwards it to the reviewers. The Editorial Committee's decision as to whether the paper should be accepted for publication or not is based on the opinions of the reviewers.

The papers submitted for publication in the journal should be written in English, Polish or Russian.

Please kindly submit your papers in electronic format by the end of June.

The Editorial Board kindly requests all authors to submit short notes about themselves in Polish, Russian or English.

Editorial Board
Studia Rossica Gedanensia